

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ Е. В. БАРСОВА.

1886

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

1886.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Пошта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсуцкія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицы Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г., Ц. 1 р. 50 коп.

Исковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р. перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

НОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. БАРСОВА.

1886

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1886.

1.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

• СЕНАТОРОВЪ

ПО МАТЕРІАЛАМЪ, СОБРАННЫМЪ П. И. БАРАНОВЫМЪ.

П. Н. Семенова.

ПЛАТОНЪ ИВАНОВИЧЪ

БАРАНОВЪ

НЕКРОЛОГЪ.

Родился 20 октября 1827 г., скончался 24 декабря 1884 г.

24 декабря прошлаго 1884 года скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ замѣчательныхъ и полезнѣйшихъ тружениковъ въ области отечественной исторической биографіи, изслѣдователь драгоцѣннѣйшаго хранилища историческихъ документовъ Сенатскаго Архива, членъ консультаціи Министерства Юстиціи и завѣдывавшій упомянутымъ архивомъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Платонъ Ивановичъ Барановъ. Онъ происходилъ отъ древняго дворянскаго рода Барановыхъ, былъ сыномъ отставнаго генералъ-маіора Ивана Николаевича, участвовавшаго въ походахъ 1812 и 1813 г. (род. 28 мая 1794 г., сконч. 13 іюня 1872 г., въ Висбаденѣ гдѣ и похороненъ) и Елисаветы Платоновны, рожденной Языковой (род. въ 1805 г., сконч. 26 авг. 1844 г.) и внукъ Николая Платоновича, сенатора и почетнаго опекуна Московскаго Воспитательнаго Дома (род. 27 янв. 1757 г. и ум. въ 1824 г., похороненнаго въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ). Сестра Ивана Николаевича, Прасковья Николаевна (за кам.-юнкер. Павломъ Сергѣевичемъ Шишкинымъ) была фрейлиной двухъ императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны (род. 17 марта 1792; сконч. 4 іюня

1880 г.). Ея сынъ Николай Павловичъ Шишкинъ состоитъ нынѣ посланникомъ при шведскомъ дворѣ. Платонъ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Борисовнѣ Солнцовой-Засѣкиной; братъ его Александръ Ивановичъ генералъ отъ артиллеріи, былъ Московскимъ губернаторомъ,

Окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1847 г., Платонъ Ивановичъ былъ опредѣленъ на службу въ Москвѣ, въ канцелярію 8 Департамента Сената. Служебная дѣятельность его распадается на два періода. Въ теченіе 18 лѣтъ онъ прошелъ многія должности въ канцеляріяхъ 6, 7 и 8 Департаментахъ Сената, въ 1858 году былъ назначенъ прокуроромъ Межевой Канцеляріи, а 16 января 1864 года за оберъ-прокурорскій столъ въ 8-й Департаментъ.

Съ 18 августа 1865 г. Платонъ Ивановичъ вступилъ въ завѣдываніе С.-Петербургскимъ Сенатскимъ Архивомъ и разборнымъ архивомъ Департамента Герольдіи. Этому учрежденію онъ посвящалъ все свое время, силы и способности до конца жизни, болѣе 19 лѣтъ. Горячо принялся онъ за разработку громаднаго матеріала, хранившагося въ архивѣ, привелъ его въ порядокъ и началъ составлять описи важнѣйшихъ документовъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній *).

*) Чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ документовъ, приведемъ нѣсколько цифръ за 1883 годъ: Именныхъ Выс. Указ. съ 1704 по 1881 годъ—136,477 (въ 938 книгахъ и болѣе 300 связкахъ) и почти столько же копій; 1,180,308 разныхъ документовъ; 1,495,717 дѣлъ; 143,124 журнала; 1,203,750 опредѣлений Сената; 227,000 формуляровъ и т. д., всего до 4,550,000 номеровъ. Въ числѣ Выс. Указ. и повелѣній, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, имѣются многіе данные нѣкоторымъ упраздненнымъ въ теченіе XVIII вѣка учрежденіямъ, каковы: 1) Бергъ-Коллегіи, 2) Камеръ-Коллегіи, 3) Юстицъ-Коллегіи Ливонскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ за 1740—1802 года, 4) Конторы Экономіи, 5) Юстицъ-Конторы, 6) Статсъ-Конторы, 7) Ревизіонъ-Конторы, 8) Мануфактуръ-Канцеляріи, 9) Мнестной Канцеляріи и С.-Петербургской Мнестной Экспедиціи, 10) Таможенной Канцеляріи, 11) Ямской Канцеляріи, 12) Канцеляріи Опекунства иностранныхъ переселенцевъ, 13) Главной Полицеймейстерской Канцеляріи, 14) Коммиссіи о построеніи С.-Петербурга и городовъ Имперіи, 15) Коммиссіи о Коммерціи и 16) Коммиссіи о дорогахъ въ государствѣ. Кромѣ того драгоцѣнны въ историческомъ отношеніи хранящіеся въ Архивѣ 2937 протоколовъ и журналовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за 1726—1730 годы, а также распоряженія Кабинетъ Министровъ императрицы Анны Іоанновны и Конференціи императрицы Елисаветы Петровны.

Съ высочайшаго разрѣшенія П. И. Барановъ началъ въ 1872 году изданіе описей указовъ и повелѣній, и имъ было выпущено въ свѣтъ три тома до царствованія Екатерины Великой *). Къ этимъ тремъ томамъ въ 1875 и 1878 году имъ были изданы указатели предметный и личныхъ именъ въ двухъ томахъ. Всякій занимавшійся историческими розысканіями за время съ 1704—1762 годъ, безъ сомнѣнія не можетъ обойтись безъ этой книги и не оцѣнить ее по достоинству. Лестный отзывъ объ этомъ капитальномъ трудѣ былъ сдѣланъ въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1879 годъ. Этотъ отзывъ вызвалъ со стороны П. И. Баранова возраженіи или точнѣе, разъясненіе, напечатанное отдѣльною брошюрою, представляющею значительный интересъ какъ голосъ опытнаго практика, и какъ матеріалъ для исторіи Сенатскаго Архива. Единственный упрекъ, который былъ сдѣланъ рецензентомъ П. И. Баранову выраженъ такъ: „пусть трудъ описи Сенатскаго Архива будетъ не простою описью, а дѣйствительнымъ описаніемъ этого хранилища актовъ правительственной власти, хотя бы только за одинъ XVIII вѣкъ“. Дѣло въ томъ, что опись П. И. Баранова представляетъ перечень заголовковъ указовъ и повелѣній, съ указаніемъ гдѣ всякое повелѣніе можетъ быть розыскано въ Архивѣ, и такимъ образомъ историку обойтись безъ справки съ подлиннымъ документомъ невозможно. Объ этомъ и сожалѣетъ рецензентъ. Намъ же кажется желательнымъ не составленіе описаній и извлеченій изъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній (какъ указываетъ рецензентъ и что, какъ ниже видно, не выдерживаетъ критики), а такой описи, которая вмѣстѣ съ полнымъ собраніемъ законовъ по возможности исчерпывала бы воспроизведенные въ подлинникѣ всѣ акты нашей верховной власти. Такому пожеланію нельзя не сочувствовать, потому что въ III томѣ описей, напримѣръ, за время 1740—1762 годъ число заголовковъ Высочайшихъ указовъ, повелѣній и Высочайше утвержденныхъ опредѣленій Сената, оказавшихся въ числѣ документовъ Сенатскаго Архива,

* Въ I Томѣ Описей вошли указы и повелѣнія съ 1704 до 1725 года; во II томѣ съ 1725—1740 г. и въ III томѣ съ 1740 г. по 1762 г.

внесено 4280, изъ нихъ помѣщено въ полномъ собраніи законовъ только 558, а 3742 акта, несомнѣнно имѣющихъ отношеніе ко всѣмъ сторонамъ жизни и развитія нашего отечества за помянутое время, оставалось и остается необнародованнымъ. Но отъ пожеланія, даже самаго искренняго, до исполненія далеко. Это желаніе, какъ намъ извѣстно, раздѣлялъ и самъ составитель описей и къ своему сожалѣнію онъ принужденъ былъ остаться только при желаніи. Трудъ, имъ предпринятый, не подь силу одному человѣку; между тѣмъ онъ начатъ имъ однимъ и былъ доведенъ до Екатерины Великой и имѣетъ уже то огромное значеніе, что приведено въ извѣстность, какіе и какое число указовъ и повелѣній необнародованы и гдѣ ихъ отыскать. Когда явится сознаніе необходимости ихъ обнародованія, останется только взять описи Баранова и по нимъ отыскать въ Архивѣ подлинныя акты, списать ихъ и отпечатать. Такое изданіе по своему громадному объему не можетъ быть предметомъ предпринимателя. Вотъ какъ возражалъ П. И. Барановъ рецензенту: „По объявленному мною въ I томѣ описи плану, установленному по убѣжденію въ необходимости скорѣйшаго представленія краткихъ указаній о существующихъ въ Сенатскомъ Архивѣ историческихъ документахъ—трудъ, требующій и меньше времени, и менѣе затратъ, я добровольно вызвался только составить первоначальный каталогъ или „опись“ наличному. Но, находя это весьма и весьма полезнымъ, рецензентъ все-таки считаетъ гораздо болѣе полезнымъ, еслибы я составлялъ не опись, а подробныя описанія, т.-е. онъ вызываетъ меня на трудъ многотомный, болѣе продолжительный и требующій огромныхъ затратъ по извлеченію такихъ подробностей изъ документовъ, которыя кажутся наиболѣе важными. Впервыхъ, опредѣленіе важнаго или неважнаго зависитъ вполне отъ личнаго взгляда каждаго изъ насъ, смотря по наклонностямъ, а слѣдовательно есть понятіе крайне относительное, могущее вызвать еще большее разногласіе между извлекателемъ и критиками чужихъ убѣжденій. Вовторыхъ, можетъ ли болѣе широкое описаніе документовъ вполне удовлетворить людей, спеціально изучающихъ какой-либо отдѣльный вопросъ изъ жизни

государственной? Могут ли извлеченія наиболѣе важныхъ подробностей избавить ихъ, по неимѣнію полнаго текста, отъ необходимости обращаться къ подлиннымъ источникамъ?... Всеобщее стремленіе къ всестороннему изученію исторіи государства и потребности современной правительственной администраціи, уже отмѣнившей систему таинственности архивовъ вообще, ясно указываетъ на то, что первая и главнѣйшая обязанность всякаго начальника архива заключается въ томъ, чтобы прежде всего быть въ состояніи, безъ потери времени, съ точностію указать, что именно хранится во ввѣренной ему части. Для этого необходимо прежде всего неотложное составленіе каталоговъ и алфавитовъ; если этотъ первый шагъ, къ которому побуждаетъ ихъ прямая обязанность, еще не выполненъ, то удлиненіе каталоговъ и всякія извлеченія отдѣльныхъ, хотя бы и очень интересныхъ подробностей, будутъ преждевременными, а траты на нихъ казенныхъ денегъ—неумѣстными“.

Мы потому подробно остановились на вопросѣ объ изданіи описей указовъ, что имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, доставшіяся намъ по духовному завѣщанію отъ П. И. Баранова, составленныя имъ описи въ рукописяхъ за царствованіе императрицы Екатерины Великой и Павла Петровича (восемь объемистыхъ рукописныхъ томовъ). Этотъ громадный и драгоценный трудъ не можетъ быть предметомъ изданія частнаго лица, тѣмъ болѣе, если выполнить выраженную выше задачу обнародованія въ описи всѣхъ указовъ и повелѣній, которые не помѣщены въ полное собраніе законовъ, куда большинство ихъ не вошло потому, что это собраніе представляетъ по преимуществу хранилище законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ отличіе отъ административныхъ распоряженій (*ordonnances*). Никто не станетъ оспаривать большаго интереса и важнаго значенія въ историческомъ и юридическомъ отношеніи продолженія изданія описей даже въ томъ видѣ, какъ онѣ составлены П. И. Барановымъ, съ нѣкоторыми только улучшениями, тѣмъ болѣе что онѣ относятся къ такой эпохѣ какъ царствованіе Великой Екатерины. Если же помѣщать въ описи и подлинныя указы и повелѣнія необнародованныя, то все же

сдѣланный трудъ П. И. Барановымъ неопѣненъ, какъ канва, съ вышитымъ уже фономъ, по которому придется только нашивать добавленія, и все дѣло сводится единственно къ вопросу финансовому. Кромѣ издержекъ по добавленіямъ составленныхъ въ рукописи описей, перепискѣ подлинныхъ актовъ для набора въ печать и печатанію ихъ, необходимы еще затраты по составленію и напечатанію указателей, безъ которыхъ описи не имѣютъ цѣны. Надо надѣяться, что правительство наше не оставитъ своею помощію начатой съ Высочайшаго соизволенія и удостоенный 31 января 1879 года монаршаго благоволенія трудъ П. И. Баранова.

Посвятивъ всю свою службу Правительствующему Сенату, П. И. Барановъ изучилъ организацію и исторію этого высшаго административнаго учрежденія, заканчивающаго двухвѣковое свое существованіе и изъ гражданскихъ учрежденій единственное уцѣлѣвшее, хотя уже въ полной чистотѣ, отъ Петровскихъ временъ. 22 февраля будущаго 1886 года минеть 175 лѣтъ со времени его учрежденія; черезъ 26 лѣтъ въ 1911 году, къ 200-лѣтнему его юбилею, онъ, къ сожалѣнію, со введеніемъ во всей Россіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, вѣроятно покончитъ свое существованіе, какъ высшая правительствующая судебная инстанція и останется только развѣ въ видѣ обломка Петровскаго и Екатериненскаго Сената, въ одной только административной своей части. Исторіи Сената, къ сожалѣнію, до недавняго времени не было посвящено ни одного полнаго сочиненія въ нашей литературѣ, кромѣ прекраснаго труда С. Петровскаго: „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“. Но этотъ трудъ обнимаетъ небольшой періодъ и затѣмъ дальнѣйшая его исторія составляетъ пока еще предметъ будущихъ изслѣдованій. Между тѣмъ изученіе этого учрежденія, столь прочнаго и столь долго благотворно вліявшаго на жизнь нашего государства, представляется въ высшей степени назидательнымъ не только для историка, но и для законодателей и особенно во времена борьбы единоличнаго начала власти въ управленіи съ коллегіальнымъ, какимъ по идеѣ Петра былъ учрежденъ Сенатъ и затѣмъ развитъ Екатериной Великой и отличавшій-

ся потому вѣковымъ твердымъ и постояннымъ характеромъ своей дѣятельности. Роль и значеніе всякаго учрежденія стоитъ въ зависимости не только отъ идей, положенныхъ въ основаніе ихъ устройства, но и отъ дѣятельности лицъ, его составляющихъ, которыми и создается то, что называется духомъ учрежденія; а духъ этотъ живетъ и передается по преданіямъ. Имѣя подъ руками богатый матеріалъ архива для исторіи Сената, П. И. Барановъ задумалъ положить фундаментъ для осуществленія ея и кромѣ описей предпринялъ трудъ собранія біографическихъ данныхъ о всѣхъ российскихъ сенаторахъ. Сначала намѣревался онъ составить и издать полный списокъ со свѣдѣніями объ ихъ служебной дѣятельности, но долженъ былъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ осуществленія этого изданія, за невозможностью скоро собрать формулярные списки всѣхъ сенаторовъ. Тѣмъ не менѣе имъ собранъ весьма богатый матеріалъ для ихъ біографій и даже были нѣсколько обработаны имъ біографическіе очерки нѣкоторыхъ, преимущественно за прошлое столѣтіе. Напечатана была имъ отдѣльнымъ изданіемъ только одна біографія сенатора Мих. Андр. Балугьянскаго, сотрудника гр. Сперанскаго по составленію Свода Законовъ (М. А. Балугьянскій, П. Баранова, 1882, бол. 8°, 44, съ портрет.), въ которой сообщено много интересныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ необнародованныхъ бумагъ, хранящихся у потомковъ Балугьянскаго.

Къ 1 августа 1884 года всѣхъ сенаторовъ состояло 1082 чел., съ основанія Сената въ 1711 г. До 700 формулярныхъ списковъ было собрано П. И. Барановымъ, стоившихъ ему значительныхъ затратъ по перепискѣ. Кромѣ того о каждомъ изъ нихъ на карточкахъ отмѣчены многіе источники, гдѣ объ нихъ въ печати можно найти свѣдѣнія. Особенно богатъ матеріалъ для біографій сенаторовъ Петровскаго времени, Елисаветы Петровны, Екатерины Великой и Александра I *). Большинство выдающихся дѣятелей и сподвиж-

*) Вотъ имена сихъ сенаторовъ: *Петра* 1—1) гр. П. М. Апраксинъ, 2) гр. Ѳ. М. Апраксинъ, 3) гр. Я. А. Брюсъ, 4) А. А. Вейде, 5) кн. Д. К. Кантемиръ, 6) кн.

никовъ означенныхъ государей, особенно въ прошлое столѣтіе, были сенаторами, а потому біографіи этихъ лицъ, представляютъ большой интересъ для историка. Такъ, напримѣръ, всѣ первые министры, кромѣ морскаго гр. Н. С. Мордвинова, были сенаторами *). Кн. А. А. Чарторыйскій, гр. Н. Н. Новосильцевъ, гр. П. А. Строгоновъ, составлявшіе тріумвиратъ Александра I, были также сенаторами. Также и первые московскіе главнокомандующіе и генераль-губернаторы **),

А. И. Репнинъ, 7) гр. П. А. Толстой, 8) кн. Гр. Д. Юсуповъ, 9) гр. П. И. Ягужинскій, 10) И. И. Неплюевъ, 11) гр. А. А. Матвѣевъ, 12) гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, 13) кн. Г. О. Долгорукой, 14) Т. Н. Стрешневъ, 15) Г. П. Чернышевъ, и др. *Епископы*—1) гр. Бестужевъ-Рюминъ, 2) гр. Мих. Илар. Воронцовъ, 3) и 4) гр. А. И. и П. И. Шуваловы, 5) Н. А. Бекетовъ, 6) кн. Я. П. Шаховской, 7) гр. Ал. Бутурлинъ, 8) кн. М. М. Голицынъ младшій, 9) В. Я. Левашевъ, 10) гр. П. П. Лесси, 11) О. И. Соимоновъ, 12) П. С. Сумарковъ, 13) кн. Н. Ю. Трубецкой, 14) гр. В. В. Ферморъ, 15) кн. Б. Гр. Юсуповъ, 16) кн. Н. А. Щербатовъ, 17) гр. И. О. Головинъ и др. *Екатерины II*—1) В. Е. Адауровъ, 2) гр. Я. А. Брюсъ, 3) Д. В. Волковъ, 4) кн. М. Н. Волконскій, 5) П. Д. Ерощкинъ, 6) И. А. Заборовскій, 7) И. В. Лопухинъ, 8) кн. А. А. Прозоровскій, 9) гр. П. С. Салтыковъ, 10) Г. Н. Топловъ, 11) гр. Ана. П. Шуваловъ, 12) гр. И. В. Гудовичъ, 13) гр. О. А. Остерманъ, 14) кн. Н. Б. Юсуповъ, 15) П. И. Фонъ-Визинъ, 16) П. И. Балле, 17 и 18) гр. И. Г. и З. Г. Чернышевъ, 19) П. Б. Пассекъ, 20) М. М. Назмаловъ и др. *Александра I*—1) гр. И. А. Безбородко, 2) Р. П. Дезякъ, 3) И. И. Дмитріевъ, 4) гр. П. П. Завадовскій, 5) П. А. Квинтъ, 6) В. П. Кочубей, 7) гр. П. Б. Лопухинъ, 8) Д. Б. Мертваго, 9) Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, 10) кн. А. Б. Куракинъ, 1 об. и 2 об.; 11) И. С. Тимирязевъ, 12) гр. А. П. Мусинъ-Пушкинъ, 13) гр. О. В. Растопчинъ, 14) кн. Н. И. Салтыковъ, 15) кн. Г. С. Волконскій, 16) Д. Н. Сенявинъ, 17) Д. П. Троцинскій, 18) кн. В. С. Трубецкой, 19) кн. Н. Б. Юсуповъ, 20) кн. Н. Н. Хованскій, 21) П. И. Нейдгартъ, 22) И. А. Тейльсъ, 23) гр. П. А. Строгоновъ, 24) гр. Н. Н. Новосильцовъ, 25) кн. А. А. Чарторыйскій, 26) П. А. Тучковъ, 27) П. В. Чичаговъ, 28) П. С. Рунячъ, 29) гр. С. К. Вязмитиновъ и др.

*) Первыми Министрами были: военный—гр. С. А. Вязмитиновъ, иностр. дѣлъ—гр. А. Р. Воронцовъ, юстиціи—Е. Р. Державинъ, внутр. дѣлъ—кн. В. П. Кочубей, финансовъ—гр. А. И. Васильевъ, госуд. казн.—О. А. Голубцовъ, коммерціи—гр. Н. П. Румянцовъ, народ. просв.—П. В. Завадовскій.

***) Первыми Московскими Генераль-Губернаторыми были: 1) гр. А. Б. Бутурлинъ 1762—1763 г., 2) гр. П. С. Салтыковъ, 1763—1771 г., 3) кн. М. Н. Волконскій, 1771—1780 г., 4) кн. В. М. Долгоруковъ-Крымскій, 1780—1782 г. 5) гр. З. Г. Чернышевъ 1782—1784 г., 6) гр. Я. А. Брюсъ, 1784—1786 г. 7) П. Д. Ерощкинъ, 1786—1790 г., 8) кн. А. А. Прозоровскій, 1790—1796 г., 9) М. М. Назмаловъ, 1795—1797 г., 10) гр. Н. П. Салтыковъ, 1797—1804 г., 11) А. А. Беклешовъ, 1804—1806 г., 12) Т. И. Туттолминъ, 1806—1809 г., 13) гр. П. В. Гудовичъ, 1809—1812 г., 14) гр. О. В. Растопчинъ, 1812—1814 г.

многіе изъ генераловъ, портреты коихъ составляютъ Военную Галерею Зимняго Дворца въ Петербургѣ *) и многіе адмиралы **). Имѣя намѣреніе подготавливать мало-по-малу къ печати біографическіе очерки сенаторовъ, по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, мы позволили себѣ привести имена многихъ изъ нихъ, въ надеждѣ вызвать лицъ, имѣющихъ какія-либо письма и бумаги о сенаторахъ, къ обнародованію этихъ документовъ.

Изъ нашего краткаго очерка трудовъ П. И. Баранова видно, до какой степени онъ былъ преданъ архивному дѣлу, ему съ полнымъ самоотверженіемъ отдавалъ онъ, въ теченіе 19 лѣтъ, все свое время, средства и здоровье, и нельзя не преклониться передъ его необыкновеннымъ трудолюбіемъ.

Въ предисловіи къ первому тому своей „Описи“ П. И. Барановъ высказалъ слѣдующій взглядъ на обязанность начальника архива, которымъ онъ, казалось, былъ созданъ: „Было бы непростительно со стороны непосредственныхъ хранителей письменныхъ памятниковъ оставаться въ бездѣйствіи и отказаться отъ попытки открыть занимающимся путь къ пользованію архивными документами“. Такого просвѣщеннаго взгляда онъ всегда держался, и многіе, занимавшіеся историческими розысканіями, встрѣчали всегда самое искреннее радушіе Платона Ивановича въ архивѣ и готовность всячески содѣйствовать ихъ изслѣдованіямъ. Платонъ Ивановичъ, какъ человекъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ за эти качества и за свою рѣдкую доброту и прямой характеръ и преждевременная его кончина составляетъ большую потерю для отечественной исторической науки.

*) Изъ Военной Галереи Зимняго Дворца сенаторами были: гр. П. А. Строгановъ, Зах. Дм. Олсуфьевъ, А. А. Бибииковъ, К. О. де-Ламбертъ, В. Р. Трубенкой, М. О. Ставицкій, Д. М. Мордвиновъ, Б. Я. Княжнинъ, П. А. Тучковъ, Н. Н. Хованскій, А. А. Закревскій, Н. В. Кретовъ, П. И. Нейгардтъ.

** Изъ адмираловъ были сенаторами: гр. Ф. М. Апраксинъ, И. П. Балле, кн. М. М. Голицынъ, младшій, гр. Н. О. Головинъ, В. П. Дезинъ, П. К. Карцовъ, Ф. Ф. Матюшкинъ, Ф. С. Милославскій, Г. И. Платеръ, С. А. Пустошкинъ, П. И. Пуцунъ, А. А. Сарычевъ, Д. Н. Сенявипъ, Е. Е. Тегъ, И. Г. Чернышевъ, П. В. Чичаговъ.

Съ 26 августа 1866 года, т.-е. болѣе 18 лѣтъ, Платонъ Ивановичъ состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ему не суждено было попасть въ число сенаторовъ, которымъ онъ посвятилъ столько трудовъ.

С.-Петербургъ,
23 марта 1885 года.

П. Н. Семеновъ.

О С Т Е Р М А Н Ъ,

Графъ ѲЕОДОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ *)

Старшій сынъ извѣстнаго генералъ-адмирала, наставника Петра II и правителя при Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леонельдовнѣ, графа Андрея Ивановича ¹ и Марѣы Ивановны, ² рожденной Стрешневой, графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Остерманъ родился 21 марта 1723 г. Воспріемницей его отъ купели была Цесаревна Анна Петровна 1 апр. 1723 года.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны графъ Ѳеодоръ Андреевичъ былъ зачисленъ на службу лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, гдѣ и служилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, графомъ Іааномъ Андреевичемъ ³. Будучи уже на 19 году отъ рожденія капитаномъ гвардіи, Ѳеодоръ Андреевичъ былъ пожалованъ, во время празднованія мира съ Турціей, 15 апр. 1740 г., орденомъ св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго, во вниманіе къ заслугамъ его отца. На дѣйствительную службу онъ вступилъ въ Преображенскій полкъ съ чиномъ капитана 1 янв. 1741 г., когда правительницею Россіи была Принцесса

*) *Источники*: 1) Его формуляръ военнаго министерства; 2) Дѣла Сенатскаго Архива; Высочайшіе указы; 4) Словарь Бятышъ-Камскаго, изд. Ширева, т. IV, 92; 5) Его же списки кавалеровъ, стр. 128, 187, 219, 301; 6) Россійская Родословная кн. Долгорукова, т. II, стр. 142; 7) Капище моего сердца кн. Ив. Мих. Долгорукова Москва 1874 г., стр. 64.

¹ Графъ Андрей Ивановичъ родился въ Германіи, въ Маркскомъ графствѣ, отъ Бокумскаго пастора Іоанна Конрада Остермана 9 іюня 1686 г. и скончался въ Березовѣ въ 1747 г.

² Марѣя Ивановна была статсъ-дамой при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ род. въ 1698 г. и умерла 24 февр. 1781 г.

³ Иванъ Андреевичъ былъ полномочнымъ министромъ при Стокгольмскомъ дворѣ и потомъ канцлеромъ съ 1783 - 1797 г., род. 23 апр. 1725 г., умеръ 18 апр. 1811 г.

Анна Леопольдовна. Когда графъ Андрей Ивановичъ, послѣ переворота въ ночь съ 24 на 25 ноября 1721 г. и вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ первый же день ея воцаренія, 25 ноября, былъ арестованъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи и затѣмъ сосланъ въ Березовъ, у графа Ѳеодора Андреевича былъ отобранъ орденъ Александра Невскаго, а самъ онъ, по повелѣнію Императрицы, 1 янв. 1742 г. былъ зачисленъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, въ армейскій полкъ съ прежнимъ капитанскимъ чиномъ. 14 февр. 1742 г. однако повелѣно было Императрицею отдать ему, съ братомъ его Иваномъ и сестрою Екатериною, деревни, принадлежавшія ихъ отцу въ Коломенскомъ, Рязанскомъ и Московскомъ уѣздахъ ⁴. Въ 1748 и 1749 году графъ Ѳеодоръ Андреевичъ впервые принялъ участіе въ походѣ, находясь во вспомогательномъ корпусѣ, высланномъ въ Цесарію Императрицѣ Маріи-Терезіи и 25 апр. 1751 г. былъ произведенъ въ секундъ-майоры, а 25 дек. 1755 г. въ подполковники. Когда открылась война съ Пруссіей, графъ принялъ во все ея продолженіе дѣятельное участіе въ знаменитыхъ полвигахъ соотечественниковъ и за оказанное въ разныхъ битвахъ мужество былъ произведенъ 1 іюня 1758 г. въ полковники. Онъ участвовалъ въ битвахъ 19 авг. 1757 г. при Гросъ-Эгерсдорфѣ, 12 іюля 1759 г. въ сраженіи при Пальцигѣ и 1 авг. того же года подъ Франкфургомъ, гдѣ былъ тяжело раненъ.

По окончаніи семилѣтней войны, уже въ царствованіе Императора Петра III, 2 апр. 1762 г. графъ Ѳеодоръ Андреевичъ былъ пожалованъ въ генераль-майоры, а 22 сент. 1762 г., въ день коронованія Императрицы Екатерины II, назначенъ шефомъ Нарвскаго пѣхотнаго полка и пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1764 г. гр. Ѳеодоръ Андреевичъ командовалъ Московской дивизіей и присутствовалъ въ Московской конторѣ военной коллегіи. Въ 1768 г. 17 янв. онъ былъ вторично награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, полученнымъ имъ въ первый разъ за 20 лѣтъ прежде. 1 янв. 1771 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики и съ 1771—1773 г. присутствовалъ въ Московской конторѣ военной коллегіи. 22 сент. 1773 г. онъ былъ назначенъ Московскимъ губернаторомъ. По Высочайшему повелѣнію, 7 сент. 1776 г. былъ учрежденъ особый департаментъ для скорѣйшаго окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ Московской губерни-

⁴ Высоч. указы Сенатскаго Архива, кн. 66, л. 163.

ской канцеляріи подъ особымъ наблюденіемъ графа Теодора Андреевича Остермана. Высочайшимъ указомъ 24 ноября 1780 г. повелѣно ему было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и 27 ноября того же года онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Москвѣ, въ 5-мъ департаментѣ Сената. 28 іюня 1782 г. онъ былъ пожалованъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; 2 сент. 1793 г. награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а 3 марта 1803 г. вслѣдствіе его ходатайства, послѣдовалъ Высочайшій указъ, съ изъявленіемъ ему признательности за заслуги, усердіе, ревность и безпорочную 62 лѣтнюю службу, съ увольненіемъ его, согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ и съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія.

Графъ Теодоръ Андреевичъ получилъ отличное по своему времени образованіе, любилъ науки и зналъ латинскій языкъ, на которомъ переписывался съ митрополитомъ Платономъ, у котораго на старости лѣтъ учился богословію. Графъ былъ извѣстенъ своимъ современникамъ необыкновенною разсѣянностью, ставившей его часто въ комическія положенія. Такъ, напр., садясь въ кресло, онъ кричалъ, чтобы его везли въ Сенатъ, за обѣденнымъ столомъ чесалъ иногда ногу сосѣда вмѣсто своей; подбиралъ къ себѣ на колѣни край бѣлаго платья или юбку сидящей подлѣ него за етоломъ дамы, воображая, что поднимаетъ свою салфетку; выходилъ на улицу изъ кареты и болѣе часа неподвижно стоялъ подлѣ какого-нибудь дома, увѣряя слугу, что онъ не кончилъ еще своего занятія, между тѣмъ какъ шелъ дождь и капало на него съ крыши; вступалъ въ интересный разговоръ съ кѣмъ-нибудь и внезапно прерывалъ его и уходилъ, или являлся въ гости съ разстегнутымъ платьемъ и т. п.

Находясь въ отставкѣ, графъ Теодоръ Андреевичъ умеръ въ Москвѣ 10 ноября 1804 г., на 81 году своей жизни. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Толстой (род. 15 февр. 1732 г., † 23 мая 1809 г.), но дѣтей не имѣлъ. По соглашенію съ братомъ своимъ, Иваномъ Андреевичемъ, онъ просилъ Императрицу Екатерину Великую передать имя, титулъ и гербъ графовъ Остермановъ двоюродному внуку ихъ Александру Ивановичу Толстому на чтѣ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, объявленное указомъ, 27 окт. 1796 г. По Сенату графъ Теодоръ Андреевичъ значится присутствующимъ съ 1780—1803 г. въ Московскомъ 5 Департаментѣ.

МАТВѢЕВЪ,

графъ (Римской Имперіи съ 20 февраля 1715 г.)

АНДРЕЙ АРТАМОНОВИЧЪ *).

По свидѣтельству составителя Россійской родословной книги, предокъ Матвѣевыхъ, Кириллъ Ивановичъ былъ воеводою при Царѣ Иоаниѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Изъ потомковъ его, сынъ ближняго боярина и царскія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя, Артамона Сергѣевича Матвѣева, отъ брака съ Евдокією Григорьевною Гамильтонъ, ¹ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ родился 15 августа 1666 года.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ первымъ совѣтникомъ и другомъ Царя Алексѣя Михайловича, который, во второе супружество свое, взялъ изъ дома его, жившую у него родственницу и воспитанницу, дочь бѣднаго дворянина, Наталію Кирилловну Нарышкину.

Въ видѣ осорого Царскаго благорасположенія къ Артамоу Сергѣевичу, 26 августа 1674 года, въ день тезоименитства Царицы Наталіи Кирилловны, осмилѣтній его сынъ, Андрей былъ

*) *Источники*: 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Росс. родословная книга, изд. Русской Старины, 1873 г., т. I, стр. 56; 3) Русская Старина, 1876 г. т. I, стр. 200; 4) Н. Н. Новиковъ исторія о невинномъ заточеніи блажнаго боярина А. С. Матвѣева, изд. 1776 г.; 5) Бятышъ Каменскій—словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. 1836 г., т. III, стр. 237; 6) Словарь митрополита Евгенія, изд. 1845 г., т. II, стр. 52; 7) Пекарскій—Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изд. 1862 г., стр. 101, 145, 154—155, 159.

¹ Евдокія Григорьевна была дочь шотландца Гамильтона, переселившагося въ Россію въ началѣ XVII вѣка. Она скончалась 24 августа 1672 года.

пожалованъ прямо въ комнатные стольники и взятъ ко двору царскому. ²

Рано началъ свое образованіе Андрей Матвѣевъ, пожеланію умнаго родителя. Будучи еще десяти лѣтъ, онъ учился уже языкамъ греческому и латинскому подъ руководствомъ переводчика посольскаго приказа Снафарія и Артамонъ Сергѣевичъ перѣдко присутствовалъ при урокахъ сына ³.

Съ кончиною Царя Алексѣя Михайловича, послѣдовавшей 29 января 1676 года, миновали счастливые дни для А. С. Матвѣева. Пронесками Милославскихъ и Волынскихъ, вліявшихъ, вмѣстѣ съ царѣвною Софією Алексѣевною, на болѣзненнаго Царя Θεодора Алексѣевича, Матвѣевъ, чрезъ полгода по его воцареніи, былъ удаленъ отъ двора и опредѣленъ воеводою въ сибирскій городъ Верхотурье. Едва только Артамонъ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Москвы къ мѣсту назначенія, какъ враги обвинили его предъ Царемъ, въ общеніи съ злыми духами, въ противузаконномъ обогащеніи и даже въ посягательствѣ на жизнь государя посредствомъ бывшей въ его вѣдѣніи аптекарской палаты. Въ Лаишевѣ нагналъ Матвѣева посланный изъ Москвы дякъ Гороховъ, который, описавъ все его имущество, объявилъ его лишенымъ боярскаго званія и осужденнымъ на заточеніе. На берегахъ Ледовитаго моря, Пустозерскій острогъ (Архангельской губерніи), былъ избранъ для опальнаго боярина мѣстомъ ссылки. Единственный сынъ его, Андрей Артамоновичъ, сопровождалъ отца и раздѣлялъ съ нимъ тяжелые дни незаслуженнаго заточенія. Артамонъ Сергѣевичъ нѣсколько разъ писалъ къ Царю и вельможамъ его, доказывалъ свою невинность, требовалъ суда и горько жаловался на свое тяжелое заточеніе. Лѣтъ черезъ пять участь его была облегчена переволомъ изъ Пустозерска въ Мезень, гдѣ онъ по крайней мѣрѣ не могъ умереть съ голода. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Царь Θεодоръ Алексѣевичъ велѣлъ освободить его изъ ссылки, возвратитъ ему домъ въ Москвѣ и отобранныя вотчины, оставшіяся нерозданными; сверхъ того, пожаловалъ ему дворцовое село Ландехъ съ деревнями въ 700 дворовъ; но въ столицу ему пріѣхать не позволялъ, а велѣлъ жить въ городѣ Лухъ, въ 466 верстахъ отъ Москвы, до указа. Здѣсь и узналъ Матвѣевъ о кончинѣ

² Новиковъ—стр. 392.

³ Устряловъ—Исторія Петра Великаго, т. I, стр. 12.

Царя Оселора. 27 апрѣля 1682 года бытъ провозглашенъ Россійскимъ Государемъ юный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Мать-Государыня, Царица Наталія Кирилловна посигъшила вызвать Артамона Сергѣевича къ себѣ на помощь и совѣтъ, для одолѣнія честолюбивыхъ замысловъ царевны Софіи и ея приверженныхъ клеветовъ.

11 мая 1682 года въѣхалъ въ Москву бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, котораго преобладающій умъ, непоколебимая твердость и любовь къ нему народная, видимо страшили сторонниковъ жаждавшей царственной власти царевны Софіи. Подготовленная ею смута стрѣльцкая, вмѣстѣ со многими жертвами изъ семейства Нарышкиныхъ, унесла и преданнаго престолу Артамона Сергѣевича. Черезъ четыре дня по прїѣздѣ его, 15-мая, въ самый разгаръ бунта, Матвѣевъ былъ сброшенъ разсвирѣпѣвшими опьяненными стрѣльцами съ краснаго крыльца царскихъ палатъ на стрѣлецкія копья и тѣло его изрублено на части противъ Благовѣщенскаго Собора, осиротѣвшаго сына его, Андрея Артамоновича, едва спасшагося отъ той же участи, Царица Наталія Кирилловна приняла подъ свое особое покровительство, которое продолжалъ оказывать и вѣнчанный сынъ ея, Царь Петръ Алексѣевичъ.

Въ 1691 году А. А. Матвѣевъ, будучи комнатнымъ стольникомъ, получилъ назначеніе въ воеводы двинскіе. Проживая въ Архангельскѣ, онъ дѣятельно принялся за дѣло устроенія сѣвернаго нашего края.

Во вниманіе къ службѣ несчастно погибшаго отца, двинскій воевода Матвѣевъ былъ пожалованъ царями, въ 1692 году, въ званіе окольничаго ⁴.

⁴ Тамъ же, стр. 16.

⁵ Новиковъ стр. 392. Званіе окольничаго было учреждено въ княженіе Великаго князя Ивана Васильевича I. Находясь постоянно около особы царской главнѣйшая обязанность окольничихъ заключалась въ томъ, что при публичныхъ аудіенціяхъ посламъ и посланникамъ они вводили и представляли таковыхъ государю. Потомъ, окольничіи введены были въ составъ палатъ и думы Государевой, гдѣ пользовались достоинствомъ и мѣстомъ вельѣдъ за боярами. Кромѣ того, окольничіе опредѣлялись къ важнымъ должностямъ военнымъ, гражданскимъ и придворнымъ: въ военное время, они стояли при войскахъ и командовали частями, подъ вѣдѣніемъ бояръ; въ мирное время, они назначались воеводами въ большіе и пограничные города, а также въ государственныхъ приказахъ состояли членами и даже предсѣдательствовали въ нѣкоторыхъ. Въ самомъ придворномъ совѣтѣ, т. е. въ Думѣ государевой, они присутствовали съ первыми боярами и занимали разныя придворныя должности. Хотя Петръ I, еще

Въ свое управленіе сѣвернымъ краемъ, Андрей Артамоновичъ отстроилъ вновь городъ Холмогоры, который впервые посѣтилъ Петръ въ 1693 году. Но эта отдаленная отъ Москвы служба была ему не совсѣмъ пріятна, а потому, пользуясь посѣщеніемъ Царя, онъ испросилъ себѣ увольненія отъ воеводства.

22 августа 1693 года Матвѣевъ, согласно желанію своему, былъ отпущенъ въ Москву, а на его мѣсто въ Архангельскъ определенъ Ѳ. М. Апраксинъ.

Въ 1699 году, Петръ назначилъ Матвѣева чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ въ Голландію при генеральныхъ штатахъ республики.

Послѣ Нарвской неудачи, постигшей новообученное русское регулярное войско, которому Карлъ XII далъ 19 ноября 1700 года первый урокъ въ боевомъ дѣлѣ, русскіе военачальники, рассчитывая на перемиріе поддались обману и сдѣлались жертвою шведскаго вѣроломства. Когда имъ дозволено было королемъ отступить на другой берегъ Наровы съ оружіемъ и знаменами, то Шведы, пропустивъ часть войска и разрознивъ такимъ образомъ нашу армію способную еще, въ полномъ составѣ своемъ, постоять за честь оружія, напали на разбѣдипенныя силы и объявили военнопленными всѣхъ русскихъ генераловъ, коварно задержанныхъ при этомъ въ шведскомъ лагерѣ ⁶.

Сообщая о случившемся, Петръ писалъ въ Гагу къ Матвѣеву и поручалъ ему довести до свѣдѣнія генеральныхъ штатовъ тщеславныя и оскорбительныя возвѣщенія Карла XII по отношенію Нарвскаго сраженія, которое хотя и было потеряно русскими войсками, но тѣмъ не менѣе не было такимъ безславнымъ, какъ глаasila о томъ королевскія реляціи ⁷.

Въ 1705 году, государь командировалъ Матвѣева изъ Гаги съ дипломатическимъ порученіемъ въ Парижъ. Ему велѣно было стараться склонить на совершеніе торговаго договора между Россією и Францією, но Людовикъ XIV, на предложеніе нашего посла, уклонился отъ окончательныхъ условій до заключенія мира на

въ концѣ XVII столѣтія и не жаловалъ уже никого въ это званіе, однако жъ въ 1705 году окольныхъ было 18 человекъ, а въ 1711 году онъ въ послѣдній разъ произвелъ изъ стольниковъ въ окольныхъ Алексѣя Александровича Юшкова, съ которымъ и прекратилось это званіе (Голяковъ, т. XIII, стр. 194—197)

⁶ Военно-Энциклопед. Лексиконъ, изд. 1855 г., т. IX, стр. 250.

⁷ Голяковъ т. II, стр. 371—373.

сѣверѣ, дозволивъ между тѣмъ нашимъ купеческимъ кораблямъ свободный вѣздъ въ гавани Франціи ⁸.

Въ 1706 году, Петръ, тяготясь затянувшюся войною съ сѣвернымъ сосѣдомъ своимъ, въ виду усложненія дѣлъ на западѣ и югѣ, рѣшился обратиться къ посредничеству англійскаго кабинета. 24 сентября того года писано было къ Матвѣеву, что ежели онъ не можетъ скоро покончить дѣла въ Парижѣ, то оставя ихъ спѣшилъ бы прїѣздомъ въ Голландію, откуда ему предлежала новая миссія въ Лондонъ ⁹.

Въ октябрѣ 1706 года посланы были Матвѣеву полномочная грамота и царскій наказъ для веденія переговоровъ съ англійскимъ дворомъ, относительно союза и содѣйствія къ прекращенію войны со шведами ¹⁰.

Въ то же время Государь писалъ Андрею Артамоновичу слѣдующее:

«Господинъ посолъ! Посланъ при семъ къ вамъ указъ и «полномочныя грамоты о нѣкоторыхъ зѣло великихъ и нужныхъ «дѣлахъ, въ чемъ вамъ надлежитъ отъ всеі крѣпости своей труды «приложить, и яко вѣрному министру себя показать; и понеже «сіе дѣло великое вручено вамъ, то не малаго и воздаянія уповати «можете, ежели оное, съ помощію Божією добро управите Peter» ¹¹.

Въ 1707 году, Матвѣевъ отправился изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ и оставался до слѣдующаго года. 18 іюля 1708 года онъ откланивался въ отпускнуой аудіенціи у королевы Анны, а 21 числа былъ остановленъ на улицѣ для взятія подъ стражу за долгъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ; но находившійся близъ того мѣста народъ услыхавъ крикъ посла, выручилъ его изъ рукъ арестовавшихъ его лицъ. За это оскорбленіе, пишетъ исторіографъ, нанесенное представителю иностранной державы, предложено было Матвѣеву 1000 гиней (сумма равняющаяся, по настоящимъ расчетамъ, почти 7/т. руб. серебр.); но Андрей Артамоновичъ отказался отъ такого вознагражденія и 30 іюля выѣхалъ изъ Лондона, не

⁸ Бантышъ-Каменскій т. III, стр. 287—288; Пекарскій т. I, стр. 145, 154, 159; Современникъ 1856 г. статья «графъ Матвѣевъ въ Парижѣ въ 1707 году», стр. 39—66.

⁹ Голицковъ т. II, стр. 245 и т. XIV, стр. 421.

¹⁰ Тамъ же т. II, стр. 248—252, т. XIV, стр. 294—304. Въ грамотѣ (стр. 294). А. А. Матвѣевъ наименованъ близкимъ окольничимъ и совѣтникомъ Яроулавскимъ.

¹¹ Тамъ же т. II, стр. 260 и т. XIV, стр. 435.

принявъ грамоты королевской, обыкновеннаго подарка и предоставленной ему на переѣздъ яхты. Англійская королева, въ письмѣ своемъ къ Петру, отъ 19 сентября 1708 года, изъявила крайнее сожалѣніе о случившемся съ посломъ его прискорбномъ происшествіи ¹².

Продолжавшіеся по этому предмету переговоры, окончились 5—16 февраля 1710 года, на аудіенціи у Петра, данной англійскому чрезвычайному послу и полномочному комисару Карлу Витворту, который публично засвидѣтельствовалъ государю соболѣзнованіе королевскаго двора, съ извиненіемъ на счетъ происшедшаго. Петръ, получивъ такое удовлетвореніе, простилъ виновныхъ и даже поручилъ послу ходатайствовать о полномъ помилованіи ихъ ¹³.

Между тѣмъ, Андрей Артамоновичъ продолжалъ свою службу русскимъ представителемъ въ Голландіи. Въ 1711 году ему поручено было стараться о поддержаніи дружественныхъ отношеній съ генеральными штатами и озаботиться заключеніемъ торговаго договора къ пользѣ обѣихъ державъ; при этомъ велѣно было ему уклоняться отъ участія въ посредничествѣ Франціи и Англій, по отношенію примиренія королей датскаго и польскаго съ шведскимъ правительствомъ ¹⁴.

Въ концѣ 1712 года, Матвѣевъ былъ отозванъ изъ Гаги. Прибывъ 11 ноября въ Дрезденъ, гдѣ находился тогда съ войсками своими Петръ I, А. А. Матвѣевъ былъ пожалованъ 13 ноября изъ окольных въ тайные совѣтники ¹⁵ и назначенъ полномочнымъ министромъ при цесарскомъ дворѣ, Онъ пріѣхалъ въ Вѣну 4 декабря 1712 года и 9 числа былъ принятъ въ аудіенціи у императора Карла VI ¹⁶.

Будучи въ Вѣнѣ, Матвѣевъ, по порученію государя, прилагалъ стараніе на склоненіе цесарскихъ министровъ къ оборонительному союзу противъ Турокъ. Въ 1713 году онъ находился на Брауншвейгскомъ конгрессѣ, который не имѣлъ успѣха, по случаю упорства шведскаго короля Карла XII. Въ 1714 году Матвѣевъ увѣдомилъ государя о желаніи императора Карла VI заключить оборо-

¹² Бятышъ Каменскій, т. III, стр. 288.

¹³ Бятышъ-Каменскій, стр. 288—289; Голицковъ т. IV, стр. 112, 403, 405, 483, Цесарскій-Наука и Литература при Петрѣ, 1862 г., т. I, 101.

¹⁴ Голицковъ т. XV, стр. 292—295.

¹⁵ Новиковъ стр. 392—393.

¹⁶ Бятышъ-Каменскій стр. 289.

нительный союзъ съ Россіею противъ наступательныхъ дѣйствій которой либо изъ европейскихъ державъ; но Петръ отклонилъ это предложеніе, которое могло стѣснять только въ будущемъ свободный образъ дѣйствій его въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Вызванный наконецъ въ С.-Петербургъ, А. А. Матвѣевъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны, съ согласія Петра I, получилъ за собственноручною подписью императора Карла VI отъ 20 февраля 1715 года дипломъ на графское Римской Имперіи достоинство со всею ея фамиліею.¹⁷

При введеніи Императоромъ Петромъ Великимъ коллегіальнаго устройства въ Россіи, 15 декабря 1717 г. тайный совѣтникъ графъ А. А. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ президенты юстицъ-коллегіи.¹⁸ Новый этотъ постъ обязывалъ его присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и соединенъ былъ со званіемъ сенатора.

Въ 1718 году, А. А. Матвѣевъ участвовалъ въ верховномъ судѣ, учрежденномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, смертный приговоръ которому былъ подписанъ и имъ, въ числѣ другихъ, 24 іюня и объявленъ осужденному въ Сенатѣ 25 числа.¹⁹

23 февраля 1720 года, Матвѣевъ, въ числѣ другихъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, подписалъ вновь составленный духовный регламентъ.²⁰

Участвуя въ Сенатѣ при разсмотрѣніи дѣла бывшего сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, графъ Матвѣевъ, въ числѣ другихъ сенаторовъ, подписалъ 13 марта 1721 года его смертный приговоръ.²¹

Не чуждаясь забавъ, придумываемыхъ Государемъ для развлеченія жителей, во дни отдыха своего, графъ Андрей Артамоновичъ участвовалъ, между прочимъ, въ комическомъ маскарадѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1723 году. Маскарадная потѣха царская, начавшаяся 30 августа, продолжалась до 6 сентября. Въ 10-й группѣ костюмированныхъ лицъ шелъ и графъ Матвѣевъ въ одеждѣ аббатской.²²

¹⁷ Росс. родословная книга, ч. I, стр. 36; Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 289; у Новикова упоминается, что этой императорскою милостію Матвѣевъ былъ почтенъ въ 1714 году (стр. 393), что впрочемъ не отвергаетъ справедливости указанія времени выдачи ему графскаго диплома, по полученіи на то согласія Петра I.

¹⁸ Высоч. указы Сенатскаго Архива, кн. 7, л. 272.

¹⁹ Голицыновъ, т. VII, стр. 115.

²⁰ Высоч. указы, кн. 14, л. 75. Голицыновъ, т. VIII, стр. 161.

²¹ Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. XI, стр. 422—423.

²² Голицыновъ т. IX, стр. 316.

Владѣя большимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, графъ Андрей Артамоновичъ жилъ въ полномъ довольствѣ, пышно подерживая вполнѣ преданіе о русскомъ хлѣбосольствѣ и гостепріимствѣ. Онъ пользовался постоянно особенною довѣренностію и благоволеніемъ Петра Великаго, который нерѣдко сиживалъ за трапезою его. Принималъ живое участіе и въ семейныхъ дѣлахъ Матвѣева, Государь просваталъ даже самъ дочь его графиню Марію за своего любимца Александра Ивановича Румянцева. ²³

Отъѣзжая въ Москву для коронованія супруги своей, Царицы Екатерины Алексѣевны, Императоръ Петръ I, 16 марта 1724 года, поручилъ графу Андрею Артамоновичу заботы объ оставленныхъ въ С.-Петербургѣ царевнѣ Наталіи Петровнѣ, великомъ князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а также возложилъ на него надзоръ за всѣми коллегіями. ²⁴

Въ концѣ мая того же 1724 года повелѣно было графу Матвѣеву, по возвращеніи Ихъ Величествъ въ С.-Петербургъ, присутствовать въ Московской сенатской канцеляріи и заправлять губернскими дѣлами на одинъ годъ, вмѣсто отозваннаго оттуда сенатора, тайнаго совѣтника, князя Дмитрія Михайловича Голицына. Въ товарищи къ нему, для завѣдыванія губернскими дѣлами, были опредѣлены московскій вице-губернаторъ генералъ-маіоръ Иванъ Лукичъ Воейковъ и полковники: московскій оберъ-камендантъ Иванъ Петровичъ Измаиловъ и Григорій Терентьевичъ Ергольскій. ²⁵

По свидѣтельству собирателя историческихъ свѣдѣній П. О. Карабанова, графъ Матвѣевъ вступилъ въ завѣдываніе дѣлами гор. Москвы въ іюль 1724 года. ²⁶

28 января 1725 года опочилъ Императоръ Петръ Великій. Тотчасъ по возвращеніи супруги его, Императрицы Екатерины I, посланъ былъ съ извѣстіемъ о томъ въ Москву, къ графу Матвѣеву, генералъ-маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Имъ обонимъ было поручено имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ народа до какихъ-либо возненій и сомнѣній и повелѣвалось принимать всякія предосторожности на случай какого-либо сму-

²² См. біографію графа А. И. Румянцева; см. также Русскую Старину, 1871 г., т. IV, стр. 586—587 (10)—разказы П. О. Карабанова.

²³ Новиковъ, стр. 393—394.

²⁴ Тамъ же, стр. 395.

²⁶ Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ, составл. П. О. Курбановымъ, изд. 1860 г., стр. 24.

щениа. ²⁷ Вслѣдствіе чего, графъ А. А. Матвѣевъ приводилъ жителей первопрестольной столицы къ присягѣ нововступившей Государынѣ.

Въ 1725 году, графъ Матвѣевъ былъ замѣненъ въ Москвѣ, по управленію губернскими дѣлами, сенаторомъ графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинъ-Пушкинымъ. ²⁸

24 ноября 1725 года, въ день тезоименитства Государыни, графъ Андрей Артамоновичъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. ²⁹

8 февраля 1726 года д. т. сов. графу Матвѣеву было поручено произвести ревизію въ московской губерніи. Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ на его имя Императрицу Екатериную, написано было слѣдующее: ³⁰

«Понже блаженные и высокославныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій государь суругъ повелѣлъ «изъ сенатскихъ членовъ одному для лучшей государственной пользы и управленія дѣлъ ѣздить по государству погодно и смотрѣть чтобъ дѣлали правду, того ради мы заблагоразсудили, по силѣ того Его высокославныя памяти Государя Императора указу отправить васъ въ Москву, куда вамъ прибывъ и развѣдавъ гдѣ есть больше въ ближнихъ провинціяхъ Московской губерніи «неисправностей отъ управителей и отъ народа жалобъ, въ тѣ провинціи напередъ и ѣхать и чинить слѣдующее:

«1. Осмотрѣть за гражданскими управителями, а наипаче въ провинціальныхъ судахъ, что правдоюль людей судить;

«2. Тако жъ земскіе коммисары и офицеры порядочно ль подушныя деньги съ крестьянъ собираютъ и не чинятъ ли имъ какихъ обидъ и налогъ въ строеніи вѣчныхъ квартиръ, или въ чемъ въ другомъ, и всѣ ль во врученныяхъ имъ дѣлахъ по указамъ, также по даннымъ имъ инструкціямъ и плакатамъ поступаютъ;

«3. И ежели что усмотрите въ городѣхъ и въ уѣздахъ за «управителями и земскими коммисарами противное указамъ, то слѣдовать и чинить рѣшеніе не описываясь, такъ какъ указы и правы «повелѣваютъ, однакожь о офицерахъ и земскихъ коммисарахъ чинить рѣшеніе снесшися съ генералитетомъ и штатомъ, которые въ тѣхъ провинціяхъ опредѣлены;

²⁷ Голицковъ, т. X, стр. 140, 168.

²⁸ Новиковъ, стр. 395; Бангышъ-Каменскій, стр. 289—290.

²⁹ Новиковъ, стр. 395—396.

³⁰ Высоч. указы, кн. 29, л. 158, кн. Е, л. 122; Новиковъ, стр. 390.

«4. И которые явятся изъ управителей гражданскихъ и уѣздныхъ или изъ офицеровъ въ важныхъ преступленіяхъ, и тѣхъ держать за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ писать къ намъ въ кабинетъ прекращенно, а подлинныѣ въ Сенатъ»;

«5. Въ прочемъ, хотя чего здѣсь и не написано, а усмотрите что нужно будетъ намъ и государственному интересу о томъ о всемъ развѣдывать и чинить какъ честному и вѣрному человѣку «надлежитъ (и для того повелѣли мы дать вамъ изъ Сената къ кому потребно послушные указы). А какъ въ ближнихъ провинціяхъ присутствующихъ Московской губерніи о важныхъ дѣлахъ изслѣдуете, тогда вамъ прислать о всѣмъ обстоятельныя репорты съ Сенатъ, а къ намъ въ кабинетъ перечневля, ссылаясь на посланные въ Сенатъ, а самому возвратиться въ Москву и тамъ ожидать нашего указу».³¹

28 октября 1726 года послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Матвѣва:

«Писали вы въ нашъ кабинетъ, отъ 27 числа сентября, что и кромѣ Московской губерніи, въ другихъ провинціяхъ и уѣздахъ, какъ вы увѣдомились, есть не безъ обидъ народныхъ. А безъ указу вступать въ тѣ дѣла опасаетесь, для того, что прежде велѣно вамъ развѣдывать только въ одной Московской губерніи. Того для повелѣваемъ вамъ и въ другіе города ближніе къ Московской губерніи, гдѣ заподлицо развѣдаете о важныхъ преступленіяхъ ѣхать и разыскивать по силѣ данныхъ вамъ указовъ не упуская времени».³²

Графъ Андрей Артамоновичъ очень дѣятельно и энергично занимался возложеннымъ на него порученіемъ въ продолженіе одного года и трехъ мѣсяцевъ. Біографъ его пишетъ, что онъ, открывъ въ одномъ изъ городовъ важныя злоупотребленія, повѣсилъ тамъ секретаря воеводской канцеляріи; но поступокъ этотъ, хотя и вызванный строгою справедливостію графа Матвѣва, не былъ одобренъ дворомъ.³³

Въ наступившее затѣмъ царствованіе Императора Петра II, 13 июня 1727 года состоялось распоряженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта о передачѣ въ Сенатъ и коллегіи всѣхъ доношеній дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Матвѣва по разнымъ дѣ-

³¹ Высоч. указы, кн. 29, л. 158, кн. Е, л. 122; Новиковъ, стр. 396.

³² Тамъ же, кн. I, л. 47.

³³ Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 290.

дамъ и объ увольненіи его самого, согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, съ предоставленіемъ ему жить «гдѣ оны похочеть». ³⁴

Удалившись отъ служебной дѣятельности, графъ Андрей Артамоновичъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 16 сентября 1728 года. Тѣло его погребено рядомъ съ тѣломъ его отца, въ особой гробницѣ, около городского храма Св. Николая въ Столпахъ, между Мясницкою и Покровкою.

По отзыву современника его, князя Якова Петровича Шаховскаго, графъ А. А. Матвѣевъ былъ «мужъ достохвальной въ разумѣ и въ дѣлахъ». ³⁵

По свидѣтельству біографа, митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова, графъ Андрей Артамоновичъ составилъ описаніе стрѣлецкаго бунта, во время котораго былъ убитъ его отецъ; но историографъ Татищевъ замѣчаетъ, что это описаніе дышетъ нѣкоторымъ пристрастіемъ. ³⁶

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ женатъ въ 1й разъ на дочери стольника Степана Александровича Аничкова, дѣвицѣ Аниѣ Степановнѣ Аничковой (род. 1666 † 4 октября 1699 года); во второмъ же бракѣ былъ со вдовою Пастасьею Ермиловой Аргамаковою (неизвѣстнымъ осталось кто она рожденная), которая была гофмейстериною Царевны, а затѣмъ Императрицы Анны Іоанновны. ³⁷

Отъ перваго брака у графа Матвѣева были дѣти: 1) сынъ гр. Федоръ, род. 1696, † 3 марта 1734 г. холостымъ, подполковникъ— съ нимъ пресѣкъся родъ графовъ Матвѣевыхъ, ³⁸ и дочерей: 2) гра-

³⁴ Высоч. указы, кн. Б, л. 434 и кн. О, л. III.

³⁵ Записки князя Я. П. Шаховскаго, ч. II, стр. 215.

³⁶ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, изд. 1845 г., ч. II, стр. 52.

³⁷ Въ Высочайшихъ указахъ Сенатскаго Архива встрѣчаемъ слѣдующія о ней распоряженія: а) 25 марта 1716 г. Высочайше повелѣно было отправить въ Курляндію, вмѣстѣ съ царевною Анною Іоанновною и гофмейстерину ея, графиню Матвѣеву, съ назначеніемъ ей жалованья по 1.000 руб. въ годъ (кн. 7, л. 67) и б) Высочайше утвержденный 1 декабря 1732 года докладъ Сената о выдѣлѣ графинѣ Матвѣевой законной части изъ недвижимаго имѣнія покойнаго мужа ея графа А. А. Матвѣева (кн. 36, л. 237).

³⁸ О графѣ Федорѣ и его сестрахъ находимъ слѣдующія указанія въ Высочайшихъ указахъ Сенатскаго Архива: а) 13 февраля 1736 г. повелѣно уплатить денежный долгъ умершаго подполковника графа Федора Матвѣева Эрнесту фонъ-Бутлару (кн. 44, л. 77) и б) 25 февраля 1737 г. повелѣно удовлетворить куицовъ прусской компаніи по долговой претензіи ихъ на умершемъ подполковникѣ графѣ

финю Марію, род. 4 апрѣля 1668, † 4 мая 1788 г., въ замужествѣ за графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ; 3) гр. Наталію, за княземъ Василіемъ Ивановичемъ Мещерскимъ и 4) гр. Екатерину, за генералъ-маіоромъ Амилеємъ Степановичемъ Шепелевымъ. Отъ втораго же брака дѣтей не было.

По Сенату графъ Матвѣевъ значится присутствующимъ съ 1718-го по 1726-й годъ.

Θ. Матвѣевъ изъ имѣній доставшихся его сестрамъ (кн. 47, л, 191). Кромѣ того о графѣ Ѳеодорѣ Андреевичѣ упоминается въ запискахъ Манштейна о Россіи, изд. 1875 г. (стр. 25) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1730 году, въ то время когда Верховный Тайный Совѣтъ задумалъ ограниченіе самодержавной власти въ Россіи, то избранная Императрица Анна Іоанновна, по прибытіи своемъ въ Москву, желала выслушать о томъ мнѣніе народное. Когда собрались въ царскіи дворецъ верховники и представители разныхъ сословій, то графъ Θ. А. Матвѣевъ, выступая впередъ, сказалъ, что имѣеть порученіе отъ всего дворянства Имперіи представить Ея Величеству, что депутаты Верховнаго Тайнаго Совѣта ввели ее въ заблужденіе, что такъ какъ Россія въ продолженіи многихъ вѣковъ была управляема царями, а не какимъ-либо совѣтомъ, то все дворянство умоляетъ ее взять въ руки свои бразды правленія; таково желаніе и всего народа, чтобъ домъ Ея Величества царствовалъ надъ нимъ до скончанія вѣковъ. На эту рѣчь Императрица отвѣтила удивленіемъ: «какъ?», спросила она, «развѣ не по желанію всего народа я подписала поднесенный мнѣ въ Митавѣ актъ?»— Нѣтъ, отвѣчало собраніе единодушно, и тогда актъ этотъ былъ ею изорванъ.

ТЕПЛОВЪ

ГРИГОРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ *).

По сказанію исторіографа Гельбига, Г. Н. Тепловъ былъ сыномъ истопника Александро-Невской Лавры и не имѣлъ фамильнаго прозвища. Призрѣвшій мальчика, мѣстный архіепископъ (Феофанъ Прокоповичъ) далъ ему прозваніе «Теплова», въ воспоминаніе его происхожденія и припаялъ его подъ свое непосредственное покровительство.

Тепловъ родился 20 ноября 1712 года ¹.

Первоначальное образованіе Тепловъ получилъ, по удостовѣреніямъ митрополита Евгенія и Гельбига, сначала въ монастырѣ, а потомъ въ С.-Петербургской семинаріи, бывшей у архіепископа Феофана Прокоповича, на Новгородскомъ Карповскомъ подворьѣ, въ С.-Петербургѣ. По успѣшномъ окончаніи курса наукъ Тепловъ былъ тамъ же учителемъ, а затѣмъ опредѣленъ студентомъ академіи наукъ.

Покровительствуемый Феофаномъ Прокоповичемъ, Тепловъ послѣ семинаріи, какъ даровитый юноша, при содѣйствіи преосвященнаго, былъ отправленъ для дальнѣйшаго образованія за границу, въ Германію, гдѣ усовершенствовался въ изученіи языковъ

¹) *Источники*: 1) Высочайшіе указы; 2) Дѣло герольдін по Орловской губ. № 109; 3) Русская Старина 1870 г., т. II, 194; 4) Словарь Вантышъ-Камельскаго, изд. Шираева, т. V, 133; 5) Словарь митрополита Евгенія т. II, 205; 6) Исторія Императорской Академіи Наукъ, II. Пекарскаго 1870—1873 г. см. Указатель; 7) Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи въ XVIII ст. А. Вейдемейера I, 28 и 8) *Russische Günstlinge—Gelbig*, стр. 313.

¹ У Лонгинова (Русская Старина 1870 г. изд. 3, т. II, стр. 608) показано «около 1720 года»—очевидно по ошибкѣ.

латинскаго, французскаго и нѣмецкаго и пріобрѣлъ обстоятельныя знанія по части ботаники.

По возвращеніи въ отечество, въ 1736 году, Тепловъ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны, былъ опредѣленъ на службу въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, переводчикомъ на російскій языкъ, единственно для дѣлъ наукъ касающихся.

Состоя въ академіи онъ, какъ способный и образованный человѣкъ, былъ призываетъ постоянно для занятій при извѣстномъ кабинетъ-министрѣ А. П. Вольнскомъ и въ 1740 году чуть не пострадалъ во время сыскаго дѣла казеннаго министра. Составленная при участіи Теплова родословная, по которой Вольнскій выводилъ происхожденіе свое отъ Рюрика и князя Дмитрія Вольнца, зятя Дмитрія Донскаго, послужила поводомъ къ привлеченію Теплова къ отвѣтственности. Когда на допросахъ, Вольнскій былъ спрошенъ о томъ, кто росписывалъ ему родословное его древо, то несчастный, подъ пытками, наименовалъ студента Теплова. Взятый и представленный въ страшный застѣнокъ, какъ преступникъ государственный, Тепловъ, не теряя присутствія духа, со смѣлостію отвѣчалъ, что онъ былъ только исполнителемъ даннаго ему порученія и не зная ничего, разрисовалъ только родословную по сдѣланному карандашемъ чертежу Еронкина, въ домѣ Вольнскаго. Только твердость и смѣлость спасли Теплова отъ гибельныхъ послѣдствій. Бау-интендантъ ² Петръ Михайловичъ, Еронкинъ, на пыткахъ, подтвердилъ слова Теплова и 27 іюня 1740 года подвергся казни, вмѣстѣ съ Вольнскимъ, а Тепловъ, признанный невиновнымъ, оправданъ и освобожденъ.

Въ 1741 году, благодаря покровительству академика Шумахера, Тепловъ, по удостоенію всего академическаго собранія, былъ избранъ адъюнктомъ академіи въ классѣ физическомъ и оказалъ особыя отличія по части естественной исторіи.

По вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, онъ съумѣлъ понравиться любимцу ея, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, который, отправляя брата своего Кирилла Григорьевича за границу для образованія, приставилъ къ нему менторомъ Г. Н. Теплова, какъ человѣка умнаго, знающаго языки науки и отличнаго музыканта.

Тогда, по Высочайшему указу отъ 4 марта 1743 года, адъюнктъ академіи наукъ Григорій Тепловъ былъ командированъ за

² Главный смотритель надъ зданіями дворцоваго вѣдомства.

границу въ иностранныя академіи, для усовершенствованія его въ наукахъ, при этомъ назначено ему было изъ казны ежегоднаго жалованья по 600 руб. и на проѣздъ 400 рублей.

Съ 1743 по 1746 годъ Тепловъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ съ порученнымъ его попеченіямъ графомъ К. Г. Разумовскимъ.

По возвращеніи въ Россію, молодой питомецъ его 21 мая 1746 года былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ, а самъ Тепловъ указомъ 1 іюля того же 1746 года пожалованъ въ ассесоры канцеляріи академіи наукъ съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

Состоя при управленіи академическихъ дѣлъ и будучи избранъ почетнымъ членомъ Россійской академіи, Тепловъ былъ назначенъ 28 іюля 1747 года членомъ академическаго собранія, причемъ ему было дано старшинство предъ всѣми академиками, послѣ Шумахера.

Въ 1747 году, Тепловъ составилъ новый регламентъ Императорской академіи наукъ.

5 іюня 1750 года послѣдовала Высочайшая конфирмація на избраніе гр. К. Г. Разумовскаго Малороссійскимъ гетманомъ и предъ отправленіемъ его въ Малороссію, указомъ 1 марта 1751 года назначенъ состоять при немъ и Тепловъ, съ пожалованіемъ его въ коллежскіе совѣтники.

Со времени заграничной своей поѣздки съ графомъ Разумовскимъ, а слѣдовательно и полнаго сближенія съ нимъ, Тепловъ сталъ пользоваться неограниченнымъ вліяніемъ на молодаго, наскоро обученнаго вельможу и, разумѣется, управлялъ за него сначала академіею, а потомъ и Малороссійскимъ краемъ. Находясь безотлучно при Разумовскомъ, честолюбивый и образованный Тепловъ всевластно руководилъ имъ по той и другой части и завѣдывая всею администраціею, оставлялъ первому представительство и общественныя обязанности по этимъ двумъ должностямъ. Находясь въ Малороссіи, Тепловъ, вслѣдствіи лукаваго, неискренняго и проницательнаго нрава своего, встрѣтилъ тамъ нерасположенную къ нему особу, въ лицѣ матери гетмана. Умная и прозорливая женщина эта, сразу разгадала «искателя фортуны», его хитрый характеръ и своекорыстный образъ дѣйствій, а потому всячески убѣждала сына удалить этого любимца, предрекая послѣдствія, къ которымъ должны были привести нѣкоторые несовѣтъ благонамѣренныя совѣты Теплова. Но Разумовскій, ослѣпленный Тепловымъ, продолжалъ довѣряться послѣднему, не смотря на полезныя совѣты своей разумной матери.

Надо впрочемъ полагать, что извѣстное вліяніе подобнаго противника, вызвало наконецъ послѣдовавшій 24 декабря 1758 г. указъ Императрицы о пожалованіи Теплова въ статскіе совѣтники, съ увольненіемъ отъ службы.

Однакоже онъ сохранилъ на столько значенія, что нашелъ возможность внушить Императрицѣ мысль о *прикрѣпленіи къ землѣ крестьянъ* въ Малороссіи для избѣжанія праздношаташія въ народѣ ³.

Проживая послѣ этого въ С.-Петербургѣ, Тепловъ, въ наступившее царствованіе Петра III, навлекъ на себя немилость царскую неосторожными словами на счетъ Государя и былъ арестованъ. Но и на этотъ разъ ему удалось не только счастливо выпутаться изъ постигшаго его непріятнаго положенія, но даже извлечь изъ него для себя нѣкоторую выгоду. По сказанію Гельбига, разгнѣванный Императоръ, къ которому приведенъ былъ Тепловъ, далъ ему, въ пылу, ударъ палкою и отпуская сказала: «Ступай, я прощаю тебя, но старайся исправиться». Затѣмъ, Высочайшимъ указомъ Императора Петра III отъ 23 марта 1762 года, Тепловъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ оставленіемъ его, по прежнему виѣ службы.

Совѣтъ Петра объ исправленіи, остался втунѣ. Тепловъ и послѣ данной ему награды, не только не смѣрился, но даже окончательно присталъ къ враждебной Государю партіи, сблизившись съ Орловыми и другими приверженцами Екатерины, съ которыми содѣйствовалъ государственному перевороту 28 іюня 1762 года.

Г. Н. Тепловъ находился въ Ропшинскомъ дворцѣ 4 іюля 1762 года, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, Пассекомъ и княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Борятинскимъ, когда произошла тамъ внезапная кончина отрешагося отъ престола Императора Петра Ѳедоровича ⁴.

Тогда же составленъ былъ Тепловымъ знаменитый манифестъ 6 іюля 1762 года съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Россійской Императрицы Ека-

³ Русская Старина 1870 г. изд. третье, стр. 609. Также см. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ» соч. Г. Н. Теплова, 1870 г., стр. 26 и слѣдующія.

⁴ По намекамъ исторіографовъ, а также судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, изложеннымъ въ Высочайшихъ указахъ тѣхъ дней, должно полагать, что Петръ III скончался не 6, но 4 іюля 1762 года.

терины II, въ которомъ чрезвычайно рѣзко изложены обвиненія противъ Петра III ⁵.

Усердіе Григорія Николаевича не осталось безъ награды. Получивъ единовременно 20 тыс. рублей, онъ тогда же определенъ былъ на службу и сдѣлался однимъ изъ главныхъ дѣлателей въ собственномъ кабинетѣ Императрицы.

29 ноября 1762 года онъ былъ назначенъ членомъ вновь учрежденной комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, бывшей подъ личнымъ вѣдѣніемъ Государыни *).

11 февраля 1763 года учреждена была при Высочайшемъ дворѣ особая комиссія для разсмотрѣнія акта, которымъ Императоръ Петръ III даровалъ вольность благородному руссiйскому дворянству и для приведенія его содержанія въ лучшее состояніе. Г. Н. Тепловъ былъ назначенъ въ эту комиссію для веденія протоколовъ и производства дѣлъ **). Бумаги, касающіяся до переписки этой комиссіи 1764 года хранятся въ Государственномъ Архивѣ съ надписью рукою Теплова: «Указъ собственноручный Ея Императорскаго Величества, данный учрежденной Коммиссіи о вольности дворянской въ 1763 году февраля 11 дня. Тутъ же и всѣ протоколы той Коммиссіи въ оригиналъ до окончанія той Коммиссіи, такъ какъ и послѣдній, съ котораго обще обо всемъ поднесенъ всеподаннѣйшій Ея Величеству отъ Коммиссіи докладъ, и другаго доклада, который вслѣдствіе поднесенъ перваго, при семъ находится отпущкъ. Оригинальные же оба доклада остались у Ея Величества».

Высочайшимъ указомъ 11 февраля 1763 года возложено было на него главное завѣдываніе дѣломъ по устройству въ Малороссіи новой плантаціи чужестранныхъ табаковъ, а также содѣйствіе къ учрежденію въ Россіи табачныхъ фабрикъ и установленію коммерціи русскимъ табакомъ съ иностранными государствами.

Указомъ 1 апрѣля 1763 года Теплову повелѣно было состоять при собственныхъ дѣлахъ Императрицы, назначеніе соотвѣтствующее нынѣшней должности статсъ-секретаря.

По учрежденіи 8 декабря 1763 г. при Высочайшемъ дворѣ, подъ личнымъ вѣдѣніемъ Императрицы, особой комиссіи, для раз-

⁵ См. 1) Высочайшіе указы, кн. 102, л. 22 и 2) Сборникъ «XVIII вѣкъ», т. IV, стр. 216.

*) Высочайшіе указы, кн. 102, л. 372.

***) Полное Собраніе Законовъ, 1763 фев. 11 (11751).

смотрѣніи вопроса о коммерціи Россійскаго государства, того же числа назначены были къ присутствованію въ ней, вмѣстѣ съ дѣйствительными тайными совѣтниками Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ, княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ и камергеромъ графомъ Андреемъ Шуваловымъ, также и Г. Н. Тепловъ.

По словамъ того же Гельбига, безумная попытка Мировича, имѣвшая послѣдствіемъ, въ 1764 году, умерщвленіе юнаго узника Іоанна Антоновича, ⁶ была дѣломъ, устроеннымъ будто бы по мысли Григорія Николаевича Теплова, для того, чтобы, въ видахъ правительства, положить навсегда конецъ всякимъ посягательствамъ на будущее время въ пользу несчастныхъ потомковъ старшаго брата Петра Великаго. Однакоже фактическаго подтвержденія такого рода обвиненію, мы не имѣемъ, и въ сохранившихся документахъ слѣдовъ объ этомъ до сего времени не открыто.

Во вниманіе къ усердной службѣ и трудамъ Теплова, 22 сентября 1765 года ему былъ пожалованъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

5 іюня 1766 года Императрицею повелѣно было рассмотреть въ Сенатѣ представленный Тепловымъ проектъ о выдачѣ ему привилегіи на производство въ Малороссіи зашѣва табаковъ виргинскаго и аммерсфорскаго и на устройство табачной фабрики; но проектъ этотъ остался безъ послѣдствій.

Въ 1766 году Тепловъ принималъ дѣятельное участіе въ заключенномъ 20 іюня трактатѣ между Россійскою Имперіею и Великобританіею, о мирѣ, дружбѣ, согласіи и взаимной коммерціи на 20 лѣтъ.

Вообще, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Императрицы Екатерины, Григорій Николаевичъ старательно работалъ на глазахъ ея, исполняя самыя разнообразныя порученія. Будучи допускаемъ всегда къ малолѣтнему Великому Князю Павлу Петровичу, Тепловъ часто обѣдалъ у него, привозилъ къ нему для забавъ своего сына Алексѣя и увеселялъ его игрою на скрипкѣ и фортепіано, а потомъ преподавалъ нѣкоторое время царственному отроку политическія науки. Григорій Николаевичъ, сдѣлавшись придворнымъ, сталъ забывать важныя услуги, оказанныя ему графомъ К. Г. Разумовскимъ. Со времени воцаренія Императрицы Екатерины II, онъ сталъ видимо отставать отъ бывшаго своего ме-

⁶ Убіицами несчастнаго были представленны къ нему офицеры: *Власъ* и *Чекит*.

лостивца и сдѣлался вполне покорнымъ слугою братьевъ Орловыхъ. Хотя онъ и продолжалъ давать разные совѣты Разумовскому, но далеко не клонившіеся къ его пользѣ. Такъ, между прочимъ, говорятъ историографы,—по внушеніямъ Теплова, графъ К. Г. Разумовскій возмечталъ объ учрежденіи наследственнаго въ своемъ семействѣ достоинства гетмана Малороссіи и сталъ ходатайствовать объ этомъ у Императрицы. Коварный совѣтъ этотъ былъ данъ именно съ намѣреніемъ устроить паденіе гетмана, добродушнаго благодѣтеля Теплова—и онъ достигъ своей цѣли, послуживъ поводомъ къ совершенному упраздненію того званія и должности. Когда графъ Кирилль Григорьевичъ, 10 ноября 1764 года, былъ уволенъ отъ званія гетмана Малороссіи, то Тепловъ привѣтствовалъ его во дворцѣ, съ распростертыми объятіями. «И лобза, его же предаде», сказалъ тогда вслухъ, при многихъ свидѣтеляхъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, видѣвшій происшедшую встрѣчу. Въ этихъ евангельскихъ словахъ—правдивѣйшая характеристика всей служебной дѣятельности Теплова! Сбылось разумное предсказаніе матери Разумовскаго еще въ началѣ его пребыванія въ Малороссіи.

22 сентября 1767 года Тепловъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Высочайшимъ указомъ 17-го декабря 1767 года повелѣно было заготовить дипломъ на пожалованное тайному совѣтнику Григорію Теплову дворянское Россійской Имперіи достоинство, каковой я былъ подписанъ Императрицею только 3 октября 1776 года. Потомъ онъ былъ опредѣленъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома.

Высочайшимъ указомъ 9 июля 1768 года онъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 3-мъ департаментѣ.

19 іюля 1768 года Императрицею возложено было на Теплова, въ сотовариществѣ съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Минихомъ, статскими совѣтниками Клингштегомъ и Кольманомъ и членами камеръ-конторы лифляндскихъ, встляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, рассмотреть вопросъ о новомъ измѣреніи финляндскихъ земель, для назначенія согласно такому обыateverьскаго оброка.

26 августа 1769 года повелѣно ему также присутствовать и въ Межевой Сената экспедиціи.

Г. Н. Тепловъ участвовалъ въ разработкѣ составленныхъ проектовъ, Высочайше утвержденныхъ:

а) 20 ноября 1772 г.—объ Императорскомъ воспитательномъ домѣ, съ учрежденіемъ вдовьяго отдѣленія, ссудной и ссхранной казны (Пол. Соб. Зак., 1772 г. ноября 20 (13909).

б) 6 декабря 1772—объ учрежденіи воспитательнаго училища для обученія коммерціи купеческихъ дѣтей (Полн. Собр. Зак., 1772 дек. 6 (13916).

Вслѣдствіе возлагавшихся на него Государынею разныхъ порученій, 24 апрѣля 1773 г. Тепловъ, между прочимъ, избавленъ былъ отъ присутствования въ Сенатѣ до августа мѣсяца.

Высочайшимъ указомъ 10 іюля 1773 года пожаловано было ему 1149 десятинъ земли на Выборгской сторонѣ, около С.-Петербурга, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Въ Высочайше утвержденныхъ 15 сентября 1774, 19 октября 1775 и 25 сентября 1777 годовъ росписаніяхъ гг. сенаторовъ Тепловъ оставленъ присутствующимъ въ 3-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

Въ награду за службу и труды его, 10 іюля 1775 года онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Г. Н. Тепловъ былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ и художествъ, а также и ученой Мадридской академіи.

По ходатайству Теплова, 2-го марта 1778 года онъ былъ уволенъ въ отпускъ на одинъ годъ съ получаемымъ жалованьемъ

По возвращеніи изъ отпуска въ С.-Петербургъ онъ, состоя на службѣ, умеръ 30 марта 1779 года и погребенъ въ Александровской Лаврѣ.⁷

По отзывамъ его биографовъ, онъ имѣлъ полное право находиться въ числѣ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Энциклопедически образованный Тепловъ, отличался самыми разнообразными познаніями. Какъ писатель, онъ заслуживаетъ вниманія потомства, ибо началъ писать одновременно съ возрожденіемъ русской поэзіи въ первыхъ произведеніяхъ Ломоносова. Тепловъ перевелъ русскими стихами съ латинскаго, оду академика Тауберта «на новый 1738 годъ». Затѣмъ перевелъ рѣчи

⁷ Въ Сенатскомъ архивѣ, между Высоч. указами, въ книгѣ 142, л. 167 и 168 хранятся Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1779 г. духовное завѣщаніе Г. Н. Теплова о распредѣленіи его имущества между наследниками.

академиковъ, читанныя 29 апрѣля 1742 года; составилъ «регламентъ академіи наукъ и художествъ» (1747 г.), написалъ разсужденіе о философіи (1751 г.) «письмо къ президенту и собранію С.-Петербургской академіи наукъ» и въ 1768 г. «наставленіе сыну», отпрывлявшемуся въ чужіе края. Въ 1774 году, досадуя на докторовъ безуспѣшно его пользовавшихся, Тепловъ написалъ цѣлую діатрибу на медицину, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ». Изъ его сочиненій по части сельскаго хозяйства были въ свое время замѣчательны: «О разведеніи табаковъ въ южной Россіи» (1763 года) и «Птичій дворъ»—1774 г. Оба произведенія указываютъ въ авторѣ много любознательности и наблюдательности. Помимо литературы, онъ много занимался музыкою, хозяйствомъ, садоводствомъ и лѣснымъ хозяйствомъ. Большое имѣніе Теплова, село Молодово, Орловской губерніи, Карачевскаго уѣзда, могло по своему благоустройству назваться образцовымъ; здѣсь послѣ него остался большой каменный домъ съ обширными службами, садомъ, превосходными семейными портретами, старинною утварью, большимъ архивомъ и замѣчательною бібліотекою.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что Г. Н. Тепловъ былъ приглашенъ въ число преподавателей къ Великому Князю Павлу Петровичу. Гельбигъ говоритъ, что онъ принялся за это дѣло съ предвзятымъ злымъ намѣреніемъ (mit studirter Bosheit). Онъ долженъ былъ преподавать Великому Князю основательныя познанія въ политическихъ и государственныхъ наукахъ, а приносилъ ему огромныя кипы процессововъ, производившихся въ Сенатѣ. Это конечно наводило на Павла Петровича скуку, онъ не хотѣлъ и слышать вскорѣ объ этихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ была достигнута цѣль: Павелъ Петровичъ не только ничего не вынесъ изъ этого, преподаванія но и получилъ отвращеніе отъ подобнаго рода занятій. *

Г. Н. Тепловъ былъ женатъ въ 1-й разъ на Елизаветѣ Марковнѣ—родомъ Шведкѣ, фамилія которой неизвѣстна, и во 2-й разъ на Мятренѣ Герасимовнѣ Стрешенцовой (двоюродной племянницѣ гетмана Разумовскаго) и имѣлъ дѣтей отъ перваго брака—
1) сына *Алексыя*, сенатора, род. въ 1754, † 1826 году и дочерей—

* Д. С. Кобеко—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, изд. 1882, стр. 55.

2) *Анну*, въ замужествѣ за сенаторомъ Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ, 3) *Елизавету*, за Иваномъ Ивановичемъ Демидовымъ и отъ втораго брака—дочерей: 4) *Наталію* и 5) *Марію*.

По Сенату значится присутствующимъ 1768—1779 г. въ 3-мъ департаментѣ, а также 1770—1779 г. въ Межевой Сената экспедиціи.

ВОРОНЦОВЪ

Римской имперіи графъ (съ 27 марта 1744 г.),

МИХАИЛЬ ИЛАРИОНОВИЧЪ *).

Потомокъ древней фамиліи, второй сынъ тайнаго совѣтника Иларіона Гавриловича Воронцова, отъ брака его съ Анною Григорьевною Масловой, Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ родился 12 іюля 1714 года.

Воспитываясь въ домѣ родительскомъ, онъ былъ взятъ въ 1728 году Императоромъ Петромъ II въ придворные пажы и назначенъ состоять при дворѣ Царевны Елисаветы Петровны. Михаилъ Воронцовъ былъ пожалованъ въ 1730 году камеръ-пажемъ; въ 1733 году гофъ-юнкеромъ и въ 1735 году камеръ-юнкеромъ Цесаревны.

*) *Источники*: 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Россійскій гербовникъ, т. I, № 28; 3) Россійская Родословная книга, князя Долгорукова, т. II, стр. 105, 106; 4) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, изд. 1838 г., т. XII, стр. 47, 49—51; 5) А. Терещенко—Опытъ обзоренія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, изд. 1837 г., т. II, стр. 101—108; 6) Бантышъ-Каменскій—Словарь достопамятныхъ людей русской земли, изд. Ширлева, 1836 г., т. I, стр. 352—363; 7) Его же Списки кавалеровъ, изд. 1814 г., стр. 101, 158, 193, 289; 8) Списки Карабанова, изд. 1860 г., стр. 5, 10, 22, 43—44; 9) Дѣла Московскаго Архива Министерства Юстиціи; 10) Записки Манштейна о Россіи, изд. 1875 г., стр. 232—233, 243, 245; 11) Полное Собраніе Законовъ; 12) «XVIII вѣкъ» Сборникъ П. И. Бартеенева, т. II, стр. 216, 459, 585—589; т. III, стр. 349—350; т. IV, стр. 88, 303, 309; 13) Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 264—266 и друг. тома; 14) Пекарскій Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, изд. 1862 г., стр. 434; 15) Русскій Архивъ; 16) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества; 17) Русская Старина; 18) Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. Пекарскимъ; 1872 г., въ Сборникѣ Императорской Академіи Наукъ, стр. 460—461.

Находясь постоянно при Елисаветѣ Петровнѣ, онъ привязался къ ней, съ преданностію исполнялъ всѣ ея порученія, былъ ея секретаремъ и служилъ ей своимъ перомъ, которымъ владѣлъ хорошо еще въ ранней молодости ¹. Когда же затѣмъ наступили для Цесаревны тяжкіе дни, то М. Воронцовъ сдѣлался, вѣстѣ съ лейбъ-медикомъ Лестокомъ, повѣреннымъ ея тайнъ и участникомъ въ переворотѣ, происшедшемъ въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г.

Въ запискахъ адъютанта генераль-фельдмаршала графа Миниха Христофора Германа Манштейна и въ другихъ историческихъ изданіяхъ, это событіе описано слѣдующимъ образомъ:

Послѣ выраженного, 23 ноября 1741 года, правительницею Анною Леопольдовною Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ подозрѣнія на счетъ ея тайныхъ будто бы совѣщаній съ французскимъ посломъ маркизомъ де-ла-Шетарди, подозрѣнія, которое было искусно отклонено Цесаревною, она успѣшила извѣстить своего лейбъ-медика Лестока о происшедшемъ разговорѣ. Этотъ наперстникъ, тайно подготовлявшій уже дѣло возведенія на престолъ Елисаветы Петровны, желалъ въ ту же ночь предупредить опасность, грозящую Цесаревнѣ и ему самому; но такъ какъ всѣ, принимавшіе участіе въ давно составленномъ заговорѣ, были разсѣяны въ городъ по своимъ квартирамъ и не были предупреждены, то приходилось отложить исполненіе задуманнаго до слѣдующей ночи.

Утромъ 24 ноября, когда Лестокъ, по обыкновенію, явился къ Цесаревнѣ, у которой въ это время находился ея камеръ-юнкеръ Воронцовъ, лейбъ-медикъ подалъ ей, нарисованную имъ карандашемъ на небольшомъ клочкѣ папки, аллегорическую картинку, гдѣ съ одной стороны она была изображена съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ, а на другой—въ покрывалѣ монахини, окруженной орудіями вытки и висѣльцами. «Избирайте, Ваше Высочество, сами любое сказалъ онъ ей, быть ли вамъ Императрицею, или отправиться въ монастырское заточеніе и видѣть какъ ваши слуги гибнуть въ казни!» ² Слушая выраженную ей въ упоръ необходимость рѣшиться и дѣйствовать, Елисавета Петровна, желавшая всегда избѣгать всякаго насилія, отвѣтила на это только нервнымъ вздохомъ. Изумленные ея неожиданною робостію, Лестокъ и Воронцовъ, не теряя присутствія духа, стали убѣждать ее и умолять немедлять въ рѣшеніи. Елисавета колебалась. Они настаивали,

¹ Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 58, 59.

² Пекарскій—Маркизь де-ла-Шетарди, стр. 434.

говоря, что надобно только быть смѣлою и при этомъ увѣрили, что уже весь народъ преданъ и желаетъ видѣть ее на тронѣ. Цесаревна упала тогда на колѣна передъ образомъ Божіей Матери—пишетъ историографъ и послѣ горячей молитвы, со слезами на глазахъ, объявила имъ свое согласіе приступить къ дѣлу. Рѣшено было дѣйствовать съ наступленіемъ ночи и Лестоку успѣвшия увѣдомить объ этомъ всѣхъ соучастниковъ своихъ въ задуманномъ переворотѣ.

Наступилъ вечеръ 24 ноября 1741 года и всѣ приверженцы Цесаревны находились въ нетерпѣливомъ, трепетномъ ожиданіи исхода предпринятаго намѣренія. Въ 11 часовъ ночи Елисавета Петровна, возложивъ на себя орденъ Св. Екатерины, выѣхала изъ своего дворца въ санкахъ, имѣя на запяткахъ камеръ-юнкера М. Воронцова, и направилась къ казармамъ преданныхъ ей гренадеръ Преображенскаго полка, дворъ которыхъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ соборъ Спаса Преображенія. 30 человекъ этой роты, бывшіе въ заговорѣ, быстро собрали до 300 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Цесаревна объявила имъ въ краткихъ рѣчахъ о своемъ намѣреніи и требовала дружной помощи съ ихъ стороны. Воодушевленная ея словами, эта горсть подготовленныхъ приверженцевъ, отвѣтивъ восторженнымъ согласіемъ жертвовать собою и готовностію умереть за дочь Великаго Петра, тотчасъ присягнула Цесаревнѣ на подданство. Принявъ сама начальство надъ ними, Елисавета повела этотъ отрядъ прямо къ Зимнему дворцу, гдѣ все безмятежно спало. Цесаревна вошла безъ малѣйшаго сопротивленія съ частію сопровождавшихъ ее лицъ въ залы, занятыя дворцовымъ карауломъ и съ твердостію объявила офицерамъ настоящую причину своего появленія. Имponируя своею популярною личностію, она, не встрѣчая противодѣйствія, заняла тотчасъ всѣ дворцовыя покои и овладѣла мѣстностію Царскаго жилища. У всѣхъ дверей, входовъ и выходовъ успѣшно стали часовыми прибывшіе гренадеры и въ короткое время все оказалось въ ихъ власти. Неожиданность, самоувѣренная быстрота и спокойно данныя приказанія, съ которыми все было совершено, озадачивъ, парализовали защиту со стороны военныхъ постовъ. Въ это время Лестоку и камеръ-юнкеръ Воронцовъ, не теряя времени, вошли съ отрядомъ въ покои управительницы Анны Леопольдовны и успѣшно арестовали ее съ супругомъ, дѣтьми и жившею въ сосѣдней комнатѣ любимицею ея, фрейлиною Юліаною Менгденъ.

Лишь только произведено было первоначально съ успѣхомъ

это важное овладѣніе семействомъ правительницы, часть гренадеровъ была немедленно откомандирована для задержанія фельд-маршала графа Миниха, сына его оберъ-гофмейстера великой княгини, графа М. Г. Головкина, оберъ-гофмаршала графа Левенвольда, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ менѣе значительныхъ лицъ. Исполнявшіе это распоряженіе гренадеры вскорѣ доставили всѣхъ арестованныхъ во дворецъ Цесаревны.

На разсвѣтъ, туда же были выведены всѣ войска, которыя, по объявленіи имъ о совершившемся уже воцареніи Императрицы Елисаветы Петровны, безропотно присягнули ей на вѣрноподданство. Къ утру Сенатъ и всѣ знатныя лица Имперіи съѣхались въ Императорскій дворецъ, гдѣ составленъ былъ канцлеромъ княземъ А. М. Черкасскимъ, съ княземъ Н. Ю. Трубецкимъ и камеръ-юнкеромъ М. И. Вороновымъ, Высочайшій манифестъ о принятіи самодержавнаго правленія Государствомъ Императрицею Елисаветою. По выслушаніи обнародованнаго затѣмъ акта этого, всѣми присутствующими сановниками и начальствующими всѣхъ вѣдомствъ была принесена также съ покорностію и безмолвіемъ присяга на вѣрность новой государынѣ. Такимъ образомъ закончилось событіе быстро происшедшаго переворота ³.

Въ первый день своего воцаренія, 25 ноября 1741 г., Императрица Елисавета Петровна, награждая своихъ приверженцевъ, пожаловала и съвоего камеръ-юнкера М. Вороцова въ действительные камергеры ⁴.

Въ ознаменованіе же того, что гренадерская рота Преображенскаго полка была первою, которая признала Елисавету Императрицею и наиболѣе содѣйствовала къ возведенію ея на престолъ, 31 декабря 1741 года учрежденъ былъ изъ нея особый отрядъ, наименованный: «*Лейбъ-компанія*» и всѣмъ служившимъ въ этой ротѣ даровано потомственное дворянское достоинство съ офицерскими чинами ⁵. При этомъ, Государыня приняла на себя званіе капитана лейбъ-компаніи и подчинила ее своему непосредственному

³ Записки Манштейна, стр. 231—235; Полн. Собр. Зак., 1751 ноябрь 25 (8473) манифестъ; Реляція о восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны—Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1169—1181; Терещенко, стр. 103; Баттышъ-Каменскій, т. III, стр. 174—177; XVIII вѣкъ—Бартенева, т. VI, стр. 309; Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 58, 59; Записки ювелира Позье—Русская Старина, 1870 г., т. I, стр. 86—89.

⁴ Высочайшіе указы Сенат. Архива, кн. 66, л. 86.

⁵ Полн. Собр. Законовъ, 1741 дек. 31 (8491) Имен. ук.

вѣдѣнію. По штату лейбъ-компаніи, ранги въ оной были прравлены: капитанъ—поручика—чину полнаго генерала арміи, поручика—чину генералъ-лейтенанта и подпоручика—генералъ-маіора. Тогда же, капитанъ-поручикомъ былъ назначенъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, поручиками—А. Г. Разумовскій и М. И. Воронцовъ, съ чиномъ генералъ-лейтенантовъ, и подпоручиками—братья А. И. и П. И. Шуваловы ⁶. Вообще было роздано въ то время много наградъ и отличій лицамъ окружавшимъ новый престолъ.

Удостоившемуся почетныхъ пожалованій М. И. Воронцову выпало на долю еще новое счастливое стеченіе обстоятельствъ. Съ согласія Императрицы Елисаветы, онъ вступилъ 31 января 1742 года въ бракъ съ ея двоюродною сестрою, графинею Анною Карловною Савронскою, и тѣмъ еще болѣе упрочилъ свое положеніе въ высшей придворной средѣ ⁷.

16 февраля 1742 года прибылъ въ С.-Петербургъ родной племянникъ Императрицы, Шлезвигъ-Голштинскій герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, который, вызванный Елисаветою Петровною, былъ провозглашенъ 7 ноября того же года Наслѣдникомъ Россійскаго престола. На другой день его пріѣзда, 17 февраля, происходило представленіе ему всѣхъ высшихъ русскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Удостоивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ пожалованія учрежденнымъ отцомъ его орденомъ Св. Анны, герцогъ украсилъ таковымъ въ тотъ день и камергера М. И. Воронцова ⁸.

25 апрѣля 1742 года, въ день священнаго коронованія Императрицы Елисаветы, Воронцовъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Благоуѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго ⁹.

Близость родства Михаила Иларіоновича, по женѣ, съ Государынею и особенное благоволеніе ея къ нему, обратили на себя

⁶ См. Елизаветинскіе Лейбъ-компанейцы—Русс. Архивъ, 1880 г., т. II, стр. 1—146; Записки Манштейна, стр. 242—243.

⁷ Дочь роднаго брата Императрицы Екатерины I—графиня А. К. Савронская род. 7 декабря 1723 г., была пожалована въ статсъ-дамы Императ. двора—25 апрѣля 1742 г.; оберъ-гофмейстерникою—29 июня 1760 г.; орденомъ Св. Великомученицы Екатерины—9 февр. 1762 г. и умерла 31 авг. 1773 года (Россійская родословная книга, изд. Русской Старины, т. I, стр. 62—63; Бантышъ-Каменскаго—Списки кавалеровъ, стр. 158; Списки Карабанова, стр. 43—44; Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 265).

⁸ Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. VI, стр. 413; Списки кавалеровъ Бантышъ-Каменскаго, стр. 289.

⁹ Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 66, л. 272; XVIII вѣкъ, т. II, стр. 216.

въ то время вниманіе трехъ царствующихъ въ Европѣ имць, которыя съ дипломатическою любезностію поспѣшили также выразить ему и свои благосклонныя чувства.

13 ноября 1742 года онъ получилъ отъ Прусскаго короля Фридриха II орденъ Чернаго Ора¹⁰.

Польскій король Августъ III прислалъ ему въ 1743 году орденъ Бѣлаго Ора.

Германскій же Императоръ Карлъ VII, *дипломомъ отъ 27 марта 1744 года, представилъ М. И. Воронцову званіе потомственнаго графа Римской имперіи*, на принятіе такового титула 24 июля 1744 года последовало разрѣшеніе Императрицы Елисаветы¹¹.

Между тѣмъ, въ іюль 1743 года Императрица пожаловала Михаилу Иларіоновичу, въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ Финляндіи, Кекегольскомъ уѣздѣ, погосты Якиварскій и Кей-цалакъ съ 790 гейматами¹².

18 августа 1743 года дѣйствительный камергеръ М. Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ генеральномъ судѣ, учрежденномъ по дѣлу Государственныхъ преступниковъ Лопухиныхъ, графини Анны Гавриловны Бестужевъ и Рюминой и другихъ, по которому 29 августа последовалъ Высочайше утвержденный приговоръ¹³.

25 іюня 1744 года лейбъ-компаніи поручикъ и дѣйствительный камергеръ М. Воронцовъ былъ опредѣленъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто умершаго тайнаго совѣтника и бывшаго президента академіи наукъ Карла Броверна († 3 января 1744 г.)¹⁴.

По смерти канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго († 4 ноября 1742 г.), Иностранною Коллегіею управлялъ совер-

¹⁰ Сборн. Рус. Историч. Общества, т. VI, стр. 454.

¹¹ Терещенко, стр. 104; Батышъ-Каменскій, стр. 353; Высоч. указы, кн. 72, л. 135. *Примѣчаніе.* 5 апрѣля 1797 года, въ день коронаванія Императора Павла I, повелѣно было зачислить въ графскіе роды Россійской Имперіи, въ числѣ другихъ фамилій, и римскихъ графовъ Воронцовыхъ (Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 191, л. 38).

¹² Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. Пекарскаго, 1872 года.—Сборникъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 460—461.

¹³ Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 71, л. 223; Русскій Архивъ, 1874 г., т. I, стр. 41, 192; См. также Русскую Старину, 1874 г. III, Дѣло Н. Ф. Лопуханой и другихъ.

¹⁴ Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 112—113.

шению самостоятельно графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, преобладающее вліаніе котораго на весь государственный строй вполне установилось. 15 іюля 1744 года онъ былъ пожалованъ въ канцлера, а къ нему въ товарищи назначенъ, съ званіемъ вице-канцлера, М. И. Воронцовъ, произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники ¹⁵.

9 ноября 1744 года опредѣлено было графу Воронцову вице-канцлерскаго жалованья по 6 тыс. руб. въ годъ ¹⁶.

Не смотря на лестное, само по себѣ, служебное возвышеніе, графъ Михаилъ Иларіоновичъ не только не приобрѣлъ вліяющаго на политическія дѣла значенія, какъ помощникъ канцлера, но даже очутился въ весьма щекотливомъ и тягостномъ положеніи. Причиной сему было то, что графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, не перифрѣзшій по характеру своему какого-либо совмѣстничества, держалъ въ однихъ своихъ мощныхъ рукахъ все управленіе внѣшними и внутренними дѣлами Государства. Поэтому, графъ Воронцовъ сдѣлался только номинальнымъ сотрудникомъ этого самолюбиваго и честолюбиваго дѣятеля, съ которымъ по его обширному уму, гдѣтаться было мало кому по силамъ. Понимая свое положеніе, онъ, какъ осторожный человекъ, уклонялся всегда, на сколько возможно, отъ всякаго рода служебныхъ соприкосновеній къ графу Бестужеву-Рюмину и, подъ предлогомъ поправленія здоровья, испросилъ себѣ въ 1745 году заграничный отпускъ. Отпуская графа Воронцова въ продолжительное путешествіе, внимательная Государыня подарила ему передъ отъѣздомъ, соборей на 700 рублей ¹⁷.

Выѣхавъ 3 сентября 1745 года изъ С.-Петербурга, графъ Михаилъ Иларіоновичъ странствовалъ до исхода 1746 года по Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи. Всюду онъ былъ принимаемъ при иностранныхъ дворахъ съ необыкновенною любезностію и предупредительнымъ вниманіемъ, какъ русскій сановникъ, состоящій въ извѣстномъ родствѣ съ Императорскимъ домою; во Франціи же его встрѣчали по этому случаю даже съ особыми почестями ¹⁸.

Въ отсутствіе его, 26 января 1746 года было прислано ему в канцлеру графу Бестужеву въ подарокъ отъ Шведскаго двора,

¹⁵ Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 72, л. 146.

¹⁶ Тамъ же, кн. 72, л. 308.

¹⁷ Архивъ князя Воронцова, т. I, стр. 118.

¹⁸ Тамъ же, т. I, стр. 69 и 154.

каждому по 9 тыс. руб., за установленный в 1745 году союзный трактат между обоими кабинетами ¹⁹.

Дороговизна путешествия и недостаточность личных денежных средств, заставили графа Михаила Иларіоновича отложить дальнѣйшія поѣздки; покорясь обстоятельствамъ, онъ вернулся въ Петербургъ, въ августъ 1746 года, и вступилъ опять къ отпращиванію своей пассивной вице-канцлерской должности ²⁰.

17 декабря 1746 года Высочайше повелѣно было отпустить графу Воронцову, кромѣ получаемого имъ жалованья, еще по 1500 рублей въ годъ камергерскаго жалованья ²¹.

Указомъ 29 мая 1747 года Императрица пожаловала вице-канцлеру графу Воронцову, въ вѣчное и потомственное владѣніе, изъ конфискованныхъ земель барона Менгдена въ Лифляндіи 30 ¹/₂ гаковъ въ мызѣ Нейгофъ, Вендерскаго уѣзда ²².

Одновременно съ Царскими милостями, ему подготавлились тайнѣ большія непріятности, цѣлю которыхъ было поколебать расположеніе къ нему Государыни и стараться удалить его отъ двора. Канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, виновникъ этого, навлекъ на графа Воронцова подозрѣніе въ сношеніяхъ его, будто бы, во время бытности еще за границую, съ королевскимъ прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ Іоганномъ Константиновичемъ Ферберомъ, который, при измѣнническомъ участіи шведскаго офицера Витцига, былъ обвиненъ въ сообщеніи послѣднему тогдашнихъ поддѣточныхкихъ сношеній между Россією и Пруссією и арестованъ по этому дѣлу въ Берлинѣ 4 октября 1746 года. Канцлеръ доложилъ о своемъ подозрѣніи Императрицѣ и съ тѣхъ поръ дѣйствительно произошло охлажденіе ея къ графу Михаилу Иларіоновичу ²³.

Кромѣ того, въ 1748 году, подъ руководствомъ того же графа Бестужева-Рюмина разыгралось политическое дѣло лейбъ-медика графа Лестока, который, какъ обвиненный въ измѣнѣ, подвергся опалѣ и ссылкѣ. ²⁴ Въ это время недоброжелатели графа Михаила Иларіоновича хотѣли приписать и ему участіе въ дѣлѣ Лестока по нинимому заговору. Несмотря на неосновательность подобныхъ зло-

¹⁹ Тамъ же, т. II, стр. 137, 143.

²⁰ Архивъ князя Воронцова, т. I, стр. 158.

²¹ Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 89, л. 42.

²² Тамъ же, кн. 75, л. 30.

²³ Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 177—183.

²⁴ См. по этому предмету незаданную біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

стныхъ нареканій и извѣтовъ, графу Воронцову удалось оправдаться совершенно только въ 1750 году предъ Государынею, которая съ тѣхъ поръ начала опять относиться къ нему довѣрчиво и съ благоволеніемъ.²⁵

Первымъ признакомъ возвращенія Монаршихъ милостей было то, что когда графъ Михаилъ Илларионовичъ, обремененный долгами, въ которые онъ былъ вовлеченъ расходами по служебному своему положенію, сталъ просить Государыню о ссудѣ ему денегъ, то 11 мая 1750 года Высочайше повелѣно было выдать графу Воронцову изъ казны займообразно 20 т. рублей.²⁶

Съ тѣхъ поръ опять упрочилось положеніе при дворѣ графа Михаила Илларионовича и поддерживалось, кромѣ близкихъ связей его супруги съ Государынею, еще пріязненными отношеніями его съ графами Разумовскими и въ особенности съ графами Александромъ и Петромъ Ивановичами Шуваловыми, явно входившими тогда въ силу, при помощи царскаго любимца Ивана Ивановича Шувалова. Изъ нихъ графы Шуваловы были всегда враждебными противниками канцлера графа Бестужева-Рюмина, который все-таки умѣлъ искусно разрушать интриги ихъ въ стремленіи къ власти.²⁷

5 сентября 1752 года, въ день тезоименитства Императрицы, графъ Воронцовъ удостоился награды высшимъ русскимъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго.²⁸

Высочайшимъ указомъ 18 декабря 1753 года пожалованы были вице-канцлеру графу Воронцову и его супругѣ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, мызы Мариенбургъ и Калнемойзъ съ 51 гакайнъ земли, въ Рижскомъ уѣздѣ.²⁹

16 декабря 1756 года опредѣлено было ему, кромѣ окладовъ по должности, еще по 6 т. рублей въ годъ столовыхъ денегъ.³⁰

По случаю заключенія 31 декабря 1756 года дружественной конвенціи между петербургскимъ и версальскимъ кабине-

²⁵ См. оправдательное письмо графа М. И. Воронцова къ Императрицѣ Елизаветѣ отъ 18 декабря 1749 года по клеветамъ, введеннымъ на него злостно и вымышленно. Архивъ князя Воронцова, т. II, ст. 612—616.

²⁶ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 89, л. 26; Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 620—621.

²⁷ Сборникъ «XVIII Вѣкъ», т. II, стр. 498, 499, 516, 517, 523.

²⁸ Списки кавалеровъ, Бятынь-Каменскаго, стр. 101; Русскій Архивъ 1883 г., т. II, стр. 315.

²⁹ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 82, л. 271.

³⁰ Высоч. указы, кн. 40, л. 71.

тами, король Людовикъ XV, въ знакъ особеннаго благовожденія къ вице-канцлеру, 27 іюня 1757 года прислалъ ему въ подарокъ 150 золотыхъ медалей съ изображеніемъ важныхъ историческихъ событій какъ своего царствованія, такъ и Людовика XIV; къ этому король присоединилъ также роскошную табакерку, съ которою цѣнность всего подарка составляла отъ 30 до 35 тысячъ лпвровъ (2500 червонныхъ) ³¹

Запуганность личныхъ дѣлъ графа Михаила Илларионовича и возраставшіе долги вынудили его примкнуть къ сообществу пріятелей своихъ графа Петра Ивановича Шувалова и генерала Александра Ивановича Глѣбова (въ послѣдствіи генераль-прокурора), которые вступили въ разныя торговыя предпріятія и хлѣбныя операциі за границею. При содѣйствіи И. И. Шувалова, ими испрашивались даже разныя льготныя разрѣшенія Императрицы Елизаветы. Такъ, 30 іюня, 22 августа и 20 ноября 1757 года Высочайше разрѣшено было вице-канцлеру графу Воронцову, вмѣстѣ съ Глѣбовымъ и графомъ Шуваловымъ, вывозить хлѣбъ въ Швецію на особо льготныхъ основаніяхъ. ³²

14 февраля 1758 года разразилась внезапная гроза надъ головою канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, который былъ обвиненъ въ постыдномъ отступленіи фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина послѣ знаменитой побѣды его надъ Прусаками подъ Гросъ-Эгерсдорфомъ. Канцлеръ былъ арестованъ, лишенъ чиновъ и званій, съ преданіемъ суду особой комиссіи. ³³

Съ паденіемъ графа А. П. Бестужева-Рюмина, графъ М. И. Воронцовъ вступилъ въ самостоятельное управленіе дѣлами Государственной иностранной коллегіи и всею внѣшнею политикою. По историческимъ документамъ, между прочимъ, видно, что графъ Михайлъ Илларионовичъ, несмотря на свою слержанность съ канцлеромъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ, велъ съ нимъ глухую борьбу при помощи любимца Государыни—И. И. Шувалова, который одинъ только имѣлъ постоянно безпрепятственный входъ въ покои Императрицы Елизаветы, даже во время ея эпилептическихъ припадковъ; въ то время, при выздоровленіи ея, онъ дѣлалъ ей

³¹ Архивъ князя Воронцова, т. II, стр. 371; т. III, стр. 210—211, т. VI, стр. 265.

³² «XVIII-й Вѣкъ»—Бартенева, т. II, стр. 526; Высоч. указы Сен. Архива, кн. 90, л. 339, 355, 390.

³³ См. Біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

личные доклады по всѣмъ доставлявшимся къ нему дѣламъ и бумагамъ. Близость графа Воронцова съ И. И. Шуваловымъ ³⁴ дала ему возможность, при случаѣ, одолѣть наконецъ канцлера и занять его мѣсто.

Высочайшимъ указомъ 23 ноября 1759 года вице-канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ М. Воронцовъ удостоился пожалованія въ государственные канцлеры и назначенъ къ присутствованію въ Прав. Сенатѣ. ³⁵

При этомъ было дано ему въ подарокъ отъ Императрицы 50 т. рублей. ³⁶

Въ слѣдующемъ году, милости къ нему Императрицы Елизаветы Петровны выразились болѣе крупнымъ матеріальнымъ дарованіемъ. 9 ноября 1759 года повелѣно было отдать канцлеру графу Воронцову въ содержаніе, Пермской губерніи, Егожихинскій, Мотовилихинскій, Высунскій и Пыскорскій казенные мѣдные заводы, съ рудниками, лѣсами, всѣми припасами и матеріалами, рабочими людьми и крестьянами, за которые онъ обязывался дѣлать платежи въ казну на основаніи существующихъ о томъ указовъ, однакоже съ тѣмъ, чтобы подлежащій въ казнѣ платежъ началъ поступать только чрезъ 12 лѣтъ. ³⁷

Не имѣя мужскаго потомства, графъ Михайлъ Иларіоновичъ пользуясь своимъ положеніемъ, исходатайствовалъ у Германскаго императора Франца I дипломы отъ 19 января 1760 года на потомственное графское Римской имперіи достоинство роднымъ братьямъ своимъ Роману и Ивану Иларіоновичамъ Воронцовымъ, 19 февраля 1760 года Императрица Елизавета дала разрѣшеніе на принятіе ими такового титула. ³⁸

26 апрѣля 1760 года графъ Михайлъ Иларіоновичъ обратился къ Государынѣ съ письменною просьбою объ увольненіи его отъ

³⁴ См. переписку графа М. И. Воронцова съ И. И. Шуваловымъ за время съ 10 января 1755-го по 12 февраля 1766 года—Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 336—400.

³⁵ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 93, л. II; Русскій Архивъ, 1874 г., т. I, стр. 1016.

³⁶ Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 265—266.

³⁷ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 63, л. 63, *Примѣчаніе*. Въ 1763 году графъ Воронцовъ возвратилъ въ казну означенные заводы, Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 608.

³⁸ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 99, л. 19.

службы, ссылаясь на болѣзненное свое состояніе,³⁹ но это ходатайство осталось безъ послѣдствій.

Продолжавшая пользоваться неизмѣннымъ благорасположеніемъ Государыни, жена его, графиня Анна Карловна Воронцова, была возведена 29 іюня 1760 года въ оберъ-гофмейстрины Императорскаго двора.⁴⁰

Такъ какъ послѣ замѣщенія графа А. П. Бестужева-Рюмина графомъ Воронцовымъ, т. е. съ 1758 года, вице-канцлера не было избрано, то послѣдній, ссылаясь на слабое здоровье, просилъ въ сентябрѣ 1761 года Императрицу о назначеніи ему въ помощь вице-канцлеромъ чрезвычайнаго посланника нашего въ Лондонѣ, камергера князя Александра Михайловича Голицына,⁴¹ который былъ уже опредѣленъ на эту должность только въ послѣдующее царствованіе—9 іюня 1762 года.⁴²

25 декабря 1761 года скончалась Императрица Елизавета Петровна и воцарившійся Императоръ Петръ III съ первыхъ дней выказалъ свое расположеніе къ канцлеру графу М. И. Воронцову и желаніе удержать его на занимаемомъ посту.⁴³ Во все время своего непродолжительнаго царствованія, новый Государь съ особеннымъ благоволеніемъ относился къ графу Михаилу Илларионовичу, несмотря на то, что этотъ никогда не былъ партизаномъ за сближеніе съ Пруссіей и постоянно удерживалъ отъ такового самаго Императора. Графъ Воронцовъ явно выказывалъ нежеланіе быть орудіемъ въ дѣлахъ, возникавшихъ тогда безъ его участія, и уклонялся отъ дѣятельности по нимъ; онъ рѣшительно препятствовалъ голштинскому предпріятію, задуманному Императоромъ Петромъ III, который отстранилъ его даже отъ переговоровъ по Шлезвигъ-голштинскому вопросу.⁴⁴

Въ числѣ объявленныхъ въ то время канцлеромъ графомъ Воронцовымъ Прав. Сенату Высочайшихъ повелѣній достойно вниманія таковое отъ 20 января 1762 года, которымъ приказано было сдѣлать распоряженіе о выступленіи находящемуся въ Австріи корпусу генералъ-поручика графа З. Г. Чернышева въ Польшу на

³⁹ Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 259—261.

⁴⁰ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 99, л. 136.

⁴¹ Архивъ князя Воронцова, т. VI, стр. 261—264.

⁴² Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 96, л. 322.

⁴³ Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 33—34.

⁴⁴ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 125, 152 и 345.

Познань, для соединенія съ собранною тамъ главною русскою арміею, которая предназначалась къ дѣйствіямъ вмѣстѣ съ прусскою противъ бывшей союзницы нашей Австріи. ⁴⁵

Совершавшіяся событія и рѣзкій переломъ въ политикѣ русскаго кабинета сильно подѣйствовали на канцлера графа Михаила Илларионовича, у котораго въ концѣ января 1762 года сдѣлался параличный ударъ; но въ февралѣ мѣсяцѣ онъ оправился настолько, что могъ опять вступить въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей и продолжать свои временно прерванныя занятія ⁴⁶

Крайне внимательный къ нему Императоръ, въ доказательство своей милости, возложилъ 9 февраля 1762 года на супругу его, графиню Анну Карловну, орденъ Св. Великомученицы Екатерины. ⁴⁷ Высочайшимъ же указомъ 14 февраля 1762 года пожалованы были оберъ-гофмейстринѣ графинѣ А. К. Воронцовой. въ вѣчное и потомственное владѣніе, волость Сомерская, въ Новгородскомъ уѣздѣ, и село Кимры, въ Кашинскомъ уѣздѣ; но вслѣдъ за тѣмъ было повелѣно замѣнить ей волость Сомерскую таковою же Силосарскою. ⁴⁸

Съ учрежденіемъ 18 мая 1762 года при Высочайшемъ дворѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Императора, особаго собранія изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, канцлеръ графъ Воронцовъ былъ также избранъ Государемъ къ присутствованію въ немъ. ⁴⁹

Между 15 и 20 іюня Императоръ Петръ III собирался ѣхать къ войскамъ нашимъ въ Померанію, для принятія личнаго участія въ экспедиціи противъ Датчанъ, и на время его отсутствія предполагалось ввѣрить управленіе внутренними дѣлами государства шести лицамъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ былъ поименованъ и канцлеръ графъ Воронцовъ. ⁵⁰

⁴⁵ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 63, л. 144.

⁴⁶ Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 70.

⁴⁷ Списки кавалеровъ, Бонтыпъ-Камскаго, стр. 158.

⁴⁸ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 96, л. 85 и 130.

⁴⁹ Тамъ же, кн. 96, л. 293. *Примѣчаніе.* Членами упоминаемаго собранія кромѣ графа М. И. Воронцова, были назначены: 1) герцогъ Георгій-Людвигъ Шлезвигъ-Голштинскій (припць Жоржъ), 2) принць Петръ-Августъ-Фридрихъ Голштейнбекскій; 3) генераль-фельдмаршалъ графъ Манихъ, 4) генераль-фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой; 5) генераль-фельдцейхмейстеръ А. Н. Вильбоа, генераль-поручики. 6) князь М. Н. Волконскій; 7) А. И. Мельгуновъ и 8) тайный секретарь Императора, д. ст. сов. Д. В. Волковъ.

⁵⁰ По свидѣтельству австрійскаго посла при петербургскомъ дворѣ графа Мерсв, трое были уже намѣчены заранѣе Императоромъ Петромъ III, а именно: канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ, генераль-фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубец-

Поѣздка Императора Петра III не осуществилась, и 28 июня 1762 года совершился государственный переворотъ, при которомъ бразды правленія приняла на себя супруга его, Императрица Екатерина Алексѣевна.

Во время всѣхъ подготовленій къ этому событію, графъ Михаилъ Илларионовичъ, по долгу присяги остававшійся вѣрнымъ царствующему Императору, находился и въ тотъ день при немъ въ Ораниенбаумѣ. Когда же дошла туда положительная вѣсть о совершенномъ въ С.-Петербургѣ провозглашеніи на царство Императрицы Екатерины Алексѣевны, то Петръ III послалъ канцлера графа Воронцова для вразумленія своей супруги. Прибывъ въ тотъ же день вечеромъ въ столицу, онъ немедленно явился во дворецъ и, несмотря на то, что былъ принятъ довольно хорошо Императрицей, обѣщавшею ему свое покровительство, онъ все-таки первоначально сталъ уговаривать ее не возставать противъ законнаго Государя. Но Екатерина Алексѣевна возразила ему коротко и повелительно по отношенію неизмѣнности ея положенія, такъ что ему пришлось покориться обстоятельствамъ. Графъ Воронцовъ не вернулся уже болѣе въ Ораниенбаумъ, а отправился въ свой домъ, гдѣ къ нему былъ приставленъ, на нѣсколько дней, караулъ изъ двухъ офицеровъ, для надзора за нимъ.⁶¹

Приводимъ здѣсь, по этому предмету, свѣдѣнія имѣющіяся въ историческихъ изданіяхъ нашихъ:

«Предъ выходомъ войскъ изъ С.-Петербурга въ Петергофъ, прибывшій изъ Ораниенбаума канцлеръ графъ Воронцовъ представился Императрицѣ Екатерени Алексѣевнѣ, которая спросила его, «затѣмъ ли онъ явился, чтобы присягнуть ей?»

— «Въ настоящую минуту не могу, отвѣчалъ канцлеръ,— потому что присланъ отъ Императора изъ Ораниенбаума узнать, что происходитъ».

— «Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ посажу подъ домашній арестъ сказала ему Императрица;—я съ этою цѣлію сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ можете быть спокойны за себя».

кой и оберъ-гофмаршалъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ (Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 376.

⁶¹ Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. XII, стр. 8; Архивъ князя Воронцова, т. VIII, стр. 7—8.

— «Будьте увѣрены, вполне хладнокровно возразилъ графъ Воронцовъ, что я никогда не присягну ни словомъ, ни дѣломъ вашему правленію; а чтобы увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню присягѣ, данной настоящему Императору, пока онъ существуетъ».

Воронцовъ поклонился и отправился домой съ двумя офицерами, которые сѣли съ нимъ въ карету. ⁵²

По свидѣтельству графа С. Р. Воронцова, дядя его, канцлеръ графъ Михаилъ Илларионовичъ съ благородною твердостью велъ себя во время означеннаго событія, онъ отказывался отъ присяги Екатеринѣ Алексѣевнѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось извѣстнымъ о смерти Императора Петра III и тогда только присягнулъ и вступилъ по желанію новой Государыни въ отправленіе своихъ обязанностей. ⁵³

Историографъ Кастера писалъ, что графъ Воронцовъ присягнувъ, попросилъ только, чтобы къ нему приставили офицера въ видѣ стражи, чтобы не оставалось сомнѣнія въ его дѣйствіяхъ, что и было исполнено; такимъ образомъ, говоритъ историкъ, канцлеръ одновременно снискалъ довѣріе Екатерины и обезопасилъ себя на случай ея неудачи, такъ какъ могъ выставить себя предъ Петромъ III за арестованнаго сторонника его. Кастера и Рюльеръ утверждаютъ, что княгиня Екатерина Романовна Дашкова испросила 29 іюня канцлеру, въ числѣ прочихъ членовъ своего семейства, прощеніе и графъ М. И. Воронцовъ, оставшійся на своемъ посту, былъ потомъ въ милости при дворѣ. ⁵⁴

Лишь только получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ Петра III, графъ М. И. Воронцовъ, вступившій уже въ отправленіе своей канцлерской должности, 7 іюля 1762 года оповѣстилъ всѣхъ иностранныхъ пословъ и министровъ, въ столицѣ и аходившихся, о томъ, что *бывшій Императоръ скончался 6-го числа отъ сильнаго припадка колики, следствія гемороя, которому онъ бывалъ часто подверженъ*, что обнародовано было и въ Высочайшемъ Манифестѣ того же числа. ⁵⁵

⁵² Русск. Старина, 1870 г., т. I, стр. 222, 1873 г. т. VII, стр. 699; Русскій Архивъ, 1876 г., т. I, стр. 38; Записки кв. Е. Р. Дашковой, изд. 1859 г., стр. 60—61.

⁵³ Русскій Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 65.

⁵⁴ Сборникъ П. П. Бартенева, XVIII-й Вѣкъ, т. III, стр. 349—350.

⁵⁵ Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. XIII, стр. 24—25; Полн. Собр. Зап., 1762 г. т. 7 (112)) Манифестъ о кончинѣ Императора Петра III.

Манифестомъ отъ 7 іюля 1762 года объявивъ о намѣреніи своемъ короноваться въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Императрица Екатерина сдѣлала по этому случаю распоряженія о переѣздѣ туда разныхъ частей, пересмотрѣла сама всѣ списки сенаторовъ и высшихъ сановниковъ и собственноручно намѣтила всѣхъ лицъ, которыя должны были отправиться въ Москву или же оставаться въ Петербургѣ. Изъ числа таковыхъ канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ былъ намѣченъ ею къ переѣзду въ Москву, для присутствованія при священномъ обрядѣ Императорскаго коронованія.⁵⁶ Коронація происходила 22 сентября 1762 года и Государыня оставалась въ Москвѣ до іюня 1763 года, удерживая при себѣ и графа Михаила Илларионовича.

Указомъ 11 февраля 1763 года канцлеръ графъ Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ учрежденной при Высочайшемъ дворѣ комиссіи, для пересмотра распоряженія Императора Петра III о дарованіи россійскому дворянству особыхъ правъ и преимуществъ. Засѣданія этой комиссіи начались 15 февраля; 5 марта обсуждались въ ней пункты, составленные по этому вопросу канцлеромъ, а 18 марта было рѣшено уже поднести Императрицѣ докладъ съ окончательнымъ заключеніемъ комиссіи.⁵⁷

Вотъ подлинный текстъ его:

«Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Въ седьмый день послѣ принятія Нашего Престола Всероссийскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій Императоръ Петръ третій, обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ впалъ въ престокую коліку. Чего ради, не презирая долгу Нашего Христіанскаго и заповѣди Святой, которою Мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи Его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему Нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради Мы повелѣли тѣло Его привести въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣроподданныхъ возбуждаемъ и увѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ и Матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прешедшаго, съ тѣломъ Его послѣднее учинили прощаніе, и о спасеніи души Его усердно къ Богу привносили молитвы. Сіе же бы нечаянно въ смерти Его Божіе опредѣленіе привела за промыслъ Его Божественный, который онъ судьбами своими неисповѣдимыми Намъ Престолу Нашему, и всему Отечеству стравитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ».

⁵⁶ Поля. Собр. Зак. 1762 іюля 7 (11598) манифестъ; Высоч. указы Сев. Архива, кн. 102, л. 35.

⁵⁷ Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. VII, стр. 232, 238. Собственноруч-

Въ бытность въ Москвѣ Императорскаго двора, произошелъ тамъ слѣдующій крайне интересный эпизодъ, который мы извлекаемъ изъ печатныхъ историческихъ сборниковъ нашихъ, доставляющихъ намъ постепенно обильный матеріалъ для освѣщенія картины событій нашего все болѣе и болѣе отдаляющагося прошлаго. ⁵⁸

Вызванный изъ ссылки немедленно послѣ царственнаго переворота, бывшій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ поспѣшилъ явиться ко двору Императрицы Екатерины II и получилъ блестящее удовлетвореніе всенароднымъ Монаршимъ оглашеніемъ о его прошлой невиновности. Очистившись такимъ образомъ въ глазахъ русскаго народа отъ взведенныхъ на него обвиненій, онъ, со своими неугасшими еще честолюбивыми замыслами, надѣялся тогда занять у престола Царскаго свое прежнее вліятельное положеніе. Но времена Елизаветинскія прошли для него безвозвратно. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ нашелъ въ окружающихъ Императрицу лицахъ много новыхъ, вовсе незнакомыхъ и даже не сочувствующихъ ему дѣятелей; канцлерское мѣсто было занято графомъ М. И. Воронцовымъ, котораго удерживала пока на службѣ сама Государыня. Чуткая къ людямъ Екатерина, хотя и пожаловала бывшаго опальнаго старика-сановника въ генераль-фельдмаршалы, дала ему значительный денежный окладъ, но въ то же время, «во уваженіе преклонныхъ лѣтъ графа Алексѣя Петровича», уволила его отъ всякихъ занятій военныхъ и гражданскихъ. ⁵⁹

ный указъ Екатерины II объ учрежденіи при Дворѣ Комиссін о русскомъ дворянствѣ 11 февраля 1763 г., распубликованный въ Полн. Собр. Зак., 1763 февр. 11 (11751) о разсмотрѣніи акта, которымъ Императоръ Петръ III далъ вольность благородному Россійскому Дворянству, и о приведеніи его содержанія въ лучшее совершенство. Извѣстная Грамота на право вольности и преимущества благороднаго Россійскаго Дворянства была дана только въ 1785 году 21 апрѣля. Полн. Собр. Зак., № 16187. Рукою Тенлова помѣчено на бумагахъ, касающихся до переписки комиссін 1764 года, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ: «Указъ собственноручный Ея Императорскаго Величества, данный учрежденной Комиссін о вольности дворянской въ 1763 году февраля 11 дня. Тутъ же и всѣ протоколы той Комиссін, въ оригиналѣ до оконченія той Комиссін такъ какъ и послѣдній, съ котораго обще обо всемъ поднесенъ всеподданнѣйшій Ея Величеству отъ Комиссін докладъ, и другаго доклада, который вслѣдствіе поднесенъ перваго, при семъ находится отлучскъ. Оригинальные же оба доклада остались у Ея Величества».

⁵⁸ Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1863 г., кн. III, Смѣсь, стр. 153—157; П. Н. Бартечева, «XVIII-й Вѣкъ», т II, стр. 584—589.

⁵⁹ См. Біографію графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Осыпая милостями прежнихъ царедворцевъ тетки своей, посѣдѣвшихъ въ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ, Императрица Екатерина подбираала себѣ постепенно цѣлый рядъ новыхъ, свѣжихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ управления обширнымъ Россійскимъ государствомъ. Ея широкому, предприимчивому и всеобъемлющему стремленію—служить примѣромъ для верховныхъ правителей Европы, нужны были чуждые прежняго, здоровые элементы, при помощи которыхъ она могла бы выполнить уже тогда глубоко задуманную великую задачу очищенія прежнихъ язвъ и обновленія страны. По этому, горька должна была показаться старому канцлеру и новопожалованному фельдмаршалу второстепенная роль, которую приходилось занять при новомъ дворѣ. Не примиряясь съ этимъ, онъ всячески изыскивалъ случая войти въ довѣріе Государыни, чтобы только опять попасть въ число первостепенныхъ руководителей судьбами Имперіи и нерѣдко докучалъ ей своими непрошенными совѣтами, или указаніями. Чувствуя это, онъ рѣшился употребить для своихъ цѣлей средство, уже имъ однажды удачно испытанное. Онъ видѣлъ, что съ первыхъ дней новаго царствованія значеніе графа Григорія Григорьевича Орлова все болѣе усиливалось и стало яснымъ для всякаго. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ поснѣшилъ поэтому сблизится съ нимъ и въ его старческой головѣ закралась таже мысль, благодаря осуществленію которой въ 1742 году, онъ 16 лѣтъ сряду держалъ въ рукахъ своихъ бразды правленія, такъ искусительно щекотавшихъ его живучее честолюбіе. Подобно имъ же устроеннымъ брачнымъ узамъ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, Бестужевъ задумалъ и теперь, для достиженія своихъ цѣлей, жинитьбу графа Орлова съ нововѣнчанною Государынею Екатериною Алексѣевною. Мысль свою онъ первоначально сообщилъ 28-лѣтнему любимцу Орлову, который увлекшись такою будущностію, естественно принялъ ее съ восторгомъ. Тогда графъ Алексѣй Петровичъ началъ собирать подписи для поднесенія Императрицѣ формальнаго коллективнаго прошенія о томъ, чтобы она избрала себѣ супруга. По свидѣтельству французскаго посланника барона де-Бретеля, между лицами, подписавшимися подъ этимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, главнѣйшую роль играть старинный союзникъ графа Бестужева—русское духовенство. Слухъ о готовившейся петиціи, быстро разнесшійся по Москвѣ, вызвалъ цѣлыя партіи сторонниковъ и противниковъ подобнаго плана. Во главѣ послѣднихъ, особенно возстававшихъ про-

тивъ возможности вторичнаго брака Императрицы, были канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ,⁶⁰ воспитатель наследника престола Н. И. Панинъ и малороссійскій гетманъ графъ К. Г. Разумовскій.

Гетманъ съ первыхъ дней восшествія на престолъ Екатерины, сталъ въ непріязненныя отношенія къ графу Г. Г. Орлову. По преданію, сохранился разсказъ, что въ то время, однажды за обѣдомъ во дворцѣ, отуманенный тщеславіемъ графъ Григорій Григорьевичъ, разговаривая о недавнемъ переворотѣ, расхвастался до того, что приписывалъ успѣхъ всего этого дѣла одному себѣ; разгоряченный винными парами, онъ наконецъ до того увлекся, что началъ увѣрять даже въ томъ, что въ мѣсяцъ времени беретъ сдѣлать новый переворотъ и низвергнуть Екатерину. >Быть можетъ, возразилъ еяу смѣясь графъ К. Г. Разумовскій,—чрезъ мѣсяцъ ты это бы и сдѣлалъ, но мы бы тебя прежде двухъ недѣль повѣсили». ⁶¹

Все происходившее и разносившееся въ толкахъ, безъ сомнѣнія, доходило до свѣдѣнія Императрицы Екатерины, которую, какъ пишутъ современники, вынудили будто бы измѣнить своему намѣренію вступить во вторичный бракъ и приведенный поступокъ графа Разумовскаго и всеобщій ропотъ, возбужденный замыслами графа А. П. Бестужева-Рюмина.

Самъ же графъ Г. Г. Орловъ взлелѣявшій будущую перспективу своего положенія, созидаемаго планами Бестужева, не рѣдко намекалъ Екатеринѣ о тайномъ бракѣ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.

По удостовѣренію княгини Е. Р. Дашковой, канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ рѣшился въ то время объяснить по этому поводу съ Государынею и лично высказать, что бракъ ея съ Орловымъ произведетъ самое дурное впечатлѣніе на большинство всѣхъ русскихъ. Поблагодаривъ его за вполне оцѣниваемыя ею чистосердечіе и прямоту образа дѣйствій, Екатерина отвѣчала графу Воронцову, что она никогда не поручала старому интригану заботиться о ея положеніи и составлять подобнаго рода прошенія. ⁶²

Старикъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, пріѣхавшій съ дворомъ на коронацію въ Москву, жилъ во все время пребыванія тамъ Государыни въ своемъ домѣ на Покровкѣ, близъ церкви Воскресенія въ Барашахъ.

⁶⁰ Бартенова, XVIII-й «Вѣкъ», т. II, стр. 585—589, 596.

⁶¹ Castéra — Histoire de Catherine II, T. II, page 449; «XVIII-й Вѣкъ», т. II, стр. 585—586.

⁶² Memoires of the Princeesse Dashkow, T. II, p. 124—125.

Однажды, вѣроятно вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора съ канцлеромъ, Императрица Екатерина пригласила къ себѣ графа Михаила Илларионовича. «Напишите, сказала она, ему проектъ указа съ объявленіемъ, что въ память почившей тетки моей, Императрицы Елисаветы Петровны, я признаю справедливымъ даровать графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, вѣнчанному съ покойною Монархиней, титулъ Императорскаго Высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ моей я заявляю ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю это гласнымъ во всенародное извѣстіе». Поручивъ канцлеру показать этотъ проектъ графу Разумовскому, Государыня приказала вмѣстѣ съ тѣмъ графу Михаилу Илларионовичу попросить у него всѣ документы, касавшіеся до его бракосочетанія съ Императрицею Елисаветою Петровною, «дабы изъ нихъ можно было составить актъ и облечь его въ законную форму».

Воронцовъ стоялъ, пишетъ исторіографъ, какъ громомъ пораженный, выслушивая полученное приказаніе, которое противорѣчило не только словамъ, но и самому тону отвѣта, слышаннаго имъ за нѣсколько дней отъ самой Государыни. Онъ хотѣлъ было возражать, но Екатерина настойчиво потребовала немедленнаго исполненія своего повелѣнія и вышла изъ комнаты, оставивъ канцлера въ совершенномъ недоумѣніи. Дѣлать было нечего. Графъ Михаилъ Илларионовичъ наскоро набросалъ проектъ указа и поѣхалъ съ таковымъ къ графу А. Г. Разумовскому. Онъ засталъ старика сидящимъ въ креслахъ и читающимъ Св. Писаніе Кіевской печати, у горѣвшаго камина въ той комнатѣ, которая, по преданію, служила опочивальнею Елисаветы Петровны и извѣстна донынѣ подъ именемъ мраморной. Послѣ обѣда взаимныхъ привѣтствій, канцлеръ выразилъ графу Алексѣю Григорьевичу настоящую причину своего посѣщенія. Графъ Разумовскій потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ съ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окантанный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ свертокъ бумаги, перевитый розовымъ атласомъ. Положивъ опять атласъ въ ларецъ, онъ развернулъ бумаги и началъ читать ихъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Окончивъ чтеніе, послѣ нѣкотораго времени, сѣдовласый старецъ поцѣловалъ бумаги, подошелъ къ образамъ, совершилъ нѣмую молитву, перекрестился и, со слезами на глазахъ, въ замѣтномъ

волненіи вернулся къ пылающему камню, около котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, слѣдя за разрушительнымъ дѣйствіемъ пожирающаго огня, помолчавъ нѣсколько, обратился къ своему собесѣднику со слѣдующею рѣчью: «Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ рабomъ Ея Величества покойной Императрицы Елисаветы Петровны, сосыпавшей меня благодѣяніями прѣвыше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я изъ какой доли вышелъ я и на какую степень возведенъ ея десницею. Я обожалъ ее какъ сердобольную мать миллионовъ народа, примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ самую мыслію сблизиться съ ея царственнымъ величіемъ! Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ *«ею же не пройдемъ»*, въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобзаю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скипетромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю дары благодѣяній, малѣйшихъ на меня отъ престола. Еслибы и было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы никогда суетности признать случай, помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ Всемилостивѣйшей Государынѣ: да продлитъ она милости свои на меня старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется все происшедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ что имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною такихъ толковъ».

Откланявшись, канцлеръ прямо отъ графа Разумовскаго поѣхалъ доложить Государынѣ всѣ подробности происходившаго свиданія, нѣмой сцены и державныхъ рѣчей. По выслушаніи со вниманіемъ разказа, Императрица взглянула въ упоръ на графа Воронцова пронизательно, подала ему руку, которую онъ нецѣловалъ, и произнесла: «Мы другъ друга понимаемъ! Тайнаго бравана не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. Шепотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссіянину самоотверженія». Передавая это замѣчательное въ жизни своей событіе, графъ Михаилъ Илларионовичъ закончилъ разказъ тѣмъ, что съ послѣднимъ словомъ Императрицы

«она погрузилась въ мрачную глубокую думу», и онъ вышелъ изъ ея кабинета.

Въ разговорѣ съ графомъ Воронцовымъ, пишетъ историкъ, Екатерина слѣдовала не формулированному еще въ тѣ времена извѣстному афоризму князя Талейрана, что «слова созданы для сокрытія настоящей мысли». Поступокъ Разумовскаго открылъ ей глаза и доказалъ всю невозможность, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, брака ея съ Орловымъ, одна молва о которомъ породила уже заговоръ Хрущовыхъ и Гурьевыхъ; но посылая Воронцова къ Разумовскому, Екатерина вполнѣ рассчитывала воспользоваться документами, находившимися въ его рукахъ, Кредитъ Орлова послѣ отвѣта графа Алексѣя Григорьевича и поступка графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго нисколько не ослабѣлъ: девять лѣтъ онъ оставался еще всемогущимъ любимцемъ Екатерины. Напротивъ того, всѣ слишкомъ явно возставшія противъ такого брака лица, начиная съ канцлера, мало-по-малу впадали въ немилость и, между прочимъ, княгиня Дашкова, которая находилась въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ съ братьями Орловыми. Неудовольствіе Екатерины пало въ нѣкоторой степени и на гетмана; но съ врожденнымъ своимъ тактомъ она назначила именно его для производства слѣдствія надъ вышеупомянутыми заговорщиками, которые, въ сущности, согласовались съ его взглядомъ, въ исходной точкѣ. Что же касается графа А. Г. Разумовскаго, то Екатерина, при возвышенномъ умѣ своемъ и чувствахъ справедливости, не могла не быть тронутую рѣдкимъ, особенно въ тѣ времена, между сильными міра сего, примѣромъ полнаго самоотверженія, необыкновеннаго благородства. Государыня до конца жизни графа Алексѣя Григорьевича (род. 1709, † 6 іюля 1771 г.) оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ болѣе какъ съ родственникомъ, чѣмъ съ подданнымъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ Государыни, то она вставала и выходила къ нему на встрѣчу, сама тотчасъ подавала ему кресло и при уходѣ провожала до дверей своего кабинета ⁶³.

Между тѣмъ, графъ М. И. Воронцовъ, несмотря на внѣшне любезное обращеніе къ нему Императрицы Екатерины и выказываемое ею благорасположеніе, все-таки понималъ, что настаетъ конецъ его виднаго служебнаго положенія, отъ котораго надо было съ честью устраниваться; къ тому же, разслабленное здоровье

⁶³ XVIII вѣкъ, т. II, стр. 586—589.

и разбитыя уже силы точно также упорно напоминали ему о необходимости полного отдыха послѣ столь продолжительной, тревожной государственной службы. Поэтому онъ, находясь еще въ Москвѣ, письмомъ отъ 5 февраля 1763 года просилъ Императрицу объ увольненіи его отъ службы по случаю крайне разстроеннаго здоровья, или же, по крайней мѣрѣ, о разрѣшеніи ему двухгодичнаго заграничнаго отпуска. Не соглашаясь на совершенное увольненіе, Государыня отвѣчала, что просить его отложить намѣреніе ѣхать въ чужіе края до возвращенія ея въ С.-Петербургъ ⁶⁴.

По переѣздѣ двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ, 4 августа 1763 года состоялся Высочайшій указъ объ увольненіи на два года за границу канцлера графа Воронцова и супруги его, оберъ-гофмейстерницы двора графини Анны Карловны. При этомъ, Высочайше повелѣно было купить въ казну, принадлежащій ему каменный домъ въ Петербургѣ для уплаты ихъ долговъ и выдать ему остальные отъ продажи дома 24594 р. 50 коп. изъ мѣднаго банка ⁶⁵.

Отпуская графа Михаила Илларионовича на продолжительный отдыхъ, Государыня, при прощаніи, обнадежила его въ томъ, что канцлерскій постъ останется за нимъ; на время же его отсутствія, завѣдываніе иностранными дѣлами было ввѣрено графу Н. И. Панину.

Воспользовавшись даннымъ разрѣшеніемъ, графъ Воронцовъ съ супругой выѣхали изъ С.-Петербурга 7 августа 1763 года.

Въ ихъ отсутствіе, при раздѣленіи Прав. Сената на департаменты, 23 января 1764 года Высочайше повелѣно было зачислить канцлера графа Воронцова присутствующимъ въ 1-мъ департаментъ; но 29 февраля того же года состоялось приказаніе Государыни объ освобожденіи его вовсе отъ засѣданія въ департаментъ Сената ⁶⁶.

Пробывъ за границею 1 годъ и 7 мѣсяцевъ, графъ М. И. Воронцовъ вернулся въ С.-Петербургъ въ концѣ февраля 1765 года

⁶⁴ Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. VII, стр. 310—313; Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 606, 609—610.

⁶⁵ Высоч. указы Сен. Архивъ, кн. 107, л. 203. *Примѣчаніе.* Домъ канцлера графа М. И. Воронцова въ С.-Пбурѣ есть нынѣ аданіе, занимаемое Пажескимъ Е. И. В. корпусомъ, на Большой Садовой улицѣ.

⁶⁶ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 109, л. 70 и 363.

и вступилъ опять въ отправленіе своей канцлерской должности. Хотя ему и была разрѣшена двухгодичная отлучка, но плохое состояніе финансовъ, по случаю дороговизны путешествія, заставило его возвратиться въ отечество до окончанія срока отпуска ⁶⁷.

Неожиданное появленіе канцлера и занятіе имъ прежней своей должности было встрѣчено съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ въ высшей придворной средѣ. Графъ Михаилъ Илларионовичъ не могъ не замѣтить съ первой минуты своего возвращенія извѣстнаго охлажденія къ нему со стороны Императрицы и явно выказываемаго ему недоброжелательства любимца ея, графа Г. Г. Орлова, не говоря уже о томъ, что замѣнившій его графъ Н. И. Панинъ успѣлъ овладѣть довѣріемъ Монархини, привыкшей къ его сотрудничеству. По этому графъ Воронцовъ, какъ по собственному убѣжденію, такъ и по совѣту друзей своихъ, послѣшилъ обратиться къ Императрицѣ Екатеринѣ съ ходатайствомъ о полномъ увольненіи своемъ отъ службы, и *22 марта 1765 года* послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ Прав. Сенату:

«Канцлеръ нашъ графъ Воронцовъ, поданнымъ намъ прошеніемъ, описываетъ совершенную слабость своего здоровья, почему отнюдь и не въ состояніи себя находя понести большое бремя вѣренной ему важной и многотрудной должности, всеподданнѣйше проситъ насъ о увольненіи, какъ отъ оной, такъ и отъ всѣхъ дѣлъ. Мы совершенно зная оказанныя его вѣрныя и отличныя службы Блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти нашей вселюбезнѣйшей тетки Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, такъ какъ и всегда оказуемое къ службѣ нашей усердіе и ревность, по многократной его просьбѣ наконецъ въ разсужденіи слабости его здоровья на увольненіе его, какъ отъ нынѣшней его должности, такъ и отъ всѣхъ дѣлъ всемилостивѣйше соизволяемъ, повелѣвая за его отличныя службы, вмѣсто пенсіона производить ему по смерти его нынѣшнее жалованье и всемилостивѣйше позволяя ему жить въ канцлерскомъ домѣ—Екатерина ⁶⁸».

Кромѣ того, Императрица, при увольненіи графа Михаила Илларионовича, прислала ему въ подарокъ 50/т. р. на уплату долговъ ⁶⁹.

⁶⁷ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. XII, стр. 198.

⁶⁸ Высоч. указы Сен. Архива, кн. 113, л. 323.

⁶⁹ Терещенко, стр. 105; Плюшаръ, т. XII, стр. 50; Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 388.

Въ званіи канцлера его замѣнилъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Во все время управленія графомъ Воронцовымъ иностранною коллегією, пишетъ его биографъ, государственныя дѣла текли быстро, безъ нарушенія согласія съ кабинетами другихъ дворовъ. Неусыпное трудолюбіе, твердость и примѣрная честность, на которыхъ основана была его политика, снискали ему полное уваженіе даже и отъ враговъ. Правила хитрости, коими руководились другіе министры въ дѣлахъ дипломатіи, оставались всегда ему чуждыми. Онъ не затемнялъ сношенія свои съ иностранными кабинетами посредствомъ дипломатическихъ тонкостей, уловокъ, или напрасныхъ обѣщаній—эти способы казались ему всегда не совмѣстными съ его правилами жизни. Руководимый стремленіемъ ко благу своего отечества, графъ Михаилъ Иларіоновичъ старался заслужить отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ довѣріе и отъ того во всѣхъ его политическихъ дѣйствіяхъ, ошибочно почитаемыми будто зи коварныя, онъ поступалъ всегда честно и нелицемѣрно ⁷⁰.

Со времени бытности графа Воронцова, съ 1744 года, при дѣлахъ иностранной коллегіи, ближайшими его трудами были составлены слѣдующіе дипломатическіе акты и договоры:

1. 14—(25) іюня 1745 г.—трактатъ между Россією и Швецією объ оборонительномъ союзѣ на 12 лѣтъ ⁷¹.

2. 1—(12) іюня, 8—(19) ноября и 27 ноября (8 декабря) 1746 г.—три конвенціи съ Англією о предоставляемомъ ей Россією вспомогательномъ войскѣ ⁷².

3. 8—(19) ноября 1747 г. конвенція между Россією и Голландією о вспомогательномъ русскомъ войскѣ ⁷³.

4. 16 іюля 1753 г. имъ заключенъ былъ въ Москвѣ съ Австрією, согласно условію 22 мая 1746 года, такого рода секретнѣйшій артикуль по отношенію порты Оттоманской, что если она дерзнетъ нарушить постановленные договоры съ російскимъ дворомъ, или съ вѣнскимъ и произведетъ нападеніе на которое либо изъ этихъ государствъ, то неаттакованная сторона должна объявить войну Турціи и немедленно сдѣлать диверсію въ ея владѣнія ⁷⁴.

⁷⁰ Терещенко, стр. 106—107.

⁷¹ Полн. Собр. Закон., 1745 іюн. 14—25 (9176).

⁷² Бятышъ Каменскій, стр. 359—360.

⁷³ Тамъ же, стр. 360.

⁷⁴ Бятышъ-Каменскій, стр. 354—355.

5. 19 сентября 1755 г.—конвенція между Россією и Англією, о возобновленіи еще на 4 года оборонительнаго союзнаго трактата, заключеннаго между обоими дворами 11 декабря 1742 года ⁷⁵.

6. 31 декабря 1756 г.—Актъ между Россією и Францією, о присоединеніи первой къ версальскому трактату, заключенному 1 мая того года между французскимъ королемъ Людовикомъ XV и королевою венгеро-богемскою Марією Терезією ⁷⁶.

7. 22 января 1757 г.—конвенція, учиненная въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ и вѣнскимъ дворами, о возобновленіи противъ Пруссіи оборонительнаго союза, установленнаго въ 1747 году ⁷⁷.

8. 5 ноября 1757 г.—Актъ о присоединеніи Россійскаго двора къ конвенціи постановленной 21 марта того года между Швецією, Австрією и Францією противъ Пруссіи ⁷⁸.

9. 5 ноября 1757 г.—Декларация постановленная въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ, Австрійскимъ, Французскимъ и Шведскимъ дворами, относительно употребленія французскаго языка въ международныхъ сношеніяхъ означенныхъ государствъ ⁷⁹.

10. 24 іюня 1758 г.—трактатъ между Россією и Швецією, заключенный въ С.-Петербургѣ, о возобновленіи на 12 лѣтъ оборонительнаго союза, установленнаго 25 іюня 1745 года ⁸⁰.

11. 9 марта 1759 г. конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ между Россією и Швецією, о содержаніи обоюдныхъ флотовъ на Балтійскомъ морѣ, для защиты торговли и кораблеплаванія отъ каперовъ, и акты о присоединеніи къ этой конвенціи Франціи и Даніи ⁸¹.

12. 7 марта 1760 г.—Актъ присоединенія Россійскаго кабинета къ трактату, заключенному 30 декабря 1758 года между вѣнскимъ и версальскимъ дворами, о продолженіи общими силами войны противъ короля прусскаго Фридриха II ⁸².

13. 10 марта 1760 г.—Актъ присоединенія С.-Петербургскаго двора къ копенгагенскому трактату, заключенному 4 мая 1758 года между Францією и Данією ⁸³.

⁷⁵ Пол. Собр. Зак., 1755 сент. 19 (10464 а).

⁷⁶ Полн. Собр. Зак., 1756 дек. 31 (10680).

⁷⁷ Полн. Собр. Зак., 1756-январ. 22 (10687).

⁷⁸ Полн. Собр. Зак., 1757 ноябр. 5 (10773).

⁷⁸ Полн. Собр. Зак., 1757 ноябр. 5 (10774).

⁸⁰ Полн. Собр. Зак., 1758 іюн. 24 (10832).

⁸¹ Полн. Собр. Зак., 1759 март. 9 (10931).

⁸² Полн. Собр. Зак., 1760 март. 7 (11036).

⁸³ Полн. Собр. Зак., 1760 март. 10 (11038).

14. 17 марта 1760 г.—Актъ, заключенный между Россіею и Даніею, о присоединеніи послѣдней къ конвенціи 9 марта 1759 года, установленной между Россіею и Швеціею о безопасной и свободной взаимной коммерціи и навигаціи на водахъ Балтійскаго моря ⁸⁵.

15. 21 марта 1760 г.—трактатъ оборонительнаго союза, заключенный въ С.-Петербургѣ между Россійскимъ и Вѣнскимъ дворами ⁸⁶.

16. 21 марта 1760 г.—Конвенція, подписанная въ С.-Петербургѣ между С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами, о продолженіи войны противъ прусскаго короля ⁸⁶.

17. 24 апрѣля 1762 г.—трактатъ между Россіею и Пруссіею о вѣчномъ между обоими государствами мирѣ ⁸⁷.

18. 8 іюня 1762 г.—трактатъ совершенный въ С.-Петербургѣ, объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и королемъ прусскимъ ⁸⁸.

Находясь въ отставкѣ, графъ М. И. Воронцовъ скончался въ Москвѣ, отъ чахотки, 15 февраля 1767 года, едва 53 лѣтъ отъ роду, и погребенъ тамъ въ церкви бывшаго Крестовоздвиженскаго монастыря, на Воздвиженкѣ, по желанію покойнаго, безъ всякой пышности. Надъ могилою его, въ правомъ церковномъ придѣлѣ, стоитъ доселѣ богатый мраморный памятникъ ⁸⁹.

Для характеристики графа Михаила Илларионовича, приводимъ личное мнѣніе о немъ Императрицы Екатерины II.

«Бестужевъ былъ замѣщенъ Воронцовымъ, человѣкомъ почтеннымъ, который пользовался славою испытанной честности и никогда не измѣнилъ этой своей славы, но его мудрость и вліяніе не могли отвлечь Императрицы Елизаветы Петровны отъ союза съ Австріею и Франціею въ семилѣтнюю войну ⁹⁰.

Исторіографы князь Щербатовъ и Манштейнъ, расходясь во взглядахъ своихъ относительно дарованій графа Михаила Илларионовича, единогласно подтверждаютъ, что онъ былъ человѣкъ чуткій

⁸⁵ Бантышъ-Каменскій, стр. 360.

⁸⁶ Полн. Собр. Зак., 1760 март. 21 (11041).

⁸⁶ Полн. Собр. Зак., 1760 март. 21 (11042).

⁸⁷ Полн. Собр. Зак., 1762 апр. 24 (11516).

⁸⁸ Полн. Собр. Зак., 1762 іюн. 8 (11566).

⁸⁹ Русскій Архивъ, 1864 г., стр. 400; Русская Старина, 1870 г., т. II, стр. 473; С.-Иб. Вѣдомости 1767 г. № 17.

⁹⁰ Русскій Архивъ, 1878 г., т. II, стр. 287.

къ добру, человекъ со здоровымъ смысломъ, неподкупной честности, твердости и прямодушія, однимъ словомъ—признають его за человекъ съ честными и благонамѣренными стремленіями ⁹¹.

Не смотря на неблагопріятные отзывы нѣкоторыхъ современниковъ о дипломатической способности и дѣятельности графа Воронцова, онъ всетаки умѣлъ удержаться на своемъ постѣ, тогда какъ его предшественники, извѣстные своею ловкостію, умомъ, хитростію и большими талантами въ дипломатіи, графы А. И. Остерманъ и А. П. Бестужевъ-Рюминъ пали жертвою современныхъ интригъ. Достаточно хорошо образованный, много читавшій и недурно владѣвшій перомъ, графъ Михаилъ Илларионовичъ, честнымъ отношеніемъ своимъ въ политикѣ и къ людямъ вообще, а также теплою и участіемъ къ ближнему, умѣлъ приобрести себѣ искреннихъ друзей, остававшихся преданными до конца его жизни. Къ чести графа Воронцова должна быть отнесена дружба его съ незабвеннымъ М. В. Ломоносовымъ ⁹², котораго онъ всегда поддерживалъ и надъ прахомъ котораго воздвигъ мраморный памятникъ въ Александро-Невской Лаврѣ въ С.-Петербургѣ; послѣ смерти его (1765 г.), Воронцовъ купилъ всѣ оставшіяся у него бумаги. Графъ Михаилъ Илларионовичъ былъ также въ близкихъ сношеніяхъ съ писателемъ княземъ А. Д. Кантеміромъ. Живя довольно роскошно по положенію своему, а можетъ быть и не совсѣмъ расчетливо, онъ постоянно находился въ долгахъ, изъ которыхъ нерѣдко выручали его обѣ покровительствовавшія ему Императрицы Елисавета Петровна и Екатерина Алексѣевна.

Отъ брака съ графинею Анною Карловною Скавронскою (род. 7 декабря 1723 † 31 декабря 1775 г.), ⁹³ у него были дѣти:

1. Сынъ Николай, род. 23 февраля и умершій 23 апрѣля 1751 года, и дочери:

2. Гр. Анна, род. 13 апрѣля 1743 † 21 февраля 1769 г. въ замужствѣ за графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ.

3. Гр. Марія, род. 14 января † 25 іюля 1753 года, и

4 Гр. Елизавета, род. 11 іюля 1757 † 16 іюня 1758 года.

По Сенату, графъ Воронцовъ значится присутствующимъ 1758—1763 г. и неприсутствующимъ сенаторомъ 1763—1765 годъ.

⁹¹ Русскій Архивъ, 1879 г. т. I, стр. 60; Записки Манштейна, стр. 245.

⁹² См. переписку графа М. И. Воронцова съ М. В. Ломоносовымъ Архивъ князя Воронцова, т. IV, стр. 480—501.

⁹³ Графиня А. К. Воронцова погребена въ С.-Петербургѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры (Русская Старина, 1870 г., т. стр. 472—473.

ВОРОНЦОВЪ,

графъ (съ 18 января 1760)

АЛЕКСАНДРЪ РОМАНОВИЧЪ. *

Воронцовы происходятъ отъ древней благородной фамилии, по прямой линіи отъ выѣхавшаго въ 1027 году изъ Германіи въ Кіевъ сына варяжскаго Ярла, или князя, Атрека-Шимона, который привелъ съ собою къ Великому князю Ярославу Владиміровичу около 3000 Варяговъ. Принявъ православіе, съ именемъ Симона Африкановича (какъ сына Атрека—Африканца), онъ, а также и сына его, Георгій Симоновичъ, пользовались особенными милостями Великихъ князей Ярослава Владиміровича и Всеволода. Потомокъ Симона, Ѳедоръ Васильевичъ, по прозванію Воронежъ, сдѣлался родоначальникомъ русской фамилии Воронцовыхъ.

Предки Воронцовыхъ не разъ вступали въ родственныя связи съ Государями Россійскими. Такъ Николай Васильевичъ, родной племянникъ Ѳедора Воронцова, былъ своякомъ Великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому; жена его, Марія, была дочь Дмитрія

* *Источники.* 1) Высочайшіе указы Сенатскаго Архива; 2) Полное Собр. Законовъ; 3) Россійскій Гербовникъ, т. I, № 28; 4) Россійск. родословная книга кн. Долгорукова, т. II, стр. 105—106; 5) Энциклопед. Лексиконъ Плюшара, изд. 1838 г., т. XII, стр. 47, 51—52; 6) Терещенко, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, изд. 1837 г., т. II, стр. 198—202, 320—321; 7) Бятышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, изд. Шириева, 1836 г., т. I, стр. 349—351; 8) Его же, Списки кавалеровъ, стр. 229; 9) Его автобіографія, Русскій Архивъ 1883 г., т. I, стр. 224—290, Архивъ кн. Воронцова, т. V, стр. 1—87 и др. тома; 10) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. 1874 г., Н. П. Барсукова, стр. 47, 78, 320, 417; 11) Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895; 12) Списки Карабанова, стр. 7, 15, 61 и 91; 13) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.

Константиновича князя Суздальскаго; дочь его, Марія, находилась въ замужествѣ за Иваномъ Дмитриевичемъ Всеволожскимъ, потомкомъ князей Смоленскихъ; племянница же его, Евфросинія Полуехтова, была за сыномъ Великаго князя Дмитрія Донскаго, Петромъ Дмитриевичемъ (1406). Внучка Николая Васильевича состояла въ супружествѣ съ княземъ Василиемъ Юрьевичемъ Косымъ, который получилъ за нею въ приданое знаменитый поясъ, сдѣлашійся (1433 г.) причиною непримѣримой вражды Юрія Дмитриевича, князя Галицкаго, къ племяннику своему Василю Темному. Правнукъ Теодора Васильевича Воронца, Иванъ Накитичъ, находился въ 1472 году при Юріѣ Васильевичѣ, князѣ Дмитровскомъ, у совершеніи духовнаго завѣщанія.

Потомокъ всѣхъ этихъ лицъ, сынъ генералъ-аншефа и сенатора Романа Илларионовича Воронцова, отъ брака его съ Мареею Ивановною Сурминою, Александръ Романовичъ Воронцовъ родился въ С.-Петербургѣ 4 сентября 1741 года.

Въ 1745 году умерла его мать, Марѳа Ивановна, и А. Воронцовъ, вмѣстѣ съ новорожденнымъ братомъ Семеномъ и тремя старшими сестрами, оставшимися всѣ малолѣтними, были взяты въ домъ дяди ихъ, извѣстнаго вице-канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова; но послѣдній въ сентябрѣ, того года, уѣхалъ за границу и всѣ означенные племянники и племянницы вернулись опять къ отцу.

Несмотря на молодость оставшагося вдовцемъ Романа Илларионовича Воронцова и его разбѣянную жизнь при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, онъ позаботился возможно хорошимъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Высланная братомъ его изъ-за границы Француженка Рюинъ (Ruinau), а потомъ замѣнившая ее г-жа Берге (Berger), были первоначальными наставницами сиротъ Воронцовыхъ; изъ нихъ Александръ, научившись хорошо языку французскому, съ 6-лѣтнаго уже возраста обнаружилъ явную склонность къ ученію и въ особенности къ чтенію книгъ; по желанію отца, не было пренебрежено также изученіе имъ русскаго языка

¹ Дочь коюшаго патріаршаго приказа, М. П. Сурмина (род. 1718 г.) въ ранней молодости была выдана замужъ за князя Долгорукова, который, по воцареніи Импер. Анны Иоанновны, въ 1730 г., сосланъ въ Сибирь; она не захотѣла за нимъ слѣдовать и, по ея прошенію, Св. Синодъ разрѣшилъ ея вторичное замужество съ Ром. Илл. Воронцовымъ, она умерла въ 1743 г. на 28-мъ году отъ роду, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей (Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 229—231).

и всѣхъ элементарныхъ познаній. Послѣ этого, благодаря вышесанной Романомъ Илларионовичемъ, для дѣтей своихъ, изъ Голландіи, довольно хорошо составленной поучительной библіотеки, заключавшей въ себѣ сочиненія всѣхъ лучшихъ французскихъ авторовъ и поэтовъ, а также книги и историческаго содержанія, Александръ Воронцовъ уже 12 лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями Вольтера, Расина, Корнея, Буало и другихъ французскихъ писателей; но особенно внимательно занимался онъ подробнымъ изученіемъ, состоявшей изъ 100 томовъ, коллекціи номеровъ журнала—«Clef des cabinets des princes de l'Europe» (ключъ къ знакомству съ кабинетами европейскихъ государей), начинавшагося съ 1700 года. Самъ онъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что благодаря этой драгоценной коллекціи, онъ ознакомился со всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Россіи самаго замѣчательнаго и интереснаго съ 1700 года. «Это изданіе, пишетъ онъ, имѣло громадное вліяніе на мою мажонность къ исторіи и политикѣ; оно возбуждало во мнѣ желаніе знать все, что касалось этихъ предметовъ и въ особенности по отношенію ихъ къ Россіи».²

По обычаю того времени, зачисленный съ дѣтства, въ 1745 году, на службу капраломъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ и произведенный вскорѣ въ сержанты, Александръ Воронцовъ былъ еще въ отрочествѣ своемъ доущенъ до приемовъ при дворѣ Императрицы Елизаветы Петровны, которая давала даже въ своихъ собственныхъ апартаментахъ дѣтскіе балы и праздники. Вслѣдствіе этой привычки находитья часто въ придворномъ кружкѣ и быть въ постоянномъ общеніи со сверстниками своими, дѣтymi лучшихъ русскихъ семействъ, онъ сдѣлался въ раннемъ возрастѣ развѣданнымъ въ сношеніяхъ, умѣлъ держать себя хорошо и вѣшалъ къ самымъ близкія дружественныя отношенія съ графомъ А. П. Шуваловымъ, графомъ А. С. Строгоновымъ и многими другими современными по годамъ его юношами.

Въ 1754 году, А. Воронцовъ былъ опредѣленъ въ составшій подъ вѣдѣніемъ графа П. И. Шувалова пансіонъ профессора юриспруденціи въ академіи наукъ, Г. Штрубе, который въ тоже время былъ членомъ составленія законовъ.³ Находясь въ этомъ

² Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 232.

³ Штрубе-де-Пирмонъ, Фридрихъ-Генрихъ, академикъ. См. его жизнеописаніе, Исторія Импер. Академіи наукъ, Некарскаго, изд. 1870 г., т. I, стр. 671—689.

пансіонѣ до 1756 года, не мало поучительнаго вынесъ и оттуда любознательный, жадный къ наукамъ юноша.

Благоволившая къ семейству Воронцовыхъ, Государыня Елизавета Петровна, ласково относившаяся къ Александру Воронцову, пожаловала его въ 1755 году гвардіи прапорщикомъ измайловскаго же полка.

Съ 1756 года онъ вступилъ въ отправленіе своихъ офицерскихъ обязанностей, несмотря на то, что ему не было еще 15 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ молодой гвардейскій офицеръ еще чаще сталъ посѣщать придворныя сборища и вращаться въ высшемъ и лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Родственный домъ дяди его, возвысившагося вскорѣ до званія государственнаго канцлера, а также гостепріимныя для него семейства графовъ Разумовскихъ, графа Шереметева, князя Н. Ю. Трубецкаго, графовъ Чернышевыхъ, Нарышкиныхъ, Бутурлиныхъ, Шуваловыхъ и многихъ другихъ, дали ему возможность еще болѣе упрочить связь свою съ вліятельными русскими людьми, которые любезно относились къ подросставшему будущему государственному дѣятелю. На глазахъ росшаго при такихъ счастливыхъ условіяхъ юноши совершались тогда разныя перемѣны въ панорамѣ событій и лицъ у престола стоявшихъ.

Въ 1757 году случилось обстоятельство вызвавшее временную переѣзду въ жизни А. Р. Воронцова. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыло въ С.-Петербургъ французское посольство съ Маркизомъ Лопиталемъ (Marquis de L'Hopital) во главѣ, который, благосклонно принятый Императрицею Елизаветою, дружески сошелся съ вице-канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ. Встрѣчая въ домѣ рускаго министра, его племянника—А. Воронцова, блестящій пышностію всей своей обстановки, французскій посоль сталъ дружески относиться къ молодому гвардейцу и даже вскружилъ ему голову разказами о новомъ учрежденіи въ своемъ отечествѣ. Маркизь сообщилъ ему о недавнемъ открытіи въ Версали образовательнаго заведенія, состоящаго подъ особымъ покровительствомъ короля Людовика XV, подъ названіемъ «школы легкихъ кавалеристовъ—*École des légiers*», въ которой воспитываются дѣти самыхъ знатныхъ французскихъ вельможъ и высшаго дворянства; хотя въ заведеніе это и не принимаются иностранцы, но посоль предупредительно взялся исходатайствовать разрѣшенія короля на вступленіе въ оное А. Воронцова; и дѣйствительно чрезъ два мѣсяца получено было увѣдомленіе французскаго министра иностранныхъ

дѣлъ оббата де-Берни о данномъ королевѣмъ Людовикомъ приказаніи принять въ школу «chevaux légers» племянника русскаго вице-канцлера.

По докладѣ объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, состоялось въ томъ же году ея приказаніе объ отправленіи во Францію для продолженія образованія л.-гв. прапорщика А. Воронцова, радостно встрѣтившаго данное ему разрѣшеніе. При этомъ, заботливая Государыня приказала даже снабдить его особымъ рескриптомъ къ русскому посланнику нашему въ Парижѣ графу М. П. Бестужеву-Рюмину, которому поручалось ею устроить его вступленіе въ помянутую школу и пещись о немъ во все время пребыванія въ оной.

14 февраля 1758 года канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина постигла Царская немилость и опала. Его замѣнилъ въ управленіи иностранными дѣлами товарищъ его, вице-канцлеръ графъ М. И. Воронцовъ.

Такое высокое выдвигненіе дяди еще болѣе благопріятствовало отправляющемуся за границу племяннику его А. Воронцову. Поэтому онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 28 февраля 1758 года съ достаточнымъ запасомъ всякихъ рекомендабельныхъ писемъ ко всѣмъ нашимъ, на пути его слѣдованія, дипломатическимъ представителямъ. Проѣхавъ Польшу, Пруссію, Австрію, Баварію, Виртембергское герцогство и представляясь всюду царственнымъ лицомъ, естественно ласкавшимъ юнаго племянника, сильнаго во власти, русскаго канцлера, А. Воронцовъ прибылъ дѣломъ 1758 года въ Парижъ. Чрезвычайно любезно и привѣтливо встрѣченный при дворѣ Людовика XV, куда молодой человѣкъ былъ представленъ самимъ посломъ нашимъ графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, онъ, не долго мѣшкая, явился въ Версальское аристократическое заведеніе «легкихъ кавалеристовъ» — Chevaux légers, директоромъ котораго былъ г. Лаберзакъ. Среди 120 молодыхъ людей знатнаго происхожденія изъ королевства французскаго, принявшихъ любезно въ свои товарищи юнаго русскаго туриста, любознательный и трудолюбивый Александръ Романовичъ провелъ тамъ полтора года въ усиленныхъ трудахъ, стараясь вынести отсюда все то, что современное просвѣщеніе могло дать желающимъ

* Годовая плата за пансіонерствъ «школы chevaux légers» была 4 т. ливровъ, за которыя они имѣли помѣщеніе, освѣщеніе, учителей и ежегодно новое обмундированіе. (Русскій Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 286—289.)

поучаться. Въ теченіе означеннаго времени, онъ по общительности своей, не только перезнакомился со всѣми лучшими отпрысками Французской знати, но и завязалъ дружественныя отношенія со многими изъ своихъ школьныхъ товарищей.

По окончаніи курса наукъ, А. Воронцовъ путешествовалъ въ 1760 году по Испаніи, Португаліи и Италіи, гдѣ всюду имѣлъ возможность, опять-таки благодаря покровительству своего дяди-канцлера, быть представленнымъ царствовавшимъ лицамъ и ознакомиться съ мѣстными высшими общественными средами. Плодомъ наблюдательной поѣздки его за границую было составленное имъ описаніе испанскаго и португальскаго дворовъ, которое, по поднесеніи Государыней канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ въ 1760 году, удостоилось Монаршей аппробаціи.

Между тѣмъ, въ 1759 году А. Воронцовъ былъ произведенъ въ подпоручики измайловскаго полка.

По случаю неимѣнія мужскаго потомства отъ дяди его, канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова, онъ исходатайствовалъ у германскаго императора Франца I потомственное графское Римской имперіи достоинство роднымъ братьямъ своимъ Роману (отцу Александра) и Ивану Илларионовичамъ, 14 февраля 1760 году состоялось разрѣшеніе Императрицы Елизаветы Петровны на принятіе ими таковаго титула, согласно данному динлому на графство отъ 19 января того года.⁵

По возвращеніи своемъ въ 1760 году въ отечество, графъ А. Р. Воронцовъ былъ определенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при вѣнскомъ дворѣ.

Въ октябрѣ 1761 года онъ былъ назначенъ Императрицею Елизаветою къ переводу въ Голландію. Но смерть Государыни отсрочила это предположеніе и уже Императору Петру III канцлеромъ графомъ М. И. Воронцовымъ былъ поданъ 27 декабря 1761 года докладъ о назначеніи л.-гв. измайловскаго полка подпоручика графа А. Воронцова полномочнымъ министромъ въ Гагу, съ жалованьемъ по 6 т. руб. въ годъ.⁶

Высочайшимъ указомъ 28 декабря 1761 года находящійся при вѣнскомъ дворѣ министромъ 2-го класса (т. е. повѣреннымъ

⁵ Высоч. указы, кн. 96, л. 22. *Примѣчаніе.* 5 апрѣля 1797 года, въ день коронаванія Имп. Павла I, повелено было внести родъ Воронцовыхъ въ число графскихъ родовъ Россійской Имперіи—Высоч. ук., кн. 191, л. 38.

⁶ Архивъ князя Воронцова, т. VII, стр. 329.

въ дѣлахъ) графъ А. Воронцовъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры Императорскаго двора. ⁷

Вслѣдствіе утвержденія Императоромъ представленія канцлера о переводѣ графа Воронцова въ Голландію, того же 28 декабря 1761 года Высочайше повелѣно было отпустить ему 5 т. руб. на переѣздъ туда изъ Вѣны. ⁸

Въ февралѣ 1762 года онъ былъ переведенъ полномочнымъ министромъ въ Англію и 8 марта повелѣно отпустить ему 5495 р. на переѣздъ его къ новому посту. ⁹

Въ 1764 году, Императрица Екатерина отозвала его изъ Англіи и назначила полномочнымъ министромъ при республикѣ генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландовъ, гдѣ онъ и находился съ 1764 по 1768 годъ. Поводомъ къ отозванію его изъ Англіи, было согласно историческихъ документовъ, вспыльчивое и неумѣстное поведеніе его, охладившее отношенія между Россією, Англією. ¹⁰

Въ 1768 году, согласно желанію графа Александра Романовича, онъ отозванъ изъ Гаги и, вернувшись въ отечество, состоялъ только въ придворной службѣ. Испытанныя на дѣлѣ способности и знанія, достаточно зарекомендовали уже его передъ Императрицею Екатериною и почти во все время ея царствованія, онъ занималъ видныя мѣста. Но Государыня не очень жаловала этого неподатливаго, тяжеловатаго и методическаго сановника, будучи убѣждена въ его личной къ себѣ непріязни, хотя и не отказывала ему въ своемъ вниманіи. ¹¹

Высочайшимъ указомъ 21 апрѣля 1773 года дѣйствительный камергеръ графъ А. Воронцовъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. ¹²

Такимъ же указомъ отъ 22 сентября 1773 года онъ былъ опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. ¹³

19 февраля 1774 года повелѣно ему присутствовать въ особе учрежденной комиссіи о коммерціи ¹⁴.

⁷ Высоч. указы, кн. 96, л. 9.

⁸ Тамъ же, кн. XCI, л. 2.

⁹ Тамъ же, кн. XCI, л. 3.

¹⁰ Сборн. Русск. Историч. Общ., т. XXII, стр. 208.

¹¹ Русск. Архивъ, 1879 г. т. I, стр. 67.

¹² Высоч. указы, кн. 135, л. 180.

¹³ Тамъ же, кн. 135, л. 437.

¹⁴ Высоч. указы, кн. 136, л. 100.

27 января 1777 года онъ назначенъ въ учрежденную комиссію для разсмотрѣнія дѣлъ о лицахъ, принявшихъ на себя вызовъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію, а также и дѣла подполковника Резанова по поставкѣ въ Саратовъ лѣсныхъ матеріаловъ для переселенцевъ ¹⁵.

Высочайшимъ указомъ 1 января 1779 года тайный совѣтникъ А. Воронцовъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности президента коллегіи и членомъ комиссіи о коммерціи ¹⁶.

8 января 1779 года повелѣно ему засѣдать въ 3-мъ департаментѣ Сената ¹⁷.

При открытіи въ 1780 году С.-Петербургскаго намѣстничества, графъ Воронцовъ былъ избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, съ сохраненіемъ занимаемыхъ должностей ¹⁸.

21 апрѣля 1781 года пожалованъ ему орденъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго ¹⁹.

Въ 1782 году, графъ Воронцовъ участвовалъ въ составленіи общаго тарифа и за труды даны были ему золотая, брилліантами украшенная табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ Императорскаго имени и деньгами 20 тыс. рублей ²⁰.

24 ноября 1782 года графу Воронцову пожалованъ орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 1-й степени ²¹.

Въ 1783 году, онъ участвовалъ въ комиссіи по составленію всеподданнѣйшаго доклада о мѣрахъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ. Подписанный въ апрѣлѣ 1783 года членами комиссіи докладъ по этому предмету былъ утвержденъ Государынею и обнародованъ въ указѣ ея отъ 3 мая того же года ²². За участіе графа Воронцова въ этихъ занятіяхъ назначено было производить ему, въ прибавку жалованья, столовыхъ денегъ по 300 руб. въ мѣсяць ²³.

¹⁵ Тамъ же, кн. LXXVI, л. 31.

¹⁶ Тамъ же, к. 142, л. 2.

¹⁷ id., кн. 142, л. 9 и кн. 145, л. 372.

¹⁸ Словарь Бятышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 200.

¹⁹ Словари кавалеровъ, Бятышъ-Каменскаго, стр. 229.

²⁰ Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 4.

²¹ Списки Карабанова, стр. 91.

²² Сборн. Русск. Истор. Общ., т. I, стр. 297—312.

²³ Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 4.

Въ 1783 году, онъ также занимался въ комиссіи по почтовымъ дѣламъ ²⁴.

Высочайшимъ указомъ 24 ноября 1784 года графъ Воронцовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники ²⁵.

Въ 1785 году поручено ему наблюдать въ Тверскомъ намѣстничествѣ за дѣлами мѣстнаго управленія ²⁶.

Въ томъ же 1785 году, онъ производилъ ревизію мѣстнаго управленія въ Могилевѣ ²⁷.

Въ 1786 году, графъ Воронцовъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ А. В. Нарышкинымъ, былъ командированъ на ревизію дѣлъ намѣстничествъ рязанскаго и тамбовскаго. Руководимые правотою и безпристрастіемъ, они донесли Императрицѣ, что нашли желаемый порядокъ, успѣльное теченіе дѣлъ и точное исполненіе всѣми служащими своихъ обязанностей ²⁸.

Императрица Екатерина наградила въ томъ же 1786 году графа Александра Романовича за эту ревизію брилліантовыми украшеніями къ ордену Св. Александра Невскаго, цѣною въ 50 тыс. рублей ²⁹.

31 декабря 1786 года графъ А. Р. Воронцовъ участвовалъ въ заключеніи договора между Россією и Францією о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи. Король Людовикъ XVI одарилъ за это графа Александра Романовича 40 тыс. франковъ и своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами ³⁰.

По случаю обсужденія вопроса о войнѣ съ Турцією, вслѣдствіе заарестованія въ Царьградѣ нашего посланника Булакова, 31 августа 1787 года повелѣно было ему присутствовать въ особомъ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ ³¹.

Высочайшимъ указомъ 4 мая 1789 года поручено ему, обще съ княземъ А. А. Виземскимъ, графомъ А. А. Безбородко и графомъ П. В. Завадовскимъ, разработать предложенія относительно

²⁴ Русск. Архивъ, 1875 г., т. I, стр. 108.

²⁵ Высоч. указы, кн. 156, л. 374.

²⁶ Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 440.

²⁷ Русск. Старина, 1871 г., т. IV, стр. 188—190.

²⁸ Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 200—201.

²⁹ Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350; Терещенко, стр. 201; Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 5.

³⁰ Терещенко, стр. 201; Словарь Бантышъ-Каменскаго, стр. 350.

³¹ Высоч. указы, кн. 163, л. 359; Дневникъ Храповицкаго, стр. 47.

правильнаго устройства банковъ и приведенія ихъ въ лучшее состояніе ²⁸.

Въ мирное торжество по случаю заключенія со Шведами 3 августа 1790 года Верельскаго договора, Императрица пожаловала графу Воронцову богато осыпанную брилліантами табакерку со своимъ портретомъ ²⁹.

По случаю же заключенія 29 декабря 1791 года, въ Яссахъ, дружественнаго договора съ Турціею, Государыня вновь дала ему въ подарокъ брилліантовый перстень ³⁰.

Сверхъ вышеприведенныхъ порученій, возлагавшихся на графа Александра Романовича въ теченіе его службы, онъ по званію сенатора производилъ ревизію во всемъ Московскимъ присутственнымъ мѣстамъ и въ 20-ти внутреннихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Рижской, когда тамъ происходили безпорядки по случаю не устройства крестьянскаго населенія, что имъ и было прекращено ³¹.

Но, по дѣйствительно непріязненному чувству къ тогдашней правительственной системѣ, въ которую, за послѣдніе годы царствованія Великой Екатерины, вкрались злоупотребленія и всякія неурядицы, графъ Александръ Романовичъ твердо рѣшился покинуть служебный путь; но чтобы избѣжать, какъ самъ онъ пишетъ, всякихъ излішнихъ объясненій или неудовольствій за такое напѣреніе, въ декабрь 1792 года онъ просилъ у Государыни разрѣшенія на годовой отпускъ, по болѣзненному состоянію, на что 23 того же декабря послѣдовало Высочайшее дозволеніе ³².

Переѣхавъ изъ Петербурга въ февралѣ 1793 года въ свое Владимірское имѣніе, онъ, предъ окончаніемъ срока отпуска, написалъ къ Государынѣ, прося полный увольненія отъ службы. Получивъ эту просьбу и пересылая ее къ графу П. В. Завядовскому, Императрица Екатерина, въ собственной запискѣ своей отъ 27 декабря 1793 года, высказала ему слѣдующее:

«Заготовьте указъ объ отставкѣ Воронцова. Не спорю, что онъ «самъ дорожъ и что таланты имѣеть. Всегда знала», а теперь наипаче «ѣдаю, что его таланты не суть для службы моей и что онъ «мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя; права не имѣю прину-

²⁸ Высоч. указы, кн. 168, л. 8.

²⁹ Архивъ князя Воронцова, т. V, стр. 5.

³⁰ Тамъ же.

³¹ Русск. Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 224—225.

³² Высоч. указы, кн. 173, л. 399.

«дѣть быть усерднымъ ко мнѣ. Засгавить же и меня нельзя почестъ усерднымъ ко мнѣ кого ни на есть. Разведены и развязаны на «вѣкъ» будемъ. Чортъ его побери! По подписаніи указа, я его «освобождаю отъ прїѣзда сюда, ибо онъ боленъ. Все же за справедливость, коя требована съ гордостію и отдана по убѣжденію, «поклонъ всякой неумѣстенъ»²⁷.

9 января 1794 года состоялся Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ увольненіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа А. Воронцова, по болѣзни, отъ всѣхъ дѣлъ²⁸.

По вступленіи на престолъ Императора Павла I, графъ П. В. Завадовскій, по порученію князя Безбородко, въ письмѣ своемъ отъ 11 ноября 1796 года спрашивалъ графа Александра Романовича, не желаетъ ли онъ занять какой-либо служебный постъ. Но осторожный и неподатливый графъ Воронцовъ не послѣдовалъ дружескому предложенію, избравъ благую часть не выходить изъ своего деревенскаго уединенія, въ чемъ, кажется, и не раскаивался, хотя это уклоненіе усилило предубѣжденіе противъ него Павла Петровича.

1 декабря 1796 года статсъ-секретарь Д. П. Трощинскій сообщилъ графу Александру Романовичу объ именномъ Высочайшемъ повелѣніи, по которому сестра его, княгиня Е. Р. Дашкова, была выслана на житье въ дальнія свои деревни²⁹.

Графъ Александръ Романовичъ не покидалъ своей сельской жизни во все время царствованія Императора Павла. Воцарившійся же въ 1801 году Государь Александръ Павловичъ, благоволившій всегда къ Воронцову, вызвалъ его опять къ служебной дѣятельности, несмотря на преклонныя его лѣта, и графъ Александръ Романовичъ рѣшился вновь стать у правительственнаго кормила.

Высочайшимъ указомъ 28 апрѣля 1801 года повелѣно было принять вновь на службу уволеннаго отъ оной дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа А. Воронцова, съ прежнимъ старшинствомъ и съ назначеніемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 1-мъ департаментѣ.

Таковымъ же указомъ отъ 29 апрѣля 1801 года онъ былъ

²⁷ Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 103; Русскій Архивъ, 1883 г., т. I, стр. 224—225.

²⁸ Высоч. указы, кв. 176, л. 21.

²⁹ Рус. Архивъ, 1879 г., т. I, стр. 311—312.

также избранъ Государемъ къ засѣданію въ Государственномъ Совѣтѣ.

2 мая 1801 года графу Воронцову былъ пожалованъ орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго ⁴⁰.

15 сентября 1801 года, Императоръ Александръ въ день своего коронованія, возвелъ графа Воронцова въ дѣйствительные тайные совѣтники 1-го класса.

Высочайшимъ указомъ 24 августа 1802 года учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ графа А. Р. Воронцова, особый комитетъ, для постановленія морскихъ силъ нашихъ на основаніяхъ соотвѣтственныхъ съ тогдашнимъ состояніемъ первенствующихъ въ Европѣ флотовъ ⁴¹.

При учрежденіи въ Имперіи, 8 сентября 1802 года, министерствъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ графъ А. Р. Воронцовъ былъ назначенъ того же числа министромъ иностранныхъ дѣлъ съ наименованіемъ государственнаго канцлера, а въ товарищи къ нему опредѣленъ по этому министерству князь Ад. Ад. Чарторыйскій ⁴².

Но болѣзненное состояніе, преклонныя лѣта и принадлежность графа Воронцова къ консервативной партіи, дававшей всегда отпоръ порывамъ тогдашнихъ новаторовъ нашихъ западначескаго духа, были причиною того, что онъ управлялъ министерствомъ болѣе номинально. Вліяніе его было вполне парализовано также слишкомъ большою близостію къ Государю князя Чарторыйскаго, который всецѣльно руководилъ тогда и полетикою виѣшею и направленіемъ внутренней администраціи. Впрочемъ, по свидѣтельству современника Д. П. Троицкаго, второстепенное значеніе канцлера графа Александра Романовича въ дѣлахъ дипломатическихъ, происходило главнѣйшимъ образомъ оттого, что истиннымъ начальникомъ этой части былъ самъ Императоръ Александръ I ⁴³.

Понимая свое положеніе и будучи уже не въ силахъ удержать теченіе многихъ несочувственныхъ для него стремленій, графъ Александръ Романовичъ, сославшись на свое старчество и болѣзнь, испросилъ себѣ въ 1804 году увольненіе въ отпускъ. Государь

⁴⁰ Списки Карабанова, стр. 61.

⁴¹ Полное Собраніе Законовъ, ст. 20383; Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895. *Примѣч.* Членами означеннаго комитета были опредѣлены адмиралы Финъ-Дезинъ, Мордвиновъ, Балле, Макаровъ, вице-адмиралъ Карцовъ, контръ-адмиралъ Ш. В. Чичаговъ и капитанъ 1-го ранга Грейгъ.

⁴² Подл. Собр. Зак., 1802 сент. 8 (20409).

⁴³ Собрн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 9.

отпустилъ его въ свои помѣстья «на сколько ему угодно», съ полнымъ содержаніемъ по занимаемому мѣсту.

Переселившись изъ Петербурга во владимірское свое имѣніе, село Андреевское, графъ А. Р. Воронцовъ окончилъ тамъ жизнь *2 декабря 1805 года* и погребенъ въ мѣстной церкви гдѣ надъ могилою его существуетъ и нынѣ бѣломраморный памятникъ ⁴⁴.

Остававшійся неженатымъ графъ А. Р. Воронцовъ отличался умомъ, познаніями, трудолюбіемъ и необыкновенною памятью; онъ выражался ясно, точно и не впадалъ въ пустословіе, шелъ всегда прямо къ дѣлу. Но, поступая всегда съ большимъ достоинствомъ, онъ былъ, вѣсть съ тѣмъ, человѣкомъ пылкимъ и страстнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ что нерѣдко увлекаясь своею горячію, заходилъ далѣе, чѣмъ слѣдовало бы дипломату. Выросшій и воспитывавшійся подъ вліяніемъ своего дяди, Елизаветинскаго великаго канцлера, графа М. II Воронцова, графъ Александръ Романовичъ, довершивъ свое образованіе за границею, усвоилъ себѣ лучшія стороны французскаго быта и гражданственности; но это, впрочемъ, не мѣшало ему оставаться всегда самостоятельнымъ русскимъ человѣкомъ и честнымъ патриотомъ. Онъ объѣхалъ почти всю Европейскую Россію; у него были преданныя лица не только во всѣхъ вѣдомствахъ, но почти во всѣхъ русскихъ городахъ. За границу у него были также не менѣ прочныя, дружественныя связи, пріобрѣтенныя еще съ юныхъ лѣтъ. Во время управленія имъ коммерцъ-коллегіею, русская торговля процвѣтала, наши произведенія обильно вывозились за границу, а наши торговля суда появлялись въ отдаленнѣйшихъ моряхъ; подъ его покровительствомъ заводились даже непосредственныя сношенія съ Индіею; наконецъ, при его ближайшемъ участіи былъ составленъ новый тарифъ. У себя въ Муринѣ, подъ Петербургомъ и во владимірскомъ родовомъ помѣстьѣ Андреевскомъ, графъ Воронцовъ оставилъ по себѣ память умнымъ хозяйствомъ, прочными сооруженіями и подъемомъ всякой полезной мѣстной производительности. Московскій домъ его (въ Нѣмецкой слободѣ) отличался разумною роскошью, сокровищами которой были: библіотека, картины и собраніе историческихъ рукописей.

Графъ Сегюръ, въ своихъ запискахъ, слѣдующимъ образомъ отзывался о немъ: «Графъ Воронцовъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ,

⁴⁴ Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1728.

соблюдалъ казенный интересъ; но имѣлъ видъ суровый, нравъ гибкій, былъ врагъ роскоши, медлителенъ; онъ желалъ, чтобы русскіе довольствовались, вмѣсто иностранныхъ випъ, медомъ, чтобъ они носили одежду изъ собственныхъ издѣлій. Князь Потемкинъ его ненавидѣлъ, сослуживцы боялись, Императрица уважала и оказывала ему неограниченную довѣренность по коммерческимъ дѣламъ ⁴⁵.

Не менѣ лестный отзывъ сдѣланъ о графѣ А. Р. Воронцовѣ и саксонскимъ представителемъ при русскомъ дворѣ, согласно извлеченію изъ документовъ Дрезденскаго Архива. По такому свидѣтельству, между прочимъ, видно что графъ Воронцовъ, занимавшій мѣсто президента коммерцъ-коллегіи съ честію, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины, поссорился съ партією любимца ея князя П. А. Зубова, и вынужденъ былъ оставить службу, при чемъ враги его не преминули бросить нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на его честность. При Императорѣ Александрѣ I, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, онъ всегда руководствовался мыслию и заботами о благѣ общества; его совѣты Государю были основаны на вполнѣ миролюбивой системѣ, такъ какъ онъ возставалъ всегда противъ всякой мѣры, могущей нарушить мирное равновѣсіе. Считаясь главою консервативной партіи въ Россіи, онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большимъ достоинствомъ. Но страдая различными недугами съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Воронцовъ удалился въ свою деревню, какъ по собственному побужденію, такъ и по желанію Монарха и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, которыя начали стѣснять своевольныя наклонности мэнцлера ⁴⁶.

По Сенату графъ Воронцовъ значится присутствующимъ 1770—1792 г. въ 3-мъ департ., 1792—1793 г. неприсутствующимъ сенаторомъ, 1801—1804 г. въ 1-мъ деп., 1804—1805 г. неприсутствующимъ.

⁴⁵ Записки Сенюра, стр. 111—112; Терещенко, стр. 201—282; Словарь Бамбшъ-Каменскаго, стр. 331; Словарь Пшошара, стр. 51.

⁴⁶ Русская Старина, 1880 г., т. III, стр. 809—810.

САЛТЫКОВЪ

графъ (съ 8 сентября 1790 г.), а потомъ свѣтл. князь (съ 30 августа 1814 г.)

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ *).

Сынъ генералъ аншефа Ивана Алексѣевича Салтыкова, внучатнаго племянника Императрицы Анны Иоанновны, и Анастасіи Петровны, рожденной графини Толстой, Николай Ивановичъ Салтыковъ родился 31 октября 1736 года.

Вступилъ въ службу лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ въ 1748 году, въ то самое время, какъ Императрица Елисавета Петровна отправила 37000-й корпусъ на Рейнъ на помощь Маріи Терезіи и тѣмъ содѣйствовала къ заключенію Ахенскаго мира. Николай Салтыковъ находился въ этомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Василя Анжикитича Репнина.

Состоя въ Семеновскомъ полку, Салтыковъ былъ произведенъ въ канралы 1 января 1750 г., въ подпрапорщики 13 января 1752 г., въ капитанармусы 25 ноября 1752 года. Переведенъ въ армейскіе полки поручникомъ 25 апрѣля 1754 года и произведенъ въ капитаны 25 апрѣля 1757 года.

*) *Источники:* 1) Его формуляръ; 2) Высоч. указы; 3) Россійск. Гербовникъ, т. IX, 2; 4) Росс. родословн. книга кн. Долгорукаго, II, 78; 5) Списки Карabanова, стр. 6, 12, 28, 29, 93, 46; 6) Военно-Энциклопед. Лексиконъ, XI, 608; 7) Баятышъ-Каменскаго, списки кавалеровъ, 122, 220, 305; 8) Его-же Біографіи фельдмаршаловъ II, 198; 9) Его же Словарь достопамятныхъ людей, изд. Пиняева, V, 20; 10) Справ. Энциклопед. Словарь, Старчевскаго, IX, 288; 11) Русск. Энциклоп. Словарь Березина XIII, 425; 12) Дворъ и замѣчат. люди XVIII стол. Вейдемейера, ч. II, 1; 13) Жизнеописаніе его изданное П. Свиньнымъ въ 1818 году.

Во время семилѣтней войны, въ 1757 году Салтыковъ находился въ походѣ отъ Ревеля на галерахъ до Либавы, а оттуда къ гор. Мемелю; былъ при взятіи онаго, а потомъ, по соединеніи съ главною арміею, состоявшею подъ начальствомъ фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, участвовалъ въ знаменитой побѣдѣ, одержанной 19 августа 1757 года надъ прусскими войсками при Гросъ-Эгерсдорфѣ.

1 октября 1757 года произведенъ въ секундъ-маіоры. 1 іюля 1758 года назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи.

Продолжая въ 1758 году походъ, подъ начальствомъ генерала Фермора, Салтыковъ находился при сожженіи, 4 августа, города Кюстрина, а 14 августа въ кровопролитномъ сраженіи при Цорндорфѣ, за которое произведенъ въ подполковники.

По принятіи въ 1759 году команды надъ войсками нашими генераль-фельдмаршаломъ графомъ П. С. Салтыковымъ, Николай Ивановичъ Салтыковъ участвовалъ 12 іюля въ Пальцигской битвѣ, а 1 августа въ знаменитой побѣдѣ, одержанной надъ прусскими войсками при Франкфуртѣ у Кунесдорфа. Присланный въ Петербургъ отъ главнокомандующаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ и со взятыми во Франкфурскомъ сраженіи трофеями, подполковникъ Н. И. Салтыковъ, 30 августа 1759 года, былъ пожалованъ въ полковники, а 1 сентября повелѣно было выдать ему, кромѣ того 2/т. рублей.

Въ 1760 году онъ продолжалъ участвовать въ походахъ нашей арміи въ предѣлахъ Пруссіи. Въ 1761 году сражался подъ знаменами генерала Румянцева и былъ 5—(16) декабря при взятіи крѣпости Кольберга.

По вступленіи на престолъ Императора Петра III и по окончаніи войны онъ возвратился съ войсками въ Россію.

22 февраля 1762 года произведенъ въ генераль-маіоры.

Въ наступившее затѣмъ царствованіе Императрицы Екатерины II, генераль-маіоръ Н. И. Салтыковъ съ 1763-го по 1768 годъ начальствовалъ надъ русскими, расположенными въ Польшѣ, гдѣ снискалъ всеобщую любовь и уваженіе. Въ это время, въ февралѣ 1766 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, а 22 сентября 1767 года произведенъ въ генераль-поручики.

Въ войну съ Оттоманскою Портою въ 1769 году, Салтыковъ участвовалъ въ походѣ нашихъ войскъ въ Дунайскія княжества и содѣйствовалъ князю Голицыну при взятіи, 10 сентября, крѣпости Хотина, за что 20 сентября 1769 года былъ пожалованъ орденомъ Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Растроен-

ное здоровье заставило Николая Ивановича оставить армию и по возвращении въ отечество, въ 1770 году, уѣхать за границу.

Путешествуя въ продолженіе трехъ лѣтъ, Салтыковъ посѣтилъ Пирмонтскія и Ахенскія воды, провелъ нѣкоторое время при дворѣ прусскаго короля Фридриха II и одну зиму прожилъ въ Парижѣ.

По возвращеніи въ Россію и по вступленіи вновь на службу, Салтыковъ, благоволившею къ нему Императрицею Екатериною, былъ пожалованъ въ генераль-аншефы 21 апрѣля 1773 года, съ назначеніемъ состоять при Наслѣдникѣ престола Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, вмѣсто графа Никиты Ивановича Панина управлявшаго тогда дѣлами государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1776 году, Салтыковъ сопутствовалъ Павлу Петровичу въ заграничномъ путешествіи и былъ съ нимъ въ Берлинѣ, 12 іюля, при створѣ Великаго Князя съ племянницею короля прусскаго принцессою Виртембергскою Доротеєю-Софією-Августою-Луизою, нареченною затѣмъ, при переходѣ въ православіе, Великою Княгинею Марією Феодоровною.¹

Пожалованный въ 1781 году въ генераль-адъютанты къ Ея Императорскому величеству, Н. И. Салтыковъ сопровождалъ въ томъ году, опять Великаго Князя Павла Петровича, который, подъ именемъ графа Сѣвернаго, съ супругою своею отправился вновь въ заграничное путешествіе. Находясь главнымъ лицомъ въ свитѣ ихъ высочествъ,² Салтыковъ выѣхалъ съ ними изъ Царскаго Села 19 сентября 1781 года, направляясь къ Вѣнѣ, гдѣ высекіе гости приняты были съ большимъ радушіемъ и со всѣми почестями императоромъ Іосифомъ II. Изъ Вѣны августѣйшіе путешественники отправились въ Италію; были въ Венеціи, Римѣ, Неаполѣ, и проѣхавъ по Швейцаріи, прибыли въ Парижъ 18 мая 1782 г. Первое свиданіе ихъ съ королемъ Людовикомъ XVI послѣдовало 20 мая,

¹ По прибытіи въ С.-Петербургъ 31 августа принцесса Виртембергская миропомазана 14 сент., обручена 15-го и повѣчана съ Великимъ Княземъ 26 сент. 1776 года.

² Свита Великаго Князя, кромѣ Н. И. Салтыкова, состояла изъ трехъ камергеровъ: кн. Николая Борисовича Юсулова, кн. Александра Борисовича Куракина и Осдора Феодоровича Вадковскаго, Сергѣя Ивановича Плещеева, Христофора Ивановича Бенкендорфа, поручика Клингера; для письменныхъ дѣлъ—барона Николая; при великой княгинѣ—г-жа Бенкендорфъ и 2 фрейлены Екатерина Ивановна Нелидова и Наталія Семеновна Борцова. Священникъ, сопровождавшій великаго князя, былъ Андрей Аванасьевичъ Самборскій.

послѣ чего происходилъ въ столицѣ Франціи и въ Версалѣ цѣлый рядъ празднествъ, данныхъ въ честь высокихъ гостей, оставившихъ по себѣ всюду самое благопріятное впечатлѣніе. Выѣхавъ 19 іюня въ Голландію, великокняжеская чета возвратилась въ Россію 20 ноября 1782 года, послѣ 14-мѣсячнаго отсутствія.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ, Н. И. Салтыковъ оставилъ службу при цесаревичѣ, будучи избранъ, въ 1783 году, Императрицею Екатериною начальствующимъ при воспитаніи внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Мѣсто же его при Наслѣдникѣ престола заступилъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусшиъ-Пушкинъ.

Въ рескриптѣ, данномъ Императрицею Екатериною II. И. Салтыкову 13 марта 1784 года, между прочимъ, выражено было слѣдующее:

«Въ главные приставники надъ воспитаніемъ внуковъ искали мы особу добронравную, поведенія основаннаго на здоровомъ разсудкѣ и честности и которой съ дѣтми умѣлъ бы обходиться пріятно и ласково, Увѣрены мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи качества, ревность вашу къ добру и испытанную вашу честность употребите въ служеніи, въ которомъ по великой его важности будите руководимы единственно нами во всѣхъ случаяхъ. Итакъ, обоихъ любезныхъ внуковъ нашихъ, призывая Божію помощь, спмъ и въ силу сего вручамъ въ попечительное, радѣтельное, вѣрное и усердное бдѣніе ваше, ввѣряя вамъ главное надзирательство надъ воспитаніемъ столь драгоценныхъ воспитанниковъ».³

Привыкшіи къ Н. И. Салтыкову и любившіи его великій князь Павелъ Петровичъ, узнавъ о намѣреніи Императрицы лишь 5 апрѣля 1783 года, писалъ къ нему по этому случаю слѣдующее:

«Признаюсь, что мнѣ разстаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься, но не менѣе того, дружкой, а не ты у насъ. Дружба моя заставила меня тебѣ о семъ писать; теперь узналъ я, что тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ о семъ экспликаціи (съ Императрицею), да и дни не безъ слезъ прошли. Ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть».

Вниманіе къ Салтыкову Императрицы выразилось пожалованіемъ Николая Ивановича, 24 ноября 1883 года, кавалеромъ орде-

³ См. Свиньина, стр. 23—100.

на Св. Андрея Первозванного, а потомъ въ подполковники л.-гв. Семеновскаго полка, гдѣ, какъ и въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ, полковникомъ числилась сама царствовавшая Императрица,

По случаю разрыва съ Турціею и предстоявшей войны. 31 августа 1787 года, Н. И. Салтыковъ былъ назначенъ къ присутствованію въ особомъ совѣтѣ, при Высочайшемъ дворѣ утвержденномъ. 21 мая 1788 г. ему былъ пожалованъ орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 1-й степени. 23 іюня 1788 г. Салтыковъ былъ назначенъ присутствующимъ въ военной коллегіи.

Высочайшимъ указомъ 17 января 1790 года повелѣно было Н. И. Салтыкову до возвращенія президента военной коллегіи, князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, быть управляющимъ оною.

При заключеніи мира со Швеціею, Н. И. Салтыковъ 8 сентября 1790 года *возведенъ былъ съ потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство*. 5 октября 1791 года онъ былъ наименованъ вице-президентомъ государственной военной коллегіи. По случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою, 2 сентября 1793 года, графу Салтыкову была пожалована деревня и въ счетъ этого пожалованія, 18 августа 1795 года назначено было ему 4701 душа въ Минской и Могилевской губерніяхъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. ⁴ Передъ самымъ бракосочетаніемъ великаго князя Александра Павловича (28 сентября 1793 г.) въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ, понесенныхъ графомъ Н. И. Салтыковымъ при воспитаніи обоихъ великихъ князей, Высочайшимъ указомъ 22 сентября 1793 года Салтыкову было пожаловано въ пожизненный пансіонъ по 25.000 р. въ годъ сверхъ получаемаго имъ жалованья и столовыхъ денегъ. Кроме того въ день бракосочетанія великаго князя, Императрица пожаловала Салтыкову 100.000 р. единовременно и подарила ему деревни. ⁵

Высочайшимъ указомъ 2 іюля 1794 года предсѣдательствующему въ военной коллегіи генералу графу Н. И. Салтыкову повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ свободное время отъ другихъ, порученныхъ ему дѣлъ.

Остановимся теперь въ описаніи дальнѣйшей служебной дѣятельности графа, чтобы бросить взглядъ на его педагогическую дѣятельность въ великомъ дѣлѣ воспитанія великихъ князей.

Отстранивъ отъ всякаго виѣшательства въ это дѣло и Цеса-

⁴ Высоч. указы, книга 175, л. 68 и кн. 179, л. 70.

⁵ См. у Свиньина, стр. 106.

ревича и его супругу Екатерина II занялась сама воспитаніемъ внуковъ. Она, какъ извѣстно, сама писала въ ихъ назиданіе дѣтскія сказки; зорко слѣдила за ихъ развитіемъ—нравственнымъ и физическимъ, заботливо отстраняя всякое внѣшнее вредное вліяніе. Замѣтивъ въ обоихъ внукахъ, въ особенности въ Константи́нѣ Павловичѣ, врожденную, наследственную склонность къ воинскимъ упражненіямъ, Государыня писала Салтыкову: ⁶

«Понеже все касательно службы, наипаче же военной, не «есть и быть не можетъ и не должно дѣтскою игрушкою; цѣлымъ «же карауломъ и то еще императорскаго величества дворца дитя «тѣшить есть дѣлю неудобное; равномерно неумѣстно въ суровой «погодѣ держать безъ нужды офицеръ и солдатъ излишнее время «подъ ружьемъ: и того для прикажите, чтобъ когда великіе князья, «во время смѣны караула (sic), смотреть въ омошекъ, то, отдавъ «нимъ приличной почести, караулъ безостановочно продолжалъ смѣ- «няться; командиравъ же запретите людей излишне держать въ то «время подъ ружьемъ, или во фрунтѣ».

«Буде же дитя заплячетъ или попроситъ, то чтобъ сказали, «что бабушка не приказала».

Увлекаясь исполнскимъ замысломъ возстановленія имперіи Византійской, Екатерина Великая прочла младшаго своего внука, Константина, въ преемники соименному ему послѣдному императору греческому. Великій князь Константи́нъ, вскормленный Гречанкою, возраставшій на попеченіи природнаго Грека Д. Д. Куругы, съ малыхъ лѣтъ лепеталъ одинаково и по-русски и по-гречески. Старшему сыну Цесаревича Павла, великому князю Александру, своему любимцу, Екатерина II готовила, помимо законнаго своего преемника престолъ Всероссійскій. На долю Швейцарца Лагарпа выпалъ жребій быть Аристотелемъ сѣвернаго Александра. Доклады этого наставника великихъ князей шли къ Императрицѣ черезъ Н. И. Салтыкова. Онъ и законоучитель царственныхъ юношей отецъ Андрей Самборскій были блюстителями ихъ нравственности и убѣждений религіозныхъ; оба они, до нѣкоторой степени, реагировали внушеніямъ Лагарпа, изъ которыхъ, къ несчастію, весьма многія, проникнутыя недовѣрчивостію и мизантропіею явились къ сердцу Александра. Увлеченіямъ юноши западными обычаями, его склонности подражать французскимъ и англійскимъ мо-

⁶ Русскій Архивъ 1863 г., изд. второе, стр. 624—626.

дамъ мудрая Екатерина противопоставила сатиру, смягчая ее жало по возможности. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ въ великихъ князьяхъ уже юношей (17-лѣтній Александръ Павловичъ былъ уже женатъ) склонность къ нарядамъ европейскихъ людниковъ, Императрица дала мысль театральному писателю Копьеву написать комедію «Лебедянская ярмарка», о первомъ представленіи которой на Таврическомъ театрѣ 2 апрѣля 1794 года одинъ изъ воспитателей великаго князя Александра Павловича занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: ⁷

.....«была на Таврическомъ театрѣ представлена комедія русская. «Лебедянская ярмарка» сочин. г. Копьева, гдѣ осмѣяны странныя моды молодыхъ жемановъ, толстые на шеѣ платки короткія, трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ ссыдавали. Государыни и всѣмъ тутъ присутствующимъ она очень понравилась, кромѣ молодыхъ великихъ князей, которые, нѣкоторымъ образомъ, себя тутъ видѣли. Скоро послѣ пожалована ея величествомъ сочинителю золотая табакерка съ алмазами».

«Ridendo castigat mores» (смѣхъ исправляетъ нравы).—Эта надпись не даромъ красовалась на завѣсѣ Эрмитажнаго театра.

При основаніи, въ годъ рожденіе великаго князя Александра Павловича, города Павловска (1777 г.), въ послѣдствіи любимѣйшей резиденціи Императрицы Маріи Феодоровны, на пограничной окраинѣ этого мѣстечка было отмежевано значительное земельное пространство, на которомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, выстроена была дача съ прекраснымъ садомъ. Ее Императрица Екатерина предназначила старшему своему внуку, и въ честь его назвала эту дачу «Александровою». Около 1789 года она была подарена графу Николаю Ивановичу Салтыкову и съ того времени, впредь до переименованія своего въ «Анненскую дачу», называлась «Салтыковскою мызою». Здѣсь, въ тѣнистыхъ аллеяхъ, проводилъ весенніе и лѣтніе дни отрочества великій князь Александръ Павловичъ. По его мысли расположеніе и зданіе сада Александровой были подобіями мѣстностей описанныхъ въ сказкѣ о «Царевнѣ Хлорѣ», написанной Екатериною Великою въ назиданіе ея внуку. Подробное описаніе «Александровой», составленное въ 1793 г. С. Джунковскимъ, выдержало три изданія и при всемъ томъ составляетъ би-

⁷ Русскій Архивъ 1866 г., стр. 94—111. Эти замѣтки напечатаны безъ означенія имени автора, но есть основаніе думать, что авторъ ихъ о. Андрей Самборскій.

біографическую рѣдкость. На фронтисписѣ изображенъ графъ Н. И. Салтыковъ: повѣсивъ на сукъ вѣтвистаго дерева ордена и ленты, онъ держится за плугъ, запряженный двумя волами и пашетъ землю—аллегорическое изображеніе его дѣятельности; какъ пѣстуна великихъ князей. Надъ нимъ паритъ голубь и яркое солнце озаряетъ стоящій на горѣ «храмъ Фелицы» подъ сводомъ котораго на жертвенникѣ курится оеміамъ. На прочихъ эстампахъ изображены особенно живописныя мѣстности, храмы, бесѣдки и т. п. О нихъ въ исторіи Павловска ⁸ находимъ слѣдующія любопытныя подробности:

Авторъ поэмы въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II, говоритъ, что великій князь... «яко начальникъ россійскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матернаго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высоту и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ Тобою притчей называемой *Царевичъ Хлоръ*, восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

Въ стихахъ, даже и для своего времени весьма дубоватыхъ, авторъ поэмы «Александрова» описываетъ садъ и дачу. Изъ этого описанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу и близь него, въ долинѣ, былъ шатеръ съ золотымъ верхомъ. Къ дому вела прямая, не длинная аллея, обсаженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ и дорога вела на поле и въ лѣсъ....

«И отрокъ съ самаго ея начала,
Когда разсудку мысль его внимала,
Научится быть осторожнымъ здѣсь».

Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображениями богатствъ; за павильономъ—нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: «*храми златыя камни*»—символъ неизблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II—ея «Наказа»; Нива прилегала къ «храму Цереры». За

⁸ Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе, С.-Пб., 1877 г., стр. 83—85.

этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Θεодоровны; близъ него «пещера нимфы Эгеріи», мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда длинная аллея мимо каскада вела къ высокому, крутому холму, на которомъ находился «храмъ Розы безъ шиповъ».⁹

Печальныя остатки этого храма, въ видѣ заброшенной каменной бесѣдки, стоятъ и понынѣ. Круглый куполъ поддерживается, по прежнему, семью колоннами; но по срединѣ храма возвышался алтарь и на немъ стоялъ сосудъ съ поставленною на него розою безъ шиповъ; алтаря этого теперь нѣтъ. Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, съ высоты небесъ смотрящаго на «блаженствующую Россію», которая, будучи окружена символами богатства, наукъ и промышленности, озирается на щитъ, съ изображеніемъ «Фелицы, т.-е. Екатерины II. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофей, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ.... Едва замѣтные остатки этихъ фресковъ виднѣются и до сихъ поръ. У подножія храма было обширное озеро, которое образовывало извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго сада возвышались храмы: «Флоры» и «Помоны».

Этотъ садъ, съ которымъ такъ тѣсно были связаны воспоминанія дѣтства и отрочества Александра I и заката дней Екатерины II, въ первые годы его царствованія еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе: штукатурка храмовъ и облицовка ихъ пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травой; холмы обвалились и до нашего времени сохранились только, какъ мы уже сказали, «храмъ Розы безъ шиповъ», съ полинялыми, едва замѣтными фресками; озеро, разстлавшееся у подножія храма, нынѣ глубокая котловина, заросшая кустарникомъ.

⁹ Всѣ эти намеки на эпизоды сказки о «Царевичѣ Хлорѣ» находились и въ безсмертной одѣ Державина:

Богopodobная царица
Киргизъ-Вайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойди на ту высокую гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ...

Непостижимо, почему на «Александрову дачу» не было обращено вниманія въ тѣ дни, когда Александръ I былъ въ апогей славы и величія; почему въ его же царствованіе заглохли мѣста бывшія свидѣтелями его дѣтскихъ игръ и отроческихъ занятій науками, когда въ тѣнистыхъ аллеяхъ «Александровой дачи» онъ бесѣдовалъ со своимъ наставникомъ Лагарпомъ!

Какъ бы въ предчувствіи близкой своей кончины престарѣлая Екатерина спѣшила бракосочетаніями старшихъ дѣтей Цесаревича Павла Петровича. 3-го февраля 1796 года послѣдовало обрученіе великаго князя Константина Павловича съ великою княжною Анною Ѳеодоровною, бывшею принцессою Юліею-Генріэттой-Ульрихой-Саксенъ-Зальфельдъ-Кобургскою.¹⁰ Съ тѣмъ прекращалась должность графа Салтыкова кекъ наставника внуковъ Императрицы, которая, въ самый день обрученія Константина Павловича удостоила графа Салтыкова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Но совершеніи, съ помощью Всевышняго, воспитанія любезнаго внука Нашего, Великаго Князя Константина Павловича, по правламъ отъ Насъ предначертаннымъ и подъ собственнымъ Нашимъ смотрѣніемъ, восхотѣли Мы изъявить Монаршее Наше признаніе къ вашей ревности въ исполненіи воли Нашей и къ трудамъ вами тутъ понесеннымъ. Вслѣдствіе того всемилостивѣйше жалуемъ вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе домъ въ С.-Петербургѣ, со столовымъ серебрянымъ сервизомъ, да одновременно на заведеніе домашнее шестьдесятъ тысячъ рублей изъ суммы на чрезвычайные расходы въ вѣдомство ваше отпускаемой».

3 августа того же 1796 года прибылъ въ Петербургъ, сопровождаемый своимъ дядею регентомъ Карломъ Зюдерманландскимъ, юный шведскій король Густавъ IV Адольфъ,¹¹ въ качествѣ нареченнаго жениха старшей дочери Цесаревича Павла Петровича, великой княжны Александры Павловны.¹² Бракъ этотъ

¹⁰ Родилась въ Готѣ 23 сентября 1781 г.; мурпомзана 2-го—обручена 3-го—повѣчана 15 февраля 1796 года, разведена отъ брачнаго сожительства 20 марта 1820 года. Скончалась въ Швейцаріи 12 августа 1860 года, исповѣдуя до самой кончины православную греко-россійскую вѣру и пребывая вдовствующею въ теченіе сорока лѣтъ.

¹¹ Родился 1-го ноября 1778 г., наследовалъ отцу Густаву III 30 марта подъ опекою дяди, герцога Карла Зюдерманландскаго. Свергнутъ съ престола 1782 г. 1 апрѣля 1809 г. умеръ въ Швейцаріи въ мартѣ 1837 года.

¹² Родилась въ Павловскѣ 29 июля 1783 г., новинчана съ эрцгерцогомъ Йосифомъ, австрийскимъ императоромъ, 19 октября 1799 года скончалась въ Офенѣ 4 марта 1801 года.

былъ задуманъ Екатериною II еще съ 1792 года, въ одинаковой степени по соображеніямъ политическимъ и въ виду несомнѣнной взаимной любви двухъ юныхъ сердець, которая, по мнѣнію Государыни, должна была воспылать въ нихъ съ первой же встрѣчи. Къ несчастію для царской семьи, юный король шведскій, при ограниченномъ умѣ и взбалмошномъ характерѣ, былъ слѣпымъ орудіемъ зложелательства къ Россіи, какъ своего дяди, регента, такъ и европейскихъ кабинетовъ. Родственный союзъ Россіи со Швеціею слишкомъ близко затрогивалъ интересы Англии, что бы она не задалась мыслию во что бы то ни стало разрушить планъ Екатерины. Король шведскій, принятый при нашемъ дворѣ съ отиѣннымъ вниманіемъ, радушіемъ и ласкою, возбудилъ въ нареченной невѣстѣ своей первую, нѣжнѣйшую любовь, которой не былъ достоинъ уже по тому одному, что не умѣлъ ее оцѣнить. Сама Государыня и великая княгиня Марія Ѳеодоровна при всей ихъ прозорливости жестоко обманулись въ король шведскомъ, принявъ его слабоуміе за наивность, а грубость манеръ и разговоровъ—за искренность. Имъ, какъ автоматомъ, вертѣлъ герцогъ Зюдерманландскій, человекъ низкой души, плутоватый, изворотливый, подкупленный англійскимъ золотомъ. Переговоры о бракосочетаніи длились шесть недѣль и къ глубочайшему огорченію и оскорбленію Екатерины Великой окончились разрывомъ въ самый день обрученія 11-го сентября. Поводомъ къ тому послужилъ вопросъ, уже давно рѣшенный; о свободѣ вѣроисповѣданія будущей королевы шведской. Черезъ девять дней, король, регентъ и вся ихъ свита выѣхали изъ Петербурга, сопровождаемые всеобщимъ негодованіемъ и вполне заслуженнымъ презрѣніемъ. Но эти чувства, въ семействѣ Императрицы не смягчили тяжкаго удара, нанесеннаго ей сердцу и нынѣ уже нѣтъ и сомнѣнія, что смерть Екатерины II, послѣдовавшая черезъ два мѣсяца, была слѣдствіемъ жестокаго потрясенія испытаннаго ею въ роковой день 11 сентября 1796 года: признаки паралича обнаружались у Императрицы при первомъ же словѣ графа Моркова, что король не желаетъ подписать контракта... Екатерина, видя себя, едва не ударила тростью этого вѣстника и нѣсколько минутъ какъ бы не владела языкомъ. Ей, предъ которою трепетала вся Турція, пріятели которой помогали Пруссія, Австрія, Германія, Италия—ей дерзнули оказать неуваженіе, мальчикъ-король-кантонистъ и его достойный дядя, которому приличнѣе было бы быть не ре-

гентомъ Швеціи, а каптенармусомъ какого-нибудь армейскаго полка. ¹³

Въ печальномъ дѣлѣ этого несостоявшагося сватовства графъ Салтыковъ принималъ весьма близкое участіе. По порученію Цесаревича Павла Петровича, пребывавшаго въ Гатчинѣ, графъ общалъ ему о ходѣ переговоровъ съ женихомъ, о распоряженіяхъ Императрицы, о церемоніаль празднествъ въ честь короля шведскаго. Въ это же время графъ Николай Ивановичъ взялъ на себя ходатайство предъ Цесаревичемъ за бывшаго своего питомца, великаго князя Константина Павловича, навлекшаго на себя гнѣвъ родителей, какимъ-то опрометчивымъ поступкомъ. Какъ любопытные документы приводимъ слѣдующія письма графа Салтыкова къ цесаревичу. ¹⁴

3 сентлября пополуднѣ въ 4 часа.

«Всемиловѣйшій государь. Вчера съ на балѣ король, разговаривая съ Государыней, ей говорилъ, что онъ былъ съ великой княгиней (sic) Александрой Павловной всегда въ большой публикѣ; не имѣетъ случая съ ней прямо познакомиться, а потому и проситъ, чтобъ ему дать случай запросто съ нею быть; а потому Государыня изволила мнѣ приказать—писать о семъ къ вашему величеству (sic), разсуждая, что таковое свиданіе съ пристойностію быть должно въ присутствіи родителей ея; и для того желаетъ Государыня, если ваше величество сами въ пятницу здѣсь не изволите быть, то бы великая княгиня непременно къ обѣду здѣсь была и какъ положено въ пятницу королю и великимъ князьямъ обѣдать у Александра Павловича, то и великая княгиня обѣдавъ тутъ же, послѣ обѣда возьметъ къ себѣ короля съ регентомъ, то жъ Ливеншу съ великими князьями и великихъ князей съ супругами, и останется съ ними до балу у себя въ своихъ покояхъ запросто.

Симъ исполнивъ приказаніе мнѣ данное, подношу письмо отъ Константина Павловича вчера же еще писанное; онъ совершенно явился передъ вами не таковымъ, какъ бы онъ быть былъ долженъ; отъ великой робости отчего онъ былъ виѣ себя. О бы-

¹³ О подробностяхъ сватовства шведскаго короля см. Русская Старина изд. 1874 г., т. IX.

¹⁴ Тамъ же, стр. 473—474 и 489—491.

ти у васъ короля завтра я Государынѣ доносила. Вашего императорскаго высочества графъ Николай Салтыковъ.

Касательно до вашего въ пятницу сюда прїѣзда осмѣливаюсь симъ присовокупить, что оное зависитъ отъ вашего, точно, собственнаго расположенія, потому что Государыня предупреждена, что вы до понедѣльника не были расположены сюда прїѣзжать; и такъ, если ѣзда сюда на тотъ день васъ отягощаетъ, то непремѣнной надобности нѣтъ, но въ такомъ случаѣ, какъ изъ письма моего видѣть изволили, что ипминуюемо надобно, чтобъ великая княгиня уже здѣсь была».

Сентября 16 дня 1796 г. пополудни въ 4 часа.

«Всемиловѣйшій государь. Сего утра, согласно приказанію вашему, я, ваше вчерашнее письмо ея величеству показывала. Государыня изволила приказать вамъ сказать, что по теперешнему положенію съ королемъ весьма согласна и ея величество, чтобъ вамъ для прощанія сюда не прїѣзжать, а по точномъ назначеніи его отсюда отъѣзда черезъ письмо съ нимъ распрощаться. Если же бы обстоятельства, между тѣмъ, и положеніе дѣлъ перемѣнились, то ея величество общаетъ васъ увѣдомить. О положеніи дѣлъ съ королемъ Государыня приказала вамъ сказать, что теперь оныя все въ тойже нерѣшимости, какъ вы ихъ оставили. Всѣ вообще согласны на все требуемое, кромѣ короля, а онъ не умѣетъ рѣшиться и все упрямствуетъ, а затѣмъ всѣ они у ея ногъ, и, какъ Поляки говорятъ, Государыня приказала мнѣ точно тѣми словами и вамъ сказать, что *уже леже*. Сегодня, думаю, будетъ опять съ министрами конференція, но сіе, считаю, Государыня дозволить единственно изъ снисхожденія къ ихъ просьбѣ, а ничего рѣшительнаго быть не можетъ и поѣдутъ ни съ чѣмъ. Г. Н. С.»

Въ среду (17 сентября) пополудни въ 9 часу.

«Всемиловѣйшій государь. Сейчасъ получилъ я приказаніе ея величества писать къ вамъ, что хотя вчерась Государыня черезъ меня-жь и приказала, что нѣтъ надобности, чтобъ ваше высочество, для распрощанія съ королемъ, сюда прїѣзжали; но какъ нерѣшимость дѣлъ положеніе коихъ вамъ известно черезъ описаніе отъ ея величества вамъ сдѣланное, требуетъ при разставаніи распространиться съ пристойной вѣжливостью, то и рассуждаетъ ея величество нужнымъ, чтобъ ваше высочество завтра сюда прї-

ѣхали и завтра-жъ здѣсь съ королемъ простились, потому что завтра назначено королю и съ Государынею прощаться, дабы онъ могъ въ пятницу уже, а по крайней мѣрѣ, по утру рано въ субботу, выѣхать, а инако онъ долженъ будетъ еще здѣсь промедлить. А затѣмъ Государыня приказала мнѣ присовокупить и то, что если вы не находите себя расположенными прощаться съ королемъ съ ласковою вѣжливостью, въ такомъ случаѣ оставляетъ ея величество на волю вашу и чрезъ письмо съ нимъ распространить, сказавъ ему, что здоровье ваше не дозволило вамъ самимъ прѣѣхать. И такъ, исполнивъ приказаніе мнѣ данное, если не позволите сами быть, буду ожидать вашего приказанія. Г. Н. С.»

6 ноября 1796 года Екатерина Великая опочила сномъ вѣчнымъ. Преемникъ ея, Императоръ Павелъ Петровичъ, черезъ два дня по восшествіи своемъ на престолъ, именно 8 ноября, пожаловалъ графа Салтыкова въ генералъ фельдмаршалы, назначивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и президентомъ военной коллегіи.

Графъ Николай Ивановичъ въ этой важной государственной должности былъ покорнымъ и безпрекословнымъ исполнителемъ предначертаній Государя, задумавшаго радикально преобразовать русскія войска на новыхъ началахъ, по образцу арміи прусской. Какъ и слѣдовало ожидать, реформы встрѣтили отпоръ въ приверженцахъ прежнихъ порядковъ, въ герояхъ Екатерининскаго царствованія, съ бессмертнымъ Суворовымъ въ ихъ главѣ. Назначенный предводителемъ и инспекторомъ Екатеринославской дивизіи, герой Рымника и Измаила, писалъ племяннику своему, графу Хвостову, отъ 11 января 1797 года:

«Новый титулъ! и инспекторъ; я вамъ выяснялъ, что былъ такимъ подполковникомъ; я быть такимъ не могу... и не хочу: я главнокомандующій, генералъ генераловъ, и въ генералитетѣ, хотя общемъ, но съ моими преимуществами и тамъ имѣлъ своихъ инспекторовъ. Я батальевъ не проигрывалъ, какъ покойникъ прусскій и великій король».

«Этотъ знакомый всей русской арміи голосъ», говоритъ нашъ военный историкъ Н. С. Лебедевъ,¹⁵ «былъ какъ бы только началомъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ; или, лучше сказать, началомъ борьбы гатчинскихъ инструкторовъ съ людьми Екатерининской эпохи».

Борьба эта происходила у подножія престола, на который

¹⁵ Русская Старина, изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 247—248.

вступилъ Монархъ, желавшій всею силою души блага Россіи и русскому войску, и слишкомъ двадцать лѣтъ лелѣвшій въ душѣ мысль о преобразованіяхъ. Но исполнители воли его, по обстоятельствамъ стоявшіе къ нему ближе другихъ, прежде всего сами желали быть на первомъ планѣ и требовали у прежнихъ дѣятелей уступить имъ мѣсто.

Уступка эта произошла не совершенно охотно: старики заупрямились, неохотно поддавались на нововведенія; возражали на правила новыхъ уставовъ, не торопились вводить ихъ въ войска и не совсемъ ласково приняли пріѣхавшихъ генераль-адъютантовъ посланныхъ для повѣрки успѣховъ введеніи новаго устава. Приближенные Государя усіяли объяснить это духомъ непокорства, укоренившимся въ войскахъ и привычкою къ стариннымъ злоупотребленіямъ, по которымъ каждый начальникъ считалъ себя вполне самостоятельнымъ лицомъ. Послѣдствіемъ этого былъ гибель Павла Петровича и послѣдовательное увольненіе отъ службы въ теченіе почти трехъ лѣтъ: семерыхъ фельдмаршаловъ, 333 генераловъ и 2261 офицера, большая часть которыхъ, впрочемъ, была снова принята на службу спустя годъ и менѣе.

Кромѣ Румянцева († 8 декабря 1796 г.), впаиваго въ немилость за нѣкоторыя замѣчанія на новый уставъ, уволены: Суворовъ, Репнинъ, Чернышевъ, Эльминъ, Каменскій, Прозоровскій и Гудовичъ. Остались на службѣ только графы Иванъ Петровичъ и Николай Ивановичъ Салтыковы и графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Изъятіе сдѣлано было для Николая Ивановича Салтыкова потому, что онъ былъ преданъ Павлу Петровичу съ самой его юности и уже съ 1769 года находился при немъ, а съ 1783 года занимался воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Н. И. Салтыковъ отличался правдивостью, но былъ высококомфренъ и мстителемъ (въ особенности долго мстилъ онъ Суворову), и заслуживаетъ справедливый упрекъ за угодность свою новымъ любимцамъ, хотя по званію президента военной коллегіи и вліянію на Павла Петровича онъ могъ во многомъ открыть ему глаза; нельзя же упрекнуть также Салтыкова, зачѣмъ онъ взыскалъ своими милостями и вывелъ въ люди Аракчеева!

Эти обвиненія, возводимыя современными намъ историкомъ на память графа Салтыкова становятся менѣе вѣски, если принять въ соображеніе личный характеръ Императора Павла, не терпѣвшаго ни возраженій, ни «откровенія глазъ» не

только отъ своихъ любимцевъ, но даже отъ членовъ своей семьи. Графъ Николай Ивановичъ, высоко цѣня близость свою къ Государю, не могъ жервовать ею убѣжденіямъ съ его волею несогласнымъ. Онъ зналъ очень хорошо, за противорѣчіе велѣніямъ Павла, онъ, Салтыковъ, могъ въ одну минуту быть удаленъ отъ двора и лишенъ всѣхъ царскихъ милостей. Правда, онъ благоволилъ Аракчееву; но собственно ли и единственно ли Салтыкову послѣдній былъ обязанъ своимъ возвыщеніемъ? Не собственнымъ ли дарованіямъ и умѣнью вкрасться въ довѣріе и Павла I и его преемника, Александра Благословеннаго? Изъ всѣхъ любимцевъ павловскаго царствованія одинъ Аракчеевъ сумѣлъ не только сохранить свое значеніе, но даже достигнуть высоты, ни для кого другаго недостижимой. Прибавимъ къ этому что безапекословное помяновеніе волѣ Павла I было, со стороны Салтыкова, тѣмъ болѣе необходимо, что въ теченіе первыхъ же двухъ мѣсяцевъ, графъ Николай Ивановичъ едва не впалъ въ немилость, вслѣдствіе гнѣва Государя на воспитателя сыновей графа швейцарца Массона, дѣйствительно выведеннаго въ люди Салтыковымъ.

Этотъ Массонъ, офицеръ нашей службы, землякъ Лагарца, къ которому Павелъ Петровичъ, еще въ бытность свою цесаревичемъ не питалъ особеннаго расположенія, не умѣлъ, или не хотѣлъ сообразоваться съ требованіями двора Павла I личнаго врага всякихъ либеральныхъ идей, вѣдшихъ въ Россію съ запада. Monsieur Массонъ, въ разговорахъ съ великими князьями и со своими питомцами молодыми Салтыковыми давалъ часто излишнюю волю своему острому языку, почти не скрывая республиканскаго образа мыслей, тогда очень моднаго во Франціи и въ Швейцаріи, но не совсѣмъ умѣстнаго въ Россіи. Хотя этотъ господинъ въ своихъ «Запискахъ» старается выставить себя жертвою извѣтовъ и клеветы, но самими этими «Записками» (*Memoires secrets sur la cour de la Russie*) онъ доказалъ всему грамотному міру, что какъ при дворѣ нашемъ, такъ и въ домѣ графа Салтыкова, Массонъ былъ «сформированнымъ волкомъ». Не говоримъ уже о смусмостахъ, рассказываемыхъ въ «Запискахъ» про высшій петербургскій кругъ въ царствованіе Екатерины II, но замѣтимъ, что авторъ малюгъ наибольшій запасъ желчи и гизи на супругу графа Николая Ивановича—хозяйку той семьи, въ которой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ принятъ радушно и дружелюбно. Истинно республиканская «независимость совѣсти!» Не скрывая неблаговоленія своего къ

Массону, еще въ царствованіе своей родительницы, цесаревичъ Павелъ Петровичъ угадывалъ въ немъ тайнаго якобинца; не одобрялъ выбора его Салтыковымъ, въ наставники молодыхъ графовъ и сказалъ однажды ихъ отцу, какъ бы шута: «On voit bien que le jeune Saltycoff est fait de *maçonnerie* (видно по всему, что молодой Салтыковъ масонской каменщицкой складки).

11 декабря 1796 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ обоихъ братьевъ Массоновъ изъ предѣловъ Россійской имперіи. « Можно сказать, что Императоръ Павелъ I. за шестнадцать лѣтъ до отечественной войны питалъ къ революціонной Франціи ту ненависть, которою воспыкала вся Россія при вторженіи Наполеона... Только тогда убѣдились мы, русскіе, отъ представителя верховной власти до послѣдняго пахаря, сколько зло надѣлала намъ наша пріязнь къ иноземцамъ вообще, а французской—въ особенности; тогда убѣдились мы, что французъ, какъ республиканецъ, такъ и эмигрантъ, не товарищъ русскому человеку. Напоминать ли объ изгнаніи іезуитовъ въ 1820 году, мѣръ-крайней, до которой ихъ происки довели даже благодушнаго Александра I.

Но гнѣвъ Императора Павла на дядьку Салтыковыхъ, не распространился на ихъ родителя, которому Государь благоволилъ неизмѣнно. Принявъ подъ свое покровительство Мальтійскій рыцарскій орденъ, Императоръ, Высочайшимъ манифестомъ 20 декабря 1798 года, поручилъ графу Николаю Ивановичу, обще съ оберъ-камергеромъ графомъ Шереметевымъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Энгельгардомъ и генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ, установить и учредить порядокъ принятія русскаго дворянства въ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ 1799 году Салтыковъ былъ пожалованъ гофмейстеромъ и командоромъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, а затѣмъ и старшиною греческаго пріорства.

Воцарившійся 12 марта 1801 года, Императоръ Александръ Павловичъ, указомъ, отъ 30 марта, учредилъ при Императорскомъ дворѣ, на особыхъ началахъ, совѣтъ непремѣнный и членомъ этого совѣта назначилъ генералъ-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова.

Въ день коронаціи своего, 15 сентября 1801 года, Императоръ пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный алмазами,

¹⁶ О высылкѣ братьевъ Массоновъ, см. «Русская Старина», изд. 1876 г., томъ XV, стр. 548—585.

Съ учрежденіемъ министерствъ, 8-го сентября 1802 года графъ былъ уволенъ отъ званія президента военной коллегіи.

Въ первую войну съ Наполеономъ I, Императоръ Александръ указомъ, отъ 15 марта 1807 года, назначилъ графа Н. И. Салтыкова къ присутствованію въ комитетъ, учрежденномъ 13 января того года, для составленія земскаго войска, ввѣривъ ему управление дѣлами означеннаго комитета.

При образованіи на новыхъ началахъ государственнаго совѣта съ 1 января 1810 года, Н. И. Салтыковъ, того же числа, былъ наименованъ въ число членовъ его. По увольненіи же отъ дѣлъ графа Н. П. Румянцева, указомъ, отъ 29 марта 1812 года, графъ Салтыковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета гг. министерствъ.

Въ эпоху отечественной войны, Императоръ Александръ Павловичъ, отбѣзжая къ войскамъ дѣйствующей арміи въ имперіи и за границу расположеннымъ, возложилъ на графа Салтыкова главнѣйшее руководство государственныхъ дѣлъ, снабдивъ его особыми полномочіями, какъ самое довѣренное и болѣе всѣхъ приближенное съ себѣ лицо.

По благополучномъ окончаніи войны и по низложеніи Наполеона, Александръ I, возвратясь на короткое время изъ чужихъ краевъ въ С.-Петербургъ, въ Высочайшемъ указѣ своемъ, отъ 30 августа 1814 года, объявилъ слѣдующее:

«Предъ наступленіемъ минувшей войны, учредивъ на время отсутствія Нашего изъ столицы, порядокъ теченія государственныхъ дѣлъ, ввѣрили Мы оной главному попеченію Нашего генераль-фельдмаршала графа Салтыкова. Извѣстныя достоинства его, опытность долговременною усердною службою приобрѣтенная и любовь къ Отечеству побудили Насъ на выборъ сей. И онъ, не взирая на преклонныя лѣта и болезненное состояніе, оправдалъ въ полной мѣрѣ довѣренность Нашу. Въ ознаменованіе признательности Нашей къ таковымъ новымъ заслугамъ и во изъявленіе особеннаго благоволенія Нашего, возводимъ Мы его, генераль-фельдмаршала графа Салтыкова, съ потомствомъ его, въ княжеское Россійской имперіи достоинство, съ присвоеніемъ титула *«святлости»*.

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 30 августа 1814 года изображено было:

«Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего къ долговременной службѣ генераль-фельдмаршала князя Салтыкова и

«къ знаменитымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству, назнача-
емъ ему въ отличіе офицерскій караулъ». ¹⁷

Кромѣ показанныхъ выше російскихъ орденовъ, князь Н. И. Салтыковъ имѣлъ также польскіе: Бѣлаго Орла и Станислава и французскіе: Кармелицкой Богородицы и Св. Лазаря.

У князя Николая Ивановича, удрученнаго лѣтами, въ концѣ 1815 года открылась водяная болѣзнь, къ которой присоединился потомъ антоновъ огонь въ ногахъ. Сильныя страданія несчастнаго старца не поколебали твердости его духа и глубокой вѣры его. Успокоивая родныхъ своихъ и приближенныхъ онъ, за нѣсколько минутъ до своей кончины, благословилъ часто посѣщавшаго его, воспитанника, друга и Монарха своего; будучи уже не въ состояніи высказать чувствъ своихъ, умиравшій вельможа прижалъ руку Государя къ едва бившемуся уже сердцу своему и возведя взоръ свой къ небу, казалось, испрашивалъ ему благость свыше. 16 мая 1816 года князь скончался.

Биографъ князя, П. П. Свиньинъ, побуждаемый чувствами личной къ нему признательности и уваженія, характеризуетъ его слѣдующими трогательными чертами:

— Несмотря на высокій санъ свой, князь Николай Ивановичъ былъ доступенъ для всякаго; привѣтливъ въ обхожденіи, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, и будучи истинный цѣнитель достоинствъ не оскорблялъ никого недоувѣрчивостью безъ основательной причины. Дѣлать добро—было священнымъ для него закономъ и удовольствіемъ; наказывать—огорченіемъ. Никогда бѣдный, требовавшій помощи, не выходилъ изъ его дома безъ пособія, съ веселымъ, кроткимъ нравомъ умѣлъ онъ скрывать скорбь свою въ глубинѣ сердца, чтобы видомъ даже не огорчить людей, къ нему приверженныхъ. Когда въ 1812 году, 7 сентября, пришли ему объявить кончину супруги его, съ которою онъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи, почти неразлучно: нашли истиннаго христіанина стоявшаго на колѣняхъ предъ образомъ Спасителя; «Боже!» взывалъ онъ тогда ко Всевышнему—«Ты соединилъ насъ на земли, не разлучи насъ и на небесахъ, и какой ударъ ни пошлешь на меня, вѣра моя къ Тебѣ не ослабнетъ». Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ, не призывавъ на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящалъ молитвѣ болѣе часа; но въ эту минуту,

¹⁷ См. у Свиньина. стр. 12.

когда всѣмъ сердцемъ и душою предавался онъ Богу, всякій, имѣющій до него нужду, могъ прерывать его занятія, и почтенный старецъ, исполнивъ долгъ челоуѣколюбія, обращался снова къ молитвѣ».

Панегирикъ достойный памяти истинно евангельскаго праведника, и ему можно было бы повѣрить, еслибы самъ авторъ въ данномъ случаѣ не слѣдовала древнему изученію: «de mortuis aut bene, aut nihil».

Отдѣляя истину отъ преувеличенія, должно признать князя Салтыкова за челоуѣка набожнаго по искреннему убѣжденію. Современники князя, ища высшаго общества, смотрѣли на его набожность иначе. Приводимъ любопытный отзывъ о немъ гр. Ф. П. Толстаго, въ его «Запискахъ». ¹⁸

— Фельдмаршалъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, вельможа Екатериненскаго времени, родной дядя Петра Александровича (Толстаго) тоже бывалъ у насъ не рѣдко (въ 1809 году), а также и супруга его, Наталья Владиміровна, которой всѣ боялись при Дворѣ и которая умѣла пріобрѣсти право всѣхъ бранить за все, что только было сдѣлано не по ней. Чтобы представить себѣ личность графа Н. И. Салтыкова, надо вообразить себѣ маленькаго роста старичка, худощаваго, сгорбленнаго, съ длиннымъ носомъ и въ военномъ мундирѣ. Онъ ходилъ всегда поддергивая штаны, какъ будто боясь, что они свалятся; это было очень смѣшно и каррикатурно. Николай Ивановичъ отличался въ Семилѣтнюю войну, при осадѣ Кольберга, велъ войну въ Молдавіи, путешествовалъ по Европѣ, (былъ) при Екатеринѣ II въ званіи воспитателя великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ большой ханжа; носилъ на шеѣ, кромѣ креста, множество маленькихъ финифтяныхъ образковъ, носилъ ихъ даже во всѣхъ карманахъ; впрочемъ былъ челоуѣкъ очень умный и свѣдуцій, и въ свое время игралъ большую роль.

Таково каррикатурное изображеніе князя, между нимъ и характеристикою Свинына, предоставляемъ читателю выбрать среднее, т.-е. не святаго (перваго) и не смѣшняго «ханжу» (втораго).

Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ былъ женатъ на княжнѣ Наталіи Владиміровнѣ Долгорукой (род. 1737, † 7 сентября 1812 г.), пожалованной въ статсъ-дамы 2-го сентября 1793 г. и имѣлъ отъ нея, кромѣ дочери, скончавшейся въ младенствѣ, сы-

¹⁸ Русская Старина, изд. 1873 г., т. VII, стр. 39—40.

новой, 1) *Дмитрія*, (1767, † 14 декабря 1826 г.), 2) *Александра* (род. 27 декабря 1775, † 27 января 1837 г. сенаторомъ), 3) *Серія*, род. 1776, † 25 апреля 1828 г., также сенаторомъ.

По Сенату значится присутствующимъ 1794—1816 годъ въ Общемъ Собраніи первыхъ трехъ Департаментовъ.

ЧИЧАГОВЪ

ПАВЕЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Род. 27 июля 1767 г., † 10 сентября н. с. 1849 г.

Происходившій изъ потомственныхъ дворянъ, сынъ известнаго морскаго героя и русскаго адмирала Василя Яковлевича Чичагова, ¹ Павелъ Васильевичъ родился 27 июля 1767 года.

^{*)} *Источники:* 1) Высочайше указы Сенатскаго Архива; 2) Полное Собрание Законовъ, 3) Россійскій Гербовникъ, т. VI, № 92, 4) Дѣла Морскаго Министерства, 5) Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. I, стр. 393—398, т. XIV, стр. 41—43, 6) Энциклопед. Словарь Крайя, т. XII, стр. 188, 7) Энциклопед. Словарь Профессора Березина, XVI, стр. 120, 8) Вейдемейера Дворъ и замѣчательные люди XVIII вѣка, ч. II, стр. 88, 9) Списки Карабанова, стр. 17, 30, 96, 10) Архивъ Морскаго М-ва (сокращ. А. М. М.), т. III, 11) Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. М. П. Барсукова, 1874, стр. 388, 12) Н. О. Дубровина—Отечественная война въ письмахъ современниковъ, изд. 1882 г. (сокращ. О. В. Д.), 13) Его же, Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ Царствованіе Императора Александра I, изд. 1883 г., стр. 8 и 96 (сокращ. П. Г. Д.), 14) Записки адмирала А. С. Шишкова, изд. 1877, т. I, стр. 66—67, 15) М. И. Богдановича, Исторія Царствованія Императора Александра I, т. II и III, 16) Сочиненія Михайловско-Данилевскаго, 17) Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164—165, 18) Я. К. Грота, Сочиненія Г. Г. Державина, т. III, стр. 451, 19) Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff Berlin, 1855 и также изданіе 1862 г. въ Лейпцигѣ, 20) Архивъ кн. Воронцова, т. XII, XIV и XIX, 21) Историческій Вѣстникъ, 1883 г., т. I, стр. 237—240, 22) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VI, стр. 1—74, 23) Русскій Архивъ П. И. Бартенева, 1869 г., Записки генерала Чичагова по переправѣ черезъ Березину, стр. 1147—1178, 1870 г. стр. 1522—1531, Дѣла Турціи въ 1812 году, 24) Русская Старина, М. И. Семевского, 1877, т. I, стр. 44, 280, 449, 454, 614—640, т. II, стр. 191, т. III, стр. 35, 177, 353, 699, 1883 г., т. III, стр. 487—506, 25) О. О. Веселаго, Списки Русскихъ Военныхъ Судовъ, изд. 1872 г., стр. 748, 26) Свидѣнія изъ подлинныхъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова, сообщенныя внучатнымъ его племянникомъ, Л. М. Чичаговымъ.

¹ Изъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова видно, что отецъ его, адмиралъ Ва -

По обычаю того времени и во вниманіе къ заслугамъ своего отца, П. Чичаговъ, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, удостоился зачисленія въ 1776 году въ гвардейскій полкъ и оставленъ въ домѣ родительскомъ до возраста. Въ дѣйствительную же службу онъ вступилъ въ 1779 году, съ чиномъ гвардіи сержанта.

Отлично образованный, разумный отецъ-морякъ позаботился дать своему сыну возможно хорошее образованіе, за которымъ слѣдилъ самъ съ зоркимъ отеческимъ вниманіемъ.

Въ 1774 году, семилѣтній Павелъ Чичаговъ былъ первоначально помѣщенъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ Кронштадтѣ, а въ 1776 году переведенъ для дальнѣйшаго образованія въ школу Св. Петра, въ С.-Петербургѣ, куда онъ, уже по познаніямъ своимъ, былъ принятъ во второй классъ. Здѣсь, онъ окончилъ въ 1778 году, еще въ юношескомъ возрастѣ, полный курсъ ученія самымъ удовлетворительнымъ образомъ, и съ 1779 года началъ строевую службу въ гвардейскомъ полку.

Любознательный, воспримчивый и прилежный съ дѣтства Павелъ Чичаговъ рано увлекся науками и оказывалъ замѣчательныя успѣхи въ умственномъ развитіи. Не довольствуясь приобретенными въ школахъ познаніями и пристрастившись къ математическимъ наукамъ, онъ продолжалъ усердно заниматься своими любимыми предметами, въ свободное отъ службы время, съ лучшими специалистами того времени.

Обладавшій громадными теоретическими и практическими свѣдѣніями по морской техникѣ, адмиралъ В. Я. Чичаговъ, видя успѣхи сына, пожелалъ удержать его при себѣ, для того чтобы руководить лично быстро развивавшагося юношу и подготовить умѣло къ той же карьерѣ, гдѣ опытность искуснаго моряка могла оказаться не безполезною для вступающаго на этотъ путь будущаго дѣятеля.

Поэтому, съ согласія Императрицы Екатерины, молодой Чичаговъ, оставленный при отцѣ, совершилъ въ 1781 году, въ его эскадрѣ, первое морское путешествіе по Средиземному Морю и вернулся въ Петербургъ въ 1782 году.

Въ томъ же 1782 году онъ былъ провозведенъ въ поручика арміи и официально назначенъ состоять при адмиралѣ В. Я. Чи-

славій Яковлевичъ былъ женатъ на вдовѣ капитана русскаго флота, которая была дочерью переселившагося въ Россію швейцарскаго офицера саксонской націи, по имени и фамиліи ея не означено.

чаговъ, въ качествѣ адъютанта, а приказомъ 6 сентября 1783 года утвержденъ при немъ генеральсь-адъютантомъ.

Возвращаясь съ мелкихъ плаваній, совершаемыхъ эскадрой отца, Н. Чичаговъ принимался вновь за тщательное изученіе высшей математики, подъ руководствомъ ученаго артиллериста Гурьева и съ увлеченіемъ продолжалъ заниматься этимъ предметомъ до 1786 года.

Въ концѣ 1783 года онъ опять ходилъ съ отцемъ въ плаваніе по Средиземному Морю на корабль «Константинъ» и возвратившись въ Кронштадтъ въ августъ 1784 года, оставался безотлучно при адмиралѣ, который проживалъ до 1788 года въ Петербургѣ.

Въ Шведскую войну 1788—1790 годовъ, когда 15 октября 1788 года умеръ нашъ знаменитый адмиралъ С. К. Грейгъ, то Императрица Екатерина ввѣрила главное начальство надъ всеми дѣйствующимъ Балтійскимъ флотомъ адмиралу В. Я. Чичагову. За нимъ послѣдовалъ и сынъ его Павелъ который, во уваженіе къ заслугамъ родителя, былъ произведенъ изъ генеральсь-адъютантовъ въ капитаны 2-го ранга, ²

Удостоенный получения такого немаловажнаго, при началѣ службы, флотскаго чина, П. Чичаговъ былъ опредѣленъ командиромъ ступенчатнаго линейнаго корабля «Ростиславъ», на которомъ находился самъ главнокомандующій и съ нимъ участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ въ Балтійскихъ водахъ, и Шведскаго побережья.

Сохранивъ ту же должность и въ 1790 году, Павлу Васильевичу представился въ первый разъ случай участвовать въ двухъ морскихъ дѣлахъ, подъ личнымъ командованіемъ его отца, окончившихся побѣдою русскаго флота надъ шведскимъ, а именно: 2 мая, подъ Ревелемъ и 22 іюня, въ Финляндскихъ шхерахъ, у Выборгской губы, гдѣ была блестящимъ образомъ разбита шведская флотлія, находившаяся подъ личнымъ начальствомъ самаго Короля Густава III.

За Ревельское сраженіе, П. Чичаговъ былъ награжденъ, 18 мая 1790 года, орденомъ Св. Георгія 4-й степени. ³

О славномъ же разгромѣ шведскихъ морскихъ силъ въ Выборгской губѣ, адмиралъ Чичаговъ послалъ въ Петербургъ доне-

² Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 668.

³ Адмиралъ В. Я. Чичаговъ получалъ за Ревельскую побѣду орденъ Св. Андрея Первозваннаго и 1,388 душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи.

сеніе со своимъ сыномъ Павломъ, который лично поднесъ Государынѣ подробную реляцію этого сраженія. Удостоивъ главнаго дѣятеля въ этой важной для Россіи побѣдѣ, адмирала В. Я. Чичагова, пожалованія орденомъ Св. Григорія 1-й степени и 2.400 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи, Императрица Екатерина поздравляла 27 іюня 1790 г. и присланнаго вѣстника, чиномъ капитана 1-го ранга, наградивъ его, кромѣ того, золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и 1.000 червонныхъ.⁴

Въ 1791 году, П. Чичаговъ находился въ плаваніи, командуя кораблемъ «Софія-Магдалина», въ эскадрѣ адмирала Мусина-Пушкина.

По ходатайству адмирала В. Я. Чичагова, сыну его Павлу, дано было 31 мая 1792 года увольненіе за границу, для довершенія практическаго изученія морскаго дѣла, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія.

Павель Васильевичъ отправился тогда въ Англію и первоначально поступилъ въ школу, въ Тутингъ (Tooting), для фундаментальнаго изученія англійскаго языка.

Въ ноябрѣ 1792 года, ему удалось быть принятымъ на англійскій военный корабль, который предназначался къ плаванію въ Америку и Чичаговъ надѣялся воспользоваться такимъ благоприятнымъ случаемъ для практическаго усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, но, къ его сожаленію, эта начатая уже экспедиція была отмѣнена по политическимъ причинамъ и онъ вернулся съ пути въ февралѣ 1793 года опять въ Лондонъ.

Продолжая заниматься тамъ ревностно своимъ спеціальнымъ дѣломъ, Павель Васильевичъ познакомился, между прочимъ, а потомъ и сблизился съ нашимъ посломъ, извѣстнымъ дипломатомъ, графомъ С. Р. Воронцовымъ, съ которымъ завязалъ съ того времени самыя лучшія, сердечныя и вполне дружественныя отношенія.⁵

Весною 1793 года П. Чичаговъ отправился изъ Лондона съ ученою цѣлію въ Голландію, гдѣ пробылъ не долго и путешествуя послѣ этого по Европѣ, чрезъ Берлинъ возвратился въ Петербургъ, въ августѣ того же года.

⁴ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 673, 678, Н. П. Барсукова. Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 338.

⁵ Въ XIX томѣ Архива князя Воронцова (изд. П. И. Бартелева) помѣщены 83 письма П. В. Чичагова къ графу Семену Романовичу Воронцову, въ періодъ времени съ 20 января 1796 по 6 ноября 1827 года.

Явившись тотчасъ на службу, онъ вступилъ снова въ командование кораблемъ «Софія-Магдалина».

Въ 1794 году П. В. Чичаговъ участвовалъ въ компаніи въ эскадрѣ своего отца, которому велѣно было крейсировать у датскихъ береговъ и слѣдить за англійскими торговыми судами. Въ то время дѣло клонилось къ разрыву съ Лондонскимъ кабинетомъ, но французская революція отягела Англичанъ отъ ссоры съ Россією, и компанія окончилась при установившемся опять полномъ примиреніи. Между Россією и Англією былъ заключенъ даже союзный трактатъ, по которому Петербургскій кабинетъ обязался выставить свою эскадру, для совмѣстнаго дѣйствія съ Англичанами противъ Франціи.

Въ силу этого соглашенія, съ открытіемъ навигаціи 1795 года, русская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Ханькова, отплыла изъ Кронштадта къ берегамъ Великобританіи. Въ составѣ посланной эскадры находился и П. В. Чичаговъ, командуя кораблемъ «Ретвизанъ».⁶

Въ 1796 году, капитанъ 1-го ранга П. Чичаговъ, оставаясь на кораблѣ «Ретвизанъ», командовалъ у береговъ Голландіи отрядомъ русско-англійской эскадры, состоявшей изъ нашихъ трехъ линейныхъ караблей и двухъ фрегатовъ, при четырехъ англійскихъ корабляхъ, подъ главнымъ начальствомъ англійскаго вице-адмирала Макбреада.

По окончаніи этой экспедиціи, Чичаговъ вернулся въ Петербургъ и воцарившійся Императоръ Павелъ наградилъ его, 13 ноября 1796 года, чиномъ флота капитана бригадирскаго ранга.⁷

Но съ новымъ царствованіемъ начались разныя измѣненія и нововведенія какъ въ общемъ направленіи всей системы правительственной, такъ и по всѣмъ вѣдомствамъ, преимущественно же по военной и морской частямъ. Въ числѣ разныхъ распоряженій, уничтожены были Императоромъ Павломъ, установленныя его Августѣйшею предшественницею—ордена Св. Георгія и Св. Владимира;⁸ военный строй подвергся полному преобразованію на Прус-

⁶ 62-хъ пушечный корабль «Ретвизанъ», былъ передѣланъ изъ взятыхъ судовъ у Шведовъ 23 июня 1790 года, близъ Свеаборга, эскадрою адмирала В. Я. Чичагова. См. Списки русскихъ военныхъ судовъ, изд. Ф. Ф. Веселаго, 1872 г., стр. 748.

⁷ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 709.

⁸ 5 апрѣля 1797 года было обнародовано Высочайше утвержденное положеніе о Россійскихъ Императорскихъ орденахъ, въ числѣ которыхъ не были по-

скій образецъ и всѣ, начиная съ высшихъ до мелкихъ воинскихъ чиновъ, обязаны были на ежедневныхъ экзерциціяхъ, въ присутствіи самого Императора, обучаться новымъ приемамъ въ самомъ строгомъ ихъ примѣненіи. Всѣмъ заслуженнымъ генераламъ, не выключая даже и полководцевъ временъ Екатерины Великой, приходилось, или покориться необходимости изучать каждый день на плацъ-парадѣ новыя выправки, или же оставлять службу, ежели на то еще представлялась счастливая возможность испросить Милостивѣйшаго Монаршаго согласія.

Въ числѣ новыхъ любимцевъ двора выступилъ, между прочимъ, и возведенный въ генераль-адъютанты, со званіемъ адмирала, а потомъ и въ графы Григ. Григ. Куселевъ, который сталъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ Императора Павла Петровича. Начавшій свою службу подъ начальствомъ адмирала Василія Яковлевича Чичагова, чуть ли не съ мичманскаго чина, онъ оказался вдругъ, въ почетномъ своемъ положеніи, не только неблагопріятелемъ бывшаго своего командира, но даже рьянымъ гонителемъ всей семьи Чичаговыхъ, къ которой началъ постепенно выказывать свое неблаговоленіе и самъ Государь.

По случаю такого явнаго недоброжелательства бывшаго подчиненнаго своего, старикъ-адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ нашелся вынужденнымъ просить увольненія отъ службы, которое хотя онъ и получилъ, но подвергшись при этомъ безвинно Царскій опалѣ, былъ высланъ изъ Петербурга на безвыѣздное жительство въ своихъ деревняхъ.

Сынъ его, П. В. Чичаговъ, оскорбленный за отца, хотѣлъ было также покинуть службу, но Василій Яковлевичъ воспротивился подобному намѣренію, высказывая, что «честному человѣку всегда слѣдуетъ служить и приносить пользу своему отечеству, какое бы тяжелое время не переживала родина».⁹

именованы ордена Св. Георгія Побѣдоносца и Св. Владимира. Хотя при чтеніи въ Успенскомъ соборѣ орденскаго статута, Императоръ Павелъ и заявилъ лично предъ всѣми, «что орденъ Св. Георгія остается на прежнемъ основаніи», но тѣмъ не менѣе онъ никогда не жаловалъ таковымъ. Въ послѣдствіи, Манифестомъ Императора Александра I, отъ 12 декабря 1801 года, были восстановлены опять оба помянутые ордена во всей ихъ силѣ (Полное Собраніе Законовъ, №№ 17.908, 17.917 п 20.074).

⁹ Извлечено изъ записокъ адмирала П. В. Чичагова, появившихся впервые на страницахъ «Русской Старины», 1883 г., т. II, стр. 494—495 и послѣдующихъ.

¹⁰ Ст. 17.536 Полн. Собр. Законовъ:

Одновременно съ преобразованиями въ сухопутныхъ войскахъ Императоръ Павелъ, удержавшій за собою званіе генералъ-адмирала,¹⁰ занялся и флотомъ. Весною 1797 года, желая лично произвести морскіе маневры, онъ приказалъ вооружить для этого въ Кронштадтѣ 50 судовъ, которыя и должны были отправиться въ Ревель, откуда предполагалось начать морскія экзерциціи въ присутствіи всей Императорской семьи.

П. В. Чичаговъ командовалъ въ то время линейнымъ кораблемъ «Ретвизанъ», на который, согласно показанію его, по распоряженію адмирала Кушелева были опредѣлены все новыя лица, преимущественно изъ любимцевъ послѣдняго, съ цѣлю будто бы вывести чѣмъ-либо изъ терпѣнія командира судна.¹¹

Когда всѣ приготовленія къ маневрамъ были окончены, то Императоръ прибылъ въ Кронштадтъ совсѣмъ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи своего любимца, вице-президента адмиралтействъ-коллегии адмирала графа Кушелева. Августѣйшее семейство пустилось уже въ путь по направленію къ Ревелю; но едва лишь Царская яхта стала выходить въ открытое море, какъ поднялась непогода съ сильнымъ вѣтромъ и разразилась страшная буря, задержавшая дальнѣйшее плаваніе. Нѣсколько дней длилась буря и все Императорское семейство, не исключая и самого Павла Петровича, оставаясь на кораблѣ, подверглось сильнымъ припадкамъ морской болѣзни. По этому случаю была отиѣнена поѣздка Государя въ Ревель и собранный тамъ флотъ получилъ приказаніе подойти къ Кронштадту, гдѣ рѣшено было ограничиться нѣкоторыми упражненіями вокругъ укрѣпленій. Лишь только стихъ вѣтеръ, 10 іюля 1797 года, начались морскіе маневры по сигналамъ, исходившимъ съ Императорской яхты. Непродолжительныя передвиженія судовъ произведены были весьма удачно и Императоръ, оставшійся довольнымъ видѣнными имъ дѣйствіями флота, роздалъ щедрыя награды всѣмъ участникамъ въ испытаніяхъ.

Случайно-ли, отъ поспѣшности составленія наградныхъ списковъ, или же умышленно со стороны составителей таковыхъ, но П. В. Чичагову, имѣвшему уже орденъ Св. Георгія 4-й степени и золотую шпагу, совершенно неожиданно, виѣ правилъ постепенности, достался орденъ Св. Анны 4-й степени, на шпагу; тогда какъ во то же время, младшія противъ него по службѣ лица, какъ-то: Богданъ Андреевичъ Баратынскій и Александръ Семеновичъ

¹¹ Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 493.

Шышковъ, были произведены изъ капитанъ-лейтенантовъ прямо въ генераль-майоры, производство ставившее ихъ выше Чичагова, болѣе заслуженнаго и имѣвшаго на то право моряка. Самолюбивый Павелъ Васильевичъ сильно оскорбился токою несправедливостію, къ которой примѣшивалось еще неудовольствіе его противъ состава экипажа своего корабля во время происходившихъ испытаній. Какъ только, по окончаніи маневровъ, флотъ сталъ на якорь, онъ подавъ рапортъ о болѣзни и высадился въ Кронштадтъ. Такою поступкомъ, при неприязненности къ нему Кушелева, былъ истолкованъ не въ пользу его и разсерженный Императоръ приказалъ командиру флота и главному доктору тотчасъ освидѣтельствовать въ здоровьи Капитана бригадирскаго ранга Чичагова. Павелъ Васильевичъ, предчувствуя дурныя послѣдствія, улегся въ постель и только благодаря своему домашнему врачу, подтверждавшему дѣйствительность его лихорадочнаго состоянія, избѣжалъ грозившій ему бѣды. ¹²

Въ приказѣ, отъ 20 июля 1797 года, генераль-адъютантомъ Кушелевымъ было объявлено Высочайшее повелѣніе о назначеніи флота капитана Тизигера замѣнить на время компаніи капитана бригадирскаго ранга Чичагова, *«въ случаѣ продолжительной болѣзни по слѣдствію»*. ¹³

Слишкомъ явное пристрастіе, систематическое преслѣдованіе недоброжелательнаго графа Кушелева и невозможность продолжать при такихъ условіяхъ службу безъ опасенія какихъ-либо новыхъ оскорбленій, заставили Павла Васильевича, съ согласія родителя, просить отставки, ссылаясь на болѣзнь. ¹⁴

Высочайшимъ приказомъ 22 сентября 1797 года флота капитанъ бригадирскаго ранга П. Чичаговъ былъ отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ, безъ пенсіи *«по молодости лѣтъ»*, какъ выражено было въ указѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно ему отправиться на жительство къ отцу въ деревню. ¹⁵

¹² Русск. Старина, 1883 г., т. II, стр. 485—496.

¹³ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 746.

¹⁴ Тоже самое и по тѣмъ же совершенно причинамъ должны были вскорѣ сдѣлать, состоявшіе на службѣ два брата П. В. Чичагова—подполковникъ Петръ и перемонимейстеръ Императорскаго двора Василій Чичаговы.

¹⁵ Относительно отрѣшенія отъ службы П. В. Чичагова и его высылки въ деревню, адмиралъ А. С. Шишкинъ въ своихъ запискахъ (т. I, стр. 66, II сторич. Вѣстникъ 1883 г., т. I, стр. 238) и другіе современники утверждаютъ, будто бы онъ, оскорбившись даннымъ ему орденомъ Св. Анны 4-й степени на шагу, не

Покоряясь волѣ Монаршей, Павелъ Васильевичъ поспѣшно оставилъ Петербургъ и поселился у своего отца въ Могилевской его деревнѣ.

Но кромѣ служебной неудачи, у Чичагова лежало на сердце другое, более чувствительное горе. Въ бытность свою еще въ Англіи по служебнымъ дѣламъ, онъ влюбился въ дочь командира одного изъ великобританскихъ портовъ, миссъ Проби (Proby), которая, по взаимности чувствъ и была объявлена его невѣстою, съ тѣмъ чтобы бракъ ихъ совершался, когда ему можно будетъ пріѣхать туда изъ Россіи не съ служебными цѣлями. Вскорѣ послѣ отставки и обязательнаго обреченія на безвыѣздное житье въ деревнѣ, Павелъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о смерти отца своей невѣсты, нетерпѣливо ожидавшей поѣзда своего жениха для брачнаго союза. Узнавъ объ этомъ въ маѣ 1798 года, Чичаговъ тотчасъ обратился къ благосклонному для него посредничеству канцлера князя А. А. Безбородко и письменно просилъ исходатайствовать ему Монаршее разрѣшеніе на пятимѣсячный отпускъ въ Англію, для женитьбы. Добрый князь взялся хлопотать за опальнаго, но, къ несчастію вмѣсто успѣха, состоялось слѣдующее приказаніе Императора, занесенное въ Царскій ежедневникъ: *«Въ просьбѣ Чичагова отказать въ виду того, что въ Россіи есть довольно девицекъ и для этой цѣли ему нечего ѣздить въ Англію»*.¹⁶

Глубоко огорченному подобнымъ отвѣтомъ. Павлу Васильевичу ничего не осталось дѣлать, какъ выжидать болѣе благопріятнаго случая возобновить свое ходатайство, о семъ и не замѣдливъ онъ сообщить лондонскому пріятелю своему для передачи о

только не стѣснялся, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражать свое неудовольствіе противъ Государя, но даже имѣлъ будто бы однажды дерзость, въ присутствіи многихъ офицеровъ, произнести болѣе чѣмъ неосторожныя противъ Царской Особы слова, переданныя Павлу Петровичу, которыя и были причиною опалы съ высылкою въ деревню. Хотя первую часть произведеннаго показанія и можно признать возможною, такъ какъ чувство обиды за несправедливости не чуждо всякаго служащаго лица; но второе обвиненіе слѣдуетъ рѣшительно считать вполнѣ неправдоподобнымъ. Ежели бы указываемое невѣздержаніе, согласующееся впрочемъ съ характеромъ Чичагова, дѣйствительно и происходило, то вѣтъ сомнѣнія, что, при благопріятномъ уже настроеніи къ нему, подобный полупокъ, по вспыльчивому темпераменту Императора Павла, разрѣшился болѣе дурными для него послѣдствіями, т.-е., согласно бывшимъ примѣрамъ, не только лишеніемъ чиновъ, но даже и быстрою поѣздкою, вмѣсто деревни отца—въ болѣе холодныя мѣста Сибирскія.

¹⁶ Русская старина, 1883 г., т. II, стр. 496.

томъ его невѣстѣ. Принимая всегда живое учасіе въ положеніи Чичагова, графъ С. В. Воронцовъ вошелъ, по этому поводу, въ переписку съ дружелюбнымъ ему генераль-прокуроромъ княземъ Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ, который пользовался тогда уже большимъ значеніемъ при дворѣ; благодаря особенному вниманію Павла Петровича къ его дочери, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нею вліятельнымъ любимцемъ Государя—графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ. Являясь представителемъ за опальнаго, графъ Воронцовъ выставилъ, между прочимъ, на видъ и то, что Чичаговъ пользуется въ Англіи отличною репутаціею какъ искусный морякъ, въ чемъ особенно цѣнные похвалы о немъ главнаго начальника англійскаго флота лорда Спенсера.

Князь Лопухинъ получилъ письмо нашего лондонскаго посла въ моментъ самый выгодный для опальнаго Чичагова, а именно, когда въ Европѣ слагались постепенно новыя политическія комбинаціи, которыя заставляли дорожить дружественными отношеніями между Россіею и Великобританіею. Причины этому заключались въ слѣдующемъ. Въ 1798 году, Императоръ Павелъ, присоединившись къ Коалиціи Англіи и Австріи, объявилъ войну Франціи и намѣревался послать морскую эскадру, которая, при совмѣстномъ дѣйствіи съ англійскимъ флотомъ, должна была помогать изгнанію Французовъ изъ насильственно занятой ими Голландіи. Въ это самое время, князь Лопухинъ доложилъ Императору о полученномъ имъ ходатайственномъ письмѣ графа Воронцова, который удостовѣрялъ о лестномъ отзывѣ на счетъ Чичагова въ союзной намъ странѣ. Одновременно съ этимъ и великобританскій посланникъ въ Петербургѣ, которому извѣстны были сердечныя порывы Чичагова въ Англію, рѣшился также просить Императора Павла Петровича о командированіи его въ предпринимаемую экспедицію, вмѣсто намѣченнаго уже къ тому вице-адмирала Ханькова. Наконецъ въ подкрѣпленіе такихъ представительства Государю было доложено и дипломатическое сообщеніе Лондонскаго кабинета о желаніи его видѣть Чичагова представителемъ русскаго флота.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Павелъ Петровичъ, по выслушаніи доклада князя Лопухина, прсказалъ ему извѣстить немедленно П. В. Чичагова о монаршемъ дозволеніи ему ѣхать въ Лондонъ для женитьбы на избранной имъ Англичанкѣ, но съ обязанностію явиться предварительно въ Петербургъ и вступить вновь на службу.

Въ то же время, 9 мая 1799 года состоялся Высочайшій указъ

«о пожалованіи изъ отставныхъ флота капитана бригадирскаго раиға П. Чичагова въ контръ-адмиралы», съ назначеніемъ его флагманомъ въ Балтійскій корабельный флотъ, въ дивизію синяго-флота.¹⁷

Такой неожиданно счастливый оборотъ дѣла, сулилъ уже Павлу Васильевичу, вмѣстѣ съ возвращеніемъ милости къ нему Государя и надежду на скорое исполненіе завѣтной его мечты. Но прежде достиженія сердечной цѣли, ему суждено было выдержать новое, тяжелое испытаніе разразившейся неожиданною катастрофою тотчасъ по возвращеніи его изъ ссылки.

Немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Чичаговъ отправился въ Павловскъ, гдѣ находилось въ то время Императорское семейство, и явился первоначально къ генералъ-адъютанту графу Г. Г. Куселеву, сохранявшему къ нему тѣ же недружелюбныя чувства. Объявивъ Павлу Васильевичу о послѣдовившемъ для него милостивомъ Монаршемъ указѣ, Царскій любимецъ, прежде чѣмъ допустить его къ Императору, подвергъ особому допросу, изъ котораго желалъ, какъ видно изъ послѣдующаго навлечь поводы къ новымъ, замышляемымъ имъ противъ Чичагова кознямъ.

«Довольны ли вы своимъ принятіемъ опять на службу?» вкрадчиво спросилъ Куселевъ вошедшаго къ нему Павла Васильевича.

«Я не имѣю особыхъ причинъ радоваться этому», отвѣтилъ неосторожный Чичаговъ;—«какъ вамъ извѣстно, я только вслѣдствіе болѣзни испросилъ себѣ увольненіе въ отставку и въ настоящее время, какъ видите, мое здоровье еще болѣе разстроено, чѣмъ когда я выходилъ изъ службы. Съ другой стороны, я не могу также особенно радоваться, такъ какъ мнѣ не возвращено мое старшинство».

«Развѣ государь не можетъ дѣлать то, что ему угодно и такъ, чтобы никто не имѣлъ права жаловаться?» замѣтилъ Куселевъ. «Развѣ онъ не въ правѣ простаго поручика возвести въ фельдмаршалы? То, что вы называете *обойти по службѣ*, всякій день дѣлается въ войскахъ; по вашимъ идеямъ, всѣ высшіе чины арміи должны были бы послѣ этого подавать въ отставку».

«Я прекрасно понимаю», возразилъ удивленный такую проповѣдью Чичаговъ,—«что Государь можетъ дѣлать все, что ему угодно; я вѣдь не жалуясь и ничего не прошу; но разъ, что меня обижаютъ, то можно ли мнѣ запретить сознавать и чувствовать

¹⁷ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 815.

эту несправедливость. Впрочемъ, еже ли бы вся армія поступала также какъ и я, то она несомнѣнно подала бы въ отставку именно въ томъ случаѣ, который вы предполагаете. Когда дѣло касается чести, то всякій ее защищаетъ по своимъ понятіямъ, и принципамъ и вотъ каковы мои».

Продолжая пытаться Чичагова новыми хитрыми распросами, Кушелевъ спросилъ его: «Ну-съ, разъ, что вы уже приняты на службу, то скажите мнѣ—желали бы вы лучше оставаться въ Балтійскомъ морѣ, илибыть посланнымъ въ Англію».

Такъ какъ допрашивавшему не могло не быть извѣстнымъ, что Павелъ Васильевичъ давно просилъ уже дозволенія Императора ѣхать жениться въ Англію, то предложенный вопроса, согласна показанію самого Чичагова, заставилъ его призадуматься, какъ явно поставленный съ какою то предвзятою мыслью. Обдумывая, какъ самъ онъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ», свое положеніе и вспоминая составъ начальствующихъ лицъ въ эскадрѣ, предназначенной къ отплытію въ Голландію, Чичаговъ пришелъ къ убѣжденію, что ему готовится со стороны Кушелева какая нибудь ловушка, а потому онъ и отвѣчалъ:

«Я бы предпочелъ оставаться въ Балтійскомъ флотѣ».

«Почему же это?» переспросилъ его удивленно Кушелевъ.

«Потому», отвѣтилъ Чичаговъ,—«что Баратынскій, который былъ только мичманомъ, когда я имѣлъ уже чинъ капитана, сдѣлался теперь старше меня и мнѣ бы не хотѣлось находиться подъ его командою».

По окончаніи этихъ объясненій, Кушелевъ пошелъ доложить Государю о пріѣздѣ Чичагова, которому и было объявлено, что пріемъ для него у Императора назначается на слѣдующее утро.

Вотъ какъ далѣе изложены въ запискахъ Павла Васильевича, совершившія съ нимъ тяжелыя происшествія.¹⁸

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, Чичаговъ стоялъ уже среди прибывшихъ къ вахтѣ парадъ военныхъ чиновъ. Императоръ Павелъ при входѣ своемъ, обошелся съ нимъ очень ласково и далъ ему даже поцеловать свою руку, что Чичаговъ и сдѣлалъ, по обычаю того времени, съ преклоненіемъ одного колѣна. Видимо бывшій въ хорошемъ расположеніи духа, Государь имѣлъ намѣреніе

¹⁸ Русская Старина 1883 г., т. II, стр. 497—503. *Примѣчаніе.* Предыдущія и слѣдующія страницы этого очерка, извлечены изъ напечатанныхъ отрывковъ подлинныхъ записокъ адмирала П. В. Чичагова.

назначить новаго контръ-адмирала начальникомъ посылаемой въ Голландію русской эскадры, съ особою благосклонностію оґнесся къ нему и приказалъ ему тотчасъ послѣ парада явиться во дворець.

Въ то время какъ Чичаговъ ожидалъ послѣ этого у дверей Царскаго кабинета дозволенія войти, въ пріемной залѣ появился графъ Г. Г. Кушелевъ, который узнавъ, что адмиралъ не былъ еще принятъ, поспѣшилъ опередить его и проскользнулъ мимо него, въ покои Государя.

Коварный и недоброжелательный къ Чичагову фаворитъ, какъ видно, рѣшился, во что бы ни стало, погубить человѣка призываемаго, столь неожиданно для него, къ дѣлу по такому важному предмету, которое могло доставить ему случай отличиться и войти въ милость у Государя. Опасаясь, чтобы Павелъ Васильевичъ, извѣстный уже тогда по своему уму и способностямъ, не ослабилъ пріобрѣтеннаго графомъ Кушелевымъ вліянія, этотъ ревнивый къ своему положенію любимецъ придумалъ новый планъ интриги, искусно направленный противъ бывшаго опальнаго, для котораго несомнѣнно представлялся теперь путь къ Царскому благоволенію и возвышенію.

Забѣжавъ въ кабинетъ Императора, графъ Кушелевъ, пользуясь своимъ положеніемъ, успѣлъ внушить Павлу Петровичу, что Чичаговъ вовсе не желаетъ быть посланнымъ съ эскадрою въ Англію; коснувшись при этомъ его женитьбы, злобный любимецъ позволилъ себѣ выставить этотъ бракъ только скрытымъ предлогомъ къ свободному выѣзду изъ Россіи съ цѣлію передаться на сторону Англичанъ. Дѣйствуя съ запальчивостію, недоброжелатель Павла Васильевича не пожалѣлъ словъ, чтобы только очернить его какъ нибудь въ глазахъ Императора, которому, назвавъ Чичагова даже якобинцемъ, рѣшился замѣтить, что приведенныя имъ самимъ Кушелевымъ опасенія въ измѣнѣ вредно отзовутся на всей нашей флотиліи за границую.

Несмотря на видимое, ни на чемъ не основанное злорѣчіе увлекавшійся иногда въ крайнемъ довѣрїи къ своимъ любимцамъ, Павелъ Петровичъ, выслушавъ Кушелева, чрезвычайно разсердился на Чичагова. Въ пылу внѣшняго негодованія, вмѣсто немедленнаго разъясненія коварно брошеннаго обвиненія личнымъ допросомъ оклеветаннаго, стоявшаго тутъ же, по другую сторону дверей кабинета, Императоръ отказался допустить къ себѣ Чичагова и отдалъ Кушелеву приказаніе немедленно уволить его въ от-

ставку и сослать въ деревню. Только этого и желалъ злонамѣренный графъ Кушелевъ.

Между тѣмъ, не подозрѣвая вовсе о разговорѣ происходившемъ за дверьми въ Императорскомъ кабинетѣ, Павелъ Васильевичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты быть призваннымъ на аудіенцію Монарха; но вмѣсто этого, совершенно неожиданно, онъ былъ потребованъ къ адмиралу графу Кушелеву, котораго онъ засталъ сидящимъ за бумагами.

Составляя приказъ объ отрѣшеніи отъ службы своей жертвы, Кушелевъ передалъ вошедшему Чичагову, что Императоръ, крайне разгнѣванный желаніемъ его оставаться въ Балтійскомъ флотѣ, а потому освобождаетъ контръ-адмирала вообще отъ службы.

«Значитъ я уволенъ въ отставку?» спросилъ озадаченный такими словами Чичаговъ.

«Да» коротко и уклончиво отвѣтилъ Кушелевъ.

«Очень вамъ благодаренъ, такъ какъ это все, чего я только желалъ», возразилъ Павелъ Васильевичъ.

Не успѣвъ еще Кушелевъ взяться за перо для продолженія своего дѣла, какъ его вызвали вновь къ Государю.

Павелъ Васильевичъ стоялъ въ недоумѣніи, ошеломленный слышаннымъ и не понимая причины постигшей его внезапной немилости.

Поспѣшно возвратившійся графъ Кушелевъ сказалъ ему: «Императоръ требуетъ васъ къ себѣ».

Въ сопровожденіи графа Кушелева, вошелъ Чичаговъ въ Императорскій кабинетъ, гдѣ разыгралась для него слѣдующая грустная сцена.

Павелъ Петровичъ стоялъ посреди кабинета, окруженный своими адъютантами. По взору его видно было, что онъ былъ въ сильно гнѣвномъ раздраженіи.

«И такъ сударь, вы недовольны! Вы не хотите мнѣ служить?! Вы желаете лучше служить иностранному принцу?» вскричалъ Павелъ Петровичъ, обращаясь къ вошедшему.

Еще болѣе озадаченный такою встрѣчею, Чичаговъ понялъ тотчасъ откуда направлена эта жестокая, злостная клевета. Но лишь только онъ хотѣлъ обличить неправду и открылъ ротъ для оправданія своего, какъ Императоръ раздраженно затопалъ ногами и еще громче закричалъ:

«Молчать! не смѣйте мнѣ возражать! Я знаю, что вы якобы-сонецъ! Я васъ проучу! Я разрушу всѣ ваши планы! Уволить его съ отставку и посадить подъ арестъ!» произнесъ онъ обраща-

ась къ Кушелеву. «Возьмите его шпагу! Снимите съ него ордена!» добавилъ онъ, говоря адъютантамъ.

Самымъ хладнокровнымъ образцомъ выслушалъ невинный Чичаговъ гнѣвные возгласы разгоряченнаго Императора; не теряя нисколько самообладанія, онъ молчалъ и не только подчинился исполнителямъ, но даже самъ снималъ съ себя орденскія знаки и передавалъ ихъ суетившимся около него флигель-адъютантамъ.

«Отослать его въ деревню, запретить носить военный мундиръ, или цѣты! снять съ него теперь же!»—все болѣе и болѣе раздражаясь, выкрикивалъ скороговоркою Павелъ Петровичъ.

Повинуясь приказанію, услужливые флигель-адъютанты накинулись на несчастнаго Чичагова и съ поспѣшностію стащили съ него всю мундирную одежду. Павелъ Васильевичъ съ стоическимъ спокойствіемъ переносилъ постигшія его терзанія и не теряя присутствія духа, ожидалъ только конечнаго рѣшенія своей участи. Самообладаніе его въ эту минуту было на столько твердо, какъ самъ онъ говоритъ, что соображая о возможности быть подвергнутымъ высшей степени наказанія, т.-е. ссылкѣ въ Сибирь, онъ вспомнилъ о необходимости для него въ деньгахъ; по этому онъ громко и спокойно высказалъ желаніе получить свой бумажникъ, который лежалъ въ карманѣ сорваннаго съ него мундира. Такое горделивое равнодушіе поразило до крайности исполнителей и только одинъ изъ нихъ въ смущеніи рѣшился отвѣтить, что бумажникъ будетъ немедленно ему доставленъ. Необыкновенное хладнокровіе овладѣвшее Чичаговымъ не менѣе раздражило и самого Павла Петровича, который закричалъ наконецъ: «Уведите его!»

Въ это время, залы и коридоры Павловскаго дворца были переполнены, кромѣ придворныхъ, генералами и офицерами, собравшимися туда послѣ вахтъ-парада. Когда распахнулись двери Царскаго Кабинета, то всѣ присутствующіе были поражены необычайнымъ шествіемъ; оттуда выступалъ впереди всѣхъ генералъ-адъютантъ графъ Г. Г. Кушелевъ, а за нимъ шелъ хотя и бодро, но раздѣтый, въ одномъ бѣльѣ и разстроенный П. В. Чичаговъ. Сцена эта тѣмъ болѣе удивила всѣхъ, что лишь за часъ до такого зрѣлища, не обыкновенно льстиво поздравляла его вся масса блестящихъ царедворцевъ, свидѣтелей милостиваго вниманія къ нему Императора во время утренняго военнаго церемоніала ¹⁹. Но

¹⁹ Нѣсколько иначе и съ нѣкоторыми болѣе оскорбительными для Чичагова вариантами описано это путешествіе въ «Запискахъ» А. С. Шашкова (т. I, стр. 668)

картина мимолетнаго счастья внезапно измѣнилась и Чичаговъ теперь передъ всѣми только опальнымъ лицомъ, какъ жертва, предшествоваемый виновникомъ всего имъ испытываемаго.

Лишь только Кушелевъ съ Чичаговымъ дошли до дворцовой квартиры перваго, ихъ нагналъ флигель-адъютантъ съ собственноручнымъ повелѣніемъ Императора къ исполнителю приговора— «посадить виновника, въ отдѣленіе Государственной тюрьмы».

Наскоро былъ введенъ Чичаговъ, въ томъ же раздѣломъ видѣ, въ поданную придворную карету и отвезенъ въ столицу, для передачи его С.-Петербургскому генералъ-губернатору графу Петру Алексѣевичу Палену, при слѣдующемъ собственноручномъ же приказѣ Императора:

«Якобинскія правила и противные власти отзывы посылаемаго къ вамъ Чичагова принудили меня приказать запереть его въ рavelинѣ, подъ вашимъ смотрѣніемъ—Павелъ, 21 іюля 1799 года»²⁰.

Того же 21 іюля 1799 года состоялся по морскому вѣдомству Высочайшій приказъ объ отрѣшеніи отъ службы контръ-адмирала Чичагова, безъ права ношенія мундира²¹.

Бывшій всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Чичагова, графъ Паленъ встрѣтилъ доставленнаго къ нему взволнованнаго опальнаго очень тихо. Стараясь успокоить и утѣшить возмущеннаго духомъ Павла Васильевича, онъ ободрялъ его словами:

«Что дѣлать мой милый». Мы теперь только это и видимъ; сегодня ваша очередь, а завтра, можетъ быть, надлежитъ и моя. Я увѣренъ, впрочемъ, что Императоръ не замедлитъ отмѣнить свое распоряженіе, а пока отправляйтесь въ крѣпость—я постараюсь облегчить насколько возможно ваше заточеніе».

Но отмѣны приказанія получено не было. Напротивъ, какъ сказано въ запискахъ адмирала, Императоръ Павелъ самъ приѣзжалъ въ Петропавловскую крѣпость, осмотрѣлъ помѣщеніе арстанта и, найдя его слишкомъ чистымъ, свѣтлымъ, приказалъ пересадить Чичагова въ казематъ.

Историч. Вѣстникъ 1883 г., т. I, стр. 238—239) и Я. И. де-Санглеа: (Русская Старина 1882 г., т. IV, стр. 488—490), а также въ письмѣ т. сов. И. В. Стрхова къ графу А. Р. Воронцову (Архивъ князя Воронцова, т. XIV, стр. 301).

²⁰ Русская Старина 1872 г., т. V, стр. 248.

²¹ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

По поводу заключенія Павла Васильевича въ крѣпость, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ въ Лондонъ, къ общему ихъ пріятелю, графу С. Р. Воронцову:

«Je Vous donnerai des nouvelles de Votre protégé—Чичаговъ. N'avait fait un es clandest en arrivant, moitié par ignorance de la' cour, et moitié par aigreur. Na dit à l'Empereur des choses un peu fortes et, entre nous, qui ne comprennent pas surtout dans les temps présents»²¹.

Заключивъ П. В. Чичагова въ крѣпостной казематъ, Павелъ Петровичъ послалъ въ то же время письмо къ его отцу, Василю Яковлевичу, въ которомъ, жалуясь на упорство сына, выразилъ желаніе, чтобы родитель приказалъ ему служить. «Вашъ сынъ»— заканчивалось это письмо «сдѣлавшись недостойнымъ Момъхъ милостей, долженъ нести кару; что же касается до васъ, то я вамъ «сохраняю мое расположеніе». Старикъ адмиралъ съ горестію прочтя строки Государя, переслалъ ихъ къ сыну, подписавъ только подъ ними слѣдующія слова: «забудь, сынъ мой обиды, нанесенныя твоему отцу и если служба твоя нужна отечеству, то повинуйся волѣ Царя». Подъ отцовскимъ наставленіемъ, Павелъ Васильевичъ, сидя въ казематѣ, приписалъ карандашемъ: «сынъ повинуется отцу» и передалъ письмо графу Палену²².

Внезапная опала угнетающимъ образомъ оговзвалась на здоровьи несчастнаго Павла Васильевича. Отъ заточенія въ сыромъ и душномъ казематѣ, онъ тяжело заболѣлъ нервною горячкою и былъ спасенъ отъ худшихъ послѣдствій какъ самъ онъ свидѣтельствуешь только благодаря заботливымъ попеченіямъ о немъ генералъ-губернатора графа Палена, завѣдывавшаго Тайною Канцелярію Александра Семеновича Макарова (въ послѣдствіи сенатора) и коменданта крѣпости князя Долгорукаго.

По доведеніи до свѣдѣнія Государя о тяжелой болѣзни заключеннаго, имъ отправлено было изъ Петергофа, куда переселилось Императорское семейство, слѣдующее собственноручное повелѣніе въ Петербургъ: «Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-

²¹ Извлеченіе изъ бумагъ адмирала Чичагова: «Сообщаю вамъ свѣдѣнія о вашемъ любимцѣ. По пріѣздѣ своемъ, Чичаговъ произвелъ скандалъ, отчасти по незнанію придворныхъ обычаевъ, а отчасти и по озлобленію; онъ дозволилъ себѣ говорить Императору нѣсколько смѣло, что, между нами буде сказано, не совсѣмъ удобно и особенно въ настоящее время».

²² Русская Старина 1882 г., т. IV, стр. 490 и 1883 г., т. II, стр. 501.

«сдѣръ-Палень! Извольте навѣстить господина контръ-адмирала Чичагова и объявить ему Мою волю, чтобы онъ избралъ себѣ «любое, или служить такъ, какъ долгъ подданческой требуетъ, «безъ всякихъ буйственныхъ сотребованій и идти на посылаемой къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или оставаться въ рavelинѣ; «и обо всемъ, что отъ него узнаете, донесите Миѣ. Впрочемъ пре- «бываю къ вамъ благосклоннымъ, Павелъ—юля 1 дня 1799 г.»²⁴.

Принявъ съ участіемъ и радостью полученное повелѣніе, ясно выражавшее уже намѣреніе Императора помиловать узника, графъ Палень тотчасъ объявилъ содержаніе такового Павлу Васильевичу и при этомъ убѣждалъ его такъ:

«Послушайте, еслибы вы предвидѣли случившееся съ вами, то безъ сомнѣнія, предпочли бы службу настоящему заточенію?» «Очень жаль, что миѣ не задали этого вопроса раньше» — отвѣтилъ Чичаговъ, «потому что, хотя и желалъ бы я вовсе не служить, но, безъ сомнѣнія, отдалъ бы предпочтеніе первому изъ упоминаемыхъ въ повелѣніи предложеній». «И отлично» — замѣтилъ графъ Палень «я тотчасъ же пошлю донесеніе Государю и будемъ надѣяться, что васъ скоро освободятъ».

Дѣйствительно, несомнѣнно доброжелательный посредникъ не замедлилъ донести Императору, что Чичаговъ вполне раскаявается въ своемъ поступкѣ и еслибы могъ предвидѣть постигшее его несчастіе и гибель Монарха, то поступилъ бы на службу безъ всякихъ возраженій. Къ этому донесенію благонамѣренный графъ Палень приложилъ и вышенприведенное письмо Павла Петровича къ старому адмиралу, съ надписями собственноручно сдѣланными отцомъ и сыномъ Чичаговыми.

Несмотря на малодоступность, или, лучше сказать, замкнутость положенія, въ которое бывають обыкновенно поставлены Царственныя лица, приводимые нерѣдко въ заблужденіе приближенными любимцами, горячій и вспыльчивый Павелъ Петровичъ никогда не былъ чуждъ справедливости и добрыхъ побужденій.

Прочитавъ донесеніе графа Палена и приложеніе къ нему, смягченный Государь замѣтилъ графъ Кутайсову, что «*добрый сынъ не можетъ быть дурнымъ подданнымъ*», а потому и рѣшилъ потребовать къ себѣ Чичагова²⁵.

²⁴ Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 249.

²⁵ Русская Старина, 1882 г., т. IV, стр. 490; Историческій Вѣстникъ 1883 г. т. I, стр. 239.

2 Юля 1799 года, рано утромъ, графъ Паленъ получилъ изъ лѣтней Царской резиденціи собственноручно же писанное повелѣніе: «Освободя контръ-адмирала Чичагова, прикажите ему явиться въ Петергофъ къ адмиралу графу Кушелеву. Прибываемъ впрочемъ самъ благосклонны—Павелъ»²⁶.

Какъ только было получено это приказаніе, А. С. Макаровъ вошелъ въ казематъ Чичагова для объявленія Царскаго помилованія и снарядилъ его тотчасъ къ выходу.

Зная нетерпѣливый характеръ Императора, слабый, исхудалый и неоправившійся еще отъ болѣзни Павелъ Васильевичъ, не мѣшкая, поскакалъ въ Петергофъ прямо изъ крѣпости.

Согласно полученному приказанію, онъ явился къ своему недругу, графу Кушелеву, который и въ настоящемъ случаѣ, какъ пишетъ Чичаговъ, не пощадилъ его и на этотъ разъ при встрѣчѣ и позволилъ себѣ, со злорадной ироніей, замѣтить, что тюрьма послужила ему въ пользу, находя его потолстѣвшимъ²⁷. Привыкшій уже къ дерзостямъ обласканныхъ счастьемъ царедворцевъ, Чичаговъ съ достоинствомъ пропустилъ мимо ушей эту неумѣстную насмѣшку.

Поспѣшно выѣхавшій изъ крѣпости, Павелъ Васильевичъ былъ въ какомъ-то сюртучкѣ, надѣтомъ на него кѣмъ-то изъ гражданскихъ чиновъ. Такъ какъ все это форменное платье оставалось въ Павловскѣ, въ дворцовомъ гардеробномъ шкафу, то приходилось, для представленія Государю, послать немедленно за этимъ курьера.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда все было доставлено, Чичагова, одѣтаго въ прежнюю форму, ввели въ Императорскій Кабинетъ. Совершенно уже покойный, Павелъ Петровичъ принялъ его довольно милостиво, взялъ за руку и прижалъ ее къ сердцу, съ полнымъ, свойственнымъ ему чистосердечіемъ произнесъ: «Позабудемъ все, что происходило—не будемъ больше объ этомъ думать. А все-таки, я не понимаю, какъ вы могли такъ поступить, въ особенности же съ этимъ?» и Государь указалъ при этомъ на Георгіевскій крестъ, висѣвшій на мундирѣ являвшагося контръ-адмирала.

Чичаговъ былъ очень удивленъ этими словами Императора, который, самъ уничтоживъ этотъ орденъ, не только не цѣнилъ,

²⁶ Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 250.

²⁷ Записки адмирала П. В. Чичагова—Русс. Старина, 1883 г., т. II, стр. 502

но и не любилъ видѣть его на окружающихъ. Послѣ этого Государь сказалъ: «Знаете ли, на что похожъ вашъ поступокъ. Это точно, какъ бы я напился пьянымъ и сталъ танцовать въ этомъ состояніи».

Трудно было Павлу Васильевичу отвѣчать что-либо на такіа замѣчанія; приписывая ихъ наговорамъ своего врага, возбужденнаго противъ него подозрительнаго Государя, Чичаговъ счелъ болѣе благоразумнымъ промолчать. «Если вы якобинецъ», продолжалъ Павелъ Петровичъ, «то представьте себѣ, что у меня на головѣ красная шапка, что я главный начальникъ всѣхъ якобинцевъ и повинуйтесь мнѣ».

«Я знаю, ваше величество», произнесъ растроганный благодушій Государь Чичаговъ,— «и понимаю, что вы носите Императорскую корону, которую нельзя и сравнивать ни съ какою красною шапкою, но которой, по мнѣнью глубокимъ убѣжденіямъ, слѣдуетъ повиноваться, и я клянусь служить вамъ честно».

«Въ такомъ случаѣ», закончилъ объясненіе Павелъ Петровичъ,— «я вамъ тотчасъ дамъ порученіе; позабудемъ все что было «и останемся друзьями»²⁸.

Немедленно послѣ этого разговора, того же 2 іюля 1799 г., Императоръ Павелъ подписалъ указъ «о принятіи вновь на службу, съ прежнимъ старшинствомъ, отставленнаго контръ-адмирала «П. Чичагова»²⁹.

Высочайшимъ приказомъ по морскому вѣдомству отъ 3 іюля 1799 года контръ-адмиралъ Чичаговъ былъ назначенъ въ отправленію въ такъ названную *секретную экспедицію*,³⁰ съ возложеніемъ на него командированія, подъ главнымъ начальствомъ англійскаго адмирала Дункена, первымъ отдѣломъ посылаемой эскадры, а на контръ-адмирала Брейера—вторымъ отдѣломъ³¹. Възвонный Чичагову отрядъ, состоявшій изъ 6 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ и 2 транспортныхъ судовъ, долженъ былъ пере-

²⁸ Наложеное описаніе всего этого происшествія извлечено нами изъ «Записокъ» П. В. Чичагова (Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 501—503), А. С. Шишкова (т. I, стр. 66) и изъ Историч. Вѣстника за 1883 г., т. I, стр. 238—239.

²⁹ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

³⁰ *Секретная экспедиція* была предпринята Англіею въ 1799 году и имѣла цѣлю, по соединеніи англо-русскаго флота, произвести высадку въ Голландіи подъ предводительствомъ герцога Йоркскаго и дѣйствовать противъ завоевательныхъ плановъ Франціи (Военно-Энциклопедическомъ. т. I, стр. 393).

³¹ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 816.

везти въ Голландію дивизію генералъ-маіора Эссена, предназначенную дѣйствовать противъ Французовъ ³².

21 іюня 1799 года Павелъ Васильевичъ отплылъ изъ Кронштадта къ берегамъ Голландіи, имѣя на своей эскадрѣ упомянутый военный отрядъ, который и былъ доставленъ 5 сентября на островъ Тексель. Здѣсь высадивъ онъ войска наши и, согласно полученному разрѣшенію, отправился въ Англію, гдѣ, въ ноябрѣ того же года, вступилъ въ бракъ съ дочерью покойнаго англійскаго адмирала, двѣицею Елисаветою Проби (Proby).

Предпринятая Россіею кампанія оказалась, какъ извѣстно, весьма неудачною и высланныя въ Голландію войска наши потерпѣли большой уронъ въ дѣлахъ противъ Французовъ. Недовольный этими послѣдствіями, Императоръ Павелъ приписалъ ихъ непредусмотрительности Англійскаго правительства, съ которымъ поэтому и разошелся. Послѣдствіемъ такихъ неудовольствій произошло сначала охлажденіе, а затѣмъ и полный разрывъ дружественныхъ отношеній между кабинетами Петербургскимъ и Лондонскимъ, грозившій войною.

Въ іюнѣ 1800 года, по повелѣнію Императора, Чичаговъ вступилъ опять въ командованіе оставшеюся у береговъ Голландіи эскадрою нашею, состоявшею изъ 3 линейныхъ кораблей, 1 фрегата и 3 транспортныхъ судовъ. Поднявъ флагъ свой на кораблѣ «Ретвизанъ», адмиралъ, возвращаясь въ Россію съ молодою женою своею, вывезъ въ августѣ изъ Голландіи остатки разбитаго русскаго корпуса генерала Эссена ³³.

Прибывъ съ флотиліею своею въ Ревель, гдѣ пришлось ожидать дальнѣйшихъ приказаній, Павелъ Васильевичъ нашелъ тамъ письмо своего престарѣлаго отца. Адмиралъ Вас. Яков. соскучившись въ разлукѣ съ сыномъ и узнавъ о его возвращеніи извѣщалъ Павла Васильевича, что онъ больной, почти слѣпой и умирающій ѣдетъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ еще разъ прижать къ сердцу своему милаго сына и познакомиться съ молодою невѣсткою; а потому и умолялъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на свиданіе ихъ въ столицѣ.

Чичаговъ немедленно же отправилъ нарочнаго съ письмомъ

³² См. Англо-русская экспедиція въ Голландіи въ 1799 году — Военно-Энциклопедическій Лексиконъ, т. I, стр. 393—398.

³³ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 20; Русская Старина 1872 года, т. V, стр. 249.

къ адмиралу графу Кушелеву и убѣдительно просилъ исходатайствовать ему кратковременную поѣздку въ Петербургъ.

Но и въ этомъ случаѣ Павлу Васильевичу пришлось съ огорченіемъ испытать новую обиду со стороны своихъ недоброжелателей. Хотя Императоръ и разрѣшилъ ему трехдневную отлучку, но въ ней надобности уже не представлялось, потому что до получения отвѣта пришло другое письмо Василя Яковлевича, съ горестію сообщавшаго сыну о жестокомъ поступкѣ съ нимъ. Оказалось, что не успѣлъ старикъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, разложить еще своего чемодана, какъ къ нему явился полицейскій чиновникъ и потребовалъ, чтобы онъ, въ силу Высочайшаго повелѣнія, тотчасъ же выѣхалъ опять изъ столицы. Причины тому объяснено не было. Дѣлать было нечего и надо было покориться заявленному требованію. Василя Яковлевичъ, надѣясь все-таки на свиданіе съ сыномъ, хотѣлъ было временно остановиться въ имѣніи своего стараго друга, вблизи отъ Петербурга; но и этотъ старинный пріятель, узнавъ о высылкѣ Чичагова изъ столицы и убоясь такого посѣщенія опальнаго, поспѣшилъ уѣхать оттуда со всею семьей своею, чтобъ только адмиралъ не засталъ его дома. Бѣдный старикъ вернулся въ Малороссію, разбитый физически и огорченный нравственно ³⁴.

Вскорѣ послѣ этого, эскадра Чичагова перешла на зимнюю стоянку въ Кронштадтъ, гдѣ уже начинались тогда нѣкоторыя приготовленія къ кампаніи 1801 года.

Въ ожиданіи войны съ Англіею Императоръ Павелъ велѣлъ приступить къ оборонительнымъ работамъ въ Кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ и 10 августа 1800 г. поручилъ контръ-адмиралу Чичагову завѣдывать вооруженіемъ судовъ, подъ главнымъ начальствомъ адмирала Ханыкова ³⁵. Но, ссылаясь на болѣзнь жены своей и на собственное нездоровье, Павлу Васильевичу удалось уклониться отъ этого порученія и Высочайшимъ приказомъ отъ 15 августа 1800 году было дано ему разрѣшеніе воспользоваться нѣсколькими мѣсячнымъ отпускомъ ³⁶.

Приведемъ здѣсь новый эпизодъ, почерпнутый изъ записокъ П. В. Чичагова, которому неожиданно пришлось тогда появиться еще разъ въ Императорскомъ Кабинетѣ Павла Петровича.

³⁴ Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 503—504.

³⁵ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 841.

³⁶ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 844.

Въ концѣ 1800 года Павелъ Васильевичъ, живя въ Кронштадтѣ, былъ неожиданно приглашенъ къ начальнику порта, адмиралу Ханыкову, который передалъ ему полученное приказаніе Императора—«немедленно препроводить контръ-адмирала Чичагова въ С.-Петербургъ».

Привыкшій уже ко всякихъ превратностямъ судьбы, Павелъ Васильевичъ спокойно усѣлся въ сани и въ сопровожденіи двухъ фельдъ-егерей покатилъ въ столицу.

Представившись, какъ обыкновенно, адмиралу графу Кушелеву, Чичаговъ былъ введенъ имъ въ кабинетъ Императора. Павелъ Петровичъ принялъ его очень ласково, сообщилъ о предстоящей войнѣ съ Англіею и о вѣроятной осадѣ Кронштадта, при чемъ выразилъ намѣреніе свое вѣрить ему защиту этого пункта.

Если непріятель, замѣтилъ Государь—вздумаетъ брать Кронштадтъ съ задней стороны, то я выставлю тамъ противъ него эскадру, Баратынскаго ²⁷.

Милостиво обходясь съ Чичаговымъ, Павелъ Петровичъ указалъ ему мѣсто около себя и усѣвшись къ маленькому столу, продолжалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

«Англичане хотятъ мнѣ объявить войну», озабоченно произнесъ Государь—«и эту войну будетъ руководить ихъ министръ «Питтъ. Но вы, не правда ли, знаете что этотъ Питтъ пьяница?»

«Я не думаю, Ваше Величество, чтобъ онъ слылъ за такового, по крайней мѣрѣ въ Англіи, рѣшился возразить Чичаговъ—но я слышалъ, что онъ выпиваетъ за обѣдомъ бутылку портвейна».

«Ну вотъ видите ли», сказала Императоръ—«онъ пьетъ бутылку портвейна, а я пью маленькую рюмку малаги, только «вслѣдствіе режима, и потому что того требуетъ мой желудокъ. «И этотъ челоуѣкъ хочетъ воевать со мною».

Послѣ нѣкоторыхъ новыхъ замѣчаній на счетъ предстоявшей войны, Павелъ Петровичъ отпустилъ адмирала, приказавъ ему быть на другой день опять во дворцѣ.

Являсь на слѣдующее утро, въ назначенный часъ, Павелъ Васильевичъ нашелъ въ кабинетѣ Императора—графа Палена, адмирала графа Кушелева, флигель-адъютанта графа Ливена и генерала, которому предполагалось вѣрить защитѣ береговъ Финскихъ и самой столицы отъ покушеній непріятельскихъ.

²⁷ Какъ въ то время считали съ тылу Кронштадтской крѣпости, по мелководію, не могло пройти ни одно военное судно.

Императоръ возобновилъ разговоръ о готовившейся войнѣ и началъ объяснять собравшимся свой планъ кампаніи. Не выполнѣ усвоивая развиваемыя мысли, или не раздѣляя ихъ всѣ присутствующіе молчали; одинъ лишь графъ Паленъ все время поддакивалъ Государю, повторяя: «Sehr militärisch, Ihre Majestät» (т.-е. весьма воинственно, превосходно Ваше Величество). «А все адмиралъ», сказалъ Императоръ обращаясь къ Чичагову—«вы будете имѣть суда для защиты прохода между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ. Затѣмъ я приказалъ выстроить батареи для охраны рейда; у васъ будетъ канонирская шляпца, которую вы поставите на пути хода непріятельскаго; я же, съ Бушелевымъ, останемся въ это время на берегу, гдѣ будетъ расположенъ гусарскій кордонъ, чтобы васъ поддерживать».

Павелъ Васильевичъ, на глазахъ котораго въ Кронштадтѣ, оставшемся неукрѣпленнымъ происходили пока только одни приготовления; будучи свидѣтелемъ всѣхъ неурядицъ и отсутствія, считавшихся Императоромъ уже готовыми, морскихъ батарей, требовавшихъ продолжительной, усиленной работы, онъ рѣшался было—какъ самъ пишетъ, открыть Государю глаза о неудовлетворительномъ положеніи оборонительныхъ укрѣпленій Кронштадтскаго порта. «Что же вы скажете на все это адмиралъ», вопросительно обратился Павелъ Петровичъ къ Чичагову—«я позволяю вамъ говорить съ полнымъ откровенностію».

Чичаговъ готовился уже отвѣчать, но въ это время Павелъ Петровичъ вышелъ на нѣкоторое время изъ кабинета и просилъ всѣхъ дожидаться своего возвращенія.

Воспользовавшись неожиданнымъ перерывомъ, графъ Паленъ подбѣжалъ къ Павлу Васильевичу и тихо сказалъ ему:

«Ради Бога, мой милый адмиралъ, образумтесь! я вижу ваше намѣреніе говорить правду; но помните, что здѣсь можно только сказать: «да» или «очень хорошо»; иначе вы рискуете навлечь на себя новыя неудовольствія, а для дѣла пользы не принесете».

Такимъ образомъ, графъ Паленъ вторично спасъ Чичагова какъ удостовѣряетъ самъ послѣдній, отъ несомнѣнной бѣды, которая могла быть вызвана лишь желаніемъ *говорить правду*. Виновникъ всѣхъ этихъ беспорядковъ, и злоупотребленій—графъ Г. Г. Кушелевъ усидѣлъ еще до этого собранія увѣрить Императора, что работы по укрѣпленію порта совершенно окончены и находятся въ блестящемъ видѣ; поэтому онъ никакъ не простилъ бы адмиралу, разоблаченія лжи.

Павелъ Васильевичъ послушался даннаго ему совѣта и сдержалъ на этотъ разъ свой патріотическій порывъ, зная по опыту, что кромѣ вреда самому себѣ онъ не могъ ожидать никакихъ полезныхъ для дѣла результатовъ.

По возвращеніи въ кабинетъ Императора, Чичаговъ уклончиво замѣтилъ, что ничего не имѣеть сказать противъ изложеннаго плана и полагаетъ, что если англичане войдутъ въ заливъ, то изъ него уже никакъ не выйдутъ. Такой отвѣтъ чрезвычайно понравился Павлу Петровичу, высказавшему, между прочимъ, по уходѣ Чичагова, что *«онъ замѣтно исправился и что тюрьма видимо принесла ему несомнѣнную пользу»* ³⁸.

Въ описываемое время, политическія дѣла наши принимали воистинственныя обороты и въ наступившемъ 1801 году, англійскій флотъ, подъ командою адмирала Нельсона, стоялъ уже въ Балтійскихъ водахъ. Но внезапная кончина Императора Павла I, послѣдовавшая въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года, моментально взбѣлила весь пламя правительственной системы.

Въ первый же день своего воцаренія Императоръ Александръ I, милостиво относившійся всегда къ П. В. Чичагову, пожелалъ приблизить къ себѣ еще болѣе этого умнаго, дѣльнаго, трудолюбиваго и честнаго человѣка. Высочайшимъ указомъ 12 марта 1801 года контръ-адмиралъ П. Чичаговъ удостоился зачисленія въ свиту Его Императорскаго Величества ³⁹.

Въ тотъ же день Государь поручилъ ему неотложно войти въ ближайшіе переговоры съ адмираломъ Нельсономъ, относительно немедленнаго прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Дипломатическая миссія Чичагова увѣчалась вполне успѣшнымъ результатомъ, война съ Англіею была окончательно предотвращена.

Находясь съ тѣхъ поръ при особѣ Императора Александра Павловича, умный и образованный адмиралъ П. В. Чичаговъ, пользуясь Монаршимъ довѣріемъ, сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ, сотрудниковъ, преимущественно по части своихъ спеціальныхъ знаній, т.-е. практическаго знакомства съ морскимъ дѣломъ и администраціею этого вѣдомства. Правдивый, смѣлый и предприимчивый адмиралъ не стѣснялся говорить юному Государю правду о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ всѣхъ нашихъ административныхъ учрежденій, бывшихъ и прежде предметомъ лич-

³⁸ Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 504—506.

³⁹ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 865.

ныхъ порицаній самого Александра Павловича, въ бытность его Цесаревичемъ.

Оцѣнивая обширныя дарованія, свѣтлый, практическій умъ, выдающееся образованіе, честность и знаніе государственныхъ нуждъ, чѣмъ безпорно обладалъ П. В. Чичаговъ, Императоръ Александръ Павловичъ дорожилъ имъ, относясь всегда съ большимъ вниманіемъ къ совѣтамъ и указаніямъ его. Мягкій и добрый Государь вполне снисходительно относился даже при этомъ и къ слабостямъ своего самолюбиваго моряка, который, при самостоятельномъ характерѣ, бывалъ иногда нѣсколько рѣзкимъ, упорнымъ и настойчивымъ.

Современники свидѣтельствуютъ, что щепетильный, горячій и крайне самолюбивый Павелъ Васильевичъ былъ дѣйствительно чрезвычайно рѣзокъ, несдержанъ, былъ неопытнымъ и неискреннимъ придворнымъ, забывавшимъ подчасъ, что онъ имѣетъ дѣло съ царственнымъ лицомъ ⁴⁰.

15 сентября 1801 года, въ день священнаго коронованія Императора Александра I, Чичаговъ былъ пожалованъ алмазными знаками къ ордену Св. Анны 1-й степени, въ доказательство, какъ сказано было въ рескриптѣ, особливаго вниманія къ усердной его службѣ.

Въ званіи свитскаго адмирала, Павелъ Васильевичъ, никогда не уклонявшійся отъ дѣла, бывалъ постоянно занятъ различными порученіями, возлагавшимися на него Императоромъ по флоту и вообще по морскому вѣдомству.

Высочайшимъ указомъ 24 августа 1802 года онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ управлявшаго нашою иностранною политикою, министра графа А. Р. Воронцова, «для постановленія русскихъ морскихъ силъ на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ тогдашнему состоянію первенствующихъ въ Европѣ флотовъ». При этомъ Чичагову было поручено состоять непосредственнымъ докладчикомъ у Государя по дѣламъ этого комитета ⁴¹.

⁴⁰ Такимъ выставляетъ П. В. Чичагова, между прочимъ и адмиралъ А. С. Шашковъ, упоминая о немъ въ своихъ «Запискахъ» (т. I, стр. 111—112).

⁴¹ Полное Собраніе Законовъ, 1802 г., авг. 24 (20383); Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895; Русская Старина 1872 г. II, стр. 39. *Примѣчаніе.* Настоящій комитетъ былъ упраздненъ Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1803 года, № 21703 Цолв. Собр. Законовъ.

13 октября 1802 года онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ во вновь учрежденной по флоту особой канцеляріи, цѣлю которой заключалось правильное устройство морской администраціи и улучшение быта флотійскихъ чиновъ ⁴².

Одновременно съ этимъ, Высочайше повелѣно было, подъ руководствомъ П. В. Чичагова, командировать разнымъ лицамъ для осмотра всѣхъ судовъ, какъ въ Кронштадтѣ, такъ и въ Ревелѣ, чтобы опредѣлить дѣйствительное состояніе нашего Балтійскаго флота.

Съ учрежденіемъ 8 сентября 1802 г. министерствъ, министромъ морскихъ силъ былъ избранъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ. Но несмотря на это, Чичаговъ, какъ ближайшій дѣятель по вышеупомянутымъ комитету и особой флотской канцеляріи, сохранилъ преимущественное право докладывать Государю дѣла касающіяся морскаго вѣдомства; онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность руководить направлениемъ новаго учрежденія и поэтому въ Полномъ Собраніи Законовъ встрѣчаемъ объявленныя лично имъ Высочайшія повелѣнія:

а) отъ 15 ноября 1802 г., о новыхъ мѣрахъ къ улучшенію мундирныхъ матеріаловъ по флоту (№ 20513) и

б) отъ 17 ноября 1802 г., о порядкѣ распредѣленія людей по различнымъ казеннымъ работамъ вѣдомства адмиралтействъ-коллегіи (№ 20515).

Вообще, было ясно видно, что Императоръ готовилъ его уже тогда занять болѣе видное официальное положеніе въ вѣдомствѣ, что вскорѣ и случилось.

Произведенный 13 ноября 1802 года въ вице-адмиралы ⁴³, П. В. Чичаговъ былъ назначенъ 31 декабря того же года товарищемъ министра морскихъ силъ ⁴⁴.

Съ этого времени фактическое завѣдываніе морскимъ министерствомъ можно считать вполне перешедшимъ за дѣятельныя и энергичныя руки Павла Васильевича, какъ по самостоятельности его права, такъ отчасти и потому, что Н. С. Мордвиновъ, не раздѣлявшій во многомъ новаго направленія, своими рѣзкими и несдержанными сужденіями при докладахъ, не всегда умѣлъ угождать молодому Государю, видимо увлекшемуся, подъ вліяніемъ

⁴² № 20456 Полн. Собр. Законовъ.

⁴³ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 895—896.

⁴⁴ Высочайшіе указы Сен. Архива, кн. 254, л. 205.

своего «триумvirата»⁴⁵, идеєю всеобщаго преобразованія по образцу иноземныхъ правительствъ⁴⁶.

Должно упомянуть, что и П. В. Чичаговъ, какъ истый русскій человекъ, во многомъ расходился въ идеяхъ съ вліятельнымъ «триумvirатомъ», но въ борьбѣ съ этимъ кружкомъ, преобладающій умъ его и знаніе дѣла удерживали за нимъ всегда не менѣе сильное вліяніе и успѣхъ въ его защитѣ мало извѣстныхъ другимъ техническихъ вопросовъ вѣдомства.

По Высочайшему повелѣнію, Чичаговъ былъ командированъ въ маѣ 1803 года для осмотра на мѣстѣ Петрозаводскихъ литейныхъ заводовъ и это порученіе выполнено имъ съ крайнимъ тщаніемъ⁴⁷.

По должности же своей, фактическаго начальника, Павелъ Васильевичъ энергически занялся приведеніемъ въ порядокъ флота и составленіе проекта полнаго преобразованія вѣдомства, согласно существеннымъ потребностямъ, хорошо изученнымъ имъ на практикѣ⁴⁸. Стараніями его, судя по оффиціальнымъ документамъ, было организовано и установлено на законной почвѣ возродившееся министерство морскихъ силъ, для котораго разработаны имъ возможно опредѣлительныя инструкціи по каждому отдѣлу администраціи.

Продолжая пользоваться полнымъ довѣріемъ и добрыми отношеніями Монарха, самостоятельное положеніе Чичагова все болѣе упрочивалось, несмотря на то, что номинальное главенство надъ министерствомъ все-таки оставалось за Н. С. Мордвиновымъ, который, впрочемъ, и самъ уже добровольно сталъ уклоняться какъ отъ борьбы за дѣйствительное первенство свое, такъ и слѣдовательно отъ отвѣтственности по должности.

Энергически искореняя злоупотребленія, вкравшіяся вообще во всѣ учрежденія Имперіи въ теченіе послѣдней четверти XVIII столѣтія, Павелъ Васильевичъ настоятельно потребовалъ отъ своихъ подчиненныхъ какъ поспѣшности исполненія всѣхъ правительственныхъ распоряженій, такъ и строгаго отправленія каждымъ изъ нихъ своихъ служебныхъ обязанностей. Подобными настоя-

⁴⁵ «Триумvirатъ», какъ извѣстно, составляли: князь А. А. Чарторыскій, Н. Н. Новосильцовъ (въ послѣдствіи графъ) и графъ П. А. Строгановъ.

⁴⁶ Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 88—39.

⁴⁷ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, стр. 918.

⁴⁸ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 144.

ниями, проводимыми съ твердостью и даже нѣсколько круто, онъ естественно нажилъ себѣ еще болѣе враговъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи ⁴⁹.

Высочайшимъ указомъ 8 октября 1803 года вице-адмиралу Чичагову повелѣно было состоять членомъ временной комиссіи, учрежденной для соображенія положенія военныхъ корпусовъ сравнительно съ гражданскими гимназіями по части учебной. На эту комиссію возложена была разработка особаго плана устройства военныхъ корпусовъ въ губерніяхъ и высшихъ спеціальныхъ заведеній, изъ которыхъ воспитанники, по окончаніи курсовъ, могли бы поступать въ университеты; этой же комиссіи велѣно было обсудить вопросъ о порядкѣ подчиненія всѣхъ корпусовъ особымъ военнымъ директорамъ, подъ высшимъ вѣдѣніемъ главнаго директора всѣхъ губернскихъ и спеціальныхъ военныхъ заведеній ⁵⁰.

Въ ноябрѣ 1803 года Чичаговъ представилъ Императору докладъ комитета по реорганизациіи флота, съ обработанными имъ самимъ положеніями касательно размѣра и состава отечественнаго флота, по улучшенію кораблестроенія и порядка содержанія портовъ. Конфирмуя 14 ноября 1803 года эти положенія комитета, Императоръ Александръ выразилъ свое удовольствіе адмиралу пожалованіемъ ему ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ награду за дѣятельное участіе въ составленіи такихъ обширныхъ работъ ⁵¹.

Высочайшимъ указомъ 1 января 1805 года повелѣно было товарищу министра морскихъ силъ вице-адмиралу П. Чичагову присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ ⁵².

29 января 1805 г. онъ былъ назначенъ, по званію сенатора, къ засѣданію въ I-мъ департаментѣ Сената ⁵³.

Во вниманіе къ недостаточнымъ, по общественному положенію, матеріальнымъ средствамъ Чичагова, 1 февраля 1805 года Императоръ пожаловалъ ему, въ пожизненное владѣніе, Виленской

⁴⁹ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 89—90.

⁵⁰ Полное Собраніе Законовъ, № 20973.

⁵¹ Полное Собраніе Законовъ №№ 21038 и 21039; Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 98—101.

⁵² Высоч. указы Архивовъ Сенатскаго (кн. 276, л. 2) и Государственнаго Совѣта; Архивъ князя Воронцова, т. III, стр. 295.

⁵³ Высоч. указы Сенат. Архива, кн. 276, л. 399.

губерніи, цивилство Виленское и староство Оранское, по смерти тогдашнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ лаковыхъ имѣній; при этомъ Высочайше было повелѣно выдавать ему до дѣйствительнаго вступленія имъ во владѣніе тѣми имѣтельствами по 10 тыс. руб. сер. въ годъ изъ Государственнаго Казначейства ⁵⁴.

Какъ упомянуто уже выше, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, въ бытность свою товарищемъ министра морскихъ силъ, былъ фактически руководителемъ морской части въ Имперіи, и въ документахъ этого вѣдомства мы встрѣчаемъ исключительно только имя Чичагова содѣйствующимъ всѣмъ главнымъ и основнымъ распоряженіямъ по министерству морскому. Тамъ же находимъ и полное подтвержденіе того, что номинально носившіи только званіе министра Н. С. Мордвиновъ весьма мало принималъ участія не только во всѣхъ преобразованіяхъ по вѣдомству, но даже пообщихъ административнымъ распоряженіямъ, или текущимъ дѣламъ, водносившимся Директору преимущественно его товарищемъ.

По извлеченіи нами свѣдѣній изъ оффиціальнаго источника морскаго министерства, печатно оглашенныхъ ⁵⁵, а также и изъ Подплаго Собранія Законовъ, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующія, достойныя вниманія распоряженія, которыя были сдѣланы по докладамъ или представленіямъ товарища министра вице-адмирала П. В. Чичагова:

1. 4 марта 1803 года—объ учрежденіи инспекторской экспедиціи по флоту и введеніи новаго устава и штатовъ для учащихъ корабельной архитектуры (Арх. Морск. Мин., стр. 905).

2. 11 марта 1803 г.—опредѣлены контрактныя условія съ подрядчиками по постройкѣ судовъ разной величины (стр. 901).

3. 20 марта 1803 г.—о приведеніи въ исправное состояніе Балтійскихъ флотовъ (стр. 902).

4. 24 марта 1803 г.—введены во флотъ новозобрѣтенныя машины для задѣлки раковинъ въ орудіяхъ (стр. 903).

5. 29 апрѣля 1803 г.—о преобразованіи морскихъ батальоновъ въ полки (стр. 915).

6. 30 апрѣля 1803 г.—о порядкѣ подготовленія судовъ и устройствъ береговыхъ укрѣпленій (стр. 902).

7. 21 іюля 1803 г.—объ учрежденіи депо картъ при Черноморскомъ флотѣ (№ 20859 П. С. 3).

⁵⁴ Архивъ Морскаго Министерства, т. III, изд. 1882—сокращенно А. М. М

⁵⁵ Тамъ же, кн. 277, л. 2.

8. 25 августа 1803 г.—о порядкѣ вооруженія судовъ Черноморскаго флота для крейсированія (А. М. М., стр. 922).

9. 11 сентября 1803 г.—о разныхъ исправленіяхъ по Архангельскому порту, о постройкѣ тамъ судовъ и возведеніи разныхъ торговыхъ зданій (стр. 922).

10. 1 октября 1803 г.—объ усиленіи средствъ в новозъ штатѣ для морской типографіи (стр. 923).

11. 11 ноября 1803 г.—о постройкѣ при С.-Петербургскомъ адмиралтействѣ лодокъ для гребнаго флота (стр. 922).

12. 18 ноября 1803—объ отлискѣ на Олонекскихъ заводахъ орудій для флота по новой удобнѣйшей системѣ (стр. 922 и И. С. З., ст. 21047).

13. 2 декабря 1803 г.—о назначеніи морскому департаменту, сверхъ ежегодныхъ суммъ, особаго запаснаго капитала (№ 21064 П. С. З.).

14. 11 января 1804 г.—о назначеніи инвалиднаго содержанія флотскимъ чинамъ (А. М. М., стр. 932).

15. 23 января 1804 г.—о покупкѣ въ Херсонѣ у частныхъ лицъ судовъ для пополненія Черноморскаго флота (стр. 931).

16. 11 февраля 1804 г.—о расчисткѣ гаваней въ Кронштадтѣ (стр. 931).

17. 26 февраля 1804 г.—о новомъ образованіи штурманскаго училища (стр. 937).

18. 9 марта и 1 іюля 1804 г.—о производствѣ разныхъ построекъ въ Архангельскомъ портѣ (стр. 931 и 940).

19. 18 марта 1804 г.—объ учрежденіи особой комиссіи для производа экзаменовъ гардемаринамъ, выпускаемымъ изъ морскаго кадетскаго корпуса (стр. 937).

20. 30 марта и 28 апрѣля 1804 г.—о порядкѣ повышенія въ чинахъ офицеровъ морскихъ полковъ (стр. 935 и 936).

21. 31 марта 1804 г.—о введеніи правилъ для пробы и приема орудій отливаемыхъ для флота (стр. 932).

22. 1 апрѣля 1804 г.—о постройкѣ при адмиралтействѣ лодочнаго, плавучаго моста и особой яхты (стр. 931).

23. 13 апрѣля 1804 г.—о разныхъ преобразованіяхъ по морской артиллеріи (стр. 932).

24. 25 апрѣля 1804 г.—о командированіи въ Иркутскъ шкиперовъ, унтеръ-офицеровъ и писарей для заготовленія судовыхъ припасовъ для Охотскаго порта (стр. 944).

25. 4 мая 1804 г.—о мѣрахъ къ улучшенію кораблестроительной части (стр. 940).

26. 4 мая 1804 г.—о приведеніи въ лучшее устройство музыкальной части во флотѣ (стр. 941).

27. 6 мая 1804 г.—о назначеніи въ шлваніе судовъ для практическихъ упражненій команды (стр. 940).

28. 25 мая 1804 г.—о раздѣленіи флота на отдѣлы и установленіи особыхъ знаменъ (флаговъ и вымпеловъ) для различенія каждой части (стр. 940).

29. 25 мая 1804—о обращеніи писмоводства на судахъ (стр. 941).

30. 1 іюня 1804 г.—о постройкѣ въ Архангельскомъ портѣ складочныхъ магазиновъ, мастерскихъ и кузницъ (стр. 940).

31. 29 іюня 1804 г.—объ учрежденіи особаго заведенія при адмиралтействѣ для изготовленія мореходныхъ физическихъ и математическихъ инструментовъ (стр. 941).

32. 1 іюля 1804 г.—о порядкѣ обмунидрованія флотскихъ командъ (стр. 941).

33. 14 сентября 1804 г.—о ежегодной заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ и опредѣленіе условій при покупкѣ таковыхъ частныхъ лицъ (стр. 94п и 949).

34. 28 сентября 1804 г.—объ измѣненіи порядка баллотированія флотскихъ чиновъ для повышенія (стр. 950).

35. 4 ноября 1804 г.—о порядкѣ поставки провіанта и разной провизіи для Черноморскаго флота (стр. 949).

36. 7 ноября 1804 г.—о постройкѣ судовъ для Каспійской флотиліи (стр. 948).

37. 9 ноября 1804 г.—о перестройкѣ зданій адмиралтейскаго вѣдомства въ Иркутскѣ (стр. 948).

38. 15 февраля 1805 г.—объ улучшеніи содержанія флотскихъ шкиперовъ, экономическихъ и канцелярскихъ служителей и о подготовленіи молодыхъ людей къ занятію должностей шкиперовъ, комиссаровъ и клерковъ (№ 21628 П. С. 3.).

39. 8 марта 1805 г.—о преобразованіи штурманской части въ Черноморскомъ флотѣ (№ 21653 П. С. 3.).

40. 15 марта 1805 г.—о введеніи новаго положенія для кораблестроенія, съ принадлежащими къ оному мастерствами по Черноморскому флоту (№ 21663 П. С. 3.).

41. 23 марта 1805 г.—объ учрежденіи при Черноморскомъ

флотъ особаго заведенія для изготовленія мореходныхъ физическихъ и математическихъ инструментовъ (№ 21677 П. С. З.).

42. 4 апрѣля 1805 г.—о преобразованіи морскаго департамента со введеніемъ новыхъ штатовъ для адмиралтействъ-коллегій съ ея экспедиціями и адмиралтейскаго департамента (№ 21699 П. С. З. и А. М. М., т. III, стр. 797).

43. 14 іюня 1805 г.—о сформированіи особаго Каспійскаго морскаго баталіона со введеніемъ новыхъ штатовъ и табелей (№ 21794 П. С. З.).

44. 21 іюня 1805 г.— объ обмундированіи командъ, состоящей въ Кронштадтѣ при каналѣ Петра Великаго (№ 21805 П. С. З.).

Означеннымъ перечисленіемъ далеко не исчерпано приведеніе въ извѣстность всего того, что было сдѣлано П. В. Чичаговымъ для морскаго вѣдомства въ бытность его товарищемъ министра. Изъ надпечатанныхъ официальныхъ документовъ мы привели только то, что намъ казалось болѣе важнымъ въ административной части флота. Огромное число сохранившихся по Морскомъ министерствѣ докладовъ, докладныхъ записокъ, мемуаровъ, набросанныхъ Чичаговымъ проектовъ, соображеній, мнѣній и разнаго рода начинаній, готовившихся подъ его личнымъ руководствомъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ живою, разумною и дѣятельною душою всего вѣдомства. Хотя и некоторые изъ современниковъ и закидывали его укорами въ тяжеломъ, часто непріятномъ проявленіи самолюбиваго, гордаго, настойчиваго и рѣзкаго нрава, но тѣмъ не менѣе, отдавая ему полную справедливость на трудовомъ пути, никто изъ нихъ не отнималъ у него свѣтлаго ума, замѣчательнаго труженничества и намеченія безукоризненно честнаго, безкорыстнаго государственнаго мужа.

По увольненіи, 22 іюля 1805 года, отъ службы адмирала Н. С. Мордвинова, вице-адмиралъ Чичаговъ, сохраняя свое званіе товарища министра, по повелѣнію Императора, управлялъ морскимъ министерствомъ вполнѣ уже самостоятельно.

Въ томъ же 1805 году Чичаговъ, по желанію Государя, принималъ участіе (обще съ министрами торговли, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ, юстиціи и военнымъ губернаторомъ С.-Петербургa) въ занятіяхъ особаго комитета для изысканія причинъ чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на главныя физическія потребности въ сѣверной столицѣ.⁵⁶ По этому комитету Павелъ Васильевичъ внесъ въ 1809

⁵⁶ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 141.

году особое мнѣніе, съ потребнымъ указаніемъ мѣръ, необходимыхъ въ будущемъ для правильного снабженія С.-Петербурга насущнымъ продовольствіемъ.⁵⁷

22 іюля 1807 года вице-адмиралъ П. Чичаговъ былъ произведенъ въ полные адмиралы и утвержденъ въ званіи министра морскихъ силъ.

Съ обнаруженіемъ 24 октября 1807 года деклараціи о разрывѣ дружественныхъ отношеній съ Англіею, Императоръ Александръ Павловичъ ввѣрилъ адмиралу Чичагову защиту всѣхъ береговъ Имперіи, начиная отъ Архангельска до Крыма, и подчинилъ ему непосредственно болѣе 50 тысячъ сухопутнаго войска.⁵⁸

Въ историческихъ нашихъ матеріалахъ за тогдашнее время сохранилось слѣдующее указаніе о положеніи Павла Васильевича въ средѣ приближенныхъ къ Александру Павловичу лицъ.

30 октября 1807 года графъ П. В. Завадовскій сообщалъ изъ Петербурга въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову:

— «Князь Чарторыйскій, Стрѣгановъ и Новосильцевъ⁵⁹ не по пріязни; графу Н. П. Румяцову и Чичагову вѣтеръ дуесть въ паруса».⁶¹

4 апрѣля 1809 года скончался въ своемъ Минскомъ имѣніи глубоко-любимый Павломъ Васильевичемъ и уважаемый всеми отцомъ его, престарѣлый адмиралъ В. Я. Чичаговъ, гдѣо котораго огорченный сынъ перевезъ въ Петербургъ и схоронилъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.⁶²

Эта утрата сильно подѣйствовала на здоровье и душевное состояніе крайне нервнаго, впечатлительнаго Павла Васильевича и онъ сталъ просить у Государя временнаго отдыха отъ дѣлъ; ему тѣмъ болѣе необходимо было уѣхать изъ Петербурга, такъ какъ его жена, постоянно хворавшая, имѣла настоятельную надобность въ гщательномъ лѣченіи при лучшихъ климатическихъ условіяхъ.

Снисходя къ таковымъ причинамъ, Императоръ Александръ

⁵⁷ Тамъ же, т. XIX, стр. 325—336.

⁵⁸ № 22658 Полн. Собр. Законовъ.

⁵⁹ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 207. *Примечаніе.* Слѣды распряженій П. В. Чичагова по этому предмету встрѣчаемъ въ письмѣ его къ графу А. А. Аракчеву отъ 5 іюня 1808 г. (см. Н. О. Дубровина изданіе—Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I, 1883, стр. 8).

⁶⁰ Такъ называемый «*триумвратъ*» Императора Александра I

⁶¹ Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 310.

⁶² Петербургскій Некрополь, В. Сантова, изд. 1883 г., стр. 146.

Павловичъ отпустилъ, 18 августа 1809 года, адмирала Чичагова въ заграничный отъездъ для поправленія здоровья, а управление морскимъ министерствомъ ввѣрилъ до его возвращенія адмиралу маркизу Ивану Ивановичу де-Траверсе.⁶³

Павель Васильевичъ прожилъ до 1811 года сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Англии, куда перѣхалъ преимущественно для разболѣвшейся жены своей, здоровью которой прозвизвала рѣшительная опасность. Проводя долгіе часы у изголовья больной, половине которой быстро ухушалось, адмиралу нашему пришлось перенести новое горе. 24 іюля 1811 года Елизавета Чичагова скончалась на рукахъ обожавшаго ее мужа.

Потеря жены окончательно потрясла всю нервную натуру Павла Васильевича, съ дѣтскими отчаяніемъ впавшаго въ глубокую скорбь, губительно дѣйствовавшую на его душевное и физическое состояніе. Женившійся по любви съ нѣлкостью юности и привязавшійся къ женѣ всѣмъ существомъ своимъ, Павель Васильевичъ, при всей твердости своего характера, встрѣтилъ смерть ея поистинѣ отчаяніемъ, совершеннымъ упадкомъ духа, что грозило даже его собственному здоровью. Онъ не захотѣлъ оставить тѣло любимой иль существа далеко отъ себя и родины своей, а потому перевезъ его въ Петербургъ и здѣсь похоронилъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Надъ могилою въ Павель Васильевичъ поставилъ большую часовню съ разными украшеніями, английскими надписями, стѣнами и въ ней горько оплакивалъ свое земное существованіе.⁶⁴

По приѣздѣ съ тѣломъ жены въ Петербургъ, Чичаговъ считалъ себя обязаннымъ представиться Императору и желалъ этого, но только хотѣлъ избѣгнуть наизъ-нибудь сопряженнаго съ этимъ officialныхъ церемоній. Какъ бы повинная все это, добрый, внимательный и должатный Государь Александръ Павловичъ предупредилъ его мысль слѣдующими собственноручными строками:⁶⁵

⁶³ Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 432, л. 319.

⁶⁴ Аравъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 281.

⁶⁵ «Уважаю вашу скорбь, мой милый адмиралъ, и не хотѣлъ донынѣ тревожить васъ своимъ письмомъ. Въ несчастіи подобномъ вашему, непрерывное повтореніе другими выраженія участія, не можетъ служить утѣшеніемъ: ибо переносясь къ существу, которому посвящены были всѣ привязанности, я полагаю, что утѣшенія со стороны и быть не можетъ. А потому, не въ надеждѣ вамъ его дать я хочу только выразить свое искреннее сожалѣніе о вашей скорби и вашемъ горестномъ положеніи. Вы знаете мою исконную къ вамъ дружбу, которая

— «C'est respectant votre douleur, mon cher amiral, que je n'as pas koulu kous importuner plutôt de mon écriture. Dans un malheur, comme le vôtre, s'entendre repéter que d'autres partagent kotre peine, n'esf pas une consolation: car quand on approche l'etre canquel on ovait koné toutes ses affections, je crois qu'is n'y en a plus. Auaji, ce n'est pas dans l'espoir de kous en offrir que je kous exprime toute la 'paît bien sincère que je prenlis à Kitre douleur ef à kotre position si malheureuse. Vous connaissez mon omitié pour kaus de lonpue date, alle a été ef sera tou pours la meme. Si kous n'avez pas de répugnance à sortir, je kous rece krai akec empresetement de mainapres, a theures, afin due kous ne soyez dans ie cas de rencontrer person ne. Tout à kous—Alexandre».

Нечего уже и говорить о томъ, насколько тепло, сердечно и милостиво принялъ Павла Васильевича добросердечный Монархъ, столь сочувственно всегда относившійся къ горю ближняго, а тѣмъ болѣе къ скорби такого лица, котораго онъ дѣйствительно любилъ, цѣнилъ и уважалъ.

Удрученный генералъ Павелъ Васильевичъ не считалъ себя болѣе въ силахъ принятыя опять за служебную должность, за нимъ все еще считавшумся, и въ первое же свиданіе съ Императоромъ убѣдительнѣйше просилъ освободить его совершенно отъ всякой службы, не желая никакъ даже номинально сохранять свое званіе.

Во вниманіе къ этому ходатайству 28 ноября 1811 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи адмирала Чичагова, согласно его прошенію, отъ должности министра морскихъ силъ, съ оставленіемъ при особѣ Его Величества. Въ увольнительномъ указѣ и рескриптѣ, на его имя данномъ, изъявлены были ему Монаршее благоволеніе и глубокая признательность за попечительное и ревностное управленіе Морскихъ министерствомъ.⁶⁶

Но до этого увольненія, таковымъ же указомъ отъ 13 ноября 1811 года, адмиралъ Чичаговъ былъ назначенъ членомъ преобразованнаго съ 1 января 1810 года Государственнаго Совѣта.⁶⁷

Въ бытность П. В. Чичагова во главѣ Морскаго министерства, по всѣмъ историческимъ документамъ нашимъ, нельзя не замѣтить,

была и останется навсегда неизмѣнною. Если у васъ нѣтъ нежеланія выходить изъ дому, то я съ величайшимъ удовольствіемъ приму васъ завтра, послѣ обѣда, въ 7 часовъ дабы вы могли ни съ кѣмъ не встрѣчаться. Весь вашъ—Александръ».

⁶⁶ Высоч. Указы Сен. Архива, кн. 347, л. 397.

⁶⁷ Извлеченіе изъ Государственнаго Совѣта.

что онъ, близко знакомый со всѣми хорошими и слабыми сторонами вѣдомства, положилъ всѣ заботы свои на то, чтобы только поднять значеніе русскаго морскаго флота, какъ внутри государства, такъ и въ международныхъ сношеніяхъ съ европейскими державами. Его дѣятельность, блестяще проявившаяся еще со времени занятія должности товарища министра, окончательно выяснилось въ теченіе почетнаго, хотя и кратковременнаго главѣнства въ вѣдомствѣ не только устройствомъ на прочныхъ началахъ всей административной части учрежденія, но и строгимъ искорененіемъ всякихъ беспорядковъ, а тѣмъ болѣе и глубоко засѣвшихъ злоупотребленій. Имъ улучшенъ былъ бытъ всѣхъ служащихъ морскихъ чиновъ, усиленъ составъ Балтійскаго флота, устроены русскіе порты въ Имперіи, усовершенствована система судостроенія, исправлена и систематизирована вся техническая часть, которая давно уже была ему досконально извѣстна.

На страницахъ Полнаго Собранія Законовъ, за время однолѣтняго управленія П. В. Чичаговымъ министерствомъ морскихъ силъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія распоряженія по вѣдомству, при его участіи совершившіяся: ⁶¹

1. 4 и 12 августа 1805 г.—о преобразованіи медицинской части по флоту (№№ 21866 и 21870 П. С. 3.).
2. 1 сентября 1805 г.—объ укомплектованіи флота причитающимися съ Астраханской губерніи рекрутами (№ 21892).
3. 6 сентября 1805 г.—объ одеждѣ матросскихъ и артиллерійскихъ командъ (№ 21899).
4. 26 сентября 1805 г.—о возстановленіи Лодейнопольской верфи для строенія судовъ (№ 21918).
5. 20 декабря 1805 г.—о взятіи въ казенное вѣдомство имѣющагося на островѣ Дагденъ маяка (№ 21966).
6. 17 января 1806 г.—о содержаніи потребнаго числа лошадей во всѣхъ портахъ Имперіи (№ 21997).

⁶¹ Перечисленіе особо замѣчательныхъ распоряженій за время бытности П. В. Чичагова управляющимъ и министромъ морскихъ силъ, необходимо должно быть въ послѣдствіи пополнено, когда изданы будутъ т. V и слѣдующіе Архива Морскаго Министерства—изданіе драгоцѣнное по отношенію исторіи русскаго флота, которымъ обязавы мы достопочтенному труженику и просвѣщенному исторіографу морскаго вѣдомства, генералъ-лейтенанту Ф. Ф. Веселаго, при обязательномъ содѣйствіи котораго собраны нами многія офіціальныя данныя для настоящаго жизнеописанія нашего славнаго адмирала и умѣйшаго государственнаго мужа, каковымъ былъ П. В. Чичаговъ.

7. 5 марта 1806 г.—объ упраздненіи въ Москвѣ адмиралтейской конторы и морской контрольной экспедиціи (№ 22048).

8. 7 марта 1806 г.—о введеніи новыхъ улучшенныхъ штатовъ для чертежной при адмиралтейскомъ департаментѣ и по школахъ для черченія плановъ и картъ при морскомъ кадетскомъ корпусѣ (№ 22049).

9. 28 марта 1806 г.—объ учрежденіи при адмиралтействъ-коллегіи особаго стола для введенія судебныхъ дѣлъ (№ 22074).

10. 2 мая 1806 г.—установлено число высшихъ и нижнихъ чиновъ и служителей во флотѣ (№ 22115).

11. 10 июля 1806 г.—дополнены положенія о призахъ, военными судами получаемыхъ (№ 22206).

12. 8 августа 1808 г.—о введеніи однообразнаго канцелярскаго обряда во всѣхъ частяхъ морскаго вѣдомства (№ 22234).

13. 15 августа 1806 г.—объ учрежденіи особой экспедиціи для с.-петербургскихъ адмиралтейскихъ строеній (№ 22242).

14. 5 декабря 1806 г.—о внутреннемъ устройствѣ Ижорскаго завода (№ 22386).

15. 27 мая 1807 г.—о содержаніи маяковъ по Финскому заливу (№ 22532).

16. 31 января 1808—объ учрежденіи въ Севастополѣ карантина для военныхъ судовъ (№ 22799).

17. 8 апрѣля 1808 г.—о преобразованіи Главнаго Черноморскаго управленія (№ 22952).

18. 6 мая 1808 г.—о введеніи новыхъ штатовъ для экономическихъ канцелярскихъ чиновъ Черноморскаго корабельнаго и гребнаго флотовъ (№ 23003).

19. 27 июля 1808 г.—о снабженіи медикаментами кронштадтскихъ госпиталей для пользованія рабочихъ (№ 23183 а.).

20. 19 августа 1808 г.—объ устройствѣ Свеаборгскаго морскаго госпиталя (№ 23238).

21. 24 февраля 1809 г.—введены новые штаты для артиллерійскихъ командъ морскихъ полковъ (№ 23498).

22. 26 мая 1809 г.—объ увеличеніи содержанія нижнихъ чиновъ Охотской морской роты (№ 23661).

23. 7 июня 1809 г.—введены новые штаты содержанія служащихъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ (№ 23693).

24. 16 июня 1809 г.—о запрещеніи во флотѣ держать людей въ рогаткахъ и дѣлать подобныя сему жестокости (№ 23708), и

25. По представленію адмирала Чичагова, 10 ноября 1809 г.,

введены нѣкоторыя правила для лучшаго подготовленія къ службѣ воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса и прибавлено къ штатной суммѣ этого корпуса по 5 т. руб. въ годъ (№ 23970).

Приведенныя указанія, хотя и недостаточно полныя, но вполне уже свидѣлствуютъ о тѣхъ заботахъ и попеченіяхъ П. В. Чагаова, за которыя выражена была ему теплая Монаршая признательность при окончательномъ оставленіи имъ поста главнаго начальника морскаго вѣдомства; здѣсь же надолго остались несокрушимыя слѣды его твердаго, разумнаго управленія на пользу и славу отечества.

Уступая лишь настоятельному желанію Павла Васильевича покинуть постъ министра вмѣстѣ со службою; Императоръ Александръ согласился только на первое, но не только не уволилъ его вовсе отъ службы, но удержалъ вблизи себя адмирала и вскорѣ, какъ увидимъ далѣе, доказалъ ему свое довѣріе его личности, возложивъ на него дѣла особой государственной важности.

Во то время политическое положеніе Россіи было крайне затруднительное, даже можно признать критическимъ. Съ одной стороны, пылала съ 1806 года горячая война съ Турціею, гдѣ предводительствовалъ М. И. Кутузовъ и исходъ ея далеко еще не выяснился. Со стороны же запада слагались понемногу для нашего отечества грозныя тучи, предвѣщавшія кровавую развязку.

Наполеонъ I, преслѣдуя идею задуманной имъ континентальной системы, надѣялся съ выполненіемъ такого плана подчинить своему вліянію всѣ правительства Европы; но явную помѣхою ему въ этомъ стремленіи являлось сильное восточное государство, откуда до него доносился непрерывно голосъ протестующаго самодержца Россійскаго Александра I. Поэтому французскій завоеватель задумалъ первоначально сломить противоборствующую ему силу востока и рѣшился совершить открытое вторженіе въ предѣлы Россіи, которую, по его мнѣнію, надо было ему первоначально раздавить, или обезсилить. Въ этихъ видахъ Наполеонъ, лукаво сближаясь многіе годы съ русскимъ Государемъ, вкрадчиво старался усыплять его вниманіе, а самъ постепенно подвигался къ Вислѣ, откуда намѣревался внезапнымъ движеніемъ нанести рѣшительный ударъ своему бывшему союзнику. Но не менѣе проныцателенъ былъ Императоръ Александръ Павловичъ, который, несмотря на внѣшнюю какъ бы уступчивость, понималъ хорошо разставляемая ему сѣти и въ нихъ попасть не желалъ, подобно другимъ европейскимъ правителямъ. Въ іюнѣ 1811 года Импе-

раторъ Александръ получилъ изъ Парижа, отъ нашего посла князя А. Б. Куракина и флигель-адъютанта своего А. И. Чернышева (потомъ графа и князя) положительное удостовѣреніе о тайно готовившихся враждебныхъ замыслахъ французскаго Императора противъ своего русскаго царственнаго друга. Для возможности дать надлежащій отпоръ такимъ коварнымъ видамъ необходимо было, во что бы то ни стало, скорѣе окончить южную войну нашу и освободить для предстоящей несомнѣнной борьбы русскія войска дѣйствовавшія противъ Турокъ.

Озабоченный полученными вѣстями изъ Парижа, Императоръ Александръ посѣщивъ снабдить Кутузова широкими полномочіями и потребовалъ отъ него быстрѣйшаго окончанія войны съ Турціею, дозволивъ ему даже приступить, на возможно приличныхъ условіяхъ, къ замиренію съ нею. Но Кутузовъ, не прекращалъ военныхъ дѣйствій; которыя начинали принимать для насъ въ то время благопріятный оборотъ, выразившійся пораженіемъ непріятеля при Слободзеѣ 2 октября и овладѣніемъ, 10 и 11 октября, Туртукаемъ и Силистріей⁶⁹; послѣ этого онъ открылъ мирныя переговоры только 13 октября 1811 года.

Подстрекаемый Франціей, Султанъ Турецкій, несмотря на потерянныя имъ неудачи, сдѣлался вдругъ неговорчивымъ и сталъ упорствовать при установленіи мирныхъ пунктовъ. Затянувшіеся вслѣдствіе этого переговоры заставили нашего главнокомандующаго прервать 31 декабря 1811 года перемиріе и готовиться къ возобновленію приостановленныхъ военныхъ дѣйствій.

Несмотря на всѣ эти вдали происходившія колебанія, вліяшія на исходъ войны съ Турціею, Императоръ Александръ, приписывая недостиженіе цѣли медлительности лишь графа Кутузова, съ неудовольствіемъ отнесся къ событіямъ и настоятельно потребовалъ опять отъ него, уже именемъ отечества, скорѣйшей мирной развязки. Когда же стали доноситься въ Петербургъ жалобы населеній Дунайскихъ княжествъ на притѣсненія, испытываемыя ими со стороны нашихъ войскъ, то Государь, выведенный изъ терпѣнія тщетными надеждами на миръ, въ апрѣлѣ 1812 г. рѣшился отозвать графа Кутузова съ Дуная и замѣнить его тамъ болѣе энергическимъ, способнымъ и довѣреннымъ лицомъ своимъ П. В. Чичаговымъ⁷⁰.

⁶⁹ За означенныя славныя побѣды М. И. Кутузовъ былъ пожалованъ въ графы.

⁷⁰ Богдановичъ—Исторія царствованія Императора Александра I. т. III,

Вотъ что приводить, по этому поводу, въ своихъ «Запискахъ» самъ адмиралъ Чичаговъ ⁷¹.

«Кампанія 1812 года уже открывалась. Иноплеменная армія, состоявшая изъ войскъ многихъ государствъ материка Европы, стояла на границахъ Россіи, а самъ Наполеонъ готовился предводительствовать ей. Всѣ ожидали и готовились къ войнѣ, которая предвидѣлась въ самомъ кровавомъ ея видѣ. 5 (17) апрѣля 1812 года въ Петербургѣ промесся слухъ о предстоящемъ отъѣздѣ Императора къ нашимъ войскамъ въ Вильно, куда выступала уже и гвардія».

«Принимая, по обыкновенію, адмирала Чичагова въ своемъ кабинетѣ, 6 апрѣля утромъ, Александръ Павловичъ сообщалъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ скорости къ арміи; разговорившись съ адмираломъ о положеніи дѣлъ и упоминая съ горечью о союзномъ трактатѣ, заключенномъ между Австріею и Наполеономъ, Государь высказалъ, что ему не безызвѣстно также и о вынужденномъ обстоятельствами присоединеніи Пруссіи къ составившемуся союзу».

«Я позволилъ себѣ, пишетъ адмиралъ,—предложить Государю пронавести сильную диверсію, одновременно направленную на французскія владѣнія какъ въ Имперіи, такъ и въ Далмаціи. Ваше величество, сказалъ онъ ему, можете употребить на это съ успѣхомъ Дунайскую нашу армію находящуюся въ Валахіи и воспользоваться всѣми средствами, которыя дадутъ намъ отмошенія къ Молдавіи и Сербіи. Жители означенныхъ княжествъ, также какъ и Черногорцы связаны съ нами единовѣріемъ и, надо полагать, не откажутся помогать Россіи. Выслушавъ внимательно слова адмирала, вѣроятно согласовавшіяся съ видами самого Монарха, Александръ Павловичъ съ полнымъ одобреніемъ отнесся къ изложенному плану дѣйствій и изъявилъ готовность послѣдовать данному совету».

стр. 531—535 и т. III, стр. 161—162. *Примѣчаніе.* По случаю этого удивившаго всѣхъ назначенія нашъ извѣстный дипломатъ А. П. Бутеневъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Несмотря на общее признаніе адмирала Чичагова за человека умнаго и способнаго, избраніе его на замѣну графа Кутузова въ Турціи изумило все петербургское общество. Этотъ выборъ казался всѣмъ до того необычайнымъ и даже страннымъ, что новому главнокомандующему дано было прозваніе въ столицѣ адмирала Бониве, который, какъ извѣстно, нѣкогда былъ злопозудно избранъ Французскимъ королемъ Францискомъ I (1515—1547) въ главнокомандующіе Италіанскою арміею (Русскій Архивъ—1881 г., т. III, стр. 61).

⁷¹ Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1522—1531.

«Но, замѣтилъ Государь,—миръ съ Турціею далеко еще не обезпеченъ, а неистовства русскихъ войскъ въ Молдавіи и «Валахіи только раздражаютъ противъ насъ населенія княжествъ; къ этому надо также присоединить и безпечность русскихъ начальниковъ и развивавшіяся тамъ интриги. Наконецъ, продолжалъ Государь,—я не думаю чтобы теперешній главнокомандующій, «котораго я считаю наибольшимъ виновникомъ всѣхъ мѣстныхъ «сбѣдствій, былъ дѣйствительно способенъ достигнуть выраженныхъ вами результатовъ, для пріобрѣтенія которыхъ необходимы «энергія, сила воли, быстрота въ соображеніяхъ, распоряженіяхъ «и дѣйствіяхъ. По преклоннымъ лѣтамъ графа Кутузова и извѣстному мнѣ характеру его, я рѣшительно не считаю его въ силахъ выполнить съ успѣхомъ задачу борьбы съ Турками и привести ее къ желаемому мною концу. Между тѣмъ, время проходитъ, а безплодные переговоры и нерѣшительный образъ дѣйствій главнокомандующаго могутъ дурно отозваться для насъ «въ предстоящей нынѣ новой войнѣ».

Въ отвѣтъ на это Чичаговъ сталъ совѣтовать Государю послать къ Кутузову довѣренное лицо, снабженное особыми наставленіями, которое бы въ скорости вернулось съ подробнымъ донесеніемъ какъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, чего можно ожидать отъ распорядительности самого главнокомандующаго. «Хорошо»,—возразилъ Императоръ, «но кого могу я избрать въ довѣренные по такому «порученію». Затѣмъ, подумавъ нѣсколько, Александръ Павловичъ обратился къ адмиралу съ слѣдующимъ вопросомъ: «снужа ежели бы «я на васъ возложилъ такое порученіе, то что бы вы сказали на «это?» Удивленный этимъ оборотомъ, Павелъ Васильевичъ замѣтилъ Государю о неудобствѣ такой миссіи, такъ какъ онъ, адмиралъ, находится въ равномъ чинѣ съ Кутузовымъ и, кромѣ того, состоитъ еще при особѣ его величества; слѣдовательно подобное командированіе имѣло бы прямо видъ того, что онъ присланъ болѣе для надзора за главнокомандующимъ, съ особо секретными полномочіями, а не для одной только передачи приказаній Императора. «Неизбѣжно возбудивъ такое подозрѣніе въ генералѣ графѣ Кутузовѣ», замѣтилъ Чичаговъ,—«эта поѣздка, вмѣсто пользы, поведетъ къ явному вреду для самаго дѣла». Предлагая вновь Императору командировать съ такимъ порученіемъ одного изъ флигель-адъютантовъ или дѣльнаго офицера, адмиралъ выставлялъ этотъ способъ болѣе цѣлесообразнымъ. Не удовлетворенный, какъ бы,

такимъ замѣчаніемъ, Александръ Павловичъ отвѣтилъ ему: «я это «сообразжу, но пожалуйста, Павелъ Васильевичъ, подумайте также «и вы о сказанномъ мною, а завтра прїѣзжайте опять ко мнѣ въ «такое же время».

На другой день 7 (19) апрѣля, въ 12 часовъ утра, Чичаговъ прїѣхалъ во дворецъ съ полною рѣшимостію, какъ самъ онъ говоритъ, послѣ долгаго размышленія о томъ, какъ отклонить отъ себя подобное щекотливое дѣло, понимая хорошо, что кромѣ различныхъ неудобствъ для него оно несомнѣнно дастъ новую пищу здословію и навлечетъ не него новыя непріятности со стороны безчисленныхъ уже завистливыхъ его недоброжелателей.

Но вышло иначе. Императоръ Александръ, не давая Чичагову возможности говорить что-либо, встрѣтилъ его слѣдующими словами:

«Выслушайте теперь, любезный адмиралъ, принятое мною «рѣшеніе и знайте, что оно неизмѣнно. Предположенія, о кото- «рыхъ шла вчера рѣчь между нами чрезвычайно сложны и «требуютъ особенной тщательности въ исполненіи. Чтобы порѣ- «шить нескончаемые переговоры съ Портою, я считаю необходи- «мымъ предложить ей заключеніе съ нами наступательнаго и обо- «ронительнаго союза; въ случаѣ ея отказа надо возобновить воен- «ныя дѣйствія съ большею энергіею и силою принудить Турокъ «согласиться на это безотложно. Для достиженія цѣли, можно «прибѣгнуть даже къ угрозамъ и при помощи нашего Черномор- «скаго флота настаивать въ требованіяхъ. Кромѣ того, въ под- «крѣпленіе нашихъ видовъ надо стараться возбудить тяготящихся «подъ гнетомъ Турціи Грековъ и другихъ населеній края, кото- «рые дѣйствительно преданы намъ, какъ по вѣроисповѣданію, «такъ и по исконнымъ къ намъ влеченіямъ; и тогда слѣдуетъ «произвести диверсію къ Далмаціи сухимъ путемъ, или моремъ, «суда по тѣмъ уступкамъ, которыя удастся извлечь изъ перего- «воровъ съ Турціею. Одновременно съ этимъ надо войти въ согла- «шеніе съ Англичанами, флотъ которыхъ стоитъ теперь въ Адриа- «тическомъ морѣ и, склонивъ ихъ на совѣстное дѣйствіе противъ «Турокъ, условиться съ ними о томъ, чего мы можемъ ожидать «отъ нихъ въ подобномъ соглашеніи. Наконецъ, крайне необхо- «димо обратить особенное вниманіе на улучшеніе административ- «наго строя въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, стремясь под- «держивать насколько возможно и упрочить наши взаимныя дру- «жественныя отношенія съ ними. Я избираю васъ на это, адмиралъ, «произнесъ съ рѣшительнымъ тономъ Александръ Павловичъ,

«который, не ожидая отвѣта или возраженія, передаетъ Чичагову собственноручно исписанный имъ листъ бумаги, *«для приведенія въ дѣйствіе вотъ тутъ изложенной программы моей. Я набросалъ свои мысли; вы составите по нимъ для себя инструкцію и завтра утромъ подадите мнѣ ее къ подписанію, а потомъ, не откладывая дома, отправитесь къ мѣсту вашего назначенія»*.

Послѣ такого рѣшительно поставленнаго приказанія не могло быть болѣе и рѣчи о какомъ-либо возраженіи, или уклоненіи. Павлу Васильевичу оставалось покориться волѣ Монаршей, выражавшей впрочемъ довѣріе и увѣренность въ нею по такому необыкновенно важному плану.

Предъ выходомъ Чичагова изъ кабинета, Императоръ Александръ вручивъ ему пространную записку о жалобахъ угнетенныхъ населеній Молдавіи и Валахіи, которыя были принесены имъ на дѣйствія арміи Кутузова, присовокупилъ: *«я не могу болѣе допускать такихъ ужасовъ»*.

«Впослѣдствіи, пишетъ адмиралъ въ своихъ *«Запискахъ»*, — «повѣряя на мѣстѣ содержаніе всѣхъ этихъ жалобъ, онъ убѣдился, что таковыя были совершенно заслужены и узнавъ, что на всѣ доходившія до главнокомандующаго заявленія графъ Кутузовъ отвѣчалъ, что *«у нихъ останутся глаза, чтобы отлакивать свою судьбу»*.

«Тотчасъ послѣ разговора съ Государемъ, пишетъ далѣе Чичаговъ, — я поѣхалъ къ канцлеру графу Н. П. Румянцову, чтобы чрезъ него ближе ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Бухарестѣ. Не успѣлъ я еще вернуться домой, какъ мнѣ доставлена была отъ Императора собственноручно написанная имъ для меня подробная инструкція, изложеніе и редакція которой были настолько ясны, что оставалось только переписать ихъ набѣло». Къ инструкціи былъ приложенъ проектъ Императорскаго рескрипта о назначеніи адмирала Чичагова главнокомандующимъ Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и генералъ-губернаторомъ Молдавіи и Валахіи.

День отъѣзда Императора къ войскамъ нашимъ въ Вильно былъ назначенъ на 9 (21) апрѣля 1812 г. и этимъ числомъ были подписаны имъ, начисто перебѣленные, съ его подлинника, инструкція и рескриптъ адмиралу Чичагову.

Прощаясь съ Павломъ Васильевичемъ, Государь Александръ Павловичъ отдалъ ему лично означенныя бумаги, сказавъ ему въ видѣ напутствія слѣдующее:

«— Я не даю вамъ никакихъ дальнѣйшихъ наставленій на счетъ системы управленія въ обоихъ княжествахъ, образа дѣйствій по отношенію къ населенію въ нихъ и о томъ, какими мѣрами загладить допущенныя тамъ насилія, полагаясь вополнѣ на васъ и зная, что вы были всегда противникомъ всякаго своеволія и самоуправства» (arbitraire).⁷²

Инструкція, данная П. В. Чичагову, была слѣдующаго содержанія:

«По прибытіи къ мѣсту вашего назначенія и принятіи начальства надъ княжествами Молдавіею и Валахіею, Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ, первѣйшею обязанности вашею будетъ въ подробности ознакомиться съ существующимъ образомъ управленія княжествами и сдѣлать всѣ распоряженія, какія, по вашему усмотрѣнію, признаны будутъ необходимыми для облегченія участи мѣстныхъ населеній, имѣя цѣлію вселить въ нихъ привязанность къ державѣ Нашей. Употребите всѣ средства, которыя найдутся тамъ, чтобы содѣйствовать исполненію Моеихъ намереній.

«По управленію гражданскими дѣлами, вы имѣете назначать и отставлять кого заблагоразсудите. Вы можете избирать какъ Русскихъ, такъ и природныхъ жителей; о всѣхъ значительныхъ измѣненіяхъ, которыя вы по этой части сдѣлаете, доносите Мнѣ. На случай необходимости для васъ обратиться къ кому-нибудь въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, мною отдано приказаніе, чтобы исполнялись всѣ ваши требованія.

«Занимаясь введеніемъ лучшаго порядка по гражданскому устройству, вашему попеченію поручаются двѣ статьи, не терпящія никакого промедленія.

«Первая заключаетъ въ себѣ настоящія политическія дѣла, придающія значительную важность даннаго вамъ порученія. Особенное вниманіе вы должны обратить на переговоры касательно мира съ Турками.

«Вторая статья относится до вооруженія жителей въ этихъ странахъ, которыхъ бы могли поддержать наши военныя дѣйствія.

«Въ дополненіе къ первой статьѣ, Мы находимъ важнымъ по-

⁷² Русскій Архивъ; 1870 г., стр. 1525—1526; Mémoires de *almiral Schitchagoff*, Berlin 1855, p. 6—11, Izpizig, 1862 г., p. 57—65; Извлеченіе изъ подлинныхъ бумагъ адмирала Чичагова.

«Уставитьъ вамъ на видъ, что коварное поведеніе Австріи, присоединяющейся къ Франціи, вынуждаетъ Россію употребить всѣ за-
«висящія отъ нея средства, чтобы разрушить враждебныя намѣ-
«ренія этихъ двухъ государствъ. Самое главное, надо употребить
«въ нашу пользу воинскій духъ народовъ славянскаго происхожде-
«нія, какъ то жителей Сербіи, Босніи, Далмаціи, Черногоріи, Кро-
«аціи, Иллиріи, котоꙋые, вооружившись и получивъ военное устрой-
«ство, могутъ сильно содѣйствовать намъ.

«Венгерцы, недовольные поступками настоящаго ихъ правле-
«нія, представляютъ намъ также отличный способъ тревожить Ав-
«стрію, сдѣлавъ диверсію ея враждебнымъ планамъ, а слѣдова-
«тельно ослабить силы ея.

«Всѣ эти народы, соединившись съ вашими регулярными вой-
«сками, составятъ достаточно значительное воинство не только
«для предупрежденія враждебныхъ намѣреній Австріи, но также
«для значительной диверсіи на правую часть французскихъ владѣ-
«ній, и это можетъ дать намъ вѣрное средство угрожать нападе-
«ніемъ со стороны Ницы и Софіи.

«Цѣль этой диверсіи противъ Франціи должна состоять въ
«томъ, чтобы занять Боснію, Далмацію и Кроацію и направить
«ополченія этихъ народовъ на самые важные береговыя пункты
«Адріатическаго моря, и преимущественно на Триестъ, Фриуль, Бо-
«тти-ди-Катаро, и проч., чтобы заблаговременно устроить связи съ
«англійскимъ флотомъ; вамъ слѣдуетъ какъ можно болѣе стараться
«возбудить неудовольствіе въ Тиролѣ и въ Швейцаріи для сово-
«купнаго дѣйствія съ этими храбрыми народами, крайне недоволь-
«нными своимъ настоящимъ управленіемъ.

«Вы должны употребить всевозможныя средства къ возбуж-
«денію славянскихъ народовъ, стараясь привлечь ихъ къ нашимъ
«цѣлямъ; на примѣръ, объявляйте имъ независимость, учрежденіе
«Славянскаго государства, денежныя награды людямъ болѣе влі-
«ятельнымъ между ними, ордена и чины, соответствующіе какъ
«начальникамъ, такъ и рядовымъ. Наконецъ въ дополненіе къ этому,
«вы можете дѣлать все то, что найдете удобнымъ и согласнымъ
«съ обычаями народа и съ настоящими обстоятельствами. Пору-
«чается вашему благоусмотрѣнію устроить порядокъ въ граждан-
«ской администраціи ввѣряемаго вамъ края.

«Если миръ съ Турками будетъ подписанъ прежде прибытія
«вашаго на мѣсто назначенія, присоедините къ оному условію о
«союзѣ наступательномъ и оборонительномъ. Такъ какъ наши сно-

«шениа съ Австрійскимъ дворомъ измѣнились, то вѣроятно и усло-
«вія мира должны быть также измѣнены. Надо требовать, чтобы
«Турки не только не мѣшали Сербамъ и другимъ христіан-
«скимъ народамъ, находящимся подъ ихъ владычествомъ, помогать
«намъ, но чтобы и сами они были расположены откровенно и доб-
«ровольно употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для дѣй-
«ствія противъ общихъ нашихъ непріателей. Чтобы вѣрнѣе ихъ уго-
«ворить, можно обѣщать послѣ побѣды надъ непріателами воз-
«вратить имъ республику Рагузскую и Іоническіе острова, кото-
«рыми они прежде владѣли.

«При такомъ положеніи дѣлъ, чтобы скорѣе и удобнѣе устро-
«ить дополнителныя статьи къ мирному договору, вы можете,
«если найдете удобнымъ, употребить для этого гг. Итальянскаго ⁷³
«и Бароцци. По этому поводу вы отправите ихъ въ Константино-
«поль съ тѣмъ, чтобы они старались уговорить Царя согласиться
«на предложенія, которыя ей будутъ слѣданы, и увѣрить ее, что
«такъ какъ миръ съ Россією ставитъ ее въ опасную вражду съ
«Францією, то ей, также какъ и намъ, необходимо принять учас-
«тіе въ усиліяхъ нашего оружія противъ Наполеона.

«Притомъ, предлагаемыя нами средства будутъ имѣть для нея
«ту пользу, что, не имѣя надобности дѣйствовать своими войсками,
«она не понесетъ никакой потери.

«Если послѣ всего этого, миръ съ Турками не состоится, то
«используйте всѣ средства къ распространенію вліянія вашего на
«всѣ части Оттоманской Имперіи. Нужно будетъ возбудить Гре-
«ковъ и заставить ихъ свергнуть съ себя тяжелое для нихъ ту-
«рецкое иго; вступитъ въ переговоры съ Али-пашей, подать ему
«надежду на независимость и признаніе за нимъ титула короля
«Эпирскаго; распространить прокламаціи и между Адбаццанди и по-
«средствомъ хорошей платы составить изъ нихъ особую империю.
«Если бы всѣ эти обѣщанія не подѣйствовали на Али-Пашу, тогда
«использовать всѣ мѣры, чтобы свергнуть его и учредить тамъ та-
«кое правительство, которое было бы намъ благопріятнѣе.

«Другія средства къ достиженію нашей цѣли представлятъ
«вашей проницательности сами собою, когда вы вступите въ долж-

⁷³ Итальянскій—извѣстный нашъ дипломатъ, уроженецъ Малороссіи, по ду-
ху—ученикъ князя Безбородки, заставившій въ чужихъ краяхъ уважать русское
знамя.

«ность, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы употребите ихъ съ пользою для насъ.

«Что касается до военныхъ распоряженій по арміи или флоту, Мы уполномочиваемъ васъ дѣлать всякія измѣненія, какія вы, по вашему усмотрѣнію, найдете нужнымъ для пользы службы, смотря по обстоятельствамъ и мѣстнымъ средствамъ.

«Мнѣ кажется, что военное устройство упомянутыхъ народовъ должно согласоваться съ обычаями народными; однако если бы возможно было ввести у нихъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ правила военной дисциплины, то вы должны воспользоваться этимъ и не терять изъ виду, что порядокъ и точность вездѣ полезны, особенно для успѣха воинскихъ дѣйствій. Военные снаряды, какъ то: ружья, сумки, патроны и проч., будутъ вытребованы изъ Англии и вѣроятно доставлены вамъ при посредствѣ ея флота, находящагося въ Адриатическомъ морѣ; такимъ же образомъ вы будете получать деньги, потребныя для необходимыхъ нуждъ вашихъ.

«Чтобы подкрѣпить эту Славянскую милицію, надо дать ей изъ нашихъ войскъ такое количество пѣхоты, какое вы найдете нужнымъ съ достаточнымъ числомъ кавалеріи и артилеріи. Не забудьте изъ виду того, что мы должны находиться въ оборонительномъ положеніи противъ Порты на случай если война съ нею не будетъ еще окончена.

«Мы будемъ стараться также пріобрѣсть морскую помощь отъ Англичанъ, чтобы вторгнуться въ тѣ мѣста, куда будетъ направлено наше нападеніе, напримѣръ на пристань Катаро, Триестъ, на Фіумъ, на Рагузу и проч., и кромѣ того будемъ требовать отъ Англичанъ усиленія блокады ими Корфу, чтобы прервать всякое сообщеніе съ Турціею.

«Можно надѣяться, что войска, находящіяся въ Сициліи, будутъ также дѣйствовать заодно съ нами. По этому предмету вы, при первомъ удобномъ случаѣ, войдете въ сношенія съ начальниками войскъ сухопутныхъ и морскихъ; старайтесь установить съ ними правильныя сношенія.

«Давая вамъ эти краткія наставленія, заключающія въ себѣ общій очеркъ дѣйствій на васъ возлагаемыхъ, Мы надѣемся, что изученіе мѣстности приведетъ васъ къ какимъ-либо новымъ соображеніямъ по изысканію способовъ, удобныхъ для отраженія вооружившихся противъ насъ непріятелей.

«Извѣстное усердіе ваше къ Намъ служитъ залогомъ того,

«что вы оправдаете выборъ Нами сдѣланный, поручивъ вамъ такой важный постъ, а вамъ да будетъ онъ ручательствомъ нашего къ вамъ довѣрія—Александръ. 9 (21) апрѣля 1812 года, С.-Петербурга»⁷⁴.

Проводивъ Императора Александра и запасшись всѣми необходимыми свѣдѣніями, П. В. Чичаговъ выѣхалъ 20 апрѣля (2 мая) изъ Петербурга. 29 апрѣля (11 мая) онъ прибылъ въ Яссы, а 6 (18) мая—въ Бухарестъ, гдѣ находился тогда графъ М. И. Кутузовъ.

Между тѣмъ, сторонники главнокомандующаго Дунайскою арміею графа Кутузова своевременно извѣстили его конфиденціально изъ Петербурга о предстоящей замѣнѣ его адмираломъ Чичаговымъ. Видя, что честь замиренія ускользала изъ рукъ, графъ Кутузовъ усиленно возобновилъ переговоры съ турецкими уполномоченными и, наканунѣ пріѣзда Чичагова, 5 (17) мая подписалъ preliminary условия мира. Хотя оформленный 16 (28) мая Бухарестскій мирный трактатъ, установленный Кутузовымъ, и не согласовался съ новыми инструкціями полученными адмираломъ Чичаговымъ, но тѣмъ не менѣе онъ положилъ конецъ слѣшкомъ длительной войны съ Оттоманскою Портою.

Такъ какъ при переѣздѣ русскаго главнокомандующаго турецкіе представители выразили опасеніе насчетъ исполненія условий только-что состоявшагося договора, то новоприбывшему адмиралу оказалось необходимымъ приложить и свою подпись на мирномъ трактатѣ въ доказательство того, что и онъ считаетъ таковой для себя обязательнымъ. Въ донесеніи своемъ объ этомъ Императору адмиралъ Чичаговъ, приписывая всю честь достиженія мирнаго окончанія своему предшественнику, выставилъ и причины, заставившія его принять участіе въ процедурѣ оформленія акта, какъ гарантію съ его стороны для примирившагося съ Россіею Дивана. Хотя Императоръ Александръ и не былъ вполне доволенъ условіями Бухарестскаго договора, однакожь утвердилъ его немедленно своею подписью. Оставалось только ожидать ратификаціи его со стороны Константинопольскаго Кабинета для того чтобы считать дѣло поконченнымъ и войска свободными. Но подстрекательство султана извѣнчало не мало затруднелій Чи-

⁷⁴ Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1526—1530. *Примечаніе.* Вся эта инструкция была написана самимъ Императоромъ Александромъ I и, безъ измѣненій, переписана только подъ наблюденіемъ адмирала П. В. Чичагова.

чагову, которому пришлось уже отстаивать сдѣланное чуть не съ оружіемъ въ рукахъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что графъ М. И. Кутузовъ считалъ себя крайне оскорбленнымъ по случаю такого внезапнаго и неожиданнаго отозванія отъ веденнаго имъ дѣла. Естественно вызванное въ немъ по этому поводу неудовольствію, зародило тогда непріязненное чувство и къ наиѣстнику его, П. В. Чичагову. Поэтому, возникшій между этими двумя полководцами антагонизмъ легъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ между ними смощеній, въ особенности же когда судьба, какъ увидимъ далѣе, поставила ихъ въ ближайшее соприкосновеніе въ тяжелыя минуты отечества, о чемъ свидѣлствуютъ съ сожалѣніемъ и всѣ современники той памятной для Россіи эпохи.

Сдѣвъ 12 (24) мая 1812 года начальство надъ Дунайскою арміею адмиралу Чичагову, графъ Кутузовъ, послѣ формальнаго подписанія имъ Бухарестскаго мирнаго трактата, уѣхалъ отсюда прямо въ свое помѣстье—Горошки, Вольнской губерніи ⁷⁵.

По отъѣздѣ графа Кутузова, Павелъ Васильевичъ энергично принялся за довершеніе формальностей по мирному трактату съ Турціею и устройствомъ дѣлъ въ княжествахъ. Въ теченіе первыхъ же трехъ мѣсяцевъ дисциплина въ войскахъ была восстановлена, развившееся грабительство ими въ край искоренено; обременительно отзывавшіеся мѣстные поземельные налоги были отменены и удовлетворенное населеніе княжествъ съ большимъ довѣреніемъ и сочувствіемъ начало относиться къ новымъ порядкамъ справедливой русской власти. Точно также, адмиралъ озабочился введеніемъ правильной администраціи въ новопріобрѣтенныхъ нами по трактату владѣніяхъ, состоявшихъ изъ части земель Молдавіи и Бессарабіи, съ новою границею по рѣкамъ Пруту и Дунаю.

Между тѣмъ, получивъ еще отъ Кутузова извѣстіе о нача-

⁷⁵ По полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ графъ М. И. Кутузовъ отправился въ Петербургъ, гдѣ первоначально былъ избранъ дворяствомъ въ начальники С.-Петербургскаго ополченія и тогда Государемъ поручаема ему защита сѣверной столицы. Вслѣдъ за тѣмъ, въ награду его заслугъ въ Турціи, Императоръ Александръ пожаловалъ его 29 іюля 1812 года въ російскіе князья съ титуломъ свѣтлости. Наконецъ, согласно народному желанію, 8 августа 1812 года состоялось назначеніе князя Кутузова главнокомандующимъ войнъ дѣйствующими противъ Наполеона арміями (см. рескриптъ князю Кутузову по этому случаю—Богдановичъ, т. III, стр. 267).

тыхъ и въ переговорахъ съ Турками и о несомнѣнности столь необходимаго прекращенія войны съ Портою, Императоръ Александръ, въ письмѣ своемъ къ Чичагову изъ Вильны, отъ 2-го мая 1812 года, выражалъ слѣдующія мысли:

«Если обиданный графомъ Кутузовымъ миръ будетъ подписанъ, то мы, при настоящихъ обстоятельствахъ, приобретаемъ, безспорно, значительныя выгоды. Но не должно также скрывать отъ себя и того, что такой миръ имѣетъ и свои большыя неудобства. Генералъ Кутузовъ совершенно упустилъ изъ виду одну весьма важную сторону—это то, что вмѣстѣ съданными нами уступокъ слѣдовало обусловить и къ заключенію съ Турціею наступательнаго и оборонительнаго союза. Одинъ лишь такой союзъ можетъ вознаградить насъ за тѣ затрудненія, которыя возникнутъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Сербамъ и другимъ славянскимъ народностямъ, отношеніяхъ чрезвычайно важнымъ для насъ, особенно въ настоящее время. А потому, еслибы представилась возможнымъ выманить какъ-нибудь у Порты согласіе на подобный союзъ и склонить ее къ содѣйствію намъ чрезъ Сербовъ и славянскихъ населеній противъ Франціи съ ея союзниками, то не слѣдуетъ ничего упускать для достиженія такой цѣли. При этомъ не забывайте также и того, что отъ Турокъ можно добиться чего-либо отнюдь не снисходительностію, которую они считаютъ за слабость, полагая, что въ нихъ имѣютъ силу; достигъ отъ нихъ желаемого можно только разясненіемъ имъ опасности, явной или хотя бы вымышленной, но такой которая вселила въ нихъ страхъ или опасеніе для себя. Въ эдиктѣ свидѣльствъ вамъ можетъ пригодиться инструкция прочитанная имъ г. Тавашемъ, шведскимъ представителемъ въ Россіи; заслѣдныи принцъ Шведскій сообщилъ Портѣ планъ Наполеона, основанный на документахъ, полученныхъ имъ, по старымъ связямъ, отъ окружающихъ французскаго императора лицъ, достаточно знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ. Планъ Французовъ, по свидѣтельству принца, заключается въ томъ, чтобы нанести быстрый ударъ Россіи и принудить ее къ всеобщему миру, обдавъ въ то же время выставить 100 т. вспомогательнаго войска; съ такою массою, присоединенною къ арміи французской, Наполеонъ тотчасъ двинется противъ Турціи, для того, чтобы овладѣть Константинополемъ и основать тамъ, предположенное имъ, восточное государство, которое она намѣревается присоединить, подъ своимъ владычествомъ, къ западному. Одновременно съ этимъ нападе-

«емъ, французскія войска, находящіяся въ Италіи, Иллиріи и на «Ионическихъ островахъ, будутъ посланы въ Египетъ, гдѣ французскому завоевателю непременно желательно возстановить ту «власть, которая имъ до того была установлена». Накоонецъ, въ «сообщеніи указывается также на предположеніе Наполеона на- «справить отъ Константинополя какъ свои, такъ и вспомогатель- «ныя войска въ Бенгалію, черезъ Малую Азію, съ тѣмъ чтобы «нанести тамъ ударъ могуществу Англии.

«Судя по этому обширному плану, по которому Наполеономъ «рѣшено окончательное разрушеніе Турецкой имперіи, вы усмот- «рите, писалъ Александръ Павловичъ къ Чичагову, — что такое «предостерегательное сообщеніе можетъ быть далеко не безвред- «нымъ для васъ. Пользуясь впечатлѣніемъ, которое должно про- «извести на Турцію подобное разоблаченіе, вамъ, можетъ-быть, съ «большимъ успѣхомъ удастся склонить Порту на союзъ наступа- «тельный и оборонительный съ Россіею; не измѣняя сущности «общаго плана нашего, старайтесь убѣдить Турцію согласиться «выставить для насъ вспомогательное войско изъ Сербовъ, Босня- «сковъ, Кроатовъ и другихъ христіанскихъ народовъ. Предложеніе «свое вы представите Поркѣ, какъ средство сбереженія мусуль- «манской крови.

«Полномочіе на заключеніе съ Портою союзнаго трактата, «Мною къ вамъ отправлено.

«Мнѣ довольно трудно теперь опредѣлить вамъ съ точностію «время начатія нами военныхъ дѣйствій противъ Французовъ; вѣ- «роятно они не замедлятся, потому что Наполеонъ выѣхалъ уже «изъ Парижа и долженъ теперь находиться въ Дрезденѣ, или даже «въ Берлинѣ; но я буду васъ своевременно извѣщать о всемъ здѣсь «происходящемъ.

«Что же касается до операціоннаго плана противъ Австрій- «цевъ, то мы ничего другаго сдѣлать не можемъ, какъ только «выставить противъ нихъ армію генерала Торماسова, по линіи «между Лембергомъ и Киевомъ, для воспрепятствованія вторженію «нихъ въ наши предѣлы. Ежели удовлетворительный для насъ миръ «съ Турціею позволитъ намъ располагать командуемою вами ар- «міею, то вамъ надо будетъ идти на Буковину, а оттуда двинуться «на флангъ австрійскихъ войскъ, на случай нападенія ими на войска «генерала Тормасова. Въ случаѣ если вы добьетесь содѣйствія для «насъ со стороны Турокъ, то можно будетъ попытаться на втор- «женіе далѣе—во внутрь Австрійской имперіи, а именно въ Трап-

«сильванію, или даже въ Банатъ. Это будетъ зависѣть тогда отъ «вашихъ собственныхъ соображеній, отъ мѣстности и отъ того, «главное, что вы получите отъ Турокъ, а также удастся ли вамъ «воспользоваться послѣдствіями недовольства, которое проявится «въ Венгріи. Ежели вамъ будутъ предстать дѣйствія въ Букови- «нѣ, то въ такомъ случаѣ придется подчинить вамъ и Подолю, «что я и думаю сдѣлать».

Притиска. «Курьеръ готовился уже ѣхать, когда я получилъ «ваше письмо изъ Бухареста. Я нахожу всѣ наши распоряженія «вполнѣ хорошими» ⁷⁶.

Въ упоминаемое время наши дипломатическія дѣла на югѣ находились въ слѣдующемъ положеніи. Возбуждаемый извѣстіемъ Турецкій султанъ Махмудъ, при исполненіи условій трактата съ Россією, выразилъ крайнее недовольствіе по поводу истекавшихъ изъ него нѣкоторыхъ требованій, которыя были заявлены русскимъ военнымъ начальствомъ. Находя эти требованія унижительными для своей имперіи, также какъ и отказъ нашъ возвратитъ турецкія войска, плѣменные въ Слободзеѣ, Махмудъ готовъ былъ даже пристать къ партіи враждебной Россіи. Дѣйствуя, насколько возможно миролюбиво, Чичаговъ доносилъ по этому предмету Государю:

«Говорятъ, что мы у Турокъ взяли 200 пушекъ, между тѣмъ какъ, въ сущности, оказывается всего 50, изъ которыхъ большая часть въ самомъ дурномъ видѣ. На что намъ удерживать такое большое количество плѣнныхъ, содержаніе коней обходится для насъ очень дорого? Между тѣмъ, султанъ непремѣнно желаетъ, чтобы мы возвратили ему задерживаемыя войска его и такая уступка съ нашей стороны оказалась бы полезною, ибо привлекла къ нему расположеніе его собственнаго народа и благопріятно отозвалась для насъ самихъ. Мнѣ кажется, что въ настоящую минуту намъ не нуженъ ни наступательный, ни оборонительный союзъ съ Портою, лишь бы только Турки не мѣшали намъ. Мы можемъ потребовать отъ нихъ, взаменъ таковой уступки, согласія на продленіе нашего пребыванія въ ихъ предѣлахъ, для защиты общаго дѣла. Но если они упорно будутъ отказываться отъ принятія нашего предложенія, въ такомъ случаѣ надо будетъ положить на однѣ свои силы — Тормасовъ имѣетъ возможность со-

⁷⁶ Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1536 — 1539; Сб. Русскаго Историч. Общества, т. VI, стр. 67—73.

противляться Австрійцамъ, а у меня достаточно войскъ, чтобы сдерживать Турокъ и производить противъ нихъ разныя диверсіи»⁷⁷.

Въ отвѣтъ на это Императоръ Александръ писалъ 7 (19) іюня адмиралу:

«Я получилъ оба ваши доношенія отъ 17 и 27 мая и отвѣчаю вамъ на нихъ. Надѣюсь, что по полученіи ратификаціи отъ «визиря вы бросите мысль объ уступкѣ имъ какихъ-либо приоб-
рѣтений, слѣдующихъ намъ по трактату. Всякое снисхождение съ
«нашей стороны совершенно неумѣстно и даже, по мнѣнію моему,
«не принесетъ для насъ никакой пользы, такъ какъ Турки счи-
«таютъ такой образъ дѣйствій за признакъ слабости и боязни къ
«нимъ. Пожалуй, я вамъ разрѣшаю отдать имъ пушки и знамена,
«но лишь тогда, когда совершатся подписаніе и ратификація на-
«ступательнаго и оборонительнаго союза съ ними.

«Необходимо вамъ быть наготовѣ, такъ чтобы по первому
«приказанію Моему вы могли открыть военныя дѣйствія со сто-
«роны Босніи.

«Что касается Австріи, то надо поступать съ нею крайне
«осторожно. Вотъ положеніе дѣлъ по отношенію этого государ-
«ства.

«Австрія поручила передать мнѣ, что одна лишь крайняя не-
«обходимость, въ которую она поставлена своими собственными
«внутренними дѣлами, мѣшаетъ ей быть болѣе самостоятельнымъ
«съ Наполеономъ и вынудила ее подписать союзный съ нимъ
«трактатъ; но при этомъ, она удостовѣряетъ, что будетъ дѣйство-
«вать противъ насъ только съ условленными 30 тысячами войска,
«и если мы не будемъ атаковать ея съ другихъ сторонъ, то вой-
«на локализуется всего на одномъ пунктѣ; она ручается за спо-
«койствіе на прочихъ мѣстахъ границы нашей и обязывается не
«предпринимать никакихъ нападеній большими массами силъ сво-
«ихъ. Отозванному ею изъ Россіи кавалеру Лебцельтерну прика-
«зано было возвращаясь къ себѣ ѣхать на Вильно, чтобы лично
«завѣрить мнѣ исполненіе всѣхъ этихъ обѣщаній. Я отвѣчалъ на
«такія сообщенія, что мои дѣйствія будутъ согласованы вполне
«съ дальнѣйшими поступками Вѣнскаго Кабинета. По достовѣр-
«нымъ же свѣдѣніямъ, собраннымъ мною относительно Австріи,
«оказывается, что нападеніе съ нашей стороны на Трансильванію,

⁷⁷ Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1540.

«Банатъ и Венгрію сопряжено было бы для насъ съ большими затрудненіями, такъ какъ эта часть границъ защищена для Австрійцевъ своими природно укрѣпленными дефилеями, которыя дають имъ возможность, съ малочисленными войсками, отражать всякія усиленные атаки съ нашей стороны. По такимъ же свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что Венгерцы, въ силу существующей конституціи, возьмутся за оружіе и будутъ дѣйствовать противъ насъ лишь тогда, когда произведено будетъ нами прямое нападеніе на ихъ мѣстныя училища и народныя поселенія. Возможно было бы, какъ полагаютъ, заключить нейтральный договоръ съ Венгерскимъ королевствомъ, сославшись на то, что Россія подверглась нападенію со стороны Франціи дѣйствующей сообща съ Австріею; подобный договоръ избавилъ бы насъ отъ столкновенія съ такимъ воинственнымъ народомъ и лишилъ бы въ то же время Австрію самыхъ лучшихъ ея полковъ. Постарайтесь обратиться по этому предмету болѣе подробныя свѣдѣнія. Графъ Каподистрія поможетъ вамъ въ такихъ изысканіяхъ.

«По всѣмъ изложеннымъ даннымъ, мнѣ кажется, что лучше были бы, *чтобы ваши дѣяствія ограничились пока только поддержкою арміи Торماسова со стороны Буковины и диверсією, направленною черезъ Боснію и французскую Далмацію.* Вся эта мѣстность, по вышеупомянутымъ сообщеніямъ, считается у Австрійцевъ самымъ слабо укрѣпленнымъ пунктомъ. Если предполагаемая вами диверсія будетъ совершена съ этой стороны и окажется удачною, то мы положительно можемъ тогда надѣяться ослабить дѣйствія вѣнскаго правительства и парализировать тотъ вредъ, который оно можетъ намъ причинить.

«Разберите со вниманіемъ всѣ мои замѣчанія и, основываясь на нихъ, обсудите хорошенько дальнѣйшій образъ своихъ дѣйствій. Я нахожусь слишкомъ далеко отъ васъ, чтобы имѣть возможность каждый разъ направлять ваши намѣренія; ваша собственная предусмотрительность должна все предвидѣть.

«Какъ только начнутся у насъ военныя дѣйствія, я не замедлю извѣстить васъ обо всемъ съ особымъ курьеромъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ полученія отъ васъ оформленнаго трактата, чтобы благодарственнымъ о томъ молебствіемъ обрадовать всю Россію, ожидающую этой развязки съ неменьшимъ трепетомъ»⁷⁹.

13 (25) іюня адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ Государя из-

⁷⁹ Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1540—1543.

вѣщеніе объ открытіи, подъ Ковною, военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. При этомъ выражено было имъ безпокойство по случаю замедленія въ ратификаціи султаномъ Бухарестскаго трактата ⁷⁹.

Во исполненіе вышеприведеннаго наставленія Императора, П. В. Чичаговъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и отправилъ даже 18-го іюня часть своихъ войскъ изъ Бухареста къ Яссамъ. Самъ же онъ готовился также выступить вслѣдъ за ними съ остальными отрядами и донесъ Государю, что «армія, которою онъ имѣетъ честь предводительствовать, двинулась въ походъ и, наде полагать, въ 25 дней подойдетъ къ Днѣстру» ⁸⁰.

Но вслѣдъ за выступленіемъ передовыхъ отрядовъ Чичагова возникли разныя замѣшательства при окончательной ратификаціи султаномъ мирнаго договора, которыя грозили разрывомъ съ Порту. Поэтому, остановивъ дальнѣйшій походъ своихъ войскъ, адмиралъ долженъ былъ выжидать разрѣшенія препирательствъ. Онъ не только не страшился возможнаго разрыва, но напротивъ, ожидалъ радостно возможности ринуться на Константинополь — мысль составлявшая его завѣтную мечту.

Пререканія съ замѣшательствами въ переговорахъ были вызваны тогда настойчивыми проясками пословъ Франціи и союзныхъ съ Наполеономъ державъ, которые всѣми мѣрами старались возбудить опять Порту противъ Россіи. Одиный только шведскій представитель твердо держалъ въ то время сторону Россіи, энергически убѣждая султана, въ виду его же личныхъ выгодъ, не поддаваться ихъ влиянію и не отступать отъ состоявшагося уже мира.

Всѣ эти обстоятельства задерживали въ турецкихъ владѣніяхъ нашу Дунайскую армію и Чичаговъ поставленъ былъ противъ воли въ выжидательное бездѣйственное положеніе. Ему необходимо было дождаться результатовъ окончательнаго рѣшенія Турціи для того, чтобы не оставлять за собой неопредѣленныхъ отношеній съ нею. Происходившіе затѣмъ подъ руководствомъ энергическаго вождя нашего дальнѣйшіе переговоры имѣли наконецъ исполнѣ успѣшный исходъ, о подробностяхъ котораго Павелъ Васильевичъ успѣшилъ донести Государю, нетерпѣливо ожидавшему возможности скорѣйшаго присоединенія Дунайской арміи къ вой-

⁷⁹ Русскій Архивъ, 1870 г., стр. 1543.

⁸⁰ Русская Старина, 1877, т. III, стр. 35—76, 177—204, 353—365.

скамъ нашимъ, которыя уже вступили въ открытыи бой съ Наполеономъ, стоявшимъ со своимъ многочисленнымъ, разноплеменнымъ воинствомъ на твердыни Россійской Имперіи ⁸¹.

Со времени отъезда изъ Петербурга П. В. Чичагова непрерывно продолжалась самая оживленная переписка между нимъ и Императоромъ Александромъ, не перестававшимъ своевременно и собственноручно извѣщать адмирала о ходѣ кампаніи; онъ дѣлился съ адмираломъ своими мыслями, предположеніями, давалъ ему наставленія, сообщалъ ему свои, лично имъ составленные планы кампаніи, по которымъ происходила та памятная для Россіи борьба съ Наполеономъ I.

Интересъ всей этой переписки, освѣщающей вполне событія мнувшія, въ которыхъ игралъ не мало важную роль видный сподвижникъ Императора Александра — адмиралъ Чичаговъ, даетъ и намъ возможность привести здѣсь часть ея содержанія какъ для уясненія отношеній существовавшихъ между Государемъ и его довѣреннымъ лицомъ, такъ и для объясненія нѣкоторыхъ дѣйствій послѣдняго, столь мало оцѣненного еще умнѣйшаго русскаго дѣятеля.

6 іюля 1812 года Императоръ Александръ писалъ Чичагову, что дѣла наши идутъ недурно. «Наполеонъ располагалъ уничтожить насъ подъ Вильною», говорилось въ письмѣ Государя, «но согласно принятому нами образу дѣйствій — не подвергать себя напрасно опасности въ столкновеніи съ превосходными силами и вести войну медленную, постоянно маневрируя — мы отступаемъ шагъ за шагомъ, а въ то же время князь Багратионъ подвигается со своею арміею незамѣтно въ обходъ, на правый флангъ неприятеля. Вскорѣ мы надѣемся дѣйствовать наступательно. Постарайтесь, какъ только возможно вамъ, не упускать случая достигнуть главной цѣли, а именно — сколь можно болѣе вредить нашему народному врагу ⁸².

Между тѣмъ, томаясь въ бездѣйствіи и ожидая завершения мирнаго дѣла, которое упорно затягивалось, вслѣдствіе того, что султанъ Махмудъ медлилъ ратификаціею Бухарскаго трактата, адмиралъ Чичаговъ рвался идти прямо на Оттоманскую столицу. Но

⁸¹ См. Письма П. В. Чичагова къ Императору Александру Павловичу, съ подробнымъ изложеніемъ замѣшательства и хода переговоровъ съ Оттоманскою Портою—Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. VI, стр. 1—67.

⁸² Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1544.

не рѣшаясь на такое предпріятіе своею собственною властію, онъ писалъ 29 іюня Императору:

— «Мнѣ необходимо, чтобы ваше величество соизволили положить предѣлъ нашей снисходительности въ отношеніи Турокъ. Сколько времени я долженъ зависѣть отъ своенравія ихъ? Миръ этотъ въ настоящее время былъ бы намъ полезенъ уже потому, что онъ произведетъ благопріятное дѣйствіе на умы какъ русскаго народа, какъ и нашихъ враговъ. Но для задуманнаго Вами плана задержка въ установленіи мира связываетъ насъ и заставляетъ терять драгоцѣнное время. Надо принять этотъ миръ какъ временную сдѣлку, которая имѣла уже хорошее дѣйствіе на непріятеля и можетъ оказаться еще болѣе полезною для насъ, когда дойдетъ до новаго разрыва съ Турками. Въ виду совершающихся здѣсь замедленій, я считаю упорство Турокъ помѣхою нашихъ предположеній; но чтобы не терять времени, я буду дѣйствовать такъ, какъ будто бы союзъ уже заключенъ. Пусть Турки остаются недовольны этимъ, но лучше досадить имъ, чѣмъ связать себя и оставлять всю армію въ бездѣятельномъ положеніи. При этомъ, могу почти завѣрить Ваше Величество, что разрывъ съ ними не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій на духъ русскаго народа, потому что онъ узнаетъ объ этомъ событіи лишь тогда, когда я буду на полпути къ Константинополю. Остается мнѣ ждать только на это Вашего разрѣшенія». ⁸³

— «Я только что собирався послать къ вамъ отвѣтъ на извѣщеніе ваше отъ 26 іюня, писалъ 18 іюля Государь адмиралу, какъ получилъ вашу депешу отъ 29 іюня. Я хотѣлъ было вполне одобрить ваши предположенія, предпринятые вами до 26 іюня и дать вамъ полную волю дѣйствовать по своему усмотрѣнію; но, признаюсь, письмо ваше отъ 29 числа привело въ крайнее замѣшательство насчетъ испрашиваемаго вами разрѣшенія. Вашъ планъ очень обширный, смѣлый, но можно ли ручаться за успѣхъ онаго? А между тѣмъ, мы отнимаемъ у себя возможность совершить болѣе необходимую для насъ диверсію противъ оттакающаго насъ врага и вообще на долгое время отлагаемъ содѣйствіе всѣхъ командуемыхъ вами войскъ, въ случаѣ ежели бы вы направили ихъ на Константинополь. Не говоря уже объ общемъ впечатлѣніи, какъ на нашихъ соотечественниковъ, такъ и на союзниковъ нашихъ—

⁸³ Тамъ же, стр. 1545.

«Англичанъ и Шведовъ, которые будутъ встревожены подобнымъ движеніемъ, не навлечемъ ли мы себѣ этимъ новыя, напрасныя затрудненія? Когда Австрійцы, у которыхъ въ настоящее время стоятъ на полѣ всего 30.000 войска, узнаютъ, что Оттоманской Имперіи грозитъ явная опасность по отношенію ея самобытности, что не будутъ ли они вынуждены, если не по собственному побужденію, то, конечно по настоянію Императора Наполеона, выставить противъ насъ болѣе значительныя силы для воспрепятствованія исполненію нашихъ грозныхъ предпріятій. Съ вступленіемъ ихъ армій, по этому должно, въ Молдавію и Валахію, сообщенія ваши будутъ прерваны и тогда, войска, съ которыми пойдете на Константинополь, окажутся въ большемъ затрудненіи, шибѣ позади себя непріятельскія арміи.

«Диверсія, которую, согласно письму вашему отъ 29 іюня, вы желали бы принять, встрѣчаетъ теперь, какъ мнѣ думается, слишкомъ много препятствій, и ихъ то надо избѣгать, ограничиваясь болѣе соответствующимъ ходомъ дѣлъ шагами, не менѣе полезными для насъ по своимъ результатамъ. Я полагаю, что произведя разсѣньи ратификацій, вамъ надо удовольствоваться пока такимъ, хотя бы и временнымъ, миромъ, не требуя болѣе отъ Турціи, предполагавшагося прежде союза, и двинуть послѣшно все войска ваши черезъ Хотинъ и Каменецъ-Подольскъ къ Днѣпру. Здѣсь, вы будете усилены арміею Тормасова, которому я отдалъ приказаніе сдать вамъ начальство надъ нею и назначу его начальствующимъ въ Кіевъ. Имѣя такую большую армію, состоящую изъ 7-ми или 9-ти дивизій, вы пойдете противъ всего, что встрѣтите передъ собою, прямо къ Варшавѣ; этимъ движеніемъ вы сдѣлаете диверсію весьма полезною для первыхъ двухъ нашихъ армій, противъ которыхъ стоятъ теперь громадныя силы Наполеона.

«Я думаю, что слѣдуетъ избрать одинъ изъ двухъ плановъ: или произвести диверсію къ сторонѣ Далмаціи и Адриатическаго моря; или же идти черезъ Подольскъ, на Варшаву. Дѣло съ Константинополемъ можетъ быть выполнено въ послѣдствіи. Когда дѣла наши противъ Наполеона примутъ благопріятный для насъ оборотъ, то мы можемъ всегда приступить къ исполненію вашего плана противъ Турокъ. Но рѣшиться на него въ такой критическій моментъ, когда намъ и безъ того предстоитъ борьба съ болѣе тяжелыми затрудненіями и громадными непріятельскими силами, мнѣ кажется, было бы слишкомъ рискованнымъ. Все вниманіе ваше въ настоящее время должно быть устремлено исклю-

«читательно на то, чтобъ сдѣлать обходное движеніе въ тылъ главнаго нашего врага; или же берегомъ Адриатическаго моря приблизиться къ Тиролю и Швейцаріи, а оттуда идти къ центру Германіи, даже до Границъ Франціи; можно также направиться прямо черезъ Герцогство Варшавское, уничтожая все учрежденное тамъ непріателемъ и лишая его тѣхъ средствъ, которыми онъ пользуется изъ Края оставшагося у него въ тылу. Предоставляю вамъ самимъ на выборъ одинъ изъ этихъ плановъ. Пишу къ Ришелье (въ Одессу), чтобы онъ во всемъ исполнялъ ваши распоряженія.

«Что касается до нашихъ событій здѣсь, то вотъ уже мѣсяцъ какъ мы воюемъ и Наполеону не удалось еще нанести намъ ни одного рѣшительнаго удара, что имъ обыкновенно дѣлалось на четвертый, или даже на третій день въ своихъ прежнихъ походахъ.

«Мы совершенно въ цѣлости и во всѣхъ отдѣльныхъ стычкахъ постоянно беремъ верхъ надъ непріятельскими отрядами. Мы ведемъ войну выжидательную, потому что противъ превосходныхъ силъ и системы Наполеона—быстро оканчивать войну—это единственное средство къ успѣху на которое мы можемъ еще надѣяться». ⁸⁴

Вслѣдъ за тѣмъ, Императоръ Александръ писалъ адмиралу Чичагову 30 іюля:

— «Твердо рѣшившись продолжать войну до послѣдней крайности, я долженъ былъ подумать и о составленіи новыхъ резервныхъ силъ. Въ этихъ видахъ я ѣздилъ на нѣсколько дней въ центръ своей Имперіи, чтобы ободрить умы и подготовить страну, можетъ быть, къ большимъ пожертвованіямъ на святое дѣло, за которое Мы бьемся. Результатъ поѣздки превзошелъ всѣ мои ожиданія. Смоленскъ предложилъ мнѣ 15 т. ратниковъ, Москва—80 т., Калуга—23 т. человекъ. Безпрерывно получаю подобныя же извѣщенія и изъ другихъ губерній. Между тѣмъ долженъ сказать, что дѣйствующія войска наши далеко еще не разстроены. Въ бытность Мою въ Смоленскѣ, мнѣ доставленъ отъ васъ ратификованный трактатъ мира съ Турціею.

«Болѣе чѣмъ когда-нибудь я настаиваю теперь на выполненіе того, что уже излагалъ вамъ въ своихъ послѣднихъ письмахъ. Всѣ стремленія наши должны быть направлены къ тому, чтобы

⁸⁴ Тамъ же, стр. 1546—1549.

«использовать все наличные наши воинские силы против главного врага, с которым мы боремся в настоящую минуту. Действуйте по тому плану, который я вам начертал и поспешно идите со всеми вашими войсками на Днѣстръ, а оттуда на Дубно. Тамъ вы будете усилены всею арміею генерала Тормацова и корпусомъ герцога Ришелье; подобное подкрѣпленіе составитъ армію изъ 8-ми или 9-ти дивизій пѣхоты и изъ 4-хъ или 5-ти кавалеріи; съ такими силами вы можете предпринять наступленіе на Пиискъ, или на Люблинъ и Варшаву. Это движеніе со стороны вашей несомнѣнно поставитъ Наполеона въ крайне затруднительное положеніе и можетъ дать совершенно иной оборотъ его дѣйствіямъ.»⁸⁵

Отказавшись, хотя и невольно, отъ своихъ замысловъ противъ Турціи, адмиралъ все-таки не покидалъ мысли, какъ видно изъ писемъ его, о будущности русской политики на востокъ, руководствуясь этими стремленіями, онъ представилъ Императору Александру планъ учрежденія русскихъ консульствъ въ разныхъ мѣстахъ турецкихъ владѣній, и проектъ его удостоился Монаршаго одобренія.

Устроивъ администрацію въ княжествахъ, адмиралъ Чичаговъ оставилъ г. Стурдзѣ инструкцію, касающуюся управленія доставшейся Россіи по Бухарскому трактату, Бессарабію и при этомъ высказалъ ему свой взглядъ въ такихъ выраженіяхъ: «завѣдуя Бессарабію, вы должны стараться положить основаніе прочному административному строю въ краѣ. Обезпечивайте мѣстнымъ жителямъ право владѣнія, облегчайте возможность приобрѣтенія тамъ земель со стороны желающихъ поселиться въ нашихъ владѣніяхъ. Общественныя мѣста должны быть замѣщаемы вами со строгою справедливостію; добросовѣстность правительственныхъ лицъ должна заставить населенія забыть о прежнемъ отсутствіи всякой правды и законности. Доставьте жителямъ Бессарабіи благо отеческой, разумной администраціи. Обратите искуснымъ образомъ вниманіе сосѣдственныхъ народовъ на край, которому вами дано будетъ благоденствіе. Послѣдняя война подавала большія надежды христіанскимъ населеніямъ Турціи на присоединеніе къ намъ, а потому, въ настоящее время, когда наша армія будетъ далеко оттуда, позаботьтесь о сохраненіи ихъ привязанности къ намъ и оградите ихъ отъ вліянія всякихъ враждебныхъ намъ элементовъ. Болгары, Молдаване, Валахи, Сербы ищутъ себѣ отечества — отъ васъ будетъ за-

⁸⁵ Тамъ же, стр. 1549—155.

вѣсть внушить имъ убѣжденіе, что они найдутъ его подѣ вашими благоразумнымъ управленіемъ». ⁸⁶

Лишь только состоялась окончательная ратификаціѣ султаномъ мирнаго договора, адмиралъ Чичаговъ, съ грустію отвращая свои взоры отъ водъ Босфора, 3 (15) августа выступилъ со всею своею арміею изъ княжествъ и направился къ указанному ему Императоромъ пункту. Пройдя Фокшаны и Яссы, слѣдуя потомъ чрезъ Каменецъ-Подольскъ, онъ перешелъ 18 (30) августа Днѣстръ, въ Хотинъ и 2 (14) сентября настигъ на р. Стыри, въ Луцкѣ, генерала Торماسова, который отбивался тамъ отъ австрійскихъ войскъ генерала князя Шварценберга.

По свидѣтельству современныхъ очевидцевъ, адмиралъ Чичаговъ привелъ изъ Молдавіи свою армію въ наилучшемъ видѣ. ⁸⁷

Четыре дня спустя по вступленіи своемъ въ Луцкъ, Павелъ Васильевичъ получилъ увѣдомленіе о назначеніи князя М. И. Кутузова главнокомандующимъ всеми дѣйствующими въ Имперіи арміями—распоряженіе, которое ставило адмирала въ полную зависимость отъ новаго, недружелюбнаго ему полководца.

Извѣщая объ этомъ, Императоръ Александръ Павловичъ писалъ Чичагову, «что послѣ допущенныхъ нашими военачальниками «безчисленныхъ ошибокъ, которыя вызвали совершившіяся перемѣны, *le général Koutousoff était le seul des généraux que j'avais sous la main et la voix publique l'appellait a cette destination*». ⁸⁸

Довольный вообще распоряженіями адмирала Чичагова въ оставленномъ имъ краѣ, Императоръ Александръ въ письмѣ къ нему отъ 5 сентября 1812 года говоритъ:

— «Не нахожу словъ для выраженія вамъ того, насколько доставили мнѣ удовольствія чувства выраженные вами въ послѣднемъ письмѣ. Вы знаете мою дружбу къ вамъ, которая никогда не измѣнялась ни при какихъ обстоятельствахъ. Буду отвѣчать теперь на различные пункты вашихъ писемъ, требующихъ моего разрѣшенія.

«Организацію, установленную вами въ Бессарабіи признаю «превосходною и рѣшительно не вижу надобности дѣлать въ ней

⁸⁶ Тамъ же, стр. 1550—1551.

⁸⁷ Н. О. Дубровинъ, стр. 234.

⁸⁸ Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, 1862 p. 124—«генералъ Кутузовъ былъ единственнымъ военачальникъ котораго онъ имѣлъ подѣ руками и котораго общественный голосъ призывалъ на какой постъ».

«какія бы то ни было измѣненія. Я надѣюсь, что благодаря заботамъ вашимъ и г. Стурдзю, крайне восчувствуетъ благопріятную для себя переѣзду, будетъ вполне счастливымъ. Присланная вами меморія относительно жителей Молдавіи, живущихъ владѣнія на обоихъ берегахъ Прута, очень разумца и я апробую ваше расположеніе въ полномъ его составѣ. Но чѣмъ не могу я достаточно нахвалиться—это образъ дѣйствій вашихъ по отношенію къ Сербовъ. Вызванная вами преданность къ намъ этого народа, составляетъ истинную услугу, оказанную вами какъ Россіи, такъ и Мнѣ.⁸³

Перейдемъ теперь къ описанію появленія адмирала П. В. Чичагова на другой аренѣ дѣйствій, въ памятную эпоху событій отечественной войны 1812 года.

Съ приближеніемъ арміи адмирала Чичагова, австрійскій генералъ князь Шварценбергъ пересталъ тревожить войска генерала Торماسова и отступилъ къ Брестъ-Литовску, куда пошелъ за нимъ въ догоню адмиралъ со своими отрядами⁸⁴. Соединенными силами Чичагова и Торхасова начались тогда наступательныя дѣйствія противъ Австрійцевъ и Саксонцевъ, союзниковъ Наполеона, съ цѣлю отбросить ихъ за нашу границу, или по крайней мѣрѣ, выгнать изъ Волыни.

Перейдя черезъ р. Стырь дни настигли князя Шварценберга близъ Брестъ-Литовска и дружными движеніями старались вызвать его на бой; но австрійскій военачальникъ предпочелъ уклониться отъ вызова и отступилъ 9 сентября за р. Бугъ.

Въ то время какъ нашими двумя военачальниками дѣлались приготовленія къ дальнѣйшему движенію обѣихъ армій, 17 сентября прибылъ въ главную квартиру адмирала Чичагова флигель-адъютантъ Императора, А. И. Чернышевъ, съ новымъ планомъ кампаніи, который Императоръ Александръ I сообщалъ ему чрезъ посредство главнокомандующаго всѣми арміями князя Кутузова. Въ полученныхъ наставленіяхъ, данныхъ на имя адмирала Чичагова, за подписью самого Императора, было сказано:

— «Отдаленіе непріятельскихъ силъ за Днѣпръ, приготовленные и уже соединенные тамъ способы наши, бывъ достаточны для занятія и пораженія ихъ, даютъ намъ возможность сдѣлать сильное на впаденіе въ тылъ непріятеля и дѣйствовать на его опе-

⁸³ Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, 1862, p. 120—126.

⁸⁴ Н. О. Дубровинъ, стр. 166, 168, 170—171, 179.

«раціонную линію: отъ сѣвера черезъ Двину въ губерніи Виленскую и Минскую, двумя арміями — графа Штейнгеля и графа Витгенштейна; отъ юга, въ губерніи Гродненскую и Минскую, тоже двумя арміями, одною бывшею Тормасова, а другою состоящею подъ вашимъ предводительствомъ. Отъ влагаемаго здѣсь общаго на врага наступленія послѣдовать должно освобожденіе и спасеніе Россіи. Еслибы на столь великомъ пространствѣ всѣ части вообще и каждая особенно не шли къ предметамъ, имъ опредѣленнымъ сообразно видамъ и къ лучшему успѣху цѣлаго, тогда и наиболее полезнѣйшее предпріятіе могло бы обратиться въ предосужденіе. Всякое не единовременное движеніе войскъ нашихъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, можетъ произвестъ не иное что, какъ утрату людей, безъ важныхъ послѣдствій, если оно будетъ только отдѣльное, а не всеобщее и сообразное съ цѣлымъ и со всеми другими отдѣльными частями, да и то такъ исполнено, чтобы повсюду дѣйствія совершаемы были даже въ опредѣленное время и къ опредѣленнымъ пунктамъ. Итакъ, при общихъ усиліяхъ и при облегченіи другъ друга, самые успѣхи содѣлаются несомнительны, да и послѣдствія будутъ полезнѣе и важнѣе. Намъ, конечно, слѣдуетъ пользоваться отдаленіемъ главныхъ силъ непріятеля, для возстановленія разорванныхъ нашихъ сообщеній». Въ этихъ видахъ, съ одной стороны, графъ Витгенштейнъ и графъ Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ должны были дѣйствовать противъ корпусовъ маршаловъ Макдональда, Удино и Сенъ-Сира, а съ другой, армія бывшая Тормасова—сдерживать корпуса Шварценберга и Ренье по дорогѣ отъ Пружанъ до Слонима, до тѣхъ поръ, пока Дунайская армія не достигнетъ Минска. «Отсюда» — сказано было далѣе въ наставленіи Чичагову—«бывъ закрыты движеніями бывшей арміи Тормасова, стремительно должно вамъ броситься черезъ Несвижъ до Минска, и тѣмъ отрѣзавъ Шварценберга и Ренье отъ главной непріятельской арміи, тогда же соединиться въ одну сторону съ бывшею арміею Тормасова, между Смоленскомъ и Несвижемъ, дабы войска Шварценберга и Ренье отъ Мясской губерніи тѣмъ еще болѣе совершенно и конечно отрѣзаны были, а въ послѣдствіи и въ другую сторону; черезъ Минскъ, также соединиться съ графомъ Витгенштейномъ. въ одно и то же время присоединивъ къ себѣ въ Минскъ корпусъ изъ Мозыря, такъ, чтобы, при неразрывномъ соединеніи всѣхъ силъ нашихъ въ Литвѣ, могли быть опрокинуты и принуждены обратиться: саксонцы въ герцогство Варшав-

«ское, цесарцы въ Галицію, пруссаки и виртембергцы за Нѣманъ, а французы искоренены до послѣдняго».

Адмиралу Чичагову были сообщены при этомъ списки съ наставленій, данныхъ всѣмъ другимъ начальникамъ войскъ и къ *непрелѣтному исполненію* его предписывалось:

— «Отъ Острога обратитъ Дунайскую армію на Пинскъ, гдѣ 25 сентября должно ей быть непременно, поелику одинъ изъ главныхъ усилѣховъ всей операціи есть: закрываясь движеніями Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренѣе и Шварценберга нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. Не позже какъ къ первому октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ, учредя сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му, октября усилить ее, если нужно, отрядомъ войскъ вашихъ, и тѣмъ поставить въ лучшую возможность сильно поразить и преслѣдовать Шварценберга и Ренѣе, выгоняя ихъ въ Галицію. Къ 9-му октября, наипозднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше, главныя силы ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, въ одну сторону займете рѣку Березину и Борисовъ, гдѣ должно укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по дорогѣ отъ Борисова до Бобра и укрѣпляя по всей дорогѣ сей всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, ступъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе; а въ другую—къ 15 октября, соединитесь съ графомъ Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши, какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. Занимая, такимъ образомъ, центръ соединенныхъ трехъ армій и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ графа Штейнгеля, между стѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, что предвидѣть нѣтъ возможности, и тогда по стремленію непріятели или на лѣвый флангъ, черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску—и наши три арміи соединиться должны для отраженія непріятели, или въ центрѣ, или на которомъ-либо флангѣ. Однимъ словомъ: вездѣ, гдѣ бы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда

«съ дѣятельностію и быстрою предупредая, по крайней мѣрѣ, въ равныхъ силахъ, удерживая такъ расположеніе войскъ нашихъ, чтобы не только въ непріятельскую главную армію изъ-за границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ оной курьеры или шпионы нигдѣ прокрасться не могли, и ни малѣйшая часть той главной непріятельской арміи, столь далеко зашедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесенными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походами, какіе еще понести можетъ,—безъ пораженія въ конецъ и совершеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могла. Наконецъ, если отраженный отъ Москвы непріятель покусится обратиться на Кіевъ или Петербургъ, то и тутъ отъ вашей центральной полиціи возможно успѣть обратиться въ ту или другую сторону, закрывая или Днѣпръ или Волховъ, и предупредить тамъ непріятеля, съ другой стороны всегда неотступно поражаемаго въ тылъ отъ главныхъ соединенныхъ армій нашихъ, подъ предводительствомъ князя Кутузова. До того же времени, бывъ тутъ въ неразрывномъ соединеніи и непрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми другими частями войскъ нашихъ, въ семъ положеніи ожидать должно, что произойдетъ въ главныхъ арміяхъ, и по тѣмъ происшествіямъ въ свое время безъ дальнѣйшихъ наставленій оставлены не будете».

Въ бывшую армію генерала Торماسова также было прислано наставленіе и ей велѣно къ 30-му сентября подойти къ Пружанамъ и скрывать отъ непріятеля движенія Чичагова отъ Пинска къ Несвижу, а потомъ разбить Шварценберга и Ренье и «отдалить ихъ такъ, чтобы, оставя только извѣстительные посты по рѣкѣ Шарѣ, отъ выдѣленія ея въ Нѣманъ, черезъ Слонимъ до Пинска, дать тѣмъ средство спокойно между Минскомъ и Докшицею соединиться графу Витгенштейну съ арміею Чичагова. Тогда вы армію свою поставьте при Несвижѣ, откуда равно наблюдать можете въ одну сторону до Шары, а въ другую до Бобруйска и до Березины, при Борисовѣ, оставаясь въ неразрывномъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ съ войсками въ Вильнѣ и Минскѣ»⁹¹.

Одновременно съ командированіемъ Чернышева къ Кутузову, а отъ него къ Чичагову, Императоръ Александръ послалъ къ ад-

⁹¹ Полное собраніе сочиненій Михайловско-Данилевскаго т. V, стр. 28 — 33; Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 47—50.

миралу обширное собственноручное письмо отъ 5 сентября. Въ немъ онъ наиболѣе изложилъ ему вообще свой взглядъ на военныя дѣйствія нашихъ армій до Бородинскаго сраженія и высказать свои вѣды относительно дальнѣйшаго плана военныхъ операций противъ Наполеона. Для выполненія составленнаго плана Государь Александръ Павловичъ прямо ставилъ П. В. Чичагова въ положеніе главнаго дѣйствующаго лица для рѣшительной борьбы съ врагомъ въ предѣлахъ Россійскихъ ⁹².

— «Я нахожу» — писалъ Государь Чичагову — «*est* ваши военныя соображенія какъ нельзя болѣе открыты ⁹³ и убѣждены, что съ умомъ и энергическимъ характеромъ, которыми одарила васъ природа, вы окажете важнѣйшія услуги отечеству и благому дѣлу (*à la bonne cause*). Говоря дажѣ, что наступило время совокупныхъ дѣйствій всѣхъ армій, находящихся въ тылу непріятели, Императоръ писалъ ему, что съ этою цѣлю онъ отправилъ полковника Чернышева, для сообщенія своихъ предположеній къ князю Кутузову; онъ отъ него поѣдетъ къ вамъ и сообщитъ ихъ. Я вовсе не предполагаю, чтобы все могло быть исполнено съ буквальной точностію; но это только основа (*canevae*), а ваше собственное благоразуміе вамъ укажетъ какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Я вызываю генерала Тормасова въ большую армію, основываясь на томъ, что князь Багратионъ раненъ. Вы примете подъ свое начальство его армію, которая сольется въ одно цѣлое съ вашею. Корпуса Эртеля и Сакена также войдутъ въ ея составъ и вы будете руководить ихъ дѣйствіями къ назначенной цѣли. Войска графа Витгенштейна передъ Полоцкомъ будутъ состоять изъ 45 тысячъ; Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ будетъ имѣть 35 тысячъ; вотъ уже 80 тысячъ, и ваша армія будетъ простираться до такого же количества, если не болѣе, такъ что 160 тысячъ окажутся въ тылу у Наполеона» ⁹⁴.

⁹² Должно, между прочимъ, упомянуть, что Императоръ Александръ Павловичъ не особенно жаловалъ, и даже не любилъ двухъ поставленныхъ имъ же главныхъ дѣятелей той эпохи — князя Кутузова и графа Ростопчина, одна лишь популярность которыхъ вынудила его уступить общественному голосу и дать имъ выдающія роли въ отечественной военной драмѣ 1812 года.

⁹³ Изъ этихъ выраженій можно вывести предположеніе, что П. В. Чичаговъ не переставалъ дѣлиться съ Государемъ своими взглядами на дѣло народной обороны, взгляды, которые и могли отчасти внушить Александръ Павловичу, начертанный имъ новый планъ кампаніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и намѣреніе вѣрить исполненіе такового своему довѣренному, разумному совѣтчику своему.

⁹⁴ Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 51. *Примѣчаніе*. Адмиралъ Чича-

Изъ приведеннаго видно, что весь планъ военныхъ операций отечественной войны 1812 года былъ обдуманъ и заблаговременно начертанъ самимъ Императоромъ Александромъ I, а имъ уже переданъ къ исполненію главнокомандующему всѣми арміями князю Кутузову. Составивъ, такимъ образомъ, самъ всѣ стратегическія распредѣленія и локализуя базисъ главнѣйшихъ дѣйствій съ нашей стороны противъ Наполеона, по неизбѣжномъ оставленіи имъ разоренной Москвы, Государь видимо отдавалъ предпочтеніе предъ Кутузовымъ адмиралу Чичагову, котораго поэтому и желалъ поставить, какъ главнаго дѣятеля, въ центрѣ всей военной дислокаціи, для того, чтобы, при благополучномъ исходѣ рѣшительнаго момента, предоставить ему, исключительно, право стяжать побѣдныя лавры, заслуживъ честь и славу отечественнаго избавителя.

Въ виду такого явнаго предпочтенія, естественно, что зрячій, хотя бы физически только на одинъ глазъ, и далеко не чуждый славолюбія, излюбленный народомъ предводитель — князь Кутузовъ — хорошо понималъ что его заставляютъ, въ ущербъ себѣ, свивать побѣдный вѣнецъ для другаго ему подчиненнаго — адмирала Чичагова. Слѣдовательно, при такихъ обстоятельствахъ, нельзя было и ожидать, въ сущности, чтобы онъ, легко уступая свои права, могъ съ полнымъ самоотверженіемъ принять на себя обязательную программу дѣйствій, которая, устраняя его вовсе отъ чести успѣха, предоставляла таковой всецѣло такому сопернику, къ коему глубоко затаилось еще и прежде недружелюбное, ревнивое чувство. Возбужденіе князя Кутузова усиливалось еще болѣе и тѣмъ оборотомъ, что, въ нарушеніе возложеннаго на него званія отвѣтственнаго главнокомандующаго всѣхъ войскъ, ему не давали даже присущаго должности права избирать способъ борьбы съ врагомъ, но дѣлались, мимо него, распоряженія, долженствовавшія исходить отъ его лица по отношенію подначальнаго ему командира одной части.

Утвердивъ своею подписью только наставленія, предназначенныя адмиралу Чичагову и отославъ ихъ къ князю Кутузову, Им-

говъ—въ своихъ запискахъ — считаетъ не совсемъ вѣрнымъ это численное указаніе собиравшейся подъ его начальство арміи. Свидѣтельствуя о своемъ выступленіи изъ Бухареста только съ 35 тысячами войска, цифра арміи генерала Торماسова опредѣлена имъ всего въ 23 т. строевыхъ чиновъ.

ператоръ Александръ, какъ бы въ разъясненіе оказываемаго имъ предпочтенія, 31 августа писалъ главнокомандующему:

— «Изъ даннаго мною плана вы усмотрите, что главныя дѣйствія предполагается произвести арміею адмирала Чичагова, (а потому слѣдуемое ему на сей случай повелѣніе доставляю къ вамъ за Моею подписью)»⁹⁵.

При такихъ обстоятельствахъ можно было, кажется, уже и тогда предвидѣть и предречь извѣстное отклоненіе въ теченіи ожидаемыхъ событій. По отношенію князя Кутузова, намъ кажется, что при его гордой, самолюбивой и злопамятной натурѣ, нельзя было и надѣяться на полное самоотверженіе съ его стороны; напротивъ и тогда надо было уже полагать, что онъ не дастъ спокойно вырвать изъ рукъ своихъ несомнѣнно ожидаемая лавры и не станетъ второстепеннымъ лицомъ въ такихъ успѣхахъ, честь которыхъ могла и должна была всецѣло принадлежать, по праву, ему, первенствующему военачальнику. Вопросъ заключался только въ томъ, насколько искусно онъ устранилъ своего соперника и пожилъ самъ честь подготовленную для другаго.

Рѣшившись отозвать генерала Торماسова отъ командованія арміею, Императоръ Александръ поручилъ это князю Кутузову въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Важность предстоящихъ обстоятельствъ заставляетъ меня «обратить вниманіе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ руководствовалъ 3-ею западною и Молдавскою арміями. Изъ двухъ, я, по искренности съ вами, признаю способности адмирала Чичагова, по рѣшимости его характера. Но не хочу я огорчать генерала Тормасова, весьма уважаемаго мною»⁹⁶.

И такое распоряженіе, ставившее адмирала Чичагова на вѣрный путь успѣха, не могло быть благопріятно встрѣченно со стороны главнокомандующаго князя Кутузова, который ревниво отнесся къ предпочтенію подчиненнаго ему лица, выдвигаемаго Государемъ. Но приходилось вышше покориться обстоятельствамъ и скрыть до времени личныя ощущенія оскорбленнаго самолюбія, которыхъ не могъ не испытывать волею народною указанный полководецъ всѣхъ русскихъ армій.

Къ сожалѣнію даже въ такое время бѣдствій, какъ въ отечественную войну 1812 г., хитрый князь Кутузовъ не могъ отрѣ-

⁹⁵ Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 50.

⁹⁶ Тамъ же, стр. 52.

шиться отъ эгоистичнаго чувства подбужденности къ П. В. Чичагову и ревности къ предназначенной самимъ Государемъ важной роли адмиралу и не могъ принести въ жертву свои личные виды для блага общаго дѣла, что, какъ увидимъ далѣе, не только отразилось въ послѣдствіи на судьбѣ Чичагова, но и повліяло на исходъ кампаніи, которая по строго обдуманному плану должна была окончатся блестящимъ плѣненіемъ Наполеона I.

Согласно повелѣнію Императора, князь Кугузовъ, хотя и отозвалъ 24 сентября генерала Торماسова отъ командованія 3-ею западною арміею, которая переходила подъ начальство адмирала Чичагова; но вмѣстѣ съ тѣмъ не оповѣстилъ приказаніемъ ни по слѣдующему, ни командировъ отдѣльныхъ ея частей о совершающемся переходѣ власти.

Въ силу только предыдущихъ извѣщеній Государя, П. В. Чичаговъ вступилъ въ командованіе двумя соединенными арміями, подъ наименованіемъ западной. 9 октября онъ писалъ Императору Александру изъ Брестъ-Литовска:

«Я получилъ инструкціи Вашего величества, касающіяся плана военныхъ дѣйствій, столько же обширнаго, какъ и важнаго. Какъ военный, я считаю особою честью и глубоко чувствую этотъ знакъ вашего довѣрія; но какъ человѣкъ, преданный вамъ не по приказу только, а по чувству, самому чистому, глубокому и искреннему, не могу видѣть безъ крайняго огорченія, какъ способы и формы, употребленія для приведенія въ исполненіе самыхъ лучшихъ вашихъ намѣреній, всегда оказываются или ошибочными или недостаточными. Намѣренія вашего величества, въ этомъ послѣднемъ планѣ дѣйствій, заключаются въ томъ, чтобы соединить власть въ одномъ лицѣ, сосредоточить силы и, сколько возможно, сохранить единство для достиженія цѣли; но во всѣхъ полученныхъ мною сообщеніяхъ и предписаніяхъ ни разу нигдѣ не сказано, что начальство надъ этими арміями и соединенными корпусами будетъ поручено мнѣ. Все что относится до мысли о командованіи, изложено такъ неопредѣленно, такъ не умѣстно многорѣчиво, что съ перваго же шага генералъ Тормасовъ не считъ себя въ правѣ передать мнѣ свою армію. Я рискую встрѣтить то же сопротивленіе и въ начальникахъ всѣхъ корпусовъ, ибо ни одному, не сказано, что онъ будетъ находиться подъ моимъ начальствомъ, но выражено только, приказаніе, чтобы мы сговорились о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, желаемое вами единство начинается размноженіемъ властей. Далѣе, ваше величество изволите требо-

вать величайшей точности въ исполненіи плана; каждый долженъ придти на указанное мѣсто, въ известный день, между тѣмъ мѣсто выстуления опредѣлено повѣрно. Предполагають напримѣръ, что я въ острогѣ, тогда какъ я былъ уже давно въ Любомлѣ; желаютъ, чтобъ я прешагивалъ соединенію Шварценберга съ главною французскою арміею и чтобы съ этою цѣлію направилъ движеніе вправо, тогда какъ мы его прогнали, перейдя, напротивъ на лѣвый флангъ, чтобы не дать ему, ускользнуть, что, впрочемъ, ему удалось. Корпусъ войскъ, находящійся въ Мозырѣ принадлежащій имѣ къ 3-й арміи, получаетъ инструкціи изъ Петербурга, основанныя лишь на однихъ предположеніяхъ, тогда какъ я, будучи подлѣ него, могъ бы руководить его движеніемъ сообразно обстоятельствамъ дѣйствительнымъ а не гадательнымъ. Кому неизвѣстно въ настоящее время Ваше Величество обременены важными дѣлами, часто неприятными и что вамъ невозможно наблюдать самому за подробностями передвиженій; тѣмъ не менѣе, я счелъ долгомъ представить мои замѣчанія на воззрѣніе Вашего Величества, дабы, если найдете ихъ справедливыми, Вы повелѣли послѣдующія инструкціи излагать съ большею точностію, не для того только, чтобы устранять сбивчивыя толкованія, которыя могутъ быть послѣдствіемъ неясныхъ инструкцій, но чтобы не возбуждать сомнѣній насчетъ вашихъ первоначальныхъ предначертаній. Но ничто не будетъ упущено, чтобы общее дѣло не пострадало отъ мелкихъ, личныхъ интересовъ, неумѣстныхъ въ настоящее время. Буду дѣйствовать такъ, какъ будто мои инструкціи вполне ясны какъ день. Кто имъ будетъ противиться—тотъ и отвѣтитъ. Всякое слово—писалъ далѣе Чичаговъ въ отвѣтъ Государю—милостиваго письма, которымъ Вы меня удостоили, служить новымъ выраженіемъ Вашего особеннаго ко мнѣ благоволенія, Вашей крайней ко мнѣ снисходительности. Услуги, которыхъ Вы отъ меня ожидаете, будутъ предметомъ исключительныхъ моихъ заботъ единственно лишь употребленіемъ моихъ способностей и стараній. Послѣ отъѣзда Торшасова, я принялъ начальство надъ обѣими арміями, подъ названіемъ западной арміи. Еслибы я получалъ письмо Вашего Величества въ одно время съ инструкціями, привезенными имѣ Чернышевымъ то не встрѣтилось бы никакого замѣшательства, никакого затрудненія потому что это письмо прошло бы величайшій сѣтъ на все, что въ инструкціи осталось не выясненнымъ. Въ дѣлахъ у насъ существуетъ какой-то превратный и весьма печальный характеръ. Какъ бы велика, прекрасна и совершенна

ни была первоначальная мысль начальствующаго, переходя черезъ голову подчиненныхъ, она измѣняется, искажается и дѣлается дурною, или даже мелкою ничтожною, тогда какъ въ другихъ странахъ первоначальная мысль, сколько нибудь полезная и свѣтлая совершенствуется ея въ примѣненіи ея подробностей, насколько возможно, переходя черезъ извѣстныя инструкціи, и производить наилучшее дѣйствіе.

Я это встрѣчаю въ маломъ видѣ, а Ваше Величество испытываете въ большемъ и это, къ сожалѣнію, очень прискорбно. Употреблю все стараніе свое, что бы выяснитъ себѣ вполне смыслъ всѣхъ намѣреній Вашего Величества и буду въ точности соображать съ ними дальнѣйшія свои дѣйствія»⁹⁷.

Итакъ, на первыхъ же порахъ, Чичаговымъ встрѣчены были препятствія, неясности въ получаемыхъ имъ приказаніяхъ и какое-то скрытое, противодѣйствіе. Все это не предвѣщало ничего хорошаго и невольно выступалъ вопросъ—*дадутъ ли адмиралу воспользоваться блестящимъ случаемъ*, который предоставлялъ ему Императоръ Александръ I?

Въ то время, торопившіяся съ запада на соединеніе съ отступающимъ Наполеономъ, арміи князя Шварценберга и маршала Ренье перешли уже Будъ въ Брестъ и заняли позицію между рѣками Муховцемъ и Лѣсною. 29 сентября, адмиралъ Чичаговъ рѣшился атаковать Шварценберга, который опять показалъ явное нежеланіе вступить въ открытую борьбу и отступилъ. Въ надеждѣ заставить его принять сраженіе, адмиралъ, преслѣдуя австрійскія войска, пропелъ Подолію и большую часть Волини, откуда вогналъ непріятеля въ границы Польскія и самъ туда же послѣдовалъ за нимъ. Войдя въ герцогство Варшавское и остановившись тамъ временно, Павелъ Васильевичъ всѣми мѣрами старался привлечь Поляковъ на сторону Россіи, доказывая имъ вполне ясно непрочность обѣщаній французскаго императора. Твердость, сопровождаемая благоразумнымъ образомъ дѣйствій его въ краѣ, оказалась не безуспѣшною и отрезвила нѣсколько отуманенныя головы Поляковъ.

Послѣ небольшой остановки въ польскихъ земляхъ, Чичаговъ направился съ войсками своими къ Минску, откуда пошелъ на Борисовъ, гдѣ, согласно общей инструкціи, долженъ былъ присоединиться къ нему графъ Витгенштейнъ⁹⁸.

⁹⁷ Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 52—54.

⁹⁸ Н. О. Дубровинъ, стр. 192, 196.

Но полученныя въ пути извѣстія заставили адмирала вернуться опять къ Брестъ-Литовску, куда онъ и прибылъ 9 октября. Причины возвращенія его заключались въ томъ, что въ отсутствіе его князь Шварценбергъ сталъ опять тревожить край своими нападеными. Адмиралъ гонялся за 40-ка-тысячною австрійскою армією, вызывая ее вслѣдствіе на сраженіе, но князь Шварценбергъ, настойчиво избѣгая воинской встрѣчи съ нимъ, по прежнему ушелъ назадъ ⁹⁹.

Во время всѣхъ этихъ передвиженій, имѣвшихъ цѣлю преслѣдованіе Австрійцевъ, Чичагову удавалось настигать мелкіе отряды Французовъ, которыхъ истреблялъ, бралъ въ плѣнъ и отнималъ у нихъ значительные обозы, высылавшіеся постоянно изъ Москвы съ награбленнымъ въ столицѣ разнымъ имуществомъ. ¹⁰⁰

13 октября главнокомандующій князь Кутузовъ писалъ адмиралу:

— «Непріятель, кажется, совсѣмъ оставилъ Москву и намѣреваясь отступать по изобильнымъ нашимъ провинціямъ, потянулся со всѣми силами по новой Калужской дорогѣ къ Боровску. При всѣхъ хитрыхъ и свойственныхъ ему движеніяхъ, намѣреніе его было предупреждено и съ 11 на 12 число, въ ночь, генералъ Дохтуровъ съ корпусомъ приблизился къ Малоярославцу, напелъ въ немъ часть непріятельскихъ войскъ и въ 5 часовъ утра завязалось дѣло, которое впослѣдствіи, съ приближеніемъ всѣхъ нашихъ войскъ, сдѣлалось значущимъ сраженіемъ и продолжалось по одиннадцатый часъ ночи. Предметъ сраженій былъ городъ Малоярославецъ, который восемь разъ занимаемъ нами и столько же уступаемъ былъ сильному стремленію непріятеля; при послѣднемъ ударѣ нашихъ стрѣлковъ, онъ остался за нами. Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего въ Калугу я ни подъ какимъ видомъ его не допущу». ¹⁰¹

При полученіи этихъ свѣдѣній, Чичаговъ оставилъ въ Брестѣ, для наблюденія и отпора Шварценберга, корпуса генераловъ Сакена (силою въ 29 тысячъ человѣкъ), Булатова и Ливена (числомъ 18 тысячъ человѣкъ), присоединивъ къ нимъ находившійся въ Черновщинѣ корпусъ Эссена, числомъ въ 9 тысячъ человѣкъ. Самъ же адмиралъ успѣшно выступилъ съ 25-ю тысячнымъ от-

⁹⁹ Тамъ же, стр. 232.

¹⁰⁰ id., стр. 301.

¹⁰¹ Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 44.

рядомъ по направлеңію къ Слоңишу и Мянску. На отдѣленіе отъ себя столь значительныхъ силъ, онъ рѣшился только потому, что имѣлъ въ виду впереди присоединеніе къ своей арміи, назначенныхъ ему Императоромъ подкрѣпленій изъ корпусовъ графа Витгенштейна, графа Штейнголя и Мозырскаго—генерала Эртеля. По его разсчету эти силы, вмѣстѣ съ остающимися при немъ войсками и ожидающимся изъ Молдавіи отрядомъ генерала Людерса, могли составить изъ себя армію, численностію въ 108 тысячъ человѣкъ, силы достаточныя для предстоящей встрѣчи отступавшаго Наполеона.

Одновременно съ Чичаговымъ, направилась также къ Слоңишу и австро-саксонская армія князя Шварценберга, которая была усилена тогда подоспѣвшими къ ней отрядами и состояла изъ 50 тысячъ человѣкъ. Но адмиралъ успѣлъ обогнать Шварценберга, благодаря стойкому нападенію сдѣланному на него генераломъ Сакеномъ, который, удачнымъ боемъ, задержалъ движеніе войскъ противника и далъ возможность Чичагову вступить прежде него въ Слоңишъ 15 (27) октября. ¹⁰²

Письмомъ отъ 17 октября, князь Кутузовъ сообщалъ Чичагову:

— «Думаю нанести Наполеону величайшій вредъ параллельнымъ преслѣдованіемъ его и наконецъ дѣйствовать на его операціонныя пути». Извѣщая также о сраженіи, происходившемъ подъ Вязмою, онъ опредѣленно высказалъ свои наставленія, «чтобы дѣйствія адмирала Чичагова и графа Витгенштейна *сообразовались съ общими планами присланными изъ Петербурга съ Чернышевскимъ и имъ утвержденными*». «Продолжая параллельно съ непріятелемъ слѣдованіе, говорилось далѣе,—я пріобрѣтаю разныя выгоды, а именно: 1) кратчайшимъ путемъ достигаю Орши, если непріятель стаетъ на нее отступать; если же Наполеонъ обратится на Могилевъ, то пересѣку ему туда совершенно путь и 2) прикрываю край, откуда къ арміи нашей подходятъ запасы. Сколько бы полезно было, заканчивалось письмо князя Кутузова къ Чичагову,—если бы и вы, *оставивъ противъ Австрійцевъ обсерваціонный корпусъ, какъ можно постыпнѣе, съ другою частью войскъ обратились къ направлеңію черезъ Минскъ на Борщовъ*». ¹⁰³

Такимъ образомъ оказывалось, что распоряженія сдѣланныя адмираломъ еще до этого извѣщенія и выступленіе его самого на

¹⁰² Н. О. Дубровинъ, стр. 256.

¹⁰³ Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 280.

Слонимъ и Минскъ, къ операціонному пункту, намѣченному въ инструкціяхъ Императора Александра, вполне согласовались съ послѣдними наставленіями выраженными главнокомандующимъ.

Но нельзя не обратить вниманія на то, что въ этихъ наставленіяхъ, по отдѣленію войскъ и образованіяхъ обсерваціоннаго корпуса, ясно выразился уже умыселъ князя Кутузова противъ адмирала Чичагова. Заставивъ послѣдняго раздробить свои значительныя силы, князь Кутузовъ торопилъ его идти съ уменьшенными отрядами къ Минску, гдѣ и намѣревался оставить безъ подкрѣпленій, бессильнымъ для борьбы, ожидаемой съ главною французскою арміею, довольно еще внушительной, которой предстояло, во чтобы то ни стало, прорвать себѣ выходъ изъ Россіи. Несомнѣнное подтвержденіе этой мысли, мы находимъ въ дальнѣйшемъ поведеніи главнокомандующаго.

Несмотря на категорическое требованіе держаться данныхъ инструкцій, касательно скопленія войскъ въ предполагаемомъ пунктѣ, князь Кутузовъ вскорѣ затѣмъ, а именно 22 октября, отдалъ приказаніе графу Витгенштейну, чтобы онъ по прибытіи къ Борщову, представилъ корпусу графа Штейнгеля преслѣдованіе и наблюденіе за движеніями французскаго отряда маршала Сень-Сира, а самъ сообразовался бы съ ходомъ нашей подвигающейя главной арміи, стараясь сблизиться съ нею у Днѣпра и отрѣзывая, по возможности, Наполеону путь отступленія. Если же Сень-Сиръ начнетъ отступать для соединенія съ главною арміею Наполеона говорилось далѣе графу Витгенштейну, — «что, вѣроятно, черезъ Сенно къ Оршѣ произведено будетъ, въ такомъ случаѣ, занять отрядомъ своимъ, на удобномъ мѣстѣ, большую дорогу изъ Докщицы къ Бѣшенковичамъ, взявъ должно усиленно преслѣдовать Сень-Сира и не упускать его изъ виду, дабы тѣмъ лишитъ средствъ форсированными маршами соединиться съ значительными силами Наполеона, который можетъ напасть на одну изъ нашихъ армій». «Я съ своей стороны, заканчивалъ главнокомандующій, — не перестаю идти за бѣгущимъ неприятелемъ, который почти нигдѣ не останавливается. Всѣ мои партизаны предупреждаютъ его на маршѣ, затрудняя вслѣдствіи отступательное движеніе Французовъ и наноситьъ имъ величайшій вредъ».¹⁰⁶

Настоящее приказаніе, въ которомъ, вопреки предъидущему данному 5 дней передъ этимъ адмиралу Чичагову, уже не упоми-

¹⁰⁶ Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 280—281.

нается вовсе о присоединеніи кого-либо къ арміи послѣдняго и невольно кажется страннымъ такое разнорѣчіе въ распоряженіяхъ князя Кутузова. Отдавая приказаніе графу Витгенштейну *«сообразоваться не съ Чичаговымъ, но со своими передвиженіями и подвигаться ближе къ главной его арміи къ Днѣпру»*, онъ не только не сближалъ назначенныхъ на важное дѣло трехъ армій, но явственно разъединялъ ихъ, удаляя отъ Чичагова, какъ Витгенштейна, такъ и Штейнгеля, которыхъ, вмѣсто дружной встрѣчи войскъ Наполеона, указалъ быть вдали отъ адмирала, занимаясь преслѣваніемъ Сенъ-Сира. Обезсиленный же Чичаговъ видимо былъ оставленъ тогда главнокомандующимъ на произволъ судьбы и даже въ опасное положеніе передъ превосходными силами Французовъ во время ожидавшагося перехода ихъ черезъ Березину.

Между тѣмъ слѣдившій, по возможности, за всѣмъ происходившимъ на театрѣ войны и заправлявшій ходомъ кампаніи, Императоръ Александръ, не переставая сноситься съ адмираломъ, писалъ ему 26 октября (7 ноября):

«Я только что получилъ извѣстіе изъ большой арміи (князя Кутузова) отъ 21 октября, что Наполеонъ успѣшно отступаетъ къ Гжатску, потерявъ въ дѣлѣ подъ Колоцкимъ монастыремъ 20 пушекъ. Вы понимаете до какой степени важно ваше соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска или Борисова, чтобы спереди встрѣтить войска Наполеона, въ то время какъ большая армія наша ихъ настойчиво преслѣдуетъ. Предлагаю вашему соображенію принять мѣры, которыя наиболѣе способствовали бы къ достиженію цѣли — *не выпуститъ Наполеона изъ нашихъ границъ и постарается уничтожить его войска, поставитъ ихъ между вами, Кутузовымъ, Витгенштейномъ и Штейнелемъ*. Разочтите хорошенько время и пространство. 20-го октября, Наполеонъ находился около Гжатска; вы были 10-го между Слонимомъ и Брестомъ, а потому вы можете успѣть въ время, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Подумайте, какъ будутъ различны послѣдствія, ежели Наполеонъ, перейдетъ наши границы, и соберетъ около себя новую армію. Я полагаюсь въполнѣ на вашъ умъ, вашу дѣятельность и энергію» ¹⁰⁵.

П. В. Чичагову пенадо было разъясненій—онъ самъ глубоко понималъ всю важность наступающаго момента для него и въ

¹⁰⁵ Русская Старина 1877, т. III, стр. 74; Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, Leipzig, 1862 г., p. 131—132.

особенности для всей России. Утѣшая себя еще надеждою на выполненіе каждымъ изъ отрядныхъ командировъ поставленій, положенныхъ въ основу волею Монарха, онъ, въ обязательномъ соединеніи съ нимъ видѣлъ несомнѣнную гибель врага, котораго по пятамъ обивался тѣснить князь Кутузовъ своею многочисленною арміею.

Но не въ рукахъ Чичагова сосредоточивалась тогда та власть, которая могла заставить каждого изъ дѣйствующихъ лицъ неуклонно выполнить отчетливо опредѣленную каждому роль. Относительно плана кампаніи, заблаговременно начертаннаго самимъ Императоромъ Александромъ I Благословеннымъ и порученнаго къ выполненію князю Кутузову, должно упомянуть, что всѣ специалисты военнаго дѣла единогласно признаютъ его составленнымъ съ большою предусмотрительностію, точностію и волюй вѣрно и отчетливо. По этому плану дѣйствій, послѣдній ударъ непріятелю предназначался и совершился бы въ дѣйствительности при *Березинѣ*, куда настойчиво направлялъ Императоръ войска графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и адмирала Чичагова. Они должны были тамъ, въ дружномъ обществѣ, встрѣтить бѣгущаго врага, въ то время какъ большой армія князя Кутузова предстояло обезсилить Наполеона и неотступно преслѣдовать его по пятамъ, для того чтобы лишить возможности дойти до Березины съ значительными силами ¹⁰⁶.

Спрашивается, сдѣлалъ ли главнокомандующійъ всѣми арміями князь Кутузовъ все то, что доверчиво возложилъ на него Русскій Монархъ и что сдѣлательно было обязательнымъ для него по долгу присяги и по совѣсти? Отвѣтъ на это мы найдемъ въ совершившихся фактахъ, волюй разъясненныхъ нимъ историческими документами той эпохи.

Несомнѣнное подтвержденіе злаго умысла противъ Чичагова находимъ мы въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и распораженіяхъ главнокомандующаго, которыя, согласно достовѣрнымъ нашимъ источникамъ, считаемъ необходимымъ привести въ настоящемъ біографическомъ очеркѣ умершаго съ незаслуженными нареканіями честнаго русскаго дѣятеля.

Вотъ что мы видимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи въ дѣйствіяхъ адмирала Чичагова, когда наступала великая минута: *«быть или не быть» Наполеону Русскимъ плѣнникомъ*. Выступить изъ Сло-

¹⁰⁶ Русская Старина, 1867 г., т. I, стр. 449.

нима 23 октября, адмиралъ пошелъ 27 числа къ Минску, гдѣ, 4-го ноября, авангардный его генералъ графъ Ламбертъ быстро овладѣлъ мостомъ черезъ Нѣманъ въ Ново-Сверженѣ и, взявъ въ плѣнъ 3 т. человекъ австрійцевъ, 5 ноября — занялъ городъ Минскъ. Здѣсь, ему также посчастливилось перехватить большіе французскіе обозы, которые тянулись изъ Москвы съ разнымъ покраденнымъ имуществомъ Россійской святыни ¹⁰⁷.

Въ тоже время, 3 ноября, князь Кутузовъ, извѣщая адмирала о рѣшительномъ отступленіи находящейся въ бѣдственномъ положеніи непріятельской арміи, между прочимъ говорилъ:

«Могу увѣрить васъ, что ужасы, кои видимы были въ прошедшемъ году въ арміи верховнаго визиря, происходившіе отъ голода, не могутъ сравниться съ ужасами, приключаящимися теперь съ французскою арміею ¹⁰⁸».

Въ Минскѣ, согласно общему плану, должно было произойти присоединеніе къ арміи Чичагова корпусовъ графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и генерала Эртеля. Но первые два генерала, основываясь на позднѣйшемъ приказаніи главнокомандующаго, были отвлечены преслѣдованіемъ арій то Сень-Сира, то маршала Виктора, а потому они вовсе и не заботились о приближеніи своихъ отрядовъ къ войскамъ адмирала; точно также и генералъ Эртель не думалъ придвигаться къ нему же отъ Мозыря, ссылаясь на какія-то, особо получаемыя имъ приказанія.

Въ подтвержденіе этого должно привести увѣдомленіе, состоявшаго при нашей дѣйствующей арміи, въ качествѣ великобританскаго комисара — сэра Роберта Вильсона ¹⁰⁹. Въ письмѣ своемъ къ Императору Александру Павловичу отъ 31 октября (12 ноября), онъ, выставя медлительность князя Кутузова по отношенію высылки къ адмиралу необходимыхъ подкрѣпленій,

¹⁰⁷ Н. О. Дубровинъ, стр. 310—311, 317—318.

¹⁰⁸ Русская Старина, 1877 г., т. III, стр. 74 — 75. *Примѣчаніе.* Нельзя не замѣтить въ этихъ словахъ напоминаніи о турецкой кампаніи, которую не могъ забыть князь Кутузовъ по непріятному для него исходу ея и началу установившихся съ тѣхъ поръ недружелюбныхъ чувствъ къ замѣнившему его адмиралу Чичагову.

¹⁰⁹ Въ отечественную войну 1812 года были допущены при русскихъ арміяхъ иностранные агенты, какъ свидѣтели всѣхъ военныхъ операцій нашихъ; въ числѣ таковыхъ, состоялъ и сэръ Р. Вильсонъ, которому даже дано было дозволеніе писать прямо къ Императору Александру Павловичу о всемъ заслуживающемъ особеннаго вниманія.

между прочимъ, высказалъ, что — «если фельдмаршалъ не будетъ употреблять всѣ вѣщующія въ его распоряженіи средства, то сожалѣть должно, что онъ, отъ избытка своего, не подкрѣпляетъ обезсиленнаго войскомъ адмирала Чичагова»¹¹⁰.

Такимъ образомъ, тщетно ожидалъ въ Минскѣ всякой поддержки войскомъ П. В. Чичаговъ, для котораго начинали выдвигаться уже тогда подготовлявшіяся противъ него козни. Но не теряя бодрости духа, онъ дѣлалъ все, что могъ для предстоявшаго отраженія врага; оставивъ въ Минскѣ губернаторомъ полковника Кнорринга, адмиралъ двинулся самъ 7 ноября по пути къ Борису, гдѣ сосредоточены были, ожидавшія Наполеона войска князя Шварценберга, къ которому спѣшили также на помощь польскіе отряды генерала Домбровскаго. Оба эти, союзные съ врагомъ наши лица, искавшіе возможности прорваться гдѣ-либо черезъ ряды нашей арміи для скорѣйшаго сближенія съ Наполеономъ, подходили уже къ самому Борису. Поэтому, предупредить здѣсь задуманное ими соединеніе, было пока главною задачею Чичагова. Городъ Борисовъ—говоритъ Чичаговъ—былъ тогда весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Въ виду этого, адмиралъ выслалъ поспѣшно отрядъ графа Ламберта къ Борису, генерала Чапица отрядилъ къ Зембину, у р. Березины, Ланжерону велѣлъ слѣдовать за первымъ и наконецъ самъ пошелъ съ остальными войсками, также на поддержку Ламберта къ Борису.

Въ продолженіе этихъ приготовленій, 5 и 6 ноября произошло извѣстное сраженіе подъ Краснымъ, гдѣ Наполеоновская главная армія понесла сильное пораженіе и значительныя потери. Увѣдомля объ этой побѣдѣ адмирала Чичагова, князь Кутузовъ писалъ ему 6 ноября:

«Разстройство, въ которое былъ приведенъ непріятель, почти невѣроятно. Самъ Наполеонъ усекалъ со свитою своею, оставя свои войска на жертву воинамъ нашимъ. Поспѣшайте, ваше высокопревосходительство къ общему содѣйствию и тогда гибель Наполеона неизбежна. Весьма необходимо открыть сообщеніе между вашею и главною арміею черезъ Копысь, Цесерженъ, Улеу; что на Березинѣ и далѣе на Минскъ»¹¹¹.

Послѣ кроваваго сраженія подъ Краснымъ, еще болѣе уси-

¹¹⁰ В. О. Дубровинъ, стр. 317; Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 621.

¹¹¹ Русская Старина, 1877, т. I, стр. 620.

ленными шагами, началъ двигаться Наполеонъ по направленію къ Нѣману въ армію, доходившею еще числомъ отъ 80 до 100 тысячъ человекъ. Стремился усиленно на соединеніе съ ожидавшими его впереди свѣжими войсками князя Шварценберга и Домбровскаго, отъ держать свой путь прямо на Березину, къ Борису.

Шедшіи туда же авангардъ Чичагова, подъ командою храбраго генерала графа Ламберта, занявъ 8 ноября Жодинъ, гдѣ было получено имъ извѣстіе о приближеніи къ Борису корпуса Домбровскаго. Желая предупредить этотъ подходъ, графъ Ламбертъ стремительно двинулся ему на встрѣчу въ ту же ночь и 9 ноября вступилъ въ бой съ Домбровскимъ; цѣлый день продолжалась между ними горячая свалка; сильная атака нашихъ отрядовъ увѣнчалась овладѣніемъ мостовыми укрѣпленіями, которыя были возведены Домбровскимъ подъ самымъ Борисовымъ; польскій генералъ понесъ полное пораженіе, съ большими потерями убитыми и вѣчными, не говоря уже о совершенномъ разбѣганіи уцѣлѣвшихъ его партій; у него, кромѣ раненыхъ, оказалось 2 т. человекъ убитыми и 3 т. пленныхъ.

Но, къ большому сожалѣнію для Чичагова, въ самомъ пылу этой битвы былъ тяжело раненъ главный виновникъ побѣды — графъ Ламбертъ, котораго пришлось унести съ поля сраженія.

Подоспѣвшій 10 ноября къ Борису, адмиралъ долженъ былъ замѣнить графа Ламберта, старшимъ въ чинѣ генераломъ графомъ Павломъ Петровичемъ Паленомъ, который и получилъ приказаніе немедленно двинуться на противоположный берегъ Березины, по дороге въ Боръ. Лишь три версты прошелъ графъ Паленъ отъ Борисова, какъ передъ Лошницею, на встрѣчу ему показался того же числа сильный авангардный отрядъ Наполеона, подъ командою маршала Удино, цѣлю котораго было защищать отступление павшей за нимъ главной французской арміи, торопившейся выйти изъ Россійскихъ предѣловъ.

Увидавъ передъ собою превосходныя силы, полки наши, *«драгунская махнула какъ левъ, не успѣла и обратилась въ бѣгство какъ бараны»* — пишутъ въ доносеніи своемъ самъ Чичаговъ, подоспѣвшій скоро на помощь; спасаясь, бѣгущіе въ паникѣ солдаты потеряли часть своего обоза и оставили Борисовъ въ рукахъ непріятельскихъ; съ большими усиліями, адмиралу удалось только удержать за собою Борисовское мостовое укрѣпленіе ¹¹².

¹¹² Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. VI, стр. 52; Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1149—1150; Богдановичъ, т. III, стр. 441; Н. О. Дубровинъ, стр. 344.

Впрочемъ, по свидѣтельству находившагося при арміи Чичагова, лорда Тарконела—наша потеря людьми, кромѣ дѣйствительно брошеннаго обоза, въ бѣгствѣ отъ Лошницы, была весьма незначительна, такъ какъ считавшіеся въ тотъ день взятыми непріятелемъ болѣе 600 человекъ егерей и гусаровъ, пробившись сквозь непріятельскія линіи и переправясь чрезъ рѣку у Зембина, вернулись въ армію на слѣдующее утро ¹¹³.

Захваченные подъ Лошницею французскіе плѣнные показали, что вслѣдъ за маршаломъ Удино, идетъ Наполеонъ съ главною своею арміею, численность которой они опредѣляли въ 100 тыс. человекъ.

Не смотря на то, что самъ адмиралъ считалъ тогда эту цифру нѣсколько преувеличенною, тѣмъ не менѣе достоверно было, что у Бонапарта оставалась еще довольно сильная армія, далеко превосходившая наличныя силы Чичагова, у котораго оказывалось всего 20 т. человекъ — въ томъ числѣ 9 т. кавалеріи, мало пригодной для дѣйствій въ прибрежныхъ болотахъ и лѣсахъ Березинскихъ ¹¹⁴.

11 ноября, П. В. Чичаговымъ было получено отъ полковника Кнорринга предупрежденіе, что вступившіе въ Несвижъ и Новый Свержень отряды князя Шварценберга двигаются по слѣдамъ арміи адмирала; согласно его извѣщенію 4-хъ тысячный австрійскій отрядъ стоитъ въ Сморгоняхъ (на большой виленской дорогѣ), гдѣ, овладѣвъ всѣмъ, что только возможно, устраиваются имъ даже магазины съ разными запасами; другой же отрядъ австрійцевъ, численностію въ 2 т. человекъ, прибылъ 10 ноября въ Свислочь—мѣстечко на нижней Березинѣ, въ 12 миляхъ отъ Борисова, къ югу, *по дорогѣ отъ Ивумна къ Бобруйску* ¹¹⁵.

¹¹³ М. О. Дубровинъ, стр. 346. *Примечаніе*. Въ допискѣ своей по этому поводу Императору, князь Кутузовъ воспользовался случаемъ обличить, хотя и несправедливо, адмирала Чичагова за такую неудачу и для вѣдшаго впечатлѣнія преувеличилъ потерю его людьми, показавъ ее въ разнѣрѣ 2 т. человекъ, между тѣмъ какъ она состояла всего изъ нѣсколькихъ сотъ.

¹¹⁴ Оставивъ, какъ уже выше сказано, корпусъ генераловъ Сакена — противъ австрійскихъ войскъ, Эссена — въ Пружанѣхъ, адмиралъ Чичаговъ выступилъ къ Минску всего съ 25 т. человекъ. На маршѣ отъ береговъ Буга до Березины, болѣзни, стычки, взятіе приступомъ Минска и Борисова и наконецъ неудачное дѣло графа Палена, сократили его отряды до 20 т. строевыхъ чиновъ.

¹¹⁵ Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1153—1154.

Въ тотъ же день, съ курьеромъ, были получены Чичаговымъ, изъ Черевья, слѣдующія строки графа Витгенштейна:

«Я не могу положительно увѣрить ваше высокопревосходительство о намѣреніяхъ большой непріятельской арміи. Хотя и говорятъ, что она идетъ къ Борисову, но все меня заставляетъ думать, что *она беретъ направленіе къ Бобруйску*, потому что въ первомъ случаѣ маршалъ Викторъ старался бы держаться у Черевья, для прикрытія движенія большой арміи» ¹¹⁶.

Такія сбивчивыя сообщенія нѣсколько поколебали предположенія адмирала, считавшаго Борисовъ и окрестности его вдоль Березины линією, на которой, по его мнѣнію, надлежало сторожить врага. Но, какъ бы въ подкрѣпленіе извѣстія графа Витгенштейна, адмиралу было доставлено вслѣдъ затѣмъ письмо князя Кутузова отъ 10 ноября, изъ деревни Ланники. Сообщая о движеніи Наполеона изъ Орши къ Каханову, а также и о предположенной имъ 12 ноября переправѣ главной русской арміи черезъ Днѣпръ, при Копысѣ, главнокомандующій писалъ ему:

«Если графъ Витгенштейнъ, будучи удержанъ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ, не былъ бы въ состояніи содѣйствовать вамъ въ пораженіи непріятеля, то вы, соединенно съ генералъ-лейтенантомъ Эртелемъ и генералъ-маіоромъ Людерсомъ ¹¹⁷, довольно сильны будете, чтобы разбить бѣгущаго и *тѣснимаго отъ меня непріятеля* ¹¹⁸, который почти безъ артиллеріи и кавалеріи». Въ заключеніе, князь Кутузовъ высказывалъ ему: «легко быть можетъ, что Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь черезъ Борисовъ къ Минску, *повернетъ отъ Толочина или Бобра на Иужновъ и захочетъ пробраться на Волынъ*; для чего не излишне было бы вамъ наблюдать за его партизанами, дабы заранѣе быть извѣщеннымъ о его движеніи и тѣмъ его предупредить» ¹¹⁹.

¹¹⁶ Тамъ же, стр. 1154; Н. О. Дубровинъ, стр. 344—345.

¹¹⁷ Должно замѣтить, что отрядъ генералъ-маіора Людерса, принадлежавшій къ бывшей Дунайской арміи, какъ извѣстно, находился въ то время на пути изъ Молдавіи и далеко отъ расположенія на Березинѣ арміи адмирала Чичагова.

¹¹⁸ Въ то время, какъ авангардъ Наполеона, подъ командою маршала Удино, подходилъ 10 ноября къ Березинѣ, князь Кутузовъ стоялъ еще въ дер. Ланникахъ, за Днѣпромъ, откуда, какъ видно изъ его предыдущаго письма, предполагалъ переходить рѣку только 12 числа; слѣдов. нельзя признать справедливыми слова его и возможность тѣснить непріятеля на разстояніи болѣе 150 верстъ.

¹¹⁹ Богдановичъ, т. III, стр. 498; Русская Старина 1877 г., т. I, стр. 633—635.

Приводимое письмо, крайне важное въ историческомъ отношеніи, освѣщая картину военныхъ дѣйствій, несомнѣнно доказываетъ: а) что князь Кутузовъ былъ далеко не въ близкомъ тылу, т. е. *на пятихъ у непріятеля, когда наступало уже время сдѣлать Наполеона дружными силами*; б) что онъ вовсе не зналъ, или лучше сказать, не хотѣлъ знать о дѣйствительномъ положеніи арміи Бонапарта и о силахъ и положеніи адмирала Чичагова, которому, точно въ насмѣшку, предоставлялъ отряды вдали находившагося генерала Людера и дѣйствующаго по особымъ инструкціямъ генерала Эртеля изъ Мозыря; в) что главнокомандующій *подтверждая произведенное или отлученіе графа Витвицкаго къ другому пункту*, ограждалъ этого отряднаго начальника на случай обвиненія его въ удаленіи отъ войскъ адмирала и неприбытіи къ мѣсту, категорически указанному для него Государемъ въ общемъ планѣ Кампаніи; и наконецъ г) что князь Кутузовъ старался всѣчески отлучить Чичагова съ позиціи и сбить его своими разнорѣчными приказаніями.

Когда князь Кутузовъ писалъ Чичагову вышеприведенныя строки, главные французскія силы находились на пути къ Толочину и подходили уже 10 ноября къ Борисову. Поставленный въ необходимость поспѣшно перенравиться черезъ Березину хотя бы и въ виду Дунайской арміи, чтобы не быть застигнутымъ главными силами князя Кутузова, Бонапарту надо было, во что бы ни стало прорваться гдѣ-нибудь и скорѣе соединиться съ ожидавшею его неподалеку арміею князя Шварценберга. Получивъ извѣщеніе, что подъ Борисовымъ стоитъ во всеоружіи адмиралъ Чичаговъ, готовый встрѣтить его своимъ энергическимъ отпоромъ, онъ отдалъ первоначально приказаніе отиѣнить переправу въ этой мѣстности и начать подробнѣйшее изысканіе удобнѣйшихъ для того путей ¹²⁰.

Въ это время положеніе адмирала Чичагова было самое критическое; брѣшнный вѣши своими, онъ оказывался самъ окруженнымъ съ тылу—отрядами князя Шварценберга, а спереди—подходящими войсками Наполеона, грозившими ему своимъ численнымъ превосходствомъ и но Бонапартъ, а Чичаговъ отутился въ полной засадѣ. Ежели бы только у Наполеона, съ его стотысячною арміею, съ одной стороны, а у Шварценберга—съ дру-

¹²⁰ Богдановичъ, т. III, стр. 438—440; Русская Старина, 1877 г. т. I. стр. 613—615.

гой, явилась рѣшимость настоячиво идти другъ къ другу, прямо на Чичагова, то 20-ти тысячная западная армія не могла бы никакъ устоять противъ такихъ превосходныхъ силъ и неминуемо, по отсутствію всякихъ выходовъ, подверглась бы полной гибели. Но на счастье адмирала этого не случилось или потому, что Наполеонъ находился въ заблужденіи относительно численности Чичаговской арміи, или хотѣлъ попытаться устроить свою переправу въ болѣе безопасномъ для него мѣстѣ. Въ этомъ безысходномъ для Чичагова положеніи, когда ему приходилось, безъ всякой уже надежды на подкрѣпленіе войскомъ, охранять и защищать съ ничтожными сравнительно силами 30-ти верстное протяженіе берега рѣки между мѣстечками Весаловымъ и Нижне-Березиннымъ—задача удержать переходъ французовъ черезъ Березину, была не только затруднительною, но даже, можно сказать, невысказанною.

Въ планѣ кампаніи Императора Александра было опредѣлительно сказано:

«Адмиралу Чичагову, обща съ графомъ Витгенштейномъ (имѣвшимъ армію въ 45 т. человекъ), графомъ Штейнеллемъ (35-ти тысячный корпусъ) и генераломъ Дртелемъ (15-ти тысячный отрядъ)—ождать Наполеона на правомъ берегу Березины; Кутузовъ же, обязанный преслѣдовать главную французскую армію по лѣвому, долженъ былъ атаковать ее на лѣвомъ берегу». Если бы всѣ неизмѣнно выполнили эти приказанія—что оказывалось вполне достижимымъ,—то Наполеонъ, очутившись между нами всѣми стѣсненнымъ въ болотахъ и лѣсахъ, окаймлявшихъ берега Березины—необходимо сдѣлался бы русскимъ военнопленнымъ.

При подходѣ Наполеона къ Березинѣ, вся русская армія, обязанная его встрѣтить спереди и тѣснить съ тылу, находилась, какъ бы умышленно въ совершенномъ разбродѣ.

Главнокомандующій князь Кутузовъ, неавѣтне почему, замѣшался въ преслѣзованіи и вмѣсто того чтобы идти по натамъ врага, безпричинно остановился на Дикирѣ въ 175 верстахъ отъ Березины, котораю поэтому, и имѣлъ достаточно времени изучить сама Императоръ Французовъ въ продолженіи трехъ-четырехъ дней.

Графъ Витгенштейнъ, по распоряженію главнокомандующаго, занимаясь ловлею маршала Виктора, оставался на лѣвомъ берегу р. Березины, въ сторонѣ отъ главной французской арміи, вмѣсто того, чтобы стоять противъ нея съ фронта, плотною стѣною

слившись съ войсками Чичагова; онъ не только не выполнилъ своей задачи, но, сбивая съ толку своими ошибочными извѣстіями покинутого адмирала, по какимъ-то неизвестнымъ причинамъ, зашелъ въ тылъ непріятелю и усердно гвалтъ его впередъ.

Графъ Штейнгель, также вопреки общему плану и только по приказанію того же главнокомандующаго, охотился въ сторонѣ за маршаломъ Сенъ - Сиромъ, не помышляя вовсе о своемъ долгѣ прикинуть къ встрѣчнымъ войскамъ адмирала Чичагова.

Наконецъ, генералъ Эртель, настойчиво вызываемый Чичаговымъ, упорно засѣлъ въ Мозырѣ, прямо послушаваясь и волю Императора и напоминанія адмирала, подъ предлогомъ ожиданія имъ какихъ-то особенныхъ, неизвестно откуда, приказаній, ему одному вѣдомыхъ.

Изъ всѣхъ военачальниковъ одинъ только адмиралъ Чичаговъ стоялъ на стражѣ на указанномъ ему мѣстѣ. Однимъ словомъ, съ нашей стороны произошла путаница, которую, какъ свидѣтельствуя факты, нельзя признать случайною, а тѣмъ болѣе относить къ винѣ явно и умышленно брошеннаго на жертву адмирала Чичагова. Искусно затемненная взбраннѣйшимъ народомъ главнокомандующимъ истина при возбужденномъ настроеніи народа и общества во время бѣдствій 1812 года не могла выйти наружу и вина неудачи была вазалена всецѣло на храбраго и умнаго П. В. Чичагова.

Драма отечественной войны закончилась для Павла Васильевича слѣдующими событіями. Удерживая свой постъ и настойчиво взывая о высылкѣ подкрѣпленій, адмиралъ провелъ день 11 ноября въ напрасныхъ ожиданіяхъ, наблюдая лишь за движеніями непріятеля, лагерь котораго, расположенный въ виду его на противоположномъ берегу рѣки, все болѣе и болѣе увеличивался подходившими войсками Наполеона.

Несмотря на сходство извѣстій, полученныхъ отъ князя Кутузова, графа Витгенштейна и полковника Кнорринга о возможномъ движеніи Наполеоновской арміи по направленію къ Игумну, на Бобруйскѣ, адмиралъ Чичаговъ считалъ все-таки болѣе вѣрнымъ сторожить ее у Борисова, гдѣ и рѣшался пока стоять до полученія новыхъ, болѣе положительныхъ свѣдѣній. Основываясь на этомъ предположеніи онъ сдѣлалъ 12 ноября слѣдующія распоряженія:

Дивизія генерала Чаплица, состоявшая изъ 4 т. человекъ была поставлена у р. Березины, по пути отъ Бриля къ Зембину,

откуда шла дорога на Минскъ и Вильно; генералу Ланжерону — онъ указалъ мѣсто подъ самымъ Борисовымъ, для наблюденія за непріятельскими движеніями, а отряду генерала Орурка — поручилъ содержать кордонъ и сторожить берегъ рѣки до города Березина. Самъ же адмиралъ, съ 14 т. войска, занялъ позицію въ центрѣ между ними, вблизи Борисова и Веселова.

— «Всѣ мои генералы — говорятъ Чичаговъ въ своихъ «Запискахъ» — были поражены неудобствомъ занятой мною позиціи; многіе изъ нихъ подавали даже мнѣніе оставить ее и двинуться къ Лепелю, гдѣ предполагали найти армию графа Витгенштейна. Но, несмотря на всѣ эти опасенія, я устоялъ противъ ихъ предложеній, вовсе неогласныхъ, но моему, съ важною цѣлю, заключавшемуся главнѣйше въ томъ, чтобы удерживать за собою моевое укрѣпленіе подъ Борисовымъ. Я велѣлъ даже исправить нѣкоторыя поврежденія, которыя были сдѣланы тамъ на брешахъ во время произведенной атаки. Затягивая оборону, я надѣялся дать князю Кутузову возможность подоспѣть къ Березинѣ одновременно съ Наполеономъ, за которымъ онъ (какъ самъ писалъ въ своихъ реляціяхъ) слѣдовалъ по пятамъ. Могъ ли я тогда вообразить себѣ, что онъ остановится на Днѣпрѣ, въ 25-ти миляхъ позади и въ такое время, когда Наполеонъ будетъ приближаться къ Березинѣ»¹²¹.

Установившись на показанныхъ позиціяхъ, адмиралъ не переставалъ усиленно повторять свои требованія о поспѣшной высылкѣ подкрѣпленія, стараясь въ то же время привлечь къ себѣ войска графа Витгенштейна, графа Штейнгеля и Эртеля. Но его ожиданія продолжали быть тщетными; онъ оставался предоставленнымъ только однимъ своимъ ничтожнымъ силамъ. Не говоря уже о первыхъ двухъ генералахъ, прямо отвѣченныхъ княземъ Кутузовымъ, даже генералъ Эртель продолжалъ упорно слушаться приказаній адмирала, который вынужденъ былъ пожаловаться Государю и потребовать отдачи его подъ судъ¹²².

При такихъ обстоятельствахъ, наступала для П. В. Чичагова роковая минута.

Подоспѣвшій уже совершенно къ Березинѣ съ войсками своими Бонапартъ воспользовался медлительностію далеко отставшаго

¹²¹ Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1155.

¹²² Запрошенный потомъ адмиралъ Чичаговъ согласился отказаться отъ предавіи военному суду генерала Эртеля и оставилъ дѣло безъ послѣдствій.

отъ него князя Кутузова и сталъ маневрировать на протяженіи противоположныхъ береговъ рѣки. Изошряясь въ разныхъ хитростяхъ, лишь бы только обмануть Чичагова и заставить его предполагать, что Французы идутъ на Игумновъ, Наполеонъ одновременно съ этимъ дѣлалъ тайно всѣ приготовления къ переправѣ въ разныхъ пунктахъ неподалеку отъ адмирала; приготовления, которыя потомъ, для видимости, отишлись ¹²³.

Такъ продолжалъ дѣйствовать Бонапартъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, 12 ноября, имъ не было получено извѣстіе о приближеніи передовыхъ отрядовъ князя Кутузова (корпусовъ генерала отъ кавалеріи Платова и генералъ-маіора Ермолова); въ то же время стала долетать также до слуха его канонада графа Витгенштейна, тѣснашаго по лѣвой же сторонѣ рѣки отряды маршала Виктора. Мѣшкать было уже невозможно и надо было на что-нибудь рѣшиться. Тогда Наполеонъ задумалъ предпринять самый отчаянный шагъ — переправиться черезъ Березину среди стоявшихъ передъ нимъ русскихъ войскъ.

Въ этихъ видахъ, продолжая свои обманчивыя передвиженія въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Борисова, Бонапартъ сталъ скрытно готовить постовыя принадлежности въ 60 верстахъ отъ Борисова, у деревни Студянки, противъ Бриля, гдѣ стоялъ отрядъ генерала Чаплица ¹²⁴. Планъ этотъ казался не столько дерзкимъ, сколько сомнительнымъ по возможности его исполненія. Избранная мѣстность была самою неудобною для перехода, по случаю болотистой, почти непроходимой почвы на противоположномъ отъ него берегу рѣки, куда должна была ступить французская армія. Поэтому всѣ видимыя приготовления его къ тому можно было рѣшительно считать замаскированіемъ настоящихъ намѣреній. Между тѣмъ, для отвлеченія вниманія русскихъ отрядовъ Чичагова на другіе, лучшіе пункты, имъ отдано было гласно приказаніе собирать свѣдѣнія о дорогахъ существующихъ южнѣе Борисова, по направленію къ Минску; приказаніе это сопровождается обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ проводникамъ за указаніе удобнѣйшихъ путей, но требовалось только отъ Борисовскихъ Евреевъ строгаго сохраненія втайнѣ рѣшеннаго намѣренія Французовъ идти будто бы на Игумновъ. Исполняя такое распоряженіе, маршалъ Удино совершенно вѣрно рассчиталъ, что тѣ же еврей-лазутчики не за-

¹²³ Н. О. Дубровинъ, стр. 350.

¹²⁴ Н. О. Дубровинъ, стр. 350—351.

медлят продать эту тайну противнику и невольно вовлекутъ Русскихъ въ ошибку ¹²⁵.

Такъ дѣйствительно и случилось. Подкупные еврейскіе согладатаи не могли не разгласить таинственнаго оповѣщенія, и адмиралу Чичагову въ тотъ же день стало извѣстнымъ рѣшительное движеніе Наполеона на Игумновъ.

Соображая эти свѣдѣнія съ предыдущими извѣстіями, П. В. Чичаговъ въ своихъ «Запискахъ» о Березинской переправѣ, изложилъ въ слѣдующемъ видѣ дальнѣйшіе свои поступки ¹²⁶.

— «Хотя невѣроятно было, что Наполеонъ рѣшится переправиться черезъ Березину у гор. Березины, потому что этотъ путь, какъ дальнѣйшій, подвергалъ его опасности столкнуться съ русскою большою арміею, которая должна была слѣдовать на его флангъ; но со всѣмъ тѣмъ, я не могъ себѣ дозволить не принять во вниманіе предписанія главнокомандующаго по сему предмету, тѣмъ болѣе еще и потому, что его предположенія согласовались вполне съ извѣщеніями присланными мнѣ отъ Витгенштейна и даже Кнорринга. Кромѣ того, весьма естественно было повѣрить тому, что Наполеонъ рѣпался на избраніе хода болѣе къ югу, изъ желанія также прокормить въ неистощенныхъ еще уѣздахъ нашихъ, своихъ голодныхъ солдатъ, которые шли отъ самой Москвы по дорогѣ, опустошенной до сего русскими войсками. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, я предполагалъ, что Наполеону удобно было оставить два небольшие корпуса, одинъ противъ Витгенштейна — для прикрытія своего движенія, а другой — для удержанія меня подъ Борисовымъ; и въ это время онъ свободно прошелъ бы на Бобруйскъ, куда князь Шварценбергъ могъ послѣть, въ время, ему на встрѣчу, для защиты переправы Французовъ и прикрытія ихъ дальнѣйшаго слѣдованія. Отсутствие самого Кутузова, казалось, вполне оправдывало мои догадки. Въ однихъ реляціяхъ его было сказано, что имъ почти уничтожена непріятельская армія, между тѣмъ какъ въ другихъ онъ доносилъ, что слѣдуетъ за него по пятамъ. Французы четыре дня стояли передо мною у Березины, а князь Кутузовъ все-таки не показывался. Я не могъ иначе объяснить себѣ его отсутствія, какъ только предположеніемъ, что Наполеонъ измѣнилъ свой маршрутъ и что князь Кутузовъ преслѣдуетъ его по другому направленію. Мнѣ надо было принять

¹²⁵ Богдановичъ, т. III, стр. 445.

¹²⁶ Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1156—1157.

какія-либо мѣры по случаю этой невзвѣстности. Главнѣйше, я долженъ былъ повиноваться приказаніямъ главнокомандующаго, указывавшаго мнѣ прямо путь на Игумновъ, хотя мнѣ очень не желалось измѣнять своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ—наблюдать за берегомъ Березины на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ два важные пути на Минскъ и Вильно, черезъ Зембинъ. Чтобы согласовать то и другое, я приказалъ Ланжерону наблюдать, въ центрѣ, за Борисовскимъ мостовымъ укрѣпленіемъ, а Чаплицу—защищать съ сѣвера Веселово; самъ же я, съ дивизіею генерала Войнова, рѣшился выступить по направленію къ югу, на мѣстечко Шебашевичи, лежащее также на Березинѣ, въ 6-ти славскомъ миляхъ (около 30 верстъ отъ прежней позиціи адмирала) ниже Борисова¹²⁷.

Согласно принятому рѣшенію, адмиралъ Чичаговъ выступилъ 13 ноября, утромъ, къ Бобруйску и остановился, какъ полагалъ, въ Шебашевичахъ куда пришелъ въ ночь на 14 число¹²⁸.

13-го же ноября, по отходѣ адмирала Чичагова, на противоположномъ берегу произошли внезапно какія-то приготовленія и маршалъ Удино тронулся съ отрядомъ отъ Борисова къ Студянкѣ, гдѣ уже незамѣтно были подготовлены всѣ почти материалы для мостовыхъ сооруженій.

Увидавъ движеніе въ непріятельской арміи и выступленіе съ мѣста расположенія отрядовъ Удино, генералъ Ланжеронъ послалъ немедленно извѣстить о томъ адмирала Чичагова, донося вслѣдъ за тѣмъ о совершаемыхъ Французами приготовленіяхъ къ переправѣ у самой Студянки, насупротивъ деревни Брилей, по дорогѣ къ Зембину, гдѣ, также какъ и у Веселова, были расположены небольшіе посты генерала Чаплица. Вскорѣ послѣ выступленія Удино, направилась также къ Студянкѣ и главныя силы Наполеона, которыхъ начинали постепенно тѣснить, подходившіе уже тогда отряды генераловъ Шлятова и Ермолова. Въ то время когда Французы собирали уже мостовыя части для перехода черезъ Березину, авангардный отрядъ нашей главной арміи, подъ командою генерала Милорадовича перешелъ отъ Копыса къ Толочину. Самъ же

¹²⁷ Показанія Чичагова вполне согласуются съ описаніями приготовленія Наполеона къ переправѣ, изложенными въ исторіи М. И. Богдановича (т. III, стр. 443 — 446), въ статьѣ А. Н. Попова (въ Русской Старинѣ) и сходятся со свидѣтельствами иностранныхъ агентовъ, находившихся при нашихъ арміяхъ (см. трудъ Н. О. Дубровина—Отечественная война въ письмахъ современниковъ).

¹²⁸ Н. О. Дубровинъ, стр. 345.

фельдмаршалъ князь Кутузовъ оставался еще въ Конысь съ остальными своими войсками.

— «Таково было расположеііе войскъ—пишетъ исторіографъ Богдановичъ—предъ началомъ переправы Французовъ черезъ Березину. Изъ числа болѣе ста тысячъ человекъ арміи князя Кутузова, графа Витгенштейна и адмирала Чичагова, окружавшихъ непріятельскія силы, у Брилей находился только слабый отрядъ полковника Корнилова, оставленный тамъ Чаплицомъ, который, притянувъ къ себѣ отряды стоявшіе у Веселова и Зомбина, отступилъ вмѣстѣ съ ними, на разсвѣтѣ 14 числа, къ Стахову»¹²⁹.

Еще вечеромъ, 13 ноября, генералъ Чаплицъ, объѣзжая свои посты, усмотрѣлъ передъ собою изъ Зембина на противоположномъ берегу р. Березины, колонны непріятельскихъ отрядовъ, которыя все болѣе и болѣе увеличивались вновь подходившими къ нимъ значительными силами; въ продолженіи же ночи ему стало положительно извѣстнымъ, что находившаяся между Старымъ и Новымъ Борисовымъ французская армія, подойдя къ Студянкѣ, готовится къ генеральному движенію и даже строить тамъ два моста. Пославъ тотчасъ донесеніе объ этомъ къ адмиралу, Чаплицъ стянулъ тогда свои отряды изъ Зембина и Веселова къ Брилямъ.

Весь отрядъ генерала Чаплица, въ тотъ моментъ, заключался изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, 11-ти эскадроновъ кавалеріи, 3-хъ казачьихъ полковъ съ 10-ю только орудіями¹³⁰. Должно присовокупить, между прочимъ, что знавшій о положеніи Чаплица, генералъ Данжеронъ не присоединился къ нему, не смотря на свою близость.

Климатическія причины, заставившія Наполеона сдѣлать оставленіемъ Москвы и холодной Россіи, оказались вполне благоприятными на этотъ разъ для его отчаяннаго предпріятія. Наступившія послѣ осени злыя заморозки сковали въ твердыя массы трудно проходимыя мѣста вдоль береговъ рѣки Березины, у Брилей и застывшая почва толкала до того болотъ сдѣлалась вполне удобнымъ путемъ для перевозки во имя самыхъ большихъ тяжестей.

Въ ночь на 14 ноября, Наполеонъ выѣхалъ верхомъ съ музы Старого Борисова къ мѣсту рѣшенной имъ переправы, чтобы лично слѣдить за постройкою двухъ быстро наводимыхъ мостовъ и на-

¹²⁹ Богдановичъ, т. III, стр. 446—447.

¹³⁰ Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 1150—1165.

скоро собираемыхъ плотовъ. Вся рѣка, въ тотъ день, была покрыта плавающими льдинами, которыя нѣсколько затруднили установку мостовыхъ плотовъ; тѣмъ не менѣе работа кипѣла подъ руководствомъ распорядительнаго маршала Удино, принявшаго на себя заботы устройства безопасной переправы и защиты ея. На разсвѣтъ 15 числа, при восходѣ солнца, Бонапартъ самъ открылъ путь шествія и въ лодкѣ переплылъ рѣку Березину отъ Студянки къ Брилямъ, гдѣ, вмѣсто болотистыхъ топей, образовалась твердая ледяная площадь. За нимъ тотчасъ, вплавъ и на плотахъ, ловко перенеслась часть кавалерійскихъ отрядовъ, имѣя за спиною всадниковъ — стрѣлковъ — егерей, которымъ предстояло первоначально занять береговую мѣстность правой стороны рѣки.

Когда на разсвѣтъ, ясно усмотрѣны были русскими отрядомъ переплывающія войска французскихъ кавалеристовъ, то полковникъ Корниловъ покушался остановить движеніе ихъ огнемъ орудій конной батареи своей; но артиллерія Наполеоновской гвардіи и корпуса Удино, въ числѣ болѣе 40 орудій, засыпала ядрами горсть нашихъ войновъ и заставила Корнилова, отступя, укрыться въ Стаховскомъ лѣсу, примыкающемъ къ болотамъ.

14 ноября, къ 1-му часу по полудни окончилось перекинутіе одного изъ непріятельскихъ мостовъ, по которому можно было начать правильную переправу арміи. Наполеонъ тотчасъ, въ присутствіи своемъ, поручилъ остатку корпуса Удино, отрядъ Домбровскаго и кирасировъ генерала Думерка, въ количествѣ 5,600 человекъ пѣхоты и 1,400 всадниковъ съ двумя орудіями, которые и стали занимать окрестность около Брилей. За этими отрядами, перешла мостъ и французская гвардія, а за нею уже прочіе отряды главной арміи.

Лишь только огласилась вѣсть о началѣ переправы Французовъ черезъ Березину, генералъ Чаплицъ явился съ отрядомъ войновъ къ Брилямъ и, расположившись на опушкѣ Стаховскаго лѣса, открылъ пальбу по непріятельскимъ передовымъ застрѣльщикамъ. Но что же могли тогда сдѣлать его ничтожныя боевыя силы? Выставленныя противъ него 50 орудій большаго калибра, вынудили и его также смолкнуть, бросить позицію и отойти, ступая поневолѣ дорогу громаднымъ силамъ, быстро собиравшаея врага на пространствѣ отъ Брилей къ Зембину.

Замедленіе въ постройкѣ Французами втораго Березинскаго моста, удержало нѣсколько переходъ арміи Наполеона, и работа продолжалась въ теченіе всей ночи на 15 ноября.

Для поддержанія, по возможности, порядка и ускоренія окончательной переправы, Бонапартъ провель опять и вторую ночь у мостовыхъ сооруженій, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ тогда строеній и наблюдалъ лично за ходомъ работъ. Къ наступившему утру были перевезены на правую сторону Березины еще около 15 т. чело-вѣкъ, которые тотчасъ расположились въ боевомъ порядкѣ про-тивъ Стаховскаго лѣса.

Въ продолженіи дня 15 ноября, къ отряду Чаплица подошло подкрѣпленіе состоявшее изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ. Но было уже поздно, потому что большія силы непріятельскія, съ самимъ Наполеономъ во главѣ, стояли во всеоружіи на правой сторонѣ р. Березины, готовясь ринуться на нашъ отрядъ, въ случаѣ по-мѣхи дальнѣйшему ихъ движенію изъ Россіи по завоеванной ими Виленской дорогѣ.

Пока у Студанки и Брилей совершались изложенныя собы-тія, адмиралъ Чичаговъ, едва дошедшій до Шебашевичей, полу-чилъ 14 ноября упомянутыя выше донесенія генераловъ Ланже-рона, а потомъ и Чаплица. Не мѣшкая ни минуты, онъ бросился со своими войсками въ обратный путь и 15 числа явился къ Бо-рисову. Усиленное движеніе, утомленіе солдатъ отъ быстрого пе-рехода, невозможность разомъ стянуть слѣдоващіе одинъ за дру-гимъ отряды и наконецъ, малочисленность вообще всѣхъ налич-ныхъ силъ, не дозволяли адмиралу Чичагову предпринять въ тотъ же день что-либо противъ собравшейся уже у Брилей всей арміи Наполеона. Въ виду всего этого, онъ вошелъ въ предварительное соглашеніе съ графомъ Витгенштейномъ и подошедшими команди-рами передовыхъ отрядовъ нашей главной арміи; между ними условлено было начать въ слѣдующій день союзуную рѣшитель-ную атаку противъ переправившихся и переправляемыхъ еще французскихъ войскъ ¹⁸¹.

Такъ совершился злосчастный для насъ переходъ черезъ Бе-резину Наполеона, котораго не только вся Россія, но и возбуж-денная въ то время Европа, считали или неминуемо погибшимъ въ Березинскихъ бодотахъ, или же неизбѣжно сдѣлавшимся на-шимъ военноплѣннымъ.

¹⁸¹ Богдановичъ, т. III, стр. 447 — 450. *Примѣчаніе.* Эта отсрочка была поставлена, между прочимъ, въ вину адмиралу Чичагову, какъ нашимъ военачаль-никами, такъ и не знавшими почти донынѣ всѣхъ обстоятельствъ, русскими людьми и историографами.

Каково же должна была поразить всѣхъ происшедшая развязка, когда быстро разнеслась вѣсть, что Бонапартъ со славою переступилъ самый опасный для него пунктъ и открылъ себѣ свободный путь выхода изъ плохо поставленной для него западни! Не зная вовсе обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію, а тѣмъ болѣе не вѣдая тайныхъ нитей все громогласно завопило въ одинъ голосъ, отъ удивленія и негодованія. Пораженіе охватило и всю Европу.

Изумленные такою оскорбительною для народной чести неудачею и подготовленные считать несомнѣннымъ поимку кроваваго врага своего—Наполеона на Березинѣ, народъ, войска и общество возмутились духомъ и съ озлобленіемъ въ душѣ, чуждые истинѣ, тяжелымъ укоромъ отнесли всю вину на одного покинутаго всѣми, безвиннаго военачальника—адмирала П. В. Чичагова, который сдѣлался внезапно, въ противность всякой правдѣ, предметомъ всеобщаго осужденія и народнаго негодованія.

Благодаря послѣднимъ розысканіямъ нашего уже времени, въ исторической лѣтописи уцѣлѣлъ чрезвычайно любопытный документъ, свидѣтельствующій ясно, что происшедшій исходъ былъ вполне предвидѣтъ, подготовленъ и даже предрѣшенъ самимъ главнокомандующимъ, который, желая только оградить себя отъ всякихъ нареканій, искусно сбросилъ всю вину на избранную имъ жертву, въ лицѣ П. В. Чичагова. Обличительный этотъ документъ заключается въ письмѣ князя М. И. Голенщикова-Кутузова къ адмиралу Чичагову, помѣченное первымъ изъ своего дальняго мѣсто-нахожденія — 13-мъ ноябремъ 1812 года. Вотъ его крайне любопытное содержаніе:

«Послѣ сильнаго пораженія непріятеля подѣ Краснымъ, главная непріятельская армія направилась на Оршу и перейдя Днѣпръ при семъ мѣстѣ, оставила оный городъ 9 числа. Генераль Пластовъ съ 15 казачьими полками и генераль-майоръ Бороздинъ съ шестью — слѣдуютъ по бокамъ отступающаго непріятеля, тогда какъ генераль Милорадовичъ съ главнымъ авангардомъ арміи, состоящимъ изъ 54 баталіоновъ пѣхоты и одного корпуса кавалеріи слѣдуетъ по пятамъ непріятеля ¹³². Безъ сомнѣнія, Напо-

¹³² Такіе большіе авангардные отряды, направленные во слѣдъ спасавшагося бѣгствомъ Наполеона, послѣ понесеннаго имъ пораженія подѣ Краснымъ, доказываютъ лишь то, что хотя потери Французовъ и были тамъ лѣбствительно велики, но армія ихъ не была еще вполне уничтожена — какъ дописалъ Государю

леонъ, отступая *чрезъ Кохановъ и Толочимъ къ Бобру, присоединитъ къ себѣ Сенъ-Сира*; вслѣдствіе чего предписано отъ меня графу «Виттенштейну соединенно съ генераль-адъютантомъ Кутузовымъ, «не упуская его изъ виду, слѣдовать быстро за нимъ. Ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что по мѣрѣ соединенія силъ непріятельскихъ въ направленіи къ Борисову, сблизятся и силы наши для нанесенія сильнаго и, быть можетъ, послѣдняго удара непріятелю. *Если Борисовъ занятъ непріателемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь черезъ Березину, пойдетъ прамѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембаны, Плещеницы и Вилейку* ¹³³. Для предупрежденія сего, необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли бы отрядомъ дефиле при Зембани, въ коемъ удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. *Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ чрезъ Староселье и Цесаржинъ къ мѣст. Березинѣ, во первыхъ, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствіе, во вторыхъ, чтобы упредить непріятеля, еслибъ пошелъ онъ отъ Бобра чрезъ Березину на Игуменъ, чему многія извѣстія дадутъ поводъ къ заключеніямъ. Ниже города Борисова, въ 8 верстахъ, при дер. Ухолодѣ, есть весьма удобныя броды для прохода кавалеріи* ¹³⁴.

Такое замѣчательное по содержанию, запоздалости ¹³⁵ и сбивчивымъ указаніямъ письмо, было доставлено адмиралу только 18 ноября, а именно тогда, когда переправа Французовъ давно уже

главнокомандующій князь Кутузовъ. Кроме того, отправка такихъ значительныхъ передовыхъ силъ свидѣтельствуетъ также, что Наполеонъ располагалъ еще послѣ Краснаго побѣнца большимъ числомъ войска, которое слѣдовательно требовало все-таки усиленныхъ съ нашей стороны преслѣдованій. По этому, что могъ сдѣлать П. В. Чичаговъ со своимъ, какъ выше указано, относительно крохотнымъ отрядомъ при встрѣчѣ такого сильнаго врага, когда кн. Кутузовъ не позаботился должнымъ образомъ, о томъ, чтобы поставить подчиненнаго ему въ дѣйствительную возможность отразить и задержать ходъ противника.

¹³³ Слова вполне подтверждающія то, что князь Кутузовъ считалъ не только возможнымъ, но даже и несомнѣннымъ переходъ Наполеона черезъ Березину, который прямо входилъ какъ бы въ его комбинаціи.

¹³⁴ Русская Старина, 1877 г., т. I, стр. 633 — 636; Богдановичъ, т. III, стр. 438.

¹³⁵ Въ день отсылки письма князя Кутузова, т. е. 13 ноября, Наполеонъ уже приступилъ къ постройкѣ мостовъ и на другой день, рано утромъ, самъ стоялъ на правой сторонѣ р. Березины, между тѣмъ въ тотъ же моментъ, русскій главнокомандующій, дѣлая разныя соображенія, собирався только тронуться съ главною арміею изъ Копыса.

совершилась и, какъ описано будетъ далѣе, положеніе вполне разбитаго Чичаговымъ, подъ Зембинымъ Наполеона, находилось въ совершенно иномъ фазисѣ. Впрочемъ адмиралъ Чичаговъ и въ тогдашнихъ показаніяхъ, и въ «Запискахъ» своихъ прямо обвиняетъ князя Кутузова, въ томъ, что *приведенное предписаніе было послано имъ къ нему изъ главной квартиры заднимъ числомъ* ¹³⁶.

По выше упомянутому соглашенію, состоявшемуся между адмираломъ Чичаговымъ и графомъ Витгенштейномъ, положено было—16 ноября, раннимъ утромъ, атаковать самостоятельно непріятели на обѣихъ сторонахъ р. Березины. Прибывшія войска генераловъ Платова и Ермолова, примкнувшіе къ совместнымъ дѣйствіямъ, должны были перейти рѣку и поддерживать адмирала въ принятой имъ на себя прямой атаки Французовъ Дунайскою арміею на правомъ берегу. Графъ же Витгенштейнъ долженъ былъ вести нападеніе на непріятели по лѣвой сторонѣ рѣки, откуда продолжалась усиленная перевозка французскихъ войскъ.

Замѣтивъ собравшіяся 15 числа вечеромъ, у береговъ Березины, значительныя русскія силы, Наполеонъ понималъ всю неизбежность сильнаго столкновенія съ ними, а потому и рѣшился принять вызовъ на генеральное сраженіе. При такомъ рѣшеніи, онъ, въ ночь на 16 ноября, остановилъ движеніе своихъ, готовившихся уже къ походу на Вильно войскъ, состоявшихъ изъ гвардіи и остатковъ наиболѣе разстроенныхъ корпусовъ, выѣстъ съ перевезенными тогда обозами; онъ перевелъ въ то же время обратно къ Студянкѣ Баденскую бригаду генерала Дендельса, при помощи которой велѣлъ удерживать мосты на Березинѣ, по крайней мѣрѣ хотя бы на одни сутки, чтобы спасти всѣ остающіеся на лѣвой сторонѣ рѣки отряды, а также и изъ опасенія, чтобы расположенный позади всѣхъ маршалъ Викторъ не былъ подавленъ превосходными силами арміи графа Витгенштейна. Для защиты же переправы на правомъ берегу Березины, Бонапарте выставилъ противъ Чичагова корпусъ маршаловъ Удино и Нея, а въ резервъ у нихъ расположился самъ, принявъ личную команду надъ всею участвовающею французскою гвардіею.

16 ноября, раннимъ утромъ, адмиралъ Чичаговъ сталъ въ боевое положеніе и открылъ по Зембинской дорогѣ, у Стахова, шпирокую атаку, направленную на всю лѣнію войскъ Улина и Нея.

¹³⁶ Mémoires de l'empereur Napoléon, t. 10, p. 74, 81—82.

Такъ какъ, вопреки соглашенію, графъ Витгенштейнъ запоздалъ прибыть къ условленному мѣсту, то первоначальными дѣйствіями всѣхъ французскихъ войскъ были устремлены исключительно противъ выставленныхъ отрядовъ адмирала. Не переставая вести смѣло начатую атаку, и не дожидаясь появленія Витгенштейна, къ которому послано было приглашеніе ускорить свое прибытіе, П. В. Чичаговъ вступилъ въ жесточайшій бой съ непріателемъ по всей линіи нападенія. Энергически и умно веденное имъ лично сраженіе, при содѣйствіи Платова и Ермолова, продолжалось безостановочно, съ одинаковымъ пыломъ отъ 8 часовъ утра до 11 часовъ ночи, несмотря на наступившій мракъ.

Защищая уже теперь свое существованіе, Французы дрались съ замѣчательнымъ остервененіемъ; но одновременные, непрерывно возобновляемые натиски, искусно рассчитанные храбрымъ адмираломъ Чичаговымъ и не менѣе мужественная стойкость русскаго воинства поколебали, сломили и окончателью сразили врага. Обезсиленные, пораженные въ конецъ Французы понесли полную неудачу на всѣхъ пунктахъ и должны были отступить съ громаднѣйшими потерями въ людяхъ и обозахъ. Кромѣ значительнаго числа плѣненныхъ нами (15 т. человекъ), Французы оставили на полѣ *Зембинской* (въ Лѣтописяхъ называемой—*Березинскою*) битвы до 20 т. тѣмъ убитыхъ солдатъ, офицеровъ съ немалымъ числомъ своихъ храбрыхъ генераловъ. Маршалы Удино и Викторъ были ранены.

Послѣ Зембинскаго побоища Наполеону I ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать безъ оглядки и, спастись уже отъ окончательной гибели со своими, сильно порѣдѣвшими отрядами гвардейскихъ полковъ. И это онъ не замедлилъ сдѣлать. Поле сраженія осталось такимъ образомъ за русскимъ храбрымъ полководцемъ.

Захваченные въ этотъ день громаднѣйшіе обозы Французовъ съ вывезеннымъ ими изъ Москвы русскимъ имуществомъ, и разные отставшіе отряды ихъ достались въ руки подоспѣвшаго уже позади главной линіи атаковавшихъ—графа Витгенштейна. Вслѣдствіе этого главнокомандующій князь Кутузовъ, умалчивая о подвигѣ главнаго дѣятеля Березинскаго сраженія, приписалъ всю славу одержанной побѣды одному графу Витгенштейну и провозгласилъ его героемъ дня—16 ноябр. Между тѣмъ, по показаніямъ современниковъ, несомнѣнно то, что успѣхъ всей этой битвы принадлежалъ всецѣло одному только мужеству, рѣшительности и распо-

рядительности адмирала П. В. Чичагова. Идя позади него, графъ Витгенштейнъ дѣятельно подбиралъ только трофеи и плоды трудовъ войскъ Чичагова ¹³⁷.

Въ ночь на 17-е ноября, маршалъ Викторъ собралъ остатки разбитыхъ французскихъ войскъ, оставшихся на лѣвомъ берегу Березины, перевелъ ихъ, по возможности, на противоположную сторону и въ 9 часовъ утра, съ приближеніемъ Дюновъ Платова, поджегъ мосты, а затѣмъ пустился въ догоню за быстро уловившею, съ Наполеономъ во главѣ, такъ-называемой *«великой арміи»*.

«Переправа черезъ Березину положила предѣлъ существованію *«великой арміи»*», пишетъ М. Богдановичъ.—Дальнѣйшее отсужденіе остатковъ ея было бѣгство, ускоренное преслѣдованіемъ *«благодѣтельной небрѣмой рати казакъ»*.

Но общественное мнѣніе въ Россіи не было довольно послѣдствіями Березинской переправы, гдѣ Наполеонъ, окруженный нашими арміями, казался, долженъ былъ погибнуть, либо подвергнуться плѣну. Въ то время никто не отваживался сдѣлать какой-либо упрекъ ни маститому полководцу, освободившему родную землю отъ нашествія вражескаго, ни увѣчанному свѣжими лаврами защитнику Петрова-града, и потому вся тяжесть народнаго негодованія за уходъ Наполеона пала на одного Чичагова, о которомъ стоустал молва разглашала, будто бы онъ выпустилъ бичъ Европы изъ задуши, устроенной дальновиднымъ Кутузовымъ. Самъ Кутузовъ подавъ поводъ къ тому, говоря, что *«не все было сдѣлано, что можно было сдѣлать, и что еслибы не адмиралъ, то простой псковскій дворянинъ сказалъ бы: Европа, дыши свободно!»* Общественное мнѣніе, требовавшее полной расплаты за разореніе родной страны, приписывало неудачу поимки Наполеона неспособности, либо измѣнѣ Чичагова. Но исторія, продолжаетъ г. Богдановичъ,—прислушиваясь къ говору современниковъ, не вѣрять имъ на слово, а дѣлаетъ выводы на основаніи данныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію. Въ отношеніи неудачи—или, лучше сказать, несовершеннаго успѣха нашихъ дѣйствій на Березинѣ, виновенъ не одинъ Чичаговъ, которому слѣдовало, оставаясь у Борисова, *«наблюдать теченіе рѣки сильными отрядами, и что было всего важнѣе—занять войсками, либо истребить мосты на Гайнѣ, у Зембина»* ¹³⁸. Графъ

¹³⁷ Н. О. Дубровинъ, стр. 347, 349; Богдановичъ, т. III, стр. 451—453.

¹³⁸ Довольно страшными представляются настоящіе упреки, бросаемые адмиралу Чичагову: а) *«что онъ отошелъ отъ Борисова»*—движеніе, которое, какъ выше

Вингенштейнъ, съ своей стороны, долженъ былъ, не увлекаясь преслѣдованіемъ Сент-Сира и Виктора (которыхъ онъ не могъ отбросить отъ главныхъ силъ Наполеона), обратиться, согласно общему плану дѣйствій, вправо къ Верхней Улѣ и войти въ связь съ Чичаговымъ. Да и самъ Кутузовъ, давъ отдыхъ главнымъ силамъ у Копыса, въ разстояніи болѣе ста верстъ отъ мѣста непріятельской переправы, долженъ былъ поспѣшить къ Березинѣ, гдѣ у насъ было довольно войскъ для уничтоженія остатковъ Наполеоновской арміи, а недоставало только единства и согласія въ дѣйствіяхъ. Присутствіе фельдмаршала могло устранить это неудобство, еслибы онъ наконецъ рѣшился нанести послѣдній ударъ ослабленному противнику»¹³⁹.

Весьма важны во всѣхъ отношеніяхъ слова приведенной нами критики дѣйствій военачальниковъ Отечественной войны, которая была сдѣлана, при отсутствіи еще многихъ матеріаловъ, такимъ компетентнымъ лицомъ, какимъ былъ нашъ покойный изслѣдователь и исторіографъ М. И. Богдановичъ, составитель Исторіи Царствованія Императора Александра I и Отечественной войны 1812 г.

Въ настоящее время, благодаря новымъ тщательнымъ изысканіямъ выступившаго недавно достопочтеннаго историческаго дѣятеля нашего, генерала Н. Ѡ. Дубровина, въ 1882 году появилась въ печати, имъ изданный, чрезвычайно любопытный и важный для науки отечествовѣдѣнія сборникъ, подъ заглавіемъ: *«Отечественная война въ писмахъ современниковъ»*. Собраніе въ немъ до нынѣ неизвѣстныхъ документовъ, ярче освѣтило картину памятной для Россіи эпохи, многіе детали которой разъяснены теперь при помощи свидѣтельскихъ показаній какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ очевидцевъ, находившихся на самыхъ мѣстахъ военнаго ратоборства начала XIX вѣка.

Изъ этого крайне интереснаго Сборника мы уже почерпнули нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній и теперь считаемъ необходимымъ привести въ извлеченіи еще новыя свидѣтельства

наложено, было сдѣлано только по настоятельному почти требованію князя Кутузова, указавшаго ему путь на Игумновъ, къ Бобру; б) что онъ не наблюдалъ за непріятелемъ сильными отрядами, которыхъ у него не было при умышленномъ лишеніи его даже необходимыхъ для успѣха подкрѣпленій, и в) въ неистребленіи предварительно нашихъ мостовъ, которыми не могли и не воспользовались французы, построившіе, какъ было указано, своихъ два моста для переправы войскъ у Студянки.

¹³⁹ Богдановичъ, т. III, стр. 456—457.

очевидцевъ по обстоятельствамъ, касающимся собственно нашего заслуженнаго адмирала и событій Березинской переправы Наполеона I. 1. Англійскій агентъ, находившійся при арміи П. В. Чичагова, лордъ Терконель свидѣтельствуетъ, что адмиралъ человекъ очень умный и свѣдущій, съ сильнымъ духомъ воли и необыкновенною твердостію, въ чемъ здѣсь (т.-е. въ войскахъ русскихъ), какъ пишетъ онъ,—страшный недостатокъ ¹⁴⁰. Ошибка удаленія войскъ Чичагова, говоритъ очевидецъ,—отъ Борисова и несчастное движеніе къ Шебишевичамъ произошла нѣкоторымъ образомъ отъ сбивчивыхъ извѣщеній князя Кутузова, который увѣдомилъ адмирала, что непріятель будетъ стараться открыть себѣ выходъ по правой сторонѣ отъ расположенія его войскъ.

Тотъ же лордъ Терконель, описывая 18 ноября 1812 года страшное разгромленіе Французовъ, совершенное Чичаговымъ 16 ноября, подъ Березиною, высказывается такъ:

— «Россія показала всему свѣту, что она не оставила безъ жестокаго наказанія врага, дерзнушаго ворваться въ ея предѣлы. Тяжесть, отъ которой освободила эта битва плечи наши, и польза, которую и мы можемъ извлечь изъ столь значительнаго сокращенія силъ Французовъ и помраченія репутаціи непріятеля, настолько велики, что и опредѣлить ихъ нынѣ нельзя» ¹⁴¹.

2. Всѣ бывшіе при войскахъ нашихъ свидѣтели Березинской переправы, единогласно подтверждая, что непріятель обязанъ своимъ спасеніемъ только медлительности хода отсталой въ Копысь русской главной арміи, удостовѣряютъ положительно, что Чичаговъ былъ лишенъ всякой возможности задержать Французовъ и дать имъ надлежащій отпоръ, такъ какъ онъ оставался безъ подкрѣпленій. Одинъ изъ нихъ выразился по этому предмету слѣдующимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ Николаю Михайловичу Лонгинову въ С.-Петербургъ, отъ 16 января 1813 года:

«Я вижу, что у васъ въ Петербургъ совсѣмъ не отдають справедливости адмиралу Чичагову. Хотя, конечно, были ошибки (не одинъ онъ ихъ дѣлалъ), но движеніе его къ Борисову прямо, оставляя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмѣло. Мало изъ тѣхъ, его осуждающихъ, которые пошли бы съ 30 тысячами прямо въ зубы къ Бонапарте, имѣвшему 80 тысячъ войскъ. Березина, можно сказать, доканала Французовъ и сраженіе, кото-

¹⁴⁰ Н. О. Дубровицъ, стр. 193—196.

¹⁴¹ Н. О. Дубровицъ, стр. 349, 356—357.

рое имѣлъ Чичаговъ, 16 ноября, въ (Стаховскомъ) лѣсу, тысячу разъ важнѣе и труднѣе, нежели взятіе графомъ Витгенштейномъ генерала Партоно (Partoueaux) съ мародерами, о которомъ такъ у васъ всѣ радуются и кричатъ. Витгенштейнъ, конечно, славно служилъ, имѣя право на благодарность Россіи, но и то правда, что онъ отлично умѣлъ реляціи писать. Партоно сдался ему самъ, потому что онъ не могъ уже болѣе атаковать Чичагова; онъ искалъ кому сдать, а его офицеры искали съ кѣмъ объ этомъ переговорить, когда адъютантъ Витгенштейна наѣхавъ на нихъ, взялъ ихъ отъ офицеровъ Платова, не понимавшихъ по французски и повелъ къ Витгенштейну, съ которымъ и была подписана капитуляція. Сраженіе же тамъ съ ними не было. Я вамъ это сообщая, чтобы доказать, насколько ваши извѣстія бываютъ искажены и какъ ваши сужденія въ Петербургѣ о начальникахъ часто ложны. Самого Бонапарте взять была пустая мысль, такъ какъ это могло совершиться только совершенно случайнымъ образомъ. Что же касается до арміи его, то скажу вамъ, что бывшей въ Россіи французской арміи болѣе не существуетъ, а вышло отсюда только достаточное число свидѣтелей, для разсказа о томъ, каково съ нами воевать. *Всѣ Французы подтверждаютъ, что ихъ побудила совершенно и главнѣйшимъ образомъ—только встрѣча съ Дунайскою арміею Чичагова у Березины.* Тутъ потеряли они весь обозъ свой, казну, артиллерію гвардейскую и все, что оставалось еще у нихъ изъ свѣжихъ войскъ¹⁴².

Адмиралъ П. В. Чичаговъ, въ подробныхъ донесеніяхъ своихъ Императору Александру отъ 17, 18 и 29 ноября 1812 года, высказалъ въ оправданіе свое весь ходъ его военныхъ дѣйствій, затрудненія встрѣчавшіяся имъ постоянно при выполненіи главнаго плана кампаніи и настоящія причины, которыя помѣшали ему совершить то, чего желалъ, чего ожидалъ отъ него какъ самъ Государь, такъ и вся Россія, а именно—*задержанія Наполеона у Березины*¹⁴³.

Послѣ несомнѣнно блестящаго Березинскаго сраженія, которое вынесъ съ полною славою на однихъ своихъ плечахъ адмиралъ Чичаговъ, онъ не удовольствовался этимъ и не остановился на пути. Поддерживаемый отрядами генераловъ Платова и графа Витгенштейна, Павелъ Васильевичъ пошелъ во слѣдъ бѣгущему

¹⁴² П. О. Дубровинъ, стр. 451.

¹⁴³ Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. VI, стр. 51—66.

неприятелю и идя, въ полномъ смыслѣ, по пятамъ спасавшихся, онъ съ 17 по 27 ноября гналъ и билъ ихъ по пути къ Вилейкѣ и Вильнѣ. Кромѣ разныхъ мелкихъ стычекъ, удачно произведенныхъ нашими войсками, авангардный генералъ его Чаплицъ разбилъ въ Сморгоняхъ трехтысячный неприятельскій отрядъ и уничтожилъ его совершенно. Быстро пройдя Молонечну и Бѣлецкъ отряды Чичагова стояли уже 27 ноября подъ Вильною.

На всемъ пути преслѣдованія отъ Березины до Вильно, адмиралъ завладѣлъ 150 французскими орудіями, уничтожилъ весь арріергардъ ихъ и, плѣнивъ до 20 тысячъ человекъ, заставилъ Наполеона опроретью бѣжать далѣе, чтобъ только укрыться отъ его упорѣйшихъ преслѣдованій ¹⁴⁴.

28 ноября, соединенные отряды адмирала Чичагова овладѣли городомъ Вильно, откуда послѣдно выѣхали командовавшій тамъ войсками маршалъ Мюратъ, а съ нимъ и маршалъ Ней, незадолго предъ тѣмъ пришедшій съ остатками своихъ голодныхъ, обезсиленныхъ и еле одѣтыхъ солдатъ. Въ тотъ же день вступилъ въ Вильно и адмиралъ Чичаговъ со своею малою, но бодрою и не разстроеною арміею, которая заключалась въ то время всего изъ 17454 человекъ съ 156-ю орудіями ¹⁴⁵.

Вечеромъ 29 ноября, торжественно въѣхалъ въ Вильно при восторженныхъ крикахъ мѣстнаго населенія главнокомандующій, фельдмаршалъ князь Кутузовъ, который расположился въ городскомъ замкѣ. Здѣсь встрѣтилъ его адмиралъ Чичаговъ и подалъ ему со строевымъ рапортомъ ключи отъ города.

Нечего уже и говорить о томъ, что послѣ всего происшедшаго, официальное свиданіе этихъ двухъ военачальниковъ, между которыми легла глубокая неприязнь, было самое тягостное для обоихъ и холодное. Адмиралъ Чичаговъ зналъ хорошо, что князь Кутузовъ приписывалъ ему разныя вымышленныя ошибки и всю вину совершеннаго Наполеономъ перехода черезъ Березину. Съ другой стороны и фельдмаршалу не могло быть пріятнымъ вѣдать, что въ карманѣ адмирала лежатъ обличительныя противъ него фактическія доказательства, заключающіяся въ посланныхъ къ нему во время компаніи извѣстій и исходившихъ отъ него изъ главной квартиры, разнорѣчивыхъ, сбивчивыхъ предписаній.

¹⁴⁴ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 175, 196—198; Н. О. Дубровинъ, стр. 381—386.

¹⁴⁵ Богдановичъ, т. III, стр. 466.

Не смотря на все это, князь Кутузовъ прикрылся самыми утопченными, дипломатическими любезностями по отношенію къ адмиралу Чичагову, къ которому онъ собственноручно написалъ 28 ноября 1812 года слѣдующія строки:

— «Благодарю васъ милостивый Государь мой Павелъ Васильевичъ за все то, что произошло со вѣрными сближенія вашего съ нами. Лѣстно всякому имѣть такого сотрудника и такого товарища, какого я имѣю въ васъ.—Князь Кутузовъ ¹⁴⁷.

До этого свиданія, еще 25 ноября главнокомандующій князь Кутузовъ доносилъ Императору Александру о намѣреніи своемъ пріостановить въ окрестностяхъ Вильны главныя силы свои, поручивъ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля авангардамъ графа Витгенштейна и адмирала Чичагова, которые, по мнѣнію его, должны были гнать Шварценберга только до австрійскихъ границъ.

Въ отвѣтъ на это, Императоръ Александръ, въ рескриптѣ своемъ отъ 2 декабря 1812 года на имя фельдмаршала, повелѣлъ ему, не останавливаясь въ Вильнѣ, усиленно преслѣдовать французовъ, какъ войсками его большой арміи, такъ и отрядами адмирала Чичагова, на подкрѣпленіе котораго назначилъ корпусъ графа Витгенштейна; послѣднимъ двумъ, онъ отдалъ прямо отъ себя приказаніе — «слѣдовать неустанно по пятамъ непріятельскимъ, держась такого направленія, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ Имперіи, имѣть лишь въ виду одну цѣль — мѣшать, насколько возможно врагу во всякомъ сообщеніи и соединеніи съ разнаго рода подкрѣпленіями, которыя могли бы его усилить.» ¹⁴⁸

Въ сиду этого повелѣнія, адмиралъ Чичаговъ вышелъ со своею арміею изъ Вильны, въ сопровожденіи отряда генерала Платова на Ковно, къ Нѣману, но здѣсь онъ былъ опять остановленъ по распоряженію фельдмаршала, и расположившись съ 5 декабря близъ Пренъ, простоялъ тамъ на мѣстѣ, безъ дѣла, 12 сутокъ, напрасно ожидая какихъ либо приказаній изъ главной квартиры.

¹⁴⁷ Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ адмирала П. В. Чичагова, хранящихся у внучатнаго его племянника Леопида Михайловича Чичагова, которому и сдѣланы мы какъ этимъ цѣннымъ сообщеніемъ, такъ и другими свѣдѣніями для настоящаго жизнеописанія.

¹⁴⁸ М. И. Богдановичъ, т. III, стр. 466—467; Н. О. Дубровинъ, стр. 390.

Примѣчаніе. Въ то время, Высочайшимъ указомъ 6 декабря 1812 года, Императоръ Александръ пожаловалъ князю М. И. Кутузову почетный титулъ «князя Смоленскаго» за пораженіе французовъ подъ этимъ городомъ (Русскій Архивъ, 1866 г. стр. 471).

Обрекая адмирала, вопреки повелѣнію Императора, на полное бездѣйствіе, Князь Кутузовъ велѣлъ ему послѣ этого стать въ Гизнѣ, на границѣ Лифляндіи и затѣмъ не давалъ ему никакихъ порученій.

Ясно было видно, что ревнивый фельдмаршалъ всячески устранилъ адмирала отъ возможности проявить себя новыми успѣхами, а потому и держалъ его рѣшительно въ сторонѣ отъ всякаго участія въ дальнѣйшихъ военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ.

Съ горечью на сердцѣ сохранялъ Павелъ Васильевичъ свое выжидательное, бездѣйственное положеніе, изъ котораго не хотѣлъ выпустить его князь Смоленскій, старавшійся всѣми мѣрами затмить его прошлыя истинныя заслуги, приписанныя другимъ. Не менѣе тяжело отзывались въ душѣ адмирала, долетавшіе до него въ то время оскорбительныя слухи о разраставшемся все болѣе обвиненіи его даже въ измѣнѣ при Березинской переправѣ Наполеона, за которую не вѣдая сути осыпали его тяжкими нареканіями и русское общество и весь русскій народъ ¹⁴⁷.

¹³⁸ Березинскій переходъ Наполеона вызвалъ противъ адмирала П. В. Чичагова вообще народное негодованіе, переносившееся изъ устъ въ уста въ самыхъ оскорбительныхъ для него выраженіяхъ и даже въ видѣ обвиненія въ измѣнѣ. О томъ, насколько сильно было негодованіе противъ адмирала, даже въ развитыхъ слояхъ общества можно судить по слѣдующимъ проявленіямъ: I Въ одной современной тогда карриатурѣ выразилось весьма определенное убѣжденіе русскаго народа въ сознательной ошибкѣ адмирала Чичагова для пропуска Наполеона черезъ Березину. Въ этой карриатурѣ, князь Кутузовъ, изображенный на конѣ, тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Бонапарте; на противоположномъ же концѣ сѣти сидитъ на якорѣ Чичаговъ, провознося: «*je le saute*» (я его спасаю), а Наполеонъ, въ видѣ зайца, проскальзываетъ за его спиною. (Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164—165; Записки Вигеля, т. IV, стр. 73).

II. Сходственно съ этою карриатурою, перу извѣстнаго поэта нашего Г. Р. Державина, (Сочиненія его, изд. Я. К. Грота, т. III, стр. 451), приписываютъ слѣдующую, найденную въ его бумагахъ, эпиграмму на адмирала Чичагова:

«Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ Французовъ
И гналъ и билъ
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Пришелъ,—да все и распустилъ.»

III. Въ статьѣ г. Кеневича: «Историческое значеніе басень Крылова». (Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 164), высказано, что въ баснѣ — «Щука и

11 декабря прибылъ въ Вильно Императоръ Александръ Павловичъ, съ личнаго разрѣшенія когорого, явился къ нему тамъ, 15 декабря, П. В. Чичаговъ совсѣми своими оправдываемыми документами. Личныя неудовольствія противъ него князя Кутузова и усилившаяся рознь между ними, дѣлали совмѣстную службу ихъ не выносимою, такъ что адмиралъ рѣшился просить у Монарха о своемъ увольненіи.

Но на аудіенціи, Александръ Павловичъ необыкновенно ласково встрѣтилъ вошедшаго къ нему адмирала и съ полнымъ благоволеніемъ обошелся съ нимъ, видимо впрочемъ уклоняясь отъ разговора касательно совершившихся событій. Такъ какъ Императоръ продолжалъ молчать объ этомъ, то Чичаговъ самъ рѣшился спросить—имѣетъ ли Государь противъ него какое либо неудовольствіе?—«О нѣтъ!»—отвѣчалъ милостиво Александръ Павловичъ—«я вами совершенно доволенъ. Мнѣ извѣстно, что вы сдѣлали все «возможное и зависящее отъ васъ, но я только сожалѣю что, мосты у Зембина, надъ болотами, не были уничтожены». На это Чичаговъ хотѣлъ было лично вновь разъяснить, въ оправданіе свое, обстоятельства, которыя породили незаслуженныя имъ укоризны. Отклоняясь опять отъ продолженія разговора по этому предмету, Государь повторилъ ему только, что онъ не можетъ сдѣлать ему никакого упрека и совѣтовалъ Павлу Васильевичу не обращать вниманія на злорѣчіе людей, вовсе незнающихъ истиннаго положенія дѣлъ. При этомъ, Императоръ рѣшительно отказалъ ему въ увольненіи и, милостиво убѣждая адмирала оставаться при арміи, велѣлъ ему опять ѣхать къ своимъ войскамъ¹⁴⁸. Павлу Васильевичу приходилось покориться волѣ Монаршей и стать вновь въ ряды дѣйствующихъ армій. Продолжая послѣ этого командовать своими отрядами, адмиралъ получилъ повелѣніе Императора выступить къ Тильзиту и настойчиво преслѣдовать оттуда французовъ, шагъ за шагомъ. Но по прибытіи, 17 января 1813 года, въ Эль-

Котъ»—какъ гласитъ преданіе, подъ шукою Крыловъ разумѣлъ Чичагова, начальника Дунайской арміи, который, будучи посланъ въ тылъ войскъ Наполеона, долженъ былъ преградить ему путь чрезъ Березину.

IV. Одинъ изъ современниковъ, характеризуя адмирала Чичагова, какъ человека, говорить, что «въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англіи мореплаванію и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка, онъ соединялъ въ себѣ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; *послѣдній же его подвигъ* (защита Березины), *заставилъ ихъ встать преслѣрать его*». Записки Академіи Наукъ, т. IV, стр. 165).

¹⁴⁸ Н. О. Дубровинъ, стр. 400; Архивъ князя Воронцова, Т. XIX, стр. 196—198.

бингъ, Чичагову прислано было отъ князя Кутузова новое приказаніе отступить на Прейсишъ—Эйлау и озаботиться устройствомъ правильнаго сообщенія между Торномъ и Позеномъ. Исполняя это порученіе, адмиралу удалось успѣшно блокировать Торнъ и завладѣть большими непріятельскими магазинами въ Бромбергъ.

Не смотря на успѣхъ по всѣмъ возлагавшимся на него порученіямъ, неудовольствія между нимъ и Княземъ Кутузовымъ все болѣе обострялись и ставили его въ самое тяжелое, отчужденное отъ всѣхъ положеніе.

Утомленный наконецъ не прекращавшеюся борьбою съ враждебною партією, окружавшею главнокомандующаго, Павелъ Васильевичъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ пререканій, козней и интригъ, рѣшился возобновить свое ходатайство у Императора объ увольненіи, ссылаясь на свое вполне разстроенное здоровье.¹⁴⁹

Уступая наконецъ и убѣдительнѣйшей просьбѣ адмирала, Александръ Павловичъ согласился отпустить его съ арены военныхъ дѣйствій. Лишь только Павелъ Васильевичъ получилъ желаемое разрѣшеніе, онъ успѣшно сдалъ 3 февраля 1813 года команду надъ своими войсками генералу Михаилу Богдановичу Барклаю-де Толли и въ концѣ марта прибылъ въ С.-Петербургъ.¹⁵⁰

Для пополненія приведенныхъ уже нами историческихъ данныхъ, хотя и довольно ярко освѣщающихъ картину событій отечественной войны, въ которой такъ достойно, но безъ счастья подвизался П. В. Чичаговъ, мы считаемъ себя почти обязанными привести еще, въ подлинныхъ словахъ, хотя и довольно обширный по чрезвычайно любопытный современный документъ; въ немъ, одинъ изъ тогдашнихъ дипломатическихъ представителей при русскомъ дворѣ, слѣдовательно, лице, достаточно близкое къ нашимъ высшимъ правительственнымъ сферамъ, въ официальномъ своемъ донесеніи, написанномъ, по собраніи всѣхъ достовѣрнѣйшихъ данныхъ, чрезъ 7 мѣсяцевъ послѣ событія, очерчиваетъ характеристику адмирала Чичагова и весьма подробно описываетъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія злосчастную

¹⁴⁹ Дѣйствія П. В. Чичагова въ продолженіи его заграничнаго похода, тогдашнее положеніе его и причины заставившія его желать оставленія арміи, подробно изложены въ дружескомъ его письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 25 мая 1813 года. (Архивъ князя Воронцова, Т. XIX, стр. 181—189.)

¹⁵⁰ Н. О. Дубровинъ.—Отечественная война въ письмахъ современниковъ, стр. 466 и письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Импер. Александра I, стр. 96.

Березинскую переправу. Замѣтимъ при этомъ, что содержаніе этого документа, въ главныххъ чертахъ своихъ вполнѣ согласующагося съ изданными какъ прежде такъ и нынѣ Н. Ѳ. Дубровинимъ новыми свѣдѣніями, тѣмъ болѣе важно, что оно какъ показаніе современника событію, доставляетъ еще большую возможность, съ возстановленіемъ истины, на всегда и совершенно смыть съ памяти нашего умнѣйшаго, честнѣйшаго русскаго дѣятеля тѣ порицанія и оскорбительныя обвиненія, на которыя обрекли его и умыселъ и враждебныя чувства къ нему ослѣпленныхъ соотечественниковъ и наконецъ беззащитность его положенія.

Въ своей официальной депешѣ изъ С. Петербурга отъ 2—14 июня 1813 года, посланной къ министру короля Сардинскаго, представитель его въ Россіи, графъ Іосифъ де-Местра приводитъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія по отношенію Кампаніи нашей отечественной войны 1812 года. Относительно адмирала П. В. Чичагова, онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее ¹⁶¹.

¹⁶¹ Архивъ князя Воронцова, Т. XV, стр. 491—503.—«Адмиралъ Чичаговъ есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ Россіи. Въ то время, какъ пишутся настоящія строки, нѣтъ ни одного изъ русскихъ дѣятелей, котораго можно было бы поставить не только выше его, но даже и наравнѣ съ нимъ, по уму, быстротѣ соображеній, твердости характера, сираведливости, стремленію быть полезнымъ, гдѣ бы онъ ни находился, по безкорыстію и даже по строго нравственнымъ качествамъ. Но всѣ эти превосходныя достоинства омрачаются двумя большими его недостатками. Первый изъ нихъ, о которомъ, полагаю, можно было бы пройти молчаніемъ при отсутствіи втораго, заключается въ своеобразномъ взглядѣ его на религіозную сторону вѣрованій, взглядѣ не имѣющемъ у него ничего общаго ни съ греческимъ, ни съ латинскимъ вѣроисповѣданіями. Второе пятно въ его характерѣ есть презрительное отношеніе и даже глубокая ненависть ко всемъ отечественнымъ учрежденіямъ, которымъ онъ приписываетъ только глупость, невѣжество, грабительство и деспотизмъ. Русскіи челоѣкъ лучше всѣхъ другихъ націй въ мірѣ понимаетъ свои недостатки, но онъ не легко прощаетъ тому, кто ему на нихъ указываетъ. При желаніи жить съ нимъ въ ладу, не только не должно позволять себѣ выказывать видъ порицанія чего-либо въ его отечествѣ (на что нерѣдко поддаются иностранцы), но напротивъ слѣдуетъ противорѣчить всякимъ нападкама, позволяя себѣ развѣ только улыбнуться, чтобы не оказаться въ положеніи обманутаго. Ежели исключить малое число лицъ, близко знающихъ и бывающихъ достоинства адмирала, то все остальное большинство русскаго общества относится къ нему съ ярою ненавистью, называя его личнымъ врагомъ своей родины. Въ дѣйствительности онъ не былъ таковымъ. Его можно даже считать лучшимъ патріотомъ, чѣмъ многихъ другихъ, потому, что въ немъ вовсе нѣтъ неприязни къ самой Россіи, но глубоко лежитъ ненависть къ порокамъ и злоупотребленіямъ ее обезчещиваемымъ; но такое уточненное различіе въ поня-

— «L'amiral Tchitchagoff est un des personnages les plus remarquables de la Russie. A l'époque où l'on écrit ceci, personne ne le surpasse et même personne ne l'égale parmi les gens en place,

тіяхъ, мало доступное понятію большинства, нисколько не извѣняетъ однакоже желчнаго порвцанія и ядовитыхъ насмѣшекъ, расточаемыхъ имъ насчетъ своей собственной родины. Друзья его многократно возражали ему по поводу такого поведенія и онъ хотя выслушиваетъ ихъ съ извѣстнымъ благодушіемъ, но все-таки продолжаетъ поступать по своему. Императору не безизвѣстны и образъ дѣйствій адмирала и его увлеченныя рѣчи; тѣмъ не менѣе онъ всегда имѣлъ къ нему особенное расположеніе, которое вредило даже Его И. Величеству въ общественномъ мнѣніи. *Онъ не русский*—твердятъ всѣ—*онъ не любитъ Россіи и благоволитъ лишь къ тѣмъ кто ее ненавидитъ*. Во всемъ этомъ справедливо только то, что Императоръ болѣе развитъ, чѣмъ его народъ и, можетъ быть, въ этомъ кроется все его несчастье. Будь онъ менѣе опередившимъ народъ по своему развитію, его бы болѣе любили соотечественники, потому что въ такомъ случаѣ онъ довольствовался бы, благоволилъ и одобрялъ всю окружающую его среду.

Когда злосчастная война противъ Турокъ, веденная Кутузовымъ далеко не съ первостепеннымъ успѣхомъ, пріостановилась наконецъ по случаю заключеннаго перемирія, то ему даны были широкія полномочія, необходимыя для подписанія мира; но между тѣмъ ничто не кончалось и ежедневно доходившія изъ Молдавіи жалобы на поведеніе русскаго генерала вывели изъ терпѣнія Императора, который отправилъ на замѣну его адмирала Чичагова. Тогда князь Кутузовъ, предупрежденный объ этомъ черезъ особаго курьера, посѣпшилъ приступить къ заключенію мира, на который онъ никогда бы не рѣшился и адмиралъ, по пріѣздѣ своемъ, нашель его уже подписаннымъ. Несмотря на то, что Чичаговъ тутъ же заявилъ о нежеланіи своемъ не вмѣшиваться въ это дѣло, ни присвоивать себѣ чужую славу, но онъ поставленъ былъ въ необходимость закрѣпить трактатъ своею подписью въ удовлетвореніе только ограждавшихъ себя подозрительныхъ противниковъ, потребовавшихъ таковой отъ новоприбывшаго главнокомандующаго; въ то же время онъ извѣстилъ Императора, что подпись его была приложена лишь для формальности акта и что онъ признаетъ всю честь мира всецѣло за своимъ предшественникомъ. Нельзя было поступить съ болѣею деликатностію, между тѣмъ князь Кутузовъ никогда не могъ простить ему этого.

Адмиралъ остался въ Молдавіи, а Кутузовъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ онъ первоначально былъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи; но салонные вопли повлияли сильно на дурно расположеннаго къ нему Императора, который ввѣрилъ Кутузову главное начальство надъ дѣйствующими войсками и менѣе чѣмъ въ два мѣсяца возвелъ его въ фельдмаршала, графство, въ княжество и наконецъ далъ титулъ «князя Смоленскаго», жена его въ этотъ короткій срокъ должна была трижды перепечатывать своя визитныя карточки.

Императоръ и адмиралъ Чичаговъ полагали первоначально безполезнымъ присутствіе прекрасной Молдавской арміи на большомъ бранномъ полѣ, предназначая ее на задуманный ими другой болѣе широкій, болѣе значительный планъ дѣйствій, въ особенноти крайне важный въ интересахъ короля, моего владетелина. Но въ сущности они ошиблись и тогда адмиралъ выступилъ со своею арміею, чрезъ Минскъ, къ Березинѣ. Впрочемъ въ этомъ движеніи, адмирала весьма сильно об-

en esprit, en célérité du jugement, en force de caractère, en justice, en amour du mérite partout où il se trouve, en désintéressement et même en austérité de mœurs. Ces belles qualités sont obscurcies

впяли въ медлительности хода; но спрашивается могъ ли бы человекъ, такого твердаго характера какъ Чичаговъ, замедлять свой путь иначе какъ только по Монаршей волѣ, въ которой нельзя было не угадать одной, или даже двухъ тайныхъ причинъ.

Въ то время какъ адмиралъ подходилъ изъ Молдавіи, а князь Смоленскій Подвигался изъ этого города съ цѣлю соединенія обѣихъ армій при Березинѣ, общественное мнѣніе исподволь подготовлялось къ мысли, что на обязанности перваго лежало—перехватить Наполеона на переправѣ, мысль на подобіе того, какъ ловятъ мышъ. Налишне будетъ повторять здѣсь описаніе военныхъ дѣйствій Кутузова отъ Смоленска до Березины; она блестящи по успѣхамъ, но въ нихъ не видно ни одного искуснаго мастерскаго дѣла: онъ бралъ, истреблялъ людей по мѣрѣ того какъ они гибли отъ холода. Онъ подбиралъ пушки, ими же бросаемыя на пути—вотъ все чтò имъ было сдѣлано. Кутузовъ не сумѣлъ даже взять отъ нихъ въ плѣнъ ни одного фельдмаршала, или какого-либо именитаго генерала; онъ не показалъ даже съ своей стороны, что онъ считаетъ возможнымъ захватить самаго главнаго вождя. Этотъ вождь, отступая раздѣлялъ свою армію на три корпуса: 1-мъ командовалъ онъ самъ, 2-й отдалъ подъ начальство маршала Даву и 3-й вѣрилъ маршалу Нею. Подъ Краснымъ, русскіе, шедшіе параллельно съ французами, очутились вдругъ (сами того не подозревая и только по случаю неравномѣрнаго движенія колоннъ) между 2-мъ и 3-мъ неприятельскими корпусами. Нея оказался совершенно отрѣзаннымъ и настолько далекимъ отъ своихъ, что когда показался въ тылу русскихъ отрядовъ, то послѣдними было послано узнать кто за нами идетъ—свой или неприятель. Въ ту минуту представлялся превосходный случай нанести блестящій ударъ противнику. Кутузовъ этого не сдѣлалъ; онъ удовольствовался принятіемъ добровольно сдавшихся ему 12000 человекъ окоченѣлыхъ и голодныхъ солдатъ съ 27 пушками, тогда какъ въ то же время изъ рукъ его спасся, со 100 пушками и примѣрно 15000 солдатъ, маршалъ Нея, бросившійся нагонять своихъ; увидя Нея, Наполеонъ пришелъ въ полное изумленіе, потому что считалъ его не только неизбежно погибшимъ, но ни въ всякаго спасенія. Во всемъ происшедшемъ—спрашиваю я всегда—гдѣ же тотъ великій полководецъ? Этотъ случай далъ мнѣ поводъ, шутя, въ пріятельскомъ кружкѣ замѣтить, что *еслибы Наполеонъ командировалъ тогда Русскими, то неприятно взялъ бы себя въ плѣнъ.*

Во время отступленія французской арміи, адмиралъ Чичаговъ подходилъ со своею прекрасною 60-ти тысячною Молдавскою арміею и его переходъ черезъ Польшу, несомнѣнно заслуживаетъ полной похвалы. Въ 12 дней онъ очистилъ Волынь, отбросилъ за Бугъ австро-польскія войска и преслѣдуя ихъ жестоко, вызывалъ на бой. Будучи такимъ же хорошимъ дипломатомъ, какъ и военачальникомъ, онъ сумѣлъ вселить сочувствіе къ своей администраціи, прекратилъ грабежи въ краѣ, приобрѣлъ для Россіи преданныхъ людей и самъ сблизился съ такими мѣстными вліятельными лицами, которыя сообщали ему обо всемъ.

Адмиралъ разогналъ польскую конфедерацію и оказалъ въ то же время самую существенную услугу своему отечеству и общему дѣлу, главнѣйше тѣмъ, что до

par deux grandes taches: la première, sur laquelle on passerait, je crois, assez volontiers, sans la seconde, est une manière de penser en fait de religion, qui n'est certainement ni grecque, ni latine; la seconde est un mépris et même une haine profonde pour toutes les institutions de son pays, où il ne voit que sottise, ignorance, brigandage et despotisme. Le russe est l'homme du monde qui voit le mieux ce qui lui manque, mais qui pardonne le moins à celui qui l'en avertit. Si l'on veut vivre bien avec lui, non seulement il ne faut pas avoir l'air d'accuser sa nation (c'est un piège qu'il tend assez souvent aux étrangers), il faut le contredire en souriant tout au plus, si l'on ne veut pas avoir l'air d'une dupe. Si l'on excepte donc un petit nombre d'hommes, qui connaissent intimement l'amiral et lui rendent justice; tout le reste lui a voué une haine implacable et l'a signalé comme un ennemi public de son propre pays. Dans le fond cependant il n'en est rien. Il est même meilleur Russe que les autres; car il ne hait nullement la Russie, mais bien les vices et les abus qui la déshonorent; mais cette distinction subtile n'est pas à la portée du grand nombre et n'excuse pas d'ailleurs les critiques amères et les épouvantables sarcasmes qu'il se permet contre son pays. Ses amis l'ont prêché mille et mille fois sur ce sujet; il les écoute on ne peut pas mieux et va son train. L'empereur n'ignore ni les systèmes, ni les discours de l'amiral; cependant il a constamment eu beaucoup d'inclination pour lui, et cette inclination même a nui à Sa Majesté Impériale dans l'esprit public. *Il n'est pas Russe, dit-on; il n'aime pas la Russie et il n'aime que ceux qui la haïssent.* Ce

вель свои побѣдоносныя реляціи до свѣдѣнія Вѣны, и въ особенности до Константинополя, куда, по непростительному невниманію, не доходило никакихъ свѣдѣній о ходѣ компаніи. Увлеченный успѣхами Наполеона и разореніемъ имъ Москвы, турецкій Диванъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, обезглавилъ тогда двухъ несчастныхъ братьевъ, бывшего господаря Молдавіи, князи Мурузи, поставивъ имъ лишь въ вину участіе ихъ, какъ драгомановъ, при заключеніи мирнаго трактата съ Россіею. Диванъ чуть было не отдался въ то время въ руки Франціи, у сторонниковъ которой вскружилась голова отъ необыкновенныхъ ея успѣховъ. Едва только русскій министръ въ Константинополѣ поднялъ голосъ протеста противъ распоряженій Дивана, какъ получены были тамъ денеши Чичагова, которые благопріятно поддержали нашего представителя и образумили общественное мнѣніе въ Турціи.

Къ сожалѣнію надо сказать, что въ эту бѣдственную эпоху суждено было законнымъ правительствамъ Европы тѣшить только грабительскаго завоевателя взаимнымъ ихъ ожесточеніемъ и тѣмъ помогать ему вынутываться изъ самаго дурнаго положенія. Австрія оплатила тогда Россіи съ лихвою за вредъ причинен-

qu'il y a de vrai en cela, c'est que l'Empereur est plus avancé que sa nation, et peut être que c'est un malheur pour lui. S'il était moins au-dessus d'elle, il en serait aimé davantage, parce qu'il ne connaîtrait, n'aimerait et ne louerait que ce qu'il verrait autour de lui.

«La fatale guerre contre les Turcs ayant été enfin suspendue par un armistice, Koutousoff, qui avait conduit cette guerre avec des succès de second ordre, était demeuré avec les pleins-pouvoirs nécessaires pour la signature de la paix; mais rien ne se terminait, et les plaintes arrivant tous les jours de Moldavie sur la conduite du général russe, l'Empereur impatienté, y envoya l'amiral Tchitchagoff. Alors le prince Koutousoff, averti par un courrier, brusqua la paix, que jamais il n'aurait faite, de manière que l'amiral en arrivant trouva la paix signée. Tout de suite il dit qu'il ne voulait point s'en mêler, ni s'attribuer d'aucune manière la gloire d'autrui, et les gens qui sont soupçonneux, ayant exigé la signature du nouvel arrivé, pour leur sûreté, il l'apposa au bas du traité; mais tout de suite il écrivit à l'Empereur qu'il ne l'avait fait que pour la forme et qu'il entendait que l'honneur de la paix demeurât entièrement à son prédécesseur. On ne pouvait agir avec plus de délicatesse; cependant Koutousoff ne lui a jamais pardonné cela.

L'amiral demeura en Moldavie, et Koutousoff revint à Pétersbourg, où il fut d'abord assez négligé; mais le cri des salons força la main à l'Empereur, qui était fort mal disposé en sa faveur. Il lui conféra le commandement général, et dans moins de deux mois il fut fait maréchal, comte, prince et prince de Smolensk, de manière

ный ей въ 1809 году, когда ей пришлось разобщать свои силы. Но велика была разница между тогдашними и настоящими дѣйствіями; въ то время князь Голшцынъ воевалъ съ австрійцами какъ джентльменъ, едва касаясь ихъ только концомъ своего меча и показывая имъ явно нежеланіе вредить имъ; между тѣмъ какъ нынѣ князь Шварценбергъ, дѣйствуя подобно разрушительному потоку лавы, заставлялъ своимъ поведеніемъ жалѣть и предпочитать имѣть дѣло лучше съ французами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ пришлось раздробить армию адмирала. Онъ оставилъ 30 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ генерала Сакена, для противудѣйствія Шварценбергу, а самъ съ остальными 30-ю тысячами пошелъ на Минскъ, согласно данной ему инструкціи. Князь Кутузовъ писалъ ему: *«надеюсь, что вы будете въ Минскъ 19 ноября»*. Минскъ былъ занятъ 4 числа, приступомъ взята передовая нецрѣятельская позиція, а полякъ Домбровскій отброшенъ къ Борисову. 11 ноября такимъ же приступомъ адмиралъ овладѣлъ Борисовскими укрѣпленіями. Взоры всей Россіи были устремлены на центральный пунктъ главныхъ военныхъ дѣйствій и даже общественное мнѣніе, подготовленное людьми, хорошо

que sa femme, dans ce court espace de temps, fit graver trois fois ses billets de visite.

L'Empereur et l'amiral Tchitchagoff croyaient d'abord la belle armée de Moldavie inutile sur le grand champ de bataille, et ils en disposaient en spéculation d'une manière très grande, très vaste, très importante surtout pour les intérêts du roi, mon maître. A la vérité, ils se trompaient, et l'amiral partit enfin pour se rendre sur la Bérézina par Minsk. Cependant on l'accusait ici très-gravement de lenteur, comme si un homme de son caractère avait pu être retenu par d'autres raisons que celle de la volonté souveraine, dont il n'était pas difficile de deviner un secret et même deux.

Pendant que l'amiral arrivait de Moldavie et que le prince de Smolensk arrivait de cette dernière ville pour se réunir l'un et l'autre sur la Bérézina, on avait accoutumé insensiblement l'opinion publique à croire que c'était au premier à prendre Napoléon au passage, comme on prend une souris. Les opérations de Koutousoff, de Smolensk à la Bérézina, n'ont plus besoin d'être racontées; elles furent brillantes par le succès, mais on n'y voit pas un seul coup de maître; il a pris, il a détruit des hommes à mesure qu'ils tombaient de faim et de froid. Il s'est emparé des canons qu'ils abandonnaient: voilà tout. Il ne leur a pas su prendre un maréchal, pas un général de nom; il n'a pas montré seulement qu'il eu connu comme simplement possible la prise du grand chef. Celui-ci avait divisé son armée en trois corps: le 1-er commandé par lui-même, le 2-d par Davoust, le 3-me par Ney. A Krasnoy les Russes, qui marchaient parallè-

понимавшими что она дѣлають, рѣшило, что адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ захватить Наполеона.

Чтобы выяснитъ себѣ положеніе этого военачальника, должно прежде всего обратитъ вниманіе на численное состояніе войскъ. Наполеонъ вышелъ изъ Москвы съ 125-ю тысячами людей. Не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся свидѣтельствомъ, что эта цифра основана на многихъ достовѣрныхъ исчисленіяхъ, которыя возможны только при подобныхъ обстоятельствахъ. Съ тою же почти точностію, можно положить цифру потерн въ 60 тысячъ человѣкъ *), когда къ оставшимъ его силамъ подошли генералы Викторъ и Магдональдъ, которые доставили ему 30. тысячъ. И такъ Наполеонъ подошелъ къ Березинѣ съ 95-ю тысячами; исчисленіе это тѣмъ болѣе важно, что даже въ Англіи не знали точнаго числа непріятельской арміи и когда адмиралъ, человѣкъ чуждый всякаго самохвальства, показалъ въ этихъ реляціяхъ, что у Наполеона было не менѣе 70 тысячъ человѣкъ, то въ Лондонѣ печатно «признали эту цифру преувеличенною» — доказательство того, что даже Англичане были введены въ заблужденіе какими-то живыми сообщеніями. Несомнѣнно, что показаніе Чичагова грѣшило невѣрно-

lement aux Français, se trouvèrent postés (sans le savoir et par le seul mouvement des marches) entre le second et le troisième corps, et Ney se trouva coupé et si bien coupé que lorsqu'il se montra sur les derrières des Russes, on envoya à sa découverte pour savoir si c'était des amis ou des ennemis. Il y avait là une superbe occasion de faire un coup mémorable. Koutousoff ne le fit point: il accepta 12000 hommes engourdis et affamés, qui se rendirent avec 27 canons; mais le maréchal Ney, avec 100 pièces de canons et 15000 hommes environ, lui échappa et regagna Napoléon, qui tomba des nues en le voyant; car il ne le croyait ni sauvé, ni sauvable. En tout cela je demande toujours où est le grand général? Et c'est ce qui m'a fait dire quelquefois pour amuser quelques amis intimes: *que si Napoléon avait commandé les Russes, il se serait pris.*

Pendant la retraite de l'armée française, l'amiral Tchitchagoff arrivait avec la superbe armée de Moldavie forte de 60,000 hommes, et sa campagne à travers la Pologne mérite certainement les plus grandes louanges. En 12 jours il nettoya la Volhynie et rejeta les Austro-Polonais au delà du Bug, ne cessant de les poursuivre et de leur présenter la bataille. Aussi bon politique que bon militaire, il sut aimer son administration, empêcha les pillages, fit des amis à la Russie et se lia avec des personnages marquants, qui l'instruisaient de tout.

Il dispersa la confédération polonaise et rendit d'ailleurs le service le plus signalé à sa patrie et à la cause commune, en faisant parvenir ses bulletins victorieux à Vienne et surtout à Constantinople,

стию, но только не въ преувелченія, а въ уменьшеніи численности непріятельской арміи.

Теперь; пусть вспомнятъ приведенное выше, а именно: «*что армія Чичагова была низведена всею на 30 тысячъ человекъ*»; битвы, утомленіе, болѣзни и стужа еще болѣе сократили ея численность. Но прибытіи въ Борисовъ, у него осталось всего 25 тысячъ человекъ, изъ которыхъ 10 тысячъ каналеріи оказывавшейся почти бесполезною, вслѣдствіе особыхъ свойствъ почвы: т.-е. *болота — въ лѣтнее время и колодедницы въ зимнее.* Изъ этого видно, что только отсутствіе всякаго смысла могло допускать заключеніе, чтобы какой бы то ни было генералъ, находясь во главѣ 15-ти или 18-ти тысячъ, былъ въ состояніи задержать таковаго Бонапарте, который располагаетъ 95-тысячною арміею.

Впрочемъ неизвѣстно, что могло бы произойти, ежели всѣми выполнены были опредѣленные обязанности; но почти никто изъ нихъ этого не сдѣлалъ.

До битвы подъ Краснымъ (5 и 6 ноября), генералъ Беннигсенъ писалъ Его Императорскому Величеству: «*Медлительность и слабое преслѣдованіе нами непріятеля приведутъ къ тому, что силы адмирала Чичагова окажутся недостаточными для задержанія врага при Березинѣ*». Это предсказаніе всецѣло сбылось

où l'on avait eu de ce côté l'inexcusable inattention de ne faire parvenir aucune nouvelle. Le divan, stupéfait par les succès de Napoléon et par la destruction de Moscou, avait déjà fait couper la tête aux deux infortunés frères du prince Mourousi, ci-devant hospodar de Moldavie, pour le seul crime d'avoir contribué en leur qualité de drogmans au traité de la paix. Le divan était sur le point de tomber dans les mains de la France, dont le parti avec la tête dans les nues. Le ministre russe avait à peine parlé lorsque les dépêches de Tchitchagoff vinrent animer et lui et l'opinion publique.

Malheureusement, il est écrit qu'à cette époque désastreuse, les puissances légitimes doivent s'égorger mutuellement pour amuser le brigand et le tirer des plus mauvais pas. L'Autriche nous rendit et avec usure le mal qu'on lui avait fait en 1809, en l'obligeant de diviser ses forces. La différence néanmoins a été grande, car le prince Galitzine fit alors aux Autrichiens une guerre de gentilhomme, ne les touchant que du bout du doigt et ne montrant que l'envie de ne pas leur nuire, tandis que le prince de Schwarzenberg est parvenu par sa conduite à faire regretter ou désirer les Français: sa marche a été celle d'un torrent de lave.

Il fallait donc partager l'armée de l'amiral. Il laissa 30,000 hommes au général Sacken pour faire tête à Schwarzenberg, et avec les 30,000 hommes restants il marcha sur Minsk, suivant ses instructions. Le prince Koutousoff lui écrivait: *«j'espère que vous serez à Minsk le 12 (novembre)»*. Minsk fut occupé le 4, la tête-de-pont fut emportée d'assaut et le Polonais Dombrowsky rejeté sur Borissoff.

на дѣлѣ; но чтобы вполне понять смыслъ такого предреченія, необходимо перейти къ объясненію всей печальной истины.

Чувствуя себя рѣшительно неспособнымъ нанести смертельный ударъ Наполеону, фельдмаршалъ до смерти опасался, чтобы такой ударъ не былъ сдѣланъ ему на Березинѣ и, по известнымъ уже вѣдѣмъ нравственнымъ его свойствамъ, онъ тысячу разъ охотнѣе готовъ былъ упустить добровольно Наполеона, чѣмъ видѣть его сраженнымъ подъ ударами Чичагова. Кутузовъ ненавидѣлъ адмирала и какъ соперника, вполне способнаго вырвать долю славы и какъ моряка, хорошо научившаго воинское дѣло на сушѣ. По этому, онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы только поднести и даже погубить Чичагова. Этими разъясняются совершившіяся событія. Преступныя дѣйствія, совершенныя въ этихъ видахъ, заключаются въ слѣдующемъ:

На другой день послѣ взятія приступомъ передовыхъ укрѣпленій подъ Боярысовымъ, адмиралъ, перешедшій уже мостъ со своимъ штабомъ, потерялъ небольшой уронъ на своихъ аванпостахъ, по винѣ одного болѣе храбраго нежели опытнаго генерала (Шалень). Не входя въ подробности этого неудачнаго дѣла,

Le 11 la tête-de-pont de Borissoff fut enlevée de même d'assaut. Tous les yeux de la Russie étaient ouverts sur le point central de toutes les opérations, et même l'opinion, préparée par des gens qui savaient très bien ce qu'ils faisaient, avait décidé que l'amiral Tchitchagoff devait prendre Napoléon.

Pour se former une idée de la position de cet officier, la première considération est celle du nombre respectif des troupes. Napoléon était sorti de Moscou avec 125.000 h. Forcé de supprimer les détails, on se contente d'assurer que ce nombre est fixé avec toute la certitude dont ces sortes de calculs sont susceptibles. On peut supposer avec une égale certitude qu'il en avait perdu 60.000 *, lorsqu'il fût rejoint dans sa marche par les généraux Victor et Macdonald, qui lui amenèrent 30.000. Il arriva donc sur la Bérézina avec 95.000 hommes, et cet article est bien important; car il paraît ignoré même en Angleterre, au point que l'amiral, qui est l'homme du monde le plus éloigné de toute forfanterie, ayant écrit dans un de ces bulletins que Napoléon avait au moins 70.000 hommes, on a imprimé à Londres, *que cette estimation paraissait fort exagérée*: preuve qu'on a été trompé en Angleterre par quelque relation mensongère. Sans doute que l'estimation était exagérée, mais elle l'était en moins.

Maintenant que l'on se rappelle ce qui a été dit plus haut: *que l'armée de Tchitchagoff était réduite à 30.000 hommes*; les combats, les fatigues, les maladies, le froid l'avaient encore diminuée. Il n'avait guère en arrivant à Borissoff que 25.000, dont 10.000 de cavalerie étaient rendus à peu près inutiles par la nature du terrain

достаточно сказать, что адмиралъ по переходѣ моста, потерялъ около 30-ти обозныхъ повозокъ и отъ 100 до 150 человекъ убитыми или плѣнными. Поспѣшивъ довести объ этомъ Императору, фельдмаршалъ писалъ: «адмиралъ потерялъ мнѣ 1 тысячи человекъ убитыми и 2000 плѣнными; но этого — пресовокупляя онъ — не слѣдуетъ печатать, во избѣжаніе дурнаго впечатлѣнія, которое произведетъ такое извѣстіе». Но это еще не все. Графу Витгенштейну приказано было перейти Березину и присоединиться къ войскамъ адмирала на правомъ берегу рѣки, а генералъ Эртель, командовавшій въ Мозырѣ 8-тысячнымъ отрядомъ долженъ былъ подойти на соединеніе съ нимъ еще въ Мясскѣ. Эртель прямо и положительно осудшалъ этого приказанія подъ самыми пустыми предлогами, такъ что адмиралъ поставленъ былъ въ необходимость предать его военному суду, въ рѣшеніи котораго дѣло шло неизбѣжно о его головѣ; но Эртель, рѣшившійся на

*) Les rapports officiels de Koutousoff porte cette perte à 56,130; on place au nombre rond. — Въ официальныхъ донесеніяхъ Кутузова цифра убитыхъ французовъ опредѣлена въ 56,130 чел.; здѣсь приводятся округленные цифры.

qui n'est qu'un marais en été et un verglas en hiver. On voit donc qu'il faut avoir absolument perdu le sens pour concevoir la prétention, qu'un général quelconque à la tête de 15 ou 18 mille hommes arrêtât un Buonaparte qui en commande 95.000.

Cependant on ne sait pas ce qui serait arrivé si tout le monde avait fait son devoir; mais presque personne ne le fit.

Avant la bataille de Krasnoy (5 et 6 novembre), le général Beningsen écrivait à Sa Majesté Impériale: *«la lenteur et la faiblesse que nous mettons dans la poursuite de l'ennemi, feront que les forces de l'amiral Tchitchagoff ne suffiront pas pour arrêter l'ennemi sur la Bérézina»*. La prophétie s'est trouvée parfaitement accomplie; mais pour la pénétrer dans toute son étendue, il faut partir de cette triste vérité.

Le maréchal, qui se sentait absolument incapable de porter le coup mortel à Napoléon, mourait de peur qu'il ne fût porté sur la Bérézina et avec la morale qu'on lui connaissait, il aurait laissé échapper volontairement Napoléon mille fois de suite plutôt que de le voir tomber sous les coups de Tchitchagoff. Koutouzoff haïssait donc l'amiral, et comme un rival qui pouvait lui enlever une partie de sa gloire, et comme officier de marine instruit dans le service de terre. En conséquence, il n'oublia rien pour le traverser et même le perdre. C'est ce qui explique tout. On va connaître les crimes commis dans cette vue.

Le lendemain du jour où la tête-de-pont de Borissoff fût prise d'assaut, l'amiral, qui avait passé ce pont avec son état-major,

ослушание Чичагову, понималъ хорошо, что этнмъ онъ повинуется другому. И дѣйствительно, адмиралъ былъ въскорѣ упрошенъ оставить это дѣло безъ послѣдствій и оно кончилось ничѣмъ.

Такимъ образомъ Чичаговъ, лишившійся и этнхъ 8-ми тысячъ войска, долженъ былъ еще испытать новыя, противъ него козни. Такъ какъ было неважѣстно, на что могъ бы рѣшиться этотъ эвергическій человекъ, хотя и со столь уменьшенными силами, то сочли необходимымъ, оторвать его, во что бы ни стало, отъ береговъ Березины—и вотъ какъ взялись за приведеніе такого умысла въ исполненіе. ¹³/₂₄ ноября адмиралъ Чичаговъ получилъ отъ впазя Кутузова сообщеніе *«что, по достовернымъ свидѣніямъ, до него дошедшимъ, ему стало извѣстнымъ, что большая часть французскихъ войскъ направляется на Бобруйскъ (болѣе 100 верстъ къ югу), а потому главнокомандующій и поручалъ адмиралу усиленно съидити отргзатъ имъ путь. Нѣсколько часовъ спустя доставлено было отъ графа Витгенштейна предупрежденіе того же смысла. Основываясь на такихъ извѣщеніяхъ адмиралъ поставилъ въ Студянкѣ (отъ 20-ти до 25-ти верстъ болѣе къ востоку, и все-таки у самой Березины) наблюдательные посты вдоль*

éprouva un petit échec à l'avant-poste, par la faute d'un officier plus brave qu'expérimenté. On ne le détaille pas, parceque cette relation n'est pas un livre. Il suffit de savoir que l'amiral, en repassant le pont, perdit une trentaine de chariots et 100 ou 150 hommes, tués ou prisonniers. Le maréchal écrivit sur cela à l'Empereur: *«l'amiral vient de me perdre 4.000 hommes tués et 2.000 h. prisonniers; mais ce sont des choses qu'il ne faut pas publier, à cause du mauvais effet qui en résulte.* Ce n'est pas tout. Le comte de Wittgenstein avait ordre de passer la Bérézina et de se joindre à l'amiral sur la droite de la rivière, et le général Oertel, qui commandait 8.000 hommes à Mozyr devait déjà l'avoir joint à Minsk. Oertel désobéit purement et simplement sous des prétextes en l'air, et l'amiral crut devoir le mettre depuis en justice pour le faire punir suivant les lois militaires, qui demandaient absolument sa tête, mais lorsque Oertel s'était déterminé à désobeir à Tchithagoff, il savait du reste qu'il obéissait à un autre. En effet l'amiral fût bientôt *prié* de laisser tomber cette affaire, et il n'en a rien été.

Voilà donc l'amiral avec 8.000 hommes de moins, mais il devait bien essayer d'autres tours. Comme on ne savait pas de quoi cet homme était capable, même avec des forces ainsi réduites, il fallait à toute force l'arracher des bords de la Bérézina, et voici comment on s'y prit. Le 12 (24) novembre l'amiral Tchitchagoff reçut une lettre du prince Koutousoff, par laquelle ce dernier lui faisait *part que suivant des renseignements certains qui lui étaient arrivés il savait que la plus grande partie des troupes françaises se portait sur Bo-*

береговъ рѣки, самъ успѣшно двинулся по направленію къ Бобруйску; но едва только онъ успѣлъ отойти на 20 верстъ, какъ къ нему прискакалъ во весь опоръ казакъ съ вѣстію, что Бонапартъ атакуеть всею своею арміею Студянскій отрядъ. Правый берегъ Березины преобладалъ надъ лѣвымъ; вовсе не глубокая рѣка дозволила непріятельской кавалеріи перейти въ бродъ, посадивъ пѣхотинцевъ на лошадей за спиною всадниковъ. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося до поздней ночи, командовавшій отрядомъ генералъ Чаплицъ вынужденъ былъ отступить; тогда Бонапартъ занялъ лѣсъ и, поставивъ свои мосты, открылъ переправу черезъ Березину. Безъ сомнѣнія, рождаются вопросы, почему Витгенштейнъ не повиновался давшимъ ему инструкціямъ и отчего главная русская армія, безъ которой нельзя было сдѣлать, находилась въ рѣшительный и давно предвидѣнный моментъ вдаль на сто верстъ отъ мѣста, гдѣ бы ей надлежало стоять на готовѣ? Очень не труденъ отвѣтъ на эти вопросы. Ежели французская армія была бы уничтожена на Березинѣ, то вся честь побѣды распалась между тремя дѣйствовавшими генералами и принадлежала бы исключительно адмиралу Чичагову; между тѣмъ, какъ, оставаясь позади, армія французовъ, въ самомъ дѣлѣ, не могла быть

brouysk (plus de 100 verstes au sud) et qu'il l'engageait à faire le plus de diligence possible pour leur couper le chemin. Quelques heures après le comte de Wittgenstein lui fit passer le même avis. L'amiral laissa une division à Stoudiane (20 à 25 verstes plus ou moins à l'est et toujours sur la Bérézina) des postes d'observation le long de la rivière, et marcha rapidement du côté de Bobrouysk; mais à peine avait-il fait vingt verstes, qu'un Cosaque, arrivant à toute bride, l'avertit que Buonaparte avec toute son armée attaquait la division de Stoudiane. La rive droite commandait la gauche; la rivière peu profonde permettait à la cavalerie de passer à gué, portant de l'infanterie en croupe. Après un combat opiniâtre, qui se prolongea bien avant dans la nuit, le général Tchaplitz qui commandait le détachement, fut forcé de reculer; le bois fut occupé, des ponts furent placés, et Buonaparte commença son passage. On se demande sans doute, pourquoi Wittgenstein n'avait pas obéi à ses instructions et pourquoi la grande armée, sans laquelle on ne pouvait rien faire, se trouvait pour le moment décisif et prévu depuis si longtemps, à cent verstes du point où elle devait être? La réponse n'est pas difficile. Si l'armée française eût été anéantie sur la Bérézina, la gloire eût été partagée entre les trois généraux qui auraient combattu; elle aurait même appartenu presque exclusivement à l'amiral Tchitchagoff, au lieu qu'en demeurant en arrière, l'armée française, à la vérité, ne pouvait être arrêtée, mais la faute pouvait être rejetée en entier sur un seul homme, qu'on voulait sacrifier en frappant pompeusement quelques coups sur la queue

задержана, но вмѣстѣ съ тѣмъ вину такой неудачи можно было всецѣло взыскать на одного только челоуѣка, которымъ хотѣли пожертвовать, нанеся его руками нѣсколько громкихъ ударовъ по хвосту хищнаго тигра, вмѣсто того, чтобы самими стать усиленно противъ него—чего тогдашніе герои для никакъ не желали этого сдѣлать. Все свершилось, какъ было задумано. Въ С.-Петербургѣ было донесено, что адмиралъ Чичаговъ пропустилъ Buonaparta и тотчасъ поднялся со всѣхъ сторонъ крикъ, какъ бы противъ злонамѣреннѣйшаго, уличеннаго измѣнника; пишущій настоящія строки удостовѣряетъ, что онъ въ то время не встрѣчалъ во всемъ столичномъ обществѣ ни одного челоуѣка, который рѣшился бы поставить вопросы: *какимъ числомъ войска командовалъ тогда адмиралъ?*—между тѣмъ какъ это обстоятельство заслуживало нѣкотораго вниманія.

Не смущаясь такою гнусною измѣною, Чичаговъ стаянулъ всѣ свои войска съ намѣреніемъ открыть атаку прогивъ непріятеля. Въ этихъ сборахъ онъ провелъ день 15/27. Графъ Витгенштейнъ стоялъ съ 13 числа въ Ракани *) и не смо-

*) Это ошибочно—слѣдуетъ сел. Кострицы.

du tigre, au lieu de s'opposer sérieusement à lui, ce que les héros du jour n'ont jamais voulu faire.

Tout arriva comme on l'avait prévu. On écrivit à S.-Pétersbourg *que l'amiral Tchitchagoff avait laissé passer Buonaparte*, et tout de suite on se mit à crier de tous côtés contre lui, comme on aurait pu crier contre un abominable traître convaincu, et celui qui écrit ceci peut attester dans aucun salon de la capitale il n'a entendu un seul homme s'aviser de demander: *à combien de soldats commandait l'amiral?* Ce qui était cependant une circonstance qui pouvait mériter quelque attention.

Tchitchagoff, sans se laisser déconcerter par cette épouvantable trahison, rassembla toutes ses forces pour attaquer. Ce rassemblement occupa la journée du 15 (27) novembre. Le comte de Wittgenstein était à Rakacy, depuis le 13, et quoique ce village ne soit éloigné de Borissoff que de 25 verste NO., son canon ne se fit entendre qu'à le 15 au soir. Aussitôt, l'amiral communiqua avec lui et lui proposa d'attaquer le lendemain, chacun de leur côté; mais la raison qui avait arrêté ce projet le 13, l'arrêta le 16. Buonaparte occupait les défilés avec une nombreuse infanterie, une quantité suffisante d'artillerie et quelque cavalerie en assez, bel état, que lui avaient amené Victor et Macdonald. Si Wittgenstein avait passé la Bérézina le 16, c'eût été avouer qu'il aurait pu la passer quelques jours auparavant; aussi, quoique d'accord avec l'amiral, il ne tint rien de ce qu'il avait promis. Tchitchagoff attaqua de son côté de fort bonne heure, et fort étonné de ne point entendre le canon de

тря на то, что это селеніе отстояло отъ Борисова всего на 25 верстѣ къ сѣверо-западу, но пушечный залпъ его впервые раздался только 15-го вечеромъ. Войдя съ нимъ въ переговоры, адмиралъ предложилъ ему начать въ слѣдующій день одновременную атаку, каждый самъ по себѣ; но причина помѣшавшая сдѣлать это 13-го числа, удерживала графа Витгенштейна и 16-го Бонапартъ занималъ дюжины, имѣя громадное число пѣхоты, достаточное количество артиллеріи и нѣсколько довольно хорошей кавалеріи, которая была приведена ему генералами Викторомъ и Маклопальдомъ. Если бы Витгенштейнъ перешелъ Березину 16 числа, то это служило бы признаніемъ возможности со стороны его перейти рѣку нѣсколько дней прежде; поэтому онъ, вопреки соглашенію съ адмираломъ, не предпринялъ ничего изъ условленнаго между ними. Чичаговъ открылъ съ своей стороны атаку раннимъ утромъ и, удивленный отсутствіемъ пушекъ Витгенштейна, послалъ къ нему приглашеніе ускорить совмѣстныя дѣйствія. Графъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ подготовъ и адмиралъ немедленно послалъ ему свои, не переставая усленно наступать на непріятеля. Не перестававшая цѣлый день борьба дала войскамъ Чичагова рѣшительный перевѣсъ надъ врагомъ, и тогда

Wittgenstein, il envoya vers lui pour presser l'attaque en commun. Le comte répondit qu'il n'avait pas de pontons; tout de suite l'amiral lui envoya les siens et continua vivement l'attaque. Après s'être battues toute la journée, ses troupes gagnaient du terrain. Alors Buonaparte, afin de n'être pas gêné par ses bagages, mit le feu à son pont, abandonnant six canons, 10.000 hommes et l'immense bagage. Wittgenstein eut le facile honneur de s'emparer de tout cela, et c'est pour ce grand fait d'armes, qu'on nous fit encore chanter un *Te-Deum*. L'estimable comte eut cependant la faiblesse d'écrire dans le bulletin où il rendit compte de cette journée: «*J'ai forcé l'ennemi à passer la rivière à Stoudenetz*». Sur quoi on a dit fort à propos qu'il combattait donc l'amiral Tchitchagoff, qui avait ordre d'empêcher ce passage. Le reste est connu; l'amiral dans cette journée tua ou prit 18.000 hommes aux Français, leur prit 7 canons et deux étendards. Il se mit ensuite à leur poursuite avec une activité dont il n'y a pas d'exemple, passant toutes les nuits au bivac et ne leur laissant pas un instant de relâche. De Stoudenetz à Wilna, en 12 jours, les Français perdirent 40.000 prisonniers, 25 à 30.000 morts et 250 pièces de canons. A Wilna Tchitchagoff demandait 20.000 hommes pour continuer la poursuite, le maréchal le refusa. On s'arrêta, trois semaines sur le Nièmen, qui ne fut traversé qu'à l'arrivée de l'Empereur. Les restes de l'armée Française en profitèrent pour s'échapper avec tous les maréchaux, tous les généraux marquants et peut-être 4.000 officiers.

Tout devait périr sur la Bérézina jusqu'au dernier homme. Les

Наполеонъ, чтобы не обременять себя тяжестями разнаго имущества, поджегъ свой мостъ, бросивъ русскимъ на добычу 6 пушекъ, ¹⁰/т. солдатъ и громадныя обозы. Все это досталось въ руки Витгенштейну и въ ознаменованіе его великаго подвига было отслужено благодарственное молебствіе. Между прочимъ досто-почтенный графъ, при донесеніи о доставившейся ему добычѣ, имѣлъ неосторожность упомянуть въ своей реляціи по событіямъ дня: «*что онъ вынудилъ непріятеля перейти рѣку въ Студенцѣ*». По поводу такихъ словъ, очень кетати было здѣсь замѣчено, что стало быть Витгенштейнъ воевалъ противъ Чичагова, которому весьма было помѣщать такому переходу. Остальное достаточно уже извѣстно: въ тотъ день адмиралъ положилъ убитыми или взявъ въ плѣнъ ¹⁸/т. французовъ, захвативъ у нихъ 7 пушекъ и 2 знамени. Послѣ этого, онъ бросился преслѣдовать ихъ съ безпримѣрною быстротою, проводя самъ всѣ ночи на бивуакахъ и не давая врагу ни малѣйшаго отдыха. Отъ Студенца до Вильно, въ 12 дней, французы потеряли 40 т. плѣнными, отъ 25-ти до 30-ти тысячъ убитыми и 250 пушекъ. Въ Вильнѣ Чичаговъ просилъ себя ²⁰/т. войска, чтобы преслѣдовать—въ этомъ отказалъ ему фельдмаршалъ. Произошла трехнедѣльная остановка у Нѣмана, ко-

calculs de l'égoïsme et de la jalousie en ont ordonné autrement. Les effets de ces coupables calculs sont déjà graves dans ce moment. Dieu veuille qu'ils ne soient pas funestes.

C'est là une de ces grandes occasions où l'on peut admirer tristement la puissance des préjugés aidés par l'esprit de parti et par l'orgueil national. Cet orgueil voulait un héros, il l'a fait comme on fait une caisse ou un soulier; il voulait une victime chargée de tout ce qui s'est fait de mal, il l'a faite aussi; et qui sait si jamais elle pourra se faire entendre parfaitement? Il n'y a rien de si vulgaire que la campagne de Koutousoff, quoique les éléments se soient chargés d'en faire une époque dans l'histoire. Il a été comblé d'honneurs dans ses derniers jours. Mort à quelques verstes de Dresde, ses restes ont été rapportés ici pour être enterrés dans la cathédrale de Casan—honneur unique jusqu'à lui. Il aura un monument. Cependant si l'on suppose cette homme transporté devant l'un de nos conseils de guerre ou devant une cour martiale d'Angleterre, qui sait si sa tête aurait bien tenu? Tchitchagoff, au contraire, n'a pas fait une faute, s'est trouvé à point nommé partout où il devait être et a porté des coups terribles à l'ennemi de sa patrie et cependant cette patrie le rejette en l'accusant follement d'avoir laissé échapper l'ennemi.

L'amiral a ressenti ces injustices avec la hauteur et l'inflexibilité qui lui sont naturelles. Il a voulu forcer l'Empereur à prendre son parti et à lui rendre publiquement justice. L'Empereur ne le peut pas au pied de la lettre. Il faudrait renverser d'idole de la nation;

торый русскія войска перешли только съ прїѣздомъ Императора. Такимъ замедленіемъ воспользовались въ своемъ бѣгствѣ остатки французской арміи, которой удалось ускользнуть изъ рукъ со всѣми своими маршалами, лучшими генералами и быть можетъ 4-мя тысячами офицеровъ.

Все должно было погибнуть на Березинѣ до единого человѣка. Но эгоистическіе виды и чувство ревности разрѣшили дѣло иначе. Уже теперь немощно важно послѣдствіа такихъ порочныхъ расчетовъ. Дай Богъ, чтобы въ будущемъ они не сдѣлались гибельными.

Въ подобныхъ событіяхъ лучше всего можно съ грустію видѣть могущественное вліяніе предрассудковъ, которые поддерживаются духомъ партій и гордостью народною. Эта гордость желала имѣть героя и она создала его, подобно тому какъ сколачиваютъ ящикъ или шьютъ башмакъ; тому же чувству дужна была неперемѣнно жертва, на которую можно было бы взвалить всю вину происшедшаго зла—жертва эта намѣчается; а кто знаетъ, настанетъ ли для нея когда-нибудь возможность быть вполнѣ выслушанною открыто передъ всѣми?

Походы князя Кутузова можно считать самыми заурядными, но отдѣльными,

il faudrait même chagriner Wittgenstein, qui a eu ses moments de faiblesse, mais qui n'est pas moins un excellent homme, avec qui l'amiral même n'a point rompu. L'Empereur, qui est de la race allemande, est bon, plus mûr que son peuple, et il le connaît parfaitement. S'il le contredisait dans ce moment et s'il entreprenait de soutenir hautement Tchitchagoff, il s'exposerait certainement à beaucoup. Tchitchagoff ne veut pas comprendre cela; en conséquence, il s'est retiré après s'être *rapporté malade* (c'est la phrase et l'étiquette du pays); il est venu ici, où il est fort à son aise et la tête levée. Il voit quelques amis, qui lui sont demeurés fort attachés. Je ne le vois ni plus, ni moins. Je lui dis tous les jours que je suis inconsolable de voir tant de bonnes qualités rendues inutiles par un caractère indomptable et des propos tout-à-fait déraisonnables. Il écoute à merveille, mais toujours sans se convertir. Il a écrit à l'Empereur *que sa maladie durait toujours*; mais qui sait ce qu'il a écrit encore et qui sait ce qui arrivera de lui?

Au milieu de toutes ces tempêtes des passions, j'admire beaucoup l'Empereur. Il a fait des sacrifices immenses, il a surmonté des difficultés terribles, il a transigé habilement avec les passions les plus intraitables. Je ne doute pas qu'il n'ait fait une infinité de choses contre son inclination et sa propre persuasion; mais c'est cela même que j'admire. Que pouvait il donc faire? On parle beaucoup dans le monde de l'immense pouvoir de l'Empereur de Russie; on oublie que le prince le moins puissant est celui qui peut tout. Rien ne peut corriger le vulgaire de la manie qu'il a de juger la puis-

удачно сложившіеся, случаи создали изъ нихъ историческую эпоху. Его осыпали почестями въ послѣдніе дни его жизни. Онъ скончался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дрездена *), и останки его привезены сюда для погребенія въ Казанскомъ соборѣ—честь, которой никто до него не былъ удостоенъ. Ему будетъ воздвигнуть и памятникъ. Однакожь если предположить, что этотъ человекъ долженъ былъ бы предстать на судъ одного изъ нашихъ совѣтовъ или явиться предъ Англійскимъ военнымъ судомъ—то, какъ знаешь, уцѣлѣла ли бы на плечѣхъ голова его? Чичаговъ, напротивъ, не дѣлалъ ни одной ошибки, постоянно являлся во время, куда ему было указано и наносилъ тяжелые удары врагу своего отечества; между тѣмъ эта же родина отвергла его, безумно кидая ему въ укоръ, что онъ выпустилъ непріятеля.

Адмиралъ перенесъ всѣ несправедливости, со свойственной ему гордостью и непреклонностію. Ему хотѣлось вынудить Императора принять его сторону и открыто воздать ему должную справедливость. Но Императоръ не можетъ дать

*) Свѣтлѣйшій князь М. И. Голицыневъ-Кутузовъ скончался въ Силезскомъ городѣ Бунцлау 16 апрѣля 1813 года.

sance des princes *par ce qu'ils peuvent faire*, tandis qu'elle doit être évaluée *par ce qu'ils ne peuvent pas faire*. On voit un sultan, un czar faire décapiter au knouter un homme, parce qu'il leur plait, et l'on dit: *oh, qu'il est puissant*; il faudrait dire: *oh, qu'il est faible!* puisque le lendemain il pout être étranglé. On prend la violence pour la force: elles diffèrent cependant comme le doux et le fade. Il est aisé de prouver quand on voudra et à qui on voudra que le roi notre maître et ses véritables collègues sont sans comparaison plus absolus et plus indépendants que l'Empereur de Russie, qui très certainement est et sera peut-être encore longtemps dans l'impossibilité de rendre justice à l'amiral, quand même il en aurait la plus sincère envie».

Ознакомившись съ этимъ современно написаннымъ изложеніемъ событій, нельзя не понять, какими тяжелыми ощущеніями былъ угнетемъ въ то время самолюбивый и гордый П. В. Чичаговъ, при отсутствіи всякой возможности разъяснить открыто для всѣхъ истинную причину пережитыхъ имъ и огечествомъ событій.

Такимъ образомъ, рядъ приведенныхъ нами историческихъ документовъ, разслѣдованій, свидѣтельскихъ показаній и наконецъ самое письмо фельдмаршала и главнокомандующаго князя Кутузова къ адмиралу Чичагову, отъ 13 ноября 1812 года, приводятъ къ полному убѣжденію въ несправедливо брошенномъ на Павла Васильевича нареканіи за незадержку на Березинѣ бѣжавшихъ французскихъ войскъ.

ему этого, въ полномъ смыслѣ слова, удовлетворенія, такъ какъ для такого дѣянія онъ долженъ былъ поколебать и нязвеста народнаго кумира; ему приходилось бы даже, постуная такимъ образомъ, нанести огорченіе Витгенштейну, который, при всѣхъ его слабостяхъ, человекъ прекрасный и самъ адмиралъ не разрывалъ съ нимъ своихъ отношеній, Императоръ, нѣмецъ по происхожденію, добръ, гораздо развѣгѣ своего народа и самъ понимаетъ его хорошо. Еслибы онъ рѣшился въ то время, въ ярлѣзъ народнымъ страстямъ, выступить открыто защитникомъ Чичагова, то это отразилось бы на немъ непріятными послѣдствіями. Адмиралъ не хочетъ понять такого положенія и вслѣдствіе этого онъ удалился, *отранпортовавшись большимъ* (обычный въ странѣ приемъ и этикетъ); пріѣхавъ сюда, онъ, съ полнымъ довольствомъ не опускаетъ своей горделивой головы, и видится съ нѣкоторыми друзьями своими, оставшимися ему очень преданными. Я вижу съ нимъ ни чаще, ни рѣже, повторяя ему каждый разъ свое безутѣшное сожалѣніе видѣть прекрасныя достоинства его, остающіяся безъ полезнаго примѣненія лишь по одному его неукротимому яраву и вполне неблагоразумнымъ рѣчамъ. Спокойно выслушивая меня, онъ упорно продолжалъ быть несправдымымъ. Чичаговъ написалъ Императору, *что его бользнь донынѣ не прекращаетъ*

Основываясь на изложенныхъ данныхъ, нѣтъ только освѣтлившихъ истину, пусть каждый выводитъ заключеніе, опредѣляетъ настоящаго виновника тяжелыхъ событій 14 ноября 1812 года, положившихъ незаслуженно, 70 лѣтъ тому назадъ, печать осужденія на честнаго дѣятеля, злонамѣренно только оклеветаннаго. Понятно послѣ этого, что у измученнаго въ то время и возмущеннаго духомъ, безпомощнаго П. В. Чичагова, боровагося всю жизнь свою за правду, благо своего отечества, противъ гнѣздившихся всюду золь и обезславливающихъ родину злоупотребленій, вмѣстѣ съ личною скорбію, глубоко накинѣло ожесточеніе и даже озлобленіе, которыми и воспользовались только для укора Павла Васильевича враги его, при всемъ ихъ желаніи не нашедшіе другихъ поводовъ приписать ему болѣе вѣскихъ обвиненій. Но, спрашивается, кто же не озлобится, кто не ожесточится при такихъ скорбно сложившихся въ жизни обстоятельствахъ, изъ которыхъ не было выхода, и отсутствовала справедливая защита, огражденіе отъ ложныхъ нареканій?

Продолжая ссылаться на свое разстроенное здоровье, Павелъ Васильевичъ рѣшился просить у Государя, въ мартѣ 1813 года, полнаго увольненія отъ всякой службы. Но Александръ Павловичъ не согласился на исполненіе просьбы и въ виду только упорной

ся; но невѣстно, чѣмъ онъ еще пополнитъ свое письмо и что съ нимъ станется?

Среди всего этого бурнаго проявленія страстей, я съ восхищеніемъ люблю личность самого Императора. Пришлось громаднаыя жертвы, онъ сумѣлъ преодолѣть необычныя трудности и ловко сбавился съ неудержимымъ пыломъ бушующихъ кругомъ него страстей. Не сомнѣваюсь также и въ томъ, что ему пришлось во многомъ, ради обстоятельствъ, поступить вопреки своимъ собственнымъ внутреннимъ влеченіямъ и личнымъ убѣжденіямъ; но именно это самообладаніе и заставляетъ меня восхищаться имъ. Спрашивается—что могъ онъ сдѣлать при сложившихся обстоятельствахъ? Вообще въ свѣтѣ много толкуютъ о громадной власти русскаго Императора; но при этомъ всѣ забываютъ, что мепѣ могущественный властелинъ и есть тотъ, который въ силахъ все сдѣлать. Ничто не можетъ образумить простонародья въ убѣжденіи судить о могуществѣ власти правителей не потому, что они властны дѣлать, а опредѣлать ее тѣмъ, чего они сдѣлать не могутъ. Мы видимъ султана или Царя повелѣвающихъ обезглавленіе или кнутовище кого-либо, и это, повидямому, лишь потому, что имъ того угодно; оспариваясь на этомъ, всѣ говорятъ: *О! какой онъ могущественный*; слѣдовало бы, по мнѣнію нашему, сказать: *«О! какой онъ слабый!»*—такъ какъ жизнь этого повелителя можетъ быть въ опасности даже на слѣдующій же день. Многие ошибочно смѣшиваютъ жестокость съ могуществомъ—свойства совершенно-разнотупующія между собою, какъ сладкое и приторное. Вполнѣ легко доказать можно

настойчивости адмирала отпустилъ его въ безсрочный отпускъ, дозволивъ жить въ Россіи, гдѣ пожелаетъ ¹⁵³.

П. В. Чичаговъ уѣхалъ тогда въ свои деревни, не отказавшись отъ намѣренія возобновить свое ходатайство при болѣе удобномъ къ тому случаѣ.

Въ это время пріятель его графъ С. Р. Воронцовъ, узнавшій о желаніи адмирала оставить армию, въ письмѣ своемъ изъ Лондона отъ 3 марта 1813 года, утѣшалъ Павла Васильевича въ постигшемъ его тяжеломъ испытаніи и, убѣждая дружески не удаляться съ поля брани, совѣтовалъ пренебречь всѣми толками и кознями, отъ которыхъ не избавленъ вообще на служебномъ поприщѣ ни одинъ изъ честныхъ благонамѣренныхъ людей ¹⁵⁴. Когда же адмиралъ окончательно уѣхалъ изъ армии и оставилъ Петербургъ, то графъ Семенъ Романовичъ во вторичномъ письмѣ своемъ отъ 15 апрѣля 1813 года, высказалъ ему:

— «Съ крайнимъ сожалѣніемъ, какъ для пользы службы, такъ и для самого Императора, узналъ я, что вы покинули армию и удалились въ деревню. Не касаясь до нынѣ неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, которыя заставили васъ отказаться отъ командованія корпусомъ, я убѣжденъ, мой добрый другъ, что такое рѣшеніе ваше было основано на честномъ порывѣ, такъ какъ, зная вашъ характеръ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы поставлены были, безъ сомнѣнія, въ необходимость поступить такъ только подъ вліяніемъ самыхъ чистыхъ, уважительныхъ причинъ; но отстраняясь добровольно и удаляясь такимъ образомъ отъ Императора, вы лишили его совѣтника честнаго, цѣлю котораго и въ служебнѣ и въ совѣтахъ преобладало всегда одно неуклонное стремленіе къ настоящей славѣ Монарха и къ благоденствію отечества. Поэтому не могу не скорбѣть, подобно всѣмъ истинно русскимъ людямъ, что такой человекъ, какъ вы, разлученъ теперь съ Государемъ. До меня дошли свѣдѣнія, что васъ поссорили съ княземъ-фельдмаршаломъ и что виновникомъ такой ссоры былъ некто иной,

когда и кому будетъ угодно, что король, вашъ владыцпъ и его истинные сотрудники располагаютъ несравненно большею властію и гораздо болѣе независимы, чѣмъ Россійскій Императоръ, который несомнѣнно находится и останется еще надолго въ полной невозможности выразить справедливую оцѣнку дѣяніи адмирала Чичагова, при всемъ искреннемъ его къ тому желаніи.»

¹⁵³ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 189, 191, 205.

¹⁵⁴ Тамъ же, т. XIX, стр. 287—290.

какъ этотъ низкій интриганъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, одинаково ненавидящій и васъ и князя-фельдмаршала, противъ котораго онъ не переставалъ интриговать съ самаго начала войны, а по взятіи Москвы — внушалъ даже о замѣнѣ его Бенингсеномъ. Если справедливо, что вы, какъ говорятъ всѣ, оставляете рѣшительно службу, то я этимъ глубоко огорчаюсь. Въ случаѣ же окончательнаго пріятія вами такого рѣшенія, слѣдовательно когда вамъ уже нечего будетъ болѣе дѣлать въ Россіи, то я надѣюсь, что вы пріѣдете въ Англію къ милымъ дѣткамъ своимъ ¹⁵⁵ и, несмотря на повторяемое мною сожалѣніе, буду имѣть по крайней мѣрѣ личное утѣшеніе опять свидѣться съ вами ¹⁵⁶. Пославъ, еще до полученія этого письма, къ графу С. Р. Воронцову подробное изложеніе всего хода кампаніи и личныхъ дѣйствій своихъ, Павелъ Васильевичъ отвѣчалъ (1)13 іюня 1813 года на сочувственныя слова своего дорогаго друга слѣдующими строками:

«Великимъ утѣшеніемъ въ постигшемъ меня несчастіи было письмо такого друга, какимъ считаю васъ, моего благодѣтеля. Я польщенъ тѣмъ добрымъ мнѣніемъ, которымъ вы меня удостоиваете. Но знаете ли вы, насколько я былъ всегда далекъ отъ дѣйствительной возможности быть полезнымъ Императору своимъ совѣтами; вы совершенно ошибаетесь, если предполагаете, что я самъ, съ извѣстными видами, старался приблизиться къ Государю. Напротивъ, я никогда не былъ столь удаленъ отъ него, какъ съ тѣхъ поръ, что долженъ былъ стоять вблизи отъ него. Мои совѣты не только не были выслушиваемы Монархомъ, но болѣею частію вызывали въ немъ неудовольствіе ¹⁵⁷. Ко мнѣ относились даже менѣе благосклонно, чѣмъ къ другимъ и именно за то, что я позволялъ себѣ выражать свое мнѣніе противъ системы репрес-

¹⁵⁵ Дѣти П. А. Чичагова воспитывались въ Англіи подъ надзоромъ пріятельской ему семьи графа С. Р. Воронцова.

¹⁵⁶ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 291—292.

¹⁵⁷ Извѣстно, что адмиралъ П. В. Чичаговъ не былъ допущенъ въ окружавшую Императора извѣстную среду именовавшуюся «*триумиратомъ*» (князь А. А. Чарторыйскій, Н. И. Новосильцовъ и гр. П. А. Строгоновъ); и именно потому, что онъ несочувственно относился къ цѣлымъ ея стремленіямъ преобразовать весь строй Россіи на образецъ иностранныхъ государствъ—мысль, увлекшая Александра Павловича, подъ обаяніемъ князя Чарторыйскаго, на путь отмены коллегіальнаго начала и замѣны его единоличными властями въ планѣ учрежденія Министерствъ, который былъ всецѣло извлеченъ изъ законодательствъ Европы, вступившей на стезю конститціоннаго принципа управленія.

салій (prohibitif), противъ налоговъ произвольныхъ, недѣльныхъ и безсмысленно стѣснительныхъ. Скажу вамъ болѣе — я ни разу почти не соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, взгляды которыхъ имѣли такое громадное вліяніе на Императора. Могу ли я послѣ этого, считать себя годнымъ на что-либо? Я не похожу и не желаю походить ни на одного изъ настоящихъ дѣльцовъ, слѣдовательно самымъ лучшимъ считаю я и для себя и для другихъ — это удалиться отъ всего. Относительно причинъ оставленія мною арміи, я уже достаточно подробно высказался вамъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ. Дѣйствительно, во всемъ происшедшемъ — несомнѣнно крылась интрига; но не думайте, что въ настоящее время существуетъ прѣжній придворный обычай, когда люди высшихъ чиновъ подтачивали положеніе себѣ равныхъ. Пржеде бывало, что, напримѣръ канцлеръ интриговалъ противъ фельдмаршала, или генералъ-аншефа. Теперь же это мастерство находится въ иныхъ рукахъ—интригами занимаются преимущественно ординарцы, а изрѣдка и адъютанты, которые, позволяя себѣ дѣлать аттестаціи генералъ-аншефамъ, то поддерживаютъ ихъ, то спибаютъ (culbuttent) съ мѣстъ. Такъ какъ я всегда съ презрѣніемъ относился къ большинству такихъ личностей, то многія изъ нихъ, считая себя оскорбленными моимъ обращеніемъ, легко могли бы причинить мнѣ большія непріятности, еслибы я не удался»¹⁵⁸.

26 января 1814 года Павелъ Васильевичъ писалъ опять къ Государю и убѣдительноше просилъ его полного увольненія отъ службы. Самымъ благосклоннымъ, дружелюбнымъ отвѣтомъ удостоилъ его Императоръ Александръ Павловичъ въ письмѣ своемъ изъ Шомона отъ 25 февраля 1814 года. Не соглашаясь рѣшительно дать адмиралу Чичагову полное увольненіе, Государь разрѣшилъ ему безсрочный заграничный отпускъ *«до измѣненія болѣзни, съ сохраненіемъ получаемого имъ содержанія»*.

Воспользовавшись такимъ дозволеніемъ, Павелъ Васильевичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 10 мая 1814 года и съ того времени жилъ постоянно за границею, гдѣ воспитывались подраставшія дочери его; съ ними онъ объѣхалъ Францію, Италію и Англію, проживая нерѣдко въ Лондонѣ, вблизи своего друга графа С. Р. Воронцова († въ іюнѣ 1832 г.), до конца своей жизни сохранившаго къ нему самую искреннія дружелюбныя чувства.

¹⁵⁸ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 192—193.

Въ послѣдствіи Павелъ Васильевичъ купилъ себѣ близъ Парижа, въ Со (Sceaux) небольшой домикъ, въ которомъ устроившись съ семьею, провелъ остальную часть своей продолжительной жизни, числясь въ Россіи, какъ пользующійся непрерывнымъ безсрочнымъ отпускомъ, по болѣзни.

Кромѣ доходовъ со своихъ имѣній въ отечествѣ, онъ получалъ, оставленное ему Императоромъ Александромъ Павловичемъ служебное содержаніе и орденскія пенсіи ¹⁵⁹.

Должно; между прочимъ, упомянуть, что 16 февраля 1814 г. адмиралъ П. В. Чичаговъ былъ избранъ въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ ¹⁶⁰.

Проходили годы царствованія Благословеннаго, не измѣнившіе ничѣмъ положенія Павла Васильевича въ его внѣ отечественной жизни. 19 ноября 1825 года не стало Императора Александра I и 14 декабря вступилъ на Россійскій Престолъ Императоръ Николай Павловичъ.

Въ «Запискахъ» своихъ П. В. Чичаговъ говоритъ, что онъ узнавъ объ этомъ событіи и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, послѣдшилъ письмомъ принести новому Государю и присягу и вѣрноподданническое поздравленіе, свое съ принятіемъ Царства и Престола. Упомяная при этомъ о дарованныхъ ему покойнымъ Императоромъ милостяхъ и разрѣшеніи жить за границею, Павелъ Васильевичъ пожелалъ знать не благоугодно ли будетъ Новому Монарху измѣнить чѣмъ-либо въ будущемъ его личное положеніе. На это, Императоръ Николай удостоилъ его слѣдующими собственноручно начертанными строками ¹⁶¹:

¹⁵⁹ Адмиралъ П. В. Чичаговъ получалъ слѣдующія пенсіи по имѣвшимся у него орденамъ: а) Св. Александра Невскаго—1125 руб., б) Св. Владиміра 1-й ст.—600 р. и в) Св. Георгія 4-й ст.—100 р., а всего 1825 руб. въ годъ.

¹⁶⁰ Въ журналѣ Академической конференціи только занесено состоявшееся 16 февраля 1814 года избраніе адмирала П. В. Чичагова въ почетные члены Академіи большинствомъ 15 голосовъ. Въ предварительномъ же представленіи отъ конференціи въ Академію, подписанномъ академиками Озерецковскимъ, Захаровымъ и Загорскимъ, предположенное удостоеніе таковымъ званіемъ адмирала было мотивировано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, съ согласія г. министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, имѣемъ честь представить въ почетные члены Академіи г. адмирала П. В. Чичагова, какъ любителя науки художественъ всѣхъ ученыхъ и всѣхъ художниковъ». Извлечено изъ подлинныхъ журналовъ Академической конференціи.

¹⁶¹ Извлеченіе изъ подлинныхъ бумагъ адмирала Чичагова: «я получилъ г.

— «J'ai reçu, Monsieur l'Amiral, la lettre que Vous m'avez adressée le 18 (30) janvier 1826, et j'ai été sensible aux regrets «du elle exprime, comme aux Voeux, que Keus y assrciez. Les volontés du frère, dant je pleure la perte, seront toujours sacrées pour moi. Elles ne peuvent donc du'être invariablement maintenues «dans tout cequi vous concerne. Je vous prie de compter sur cette «assurance et je joins à mes souhaits, pour que votre santé s'ameliore, l'expression de tous les centiments qui vous sont dus.—Nicolas—St.-Petersbourg 19 (31) mars 1826».

Такъ прошло еще восемь лѣтъ и Чичаговъ продолжалъ спокойно жить за границею, пользуясь изъ Россіи сохраненнымъ ему правительственнымъ содержаніемъ. Но здоровье начинало замѣтно измѣнять ему; около 1834 года у него ослабло зрѣніе и онъ сталъ плохо видѣть, а съ 1842 до 1843 года совершенно ослѣпъ, доживая въ этомъ состояніи свое угасающее существованіе. Между тѣмъ и эта, казалось бы, тихая эпоха догоравшей жизни, не осталась чужда новыхъ, прискорбныхъ для него происшествій, оставшихся не вполне разъясненными.

Въ правительственныхъ архивахъ нашихъ, открыты слѣдующаго рода свѣдѣнія:

Бывшій государственный секретарь В. Р. Марченко, сообщеніемъ 13 іюня 1834, года, увѣдомилъ министра финансовъ Е. Ф. Канкринна, что 17 минувшаго мая Его Императорское Величество, рассмотрѣвъ списокъ членовъ Государственного Совѣта, соизволилъ выключить изъ состава Совѣта адмирала П. В. Чичагова ¹⁶².

17 октября 1834 года состоялся слѣдующій Императорскій указъ Правительствующему Сенату, объявленный и въ приказѣ по флоту:

— «Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе члена Государственнаго Совѣта адмирала Чичагова, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ службы—Николай» ¹⁶³.

адмиралъ, письмо ваше, обращенное ко мнѣ отъ 18—30 января 1826 г. и былъ тронуть какъ выраженными въ немъ сожалѣніями, такъ и присоединенными къ нимъ добрыми вашими пожеланіями. Воля брата, потерю котораго я оплакиваю, будетъ всегда селященна для меня. Поэтому она не можетъ не быть безызмѣнно выполняемою во всемъ что до васъ касается. Прошу васъ расчитывать на это увѣреніе мое, къ которому присоединяю и свои пожеланія объ улучшеніи вашего здоровья и изъявленіе всѣхъ чувствъ слѣдующихъ вамъ по праву—Николай С.-Петербургъ 19—31 марта 1826 г.»

¹⁶² Извлеченіе изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

¹⁶³ Высочайшіе Указы Сен. Архива, кн. 511, л. 183. *Примѣчаніе.* Должно

Такъ какъ въ увольнительномъ актѣ не было ничего упомянуто о пенсіи, то со времени объявленія того указа прекратился и отпускъ получавшагося Чичаговымъ содержанія отъ правительства.

Судя по документамъ причина внезапной перемѣны лежала въ новыхъ правительственныхъ мѣрахъ того времени.

17 апрѣля 1834 года обнародованъ былъ слѣдующій указъ Императора Николая I:

— «Указомъ Нашимъ въ 18-й день февраля 1831 года, положивъ преграду чужеземному воспитанію русскаго юношества, «Мы признали нужнымъ впоследствии обратить вниманіе и вообще «на пребываніе россійскихъ подданныхъ за границею. Законами «нашими разрѣшены, какъ дворянству, такъ и всѣмъ свободнымъ «состояніямъ отлучка за границу съ установленными паспортами, «но никогда не было разрѣшаемо оставленіе отечества и произвольное въ чужихъ краяхъ водвореніе.

«Между тѣмъ изъ свѣдѣній Намъ представленныхъ открывається, что были, и нынѣ есть примѣры и случаи, въ коихъ «лица, получившія паспорта на отлучку за границу, остаются «тамъ на жительствѣ на неопредѣленное время и тѣмъ самымъ «дозволенную имъ отлучку произвольно превращаютъ въ переселеніе. «Послѣдствіемъ сего есть разстройство ихъ имуществъ, «расточеніе доходовъ внѣ государства, обремененіе долгами ихъ «наслѣдствъ, отчужденіе отъ родственныхъ и отечественныхъ «сюзовъ.

«Въ преступленіе зла столь очевиднаго, признали Мы нужнымъ «постановить, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, правила «на заграничныя отлучки».

Въ упомянутыхъ правилахъ, между прочимъ, было постановлено, что ежели отлучившійся за границу останется тамъ на жительствѣ долѣе срока (для дворянъ — пятилѣтняго), тотъ въ виду правительства считается безвѣстно отсутствующимъ (п. 1 и 6); наличное имущество такого безвѣстно отсутствующаго лица берется по истеченіи срока въ опеку, а доходы съ онаго, за уплатою долговъ и, за назначеніемъ приличнаго содержанія женѣ и дѣтямъ, отсылаются въ кредитныя установленія (п. 2); по вызовѣ въ отечество, черезъ вѣдомости русскія и иностранныя, безвѣстно

упомянуть, что причины такихъ внезапныхъ распоряженій Императора Николая I-го, остаются донынѣ не вполне разъясненными.

отсутствующихъ, въ Европѣ пребывающихъ—невывишійся въ теченіи шестимѣсячнаго срока считается покинувшимъ отечество и имущество его остается, по смерти его, въ опекуномъ управленіи (п. 3 и 4); вышеозначенные сроки и правила, воспринимающіе свою силу черезъ годъ для пребывающихъ въ Европѣ, обязательны для всѣхъ русскихъ подданныхъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ лицъ, которыя на дальнѣйшее свое пребываніе за границу получаютъ особенное Высочайшее разрѣшеніе, или отсрочку, испрошенные чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ (п. 8 и 11) ¹⁶⁴.

Послѣ этого, согласно Высочайше утвержденному 26 іюня 1835 года положенію Комитета г. министровъ, было опубликовано распоряженіе, что лица, не получившія особаго Высочайшаго разрѣшенія на пребываніе за границу, сверхъ разрѣшеннаго предыдущимъ указомъ срока и не имѣющія на то особаго паспорта, въ случаѣ неявки, лишаются выдаваемыхъ имъ орденскихъ пенсій, обращааемыхъ на богоугодныя зеведенія, а по прошествіи двухъ лѣтъ, исключаются навсегда изъ комплекта пенсіонеровъ ¹⁶⁵.

Не могла вся Россія и истинные патріоты, хотя бы и виѣ предѣловъ ея проживавшіе по обстоятельствамъ особо уважительнымъ, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такимъ высшей степени разумнымъ мѣрамъ. Никому не безызвѣстно о проявившемся еще съ начала XIX вѣка влеченіи нашихъ соотчичей къ переселенію въ чужіе края, откуда, къ сожалѣнію надо сказать, русскіе люди, питавшіеся тамъ русскимъ наслѣдственнымъ хлѣбомъ, не только раззоряли достояніе своихъ потомковъ, но и съ черствою неблагодарностію за такую матеріальную поддержку, позволяли себѣ еще надсмѣиваться надъ кормившею ихъ отечественною житницею.

По документамъ министерства внутреннихъ дѣлъ и по перепискѣ нашего иностраннаго вѣдомства видно, что всѣ находившіеся въ то время за границу, и сановныя и несановныя лица спѣшили испрашивать себѣ специальное дозволеніе на дальнѣйшее пребываніе виѣ отечества; въ этомъ, за рѣдкими исключеніями, не отказывалъ Императоръ Николай, когда признавалъ ходатайство заслуживающимъ участія.

¹⁶⁴ Высочайшіе Указы Сенатскаго Архива, кн. 508, л. 229.—Полное Собраніе Законовъ, 1834 апр. 17 (6994).

¹⁶⁵ Полн. Собр. Законовъ, 1835 іюня 26 (8267).

Но П. В. Чичаговъ, или по ослабленію зрѣнія, или потому, что считалъ себя, на основаніи вышеприведеннаго къ нему завѣрительнаго письма самого Государя, освобожденнымъ навсегда отъ всякихъ новыхъ ходатайствъ на пребываніе внѣ отечества, не позаботился своевременно о выполненіи простой формальности для огражденія себя отъ послѣдствій общей государственной мѣры, которая была оглашена публикаціями нашего правительства и въ иностранныхъ журналахъ.

Въ «Запискахъ» своихъ Павелъ Васильевичъ говоритъ, что онъ, получивъ еще въ предшествующее царствованіе особое дозволеніе жить за границею, которое было подкрѣплено затѣмъ милостивыми словами собственноручныхъ строкъ Императора Николая, считалъ себя избавленнымъ отъ испрошенія новаго дозволенія, а потому ничего и не предпринималъ.

Тѣмъ не менѣе, естественнымъ послѣдствіемъ неисполненія общаго правительственнаго распоряженія со стороны оставившагося жить за границею адмирала П. В. Чичагова, произошло — примѣненіе къ нему возвѣщенныхъ мѣръ, а именно: орденскія пенсіи его поступили на богоугодныя заведенія, а принадлежація ему имѣнія были взяты въ опекунское управленіе ¹⁶⁶.

Такимъ образомъ, лишившись, съ данною отставкою, прежняго содержанія, П. В. Чичаговъ утратилъ для себя орденскія пенсіи и право пользованія доходами со всѣхъ пожалованныхъ ему милостями Императора Александра I помѣстій въ Россіи.

Со спокойнымъ сознаніемъ въ необходимости подчиниться общимъ требованіямъ закона государственнаго, Павлу Васильевичу, и при такихъ обстоятельствахъ, легко было бы исправить воплѣ свое положеніе однимъ личнымъ, вѣрноподданнѣйшимъ обращеніемъ къ милосердію справедливаго Монарха.

Но Чичаговъ, по своей страстной природѣ и по гордости своего права, усмотрѣлъ въ такихъ естественныхъ послѣдствіяхъ его собственнаго бездѣйствія, какъ бы умышленно направленное противъ него преслѣдованіе и въ запальчивомъ увлеченіи этомъ поступилъ крайне неосмотрительно во вредъ себѣ и дѣтямъ сво-

¹⁶⁶ По свидѣтельству потомковъ адмирала П. В. Чичагова, взятыя въ опекунское управленіе имѣнія его, которыя не могли быть отнесены по закону къ выморочнымъ имуществамъ, не были потомъ отданы, по праву на нихъ, ближайшимъ наличнымъ родственникамъ и остались почему-то безызнанными, какъ бы потерянными вовсе и навсегда для законныхъ его наслѣдниковъ.

имъ. Нервная, и дѣйствительно уже озлобленная натура его, увлекла на рѣзкій поступокъ, который нельзя назвать иначе, какъ «*coup de tête*», т. е. поступкомъ головы распаленной, не нормальной.

Не говоря уже о невоздержныхъ рѣчахъ, по этому поводу, Павелъ Васильевичъ къ сожалѣнію далъ исходъ своему возбужденію поступкомъ въ прямой укоръ себѣ, какъ со стороны общечеловѣческихъ понятій, такъ и въ особенности со стороны его соотечественниковъ:

Онъ объявилъ себя съ тѣхъ поръ не связаннымъ уже болѣе данною имъ въ Россіи присягою, принялъ англійское подданство и затѣмъ порвалъ окончательно всякія связи со своею родиною.

П. В. Чичаговъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, продиктованномъ имъ 20 мая 1847 года, помѣстилъ, между прочимъ, по этому предмету, крайне любопытное заявленіе, ярко очерчивающее его самолюбивый, гордый, озлобленный до ожесточенія характеръ, занесшагося въ умѣ чловѣка. Вотъ подлинныя слова его ¹⁶⁷:

— «En conséquence des mesures arbitraires, par lesquelles, l'Empereur Nicolac a prive la noblesse russe de sa liberté individuelle et de son droit de propriété, et moi — même en particulier, de la pension légale, due à mes services et celle, due ausji par les statuts des différents ordres dont jesuis décoré, — j'ai rompu mon allégeance envers lui, et afin de recouvrer les droits de l'homme, je me suis associé à la nation, qui a su conserver le plus de liberté raisonnable, en me faisant naturaliser sujet anglais. En conséquence, on ne doit permettre à aucune autorité russe de se mêler de ce qui me concerne, mais je recommande à mes filles de leur remet-

¹⁶⁷ Эта часть духовнаго завѣщанія была напечатана въ 1853 году въ Парижѣ, въ *Gasette des tribunaux*, № 29, decembre. «*Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff*» Berlin, 1855 и «*Историческій Вѣстникъ*» 1883 г., т. I, стр. 240.

«Вслѣдствіе произвольныхъ мѣръ, которыми Императоръ Николай лишилъ русское дворянство его личной свободы и правъ имущественныхъ, а меня, въ частности, законной пенсіи, слѣдуемой мнѣ за мои заслуги и присвоенной мнѣ по статутамъ разныхъ орденовъ, которыми я былъ награжденъ,—я порвалъ свое обязательство въ отношеніи его, а чтобы возстановить свои общечеловѣческія права, я принялся къ націи, умѣвшей всего болѣе поддержать идею разумной свободы и принялъ англійское подданство. Въ виду этого, никакимъ русскимъ властямъ не должно быть дозволено вмѣшиваться въ дѣла, лично до меня касающіяся, но я поручаю моимъ дочерямъ передать имъ слѣдующіе орденскіе знаки мои: св. Александра Невскаго, св. Владиміра, св. Анны и св. Георгія».

tres les signes de mes ordres suivants: st. Alexandre Nevsky, st Wladimir, s-le Anne et st. George.

Продолжая жить въ 1840 годах преимущественно въ своемъ домѣ въ Со (Sceaux), П. В. Чичаговъ умеръ тамъ 10 (22) сентября 1849 года и тѣло его погребено въ мѣстномъ кладбищѣ ¹⁶⁸.

Адмиралъ Чичаговъ оставилъ послѣ себя обширныя записки, разные наброски съ описаніемъ нѣкоторыхъ историческихъ эпизодовъ и вообще много замѣтокъ по современнымъ ему вопросамъ и дѣламъ, въ особенности же до кампаніи 1812 года относящихся. Извлечения изъ его записокъ были изданы въ 1855 и 1862 годахъ, въ Берлинѣ и Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: «Mémoires de l'amiral Tchitchagoff, avec une notice biographique, d'après des documents authentiques». Небольшая эта брошюра, за исключеніемъ ея первой части, состоящей изъ описанія послѣднихъ дней жизни Императора Павла Петровича, была издана, въ переводѣ, П. И. Бартеневымъ въ Русскомъ Архивѣ за 1869 и 1870 годы ¹⁶⁹.

Всѣ современники адмирала П. В. Чичагова, какъ русскіе, такъ и иноземные, единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ человѣкъ обширнаго ума, широко образованный, чрезвычайно способный съ необыкновенною энергіею и трудолюбіемъ, безукоризненно честный, глубоко нравственныхъ правилъ жизни, съ благороднѣйшими порывами и неуклоннымъ стремленіемъ къ порядку, правдѣ и искорененію всякихъ золъ и злоупотребленій. Но при всѣхъ этихъ многостороннихъ достоинствахъ, тѣ же лица удостоверяютъ, что П. В. Чичаговъ былъ человѣкомъ необыкновенно

¹⁶⁸ Въ духовномъ своемъ завѣщаніи, П. В. Чичаговъ велѣлъ похоронить себя на мѣстномъ кладбищѣ въ Со, насколько возможно ближе къ могилѣ погребеннаго тамъ же брата его, Василія, безъ всякой церемоніи, съ приглашеніемъ къ отпѣванію своего тѣла — протестантскаго пастора и поручилъ покрыть себя, сбереженнымъ отъ похоронъ любимой жены, бархатнымъ покровомъ.

¹⁶⁹ Одинъ изъ внучатныхъ племянниковъ адмирала П. В. Чичагова, Л. М. Чичаговъ заявилъ (Русская Старина, 1883 г., т. II, стр. 488—492), что ему, по совершенно неожиданному случаю, досталось громадное собраніе собственноручныхъ историческихъ трудовъ съ подлинными записками его покойнаго предка, а также множество документовъ, которые должны освѣтить еще болѣе жизнь и дѣятельность этого государственнаго мужа и общаетъ изданіе такихъ интереснѣйшихъ матеріаловъ. Будемъ ждать появленія этой обѣщанной въ печати крайне любопытной исторической находки, которая, подобно многимъ коллекціямъ такого рода, тѣла донныѣ подъ спудомъ неувѣстности. Благодаря обязательному вниманію Л. М. Чичагова, имъ предоставлены были намъ копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, помѣщенныхъ выше въ настоящемъ очеркѣ.

щекотливымъ, самолюбивымъ, страстнымъ, увлекающимся, гордымъ до надменности, рѣзкимъ и несдержаннымъ на языкъ, озлобленнымъ и вообще съ крайне тяжелымъ, неуживчивымъ характеромъ. Хотя многочисленные враги адмирала и старались выставить его, какъ человѣка ненавидѣвшаго будто бы свое отечество, прикидывая къ имени его слово измѣны по отношенію Березинской переправы Наполеона; но подобныя пристрастныя нареканія не выдерживаютъ строго справедливой критики при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами и историческими данными, выше нами приведенными. Стоитъ только пересмотрѣть со вниманіемъ предложенное нами перечисленіе всѣхъ его дѣйствій, въ бытность у правленія морскимъ вѣдомствомъ, — и всякій скажетъ, что такъ не поступаютъ враги своей родины. Погромъ, нанесенный имъ французской арміи подъ Зембинымъ предъ выходомъ изъ Россіи, на пути къ Вильнѣ, кромѣ добытой имъ славы, которую старались затмить враги его, еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что онъ никогда не желалъ потворствовать отечественному врагу, а тѣмъ болѣе не омрачаютъ его имени тѣнью измѣнника.

Павелъ Васильевичъ всю жизнь свою на службѣ посвятилъ всецѣло интересамъ и доброй славѣ своего отечества; постоянно углубленный въ трудъ и трудъ усиленный при упорной борьбѣ со зломъ всякаго рода, онъ, своими тяжелыми усилиями, приносилъ честную дань родинѣ, стараясь и поставивъ на надлежащую высоту морское знамя Россіи. Уже этимъ однимъ онъ достаточно убѣдительно доказалъ отсутствіе какихъ-либо враждебныхъ чувствъ къ родному краю и оставался неизмѣнно вѣрнымъ слугою вѣчноносныхъ правителей нашихъ, служа имъ, съ достовѣрностію можно сказать, вѣрою и правдою. Врагомъ онъ дѣйствительно былъ, самому себѣ, вслѣдствіе неумѣренной пылкости, гордости и неумѣстной невоздержности, какъ языкомъ такъ и дѣйствіями, когда видѣлъ кривды или неправды мнимыхъ только отечестволюбцевъ.

Относительно же приписываемаго Павлу Васильевичу озлобленія въ характерѣ, мы позволимъ себѣ, ежели не въ полное оправданіе его, то въ нѣкоторое извиненіе ему, напомнить описанные выше горькіе эпизоды его жизни, когда онъ, невинный, былъ постоянно оклеветываемъ еще въ самой ранней порѣ своего служенія; потомъ, представимъ себѣ время, когда онъ испытывалъ на себѣ незаслуженно, терзанія физическія въ крѣпостномъ равинѣ, предшествуемая оскорбленіями нравственными, которыя были подготовлены злобными врагами и его завистниками. Не

говоримъ уже о систематическомъ гоненіи любимаго имъ отца — заслуженнаго моряка, преслѣдованіе, которое и зародило въ сынѣ чувство злобы при видѣ безпомощности русскихъ людей противъ всякихъ клеветъ и обвиненій, доводимыхъ до свѣдѣнія верховной власти. Далѣе, вспомнимъ славный походъ и военныя дѣйствія Павла Васильевича въ отечественную войну, когда брошенный съ враждебнымъ умысломъ, онъ былъ лишенъ всякой возможности выполнить чудную программу кампаніи начертанную рукою самого Русскаго Монарха, отъ правильнаго примѣненія которой только и зависѣла, желанная имъ и всѣмъ народомъ, развязка. Наконецъ, самъ собою возстаетъ, несмотря ни на какія козни противниковъ, блестящій результатъ нанесеннаго, 16 ноября, Чичаговымъ страшнаго пораженія врага на поляхъ Зембинскихъ; но и этотъ успѣхъ былъ вырванъ у него и приписанъ, мимо него, къ славнымъ подвигамъ второстепенныхъ въ дѣлѣ лицъ, воспользовавшихся плодами его энергическихъ дѣйствій. И въ благодарность за все это отъ него отвернулись съ негодованіемъ, незаслуженно заклеили именемъ измѣнника; наконецъ онъ лишился и защиты въ этомъ противъ несправедливостей и даже возможности оправдаться еще при жизни, чтобы смыть съ себя грязь осужденія.

Принимая все указанное въ соображеніе, не естественно ли было при его свойствахъ, встрѣтить подъ конецъ жизни то гордое озлобленіе, которое привело его къ принятію англійскаго подданства?

Но спрашивается, можно ли бросить въ упрекъ человѣку, хотя бы и чрезмѣрное самолюбіе его, ежели оно не переходитъ въ чувство одного полного себялюбія, во вредъ ближнему и въ попраніе интересовъ своей родины?

Пересмотрѣвъ многія страницы исторической хроники того времени, мы нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ того, чтобы П. В. Чичаговъ дѣйствуя исключительно въ видахъ себялюбивыхъ, противуотечественныхъ, причинилъ кому умышенное зло, или оказывался бы несправедливымъ по отношенію дѣлъ и лицъ, съ которыми находился въ соприкосновеніи служебномъ или общественномъ; даже и враги его, которые несомнѣнно воспользовались бы всякимъ поводомъ къ его обвиненію, не разукрасили ничѣмъ подобнымъ списокъ его преступныхъ дѣяній.

Обращаясь къ разслѣдованію причинъ возбужденно-непріязненнаго вообще отношенія къ адмиралу П. В. Чичагову со стороны большинства современнаго ему русскаго общества, мы по-

лагаемъ найти корень такого настроенія въ немъ самомъ и въ сложившихся обстоятельствахъ его жизни.

Припомнимъ во первыхъ, его начальное выступленіе на служебное поприще, когда, какъ извѣстно, во уваженіе заслугъ прославившагося адмирала В. Я. Чичагова, сынъ его, молодой морякъ Павелъ Чичаговъ сталъ быстро выдвигаться изъ среды своихъ сверстниковъ. При строгой соревновательной послѣдовательности въ ходѣ морскаго производства и необходимости для каждаго проходить, часто не безъ тяжкихъ усилій, нелегкія низшія ступени іерархической лѣстницы чиновъ, опереживаемые Павломъ Васильевичемъ суслуживцы не могли не видѣть въ быстротѣ его служебнаго движенія несправедливости судьбы, которая и была зерномъ зарожденія неудовольствій къ нему лицъ безпокровительственно шедшихъ по обще-служебному пути. Такое неблагоприятное для него чувство разросталось постепенно и потомъ, когда Павелъ Васильевичъ, при лучшихъ условіяхъ своей обстановки и благодаря поучительному руководству своего разумнаго отца, имѣлъ возможность болѣе легкимъ способомъ и скорѣе пройти практическую школу морскихъ познаній, которая сдѣлала изъ него въ кратчайшее время опытнаго специалиста своего дѣла; прежде нежели его сверстники могли достичь того же, при болѣе тяжелыхъ личныхъ трудахъ, и отсутствіи подобнаго же руководителя, имъ приходилось, поневолѣ, уступать ему дорогу служебнаго возвышенія.

Далѣе, кромѣ спеціальнаго изученія въ Россіи и за границею морскаго дѣла, онъ былъ энциклопедически образованъ съ юности благодаря попеченіямъ широко образованнаго родителя его, который доставилъ ему всѣ средства сдѣлаться ученымъ и опытнымъ еще въ молодости человѣкомъ; къ этому присоединить надо обильные дары собственной природы Павла Васильевича, необычайное трудолюбіе и горячая любознательность его, которые рано выдвинули его уже окончательно изъ среды всего зауряднаго и поставили далеко впереди его сотоварищей.

Всѣ эти преимущества, хотя и сознаваемые внутренно его сослуживцами возродили къ нему чувства ревности, зависти, какъ ко всякой преобладающей силѣ, умалывшей всю окружающую посредственность.

Уединеніе же самого Павла Васильевича, отдававшагося всегда и всецѣло своимъ научнымъ работамъ, извѣстная сосредоточенность въ себѣ, замкнутость нрава, а слѣдовательно и нѣкоторая

отдаленность отъ всего происходившаго въ окружающей его средѣ, дали поводъ приписать ему горделивое чувство, которое окончательно поселило недружелюбіе къ нему. Это недружелюбіе, при самостоятельномъ характерѣ П. В. Чичагова, сознававшаго уже вполне свое превосходство надъ сотоварищами, поставило и его въ отдаленіи отъ неразвитыхъ и нетрудящихся завистниковъ.

Наконецъ, когда Чичаговъ, признанный уже за личность выдающуюся по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, сталъ на начальнической постъ, а затѣмъ былъ облеченъ широкою министерскою властію, сопровождаемую Монаршимъ благорасположеніемъ, то явилась боязнь къ нему за возможность преобладающаго его вліянія въ высшей средѣ придворныхъ и всякихъ главноначальствующихъ. Эти чувства все болѣе разжигалъ самъ Павелъ Васильевичъ, сдѣлавшись строгимъ карателемъ произвола, злоупотребленій и невоздержно злорѣчивымъ пролизаторомъ всего неблаговиднаго. Система эта, хотя и благонамѣренная, все болѣе увеличивала численность его неблагопріятелей, всячески старавшихся вредить ему при всякомъ случаѣ въ общественномъ мнѣніи. Не смотря на то, что строгое исполненіе имъ долга и присяги было относимо, даже его министерскими собратами, къ донкихотству и осмѣиваемо ими; тѣмъ не менѣе онъ нисколько не обращалъ вниманія на нихъ и продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ настойчиво, позволялъ себѣ, не стѣсняясь выставлять и говорить правду даже самому Императору Александру Павловичу. Такое смѣлое поведеніе, вопреки дипломатическимъ пріемамъ придворной жизни, не нравилось многимъ и разжигало страсти его противниковъ, противъ которыхъ явно шелъ адмиралъ не смотря ни на какія интриги ихъ. Павелъ Васильевичъ, дѣйствуя всегда прямо, не стѣснялся даже высказывать такую правду, которая противорѣчила тайнымъ внушеніямъ ближайшихъ совѣтниковъ Государя, увлекавшихъ его на путь иноземнаго подражанія, мысль отъ которой адмиралъ пробовалъ всячески отвѣчать Александра Павловича, но это оказалось невозможнымъ.

Кромѣ того, сознавая свое собственное превосходство надъ современными ему высшими дѣятелями, Павелъ Васильевичъ осмѣивалъ ихъ всегда, нѣсколько горделиво и даже съ презрѣніемъ относясь къ искателямъ фортуны.

Подобный самостоятельный образъ дѣйствій названный высокопріемъ и надменностію. при неуязвимости Чичагова, породилъ кромѣ прежнихъ, множество новыхъ тайныхъ враговъ въ

высшей сферѣ общества, которые и позаботились очернить его въ общественномъ мнѣніи при первомъ удобномъ случаѣ.

Впрочемъ къ чести П. В. Чичагова должно сказать, что всѣ его враги, зорко слѣдившіе за нимъ для отысканія повода къ его осужденію, ни какъ не могли выставить какихъ-либо фактическихъ данныхъ къ его обвиненію въ чемъ-либо; а потому, ограничившись лишь голословными обвиненіями въ его тяжеломъ характерѣ они наши единственный случай сослаться на злосчастную Березинскую переправу—обстоятельство, которое будучи разъяснено вполне историческими документами, явно оказывается несправедливымъ.

Мы полагаемъ, что одною изъ лучшихъ рекомендацій П. В. Чичагова можетъ служить его тѣсная, неразрывная дружба съ извѣстнымъ по уму русскимъ дѣятелемъ, нашимъ знаменитымъ дипломатомъ, честнымъ и благонамѣреннымъ патріотомъ—графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. Въ сохранившейся перепискѣ ихъ и задушевной бесѣдѣ съ нимъ Павла Васильевича, длившейся съ 20 января 1796 по 6 ноября 1827 года, вполне ярко очерчивается личность и глубоко честная натура нашего достопочтеннаго адмирала, который, не смотря на свои заслуги—по выраженію нѣкоторыхъ современниковъ—*«совершилъ для своего отечества меньше того, на что онъ былъ способенъ и къ чему былъ призванъ»*¹⁷⁰.

Бывшій адъютантъ П. В. Чичагова, нашъ знаменитый медалеръ, а потомъ товарищъ президента Императорской Академіи Художествъ, графъ Федоръ Петровичъ Толстой, извѣстный своею безпристрастною правдивостію, въ своихъ «Запискахъ», слѣдующимъ отзывомъ очерчиваетъ своего бывшего начальника:

— «П. В. Чичаговъ былъ человекъ весьма умный и образованный. Будучи прямаго характера, онъ былъ замѣчательно свободенъ въ рѣчахъ и, какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ, простъ въ обращеніи и разговорахъ съ Государемъ Александромъ Павловичемъ и всею царскою семьею. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ относился къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, а въ отношеніи иныхъ даже и съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ

¹⁷⁰ Архивъ князя Воронцова, т. XIX. стр. 1—278.

почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всею пустою, высококомѣрною знатію; но Александръ Павловичъ и Императрица Елизавета Алексѣевна его очень любили и уважали. Съ низшими себѣ и со своими подчиненными и просителями, которыхъ всегда принималъ безъ малѣйшаго различія чиновъ и званія, Чичаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ ¹⁷¹.

Нельзя не помѣстить также въ настоящемъ очеркѣ извлеченія изъ «Записокъ» одного изъ нашихъ извѣстныхъ и чтимыхъ всѣми генераловъ, бывшаго ближайшимъ свидѣтелемъ и участникомъ всего происходившаго въ отечественную войну Алексѣя Петровича Ермолова.

Заканчивая свои записки характеристикю нашихъ главнѣйшихъ полководцевъ въ кампанію 1812 года, Алексѣй Петровичъ весьма неелестно отзывался вообще о нихъ всѣхъ, за исключеніемъ только одного адмирала П. В. Чичагова. Вотъ что онъ пишетъ о немъ:

— «Командовавшій 3-ею армією, извѣстный твердосгію своею въ царствованіе покойнаго Императора Павла I, адмиралъ Чичаговъ отличался особенными ума способностями. Я не предполагаю разсуждать о немъ, ибо не довольно его разумѣю. Гордость чувства его высокопревосходительства отдалила его отъ многихъ, еще болѣе отъ меня. Высокія степени, занимаемыя имъ въ Государствѣ никогда не могли его сблизить со мною. Въ 1812 году, нѣкоторое время былъ я виѣстѣ съ нимъ: замѣтилъ сколько новъ онъ былъ въ званіи начальствующаго армією; сколько мало уважалъ нѣкоторыя по званію необходимыя обязанности; но не могъ не видѣть превосходства ума его, точности разсужденій и совершеннаго знанія обстоятельствъ. Упругій нравъ его, колкій языкъ и оскорбительная для многихъ прямота сдѣлали ему много непріятелей. Происки двора оладили къ нему Государя и кончивъ отечественную войну, онъ удалился. Я осмѣлюсь думать, что онъ многихъ могъ быть полезенъ въ продолженіе войны» ¹⁷².

Въ заключеніе, приведемъ еще здѣсь нѣкоторые отзывы лицъ враждебнаго Чичагову лагеря.

¹⁷¹ Русская Старина, 1873, т. VII, стр. 44—45.

¹⁷² Павлечено изъ исторической коллекціи генерала Аполл. Эрнест. Циммермана (род. въ ноябрѣ 1824, † 6 іюля 1884).

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій говоритъ о Павлѣ Васильевичѣ такъ:

— «Въ нашемъ Нештунѣ я нимало не ошибался; отличныхъ дарованій я не замѣтилъ въ немъ, а уловкою, свойственною иезуитамъ, онъ изобилуетъ; по такой лѣстницѣ не онъ первый достигалъ высоты»¹⁷³.

Бывшій государственный секретарь, адмиралъ А. С. Шишковъ пишетъ:

— «П. В. Чичаговъ, нравомъ и свойствами весьма съ отцомъ своимъ различный, человекъ надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій свое отечество — Россію»¹⁷⁴.

Насколько голословны и пристрастны означенныя два свидѣтельства достаточно очевидно для каждаго и, какъ сказано выше, дѣлаютъ честь адмиралу по своей беспочвенности обвиненій. Судя по нимъ надо полагать, только что они вызваны были насмѣшками и ядовитыми рѣчами Павла Васильевича насчетъ этихъ же государственныхъ мужей.

Затѣмъ, кромѣ князя Кутузова, въ душѣ глубоко ненавидѣвшаго П. В. Чичагова, какъ крайне опаснаго для себя соперника, всѣ прочіе отзывы отечественныхъ и иностранныхъ современниковъ, вращаясь около злорѣчія его отдають должную дань высокимъ качествамъ и уму почтеннаго адмирала и министра морскихъ силъ начала XIX столѣтія.

Пожалѣвъ только искренно о послѣднемъ запальчивомъ поступкѣ П. В. Чичагова, разорвавшемъ безъ надобности и достаточно уважительныхъ причинъ связь свою съ родиною, которая всетаки, скажемъ мы, судя по фактамъ, была ему дорога, намъ остается прибавить ко всему изложенному на этихъ страницахъ что онъ былъ *человекъ* и примѣнить къ нему извѣстное изреченіе священныхъ книгъ: *«нѣсть пророкъ безславенъ токмо во отечествѣ»*.

Отъ брака своего съ дочерью англійскаго адмирала, Елизаветы Проби (Proby) у П. В. Чичагова было три дочери:

1. Аделаида, род. 12 сентября 1800 г., была въ супруже-

¹⁷³ Архивъ князя Воронцова, т. XII, стр. 273.

¹⁷⁴ Записки адмирала Шихова, т. I, стр. 66.

ствѣ, съ іюля 1826 г., съ французскимъ барономъ Бруэ (Brouhet de St. Martin) съ которымъ впоследствии развѣхалась;

2. Юлію, род. въ февралѣ 1803 г., въ замужствѣ за венгерскимъ графомъ де-Крун (Comte de Cronu—Chanel), и

3. Екатерина, род. весною 1807 года, въ супружествѣ за французскимъ морякомъ графомъ де-Бузе (Comte de Bouzel) ¹⁷⁶.

По Сенату, Чичаговъ значится присутствующимъ 1805 — 1809 гг. въ 1 департаментѣ и съ 1809—1834, неприсутствующимъ сенаторомъ.

¹⁷⁶ Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 90, 165, 264, 267, 274 и 281.

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

О ТИВЕРНАДСКОМЪ МОРЪ.

ПО СПИСКУ XVI в.

Е. В. Барсова.

Нѣтъ сомнѣній, что издаваемый апокрифъ, выражающій дуалистическія воззрѣнія на начало міра, по своему происхожденію, относится къ глубочайшей древности и проникъ къ намъ путемъ гностико-манихейскихъ и богомилскихъ преданій, признававшихъ два міровыя начала—доброе и злое. Богомилы, какъ и Манихеи Бога признавали Творцемъ только невидимаго духовнаго міра; созданіе же видимой природы и тѣлеснаго существа человѣка приписывали *Сатанаму*.

По всей вѣроятности, Богомилскія космогоническія преданія занесены къ намъ въ глубочайшей древности вмѣстѣ съ христіанствомъ, прибывшими къ намъ Греческими и Болгарскими священниками. Богомилство, представляя само въ себѣ смѣсь еретическихъ мыслей съ народными языческими легендами, могло встрѣчаться и у насъ въ народныхъ массахъ благодарную почву. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что издаваемый апокрифъ не только встрѣчается въ Русскихъ рукописяхъ, но бытуеетъ и въ живомъ народномъ сознаніи и при томъ не только на сѣверѣ, но и на югѣ Россіи, въ разныхъ по формѣ, но сходныхъ по содержанію пересказахъ.

На существованіе въ нашей письменности этого съ высшей степени замѣчательнаго апокрифа впервые указано было профессоромъ Щаповымъ въ его «Очеркахъ народнаго міросозерцанія».

Издаваемый списокъ, сколько намъ извѣстно, самый древнѣйшій. Онъ находится въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ Сборниковъ XVI в., въ 8°, на 92 л., который весь наполненъ статьями апокрифическаго характера. Вотъ составъ, среди котораго является сказаніе «О Тивиріадскомъ морѣ»:

л. 1. Слово сѣаго Феодора тирона къ съботѣ первая недѣля поста. како избави матеръ свою ѿ зима. Нач. во времена ѿна оуцента цара.

л. 18. мѹеніе сѣаго никиты. Нач. Во время оно бысть мѹжъ бѣомѹдръ.

л. 35. Ѡ оудоне епѣкъ магдебургскомъ.

л. 57. Сказаніе Ѡ црѣ аггекъ. како пострада гордости ради за слово Хрѣта Бѣа нашего.

л. 65. Ѡ нѣкоемъ богатырѣ. Нач. Бѣ нѣкто ѹлѣкъ богатырь велимн славенъ богатъ зѣло. (Прѣніе живота со смертію).

л. 75 об. о тивирнадскомъ морѣ. Къ сожалѣнію, конца не достаетъ.

Подобный апокрифъ болѣе пространной редакціи изданъ въ «Памятникахъ старинной Русской литературы» изъ Румянцевскаго Сборника (ч. III, 12—13), XVII в. (№ 370), подъ заглавіемъ: *како сотвори Богъ Адама*. За тѣмъ онъ переданъ въ главномъ содержаніи А. Н. Пыпинымъ по списку прошлаго вѣка, въ коемъ онъ является подъ заглавіемъ: «*Свитокъ Божественныхъ книгъ*» (Обзоръ Ист. Слав. литер. стр. 70—7. Ср. Порфирьева: Апокриф. Сказ. стр. 129).

Въ другомъ принадлежащемъ намъ спискѣ, также XVIII в. сказаніе это является подъ заглавіемъ: «*О бытїи неба и земли*».

Отдѣльными же частями встрѣчается въ нѣкоторыхъ изводахъ «*Бъседы трехъ Святителей*» въ *Вопросахъ и Ответахъ*; какъ напр. «Ѡ колкиихъ ѹстенъ сотворенъ бысть адамъ (Ср. у Тихонр. II, 443); на коемъ дрѣвѣ распаса Хсѣъ» и т. п.

Образецъ живаго народнаго пересказа этого замѣчательнаго апокрифа желающій можетъ читать въ нашей статьѣ «Сѣверныя сказанія о Лемболахъ и Удѣльницахъ». (Труды Этногр. Отд. Имп. Общ. Естеств., кн. III, вып. 1, стр. 87. Ср. легенды Якушкина и Аванасьева).

Е. Барсовъ.

⊙ ТИВЕРНАДСКОЖЪ ЖОРЪ.

Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивернадское; а береговъ оумего не было; и сниде гдѣ по воздуху на море тивернадское и видѣ гдѣ на морн гогола пловуща, а тотъ гоголь сотананъ, зарось во еиѣ морскоѣ. и реуе гдѣ сотананъ, акн не вѣдаа его: кто еси? и реуе сотананъ: азъ есмн бгѣ. а мена како нареуеши? и ѿвѣща сотананъ: а ты бгѣ бгомъ и гдѣ гдемъ; ащебы сотананъ не то слово рекъ гдѣ, и гдѣ бы его тѣтъ же искореннаъ на морн тивернадскомъ. и реуе гдѣ: сотанане! помырнса въ море и вынеси мнѣ землю и камень. сотананъ же послуша гдѣ и помырнса въ море и вынеси земли и камень. и вѣд гдѣ землю и песокъ, разсѣа по морю тивернадскому и реуе: вѣдн на море земля толѣста и пространна. и вѣд гдѣ оу сотанана камень и преломн его на поам. и въ правоѣ рѣкѣ остави гдѣ оу себя, а въ лѣвоѣ ѿдалъ гдѣ сотананъ. и вѣд гдѣ посохъ и науа бити камень и реуе: вылетн изнего кремни агглан и архангелн по образу моему и по подобію и безсплотнѣн. и поуалн ѿтого кремни вылетати снамъ огненнѣмъ и сотвори гдѣ аггелы и архагглы и вса девать уиноуѣ. и видѣ сотананъ что сотворнаъ гдѣ и поуалъ тотъ камень бити, что далъ ему гдѣ изъ лѣвоѣ рѣки, и поуалн оу сотананъ вылетати аггелы его сотананолоуы, себе сотвори снамъ великую. и сотвори гдѣ (мнханда) науаланникомъ надо всѣмн уиньмн аггелескнмн... прѣнде гдѣ въ деваты уинѣ. и видѣ сотананъ яко ѿ бга пондосте и ѿ всѣхъ аггеламъ славному и помысли быти равенъ бгѣ и помысли своєю гордостью: поставлю престолъ на облацѣ и вѣдъ подобенъ вышнемъ. и вѣдаа гдѣ мысль сво лукавую, и восхотѣ вергнѣти его на землю со всєю его силою лукавою и посла гдѣ мнхайла къ сотананъ и прѣнде мнхайла и попали мнханда ѿ сотанана огонь. и прѣнде мнханъ ко гдѣ: сего сотворнаъ еже еси мнѣ велѣлъ, огонь мена попалнаъ ѿ сотанана. и гдѣ мнханда построже въ уерныцы и нареуе нма ему ми-

ХАНАЪ. И СОТОМАНАА НАРЕУЕ СОТОНЪ, ПОНЕЖЕ ПОСЛА ГДЪ АГГЕЛА СВОЕГО. МИХАИЛОУ ПОВЕЛЪ СОТОМАНАА ОУДАРИТИ ОЖИЕТРОМЪ И КЕРИЖИТИ ЕГО НА ЗЕМЛЮ СО ВСЕЮ ЕГО СИЛОЮ ЛУКОВОЮ. ШИАСА Ш СОТОМАНАА И ДАЕЪ ГДЪ НАЪ МИХАИЛАЪ И ОТОМЪ НАРЕУЕСА МИХАНАЪ АРХАГГЕЛЪ, А СОТОМАНАЪ СОТОМА. И ПОСЛА ГДЪ МИХАНАА КЪ СОТОМЕ И ЕЩЕ НЕ ДОПУСТНАЪ СОТОМА МИХАНАА ДО ПРЕСТОЛА СВОЕГО И БЫСТЬ ПОСКОМАЕИЪ. ПРИИДЕ МИХАИЛО АРХАГГЕЛЪ И ОУДАРИТИ СКИПЕТРОМЪ СОТОНЪ И ПОРАЗИТИ ЕГО НА ЗЕМЛЮ СО ВСЕЮ ЕГО СИЛОЮ И ШАН СИЛЫ ЕГО ТРИ ДНИ И ТРИ НОЩИ., АКИ КАПЛИ ДОЖДЕВНЫА И ВЪ ТРЕТѢ ДНѢ СОТВОРИША АГГЕЛЬСКІИ СОБОРЪ И ПОСТАВИ ГДЪ НАДЪ ВСЪМИ СИЛАМИ АГГЕЛЬСКІИМИ МИХАНАА АРХАГГЕЛА И РЕКОША АГГЕЛИ И ЗАТВОРИША НА БГА. КОЕВО ГДЪ ОГНЬ ЗАСТАЛАЪ, НИОВО ВЪ ГОРАХЪ, НИИХЪ КЪ ПРОИСТАХЪ, ПО ВОЗДУХЪ ЛЕТАЩИХЪ, А НИИХЪ РУКОЮ НИИ ИГОЮ БЛАГА ПЛАКАЕЪ: ГДЪ КОЕВО ЗАСТАЛАЪ, ТЯТЪ И ДО СЕГО ДНИ ПРЕБВАЕЪ. И ПОТОМЪ СОТВОРИ ГДЪ РАИ НА ВОСТОЦЕ И ПОМЫСЛИ ГДЪ СОТВОРИТИ ПЕРВОЗДАННАГО УАВКА АДАМА И СОТВОРИ ТЯЛО ЕГО Ш СЕДИИ УАСТЕН Ш ЗЕМАН ТЯЛО, Ш КАМЕНН КОСТИ, Ш МОРА КРОКЪ, Ш СЛНЦА ОУИ, Ш ШЕЛАКА МЫСЛИ, Ш ВЕТРА ДЫХАНІЕ, Ш ОГНА ТЕПЛОТА. И ПОИДЕ ГДЪ НА ИБСА КО ШЦЪ СВОЕМЪ ПО ДИШ АДАМА. СОТОМА ЖЕ НЕВЪДАА УТО СОТВОРИТИ ЕМУ: ИСТЫКА ТЯЛО АДАМОВО ПЕРСТЫ. И ПРИИДЕ ГДЪ КЪ СВОЕМЪ СОЗДАНИЮ К ТЯЛУ АДАМОВЪ И ВИДЕ ТЯЛО ИСТЫКАНО КСЕ И РЕУЕ ГДЪ: О ДІАВОЛЕ! КАКО ЕСИ СМЪЛЪ НАДЪ МОИМЪ СОЗДАНИЕМЪ ТАКО СОТВОРИ? И ОТВЪЩА ДІАВОЛЪ: ГДЪ АЩЕ ТА КОИ УАВКИ УБЪЖИЕЪ УТО ЗАБОЛНАЪ И ТОТЪ ДА ТЕБА ПОМАИЕТЪ. И ГДЪ ПОВОРОТИ АДАМА ВНИТЪ РАНАМИ И ШТОЛЕ ЗАУАТСА БОЛЕЗНЪ. СОТОМА СОТВОРИЛАЪ, АЩЕ ОУ КОГО ЗАБОЛИТИ И ТОТЪ ДА ВОЗДОХИЕТЪ ОХЪ, ОХЪ, ГДЪ ПОИНАИИ. ОЖИ ГДЪ АДАМА И ДАЕЪ ЕМУ ОБЛАСТЬ ВЪ РАЮ НАДЪ ВСЪМИ ПЪТИЦАМИ И ЗВЪРЬМИ И СКОТЫ. И ВИДЕ ГДЪ ШКО НЕ ОУДОБНО АДАМУ ЕДИНОМУ ВЪ РАЮ БИТИ И ВОСХОТЪ СОТВОРИТИ ЕМУ СЪПРЯГЪ И ВЛОЖИ ВО АДАМА СОНЪ И ВНИА ИЗЪ НЕГО РЕБРО И СОТВОРИ ЕМУ СЪПРЯГЪ И КОПРОСИ ГДЪ АДАМА: АДАМЕ! УТО ЕСИ ВО СНА ВИДАЛЪ? И РЕУЕ АДАМЪ: ГДЪ! ВИДЕХЪ АПТАА ПЕТРА ВЪ РИИЪ ВНИЗЪ ГЛАВОЮ РАСПАТА, АПТАА ПАВЛА ВЪ ДАМАСЪЦЕ, ІОАНИА ВО ЕФЪСЕ, А ТЕБА ГДЪ ВО ІЕРУСАЛЕ, ГОГОФЕ НА КРЕСТЕ РАСПАТА И КОПІЕМЪ В РЕБРА ПРОБОДАЕМА. И НАСАДИ АДАМУ ТРИ ДРЕВА: ЕДИНОВО ДРЕВО УАСТЬ СКОЮ: А ДРЪВНОЮ ДРЕВО УАСТЬ СЪВУНЪ, А ПОСРЕДИ ГДЪ ДРЕВО. И ПОВЕЛЪ ГДЪ АДАМУ Ш ВСЯХЪ ДРЕВЪ ШСТИ, А Ш ЕДИННАГО ДРЕВА НЕ ПОВЕЛЪ ГДЪ ШСТИ. ЗАПОВЕДА ЕМУ: АДАМЕ! Ш СЕГО ДРЕВА КЪСНИШЪ СМЕРТИЮ ОУМРЕНИЪ. И В ТО ВРЕМА БЫЛА К РАЮ ЗМИА ПАУЕ ВСЯХЪ СВЪРЕИ ПОУТОМА ПРЕОУКРАШЕННА. И ВИДЕ ЗМИА ИЗЪ РАЮ ГЛАТИ. ИСКОНИ БЪ СОТОМА НЕ НАВИДА ДОБРА РОДУ УАВУЕСКАГО. И СОТОМА ОБЕРИВАСА УЕРЕМЪ И ПРИИОЛЗИ КО ЗМИЕ И РЕУЕ ЗМИА: ИЮЖИ МА. ПОЖРЕ УЕРКА И ИСЕ К РАИ; ЗМИА ЖЕ ОБЕРИВАСА ОКОЛО ЗАПРЕЩЕННАГО ДРЕВА И НАУА СОТОМА ВОИИТИ ЗМИЕВИМИ ОУСТАМИ: О СЕУА!

УТО ТВОЙ БГЪ ПОВЕЛЪ ЖСТИ? И РЕЧЕ ЕВВА: ѿ ВСЯХЪ ДРЕВЪ ЖСТИ ПОВЕЛЪЛЪ ГДЪ, А ѿ ТОГО ДРЕВА НЕ ПОВЕЛЪЛЪ НАМЪ БГЪ ЖСТИ, ДА СМЕРТІЮ ОУМРЕШЬ. И РЕЧЕ СОТОНА НЕ СМЕРТІЮ ОУМРЕШЬ, НО БУДЕТЕ АКИ БОЖИ, СТАИТЕ КЪ ДАТЬ ДОКРО И ЗЛО. И ВІДЕ ЕВВА А НЕГОДЪ, НО СЕ ДРЕВО УТО ВІДЕ И ВЗА ѿ ПЛОДА ЕВВА И СНАДЕ И ДАСТЪ АДАМУ СЪЖСТИ И АДАМУ ОБИЖИСА ѿ БГА СЛОВА БЖІА. И ВІДЪША СРАМОТУ СВОЮ И ВЗАША ТРИ ЛИСТІЕ СМОКОУНЫЕ И СОТВОРИША НА СЕБЪ РИЗЫ СМОКОУНЫЕ, ДАБЫ НЕВІДА СРАМОТУ СВОЮ И СКРЫШАСА И ВІНДЕ ГДЪ И ЗВА: АДАМЕ, АДАМЕ ГДЪ ВЪ? И ѿВѣЩАВЪ АДАМУ: ГДЪ СОГРАПИХЪ ПРЕСТЪПИХЪ. И ѿВѣЩАВЪ АДАМУ: ГОСПОДИ ЖЕНА МА ПРЕЛЪСТНАА И РЕЧЕ (ГДЪ) ЕВВЪ: ТЫ ОКАНААА УТО СОТВОРИЛА? И ѿВѣЩАВЪ ЕВВА: ГДЪ ЖИНА МА ПРЕЛЪСТНАА. И РЕЧЕ ГДЪ: ТЫ ПРЕЛУКАВАА УТО СОТВОРИХЪ? И ѿВѣЩАВЪ ЖИНА: ГДЪ СОТОНА МА ПРЕЛЪСТНАЪ. И РЕЧЕ ГДЪ АДАМУ: ѿСЕЛЪ ТЫ СІВЪСИ ХЛѢБЪ СВОИ КЪ ПОТЕ ЛИЦА ТВОЕГО. А ТЫ ОКАНААА ЕВВА В ПЕУДАИ РОДИШИ ДЪТІИ, А ТЫ ПРЕЛУКАВАА ѿСЕЛЪ НА УРЕКЕ СВОЕМЪ ПОЛЪЗУЕШИ ДО СКОУАНІА КЪКА СВОЕГО ПО ЗЕМЛИ. И ПОВЕЛЪ ГДЪ АДАМА И ЕВВЪ ИЗЪ РАА ИЗГНАТИ ВОУЪ. И ТОГДА ПАДЕСА ИЗЪ РАЮ ДЪЪ ЧАСТИ ЕГО. АДАМОКА ЧАСТЬ ПАДЕ ВО ЕДРЪ РЕКУ, А ЕВВИНА ВЪ ТИГРЪ РЕКУ, А ГДЪНЕ ДРЕВО ОСТАЛОСА ВЪ РАЮ. И ПЛАКАСА АДАМУ ТРИДЕСАТЬ ЛѢТЬ. И ВІДА ГДЪ СЛЕЗЫ АДАМОВЫ И ВОСОХОУ ЕГО ПОМНОКАТИ, ДАТИ ПРАВЕУЪ БЫ АДАМУ ПОГНЕЛЪ БЫ И ПОСА ГДЪ АРХГЕЛА СВОЕГО МИХАИЛА, ПОВЕЛЪ ЕМУ ЗЕМЛЮ ПАХАТИ И МАУА АДАМУ ЗЕМЛЮ ПАХАТИ И ПРІНДЕ КЪ НЕМУ СОТОНА И РЕЧЕ АДАМУ: УТО ДЪАДЕШИ? АДАМУ РЕЧЕ: ЗЕМЛЮ НАШУ. И СОТОНА РЕЧЕ: КТО ТЕБЪ ПОВЕЛЪЛЪ? АДАМУ РЕЧЕ: ГДЪ МИЪ ВЕЛЪЛЪ. И СОТОНА РЕЧЕ: ГОСПОДИА НЕБЕСА, А ЗЕМЛА МОА; АЩЕ ХОЩЕШИ ЗЕМЛЮ ПАХАТИ И ТЫ ДАИ МИЪ НА СЕКА РЪКОПИСАНИЕ И НА ВЕСЬ РОДЪ СВОИ ПО ТЕБЪ ВЪДЪЩИХЪ. И РЕЧЕ АДАМУ: КОЛИ ЗЕМЛА ТВОА И АЗЪ ТВОИ И НАПИСА АДАМУ НА СЕКА РЪКОПИСАНИЕ И НА ВЕСЬ РОДЪ ПО НИХЪ ВЪДЪЩИХЪ. И ѿДАСТЪ СОТОНЪ, СОТОНА РАДЪ ВЪСТЪ И НЕСЕ ВО АДЪ И ПОТОМОУ РЪКОПИСАНИЮ ѿ АДАМОВЫ СМЕРТИ И ПО ХРЪТОКО РАСИАТИЕ И ПРИМАШЕ ДІАВОЛЪ И ПРИВОДИТЪ ГРЪШНЫХЪ И ПРАВЕДНЫХЪ ВО АДЪ ВСЪ РАВНО. И РОДИ АДАМУ ДВА СІА КАИНА И АВЕЛА. КАИНЪ БЫЛЪ ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ. АВЕЛЪ ПАСТЪХЪ. И ВО ВРЕМА КАИНЪ ПРИНЕСЕ ЖЕРТВУ БГЪ ѿ ПЛОДА СВОЕГО. И ПРЕЖДЕ САМУЪ ВКУСИ И БГЪ ЖЕ РАЗГНЕВАСА НА КАИНА И НЕ ПРИА ЖЕРТВУ ЕГО. И ПОТОМУ ПРИНЕСЕ АВЕЛЪ ѿ СТАДЪ СВОИХЪ ПРАВЕДНЫХЪ. БГЪ ЖЕ ПРИЗРЪ НА ЖЕРТВУ ЕГО АВЕЛЪВУ. И РАЗГНЕВАСА КАИНЪ НА БРАТА СВОЕГО АВЕЛА И НЕ ВЪДАА УТО СОТВОРИТИ И ВОЗВА ЕГО ЧЗАТИ НА ПОЛЕ. ДІАВОЛЪ ЖЕ ИСКОНИ БЪ СОТОНА МЕНАВІДА ДОБРА РОДУ УЛЪВЕСКОМУ И ОУКАЗА КАИНЪ НА ПОЛЪ КАМЕНЬ И ОУБИ БРАТА СВОЕГО АВЕЛА. АДАМУ ЖЕ ВІДЪ СІА СВОЕГО ОУЕНТА. АДАМУ И ЕВВА ПЛАКАСА ТЪ НАДЪ ТѢЛОМЪ АВЕЛЪВЫМЪ. ТѢЛО ЖЕ АВЕЛЪЕВО ЛЕЖАШЕ НА ПОЛЕ, АДАМУ ЖЕ И ЕВВА КСЕГДА ПЛАКАХУСА БЕЗСПРЕСТАИИ, А НЕ РАЗУМЪЮТЪ УТО НАДЪ НИМЪ СОТВОРИТИ. И

видѣ гдѣ слезы адамоу и сосла гдѣ двѣ горлицы и леташе надъ тѣломъ авелевымъ и единая птица падъ на землю мертва въ горахъ, а другая летающа надъ нею и положи сию и ростеръза землю ногъ-тами своими елико можахъ и погребе сию въ землю и полете проуй. видѣже адамъ и ева и сотвориша такоже надъ тѣломъ авелевымъ, погребохъ въ землю. и ѿтоле преста плакатиса адамъ и ева по авель. и потомъ дасть бгъ адамъ сѣа сифа во авелево мѣсто. сосла гдѣ грамоту. и живъ адамъ девять сотъ тридесать лѣтъ. разболѣся адамъ, науа оу него глава болѣти и посла сѣа своего меншаго: понди уадо ко дому и принеси мнѣ вѣтви ранскіе древа изъ раю и прінде сифъ кожда плакася оу едема и вопроси его ангель видѣ надуу его: и реуе сифъ: господине оиъ мон болитъ адамъ и повелѣ мнѣ принести вѣтви ѿ ранского древа и азъ господине не могу внити въ ран. ангель же гдѣмъ вынесе вѣтви ранского древа. сифъ же понде съ радостію ко оиъхъ своимъ адамъ. и стрѣте сифа сотона и реуе емъ сифе гдѣ еси былъ? и реуе сифъ: былъ есми въ раю, несъ вѣтви ѿ ранского древа, оиъ мон болитъ. и слыша сотона и хота сифа и адама погубити и реуе сотона: сифе! понди на едръ реку и мигръ реку и тамо есть дрека уастъ оиѣа твоего и уастъ мѣри твоеа и ты возми ѿ тѣхъ дрѣвъ, да исцелветъ оиъ твоя. сифъ же не знаа сотоны и пославша его, понде на ефранъ реку, ажно банзъ реки лежатъ много вѣтвен и сифъ же взѣ ѿ всѣхъ уастен и прінде ко оиъхъ своимъ, принесе вѣтви ѿ всѣхъ уастен и взѣ оу него, сплете венець адамъ и тогда адамъ оумре и погребенъ бысть въ томъ веньцѣ. и взѣ сотона дѣиъ адамоу, ѿнесе ю по ево рѣкописанію во адъ. и ѿ ево вѣнѣца возрастона три древа и ѿ тѣхъ дрѣвъ возрастона одно древо. и въ моголехъ тѣхъ быти ползѣ ѿ того древа. а на томъ мѣсте не бѣгодарнии людѣе бѣдѣтъ и разбон творити, и ѿтоле просла то мѣсто разбонническое: аще кто на томъ мѣсте живеть добры и тотъ солъ злобенъ разбонникъ, по прослытію мѣста того. и въ то время авдіана црѣа бысть ко архонъскихъ странахъ мужъ именемъ ассонъ, и понде омъ во іерусалимъ градъ и зъ женою своею. жена же его не проста свѣщи, и родн на пѣти сѣа и рекоша нма емъ спѣтникъ. помеже на пѣти родиса. вселиса нассонъ на мѣсте нарицаемомъ разбонникъ; нассонъ же былъ мужъ праведенъ и разуменъ. оумираа приказаа древо то уто распатиса хртѣ сѣиъ вѣію и реуе спѣтнику сѣиъ своему: уадо мое! стереги дрека сего на семъ дрѣбе хоцетъ распатиса избавитель нашъ. ты уадо постражи съ нимъ, сотвори утобы тебѣ съ нимъ оумреть, да теба ради съ нимъ и мы избавленіи бѣдемъ мзки вѣтныа и ѿтоле спѣтникъ живъ и потомъ слыи разбонникъ.....

РАДИЩЕВЪ И ПУШКИНЪ.

В. Е. Якушкина.

Радищевъ и Пушкинъ.

Въ 1790 году А. Н. Радищевъ, начальникъ петербургской таможни, почти неизвѣстный дотогъ въ литературѣ, издалъ свое сочиненіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». За это изданіе онъ подвергся преслѣдованію, смертному приговору, замѣненному ссылкой, а самая книга была уничтожена отчасти имъ самимъ, отчасти властями. Уцѣлѣло ея лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ.

Черезъ 80 лѣтъ, въ 1870 году, было предпринято въ Петербургѣ новое изданіе того же «Путешествія»¹. Оно было остановлено цензурой и потомъ, по ея распоряженію, сожжено.

Сопоставимъ съ этими двумя фактами третій. Въ 1878 году было дано Высочайшее соизволеніе на устройство въ Саратовѣ музея средствами, пожертвованными художникомъ Боголюбовымъ, причѣмъ разрѣшено именовать музей *Радищевскимъ*, въ память именитаго дѣда жертвователя, писателя Радищева, саратовскаго уроженца².

И никого не удивило основаніе *Радищевского* музея, удостоеннаго къ тому же Высочайшаго пожертвованія, не пришлось никому объяснять, кто былъ Радищевъ, почему новое учрежденіе, основываемое на пользу народнаго образованія, крестится именемъ этого писателя: всѣмъ въ общихъ чертахъ извѣстны заслуги и значеніе Радищева.

Итакъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», дважды напечатанное въ теченіе 80 лѣтъ, оба раза было уничтожено цензурой, но, несмотря на это, извѣстность Радищева, именно какъ автора «Путешествія», твердо установилась.

Еще Пушкинъ сказалъ:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Поэтъ разумѣлъ при этомъ многочисленные списки «Путешествія», но приведенный стихъ можетъ быть принятъ и въ болѣе широкомъ

¹ Въ полномъ собраніи сочиненій Радищева, изданномъ П. А. Ефремовымъ.

² Лѣтомъ 1885 г. Радищевскій музей открытъ.

смыслъ. Неумолимая цензура почти сто лѣтъ преслѣдуетъ Радищева, но на зло всѣмъ преслѣдованіямъ Радищевъ, употребляя его собственныя выраженія, «сдѣлался извѣстнымъ въ свѣтѣ между сочинителями», «прослылъ писателемъ остроумнымъ». Радищевъ сталъ знаменитъ, какъ «рабства врагъ»...

Въ виду этой репутаціи его, установившейся неизбежно на перекоръ всему, не безынтересно прослѣдить хоть вкратцѣ литературную судьбу Радищева и его «Путешествія».

Какъ уже сказано, Радищевъ, мало до того извѣстный въ литературѣ, въ 1790 году издалъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Начавшіяся преслѣдованія заставили его уничтожить свою книгу; только немногіе экземпляры ея были проданы или розданы авторомъ, да и изъ тѣхъ полиція отобрала, что могла, и тоже уничтожила.

Радищевъ, посаженный въ крѣпость и подвергшійся допросамъ извѣстнаго Шешковскаго, былъ судимъ въ Уголовной Палатѣ, Сенатѣ и Совѣтѣ: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но «для всеобщей радости», по случаю мира со Швеціею, помилованъ Екатериною и посланъ на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ глухой Илимскъ.³

Высочайшее повелѣніе, избавившее Радищева отъ смертной казни, объявило «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»—«книгою, наполненною самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе» и пр.⁴

Такой строгій приговоръ долго лежалъ на «Путешествіи». Ни Павелъ I, вернувшій Радищева въ Россію, ни даже Александръ I, вызвавшій его въ Петербургъ для участія въ законодательной комиссіи, не уничтожили послѣдствій Высочайшаго осужденія «Путешествія», а вмѣстѣ и его автора.

Лично на Радищевъ это отразилось въ столкновеніи съ начальникомъ законодательной комиссіи, которое и привело его къ самоубійству; и не только книга его осталась запрещенною, но самое имя его долго считалось почти недозволительнымъ въ печати.

Вскорѣ послѣ смерти Радищева, старшій сынъ его предпринялъ изданіе сочиненій своего отца, но въ этомъ изданіи и помину не было ни о «Путешествіи», ни о другомъ сочиненіи Радищева: «Письмо къ другу, жительствовавшему въ Тобольскѣ»; «Житіе Ф. В. Ушакова» на-

³ Подробности о процессѣ Радищева см. «Русская Старина» 1882 г., сент.

⁴ Имелъной указъ Сенату отъ 4 сентября 1790 года, П. С. З. № 16,901.

печатано съ значительными пропусками противъ изданія 1789 года; въ «Памятникъ Дактилохорейческому юношѣ» тоже были сдѣланы два цензурныхъ пропуска; можетъ-быть такіе-же пропуски находятся и въ сочиненіи «О человекѣ». Несмотря на все это, издатели, для большей еще безопасности, отказываются отъ самой памяти о «Путешествіи», говоря: «*Вотъ всё, что осталось изъ сочиненій человека, извѣстнаго уже публикѣ; надѣюсь, издавая ихъ въ свѣтъ, принести ей удовольствіе. Жаль, что многія другія творенія, какъ важныя такъ и забавныя, пропали*». На такое же, такъ-сказать, отрещиваніе отъ «Путешествія» указываетъ самое заглавіе изданія: «Собраніе *оставшихся* сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева»⁵.

За время царствованія Александра I мы встрѣчаемъ въ литературѣ всего двѣ-три замѣтки о Радищевѣ. То же самое и за царствованіе Николая. Это происходило, конечно, не отъ забвенія о Радищевѣ и объ его дѣятельности. Когда въ очеркахъ литературы Греча, а потомъ и въ статьѣ А. Бестужева не было упомянуто о Радищевѣ, то Пушкинъ писалъ: «какъ можно забыть Радищева? кого же мы будемъ помнить?»⁶ Но въ послѣдствіи Пушкину пришлось убѣдиться на личномъ опытѣ, что память о Радищевѣ надо держать про себя, что высказывать ее не позволать: статья Пушкина о Радищевѣ не была пропущена цензурою⁷.

Когда Соликовъ въдумалъ перепечатать въ своемъ опытѣ библиографіи предисловіе Радищева къ «Путешествію», то листокъ этотъ былъ цензурою вырѣзанъ изъ книги и замѣненъ другимъ съ пропускомъ предисловія, такъ что цѣлая страница осталась просто бѣлою⁸.

Но если о Радищевѣ нельзя было говорить въ печати, то память о немъ все-таки живо, свято сохранялась. Немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры его книги сейчасъ же получили особое значеніе у людей, интересовавшихся литературой, особую цѣну въ глазахъ библиофиловъ. Массонъ рассказываетъ, что многіе дорого платили за то только, чтобы достать «Путешествіе» всего на нѣсколько часовъ для прочте-

⁵ Шесть частей, Москва 1807—1811.

⁶ Соч. Пушкина, М. 1882 г. т. VII, стр. 162.

⁷ Кромѣ этой статьи «Александръ Радшевъ» и другой, извѣстной подъ именемъ «Мысли на дорогѣ», Пушкинъ упоминаетъ о Радищевѣ въ своихъ письмахъ и въ двухъ стихотвореніяхъ: все это могло быть издано лишь долгое время спустя по смерти Пушкина, см. ниже.

⁸ 1816 г. Въ немногихъ экземплярахъ Соликова уцѣлѣла эта страница съ предисловіемъ Радищева. Въ 1805 г. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Мартынова была перепечатана изъ «Путешествія» глава Клинь, безъ имени автора.

нія. Книгу Радищева стали переписывать и до сихъ поръ у книжниковъ попадается рукописное «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Выше уже приведенъ стихъ Пушкина объ этихъ коняхъ «Путешествія». Всѣ лица, причастныя литературѣ, конечно, читали «Путешествіе», если не печатное, то рукописное⁹; личность Радищева, какъ писателя и человѣка, постоянно привлекала къ себѣ вниманіе: объ немъ почти нельзя было говорить въ печати, но объ немъ говорили въ письмахъ, мемуарахъ, записывали рассказы относительно его жизни, собирали и переписывали матеріалы, его касающіеся. Поэтому, когда съ воцареніемъ Александра II цензура стала нѣсколько снисходительнѣе смотрѣть на запретное имя Радищева, въ печати стали являться статьи, воспоминанія, документы о Радищевѣ: весь этотъ матеріалъ былъ заготовленъ уже прежде и былъ обнародованъ при первой возможности. вмѣстѣ съ появленіемъ этого матеріала, накопившагося раньше, интересъ къ Радищеву еще больше оживился. Въ разныхъ газетахъ и журналахъ появляются статьи о Радищевѣ, печатаются новыя о немъ свѣдѣнія и документы; его имя появляется даже въ учебникахъ, правда съ очень краткими отзывами.

Между тѣмъ «Путешествіе», главное произведеніе Радищева и главная причина его извѣстности, продолжаетъ считаться запрещеннымъ. Въ 1858 году печатается «Путешествіе» въ Лондонѣ, но по искаженному списку¹⁰. Въ Россіи же изъ него появляются только отрывки при изданіи статьи Пушкина.

⁹ «Содержаніе его всѣмъ извѣстно», говоритъ Пушкинъ, V, 193.

¹⁰ Г. Сухомлиновъ (А. Н. Радищевъ, стр. 125—129) обширными выписками изъ изданій 1790 года и 1858 г. старается доказать ту мысль, что лондонскій издатель преднамѣренно искажилъ «Путешествіе»: нѣсколько не заботясь о точномъ воспроизведеніи подлинника, желалъ сдѣлать книгу удобочитаемою и для того подновилъ слогъ. Но всѣ выписки, сравненія доказали только, что слогъ измѣненъ, подновленъ, виновность же въ этомъ издателя остается недоказанною. Такое подновленіе слога должно было, вѣроятно, произойти при перепискѣ «Путешествія», какъ въ него при перепискѣ вносились иногда и другія измѣненія (такія измѣненія есть и въ текстѣ 1858 года). Видно лондонскаго издателя въ искаженіи текста мы не имѣемъ никакого права уже потому, что въ сочиненіи кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», напечатанномъ вмѣстѣ съ «Путешествіемъ», издатель языка не подновилъ; издатель, вѣроятно, напечаталъ оба сочиненія въ томъ видѣ, въ какомъ получили ихъ изъ Россіи; искаженія въ «Путешествіи» произошли при перепискѣ. Замѣтимъ, что, судя по цитатамъ Массона, искаженія въ «Путешествіи» начались еще въ прошломъ вѣкѣ.—Надо сказать, что г. Сухомлиновъ подновленіемъ языка въ лондонскомъ изданіи объясняетъ мнѣніе нѣкоторыхъ о живомъ и легкомъ слогѣ Радищева; самъ же г. Сухомли-

Въ 1868 году, послѣ неоднократныхъ просьбъ П. Радищева, младшаго сына писателя, Высочайшее повелѣніе снимаетъ съ «Путешествія» запретное клеймо, наложенное на него указомъ 1790 года: «Путешествіе» дозволено печатать на основаніи общихъ цензурныхъ установленій. Этимъ дозволеніемъ первый воспользовался нѣкій г. Шигинъ. Изданіе его «Радищевъ и его книга», даетъ краткій и очень плохой очеркъ жизни А. Н. Радищева, а затѣмъ «Путешествіе» или вѣрнѣе, безобразные отрывки изъ него, съ безтолковымъ пропускомъ и отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ главъ (и опять-таки не по подлиннику, а по искаженной рукописи); короче, изданіе г. Шигина не даетъ ни малѣйшаго понятія ни о Радищевѣ, ни о его книгѣ. Печальная судьба изданія предпринятаго въ 1870 году уже указана выше.

Въ 1870 году вышло въ свѣтъ предисловіе г. Антоновича къ Шлоссеровой Исторіи XVIII вѣка (VIII томъ) съ перепечаткой изъ Радищева главы о цензурѣ и другихъ отрывковъ. Упомяну еще, что въ 1869 году, въ сборникѣ г. Бартевева «Осмадцатый вѣкъ» было перепечатано вполнѣ, безъ пропусковъ другое сочиненіе Радищева «Житіе Ѳ. В. Ушакова», а въ Русской Старинѣ 1871 года перепечатано «Письмо къ другу, живельствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего». Вотъ и все, что у насъ сдѣлано, или, точнѣе, что у насъ можно было сдѣлать для изданія Радищева.

Послѣднее изслѣдованіе о Радищевѣ, профессора Сухомлинова, повторяетъ уже не разъ высказанное желаніе, чтобы сочиненія Радищева были наконецъ изданы вполнѣ и точно, какъ они того заслуживаютъ¹¹. Будемъ надѣется, что повеланія нашего дѣятельнаго академика не останутся тщетными, что подъ его вліаніемъ наша Акаде-

мовъ по подлинному изданію 1790 года считаетъ слогъ Радищева утомительно-напыщеннымъ. Противорѣчія въ отзывахъ о слогѣ Радищева начались уже давно, за долго до лондонскаго изданія; такъ, напр., Пушкинъ бранитъ прозаическій слогъ Радищева и предпочитаетъ его стиху, а критикъ въ Цвѣтникѣ Назайлова (1809) квалитъ прозу, бранитъ стихи. Противорѣчивые отзывы о слогѣ Радищева зависятъ отъ того, что слогъ этотъ очень неровенъ: въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Радищевъ говоритъ о возвышенныхъ предметахъ, онъ, учившійся, какъ извѣстно, по Ломоносову, старается употреблять особенно высокій слогъ, причемъ и дѣлается напыщеннымъ и тяжелымъ; но за то есть и другія мѣста, гдѣ Радищевъ, увлеченный своимъ предметомъ, мѣтче высокимъ, пишетъ легкимъ, живымъ разговорнымъ языкомъ. Укажемъ для примѣра послѣдняго на главы Сеѣія, Любавъ, Новгородъ и пр.

¹¹ Сборникъ отд. русскаго языка и словесности И. А. Н., т. XXXII, № 6. А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». М. И. Сухомлиновъ, стр. 143.

мія, исполняя одинъ изъ § своего устава и одно изъ существеннѣйшихъ своихъ назначеній—издавать извѣстныхъ русскихъ авторовъ, можетъ быть. Академія соберется напечатать *полное и точное* собраніе сочиненій Радищева хотя къ приближающемуся столѣтнему юбилею со времени перваго изданія «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»¹².

И такъ повторимъ вкратцѣ литературную исторію Радищева.

Изданіемъ «Путешествія» Радищевъ положилъ прочное основаніе своей литературной извѣстности и вмѣстѣ возстановилъ противъ себя цензуру. Съ нѣкоторыми временными послабленіями преслѣдованія цензуры противъ Радищева продолжаются уже почти цѣлое столѣтіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и теперь еще считается запрещеннымъ. Но несмотря на всѣ преслѣдованія судьбы, имя Радищева, какъ замѣчательнаго писателя и замѣчательнаго чловека, какъ одного изъ лучшихъ, изъ самыхъ передовыхъ людей Екатерининскаго времени, сумѣвшаго наперекоръ всему сохранить свои идеалы и перенести ихъ въ свою безвременно прерванную дѣятельность при Александрѣ I, имя Радищева пользуется громкою и заслуженною извѣстностью; Радищевъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія, въ исторіи лучшихъ стремленій новой Россіи.

«Радищевъ, работа врагъ, цензуры избѣжалъ!»

Хотя до сихъ поръ, благодаря разнымъ условіямъ, мы не имѣемъ полной, всесторонней оцѣнки Радищева, но извѣстность его, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, вполне установилась, и его значеніе, его мѣсто въ нашей исторіи въ общемъ опредѣлено вѣрно. Несмотря на это въ богатой литературѣ о Радищевѣ, богатой, если

¹² Не смотря на живость языка и содержанія нѣкихъ страницъ «Путешествія», все-таки по своему характеру и изложенію эта книга въ общемъ имѣетъ лишь историческое значеніе, на чтѣ уже не разъ и упавывалось; она не можетъ привлечь теперь многочисленныхъ читателей и по одному уже этому не должна бы возбуждать цензурныхъ опасеній. Надо еще замѣтить, что болѣе неудобными для печати могли бы теперь казаться нѣкоторыя рѣзкія фразы и выраженія (о значеніи ихъ будетъ сказано ниже), но эти рѣзкости были уже не разъ напечатаны въ послѣдніе годы. Наиболѣе рѣзкія выраженія были выписаны Екатериною въ ея замѣчаніяхъ на книгу Радищева, затѣмъ повторены въ вопросныхъ пунктахъ Шенниковскаго, а то и другое напечатано въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1865 г., кн. 3, и еще разъ въ V кн. Архива кн. Воронцова.

но качественно, то количественно, нерѣдко встрѣчаются отзывы, враждебные «Путешествію изъ Петербурга въ Москву» и его автору. Но кто изъ историческихъ лицъ не подвергается сужденіямъ вкривъ и вкось, не подпадаетъ оцѣнкамъ самымъ противоположнымъ? И это разнообразіе въ оцѣнкѣ историческаго лица тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ понятнѣе, чѣмъ дѣятельность лица ближе къ намъ и чѣмъ она была шире и опредѣленнѣе. А этими свойствами,—широтою и опредѣленностью, вполне обладаетъ и личность, и дѣятельность Радищева. Его сочиненія, не одно «Путешествіе», но всё вообще, и его практическая, служебная дѣятельность, наконецъ даже его частная, личная жизнь,—все это такъ или иначе касалось многихъ и многихъ общественныхъ вопросовъ. «Путешествіе» его или его проектъ въ Александровской законодательной комиссіи, насколько онъ намъ извѣстенъ¹³, толкуютъ о главнѣйшихъ задачахъ государственной и обще-

¹³ Преданіе, сообщаемое Пушкинымъ, говоритъ, что А. Радищевъ подалъ проектъ законовъ, показавшійся начальнику законодательной комиссіи, гр. Заволовскому, черезчуръ либеральнымъ; онъ сдѣлалъ Радищеву замѣчаніе, упоминая даже о Сибири; эта угроза такъ подѣйствовала на Радищева, что онъ рѣшился на самоубійство. Тотъ же рассказъ, но болѣе подробно, повторяетъ П. Радищевъ (Рус. Вѣстникъ 1858. Декабрь, кн. I, 422 и 423), причѣмъ сообщаетъ и общія основанія самаго проекта. Между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай, въ составленной имъ биографіи отца ничего не говоритъ ни о проектѣ, ни о самоубійствѣ. Рукопись этой биографіи принадлежала кн. П. А. Вяземскому, который сдѣлалъ на ней такую замѣтку: «Радищевъ отецъ, *кажется*, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія проектъ весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній». (Русская Старина 1872, VI, 573). Память въ данномъ случаѣ замѣтила кн. Вяземскому: его замѣтка и по формѣ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія, а по существу противорѣчитъ многимъ несомнѣннымъ фактамъ, всему, что мы достовѣрно знаемъ о взглядахъ Радищева послѣ ссылки. Пр. Сухомлиновъ, въ цитованномъ выше исследованіи (стр. 82—104) привелъ еще нѣсколько новыхъ данныхъ, доказывающихъ либеральное направленіе Радищева въ законодательной комиссіи (и именно по крестьянскому вопросу), почему-то оставаясь передъ извѣстіемъ кн. Вяземскаго, не рѣшается его окончательно отвергнуть и говорить только, что оно *«требуетъ подтвержденія»!*? (стр. 85). Онъ гораздо рѣшительнѣе поступаетъ съ Пушкинымъ и П. Радищевымъ, совершенно не признавая ихъ показаній; рассказъ Пушкина онъ считаетъ недостаточно опредѣленнымъ, рассказъ П. Радищева слишкомъ опредѣленнымъ, носящимъ ясныя слѣды вліянія вѣяній 50 годовъ. Пр. Сухомлиновъ не нашелъ въ бумагахъ законодательной комиссіи общаго проекта Радищева (замѣтимъ, что и по рассказу П. Радищева проектъ его отца остался въ частныхъ рукахъ), а только отдѣльныя мнѣнія, между прочимъ одну болѣе цѣльную записку «о цѣлѣ

стѣнной жизни, при томъ настолько широко ставить вопросы, что наша дѣйствительность до сихъ поръ еще во многомъ остается позади идеаловъ и требованій Радищева. Поэтому Радищевъ съ своими взглядами на значеніе государственной власти, на вопросы суда и администраціи, на задачи воспитанія, на требованія общественной нравственности и пр., во все продолженіе этого столѣтія, до нашихъ дней является не просто историческимъ лицомъ, писателемъ далекаго отъ насъ Екатерининскаго вѣка, а какъ-бы живымъ человекомъ, который говоритъ намъ о задачахъ нашего времени, отстаиваетъ то или другое рѣшеніе важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Значеніе Радищева далеко не «ретроспективное», какъ выражается одинъ изслѣдователь; напротивъ оно отличается вполне жизненнымъ и современнымъ характеромъ. Поэтому при оцѣнкѣ Радищева до извѣстной степени отразились современные злобы дня. Человекъ съ очень опредѣленнымъ направленіемъ всей своей дѣятельности, Радищевъ не могъ не возбудить въ извѣстной части литературы неодобрительныхъ отзывовъ. Одни упрекаютъ его за преждевременный планъ освобожденія крестьянъ (имъ и реформа 19 февраля кажется преждевременной); другіе не одобряютъ въ Радищевѣ вообще его свободомыслія; третьимъ не нравится онъ, какъ человекъ западнаго образованія, симпатіи котораго были обращены къ обще-человѣческому про-

ва людей убійныхъ», и эту то записку онъ и рѣшается признать за проектъ, о которомъ идетъ дѣло, думая, что другаго общаго законодательнаго проекта Радищевъ и не подавалъ, что такой общій проектъ—никогда; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Сухомлиновъ сомнѣвается и въ самоубійствѣ Радищева. Почтенный профессоръ упустилъ изъ виду свидѣтельство Ильинскаго, который былъ товарищемъ Радищева по комиссіи, т.-е. тоже ея членомъ, свидѣтельство котораго по своему значенію рѣшающее: въ *Запискахъ Ильинскаго* (Русскій Архивъ, 1879, № 12, стр. 415—417), вслѣдъ за краткой біографіей Радищева и характеристикой его либеральныхъ мнѣній, прямо говорится объ общемъ либеральномъ законодательномъ проектѣ Радищева и затѣмъ о его самоубійствѣ. Это свидѣтельство современника-товарища въ общемъ вполне подтверждаетъ рассказы Пушкина и П. Радищева. Оно, конечно, вполне опровергаетъ замѣтку кн. Вяземскаго, если только она нуждается въ какомъ-нибудь опроверженіи. Замѣчу, что о самоубійствѣ Радищева никакъ нельзя отвергать современнаго свидѣтельства Борна (Свитокъ Музей, кн. 2. Смб. 1803): какъ лично и близко знавшій Радищева, онъ не могъ не знать подробностей о его смерти; если онъ говоритъ: Радищевъ умеръ, какъ *сказываютъ*, насильственной произвольною смертью, то это вполне объясняется тѣмъ, что официально смерть Радищева была признана естественною (см. документы у Сухомлинова, стр. 102 и 103). Вся статья Борна основана на фактѣ самоубійства Радищева. Почему Радищевъ покончилъ съ собою? «Положимъ перстъ на уста нашимъ и пожалѣемъ объ участи человѣчества!»

свѣщенію; четвертымъ онъ непріятель, какъ сторонникъ свободной торговли или какъ противникъ строгихъ педагогическихъ мѣръ, и т. д.¹⁴

Но совершенно особое мѣсто въ литературѣ, осуждающей Радищева, занимають статьи о немъ Пушкина. Благодаря и имени автора, и своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, статьи эти, хотя сравнительно очень недавно напечатанныя въ своемъ настоящемъ видѣ, давно уже пользуются вполне заслуженною извѣстностью. Онѣ, хотя и въ искаженномъ своемъ видѣ, первыя открыли рядъ статей о Радищевѣ, когда во второй половинѣ 50 годовъ цензурныя условія измѣнились къ лучшему.

Въ отзывахъ, враждебныхъ Радищеву, очень часто встрѣчаются ссылки на авторитетъ Пушкина, постоянно получающаго при этомъ похвалы за свою умѣренность и благоразуміе; эти статьи считаются какъ бы вѣнцомъ той перемѣны, которую признають въ Пушкинѣ николаевского времени. Съ другой стороны, писатели, сочувственно относящіеся къ Радищеву и его дѣятельности, рѣзко осуждаютъ Пушкина за его статьи о Радищевѣ, съ которыми они не могутъ не считаться.

Такая оцѣнка статей Пушкина совершенно несправедлива: онѣ далеко не заслуживаютъ ни рѣзкихъ упрековъ, ни такихъ похвалъ, подчасъ просто оскорбительныхъ для памяти поэта. Статьи эти недостаточно изучены и разобраны, не сопоставлены съ отношеніемъ Пушкина къ Радищеву, какъ оно выразилось помимо этихъ статей, наконецъ не выяснено, какъ относятся эти статьи вообще ко взглядамъ и убѣжденіямъ Пушкина.

А между тѣмъ очень важно разъяснить истинное значеніе и характеръ этихъ статей. Съ одной стороны отъ правильного ихъ пониманія зависитъ рѣшеніе вопроса, какъ считать авторитетный голосъ Пушкина,—за или противъ Радищева; съ другой, для оцѣнки убѣжденій и взглядовъ Пушкина въ николаевскую эпоху, для его характеристики эти статьи имѣютъ особую важность.

Въ противоположность общепринятому мнѣнію, какъ уже упомянуто, я думаю, что эти статьи Пушкина вовсе не такъ враждебны Радищеву, что онѣ не заслуживаютъ ни обидно-похвальныхъ отзы-

¹⁴ Признаніе взглядовъ Радищева, имѣющими современное значеніе, не противорѣчатъ сдѣланному выше замѣчанію объ историческомъ значеніи его книги: для исследователей, изучающихъ взгляды Радищева, ихъ жизненное, современное значеніе вполне ясно, но для читателей вообще его книга, по языку и содержанию, въ общемъ никакъ не можетъ имѣть современнаго интереса.

вовъ, ни рѣзкихъ осужденій. Конечно ихъ нельзя не хвалить, но только не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ. Возможно полной оцѣнкой этихъ статей мы и займемся.

Но прежде намъ надо еще нѣсколько остановиться на другихъ отзывахъ, дѣйствительно враждебныхъ Радищеву. При разборѣ ихъ, мы опредѣлимъ значеніе главнѣйшихъ обвиненій противъ Радищева и вмѣстѣ выяснимъ въ общемъ характеръ его личности. И то, и другое поможетъ намъ правильнѣе отнестись къ занимающимъ насъ статьямъ Пушкина.

Указъ 1790 года, осудившій Радищева на ссылку, выставилъ противъ него слѣдующія обвиненія: онъ издалъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и наконецъ оскорбительными и неистовыми изреченіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу»¹⁵.

Писатели, враждебные Радищеву, теперь уже, конечно, не поддерживаютъ всѣхъ этихъ обвиненій, неосновательность которыхъ была доказана еще объясненіями, данными Радищевымъ при слѣдствіи. Такъ они, понятно, не увѣряютъ, чтобы цѣль Радищева была произвести своею книгою возмущеніе народа, революцію. Радищевъ отвергъ это обвиненіе справедливымъ указаніемъ на то, что «народъ нашъ простой, книгъ не читаетъ, да и писана она (книга «Путешествіе») языкомъ для простаго народа не внятнымъ». Съ этими доводами не могутъ не согласиться самые пристрастные критики.

Далѣе, никто теперь не поддерживаетъ противъ Радищева обвиненія въ «лживомъ поступкѣ», въ обманной прибавкѣ листовъ въ книгу послѣ цензуры. Радищевъ при слѣдствіи прямо показалъ, что имъ прибавлено (надо замѣтить, что все о прибавкѣ, т.-е. даже о самомъ фактѣ прибавки, слѣдователи знали лишь по сознанію Радищева). Несомнѣнно, что цензоры, пропустившіе книгу, безъ всякихъ затрудненій пропустили бы и добавленія. И дѣйствительно, эти добавленія нисколько не важны, нисколько не мѣняютъ направленія книги. Г. Бартенева очень вообще не расположенъ къ Радищеву; но

¹⁵ Разборъ всѣхъ этихъ обвиненій см. Р. Старина, 1882 г., Сентябрь.

онъ, какъ человѣкъ опытный въ дѣлѣ печатанія, вполне оправдываетъ Радищева: «то же самое, говоритъ онъ о послѣцензурныхъ прибавкахъ Радищева, дѣлаетъ всякій тщательный издатель»¹⁶.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ обвиненій, приведенныхъ въ указѣ 1790 года, до сихъ поръ держится еще только одно: книга Радищева написана слишкомъ вольно, въ ней много недозволительныхъ оскорбленій начальства, много изрженій, умаляющихъ должное ко властямъ уваженіе. Но чтобы судить правильно объ этой сторонѣ вопроса, надо многое еще принять во вниманіе, надо исторически отнестись къ дѣлу.

Необходимо помнить, что Радищевъ еще въ Пажескомъ корпусѣ долженъ былъ обучаться философіи, морали, *праву естественному* и народному;¹⁷ что посланный потомъ Екатериною учиться за границу онъ по Высочайшему повелѣнію обязанъ былъ заниматься *наипаче* естественнымъ правомъ;¹⁸ что за границей онъ, понятно, подпалъ вліянію господствовавшихъ тогда во всей Европѣ идей просвѣтительной философіи, вліянію французской литературы, которою такъ увлекалась, которой такъ покровительствовала русская императрица. Вліяніе французской литературы и отразилось во многомъ на книгѣ Радищева, между прочимъ и на ея языкѣ; отсюда была заимствована рѣзкость выраженій, которыя не должны быть истолковываемы всегда буквально: на нихъ надо смотрѣть какъ на извѣстную особенность языка той эпохи.¹⁹ Укажу одинъ примѣръ вліянія французской фразеологіи. Приходится слышать упрекъ Радищеву за то, что онъ опередилъ самое французскую революцію, что онъ еще раньше 1793 года восхищается Кромвелемъ; но что значать стихи Радищева объ этомъ въ одѣ «Вольность» въ сравненіи съ извѣстнымъ двустушиемъ о короляхъ и попахъ въ одѣ Дидро, этого покровительствуемаго собесѣдника Екатерины?²⁰ Екатерина сама сблизила Радищева съ западными идеями, ввела его въ область французской литературы, и рѣзкость языка Радищева есть только результатъ этого сближенія.

¹⁶ Осмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 243 (второе изданіе).

¹⁷ См. Планъ обученія пажей въ изслѣдованіи г. Сухомлинова, стр. 4.

¹⁸ Сборникъ Ист. Общ. X, стр. 107.

¹⁹ Это справедливое замѣчаніе было сдѣлано А. Н. Шышымъ, В. Европы 1868, VII, 427.

²⁰ Les Eleuthéromanes Oeuvres de Diderot 1875, IX, 16. На русскомъ языкѣ есть переложеніе этихъ стиховъ: Мы добрыхъ гражданъ позабавимъ и т. д. Любопытно, что преданіе приписываетъ это переложеніе Пушкину.

Надо еще замѣтить, что прежде Екатерина не осуждала такихъ особенностей литературнаго языка; выставивъ въ своемъ Наказѣ ²¹ правило: «слова не вѣняются никогда въ преступленіе» она дозволила, на примѣръ, къ печати въ трагедіи Николаева «Сороча» рѣзкое осужденіе самодержавія. За годъ до изданія «Путешествія», самъ Радищевъ безирепятственно выражался въ печати съ тою же свободою языка, въ своемъ «Житіи Ѳ. В. Ушакова», ²² см. напр., о самодержавіи (стр. 13 и 14 перваго изданія, стр. 28 и 29), объ отношеніи власти къ подданнымъ (стр. 50 и 53), о налогахъ и о войнѣ (стр. 95 и 96); ²³ такъ и въ «Письмѣ къ другу», напечатанномъ Радищевымъ не задолго до изданія «Путешествія», мы находимъ подобныя же выраженія о самодержавной власти, о придворномъ ласкательствѣ; наконецъ въ «Житіи Ушакова» есть мѣсто, ²⁴ говорящее о первой англійской революціи совершенно то же, что и *Ода на болыность*, выдержки изъ которой находятся въ «Путешествіи». Такимъ образомъ Радищевъ собственно былъ виноватъ только въ томъ, что не угадалъ характера данной минуты, не понялъ, въ своемъ увлеченіи, что мысли и выраженія, вполнѣ дозвольтельныя за годъ передъ тѣмъ, сочтутся теперь, не смотря на принципы Наказа, тяжкимъ преступленіемъ.

Мы видимъ, что ни одного изъ обвиненій указа 1790 года подерживать нельзя. Противъ Радищева обыкновенно и выставляютъ общія обвиненія въ излишнемъ свободомысліи, происшедшемъ будто бы отъ неосмысленнаго подчиненія европейской философіи, отъ незнанія и непониманія нуждъ Россіи. Радищевъ, «оторванный отъ почвы», «чуждый народному духу» и т. д., совращенный «ложнымъ» просвѣщеніемъ запада, не любящій и не понимающій Россіи, написалъ де книгу, которая, по своему содержанію, не имѣла ни малѣйшей практической цѣны для Россіи, представляетъ вредное примѣненіе плохопонятыхъ, неподходящихъ и ложныхъ началъ къ русской жизни. Такъ ли это? При ближайшей оцѣнкѣ книги Радищева оказывается, къ неудовольствію нашихъ народниковъ и охранителей, что Радищевъ зналъ Россію, любилъ ее, видѣлъ бѣдственныя стороны русскаго общественнаго строя, страдалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, указывалъ сред-

²¹ Статья 480. См. еще статью 484: «Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень лживыя; но оны дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиновничеству, а не преступленіемъ».

²² Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи. 1789 года.

²³ Осмнадцатый вѣкъ, I, стр. 187, 191, 196, 198, (2-е изданіе).

²⁴ Первое изданіе стр. 99 и 100; у г. Бартолова стр. 202.

ства ихъ извѣченія и притомъ средства, вполне возможны, подходящія для дѣла.

Главная тема «Путешествія» — нападки на крѣпостное право. Кто посмѣетъ сказать, что крѣпостное право, достигшее особаго развитія въ царствованіе Екатерины II, не было величайшимъ бѣдствіемъ для русскаго народа? И Радищевъ нападаетъ на крѣпостное право не только изъ теоретическаго принципа, изъ отвлеченнаго понятія о свободѣ и достоинствѣ человѣческой личности; его книга многими своими описаніями показываетъ, что онъ внимательно наблюдалъ народную жизнь въ дѣйствительности, что у него были обширныя свѣдѣнія, на которыхъ и опираясь его приговоръ крѣпостному праву. Рассказы «Путешествія» изъ крестьянской жизни, несмотря иной разъ на ихъ чрезвычайную сентиментальность, даютъ очень цѣнныя и разнообразныя указанія въ бытовомъ отношеніи, которыя подтверждаются другими несомнѣнными источниками того времени. Нельзя сомнѣваться, что Радищевъ съ любовью наблюдалъ жизнь простаго народа, знаетъ ее.

Средства, которыя «Путешествіе» предлагаетъ для уничтоженія крѣпостнаго права, не только не являются черезъ мѣру рѣзкими, но напротивъ отличаются постепенностію, быть-можетъ, до излишества. Историкъ въ настоящее время признаетъ, что отношеніе Екатерининской политики къ крестьянскому вопросу было совершенно ложное, что мѣры Екатерины, касавшіяся крестьянъ, были крайне вредны, что она могла и должна была держаться въ этомъ дѣлѣ совершенно другаго направленія. Защитники Екатерининской внутренней политики указываютъ на затруднительность положенія Екатерины, на нетвердость ея на престолѣ и пр. Но, во первыхъ, эти затрудненія были непостоянны, главнымъ образомъ могли вліять только въ первые годы ея царствованія, когда именно Екатерина выкавыивала больше сочувствія къ крѣпостному населенію, чѣмъ позднѣе, а во вторыхъ, правъ изслѣдователь, сказавшій, что половины средствъ, потребовавшихся при Екатеринѣ II для усмиренія крестьянскихъ волненій, было бы вполне достаточно для совершеннаго подавленія всякаго сопротивленія, еслибы такое даже могло проявиться при освободительныхъ стремленіяхъ ея внутренней политики. Думаю, что въ настоящее время мы, зная весь дѣйствительный ходъ крестьянскаго дѣла, не можемъ сомнѣваться въ применимости и при Екатеринѣ такого плана: прежде всего освобождаются дворовые и запрещается брать крестьянъ для домашнихъ услугъ, — если же кто возьметъ крестьянина въ домъ для услугъ, крестьянинъ дѣлается свободенъ; дозволяются браки крестьянъ безъ

согласія помѣщика и безъ выводныхъ денегъ; крестьяне признаются собственниками движимаго имѣнія и удѣла земли, ими обрабатываемаго; далѣе—судъ равныхъ, полныя гражданскія права, зрященіе наказывать безъ суда; дозволить крестьянамъ покупать землю; потомъ назначается извѣстная сумма, за которую крестьянинъ можетъ выкупиться, и наконецъ наступаетъ совершенное уничтоженіе рабства. Конечно, этотъ литературный проектъ, не можетъ быть разматриваемъ какъ готовый проектъ закона, но общія его основанія должны быть признаны вполне приемлимыми и для своего времени. Прибавимъ къ этому, что Радищевъ отстаивалъ права крестьянъ на землю.

Итакъ по главному вопросу, разбираемому въ «Путешествіи», истина на сторонѣ Радищева, а не его судей. То же самое можно сказать и по другимъ общественнымъ вопросамъ. Радищевъ вооружается противъ такихъ сторонъ современной ему русской жизни, которыя уже давно теперь осуждены исторіей; таковы его нападки на зачисленіе дворянъ въ службу съ дѣтскихъ лѣтъ, на несправедливость и корыстолюбіе судей, на полный произволъ вышшихъ начальниковъ, на декоративность и любовь къ вышности и прочее.

Рядомъ съ вопросами, отошедшими въ историческое прошлое, «Путешествіе» подымаетъ и такіе, которые имѣютъ до сихъ поръ современное значеніе; такъ оно прямо вооружается противъ цензуры, противъ обычая предвѣстныхъ приѣмовъ у начальниковъ и т. п.; Радищевъ возстаетъ противъ купецкихъ обмановъ, противъ разврата, противъ роскоши; онъ, нападая на современную ему систему образованія и воспитанія, выдѣль съ тѣмъ рисуетъ идеаль, во многомъ имѣющій значеніе до сихъ поръ, и т. д. Онъ высказываетъ совершенно вѣрный взглядъ, что правительство существуетъ для народа, а не наоборотъ, что счастье, богатство народа измѣряются благосостояніемъ массы населенія, а не благополучіемъ немногихъ лицъ, и проч. Нужно думать, что именно постановка и рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ имѣютъ современное значеніе, и вызываетъ часто противъ Радищева нападки въ литературѣ. Защитники цензуры, чиновочитанія, педагогической рутинѣ не могутъ одобрить Радищева и признаютъ его пустымъ фразеромъ, свихнувшимся и потерявшимъ почву либераломъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на враждебныхъ Радищеву отзывавъ, опровергать подробно взводимыхъ на него обвиненій. Сказаннаго для безпристрастнаго читателя довольно, чтобы оцѣнить по достоинству и Радищева, и его враговъ, чтобы видѣть, что авторъ «Путешествія» былъ человекъ, искренно любившій свою родину, знав-

шей ее и понимавшей ее нужды, въ требованіяхъ своихъ опередившей не только свой вѣкъ, но и многихъ изъ современныхъ намъ литераторовъ.

Уже было сказано выше о томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ статьи Пушкина о Радищевѣ для оцѣнки и пониманія ихъ автора, также и той роли, какую онѣ играютъ въ литературѣ о Радищевѣ. Теперь прежде всего напомнимъ читателю внѣшнюю исторію этихъ статей.

Ихъ, какъ извѣстно, двѣ. Одна изъ нихъ была написана Пушкинымъ въ 1833 и 1834 гг., но оставлена имъ неконченною и безъ общаго заглавія (настоящее заглавіе ея—«Мысли на дорогѣ»—дано П. В. Анненковымъ). Она сохранилась для насъ въ рукописяхъ поэта въ разныхъ видахъ²⁵. Мы находимъ ее въ первоначальномъ, черновомъ видѣ, еще безъ точнаго раздѣленія на главы, съ большими еще отступленіями, чѣмъ въ печатной редакціи²⁶. Затѣмъ мы встречаемъ ту же статью въ томъ видѣ, какъ она напечатана (кроме нѣкоторыхъ неточностей въ печати), еще въ другой тетради; тутъ она находится дважды: въ копіи съ поправками Пушкина и въ чистовомъ подлинникѣ, мѣстами тоже сильно исчерпанномъ. Наконецъ одну главу ея, о цензурѣ, мы находимъ опять въ иной тетради, а еще въ одномъ мѣстѣ набросокъ къ этой статьѣ и часть программы²⁷. Такимъ образомъ мы видимъ, что Пушкинъ много работалъ надъ этой статьѣй и несомнѣнно готовилъ ее для печати. Можетъ быть она стояла въ связи съ долго не покидавшими его надеждами на изданіе газеты и осталась неоконченною, когда ему пришлось отказаться отъ исполненія этихъ надеждъ. Когда мечты его о журнальной дѣятельности наконецъ, черезъ два года послѣ того, осуществились, хотя и въ иномъ видѣ, когда онъ приступалъ къ изданію журнала «Современникъ», онъ опять пишетъ другую статью о Радищевѣ, которая сохранилась въ бумагахъ поэта въ черновомъ подлинникѣ и въ

²⁵ Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ, подробно описаны мною въ «Русской Старинѣ» 1884 г., февраль—декабрь. Такъ какъ онѣ описаны по порядку тетрадей и листовъ, то ссылаясь на нихъ я вездѣ буду дѣлать указанія только на № тетради и листа, не указывая книжки журнала.

²⁶ № 2384. 1—26. Главныя дополненія къ печатной редакціи приведены въ «Описаніи».

²⁷ См. № 2385; № 2386. Б. 38—41 и № 2377, Л. 18.

бѣловой копій¹⁸. Пушкину очень хотѣлось, чтобы эта статья его была напечатана, и онъ прилагалъ особыя старанія, чтобы протаять ее черезъ цензуру. Представляя упомянутую бѣловую копію на цензурное разсмотрѣніе, Пушкинъ на заглавномъ листѣ рукописи написалъ: «Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ на разрѣшеніе». Тутъ же читаемъ и отвѣтную помѣтку цензора: «Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ главнаго управленія цензуры отъ 26 января 1836 г., № 271. Цензоръ А. Крыловъ».

Такимъ образомъ обвинъ статьямъ Пушкина о Радищевѣ не пришлось увидать свѣтъ при жизни ихъ автора; и по смерти его они не сразу прошли черезъ цензуру.

Не смотря на хлопоты Жуковского о посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, вторая статья о Радищевѣ вовсе не вошла въ это изданіе, а изъ первой статьи въ немъ появились небольшіе лишь отрывки, причемъ не только были выпущены цѣлыя главы и многія отдѣльныя мѣста, но вездѣ было выкинуто даже самое имя Радищева, и статья потеряла свой настоящей обликъ. Въ такомъ искаженномъ видѣ вошла она и въ Анненковское изданіе, объединившее впрочемъ ее заглавіемъ: «Мысли на дорогѣ». Второй статьи «Александръ Радищевъ» опять таки совсѣмъ не было въ изданіи 1855 года, и она появилась только въ VII дополнительномъ томѣ, вышедшемъ уже въ 1857 г. Не смотря на либеральныя вѣянія новаго царствованія, цензурное управленіе сначала и тутъ хотѣло было воспрепятствовать появленію этой статьи, и только обстоятельное, мотивированное мнѣніе П. А. Гончарова, бывшаго въ то время цензоромъ, обезпечило ея пропускъ.

Въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 года была помѣщена статья: «Проза Пушкина»; тутъ между прочимъ возстановленъ смыслъ и пропуски (хотя и не всѣ) въ статьѣ «Мысли на дорогѣ», и приведены мѣста изъ книгъ Радищева, на которыя ссылается Пушкинъ. Не смотря на это г. Геннадіи не внесъ указанныхъ поправокъ въ текстъ статьи при изданіи 1870 года, ограничившись лишь сообщеніемъ поправокъ и дополненій въ примѣчаніяхъ. Только въ Ефремовскомъ изданіи 1880 года статья эта, сохранявшая заглавіе «Мысли на дорогѣ», была напечатана въ настоящемъ видѣ¹⁹. Надо замѣтить, что

¹⁸ № 2387. Б. 1—8. 8—93, № 2385.

¹⁹ П. А. Ефремовъ, кромѣ поправокъ изъ «Библиографическихъ записокъ», внесъ еще дополненіе, приведенное въ книгѣ П. В. Анненкова: «Пушкинъ въ

изданіе 1880 года находилось въ особо благоприятныхъ условіяхъ: это было время открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, такъ что новое изданіе его сочиненій, давно уже вышедшихъ изъ продажи и потому давно ожидаемыхъ, являлось какъ бы юбилейнымъ, получало особое освященіе отъ всѣхъ торжествъ въ честь Пушкина; къ тому же главнымъ начальникомъ цензурнаго вѣдомства былъ въ то время князь П. П. Вяземскій, который и литературными преданіями, и семейными и личными воспоминаніями былъ тѣсно привязанъ къ памяти Пушкина.

Такова внѣшняя судьба статей Пушкина о Радищевѣ. Прошу читателя обратить особенное вниманіе на слѣдующее характерное обстоятельство: статьи Пушкина о Радищевѣ, столь восхваляемыя нашими «благонамѣренными» писателями за ихъ «благонамѣренное» направленіе, долго находились подъ цензурнымъ запретомъ: одна въ теченіи 21 года, другая, собственно говоря, 46 лѣтъ. Дальше мнѣ придется сопоставить это обстоятельство съ подобными же явленіями.

Итакъ вторая статья Пушкина о *Радищевѣ* въ сущности опередила первую и была напечатана въ 1857 г. Проф. Сухомлиновъ совершенно вѣрно указалъ на значеніе этой статьи: она начала собою рядъ изслѣдованій о Радищевѣ, она какъ бы открыла Радищева. Интересъ по отношенію къ Радищеву, мы видѣли, не прерывался²⁰, не смотря на всѣ цензурныя строгости, но интересъ этотъ могъ существовать только въ литературныхъ кружкахъ; авторитетъ Пушкина ближе познакомилъ съ Радищевымъ массу читающей публики, имя Радищева распространилось всюду, куда доходили сочиненія Пушкина. Какое бы понятіе о Радищевѣ ни давала читателямъ статья Пушкина, она всетаки возбудила въ нихъ интересъ къ автору «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» и тѣмъ подготовила и облегчила распространеніе въ публикѣ послѣдующихъ статей о Радищевѣ. Статья Пушкина снова популяризовала имя Радищева.

Статья Пушкина начала собою новую литературу о Радищевѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія, идя по дорогѣ ею открытой, не могли не

Александровскую эпоху». См. изд. 1880 г., т. V, стр. 202 — 235 и 526. Въ такомъ же видѣ статья напечатана во второмъ Ефремовскомъ изданіи (М. 1882 г.), съ добавленіемъ изъ «Русскаго Архива» 1880 года. Нѣкоторыя поправки текста по подлинной рукописи см. въ указанномъ выше описаніи, № 2385.

²⁰ Вопреки мнѣнію г. Сухомлинова, стр. 108, слѣд. Ниже еще коснуся этого вопроса.

считаться, и съ нею и съ другою статью Пушкина, такъ или иначе тоже появившеюся въ печати, должны были выяснитъ свое къ нимъ отношеніе: въ большинствѣ изслѣдованій мы встрѣчаемъ хоть краткую оцѣнку статей Пушкина.

Такъ какъ Пушкинъ за многое осуждаетъ Радищева, то понятно, что «благоразумная» и «благонамѣренная» партія нашей критики прямо зачислила авторитетъ Пушкина противъ Радищева и превознесла поэта похвалами за его благоразуміе и т. д. Это было въ интересѣ такой критики, и поэтому ей незачѣмъ было глубже вникать въ статьи Пушкина: она воспользовалась ихъ внѣшностью. Но гораздо удивительнѣе, какъ критика противоположнаго направленія, сочувственно относящаяся къ Радищеву, тоже не стала доискиваться внутреннего смысла статей Пушкина, также удовлетворилась ихъ внѣшностью, причемъ Пушкинъ, конечно, подвергся упрекамъ въ несправедливомъ и пристрастномъ взглядѣ на Радищева, въ трусливомъ подслуживаніи передъ властью; хорошо еще, если при этомъ видѣли до извѣстной степени смягчающее обстоятельство въ строгихъ условіяхъ цензуры того времени.

Приведу для примѣра отзывы того и другаго направленія. П. А. Радищевъ къ біографіи своего отца приложилъ подробный разборъ статьи Пушкина; онъ признаетъ справедливыми только замѣчанія Пушкина о слоgѣ Радищева, — «во всемъ же остальномъ видно незнаніе фактовъ или извращеніе ихъ, и *особенно поражаетъ ложный сѣтъ и странный, труднообъяснимый взглядъ*, брошенный на личность Радищева нашимъ великимъ поэтомъ»³¹. Лондонскій издатель «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» въ своемъ къ нему предисловіи считаетъ, что для чести Пушкина лучше было бы даже не печатать его статьи о Радищевѣ, причемъ допускаетъ, что Пушкинъ перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ. Въ противоположность къ приведеннымъ писателямъ, П. В. Анненковъ такъ отзывается о «дѣльной и строгой» статьѣ Пушкина: «статья Александръ Радищевъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здравому и проникательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина незадолго до его кончины»³². Въ другомъ мѣстѣ г. Анненковъ признаетъ, что въ обѣихъ статьяхъ Пушкина о Радищевѣ проводится цѣльная консервативно-аристократическая теорія, которую Пушкинъ

³¹ «Русскій Вѣстникъ» 1858 г., № 23, стр. 432.

³² Соч. Пушкина, т. VII, изд. 1857. Отд. II, стр. 3.

выработалъ въ 30-хъ годахъ ³². А. Д. Гадаховъ во второмъ изданіи своей «Исторіи русской словесности» посвятилъ Радищеву 3 страницы, на которыхъ, признавая за Радищевымъ заслуги по крестьянскому вопросу и сочувственно относясь къ его проекту освобожденія крестьянъ, опередившему воззрѣнія того времени на этотъ предметъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки объявляетъ Радищева не серіознымъ авторомъ, нахватавшимся чужихъ идей и много о себѣ возмечтавшимъ, и т. д.; въ концѣ концовъ г. Гадаховъ говоритъ: «нельзя не согласиться съ отзывомъ Пушкина, не смотря на его строгость», и выписываетъ изъ статьи Пушкина рѣзкое осужденіе Радищева ³³. Проф. Сухомлиновъ, приведя противоположные отзывы Анненкова и Искандера о статьяхъ Пушкина, выставляетъ затѣмъ столь же односторонній отзывъ Гадахова, съ которымъ онъ вполне и соглашается ³⁴. Почти такое же мнѣніе опять повторилъ пр. Порфирьевъ въ недавно вышедшемъ 3-мъ выпускѣ стоей «Исторіи русской словесности»: называя приговоръ Пушкина «самымъ строгимъ» онъ подтверждаетъ его, ссылаясь на слова г. Анненкова въ 1857 году, какъ на «критику новаго времени» ³⁵.

Односторонность—общій недостатокъ указанныхъ противоположныхъ отзывовъ: они судятъ о статьяхъ Пушкина по ихъ внѣшности, т. е. отдѣливъ ихъ совершенно отъ другихъ его отзывовъ о Радищевѣ и отъ общаго его направленія; если же иные критики и ставятъ эти статьи въ связь съ общимъ направленіемъ поэта, то при этомъ

³² «Вѣстн. Евр.» 1880, июнь, стр. 624 и 625.

³³ Объ самомъ отзывѣ Пушкина я буду подробно говорить ниже. У Гадахова см. 2 часть I-го тома, стр. 273—76, изд. 1880 г.

³⁴ «А. Н. Радищевъ», стр. 139—142. Г. Сухомлиновъ думаетъ подтвердить мнѣніе Гадахова ссылкой на авторитетъ Н. С. Тихомирова. Но «самый строгій и безошадный судья» «Исторіи русской словесности», говоря объ общемъ просвѣщенномъ отношеніи г. Гадахова къ новой литературѣ, вовсе не имѣлъ въ виду его подробнаго отзыва о Радищевѣ: въ первомъ изданіи «Исторіи русской словесности» о Радищевѣ сказано всего 1½ строчки; подробный же отзывъ на 3 страницахъ *оставленъ* уже въ новое изданіе. Насколько это дополненіе является *оставкой*, показываетъ то обстоятельство, что оно не согласовано съ другими мѣстами книги. Такъ, тутъ на стр. 276 г. Гадаховъ отвергаетъ положительно всякую возможность предполагать, чтобы Радищевъ могъ участвовать въ «Почтѣ Духовъ» Крылова, а раньше на стр. 176 онъ говоритъ объ этомъ изданіи: «половина писемъ принадлежитъ Крылову; другія написаны А. Радищевымъ».

³⁵ «Истор. русской словесности» Н. Порфирьева, часть II, отд. II. Казань, 1884 г., стр. 261.

они очень часто, вмѣсто того чтобы выяснитъ внутреннюю сущность взглядовъ Пушкина, просто, безъ особыхъ оснований кричатъ о великой перемѣнѣ въ николаевскомъ Пушкинѣ, о его «благонашѣренности» и благоразуміи и какъ на главное доказательство указываютъ на тѣ же статьи о Радищевѣ. Логическая ошибка ясна, положеніе остается недоказаннымъ ²⁷.

Въ 1883 году появилась статья г. Незеленова о Радищевѣ. Съ перваго взгляда можно было подумать, что авторъ правильнѣе отнесся къ статьямъ Пушкина о Радищевѣ. Исслѣдованіе г. Незеленова начинается многочисленными эпиграфами изъ Пушкина, заключающими *разныя* отзывы о Радищевѣ. Можно было надѣяться, что затѣмъ мы получимъ полное объясненіе этихъ различныхъ отзывовъ, полную отѣнку отношеній Пушкина къ Радищеву, и это тѣмъ болѣе, что г. Незеленовъ только что передъ тѣмъ занимался Пушкинымъ. Но надежда бываетъ обманчива. Въ своемъ изслѣдованіи г. Незеленовъ говоритъ только о тѣхъ же статьяхъ Пушкина, понимая и толкуя ихъ въ старыи ладъ и нисколько не обращая вниманія на противорѣчивые отзывы Пушкина, выписанные имъ въ началѣ: остается думать, что подборъ эпиграфовъ былъ сдѣланъ чисто механически.

Постараемся же выяснитъ себѣ истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ сопоставивъ ихъ съ другими его отзывами объ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», и съ общимъ его направленіемъ.

Одну изъ статей о Радищевѣ Пушкинъ начинаетъ разсказомъ, какъ онъ попросилъ у Соболевскаго книгу на дорогу, и тотъ ему далъ «Путешествіе» Радищева. Нельзя сомнѣваться, что этотъ разсказъ, какъ и другія подробности того же рода, составленъ лишь для вступленія, что это просто литературный приѣмъ. Конечно Соболевскій не далъ бы Пушкину *на дорогу* такую книгу, которую онъ и у себя дома-то держалъ, таинственно спрятавъ ее за другими книгами, да и самъ Пушкинъ не взялъ бы ее съ собою въ «дослѣшннй ди-

²⁷ Исключеніе изъ этого составляетъ изслѣдованіе П. В. Анненкова: общественные идеалы Пушкина (В. Е. 1880, июнь), гдѣ подробно группируются и ставятся въ общую связь мнѣнія Пушкина; но и это изслѣдованіе страдает односторонностью въ постановкѣ вопроса, а отсюда и неправильность вывода. Ниже я буду говорить объ этой статьѣ г. Анненкова, также и объ изслѣдованіи В. Стоянина «Пушкинъ», гдѣ единственно только мы и встрѣчаемъ болѣе правильннй взглядъ на статьи Пушкина о Радищевѣ и вообще на убѣжденія поэта въ Николаевскую эпоху.

лижансь». Но мы можемъ признать, что Пушкинъ получилъ подлинное изданіе «Путешествія» изъ бібліотеки Соболевскаго около этого времени. Трудно рѣшить было ли это поводомъ или слѣдствіемъ желанія писать о Радищевѣ. Но во всякомъ случаѣ знакомство Пушкина съ Радищевымъ несомнѣнно началось гораздо раньше и не ограничивалось однимъ «Путешествіемъ».

Въ сочиненіяхъ Пушкина мы можемъ найти ясныя слѣды этого знакомства. Такъ выше былъ уже приведенъ стихъ изъ «Посланія къ цензору (1824):

«Радищевъ, рабства врагъ», цензуры избѣжалъ... Здѣсь Пушкинъ рязумѣетъ многочисленные списки «Путешествія», которые разошлись въ публикѣ послѣ запрещенія и уничтоженія книги. И вотъ по одной изъ такихъ-то рукописей Пушкинъ познакомился съ «Путешествіемъ» и вѣрно оцѣнилъ автора: «Радищевъ—рабства врагъ»...

Одно изъ извѣстнѣйшихъ произведеній Радищева—ода «Вольность», отрывки которой приводятся и въ «Путешествіи». Пушкинъ еще въ 1820 году написалъ тоже оду «Вольность», по названію, по темѣ и по размѣру прямо напоминающую піесу Радищева. Въ черновой рукописи «Памятника», недавно изданной, встрѣчаемъ сознаніе Пушкина во влияніи на него Радищева въ этомъ отношеніи. Поэтъ говоритъ о себѣ:

«Что вслѣдъ Радищева возславилъ я свободу...»³⁸.

Кромѣ этой оды можно предположительно указать влияніе Радищева и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Пушкина, который, будучи сначала знакомъ съ Путешествіемъ лишь по рукописи, зналъ другія сочиненія Радищева по посмертному изданію. Такъ Пушкинъ въ своихъ мелкихъ замѣткахъ выступаетъ защитникомъ Тредьяковскаго, вѣроятно, подѣ влияніемъ Радищева, вѣрный и безпристрастный отзывъ котораго о творцѣ Телемакиды онъ одобряетъ въ своей статьѣ «Мысли на дорогѣ»; еслибы взгляды Пушкина на Тредьяковскаго не были въ связи съ чтеніемъ сочиненій Радищева, то затѣмъ, встрѣтивъ у этого писателя сочувственный отзывъ объ осмѣянномъ всѣми Тредьяковскомъ, Пушкинъ, конечно упомянулъ бы, что онъ самъ раньше, помимо Радищева, пришелъ къ такой же оцѣнкѣ Тредьяковскаго. Вліяніе Радищева на Пушкина, можетъ быть выразилось въ одномъ изъ лицейскихъ еще произведеній послѣдняго: его «Бова» (1815) своимъ размѣромъ напоминаетъ «Бову», Радищева; можетъ быть этой поэмѣ,

³⁸ III, 471.

столь имъ одобряемой впоследствии, и подражалъ Пушкинъ, а вовсе не «Иль Муромцу» Карамзина, какъ принято думать.

Кромѣ этихъ косвенныхъ, такъ сказать, доказательствъ, у насъ есть прямое и несомнѣнное свидѣтельство самого Пушкина, что онъ зналъ и цѣнилъ Радищева еще во времена своей молодости, свидѣтельство, покрывающее собой всѣ приведенныя указанія, дающее имъ окончательное значеніе. Въ іюнѣ 1823 года Пушкинъ изъ Кишенева писалъ А. Бестужеву: *Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кою же мы будемъ поминать?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ³⁹. Въ этихъ словахъ мы не только видимъ самое сочувственное отношеніе Пушкина къ Радищеву, но и должны прямо заключить, что Пушкинъ еще до отъѣзда на югъ хорошо зналъ и цѣнилъ сочиненія Радищева, что они толковали съ Бестужевымъ, въ своемъ литературномъ кружкѣ, о значеніи Радищева, который и былъ ими оцѣненъ, между прочимъ, какъ «рабства врагъ», почему умолчаніе Бестужева о немъ и показалось Пушкину неожиданнымъ противорѣчіемъ⁴⁰.

Таковы несомнѣнныя данныя, показывающія, что Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ Радищева, высоко цѣнилъ его, признавалъ за его сочиненіями важное значеніе, подпадалъ ихъ вліянію.

Этотъ выводъ объ отношеніи Пушкина къ Радищеву въ Александровскую эпоху не можетъ смутить критиковъ, осуждающихъ Радищева и хвалящихъ «строгий» приговоръ о немъ Пушкина: они признаютъ юношескія заблужденія Пушкина, но въ Николаевское время нашъ поэтъ, по ихъ мнѣнію, совершенно измѣнилъ свои взгляды, преисполнился благоразуміемъ и напалъ на Радищева, съ которымъ прежде вмѣстѣ поклонялся «Вольности». Но, спросимъ мы этихъ критиковъ, что же значитъ стихъ Пушкина въ его «Памятникѣ»:

Что въ сѣдѣ Радищеву возславилъ я свободу?...

Гдѣ же тутъ «благонамѣренность» Пушкина? Онъ въ своихъ статьяхъ нападаетъ на Радищева, осуждаетъ его за свободолюбіе, а

³⁹ Соч. VII, 162, см. л. № 2366, л. 35.

⁴⁰ Въ 1833 году Вяземскій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, написалъ посланіе къ Жуковскому и предлагалъ въ немъ между прочимъ поминуть «мелотинно автора Радищева». См. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ кн. П. П. Вяземскаго, стр. 59 (оттискъ изъ газеты «Берегъ» 1880). Не даромъ Пушкинъ говоритъ о Путешествіи: «содержаніе его всѣмъ извѣстно» — V. 195.

самъ въ своей почти лебединой пѣсни, въ предсмертной, такъ сказать, оцѣнкѣ своей дѣятельности, оцѣнкѣ столь высокой, чѣмъ онъ хвалится, въ чемъ между прочимъ признаетъ онъ свои права на бессмертіе, права на любовь, благодарность народа? Въ томъ, что онъ подражалъ Радищеву въ прославленіи свободы! ⁴¹.

Такимъ образомъ гг. критикамъ трудно во всякомъ случаѣ по вопросу о Радищевѣ говорить о благородномъ отношеніи николаевского Пушкина къ автору «Путешествія»; они, понимая статьи Пушкина о Радищевѣ такъ, какъ они ихъ понимаютъ, должны возводить на Пушкина тяжкое обвиненіе въ вѣроломномъ двуличіи: онъ, по мнѣнію критиковъ, въ своихъ статьяхъ, приготовляемыхъ для печати, осуждаетъ взгляды Радищева, а въ своихъ душевныхъ стихахъ хвалится своимъ единомысліемъ съ нимъ. Это было бы благородіе особаго рода, при чемъ конечно ужъ не можетъ быть и рѣчи о сопричисленіи Пушкина къ сонму враговъ Радищева; тутъ ужъ нѣтъ новыхъ авторитетныхъ обвиненій противъ Радищева, а самъ Пушкинъ подпадаетъ тяжкому обвиненію въ лицемеріи и двоедушіи. Развѣ иначе можно объяснить противорѣчивыя воззрѣнія на Радищева въ статьяхъ и въ стихахъ? Да, но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое несогласимое противорѣчіе? Въ смыслѣ стиховъ нельзя сомнѣваться, но вѣрно ли понять смыслъ статей?

Д. Морлей въ своей монографіи о Дидро съ нѣкоторымъ удивленіемъ говоритъ о презрительномъ для него обыкновеніи французскихъ писателей XVIII вѣка прибѣгать къ иносказательнымъ выраженіямъ для замаскированія своихъ нецензурныхъ мыслей. Мы, русскіе, не можемъ раздѣлять благороднаго удивленія англичанина: для насъ совершенно понятно употребленіе иносказаній въ литературномъ языкѣ. Иносказательный языкъ, «эзопскій», какъ его называютъ сатирикъ, давно уже составляетъ особенность нашей литературы. Вотъ этотъ-то иносказательный языкъ и надо дешифрировать, чтобы понять истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ.

Первая статья—«Мысли на дорогѣ»—извѣстна прямо, какъ «*возраженіе* на книгу Радищева». Но при ближайшемъ разборѣ оказывается, что въ ней собственно возраженій очень мало; это не раз-

⁴¹ Если даже принять окончательную редакцію «Памятника» (что съ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу), то и тутъ является страннымъ, какъ благородный Пушкинъ хвалится прославленіемъ свободы, какъ онъ ставитъ себѣ въ заслугу это прославленіе въ свой жестокой вѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ Радищева за служеніе той же свободѣ и въ вѣкъ еще болѣе жестокой.

боръ, направленный *противъ* книги, это рядъ замѣчаній *по поводу* книги.

Какія обвиненія выставляетъ Пушкинъ въ этой статьѣ противъ книги Радицева? Онъ не скупится на эпитеты, но это все самыя общіе отзывы. Приведу ихъ: «Скучная книга Радицева (стр. 194 ⁴³) потеряла теперь свою заманчивость; мысли въ ней безо всякой связи и порядка, она наполнена мрачными картинами, горькими полуистинами, дерзкими мечтаніями (с. 195); слогъ ея надутъ и тяжелъ (200), въ ней много пустословія и *тогдашняго моднаго* краснословія (213, 221); въ ней много мыслей ложныхъ и пошлыхъ (222), дерзость выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ (219), отношеніе ко властямъ самое неосторожное.» Что говорятъ всѣ эти обвиненія? Развѣ это «возраженія» на «Путешествіе»? Нѣтъ, мы тутъ видимъ только отзывы и эпитеты такого рода, какіе были неизбѣжны въ статьѣ о Радицевѣ въ то время, если только авторъ писалъ для печати.

Пушкинъ, во первыхъ, старается увѣрить, что книга Радицева лишена литературныхъ достоинствъ, скучна и не стоитъ ужъ никакого вниманія. Онъ (см. выше) прочелъ ее случайно, отъ дорожной скуки и пр. Цѣль этихъ увѣреній ясна: скучная, ничего нестоящая книга не можетъ быть опасна. Далѣе, отзывы Пушкина о содержаніи книги были, повторяю, для него обязательны: разъ онъ говоритъ о книгѣ осужденной правительствомъ за дерзость мыслей, о книгѣ, дѣйствительно проникнутой любовію къ свободѣ, онъ не можетъ не признать ее дерзкой выше всякой мѣры, исполненной мечтаній и полуистинъ. Говоря о такомъ запретномъ и опасномъ предметѣ, какъ книга Радицева, писатель 30-хъ годовъ долженъ былъ прежде всего заявить свою благонамѣренность, торжественно отречься отъ пагубныхъ заблужденій преступнаго Радицева.

Такимъ образомъ все, что статья Пушкина о Радицевѣ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ противъ книги послѣдняго, это все совершенно неизбѣжные приемы, обязательный способъ выраженія. Сами по себѣ всѣ эти громкія обвиненія ровно ничего не значатъ: они, конечно, могутъ вполне согласоваться со смысломъ статьи, но точно также они могутъ представлять обращикъ «эзопскаго языка», служить лишь ширмами, прикрывающими истинный, противоположный смыслъ. И у Пушкина это и есть только ширмы: общія, официальныя, такъ сказать, обязательныя фразы, приведенныя выше,

⁴³ Изданіе 1882 г., V.

служать только внѣшной оболочкой, подъ которой укрывается совсѣмъ иная сущность.

Пушкинъ, говоря о разныхъ главахъ «Путешествія» дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки и затѣмъ, между приведенными общими отзывами, сообщаетъ свои замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ собственно только три раза возражаетъ Радищеву: во первыхъ о Ломоносовѣ (тутъ дѣло не касается до общественныхъ убѣжденій Радищева), затѣмъ о цензурѣ (Пушкинъ признаетъ ея необходимость и полезность)⁴⁸, наконецъ объ этикетѣ (Пушкинъ защищаетъ придворный этикетъ). Но даже и въ этихъ главахъ, высказывающихъ въ концѣ концовъ самыя благонамѣренныя мысли, мы находимъ и въ разсужденіяхъ самого Пушкина и особенно въ цитатахъ изъ Радищева многое далеко не столь благонамѣренное для того времени. Такъ напр., главу объ этикетѣ, Пушкинъ начинаетъ словами Радищева: «Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу» и прибавляетъ отъ себя «истина неоспоримая». Въ другихъ главахъ мы не находимъ прямыхъ возраженій на «Путешествіе». Пушкинъ вездѣ дѣлаетъ длинныя выписки изъ преступной книги, затѣмъ иногда высказываетъ *pro* и *contra*; иногда, оставляя безъ всякихъ даже замѣчавій выписку изъ Радищева, онъ заговариваетъ *кстати* о другомъ предметѣ; наконецъ, иногда Пушкинъ прямо соглашается съ Радищевымъ.

Главное содержаніе книги Радищева—крестьянскій вопросъ; этотъ же вопросъ занимаетъ главное мѣсто въ разбираемой статьѣ. Въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ Пушкинъ, съ нѣкоторыми оговорками, принимаетъ вездѣ мнѣнія «преступной книги», раздѣляетъ ея «дерзкія мечтанія», оправдываетъ ея «мрачныя картины». Такъ въ главѣ IV (Черная грязь, стр. 208), Пушкинъ, сдѣлавъ выписку изъ «Путешествія», передающею «изрядный опытъ самовластия дворянскаго надъ крестьянами», по поводу ея замѣчаетъ: «Радищевъ горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей относительно насильныхъ браковъ крестьянъ» и затѣмъ самъ приводитъ теперь столь извѣстный примѣръ подобнаго брака «по страсти». Въ слѣдующей главѣ, выписывая изъ Радищева описаніе рекрутскаго набора и сопряженныхъ съ нимъ злоупотребленій, Пушкинъ, оправдывая наборы необходимостью военной защиты для государства, говоритъ о необхо-

⁴⁸ Для истинной оцѣнки этого мѣста необходимо сравнить съ отзывомъ о цензурѣ во второй статьѣ — Александръ Радищевъ; отзывъ будетъ приведенъ ниже.

димости помѣщикамъ своею просвѣщенною властью заботливо смягчать неизбежное зло и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ нападки Радищева на торговлю рекрутами. Въ другомъ мѣстѣ (VIII, Мѣдное, 216), заимствуя изъ «Путешествія» рассказъ о продажѣ людей съ публичнаго торга, Пушкинъ обрываетъ выписку, прибавляя отъ себя: «слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться въ слѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ и искреннихъ мечтаніяхъ..., съ которыми на сей разъ *соглашаюсь по неволѣ*».

Въ главѣ «Вышній Волочекъ» (стр. 216), Пушкинъ приводитъ изъ Радищева рассказъ, «мрачными красками рисующій состояніе русскаго земледѣльца», но онъ и не думаетъ его опровергать, не протестуетъ противъ «мрачныхъ красовъ», а напротивъ самъ передаетъ подобный же рассказъ, кончающійся убійствомъ помѣщика. Правда, что въ главѣ «Русская изба» Пушкинъ называетъ описаніе Радищева карриатурой и отмѣчаетъ противорѣчія въ немъ; онъ сравниваетъ положеніе русскихъ крестьянъ съ положеніемъ англійскихъ рабочихъ⁴⁴, находитъ, что русскому крестьянину живется лучше, но «злоупотребленій вездѣ много, уголовныя дѣла вездѣ ужасны»... Оговорка эта даетъ особый смыслъ всему разсужденію. Пушкинъ кончаетъ главу такъ: судьба крестьянъ улучшается со дня на день по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно, должны еще произойти *великія перемѣны*... но нужна постепенность и пр.

Итакъ Пушкинъ вообще согласенъ съ Радищевымъ по главнѣйшему, крестьянскому вопросу. Онъ «поневогѣ соглашается съ мечтаніями» Радищева: слова, очень характерныя для всей статьи.

Пушкинъ, сочувственно относясь въ своей статьѣ вообще къ идеямъ Радищева, старался прикрыть это сочувствіе часто повторяемыми порицаніями дерзкаго и преступнаго мечтателя. Но, вѣроятно, не надѣясь всетаки, чтобы статья при всей осторожности иносказаній, при всѣхъ благонамѣренныхъ прикрасахъ могла пройти черезъ строгую, безошадную цензуру или, можетъ быть въ виду неудачи своихъ стараній объ изданіи газеты, Пушкинъ не окончилъ своей статьи⁴⁵ и, кажется, даже не сдѣлалъ попытки провести ее черезъ цензуру.

⁴⁴ Въ черновомъ разговорѣ съ англичаниномъ (I, стр. 225) Пушкинъ подробно развиваетъ устами англичанина ту же мысль.

⁴⁵ По самому плану статьи Пушкина онъ, путешествуя изъ Москвы въ Пе-

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ. Пушкину наконецъ было разрѣшено издавать «Современникъ». Онъ съ любовію принялся за давнишнему редакторскую дѣятельность. Онъ много самъ работалъ для своего журнала; между прочимъ онъ приготовилъ для него и новую статью о Радищевѣ ⁴⁶. Возвращеніе къ прежней темѣ показываетъ, какъ серіозно относился къ ней Пушкинъ. Для него «Путѣшество» вовсе не было скучной, незаманчивой, ничтожной книгой. Онъ много работалъ надъ темой о Радищевѣ и въ связи съ ней. Не говоря уже объ изученіи сочиненій Радищева, мы въ первой статьѣ встрѣчаемъ у него рядъ фактическихъ матеріаловъ по исторіи русской литературы прошлаго вѣка (въ черновой первоначальной редакціи находится довольно подробный обзоръ французской литературы); во второй статьѣ рассказана біографія Радищева, хотя съ нѣкоторыми ошибками и неточностями, но въ общемъ всетаки вѣрно и полно, подробно; мы видимъ изъ приложеній близкое знакомство Пушкина съ матеріалами о Радищевѣ, ему доступными: тутъ выписки изъ сочиненій Радищева, высочайшій указъ, выписка изъ записокъ Храповицкаго; въ его черновыхъ тетрадяхъ сохранилась кромѣ того выписка изъ записокъ кн. Дашковой относительно исторіи Радищева ⁴⁷. Надо замѣтить, что многими изъ этихъ матеріаловъ Пушкинъ долженъ былъ въ то время пользоваться въ рукописяхъ, самъ собирать и разыскивать ихъ; онъ сумѣлъ воспользоваться и такими матеріалами (можетъ быть рукописными, можетъ быть устными преданіями), которые до сихъ поръ намъ неизвѣстны помимо статьи Пушкина, сохраняющей до извѣстной степени значеніе первоисточника ⁴⁸.

Мы видимъ, что Пушкинъ упрекалъ А. Бестужева за умолчанія о Радищевѣ: «кого же мы будемъ помнить какъ не его? ⁴⁹». И онъ

тербургъ, долженъ былъ разобрать всѣ главы «Путѣшества» въ обратномъ порядкѣ, а разобралъ онъ ихъ всего 9, т. е. меньше половины.

⁴⁶ Что Пушкинъ не вздумалъ употребить для «Современника» свою первую на половину готовую статью, это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что онъ по самой ея формѣ (обширныя выписки изъ Радищева) считалъ ее малоцензурной. Дѣйствительно, вторая статья написана болѣе цензурно, такъ что, непронужденная въ свое время, она всетаки появилась въ печати почти на четверть вѣка раньше, чѣмъ была напечатана въ *полномъ видѣ* первая статья.

⁴⁷ См. № 2386, листы 3, 32 и 77.

⁴⁸ См. Рус. Вѣстникъ 1858 года, № 23, стр. 430, свидѣтельство о томъ, что Пушкинъ еще «въ послѣдній годъ своей жизни доискивался свѣдѣній» о Радищевѣ, «намѣреваясь писать его жизнь».

⁴⁹ Вариантъ черновой, № 2366, л. 35.

продолжалъ помнить о Радищевѣ, онъ пытался пополнить пробѣлъ, допущенный Гречемъ, Бестужевымъ и другими; онъ хотѣлъ популяризовать память передоваго писателя прошлаго вѣка; но при этомъ задачи его не были только чисто историко-литературными.

Не даромъ Пушкинъ излюбилъ эту тему и усиленно работалъ надъ ней: тема была очень благодарная. Конечно расчетъ его былъ ошибоченъ, т.-е. и вторая статья не прошла сквозь цензуру, несмотря на всю осторожность; но еслибы только статья могла быть напечатана, она, также какъ и первая, составила бы выдающееся, единственное явленіе въ литературѣ того времени, какъ обѣ онѣ имѣли большее значеніе даже при своемъ появленіи въ концѣ 50 годовъ; говоря о Радищевѣ и наружно высказывая ему осужденіе, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ касается очень важныхъ общественныхъ вопросовъ — дѣло въ то время запретное. Это первая попытка создать истинную русскую публицистику въ Николаевскую эпоху. Статьи Пушкина по своему общему значенію имѣли бы громадную цѣну, несмотря на всѣ прикрасы и иносказанія. Попытка не удалась не по винѣ Пушкина, но за нимъ всетаки остается въ этомъ дѣлѣ великая заслуга.

Обратимся же ко второй статьѣ, озаглавленной «Александръ Радищевъ». Разсматривая ее внимательно, мы видимъ совершенно то же, что и въ первой; и это понятно: не было причины, чтобы измѣнилось отношеніе Пушкина къ предмету.

Вторая статья, подобно первой, заключаетъ въ себѣ немало общихъ осужденій Радищева. «Путешествіе» называется «сатирическимъ воззваніемъ къ возмущенію» и вмѣстѣ книгою весьма посредственною, написанною варварскимъ слогомъ, наполненною преувеличенными и пошлыми сѣтованіями, смѣшными порывами, надутою и жеманною чувствительностью (V, 352); вліяніе этого пошлаго и преступнаго пустословія было ничтожно (353). Радищевъ «есть истинный представитель полупросвѣщенія». Его поступокъ (изданіе «Путешествія») всегда казался Пушкину «преступленіемъ, ничѣмъ ни извиняемымъ», но всетаки въ Радищевѣ виденъ духъ необыкновенный, честность, убѣжденность политическаго фанатика, удивительное самоотверженіе, рыцарская совѣстливость (348).—Какое значеніе имѣютъ нападки на книгу, на ея литературныя достоинства и пр., мы уже видѣли. Признаніе Радищева «представителемъ полупросвѣщенія» тоже очень понятно на ряду съ признаніемъ его преступникомъ: еслибы не назвать Радищева полупросвѣщеннымъ, пришлось бы самое просвѣщеніе признавать подозрительнымъ, а мы увидимъ ниже, что всѣ

стремленія Пушкина, чуть не съ первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія, были направлены къ тому, чтобы примирить правительство съ идеей просвѣщенія, чтобы разсѣять въ немъ опасный предрасудокъ, что просвѣщеніе ведетъ къ неблагонамѣренности.

Но подъ этими нападками на Радищева, мы опять встрѣчаемъ въ существѣ сочувственное къ нему отношеніе. Прежде всего статья начинается эпиграфомъ: *Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être rendu* ⁵⁰. Затѣмъ кромѣ приведенныхъ уже выше похвалъ честности и искренности Радищева, мы не разъ видимъ, какъ истинное сочувствіе Пушкина пробивается въ разныхъ мѣстахъ. Такъ въ «Путешествіи», помимо увлеченія и заблужденія молодости, признается отвращеніе отъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды (330); въ немъ есть, говорится въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько благо-разумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть обличены въ бранчивыя и напыщенные выраженія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ. Такимъ образомъ тутъ Радищевъ упрекается ужь лишь за форму выраженія ⁵¹, а не за «дерзкія мечтанія». Такой же смыслъ имѣютъ слѣдующія строки: «онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господь, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ?» ⁵² Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной управы; а съ другой, чтобы писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой и преступной?»

⁵⁰ «Слова Карамзина въ 1819 году». Вѣроятно, Пушкинъ надѣялся, что имя Карамзина заставитъ цензуру пропустить такой эпиграфъ. Трудно сказать, къ чему могла относиться эта фраза Карамзина. Самъ ли Пушкинъ примѣнилъ ее къ Радищеву, или же и Карамзинимъ она была сказана во время разговора о Радищевѣ? И послѣднее тоже вполне возможно.

⁵¹ Самъ Пушкинъ признаетъ, что красноречіе было тогда въ модѣ, V, 221.

⁵² Пушкинъ тутъ *намеренно* упускаетъ изъ виду, что Радищевъ именно и представилъ свой «проектъ въ будущемъ», т.-е. «способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ».

Въ приведенной сейчасъ длинной выпискѣ Пушкинъ высказываетъ убѣжденіе, что правительство должно допускать свободное обсужденіе въ печати общественныхъ вопросовъ, должно выслушивать общественное мнѣніе, позволять его открытое выраженіе, относиться со вниманіемъ къ законной оппозиціи, къ благонамѣренной⁵³ критикѣ, не смѣшивая ее съ бунтомъ, умѣть отличать «Якова Долгорукаго отъ буйнаго стрѣльца»⁵⁴. Эта мысль, выраженная Пушкинымъ еще въ 1826 году, тоже легла въ основѣ всей дѣятельности нашего поэта въ николаевскую эпоху, какъ увидимъ ниже, въ основѣ его публицистическихъ стремленій.

И во второй статьѣ Пушкинъ такимъ образомъ, осуждая Радищева, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ мысли, въ существѣ сходныя съ мыслями «Путешествія», т.-е. «невольна соглашався съ искренними мечтаніями»....

Для того чтобы еще пояснить общій характеръ статьи Пушкина о Радищевѣ, я сдѣлаю одно сравненіе, которое напрашивается само собой. Статьи Пушкина о Радищевѣ во многомъ напоминаютъ слѣдственные показанія самого Радищева.

Извѣстно, что Радищевъ, посаженный въ крѣпость и «порученный» Шешковскому, притомъ же больной, былъ во время слѣдствія «суща уторопленъ», какъ выразилась о немъ Екатерина. Когда въ печати впервые появились свѣдѣнія о слѣдствіи надъ Радищевымъ, во многихъ изданіяхъ были помѣщены статьи, беспощадно нападавшія на слабость и страхъ Радищева во время слѣдствія. Нападки эти далеко не справедливы, произошли отъ односторонняго и поверхностнаго изученія матеріаловъ. Видя гибель, грозящую ему за его

⁵³ Не въ смыслѣ современныхъ публицистовъ.

⁵⁴ Ср. В. Стоянина: Пушкинъ 368. Проф. Сухомяновъ вѣрно указываетъ на общій характеръ статей Пушкина о Радищевѣ, т.-е. сочувствіе къ Радищеву, прикрытое разными фразами изъ цензурныхъ видовъ (А. Н. Радищевъ 111—119); но при этомъ этотъ двойственный характеръ статей недостаточно оцѣненъ, такъ что г. Сухомяновъ, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за г. Газаховымъ, подтверждаетъ откровенно пріяговоръ Пушкина. Остановимся еще на одномъ обстоятельстве. Г. Сухомяновъ считаетъ несомнѣннымъ, что въ статьѣ о Радищевѣ Пушкинъ мѣтилъ и на Полеваго: предположеніе совершенно невѣрное. Пушкинъ могъ нападать и нападалъ на Полеваго безо всякихъ ширмъ, ему незначѣмъ было для этого прибѣгать къ имени Радищева. Серіозная работа, положенная имъ на статьи о Радищевѣ, не допускаетъ и мысли о такой скрытой полемикѣ съ Полевымъ; если имя послѣдняго попало подъ перо Пушкина въ черновой статьѣ, то это случайность, желаніе охарактеризовать Радищева (какъ онъ его выставялъ передъ цензурой) готовымъ извѣстнымъ образомъ.

сожженную, уничтоженную книгу, Радищевъ отказывается отъ этой книги, называетъ ее пагубной, дерзкой, безумной, преступной и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчая на отдѣльные вопросы сѣдователей, онъ, отрицаясь отъ своихъ пагубныхъ мыслей, въ то же время невольно ихъ подтверждаетъ: онъ писалъ о бѣдствіи крестьянъ по безумію своему, ибо вѣдаетъ, что крестьяне счастливы, но писаніемъ своимъ онъ думалъ остановить звѣрскихъ помѣщиковъ и т. п.⁵⁵ И Радищевъ въ своихъ показаніяхъ, и Пушкинъ въ своихъ статьяхъ почти въ однихъ выраженіяхъ нападаютъ на «Путешествіе», эту пустую и преступную книгу, но при этомъ и тамъ, и тутъ всетаки выставляются и утверждаются принципы, «искреннія мечтанія», заключающіеся въ «Путешествіи». У Радищева это было невольно, поэтому его легче обличить въ противорѣчіяхъ; Пушкинъ нарочно закрываетъ нападкама на Радищева свое сочувствіе къ его идеямъ, поэтому двойственность его статей не бросается въ глаза съ перваго раза.

Въ концѣ-концовъ, при внимательномъ и безпристрастномъ разборѣ статей Пушкина невозможно не признать, что онъ сочувственно относится къ идеямъ Радищева, не нападаютъ на нихъ, а скорѣе ихъ проповѣдуютъ.

Но какъ же согласить такой выводъ съ общепринятымъ мнѣніемъ объ ужасной перемѣнѣ, происшедшей въ Пушкинѣ въ царствованіе Николая? У насъ такъ давно и такъ много говорятъ о противоположности въ воззрѣніяхъ Пушкина въ александровскую эпоху съ тѣмъ, что онъ проповѣдовалъ и дѣлалъ во времена николаевскія; не противорѣчитъ ли сдѣланный нами выводъ относительно статей о Радищевѣ извѣстному «благоразумію» Пушкина въ 30 годахъ? Да, конечно, тутъ важное противорѣчіе, но истина всетаки на сторонѣ нашего вывода. Думаю, что при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что перемѣна, происшедшая въ Пушкинѣ послѣ 1825 года была не такъ крута, состояла не въ томъ, какъ обыкновенно думаютъ. Для полной оцѣнки занимающихъ насъ статей о Радищевѣ, для подтвержденія нашего вывода о нихъ, я позволю себѣ остановить вниманіе читателя и на этомъ вопросѣ: какая же перемѣна произошла въ Пушкинѣ послѣ 1825 г.?

Находящійся въ опалѣ, сосланный съ 1824 года въ деревню, Пушкинъ въ началѣ же новаго царствованія возобновилъ попытку получить прощеніе. На этотъ разъ попытка удается. Пушкинъ привезенъ

⁵⁵ См. Русскую Старину, 1882 г., сентябрь, стр. 480—484.

по Высочайшему повелѣнію въ Москву, представленъ молодому Царю и обласканъ имъ. Онъ получаетъ желаемое прощеніе, пользуется свободой въ выборѣ мѣстожителства, ему обѣщано особое покровительство и т. д. Такое быстрое примиреніе поэта съ предержавшею властью, послѣ недавней гибели многихъ его друзей и товарищей, тогда же вызвало нападки на Пушкина, вынужденнаго оправдываться въ этомъ даже передъ «Друзьями». Несмотря на всѣ дальнѣйшія невзгоды и притѣсненія, которымъ поэтъ подвергся потомъ, онъ до конца жизни, особенно же послѣ женитьбы и переселенія въ Петербургъ, былъ въ близкихъ (иногда противъ воли) отношеніяхъ къ властямъ, пользовался милостями Царя, получилъ придворное званіе и т. д. Съ одной стороны, сущность и истинныя причины происшедшей въ Пушкинѣ перемѣны были непоняты и неощѣнены даже друзьями; съ другой—отъ большинства была скрыта неприглядная подкладка въ отношеніяхъ официальнаго міра къ поэту: для большинства была видна только внѣшность,—полное почтеніе и послушаніе съ одной стороны, милостивое вниманіе съ другой. Такая характеристика этихъ отношеній, основанная на внѣшности, а не на сути, по преданію держится до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что къ сохраненію и укрѣпленію ея способствовали еще особыя обстоятельства. Для Пушкина исторія началась слишкомъ рано: неожиданная смерть унесла его въ то время, когда общественный строй,—при которомъ онъ жилъ послѣдніе годы, былъ еще въ полной силѣ и продолжалъ потомъ еще долго существовать и даже развиваться. Условія, стѣснявшія поэта при жизни, прямо отразились и на его посмертной судьбѣ: многія произведенія его по прежнему долго оставались не напечатанными, а его друзья и біографы должны были волею или неволею подчиняться требованіямъ времени: въ своихъ воспоминаніяхъ и статьяхъ о Пушкинѣ они выставляли на первый планъ опять-таки лишь внѣшнюю сторону дѣла, освѣщали самымъ яркимъ свѣтомъ милости начальства, подчиненіе и раскаяніе поэта, его согласіе съ официальнымъ міромъ, и все это въ преувеличенномъ видѣ. Сущность и дѣйствительный характеръ отношеній между Пушкинымъ и официальнымъ міромъ оставались въ полномъ мракѣ. Да иначе и не могло быть: при тогдашнихъ условіяхъ невозможно было выяснитъ истинныя отношенія Пушкина къ этому официальному міру. Такимъ характеромъ отличалось и главное собраніе «Матеріаловъ для біографіи Пушкина», составленное П. В. Анненковымъ еще въ царствованіе Николая. По случайнымъ причинамъ для послѣдующихъ изысканій подлинныя бумаги Пушкина были недоступны, и біографамъ во многомъ невольно пришлось принимать безъ

особой провѣрки ниня чисто-николаевскія, такъ сказать, данныя изъ биографіи Пушкина. Напр., г. Анненковъ, сообщая о планахъ Пушкина издавать газету, вмѣсто общественныхъ стремленій поэта долженъ былъ выставить, какъ главное побужденіе, коммерческіе разсчеты, а неосуществленіе дозволенной газеты объяснить неподготовленностью Пушкина и даже просто забвеніемъ съ его стороны ⁵⁶, вмѣсто того чтобы указать на постоянныя цензурныя препятствія и наконецъ на прямое запрещеніе издавать газету ⁵⁷. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество. Всѣ дѣйствія начальства по отношенію къ Пушкину выставляются спасительно мудрыми и благодѣтельными, они возбуждаютъ въ поэтѣ большею частью благодарность, даже благоговѣніе и умиленіе и т. д... Какъ уже сказано, Матеріалы, изданныя г. Анненковымъ въ 1855 году (и безо всякихъ перемѣнъ переизданныя въ 1873 г.) долго сохраняли значеніе главнаго источника для биографіи Пушкина, значеніе, не вполне утраченное ими даже доселѣ. Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, близорукое осужденіе, высказанное Пушкину еще въ 1826-мъ году, до сихъ поръ держится еще въ нашей литературѣ рядомъ съ натянутыми официальными похвалами. Личность Пушкина обыкновенно оцѣнивается лишь на основаніи *вышнихъ* фактовъ, часто невѣрно переданныхъ и неправильно истолкованныхъ.

Такое отношеніе въ биографіи Пушкина особенно еще поддерживается литераторами, сохранившими взгляды и приемы прежней эпохи. Въ ихъ глазахъ всякое малѣйшее проявленіе въ Пушкинѣ протеста противъ общепринятаго требуетъ особыхъ извиненій. Смѣшно и странно видѣть, какъ иной авторъ припишетъ Пушкину непринявшую даже ему эпиграмму и тутъ же замѣтитъ: Пушкинъ очень уважалъ лицо, осмѣянное въ эпиграммѣ лишь для шутки; или же: Пушкинъ всю жизнь раскаявался въ этой эпиграммѣ,—хотя для такихъ увѣреній нѣтъ уже ни малѣйшихъ основаній. Всевозможныя «раскаянія» Пушкина сдѣлались какимъ-то общимъ мѣстомъ.

Хотя матеріалы, изданныя за послѣдніе годы, даютъ возможность проникнуть во внутреннюю жизнь Пушкина и заглянуть подъ официальное покрывало отношеній къ нему начальства, но все-таки по данному вопросу сдѣлано еще очень мало, надъ Пушкинымъ продол-

⁵⁶ Соч. Пушкина, изд. Анненкова, I. 358 и 359.

⁵⁷ «Г. общалъ мнѣ газету, а потомъ запретилъ», пишетъ Пушкинъ женѣ въ сентябрѣ 1835 года. Вѣстникъ Европы 1878 мартъ, стр. 31.—Ср. статью объ «общественныхъ идеалахъ Пушкина» П. В. Анненкова, В. Европы 1880 г., июнь.

жаютъ тяготѣть голословныя обвиненія, ему продолжаютъ воздавать незаслуженныя и подѣ часть обидныя похвалы. Не имѣя въ виду полнаго пересмотра этого вопроса, я попытаюсь открыть, отмѣтить въ общихъ чертахъ истинный смыслъ переменъ, происшедшей въ Пушкинѣ послѣ 1825 года, не вдаваясь въ подробности, основываясь лишь на данныхъ, заключающихся въ его произведеніяхъ, въ его перепискѣ, а также на нѣкоторыхъ новыхъ указаніяхъ, доселѣ скрывавшихся въ его черновыхъ тетрадахъ. Для нашей цѣли,—подтвердить и окончательно выяснитъ сдѣланное выше заключеніе относительно статей Пушкина объ Радищевѣ,—этого будетъ достаточно.

Чтобы вполнѣ понять переменъ въ Пушкинѣ послѣ 1825 года, прежде всего необходимо разсмотрѣть его отношеніе къ общественному движенію 20-хъ годовъ, надо прослѣдить нити, связывавшія его съ катастрофой, которая раздѣлила его жизнь на двѣ эпохи.

Извѣстно, что Пушкинъ былъ очень близокъ со многими изъ декабристовъ, но до сихъ поръ его біографы недостаточно еще выяснили степень, значеніе вліянія на него какъ дѣятелей тайныхъ обществъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ передовыхъ людей того времени. Между тѣмъ этотъ разрядъ его знакомствъ заслуживаетъ большаго вниманія, и характеръ вліянія сказанныхъ личностей интересенъ не только для біографіи поэта, но и для исторіи нашего общественнаго развитія.

Пушкинъ никогда самъ не былъ членомъ ни одного изъ многочисленныхъ тайныхъ обществъ, возникшихъ у насъ во вторую половину царствованія Александра I. Но по своимъ личнымъ связямъ онъ стоялъ очень близко ко многимъ изъ видныхъ представителей этихъ обществъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ въ товарищескихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ сочиненіяхъ Пушкина остались прямыя указанія на эту связь поэта со многими передовыми дѣятелями. Нѣсколько цитатъ покажутъ намъ истинный характеръ этой связи, ея значеніе въ жизни Пушкина.

Тѣсная дружба сохранялась между большинствомъ лицейстовъ I-го выпуска; но ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей, кромѣ, можетъ быть, Дельвига, Пушкинъ не былъ ближе, чѣмъ съ И. И. Пущинымъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ такъ обращается къ нему:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный...

или:

Товарищъ милый, другъ прямой ⁵⁸...

⁵⁸ Соч. II, 140 и I, 34,

Пушкинъ познакомился съ Пуцинымъ на вступительномъ экзаменѣ и затѣмъ скоро сблизился съ нимъ въ Лицеѣ, гдѣ ихъ спальни были рядомъ. Пуцинъ, очень рано предавшійся самому серьезному направленію, еще на Лицейской скамьѣ вліялъ благотворно на поэта, впечатлительная и увлекающаяся натура котораго, вѣроятно, неразъ вызывала между ними столкновенія. Самъ Пушкинъ говоритъ, что они «не рѣдко бранились» съ Пуцинымъ, а въ другомъ стихотвореніи еще яснѣе выступаютъ и эти столкновенія, и вліаніе Пуцина. Поэтъ, разставаясь съ товарищемъ при выпускѣ, проситъ его такъ ⁵⁹:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей.
Размолаки дружества и сладость примиренья...

Серьезное и благородное направленіе Пуцина во всю его жизнь даетъ намъ возможность угадывать, какія свои печали, радости и мечты повѣрялъ онъ Пушкину...

По выходѣ изъ Лицея Пуцинъ вскорѣ-же вступилъ въ «Союзъ Благоденствія». Не смотря на свою молодость, онъ по искренности и твердости своего характера, пользовался вліаніемъ и уваженіемъ среди своихъ товарищей по тайному обществу, дѣятельнымъ членомъ котораго онъ сдѣлался. Не входя въ подробности, позволю себѣ напомнить читателю одну характерную черту изъ жизни Пуцина.

Сначала Пуцинъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, но потомъ оставилъ военную службу; пренебрегши предстоявшей карьерой, онъ хотѣлъ занять должность квартальнаго надзирателя, чтобы показать, что никакая служба, полезная обществу, не должна считаться унижительною, чтобы подать примѣръ частнаго исполненія обязанностей на низшей ступени служебной лѣстницы; при этомъ онъ, конечно, рассчитывалъ принести существенную пользу. Семья Пуцина испугалась такого рѣшенія, и горячія мольбы родныхъ заставили его нѣсколько уступить: блестящій гвардеецъ обратился въ надворнаго судью уголовного департамента въ Моеквѣ.

Пуцинъ достигъ своей цѣли: его честная, безкорыстная дѣятельность была очень полезна и приобрѣла всеобщее уваженіе молодому надворному судѣ. Пуцинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, какое впечатлѣніе сдѣлала она на Пушкина, а самъ поэтъ такъ обращается къ своему другу:

⁵⁹ I, 182.

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ сочувствіе согражданъ ⁶⁰...

Подробности объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Пущинымъ разсказаны въ упомянутыхъ запискахъ послѣдняго, представляющихъ драгоценный матеріалъ для біографіи поэта; надо только замѣтить, что скромность автора записокъ недостаточно выдвигаетъ впередъ его вліяніе на Пушкина.

Другимъ близкимъ Пушкину человѣкомъ изъ той же передовой партіи былъ П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ много разъ обращается въ своихъ стихахъ. Чаадаевъ (и съ нимъ Пушкинъ сблизился еще будучи лицеистомъ) имѣлъ сильное вліяніе и на нравственныя, и на умственныя стремленія поэта. Не буду выписывать извѣстнаго стихотворенія Пушкина, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Чаадаевымъ рѣшается посвятить свою жизнь отчизнѣ и святой вольности, но изъ другого не менѣе извѣстнаго посланія къ Чаадаеву изъ Кишинева приведу выдержки, которыя покажутъ, какое серіозное вліяніе на Пушкина имѣлъ Чаадаевъ,—Брутъ и Периклесь, по выраженію другаго стихотворенія ⁶¹. Поэтъ сообщаетъ другу о своихъ занятіяхъ:

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младости утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Онъ обращается къ Чаадаеву съ такими словами:

Ты былъ *цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ,*
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою...

Подобно Пущину, Чаадаевъ бывалъ иногда строгимъ руководителемъ поэта:

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ...

Пушкинъ такъ вспоминаетъ подъ конецъ о своихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ:

⁶⁰ II, 384.

⁶¹ I, 184.

Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры,
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, поборимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я... (I, 340).

Въ одномъ черновомъ стихотворномъ наброскѣ (№ 2370, л. 35)
Пушкинъ вспоминаетъ, какъ онъ

Съ своимъ Чаадаевымъ читалъ...

Въ Кишиневскихъ запискахъ находимъ такое мѣсто: «Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы, никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье»⁶².

Вліяніе передовыхъ идей на Пушкина не ограничивалось только ближайшими его друзьями—товарищами. Онъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ братьями Тургеневыми, особенно съ А. И., былъ друженъ съ Бестужевымъ, Рылѣвымъ, А. и Н. Раевскими. Высланный изъ Петербурга, Пушкинъ на югѣ сошелся съ Давыдовыми, М. Орловымъ, Охотниковымъ, М. Пуцинымъ, В. О. Раевскимъ, съ Пестелемъ и многими другими. Позднѣе, въ 1826 году, Пушкинъ самъ заявлялъ Жуковскому, что «былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ»; тоже повторяетъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому: «я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ»⁶³.

Пушкинъ, какъ мы сейчасъ видѣли, въ посланіи къ Чаадаеву увѣряетъ, что онъ *будетъ счастливъ оживленіемъ вольнолюбивыхъ надеждъ*: эти слова, какъ и всегда въ поэзіи Пушкина, не были пустою фразою, служили выраженіемъ истинныхъ чувствъ поэта. Въ запискахъ декабриста Якушкина заключается рассказъ о встрѣчѣ его въ 1821 году съ Пушкинымъ въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ подъ Кіевомъ: Пушкинъ ужасно желалъ быть принятымъ въ тайное общество; когда отъ него отдѣлались шуткой, онъ со слезами на глазахъ сказалъ: «я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною, и высокую цѣль предъ собою, и все это была только злая шутка».—Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ, добавляетъ авторъ записокъ.

⁶² Черновыя тетради, № 2387, л. 33.

⁶³ VII, 44 и 205.

Какъ объяснить, что Пушкинъ не былъ принятъ никѣмъ въ тайное общество? Вѣроятно, его не принимали, отчасти оберегая гениальнаго поэта, и безъ того своими стихами содѣйствовавшаго цѣли общества—распространенію его принциповъ, отчасти же не довѣряя его подвижному впечатлительному характеру, его полной разныхъ увлеченій жизни, какъ это прямо высказываетъ и Пуцѣнъ.

Кромѣ Пуцѣна изъ лицействовъ I-го выпуска въ дѣлѣ тайнаго общества непосредственно участвовалъ еще Вильгельмъ Кюхельбекеръ, который по своему уму и развитію не могъ вліять на Пушкина, но нравственная чистота побужденій и энтузіазмъ котораго, вѣроятно, все-таки производили впечатлѣніе на поэта; во всякомъ случаѣ Пушкинъ очень любилъ своего добраго Кюхлю, несмотря на всѣ свои насмѣшки надъ нимъ, и Кюхельбекеръ представлялъ лишнюю нить, связывавшую его съ заговоромъ, съ катастрофой 14 декабря. Изъ записокъ Пушкина уцѣлѣлъ отрывокъ, гдѣ онъ описываетъ свою трогательную встрѣчу съ Кюхельбекеромъ, уже политическимъ узникомъ, въ 1827 году. Въ черновыхъ тетрадяхъ поэта мы встрѣчаемъ замѣтки, показывающія, что онъ въ разлукѣ вспоминалъ и Пуцѣна, и Кюхельбекера ⁶⁴. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Пушкинъ выражаетъ радость по случаю смягченія участи «своего бѣднаго Кюхельбекера»... ⁶⁵ Посмотримъ, какъ вообще относился Пушкинъ къ дѣятелямъ тайныхъ обществъ послѣ событій 14 декабря.

Онъ не разъ вспоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ о декабристахъ-друзьяхъ. Такъ въ короткой, но очень прочувствованной піесѣ на 19 октября 1827 года ⁶⁶, поэтъ желаетъ счастья своимъ товарищамъ лицейстамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ которые находятся

И въ мрачныхъ пропастьяхъ земля...

т.-е. осужденнымъ на каторгу Пуцѣну и Кюхельбекеру. Къ Пуцѣну же обращается поэтъ и въ особомъ посланіи, въ которомъ желаетъ, чтобы его голосъ озарилъ заточенье «лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней». Наконецъ ко всѣмъ декабристамъ Пушкинъ обратился съ известнымъ «посланиемъ въ Сибирь» ⁶⁷.

Какъ сильно былъ озабоченъ Пушкинъ судьбою декабристовъ, хорошо даетъ понять его переписка, гдѣ онъ не разъ высказываетъ

⁶⁴ № 2366, т. 33., № 2370, 59.

⁶⁵ VII, 235.

⁶⁶ II, 156.

⁶⁷ II, 140 и 145.

надежду на великодушное прощенье декабристовъ (Соч. VII, 41, 54, 139, 141), съ нѣжнымъ участіемъ освѣдомляется о судьбѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей (тамъ же, 44, 139, 140, 204), проситъ друзей хлопотать за нихъ, радуется облегченію ихъ участи (тамъ же 235). Послѣ того какъ до него дошло извѣстіе о казни пятерыхъ изъ обвиненныхъ, онъ пишетъ кн. Вяземскому: «еще-таки я все надѣюсь на коронацію, повѣшенные повѣшаны, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей—ужасна». Но это равнодушіе къ казненнымъ было только фразой, сказанной, можетъ-быть, для собственнаго успокоенія: какое впечатлѣніе произвела на него казнь людей знакомыхъ, близкихъ, видно изъ того же письма; онъ говоритъ о своемъ прошеніи къ государю: «ты (т.-е. Вяземскій) находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ, *иначе и быть невозможно*. Благо написано. *Теперь у меня перо не повернулось бы*» (VII, 44). Получивъ извѣстіе о казни, Пушкинъ отмѣчаетъ его подъ пѣсней на смерть любимой женщины («Элегія» на смерть г-жи Рязничъ, II, 137). Когда нѣсколько позднее Пушкинъ, прощенный и обласканный Николаемъ I, по повелѣнію его написалъ записку «о народномъ воспитаніи», онъ сказалъ въ ней между прочимъ: «вѣроятно братья, друзья, товарищи погибшихъ (декабристовъ) успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной». Но самъ Пушкинъ еще не былъ успокоенъ въ это время, еще не примирился съ гибелью друзей, тревожно останавливаясь мыслью на судьбѣ безвозвратно погибшихъ, на своихъ къ нимъ отношеніяхъ. Въ черновой тетради, рядомъ съ набросками статьи «о народномъ воспитаніи» находимъ дважды повторенный рисунокъ: на валу крѣпости висѣлица, а на ней пятеро повѣшенныхъ, и тутъ же начата фраза: *и я бы могъ, какъ тутъ на...*, т.-е. и я бы могъ, какъ тутъ нарисованные... Онъ мысленно соединялъ свою судьбу съ судьбой казненныхъ ⁶⁸. Написанная въ томъ же 1826 году, но нѣсколько ранѣе, пѣса Пророкъ первоначально заключалась энергическимъ воззваніемъ:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись,
Иди, и съ вервиемъ на оми... ⁶⁹

Приведенныхъ указаній довольно, чтобы видѣть, какое глубокое сочувствіе питалъ Пушкинъ къ жертвамъ 14 декабря.

⁶⁸ № 2368, л. 38. См. также № 2571, л. 38.

⁶⁹ II, 398.

Но намъ могутъ замѣтить, что соувствіе Пушкина къ дѣятелямъ 14 декабря было дѣломъ только его личныхъ отношеній, его дружескихъ связей, что это сочувствіе очень скоро уступило мѣсто реакціи, охватившей тогда всѣхъ; что Пушкинъ явился во дворецъ не грознымъ обличителемъ съ вервиемъ на выѣ, а въ качествѣ, скорѣе, кающагося, и былъ любезно принятъ и обласканъ государемъ; что затѣмъ, разъ ступивъ на путь реакціи, Пушкинъ уже не сходилъ съ него, что онъ уже съ 26 года порвалъ съ идеями декабристовъ. Такъ, дѣйствительно, обыкновенно представляютъ дѣло, но въ сущности оно было далеко не такъ.

Прежде всего разсмотримъ отношенія Пушкина къ новому правительству въ первое время.

Въ 1824 и 1825 году Пушкинъ, при помощи друзей, дѣлалъ разныя попытки, чтобы освободиться изъ своего заключенія. Эти попытки не привели ни къ чему. При воцареніи Николая Пушкину, естественно, пришло въ голову попытаться у новаго правительства получить дозволеніе оставить мѣсто своей ссылки ⁷⁰. Онъ списался съ друзьями и потомъ обратился съ письмомъ къ императору, прося освобожденія. Это письмо, какъ мы видѣли, Вяземскій находилъ холоднымъ и сухимъ. Пушкинъ признается въ этомъ и говоритъ: «иначе и быть невозможно». Дѣйствительно, въ его прошеніи на Высочайшее имя мы даже не встрѣчаемъ обычныхъ въ такомъ случаѣ выраженій вѣрноподданическихъ чувствъ и увѣреній въ преданности и пр. Пушкинъ прямо проситъ, по причинѣ болѣзни, о дозволеніи свободнаго выѣзда изъ деревни, обѣщая съ своей стороны не участвовать ни въ какихъ тайныхъ обществахъ и выражая съ истиннымъ раскаяніемъ «твердое намѣреніе не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку» ⁷¹. Поэтъ какъ бы договаривается съ правительствомъ. Пушкинъ дѣйствительно такъ и смотрѣлъ на это, какъ на договоръ; онъ пишетъ Жуковскому: «теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою оналу; *съ нимъ я готовъ условливаться* (буде условія необходимы); но вамъ [т.-е. друзьямъ Пушкина] рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc» ⁷². Во всемъ дѣлѣ объ освобожденіи изъ деревни, и въ проше-

⁷⁰ Онъ писалъ Жуковскому въ началѣ 1826 года: кажется, можно сказать парю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ (т.-е. въ заговорѣ), то нельзя ли наконецъ позволить ему воротиться? VII, 205.

⁷¹ VII, 206.

⁷² VII, 204.

ній, и въ перепискѣ нѣтъ и тѣни униженія и ласкательства передъ властью.

«Холодное и сѹхое» прошеніе и ходатайство друзей имѣли успѣхъ: Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву къ Николаю I, послѣ чего получилъ свободу. Конечно, онъ не явился во дворецъ пророкомъ-обличителемъ, но все, что мы знаемъ объ этомъ свиданіи, показываетъ, что поэтъ и тутъ сохранилъ откровенную независимость; такъ онъ прямо сказалъ царю, что будь онъ 14 декабря въ Петербургѣ, онъ былъ бы въ рядахъ бунтовщиковъ.

Вотъ каковъ характеръ первыхъ отношеній Пушкина къ императору Николаю.

Пушкинъ заключилъ договоръ съ правительствомъ на основаніи, которое онъ ясно выражаетъ въ письмѣ къ Жуковскому: «каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политической и религіозной, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости» ⁷³. Это положеніе, въ измѣненномъ видѣ, сдѣлалось съ этихъ поръ общимъ принципомъ всей дѣятельности Пушкина до конца жизни. Этотъ «договоръ» не былъ для Пушкина дѣломъ чисто-личнымъ, не означалъ того: оставь меня въ покоѣ, и я тебя не трону; нѣтъ, въ основѣ его лежало сознаніе общаго начала, которое можетъ быть приблизительно охарактеризовано современнымъ французскимъ терминомъ: *оппортунизмъ* (употребляю, конечно, это слово въ благородномъ его значеніи).

Между стихотвореніями Пушкина, представляющими его отношеніе къ происшествію 14 декабря, есть одно, о которомъ я еще не упомянулъ: это—Аріонъ. Аллегорически, въ поэтической картинѣ изобразилъ Пушкинъ въ немногихъ строкахъ, вкратцѣ всю исторію своихъ отношеній къ заговорщикамъ, ихъ судьбу и свое послѣдующее одиночество:

Насъ ⁷⁴ было много на челнѣ,
Иные парусъ напругали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощныя веслы. Въ тишинѣ,
На рудь склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;

⁷³ VII, 204.

⁷⁴ Въ черновой рукописи Пушкинъ хотѣлъ было замѣнить вездѣ первое лицо *третьимъ*: *Ихъ* было много на челнѣ и т. д. Стихотвореніе это было напечатано впервые въ Литературной Газетѣ 1830 года и потому въ изданіяхъ сочиненій Пушкина относится къ 1830 году, но черновая рукопись (№ 2367, 36,) даетъ, кажется, право относить его къ 1827 году.

А я—безпечною вѣры полнъ,
Шовпамя я пѣлъ... Вдругъ доно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ я кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозною,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Несмотря на аллегорію, картина по отношенію къ Пушкину вполне вѣрна истинѣ. Онъ былъ только пѣвцомъ тѣхъ идей, которыя лежали въ основѣ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и дѣятельности тайныхъ обществъ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовыхъ дѣятелей, пѣвецъ же уцѣлѣлъ, буря случайно его пощадила. Но мало того, спасшійся пѣвецъ «гимны прежніе поетъ», хотя не пускается, не можетъ пуститься въ открытое море... ⁷⁵ И въ этомъ окончаніи шессы, по моему мнѣнію, тоже вѣрно представлена судьба Пушкина. Спасенный рокомъ отъ гибели съ декабристами, онъ сохранилъ убѣжденія, идеи, которыя онъ «пѣлъ» раньше, которыя были воспитаны въ немъ его дружескими связями, его знакомствами. Онъ остался одинъ (или почти одинъ) послѣ бури; еслибы онъ, одинъ пловецъ, кинулся снова въ море, оно поглотило бы и его, и его гимны; его *идеи* погибли бы съ нимъ; вотъ объ этомъ-то онъ и говоритъ въ приведенномъ выше письмѣ Жуковскому: «безумно противорѣчить необходимости». Онъ избираетъ другой путь, онъ заключаетъ договоръ, по которому вовсе не отказывается отъ своихъ взглядовъ («какой бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный»), а только обѣщается не выставлять свои взгляды прямо въ противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Пушкинъ остался какъ бы наслѣдникомъ, единственнымъ, главнымъ представителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ, и чтобы охранить ихъ, этотъ, такъ сказать, грузъ, спасенный имъ изъ погибшаго челна, онъ рѣшилъ не ставить ихъ въ рѣзкое противорѣчіе съ побѣдившимъ строемъ,

⁷⁵ Въ черновыхъ тетрадяхъ находимъ еще набросокъ, тоже на тему спасенія отъ бури, № 2368, 21:

Земля достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный провидѣнемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣнемъ...

выставлять и проводить их насколько возможно при «общепринятомъ порядкѣ». Этимъ объясняется вся его общественная дѣятельность въ царствованіе Николая.

Пушкинъ былъ глубоко, искренне проникнутъ общественными идеями 20-хъ годовъ; судьба его спасла отъ участія въ тайныхъ обществахъ и въ возстаніи, но мы не можемъ сомнѣваться въ искренности его словъ передъ императоромъ: быть онъ 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ, онъ принялъ бы участіе въ возстаніи. Но ссылка сохранила поэта отъ этого, онъ остался въ сторонѣ отъ катастрофы, которая тѣмъ не менѣе произвела на него глубокое впечатлѣніе. Она сразу открыла ему планъ его будущихъ дѣйствій, выяснила ему тѣ средства, которыми отнынѣ онъ могъ поддерживать и распространять идеи, завѣщанныя ему погибшими товарищами. Въ поэзіи Пушкина, рядомъ съ поэтическимъ увлеченіемъ, постоянно проявляется его высокій умъ; тоже было и въ жизни: рядомъ съ увлеченіями Пушкинъ, какъ не разъ доказалъ это, былъ способенъ на самую хладнокровную и всестороннюю оцѣнку положенія. Благодаря этому свойству, благодаря своему свѣтлому уму, онъ сразу, почти въ минуту катастрофы, понималъ роль, которая ему предстояла впредь. Его общественныя идеи въ сущности остались тѣже, но онъ, для ихъ распространенія и осуществленія въ предѣлахъ возможнаго, впредь долженъ употребить уже другія средства. Поэтому-то въ письмахъ къ друзьямъ въ 1826 году Пушкинъ уже высказывается противъ «бунта и революціи»⁷⁶. Онъ видитъ, что революція не удалась, понимаетъ, что повтореніе ея невозможно и нежелательно, онъ считаетъ необходимыми другія, мирныя, дозволенные средства. Эту мысль мы встрѣчаемъ ясно выраженную въ статьѣ о Радищевѣ; но тоже самое Пушкинъ высказалъ еще раньше, въ упомянутой выше запискѣ «о народномъ воспитаніи»: «должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ; съ другой—необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей»⁷⁷. Пушкинъ и хотеть дѣйствовать не противъ силы вещей, не противъ правительства, а по возможности съ нимъ, черезъ него. Онъ желалъ бы просвѣщеннаго правительства, желалъ бы, чтобы правительство содѣйствовало просвѣщенію. Этотъ-то принципъ онъ и клалъ въ основу своего договора съ правительствомъ. Онъ писалъ Дельвигу: «какъ бы то ни

⁷⁶ VII, 44, 139.

⁷⁷ V, 41.

было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помирится съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого, *кроме его*, не зависить. Въ этомъ желаніи [болѣе благоразумія, чѣмъ гордости съ моей стороны]. Но онъ ставитъ примиреніе въ зависимость отъ образа дѣйствій правительства: въ этомъ все дѣло.

Катастрофа 1825 года имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ нашего общественнаго развитія. Лучшие, передовые люди были вырваны, исключены изъ общества. Въ высшемъ кругу, къ которому они принадлежали, не осталось, не могло остаться ихъ преемниковъ; тѣ немногіе изъ нихъ, которыхъ буря пощадила, должны были ступать при новомъ порядкѣ, отойти на задній планъ, уступить мѣсто людямъ другаго направленія, другихъ цѣлей; достаточно прочесть тѣ или другіе мемуары николаевского времени, чтобы видѣть, какой духъ, какой характеръ имѣло тогда въ общемъ наше высшее общество. Не обошлось, конечно, и безъ ренегатовъ, и ренегатство, можетъ быть, началось еще до катастрофы. Но какъ бы то ни было, умственная жизнь, общественная мысль не были, не могли быть убиты; онѣ примолкли, затихли на время и, начиная съ тридцатыхъ годовъ, стали проявляться въ другомъ кружкѣ русскаго общества. Въ прежнемъ же кружкѣ, продолжавшемъ еще въ значительной степени владѣть литературой, одинъ Пушкинъ остался выразителемъ общественныхъ идей 20 годовъ. Его серьезныя усилія были устремлены къ тому, чтобы выразить эти идеи, не становясь въ полное противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Конечно, ему это не всегда удавалось; двойная или тройная цензура, тяготѣвшая надъ нимъ, часто задерживала и стихи его, и прозу (какъ были, напр., задержаны статьи его о Радищевѣ); но мы видимъ его постоянныя стремленія создать серьезный органъ журналистики, органъ общественной жизни, его попытки создать публицистику въ настоящемъ смыслѣ, его попытки высказаться по важнѣйшимъ вопросамъ внутренней жизни. Мысль о политическомъ журналѣ была тоже наследована Пушкинымъ отъ своихъ друзей 20 годовъ. Михаилъ Орловъ дѣлалъ въ «Арзамасѣ» предложенія о такомъ изданіи. Подобный планъ былъ и у Николая Тургенева, и мы имѣемъ прямое извѣстіе, какъ Пушкинъ обрадовался возможности быть сотрудникомъ въ предполагаемомъ изданіи. Эти стремленія Пушкинъ и перенесъ въ свою послѣдующую дѣятельность. Повторяю, Пушкинъ долго и упорно добивался участія въ серьезномъ журналѣ; онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему издавать газету и усердно принялся за изданіе «Современника». На эти его хлопоты и заботы, на его планы и надежды много указаній въ его перепискѣ, а также

въ его черновыхъ тетрадахъ ⁷⁸. Вопросъ этотъ подробно разобранъ въ упомянутой уже статьѣ П. В. Анненкова объ «Общественныхъ идеалахъ Пушкина», но только въ ней односторонне поняты убѣжденія и стремленія Пушкина: онъ вовсе не былъ теоретикомъ общепризнаннаго порядка, не проповѣдывалъ исключительно консервативный аристократизмъ и т. д.; нѣтъ, онъ просто старался установить съ правительствомъ извѣстный *modus vivendi* и не только ради себя, но и ради публичнаго выраженія своихъ идей. Въ выше упомянутомъ изслѣдованіи г. В. Стоюнина о Пушкинѣ вѣрно оцѣнены стремленія поэта къ журнальной дѣятельности.

Какое высокое значеніе придавалъ Пушкинъ печатной гласности, какъ хорошо понималъ онъ ее силу, показываютъ слѣдующія строки въ одномъ черновомъ наброскѣ. «Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подають они поводъ, суть важный шагъ въ гласности преній о дѣйствіяхъ общественныхъ лицъ (*hommes publics*), къ *одному изъ главнѣйшихъ условийъ высокообразованныхъ обществъ*; въ семь отношеній и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу. Такимъ образомъ дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди всѣхъ набѣговъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла. Такимъ образомъ и возрастаетъ *могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота нравовъ*... ⁷⁹

И Пушкинъ до конца жизни продолжалъ «набѣги просвѣщенія, приступы образованности», подвергаясь всѣмъ невздамъ и опасностямъ ремесла, печально любясь на «благородныя раны» своихъ статей (употребляю его выраженіе изъ письма къ Д. Давыдову ⁸⁰), безъ малодушія перенося гибель своихъ плановъ... Для того чтобы проводить въ литературѣ свои взгляды, т.-е. взгляды 20 годовъ, Пушкину пришлось прибѣгать къ *иносказательному языку*: мы уже видѣли хорошій примѣръ такого иносказанія, такого писанія между строкъ, закрытія истиннаго смысла—въ статьяхъ о Радищевѣ; можно бы привести еще примѣры, но только все въ прозѣ, въ журнальныхъ статьяхъ: въ стихахъ, всегда выливавшихся у Пушкина изъ души, онъ не могъ употреблять «эзопскій языкъ» ⁸¹.

⁷⁸ VII, 33, 42, 45, 52 и др.; № 2386 А. 15, Б. 10; 2373, 251.

⁷⁹ См. № 2387, А. 39.

⁸⁰ № 2386, В. 75.

⁸¹ Другое дѣло *поэтическая* аллегорія, какъ напр., въ Аріонѣ.

Повторяю, въ «оппортионизмъ» весь смыслъ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ. Общія его идеи *тѣже*, но взглядъ на средства для ихъ проведенія *другой*. Поэтому, съ одной стороны разглагольствованія о перемѣнѣ въ Пушкинѣ невѣрны, т.-е. перемѣна неправильно понимается: Пушкинъ не измѣнилъ своимъ основнымъ взглядамъ; съ другой стороны перемѣна все-таки большая: пѣвецъ свободы уже не считаетъ возможнымъ воспѣвать ее открыто, долженъ маскировать свою любовь къ ней, долженъ, напр., прибѣгать къ иносказаніямъ, чтобы высказаться противъ крѣпостнаго права, которое раньше онъ прямо и съ такой энергіей осудилъ въ своемъ извѣстномъ «Уединеніи». Причины и характеръ этого измѣненія указаны уже. Самъ Пушкинъ не разъ отмѣчаетъ происшедшую въ немъ перемѣну. Такъ въ декабрѣ 1835 года онъ пишетъ П. А. Осиповой: *Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me paraît que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées, ma situation, etc, etc*⁸². Туже мысль поэтъ повторяетъ черезъ годъ въ своей послѣдней лицейской годовщинѣ: сравнивая прежнее величіе ихъ праздника съ болѣе грустнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ между ними въ 1836 году, онъ прибавляетъ:

Не даромъ, вѣтъ, промчалась четверть вѣка;
Не сѣтуйте, таковъ судьбы законъ:
Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Въ статьѣ «Ал. Радищевъ» Пушкинъ еще ближе подходитъ къ перемѣнѣ, въ немъ самой происшедшей. «Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улюбною отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и молоджавое лицо всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ».

Но Пушкинъ сохранялъ возможную связь съ общественными идеалами своей юности, откинувъ только «моложавость мыслей», и отлично понималъ это, вполне сознавалъ единство своихъ взглядовъ, что и высказалось въ «Памятникѣ».

⁸² VII, 235. Когда я подумаю, что 10 лѣтъ прошло послѣ этихъ несчастныхъ смутъ (т.-е. 14 декабря 1825 г. и пр.), мнѣ представляется, что я видѣлъ сонъ. Сколько происшествій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, съ моего положенія и пр., и пр.

Выше было упомянуто о вѣшнемъ характерѣ женатой, петербургской жизни Пушкина. Объяснивши внутреннюю сторону его жизни за это время, намъ незачѣмъ уже долго останавливаться на объясненіи ея вѣшнихъ особенностей. Мы можемъ тутъ допустить, что, живя въ Петербургѣ и нуждаясь въ большихъ средствахъ для содержанія семьи, Пушкинъ прибѣгалъ къ такимъ милостямъ правительства, къ которымъ иначе онъ, конечно, не обратился бы. Но если въ Одессѣ, какъ онъ выражался въ письмѣ къ Казначееву, онъ могъ смотрѣть на свое жалованіе, какъ на арестантскій паекъ ссыльнаго, то онъ могъ требовать подобнаго же пайка и въ Петербургѣ, гдѣ онъ тоже былъ почти арестантомъ, гдѣ его насильно удерживали. Опубликованные отрывки изъ дневника Пушкина и особенно его письма къ женѣ уничтожили легенду о заискиваніяхъ Пушкина въ высшемъ кругѣ, о его тщеславіи камеръ-юнкерствомъ и т. д. Мы знаемъ теперь, что Пушкинъ постоянно желалъ оставить Петербургъ, пытался вырваться изъ душной атмосферы петербургскихъ салоновъ, но былъ насильно удерживаемъ начальствомъ; мы теперь знаемъ, что онъ нисколько не тщеславился, а напротивъ тяготился своимъ придворнымъ званіемъ и т. д., и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ теперь хорошо извѣстно, какія цензурныя преслѣдованія и полицейскія стѣсненія выносилъ Пушкинъ послѣ того, какъ былъ прощенъ, освобожденъ, избавленъ отъ цензуры⁸³. Для насъ уже не могутъ быть убѣдительны все еще повторяющіяся похвалы благодареніямъ, которыми былъ будто бы осыпанъ Пушкинъ⁸⁴.

Исслѣдователи, разбирающіе подробнѣе николаевскіе взгляды Пушкина, особенно отмѣчаютъ его проповѣдь о значеніи аристократическаго элемента, о значеніи дворянства. Эта черта не представляетъ отличія отъ взглядовъ поэта въ александровскую эпоху: аристократическія понятія были уже у Пушкина и тогда. Происхожденія они сложнаго: въ немъ участвовала и личная судьба, личное положеніе, отчасти же вліяніе Байрона, наконецъ тѣ аристократическія теоріи, которыя Пушкинъ встрѣчалъ у нѣкоторыхъ представителей общественнаго движенія 20-хъ годовъ (извѣстно, что тогда былъ составляемъ проектъ конституціи съ широкой ролью аристократіи). Эти сложные элементы аристократическихъ взглядовъ Пушкина продолжали суще-

⁸³ Черновыя тетради поэта прибавили новыя характерныя данныя по этому вопросу, см. № 2371, листы 21, и 23.

⁸⁴ Ст. напр. рѣчь г. Бартевева на Пушкинскомъ празднѣжѣ, Рус. Архивъ, 1880 г., II, стр. 487.

ствовать и въ николаевскую эпоху, причемъ вліяніе личной судьбы, вліяніе столкновений съ *новой* знатью опять усилилось при переселеніи въ Петербургъ. Отзывы Пушкина о новой знати дошли до насъ въ «Родословной моего героя» и въ «Моей родословной»; въ прозѣ мы тоже не разъ встрѣчаемъ выраженіе взглядовъ Пушкина по этому вопросу, а нѣсколько новыхъ важныхъ указаній находимъ въ черновыхъ тетрадахъ⁸⁵. Но не надо придавать чрезмѣрнаго значенія этой сторонѣ убѣждений Пушкина, который не доводилъ своего взгляда до крайности: онъ вступался за униженные историческіе роды, униженіе ихъ онъ считалъ вреднымъ, видя что ихъ часто затираютъ вовсе не истинныя заслуги; Пушкинъ вовсе не стоялъ на точкѣ зрѣнія безусловной дворянской гордости, что видно, напр., изъ слѣдующей фразы: «имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ-быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться ими пменами»⁸⁶. Но какъ бы то ни было, вопросъ о роли дворянства не представляетъ ничего характернаго для взглядовъ Пушкина въ николаевскую эпоху, его отношеніе къ этому вопросу сложилось еще въ царствованіе Александра и совпало съ однимъ изъ теченій въ либеральномъ движеніи той эпохи.

Если даже допустить, что подъ бременемъ семейныхъ обстоятельствъ, денежной нужды, съ годами въ Пушкинѣ произошла нѣкоторая перемена помимо принциповъ или въ ущербъ имъ, то въ общемъ Пушкинъ, какъ мы уже видѣли, сохранилъ несомнѣнно крѣпкую связь съ принципами 20-хъ годовъ, единеніе съ ихъ идеалами. И это единеніе имѣло важное общественное значеніе. Пушкинъ, сохранивъ идеалы 20-хъ годовъ, оживлялъ ими, по возможности, николаевскую литературу, поддерживалъ, распространялъ ихъ. Онъ много послужилъ передачѣ ихъ дальше. Его жизненное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ дало ему возможность понимать зарожденіе новаго общественного движенія: въ статьѣ, называемой «Мысли на дорогѣ», находится замѣчательная оцѣнка молодого московскаго кружка⁸⁷. Пушкинъ сблизился съ членами этого кружка, иногда «тихонько отъ наблюдателей»⁸⁸.

Сказаннаго объ общественныхъ стремленіяхъ, объ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ I, совершенно достаточно для

⁸⁵ № 2372, 44; № 2374, 24; № 2375, 31; № 2382, 75; № 2387, Б, 28, и 38

⁸⁶ № 2387, Б, 59.

⁸⁷ V, 199.

⁸⁸ VII, 339.

общей ихъ оцѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для нашей задачи, для оцѣнки и пониманія статей Пушкина о Радищевѣ: цѣль статей—проповѣдь передовыхъ идей; форма ихъ, вѣтшныя нападки на Радищева—средство для возможности проповѣди, иносказаніе, «эзопскій языкъ»⁸⁹.

Выше уже замѣчено, что нельзя осуждать Пушкина, какъ и русскаго литератора вообще, за употребленіе иносказаній; но на Пушкинѣ лежитъ другое обвиненіе: онъ, увѣряють, переходилъ мѣру, льстилъ властямъ, потакалъ господствовавшимъ официальнымъ воззрѣніямъ. Такъ ли это?

Уликами для обвиненія служатъ нѣсколько стихотвореній⁹⁰, на оцѣнкѣ которыхъ мы и остановимся. Къ этимъ стихотвореніямъ принадлежатъ: 1) піесы, восхваляющія Николая I, и 2) піесы по Польскому вопросу. Что касается до послѣднихъ, то «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» признаны достаточными уликами для обвиненія Пушкина безо всякаго снисхожденія: въ этихъ піесахъ обыкновенно видятъ непростительное потворство официальному міру, непозволительное прилебательство передъ властью-побѣдительницею, непозволительную насмѣшку надъ побѣжденными. Такую оцѣнку выставляютъ не только позднѣйшіе критики: мы знаемъ, что напр. кн. Вяземскій тогда же возмущался этими піесами, какъ и однородными произведеніями Жуковскаго. Но черновыя тетради Пушкина даютъ намъ матеріалъ если не для полнаго оправданія, то для защиты поэта отъ главной части обвиненія. Въ нихъ мы находимъ черновое посланіе къ графу О**, относящееся къ 1824 году; въ немъ не только выражены чувства, вполне враждебныя Полякамъ, но есть прямо стихи, повторенные позднѣе въ посланіи къ «Клеветникамъ Россіи». Въ другой черновой тетради (1828 года) находимъ эпиграмму на Поляковъ⁹¹. Такимъ образомъ взглядъ Пушкина на Поляковъ и на

⁸⁹ Въ наброскѣ о Карамзинѣ (1826 г.) Пушкинъ самъ указываетъ на то, что русскому писателю иногда необходимо прибѣгать къ *иносказаніямъ*: «молодые яхобинцы негодовали: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрными рассказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ исторію свою въ Россіи». № 2387, А. 51. см. V, 38.

⁹⁰ «*Заказныя* стихотворенія Пушкина», какъ выражается совершенно несправедливо одинъ извѣстныхъ критикъ: у Пушкина нѣтъ *заказныхъ* стихотвореній, если не разумѣть подъ этимъ піесы «къ принцу Оранскому» или еще, пожалуй, «На ларѣ скромной, благородной»... (I, 143 и 209); по критикъ, конечно, не ихъ разумѣть.

⁹¹ См. № 2370, 32 и № 2371, 99. Припомнимъ еще «Характеристику», Не вѣрю чести игрока—1830 года. II, 418.

Польскій вопросъ сложился еще задолго до возстанія, и чувства, выраженные въ пьесахъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» не были потворствомъ официальнымъ сферамъ. Правъ ли Пушкинъ въ своемъ отношеніи къ Польскому вопросу, это другое дѣло, но во всякомъ случаѣ съ него надо снять обвиненія въ прислуживаніи передъ властью. Взгляды Пушкина на польскія дѣла должны быть разбираемы въ общей связи со всѣмъ ходомъ Польскаго вопроса въ нашей литературѣ ⁹².

Не менѣе безусловно обвиняется Пушкинъ въ лести Николаю I и, можетъ-быть, еще несправедливѣе. Обыкновенно стансы «Въ надеждѣ славы и добра» считаютъ началомъ, или, вѣрнѣе, признакомъ измѣны Пушкина прежнимъ взглядамъ, началомъ его подслуживанія передъ властью. Мы уже видѣли, что Пушкинъ не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, что онъ только измѣнилъ свое отношеніе къ практическому примѣненію ихъ, къ средствамъ; мы видѣли, что эта перемѣна, вполне искренняя, совершилась очень быстро: зная, что жалкіе остатки либеральной партіи не могутъ дѣйствовать противъ «необъятной силы» правительства, Пушкинъ рѣшилъ, что надо дѣйствовать черезъ правительство, черезъ него проводить идеи просвѣщенія, идеи прогресса, стараться вызвать въ правительствѣ сочувствіе къ просвѣщенію и т. д. Въ разбираемыхъ стансахъ только и выразился такой взглядъ: Пушкинъ высказываетъ въ нихъ свои *ria desideria*, основанія для которыхъ онъ, можетъ-быть, имѣлъ право видѣть въ отношеніи къ нему новаго правительства. Пушкинъ ждетъ отъ будущаго много добраго для Россіи, такъ какъ онъ надеется, что новый царь будетъ походить на Петра Великаго, который умѣлъ отличить Як. Долгорукова отъ буйнаго стрѣльца, т.-е. наказывая открытое возстаніе, допускалъ и одобрялъ законную оппозицію, который не боялся просвѣщенія, любилъ и понималъ родину, и былъ вѣчнымъ работникомъ на пользу ея; новый царь долженъ подражать пращурѣ во всемъ!.. Для оцѣнки этого стихотворенія всего важнѣе выяснить въ немъ отношеніе Пушкина къ декабристамъ. Поэтъ приравниваетъ ихъ буйнымъ стрѣльцамъ!.. Вотъ, говорятъ, какъ быстро измѣнилось его отношеніе къ прежнимъ товарищамъ! Нѣтъ, мы знаемъ, что сочувствіе и идеи Пушкина не измѣнились, мы знаемъ, что за нѣсколько дней до стансовъ онъ написалъ посланіе къ Пушину, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посланіе въ Сибирь. При этомъ мы не

⁹² См. статью А. Н. Пынина: Польскій вопросъ въ русской литературѣ Вѣстн. Европы 1880 г., февраль; см. также В. Стоюнина, Пушкинъ, 358 слѣд.

должны видѣть въ стансахъ грубую лесть противъ убѣжденій. Для правильной оцѣнки стансовъ надо стать на историческую точку зрѣнія, надо припомнить все, что было выше сказано о происхожденіи и значеніи Пушкинскаго «оппортюнизма». Пушкинъ желаетъ дѣйствовать съ правительствомъ, для этого оно должно быть просвѣщенно, и онъ старается выяснитъ обязанности правительства по отношенію къ просвѣщенію, указать ему, что, несмотря на все происшедшее, оно можетъ, оно должно быть за прогрессъ и за реформы. Правительство побѣдило, раздавило вооруженное возстаніе, но, слѣдуя примѣру Петра, оно должно теперь идти по пути преобразования, допускать свободную оппозицію, нужную для выясненія истины и потребностей народа. Таковъ былъ смыслъ стансовъ, смыслъ самый благородный; тутъ не лесть, а высокое наставленіе для новой власти ⁹³.

Какъ извѣстно, стансы эти тогда же вызвали упреки Пушкину въ лести и въ подслуживаніи. Онъ оправдывался въ другой піесѣ: «Нѣтъ, я не льстецъ»... ⁹⁴ Искренность вообще составляетъ отличіе поэзіи Пушкина, но данная піеса проникнута особеннымъ чувствомъ. Видно, что несправедливые упреки въ льстивомъ ласкательствѣ были тяжелы бѣдному поэту; онъ подвергся этимъ упрекамъ даже отъ друзей, не понимавшихъ его новаго направленія, и къ такимъ-то друзьямъ написана эта прекрасная піеса. Объясняя имъ общія и личныя причины, заставляющія его хвалить молодого царя, поэтъ затѣмъ въ энергическихъ выраженіяхъ еще разъ отвергаетъ упрекъ въ лести и дѣлаетъ вѣрную и рѣзкую характеристику льстецовъ, которые внушаютъ власти крутыя мѣры и возстановляютъ ее *противъ просвѣщенія*, а это можетъ *накликать на царя горе*: мы видѣли, что въ стансахъ поэтъ вызываетъ въ царѣ именно милость и любовь къ просвѣщенію.

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчать, потуля очи долу!...

И это стихотвореніе, содержащее опять похвалы честности и милости царя, снова вызвало совершенно несправедливые упреки въ лести. А между тѣмъ оно настолько далеко было отъ всякой лести, что Императоръ, выразивъ Пушкину одобреніе, вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ печатать стихотвореніе. Это очень характерно: произведенія Пушкина,

⁹³ II, 141.

⁹⁴ II, 157.

которыя служатъ поводомъ къ обвиненію его въ лести, въ измѣнѣ либеральнымъ идеямъ, въ проповѣди официальнаго консерватизма, не дозволяются правительствомъ къ печати, такъ мы это видѣли на статьяхъ о Радищевѣ, такъ было не дозволено посланіе «Друзьямъ»; или еще: такъ за свою записку «О народномъ воспитаніи», тоже сильно осуждаемую съ той же точки зрѣнія, Пушкинъ получилъ строгій выговоръ. Къ этимъ статьямъ можетъ быть приложена фраза самого Пушкина, сказанная имъ по поводу драмы «Борисъ Годуновъ»: «хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ!»⁹⁵ Эти случаи ясно доказываютъ, какъ нужна историческая точка зрѣнія при оцѣнкѣ лицъ и произведеній, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленныхъ.

Къ восхваленіямъ Николая I относится еще піеса «Герой», но на ней долго останавливаться нечего, такъ какъ Пушкинъ напечаталъ ее подъ строжайшимъ инкогнито и его авторство открылось лишь послѣ его смерти; затѣмъ въ этой піесѣ онъ требуетъ только чтобы у героя было *сердце*... Написана же піеса по поводу посѣщенія Николаемъ I холерной Москвы; этотъ поступокъ вызвалъ въ Пушкинѣ искренній энтузіазмъ⁹⁶. Припомнимъ, какъ въ прошломъ году даже оппозиционная пресса расточала всяческія похвалы королю Гумберту, посѣтившему холерный Неаполь.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Ал. Бестужеву⁹⁷ Пушкинъ дѣлаетъ общую оцѣнку русской литературы, ему предшествовавшей, и находитъ въ ней важную и почтенную черту: полное отсутствіе рабскаго униженія, отсутствіе лести. Если эту характеристику, къ сожалѣнію, теперь нельзя уже примѣнить къ русской литературѣ, то во всякомъ случаѣ произведенія Пушкина выдерживаютъ тотъ же характеръ: обвиненіе въ ласкательствѣ несправедливо. И въ стихахъ и въ прозѣ Пушкинъ довольно часто отзывался съ похвалой о дѣятельности правительства, но, откинувъ иносказанія (въ прозѣ), какой смыслъ всѣхъ этихъ похвалъ? Пушкинъ всегда выставляетъ идею просвѣщенія, какъ главную основу правительственной дѣятельности, отчасти въ видѣ требованія, отчасти какъ дѣйствительность. Онъ

⁹⁵ Письмо къ Вяземскому; VII, 37.

⁹⁶ Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (№ 2385) читаемъ: «Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріездъ его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему историку».

⁹⁷ VII, 175.

желаетъ, чтобы правительство было просвѣщено, онъ привѣтствуетъ то немногое изъ правительственныхъ дѣйствій, что было достойно похвалы въ этомъ отношеніи; онъ постоянно твердитъ о просвѣщеніи, онъ старается навязать, натвердить правительству идею просвѣщенія. Вотъ истинный смыслъ его похвалъ правительству.

Еще въ своей запискѣ о народномъ воспитаніи Пушкинъ прямо выставляетъ просвѣщеніе, какъ единственную гарантію государственнаго спокойствія и благосостоянія. Въ черновой статьѣ о Радищевѣ мы находимъ слѣдующее мѣсто: «нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Феодоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. *Вотъ что составляетъ силу нашего самодержавія*». Тутъ идея просвѣщенія кладется въ основу силы правительства, въ основу силы самаго принципа самодержавія.

Хотя французская пословица и увѣряетъ, что сравненіе ничего не доказываетъ, но я опять-таки позволю себѣ сдѣлать одно сравненіе, которое по моему должно еще уяснить вопросъ.

Одинъ изъ лучшихъ римскихъ поэтовъ, Горацій, стоя ниже Пушкина по дарованію, близокъ къ нему по нѣкоторымъ общимъ чертамъ въ поэзіи, но они еще ближе по сходству судьбы. Подобно Пушкину, Горацій былъ въ связи съ заговорщиками; онъ даже принималъ открытое участіе въ дѣйствіяхъ Брута, сражался при Фарсалахъ; подобно Пушкину онъ уцѣлѣлъ отъ разгрома, подобно ему онъ «искренно примирился» съ установившимся правительствомъ и воспѣвалъ Августа. Такъ же, какъ и Пушкинъ, Горацій до сихъ подъ несетъ укоризны въ лестіи передъ Августомъ; самъ Пушкинъ называетъ Горація «умнымъ льстецомъ», а его оды «льстивыми»; но какъ по отношенію къ Пушкину, такъ и по отношенію къ Горацію упреки въ лестіи одинаково несправедливы.

Горацій, присоединяясь въ Греціи къ войску Брута, мечтаетъ о возстановленіи древней республики, вмѣстѣ съ которой возродится и древне-римская *virtus*. Республиканская партія побѣждена; Горацій, бѣжавъ съ поля битвы, оставляется потомъ въ покоѣ, не преслѣдуется новымъ правительствомъ. Идеалы Горація, его стремленія къ возстановленію древней доблести не были въ немъ уничтожены; онъ видитъ, что прежнія средства для ихъ осуществленія не удалось и не могутъ удался; онъ видитъ въ установившейся имперіи «необходимость» и, не становясь «въ безумное противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ», онъ надѣется, что другія средства помогутъ осуществленію

его идеаловъ; и въ политикѣ онъ, недавній революціонеръ, держится *modus in rebus* и воспѣтой имъ *augeae mediocritatis*. Онъ становится на сторону новаго правительства, но опять-таки во имя тѣхъ же идеаловъ древне-римской доблести, во имя мира и тишины, столь необходимыхъ родинѣ. Онъ хвалитъ въ своихъ пѣсняхъ Августа, но именно какъ миротворителя, какъ возстановителя и защитника древней чистоты нравовъ. Въ дѣятельности Августа, представителя чисторимскаго консерватизма, многое дѣйствительно было направлено къ поддержанію стараго, къ улучшенію нравовъ и обычаевъ. Вотъ въ чемъ истинный смыслъ «льстивыхъ одъ» Горація: онъ остался вѣренъ своимъ идеаламъ, но видя невозможность осуществленія ихъ черезъ республиканскую партію, видя непригодность для этого возстаній, онъ сумѣлъ примириться съ необходимостью, сумѣлъ понять значеніе историческаго момента и по возможности воспользоваться имъ для осуществленія своихъ общественныхъ стремленій.

Такимъ образомъ внѣшняя судьба Горація и Пушкина и послѣдующая оцѣнка ихъ очень сходны. Сторонники побѣжденных заговорщиковъ, они оба очень быстро примиряются съ побѣдоносною властью, и оба подвергаются за это несправедливымъ укоризнамъ. Оба они примиряются съ правительствомъ не изъ за личныхъ выгодъ, не только не измѣняя своимъ идеаламъ, но напротивъ продолжая пропагандировать и проводить ихъ въ жизни и при новомъ правительствѣ насколько возможно. Примиреніе обоихъ ихъ съ новымъ правительствомъ вытекаетъ изъ пониманія даннаго положенія, изъ любви къ родинѣ, изъ желанія быть ей полезнымъ.

Конечно, такое сравненіе между Гораціемъ и Пушкинымъ можно дѣлать лишь *mutatis mutandis*: при этомъ, понятно, нельзя сравнивать ни положенія римской республики при концѣ ея съ положеніемъ Россіи 20-хъ годовъ нашего вѣка, ни Августа и его дѣятельности съ дѣятельностью Николая. И конечно Августъ былъ ближе къ идеаламъ Горація, чѣмъ Николай къ идеаламъ Пушкина; вотъ почему у Горація похвалъ императору гораздо больше, и онъ гораздо опредѣленнѣе; при томъ же Горацій пользовался большею свободой и лучшимъ положеніемъ. Для насъ здѣсь важно именно только самое общее психологическое сравненіе въ общественномъ направленіи двухъ поэтовъ, имѣющихъ сходство и въ поэтическомъ творчествѣ. Замѣчу только еще одну частность. Въ стансахъ, за которые такъ несправедливо обвиняютъ Пушкина, особенно непріятно можетъ поражать то, что близкій другъ декабристовъ какъ бы приравниваетъ ихъ буйнымъ стрѣльцамъ; въ одной изъ своихъ пѣсень (II, 2) Горацій, бывшій

соратникъ Брута, убѣждаетъ Августа, что онъ, императоръ, долженъ быть мстителемъ за Цезаря. Опять полная аналогія: и опять, при серьезномъ разборѣ мысли, мы должны оправдать обоихъ поэтовъ. Какъ Пушкинъ хочетъ сказать, что правительство, сломивъ открытое возстаніе, должно этимъ ограничиться, должно допустить законную свободу мнѣній и заботиться о просвѣщеніи, такъ и Гораций выражаетъ желаніе, чтобы Августъ былъ только мстителемъ за смерть Цезаря, чтобы этимъ ограничились его репрессивныя мѣры, чтобы онъ не былъ врагомъ республики. Известно, что самъ Августъ стараясь выставить себя лишь какъ бы мстителемъ за Цезаря.

Насъ долго задержалъ вопросъ объ общественномъ направленіи Пушкина при Николаѣ. Хотя я старался быть возможно краткимъ ограничиваясь лишь необходимыми указаніями, но въ виду совершенно неправильнаго взгляда на этотъ вопросъ, господствующаго въ литературѣ, намъ пришлось коснуться многого.

Повторимъ теперь вкратцѣ нашъ выводъ.

Пушкинъ, связанный близкими отношеніями съ передовыми дѣятелями 20-хъ годовъ, раздѣлялъ въ общемъ ихъ убѣжденія. Спасшійся отъ декабрьской бури, онъ сохранилъ свои общественные идеалы, не измѣнилъ имъ, но онъ измѣнилъ взглядъ на средства для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь, рѣшился примириться съ правительствомъ по необходимости и проводить свои идеалы уже легальнымъ путемъ. Задавшись такою мыслью, онъ всю остальную жизнь продолжалъ постоянно стремиться къ созданію честной публицистики, къ поддержанію въ литературѣ общественной мысли 20-хъ годовъ, для чего ему пришлось прибѣгать къ иносказаніямъ. Онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, что могъ, и, благодаря ему, идеи 20-хъ годовъ легче нашли доступъ къ молодому поколѣнію 30-хъ годовъ. Въ этомъ великая общественная заслуга Пушкина, до сихъ поръ почти не оцѣненная.

Обращаясь къ статьямъ Пушкина о Радищевѣ, мы видимъ въ нихъ особенно яркое выраженіе указанныхъ общественныхъ стремленій поэта, его иносказательной проповѣди прогрессивныхъ идей, или, какъ онъ говоритъ, *просвѣщенія*. Поэтому эти статьи служатъ не къ укоризнѣ, а къ чести, къ славѣ Пушкина. Съ другой стороны, при разборѣ этихъ статей и вообще отношенія Пушкина къ Радищеву, мы ясно видимъ вліяніе Радищева на Пушкина и даже вообще на передовой литературный кружокъ 20-хъ годовъ. Такимъ образомъ эти статьи Пушкина о Радищевѣ опять-таки служатъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію значенія Радищева, къ его прославленію.

Сочиненія Радищева, несмотря на преслѣдованія цензуры, все-таки по возможности сдѣлали свое дѣло и имѣли существенное вліяніе на развитіе нашей общественной мысли.

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Вникая въ историческій ходъ нашего развитія, убѣждаешься въ строгомъ, вѣрномъ преемствѣ общественныхъ идей, несмотря ни на что, такъ или иначе передающихся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Согласно съ заповѣдью о поименованіи наставниковъ нашихъ, мы должны свято чтить память всѣхъ «борцовъ просвѣщенія», перенесшихъ «первыя выстрѣлы», подвергшихся «всѣмъ невздамъ и опасностямъ». Имя «извѣстнаго писателя Радищева», какъ и имя нашего величайшаго поэта должны занимать видныя мѣста къ исторіи нашего общественнаго развитія.

Январь 1885 года.

В. Якушкинъ.

III.

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

не принимаетъ того; и дѣйствительно войско, узнавши о семъ тотчасъ возмутилось: высшіе начальника оставя сго, прибѣжали къ своему военачальнику. Мятежныя толпы, собравшись, провозгласили сотника Фоку Экзархомъ, и поднявши на щиты, поздравляли его. При семъ извѣстіи Петръ бѣжалъ и донесъ обо всемъ царю, царь же въ такомъ затруднительномъ положеніи старался скрыть сіе извѣстія отъ народа. На другой день сдѣлалъ конскія игры, чтобы скрыть свою опасность. Но партія Празиновъ кричала: Триавгустѣйшій владыка Римлянъ! Константинъ и Коментіюль стращаютъ твой народъ, что по грѣхамъ нашимъ будетъ управлять нами палачъ. Но Богъ, сотворившій все, безъ кровопролитія покорить всякаго врага и противника и соплеменнаго и иноплеменнаго. Царь объявилъ народнымъ партіямъ: да не смущаетъ васъ неурстройство и безпорядокъ глупыхъ воиновъ. Венеты говорили: Богъ повелѣвшій царствовать тебѣ; покорить тебѣ всякаго возстающаго противъ твоего царствованія; и если Римлянинъ есть этотъ неблагодарный, то безъ кровопролитія Богъ покорить его подъ власть твою. Царь вооружилъ ихъ, и успокоивши ласковыми словами, приказалъ имъ съ начальниками своими охранять градскія стѣны. Въ это время, когда царскій сынъ съ тестемъ своимъ Германомъ занимались псовой охотою въ Каликратіи, Римляне прислали просьбы къ Θεодосію, чтобъ онъ надъ ними царствовалъ, или провозгласить царемъ Германа: а подъ властію Маврикія они жить не хотятъ. Маврикій, узнавши о семъ, призвалъ къ себѣ сына; Коментіюлу поручилъ охраненіе стѣнъ, а Германа и Θεодосія сына обвинялъ какъ виновниковъ несчастія. На оправданія Германа Маврикій сказалъ: Германъ, я имѣю двѣ причины подозрѣвать тебя, просьбы къ тебѣ отъ народа, и что народъ пощадилъ табунъ лошадей твоихъ въ предметяхъ города: всѣ прочіе увели, а твоихъ не тронули. Германъ: пощади отъ многословія, лучше умереть отъ меча. Германъ прибѣгнулъ въ храмъ Богоматери у Кира. Царь тотчасъ послалъ Евнуха Стефана взять Германа изъ церкви; какъ ни старался Стефанъ насильно вывести его, но оруженосцы Германа противоставши вытолкали вонъ Стефана, и съ Германомъ прибѣгли въ великую церковь, между тѣмъ царь высккъ розгами сына своего Θεодосія, думая, что Германъ бѣжалъ по совѣту его, и послалъ тѣлохранителей взять Германа изъ великой церкви. Германъ уже хотѣлъ вытти и отдаться, но толпы народа не согласились на то, но великими ругательствами поносили царя: шкуру долой, кто любитъ тебя Маврикій, Маркіонястъ. Въ слѣдствіе сего охранявшіе стѣны оставили охраненіе, и Празины сожгли часть дома Константинова, именуемую Лардомъ. Маврикій въ глубо-

кую полночь, сбросилъ съ себя царскую одежду, одѣлся въ простую, сѣлъ на легкій корабль и бѣжалъ съ женою, съ дѣтьми, и съ Константиномъ. Чернь во всю ночь постыднѣйшими ругательствами ругалась надъ царемъ и смѣялась надъ патріархомъ Кириакомъ. Къ тому же возникла сильная буря на морѣ, и самодержецъ съ великою опасностію спасся. Въ ту же ночь мучили царя болѣзни въ членосоставахъ, называемыя хирагрою и подагрою. Послѣ этого послалъ онъ сына своего Феодосія съ Константиномъ къ Хозрою, царю Персидскому, напомнить ему о томъ, что сдѣлалъ для него Маврикій, чтобъ въ свою очередь Хозрой оказалъ благодѣяніе сыну его. Между тѣмъ Германъ заслалъ къ Сергію начальнику Празиновъ съ предложеніемъ чтобы они содѣйствовали ему въ восшествіи на престолъ, обѣщаясь уважать партію Празиновъ, а его самого возвести въ великія достоинства. Сергій открылъ это знаменитѣйшимъ изъ своей партіи; но они не приняли этого и отвѣчали: Германъ никогда не отстанетъ отъ приверженности своей къ Венетамъ. Празины, вышедши въ Регію, превозносили великими похвалами тиранна Фоку и убѣдили его прибыть въ Евдомонъ. И такъ Фока послалъ секретаря Феодосія, который вошедши въ великую церковь читалъ къ народу, чтобъ Патріархъ, и народныя партіи и сенатъ собрались въ Евдомонъ. Когда всѣ собрались въ Евдомонъ, то Патріархъ Кириакъ потребовалъ отъ тиранна исповѣданія православной вѣры и въ безмятежии соблюдать церковь. Тираннъ предложилъ притворно Германа избрать въ цари. Германъ съ тѣмъ же притворствомъ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ этого; народы прославляли тиранна и язва провозглашана, тираннъ сдѣлался обладателемъ скиптровъ, бѣдствіе восторжествовало надъ благополучіемъ и великія бѣдствія Римлянъ пустили глубокіе корни. Провозглашеніе тиранна происходило въ церкви святаго Іоанна Крестителя. Пробывши здѣсь два дня на третій день имѣлъ онъ вѣздъ въ царскій дворецъ на царской колесницѣ. Въ пятый день вѣнчалъ жеву свою парицею, партіи въ этотъ день возстали одна противъ другой о первенствѣ мѣста. Тираннъ послалъ сокромольника своего Александра успокоить партіи, который поднялъ руку на Козму начальника Венетовъ, оттолкнувъ его и ругалъ. Венеты съ негодованіемъ кричали: убирайся, узнай обстоятельства, Маврикій еще не умеръ. Тираннъ, услышавъ эти голоса, устремился къ убіенію Маврикія, послалъ вояновъ и привели царскую фамилію въ Халкидонъ, въ пристань Европія, сперва при глазахъ родителя убили пятерыхъ сыновъ его, чтобы растерзать сердце его убіеніемъ дѣтей. Но Маврикій, съ философскимъ равнодушіемъ взирая на несчастія, призывалъ Бога всяческихъ, и

часто возглашалъ: праведенъ еси, Господи, и праведны судьбы твои! И такъ смерть дѣтей была надгробною похвалою для отца, который оказалъ мужество въ величайшемъ несчастіи. Нянюшка украдала, было, одного изъ сыновъ его, и на мѣсто его представила собственнаго своего ребенка, но Маврикіи не принялъ его, но взыскался своего. Говорятъ нѣкоторые, что, когда убили его, то истекло млеко съ кровію, и всѣ при этомъ зрѣлищѣ горько заплакали. Такимъ образомъ царь, одинъ ставши выше природы, окончилъ жизнь свою. Съ этого времени не прекращались различныя и чрезвычайныя несчастія въ Римскомъ царствѣ. Хозрой царь Персидскій нарушилъ миръ, Авары опустошили Фракію, два войска Римскихъ истреблены, и когда Ираклій, вступивши на престолъ, сдѣлалъ точный счетъ войску, то изъ всего множества воиновъ, которые находились при Маврикіи послѣ Фоки нашель не болѣе двухъ человекъ. Такъ-то избравшіе тиранна сами отъ него погибли.

л. м. 6095. р. х. 595.

При Фокѣ Рим. цар. въ 1-мъ году.

Въ семь году въ Ноябрь мѣсяцъ, индикціона 6, вступивъ на престолъ Фока, какъ сказано, убилъ Маврикія съ пятью сыновьями, головы ихъ приказалъ онъ выставить на нѣсколько дней на плащадѣ Трибунальской. Жители города приходили смотрѣть, пока они сгнили. Петръ, братъ царя, и многіе другіе убиты, объ Θεодосіѣ, сынѣ Маврикія, прошла молва, что онъ убѣжалъ. Эту молву поддерживалъ Хозрой всяческимъ образомъ: говорилъ, что онъ содержитъ его и сохраняетъ пока возвратитъ онъ себѣ престолъ Римскій. Коварствомъ такимъ надѣялся онъ овладѣть Римскимъ царствомъ; но наконецъ со всѣхъ сторонъ обличился, особенно тѣмъ, что вдругъ вторгнулся въ предѣлы Римскіе, и производилъ тамъ опустошенія. Фока отправилъ къ нему посла Вилія, котораго онъ удержалъ и посадилъ подъ стражу, чтобъ онъ никогда не возвращался къ Римлянамъ. На посланія Фоки отвѣчалъ безъ уваженія. Царицу Константину съ тремя дочерми тираннъ содержалъ въ частномъ домѣ, называемомъ Леоновымъ.

Въ городѣ Александріи одинъ благочестивый краснописецъ возвращался отъ всеобщей домой уже въ полночь и видѣлъ статуи влекомыя съ жертвенниковъ, которыя громкимъ голосомъ говорили: Маврикіи и дѣти его убиты и прочее, что произошло въ Константинополѣ. Рано по утру, пришедши къ Августалию онъ рассказалъ это, который приказалъ ему ни кому объ этомъ не объявлять, но записавши день, ожидалъ развязки; въ девятый день прибылъ вѣстникъ

съ извѣстіемъ, что Маврикіи убитъ. Тогда Августалій открылъ народу предсказаніе демоновъ.

Нарсесъ, бывшій римскимъ военачальникомъ, возсталъ противъ тиранна и овладѣлъ Едессою. Фока предписалъ Герману военачальнику осадить Едессу, между тѣмъ Нарсесъ писалъ къ Хозрою персидскому царю, чтобъ онъ, собравши свои силы, напалъ на Римлянъ, Фока сдѣлалъ брата своего Доменціола магистромъ, а Приска графомъ надъ тѣлохранителями.

л. м. 6096. р. х. 596.

Въ семь году, въ декабрѣ мѣсяцѣ 7 числа, индикціона 7, Фока давалъ консульскіе великіе праздники. Между тѣмъ Хозрой, собравши персидскія силы великія, послалъ ихъ противъ Римлянъ. Германъ при семъ извѣстии утрашился, и только по необходимости началъ войну; въ сраженіи онъ былъ раненъ, щитоносцы несли его до Константины и Римляне были побѣждены. Въ одиннадцатый день Германъ умеръ. Фока перевелъ войска изъ Европы въ Азію, прибавилъ дань Хагану и такимъ образомъ надѣялся удержать въ мирѣ народъ варваровъ. Войска свои онъ раздѣлилъ и одну часть послалъ къ осадѣ Едессы противъ Нарсеса подъ предводительствомъ Монтія евнуха и вельможи своего. Хозрой съ силами своими пришелъ въ Дарасъ Нарсесъ, оставя Едессу, бѣжалъ въ Іерополисъ. Хозрой же встрѣтилъ Римлянъ въ Арksamунѣ; окруживъ себя слонами началъ онъ сраженіе, одержалъ великую побѣду, взялъ въ плѣнъ многихъ Римлянъ и убилъ ихъ. Послѣ такихъ успѣховъ возвратился онъ въ свою землю, отдавши свое войско въ управленіе Зонгою. Фока при семъ извѣстии разсвирѣпѣлъ на Леонтія, и въ желѣзныхъ оковахъ постыдно привелъ его въ Византію, а военачальникамъ послалъ брата своего Доменціола, оставя его въ должности начальника пажей.

л. м. 6097. р. х. 597.

Въ семь году Хозрой послалъ Кардарига и Рузміоза на войну, и взялъ многіе римскіе города. Доменціолъ далъ слово Нарсесу съ великими клятвами, что онъ не потерпитъ никакой обиды со стороны Фоки, и такимъ образомъ отправилъ его къ Фокѣ; а Фока, не сдержавши даннаго слова, ожегъ его на огнѣ. Римляне чувствовали отъ сего крайнее огорченіе, потому что Нарсесъ былъ ужасомъ для Персовъ, и дѣти ихъ трепетали при имени Нарсеса.

л. м. 6098. р. х. 598. при оомѣ еп. К.п. въ 1-мъ году.

Въ семь году схоластикъ Евнухъ, мужъ знаменитый въ полночь вывелъ изъ дворца Константину, царицу съ тремя дочерьми въ великую церковь, по совѣту Германа, Патриція, который домогался престола; въ столицѣ произошло великое смятеніе: Празины, собравшись у крыльца Кохлія ругали Константину. Германъ послалъ начальнику празиновъ талантъ золота, чтобы они содѣйствовали ему. Но головы не согласились. Между тѣмъ тираннъ послалъ въ церковь вывести оттолѣ женщинъ. Патріархъ Кириакъ воспротивился тиранну и не допустилъ, чтобы насильно взяли изъ храма жинщинъ. Потомъ повѣривши клятвамъ Фоки, что не причинить имъ никакой обиды, вывели ихъ изъ святаго храма и заключилъ въ монастырѣ. Германа Фока остригъ, сдѣлалъ іереемъ, но содержалъ подъ стражею въ собственномъ домѣ. Равнымъ образомъ и Филиппикъ, отпустивши волосы, вступилъ въ духовное званіе, и жилъ въ монастырѣ въ Хризополисѣ, который самъ построилъ. Персы въ этомъ году взяли Дорасъ и всю Месопотамію и Сирію, взяли много плѣнныхъ, которымъ не было числа. По смерти патріарха Кириака на мѣсто его рукоположенъ Оома, бывший діакономъ и сакеларіемъ той же церкви въ октябрѣ мѣсяцѣ 11 числа.

л. м. 6099. р. х. 599. при оеодорѣ еп. алекс. въ 1-мъ году.

Въ семь году Фока, тираннъ, выдалъ дочь свою Доменцію за Приска патриція и графа тѣлохранителей, и послѣ брака приказалъ дать конскія игры при дворцѣ Марины. Начальники двухъ партій между статуями царскими на четырехъ колоннахъ выставили увѣчанныя лаврами статуи Приска и Доменціи. Царь прогнѣвался за то, и призвавши ихъ именно Теофана и Памфила, обнажилъ, наклонилъ къ землѣ по самой ротъ, и приказалъ отрубить имъ головы. Но прежде сей казни спрашивалъ у нихъ чрезъ прокуратора съ чьего позволенія они это сдѣлали? тѣ отвѣчали, что шашашные игроки обыкновенно такъ дѣлаютъ. Между тѣмъ народъ и чернь кричали: многія лѣта челоуѣколюбивому владыкѣ. У игроковъ спросили: для чего они это сдѣлали? они отвѣчали: поелику Прискъ и Доменція называются царскими дѣтьми, то мы и сдѣлали это сами собою. Прискъ объятый страхомъ, испугался царскаго гнѣва. Поелику народъ требовалъ по-

милованія имъ, то царь Фока простилъ ихъ. Но Прискъ, питая къ нему ненависть, уже не искренно обращался съ нимъ. Въ это время одна женщина, по имени Петронія, занимавшая должность служанки при царицѣ Константинѣ, переносила отвѣты отъ нея къ Герману и отъ Германа къ ней. При распространившейся молвѣ, что Теодосій живъ, Константина и Германъ полагали на немъ свои надежды, о чемъ Петронія донесла царю. Этотъ тираннъ отдалъ Константину для пытки градоначальнику Теоцементу. Пытаемая имъ она призналась, что Патрицій Романъ знаетъ всѣ ихъ разговоры. Его взяли подъ стражу, и онъ оговорилъ еще многихъ соучастниковъ въ злоумышленіи противъ тиранна. Задержали и Теодора начальника востока и тираннъ засѣкъ его воловьими жилами. У Елпидея приказалъ онъ отсѣчь руки и ноги и потомъ сжечь на огнѣ, Романа обезглавилъ, Константину съ тремя дочерми убилъ мечемъ при платинѣ Европія, тамъ же гдѣ убитъ былъ Маврикій. Германа и дочь его убилъ остриемъ меча на островѣ Протъ. Съ равною жестокостію убилъ Патрикія Тинъжа и Теодосія въ чинѣ совѣтника, Андрея Скомова и Давида бумагохранителя Ормизды.

Въ томъ же году Персы перешли за Евфратъ, разграбили и въ плѣнъ отвели всю Сирію, Палестину и Финикию, и великое опустошеніе произвели въ предѣлахъ Римскихъ.

л. м. 6100. р. х. 600.

Въ семь году Прискъ, не стерпя несправедливыхъ убійствъ и поступковъ Фоки, писалъ къ Патрицію Ираклію, военачальнику Африки, чтобъ онъ прислалъ сына своего Ираклія и Никиту, сына Патриція Григора, подначальнаго его, противъ тиранна Фоки. Онъ слышалъ о возмущеніи противъ него въ Африкѣ, почему не приходили въ Константинополь и корабли изъ Африки. Уже Фока истребилъ все родство Маврикія, въ томъ числѣ и Коментіола, военачальника еракійскаго и многихъ другихъ безъ всякаго милосердія; въ это же время произошла великая смертность и скудость всякаго рода. Персы выступили подъ предводительствомъ Карларига, заняли Арменію и Кападокію, и отовсюду обращали въ бѣгство римскія войска, заняли также Галатію и Пафлагонію и дошли до Хаалкидона и не щадяли никакого возраста. Такимъ образомъ Персы свирѣпствовали извнѣ, а Фока еще хуже свирѣпствовалъ внутри отечества и убійствами и заточеніемъ.

. л. м. 6101. р. х. 601 при сергѣѣ еписк. К.п. захаріѣ іерусал. іоаннѣ
александр. въ 1-мъ году.

Въ семь году безпокойные Евреи антиохійскіе производили воз-
станіе на христіанъ, убили Анастасія великаго, патріарха Алексан-
дрійскаго, вложили въ уста дѣтородныя части и влачивши его среди
города, убили вмѣстѣ съ нимъ многихъ владѣтелей и сожгли ихъ съ до-
мами. Фока назначилъ Воноса графомъ востока и военачальника Кот-
тона и послалъ ихъ противъ Іудеевъ. Они съ войсками напали на
нихъ, многихъ убили, другимъ отрѣзали крайніе члены и выгнали изъ
города. Фока далъ конскія игры, и Празины ругали его такъ: «опять
ты выпилъ своею чашу и смыслъ потерялъ». Фока далъ приказъ гра-
доначальнику, многихъ изуродовалъ и отсѣченные члены приказалъ
повѣсить на столбы ипподрома; другимъ отрубилъ головы; иныхъ по-
садивши въ мѣшки, бросилъ въ море и утопилъ. Празины между
тѣмъ бросили огонь на преторію, сожгли тайную, архивы и темницы
и заключенные въ нихъ разбѣжались. Разгнѣванный Фока приказалъ
исключить празиновъ изъ числа гражданъ. Ираклій же по неотступ-
ной просьбѣ сената, вооружилъ сына своего Ираклія и послалъ про-
тивъ тиранна Фоки. Равнымъ образомъ и подначальный его Григоръ
послалъ своего Никиту съ взаимнымъ условіемъ, чтобы тотъ царство-
валъ, кто прежде придетъ и побѣдитъ тиранна.

Въ томъ же году случилась жестокая зима, море покрылось
льдомъ, и много рыбы выброшено было на ледъ. Тогда же Фока при-
казалъ на площади поразить стрѣлами Макровія Скрибона, повѣсивъ
его на крѣпости Θεодосіанъ въ Евдомонѣ, на копья, гдѣ юноши упраж-
няются въ стрѣляннѣ; такъ онъ умеръ, какъ соучастникъ въ зло-
умышленіи противъ него. Ибо Θεодоръ начальникъ Каппадокіи, Елпи-
дій, занимавшій при тронѣ первое мѣсто и многіе другіе согласились
убить Фоку на ипподромѣ. Θεодоръ, начальникъ преторій, давалъ
обѣдъ, и за обѣдомъ началъ открывать свое намѣреніе. Случилось
тутъ же быть Анастасію графу для разданія милостей. По окончаніи
стола, когда излагали весь ходъ злоумышленія, Анастасій раскаялся,
что принялъ въ немъ участіе, и не открывъ тайны сердца своего,
молчалъ. Но Елпидій продолжалъ далѣе: хотите ли я поражу его, когда
онъ будетъ сидѣть на тронѣ своемъ при ипподромѣ, выколю ему
глаза и убью? и притомъ обѣщавъ доставить имъ оружіе. Когда Ана-
стасій донесъ объ этомъ Фокѣ, то сей приказалъ пытать со всею
строгостію градоначальника Елпидія и прочихъ главныхъ мужей, знав-

шихъ о злоумышленіи; при попыткѣ открылось все злоумышленіе, и то что они хотѣли сдѣлать Феодора царемъ. Фока приказалъ отрубить головы Феодору, Елпидію, Анастасію - и всѣмъ знавшимъ объ этомъ злоумышленіи.

л. м. 6102. р. х. 602. ПРИ ИРАКЛІИ РИМСК. ЦАРЬ 1-МЪ ГОДУ.

Въ семь году октября 4-го, индиктіона 14, прибылъ Ираклій изъ Африки на корабляхъ съ башнями, а на мачтахъ съ кивотами и съ образомъ Богоматери, какъ говоритъ Георгій Писидскій, и съ многочисленнымъ войскомъ изъ Африки и Мавританіи. Въ то же время прибылъ и Никита изъ Александріи и Пентаполиса съ великимъ пѣхотнымъ войскомъ. Ираклій уже былъ сговоренъ съ Евдокеєю, дочерью Рога, Африканца, которая также прибыла въ Константинополь съ Елифанією, матерью Ираклія; Фока посадилъ ихъ подъ караулъ во владычнемъ монастырѣ, называемомъ монастыремъ Новаго Раскаянія. Ираклій, прибывши въ Абидосъ, нашелъ здѣсь Феодора графа абидосскаго и распросивши, узналъ отъ него о всѣхъ безпокойствахъ въ Константинополѣ. Фока послалъ брата своего Доменціола, магистра, охранять великія стѣны; но магистръ узнавши, что Ираклій уже въ Абидосъ оставя стѣны, бѣжалъ и возвратился въ Константинополь. Ираклій въ Абидосъ принялъ всѣхъ, которые были изгнаны Фокою, и съ ними пришелъ въ Ираклею. Стефанъ, Кизикскій митрополитъ, вынесши вѣнецъ изъ храма пресвятыя Богородицы Артакійскія, поднесъ его Ираклію. Въ Константинополь вступилъ онъ въ пристань Софіи. Началось сраженіе и онъ Божією милостію побѣдилъ тиранна Фоку, котораго схватили тотчасъ народныя партіи, убили и сожгли въ Воѣ. Ираклій, вступившій во дворецъ былъ вѣнчанъ патріархомъ Сергіемъ въ храмѣ святаго Стефана во дворцѣ. Въ тотъ же день вѣнчана въ царицы обрученная ему Евдокія, и оба получили отъ Сергія брачныя вѣнцы, и въ одинъ и тотъ же день онъ сдѣлался и самодержцемъ и супругомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Персы напали на Сирію, взяли Апамею, Едессу, дошли до Антіохіи. Римляне стали противъ нихъ, но были побѣждены; войско ихъ разбито, такъ что весьма не многіе убѣжали. іюля 8, индиктіона 7, родилась у царя Елифанія дочь Евдокія, а августа 15 окрещена во Влахернской церкви отъ патріарха Сергія.

л. м. 6103. р. х. 603.

Въ семь году Персы заняли Кесарію Каппадокійскую и многотысячъ плѣнили въ ней. Ираклій вступивши на престолъ нашелъ совершенный упадокъ въ римскомъ управленіи. Европу оу-

стошали варвары, Азію всю заняли Персы, города плѣнили, и римское войско на сраженіяхъ истребили. Смотри на это, онъ былъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать. Сосчитавши войско и разсмотрѣвши спасся ли кто въ тиранство Фоки изъ служившихъ при Маврикіѣ, во всѣхъ провинціяхъ онъ нашелъ только двоихъ.

Въ томъ же году мѣсяца мая 3 числа индиктіона 15 родился царю сынъ отъ Евдокіи Иракліи малый, онъ же молодой Константинъ. Въ августъ же 14 числа, того же 15 индиктіона скончалась царица Евдокія

л. м. 6104. р. х. 604.

Въ семь году октября 4 индиктіона увѣнчана была царицею Епифанія, дочь царя Ираклія отъ Сергія патріарха, въ храмъ святаго Стефана во дворцѣ. Декабря 25, того же 1-го индиктіона, отъ Сергія патріарха увѣнчанъ Ираклій, сынъ Ираклія, онъ же молодой Константинъ.

Въ томъ же году Сарацины напали на Сирію и причинивши великія опустошенія возвратились.

л. м. 6105, р. х. 605.

Въ семь году Персы взяли Дамаскъ и плѣнили много народу. Царь Иракліи отпратилъ пословъ къ Хозрою, чтобы не проливать безжалостно крови человѣческой, положить налоги и написать мирныя условія; но Хозрой отпустилъ пословъ безъ успѣха и даже не говорилъ съ ними ни слова, надѣясь совершенно поработить царство римское. Иракліи въ это время женился на Мартинѣ, и провозгласилъ ее царицею, она вѣнчана отъ Сергія патріарха во дворцѣ.

л. м. 6106. р. х. 606.

Въ семь году Персы войною взяли Иорданъ, Палестину и Святый Градъ, и многихъ убили въ немъ руками Жидовъ, какъ нѣкоторые говорятъ, до девяноста тысячъ. Жиды, покупая христіанъ, всякой по своему состоянію, убивали ихъ. Захарію же патріарха съ Честнымъ Животворящимъ Древоиъ и съ великимъ плѣненіемъ отвели въ Персію.

Въ томъ же году у царя родился сынъ отъ Мартини, Константинъ второй и крещенъ въ церкви Влахернской отъ патріарха Сергія.

л. м. 6107. р. х. 607.

Въ семь году Персы заняли весь Египеть, Александрію и Ливію до самой Еѳіопіи и съ великимъ плѣномъ, съ великою добычею и деньгами возвратились. Халкидона они не могли взять, но оставя войско для осады, отступили.

л. м. 6108. р. х. 608.

Въ семь году Персы воевали Халкидонъ и взяли его войною. Въ томъ же году января 1-го, индиктіона 5, былъ консуломъ Константинъ юный, онъ же Ираклій, сынъ Ираклія; и наименовалъ кесаремъ Константина малаго, брата своего, родившагося отъ Мартыны и Ираклія.

л. м. 6109. р. х. 609.

Въ семь году Ираклій опять посылалъ пословъ къ Хозрою персидскому съ прошеніемъ о мирѣ. Но Хозрой опять отослалъ ихъ съ отвѣтомъ: не будетъ вамъ пощады отъ меня, пока вы не отрѣчетесь отъ распятаго, котораго называете Богомъ и не поклонитесь солнцу.

л. м. 6110. р. х. 610.

Въ семь году Авары вторглись войною во Фракію и Ираклій посылалъ къ нимъ просить мира. Хаганъ согласился. Царь вышелъ къ нему на встрѣчу за великую стѣну со всею царскою свитою со многими и великими дарами, взявши съ него честное слово, для заключенія между собою мирныхъ условій. Но этотъ варваръ, нарушивъ и условія и клятву, вдругъ съ яростію устремился на царя, который устрашившись столь неожиданнаго нападенія бѣгомъ возвратился въ городъ. Варваръ овладѣвши царскими сокровищами и изъ свиты, кого могъ захватить, возвратился назадъ и многія мѣста опустошилъ, сверхъ чаянія обманувши всѣхъ надеждою на миръ.

л. м. 6111. р. х. 611. при георгіѣ еписк. александр. въ 1-мъ году.

Въ семь году Ираклій чрезъ пословъ своихъ къ варвару Хагану жаловался на оказанныя имъ злодѣйства и уговаривалъ его къ миру. Намѣреваясь воевать съ Персами онъ хотѣлъ примириться съ Хаганомъ, который уважилъ мирныя расположенія Ираклія, изъявилъ свое раскаяніе, и обѣщался заключить миръ. Послы, утвердивши мирныя условія, спокойно возвратились.

л. м. 6112. р. х. 612.

Въ семь году Хозрой кровожадностію и налогами ожесточилъ его свое у всѣхъ народовъ. Гордясь своими побѣдами онъ не могъ уже положить границъ своей жестокости. Въ сихъ обстоятельствахъ Ираклій съ горячею ревностію къ Богу, замирившись съ Аварами, думалъ перевести войско изъ Европы въ Азію и съ помощію Божіею итти противъ Персіи.

л. м. 6113. р. х. 613.

Въ семь году апрѣля 4 индиктіона 10, царь Ираклій, совершивъ праздникъ Пасхи, на второй день подъ вечеръ немедленно отправился въ походъ противъ Персіи. По недостатку въ деньгахъ онъ занялъ ихъ изъ богатыхъ домовъ, взялъ также изъ великой церкви паникадила и другія церковныя сосуды, перелилъ въ крупныя и мелкія деньги, и предоставилъ управленіе города сыну своему и Сергію, патріарху константинопольскому, и Патрицію Вонозу, мужу разумному, во всѣхъ дѣлахъ свѣдущему и испытанному. Писалъ также къ Хaganу аварскому съ просьбою помогать римскому государству, съ предложеніемъ дружбы своего и назвалъ его опекуномъ своего сына. Отправляясь изъ царствующаго града, онъ прибылъ въ такъ-называемыя Пилы, чтобы отселѣ продолжать свой походъ на корабляхъ. Въ провинціяхъ набралъ войско, и къ нему присоединилъ новобранцевъ. Началъ упражнять ихъ и приучать къ военнымъ дѣйствіямъ; раздѣливши войско на двѣ стороны, приказалъ имъ дѣлать ряды и безкровныя нападеныя другъ на друга, приучалъ ихъ къ военному крику, къ шуму и возбужденію, чтобы на войнѣ они не пугались, но смѣло какъ бы на игрище шли противъ непріятеля. Самъ царь съ Нерукотвореннымъ образомъ въ рукахъ, который оставленъ для насъ Самимъ всеобщающимъ и творящимъ Словомъ безъ писанія, такъ же какъ безъ сѣмени родившимся, и полагаясь на сей богописанный отпечатокъ, онъ шелъ на сраженіе, давши клятву воинамъ вмѣстѣ съ ними сражаться на смерть и раздѣлять съ ними всѣ опасности, какъ съ собственными дѣтьми. Онъ желалъ управлять ими не страхомъ, но любовію. Но нашедши въ воинахъ беспечность, робость, безпорядокъ, неустройство, какъ въ собранныхъ изъ разныхъ земель, онъ привелъ въ одно стройное тѣло; и всѣ согласно и единодушно воспѣвали силу и мужество царя; и онъ ободрялъ ихъ слѣдующими словами: «Вы видите, братья и дѣти, какъ враги Божіи попрали нашу страну, опустошили города, пожгли храмы, обагрили убійственною

кровию трапезы безкровныхъ жертвъ, и церкви неприступныя для страстей осквернили преступными удовольствіями. «Потомъ вооруживши войско для военныхъ упражненій, поставилъ въ двѣ колонны, и явились трубы, фаланги изъ щитовъ, и въ латахъ воины, ряды мужественно стояли, и царь велѣлъ имъ сдѣлать видъ сраженія: пошли сильныя снѣмы и взаимныя столкновенія, будто на дѣйствительной войнѣ, представилось страшное зрѣлище безъ убійства и опасности, взаимныя угрозы убійственныя безъ кровопролитія, и обороты безъ необходимости, чтобы всякому занять безопасное мѣсто съ доказательствами своего мужества, среди безбѣднаго побоища. Вооруживъ такимъ образомъ войско, онъ приказалъ воздерживаться отъ несправедливости и поступать благочестиво. Когда они пришли къ границамъ Арменіи, толпа непріятельскихъ наѣздниковъ хотѣла тайно напасть на царя; но воины царскіе встрѣтили ихъ, привели къ Ираклію ихъ предводителя связаннаго, а войско его преслѣдовали и многихъ побили. При наступленіи зимы царь обходилъ понтійскія страны, и варвары подумали, что онъ здѣсь останется на зимнихъ квартирахъ; но тайно отъ Персовъ онъ обратился назадъ и вторгнулся въ Персію. Варвары пришли въ робость отъ сего неожиданнаго вторженія. Сарворось, военачальникъ персидскій, съ силами своими перешелъ въ Киликію, чтобы отвратить Ираклія отъ Персіи; но боясь, чтобъ царь не вторгнулся въ Персію чрезъ Арменію съ опустошительнымъ оружіемъ, онъ растерялся въ мысляхъ, что ему дѣлать; однакожь принужденъ былъ слѣдовать за Римскимъ войскомъ, думая напасть на него скрытно и захватить ихъ въ мрачную ночь; но ночь была полнолунная; онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и проклиналъ прежде почтенную свою луну. Къ сему случилось лунное затмѣніе. По этому убоялся Сарворось сойтись съ Иракліемъ и ушелъ въ горы какъ серна, чтобы съ высоты смотрѣть на искусство и мудрое предводительство Римлянъ. Царь видя робость его остановился, полагаясь на выгоды своего мѣстоположенія, и съ полнымъ спокойствіемъ зывалъ его на бой. Персы часто скрытными троинками сходили съ горъ, дѣлали частныя сшибки, но Римляне всегда одерживали преимущество; войско ихъ между тѣмъ приобрѣтало болѣе смѣлости, видя царя своего вездѣ впереди, и мужественно воюющаго. Одинъ Персъ незадолго предъ симъ перебѣжалъ къ Римлянамъ; а прежде того онъ ушелъ къ Персамъ, не сомнѣваясь, что они разобьютъ Римлянъ. Но увидѣвши робость ихъ, чрезъ десять дней возвратился къ царю и съ точностію описалъ ему упадокъ въ духѣ варваровъ. Сарворось, не стерпя пребыванія своего на горахъ, принужденъ былъ принять сра-

женіе, и раздѣливши войско свое на три части, сошелъ внизъ, чтобы рано на разсвѣтѣ до восхода солнечнаго вступить въ сраженіе. Царь извѣстясь о томъ и поставивъ войско свое на три фаланги, вывелъ противъ непріятеля. При восхожденіи солнца, царь занимая мѣсто свое на восточной сторонѣ къ врагамъ, и блескомъ солнца ослѣпило Персовъ, которые поклонились ему, какъ своему Богу. Царь далъ видъ своему войску, будто оно обратилось въ бѣгство, и враги, оставя ряды фалангъ, бросились стремительно преслѣдовать ихъ. Римляне вернувшись мужественно приняли ихъ, обратили въ бѣгство и многихъ истребили, прогнавши ихъ до горы, низвергали ихъ въ пропасти, загоняли въ непроходимыя мѣста и такимъ образомъ докончили поражение; которые пали въ пропасти, тѣ бродили тамъ какъ дикія козы; многихъ и живыми отвели они въ плѣнъ; овладѣли всею лагеремъ и всеми военными запасами. Римляне воздвигши руки свои къ небесамъ, благодарили Бога и единогласно съ царемъ, доблестнымъ предводителемъ, молились. И тѣ самые, которые прежде не смѣли смотрѣть на пыль отъ ногъ Персовъ, тѣ самые теперь ограбляли ихъ шатры, оставленные нетронутыми, какъ они были. Кто думалъ, чтобъ Персы, народъ непреодолимый, обратилъ тылъ свой Римлянамъ. Между тѣмъ, оставя войско съ военачальникомъ на зимнихъ квартирахъ въ Арменіи, самъ царь возвратился въ Византію.

Въ томъ же году явился Мамедъ Амирасъ, правившій девять лѣтъ, въ тринадцатое лѣто царствованія Ираклія.

л. м. 6114. р. х. 614.

Въ семь году марта 15, индиктіона 11, Царь Ираклій оставя столицу съ поспѣшностію прибылъ въ Арменію. Хозрой, царь персидскій послалъ Сарваназу съ войскомъ сдѣлать вторженіе въ землю римскую. Ираклій между тѣмъ писалъ къ Хозрою предлагая, или согласиться на миръ, или онъ самъ съ войскомъ своимъ вторгнется въ Персію. Но Хозрой не согласился на миръ и не уважилъ слова, чтобы Ираклій осмѣлился приблизиться къ Персіи; но царь апрѣля 20 вторгнулся въ Персію, послѣ чего Хозрой приказалъ Сарваразану возвратиться: и собравши изъ всей Персіи свои войска, поручилъ ихъ Сайну съ приказомъ наискорѣе соединиться съ Сарваразаномъ, и потомъ идти противъ царя Ираклій же, призвавши къ себѣ все войско, возбуждалъ его увѣщательными словами: «мужи, братіе мои, возмемъ себѣ въ разумъ страхъ Божій, и будемъ подвизаться на отщениіе за поруганіе Бога. Станемъ мужественно противъ враговъ, причинившихъ много зла христіанамъ; уважимъ величіе Римлянъ, чуждое порабощенія, и станемъ противъ

враговъ нечестиво вооружившихся; примемъ вѣру, убивающую убійства; представимъ себѣ, что мы теперь въ землѣ персидской и бѣгство нанесетъ намъ великія бѣдствія; отмстивъ за растлѣніе дѣвъ, за поруганіе надъ воинами, которыхъ мы видѣли съ отрѣзанными членами и поболимъ объ нихъ сердечно. Опасность наша не безъ награды, но ведетъ насъ къ вѣчной славѣ. Станемъ мужественно и Господь Богъ споборетъ намъ и погубить нашихъ враговъ. «Когда царь говорилъ такія и подобныя назиданія къ войску, то одинъ отвѣчалъ ему за всѣхъ»: ты расширилъ наши сердца, государь, расширивши уста свои на назиданіе. Слова твои изострили наши мечи и сдѣлали ихъ вдохновенными; мы окрилены твоими словами. Мы устыдимся, видя тебя впереди сражающихся твоихъ воиновъ, и слѣдуемъ по всѣмъ твоимъ повелѣніямъ. «Потомъ царь съ войскомъ своимъ немедленно шелъ во внутреннія страны Персіи, и предавалъ ихъ огню равно какъ и села ихъ. При семъ случилось одно страшное чудо: среди пламеннаго лѣта воздухъ сталъ росоносенъ и прохлаждалъ Римское войско, и всѣ возымѣли добрую надежду. Ираклій, услышавъ, что Хозрой находится въ Газакѣ и при немъ сорокъ тысячъ отборнаго войска, устремился на него, послалъ впередъ нѣсколько сарацинъ, которые служили у него; эти сарацины встрѣтили стражу, изъ которой нѣкоторыхъ убили, а другихъ и съ предводителемъ ихъ связанныхъ привели къ царю. Хозрой послѣ того немедленно оставилъ городъ и войско и убѣжалъ. Ираклій, преслѣдуя его, многихъ настигъ и убилъ, а прочіе бѣгущіе разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Царь захвативши Газакъ, городъ на востокъ, въ которомъ находился храмъ огня, и сокровища Креза, царя Лидійскаго взялъ все это и пошелъ на Дастагердъ. Вышедши изъ Газакъ занялъ Фивармосъ; здѣсь истребилъ онъ огнемъ храмъ огня, и сожегши весь городъ, преслѣдовалъ Хозроя въ тѣснинахъ лидійскихъ. Въ сихъ - то трудныхъ для перехода странахъ Хозрой перемѣнялъ одно мѣсто на другое. Въ семъ преслѣдованіи Ираклій бралъ многія города и мѣстечки. При наступленіи зимы онъ совѣтовался о зимнихъ квартирахъ для войска своего; одни указывали на Албанію, другіе совѣтовали преслѣдовать Хозроя. Царь приказалъ воинамъ очиститься святынею въ продолженіи трехъ дней, и потомъ раскрывши святаго Евангелія, нашелъ указаніе зимовать ему въ Албаніи, и тотчасъ направилъ путь свой въ Албанію. Въ семъ походѣ онъ велъ съ собою великое число плѣнныхъ Персовъ, и встрѣчалъ частыя нападенія отъ персидскихъ войскъ, но съ помощію Божіею надъ всѣми одерживалъ побѣду. Зима уже дѣлалась жестокою; холодъ становился несносный;

но онъ прибывши въ Албанію съ пятьюдесять тысячею плѣнныхъ, по сострада тельному сердцу пожалѣлъ объ нихъ, освободилъ отъ оковъ и приложилъ попеченіе объ успокоеніи ихъ: всѣ со слезами молились за него, чтобъ быть ему освободителемъ Персіи, и истребить общаго губителя Хозроя.

л. м. 6115. р. х. 615.

Въ семь году Хозрой царь персидскій послалъ полководцемъ Саравлана, мужа надменнаго великою гордостію, и поручивши ему войско такъ-называемыхъ хозроигеновъ и перодитовъ велѣлъ идти въ Албанію противъ Ираклія. Вошедши въ границы Албаніи, они не осмѣлились предъ лицомъ царя стать и воевать, но только заняли тѣснины, ведущія въ Персію, надѣясь отсюда сдѣлать на него нечаянное нападеніе. Но Ираклій съ наступленіемъ весны вышелъ изъ Албаніи ровными долинами, изобильными въ продовольствіяхъ, и такъ проходилъ въ Персію, хотя по великому разстоянію путь его здѣсь былъ продолжительнѣе. Саравлагасъ шелъ лѣсинами, какъ путемъ кратчайшимъ, чтобы упредить его въ Персіи. Ираклій ободрялъ свое войско и говорилъ: «извѣстно намъ, братіе, что персидское войско, переходя страны непроходимыя, потеряло и обезсилило лошадей своихъ; мы же со всею поспѣшностію поидемъ противъ Хозроя, чтобы нечаяннымъ нападеніемъ смутить его». Но войско не соглашалось на это особенно союзные Лазы, Абазы и Ивиры, отъ чего подверглись великому бѣдствію, ибо Сарваразанъ, пользуясь этимъ случаемъ, послалъ все войско, собранное Хозроемъ, чрезъ Арменію противъ Ираклія. Саравлагасъ же слѣдовалъ за нимъ издали и не сражался, ожидая пока соединится съ Сарваразаномъ, и тогда уже вступить въ сраженіе. Римляне, узнавши о наступленіи Сарваразана пришли въ робость и упавши къ ногамъ царя, со слезами раскаялись въ зломъ своемъ ослушаніи, признаваясь, какъ худо рабу не слѣдовать волѣ своего господина. Они говорили: «руку, государь, пока еще не погибли мы несчастные; слушаемся тебя во всемъ, что прикажешь». Тогда царь поспѣшилъ сразиться съ Саравлагомъ, пока онъ не соединился съ Сарваразаномъ, и дѣлая на него набѣги и днемъ и ночью привелъ его въ робость: потомъ оставя позади того и другаго, съ поспѣшностію шелъ противъ Хозроя. Двое изъ Римлянъ перебѣжали къ Персамъ, и увѣрили ихъ, что Римляне бѣгутъ отъ робости. Дошла до нихъ и другая молва, что Саинъ, полководецъ персидскій, идетъ къ нимъ на помощь съ другимъ войскомъ. При семь извѣстіи Сар-

вазанъ и Саравлагасъ наперерывъ старались сразиться съ Иракліемъ, пока еще не подоспѣлъ Сайнъ и не присвоилъ себѣ славы побѣды. При томъ повѣривши переметчикамъ, пошли противъ Ираклія, и приближившись къ нему приготовлялись, чтобы на другой день сразиться. Но Ираклій пустившись въ путь съ самаго вечера, шелъ во всю ночь, и остановившись далеко отъ нихъ на злачной долинѣ, здѣсь и самъ приготовлялся. Варвары, думая, что онъ бѣжалъ отъ робости, безъ порядка пустились догонять его. Онъ вышедши на встрѣчу къ нимъ, началъ бой. Занявши лѣсистую возвышенность, и сгустивши около себя свое войско, съ Божіею помощію онъ прогналъ Персовъ и преслѣдуя ихъ по оврагамъ, великое множество истребилъ. Во время сихъ сраженій пришелъ и Сайнъ съ своимъ войскомъ и его Ираклій разбилъ, много войска его истребилъ, а прочіихъ разсыпалъ въ бѣгствѣ, и главное знамя ихъ взялъ. Сарваразанъ, соединившись съ Сайномъ собралъ спасшихся воиновъ, и опять думалъ идти противъ Ираклія; но царь пошелъ въ страну Гунновъ, въ страны ихъ непроходимыя, по дорогамъ шероховатымъ и труднымъ. Варвары шли вслѣдъ за ними. Тогда Лазы вмѣстѣ съ Абазгами, убоявшись, отступили отъ Римлянъ. Сайнъ, обрадовавшись тому, съ великимъ мужествомъ пошелъ на Ираклія. Царь, собравши войско ободрялъ его словами и такъ увѣщевалъ: «многочисленность да не смущаетъ васъ, братіе. Если Богъ похощеть, то одинъ прогонитъ тысячи. Итакъ пожертвуемъ Богу собою за спасеніе нашихъ братій; примемъ мученическіе вѣнцы, чтобы и потомство насъ похвалило и Богъ воздалъ бы намъ мзду». Такими и подобными словами ободрилъ онъ войско, и съ яснымъ челомъ началъ устроить войну; оба войска сошедшись на близкое пространство, дѣлали ошибки съ утра до вечера. При наступленіи вечера царь отступилъ, и варвары опять позади его слѣдовали; потомъ перемѣнивши дорогу, хотѣли обойти его, но зашли въ болотистыя мѣста, рассыпались и пришли въ великую опасность. Между тѣмъ царь продолжая путь пришелъ въ страны персидской Арменіи. И поелику эта страна находилась подъ властію Персовъ, то многіе сбѣжались къ Сарваразану и увеличили войско его. При наступленіи зимы этотъ народъ разсѣялся по своимъ домамъ, о чемъ узнавши Ираклій, умыслилъ сдѣлать въ ночь внезапное нападеніе; по причинѣ зимы варвары не имѣли никакого подозрѣнія, и царь выбравши крѣпкихъ лошадей и мужественнѣйшихъ изъ войска раздѣлялъ ихъ на двое, и однихъ послалъ впередъ противъ варвара, а самъ за ними съ прочими слѣдовалъ позади. Во время ночи съ поспѣшностію заняли они мѣстечко Сальваны въ 9-мъ часу. Находяв-

шіеся здѣсь Персы, узнавши о нападеніи, вспрянули и устремились противъ нихъ, но Римляне истребили ихъ всѣхъ кромѣ одного, который привнесъ извѣстіе варвару, который вставши сѣлъ на лошадь и нагой необутый искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Женъ его и весь персидскій цвѣтъ, правителей, сатраповъ, отборныхъ воиновъ, которые взошедши на крыши домовъ, дрались, истребилъ огнемъ. Итакъ однихъ онъ сжегъ, другихъ убилъ, иные были окованы ручными цѣпями и кромѣ Сарваразана, почти никто не спасся. Захватили тутъ оружіе Сарваразана, златой щитъ его, мечъ, копье, поясъ златой, унизанный драгоценными камнями и обузь его. Съ сей добычею пошелъ онъ противъ разсѣявшихся по тѣмъ странамъ, которые, узнавши о бѣгствѣ Сарваразана, разбѣжались куда могли; преслѣдуя ихъ, многихъ побилъ, другихъ взявъ въ плѣнъ, прочіе со стыдомъ обратились въ Персію. Царь съ радостію устроивъ здѣсь свой лагерь провелъ зиму.

л. м. 6116, р. х. 616.

Въ семь году марта 1-го царь Ираклій, собравши свое войско дѣлалъ совѣщаніе, какимъ путемъ идти имъ; два пути подлежали ему тѣсныя и трудныя: одинъ велъ въ Тарантъ, другой въ страну Сирійскую. Путь на Тарантъ былъ короче, но угрожалъ недостаткомъ во всякомъ продовольствіи; путь въ Сирію, идущій чрезъ Тавръ, представлялъ изобиліе и удобство къ продовольствію. Всѣ присудили избрать этотъ путь, хотя онъ былъ шероховатѣе и покрытъ глубокимъ, снѣгомъ. Съ великимъ трудомъ перейдя его, въ семь дней пришли къ рѣкѣ Тигру, чрезъ которую перешедши заняли Мартирополисъ и Амиду. Здѣсь получили отдыхъ и войско и плѣнные. Отсюда царь имѣлъ возможность писать въ Византію извѣстити обо всемъ продолженіи своихъ подвиговъ, и тѣмъ доставить великую радость городу. Между тѣмъ варваръ, собравши свои разсѣяныя войска, напалъ на него, и царь призвавши отличнѣйшихъ воиновъ, послалъ ихъ охранять всѣ тѣснины, къ нему ведущія; а которыя вели на востокъ, чрезъ тѣ самъ вышелъ къ варвару лицомъ къ лицу, и перешедши рѣку Нимфію сталъ у Ефрата, при мостѣ изъ веревокъ и канатовъ. Сарваросъ, пересѣкъ веревки моста съ одного берега, весь мостъ перетасилъ на другой берегъ. Царь не нашедши моста для перехода, обойдя нашель бродъ, и безъ опасности перешель чудеснымъ образомъ въ мартѣ мѣсяцѣ и занялъ Самосатъ; потомъ перешедши Тавръ, вступилъ въ Германикію, и чрезъ Адану пришелъ къ рѣкѣ Сару, далъ отдыхъ войску и скотамъ и между тѣмъ приготавлился. Сарва-

рость между тѣмъ перешелъ на другой берегъ безпрепятственно, вытянувши мостъ по прежнему, и слѣдовалъ съ тылу за царемъ, а царь, перешедши чрезъ рѣку Саръ, далъ отдыхъ войску и скотамъ, а между тѣмъ дѣлалъ приготовленія. Сарварось занялъ противоположный берегъ, и нашедши мостъ и крѣпости на немъ уже занятыми отъ Римлянъ, самъ приготовлялся. Многіе изъ Римлянъ перебѣгали чрезъ мостъ и безъ порядка нападали на Персовъ, и причиняли между ими жестокое кровопролитіе. Царь воспретилъ имъ нападать безъ порядка, дабы не дать возможности врагамъ вмѣстѣ вступить на мостъ и перейти его; войско не послушалось царя и Сарварось устроилъ засаду, притворился бѣгущимъ, увлекъ многихъ Римлянъ противъ воли царя гнаться за собою, и вдругъ вернувшись, обратилъ ихъ въ бѣгство, и убилъ кого только настигъ цредъ мостомъ, въ наказаніе за ихъ ослушаніе. Царь, замѣтивъ, что варвары въ преслѣдованіи нарушили порядокъ, и что они убили многихъ стоявшихъ на башняхъ, вышелъ противъ нихъ; на встрѣчу ему среди самаго мосту шелъ противъ него мужъ гигантскаго роста; царь ударилъ въ него, и сбросилъ въ быстрый потокъ рѣки. Когда упалъ великанъ, то варвары обратились въ бѣгство, и по узкости моста сами себя низвергали въ рѣку, а многіе были истреблены мечемъ; колонны ихъ съ береговъ стрѣляли и не позволяли Римлянамъ перейти мостъ, но царь съ немногими изъ дружины своей храбро перешелъ, противусталъ и сражался выше человѣка, такъ что Сарварось былъ пораженъ мужествомъ его, и сказалъ Козмѣ, переметчику Римскому стоявшему близъ него: «Козма видитъ Кесаря, какъ храбръ онъ въ войнѣ, и одинъ сражается противъ столь великаго множества, и какъ наковальня отражаетъ всѣ стрѣлы! Кесаря можно было замѣтить по сапогамъ его, и потому что онъ принималъ многіе удары, или ни одного. Сражавшись въ семь боѣ до вечера глубокаго потомъ разошлись. Сарварось устранный во всю ночь дѣлалъ отступленіе. Царь же собравши свои войска пошелъ въ городъ Савастію, и перешедши рѣку Алисъ, въ этой странѣ провелъ зиму. Хозрой между тѣмъ бѣсился, отобралъ въ сокровища отъ церквей въ Персіи, и принуждалъ христіанъ слѣдовать ученію Несторія, чтобы тѣмъ причинить досаду царю.

л. м. 6117, р. х. 617.

Амедъ начальникъ Аравятинъ девять лѣтъ.

Въ семь году Хозрой, царь персидскій, поставилъ новое войско, набравши иностранцевъ, гражданъ и рабовъ, и всякаго роду сбродъ, и отдалъ ихъ подъ предводительство Саина, присоединивъ къ тому

девять тысячъ, оставшихся изъ фаланги Сарвароса, которыхъ называлъ носителями золотыхъ копій. Это новое войско послалъ онъ противу царя; а Сарвароса съ остальнымъ войскомъ послалъ противъ Константинополя, чтобы присоединить къ себѣ западныхъ Гунновъ, называемыхъ также Аварами, Склавами, и Гипедами и съ ними идти къ осадѣ Константинополя. Узнавши объ этомъ царь раздѣлилъ свое войско на три части, и одну часть послалъ для охраненія города, другую поручивши брату своему Θεодору, велѣлъ ему воевать противъ Саина, а съ третію частію самъ пошелъ къ Лазамъ; въ сей странѣ пригласилъ въ союзники къ себѣ Турокъ восточныхъ, называемыхъ Хозарами. Между тѣмъ Саинъ съ новобраннымъ войскомъ сошелся съ Θεодоромъ братомъ царя и вооружался къ сраженію. Но съ помощію Божіею молитвами всепѣтой Богородицы, при началѣ сраженія, вдругъ градъ посыпался въ лицо непріятелямъ и многихъ изъ нихъ убилъ; между тѣмъ какъ на сторонѣ Римлянъ была совершенная тишина; они обратили Персовъ въ бѣгство, и великое множество ихъ побили, за что Хозрой прогнѣвался на Саина, который изъ отчаянія заболѣлъ и умеръ. Хозрой приказалъ привести къ себѣ трупъ Саина, набальзамированный солюю, и мертвого подвергнувъ великимъ ругательствамъ. Хозары, перешедши каспійскіе врата, вторглись въ страну Азконгама подъ предводительствомъ Зіевила достоинствомъ втораго по Хаганъ; и гдѣ они ни проходили, вездѣ брали въ плѣнъ Персовъ, а города и села огню предавали. Царь, оставя землю Лазовъ, соединился съ ними. Зіевиль, увидѣвши его, подѣхалъ къ нему, цѣловалъ его въ плечи и поклонился ему въ виду Персовъ, смотрѣвшихъ изъ города Тифлиса. Все войско Турецкое упавши ницъ на землю лбами, и какъ бы пораженные величіемъ царя, почли его честію, необыкновенною для другихъ народовъ. Равнымъ образомъ и начальники ихъ, взошедши на скалы, пали съ тѣмъ же видомъ почтенія. Зіевиль представилъ царю сына своего, у котораго пробивался первый пушокъ на бородѣ; онъ восхищался словами его и пораженъ былъ величественнымъ видомъ его и мудростію; отобравши сорокъ тысячъ храбрыхъ воиновъ, онъ поручилъ ихъ царю какъ вспомогательное войско, а самъ возвратился въ страну свою; съ симъ войскомъ царь пошелъ противъ Хазроя. Сарваросъ между тѣмъ приступилъ къ Халкидону; Авары изъ Фракіи подошедши къ городу, хотѣли взять его, придвинули къ нему множество машинъ; они приплыли съ Истра на безчисленномъ множествѣ выдолбленныхъ ладей и наполнили весь заливъ Кератскій. Въ продолженіи десяти дней осаждали они городъ и съ моря и съ твердой земли, но силою и помощію

Божією, и заступленіемъ пречистой Богоматери Дѣвы были побѣждены, и съ великою потерей на сушѣ и на морѣ, съ великимъ стыдомъ возвратились, но Сарварось, объѣдя Халкидонъ, не отступалъ, но зимовалъ здѣсь, дѣлая набѣги и опустошая противоположный берегъ и города здѣсь лежащіе.

л. м. 6118, р. х. 618.

Въ семь году съ сентября мѣсяца вступилъ въ Персію Ираклій съ Турками неожиданно зимою, и тѣмъ привелъ Хозроя въ отчаяніе. Но Турки, видя зиму и непрерывныя нападенія со стороны Персовъ и не стерпя трудовъ, которые должны были раздѣлять съ царемъ, начали мало по малу утекать и наконецъ всѣ оставя его, возвратились. При этомъ случаѣ царь такъ говорилъ къ своимъ воинамъ: Знайте, братіе, что никто не хочетъ быть нашимъ союзникомъ, какъ токмо одинъ Богъ и безсѣменно родшая его мать, чтобъ явить намъ могущество свое и ниспослать свою помощь. Между тѣмъ Хозрой, собравши всѣ свои силы, поставилъ надъ ними вождемъ Разату, мужа воинственнаго, храбраго и послалъ его противъ Ираклія, который предавалъ огню и грады и села персидскія, а плѣнныхъ Персовъ убивалъ мечемъ. 11 числа октября, 15 индиктіона вступилъ онъ въ страну Хамамоу, и далъ отдыхъ войску своему на одну недѣлю. Разата пришелъ въ Гавзакъ сталъ втылу Ираклія и слѣдовалъ за Римлянами, наслаждающимися впереди его всякимъ продовольствіемъ, а онъ позади, какъ голодный пещъ, пытался только отъ крупицъ ихъ и поелику онъ не находилъ никакого продовольствія, то скотъ его по большей части попадалъ. 1 декабря царь пришелъ къ великой рѣкѣ, такъ называемой Савѣ, и перешедши ее остановился у города Ниневіи. Разата, слѣдуя за нимъ, пришелъ къ тому же перевозу, и прошедши три мили нашелъ другой перевозъ и переправился. Царь отрядилъ военачальника Ваанеса съ избранными немногими воинами, который встрѣтивши знамя Персидское, убилъ носителя его и принесъ къ царю съ головою врага и съ золотымъ его мечемъ. Тамъ же многихъ побивши, привелъ 26 человекъ живыхъ, между ними и оруженосца Разаты: сей оруженосецъ объявилъ царю, что Разата хочетъ съ нимъ сразиться, имѣя на то повелѣніе отъ Хозроя, который послалъ къ нему три тысячи воиновъ, но они еще не пришли. По сему извѣстію царь послалъ напередъ обозы, самъ слѣдовалъ за нимъ, высматривая мѣсто, удобное для сраженія, пока еще не присоединились три тысячи; и нашедши выгодную равнину, и сказавши рѣчь къ войску, поставилъ его въ боевой порядокъ. Разата туда же пришелъ, по-

строился въ три колонны и пошелъ противъ царя: 12 декабря, въ субботу произошло это сраженіе: царь впереди всѣхъ сошелся съ военачальникомъ Персовъ, и силою Божіею и съ помощію Богородицы низложилъ его, и сопровождавшіе его обратились въ бѣгство; царь встрѣтился съ другимъ, и того положилъ; напалъ на него и третій, который нанесъ ему ударъ копьемъ въ губу, но и этого онъ поразилъ; потомъ при звукѣ трубъ сошлись обѣ стороны, загорѣлась сильная брань, лошадь по имени Фалвасъ, она же Дорконъ, убита подъ царемъ пѣхотными воинами, которые копьемъ поразили ее въ бедро; самъ онъ получилъ много ударовъ мечами въ лицо, но поелику онъ покрытъ былъ забраломъ изъ жилъ, то онъ не получилъ вреда и удары остались безъ дѣйствія. Разата палъ на сраженіи, съ нимъ три башенные вождя, почти всѣ начальники и большая часть войска. Изъ Римлянъ убито пятьдесятъ человекъ, многіе ранены, изъ которыхъ умерли только десятеро. Сраженіе кипѣло съ самаго утра до одиннадцати часовъ. Римляне взяли у Персовъ 28 знаменъ, кромѣ изломанныхъ, и обобравши убитыхъ, взяли латы ихъ, шишаки и прочія вооруженія; оба войска остановились одно отъ другаго на два полета стрѣлы, ибо бѣгства не было. Римляне во время ночи напоили и накормили лошадей своихъ. Персидскіе всадники до седьмого часа ночи стояли надъ убитыми Персами; а въ восьмомъ часу они двинулись въ свой лагерь, и снявши его ушли и устрашенные остановились у подошвы горы. Здѣсь Римляне взяли много золотыхъ ножей, золотыхъ съ драгоценными камнями поясовъ и золотой щитъ Разаты изъ ста двадцати пластинокъ состоявшій, и латы его также изъ золота, и скараманчу вмѣстѣ съ головою его, и ожерелья его, и сѣдло также все золотое, взять былъ также живой Варсамизисъ, начальникъ Иверовъ, которые находятся и подъ властію Римлянъ и подъ властію Персовъ, сраженіе не останавливалось во весь день. Римляне побѣдили и это случилось единственно съ помощію Божіею. Царь ободривши войско пошелъ противъ Хозроя, и привелъ его въ великій страхъ, такъ что сей вызывалъ Сарвароса изъ Халкидона отъ Византіи; 21 числа декабря узналъ царь, что войско Разаты, уцѣлѣвшее отъ сраженія соединилось съ посланными отъ Хозроя тремя тысячами и за нимъ слѣдуетъ. Итакъ, пришедши въ Ниневію, царь переправился чрезъ великую рѣку Саву, прежде нежели узналъ объ этомъ Хозрой. Георгій во время ночи, пробѣжавши сорокъ восемь миль, овладѣлъ четвертымъ мостомъ на малой Савѣ, и нашедши на крѣпостцахъ Персовъ, взялъ ихъ въ плѣнъ. 23 декабря царь поспѣшилъ къ мостамъ и перешелъ рѣку и остановился въ домахъ Іесдема, далъ

отдыхъ войску и скотамъ, и въ томъ же мѣстѣ провелъ праздникъ Рождества Христова. Хозрой, услышавъ, что Римляне овладѣли мостами, приказалъ персидскому войску бывшему подъ начальствомъ Разаты, со всею поспѣшностію предупредить царя и напасть на него. Они поспѣшили, перешли малую Саву въ другихъ мѣстахъ и стали впереди царя, который пришелъ ко второму дворцу Хозроя, называемому Руза и истребилъ его, подозрѣвая что враги хотять сразиться съ нимъ на мосту Торна. Непріятели увидя его, оставили мостъ и бѣжали. Безпрепятственно перешедши царь, занявъ другой дворецъ, называемый Веклали, при которомъ находился также ипподромъ, и этотъ дворецъ царь истребилъ. Нѣкоторые изъ Армянъ, жившихъ вмѣстѣ съ Персами, пришли къ царю и сказали, что Хозрой съ своими слонами и съ войскомъ остановился въ пяти миляхъ во дворцѣ, называемомъ Дастагердъ, въ мѣстечкѣ Варафотъ, и приказалъ своему войску здѣсь собираться для сраженія; тамъ есть рѣка неудобопроходная съ узкимъ мостомъ, дороги по причинѣ домовъ тѣсны и потоки гвиллой воды дѣлають ихъ трудными. Царь, посовѣтовавшись съ начальниками и съ войскомъ остановился во дворцѣ Беклали, въ пристройкѣ котораго нашель онъ трехъ страусовъ откормленныхъ, въ другой пристройкѣ около пятидесяти дикихъ козь откормленныхъ, въ третьей сто онагровъ откормленныхъ; все это подарилъ онъ войску. Первое число января они провели здѣсь: ибо нашли также овецъ, свиней и коровъ, которымъ не было числа. Все войско успокоилось, наслаждалось и прославляло Бога. Захвативши пастуховъ, узнали отъ нихъ точно, что Хозрой подъ двадцать третье число декабря, получивъ извѣстіе, что царь перешелъ чрезъ мостъ на рѣкѣ Торна, тотчасъ ушелъ изъ дворца въ Дастагердъ. Царь между тѣмъ другою дорогою перешелъ въ другой дворецъ по имени Вердархъ; опустошивши его, предавши огню, и благодарили Бога, ради молитвъ Богородицы, содѣлавшаго столь чудныя дѣла. Ибо кто ожидалъ, чтобы Хозрой бѣжалъ отъ лица царя Римскаго и оставя дворецъ въ Дастагердѣ, удалился въ Ктезифонтъ, хотя мѣстопробываніе его было въ Дастагердѣ? Въ семь дворцѣ Римляне нашли триста Римскихъ знаменъ, взятыхъ въ различныя времена, также запасы рѣдкихъ произведеній, много алая и большія деревья алойныя въ восемнадцать литровъ, много шелку, перцу, полотна рубашечнаго сверхъ всякаго числа, сахару, инбирю и много другихъ вещей; нашли и серебро необдѣланное, одежды шелковыя, ковры для постель и ковры цвѣтныя шитые, прекрасныя и въ великомъ множествѣ, все это по тягости большею частью сожгли. Палатки Хозроя, занавѣски, употребляемыя въ походѣ, все сожгли

равно какъ и статуи его: въ этомъ дворцѣ нашли также страусовъ, дикихъ козъ, онагровъ, павлиновъ, фазановъ въ безчисленномъ множествѣ; для охоты его тутъ находились львы, тигры огромные. Къ царю прибѣгнули также многіе изъ плѣнныхъ Едессинцевъ и Александрійцевъ и отъ другихъ градовъ великое множество. Царь отиразновалъ въ Дастагердѣ Богоявленіе, давши увеселенія и отдыхъ войску, и опустошивши чертоги Хозроя, зданія великолѣпнѣйшія, чудныя, удивительныя, которыя разрушилъ до основанія, чтобы почувствовалъ Хозрой, какъ больно было Римлянамъ, когда онъ опустошалъ и сожигалъ ихъ грады. Взяты были многіе изъ прислужниковъ дворца, и на вопросъ, когда Хозрой вышелъ изъ Дастаргерда, они отвѣчали, что онъ за девять дней до пришествія вашего, услышавъ о приближеніи вашемъ тайно приказалъ прорвать стѣну градскую подлѣ дворца и такимъ образомъ поспѣшно ушелъ самъ съ женою и съ дѣтьми, чтобы не произвестъ тревоги въ городъ; объ этомъ узнали войска и начальники не прежде, какъ онъ былъ уже за пять миль отъ города. Тогда уже объявилъ онъ, чтобы они слѣдовали за нимъ въ Ктезифонтъ. Прежде не могъ онъ проѣхать пяти миль въ день, а теперь въ бѣгствѣ сдѣлалъ двадцать пять миль; прежде жены и дѣти не могли видѣть другъ друга, теперь всѣ бѣжали въ кучѣ и толкали другъ друга. При наступленіи ночи Хозрой нашелъ убѣжище въ хижинѣ одного бѣднаго земледѣльца, въ которую едва могъ пролѣзть и которую потомъ увидѣвъ Ираклій крайне удивился. Въ три дня прибылъ онъ въ Ктезифонтъ. За двадцать четыре года онъ получилъ предсказаніе отъ своихъ волшебниковъ и астрологовъ, когда во времена Фоки осаждалъ онъ Дарась, что онъ погибнетъ, когда придетъ въ Ктезифонтъ. Прежде не смѣлъ онъ пуститься на одну милю въ эту сторону изъ Дастагерда, теперь прибылъ сюда, но и тутъ не осмѣлился остаться, но прошедши чрезъ мостъ на Тигрѣ, въ городѣ по нашему называемый Селевкію по-персидски Гугдесирь, здѣсь положилъ свои сокровища, и остановился самъ съ женою своею Сиремою и съ тремя другими женами, своими дочерьми; а прочихъ женъ и дѣтей, которыхъ у него было много, отослалъ за сорокъ миль далѣе на востокъ, въ укрѣпленное мѣсто. Нѣкоторые изъ Персовъ оклеветали предъ Хозроемъ Сарвароса, что онъ преданъ Римлянамъ и порицаетъ его. Хозрой послалъ своего оруженосца къ Кардаричу, товарищу Сарваразану въ Халкидонъ съ повелѣніемъ убить Сарваразана, и съ войскомъ персидскимъ поспѣшить къ нему на помощь въ Персію. Несшій сіе повелѣніе въ Галатію былъ схваченъ Римлянами; и схватившіе его тайно отъ Персовъ привели его въ Византію, и пре-

доставили его сыну царя, который, узнавши истину отъ посланника, тотчасъ призвалъ Сарваразана; сей явился къ царю, и царь далъ ему письмо къ Кардаричу, показалъ ему посланнаго; Сарваразанъ прочиталъ письмо, убѣдился въ истинѣ и тотчасъ перемѣнилъ свои мысли, сдѣлалъ мирныя условія съ царемъ и съ патріархомъ, измѣнилъ письмо Хозроя, вписавъ въ немъ приказъ объ избіеніи вмѣстѣ съ собою другихъ сорокъ сатраповъ, начальниковъ, тысяченачальниковъ, сотниковъ и приложивши искусно печать, собралъ вождей, пригласилъ и самаго Кардаричу и, прочитавши письмо, сказалъ ему: согласенъ ли ты сдѣлать это? Начальники исполнившись ярости, провозгласили Хозроя лишеннымъ престола, заключили съ царемъ мирныя условія, и съ общаго согласія положили, выступить изъ Халкидона, и возвратиться въ свои страны, не причиняя никакихъ опустошеній. Между тѣмъ Ираклій писалъ къ Хозрою: я преслѣдую, но и расположенъ вмѣстѣ къ миру; я не по волѣ своей огнемъ истребляю Персію, но ты самъ къ тому принудилъ меня; итакъ хотя теперь бросимъ оружія и возлюбимъ миръ; угасимъ огонь, пока еще не все позжено. Такъ какъ Хозрой и теперь не согласился на миръ, то возникла противъ него великая ненависть у Персовъ. Хозрой набиралъ въ войско свое всѣхъ людей господскихъ, всю прислугу свою и женъ своихъ, и вооруживши ихъ, всѣхъ послалъ для присоединенія къ войску Разаты, приказалъ имъ стоять у рѣки Арбы въ девятнадцати миляхъ отъ Ктезифонта. Приказалъ онъ имъ, если царь захочетъ перейти чрезъ рѣку, тотчасъ перерубить мостъ. Царь седьмага числа января, выступилъ изъ Дастагерда, прошелъ три дня и остановился въ 12 миляхъ отъ Арбы рѣки, гдѣ находился лагерь Персовъ и содержались двѣсти слоновъ. Онъ послалъ Георгія, башеннаго начальника Армянскаго, дойти до рѣки Арбы и узнать, есть ли на ней переправы; Георгій нашель, что перерубили мосты, и нѣтъ переправы на Арбѣ, и возвратился къ царю. Царь двинулся и пришелъ къ Сіазуру, въ продолженіи всего февраля кругомъ жегъ города и окрестности ихъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ пришедши въ мѣстечко Варзанъ, семь дней здѣсь простоялъ, пославши Мезезія, военачальника, для разѣздовъ. Къ нему подъѣхалъ Гундавунасъ, бывший тысяченачальникомъ въ войскѣ Сарвароса, съ пятью другими, съ тремя графами и двумя чиновниками. Георгій привелъ ихъ къ царю. Этотъ Гундавунасъ объявилъ царю необходимыя дѣла, что Хозрой, бѣжавши изъ Дастагерда, заболѣлъ поносомъ и хотѣлъ вѣнчать на царство Мардасана сына своего, рожденнаго отъ Сиремы, и потому переправясь черезъ рѣку, привелъ съ собою Мардасана и мать его Сирему и другаго сына ея Салиароса; а пер-

IV.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О Ч Е Р К И
ИЗЪ
ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ
СТЕПНОЙ ОКРАИНЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Д. И. Багалъя.

I.

Историко-топографическій очеркъ степной окраины Московскаго государства.

Устройство поверхности.—Рѣки.—Фауна.—Степи и лѣса.—Флора.—Минералы.—
Перевозы.—Шляхи.—Краткій топографическій очеркъ Новороссійскихъ степей.

Мѣстность, подлежащая нашему изслѣдованію, занимаетъ нынѣшнюю Харьковскую губ., а также части сосѣднихъ Курской и Воронежской. Между ними нѣтъ никакихъ естественныхъ границъ; наоборотъ, какъ увидимъ далѣе, ихъ сближаетъ система рѣкъ. Этимъ объясняется то, что малоруссы, начавшіе засѣлять эти мѣста въ XVII в., не ограничились одной территоріей Харьковской губ., а двигались и въ сосѣдніе—уѣзды Курской и Воронежской; мало того—та же колонизація изъ Задніпровья направлялась и въ Область Войска Донскаго и въ нѣкоторыя мѣстности Екатеринославской губ., не говоря уже о Черниговской и Полтавской.

По устройству поверхности своей всѣ три губерніи — Харьковская, Курская и Воронежская представляютъ изъ себя равнину, перерѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невысокими возвышенностями, которыя скорѣе могутъ быть названы холмами, нежели горами. Возвышенности эти не имѣютъ почти никакого вліянія на климатъ страны, но за то опредѣляютъ направленіе рѣкъ. Наиболѣе возвышенною представляется сѣверная часть Харьковской губ.; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ поверхность все болѣе и болѣе понижается, до тѣхъ поръ пока не встрѣчаетъ на пути своемъ новыхъ отроговъ Донецкаго кряжа, который захватываетъ собою южные уѣзды Харьковской губ. (южную часть Валковскаго, Зміевскаго и Изюмскій); съ этого пункта опять начинается повышение.

Тотъ кряжъ, который идетъ съ сѣвера по западному берегу Донца, раздѣляетъ всю губернію на двѣ части—западную и восточную и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляетъ днѣпровскій бассейнъ отъ донскаго; западная часть понижается въ юго-западномъ направленіи и этимъ опредѣляется теченіе двухъ важнѣйшихъ рѣкъ днѣпровскаго бассейна—Псла и Ворсклы. Въ восточной части почва понижается въ южномъ направленіи, вслѣдствіе чего всѣ здѣшнія рѣчки (лѣвые притоки Донца—Осколь, Жеребець, Красная, Боровая, Айдаръ) текутъ къ югу и почти параллельно другъ къ другу, образуя рядъ продольныхъ долинъ. Донецкій кряжъ также оказываетъ вліяніе на направленіе рѣкъ: онъ юго-зап. теченіе Донца измѣняетъ въ юго-восточное. Такимъ же характеромъ, можно сказать, отличается и устройство поверхности ближайшихъ губерній. Наиболѣе возвышенною является Курская губ.; среднюю абсолютную высоту ея считаютъ въ 780 футовъ, тогда какъ наибольшая высота Воронежской губ. достигаетъ всего 831 ф., Харьковской—801, Черниговской—771 и Полтавской—659. Но и въ Курской губ. нѣтъ и горъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; главный кряжъ, находящійся въ сѣверо-восточной части губерній, идетъ къ югу и переходитъ, какъ мы уже знаемъ, въ Харьк. губ.; это—водораздѣлъ днѣпровскаго и донскаго бассейновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ торныхъ дорогъ изъ Крыма въ Русь—столь прославленный въ лѣтописяхъ сихъ областей Муравскій шляхъ; отъ него въ западномъ и юго-зап. направленіи расходятся ложбины съ балками, ярами изобилующія рѣками, рѣчками и ручьями. Воронежская губ. рѣкою Дономъ раздѣляется на двѣ части—западную и восточную; первая—возвышенная, вторая—низменная; но и эта возвышенная часть представляетъ только холмистую, но не гористую мѣстность, покатую въ южномъ и восточномъ направленіи. Три главные кряжа входятъ и сюда, какъ и въ Харьков. губ., изъ Курской и опредѣляютъ направленіе протекающихъ здѣсь рѣкъ. Восточная часть губерній можетъ быть названа низменностью, общій характеръ которой иногда только нарушается правыми возвышенными берегами рѣкъ. Въ общемъ же и Воронежская губ. не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ естественныхъ границъ и не только не отдѣляется, но, какъ мы видимъ, соединяется своими возвышенностями съ сосѣдними Курск. и Харьков. губ.; съ этой послѣдней граничить ея западная болѣе возвышенная часть; что-

же касается восточной части, то она прилегает къ Области Войска Донскаго, съ которой ее еще тѣснѣе связываетъ р. Донъ ¹. Наибольше возвышенными пунктами являются правые берега рѣкъ Донца и Дона.

Они составляютъ самые надежные и крѣпкіе пункты защиты и вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаютъ наше вниманіе своимъ необыкновенно красивымъ мѣстоположеніемъ; таковы — въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ. знаменитыя *Святыя горы* на Донцѣ, съ давнихъ поръ подъ такимъ именемъ извѣстныя въ русскихъ памятникахъ; такимъ же характеромъ отличается и правый берегъ Дона въ Воронежской губ.; при впаденіи р. Тихой Сосны въ Донъ возвышаются не менѣе знаменитыя *Дивныя горы*, которыми еще въ XIV ст. восхищался извѣстный митрополитъ Пименъ во время своего путешествія въ Царьградъ ²; другимъ такимъ пунктомъ является курганъ Шатрище (похожій на шатеръ), лежащій въ 5-ти верстахъ на югъ отъ Дивныхъ горъ, гдѣ нѣкогда былъ Шатрищегорскій монастырь ³. Эти возвышенныя пункты едва ли не раньше всѣхъ другихъ были заняты русскими «населенниками»; но такихъ мѣстъ было не много и потому первые поселенцы не оставляли безъ вниманія еѣлько-нибудь возвышеннаго и укрѣпленнаго природою мѣста; почти всѣ города и селенія были поставлены на городищахъ, возвышавшихся болѣе или менѣе значительно надъ окружающею степью (Чугуевъ, Карповъ, Харьковъ и др.).

Рѣки Харьковской губ. принадлежатъ частью донскому, частью днѣпровскому бассейнамъ; первому—151, второму—72; распределение этихъ рѣкъ таково, что на долю западной части губерніи, лежащей на западъ отъ р. Оскола, приходится большая половина ихъ; вслѣдствіе этого восточная часть страдаетъ очень часто отъ недостатка воды. Въ настоящее время ни одна изъ рѣкъ Харьковской губ. не судоходна; но въ прежнее время было совершенно иначе; въ притокахъ Днѣпра, протекающихъ въ Полтавской губ., и въ настоящее время находятъ остатки якорей; такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ Сѣверскій Донецъ, Пселъ, Ворскла и Осколъ

¹ См. Списки населенныхъ мѣстъ Харьк. губ.; стр. 2—4; Курская губ., стр. 1—4; Воронежская губ., стр. 5—7.

² Ник. лѣт. 1787 г., 4-я часть, стр. 161. «Оттуда жъ приплыхомъ къ Тихой Соснѣ и видихомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоятъ рядомъ яко столы малы, бѣлы жъ и свѣты zelo надъ рекою надъ Сосною».

³ Болховитиновъ. Истор., геогр. и эконо. опис. Ворон. губ. Вор. 1800 г., стр. 185.

могли быть тогда судоходны ⁴. Но Донцу и теперь спускают по нѣсколько плотовъ, а иногда и барокъ съ хлѣбомъ съ Изюмскаго уѣзда.

Въ первой половинѣ XVII ст. по р. Сѣверскому Донцу на судахъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ во время полои воды сплавлялись хлѣбные запасы; отсюда же вѣдали для торговли на Дону ⁵. Судовая пристань на Донцѣ у притока его Везеницы упоминается въ царствованіе Феодора Иоанновича; отъ нея до Чугуева городища нужно было вѣхать р. Донцомъ внизъ 4 дня, и отъ Чугуева городища до Донецкихъ Раздоровъ 3 недѣли, а оттуда до Азова 4 дня; назадъ противъ течения надобно было употребить уже больше времени—отъ Азова до Раздоровъ—6 дней, оттуда до Чугуева городища—5 недѣль, оттуда до судовой пристани—6 дней ⁶. Въ царствованіе Иоанна Грознаго извѣстный предводитель малороссійскихъ козаковъ кн. Дмитрій Вишневецкій по приказанію царя, построивъ суда на р. Пселѣ, спустился въ Днѣпръ, чтобы громить Крымскіе улусы ⁷. Въ самомъ концѣ XVI ст. на судахъ отправлялись служилые люди съ запасами изъ г. Оскола внизъ по р. Осколу къ устью для постройки г. Царевоборисова ⁸.

Только съ XVIII в. начинается обмелѣніе всѣхъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ. Прежде всего на обмелѣніе ихъ должно было повліять постепенное уменьшеніе лѣсовъ, которые нѣкогда занимали ограниченныя пространства. Берега многихъ рѣчекъ, покрытыя прежде лѣсными зарослями, сдѣлались теперь обнаженными и получили характеръ степныхъ кодолязей, пересыхающихъ въ лѣтнее время и бурлящихъ весною. Помимо уменьшенія лѣсовъ важное вліяніе на обмелѣніе рѣкъ оказываетъ ихъ засореніе; засореніе это зависитъ отъ двухъ причинъ—естественной необходимой и случайной; въ первомъ случаѣ оно происходитъ отъ быстрого таянія снѣговъ, которое производитъ въ рыхлой почвѣ овраги и балки, откуда вмѣстѣ съ водою въ русла рѣкъ заносится громадное количество землястыхъ частицъ; въ другомъ—такую же роль играютъ искусственныя запруды—плотины для водяныхъ мельницъ; благодаря

⁴ Топогр. опис. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 53.

⁵ Арх. мин. юст. Стол. бѣлг. стола, № 4008.

⁶ Мои «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. гос. въ XVI и XVII ст.» Харьковъ, 1886 г., стр. 4.

⁷ Лѣт. Рус. изд. Н. Л., V, стр. 194.

⁸ Мои «Матеріалы»... стр. 6.

нмъ вода застаивается, гниетъ; въ нее входитъ масса землистыхъ и навозныхъ частицъ, въ особенности когда весеннимъ водопольемъ сносятся вся плотина, состоящая обыкновенно изъ хвороста и навова⁹. Наконецъ, не остается безъ вліянія и еще одно обстоятельство: почти всѣ харьковскія рѣки текутъ въ широкихъ долинахъ; въ половодье онѣ разливаются на значительное пространство, затопляютъ большую часть лѣвый низменный луговой берегъ и въ это время, подвергаясь сильному дѣйствию солнечныхъ лучей, очень пересыхаютъ. Большинство рѣкъ отличается тѣмъ свойствомъ, что правые берега ихъ—гористы и мокрыты лѣсами, а лѣвые—болѣе низменны и представляютъ изъ себя сѣнокосные дуга, иногда болота, иногда песчанья пространства. Къ числу такихъ рѣкъ въ XVIII в. принадлежали Донецъ, Ворскла, Пселъ, Мерля, Ворсклица, Харьковъ, Нежеголь и др. У многихъ оба берега на значительное пространство покрыты лѣсомъ, таковы: Уды, Децакъ, Можь, Корень, Мереще и др. Иныя несутъ, наконецъ, вполне стеной характеръ, такъ какъ вовсе лишены лѣса; таковы: Волчя, Мокрый Бурлучекъ, Южная Гнилица, Балаклея, Каманка, Мокрый Изюмецъ и др.¹⁰ Таковы общія свойства рѣкъ. Какое же вліяніе оказывали онѣ на колонизацію края? Въ древности нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мы видѣли, были судоходны, слѣдовательно, служили удобными путями сообщенія. Главнѣйшіе лѣвые притоки Днѣпра—Пселъ и Ворскла ставили эту мѣстность въ тѣснѣйшую связь съ среднимъ подднѣпровьемъ; сюда же нужно присоединить до нѣкоторой степени и Сулу. Такимъ образомъ, благодаря своимъ рѣкамъ Харьковская губ. представляла какъ бы прямое продолженіе Полтавской. Сѣверная часть губерніи (Сумскій уѣздъ) орошается р. Вирью, впадающей въ важнѣйшій притокъ Десны — Сеймъ и такимъ путемъ входитъ въ связь съ Черниговскою губ.—съ бассейномъ Десны. Съ другой стороны тѣже самые Пселъ и Ворскла, начинаясь въ Курской губ. и протекая тамъ одна 155, а другая 97 в., соединяютъ Харьковскую губ. съ Курскою. Еще большее значеніе имѣетъ донская рѣчная система. Главная артерія края—Сѣверскій Донецъ, протекающій въ предѣлахъ Харьковской губ. болѣе чѣмъ на 400 верстъ, выходитъ изъ Курской губ. и входитъ въ область Войска Донскаго. Донецъ имѣлъ для Курской губ. важное значеніе; на немъ возникъ г. Бѣлгородъ, ставшій

⁹ Топ. опис. Харьк. Нам. М. 1788, стр. 34—35.

¹⁰ Ibid. стр. 56—57.

вскорѣ центральнымъ пунктомъ правительственной колонизаціи Московскаго государства; на притокѣ его Осколѣ также находимъ два важные города — Старый и Новый Осколь; на другомъ притоцѣ Корочѣ—третій г. Корочу. Донецкіе притоки—Осколь и Айдаръ входятъ своими верховьями въ Воронежскую губ., а притоки Дона Тихая Сосна и Черная Калитва довольно близко подходятъ къ донецкому бассейну. Съ донскими владѣніями соединилъ Харьковскую губ. и самъ Донецъ, впадающій тамъ въ Донъ; на этомъ-то пограничѣ и встрѣтились въ началѣ XVIII в. два колонизаціонныхъ потока: донскія поселенія сошлись съ малороссійскими по рѣчкамъ Жеребцу, Красной, Айдару и др. Днѣпровская система рѣкъ сходилась съ донскою; притокъ Ворсклы Мерчанъ близко подходитъ къ притоку Донца—Удамъ, а сама Ворскла—къ Донцу. Маленькія рѣчки также оказывали существенное вліяніе на расселеніе первыхъ жителей этого края: какъ древне-русскіе славяне выбирали себѣ жилища у водъ, такъ и послѣдующіе черкасы поставили свои первыя «осели» въ мѣстахъ, болѣе или менѣе изобилующихъ водою; въ пользу этого обстоятельства говоритъ уже одинъ тотъ фактъ, что раньше заселились западныя лучше орошенныя части Харьковской и Воронежской губ. Кроме того все важнѣйшіе города и болѣе древнія слободы Харьковской губ. лежатъ на рѣкахъ: Сумы на Пслѣ, Лебединъ на его притоцѣ Ольшанѣ; Ахтырка — на притоцѣ Ворсклы Ахтыркѣ; Вольное — на Ворсклѣ; Краснокутскъ—на притоцѣ Ворсклы Мерлѣ, Богодуховъ тамъ же, Золочевъ на Удахѣ; Валки на Мжѣ, Харьковъ на Харьковѣ и Лопани; Царево-Борисовъ—на Осколѣ, Волчанскъ на притоцѣ Донца Волчьей, Славянскъ на притоцѣ того же Донца Торцѣ; Чугуевъ, Зміевъ, Спѣваковка, Изюмъ, Святогорскій монастырь на самомъ Донцѣ и т. д. и т. д. Если рѣчки были проводниками военной правительственной колонизаціи, то рѣчки — вольной, народной. Хотя рѣчки Харьковскія не славятся какими-нибудь особенными породами рыбъ, но и рыбная ловля все таки должна была служить нѣкоторой приманкой для первыхъ поселенцевъ. Гораздо больше въ этомъ отношеніи славился Тихій Донъ, въ которомъ, какъ увидимъ дальше, острогожскіе черкасы ловили много красной рыбы. Но еще большую пользу извлекало населеніе изъ рѣкъ и рѣчекъ; устраивая тамъ водяныя мельницы; особенною любовью къ устройству такихъ водяныхъ мельницъ отличались колонисты—малороссіане, усвоившіе этотъ обычай еще въ заднѣпровьѣ; это обстоятельство, какъ мы уже знаемъ, способствовало быстрому

обмелѣнію и засоренію рѣкъ, но за то представляло изъ себя очень важную и прибыльную статью. Въ концѣ XVIII в. въ харьковскомъ намістничествѣ было 1537 водяныхъ мельницъ ¹¹.

Представимъ теперь краткія данныя о естественныхъ богатствахъ изучаемаго нами края. Начнемъ съ фауны. Несомнѣнно, что количество дикихъ звѣрей и птицъ въ прежнее время было несравненно значительнѣе нынѣшняго. Тогдашніе лѣса отличались густотой и непроходимостью и рѣдко видѣли у себя человѣка; въ чугуевскихъ лѣсахъ, по словамъ пр. Филарета, водились въ изобиліи волки, медвѣди, лисицы, куницы, барсуки, дикія козы, сайгаки, сурки, а изъ птицъ—лебеди и гагары ¹²; въ антахъ XVII в. упоминаются тамъ звѣроловы ¹³. Въ змиевскихъ лѣсахъ даже во вѣдомости 1784 г. мы находимъ медвѣдей, волковъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ; изъ птицъ—филиновъ (пугачей), орловъ, тетеревова (тетерваковъ), рябчиковъ, куропатокъ (куринокъ), грифовъ ¹⁴. Въ взюмскомъ юртѣ жили царскіе охотники; въ одной отпискѣ 1667 г. они заявляли, что поймали живыми трехъ лосей, дидаго кабана и дикую свинью ¹⁵; въ окрестностяхъ Изюма и теперь есть урочище звѣринецъ, гдѣ содержали пойманныхъ звѣрей ¹⁶. Шереметевъ просилъ острогожскаго полковника Буларта послать охотниковъ въ степь для звѣршной ловли ¹⁷. Въ Савинскихъ лѣсахъ по вѣдомости 1782 г. были волки, лисицы, дикія козы, бѣлки, горностаи, изъ птицъ тетерева, куропатки, дикіе гуси и утки ¹⁸. Въ 1732 было велѣно изъ слободскихъ и малороссійскихъ полковъ присылать ко двору ежегодно зимою бытыхъ дикихъ кабановъ, дикихъ козъ и живыхъ сѣрыхъ куропатокъ ¹⁹; по одной вѣдомости того же времени въ малор. и слободск. полкахъ водились дикія козы, сайгаки, дикіе кабаны, изъ птицъ—сѣрыя куропатки ²⁰. Нѣтъ сомнѣнія, что въ чисто степныхъ мѣстностяхъ были и дикія лошади, о которыхъ оставилъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія Бопланъ,

¹¹ Топ. опис. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 53.

¹² Ист. Стат. опис. харьк. епар. Фил. отд. IV. стр. 1.

¹³ Ibidem стр. 50; 315—316.

¹⁴ Ibidem стр. 194.

¹⁵ Ibidem отд. V, стр. 5.

¹⁶ Ibidem стр. 7.

¹⁷ П. Второва и К. Александрова—Дольнива. Ворон. Акты. В. 1856, кн. I, стр. 4.

¹⁸ Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп. отд. V, стр. 84.

¹⁹ П. Соб. Зак. т. X, № 7991.

²⁰ Ibidem, № 7581.

Въ послѣднее время при разборкѣ старыхъ дѣлъ, переданныхъ изъ архива Харьк. губ. Правленія въ архивъ Малороссійской коллегіи, хранящійся при Историко-Филологическомъ Обществѣ, А. Д. Твердохлѣбовымъ найдено чрезвычайно любопытное «Хронологическо-географическое» описаніе Слободско-украинской губ. 1767—1777 гг. Здѣсь между прочимъ сообщаются подробныя свѣдѣнія о домашнихъ и дикихъ животныхъ, птицахъ и рыбахъ, водившихся въ слободско-украинской губ. въ концѣ XVIII ст. Оказывается, что въ Харьк. конисарствѣ не мѣстамъ встрѣчались волки, зайцы, дикія козы, а мѣстами, хотя и рѣдко, медвѣди, лисицы и кунницы; въ ольшанскомъ—медвѣди, волки, зайцы, лисицы, бѣлки, дикія козы, горностаи; въ сумскомъ—волки, лисицы, зайцы, дикія козы, летучія бѣлки и въ незначительномъ числѣ медвѣди, горностаи, кунницы, а близъ водъ выдры; въ вѣюмскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, хорьки, бѣлки, горностаи, дикія козы; въ вальковскомъ—медвѣди, волки, сурки, лисицы, бѣлки, горностаи и дикія козы; въ мерезянскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, бѣлки, дикія козы; въ острогожскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, бѣлки, кунницы, дикія козы, барсуки, хорьки (гхоры), сурки, горностаи; въ хотомлянскомъ—въ небольшомъ количествѣ медвѣди, волки, зайцы, лисицы; въ ахтырскомъ—волки, медвѣди, зайцы, бѣлки, лисицы, горностаи, дикія козы. Такимъ образомъ, медвѣди, дикія козы, горностаи, кунницы водились почти по всей Харьков. губ. Изъ птицъ упоминаются—голуби, горлицы, куропатки, перепела, стрепеты (хототва), бекасы (баранчики), вальшнепы, воробьи, ласточки, кукушки, сойки, дровзды, косы, чайки, соловьи, щеглы, цапли, дятлы, жаворонки, синицы, кулики, дрохвы разныхъ сортовъ, тетерева большіе и малые, утки разныхъ родовъ въ достаточномъ количествѣ, а мѣстами аисты, журавли, огары (вѣр. гагары), орлы, ястреба, совы, а мѣстами и речеты, соколы, балабаны.

Рыба обыкновенныхъ общераспространенныхъ породъ—щуки, головыли, лещи, окуни, плотва, караси, лини, короны, вѣюны, иногда вырезубъ, чабакъ.

Особеннымъ богатствомъ рыбы (и притомъ лучшихъ сортовъ) отличался Донъ въ его среднемъ и нижнемъ теченіи: «приходитъ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы храмовой враздникъ нашей соборной церкви, писалъ Святитель Митрофанъ Воронежскій острогожскому полк. Куколю, и потому ради такого праздника и ради пришествія государя, прикажи помыслить свѣжешкаго осетрика да бѣложины тоже свѣжей или хотя малосольной,

а у насъ на Воронежѣ и сомины взять негдѣ»²¹. Въ другой разъ полк. Буларгъ посылалъ рыбу въ Бѣлгородъ пр. Варлааму и боярину Шереметеву²². По словамъ Боплана, Цселъ и Ворскла были довольно рыбными рѣками²³. Слѣдуетъ также отмѣтить громадное количество бортныхъ деревьевъ со пчелами; въ послѣдствіи здѣсь было много пасѣкъ; нѣкоторыя данныя о тѣхъ и другихъ мы представимъ въ своемъ мѣстѣ.

Сосѣдняя Курская губ. также изобиловала звѣрями и птицами; въ оуздѣ г. Рыльска водилось множество кабановъ, въ Бѣлгородскомъ и Курскомъ уѣздахъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія попадались дикія козы, а въ Дмитріевскомъ—бобры и особенно выдры; изъ птицъ теперь уже рѣдки тетерева, рябчики, лебеди, дрофы и стрепета, также исчезаютъ мало по малу и знаменитые курскіе соловьи²⁴. Въ XVII в. въ Путивльскомъ уѣздѣ было множество куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, лосей, дикихъ, кабановъ, такъ что охота на нихъ составляла значительный промыселъ²⁵. Въ Воронежской губ., по словамъ г. Михалевича, водились медвѣди, дикія козы, выдры, куницы, бобры и др.²⁶. Изъ Воронежскаго уѣзда въ XVII в. вывозили на ярмарку въ Вологду соболей²⁷. Изъ цитированной нами раньше вѣдомости видно, что въ Ворон. губ. водились еще въ прошломъ вѣкѣ—зубры или дикіе быки, олени, подобные нѣмецкимъ, дикія козы, сайгаки, дикіе кабаны и дикія кошки²⁸. Въ XIV в., какъ видно изъ словъ митр. Пимена, здѣсь было множество дикихъ звѣрей и птицъ—козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ, орловъ, гусей, лебедей, журавлей²⁹. Все

²¹ Н. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, II, стр. 81.

²² Ibidem, I, стр. 4.

²³ Описаніе Украины, С.-пб. 1832, стр. 15—16.

²⁴ Списки населенныхъ мѣстъ. Курская губ., стр. IX.

²⁵ Моя «Матеріалы»... стр. 20.

²⁶ Матеріалы для геогр. и стат. Ворон. губ. С.-пб. 1862, стр. 87.

²⁷ Н. Второвъ и К. Александрова,—Дольника. Ворон. акты, III, стр. 69.

²⁸ П. С. Зак., т. X, № 7581.

²⁹ Ник. лѣт., часть 4, стр. 160. Г. Левченко помѣстилъ въ «Кіев. Ст.» интересную замѣтку подъ заглавіемъ «Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя» (Кіев. Стар. 1882 г. августъ, стр. 373—479). Въ ней говорится о слѣдующихъ породахъ дикихъ животныхъ—дикихъ лошадяхъ, или по мѣстному тарпанахъ, оленяхъ, дикихъ кабаняхъ, медвѣдяхъ, бобрахъ, росомахахъ и рысяхъ, барсукахъ, сайгахъ или сугакахъ, сарнахъ. Въ 1886 г. Кіев. газета «Заря» сообщала о помѣжѣ въ заросляхъ р. Днѣпра бобра. Въ ноябрской книжкѣ «Кіев. Ст.» за 1882 г. Рудковскій сообщилъ не безынтересныя свѣдѣнія о дикихъ лошадяхъ

это должно было способствовать развитію среди поселенцевъ звѣроводства, рыболовства и скотоводства.

Возможность заниматься скотоводствомъ въ широкихъ размѣрахъ обуславливалась обиліемъ роскошныхъ степныхъ и луговыхъ пастбищъ. Почва Харьк. и сосѣднихъ Курской и Ворон. губ. принадлежитъ къ очень плодороднымъ. Въ настоящее время наибольшая часть земель въ Харьк. губ. занята полями (болѣе 27243 кв. версть), затѣмъ лугами (б. 8392 кв. версть), строевымъ лѣсомъ (б. 3913 кв. вер.), выгонами и дорогами (б. 3159 кв. вер.), дровянымъ лѣсомъ (б. 1320), песками (б. 1117), болотами и водою (б. 606), кустарниками (б. 538)³⁰. Въ прежнее время площадь лѣсовъ занимала пространство гораздо большее нынѣшняго. Но если въ XVII в. лѣсная площадь была втрое или даже вчетверо болѣе теперешней, то и тогда на долю полей придется все такъ наибольшее количество квад. версть. Такимъ образомъ мѣстность Харьк. губ. съ полнымъ правомъ можетъ быть названа полемъ или степью. Эта степь въ изобиліи производила высокую и густую траву, которую дорого цѣнили степные жители. Вотъ почему южнорусскія степи искони были жилищемъ разныхъ степняковъ—Гунновъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Торковъ, Половцевъ и Татаръ. Осѣдлому славянскому народу постоянно приходилось вести здѣсь борьбу двоякаго рода—оборонительную и наступательную. И всѣ естественныя преимущества въ ней были скорѣе на сторонѣ кочевника, нежели на сторонѣ земледѣльческихъ занятій; тамъ въ степи кочевникъ былъ неуловимъ; наоборотъ оттуда онъ налеталъ на села и хутора земледѣльца, убивалъ и уводилъ въ плѣнъ жителей, грабилъ скотъ и всякое другое имущество. Неудивительно, что со времени первыхъ нападеній кочевниковъ осѣдлое населеніе должно было подумать объ огражденіи себя отъ нихъ; для этой цѣли оно воспользовалось и естественными, и искусственными средствами защиты—съ одной стороны лѣсами, болотами, горами, могилами, съ другой—городками,

и охотѣ за ними въ Херсонской губ. Бопланъ оставилъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о байбакахъ, сукакахъ, кабакахъ, дикихъ лошадяхъ (Опис. Укр. С.-пб. 1832 г., стр. 89—93); на границѣ Московской, по его словамъ, водились бѣлые зайцы и дикія кошки (стр. 94). Обстоятельный сводъ извѣстій изъ иностранныхъ путешествіевъ XV—XVI ст. о дикихъ животныхъ въ Россію см. у Е. Е. Замысловскаго. Герберштейнъ и его ист. геогр. изв. 1884 г., XXIV—XXVII главы

³⁰ Списки насел. мѣстн. Харьк. губ. С.-пб. 1869 г. стр. II.

острожками, валами, засѣками и т. д. Осѣдлый земледѣлецъ въ концѣ концовъ побѣдилъ кочевника, но побѣда эта была куплена страшно дорогою цѣною. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ начались здѣсь первыя столкновенія русскаго славянина съ «поганымъ», и только въ концѣ прошлаго столѣтія русскіе одержали послѣднюю рѣшительную побѣду. Съ каждымъ новымъ шагомъ, занятымъ осѣдымъ славяниномъ, увеличивалось количество засѣянныхъ полей сравнительно съ общимъ количествомъ дикой степи; эта послѣдняя обращалась въ пашню; мѣсто ковыля занимаютъ злаки, сады и огороды... Таково значеніе степи.

Совсѣмъ иную роль игралъ лѣсъ. Степь не препятствовала движенію населенія, но и не защищала его отъ вражескихъ нападений. Лѣсъ препятствовалъ быстрому движенію колонизаціи, но за то защищалъ всякое новое селеніе отъ нападений. Гдѣ былъ лѣсъ, тамъ легко было устроить какую угодно твердь, туда трудно было проникнуть наѣзднику. Кочевникъ не любилъ заниматься осадой городовъ, хотя бы деревянныхъ или земляныхъ, какіе постоянно были у насъ на Руси. Онъ разсчитывалъ исключительно на быстроту, неожиданность нападений; ему нуженъ былъ прямой открытый путь для обратнаго возвращенія на случай неудачи. Такимъ образомъ лѣса, лежавшіе возлѣ степной полосы, были тѣмъ естественными оградами, которыми осѣдлое населеніе пользовалось для стратегическихъ цѣлей съ очень давнихъ временъ. Количество лѣсовъ въ прежнее время было гораздо значительнѣе нынѣшняго. Попробуемъ собрать свѣдѣнія о Харьковскихъ лѣсахъ XIX, XVIII и XVII вѣковъ для того, чтобы такимъ образомъ опредѣлить отношеніе степной площади къ лѣсной.

Въ настоящее время всѣ лѣса Харьк. губ. можно раздѣлить на двѣ части—сплошные и байрачные; первые въ видѣ непрерывныхъ полосъ тянутся по правымъ берегамъ рѣкъ (черезъ волчанскій и изюмскій уѣзды) Ворсклы и ея притока Мерла (въ богодуховскомъ и ахтырскомъ уѣздахъ), Псла (сумскомъ и лебединс.), въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ группъ лѣснаго пространства идутъ по рр. Айдару съ его притоками, Мерелѣ, Удамѣ, Лопани, Харькову (харьк. и валк.); вторые называются байрачными, потому что растутъ въ «буеракахъ», т.-е. на склонахъ и вершинахъ балокъ; они попадаются преимущественно въ степныхъ мѣстахъ³⁰.

³⁰ См. нас. мѣсть Харьк. губ. С.-Иб. 1869 г. I.XI.

Въ XVIII в. лѣса шли тремя полосами по берегамъ трехъ главныхъ рѣкъ отъ 5 до 10 въ ширину и затѣмъ еще нѣсколькими полосами вверхъ по теченію впадающихъ въ нихъ рѣчекъ иногда до 30 верстъ въ длину. Первая полоса тянулась по всему правому берегу Донца отъ Курскаго до Екатеринославскаго намѣстничества; вторая по правому берегу Ворсклы (черезъ хотм., богод., ахт. и краснок. у.); третья по берегамъ р. Псла (въ мироп., сумск. и лебед. у.)³¹ Это были главные полосы; другія менѣе значительныя тянулись по слѣдующимъ второстепеннымъ рѣкамъ: по притокамъ Донца Удамъ, Харькову, Лопани, Мжѣ, Мерехъ, Корени, Корочѣ и Нежеголи³² (въ чуг., харьк., волк., золог. и волч. у.) и Мерлу по правому берегу (въ богод. и красн. у.)³³; по этой послѣдней рѣкѣ въ 1705 г. тянулся боръ на 100 верстъ³⁴.

Сравнивая ту территорію, которую занимаютъ лѣса въ настоящее время съ тою, которую они занимали въ прошломъ столѣтіи, мы видимъ, что она осталась почти одна и таже, но только самые лѣса значительно порѣдѣли; такъ напр., въ змѣевскихъ лѣсахъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія водились въ изобиліи, какъ мы уже знаемъ, разные звѣри, а теперь тамъ рѣдко встрѣчаются и волки; исчезли также и клейменные дубовыя деревья для корабельнаго строенія³⁵.

Въ XVII ст. лѣса отличались положительной непроходимостью и занимали кромѣ того большое пространство, чѣмъ въ XVIII в. Начнемъ свое обозрѣніе съ рѣки Донца. Въ верхнемъ теченіи его³⁶ (въ нынѣшней Курской губ.) мы находимъ въ началѣ XVII ст. слѣдующіе лѣса *Болховы Боярки*, *Домій Боярокъ* и *Разумный лѣсъ*; первые два находились на Муравскомъ шляху въ 15 верстахъ³⁷

³¹ Топ. опис. Харьк. нам. М. 1788, 58—59; нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ теперь нѣтъ, напр., Хотмышскаго, Мирнопольскаго.

³² Послѣднія три рѣки теперь находится не въ Харьк., а въ Курск. губ.

³³ Топ. опис. Харьк., нам. М. 1788, стр. 58—59.

³⁴ Нам. кн. Харьк. губ. на 1868 г. стр. 48—59: «На Мерлу еще въ 1705 г. тянулся боръ отъ слободы Сѣннаго до устья сей рѣчки. Я (Каразинъ) имѣю опись, составленную въ разрядѣ, гдѣ вѣдальсь эти мѣста» (въ ст. Ю. И. Морозова Иаслѣд. кавмата Харьк. губ.).

³⁵ Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV. 194.

³⁶ Здѣсь лѣса шли по обѣимъ берегамъ, такъ что вся мѣстность была защищена (см. мон. «Матер.») стр. 3—4.

³⁷ Такое количество верстъ обозначено въ Книгѣ большаго чертежа; но тогдашнія версты были болѣе нынѣшнихъ; изъ одного примѣра можно, кажется,

отъ Бѣлгорода; изъ третьяго вытекала рѣчка Разумница (теперь Разумная). Выше и ниже г. Салтова шли лѣса и буераки. ³⁸ Возлѣ Чугуева былъ большой боръ, за тѣмъ лѣсъ дубовый между р. Тетлѣгою и Бабкою ³⁹; здѣсь же упоминается и заповѣднѣй лѣсъ ⁴⁰. Правый берегъ Донца возлѣ Зміева былъ покрытъ лѣсами; тамъ, напр., лѣсъ шелъ отъ Зміева до Каменнаго городища на протяженіи болѣе 10 верстѣ ⁴¹; здѣсь же былъ и *Гомольшанскій тѣсъ* ⁴²; еще южиѣ находимъ лѣсъ и на лѣвой русской сторонѣ Донца отъ дер. Андреевки (Ново-Борисоглѣбска) до Балаклеи. ⁴³ Сама Андреевка находилась среди лѣсовъ и лозъ ⁴⁴. Подлѣ Изюма упоминается *Изюмскій тѣсъ* ⁴⁵. Выше Святыхъ горъ былъ *Теплинскій* и около него *Черкасскій тѣсъ*; самому монастырю также принадлежали лѣсныя угодья ⁴⁶. Отъ устья Оскола внизъ по лѣвому берегу Донца до Святогорскаго монастыря шелъ лѣсъ и боръ, лѣса чередовались съ переполяннями по всему теченію Донца отъ Оскола до Зміева ⁴⁷. Возлѣ Торскихъ озеръ былъ также лѣсъ, который въ 1665 г. былъ вырубленъ, но на мѣстѣ его выросла молодая ⁴⁸; большой лѣсъ и буераки были и возлѣ Маяцка (нын. с. Маяковъ) ⁴⁹. Притоки Донца также изобиловали лѣсами, которые тянулись иногда по обоимъ берегамъ ихъ. По притоку Мжа р. Турушкѣ до г. Валокъ и вверхъ по Мжу до г. Новой Перекопи былъ большой *Турушковскій* лѣсъ, а противъ него въ ста саженьяхъ другой большой лѣсъ, шедшій отъ Ольшанаго и Харькова; первый въ длину простирался на 8 верстѣ, а поперекъ на 2, 3, 4 и 5 верстѣ; второй—въ длину на 5 или 6 вер., а поперекъ на 2 или 3 вер., а

заклѣчить, что верста Книги большого чертежа равнялась иногда 700 нынѣш. сажнямъ. См. Кн. глаг. большой чертежъ. Спасскаго М. 1846 г. стр. 20, прим. —

³⁸ Н. Н. Оглоблина. Обзор. ист. геогр. мат. XVII и нач. XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. М. 1884 г. стр. 73.

³⁹ Мои «Матеріалы...» стр. 4.

⁴⁰ Ibidem, стр. 4.

⁴¹ Книга глаг. большой чертежъ, Спасскаго, стр. 37.

⁴² Ibidem.

⁴³ Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп. IV, 152.

⁴⁴ Н. Н. Оглоблина. Обзор. ист. геогр. мат. стр. 280.

⁴⁵ Мои «Матер.» стр. 82.

⁴⁶ Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. I, 163, 183—190; мои «матер.», 128—129.

⁴⁷ Мои «Матер.» стр. 81—84.

⁴⁸ Ibidem, стр. 44.

⁴⁹ Ibidem, стр. 65.

многа и меньше ⁵⁰; налѣво отъ притока Мжа Адалага (нынѣ Водолага) находимъ лѣсъ *Иловскіе бояраки* ⁵¹, у устья Мжа были извѣстные уже намъ Змievскіе лѣса. Значительныя лѣсныя пространства тянулись и по р. Удамѣ и Харькову, Лоцани, Бабкѣ и Тетлѣгѣ; возлѣ Лоцани и Харькова по дорогѣ изъ Харькова въ Лазовую шелъ большой черныи лѣсъ ⁵². По р. Коломаку шелъ большой *Коломацкій* лѣсъ по правому берегу рѣки верстъ на 15 въ длину и на 2, 3, 4, 5 вер. въ ширину съ верховья рѣки за г. Коломакъ, потомъ шла степь на 20 вер. и затѣмъ опять на 7 вер. мягкій лѣсъ—ольха, лоза и орѣшникъ до коломацкаго брода; при впаденіи Коломака въ Ворсклу былъ такой боръ, лѣса и топи, что къ нимъ нельзя было и добраться ⁵³. На другомъ притокѣ Ворсклы Мерлаѣ мы видимъ большой дубовый и сосновый «селидебный» и дровяной лѣсъ и всякія лѣсныя уголья отъ устья вверхъ по теченію рѣки за Рублевку—всего въ длину на 15 вер., а въ ширину на 3, 4 и 5 верстъ; въ четырехъ верстахъ отъ Колонтаева этотъ лѣсъ снова продолжался къ Красному Куту, а отъ Городнаго и Мурафы до самыхъ верховьевъ Мерла шелъ уже большой дубовый, сосновый и ольховый лѣсъ въ длину на 12 вер., въ ширину на 5 вер. ⁵⁴. Отъ м. Городнаго и р. Мерла по притоку его Мерчику до г. Мурафы тянулся боръ дубнякъ и мягкій лѣсъ на 10 вер. въ длину и на 5, 6 и 7 в. въ ширину ⁵⁵. Другой лѣсъ шелъ по притоку Мерла Сеннянкѣ подлѣ м. Сѣннаго до с. Ряснаго въ длину на 6 вер., а въ ширину на 1 вер. и $\frac{1}{2}$ вер. и даже меньше ⁵⁶. Кромѣ этихъ сплошныхъ лѣсовъ упоминаются еще иногда мягкіе на болотахъ (таковъ напр., лѣсъ при м. Рублевкѣ ⁵⁷) и буерачные лѣса. Вдоль побережья Ворсклы, какъ видно

⁵⁰ Ibidem, стр. 133—135.

⁵¹ Книга глг. большой чертежъ. Спасскаго, стр. 17.

⁵² Мои «матер...» стр. 4; см. также В. В. Гурова при участіи Бродскаго Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ относящихся къ вопросу о старозаномочномъ землевладѣніи въ мѣстности б. слободской Украины. X. 1884 г., стр. 350, 351, 354.

⁵³ Мои «Матеріалы», стр. 135—136.

⁵⁴ Ibidem, стр. 137—141, 38. На картѣ Болдана *Мерлянский* лѣсъ тянулся сплошною полосою по всему правому берегу рѣки; см. Бантышъ Каменскаго Ист. Мал. Рос. изд. 3-е М. 1842, ч. I.

⁵⁵ Ibidem, стр. 140.

⁵⁶ Ibidem, стр. 141.

⁵⁷ Ibidem, стр. 137.

изъ карты Боплана, въ первой половинѣ XVII ст. шель большой дубовый лѣсъ, начинавшійся отъ верховьевъ ея и простиравшійся до г. Ахтырки и даже за Ахтырку до впаденія въ нее р. Мерла; онъ занималъ очень широкую полосу—большую половину водораздѣла Ворсклы и Псла и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходилъ также и на лѣвую сторону рѣкн. То же самое подтверждаетъ намъ мѣрная книга Волюновскаго и Лосицкаго уѣздовъ 1647 г., въ которой подробнѣйшимъ образомъ описаны оба берега р. Ворсклы; изъ нея видно, что тамъ былъ сплошной лѣсъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались переполянья по случаю постройки здѣсь острожковъ и др. укрѣпленій ⁵⁸; а изъ «смотрѣнной книги городовъ Ахтырскаго полка 1686 г.» видно, что большой боръ и рѣкодубье шли по р. Ворсклѣ и за устьемъ Мерла вплоть до впаденія въ нея р. Коломака, т.-е. до самой Полтавы ⁵⁹. Были лѣса и въ верховьяхъ р. Оскола; таковъ *Пузацкій* лѣсъ, гдѣ на Муравскомъ шляху сошлись верховья Сейма, Оскола и Оскольца ⁶⁰; таковъ *Погорѣлый* лѣсъ, находившійся между притоками Оскола Ублей и Котломъ и притокомъ Дона Полуданью ⁶¹, *Куколавъ*—гдѣ то между Осколомъ и Тихой Сосной ⁶². У верховьевъ рѣчекъ Корени и Корочи, впадающихъ въ притокъ Донца Нежеголь лежалъ лѣсъ *Юшковы боераки* ⁶³. По верхнему теченію Сулы и ея притоку Терпѣ въ 1649 г. упоминаются хоровые и дровяные лѣса; здѣсь же былъ *Кореневскій*, *Козельскій* и *Гриневскій* лѣсъ недалеко отъ г. Недригайлова ⁶⁴. Берега Псла были также довольно лѣсисты ⁶⁵. Въ межевой выписи черкасамъ г. Сумъ (1657 г.) упоминается о нѣсколькихъ лѣсахъ по тѣмъ границамъ, которыя шли на десять верстъ вверхъ и внизъ по р. Пслу и настолько же верстъ по сторонамъ; возлѣ рѣчекъ Бѣтицы, Любани, Бездрика, Черторки; здѣсь же называется по имени большой *Гнилицкій* лѣсъ и говорится о лѣсахъ въ окрестностяхъ г. Лебедина ⁶⁶. Были также

⁵⁸ В. И. Ходмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1883 г., кн. II, стр. 12—17).

⁵⁹ Мое «Мат.» стр. 137.

⁶⁰ Книга глг. больш. чер. Спасскаго, 11, 34, 87.

⁶¹ Ibidem 24.

⁶² Ibidem, 25.

⁶³ Ibidem, 12, 22, 29, 34, 87.

⁶⁴ Физ. Ист. стат. оп. Харк. еп., III, 557.

⁶⁵ Мое «Матер.» стр. 49; Архивъ Мин. Юст. книга о разныхъ городахъ № 47, стр. 534—552. (Описание г. Мирнополя).

⁶⁶ Мое «Матер.» стр. 104—113.

лѣса и по притокамъ Псла; — Суджѣ, Уинѣ и Порозу въ окрестностяхъ г. Суджи въ длину на 3 вер., а поперекъ на 2; тамъ упоминается *Борзжевскій* лѣсъ, изъ котораго вышла р. Ворожба, и *Хорловскій* ⁶⁷ лѣса шли здѣсь вездѣ по верховьямъ рѣчекъ. Наконецъ, хормный и дровяной лѣсъ находился по теченію притока р. Сейма Вира возлѣ нынѣшняго запѣтнаго г. Бѣлополя ⁶⁸.

Приведенныя нами данныя носятъ отрывочный, случайный характеръ и не даютъ намъ точныхъ свѣдѣній о площади, занятой нѣкогда лѣсами въ Харьк. губ. Но и изъ нихъ мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что берега большей части нашихъ рѣкъ въ прежнее время были покрыты лѣсами. Лѣсъ шелъ обыкновенно по правому нагорному берегу; иногда же и лѣвый низменный берегъ былъ покрытъ мягкими породами—ольхой, орѣшникомъ, лозою и т. п. Рядомъ съ чернымъ дубовымъ лѣсомъ мы встрѣчаемъ сосновые боры, большею частію на лѣвомъ берегу. И тѣ, и другіе съ небольшими промежутками тянулись по берегамъ рѣкъ; за ними шла степь. Кромѣ сплошныхъ лѣсныхъ полосъ встрѣчались часто буерачные лѣса, росшіе по склонамъ и вершинамъ балокъ. О нихъ мы находимъ частыя упоминанія въ актахъ XVII вѣка ⁶⁹.

Степныхъ пространствъ, какъ мы уже сказали, въ Харьк. губ. въ отдаленныя времена XVI и вѣроятно IX—XIV ст. было очень много, такъ что и тогда она съ полнымъ правомъ должна была называться и дѣйствительно называлась полемъ. Наши черноземныя степи никогда не были покрыты сплошнымъ лѣсомъ; споконъ вѣка на нихъ росли только густыя и высокія травы. Самый черноземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не лѣсу, а травѣ, какъ убѣдительно теперь доказываютъ новѣйшія геологическія изслѣдованія, посвященныя этому вопросу. Лѣса тянулись по большей части по теченію рѣкъ, но и здѣсь, какъ кажется, они не занимали всѣхъ побережьевъ; по крайней мѣрѣ, въ пользу нашего предположенія говоритъ нѣсколько документовъ первой и второй половины XVII ст. Таково подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе побережья р. Донца 1680 г. отъ впаденія въ него р. Оскола, гдѣ вымѣрены и обозначены въ сажняхъ пространства, занятыя лѣсами, байраками, дубровами, озерами, болотами и перепоянками. Врядъ ли можно допустить, чтобы всѣ эти пере-

⁶⁷ Ibidem, стр. 48—49.

⁶⁸ Ibidem, стр. 186.

⁶⁹ Мок «Матер»... стр. 2, 49, 65, 82, 83, 110, 112, 128, 134, 136.

полянья образовались исключительно благодаря вырубкамъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ того такія же переполанья мы встрѣчаемъ и по всѣмъ другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, какъ это видно напр. изъ смотрѣнной книги Ахтырскаго полка ⁷⁰. Что касается до пространствъ, заключающихся между рѣками и вдали отъ нихъ, то они въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя степныя полосы, такъ что нынѣшн. Старобѣльскій и Купянскій уѣзды Харьк. губ. издревле, какъ намъ думается, были степными. Лѣса представляли изъ себя надежное убѣжище на случай непріятельскихъ нашествій. Не удивительно, что первыя селенія располагались по берегамъ рѣкъ возлѣ лѣсовъ, необходимыхъ какъ для постройки укрѣпленій и жилищъ, такъ и для топлива; изъ лѣса выдѣлывалось также значительное количество разныхъ вещей, необходимыхъ въ хозяйствѣ — утварь, повозки, сани и т. п. Въ настоящее время количество лѣсовъ несравненно меньше прежняго. Истребленіе ихъ, какъ намъ кажется, нужно отнести главнымъ образомъ къ XVIII ст. До монгольскаго нашествія населеніе въ этихъ мѣстахъ врядъ ли было столь значительно, чтобы могло обезпечить занятія имъ мѣста. Правда, въ густыхъ, непроходимыхъ лѣсахъ оно дѣлало просѣки, расчищало себѣ незначительную часть подлѣ пашню, употребляло на свои нужды, но вся эта убыль, можно сказать, оставалась почти незамѣтной ⁷¹. Совсѣмъ иное дѣло въ XVII и особенно въ XVIII в. Чѣмъ больше заселялась территорія, тѣмъ меньше на долю каждаго стало приходиться лѣсныхъ угодій. Первые пришельцы имѣли возможность гдѣ угодно выбирать себѣ жилище; послѣдующіе же часто принуждены были заселять безлѣсныя степныя пространства. Система деревянныхъ городскихъ и подгородныхъ укрѣпленій также уничтожала не мало лѣсовъ. Новые колонисты устраивали водяныя и вѣтряныя мельницы, которыя покрыли собою всю заселенную ими мѣстность, добывали деготь, поташъ и селитру и наконецъ курили вино. Въ особенности губельно для лѣсовъ было винокурениіе. Оно было важнѣйшей привилегіей поселенцевъ — малороссіянъ; каждый имѣлъ право курить водку и для собственнаго употребленія, и на продажу. Весь излишекъ остающагося отъ употребленія хлѣба шелъ на этотъ промыселъ. Въ особенности стра-

⁷⁰ Моп «Матеріалы»... стр. 132—145.

⁷¹ Такимъ образомъ врядъ ли правъ г. Голубовскій, который готовъ повидному относить истребленіе лѣсовъ къ болѣе древнимъ временамъ; см. его «Печенѣги, Торки и Половцы» К. 1884 г., стр. 14—15.

дали такъ наз. вѣѣзжіе лѣса, т. е. такіе, въ которые имѣли право вѣѣзжать для рубки жители одного, а иногда и нѣсколькихъ ⁷² селеній. Казенныхъ лѣсовъ теперь всего 11.700 дес.; за ними почти не было присмотра и потому они пострадали едва ли не такъ же, какъ и вѣѣзжіе, количество которыхъ простирается до 241.000 дес.; въ прежнее же время ихъ было несравненно больше, потому что по актамъ они попадаются почти при всякомъ городѣ; владѣльческихъ лѣсовъ теперь 304.200 дес.; всего же лѣса 619.000 дес. ⁷³ И такъ, истребленіе лѣсовъ относится гл. обр. къ XVIII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. лѣсовъ въ нашей мѣстности было, какъ кажется, столько, сколько и въ IX—XIV ст. Ихъ было конечно гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, и они были гораздо гуще, чѣмъ теперь; но и тогда, какъ и теперь, они расположены были по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ; рядомъ съ ними тянулись степныя пространства, покрытыя густою роскошною травой; эти степи были совершенно открыты для нападений кочевниковъ и потому первые поселенцы нашли себѣ пріютъ въ лѣсахъ, которые въ актахъ XVII в. прямо называются «крѣпостями» или крѣпиками мѣстами. Но возлѣ каждаго лѣса было открытое мѣсто—поле, откуда постоянно приходилъ врагъ. Русское осѣдлое населеніе въ этомъ краѣ всю свою энергію должно было употребить на защиту себя отъ кочевниковъ. Всякій поселенецъ долженъ былъ сдѣлаться воиномъ; вездѣ нужно было построить крѣпости; на открытыхъ мѣстахъ—завести сторожей и стаичпиковъ для постоянныхъ наблюденій за татарами. Характеръ мѣстности опредѣлялъ характеръ колонизаціи.

Въ лѣсахъ было много дикихъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ; дикая груша и яблоня попадались почти въ каждомъ лѣсу. Даже въ шестидесятихъ годахъ текущаго столѣтія на однихъ Харьк. ярмарки привозилось сушеныхъ дикихъ грушъ и яблокъ не менѣе 50.000 ⁷⁴. Еще болѣе богата была въ этомъ отношеніи нынѣшняя Курская губ., гдѣ мы находимъ дикія груши, терепъ, крыжовникъ, смородину ⁷⁵; въ Воронежской губ. также встрѣчаются яблоня, груша, рябина, орѣшникъ, калина, бузина ⁷⁶. Что

⁷² Топогр. опис. Харьк. нам. М. 1788, 66—67.

⁷³ Спис. нас. мѣст. Харьк. губ., стр. LXII.

⁷⁴ Сп. нас. мѣст. Харьк. губ. стр. IX.

⁷⁵ Сп. нас. мѣст. Курской губ., стр. IX.

⁷⁶ Мат. для геогр. и стат. Россіи Воронеж. губ., стр. 8.

касается до производительности Харьк. и сосѣднихъ губ. вообще, то кромѣ указанныхъ уже дикихъ растеній, здѣсь могли съ большимъ успѣхомъ произрастать слѣд. культурныя растенія: рожь, пшеница, овесъ, гречиха, ячмень, просо; а кромѣ того—картофель, свекловица, горохъ, подсолнечникъ, макъ, ленъ и конопля; изъ болѣе рѣдкихъ растеній—табакъ, анисъ, арбузы, дыни, тыквы, огурцы, кукуруза и, наконецъ, виноградъ ⁷⁷. Садоводство въ прежнее время также являлось очень важнымъ занятіемъ населенія. Въ настоящее время мы находимъ остатки прежнихъ садовъ въ сѣверной части волковскаго уѣзда—Люботинѣ, Ковягахъ и въ сел. Коротечи Харьк. уѣзда ⁷⁸. Пасѣки и сады были часто первоначальными видами поселеній. Тѣже растенія (дикія и культурныя) мы находимъ и въ Курской ⁷⁹ и въ Воронежской губ. ⁸⁰.

Произведеніями міра ископаемаго вся изучаемая нами мѣстность не особенно богата: очень важное значеніе имѣла только соль. Изъ другихъ минераловъ можно только указать на гончарную глину, жерновые камни и мѣлъ. Мѣстонахожденіемъ соли служили такъ наз. Торскія и Маяцкія озера (нынѣшнія славянскія), а также нын. Бахмутъ (Екат. губ.). Свободное безпошлинное добываніе соли въ прежнее время имѣло также большое значеніе для населенія; заселеніе Изюмскаго полка въ XVIII в. нужно поставить въ связь съ существованіемъ Торскихъ соляныхъ озеръ. Жерновые камни были необходимы для громаднаго количества вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ. Особенно обширно было распространеніе мѣла, который залегалъ въ мѣловой формации едва ли не въ большей половинѣ Харьк., а также Курской и Воронежской губ.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ обнажается и представляетъ живописныя виды. Мѣлъ употребляется на обмазку хатъ—«мазанокъ». Гончарная глина шла на выдѣлку глиняной посуды. Что касается торфа и каменнаго угля, добываемыхъ въ настоящее время, то ихъ прежде не знали.

Таковы были естественныя богатства края! Къ этому слѣдуетъ добавить, что климатъ его не отличается суровостью; хотя

⁷⁷ См. нас. мѣсть Харьк. губ., LV—LX стр.; въ актахъ XVII в. мы находимъ любопытныя данныя о чугуевскомъ арбузномъ огородѣ и виноградникѣ; о нихъ мы еще будемъ говорить впоследствии.

⁷⁸ Ibidem, стр. LX.

⁷⁹ См. нас. мѣсть. Курской губ. стр. VIII—IX.

⁸⁰ Мат. для геогр. и стат. Россіи. Воронеж. губ., 80—82.

Харьковская губ. принадлежит еще ко внутренней Россіи, ибо лежит между 48° 30' и 50° сѣв. широты, но уже подходит къ южной стѣнной полосѣ ⁸¹.

Такимъ образомъ, не мало привлекательнаго было въ этой южной стѣнной окраинѣ Московскаго государства, которая между тѣмъ оставалась незаселенной со времени татарскаго нашествія. Край этотъ не былъ еще татарскимъ, но его нельзя было называть и русскимъ; это была *terra nullius*. Татары здѣсь еще, какъ кажется, не имѣли постоянныхъ кочевницъ, хотя во многихъ урочищахъ они такъ часто бывали, что эти послѣднія даже были извѣстны подъ татарскими названіями: таковы названія многихъ перелазовъ или перевозовъ на Донцѣ, сохранившіяся въ Книгѣ Большаго Чертежа. Здѣсь пролегали знаменитые татарскіе шляхи, т. е. дороги въ Русь.

Къ обзорѣннѣю тѣхъ и другихъ мы и переходимъ.

Дороги въ Московское госуд. хорошо были извѣстны татарамъ. Они обыкновенно старались выбирать такой путь, чтобы не переходить рѣкъ, особенно глубокихъ и широкихъ. Тѣмъ не менѣе невозможно было избѣгать ихъ нѣкоторыхъ переправъ. Для такихъ переправъ необходимо было заранѣе выбрать удобныя мѣста. Переправлялись они обыкновенно вѣстѣ съ лошадьми, съ которыми они никогда не разлучались, почему должны были выискивать болѣе пологіи берега. Если даже черезъ Днѣпръ они переправлялись просто на своихъ лошадяхъ, привязавъ къ хвостамъ ихъ нѣчто вродѣ камышеваго плота, на который складывали одежду, оружіе, сѣдло и т. п., то тѣмъ болѣе необходимо допустить такой способъ переправы черезъ другія менѣе значительныя рѣки, какъ напр., Донецъ и др. ⁸² Большинство тогдашнихъ рѣкъ южной Россіи можно было даже переходить въ бродѣ. Прямая указанія на это мы имѣемъ въ актахъ XVII в.; поэтому въ источникахъ перевозки называются и бродами. Постараемся сгруппировать всѣ данныя о перевозахъ или, какъ они иначе называются, перелазахъ черезъ тѣ рѣки, которыя находятся въ предѣлахъ изучаемаго края. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Книгѣ Большаго Чертежа, которая прямо называетъ ихъ татарскими: «и на Донцѣ татарскіе перевозки и перелазы, въ которые

⁸¹ См. нас. мѣсть Харьк. губ., стр. 1, XVIII.

⁸² См. Боллаиа. Описаніе Украйны, стр. 58—59.

проходятъ татарови въ Русь»⁸³. На Донцѣ въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа были слѣд. перевозки:

- 1) *Каганскій*⁸⁴ сѣвернѣе устья р. Удь, гдѣ-то возлѣ Чугуева.
- 2) *Абашкинъ* въ 3 вер. отъ р. Гомольши недалеко отъ нын. сел. Бишкинъ, Зміев. уѣзда.
- 3) *Шебалинскій* въ 10 вер. отъ предыдущаго недалеко отъ нын. с. Шеблинки, Зміев. уѣзда.
- 4) *Ляховъ* ниже рѣчки Бакина колодезя въ Зміевскомъ уѣздѣ на границѣ съ Изюмскимъ.
- 5) *Савинскій* возлѣ нын. сел. Савинецъ, Изюмскаго уѣзда на 20 вер. южнѣе Ляхова.
- 6) *Изюмскій* ниже р. Изюмца, не доѣзжая 8 вер. до Царь-борисова, Изюмскаго уѣзда.
- 7) *Каменный*⁸⁵, въ 6 вер. отъ р. Изюмца.
- 8) *Малый* на югъ отъ р. Нетригуза (нын. Нетруса), Изюмскаго уѣзда.
- 9) *Большой*⁸⁶ къ югу отъ р. Тора (нын. Торца), не доѣзжая 12 вер. до р. Жеребца, въ 10 вер. отъ предыдущаго.
- 10) *Боровскій*⁸⁷ на 15 вер.⁸⁸ южнѣе устья р. Бахмута, Старобѣльскаго уѣзда.
- 11) *Татарскій*⁸⁹ далеко южнѣе р. Лугани въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской губ.

⁸³ Книга глг. большой чертежъ. Спасскаго М. 1846 г., стр. 27.

⁸⁴ Ibidem, стр. 31.

⁸⁵ При опредѣленіи мѣстоположенія Каменнаго и Изюмскаго перевозовъ въ текстѣ Книги Большаго Чертежа вкралась, б. м., ошибка; въ одномъ спискѣ сказано, что Изюмскій перевозъ находится выше р. Изюмца, въ другомъ — между Изюмомъ и Изюмцемъ, а въ третьемъ — ниже (стр. 34, прим. а). Въ «Росписи польскимъ дорогамъ» перевозъ этотъ помѣщается у Изюмъ-Кургана (мой «Матер...» стр. 1). Тоже самое въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ и сама Книга Большаго Чертежа: «а пали въ Донецъ, Изюмъ и Изюмецъ (т. е. нын. Мокрый и Сухой Изюмецъ) подъ Изюмскимъ курганомъ... и тутъ Донецъ Сѣверской возятя». (Книга глг. большой чертежъ Спасскаго, стр. 23). Изъ одного отысканнаго мною документа видно, что перевозъ находился на 570 с. южнѣе устья р. Изюмца (мой «Матер...», стр. 82).

⁸⁶ О немъ, очевидно, говоритъ Герберштейнъ, называя его Великимъ и помѣщая недалеко отъ Святыхъ горъ (Зап. о Моск. Спб. 1866 г., 103).

⁸⁷ О немъ говорится и въ «Росписи польскимъ дорогамъ» (мой «Мат...», стр. 1).

⁸⁸ Версты вездѣ мною обозначены по расчету Книги Большаго Чертежа, т. е. болѣе вышѣшнихъ.

⁸⁹ Книга глг. большой чертежъ, Спасскаго, М. 1846 г., стр. 33 — 34, 37 — 40.

Этотъ списокъ пополяется еще свидѣніями изъ другихъ источниковъ. Трудно рѣшить, существовали или нѣтъ эти перевозки въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа. По аналогіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о татарскихъ путяхъ, можно предположить, что татары во время своихъ непрерывныхъ нападений на Московское госуд. разыскивали и новыя переправы кромѣ тѣхъ, которыя были имъ извѣстны раньше. Но и въ Книгѣ Чертежа перечислены не всѣ перевозки; по крайней мѣрѣ въ «Росписи польскимъ дорогамъ» времени Ѳеодора Іоанновича мы находимъ упоминаніе о *Мишкиномъ* перевозѣ при впаденіи Деркула въ Донецъ ⁹⁰. Подъ 1680 г. говорится о *Торскомъ* перевозѣ, который, очевидно, находился при впаденіи р. Торца въ Донецъ, и *Берецкомъ* на устьѣ р. Береки ⁹¹.

Кромѣ этихъ переправъ было еще много и другихъ — безымянныхъ; такъ въ документахъ упоминается о перелазахъ черезъ Донецъ возлѣ Салтова ⁹², Чугуева ⁹³, немного сѣвернѣе устья р. Оскола ⁹⁴, противъ Антоновой криницы на сѣверъ отъ Изюмскаго лѣса ⁹⁵, въ Тишковомъ кутѣ ⁹⁶, возлѣ с. Балаклеи ⁹⁷ и Андреевыхъ Лозъ ⁹⁸; около рѣчки Тешинки были вездѣ татарскіе перелазы, такъ какъ тамъ берегъ не былъ укрѣпленъ, а лѣсъ былъ очень рѣдокъ ⁹⁹.

На другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ также было не мало татарскихъ переправъ. Въ своихъ документахъ я нашелъ упоминанія о *Млыновомъ* бродѣ на р. Сеймѣ ¹⁰⁰, о *Коломацкомъ* на р. Коломакѣ ¹⁰¹, о перелазахъ на р. Волчьей ¹⁰², Мерчикѣ ¹⁰³, Торѣ (или Торцѣ) ¹⁰⁴,

⁹⁰ Мои «Матеріалы...» стр. 1.

⁹¹ Ibidem, стр. 82—83.

⁹² Ibidem, стр. 63.

⁹³ Ibidem, стр. 62.

⁹⁴ Ibidem, стр. 81.

⁹⁵ Ibidem, стр. 82.

⁹⁶ Ibidem, стр. 83.

⁹⁷ Ibidem, стр. 84.

⁹⁸ Ibidem, стр. 84.

⁹⁹ Ibidem, стр. 83.

¹⁰⁰ Ibidem, стр. 2.

¹⁰¹ Ibidem, стр. 136, 141, 143.

¹⁰² Ibidem, стр. 68.

¹⁰³ Ibidem, стр. 140.

¹⁰⁴ Ibidem, стр. 128.

Соснѣ ¹⁰⁵, Усердѣ ¹⁰⁶, Осколѣ ¹⁰⁷. На одной Соснѣ было 14 бродовъ, которые были приведены въ извѣстность и затѣмъ укрѣплены ¹⁰⁸.

Кромѣ лѣтнихъ переправъ упоминаются и зимнія, такъ какъ татары часто дѣлали нападенія зимою, «когда рѣки стануть».

Укрѣпленіе перелазовъ надолбами, башнями, честиномъ и т. п. составляло, какъ увидимъ дальше, предметъ особой заботы Московскаго правительства, а самое число ихъ краснорѣчиво говорить намъ о томъ, какъ часты были татарскіе набѣги.

Предпринимая ежегодныя нападенія на Московскія украины, татары естественно могли хорошо изучить мѣстность. Двигаясь въ Русь, они должны были выбирать самыя удобныя дороги. Препятствіемъ для движенія могли служить только рѣки да лѣса; ни горъ, ни ущелій, ни обширныхъ болотъ не было. Понятно, слѣдовательно, почему татары обратили особенное вниманіе на перелазы. Но независимо отъ этого они старались также по возможности избѣгать переправъ черезъ рѣки. Устройство поверхности края вполнѣ благопріятствовало этому. Черезъ всю Курскую и Харьковскую губ. отъ сѣвера къ югу проходилъ, какъ мы уже знаемъ, горный кряжъ, служившій водораздѣломъ днѣпровскаго и донскаго бассейновъ. Вотъ этотъ-то водораздѣлъ и являлся постоянно естественною дорогою въ Русскія украины. Это и былъ *Муравскій шляхъ*. Онъ шелъ изъ Крымской перекопи до г. Тулы между верховьями множества рѣкъ и рѣчекъ двухъ бассейновъ, но не пересѣкалъ почти ни одной изъ нихъ.

Подробное описаніе этой дороги помѣщено въ Книгѣ Большаго Чертежа. Крымская перекопь простиралась на 6 верстѣ въ длину и представляла изъ себя ровъ шириною въ 2 косыхъ сажени, а глубиною въ 3; на валу стояли каменныя башни; здѣсь же

¹⁰⁵ Ibidem, стр. 59.

¹⁰⁶ Ibidem, стр. 76.

¹⁰⁷ Ibidem, стр. 81.

¹⁰⁸ Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтепіяхъ Моск. Общ. за 1846 г. № 4, стр. 52 — 55). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что названія многихъ переправъ не попали въ наши письменные источники, такъ, напримѣръ, уважаемый ректоръ Харьков. унив. И. П. Щелковъ сообщилъ мнѣ о существованіи въ настоящее время переправы на р. *Можъ*, извѣстной у мѣстнаго населенія подъ именемъ «*Вайдаковъ*»; татарское происхожденіе этого названія указываетъ, что этой переправой иногда пользовались татары; она находится у с. Соколова.

былъ и городъ Перекопъ. Отсюда начинался шляхъ и шелъ въ сѣверо-восточномъ направленіи до верховьевъ р. Молочныхъ Водъ, впадающей въ Азовское море; здѣсь онъ приходилъ между верховьями Молочныхъ Водъ и Конскихъ Водъ, потомъ по р. Быку, притоку р. Самары, между Волчьими Водами притокомъ Самары и Торцомъ и т. д. Какъ видимъ, здѣсь на югѣ Муравскій шляхъ идетъ по водораздѣламъ между рѣками, впадающими съ одной стороны въ Днѣпръ, а съ другой въ Азовское море, потомъ Донецъ; первая рѣка, впадающая въ Сѣв. Донецъ, Торець, который въ Книгѣ Большаго Чертежа называется Торомъ; первая рѣка днѣпровскаго бассейна, мимо которой проходилъ Муравскій шляхъ, была Конская, затѣмъ на западъ отъ него были рѣки днѣпровскаго бассейна, на востокъ—донецкаго; первыя шли въ такомъ порядкѣ: Самара съ ея притоками—Быкомъ, Волчьими Водами, Терновской, Орель съ притоками Гнилою Орелью, Берестовою, въ которую впалъ Берестовенець, Орчикомъ, Ворскла съ притоками Коломакомъ, Ковой, Котеною (Котельвой), Братишницею, Рабынью, Мерломъ, Грайворономъ, Рудами, Гостинницею, — Пселъ, Сеймъ; вторые—вотъ въ какомъ: Берека, Чепель, Абапкинъ колодезь, Гомольша, Можъ со своими притоками Олешанкой и Иловкой, Водолгаго, Болгаревымъ, Мерфой, Мерчикъ ¹⁰⁹ съ Турушковымъ колодеземъ, Уды съ Алешенкой, Рагазенцемъ, Березовымъ колодеземъ, Угримомъ. Лопиномъ (Лопанью), Везеница, Донецъ, Осколь съ Оскольцемъ; все это, исключая Мерчика, — притоки Сѣверскаго Донца. Послѣ этого Муравскій шляхъ шелъ въ началѣ до г. Ливень въ предѣлахъ одного донскаго бассейна, а потомъ въ водораздѣлѣ донскаго и окскаго бассейновъ. Здѣсь, начиная съ верховьевъ Сейма, на западъ находились притоки Тима, впадающаго въ Быструю Сосну—Савинскій Колодезь, Плосковъ, Долгой, Кобылей и, наконецъ, самъ Тимъ; на восточной сторонѣ ея, начиная съ верховьевъ Оскола, шла р. Кщенева—тоже притокъ Сосны, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ дороги. Г. Ливны находился на Соснѣ въ 15 вер. отъ устья Тима и въ 3 отъ устья Кщеневои. У Ливень на Соснѣ была переправа. Отсюда Муравскій шляхъ доходилъ до г. Тулы; съ западной стороны около него протекали рѣки—Ливна,

¹⁰⁹ Мерчикъ, притокъ Мерла, принадлежитъ къ днѣпровскому бассейну и является так. обр. единственнымъ исключеніемъ. Здѣсь была переправа—вторая по выходѣ изъ самой Перекопи, если предположить, что первая была на Мжѣ или Коломакѣ.

притокъ Сосны, Любовина, впадающая въ притокъ Сосны Труды, Зуша, притокъ Оки, Плава и Солова, впадающія въ притокъ Оки Упу; съ восточной—Ворголь и Меча, притоки Сосны и Уда. Черезъ Упу татары переправлялись у Костомарова брода противъ Дѣдилова, затѣмъ переходили еще черезъ рѣчки Шатъ и Шиваранъ (притоки Упы) и подходили къ засѣкѣмъ возлѣ г. Тулы. Еще прежде за Ворголомъ имъ нужно было переправляться черезъ р. Гоголь съ Гоголкой.¹¹⁰

Таково направленіе Муравскаго шляха. До самыхъ Ливенъ онъ проходилъ, какъ мы видимъ, по водораздѣламъ и только потомъ уже отъ Ливенъ до г. Тулы шелъ между рѣками Окскаго и Донскаго бассейновъ. Начинаясь въ южнѣйшей Таврической губ., онъ проходилъ по Екатеринославской, Харьковской, Курской и оканчивался въ Орловской губ. Самыя важныя переправы были на Быстрой Соснѣ и на Упѣ. Между Можью и Коломакомъ находился ровъ или переконь, который объѣхать по сторонамъ было невозможно, потому что съ обѣихъ сторонъ «подолли лѣса и болота»¹¹¹. Это была единственная серьезная задержка для движенія по Муравской дорогѣ. Здѣсь издревле находилась русская сторожа. Невольно обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что Муравская дорога въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа доходила еще до г. Тулы, который отстоялъ отъ Москвы всего на 160 вер., а отъ Серпухова на 70 верстъ¹¹². Нужно впрочемъ замѣтить, что въ это время самый сѣверный конецъ Муравской дороги былъ уже отвоеванъ отъ татаръ и сдѣлался военной украиной Русскаго государства¹¹³; намъ извѣстно, что въ 1627 г., когда составлена была Книга Большаго Чертежа, существовали уже многіе «польскіе» города—Ливны, Бѣлгородъ, Осколь и др. Съ теченіемъ времени вообще Муравская Сакма значительно сократилась, именно тогда, когда были заселены Бѣлгородская и Слободская украинны. Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. татары доходили только до городка Карпова (нынѣ селеніе Курской губ.¹¹⁴). Отъ Муравскаго шляха отдѣлялосьещедва другихъ—Изюмскій и Калміускій.

¹¹⁰ Книга глѣг. Большой Чертежъ. Спасскаго М. 1846 г., стр. 7—21.

¹¹¹ Ibidem, стр. 17.

¹¹² Ibidem, стр. 7; теперь немного болѣе.

¹¹³ Первое упоминаніе о Муравскомъ шляхѣ относится, кажется, къ 1555 г. (см. Нвк. лѣт., ч. 7-я стр. 241); тогда ханъ устремлялся прямо на Тулу.

¹¹⁴ Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. ен., отд. IV, стр., 49—54.

Изюмскій шляхъ отдѣлялся отъ Муравскаго у верховьевъ р. Орели, откуда на протяженіи 40 верстъ тянулся до Изюмскаго перевоза на Донцѣ въ нын. Изюмскомъ уѣздѣ Харьк. губ. немного южнѣе р. Изюмца. Нужно предполагать, что онъ начинался не у самаго верховья р. Орели, а не далеко отъ впаденія въ нее Орельки, такъ какъ въ противномъ случаѣ татары должны были бы напрасно подниматься на сѣверъ, чтобы потомъ спускаться на югъ; а если это такъ, то Изюмская Сакма началась гдѣ-то въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. и тянулась между Торцемъ и Береккой по Изюмскому уѣзду Харьковской. Переправившись съ Крымскаго на Ногайскій берегъ Донца, татары шли далѣе по водораздѣлу Оскола и Донца; на западъ отъ Изюмской сакмы лежали притоки Сѣверскаго Донца—Изюмецъ, Балаклѣя, Бурлукъ, Гинлица, Хотомля, Волчьи Воды (теперь р. Волчья) и притоки Нежеголи, впадающей въ Донецъ, Корень и Короча; на востокъ притоки Оскола: Козинка, Разгромный Колодезь, Холянъ и Холка, Олешинка, Орляя, Дубенка. Съ Муравскою сакмою соединялась Изюмская у Семскихъ Котлубановъ ¹¹⁵, т. е. у одного изъ верховьевъ р. Сейма въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губ. ¹¹⁶. Такимъ образомъ, отъ Донца Изюмскій шляхъ шелъ по Изюмскому, Купянскому, Волганскому уѣздамъ Харьков. губ., Новоскольскому, Корочанскому и Старооскольскому уѣздамъ Курской.

Калміуская сакма отклонялась еще далѣе на востокъ, чѣмъ Изюмская и шла самостоятельно отъ верховьевъ Молочныхъ Водъ ¹¹⁷ до г. Ливенъ. Отъ Молочныхъ Водъ она шла къ востоку подлѣ «морскихъ проливовъ» и рѣкъ, впадающихъ непосредственно въ Азовское море—Берла, Караташа, Калъ, Елькуваты, Крымки, Міуса и такимъ образомъ доходила до верховья р. Бѣлаго колодезя (и. б. тепер. Бѣленькая—притокъ Донца); отсюда восточное направленіе дороги измѣнялось въ сѣверное: она подходила къ Донцу у его лѣваго притока Боровой ¹¹⁸, здѣсь находился перевозъ (Бо-

¹¹⁵ Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 21—24.

¹¹⁶ Ibidem, стр. 12, 216.

¹¹⁷ Отъ Перекопи до Молочныхъ Водъ находилась только р. Куклюкъ, по всей вѣроятности нын. Утлюкъ (Большой и Малый), впадающей въ Азовское море.

¹¹⁸ Былъ еще, такъ сказать: отрогъ Калміуской дороги, онъ шелъ не къ Боровой, а къ Хорошымъ и Гребенымъ горамъ, лежавшимъ гораздо южнѣе Боровой.

ровскій). Переправившись черезъ Донецъ, нужно было ѣхать вверхъ по Боровой, такъ чтобы рѣка оставалась влѣво, и доѣхать до верховьевъ Боровой, а оттуда направиться къ верховьямъ Красной; подвигаясь далѣе въ томъ же направленіи (къ сѣверу), необходимо было проѣзжать возлѣ верховьевъ рѣкъ оскольскаго бассейна Уразовы, Ураевы и Валуи съ его притокомъ Полатовкой ¹¹⁹; всѣ они лежали на лѣвой западной сторонѣ; съ правой же восточной мы находимъ только верховья донецкаго притока Айдара, и донскаго Богучара ¹²⁰. Черезъ Тихую Сосну былъ Каменный бродъ между г. Усердомъ и Ольшанскомъ. Отсюда Калміуская сакма шла по водораздѣлу Оскола и Дона; къ первому принадлежали Котель, Убля, Горосимъ съ его притокомъ Опочкой; ко второму—Потудонъ (нын. Потудонъ); наконецъ, чтобы добраться до самихъ Ливенъ, нужно было еще переправиться черезъ притоки Быстрой Сосны Олымъ и Кщевену и черезъ самую Сосну. Такимъ образомъ, Калміуская дорога шла изъ Ливенъ на Осколь, съ Оскола на Валуйки, съ Валукъ на Царевъ Градъ ¹²¹. Проложена была Калміуская дорога татарами въ XVI ст.; русскіе же станичники узнали о ней въ 1579 г., и тотчасъ же было сдѣлано новое распредѣленіе сторожъ и станицъ. Переправа черезъ Донецъ находилась на разстояніи полдня пути отъ г. Раздоровъ, который лежалъ при впаденіи Донца въ Донъ подъ Гребенными горами ¹²²; очевидно это южный или нижній отрогъ Калміуской дороги, о которомъ мы говорили выше. Самую удобную изъ всѣхъ этихъ трехъ дорогъ была Муравская. Маржеретъ говоритъ, что татарами было проложено три дороги—Царская, Крымская и путь вел. хана ¹²³; по всей вѣроятности, подъ ними нужно разумѣть Муравскую, Изюмскую и Калміускую сакмы.

Кромѣ этихъ трехъ дорогъ существовало множество другихъ менѣе важныхъ; къ несчастью мы не имѣемъ о нихъ такихъ об-

¹¹⁹ Въ Книгѣ Большаго Чертежа мы имѣемъ р. Полатову и Полатовку; очевидно, одна притокъ другой; теперь въ р. Валуй впадаетъ только Полатовка, а Полатовы нѣтъ.

¹²⁰ Здѣсь, кажется, маленькая неточность: верховья Богучара находится въ сторонѣ верховьевъ Айдара и не зачѣмъ было отклоняться къ нему такъ далеко на востокъ.

¹²¹ Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго М. 1846 г. стр. 24—27.

¹²² Бѣляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чешняхъ Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 30 и источн. стр. 31—32).

¹²³ Устрялова. Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозв. ч. 3-я, стр. 53.

стоятельныхъ свѣдѣній, какія о трехъ предшествующихъ дала намъ Книга Большаго Чертежа. Таковъ напр. *Бакаевъ* шляхъ. Онъ шелъ отъ Днѣпра въ 40 вер. отъ Муравскаго шляха къ г. Рыльску, а затѣмъ далѣе отъ Рыльска назывался уже *Свиннымъ* и тянулся до г. Болхова. Имя свое онъ получилъ отъ мурзы Бакая, который съ бѣлогородскими татарами ходилъ этимъ шляхомъ на Рыльскій, Карачевскій, Орловскій и Болховскій уѣзды тогда, когда не было еще «польскихъ» городовъ. Подъ именемъ «польскихъ» городовъ здѣсь, несомнѣнно, разумѣются города построенные въ степи на почвѣ въ царствованіе Θεодора Іоанновича и Михаила Θεодоровича (Бѣлгородъ и др. ¹²⁴). Мурза Бакай, по предположенію Свасскаго, былъ погайскій князь Бака, который въ 1541 г. ходилъ войною на Русь съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ ¹²⁵; это предположеніе очень вѣроятно. Подъ Городецкимъ городищемъ на 40 вер. ниже Курска татарамъ нужно было переправляться черезъ Сеймъ и потому тамъ поставлена была изъ Курска сторожа и поселены деревни Рыльскаго уѣзда ¹²⁶. Въ харьк. губ. онъ проходилъ по Сумскому уѣзду у притока Псла р. Любани ¹²⁷, въ Курской у Карпова ¹²⁸ (нын. сел. Бѣлгор. уѣздъ). Изъ г. Сумъ черезъ Суджу въ г. Курскъ и Обоинскій уѣздъ шло двѣ сакмы между рѣками Пслою и Сеймомъ ¹²⁹; одна проходила черезъ г. Суджу а другая подъ именемъ *Залоконскаго* шляха въ 8 вер. отъ него ближе къ Путивльскому и Рыльскому уѣздамъ ¹³⁰. Здѣсь же въ 15 вер. отъ г. Суджи между Пслою и Ворсклою пролегалъ и *Сагайдачный* шляхъ ¹³¹; онъ шелъ у верховья р. Бѣлки близъ м. Боромли ¹³², возлѣ Пушкарнаго ¹³³, за р. Боровой ¹³⁴, возлѣ Бакаева шляха у верховьевъ

¹²⁴ Догадка издателя Книги Большаго Чертежа Свасскаго, что здѣсь дѣло идетъ о городахъ, принадлежавшихъ полякамъ, совершенно несостоятельна. Книга глаг. Болш. Чертежъ. Свасскаго м. 1846 г. стр. 253.

¹²⁵ Ibidem, стр. 252.

¹²⁶ Ibidem, стр. 84, 106, 111.

¹²⁷ Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 336—337; IV, стр. 59, прим.

¹²⁸ Мои «матер...» стр. 36. На картѣ, приложенной въ соч. А. А. Русова «Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. К. 1876 г., Бакаевъ шляхъ является прямымъ продолженіемъ Чернаго и доходитъ до г. Балхова; къ несчастью мы не знаемъ, какими источниками пользовался почтенный изслѣдователь.

¹²⁹ Мои «матер...» стр. 48—49.

¹³⁰ Ibidem.

¹³¹ Ibidem; Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 338—339, прим.

¹³² Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 117—118, прим.

¹³³ Ibidem, стр. 157.

¹³⁴ Ibidem, стр. 195.

рѣчекъ Любани, притокъ Пола ¹³⁵; Бобрика ¹³⁶, Исторопи ¹³⁷ т. е. въ нынѣшнемъ Ахтырекомъ уѣздѣ. *Ромодановскій* шляхъ или Ромодань, по словамъ пр. Филарета, шелъ изъ Путивля въ Гадячь черезъ Терны и Верхосулку т. е. въ нын. Лебединскомъ уѣздѣ ¹³⁸; но на чемъ основывалъ пр. Филаретъ свое мнѣніе, мы не знаемъ. Въ другомъ мѣстѣ объ этомъ шляхѣ онъ говоритъ слѣдующее: «кн. Ромодановскій оставилъ свое имя на дорогѣ, конечно, съ того времени, какъ 1658 г. шелъ въ Малороссію противъ Виговскаго и потому не разъ ходилъ умирять волненія Брюховецкаго и Дорошенки. Ромодановскій не былъ челоѣкомъ мягкимъ; онъ заставлялъ помнить шаги его, а дорогу готовили ему безъ сомнѣнія чернасы» ¹³⁹. Изъ одной рукописи Имп. Публ. библіотеки А. А. Русова приводить слѣдующую выписку: «сверхъ сихъ почтовыхъ, примѣтнѣйшія здѣсь старинныя дороги, лежація въ уѣздахъ Сумскомъ, Лебединскомъ, Богодух. и Харьк., изъ которыхъ первая называется Ромодановскій шляхъ, вторая—Сагайдачный, а третья—Муравскій шляхъ. Они простираются отъ р. Днѣпра во внутренность Великороссіи и излучинами пролегаютъ между вершинами рѣчекъ и овраговъ вездѣ по ровнымъ и возвышеннымъ краямъ, исключая уже самыя необходимыя мѣста, которыхъ за отдѣленіемъ вершинъ или за уклоненіемъ ихъ въ лѣса обвести не можно; обозы съ тяжелыми фурами и въ нынѣшнее время большею частью проѣзжаютъ по сямъ дорогамъ въ разсужденіе ровнаго и негористаго ихъ положенія» ¹⁴⁰. Так. обр. и Ромодановскій и Сагайдачный шляхи, подобно Муравскому шли по ровной и немного возвышенной мѣстности, по водораздѣламъ. Они были столь удобны, что еще въ началѣ XIX ст. ими пользовались въ видѣ транспортныхъ дорогъ. Кромѣ этихъ шляховъ мы имѣемъ еще не мало другихъ таковы—*Обышкинскій* у Абашкина перевоза ¹⁴¹, *Шебалинскій* у Ше-

¹³⁵ Ibidem, стр. 336—337.

¹³⁶ Ibidem, стр. 364.

¹³⁷ Ibidem, стр. 466.

¹³⁸ Ibidem, стр. 583.

¹³⁹ Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. III, стр. 396.

¹⁴⁰ Заимствовано А. А. Русовымъ изъ рукописи, содержащей въ себѣ «Атласъ Слободской губ.», составленный въ 1802 г.; См. А. А. Русова; Русскіе тракты въ концѣ XVII и нач. XVIII в. К. 1876 г. стр. 73.

¹⁴¹ Бѣльева. О сторожевой стапичной и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. кн. 4, источ. стр. 19—26).

балинскаго ¹⁴², *Савинскій* у Савинскаго ¹⁴³, *Бирюцкий* у р. Берки ¹⁴⁴, *Комчаковскій* недалеко отъ Орчика и Коломака ¹⁴⁵, *Торскій* на устьѣ Торца ¹⁴⁶, *Святогорскій* ¹⁴⁷, вѣроятно у святыхъ горъ, *Бахмутовскій* ¹⁴⁸, вѣроятно у р. Бахмута, *Боровой* ¹⁴⁹, названный такъ конечно по рѣчкѣ Боровой, шляхъ *Малаго перевоза* ¹⁵⁰, *Синяковъ*, которымъ ѣздили въ Курскъ, Рыльскъ, и Оболянь ¹⁵¹, *Лозовскій* ¹⁵² возлѣ сел. Лозовой, *Коломацкій*. ¹⁵³, шедшій возлѣ р. Коломака до г. Валокъ и *Орчицкій* ¹⁵⁴ возлѣ р. Орчика. Изъ этого перечня видно, что большая часть шляховъ была расположена у важнѣйшихъ перевозовъ и бродовъ; и это совершенно понятно; развѣ въ извѣстномъ мѣстѣ рѣки татары выбирали себѣ бродъ, оттуда уже шла и дорога въ русскія украины. По всей вѣроятности, эти небольшіе шляхи проложили незначительные отряды татаръ. Такимъ образомъ, шляхи (*Муравскій*, *Дзюмскій*, *Казміускій*) играли во отношенію къ нимъ такую же роль, какую играютъ въ настоящее время почтовые тракты по отношенію къ проселочнымъ дорогамъ. Малые шляхи всегда могли вывести татарина на одну изъ большихъ и широкихъ торныхъ дорогъ.

Всѣ эти шляхи по справедливости называются татарскими; но кромѣ нихъ были еще и такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ быть названы русскими; такова напр. *Старая посольская дорога* изъ Путивля въ Бѣлгородъ черезъ Карново сторожевыя, пересѣкавшая р. Ворсклу и Муравскую сакму ¹⁵⁵, *Новая посольская дорога* изъ Ливенъ до Мишчина перевоза на устьѣ р. Деркула ¹⁵⁶, *Пселская дорога* ¹⁵⁷ и др. Одни изъ нихъ служили путями сооб-

¹⁴² Ibidem, стр. 20.

¹⁴³ Ibidem.

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ Ibidem.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibidem.

¹⁴⁸ Ibidem.

¹⁴⁹ Ibidem, стр. 18—20.

¹⁵⁰ Ibidem, стр. 20.

¹⁵¹ Фил. Ист. стат. ои. Харьк. еп. отд. III стр. 336.

¹⁵² В. В. Гурова «Сборникъ» стр. 554.

¹⁵³ Мои «Матер...» стр. 321—322.

¹⁵⁴ Ibidem, стр. 321.

¹⁵⁵ Мои «Матеріалы», стр. 2.

¹⁵⁶ Ibidem, стр. 1.

¹⁵⁷ Бѣляева. О сторож. стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г.

щенія для сторожей и станичниковъ, другія соединяли разные украинные города; сначала преобладали первыя, потомъ съ увеличеніемъ количества городовъ и съ уменьшеніемъ значенія станичныхъ разъѣздовъ,—вторыя.

Небезынтересны самыя названія шляховъ. Откуда произошло названіе Муравскаго шляха, сказать затруднительно. Одни ¹⁵⁸ ставятъ его въ связь съ муравой, т. е. травой, росшей въ изобиліи по обѣимъ сторонамъ этого шляха; другіе ¹⁵⁹ со слободой Муравой Богодух. уѣзда. Муравская сакма называется еще Царевой дорогой ¹⁶⁰, потому что имъ ходилъ самъ Крымскій царь ¹⁶¹, а также Мурамскою ¹⁶² или Муромскою ¹⁶³, Мурафскою ¹⁶⁴ или Мурахвинскою ¹⁶⁵ сакмою.

Намъ кажется, что всѣ эти названія выводятся изъ одного и того же корня; звуки ф, в, и замѣняютъ другъ друга, такъ какъ всѣ относятся къ одной и той же группѣ губныхъ. Форма Мурахва представляетъ обычную замѣну Малоруссами звука ф. посредствомъ хв. Такимъ образомъ, въ звуковомъ отношеніи названіе нашего шляха можетъ быть объяснено изъ названія сл. Мурафа. Но сл. Мурафа возникла позже т. е. тогда, когда назв. Муравскаго шляха уже существовало; слѣдовательно, слобода не могла передать своего названія дорогѣ. Это названіе могло быть передано ей урочищемъ Мурафой. На эту мысль наводитъ между прочимъ аналогія съ названіемъ Изюмскаго шляха, который названъ такъ по имени урочища Изюмъ—Кургана. Но не скрываемъ и затрудненій мѣшающихъ признать такое предположеніе. Мурафа хотя и лежитъ на р. Мерчикѣ, черезъ которую переправлялись татары, но не на самомъ Муравскомъ шляху, а немного въ сторонѣ отъ него (на западъ). Но врядъ ли можно согласиться также и съ производствомъ названія Муравскаго шляха отъ муравы; вѣдь мурава т. е. трава росла въ такомъ же изобиліи и возлѣ другихъ шляховъ; почему же они не названы муравскими? Съ другой стороны нельзя игнорировать и того, что всѣ извѣстныя

¹⁵⁸ А. Скальковскаго. Исторія Новой Сѣчи изд. 3-е, стр. 100, прим.

¹⁵⁹ Спасскій. Ки. глаг. Больш. Черт. стр. 216.

¹⁶⁰ Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. V стр. 3.

¹⁶¹ Мюн «Матер...» стр. 1.

¹⁶² Ibidem, стр. 133.

¹⁶³ Ibidem, стр. 40, 66, 67.

¹⁶⁴ Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. IV стр. 49—51, 54 и др.

¹⁶⁵ Мюн «Матер...», стр. 72, 73.

намъ имена шляховъ объясняются или изъ именъ личныхъ (Ромодановскій, Сагайдачный, Шпаковъ, Кончаковскій) или географическихъ (Изюмскій, Торскій и др.). Одни изъ нихъ произошли отъ русскихъ собственныхъ именъ (Сагайдачный, Ромодановскій, Святогорскій); другіе отъ тюркскихъ (Кончаковскій, Бакаевъ, Изюмскій, Обьшкисскій, Торскій и др.).

Принявъ во вниманіе такое именно происхожденіе названій шляховъ, мы предполагаемъ, что и названіе Муравскаго шляха могло произойти отъ какого нибудь *тюркскаго* имени собственника. На это предположеніе навелъ насъ слѣд. фактъ: мы встрѣтили въ одномъ источникѣ извѣстіе о татаринѣ по фамилиі *Муравскомъ* ¹⁶⁶.

Тоже самое нужно сказать и о названіяхъ перевозовъ. Одни изъ нихъ звучатъ по русски (Большой, Малый, Каменный, Татарскій, Ляховъ, Мишкинъ ¹⁶⁷, другіе носятъ тюркскій характеръ (Абанкинъ, Изюмскій, Коганскій).

Если мы обратимся къ названіямъ рѣкъ, городищъ, то увидимъ тоже смѣшеніе славянорусскихъ и тюркскихъ именъ. Одни рѣчки носятъ русскія названія (напр. Уды, Жеребеть, Красная, Боровая, Гнилица, Лоцань). другія—тюркскія (Можь, Айдаръ, Балакля, Изюмець, Торъ и др.). Имена однихъ городищъ звучатъ по русски (Хорошево, Кабанье, Павлово селище, Змиѣвъ, Молначево, Каменное, Сиверское, Скольское, Бѣльское), другихъ по тюркски (Кукуево, Торчиново, Азацкое) ¹⁶⁸.

Такое смѣшеніе русскаго и тюркскаго элементовъ въ географической номенклатурѣ удовлетворительно объясняется историческими обстоятельствами.

Край этотъ исконно представлялъ изъ себя пограничную полосу осѣдлаго славянорусскаго и кочеваго тюркскаго населенія.

¹⁶⁶ Зап. Одес. Общ. Ист. и др. т. II, отд. 2-е стр. 646.

¹⁶⁷ Не названъ ли этотъ перевозъ такимъ образомъ въ честь Мишки-Черкашенина, который въ одно время съ дякомъ Ржевскимъ громилъ въ царствованіе Іоанна IV въ 1556 г. татаръ и былъ повидимому очень извѣстенъ въ Долецкихъ стѣняхъ. См. объ этомъ Ник. Лѣт., ч. 7-я, стр. 267.

¹⁶⁸ Было бы крайне интересно, чтобы кто нибудь изъ филологовъ постарался объяснить географическія названія рѣкъ, шляховъ перевозовъ, городищъ, городовъ степной окраины Русскаго госуд. Богатѣйшій матеріалъ для этого дѣлаетъ Книга Большаго Чертежа. Покойный Срезневскій сдѣлалъ опытъ подобнаго анализа, и статья его имѣетъ серьезное значеніе для исторической географіи южной Россіи.

Такимъ характеромъ онъ отличался въ до татарскій періодъ, такимъ же оставался онъ и въ XVI XVII ст.

Настоящая татарская степь начиналась не здѣсь, а нѣсколько южнѣе, тамъ гдѣ совершенно прекращался лѣсъ и все безконечное пространство нашего юга было покрыто роскошною густою травою. Вотъ это была уже въ буквальномъ смыслѣ этого слова «земля незнаема». Хотя полемъ или степью называлась въ актахъ безразлично вся мѣстность, лежащая между Днѣпромъ и Дономъ въ ихъ среднемъ и нижнемъ теченіи, но характеръ ея былъ неодинаковъ: сѣверная часть ея (нын. Черниг., Курск., Ворон., Полтав. и Харьк. губ.) заключала въ себѣ не мало степныхъ пространствъ, но изобиловала все таки и лѣсами; хотя по устройству своей поверхности она представляетъ равнину, но въ ней попадаются, какъ мы видѣли, и приподнятые надъ общимъ уровнемъ небольшіе горные кряжи или, лучше сказать, холмистые гряды.

Настоящее степное пространство заключаетъ въ себѣ нын. Екатер., Херсон. и Таврическую губ. (иск. Крыма)—это Новороссійскія степи! Здѣсь—еще болѣе ровная поверхность, если исключить только Донецкій кряжъ; лѣса отъ р. Самары совершенно прекращаются; вездѣ — одна трава или солончаки; ни малѣйшей возвышенности; одни только могилы возвышаются нѣсколько надъ общимъ уровнемъ; вмѣсто лѣса только кусты терна ¹⁷⁰ и тальника ¹⁷¹; можно проѣхать десятки верстъ и не встрѣтить прѣсной воды; въ жаркое сухое лѣто рѣчки пересыхаютъ и тогда чувствуется особенно сильный недостатокъ въ водѣ; климатъ отличается неровнымъ характеромъ: лѣтомъ страшные жары, зимою сильные холода, но самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ этой мѣстности и теперь являются засухи ¹⁷², которыя происходятъ отъ недостатка дождей. Въ концѣ лѣта, когда подъ палящими лучами солнца трава засыхала, степь обращалась въ *мертвую* пустыню. Вотъ какую характеристику херсонскихъ степей въ ихъ настоящемъ положеніи даетъ Шмидтъ: «Съ приближеніемъ къ морю степи становятся обширнѣе, рѣже пересѣкаются балками, лѣса исче-

¹⁷⁰ Теренъ — это *rutinus spinosa*; изъ плодовъ его, собранныхъ послѣ первыхъ заморозковъ, получается отличный квасъ; на нихъ же настаивается великолѣпная наливка «тернівка».

¹⁷¹ Тальникъ или таза—тоже, что верболозъ, образуетъ иногда въ низменныхъ и влажныхъ мѣстахъ цѣлыя рощи.

¹⁷² Мат. для геог. и стат. Россіи. Екатер. губ. Сиб. 1862 г. стр. 75—78.

заютъ, деревни рѣже попадаются и малороссійскій пейзажъ ихъ постепенно переходитъ въ степной; вмѣсто (?) разноцвѣтныхъ мазапокъ и многочисленныхъ сараевъ, окруженныхъ плетнями и нѣсколькими вишнями или сливами, замѣняется домиками, сложенными изъ бѣловатаго или желтоватаго раковиннаго извѣстняка, часто почти безъ всякихъ надворныхъ строеній и вмѣсто забора, окруженными канавою или стѣнкою изъ того же камня, а иногда и безъ всякихъ оградъ. Перельефно рисуется этотъ и безъ того сѣрый пейзажъ въ глубинѣ балокъ, окрашенныхъ тѣмъ же безцвѣтнымъ колоритомъ, съ выжженными солнцемъ степями. Жалкіе остовы малолиственныхъ деревьевъ и полузасохшіе, малорослые, пирамидальные тополи, попадающіеся кое-гдѣ въ садикахъ, свидѣтельствуютъ о настойчивой борьбѣ человѣка съ природою, но не измѣняетъ ея угрюмаго вида.

Подвигаясь еще ближе къ морю, эти степи изрѣзываются широкими и очень длинными *лиманами*, въ глубокихъ обрывистыхъ берегахъ, изъ красноватой глины и поражаютъ зрителя, точно также какъ и самое море, необыкновенно яркимъ, синимъ блескомъ своихъ водъ. Далеко бѣлѣются кое-гдѣ перехватывающія ихъ песчанья косы, но весь остальной ландшафтъ остается тотъ же.

Съ приближеніемъ же къ Екатеринославской и Таврической губерніямъ однообразіе и дикость степей еще болѣе увеличиваются: степи расширяются въ необъятныя пространства, изрѣдка пересѣкаются балками или рѣчками, такъ что и самыя деревни и хутора не всегда прячутся здѣсь по балкамъ, а разбрасываются на огромныхъ промежуткахъ на самыхъ равнинахъ. Необозримы эти степи Херсонской губ.; непрерывной, еще болѣе скучной пеленой тянутся онѣ на всемъ пространствѣ между сѣверными степями и нижнемъ Днѣпромъ; еще рѣзче выказывается въ нихъ отличительный, общій характеръ степей—отсутствіе почти всякаго разнообразія: сплошная, раскатная равнина, зеленая—весной и осенью и выжженная лѣтомъ отъ зноя. Безобразный колючій бурьянъ и курганы, разбросанные вдоль горизонта, составляютъ единственные предметы, обозначающіеся на немъ, да и тѣ иногда отдѣляются отъ темной глади миражами. Самое солнце въ этихъ степяхъ, несмотря на ярко лазуревое небо, какъ-то тускло свѣтитъ и лучи его какъ бы теряются въ пространствѣ степей, не находя предметовъ для своего отраженія.

Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ составляютъ какъ бы исключеніе въ Херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью

ниггихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди обширныхъ, зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихъ пространствъ наносныхъ песковъ; но какъ бы въ довершеніе дикаго вида степей, вы не видите на водахъ ихъ бѣлѣющихъ парусовъ многочисленныхъ судовъ; они какъ бы заснули среди стеней, какъ будто не принадлежатъ Европѣ.

Это положеніе степей, какъ бы вторгнувшихся въ Европу изъ самой глубины Азіи, отразилось и въ самой исторіи ихъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ онѣ служили путемъ въ Европу для средне-азіатскихъ варваровъ-истребителей, слѣды существованія которыхъ, мало извѣстныя для исторіи, сохранились по нынѣ въ нѣмыхъ курганахъ, раскинутыхъ по степямъ. Только когда, послѣдовательными усиліями Европейцевъ, степи были присоединены къ среднѣ материковымъ землямъ, онѣ перестали быть кочевьемъ и обратились въ богатѣйшія нивы. Но и теперь продолжается борьба Европейцевъ, если не съ азіатскими народами, то съ ихъ степною, нѣсколько средне-азіатскою природою, останавливающею многіе усилія промышленности, на попрощѣ ихъ воздѣлыванія»¹⁷².

Конечно, такимъ характеромъ отличается далеко не весь Новороссійскій край, но въ общемъ характеристика г. Шмидта даетъ намъ нѣкоторое представленіе и о томъ, чѣмъ были новороссійскія степи въ XV—XVIII ст.; такія же мѣста мы встрѣчаемъ и въ Екатеринославской и въ сѣверной части Таврической губерніи.

Столь существенная разница въ географическихъ условіяхъ сѣверной и южной части степной полосы должна была оказать сильное вліяніе на ея заселеніе; первая представляла, какъ мы видѣли, всѣ выгоды для осѣдлаго населенія; одни лѣса уже давали много средствъ для защиты первымъ поселенцамъ; всѣ другія условія также благоприятствовали имъ; вторая, наоборотъ, была какъ нельзя болѣе удобна для кочевниковъ, которые и оставались здѣсь до конца прошлаго вѣка. Близкое сосѣдство съ татарами опредѣлило характеръ и условія жизни здѣшняго населенія и оказывало даже сильное вліяніе на судьбы Русскаго государства XV—XVIII ст. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы займемся тѣми мѣрами,

¹⁷² Мат. для геог. и стат. Россіи. Херсонская губ. ч. I, Спб. 1863 г., стр. 95—96.

которыя употребляло Московское государство, чтобы обезопасить себя отъ татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить свои южныя границы на счетъ *поля* т. е. незаселеннаго пустаго пространства, отдѣлявшаго Московію отъ Татаріи. Въ слѣдующемъ второмъ отдѣлѣ первой главы мы рассмотримъ исторію Русской государственной колонизаціи степной окраины до Алексѣя Михайловича.

II.

Московская государственная колонизація до Алексѣя Михайловича.

Московская степная окраина при Іоаннѣ Васильевичѣ IV.—Построеніе городовъ въ царствованіе Феодора Іоанновича.—Строительная дѣятельность Бориса Годунова.—Возобновленіе строительной дѣятельности правительства при Михаилѣ Феодоровичѣ.—Появленіе селеній.—Владѣнія татаръ и ихъ нападены на Московскія укрѣпленія.—Сторожевая и станичная служба.—Составъ украиннаго населенія и надѣленія его землею.—Раздача юртовъ въ Донецкой волости.—Роль государства въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края.—Вольная великорусская колонизація.

Границы Московскаго государства медленно раздвигались на югъ, несмотря на то, что здѣсь не нужно было дѣлать никакихъ завоеваній. Происходило это отъ того, что сосѣдями здѣсь были кочевые татары, которые постоянно тревожили Русь, а сами были неуловимы въ своихъ безконечныхъ степяхъ. Мы постараемся прослѣдить постепенное расширеніе границъ Московскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе московской государственной колонизаціи съ Іоанна IV до Алексѣя Михайловича.

Въ пятидесятихъ годахъ XVI в. было два ряда городовъ на степной украинѣ Московскаго государства. Переднюю линію укрѣпленій, за которыми сейчасъ же лежала степь, составляли слѣдующіе города: Алатырь, Темниковъ, Кадома, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Елифанъ, Пронскъ, Михайловъ, Дѣдиловъ, Новосиль, Мценскъ, Орелъ, Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ и Путивль; заднюю внутреннюю: Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещера, Касимовъ, Рязань, Камыра, Тула, Серпуховъ и Звенигородъ ¹⁷¹. Такимъ образомъ, въ составъ первой пограничной линіи входило 4 города тамбовской

¹⁷¹ Бѣляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 11—12).

губ., 1 Симбирской, 4 Рязанской, 3 Тульской, 1 Орловской, 1 Черниговской, 2 Курской; въ составъ второй—1 Нижегородской, 1 владимірской, 2 Рязанской, 2 Тульской и 2 Московской. Слѣдовательно, Украину Московскаго государства въ концѣ XVI в. составляли нынѣшнія центральныя великороссійскія губерніи. Граница государства, начинаясь отъ р. Суры, шла немного южнѣе р. Оки, пересѣкала верховья р. Дона, подходила опять къ верховьямъ р. Оки и оканчивалась въ верховьяхъ Десны и Сейма. Самою южною оконечностью государства были нынѣшнія Курская и Черниговская губ., такъ наз. *Сѣверская Украина*. Сѣверщина играла очень важную роль въ дѣлѣ защиты Московскаго государства; кромѣ татаръ, дѣлавшихъ на нее постоянныя нападенія, сюда также безпрестанно приходили литовскіе отряды, состоявшіе или изъ регулярныхъ войскъ, или же изъ воровскихъ шаекъ, причинявшихъ большія опустошенія. Чернигово-Сѣверская земля служила постояннымъ яблокомъ раздора между Литвою и Москвою; собственно говоря, самостоятельное существованіе этого княжества прекратилось еще въ XIV в. ¹⁷², оно было завоевано Литвою; но въ 1500 г. къ Іоанну III Васильевичу перешли кн. Сем. Ивановичъ Стародубскій съ городами Черниговомъ, Стародубомъ, Гомьемъ и Любечемъ, Вас. Ивановичъ Шемячичъ съ Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и многими волостями. Тогда же было присоединено и много другихъ городовъ и селеній земли Вятчей ¹⁷³.

Эти князья, признавъ верховную власть Московскаго вел. кн., сохранили за собою свои удѣлы, но не надолго: въ 1523 г. Василій III отнялъ у Шемяки его удѣлъ, а самого его заключилъ въ тюрьму. Притязанія Литвы на Чернигово-Сѣверскую землю долго не прекращались; нѣкоторые города переходятъ отъ Москвы къ Литвѣ и на оборотъ. Большая часть ихъ получила свое начало еще въ домонгольскій періодъ; разоренные Батыею, они снова стали возрождаться только подъ московскимъ владычествомъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоятъ—Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ и Стародубъ ¹⁷⁴; въ особенности выдавался своими укрѣпленіями Путивль; это былъ единственный каменный

¹⁷² См. объ этомъ мою «Ист. Сѣв. земли до пол. XIV ст.» К. 1882 г. стр. 309—110.

¹⁷³ Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. т. XII, С.-Пб. 1874, стр. 318 и др.

¹⁷⁴ Разр. книги, I, стр. 190—192.

городъ на южной окраинѣ Московскаго государства ¹⁷⁵, важное значеніе его проявилось въ смутную эпоху, когда добровольная сдача его самозванцу имѣла рѣшительное вліяніе на удачный исходъ движенія этого послѣдняго. Путивль и Рымскъ были центральными пунктами сторожей и станичниковъ, разѣзжавшихъ отсюда далеко въ степи. Вблизи ихъ проходилъ такъ наз. *Путивльскій рубежъ* съ Литвою и Польшею. Сюда обыкновенно являлись выходцы изъ Литвы, желавшіе поступить на службу московскихъ государей. Въ 1576 г. въ составъ пограничной линіи вошло еще нѣсколько новыхъ городовъ: Почепъ, Стародубъ, Серпейскъ, Калуга, Новосиль, Болховъ, Одоевъ, Плова, Солова, Веневъ, Мокшанскъ и Осколь ¹⁷⁶. Первые три города вмѣстѣ съ Серпейскомъ представляли изъ себя какъ бы новую западную границу, выступившую значительно впередъ сравнительно съ предшествующей. Что же касается до остальныхъ, то они дополняли прежнюю внутреннюю линію укрѣпленій. Расширился, слѣдовательно, одинъ только западный рубежъ; всѣ же другіе остались безъ перемѣны. Такова была строительная дѣятельность московскаго правительства въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. При Θεодорѣ Іоанновичѣ построено было много новыхъ городовъ: въ 1586 г. приказано было поставить на Быстрой Соснѣ г. Ливны, на р. Воронежѣ—Воронежъ ¹⁷⁷; въ 1592 г. выстроенъ былъ Елецъ ¹⁷⁸, въ 1593 г.—Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки ¹⁷⁹, на верховьяхъ р. Оки—Кромы; въ 1597 возобновляется г. Курскъ ¹⁸⁰. Такимъ образомъ, при Θεодорѣ Ивановичѣ граница Московскаго государства выдвиг-

¹⁷⁵ Маржеретъ говоритъ: «Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иванъ города или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля. См. Сказ. Совр... III, стр. 34 изд. 1832 г.

¹⁷⁶ Бѣляева. О сторожевой стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 26.

¹⁷⁷ Ibidem стр. 33—34;

¹⁷⁸ Ibidem, стр. 35.

¹⁷⁹ «Того же году царь Θεодоръ Ивановичъ виде отъ крымскихъ людей своему государству войны многіе и помысла поставить по сакмомъ татарскимъ города и посла воеводу своихъ со многими ратными людьми, оцъ же шедше поставиша на степи города Бѣлгородъ, Осколь, Валуйку и нныя города; а до тѣхъ городовъ поставиша на Украинѣ города: Воронежъ, Ливну, Курскъ, Кромы и пасади ратными людьми казаками и стрѣльцами и жылецкими людьми тѣже города ево праведною молитвою укрѣпшася и нынѣ стоять». Ник. Лѣт., ч. 8, стр. 26—27.

¹⁸⁰ Допол. къ актамъ историч. т. IX, стр. 257.

нулась значительно вперед на югъ. Важное значеніе имѣла постройка г. Ливень, который былъ расположенъ на пересѣченіи двухъ важнѣйшихъ татарскихъ дорогъ—Муравской и Калміуской. Другой новопостроенный городъ Воронежъ сдѣлался скоро центромъ всего воронежскаго края, будучи обязанъ своимъ возрастаніемъ глав. образомъ географическому положенію почти у самаго впаденія р. Воронежа въ судоходный Донъ, который являлся прямой дорогой въ землю Донскихъ козаковъ ¹⁸¹. Очень скоро Воронежъ сдѣлался значительнымъ торговымъ центромъ. Отсюда шли болѣе разнообразные предметы торговли къ донскимъ казакамъ, преданнымъ почти исключительно военнымъ занятіямъ и потому нуждавшимся даже въ хлѣбѣ и др. предметахъ первой необходимости ¹⁸². Въ XVII в. масса воронежскихъ купцовъ проживала на Дону ¹⁸³; въ самомъ Воронежѣ въ первой половинѣ XVII в. происходила значительная торговля ¹⁸⁴. Весьма важное положеніе занималъ также г. Курскъ, хотя онъ находился и при незначительной рѣчкѣ Тускорѣ, но не далеко отъ впаденія ея въ Сеймъ.

Правительство Θεодора Иоанновича вообще весьма энергично занималось постройкой новыхъ городовъ. Кромѣ тѣхъ, которые мы выше указали, въ это же время получили начало Архангельскъ, Уральскъ и Бѣлый городъ въ Москвѣ. Весьма интересенъ планъ Θεодора Иоанновича о заселеніи области Дона и Донца литовскою и польскою шляхтою.

По смерти Стефана Баторія Θεодоръ Ивановичъ, какъ извѣстно, выступилъ кандидатомъ на польскій престолъ и при этомъ, желая привлечь на свою сторону поляковъ, велѣлъ сказать имъ, что возьметъ Азовъ, Кафу и Крымъ и предоставитъ полякамъ дунайскія земли, построить на собственный счетъ крѣпости по рр. Днѣпру, Дону и Донцу и будетъ раздавать тамъ бѣднымъ шляхти-

¹⁸¹ Отсюда, напр., постоянно московскіе послы спускались на судахъ по р. Дону; Н. Второва и К. Александра Дольника. Ворон. акты III, стр. 192—195 и мн. др.

¹⁸² Въ Ворон. краѣ гл. образомъ шелъ торгъ поташемъ, смольчугомъ, пенькою, юфтой, соболями и саломъ говяжьимъ; *Ibidem*, стр. 69.

¹⁸³ *Ibidem*, стр. 176—177; въ 1671 г. правительство рѣшило брать съ отправляющихся на Донъ крѣпкія поруки, чтобъ они возвращались назадъ.

¹⁸⁴ «Ист. стат. оч. торговли и промыслен. г. Воронежа» (Нам. кн. Ворон. губ. на 1865 г. стр. 4).

чамъ (польскимъ и литовскимъ) помѣстья. Папы на это отвѣтили, что такихъ «дикихъ» незаселенныхъ степей у нихъ у самихъ очень много на югъ отъ Кіева ¹⁸⁵.

Съ построеніемъ Курска, стало усиливаться значеніе такъ наз. *польской украины*. въ составъ которой въ 1616 г. входили, напримеръ, слѣдующіе города — Воронежъ, Ливны, Елецъ, Лебединъ, Осколь, Валуйки, Бѣлгородъ и Курскъ ¹⁸⁶. Еще южнѣе выдвинулся Бѣлгородъ ¹⁸⁷. Много темнаго неяснаго представляетъ во

¹⁸⁵ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., 3-е изд. т. X, стр. 94, 96, 107.

¹⁸⁶ Разр. книги, I, 192—195, 403—405 и мн. др. въ I и II т.; см. также Ак. Арх. Эксп., т. IV, 287.

¹⁸⁷ Въ послѣднее время Рыльскій архимандритъ о. Анатолій помѣстилъ въ «Курскихъ Епар. вѣд.» цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи Курской епархіи». Я имѣлъ въ своихъ рукахъ часть этихъ статей, вырѣзанныхъ изъ газеты и переплетенныхъ въ одну книгу; она принадлежитъ уважаемому М. И. Хаганскому; къ несчастью при статьяхъ нѣтъ указаній на номера газеты, а потому и я не имѣю возможность дѣлать точныхъ ссылокъ. Здѣсь между прочимъ авторъ специально рассматриваетъ вопросъ объ основаніи Бѣлгорода. Мы кореннымъ образомъ расходимся съ уважаемымъ изслѣдователемъ мѣстной старины. О. Анатолій вибѣстъ съ Карамзиннымъ относить начало Курскаго Бѣлгорода еще къ 1502 г. Дѣло въ томъ, что къ этому году относится одно довольно темное извѣстіе, въ которомъ упоминается имя Бѣлгорода, именномъ говорится, что у Бѣлгорода на устьѣ р. Семи зимовали сыновья хана Золотой Орды Ахмата (объ этомъ сообщаетъ Карамзинъ). Самъ арх. Анатолій повнималъ всю трудность приурочить упоминаемый здѣсь Бѣлгородъ, лежавшій при устьѣ р. Сейма къ Курскому Бѣлгороду, но все таки сдѣлалъ это потому, что, по его словамъ, нельзя здѣсь видѣть другаго Бѣлгорода или иначе Бѣловѣжи. Я же полагаю, что здѣсь дѣло идетъ именномъ о Бѣловѣжѣ. Въ 41-мъ т. «Сборника Импер. Рус. Истор. Общ.» напечатанъ цѣликомъ тотъ документъ, на который ссылался Карамзинъ. Здѣсь ясно говорится, что Ахматовы дѣти собирались кочевать подъ Кіевомъ или Бѣлымъ Городомъ на устьѣ р. Сейма (Сбор. И. Р. И. Общ. т. 41-й стр. 377). Если они хотѣли зимовать подъ Кіевомъ у устья р. Десны, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они потомъ остановились при впаденіи въ Десну р. Сейма. Мѣстность эта тогда была еще въ запустѣніи. Бѣлая вѣжа въ домонгольскій періодъ городокъ, а въ нач. XVII в. городище, по Кн. Больш. Чертежа, находилась у верховьевъ рр. Остра и Удая (Кн. глаг. Больш. Чертежъ. Спасскаго, 84—85), т.-е. очень недалеко отъ устья р. Сейма. Еще до Гюденштедта дошло преданіе, что это былъ нѣкогда татарскій городокъ; при впаденіи р. Сейма въ Десну, теперь мы находимъ сел. Устье, названіе котораго, м. б., можно поставить въ связь съ выраженіемъ документа: «на Устьѣ Сейма около Бѣлгорода». Что Бѣлую-вѣжу татары могли называть Бѣлымъ городомъ это весьма вѣроятно. Такимъ образомъ, мы не видимъ достаточнымъ основаній отодвигать начало Курскаго Бѣлгорода до княженія Іоанна III и потому 1593-й годъ рѣшаемся считать годомъ его основанія.

простъ о первоначальномъ мѣстоположеніи Бѣлгорода. По одному извѣстію, что Бѣлгородъ былъ построенъ въ 1593 г. на *Съверскомъ городищѣ* (ссылка арх. Анатолія на Миллера «Геогр. Лексиконъ Рос. Гос.», стр. 45); это извѣстіе подтверждается другими документальными данными (напр. грамотой царя Михаила Феодоровича приведенною у арх. Анатолія). Первоначально, по Книгѣ Большаго Чертежа онъ былъ расположенъ на правомъ берегу Донца на Бѣлой горѣ, отъ которой и получилъ, конечно, свое названіе, но послѣ литовскаго разоренія былъ перенесенъ на противоположную т. е. лѣвую сторону рѣки и въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа, т. е. въ началѣ XVII в., стоялъ на низкомъ мѣстѣ въ 380 саженьяхъ отъ берега и стараго городища, немного южиѣ рѣки Бѣлаго колодезя ¹⁸⁸. Въ настоящее время Бѣлгородъ, какъ извѣстно, расположенъ опять на правой сторонѣ Донца и занимаетъ уже третье мѣсто, такъ какъ лежитъ не на Мѣловой горѣ, а нѣсколько южиѣ ея; теперь онъ прилегаетъ къ р. Везелкѣ, а прежде эта послѣдняя впадала въ Донецъ на двѣ версты южиѣ города. Когда былъ разрушенъ литовцами первый Бѣлгородъ, мы не знаемъ; можемъ только догадываться, что это событіе имѣло мѣсто въ смутное время. Съ воцареніемъ же Михаила Феодоровича, когда стали вообще замѣчиваться раны, нанесенныя прежде государству, естественно было возобновить и Бѣлгородъ; такимъ образомъ, въ началѣ XVII ст. Бѣлгородъ могъ нѣкоторое время находиться на низкомъ лѣвомъ берегу Донца. Но положеніе его тамъ было не особенно удобное, такъ что скоро, нужно полагать, онъ перешелъ снова на правый берегъ, гдѣ и нынѣ находится. Во всякомъ случаѣ въ 1668 г., при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ уже находился на р. Везеницѣ т. е. на нынѣшнемъ мѣстѣ ¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Книга глав. Больш. Чертежъ М. 1846 г. стр. 28.

¹⁸⁹ Архивъ Мин. Юст. Подл. строельная книга Бѣлгор. губ. № 43 стр. 152—209. Академикъ Зуевъ во время путешествія въ Херсонъ въ 1781 г. проѣзжалъ черезъ Бѣлгородъ и оставилъ намъ подробное его описаніе. Онъ также сообщаетъ, что Бѣлгородъ занимаетъ уже третье мѣсто; но ему передавали Бѣлгородскіе старожилы, что первымъ мѣстомъ поселенія б. лѣвая низменная сторона Донца, а вторымъ уже Мѣловая гора. Конечно, мы должны отдать предпочтеніе категорическому свидѣтельству Книги Большаго Чертежа передъ мѣстными преданіями. Но Зуевъ указываетъ намъ и на остатки прежнихъ двухъ Бѣлгородскихъ крѣпостей. Особенно хорошо сохранились укрѣпленія того городища, которое расположено было на правомъ берегу Донца на Мѣловой горѣ. Зуевъ

По своему географическому положенію Бѣлгородъ представляетъ изъ себя ключъ ко всему донскому бассейну; въ дальнѣйшемъ движеніи русской колонизаціи, онъ получалъ все большее и большее значеніе и вскорѣ сдѣлался центромъ всей «польской» т. е. степной украины Моск. государства. При Феодорѣ Ивановичѣ было положено только начало заселенія этой «польской» украины по сосѣдству съ сѣверской. Названіе этой украины «польскою» объясняется характеромъ ея мѣстности; она, какъ мы видѣли, представляла изъ себя равнину, отчасти покрытую лѣсами; но въ большинствѣ случаевъ степною травою; о здѣшнихъ городахъ говорится, что они были построены въ *степи* ¹⁹⁰.

Привъ Борисѣ Годуновѣ былъ построены на правомъ берегу р. Оскола впадающаго въ Донецъ г. Царевъ Борисовъ ¹⁹¹. Этотъ

приложилъ къ своей книгѣ снимокъ его; оказывается, что это была нѣкогда четырехугольная каменная крѣпость, расположенная почти на неприступномъ мѣстѣ, съ 4 главными воротами, башнями и рвомъ; стѣны были толщиною въ $1\frac{1}{2}$ арш.; длина южной стѣны равнялась 280 шаг., двухъ боковыхъ меньше, а сѣверной 310. Такимъ образомъ, это была довольно сильная для своего времени крѣпость, и ее могли взять литовцы, кажется, только въ смутную эпоху, когда Моск. гос. было на краю гибели, и всѣ украинные города его перешли во власть самозванцевъ и ихъ союзниковъ поляковъ, козаковъ и литовцевъ. (См. Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петербур. до Херсона» С.-Пб. 1787 г. стр. 164—175).

¹⁹⁰ Ник. Лѣт. ч. 8 стр. 26—27.

¹⁹¹ Подъ Царевборисовымъ нужно разумѣть нынѣш. слободу Изюм. уѣзда харьковской губ. Царевборисовку; и дѣйствительно, она расположена при впаденіи рѣчки Бахтина въ Осколъ недалеко отъ устья этого послѣдняго (Списки нас. Харьковская губ., стр. 94), а въ наказѣ Бѣльскому прямо было сказано поставить городъ «на Донцѣ на Сѣверскомъ и на Осколѣ у Бахтина колодезя» (Мон «Матер..» стр. 5). Получается полное тождество; но мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Царевборисовѣ въ Книгѣ Большаго Чертежа, а также въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ иностранцевъ и при томъ названіе его варьируется на разные лады; такъ, въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится о Царевѣ градѣ и Новомъ Царевѣ градѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ сказано о немъ, какъ о существовавшемъ прежде городѣ; «а на усть Бахтина кладезя, съ вышній страны, стоялъ Новой Царевъ градъ». (Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго, стр. 36). Издатель книги больш. черт. Спасскій дѣлаетъ къ этому примѣчаніе: «Вѣроятно не тотъ, о которомъ упомянуто въ прим. 7 (А въ этомъ примѣчаніи Спасскій говорить о Царевборисовѣ). Надобно искать его близъ г. Куянска въ Харьковс. губ. (Книга глаг. Больш. Черт. Спасскаго, стр. 239)». Мы не можемъ согласиться съ догадкой Спасскаго. Почему въ этомъ Новомъ Царевградѣ нельзя видѣть Царевборисова? Только потому что о немъ говорится, какъ о городѣ, не существовавшемъ уже въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа, между тѣмъ какъ

городъ такъ далеко выдвинулся въ степь что намъ теперь трудно понять мотивы которыми руководится при постройкѣ его царь Борисъ. Не забудемъ, что въ это время не существовало даже Бѣлгородской черты, не говоря уже о томъ, что вообще въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. не было ни одного заселеннаго пункта. Въ Новомъ Лѣтописцѣ, изданномъ кн. Оболенскимъ, довольно подробно разсказывается «о созданіи города Борисова»; тамъ говорится, «что царь Борисъ для огражденія себя отъ крымцевъ послалъ въ степь строить городъ окольничьяго Богдана Яковлевича Бѣльскаго. Бѣльскій, будучи очень богатъ, взялъ съ

въ другихъ случаяхъ такой прибавки нѣтъ; приведенная много раньше выдержка изъ Кв. Больш. Чертежа не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь идетъ дѣло о Царьборисовѣ, построенномъ при Борисѣ Годуновѣ; тамъ прямо сказано, что Новой Царевъ градъ стоялъ при впаденіи Бахтина колодезя въ Осколь т. е. тамъ, гдѣ находился, какъ извѣстно, Царьборисовъ. Спасскій хочетъ искать этого Новаго Царева града въ окрестностяхъ Купянска; но въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ доказательствъ; да ихъ и нѣтъ; по крайней мѣрѣ въ спискахъ населенныхъ мѣст. Харьковск. губ. мы находимъ только одну Царьборисовку въ Изюмскомъ уѣздѣ. Обращаясь къ Книгѣ Большаго Чертежа, мы видимъ, что она не даетъ намъ никакихъ основаній различать Новой Царевъ градъ отъ Царева града; это, очевидно, только два варианта одного и того же имени; на стр. 12-й тамъ говорится: «а пошла (р. Осколь) подъ городъ Осколь, да подъ Валуйки и подъ Новой Царевъ градъ; а нападъ въ рѣку Донецъ, ниже Царева града версть съ 8»; этому опредѣленію соответствуетъ и мѣстоположеніе Царьборисовки лежащей отъ устья р. Оскола въ разстояніи не болѣе старыхъ 8 вер. Какъ видно изъ Олеарія, мѣля заключала 5 рус. верствъ; т. е. старая верста= $1\frac{2}{3}$ нынѣшней или 700 саж.); интересно также, что въ началѣ приведеннаго извѣстія мы имѣемъ названіе «Новой Царевъ градъ», а въ концѣ просто «Царевъ градъ»; это подтверждаетъ нашу мысль, что это—варианты одного и того же имени; на 32-й стр. говорится, что черезъ р. Гиндицу лежитъ дорога въ Новой Царевъ градъ прямо степью; на 34 стр. сообщается, что отъ Изюмскаго перевоза до Царева града 8 версть и столько же отъ Каменнаго перевоза до Новаго Царева града; Изюмскій перевозъ находился ниже р. Изюмца, но невѣстно, на какомъ разстояніи, кажется впрочемъ сейчасъ же возлѣ нея, а Каменный—въ 6 верстахъ отъ Изюмца; нужно замѣтить, что Донецъ между р. Изюмцемъ и Осколомъ дѣлаетъ крутой изгибъ къ югу, такъ что восьмиверстное разстояніе можетъ получиться и отъ Изюмскаго перевоза, который лежалъ возлѣ р. Изюмца, и отъ Каменнаго, который находился отъ нея на разстояніи 6 верствъ; такимъ образомъ, Каменный перевозъ находился, по нашему мнѣнію, не тамъ, гдѣ было Каменное городище, а гораздо южнѣе; на 38 стр. разсказывается, что Новый Царевъ градъ отстоитъ въ 10 вер. отъ Каменнаго Ерка, и въ 10 же отъ Святыхъ горъ. Р. Каменный Ерокъ впадалъ въ Донецъ на 7 вер. ниже Большихъ Берекъ. Эти цифры также приблизительно соответствуютъ нынѣшней сл. Царьборисовкѣ. На стр. 23 говорится, что Изюмъ и Изюмецъ впадалъ въ Донецъ подъ

собою множество всяких запасовъ и началъ своими же людьми строить городъ на указанномъ мѣстѣ. Вскорѣ онъ устроилъ башни и всякія укрѣпленія и поселилъ его жителями. Во все время постройки онъ кормилъ воиновъ своими запасами, а инымъ выдавалъ жалованье и одежду. Вслѣдствіе этого его всѣ начали прославлять, какъ своего благодѣтеля, такъ что и на Москвѣ прошла о немъ великая слава среди всѣхъ ратныхъ людей. Царь же Борисъ разгнѣвался и велѣлъ его схватить, какъ злодѣя и заключить въ темницу, все движимое имѣніе продать, а вотчины и помѣстья отписать на себя; также было поступлено и съ тѣми дворянами,

Изюмскимъ курганомъ на разстояніи 8 вер. отъ Царева града; здѣсь же былъ и перевозъ черезъ Донецъ, по всей вѣроятности, Изюмскій; опять, слѣдовательно, мы имѣемъ разстояніе въ 8 вер., о которомъ сообщалось и ранѣе. На 26 стр. говорится, что р. Красная впаде въ Донецъ на 55 вер. ниже Царева града; это опять такъ не противорѣчитъ предыдущимъ указаніямъ.

И такъ собравши всѣ свѣдѣнія Книги Большаго Чертежа о Новомъ Царевѣ градѣ и просто Царевѣ градѣ мы убѣдились, что это былъ одинъ и тотъ же городъ, лежавшій на мѣстѣ нынѣшней Царевоборисовки. Неправъ былъ, слѣд., Спасскій, когда утверждалъ, что Новый Царевъ градъ нужно отличать отъ Стараго или просто Царева града. (Книга глг. Больш. Чертежъ Спасскаго, стр. 216). Если подъ Новымъ Царевымъ градомъ разумѣть Царевоборисовъ, какъ это дѣлаетъ Спасскій, то гдѣ же искать Стараго, кѣмъ и когда онъ былъ основанъ;— все это вопросы, на которые мы не найдемъ никакого отвѣта въ источникахъ. Между тѣмъ эпитетъ «Новый» объясняется на нашъ взглядъ гораздо проще—Царевоборисовъ называется Новымъ, потому что былъ *недавно* построенъ Годуновыми. Но существовалъ ли въ это время Царевъ градъ въ видѣ города или жѣ представлялъ изъ себя городище? Книга Чертежа одинъ разъ ясно указала намъ, что въ это время онъ былъ уже въ запустѣніи. Другіе случаи, какъ мы могли видѣть, не противорѣчаютъ этому извѣстію: нигдѣ не говорится, чтобы это былъ существующій городъ. Но если это такъ, то опять такъ вопреки Спасскому придется сознаться, что Книга Большаго Чертежа въ дошедшемъ до насъ видѣ была составлена уже по смерти царя Бориса, какъ думалъ Карамзинъ, но только до 1639 г., потому что къ этому году относится основаніе города Чугуева, а въ Книгѣ Большаго Чертежа мы имѣемъ еще Чугуево городище. Неустановившимся названіемъ объясняется повидимому нѣкоторая смутанность и въ извѣстіяхъ иностранцевъ. Конрадъ Буссовъ называетъ его Борисоградъ (Скав. совр. о Дм. Самоз., I, 29), Маржеретъ говоритъ: «далѣе находятся *Борисовъ*, Бѣлгородъ, *Царевъ городъ* (въ 1000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые болѣе и болѣе населяются»; въ Борисовѣ и Царевѣ городѣ мы склонны видѣть одинъ и тотъ же городъ; что подъ Борисовымъ городомъ нужно разумѣть Царевоборисовъ видно изъ того, что и на картѣ Феодора Борисовича Годунова, Царевоборисовъ названъ *Borissa* т. е. Борисовымъ, что же касается Царева города, то лодъ нимъ нельзя разумѣть никакого другаго пункта, кромѣ извѣстнаго намъ изъ Книги Чертежа Царева города т. е. того же Царевоборисова.

которые были при Бѣльскомъ и хвалили его»¹⁹². Изъ этого разсказа видно, что Борисъ Годуновъ послалъ Бѣльскаго какъ бы въ ссылку; опасаясь популярности, приобретенной имъ среди служивыхъ людей; но оказалось, что и въ степи Бѣльскій сумѣлъ заслужить ихъ расположеніе. И такъ, по Новому лѣтописцу, построение Царевоборисова обуславливалось не стратегическими цѣлями, а главнымъ образомъ желаніемъ Бориса Годунова заслать куда нибудь подальше своего противника. Почти тоже самое сообщаетъ намъ и Никоновская лѣтопись и лѣтопись о многихъ мятежахъ¹⁹³; онѣ повѣствуютъ, что Бѣльскій и Алферьевъ были отправлены въ 1599 г. въ степь строить г. Царевоборисовъ. Бѣльскій, будучи очень богатъ, своими ратными людьми поставилъ укрѣпленія и изъ своихъ средствъ выдавалъ жалованье, одежду и запасы. Обѣ лѣтописи относятся съ симпатіей къ Богд. Бѣльскому и видятъ въ немъ жертву подозрительности Бориса. Въ противоположность этому одинъ иностранный писатель Конрадъ Буссовъ обвиняетъ во всемъ Бѣльскаго. По его словамъ, Богданъ Бѣльскій дѣйствительно построилъ Борисоградъ; «но достроивъ крѣпость объявилъ, что Борисъ Феодоровичъ, есть царь Московскій, а онъ Богданъ Борисоградскій. Впрочемъ сей измѣнникъ, продолжаетъ далѣе К. Буссовъ, не долго величался пышнымъ титуломъ: Борисъ велѣлъ привести его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не государю, а гнусному бунтовщику, и который Богдану былъ весьма кстати. Помня клятву—въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить смертію, царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ описать все его имѣніе, отпустить крѣпостныхъ его на волю съ правомъ служить кому хотять и приказалъ своему капитану шотландцу Габріелю вырвать у самодѣльнаго царя Богдана длинную густую бороду; послѣ чего послалъ его въ Сибирь, гдѣ вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за царя»¹⁹⁴.

Кому же отдать предпочтеніе—русскимъ лѣтописямъ или К. Буссову? Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ. Разсказъ Буссова самъ по себѣ представляется не совсѣмъ вѣроятнымъ. Было бы еще понятно, еслибы Бѣльскій захотѣлъ сдѣлаться княземъ сѣвернымъ; но зачѣмъ ему понадобилось объявлять себя царемъ маленькаго военного

¹⁹² Временникъ, XVII, стр. 53—54.

¹⁹³ Ник. лѣт., VIII, 46—47. Лѣт. о мн. мят. изд. 2-е, М. 1788 г. стр. 62—63.

¹⁹⁴ Сказ. совр. о Дм. Сам. 1831 т., I, 29—30; о приважденности этой хроникѣ Буссову см. Бестужева Рюм. Рус. Ист., стр. 189.

городка, расположеннаго вѣтъ русскихъ владѣній на татарскихъ перелазяхъ, подвергавшагося постояннымъ опасностямъ и нападеніямъ отъ татарскихъ отрядовъ—остается совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ. Онъ вѣдь не могъ оставаться тамъ, не получая помощи, а главное хлѣбныхъ запасовъ и «зеленой казны» изъ другихъ царскихъ городовъ. Очевидно, что БуССовъ рассказываетъ то, что распускалъ самъ Борисъ и его клеветы объ этихъ мнимыхъ замыслахъ Бѣльскаго. Но для насъ гораздо большее значеніе имѣютъ подробности самой постройки этого города, а ихъ-то мы и не находимъ въ указанныхъ выше источникахъ. Этотъ недостатокъ совершенно восполняется наказомъ о постройкѣ Царьборисова, даннымъ воеводѣ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву¹⁹⁴. На основаніи этого наказа они должны были отправиться въ заранѣе опредѣленное мѣсто къ Сѣверскому Донцу на устье р. Оскола у Бахтина колодезя и по составленному чертежу поставить городъ; съ ними отправились и тѣ лица, которые производили предварительный осмотръ этого мѣста и чертили чертежъ Ѳедоръ Чулковъ да Истома Михневъ; значительное количество служилыхъ людей назначено было въ ихъ распоряженіе; здѣсь были дворяне, дѣти боярскія, станичники, стрѣльцы, казаки, нѣмцы, литва, черкасы, дѣлпровскіе и донскіе казаки и наконецъ кузнецы, плотники, пушкарѣ и городовые мастера; однимъ словомъ, какъ кажется, всѣ тѣ разряды служилыхъ людей, которые составляли тогдашнее войско. Кромѣ того они были снабжены достаточнымъ количествомъ военныхъ и сѣстныхъ запасовъ, пороховъ, свинцомъ, ядрами, сухарями, толокномъ и крупами; даже все то, что было необходимо для церковнаго строенія, теперь же было отправлено съ ними—образа, антиминсъ, книги и ризы. За недѣлю до Ильина дня (т. е. до 20 іюля) 1599 г. все это ополченіе должно было собраться въ г. Лянахъ; здѣсь же его должны были пересмотрѣти воеводы и отправить въ г. Осколъ; запасшись тамъ военными и сѣстными припасами, нужно было сложить ихъ на суда и посадить туда же пѣшихъ ратниковъ подъ предводительствомъ головъ, а самимъ съ конными идти по обомъ берегамъ за судами. Какъ судовая, такъ и сухопутная рати должны были всячески оберегать себя отъ нападений татаръ и воровскихъ черкасъ, остановки дѣлать въ крѣпкихъ надежныхъ мѣстахъ, ставить сторожей на ночь, посылать во всѣ стороны станичные

¹⁹⁴ См. мои «Матеріалы»... стр. 5—13.

разѣзды; обо всякихъ вѣстяхъ, полученныхъ отъ станичниковъ, сторожей или выѣзжихъ людей, отписывать воеводамъ въ Бѣлгородъ и на Осколь. Придя къ цѣли своего путешествія, они должны были заняться тщательнымъ изученіемъ и измѣреніемъ того мѣста, которое выбрали Чулковъ да Михневъ, осмотрѣть всѣ овраги, не пригодятся ли какіе-нибудь изъ нихъ для рва; для огражденія же себя отъ нападений, они должны были поставить маленькій острожекъ, окруживъ его рвомъ, и укрѣпить его нарядомъ и высылать оттуда сторожей и дозорщиковъ. Нарубивъ соснового и дубоваго лѣсу на постройку укрѣпленій и заготовивъ на осень и зиму сѣна для лошадей, они должны были послѣ молебствія и водосвятія приступить немедленно къ постройкѣ города по имѣющемуся чертежу, башни дѣлать круглыя или четырехугольныя, смотря по тому какъ будетъ удобнѣе; стѣны въ три ряда; внутри города выкопать тайникъ къ озеру или рѣкѣ или же колодезь, ровъ сдѣлать съ трехъ сторонъ, между городомъ и рвомъ бить чеснокъ, а во рву невысокій тынъ; съ «приступной», т. е. незащищенной стороны насыпать крѣпкій валъ и сдѣлать башни, а около башенъ ровъ. Укрѣпивъ такимъ образомъ городъ, Бѣльскій и Алферовъ должны были назвать его Цареборисовомъ и построить въ немъ два храма, одинъ въ честь Пр. Троицы, а другой—страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, передавъ туда церковную утварь, книги и т. п. и опредѣливъ привезенныхъ съ собою священниковъ и дьяконовъ; въ большой церкви богослуженіе должно было происходить ежедневно, а въ другой по субботамъ, воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Для храненія пороха они должны были устроить крѣпкій лубовой погребъ, для хлѣбныхъ запасовъ житницы, а для воинскихъ принадлежностей амбары; ко всѣмъ этимъ постройкамъ приставить сторожей, а ключи держать у себя. Устроивъ городъ, имъ нужно было отписать къ государю въ Москву, какія возлѣ него имѣются естественныя укрѣпленія, лѣса, пашни и сѣнные покосы; казаки и стрѣльцы послѣ этого могли быть отпущены по домамъ, а всѣ другіе должны были остаться въ новопостроенномъ городѣ на государственной службѣ и быть постоянно готовыми къ осадному сидѣнью; для этого всѣхъ служилыхъ людей необходимо было росписать по городу, стѣнамъ, башнямъ и воротамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посылать станичниковъ на Муравскую и Кальміускую дороги, на Донецъ и Осколь для наблюденія за татарами и воровскими казаками. Но не ограничиваясь этимъ, Бѣльскій и Алферьевъ должны были призвать къ себѣ атамановъ и казаковъ, жившихъ

по Донцу и Осколу и наблюдавших за татарами и черкасами, и поручить имъ «чинить промыслъ надъ ворами» и присылать къ нимъ въ Цареборисовъ плѣнниковъ, выѣзжихъ людей и отписки о всякихъ дѣлахъ. Плѣнныхъ черкасъ Цареборисовскіе воеводы должны были отсылать въ Москву, давая имъ кормъ до Бѣлгорода или Оскола. Бѣлгородскій и Оскольскій воеводы обязаны были посылать своихъ сторожей и станичниковъ къ прежнимъ урочищамъ и эти послѣдніе получили инструкціи сообщать полученныя ими вѣсти прежде всего въ новый городъ Цареборисовъ. Въ свою очередь Бѣльскому и Алферову отданъ былъ приказъ постоянно ссылаться съ Бѣлгородскимъ и Оскольскимъ воеводами, которые, въ случаѣ появленія значительныхъ крымскихъ силъ должны были къ нимъ являться на помощь вмѣстѣ съ донецкими и оскольскими атаманами и казаками. Таковы были военныя обязанности Цареборисовскихъ воевождъ. Ими, собственно говоря, и исчерпывалось, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вся ихъ дѣятельность, потому что полицейская власть стояла въ самой тѣсной связи съ военной: они должны были беречься отъ огня, корчемства, игры въ зерно и всякаго воровства, т. е. другими словами, заботиться о безопасности города и поддержкѣ военной дисциплины. Таковъ наказъ, полученный Богд. Бѣльскимъ и Сем. Алферовымъ. Изъ наказа этого видно, что Борисъ Годуновъ смотрѣлъ на построеніе Цареборисова, какъ на очень серьезное, задуманное въ широкихъ размѣрахъ предпріятіе. По его плану, Цареборисовъ долженъ былъ сдѣлаться передовымъ и надежнымъ оплотомъ польской украины отъ набѣговъ крымцевъ и воровскихъ черкасъ. Бѣльскій повезъ съ собою военныя и съѣстные запасы; съ нимъ же поѣхало и будущее населеніе города, состоявшее впрочемъ исключительно изъ служилыхъ людей, если не считать только священниковъ и діаконовъ; ни купцовъ, ни ремесленниковъ не было; да ихъ и не могло быть въ такомъ городѣ, каковъ былъ Цареборисовъ; это была крѣпость и больше ничего. Этимъ опредѣлялась и роль его воеводы. Все его вниманіе обращено было на воинское дѣло, на доставленіе вѣстей о приходѣ татаръ и черкасъ. Сторожа и станичники изъ Бѣлгорода и Оскола съ вѣстями прежде всего должны были ѣздить въ Цареборисовъ; онъ же долженъ былъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ для всѣхъ донецкихъ и оскольскихъ атамановъ и казаковъ, которые сюда должны ѣздить со всякими вѣстями, и на помощь въ осадное время, получать здѣсь кормъ и жалованье.

Спрашивается, былъ ли этотъ наказъ въ точности приведенъ въ исполненіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ другой документъ ¹⁹⁵. Новопостроенный г. Цареборисовъ былъ таковъ: окружность всей стѣны равнялась 379 саж., причемъ въ ней кромѣ того было еще 3 проѣзжихъ башни, 6 глухихъ и 127 городенъ. По сказкѣ цареборисовскихъ жителей, городъ былъ вырубленъ изъ сосны; стѣна была двойная въ 4 саж.; около города шелъ земляной валъ высотой въ 2 сажня, въ 4 сажняхъ отъ стѣны. Валъ этотъ устроенъ былъ такимъ образомъ: поставлены были столбы; въ сдѣланныя въ нихъ отверстія положены были бревна, укрѣпленныя досками, съ боковъ-плетень, колья, дубовыя подпоры; сверхъ всего этого валъ былъ обложенъ дерномъ; на валу были поставлены башни, а около него ровъ глубиною въ 3 саж., а шириною въ 4 на разстояніи 2 сажней отъ вала. За валомъ были слободы стрѣльцовъ, казаковъ и пушкарей; а около слободъ стоячій острогъ въ 2 сажня высоты; съ обѣихъ сторонъ онъ подходилъ къ р. Осколу противъ города. Въ острогѣ для осаднаго времени была сдѣлана перекопъ: вода шла изъ р. Оскола въ озеро, что подъ городомъ, а оттуда въ Бахтинъ колодезь. Въ 7 верстахъ отъ города на полѣ были сдѣланы надолобы въ 3 кобылны для защиты земледѣльцевъ и стадъ. Лѣсъ рубили въ 4 верстахъ отъ города внизъ по рр. Осколу и Донцу. Въ Цареборисовѣ было много ратныхъ людей; одна партія приходила на смѣну другой; уходившіе продавали приходившимъ свои дворы и всѣ строенія. Въ 1600 г., напр., съ Богданомъ Бѣльскимъ да Сем. Алферовымъ было 2 головъ, 46 выборныхъ дворянъ, 214 дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ и иноземцевъ конныхъ съ пищалами 1500 (въ томъ числѣ черкасъ 100), стрѣльцевъ пѣшихъ съ пищалами 500, да зинвало 100 стрѣльцовъ изъ украинскихъ городовъ, 500 житомирскихъ стрѣльцовъ и казаковъ, 63 пушкаря, 24 плотника, 5 кузнецовъ, городской мастеръ; и того всего 2955 человекъ. Въ томъ же году при воеводахъ Хворостанинѣ и Гагаринѣ тамъ было 5 головъ, 32 выборныхъ дворянъ, 175 дѣтей боярскихъ, 1000 человекъ казаковъ, стрѣльцовъ и иноземныхъ конныхъ съ пищалами, 700 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ, 300 житомирскихъ казаковъ и стрѣльцовъ, 60 пушкарей, 24 плотника, 5 кузнецовъ, а всего 2301 чел. Въ 1601 г. при тѣхъ же воеводахъ вначалѣ было 1242

¹⁹⁵ Архивъ Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 3901, св. 3.

чел., а потомъ 3222 чел.; тогда же былъ здѣсь съ Оскола и кн. Жировой Засѣкинъ, а съ нимъ 1705 чел. Какъ я уже выше замѣтилъ, одна партія ратныхъ людей смѣняла другую; однимъ срокъ оканчивался на Пасху, другимъ въ недѣлю Мѣроносицъ. Все это были сведенцы: изъ Каширы, Тулы, Рязани, Бѣлева, Михайлова, Черяславля, Дѣдилова, Крапивны, т. е. изъ украинскихъ и рязанскихъ городовъ.

Изъ приведеннаго описанія видно, что Цареборисовъ былъ укрѣпленъ весьма тщательно; въ особенности это нужно сказать относительно его вала, не землянаго, а деревяннаго; слободы также были обнесены стѣною и отличались значительными размѣрами. Количество ратныхъ людей было весьма велико, достигая почтенной цифры 3222 чел.; однихъ пушкарей, напр., было 60 чел. Это опять-таки говорить въ пользу того мнѣнія, что Борисъ Годуновъ придавалъ большее значеніе новому городу, воздвигнутому, по его мысли, въ степи. Съ отозваніемъ Богдана Бѣльскаго и Семена Алферьева, заботы о немъ царя Бориса не прекращаются: и послѣ этого туда посылаются какъ воеводы, такъ и служилые люди: приходятъ на помощь противъ Крымцевъ воеводы изъ Оскола и т. п.

Основаніе Цареборисова было прямымъ продолженіемъ строительной дѣятельности Феодора Ивановича или лучше сказать самого же Бориса Годунова, который, какъ извѣстно, былъ настоящимъ управителемъ государства и при Феодорѣ. Двумя наиболѣе выдвинутыми въ степь городами до этого времени были Бѣлгородъ на Донцѣ и Осколь на Осколѣ; теперь Борисъ Феодоровичъ задумалъ построить новый городъ почти при впаденіи Оскола въ Донецъ, который бы имѣлъ связи и съ Бѣлгородомъ, и съ Осколомъ; и дѣйствительно его связывалъ съ ними водный путь по Донцу и Осколу. Не только Донецъ, но и Осколь были тогда, какъ мы видѣли, судоходны въ значительной части своего теченія (первый отъ Бѣлгорода, а второй отъ Оскола). Мѣсто выбрано было удачное. Нѣсколько времени спустя, когда Цареборисовъ былъ оставленъ и совершенно заустѣлъ, о немъ одинъ изъ специалистовъ степной службы—Котельниковъ выражался такъ: «Борисовъ городъ былъ поставленъ на самомъ удобномъ мѣстѣ: и еслибы теперь былъ возобновленъ, то туда охотно пошли бы прежніе его жильцы, которые живутъ нынѣ на Волуйкѣ, потому что въ р. Донцѣ и Осколѣ и озерахъ множество всякой рыбы и добывали ее не мало. Въ 30 вер. отъ него находится Святогорскій

монастырь и соляныя озера»¹⁹⁶. Цареборисовъ, по смерти Бориса Годунова, былъ оставленъ и запустѣлъ, и это случилось, по всей вѣроятности, въ смутную эпоху Московскаго государства, которая значительно затормозила дальнѣйшее поступательное движеніе русскаго населенія въ степь. Въ 1604 г. онъ покорился самозванцу вмѣстѣ съ другими сѣверскими и степными городами— Путивломъ, Рыльскомъ, Черниговомъ, Бѣлгородомъ¹⁹⁷; послѣ мы уже не находимъ о немъ никакихъ упоминаній; въ 1625 г. князь Волконскій посылалъ станицу къ Изюмъ-Кургану, и тогда ровъ близъ города Цареборисова былъ еще довольно глубокъ¹⁹⁸.

Послѣ всего сказаннаго совершенно ясно, что мысль Годунова о постройкѣ Цареборисова не только не была нелѣпа, какъ могло бы показаться поверхностному наблюдателю, но наоборотъ соответствовала потребностямъ времени и отчасти бывшимъ въ распоряженіи царя средствамъ. Конечно, Цареборисовъ слишкомъ выдвинулся въ степь, но знаменитый Святогорскій монастырь находился еще дальше. Впрочемъ, самая важная причина построенія столь отдаленнаго города заключается, на нашъ взглядъ, въ стремленіи тогдашняго правительства какъ можно дальше подвинуть въ степь русскія сторожи и станицы. Это стремленіе ясно обнаружилось при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ извѣстной росписи станицъ и сторожъ. Выдвигая такъ далеко въ степь сторожи и станицы, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно было устраивать для нихъ укрѣпленныя и надежныя пункты. Причину запустѣнія Цареборисова нужно видѣть въ смутномъ времени, которое надолго задержало наши успѣхи въ южныхъ и юговосточныхъ степяхъ. Только съ Михаила Феодоровича снова принялись за прерванную работу; но въ виду того, что прежнюю систему отдаленныхъ развѣздовъ оставили, Цареборисовъ возстановленъ не былъ, не смотря на то что мысль объ этомъ являлась у нѣкоторыхъ лицъ¹⁹⁹.

Смутная эпоха задержала на нѣкоторое время дальнѣйшее распространеніе русскаго населенія. Въ это время всѣ московскія украины были очагомъ антигосударственныхъ движеній. Путивль обнаружилъ стойкость, достойную лучшей участи, въ поддержкѣ

¹⁹⁶ Арх. Мин. Юст., Столбецъ Бѣлгор. стола № 3901, св. 3.

¹⁹⁷ Сказ. совр. о Дим. Самоз., III, 78—79.

¹⁹⁸ Арх. Мин. Юст., Стол. Бѣлг. стола, № 3901, св. 3.

¹⁹⁹ Ibidem.

самозванца; Царьборисовъ въ это время совершенно запустѣлъ: Бѣлгородъ, какъ кажется, былъ разоренъ.

Въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича въ 1615 г. всѣ украинные города раздѣлялись на 5 отдѣловъ; 1-й отд. собственно *украинскіе*: Коломна, Серпуховъ, Алексинъ, Калуга; 2-й отд. *рязанскіе*: Переяславль - Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Рясскъ, Шацкъ, Сапожокъ, Гремячей, Торуса, Веневъ, Епифань, Дѣдиловъ, Донковъ, Боровскъ, Ярославецъ Малый, Лихвинъ, Перемышль, Бѣлевъ, Болховъ, Орель, Карачевъ, Чернь, Козельскъ, Мещевскъ; 3-й отд. *сѣверскіе*: Брянскъ, Новгородъ - Сѣверскій, Стародубъ, Рыльскъ, Путивль; 4-й отд. *степные*: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянь, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколь; 5-й отд. *низовые*: Терки, Астрахань, Царицынъ, Самара, Казань, Тетюши, Курмышъ, Алаторъ, Касимовъ, Кадома и Темниковъ ²⁰⁰. Количество городовъ въ степной окраинѣ Московскаго государства въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича, какъ мы видимъ, было весьма незначительно, ихъ было всего 8, а расположены они были въ предѣлахъ нынѣ Орловской, Курской, Тамбовской и Воронежской губ.; самыми южными пунктами были Старый Осколь и Бѣлгородъ; о Царьборисовѣ нѣтъ упоминанія; очевидно, онъ находился въ запустѣннѣ. Михаилъ Феодоровичъ, очистивъ центральныя области и окраины государства отъ поляковъ, литовцевъ и воровскихъ черкасъ, тѣмъ самымъ много сдѣлалъ для умиротворенія его; вся его дѣятельность въ началѣ была направлена именно на это. Но когда эта насущная задача была исполнена, тогда можно было подумать и о другомъ—о лучшемъ обезпеченіи своихъ рубежей. Отдѣльные отряды татаръ постоянно нападали на украинны и причиняли громадный вредъ жителямъ, которые и безъ того еще не оправались отъ бѣдствій смутной эпохи; являлась необходимость въ болѣе прочномъ огражденіи окраинъ. Съ 1636 г. начинается усиленная постройка новыхъ городовъ, укрѣпленіе старыхъ, устройство засѣкъ, валовъ, рововъ и т. п.; въ 1636 г. былъ построенъ Тамбовъ ²⁰¹, въ 1637 г. возлѣ Тихой Сосны на Калміуской сакмѣ—Усердь, а на Осколѣ сѣвернѣе Валукъ на Изюмской сакмѣ Яблоновъ ²⁰², въ

²⁰⁰ Бѣлева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г., № 4, стр. 38—39; Ibidem, источники, стр. 40—42).

²⁰¹ «Лѣта 7144, февр. въ 21 день... указалъ Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ всея Русіи, за Шацкимъ, въ степи у рѣчки Липовець поставить городъ Тамбовъ» (А. А. Э. III, 398).

²⁰² Доп. Ак. Ист., IX, 275, 278.

1638 г.—Кероча ²⁰³; въ 1640 г.—Вольный ²⁰⁴; въ 1641 г.—Хотмышскъ ²⁰⁵; въ 1644 г.—Костенскъ ²⁰⁶. Благодаря постройкѣ новыхъ городовъ, жилыхъ и стоялыхъ острожковъ и валовъ въ предѣлахъ рязанской украины, эта послѣдняя вздохнула свободнѣе. Татары нѣсколько разъ приходили подъ новопостроенные города, но должны были ни съ тѣмъ вернуться назадъ, ибо ихъ отразили украинскіе воеводы. Естественно было позаботиться о такомъ же укрѣпленіи и стеной окраины, подвергавшейся не менѣе опустошительнымъ нашествіямъ. По проекту Суханова нужно было построить три новыхъ города, 7 стоялыхъ острожковъ и нѣсколько валовъ и засѣкъ. Для постройки и содержанія ихъ требовались значительныя средства, которыхъ не было у правительства; въ виду этого рѣшились прибѣгнуть къ специальному сбору; какъ значительна была потребная для этого сумма, можно видѣть изъ того, что постройка Вольнаго и Хотмышска обошлась въ 13,532 р. ²⁰⁷; все тяглое населеніе Московскаго государства было обложено для этого налогомъ: одни должны были уплатить по полтинѣ съ чети земли, другіе по 20 алтынѣ, третьи по 10; деньги нужно было собирать «наспѣхъ, безъ мотчанія»: въ Пермь, напр., грамота объ этомъ была прислана въ февралѣ, а къ концу зимы нужно было представить сборъ въ Москву; крайнимъ срокомъ былъ Никола вешній, т. е. 9 мая. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ мы находимъ въ окружной грамотѣ царя Михаила Феодоровича ²⁰⁸. Въ прошлыхъ годахъ, говорится тамъ, крымскіе, ногайскіе и азовскіе татары часто приходили «изгономъ» подъ Рязань, Рязскъ, Шацкъ и др. города, избивали служилыхъ и уѣздныхъ людей, брали ихъ въ плѣнъ, не щадя женщинъ и младенцевъ, сожигали села и деревни, подгородныя слободы. Оттого многія изъ нихъ запустѣли, а служилые люди оскудѣли, лишились лошадей и оружія; православные христіане томятся въ плѣну у невѣрныхъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, государь приказалъ въ 1636 г. поставить на полѣ на р. Лѣсномъ Воронежѣ г. Козловъ и поселить тамъ стрѣльцевъ, казаковъ и всякихъ жилацкихъ людей. Отъ Козлова же на Шацкой сторонѣ отъ р. Польнаго

²⁰³ Ibidem, стр. 275.

²⁰⁴ Ibidem, стр. 272.

²⁰⁵ Ibidem, стр. 271.

²⁰⁶ Ibidem, стр. 283.

²⁰⁷ Бѣляева, О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтен. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 48).

²⁰⁸ Акты Арх. Экс., т. III, 409—413.

Воронежа до Челновой былъ насыпанъ земляной валь на протяженіи 12 вер., а на немъ поставлено 3 земляныхъ городка, а четвертый на Касимовомъ бродѣ съ валомъ въ 200 саж. длины. Въ томъ же году для защиты отъ крымскихъ и погайскихъ татаръ на полѣ при впаденіи рѣчки Липовицы въ Цну, построенъ городъ Тамбовъ и въ немъ поселены всякіе служилые люди; возлѣ землянаго вала, шедшаго отъ Козлова къ Тамбову, устроены были надолбы. За Шацкомъ въ степи заложены были г. Верхній и Нижній Ломовъ.

Въ прежнее время приходили татары Муравскою, Изюмскою и Калміускою дорогами полѣ Ливны, Елецъ, Новосиль, Чернь, Мценскъ, Болховъ и др. украинные города, посему государь приказалъ поставить на старомъ Орловскомъ городищѣ на татарской сакмѣ г. Орловъ ²⁰⁹ и кромѣ того два жилыхъ острожка — одинъ при впаденіи р. Чернавы въ Сосну между Ливнами и Ельцемъ; другой—тоже на р. Соснѣ только еще ближе къ устью на Талицкомъ бродѣ; въ немъ находились ратные люди изъ г. Ельца. Нападенія татаръ въ особенности обрушивались на Оскольскій, Бѣгородскій и Курскій уѣзды; въ виду этого царь послалъ на поле къ Муравскому, Изюмскому и Калміускому шляхамъ Фед. Сухотина и подъячаго Евс. Юрѣва для осмотра и нанесенія на чертежъ мѣстности, на которой можно было бы поставить города, стоялые и жилые остроги и всякія укрѣпленія. Досмотрщики возвратившись заявили слѣдующее: одинъ ²¹⁰ городъ, по ихъ словамъ, можно было устроить на р. Соснѣ у острога возлѣ Терновскаго лѣса, на Калміуской сакмѣ; другой—на той же Калміуской сакмѣ при впаденіи р. Усерда въ Тихую Сосну на Нижнемъ Усердскомъ городищѣ ²¹¹; въ 8 вер. отъ этого послѣдняго нужно было дѣлать ровъ и валь къ верховью р. Волуя, а на обомъ концахъ этого вала поставить по острожку; сверхъ того устроить еще 5 стоялыхъ острожковъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на р. Ольшанкѣ при впаденіи въ нея р. Тростенки подѣ Терновскимъ лѣсомъ,

²⁰⁹ Въ Орловскихъ актахъ, изд. Де-Пуле, основаніе г. Орлова относится къ 1646, (Мат. для ист. Ворон. и сосѣд. губ. Де-Пуле. Вор. 1861, стр. 314—318).

²¹⁰ Нужно думать, г. Верхососенскъ.

²¹¹ Городъ Усердъ; объ укрѣпленіяхъ этого города мы находимъ чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія у Бѣлева, оказывается, что возлѣ него было множество всяческихъ крѣпостей, стоялыхъ остроговъ, сторожъ, валовъ со рвами, надолбами, башнями, чистяку на бродахъ и т. п. (Бѣлева, о сторож. стан. и полевой службѣ, въ Чт. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 49—55).

2) на р. Осколѣ подѣ Жестовыми горами, 3) на Изюмской сакмѣ подѣ Яблоновымъ лѣсомъ, 4 и 5) по обоимъ концамъ вала, идущаго отъ верховья рѣчки Холки черезъ стѣну до р. Корочи,²¹² на Муравскомъ шляху на р. Ворсклѣ на Карповомъ сторожевѣ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, поставить жилой городъ²¹³, отъ котораго копать ровъ и дѣлать городки черезъ Муравскій шляхъ къ Бѣлгороду; на р. Тихой Сосиѣ на пяти татарскихъ перелазахъ забить свай и дубовый честики; а въ трехъ мѣстахъ на той же р. Сосиѣ въ промежуткѣ между лѣсами, на р. Осколѣ подѣ Жестовыми горами и въ Фочкинскомъ плесѣ засѣчь засѣки.

Обращаясь къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій, мы должны отмѣтить здѣсь одну очень важную черту—всѣ частности этого проекта, очевидно, были предварительно серьезно взвѣшены и оцѣнены опытнымъ людьми. И дѣйствительно, въ качествѣ свѣдущихъ людей подавали свои мнѣнія оскольскіе дѣти боярскіе, станичные головы, атаманы, ѣздоки, вожи, полковые козаки,²¹⁴ т. е. такія лица, которыя близка стояли къ атому дѣлу. Неудивительно поэтому, что всѣ предположенія Сухотина оказались весьма рациональными: всѣ эти вновь построенные города играли въ послѣдствіи очень важную роль въ дѣлѣ отраженія татарскихъ набѣговъ. Благодаря имъ, Бѣлгородскій и Оскольскій уѣзды начали пользоваться гораздо большею безопасностью, чѣмъ прежде. Мало того, только теперь явилась возможность приступить въ ближайшемъ будущемъ къ заселенію Харьковской губ., гдѣ развѣзжали пока только сторожа да станичники. Конечно, и съ построеніемъ названныхъ выше городовъ, край этотъ не обратился въ безопасный уголокъ. Потребовалась еще постройка новыхъ городовъ, подѣ защитою которыхъ сюда стали стекаться уѣздные люди и заселять села и деревни; только съ размноженіемъ этихъ селъ и деревень, должна была разцвѣсти здѣсь мирная земледѣльческая и

²¹² Этотъ валъ пересѣкалъ пространство лежавшее между бассейномъ Оскола и верхняго Донца.

²¹³ Г. Карповъ на верховьяхъ р. Ворсклы къ сѣверо-западу отъ Бѣлгорода; валъ съ земляными городками, простиравшійся до Бѣлгорода, долженъ былъ перерѣзать путь татарамъ, ходившимъ по Муравскому шляху. Интересно, что еще въ царствованіе Феодора Ивановича указывалось на важное значеніе этого урочища и на необходимость устроить здѣсь городъ; лѣсу на постройку укрѣпленій тамъ было совершенно достаточно, точно также какъ и земли на пашню; туда же совѣтовали перевести изъ Путивля всѣ станицы (мой «Матер...» стр. 2—3).

²¹⁴ Акты Арх. Эксп. III, 410—411.

промышленная дѣятельность, которая впрочемъ долго еще нарушалась все тѣми же татарскими набѣгами.

Самымъ южнымъ городомъ степной окраины Московскаго Государства былъ Чугуевъ на Донцѣ въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. основанный въ 1639 г. малороссіянами (объ основаніи его мы скажемъ дальше при обзорѣни малорусской колонизаціи), два года спустя онъ былъ оставленъ ими и долженъ былъ испытать судьбу Царевоборисова, т. е. подвергнуться запустѣнію. Московское правительство, признавая важное значеніе за этимъ новымъ городомъ, который служилъ какъ бы аванпостомъ Бѣлгорода, рѣшилось поселить здѣсь вмѣсто черкесъ русскихъ служилыхъ людей. Новое населеніе составилось изъ такъ-называемыхъ «сведенцевъ», т. е. лицъ, выведенныхъ изъ другихъ украинскихъ городовъ; это были дѣти боярскія стрѣльцы, пушкари, козаки, станичники изъ Бѣлгорода, Курска, Оскола, Мценска; были впрочемъ и сосланные преступники и бѣглецы, укрывавшіеся здѣсь отъ владѣльцевъ или суда. Въ 1642 г. всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей было тамъ только 408 чел.; остальные разбѣжались. Вообще нужно замѣтить, что бѣгство было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ этого времени; такъ напр., отсюда же убѣжало 99 служилыхъ людей, присланныхъ изъ Мценска. Это обуславливалось, конечно, трудностью службы въ самомъ крайнемъ изъ украинскихъ городовъ. Въ случаѣ, напр., прихода Крымскаго хана съ ордою, чугуевцамъ не откуда было ждать помощи. А приходы крымцевъ подъ Чугуевъ и въ сосѣднія мѣста были очень часты. Въ 1643 г. явилось болѣе 500 татаръ изъ-за Донца съ ногайской его стороны, разметавъ устроенную въ лѣсу засѣку; взявъ, или, какъ выражается документъ, «скрашиви караульщиковъ», они захватили въ плѣнъ 87 чел. чугуевцевъ, отогнали стада и только послѣ неудачнаго нападенія на посадъ и слободу, ушли въ степь.²¹⁵ Въ томъ же 1643 г. татары еще два раза приходили въ Чугуевскій уѣздъ. Они же опустошали и Курскій уѣздъ.²¹⁶ Воевода чу-

²¹⁵ Рукониси Ист. Фил. Общества, состоящаго при Ими. Харьк. Универ. Столбецъ подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ, № 12; столбцы эти приобрѣтены были, по предложенію г. ректора Университета, Правленіемъ и затѣмъ переданы въ Общество; они составляютъ часть такъ-наз. чугуевской черепки, выдержки изъ которой ир. Филаретъ и помѣстилъ въ своемъ «Ист. Стат. Опис. Харьк. Епар.».

²¹⁶ Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, 48—50.

гугевскій писалъ, что большая часть служилыхъ людей его лежитъ въ больницахъ. ²¹⁷

Чугуевскимъ служилымъ людямъ приходилось остерегаться не однихъ татаръ, но и малороссійскихъ козаковъ, которые приходили разбивать и грабить московскія украинны. Такъ изъ Миргородка вышелъ атаманъ Грыцько Торскій съ 500 чел., для того чтобы громить государеву казну, которая будетъ отправлена изъ Валуйки въ Крымъ; другой атаманъ Абакумка отправился разбивать на Донцѣ государевыхъ людей, приходившихъ туда для рыбной ловли; около Святыхъ Горъ ходилъ атаманъ Беззерстой съ 70 чел., чтобы разбивать царскихъ и крымскихъ пословъ; видимъ мы воровскихъ черкасъ и на р. Нетріусѣ и противъ Борисова городища. ²¹⁸

Вслѣдствіе этого правительство для увеличенія населенія Чугуева предложило рядъ льготъ. Стрѣльцамъ и козакамъ, которые бы изъявили желаніе остаться навсегда въ Чугуевѣ, велѣно было отдавать дворы измѣнниковъ черкасъ въ меньшемъ острогѣ со всякимъ дворовымъ строеніемъ, стоящій въ полѣ на корню хлѣбъ и всякій скотъ; кромѣ того имъ же была обѣщана пахатная земля и сѣнные покосы, а «земля здѣсь, говорится въ грамотѣ, добрая и хлѣбородная, и рыбныя ловли и всякія угодыя многія». ²¹⁹ Кормовымъ дѣтямъ боярскимъ, служившимъ въ солдатахъ подъ Смоленскомъ и не имѣвшимъ земель было дано по 10 руб. жалованья, по лошади и по коровѣ; чугуевскимъ пушкарямъ отведены были дворовыя и огородныя мѣста и земли по р. Чугуевкѣ. ²²⁰

Какъ видно изъ документовъ, въ Чугуевѣ очень важную роль играла служба сторожей и станичниковъ. И это совершенно понятно. Въ Чугуевѣ раньше всего могло прійти извѣстіе о движеніяхъ непріятели. Но эта сторожевая служба требовала постоянного напряженія, не давала ни минуты покоя. Въ особенности, нужно полагать, безпокоили Чугуевъ нападенія мелкихъ татарскихъ и черкасскихъ партій. Мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій о томъ, что такимъ партіямъ удавалось «скрасть» караульщиковъ; врядъ ли это могло происходить отъ безпечности этихъ послѣднихъ; скорѣе это объясняется неожиданностью и быстротою на-

²¹⁷ Ibidem, стр. 53.

²¹⁸ Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, стр. 56—57.

²¹⁹ Ркп. Ист. Фил. Общ. Ст. подл. отп. чуг. воев. № 2.

²²⁰ Ibidem.

бѣговъ. При такихъ условіяхъ жизни пользоваться землями, рыбными ловлями и всякими угодами чугуевскимъ жителямъ было не совсѣмъ удобно; на сѣнокосъ, напр., предписывалось выѣзжать съ оружіемъ; одна половина должна была косить, а другая оберегать ее отъ враговъ. Населеніе оставалось здѣсь не подоброй воля, а въ значительной степени силою принужденія. Впрочемъ такой принудительный до извѣстной степени характеръ носить колонизація всѣхъ московскихъ украинъ. Во всякомъ случаѣ московское правительство имѣло основаніе смотрѣть на чугуевскія земли, какъ на свои собственные. Первые основатели Чугуева, малороссійскіе козаки уходомъ въ Литву потеряли въ глазахъ Москвы всякое право на признательность за оказанныя ими иѣкогда услуги.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича ни одинъ изъ новостроенныхъ городовъ не выдвинулся далеко въ степь. Правительство Михаила Ѳеодоровича, очевидно, желало упрочить за собою тѣ мѣстности, въ которыхъ уже началась его строительная дѣятельность; всѣ эти города были предназначены для защиты «польской» окраины; но одни изъ нихъ болѣе тяготѣли къ г. Воронежу и воронежскому краю, а другіе—къ Бѣлгороду и къ бѣлгородскому краю, впрочемъ воронежскіе города такъ близко подходили къ бѣлгородскимъ, что между ними должна была установиться тѣсная связь. Что же касается Царевоборисова, то онъ въ это время былъ заброшенъ. Когда въ 1625 г. кн. Волконскій посылалъ станицу къ Июмо-Кургану, то тамъ было уже только Царевоборисовское городище: но ровъ въ немъ былъ еще довольно глубокъ²²¹; очевидно, слѣдовательно, что городъ оставленъ былъ сравнительно недавно.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о постройкѣ новыхъ городовъ или, вѣрнѣе сказать, крѣпостей, ибо въ этомъ главнымъ образомъ и проявлялась колонизаціонная дѣятельность правительства. Служилые люди, которыхъ правительство поселяло въ новыхъ городахъ стеной окраины, были здѣсь первыми прочными поселенцами. Селиться на первыхъ порахъ можно было только въ укрѣпленныхъ мѣстахъ; съ другой стороны, для защиты крѣпостей нужны были ратные, а не жилецкіе люди. Количество жителей во вновь заселяемыхъ областяхъ на первыхъ порахъ было столь

²²¹ Арх. Мин. Юст. Стол. Бѣлг. стола, № 3901, св. 3-я.

ничтожно, что съ трудомъ могло заселить и одни города. Но съ теченіемъ времени оно понемногу увеличивалось новыми «сведенцами» и «сходцами». Само населеніе хотѣло всегда разселяться по привольнымъ и удобнымъ уѣзднымъ мѣстамъ. Скучиваться въ городѣ оно должно было только по необходимости въ виду постоянно тяготѣвшей надъ нимъ вышней опасности. На городѣ всякій поселенецъ смотрѣлъ, какъ на временный пріютъ на случай непріятельскаго вторженія. Не слѣдуетъ забывать, что тогдашніе служилые люди не были регулярнымъ войскомъ, солдатами въ нашемъ смыслѣ этого слова. Хорошая половина служилыхъ людей была вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльцами, если не *de facto*, то, по крайней мѣрѣ, *in potentia*. Каждый изъ нихъ стремился получить лучшія земли и угодыя

Всякій новый городъ уже заключалъ въ себѣ зерно будущихъ поселковъ; одновременно съ закладкою острога происходила и постройка *природныхъ* слободъ. Въ нихъ поселялись разные виды служилыхъ людей; такимъ образомъ, почти возлѣ каждого города мы видимъ *козачьи, пушкарскія, солдатскія, стрѣльцкія, лжскія* слободы²²²; первыя были населены исключительно козаками, вторыя—пушкарями, третьи—солдатами и т. д. Дворы, находившіеся внутри острога, предназначались для *осаднаго сидѣнья*, въ обыкновенное же время служилые люди жили въ слободахъ составлявшихъ настоящій городъ. Было ли это правило общераспространеннымъ, сказать не можемъ, но это мы видимъ въ одномъ изъ украинскихъ городовъ—Усердѣ. Въ 1637 году при постройкѣ Усерда въ острогѣ устроены были *осадные* дворы, лавки и амбары; подъ каждый дворъ отведено было 229 козакамъ по усадебному мѣсту въ 5 саж. длины и 3 $\frac{1}{3}$ саж. ширины, а 27 стрѣльцамъ—по 4 саж. въ длину и по 3 въ ширину; вообще оставлено было столько мѣста, чтобы современемъ могло помѣститься всего 500 козаковъ, 500 стрѣльцовъ и 25 пушкарей. Но тѣ же самые козаки и стрѣльцы, которымъ отведены были дворовыя мѣста въ крѣпости на случай осады, получили подъ дворы внѣ острога и образовали двѣ слободы—козацкую и стрѣлецкую; здѣсь каждому козаку отводилось пространство въ 15 саж. длиною и 8 шириною, а стрѣльцамъ—10 сажен. въ длину и 6 въ ширину и опять-таки въ расчетѣ на 1,000 душъ, хотя ихъ было всего 256

²²² Библіог. Имп. Харьк. Унив. Рукописная Окладная Книга г. Вольнаго и его уѣзда 1711г.

чел. Кромѣ этого было еще двѣ слободки, населенныя станичниками и пушкарями, хотя уже безъ церквей.²²³

Мѣсто для такихъ слободъ отводилось и въ томъ случаѣ, если въ моментъ основанія города не было того или иного разряда служилыхъ людей; такъ, напримѣръ, въ Воронежѣ въ царствованіе Θεодора Іоанновича вымѣрены и отдѣлены были земли и угодья для *ямской* слободы; но самихъ ямщиковъ не было здѣсь до 1624 г., такъ что ею, по смежности, завладѣли пушкарни, затинщики и бѣломѣстные козаки. Государь Михаилъ Θεодоровичъ, которому ямщики подали по этому поводу челобитную, велѣлъ произвести розыскъ.²²⁴ Таково происхожденіе почти всѣхъ нынѣшнихъ селеній, называющихся теперь Пушкарными, Солдатскими и т. п. Это—одинъ способъ происхожденія селеній; другой—съ нимъ аналогичный. Служилымъ людямъ, жившимъ въ городахъ, давались земли далеко за городской чертою. Нерѣдко съ увеличеніемъ безопасности края, они выселялись на эти участки, и такимъ образомъ появлялось *селеніе* на извѣстномъ разстояніи отъ города. Такъ возникли нѣкоторыя села Вольновскаго уѣзда, Бѣгородской губ.²²⁵, напр., Тарасовка.

По составу своего населенія села ничѣмъ почти не отличаются отъ городовъ; никакой существенной разницы не было и въ положеніи и въ повинностяхъ ихъ жителей: они должны были, какъ увидимъ далѣе, принимать такое же участіе въ защитѣ края, какъ и горожане.

Количество селеній увеличивалось на первыхъ порахъ не особенно быстро. Этому мѣшала постоянная опасность отъ разбойническаго нападенія татарскихъ отрядовъ. При каждомъ появленіи татаръ уѣздные люди должны были забирать свое имущество и переселяться на время подъ защиту городскихъ укрѣпленій. Для того, чтобы понять всю тяжесть положенія украинныхъ поселенцевъ, достаточно вспомнить, что иногда въ теченіе одного года татары дѣлали нѣсколько набѣговъ на одну и ту же область; не смотря на строгія предписанія правительства—по первымъ слухамъ о появленіи врага спастись въ города—уѣздные люди оставались на мѣстѣ, рискуя потерять все имущество и попасть въ плѣнъ и

²²³ Н. Н. Оглобина «Обозр. Ист.-Геогр. Мат.» стр. 75—76.

²²⁴ Н. Втоорва и Александрова-Дольника. Ворон. акты, II, стр. 2—3.

²²⁵ Библ. Имп. Харьк. Унив. Рукописная окладная книга, г. Вольнаго и его уѣзды 1711 г.

въ вѣчную неволю. Мы подробно остановимся на этомъ вопросѣ при обзорѣннй татарскихъ набѣговъ со времени Алексѣя Михайловича. Чѣмъ раньше возникалъ извѣстный городъ, тѣмъ скорѣе возлѣ него выростали и деревни. Такъ, напр., въ Воронежской крайнѣ самымъ древнимъ городомъ былъ Воронежъ—и въ Воронежскомъ уѣздѣ мы находимъ сравнительно значительное количество селеній уже въ царствованіе Михаила Феодоровича. Въ 1630 году уѣздъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ становъ: 1) *Карачонскаго*— между рр. Дономъ и Воронежемъ, отъ Бѣлаго колодези до с. Карачюна; 2) *Чертовицкаго*—тамъ же къ югу отъ Карачюна почти до устья р. Воронежа; 3) *Усманскаго*—на лѣвомъ берегу р. Дона; 4) *Борщовскаго*—на правой сторонѣ Дона; первый состоялъ изъ 19 селеній, второй—изъ 25 сел. и одного острожка, кромѣ того здѣсь были еще нѣсколько монастырей²²⁶. Но другіе уѣзды того же Воронежскаго края, города которыхъ возникли позже, имѣли гораздо меньше селеній.

Изъ только что приведеннаго перечня видно, что и на окраинахъ существовало такое же административное раздѣленіе территории на уѣзды, уѣздовъ на станы и становъ на селенія, какъ и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства. Границы становъ и уѣздовъ постоянно колебались. Каждому новому городу отводилась извѣстная территорія, составлявшая его уѣздъ. Пространства, занятая на первыхъ порахъ уѣздами, были чрезвычайно обширны; они занимали обыкновенно весь промежутокъ между ближайшими сосѣдними городами. Но дѣло въ томъ, что одинъ городъ отстоялъ отъ другаго часто на весьма значительномъ разстояніи. Такъ, напр., къ Бѣлгородскому уѣзду тянула въ началѣ значительная часть нынѣшней Харьковской губ. и между прочимъ рѣчки—Харьковъ и Лопань; въ 1639 г. отсюда былъ выдѣленъ Чугуевскій уѣздъ, который на сѣверѣ граничилъ съ Бѣлгородскимъ, а на югѣ—съ татарскою степью. Чѣмъ больше застраивалась городами извѣстная мѣстность, тѣмъ меньшіе предѣлы занималъ ея уѣздъ; иногда территорія его сокращалась въ два, три, четыре и болѣе разъ. Таковъ былъ въ общахъ чертахъ ростъ Московскаго государства на его окраинахъ. Къ несчастью, мы не можемъ сообщить болѣе подробныхъ данныхъ о разнаго вида поселкахъ, по-

²²⁶ Н. Второва и Н. Александрова-Дольника, *Ворон. Акты*, III, стр. VI—IX; здѣсь перечислены всѣ селенія; $\frac{2}{3}$ изъ нихъ имѣли церкви и представляли изъ себя села.

явившихся въ предѣлахъ стеной украины до Алексѣя Михайловича. Воронежскіе акты не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ; «Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» относятся къ болѣе позднему времени; источниковъ для исторіи Бѣлгородской украины никто еще не собиралъ и не издавалъ; между тѣмъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи находится громаднѣйшее собраніе разрядныхъ книгъ, документовъ и столбцовъ *бѣлгородскаго стола*, которое заключаетъ въ себѣ, можно сказать, систематическій подборъ данныхъ для исторіи Бѣлгородской украины и вмѣстѣ съ тѣмъ русской государственной колонизаціи; но и кромѣ этого, такъ сказать, *спеціальнаго* архива Бѣлгородской украины мы находимъ не мало матеріаловъ и въ другихъ отдѣленіяхъ; такъ, напр., сохранились въ достаточномъ количествѣ *писцовыя книги* по г. Бѣлгороду и Бѣлгородской губ. Зная о существованіи всѣхъ этихъ документовъ и не имѣя возможности воспользоваться ими, я, конечно, болѣе чѣмъ кто другой, сознаю недостаточность печатныхъ матеріаловъ и потому смотрю на свой теперешній очеркъ государственной русской колонизаціи, какъ на первую попытку научной постановки даннаго вопроса, вполне сознавая, что онъ заслуживаетъ цѣлаго, полнаго и тщательнаго пересмотра.

Мы не можемъ на основаніи имѣющихся матеріаловъ отвѣтить даже на такой существенный вопросъ — насколько заселена была до Алексѣя Михайловича «польская» украинна. Мы видѣли, что количество городовъ въ ней было очень незначительно, селеній такъ же, нужно полагать, во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Воронежскаго, Бѣлгородскаго и Старооскольскаго, было не много; да и въ тѣхъ, какъ кажется, оно не превышало девяти десятковъ въ каждомъ и то уже въ царствованіе Михаила Феодоровича. Населеніе въ городахъ, какъ увидимъ далѣе, было не многочисленно, даже уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича; о селахъ нечего и говорить, хотя здѣсь повидимому не были распространены такія маленькія починки и деревеньки, какія господствовали въ это время на сѣверѣ Россіи. И это совершенно понятно: виѣшняя опасность была столь значительна, что требовала соединенія людей въ болѣе или менѣе значительныя общины. Мы видѣли уже, что $\frac{1}{3}$ селеній Воронежскаго уѣзда представляла изъ себя *села*, т.-е. большіе поселки съ церквями; то же самое явленіе среди великороссійскихъ поселковъ мы встрѣтимъ и въ послѣдующее время.

Мы сказали, что слабое заселеніе «польской» украины объясняется географическимъ положеніемъ на границѣ съ татаріей.

Мало того: сосѣдство съ татарами опредѣляло всѣ стороны внутренней бытовой жизни здѣшняго населенія. Поэтому намъ необходимо теперь перейти къ вопросу о жилищахъ и бытѣ татаръ и ихъ нападенихъ на Московскія украины. Распространеніе русскаго владычества и колонизаціи въ южномъ и юго-восточномъ направленіи зависѣло исключительно отъ татарскихъ отношеній. Между тѣмъ какъ западная и юго-западная границы прилежали къ Литвѣ и могли расширяться только путемъ завоеванія ²²⁷, южная и юго-восточная прилежали къ пустымъ незаселеннымъ степямъ, которыя не принадлежали никому; слѣдовательно, воевать за нихъ также не нужно было ни съ кѣмъ. Но распространенію государства въ эту сторону все-таки противодействовало господство татаръ.

Обыкновенно полагаютъ, что послѣ Батыева нашествія южная Русь совершенно заустѣла; но это мнѣніе въ значительной степени зиждется на недоразумѣніяхъ. В. Б. Антоновичъ и покойный М. А. Максимовичъ представили серьезныя доказательства, что это заустѣніе по отношенію къ Киевской области было мнимое. Княжества лѣваго берега Днѣпра, правда, должны были подвергнуться большому разоренію; Переяславское было опустошено столь сильно, что съ этого момента вовсе исчезаетъ уже съ историческаго горизонта. Но большая часть княжествъ Чернигово-Сѣверской земли послѣ и Батыева нашествія сохраняетъ свою политическую независимость; особеннымъ значеніемъ пользовалось Брянское княжество, независимое существованіе котораго прекратилось только въ половинѣ XIV в. Но съ прекращеніемъ политической самостоятельности Чернигово-Сѣверской земли, отдѣльныя княжества ея продолжали свое существованіе частью подъ властью Москвы, частью подъ властью Литвы.

Такимъ образомъ, прежнее населеніе нынѣшн. Черниговской и Курской губ. не исчезло послѣ Монгольскаго нашествія. Разрушительнъ былъ только первый ураганъ, пронесшійся надъ Русью; населеніе значительно порѣдѣло, подвинулось къ сѣверу, попрята-

²²⁷ Въ XVI ст., напр., здѣсь находились обширныя вотчины разныхъ лицъ, заходящія даже въ предѣлы нын. Харьковской губ. Такъ Григорій Бѣльскій владѣлъ всѣмъ теченіемъ р. Мерла, верховье котораго находится въ нын. Богодух. уѣз., Харьк. губ.; владѣнія другихъ вотчинниковъ были расположены по рѣкѣ Ворсклѣ и доходили до Скедскаго моря; каневскіе козаки владѣли уходями по рр. Сулѣ и Пселу до самаго Путивля (Дворц. разр., II, 900—903).

лось изъ степныхъ мѣстъ въ лѣсныя, но далеко не исчезло окончательно; запустѣло самое окраинное Переяславское княжество; многіе стали переселяться въ болѣе сѣверныя и потому безопасныя области—сначала въ Брянскъ, затѣмъ въ Москву; о переселеніяхъ въ Брянскъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, но они должны были имѣть мѣсто, если мы вспомнимъ, какую силу получило незначительное и не пользовавшееся доселѣ никакимъ вліяніемъ Брянское княжество въ концѣ XIII в. ²²⁸; о переселеніяхъ цѣлыхъ большихъ отрядовъ служилыхъ людей изъ южной Россіи въ Москву мы имѣемъ прямыя категорическія свидѣтельства лѣтописей. О запустѣніи многихъ городовъ и селеній Чернигово-Сѣверской земли свидѣлствуютъ многочисленныя *городища* и *селища* въ пынѣш. Харьковской губ. ²²⁹ и Черниговской губ. ²³⁰ Въ качествѣ таковыхъ многія изъ нихъ упоминаются уже въ XVI ст.; слѣдовательно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что они были городами и селами въ домонгольскій періодъ; иначе придется предположить, что они возникли въ XIII, XIV и XV ст., когда татарское иго наиболѣе сильно тяготѣло надъ Русью, а русскія окраины были въ наибольшемъ запустѣніи. Интересно, что въ Харьковской губ. мы находимъ въ это время только одни городища, а въ Черниговской—городища и селища. Можно это объяснить тѣмъ, что Черн. губ. составляла нѣкогда центральную часть Чернигово-Сѣв. земли и потому заключала въ себѣ не только города, но и села, тогда какъ Харьковская могла быть занята только военными пунктами, т. е. городами-крѣпостями, ибо составляла боевую границу области.

Но далеко не всѣ города Черниг. губ. обратились въ городища, а села въ селища; многіе изъ нихъ и въ смутную годину татарскаго лихолѣтя сохранили свое населеніе и затѣмъ продолжали свое существованіе подъ тѣми же именами въ XVI и XVII, XVIII—XIX ст. Такъ до нашихъ дней сохранились многіе памятники еще домонгольской старины въ городахъ Черниговѣ и Любечѣ. Черниговскій Спасопреображенскій соборъ, превосходящій древностью Софью Кіевскую и Новгородскую, и въ настоящее время въ архитектурѣ своей сохраняетъ много стариннаго ²³¹. Не запустѣли

²²⁸ См. объ этомъ мой «Ист. Сѣв. Земли», К. 1882 г. стр. 308—309.

²²⁹ О нихъ см. въ Книгѣ Большаго Чертежа.

²³⁰ Свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Румянцевской описи Малороссіи изд. А. М. Лазаревскимъ и Константиновичемъ.

²³¹ См. мой «Ист. Сѣв. Земли.» 1882 г. Кіевъ 287—288.

также тѣ мелкія княжества, которыя возникли въ б. землѣ Вятичей, занимавшей нѣкогда огромную территорію главнымъ образомъ нынѣ Калужской и Орловской губ.; Вятичи вмѣстѣ съ Кривичами составили зерно великорусской народности.

Гораздо болѣе пострадало такъ-наз. Посемье, т.-е. княжества, расположенныя по р. Сейму; они и въ древнее время были крайними княжествами Чернигово-Сѣв. земли; Курскъ, напр. совсѣмъ исчезаетъ на время монгольскаго ига и снова появляется въ качествѣ вновь построеннаго города только уже въ XVI ст. Путивль впрочемъ постоянно фигурируетъ во время взаимныхъ столкновений Литвы и Москвы. Въ Рыльскомъ княжествѣ мы видимъ даже 2 татар. слободы, построенныя татарскимъ откупщикомъ Ахматомъ въ концѣ XIII ст. Но самая цѣль постройки этихъ слободъ (для болѣе удобнаго собиранія дани) указываетъ на существованіе въ этихъ мѣстахъ болѣе или менѣе густаго населенія; только положеніе его было непрочное, такъ что оно, напр., должно было спастись подъ часъ въ сосѣдніе лѣса ²³². Во всякомъ случаѣ нельзя обобщать этого одного факта и выводить отсюда заключеніе о существованіи татарскихъ *поселеній* въ этихъ мѣстахъ. Тонъ лѣтописнаго повѣствованія объ Ахматовыхъ слободахъ доказываетъ, что онѣ не были явленіемъ распространеннымъ; притомъ онѣ имѣли свое спеціальное назначеніе и существовали не долго. И въ послѣдующее время степная окраина Моск. гос. не была занята татарами, а между тѣмъ оставалась нѣкоторое время незаселенной. Таковы вообще свойства кочевника-разбойника; съ нимъ никогда нельзя провести точной границы; постоянно должна оставаться нейтральная, искусственная, такъ сказать, пустыня. Можно допустить съ болѣею вѣроятностью только одно, что татары имѣли иногда свои кощевища не особенно далеко отъ границъ Россіи. Территорія татарской степи не всегда оставалась одинаковой. Въ XIII, XIV и XV ст. она была обширнѣе, чѣмъ въ XVI и особенно XVII ст. Чрезвычайно любопытныя данныя въ этомъ отношеніи заключаются въ путешествіяхъ разныхъ лицъ по этимъ степямъ; поэтому мы и обратимся теперь къ нимъ для того, чтобы рѣшить вопросъ, гдѣ начинались татарскія кочевья и кому принадлежали степи. Въ этомъ отношеніи особенно характерно путешествіе митр. Пимена, описанное его спутникомъ. Оно имѣетъ для насъ тѣмъ

²³² Ibidem стр. 302—304.

большій интересъ, что относится къ придонской области, гдѣ какъ мы видѣли, возникли впоследствии многіе города «польской» украины. Митр. Пименъ ѣхалъ по р. Дону до Азова, а оттуда въ Царьградъ на судахъ въ 1388 году. Вотъ какъ описывается его путешествіе: «Бысть же сие путное шествіе печально и уныленно, бяше бо пустыня зело всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села; аще бо и бываше древле града красны и нарочиты зело видѣниемъ, мѣста точию, пустожь все и ненаселѣно; нигдѣ бо видѣти человекъ, точию пустыни велия и зверей множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебѣди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыня великия»²³². Возлѣ Быстрой Сосны явился къ путешественникамъ Елецкій князь; татаръ они встрѣтили первый разъ за р. Медвѣдией и Бѣлымъ Яромъ. «Въ среду же, говорится далѣе въ разсказѣ о путешествіи, пловуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыхозинъ улусъ, и тако оттуду нача насъ страхъ обдержати, яко внидохомъ в землю татарскую, ихъ же множество оба полъ Дона реки аки песокъ. Въ четвертокъ же пловущимъ минухомъ бѣкъ вулатовъ улусъ, стадажъ татарскія видехомъ толико множество, яко же умъ превосходишь, овцы, козы, волю, верблюды, кони; таже впятокъ минухомъ Червленые горы. В недѣлюжъ шестую слепаго пловуще минухомъ Акбугинъ улусъ, и ту многое множество татаръ і всякихъ скоть стады безъ числа много, отъ татаръ же никтоже насъ пообѣде точию воспросиша ны везде, мы же отвечахомъ, и они сдѣлавшє ничто же намъ пакости творяху и млеко намъ даяху, и сицѣ с миромъ в тишинѣ плавахомъ. В понедѣльникъ же придохомъ Бузукъ реку, въ канунъ вознесеньева дня присиѣхомъ, пловуще до моря, града Азова; в недѣлю же седмую святыхъ отецъ вкладшєся въ корабль на усть Дона реки подъ градомъ Азовымъ»²³³.

Какъ видимъ отсюда, въ XIV ст. кочевья татарскія начинались за предѣлами нынѣшней Ворон. губ.—въ землѣ войска допскаго. Пространство между Быстрой Сосной и Медвѣдией составляло нейтральную полосу.

Къ XV ст. относится путешествіе Венеціанскаго посла Контарини. Въ 1476 г. онъ переѣзжалъ черезъ «большую степь Азіатской Сарматіи», лежавшую между Волгой и Дономъ. «Предъ нами,

²³² Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 160.

²³³ Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 161—162.

говорить онъ, разстилалась пространная степь, на которой не было даже и малѣйшихъ слѣдовъ дороги. Татары увѣрили, что Тана находится прямо на югъ отъ насъ, не далѣе какъ въ разстояніи 15 дней пути, тогда какъ, по моему расчету, намъ уже давно надлежало миновать ее. Въ продолженіе всего нашего странствованія мы остаповливались только въ полдень и предъ наступленіемъ ночи, и стали въ открытомъ полѣ подъ покровомъ небеснымъ, ограждаясь на ночь повозками, въ видѣ крѣпости. Сверхъ того для предосторожности находились у насъ постоянно на стражѣ трое часовыхъ: одинъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, а третій позади стана. Нерѣдко оставались мы цѣлыя сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить нашихъ коней. Дикихъ звѣрей ни разу намъ не попадалось; только однажды встрѣтили мы на степи двухъ верблюдовъ и до четырехъ сотъ лошадей, оставшихся, какъ увѣрили татары, еще отъ прошлогдняго каравана. Два раза мы ожидали нападенія и уже приготовились къ оборонѣ; но въ первый разъ—страхъ нашъ былъ совершенно напрасенъ, а въ другой—поводомъ къ оному послужило появленіе двадцати повозокъ и нѣсколькихъ татаръ, отъ которыхъ мы никакъ не могли добиться, куда они ѣдутъ. По причинѣ продолжительнаго пути и скудости запасовъ, вынужденъ я былъ уменьшить дневную порцію нашу. 12-го сентября 1476 г. вступили мы наконецъ, съ благословеніемъ Божиимъ въ землю Русскую, и первый предметъ, представившійся нашимъ взорамъ при вѣздѣ въ оную, была небольшая деревушка, окруженная лѣсомъ. Жители этой деревушки, услышавъ что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами татаръ и принесли нѣсколько сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати; ибо всѣ мы до такой степени отоцали отъ продолжительнаго пути, что едва могли держаться на лошадяхъ. Отправившись далѣе, прибыли мы въ г. Рязань...»²³⁵

Митрополитъ Пименъ совершилъ свое путешествіе черезъ степи воднымъ путемъ; при томъ онъ былъ глава русскаго духовенства, къ которому татары относились съ большимъ уваженіемъ; потому его путешествіе было сопряжено съ меньшими затрудненіями, чѣмъ путешествіе Контарини. Этотъ послѣдній ѣхалъ су-

²³⁵ Биб. иностр. писателей по Россіи, Семенова. С.П.Б. 1836 г., т. I. Путешеств. Амвросія Контарини, стр. 102—104.

химъ путемъ и потому долженъ былъ оставаться иногда цѣлыя сутки безъ воды; митр. Пименъ на своемъ пути видѣлъ множество звѣрей; Контарини—ни одного. Митр. Пименъ встрѣчалъ цѣлыя тысячи татаръ и множество скота; Контарини всего нѣсколько душъ татаръ и до 400 лошадей.

Итакъ, въ XIV и XV ст. степь начиналась за Быстрой Сосной, т.-е. въ сѣверной части нынѣшней Воронежской губ. на границѣ ея съ Орловской и около древней Рязани, т.-е. въ области р. Оки. Но первыя татарскія кочевья мы находимъ только за р. Медвѣдицей, т.-е. въ нын. землѣ Войска Донскаго. Что же изъ себя представляло, напр., все прѣстранство р. Дона отъ Быстрой Сосны до Медвѣдицы? На этотъ вопросъ далъ категорическій отвѣтъ митр. Пименъ. Онъ говоритъ, что это была «пустыня великая», на которой не было человѣческаго жилья. Но кому принадлежала эта пустыня? Скорѣе всего татарамъ.²³⁶ Контарини вздохнулъ свободно, только вѣхавъ въ Рязанскую область; до этого онъ находился въ постоянномъ страхѣ за свою безопасность. Очевидно, онъ опасался тѣхъ разбойническихъ татарскихъ шаекъ, которыя постоянно бродили по всему пространству степей и дѣлали очень затруднительными переходы черезъ нихъ. Но кромѣ татаръ заглядывали сюда и русскіе люди; такъ изъ грамоты митр. Алексѣя видно, что по Дону и Хопру во второй пол. XIV ст. ходили русскіе сторожа для наблюденія за татарами;²³⁷ вотъ съ какого момента началась здѣсь сторожевая служба! Въ XV в. упоминается о промышленникахъ по р.р. Цифъ, Дону и Воронежу,²³⁸

²³⁶ Татары въ своихъ сношеніяхъ съ литовцами при знаменитомъ Менгли-Гирей (т.-е. въ началѣ XVI в.) называли своимъ наследіемъ почти всѣ украинныя русскіе города, уступленные яко бы ими литовцамъ: «Русскую Виранну, шшесть въ своемъ ярыкѣ Менгли-Гирей, городки, которые къ намъ прослухали съ землями и зъ водами, зъ выходы и зъ далями пожаловали есьмо и на то есьмо и листъ нашъ дали». Подъ этой Русской Вкравной они разумѣли всѣ русскія области, вошедшія въ составъ Вел. Кн. Литовскаго—Володимірскую, Луцкую, Подольскую, Брацлавскую, Смоленскую, Звенигородскую, Черкаскую, Черниговскую, Рыльскую, Путивльскую, Курскую, Брянскую, Стародубскую и нѣк. др.; почти всѣ они называются тьмами (напр., Курская тьма, Черниговская тьма и т. д.), по той простой причинѣ, что во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ въ былыя времена, т.-е. до низверженія ига, темникъ. Само собою разумѣется, что это пожалованье было фиктивное. Но документъ этотъ все-таки интересенъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ намъ притязанія крымскихъ хановъ.

²³⁷ Акты Ист. I, № 3.

²³⁸ Др. рос. вив., II ч., 268—269.

такимъ образомъ, промыселъ толкалъ людей въ эти опасныя мѣста и положилъ начало временнымъ поселеніемъ здѣсь русскихъ людей. Въ концѣ XV в. было низвергнуто монгольское иго; вмѣсто Большой Орды основалось Астраханское царство; отъ нея же отдѣлилось болѣе сильное Казанское; около половины XV в. получило свое начало и знаменитое Крымское ханство. Рядомъ съ ними существовала Ногайская орда, начало которой, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, было положено еще въ XIII в. ханомъ Ногаемъ.²³⁹ Для насъ особенный интересъ представляютъ Крымскіе и Ногайскіе татары, потому что они только въ послѣдствіи и дѣлали нападенія на «польскую» Украину Московскаго государства. Къ несчастью вопросъ о жилищахъ татаръ въ разныя столѣтія, можно сказать, вовсе не затрогивался въ нашей исторической литературѣ. Посему и намъ по необходимости придется ограничиться нѣсколькими извлеченіями изъ источниковъ первой руки—большею частью сказаніями иностранныхъ путешественниковъ. Къ XV ст. относятся извѣстія венеціанцевъ Барбаро и Контарини. Первый въ продолженіе 16 лѣтъ (съ 1436—1452 г.) жилъ въ Танѣ т.-е. Азовѣ и его окрестностяхъ и сообщилъ много крайне интересныхъ подробностей о бытѣ татаръ, но о топографіи Татаріи онъ говоритъ немного. По его словамъ Татарская степь граничитъ съ востока рѣкою Ердилемъ (Erdil), иначе называемымъ Волгою, съ запада Польшею, съ сѣвера Россіей, а съ южной стороны, обращенной къ большому морю,—Аланіей, Куманіей и Хозаріей. Всѣ эти области находятся на берегу Забакскаго моря или Меотійскихъ болотъ.²⁴⁰ Это извѣстіе имѣетъ для насъ большое значеніе. Татарская степь является здѣсь въ качествѣ отдѣльнаго самостоятельнаго владѣнія, границы котораго доходятъ до Польши и Руси; въ другомъ мѣстѣ Барбаро говоритъ, что по берегу р. Волги находится безчисленное множество татаръ, которые простираются до пограничнаго со степью русскаго города Рязани;²⁴¹ затѣмъ Барбаро перечисляетъ города у Крымскихъ татаръ.²⁴² Важнѣйшими

²³⁹ Существуетъ впрочемъ мнѣніе, что она возникла позже.

²⁴⁰ Путешествія въ Тану Юсафата Барбаро въ «Биб. Иностр. Писателей Россіи» стр. 6.

²⁴¹ Ibidem, стр. 57.

²⁴² Ibidem, стр. 49—50.

окраинными татарскими городами были Казань, Астрахань и Тана.²⁴³

Извѣстія Контарини относятся къ 1476 г. Онъ сообщаетъ только одно любопытное для насъ свѣдѣніе, что племянники татарскаго хана, которымъ принадлежалъ и г. Астрахань, кочевали на равнинахъ Черкесіи и около Таны, т.-е. Азова, а иногда приближались *во время лѣтнихъ жаровъ* для прохлады къ предѣламъ Россіи, въ Астрахани же проводили только зиму.²⁴⁴ Такимъ образомъ, татары, жившіе въ городахъ, лѣтомъ вели такой же кочевой образъ жизни какъ и другіе. Нѣсколько очень важныхъ топографическихъ данныхъ о Татаріи содержитъ въ себѣ 41-й томъ Сборника Имп. Рус. Ист. Общ., заключающій памятники дипломатическихъ сношеній Московіи при Іоаннѣ III съ Крымскою и Ногайскою ордами (съ 1474 г. по 1505 г.). Тамъ между прочимъ приводится много случаевъ нападенія воровскихъ татаръ на русскихъ пословъ и гостей въ разныхъ мѣстахъ *на степи*; такъ одинъ разъ азовскіе татары убили у московс. посла кн. Кубанскаго 11 чел., а 7 чел. взяли въ плѣнъ и пограбили у него всякой рухляди (мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, лисьихъ и бѣличьихъ, рыбьихъ зубовъ, серебряныхъ сосудовъ, платья, коней, доспѣховъ) на 3.000 рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ пострадала и его свита: у Фед. Кушелева убили 5 чел. и пограбили всякаго имущества на 420 р.; у подьячаго Шамшова пограблено было рухляди на 350 руб., у сокольника шубу схватили и продали въ Азовъ за 25 руб., все имущество его пограбили; когда же онъ возвращался назадъ изъ Азова, снова отняли у него вещей на 70 р.; у толмача Михаила пограбили всякихъ вещей на 130 р. Съ кубанскимъ шелъ караванъ русскихъ купцовъ; многихъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ; такъ Ив. Гладкова полонили и привезли въ Азовъ, гдѣ онъ былъ выкупленъ за 10 р.; Мак. Корякина продали въ Азовъ за 10 р., а племянника его Якушку совели въ орду. У нѣкоторыхъ купцовъ захватили родственниковъ, товарищей или служителей—у Гриши Иванова, у Клима Рыжкова, Ивана Дробыша, Степана Винникова и др. Наконецъ, у 13 купцовъ пограбили вещей на 3.477½ руб. У посла вел. кн. Мамонова тѣ же азовскіе татары взяли въ плѣнъ 4 чел.

²⁴³ Ibidem, стр. 53, 63 и др.; обстоятельный комментарий къ извѣстіямъ Барбаро о татарахъ, см. у С. Замысловскаго «Барбар. и его ист. геогр. извѣст. о Россіи», стр. 317—321.

²⁴⁴ «Библиографическія записки о Россіи», изд. Семенова, стр. 90.

и священника, которые потомъ провали безъ вѣсти, и пограбили рухляди на 700 р., а у шедшаго съ ними подъячаго Бѣлаго—на 84 р.; дьяка Ник. Нардукова, который шелъ посломъ въ Валахію съ Мамоновымъ, взяли въ плѣнъ на полѣ вмѣстѣ съ его людьми и имуществомъ, стоимость котораго простиралась до 300 руб.; посла вел. кн. Феод. Ромодановскаго взяли азовскіе татары въ плѣнъ, такъ что его пришлось выкупить въ Азовѣ за 70 р.; пограбленное у него имущество стоило 1.000 р.; на обратномъ пути Феод. Ромодановскаго снова пограбили и взяли у него рухляди на 200 рублей, толмачъ его Илья былъ убитъ. Былъ взятъ въ плѣнъ, ограбленъ и повидимому убитъ также Анд. Кутузовъ, бывший посломъ вел. кн. въ Кафу; съ Кутузовымъ шло множество гостей московскихъ, тверскихъ, коломенскихъ; у нихъ всякими неправдами было взято не мало имущества; по смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ рухлядь ихъ присвоена была жителями Кафы. Когда Кутузовъ возвращался домой р. Дономъ, на него снова было сдѣлано нападеніе и при этомъ пограблены были бывшіе съ нимъ купцы ²⁴⁶ и т. д. Достаточно в этихъ фактовъ. Они показываютъ какъ часты были грабежи и убійства въ степяхъ. Не забудемъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о послахъ, личность которыхъ все-таки должна была быть болѣе неприкосновенной, чѣмъ личность простыхъ людей. Любопытна въ этомъ отношеніи роль Азова; туда безъ всякаго стѣсненія ведутъ плѣнныхъ, которые или выкупаются жившими тамъ русскими людьми, или продаются всѣмъ желающимъ. Очевидно, на нихъ смотрятъ, какъ на военный призъ ²⁴⁷; сами послы не представляютъ исключенія и ихъ нужно выкупать изъ плѣна. Населеніе г. Азова, несмотря на свой городской бытъ и торговлю, не могло разстаться съ привычками кочеваго народа и грабило въ степяхъ русскихъ пословъ и купцовъ; особенно отличались въ этомъ случаѣ *азовскіе козаки*, которые нерѣдко упоминаются въ документахъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ во время разбойническихъ нападеній на караваны; кромѣ ихъ было впрочемъ не мало и другихъ воровскихъ шаекъ, занимавшихся тѣмъ же ремесломъ; таковы астраханскіе козаки, которые грабили въ степяхъ на Волгѣ и Дону русскихъ пословъ, купцовъ и рыба-

²⁴⁶ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 41 Сиб. 1884 г. стр. 405—410.

²⁴⁷ О такой роли Азова говоритъ и Иоаннъ Ласскій; см. Е. Замысловскаго «Герберштейнъ и его истор. геогр. изв. Россіи» стр. 346 прим. 6.

ковъ ²⁴⁸. Ихъ городъ Астрахань играетъ такую же роль, какъ и Азовъ: туда свозится вся добыча для продажи.

Для насъ весьма интересны тѣ урочища, гдѣ татары нападали на русскихъ людей, ибо они указываютъ на предѣлы татарскихъ разбѣздовъ въ степяхъ. Въ 1495 г. на московскихъ людей, шедшихъ въ количествѣ 45 чел. къ Азову, напали азовскіе татары на *Съверскомъ Донцѣ* и убили у нихъ 22 чел., а остальныхъ оставили замертво ²⁴⁹, въ 1486 г. люди ордынскаго царя Муртазы подстерегли московскихъ пословъ въ трехъ мѣстахъ на *Осколь, Донцѣ и Мерлѣ* и затѣмъ пограбили людей вел. кн. на Мерлѣ вблизи коломака ²⁵⁰; въ 1501 г. азовскіе татары схватили и ограбили на р. *Орелѣ* великокняжескаго посла Феод. Ромодановскаго ²⁵¹; крымцы ограбили русскихъ купцовъ Ст. Васильева съ товарищами на *устѣ р. Оскола у Донца* ²⁵²; они же напали на русскихъ людей на р. *Пселѣ* ²⁵³; въ 1503 г. русское посольство разогнали на р. *Осколь* погайскіе мурзы ²⁵⁴.

Такимъ образомъ, мѣстами татарскихъ засадъ оказываются рѣки, протекающія въ предѣлахъ нын. Харьковской и Полтавской губ.: это были въ то время опасныя мѣста на «польскихъ» дорогахъ, какъ выражается одинъ документъ ²⁵⁵.

Что же касается до татарскихъ *кочевищъ* то они преимущественно находились на р. *Волгѣ* ²⁵⁶, *Днѣпрѣ* ²⁵⁷, *Дону* ²⁵⁸, *Хопрѣ* ²⁵⁹, *Орелѣ* ²⁶⁰, *Самарѣ* ²⁶¹, *Сумѣ* ²⁶², *Тихой Соснѣ* ²⁶³, *между Дономъ и Днѣпромъ* ²⁶⁴, между *Валушкою и Донцомъ* ²⁶⁵.

²⁴⁸ Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 14, Спб. 1884 г. стр. 128.

²⁴⁹ Ibidem, стр. 298.

²⁵⁰ Ibidem, стр. 52.

²⁵¹ Ibidem, стр. 348—349.

²⁵² Ibidem, стр. 79.

²⁵³ Ibidem.

²⁵⁴ Ibidem, стр. 472.

²⁵⁵ Ibidem.

²⁵⁶ Ibidem, стр. 67, 141, 167.

²⁵⁷ Ibidem, стр. 88, 108.

²⁵⁸ Ibidem, стр. 67, 356, 358.

²⁵⁹ Ibidem, стр. 478.

²⁶⁰ Ibidem, стр. 377—381, 416.

²⁶¹ Ibidem, стр. 377, 379—381, 416.

²⁶² Ibidem, стр. 417, 419.

²⁶³ Ibidem, стр. 367, 369—370, 377.

²⁶⁴ Ibidem, стр. 140.

²⁶⁵ Ibidem, стр. 118.

Интересны также указанія на тѣ мѣста татарскихъ осѣдлостей, гдѣ они пахали себѣ пашню; они находились по теченію рѣкъ *Орели* ²⁶⁶, *Оамары* ²⁶⁷, *Овечьихъ водъ* ²⁶⁸. Итакъ, кочевья и пахотныя поля татаръ занимали восточную и южную часть Россіи въ томъ числѣ и нын. Полтавскую, Воронежскую и Харьковскую губ.; быть можетъ, впрочемъ татары такъ далеко на сѣверъ подходили съ военными цѣлями, а не для кочевокъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что для этого именно они приходили на Тихую Сосну.

Обращаемся теперь къ извѣстіямъ о татарской степи и татарахъ въ княженіе вел. кн. Василія Іоанновича; изъ иностранцевъ о нихъ говорятъ Матвѣй Мѣховскій и Герберштейнъ. По Мѣховскому татары раздѣлялись на 5 ордъ: заволжскую, перекопскую, казанскую, оккасскую или ногайскую и козацкую. Любопытна характеристика, которую даетъ Мѣховскій перекопскимъ т. е. крымскимъ татарамъ: «они не оставляютъ свою волчью хищность и звѣрскую жестокость, какъ дикіе, обитающіе въ степяхъ и лѣсахъ, а не въ городахъ и селеніяхъ. Ибо они ежегодно нападаютъ, опустошаютъ и грабятъ Россію, Литву, Валахію, Польшу, а иногда и Московію. О Ногайцахъ Мѣховскій говоритъ, что они обитаютъ сѣвернѣ другихъ ордъ и съ востока границы ихъ племени подходятъ къ Московіи, на которую они дѣлаютъ постоянныя нападенія» ²⁶⁹.

По словамъ Герберштейна, татары раздѣлялись на орды; «между собою они не имѣли никакихъ межей, ибо владѣнія ихъ были безграничны». Герберштейнъ приводитъ въ подтвержденіе этой мысли слѣд. анекдотическій, но тѣмъ не менѣе характерный рассказъ: «Однажды москвиты взяли въ плѣнъ одного жирнаго татарина. На слова Москвиты: «откуда у тебя, собака, такой жиръ, когда тебѣ нечего ѣсть?»—татаринъ отвѣчалъ: «почему это мнѣ нечего ѣсть, когда я обладаю такою обширною землею отъ востока до самаго запада; развѣ отъ нея я не могу получить всего въ изобиліи? Скорѣе тебѣ нечего ѣсть, потому что ты владѣешь такою маленькою частицею земнаго шара и ежедневно за нея сражаешься» ²⁷⁰. И эти слова степнаго татарина въ значительной

²⁶⁶ Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 41 стр. 113.

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ Цитируемъ на выдержки, приведенной у Е. Замысловскаго «Гербер. и его ист. геогр. изв. о Россіи», стр. 345.

²⁶⁹ Е. Замысловскій «Гер. и его ист. геогр. изв. о Россіи» стр. 349.

²⁷⁰ Зап. о Московіи. Барона Герберштейна. Спб. 1866 г. стр. 138.

степени справедливы; своимъ государствомъ онъ считалъ громадную и вѣйшую территорію, захватывающую всю нынѣшнюю южную Россію и значительную часть Азіи. Ногайскіе татары, по словамъ Герберштейна, занимали область рр. Волги, Камы, Урала ²⁷¹. «Между Казанью и Астраханью далеко по Волгѣ до самаго *Борисовна* находятся степи, въ которыхъ живутъ татары, не имѣя никакой осѣдлости, кромѣ Азова и города Ахаза, который стоитъ на Тагансѣ 12 милями выше Азова; сверхъ того татары, *живущіе по Донцу обрабатываютъ землю* и имѣютъ постоянныя жилища» ²⁷².

Это послѣднее извѣстіе для насъ наиболѣе интересно, хотя къ несчастью слишкомъ кратко. Достоверность его нельзя заподозрить никакимъ образомъ, потому что оно представляетъ полную аналогію съ тѣмъ, что сообщаютъ намъ памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымскою и Ногайскою ордами: выдержки изъ нихъ были приведены уже мною раньше; если крымскіе татары завели себѣ пашни по Орели и Самарѣ, то совершенно естественно, что азовскіе имѣли ихъ по Сѣверскому Донцу. Но спрашивается,—все ли теченіе Донца было занято ими или только нѣкоторая часть, и если часть то какая именно—верхняя средняя или нижняя. Принявъ во вниманіе, что центральными пунктами этихъ татаръ-пахарей были Азовъ и Ахазъ, находившіеся въ низовьяхъ Дона, придется признать, что и пашни ихъ были въ нижнемъ теченіи Донца и едва ли переходили даже въ среднее, туда могли достигать только ихъ кочевья; и дѣйствительно, мы ихъ видѣли между Валуемъ и Донцомъ.

Такимъ образомъ, въ княженіе Вас. Ивановича область нижняго Дона и Донца находилась вполне въ рукахъ азовскихъ татаръ. Неудивительно, что проходить здѣсь русскимъ людямъ было весьма затруднительно. Въ это время пріѣзжалъ въ Москву первый турецкій посолъ Мангуйскій князь Феодоритъ Камаль, выѣхавшій изъ Константинополя съ рус. посломъ Алексѣевымъ: «Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ августа до мая); терпѣли недостатокъ, голодь въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди, высланные къ нимъ отъ Великаго Князя» ²⁷³.

²⁷¹ Ibidem, стр. 150, 151.

²⁷² Ibidem, стр. 153.

²⁷³ Н. М. Карамзина Ист. Госуд. Рос. Изд. Эйперлинга, Слб. 1842 г. т. VII, стр. 38.

Въ царствованіе Іоанна IV Васильевича на Дону и Сѣверномъ Донцѣ было уже довольно много казаковъ. Они, оказывали серьезную пользу московскимъ посламъ, шедшимъ къ Азову. Но вмѣстѣ съ «вѣрными» казаками теперь возлѣ Дона бродило много и «воровскихъ», которые разбивали суда, грабили проезжающихъ. Не мало ихъ скиталось также между Дономъ и Днѣпромъ. Часть ихъ номинально принадлежала къ донскому, а часть къ днѣпровскому казачеству, переходы изъ Днѣпра на Донъ были довольно часты. Съ другой стороны отряды воровскихъ казаковъ попадались и у татаръ; о нихъ говоритъ Мѣховскій и русскіе лѣтописи ²⁷⁴. Оказывается, что они бродили по донскимъ степямъ шайками въ 3, 6, 10, 20 и 60 человекъ; собравшись же въ болѣе значительномъ количествѣ, они грабили пограничныя русскія деревни. На грабежи русскихъ казаковъ въ приднѣпровскихъ степяхъ въ XVI ст. жаловались крымскіе ханы; въ одной изъ такихъ жалобъ говорится, что въ Московское Госуд. отправился въ 1545 г. караванъ перекопскихъ и кафинскихъ купцовъ, но чтобы не уплачивать мыта въ польскихъ городахъ (Кіевъ и др.) пошелъ не по старой «извѣчной» дорогѣ (на Таванъ и на королевскіе замки Черкасы, Каневъ, Кіевъ), а прямо «полями яловыми т. е. пустыни, гдѣ никогда ни они купцы, ни предки ихъ, не ходили; дорога эта шла довольно далеко отъ замковъ королевскихъ по нын. Полтавской губ.; и вотъ, когда они подошли къ урочищу Санъ-Чарову, которое находится въ 60 миляхъ отъ замковъ, то на нихъ напали сначала московскіе, а потомъ королевскіе казаки, погромили ихъ и пограбили значительную часть товаровъ ²⁷⁵. Урочище Санъ-Чаровъ, судя по всѣмъ даннымъ, соотвѣтствуетъ нын. м. Сенжарамъ, лежащему у р. Ворсклы въ Полтавскомъ уѣздѣ.

Въ 1549 г. донскіе казаки севрюки побили ногайскихъ купцовъ, шедшихъ съ товарами въ Москву ²⁷⁶. Путивльскіе и малороссійскіе казаки пограбили крымскаго гоица на Муравскомъ шляху ²⁷⁷.

Чрезвычайно интересно путешествіе русскаго посла Новосильцева. Вотъ какъ описывалъ онъ свой путь: «сиѣга на полѣ

²⁷⁴ Гербештейнъ и его ист. геогр. изв. о Россіи, Е. Замысловскаго Спб. 1884 г. стр. 349—350.

²⁷⁵ Книга посольская метрики вел. кн. Лятов. М. 1843 г. т. I стр. 29—30.

²⁷⁶ С. М. Соловьева. Исторія Россіи. Изд. 2 Спб. 1860 г. т. VI стр. 422.

²⁷⁷ Ibidem.

очень велики и осеренило ²⁷⁸ ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не поднимаетъ: мы думаемъ взять салазки, а сами пойдемъ на рѣкахъ къ Сѣверскому Донцу; Мишкина прибора казакъ помѣстный Сила Нозруновъ на твоего гос. службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ въ вотчину Рыльскую... Шли мы до Донца на рѣкахъ иѣшкомъ, а твою Государя казну и свой запасишко везли на салазкахъ сами. Какъ пришли мы на Донѣцъ перваго апрѣля, я велѣлъ дѣлать суда, на которыхъ намъ идти водянымъ путемъ къ Азову, и за этими судами жили мы на Донцѣ недѣлю; а у Мишки черкашенина, у атамановъ и казаковъ не у всѣхъ были суда готовые старыя на Донцѣ, и они дѣлали себѣ каюки... ²⁷⁹ Съ такими трудностями было сопряжено пудешествіе московскаго посла въ Азовъ. На обратномъ пути его ожидали неменьшія опасности. «Какъ мы пошли изъ Азова, рассказываетъ Новосильцевъ, пришла ко мнѣ вѣсть, что за нами пошли изъ Азова полемъ казачьи атаманы, Сенка Ложникъ съ товарищами 80 чел.; да съ нимъ же пробираются казыевы татары да два атамана крымскихъ, а съ ними челоуѣкъ съ 300, и хотятъ насъ на Дону или на Украинѣ громить съ обѣихъ сторонъ; а со мною донскихъ атамановъ и казаковъ идетъ для береженья немного: иные атаманы и казаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали» ²⁸⁰.

Здѣсь мы находимъ указаніе на существованіе у азовскихъ татаръ казаковъ; предводителемъ одного изъ казацкихъ отрядовъ былъ упомянутый выше Сенка Ложникъ, русское имя котораго невольно обращаетъ на себя наше вниманіе. Проводникомъ русскаго посольства былъ атаманъ Мишка-черкашенинъ, который прославился погромомъ, нанесеннымъ татарскимъ улусамъ на Азовскомъ побережьѣ. Но служба вольныхъ казацкихъ атамановъ, какъ увидимъ далѣе, была ненадежная. Тѣмъ не менѣе съ расширеніемъ и усиленіемъ Донскаго казачества путь по Дону сдѣлался нѣсколько безопаснѣе. Впрочемъ это относится уже ко времени Михаила Ѳеодоровича, когда въ значительной степени заселилась мѣстность нын. воронежской губ. При Алексѣѣ Михайловичѣ безопасность еще болѣе усилилась, хотя въ это же царствованіе имѣло мѣсто самое сильное казацкое движеніе Разина.

²⁷⁸ По объясненію С. М. Соловьева, это значитъ, что наступила оттепель.

²⁷⁹ С. М. Соловьева. Ист. Россія, изд. 2, Спб. 1860 г. стр. 423—324.

²⁸⁰ Ibidem, стр. 424.

Но значительная часть донского бассейна все-таки въ это время уже была отвоевана отъ татаръ. Въ рукахъ татаръ оставался только г. Азовъ. Образование донскаго казачества въ низовьяхъ Дона имѣло очень важное вліяніе на дальнѣйшую колонизацію средняго Подонья. Оно стадо играть такую же роль по отношенію къ Москвѣ, какую играло Запорожье по отношенію къ Польшѣ; оба они были русскими аванпостами, вышедшими изъ предѣловъ государства, но не порвавшими съ нимъ окончательно связей. Теперь борьба съ татарами была перенесена въ *самую степь*. Прежде единственными обладателями степи были татары; теперь опасными конкурентами ихъ явились казаки, которые также претендовали на участіе во владѣнціи безконечными степями. Отселѣ начинается новый періодъ въ этнографіи степей; татарская степь обращается въ татарско-казацкую. Такова была степь въ XII ст.

Обращаемся теперь къ XVII ст.; къ первой половинѣ этого столѣтія относятся свидѣтельства Книги большаго чертежа и двухъ иностранцевъ Боплана и Маржерета. Книга большаго чертежа говоритъ намъ о жилищахъ *Большихъ и Малыхъ Ногаевъ*; первые кочевали отъ верховьевъ р. Бузулука притока Самары, впадающей въ Волгу, до Свияго т.-е. Аральскаго моря на 1.850 вер., ²⁸² т.-е. на востокъ отъ Волги возлѣ Урала до Аральскаго моря ²⁸³; Малые Ногаи занимали все пространство на востокъ отъ Азовскаго и Чернаго морей, межъ моря и горъ ²⁸⁴ т.-е. отъ Кубани до Днѣпра; и дѣйствительно, мы ихъ находимъ, напр., на р. Молочной. ²⁸⁵ Кромѣ этого упоминаются еще Малые Ногаи *Казыева улуса*; ихъ кочевья простирались отъ р. Кубани къ Черному и Азовскому морямъ до верховьевъ р. Маныча, ²⁸⁶ нужно предпологать, что Малые Ногаи раздѣлялись на Улусы и однимъ изъ нихъ былъ Казыевъ. По Боплану Ногаи также раздѣлялись на Большихъ и Малыхъ; тѣ и другіе кочевали между Дономъ и Кубанью; одни изъ нихъ были независимы, другіе признавали надъ собою власть Москвы, третьи — Крыма. ²⁸⁷ Бопланъ, какъ мы видимъ, нѣсколько суживаетъ пре-

²⁸² Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 131.

²⁸³ Обстоятельную картину внутренняго быта большихъ ногаевъ мы находимъ у г. Перетятковича. Поволожье въ XV и XVI в. М. 1877 г. стр. 133—146.

²⁸⁴ Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 67, 4.

²⁸⁵ Ibidem, стр. 19—20.

²⁸⁶ Ibidem, стр. 58.

²⁸⁷ Описаніе Украйны. Боплана СПб. 1832 г. стр. 42.

дѣлы ногайскихъ кочевьевъ; по всей вѣроятности, онъ имѣеть въ виду злѣсь исключительно Малыхъ Ногаевъ.

Опредѣливъ, насколько это было возможно, мѣста татарскихъ кочевьевъ, мы теперь сдѣлаемъ характеристику ихъ набѣговъ на русскія украины. Крымъ представлялъ изъ себя чисто военное или, лучше сказать, хищническое государство. Крымскій юртъ XVII в. г. Хартахай характеризуетъ такъ: «Оно (крымское госуд.) попрежнему было хорошо организованною шайкою разбойниковъ, которую можно назвать государствомъ лишь на столько, на сколько она отвѣчала запросамъ вновь сложившейся народной жизни. Игнѣ подъ рукой большую часть населенія сѣвернаго Крыма и главнымъ образомъ ногайскія орды, готовыя къ набѣгу ежеминутно, эта шайка никогда не переставала тревожить сосѣдей, насколько это ей удавалось». ²⁸⁸ «Общій характеръ отношеній крымско-татарскаго юрта къ сосѣдямъ литовцамъ, полякамъ и русскимъ, было хищничество и корыстолюбіе, доходившее до жадности. Татары не вели правильныхъ войнъ, а потому сосѣди боялись ихъ не какъ враговъ, съ которыми сладить нельзя, а какъ огня, отъ котораго трудно уберечься.. страхъ, наведенный ими на сосѣдей, установилъ оригинальный обычай давать дань. Если кто изъ сосѣдей не присылалъ условленной дани, то это принималось за вызовъ къ набѣгу. Поэтому мирныя отношенія татаръ къ кому бы то ни было представляютъ однообразный и длинный рядъ посольствъ и переписки о подаркахъ» ²⁸⁹.

Вся первая половина XVI в. въ исторіи крымскаго юрта, когда во главѣ его стояли ханы Менгли-Гирей, Магометъ-Гирей, наполнена безпрерывными войнами и набѣгами; въ это время крымскіе татары ходили на кочевья къ Волгѣ, Уралу, Кубани и Дону. ²⁹⁰ Въ половинѣ XVI в. два крымскихъ хана Саадетъ-Гирей и Сагивъ-Гирей пытались было пріучить татаръ къ осѣдлому образу жизни—одниѣ мѣрами кротости и собственнымъ примѣромъ, другой—силою принужденія (такъ, напр., онъ заставлялъ рубить колеса у арбъ всѣхъ тѣхъ, которые собирались изъ Крыма на кочевья). Но

²⁸⁸ «Историческая судьба крымскихъ татаръ» въ «Вѣст. Ев.» 1866 г. іюнь стр. 208; статья г. Хартахая составлена съ знаніемъ дѣла и представляетъ хотя краткіи, но довольно систематическій очеркъ вишняго и внутренняго быта крымскаго юрта, къ этой статьѣ мы и отсылаемъ читателя.

²⁸⁹ Хартахая. «Истор. судьба крым. татаръ» въ «Вѣст. Ев.» 1866 г. іюнь стр. 202.

²⁹⁰ Ibidem, стр. 203.

попытки эти не привели ни къ чему; только во второй пол. XVII ст. осѣдлыми сдѣлались тѣ крымцы, которые жили въ южной части полуострова ²⁹¹.

Начатки осѣдлаго быта у крымскихъ татаръ выразились въ существованіи у нихъ городовъ и занятіи земледѣліемъ. Бопланъ насчитываетъ въ Крыму 15 городовъ: Перекопъ, Козловъ, Херсонъ, Бакчисарай, Альма, Балаклава, Манкупо, Кафа, Крименда, Карасу, Тусла, Карасу-базаръ, Керчь, Акмечеть и Арабатъ ²⁹². Самымъ выдающимся изъ этихъ городовъ была Кафа (нын. Феодосія), которая впрочемъ принадлежала собственно не татарамъ, а туркамъ; въ ней жилъ турецкій губернаторъ; татаръ въ ней было не много; большинство жителей были христіане, которые имѣли 12 греческихъ церквей, 32 армянскихъ и католическую; въ ней было отъ 5.000 до 6.000 домовъ и 3.000 душъ невольниковъ. Остальные чисто татарскіе города были гораздо менѣе значительны. Даже въ столицѣ хана Бакчисараѣ было только 2.000 домовъ, въ Козловѣ, Карасу, Карасу-базарѣ—по столько же; во всѣхъ остальныхъ—уже совсѣмъ мало: въ Альмѣ—50, въ Балаклавѣ—120, въ Манкупѣ—60, въ Кримендѣ—100, въ Туслѣ—80, въ Керчѣ—около 100, въ Акмечетѣ—150. Такимъ образомъ, всѣ эти маленькіе городки представляли изъ себя, собственно говоря, селенія; такъ нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ и называются: иные, какъ напр. Манкупо, считались городами только потому, что представляли изъ себя худо укрѣпленные замки. Кромѣ городовъ въ Крыму, «разсыяно множество деревень; онѣ состоятъ изъ подвижныхъ домовъ построенныхъ на колесахъ, подобно Буджакскимъ». Нужно полагать, что здѣсь дѣло идетъ о татарскихъ арбахъ, на которыхъ ставили палатки, служившія имъ жилищами. Объ этомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и Барбаро. Хотя они и относятся къ болѣе раннему времени (къ кон. XV в.), но могутъ быть приняты во вниманіе, потому что такія принадлежности кочеваго быта, какъ палатки, оставались неизмѣнными цѣлыя столѣтія. По его словамъ «татары имѣютъ въ обозѣ своемъ безчисленное множество повозокъ о двухъ колесахъ, которыя по строенію своему гораздо выше нашихъ; ихъ обиваютъ собачьими шкурами, войлоками и сукномъ, смотря по состоянію хозяевъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ повозокъ нагружены татарскіе дома, которые строятся слѣдующимъ

²⁹¹ Ibidem, стр. 205—206.

²⁹² Описаніе Украйны. Боплана стр. 37—39.

образомъ. Взявъ деревянный кругъ, въ полтора шага въ діаметрѣ, ставятъ надъ нимъ нѣсколько полукруговъ, связывая ихъ между собою посерединѣ. Потомъ на эти палатки набрасываютъ собачьи шкуры, которыя прикрываютъ войлоками или сукномъ, также смотря по состоянію каждаго. Избравъ для себя мѣсто жительства, они снимаютъ эти дома съ повозокъ, ставятъ на землю и поселяются въ нихъ ²⁹³. Такимъ образомъ, иногда жилищами татарамъ служили ихъ палатки, которыя они ставили на арбы. Онѣ были приспособлены какъ нельзя лучше къ кочевому быту татаръ. Помянуто, слѣдовательно, что татарскія селенія въ Крыму мало чѣмъ отличались отъ татарскихъ станомъ, т.-е. временныхъ остановокъ во время кочевья; ихъ жители вели лѣтомъ такой же кочевой образъ жизни, какъ и всѣ остальные, это самое нужно сказать относительно жителей городовъ, по крайней мѣрѣ до пол. XVII ст. Земледѣліе также не могло прикрѣпить татаръ къ одному мѣсту, потому что оно само приспособлялось къ ихъ кочевому быту. Къ XV и XVI ст. относится цѣлый рядъ указаній на татарскія пахотныя поля; мы ихъ уже приводили; о нихъ же говоритъ и Бопланъ. Но какъ сѣяли свои пашни татары? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Барбаро. «Въ исходѣ февраля мѣсяца по всеѣ ордѣ громогласно возвѣщаютъ желающимъ дѣлать посѣвъ, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное; ибо въ такой-то день марта предположено отправиться къ такому-то мѣсту для посѣва избранному. Вслѣдствіе сего объявленія, всѣ желающіе немедленно дѣлаютъ приготовленія свои — насыпаютъ сѣменной хлѣбъ на повозки свои и отправляются съ рабочимъ скотомъ, женами и дѣтьми, или только съ частью своихъ семействъ, къ назначенному мѣсту, которое обыкновенно бываетъ не далѣе двухъ дней пути отъ пункта, гдѣ находилась орда во время возвѣщенія приказа о посѣвѣ. Тутъ остаются они до тѣхъ поръ пока вспашутъ землю, посѣютъ хлѣбъ и окончатъ полевыя работы и потомъ уже возвращаются назадъ въ орду. Между тѣмъ ханъ, подобно матери семейства, отпустившей дѣтей своихъ порѣзвиться и безпрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засѣянаго поля, останавливаясь то тамъ, то сямъ — и никогда не удаляясь отъ онаго далѣе четырехъ дней пути. Когда же хлѣбъ созрѣетъ, то всѣ желающіе, какъ сѣятели, такъ равно и покупа-

²⁹³ Библ. Иност. пис. о Россіи. Семенова. Путешествіе Барбаро въ Тану стр. 22.

тели, отправляются туда для жатвы съ повозками, волами, верблюдами и со всёми пужнымъ, какъ бы на собственную мызу»²⁹⁶. Изъ этого разсказа видно, что земледѣліе не мѣшало кочевому образу жизни татаръ. Главнымъ же занятіемъ ихъ было скотоводство; значительная часть крымскихъ татаръ и почти всё ногайцы занимались только имъ и вовсе не пахали пашень. По нын. степямъ Новороссійскаго края ходили крымцы и ногайцы со своими стадами. Чрезвычайно интересно общественное устройство этихъ пастуховъ-номадовъ. Мы можемъ себѣ составить понятіе о немъ изъ того устройства, какое было у крымскихъ пастуховъ уже въ эпоху русскаго владычества въ Крыму. Характеристику его даетъ намъ г. Хартахай. Стадомъ или *отарой*²⁹⁵ называется 1.000 штукъ скота, принадлежащаго одному или нѣсколькимъ семействамъ; въ послѣднемъ случаѣ образуется союзъ лицъ, скрѣпленный единствомъ интересовъ—необходимостью защиты для всего стада. 10 стадъ образуютъ одно сводное иначе «*кхонизъ*»; оно для удобства прокормленія раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ стадъ. Во главѣ кхонша стоитъ *одаманзъ*; подъ его начальствомъ находятся *чобаны*; при каждой 1.000 головъ ихъ—по три челоуѣка: одинъ предводительствуетъ—10, другой—100, а третій—1.000. Кхономъ называется также и то мѣсто, гдѣ живетъ одаманъ и помѣщается главная кибитка всего союза—*отъ-авъ*. Во всякомъ кхонѣ было свое клеймо, которымъ клеймили всѣхъ животныхъ²⁹⁶. О такихъ именно пастухахъ повидимому говорить и Контарини, разсказывая о томъ, какъ переправлялъ его татаринъ черезъ Волгу на уединенный островъ, на которомъ въ войлочныхъ шалатахъ жило нѣсколько татарскихъ пастуховъ, никогда не выдавшихъ христіанина²⁹⁷.

Пастухи номады вели, конечно, болѣе суровый образъ жизни, чѣмъ татары, обитавшіе въ городахъ и селахъ Таврическаго полуострова. Они охотно откликались на всякій призывъ къ набѣгу на Литву, Польшу или Москву, ибо онъ сулилъ имъ плѣнниковъ

²⁹⁵ Библ. Иностр. пис. о Россіи. Семенова. Путешествіе Барбаро въ Тану стр. 36—37.

²⁹⁶ Это слово происходитъ изъ двухъ словъ: отъ-трава и араманъ-пскать.

²⁹⁷ Хартахай. «Истор. судьбы крым. татаръ» («вѣ Вѣст. Св.» 1866 г., июнь, стр. 216—217. Невольно бросается здѣсь въ глаза сходство съ этимъ бытомъ запорожскаго: и тамъ мы видимъ кошь, кошеваго атамана, чабановъ; а въ современномъ малорус. языкѣ мы встрѣчаемъ слова—отара и отава.

²⁹⁸ Библ. Иностр. пис. о Россіи. Семенова. Пут. Амв. Контарини, стр. 94—95.

и скогъ. Но кромѣ ихъ бродили въ степяхъ уже настоящіе добычники, которые спеціально занимались разбоями и отчасти промыслами въ степяхъ; небольшими партіями они предпринимали настоящія нападенія на русскія украинны даже въ томъ случаѣ, когда ханъ или Калга или пурредишъ, или кто-нибудь изъ султановъ не выступали съ значительными силами противъ Москвы. Но впрочемъ и крымскіе ханы часто ходили сами или нападали то на литовско-польскія, то на московскія украинны. Эти нападенія происходили даже и тогда, когда ханъ не былъ съ своимъ сосѣдомъ въ открытой борьбѣ.

Объ этихъ набѣгахъ подробно говоритъ Болланъ; конечно, онъ описываетъ нападенія татаръ на польскія украинны староства и воеводства; но нельзя думать, чтобы набѣги ихъ на московскія украинны отличались инымъ характеромъ; кромѣ того этимъ свидѣтельствомъ не противорѣчатъ и другія данныя, относящіяся къ нападеніямъ татаръ на Москву. Болланъ различаетъ два рода татарскихъ набѣговъ: зимніе и лѣтніе; первые обыкновенно отличались болѣе грознымъ характеромъ, вторые предпринимались въ гораздо меньшихъ размѣрахъ подъ предводительствомъ какого-нибудь мурзы. Эта разница объяснялась тѣмъ, что большую армию гораздо легче было провести черезъ степи зимою, когда рѣки и болота были скованы льдомъ, а земля покрыта снѣгомъ. Выступали обыкновенно въ началѣ генваря, чтобы на обратномъ пути не застигло вскрытіе рѣкъ и гололедица; эта послѣдняя была для нихъ весьма опасна, потому что они не ковали своихъ лошадей; правда нѣкоторые ремнями подвязывали къ коньтамъ своихъ коней коровій рогъ, но это мало приносило пользы, потому что его легко было потерять; также неурядна для татаръ была и необходимость переправъ черезъ только-что вскрывшіяся рѣки; въ степныя рѣчки, какъ извѣстно, отличаются тѣмъ свойствомъ, что весною сильно разливаются и дѣлаются очень многоводными, а потому и переправа черезъ нихъ въ это время становится очень затруднительной.

Итакъ, въ январѣ выступаетъ въ походъ войско, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ. Для того чтобы скрыть свое движеніе отъ казаковъ, которые дѣлаютъ постоянные разбѣды по степи, оно идетъ обыкновенно по лощинамъ, ночью не разводитъ огня, высылаетъ постоянно впередъ удалцовъ для того, чтобы захватить «языка». Все татарское войско—на коняхъ; мало того, у каждаго татарина имѣется еще по 2 за-

пасныя лошади, для того чтобы сложить на них потом добычу или въ случаѣ необходимости спастись бѣгствомъ. «Не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно угодобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ, и приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видѣ сихъ легионовъ наведетъ ужась на воина самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ подобному зрѣлищу». ²⁹⁸ По словамъ Герберштейна, который по всѣмъ соображеніямъ описываетъ степныхъ—крымскихъ и ногайскихъ татаръ, у татаръ много лошадей, «которыя имѣютъ выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносятъ голодъ и труды и питаются древесными вѣтвями, корой и кореньями травъ, вторые вырываютъ копытами изъ земли. Такія привычныя къ трудамъ лошади составляютъ большое удобство для татаръ и москвиты говорятъ, что у татаръ ошѣ бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ у кого нибудь другаго. Эта порода лошадей называется пахматъ (Pachmat)». ²⁹⁹ То же самое говорить и Бопланъ. По его словамъ, татарскіе кони, которыхъ называютъ бакематами (названіе вполне соотвѣтствуетъ приведенному выше) способны переносить почти невѣроятныя трудности: они, напр., въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль; въ случаѣ преслѣдованія татаримъ, несясь во весь карьеръ, перескакиваетъ съ усталого коня на заводнаго; прежній конь начинаетъ скакать съ правой стороны возлѣ своего хозяина, чтобы тотъ въ случаѣ нужды могъ снова перескочить на него; ³⁰⁰ здѣсь одинаково достойны вниманія—и ловкость татарина, и сообразительность его лошади. Выступая въ походъ, татары не брали съ собою никакого обоза. По словамъ Боплана, они питались въ походѣ преимущественно кобылиной. Составивъ артель человекъ въ 10, они выбирали самаго изнуреннаго коня, убивали его, разрѣзывали мясо на тонкіе ломти и клали его подъ сѣдло, затѣмъ подвязавъ крѣпко подиругу, они скакали на этихъ лошадяхъ отъ двухъ до трехъ часовъ. потомъ снимали сѣдло, переворачивали конину, смачивали ее дѣной, собранной съ усталой лошади, снова сѣдали, скакали опять часа два, три и—кусокъ самый лакомый для нихъ готовъ! Такъ приготовлялась одна часть мяса; другая варилась въ котлахъ съ небольшимъ количествомъ соли; кровь лошадиная смѣ-

²⁹⁸ Описаніе Украйны, Боплана, стр. 47—49.

²⁹⁹ Записки о Московіи, Герберштейна, стр. 136.

³⁰⁰ Описаніе Украйны, Боплана, стр. 44.

шивалась съ мукою, буде таковая оказывалась, варилась и опять получалось довольно лакомое кушанье. Обыкновенно во время похода рѣзали больных лошадей, но не брезгали также и падшими отъ какой-нибудь болѣзни.³⁰¹ Маржереть говоритъ, что татары брали съ собою въ запасъ мясо, высушенное на солнцѣ.³⁰² По словамъ Герберштейна, главное ихъ лакомство—лошадиное молоко, а кромѣ того разныя травы; при томъ они были чрезвычайно выносливы: иногда въ продолженіе 4-хъ дней они ничего не ѣдятъ и не спятъ и при этомъ дѣлаютъ все необходимое; если уже голодь и жажда дѣлаются нестерпимы, то они разрѣзываютъ жилы у своихъ лошадей и пьютъ ихъ кровь, будучи увѣрены, что это полезно и для этихъ послѣднихъ. Но разъ имъ удается получить въ изобиліи пищу, они страшно обжираются, такъ что потомъ уже дѣлаются ни къ чему не способными и спятъ по 3 и 4 дня.³⁰³ «Чистую воду татары пьютъ только тогда, когда найдутъ ее, что случается впрочемъ рѣдко, а зимою употребляютъ одну снѣговую».³⁰⁴

Приведенныя выше данныя объясняютъ намъ возможность для татарской арміи спокойно проходить черезъ степи; всякая другая армія цивилизованнаго государства должна была бы везти за собою громаднѣйшій обозъ, съѣстные припасы, даже воду; такъ именно должны были поступать русскія войска, ходившія на Крымъ съ кн. Голицынымъ и потомъ Минихомъ. Наоборотъ, татары брали съ собою только оружіе, состоявшее изъ лука со стрѣлами и сабель; на поясѣ висѣли ножъ, огниво, шило и 5 или 6 ременныхъ веревокъ для связыванья плѣнныхъ.³⁰⁵ Они привыкли съ дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За 3 или 4 мили отъ границы они останавливаются въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на 3 части. $\frac{2}{3}$ образуетъ главный корпусъ, а осталная $\frac{1}{3}$ —2 крыла (правое и лѣвое). Въ такомъ порядкѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ

³⁰¹ Описаніе Украйны. Боплана, стр. 44—45.

³⁰² Сказ. совр. о Дм. Самозванцѣ, ч. 3-я Спб. 1832 г. стр. 58.

³⁰³ Зап. о Московіи. Герберштейна, стр. 135.

³⁰⁴ Описаніе Украйны. Боплана, стр. 45.

³⁰⁵ Ibidem, стр. 43.

своего корпуса и начинают свою разрушительную дѣятельность. Они раздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или 600 чел. въ каждомъ, «которые рассыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и чтобы не ускользнули жители раскладываютъ по ночамъ большіе огни; потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ и поджигаютъ оный съ четырехъ сторонъ. Сія отряды не смѣютъ удалиться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ по слѣдамъ часа черезъ четыре: ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители — два свѣжія крыла отдѣляются направо и налево, грабятъ и опустошаютъ точно также, какъ и первые, потомъ возвращаются, а вмѣсто нихъ выходятъ на добычу новые отряды». ³⁰⁶ Нужно замѣтить, что главный корпусъ все это время не разбивается на части, не идетъ за добычей, а медленно по возможности въ порядкѣ отступаетъ назадъ, хотя уже не по прежней дорогѣ. Главный расчетъ ихъ основывается на внезапности и быстротѣ нападенія. ³⁰⁷ Маржеретъ рассказываетъ, что московское правительство, для того чтобы открыть татаръ въ степи, употребляло слѣдующія средства. При растущихъ одиноко въ степи дубахъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на разстояніи 8—40 вер., становилось по два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожилъ на вершинѣ дерева, другой кормилъ совсѣмъ осѣдланныхъ лошадей; они смѣнялись черезъ каждые четыре дня. Замѣтивъ въ отдаленіи пыль, стражъ садится на готоваго коня и скачетъ къ другому дереву; стражъ втораго дерева, завидѣвъ его, скачетъ къ третьему и т. д., пока вѣсть о появленіи врага не дойдетъ до ближайшей крѣпости, а потомъ и Москвы. Нерѣдко при этомъ вмѣсто людей оказывалось стадо дикихъ животныхъ или конскій степной табуны. Но когда являлся и другой стражъ, то это значило, что дѣйствительно приближался непріятель. Тогда начинались приготовления ко встрѣчѣ врага. О количествѣ татаръ русскіе узнаютъ такимъ образомъ: если татары идутъ по своимъ излюбленнымъ шляхамъ

³⁰⁶ Описаніе Украйны. Боплана, стр. 50—51.

³⁰⁷ Ibidem, стр. 51.

(царской, крымской дорогой и путем вел. хана), то русские сторожа вдувают вельды за ними и рассматривают глубину следа и вихри отдаленной пыли; если же татары, что впрочем бывает очень редко, вдувают не по дороге, а степью, то здесь признаком служит ширина протоптаной дороги. Узнавъ через разведчиков о томъ, куда движется неприятель, русские воеводы стараются пресечь ему путь. Но татары очень ловки и проворны: въ то время какъ главный корпусъ изъ 20 или 30 тысячъ человекъ отстрѣливается отъ русскихъ воиновъ, небольшіе татарскіе отряды, отправившись въ равныя стороны, оустошаютъ царскія владѣнія. Эти отряды такъ быстро исполняютъ это дѣло, что наносятъ ударъ прежде, чѣмъ русская рать узнаетъ о ихъ вторженіи. Сотн татаръ всегда можетъ разогнать 200 русскихъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же русскую пѣхоту или стрѣльцовъ, укрьпившихся на рѣчномъ берегу или въ засѣкѣ, татары спѣшатъ удалиться, хотя русскіе своими пушками и не могутъ повредить имъ. Такимъ образомъ, большею частью татары благополучно безъ особаго урона возвращаются восвои, если только русскимъ не удастся преградить имъ обратнаго пути; но это случается редко.³⁰⁸ Этотъ рассказъ Маржерета въ частностяхъ страдаетъ нѣкоторыми неточностями, но въ общемъ вѣренъ. Русскіе дѣйствительно устраивали сторожи въ степи для наблюденія за татарами; онѣ могли находиться и при дубахъ, но, конечно, не вездѣ; въ другихъ случаяхъ пользовались городищами, курганами и другими естественными возвышенностями, иногда устраивали для этой цѣли и искусственныя сооруженія. Что касается до ложныхъ тревогъ, то онѣ дѣйствительно случались часто. Но мы не можемъ признать достовѣрнымъ сообщеніе Маржерета, что 100 татаръ могли разсѣять 200 русскихъ; оно находится въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, что намъ сообщаетъ Бопланъ объ отсутствіи стойкости и выдержки у нихъ; по его словамъ, татары не осмѣливаются нападать на поляковъ и тогда, когда въ десятеро сильнѣе ихъ, ибо вторгаются не для ратныхъ подвиговъ, а для грабежа.³⁰⁹ Совершенно правъ Маржеретъ, когда говоритъ, что русскіе всегда имѣли успѣхъ въ томъ случаѣ, если имъ удавалось заѣсть гдѣ нибудь въ крѣпкомъ мѣстѣ. Это подтверждаетъ и Герберштейнъ. По его словамъ, они обращаются въ бѣгство всякій

³⁰⁸ Сказ. Совр. о Дм. Самозванцѣ, ч. III, Спб. 1832 г., стр. 55—58.

³⁰⁹ Описаніе Украйны, Боплана, стр. 51.

разъ, когда имъ приходится сражаться въ тѣснинѣ, потому что у нихъ нѣтъ ни щита, ни копья, ни шлема, такъ что они не въ состояннн выдерживать продолжительной рукопашной битвы.³¹⁰

Опустошивъ непріятельскую область, татары удаляются въ степя на 30 или 40 миль отъ границы, останавливаются въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ, собираютъ и дѣлятъ между собою добычу, состоящую изъ пѣвниихъ и домашняго скота. «И безчеловѣчное сердце трогается при прощаннн мужа съ женою, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а зѣвскіе мусульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ въ глазахъ мужей и отцевъ; обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей; однимъ словомъ совершаютъ тысячи неистовствъ. Крики и пѣсни буйныхъ татаръ, стоны и вопли несчастныхъ русскихъ приведутъ въ трепеть и зѣвскую душу. Пѣвники отводятся въ Константинополь, Крымъ, Натолію и пр. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ двѣ недѣли захвативъ болѣе 50.000 жителей, татары уводятъ ихъ послѣ дѣлежа въ улусы и продаютъ въ неволю».³¹¹

Таковы зимнія нападенія татаръ. Лѣтнія происходили нѣсколько иначе. Многочисленное войско въ это время года легко могло быть открыто и потому въ походъ собиралось отъ 10.000 до 20.000 всадниковъ, которые за 20 или 30 миль отъ границы, раздѣлялись на 10—12 отрядовъ; каждый изъ этихъ отрядовъ былъ удаленъ отъ другаго на 1—1½ мили; въ такомъ порядкѣ они проходили черезъ степи. Дѣлалось это для того, чтобы замаскировать свои дѣйствительныя силы отъ казацкихъ пикетовъ; послѣдніе, встрѣтившись съ однимъ изъ татарскихъ загоновъ, сообщали, что татаръ явилось немного—около 1.000 чел.; между тѣмъ они на известномъ разстоянн отъ границы сходились и соединенными силами дѣлали нападенія на пограничныя области, выбирая себѣ прямую доропу между двумя большими рѣками по вершинамъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ и рѣчекъ, ихъ не задерживаютъ тогда переправы черезъ рѣки и они грабятъ и опустошаютъ также какъ и зимою, но только не углубляются уже слишкомъ далеко во внутрь страны. Такіе набѣги на Польшу производились вольницаей—Буджакскими татарами, жившими между устьемъ Днѣстра и Дуная.³¹² На московскія украины такія нападенія, какъ

³¹⁰ Записки о Московнн. Бар. Герберштейна, стр. 137.

³¹¹ Описаніе Украйны. Боплана, стр. 52.

³¹² Ibidem, стр. 52—53.

показывают акты, дѣлались отрядами ногайскихъ и крымскихъ татаръ.

Интересенъ характеръ татарскихъ сраженій. По словамъ Герберштейна, они очень смѣло вступаютъ въ битву съ врагами издали; это однакоже бываетъ непродолжительно: они обращаются въ притворное бѣгство и, улучая удобную минуту, пускаютъ стрѣлы назадъ въ преслѣдующихъ непріятелей, потомъ, внезапно, повернувъ коней, снова дѣлаютъ нападеніе на разсыпанные ряды враговъ. Когда доводится имъ сражаться на открытомъ полѣ, и непріятель находится на разстояніи полета копья, то они вступаютъ въ битву нестройными рядами, а кружатся около непріятельскаго войска, обхватывая его со всѣхъ сторонъ, чтобы вѣрнѣе и свободнѣе метать въ него копья. Они наступаютъ и удаляются въ удивительномъ порядкѣ: для этого у нихъ есть вожатые, опытные въ такомъ дѣлѣ, за которыми они слѣдуютъ; если они будутъ убиты непріятельскими стрѣлами, или отъ страха ошибутся въ своихъ распоряженіяхъ, то отъ этого происходитъ такое замѣшательство въ цѣломъ войскѣ, что они не могутъ больше не восстановить порядка, ни пускать стрѣлъ въ непріятеля. Этотъ родъ сраженія по своему слодству съ танцами называется у нихъ пляской». ³¹³ По словамъ Боплана, въ сраженіяхъ они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ хитростямъ: стараются стать спиною къ солнцу, чтобы оно свѣтило прямо въ глаза ихъ противникамъ, употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы вѣтеръ дулъ на ихъ врага и т. д. Пустивъ тучу стрѣлъ, они убѣгаютъ на своихъ быстрыхъ коняхъ, затѣмъ снова соединяются и опять пускаютъ стрѣлы на всемъ скаку черезъ лѣвое плечо. Изъ лука они стрѣляли очень мѣтко—попадали на 60 и даже 100 шаговъ. ³¹⁴ Догнать бѣгущаго татарина было мудрено, потому что кони ихъ были быстрѣе русскихъ. Чаще всего ихъ можно было настичь тогда, когда они останавливались для дележа добычи. ³¹⁵

Послѣ всего сказаннаго, для насъ въ достаточной степени уяснился характеръ татарскихъ нападеній. Нападали же они на сосѣдей чуть ли не ежегодно просто потому, что государство ихъ было разбойническое. И нападенія эти сопровождались почти постояннымъ успѣхомъ, потому что были чрезвычайно внезапны; для

³¹³ Зап. о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 136—137.

³¹⁴ Описаніе Украйны, стр. 57—58.

³¹⁵ Зап. о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 135.

того чтобы обмануть врага, они прибѣгали, какъ мы видѣли, ко всевозможнымъ хитростямъ; правильныхъ битвъ они избѣгали, но за то были очень искусны въ мелкой партизанской степной войнѣ; здѣсь они то пускали сразу цѣлыя тучи стрѣлъ, то обращались въ притворное бѣгство и, сразу остановившись, снова поражали врага. Русскія украины находились въ безвыходномъ положеніи. Кромѣ того—не мало страдали и центральныя области государства. Въ XVI, напр., вѣкъ татары проникали вглубь Москов. государства. Но въ одномъ и въ другомъ случаѣ татары наносили страшный вредъ странѣ. Разница между значительными и мелкими нападеніями татаръ была чисто количественная: въ одномъ случаѣ больше опустошеній, въ другомъ—меньше. Но ни одна татарская война не обходилась безъ разбоя и грабежа, ибо они были цѣлью походовъ: главный корпусъ арміи, какъ мы видѣли, служилъ только для охраны разошедшихся за добычей крыльевъ.

Всякій разъ изъ Руси, и безъ того бѣдной населеніемъ, увозились плѣнники и плѣнницы—старики, взрослые и дѣти, сожигались деревни и забиралися скоть. Судьба этихъ плѣнниковъ была чрезвычайно печальна: въ качествѣ живаго товара они поступали на невольничьи рынки (Каоу) и продавались въ разныя страны Европы и Азіи. Это была совершенно организованная торговля. Любопытныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ, напр., Михалонъ Литвинъ. По его словамъ, важнѣйшимъ и едва ли неединственнымъ предметомъ торговли у перекопскихъ татаръ были плѣнники—литовскіе и московскіе. Татарскіе рынки и знамениты были только этимъ товаромъ: у нихъ постоянно въ запасѣ имѣются рабы частью для торговли, а частью для потѣхи. Имъ клеймятъ лобъ и щеки, подвергая при этомъ иногда кастраціи, и за тѣмъ отдаюгъ въ тяжкія работы. На продажу ихъ выводятъ гуськомъ, какъ будто журавлей, прикованныхъ другъ къ другу за шею и продаютъ цѣлыми десятками съ аукціона, причемъ хозяинъ громко заявляетъ, что это—рабы самые простыя, новые и не хитрые, только что приведенные изъ Польши, а не Московія. При покупкѣ рабовъ у нихъ осматриваютъ не только всѣ члены и зубы, которые не должны были быть рѣдки и черны, но и сокровенныя части тѣла, и если оказывался потомъ какой-нибудь изъянъ, то начиналась тяжба. Продавцы старались показать товаръ лицомъ въ особенности мальчиковъ и дѣвушекъ. Прежде чѣмъ вывести на базаръ, ихъ откармливали, одѣвали въ шелковыя одежды, бѣлили и румя-

нили. Красивыя дѣвушки продавались по очень дорогой цѣнѣ и затѣмъ иногда тутъ же перепродавались съ барышемъ.

Такая торговля производилась во всѣхъ городахъ полуострова, а центральнымъ невольничьимъ рынкомъ была Каа; здѣсь они грузились прямо на корабли и отвозились для продажи сарацинамъ, персамъ, индѣйцамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассириянамъ. По словамъ Боплана, въ Каа было болѣе 30.000 невольниковъ; во всемъ Крыму не было другой прислуги кромѣ рабовъ. Для того чтобы указать, какую массу плѣнниковъ изъ Польши и Московіи уводили татары, Михалонъ Литвинъ приводитъ весьма характеристичный разсказъ объ одномъ еврей-мѣнялкѣ, который сидя у воротъ Черкепскихъ и вида безчисленное множество проводимыхъ мимо него плѣнниковъ, спрашивалъ: остаются ли еще люди въ этихъ странахъ.

Такимъ образомъ, и Польша и Москва должны были обратить серьезное вниманіе на обезпеченіе своихъ рубежей. Московское правительство не могло не убѣдиться, что южная граница его находится слишкомъ близко отъ Москвы. Знаменитый муравскій шляхъ доходилъ до самой Тулы. Для того чтобы прикрыть Москву и совершенно уничтожить на будущее время возможность разгрома ея, рѣшили увеличить количество городовъ на южной крайнѣ. Какъ постепенно росли эти города, мы уже видѣли. Теперь же намъ уяснилась самая необходимость ихъ построенія. Правительство, при постройкѣ ихъ, имѣло въ виду не столько колонизацію, сколько оборону края; но первая была, такъ-сказать, необходимымъ результатомъ послѣдней. Первые гарнизоны вновь построенныхъ городовъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ уже и первыми поселенцами; лишь только извѣстная мѣстность застраивалась городами и дѣлалась болѣе или менѣе безопасной, тамъ появлялись села и деревни, образовавшіе стапы и уѣзды. Но положеніе уѣзднаго населенія было все-таки чрезвычайно тяжелое. Оно постоянно страдало отъ татарскихъ набѣговъ. Татары, какъ мы видѣли, никогда не занимались осадой городовъ; поэтому горожане за своими стѣнами всегда могли отсидѣться отъ нихъ. Не таково было положеніе уѣздныхъ людей; хотя они всякій разъ при нападеніи татаръ должны были забирать имущество и спасаться въ города, но они это дѣлали далеко не всегда, потому что тревога часто оказывалась напрасной; неудивительно поэтому, что на нихъ-то и обрушивались чаще всего татарскіе погромы; но кромѣ ихъ не мало страдали при этомъ и жители городовъ и пригородныхъ сло-

болѣ; ихъ также нерѣдко захватывали въ плѣнъ во время полевыхъ работъ, потому что пахатныя земли ихъ лежали на значительномъ разстояніи отъ города.

Итакъ, необходимо было изыскать какія-нибудь средства противъ *внезапности* татарскихъ набѣговъ; постройка городовъ мало помогала горю. Нужно было создать такихъ ратниковъ, которые бы выслѣживали татаръ въ степи и давали бы знать въ украинныя города о ихъ походахъ на Русь. Такъ создалась *сторожевая и станичная служба*.

Мнѣ нѣтъ надобности касаться здѣсь вопроса объ организаціи сторожевой и станичной службы на «польской окраинѣ» Московскаго госуд., потому что пришлось тогда цѣликомъ повторять извѣстную статью И. Д. Бѣляева объ этомъ предметѣ. Но я все-таки считаю необходимымъ болѣе или менѣе подробно остановиться на донецкихъ сторожахъ и станицахъ, лежавшихъ въ бассейнѣ р. Сѣверскаго Донца, гдѣ въ послѣдствіи образовалась Слободская украина, воспользовавшись для этой цѣли сырыми матеріалами, помѣщенными въ приложеніи къ труду И. Д. Бѣляева. Къ этому меня побуждаютъ два обстоятельства: во-первыхъ, я смотрю на эти сторожевыя и станичныя раздѣлы, какъ на первый фазисъ колонизаціонной дѣятельности московскаго правительства, во-вторыхъ, большая часть этихъ матеріаловъ И. Д. Бѣляевымъ не была вовсе комментирована; для моей же цѣли, а можетъ быть и вообще, было бы необходимо по крайней мѣрѣ точно опредѣлить мѣстоположеніе тѣхъ урочищъ, которыхъ тамъ упоминаются.

Первыя упоминанія о сторожахъ относятся къ XIV ст.,³¹⁶ но онѣ должны были существовать еще въ до-татарскій періодъ; въ XV ст. русская стража была на Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ;³¹⁷ въ 1-й пол. XVI ст. мы ее находимъ на пространствѣ отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля, т.-е. отъ бассейна Волги до бассейна Днѣпра³¹⁸ До 1571 г. было 73 сторожи, которыя раздѣлялись на 12 разрядовъ. Находились онѣ въ степи впереди самыхъ украинскихъ городовъ на 4 или 5 дней пути, а одна отъ другой отстояли на день, полдня, рѣдко два дня пути. Это были, слѣдовательно, временныя пріюты для служилыхъ лю-

³¹⁶ Акты Ист. ч. I, № 3.

³¹⁷ Бѣляева, «О сторож., став. и полевой службѣ» (въ Чт. Москов. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 8).

³¹⁸ Ibidem.

дей, находившіеся въ постоянной связи другъ съ другомъ. Они составляли какъ бы *боевую границу* Россіи. Самымъ крайнимъ наиболѣе выдвинувшимся въ степь разрядомъ сторожей былъ 1-й, заключавшій семь *донецкихъ сторожей*—1-я между *Мжомъ и Коломакомъ*, 2-я *Обышкитская*, 3-я *Большклейская*, 4-я *Савинская* и *Изюмская*, 5-я *Святогорская*, 6-я *Бахмутская*, на устьяхъ р. *Чернаго Жеребца* и 7) *Айдарская*. Мѣстоположеніе ихъ можно опредѣлить съ совершенною точностью. Первая находилась на извѣстномъ уже намъ водораздѣлѣ Мжа и Коломака, покрытымъ непроходимыми лѣсами и болотами въ 4-хъ дняхъ пути отъ Рымьска и Путивля въ нын. Валковскомъ уѣздѣ, Харьк. губ.; на ней стояло шесть сторожей— 3 изъ Путивля и 3 изъ Рымьска, они должны были наблюдать за пространствомъ, которое *вправо* простиралось на 25 верстъ до впаденія Мерчика въ Мерль, т.-е. до нынѣшней сл. Городнаго, а *влево* по Мжу до устья р. Водолаги на 30 вер.; вторая—тамъ, гдѣ Книга Большаго Чертежа указываетъ Абашкинъ перевозъ въ Зміевскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь р. Бишкнъ и сел. Нижній Бишкнъ, ³¹⁹ на три версты ниже рѣчки Гомольши, на которой стояло Каменное городище; на ней стояло столько же сторожей, какъ и на первой; наблюдали они направо вверхъ по Донцу до устья Водолаги (гдѣ оканчивались развѣзды первой сторожи) на 30 вер., а налево внизъ по Донцу до Шебалинова перевоза на 15 верстъ; этотъ послѣдній находился, по Книгѣ Большаго Чертежа, въ 10 в. отъ Абашкинскаго, а по теперешнему счету не менѣе 15 в., т.-е. тамъ, гдѣ теперь притокъ Шебелиновъ; третья—на р. Балаклѣ на разстояніи полдня пути отъ Обышкитской, гдѣ теперь сл. Новосерпуховъ (иначе Балаклѣ) въ Зміевскомъ уѣздѣ; отсюда сторожа развѣзжали вправо вверхъ по Донцу до Шебалинскаго перевоза на 15 вер., а налево внизъ по Донцу до Савинскаго къ Каменному Ярку также на 15 вер.; ³²⁰ четвертая—у Изюмъ-Кургана въ Изюмскомъ уѣздѣ; сторожа отсюда наблюдали за мѣстностью, простиравшейся вверхъ до Савинскаго перевоза, а внизъ до устья р. Оскола на полтора днища; пятая—у Святогорскаго монастыря

³¹⁹ Тутъ же на военно-топогр. картѣ поставлены курганы *Бишкнъ набѣга*.

³²⁰ Савинскій перевозъ, по Книгѣ Большаго Чертежа, находился въ 4 вер. отъ Каменнаго Колодезя, вѣроятно, гдѣ теперь два яра—Мокрая и Сухая Каменки возлѣ сел. Савинецъ, такъ какъ Колодезь находился въ 12 вер. отъ р. Балаклѣ, по Кн. Бол. Черт., а Яры Каменки находятся приблизительно въ 15, 16 вер. отъ р. Балаклѣйки.

въ Изюмскомъ уѣздѣ; отсюда сторожа разъѣзжали направо до устья р. Оскола версть на 10 (на самомъ дѣлѣ не менѣе 15), а члѣво до устья р. Тора (г.-е. нын. Торца) версть на 30; шестая— при впаденіи р. Жеребца въ Донецъ на границѣ Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ; сторожа ея ѣздили внизъ по Донцу до устья р. Боровой на день пути отъ устья р. Жеребца (въ росписи сказано, что *вверхъ* по Донцу, но это очевидная ошибка); седьмая— при впаденіи р. Айдара въ Донецъ; послѣ досмотра кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго въ 1571 г., она была оставлена, ибо туда вовсе перестали ходить татары. На эти сторожи посылались изъ Путивля и Рыльска служилые люди трехъ статей—дѣти боярскія и севрюки; первые получали жалованье по книгамъ, а вторые принимались въ количествѣ 21 чел. на два мѣсяца и получали 93 р.; каждая статья или очередь служила по 2 мѣсяца, а всѣ вмѣстѣ шесть мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, всѣ указанные сторожи, исключая первой, были расположены по р. Донцу и притомъ такъ, что захватывали все его теченіе въ извѣстныхъ предѣлахъ безъ всякихъ промежутковъ. Разъѣзды на всемъ теченіи Донца происходили по лѣвой его сторонѣ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что разъѣзды *вверхъ* признаются вмѣстѣ съ тѣмъ и разъѣздами *направо*. Въ одной росписи прямо говорится, что Святогорская сторона находилась противъ *Святыхъ горъ на сей сторонѣ Донца*; относительно другихъ также прибавлено «на сей сторонѣ», слѣд. и оню находились тоже на лѣвой, ибо Святые горы были на правой. Рѣки—Балаклѣйка, Изюмець и Жеребець, при которыхъ стояли сторожи, впадали въ Донецъ съ лѣвой стороны. И это понятно: лѣвая сторона Донца была низменная; это была уже татарская степь; здѣсь и нужно было слѣдить за татарами. Невольно поражаетъ насъ громадное разстояніе, на которое были удалены отъ своихъ городовъ Путивля и Рыльска Донецкія сторожи. Крайніе ихъ разъѣзды отстояли отъ Рыльска никакъ не меньше, чѣмъ на 400 вер. Неудивительно, что служба сторожей считалась очень трудною и опасною. Они получали большее жалованье, чѣмъ другіе служилые люди, а также вознагражденіе за тѣ убытки, которые они могли понести при отправленіи своихъ обязанностей (напр., за потерю лошади и т. п.)³²¹. Но понятное

³²¹ Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. общ. Ист. и др. 1846 г. № 4 стр. 12).

дѣло, что донескія сторожи не могли бы такъ углубляться въ степь, еслибы кромѣ ихъ не было другихъ болѣе близкихъ къ Путивлю и Рыльску разъѣздовъ; и дѣйствительно, мы находимъ еще 7 ближнихъ путивльскихъ сторожъ и 3 рыльскихъ; онѣ расположены были въ предѣлахъ нын. Курской губ., за исключеніемъ только 2-й путивльской, которая, быть можетъ, находилась въ Харьк. губ. въ окрестностяхъ нын. Бѣлополя на р. Крыгѣ между Псломъ и Сеймомъ; въ каждой изъ нихъ было по 4 чел. Кн. Тюфякинъ и дьякъ Ржевскій, изучивъ прежнее состояніе станичной службы, составили новый уставъ, цѣликомъ напечатанный Бѣляевымъ. Уставъ этотъ самымъ точнымъ образомъ регулируетъ станичную службу. Изъ него видно, какую тяжелую жизнь вели въ степяхъ сторожа на караулахъ ³²², сколь опасна, а главное отвѣтственна была эта служба. Сторожа главнымъ образомъ должны были заботиться о томъ, чтобы опредѣлить, конечно, приблизительно количество непріятелей; для этого пользовались всяческими признаками. Ъздилъ одинъ сторожевой атаманъ ночью вверхъ по р. Торцу и видѣлъ много огней и слышалъ прыскъ и ржанье лошадей... не доѣхавъ 20 вер. до Сѣверскаго Донца увидѣлъ пыль великую, а по сакмѣ казалось ему, что было непріятелей 30000 ³²³. Значить огни, ржанье лошадей, пыль, слѣды копытъ—все это служило признаками для станичниковъ.

О Донецкихъ сторожахъ мы также находимъ укузанія въ этомъ уставѣ. Рѣшено было теперь посылать ихъ не на два мѣсяца, а на шесть недѣль, начиная съ 1-го апрѣля, и стоять до того времени пока не выпадутъ большіе снѣга; когда отбудутъ свою очередь всѣ три смѣны, тогда опять нужно было начинать съ первой, потомъ второй и т. д., но стоять уже только по 4 недѣли ³²⁴. Сами авторы устава между тѣмъ огривались лично въ поле осмотрѣть урочища и крѣпкія мѣста, въ которыхъ нужно было устроить сторожи. Виѣстѣ съ тѣмъ Боярская дума приговорила посылать на сторожи изъ Путивля и Рыльска исключительно только дѣтей боярскихъ, ибо севрюки стоятъ «неусторожливо» и отъ нихъ «пря-

³²² Бѣляева «О стор., стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4, стр. 15—21).

³²³ Древ. Рос. вивлиоѳ. т. XIII, стр. 412.

³²⁴ Бѣляева «О стор. стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4 стр. 20—21).

мыхъ вѣстей никогда не бываетъ; служить же имъ съ посадскихъ земель и изъ денежнаго жалованья ³²⁵.

Между тѣмъ кн. Тюфякинъ да дьякъ Ржевскій, осмотрѣвъ прежнія сторожи, сдѣлали имъ новое распредѣленіе. Первая сторожа между Мжомъ и Коломакомъ—*Коломацкая* теперь была переведена къ верховью р. Олешанки, притока Удъ (въ нын. Харьк. уѣздѣ), по той причинѣ, что къ Коломаку приходили *каневскіе черкасы* и громили сторѣжей. Теперь направо вверхъ имъ нужно было ѣхать Муравской дорогой на день пути до нын. Богодухова, на лѣво—вверхъ по р. Удамъ до Оленьяго брода на 29 вер., а стоять по рѣчкамъ Алешенкѣ и Удамъ по крѣпкимъ и ровнымъ мѣстамъ, съ вѣстями они должны были бѣжать прямою дорогою между рѣками Пселомъ и Ворсклой, а потомъ переправиться гдѣ-нибудь черезъ Псель и ѣхать къ Рыльску. 2-я сторожа (прежняя Обышкинская) помѣщена было теперь на р. Гомольшѣ въ 20 вер. отъ Донца въ Зміевскомъ уѣздѣ; сторожа отсюда ѣздили на право на 20 верстѣ къ верховьямъ рр. Орели, Берестовой и Чепеля, а на лѣво внизъ Донцомъ до Шебалинова перевоза на 15 вер., а укрывались по р. Гомольшѣ и по Мжу; отъ Алешинской до Абышкиной сторожи было полтора дня пути (верстѣ съ 70); теперь сторожа переѣзжали Муравскій шляхъ на разстояніи двухъ дней пути съ верховьевъ р. Орели до верховьевъ Мжи и Коломака. Разѣзды 2-й сторожи, какъ видимъ, значительно уклонились къ востоку, захвативъ верхнее теченіе р. Орели; побудительная причина къ перенесенію сторожи была очень основательная: Муравскій шляхъ былъ для татаръ самою торною дорогою въ Русь. 3-я сторожа осталась на прежнемъ мѣстѣ, но сторожа ея должны были проѣзжать вверхъ по Донцу на 20 верстѣ до Шебалинскаго перевоза, а внизъ до Каменнаго ярка на 15 верстѣ; въ Путивль съ вѣстями бѣгать Лосицкою дорогою между Мжомъ и Коломакомъ. 4-я сторожа (Изюмская) осталась на прежнемъ мѣстѣ; сторожа ея должны были проѣзжать такое же разстояніе, какъ въ прежней. Пятая сторожа (Святогорская) осталась безъ перемѣны. Шестая также осталась на прежнемъ мѣстѣ; разѣзды вверхъ простирались до прежней границы, а внизъ значительно расширились: прежде доходили только до Боровой, а теперь до р. Айдара. Что же касается Айдарской сторожи, то она, какъ мы видѣли, совсѣмъ

³²⁵ Ibidem, Источники, стр. 14, впрочемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ разговоръ утвержденъ.

была упразднена по распоряженію кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго, ибо крымцы ею не ходили ²²⁶.

Итакъ, расположеніе сторожъ, собственно говоря осталось прежнее, за исключеніемъ впрочемъ первой и второй; первая подвинулась къ сѣверо-западу, а вторая къ юго-востоку. Пространство развѣздовъ также осталось прежнее, исключая только послѣдней сторожи, гдѣ оно нѣсколько увеличилось.

Еще дальше сторожъ простирались развѣзды путивльскихъ же и рыльскихъ станичниковъ. *1-я станица ѣздила изъ Путивля къ верховью р. Самары*; путь ея былъ таковъ: изъ Путивля къ верхвьюр. Бобрѣжа, а оттуда къ р. Сулѣ; переправившись черезъ р. Сулу съ верховьевъ р. Груни ко Пслу; переѣхавши Пселъ — на Кубенскую Могилу, что на Неймери (у нын. сел. Журавнаго); затѣмъ переправившись черезъ Ворсклу, Мерль и Коломакъ у Коломенскаго родища (нын. сел. Коломанъ), ѣхать полемъ по Муравскому шляху до верховьевъ Володаги и Берестовой, а отъ Берестовой внизъ по Донцу—до Святыхъ горъ, а отъ Святыхъ горъ вверхъ Торцомъ до верховья р. Самары; переѣхавъ его пужно было возвращаться назадъ прежною дорогою въ Путивль. Такимъ образомъ, станица эта проѣзжала по нын. путивльскому уѣзду курской губ. и лебединскому, ахтырскому, богодуховскому, валковскому, змиевскому и изюмскому харьковской губ.

2-я станица ѣздила изъ Путивля къ верховьямъ Тора и Міуса. Изъ Путивля нужно было ѣхать къ устью. р. Выря, вверхъ по р. Выри, переправившись черезъ Вырь и Пселъ у Липецкаго городища (возлѣ нын. г. Сумъ) ѣхать къ верховью р. Боромли, а оттуда внизъ по р. Боромлѣ до р. Ворсклы; переправиться черезъ Ворсклу въ Лосицахъ (гдѣ теперь дер. Литовка) и ѣхать дальше къ Мерлу, а переправившись черезъ Мерль ниже Торчинова городища (у сел. Городнаго), ѣхать полемъ въ виду Мерчика ко Мжу; переправившись черезъ него, направиться къ Змиеву кургану (возлѣ нын. г. Змиева) и Донцу; переѣхавъ на ногайскую сторону Донца, ѣхать все внизъ до впаденія въ него р. Жеребца; переправившись черезъ Донецъ на крымскую его сторону между рр. Бахмутомъ и Жеребцомъ, подняться вверхъ по Бахмуту къ 9 курганамъ, которые стоятъ на верховьяхъ Торца и Міуса; въ девятомъ

²²⁶ Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г. № 4 Источники, стр. 17—18).

курганѣ (крайнемъ отъ Миуса) большая яма, въ которой растеть тернъ и бузина; подь этимъ же курганомъ лежитъ Царевъ шляхъ, которымъ ханъ ходилъ къ Астрахани; крайнимъ пунктомъ разѣздовъ былъ дубъ у верховья Миуса, на которомъ настѣченъ былъ крестъ. 2-я станица, слѣд., проѣзжала черезъ нын. Путивльскій уѣздъ Курской губ.; Ахтырскій, Богодуховскій, Валковскій, Змievской, Изюмскій Харьковской, Славяносербскій, Екатеринославской и самое пограничье земли войска Донскаго.

3-я станица направлялась изъ Рыльска къ верховью р. Орели. Изъ Рыльска нужно было ѣхать новою дорогою на Карпово сторожевое (гдѣ теперь Карповъ—городъ на Ворсклѣ) и Ворсклою внизъ до гор. Грайворона черезъ притокъ Удъ (Олешенку на верховья р. Мерчика и Мжа къ гор. Валкамъ; оттуда къ верховьямъ рр. Водолаги, Орчика, Берестовой Гомольши, Чепели и, наконецъ, Орели, здѣсь слѣдовало осмотрѣть признакъ, положенный кн. Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ—дубъ, на которомъ писаны были годъ, мѣсяцъ, число и имя кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго ³²⁷. Такимъ образомъ, Рыльская станица проѣзжала черезъ нын. Рыльскій, Суджанскій, Грайворонскій уѣзды, Курской губ., Харьковскій, Волковскій и Змievской Харьковской губерніи.

Для того чтобы контролировать ³²⁸ устроенныя сторожи и станицы, были назначены еще особые стоялые головы, которые отъ себя въ свою очередь разсылали станицы по слѣдующимъ направлениямъ. Первый голова (изъ Путивля) долженъ былъ стоять подь Муравскимъ шляхомъ на р. Мерлѣ; разѣзды отъ него направлялись въ правую сторону между Орчикомъ и Коломакомъ къ Кончаковскому шляху на одинъ день пути. Для переѣзда черезъ нижніе шляхи станица должна была ѣхать къ Днѣпру на устьѣ р. Орели, отстоявшее на 4 дня пути отъ Мерла; на лѣво разѣзды шли до Соленыхъ озеръ ³²⁹ на 3½ дня пути, при чемъ станичники переѣзжали *Муравскій, Обликинскій, Шебалинскій, Савинскій и Бирюцкій шляхи*. Другой голова стоялъ у Соленыхъ озеръ противъ р. Береки на лѣвой сторонѣ Донца. Отъ него станицы ѣзди-

³²⁷ Бѣльева. «О стор., стан. и полевой службѣ» (Ист. Моск. Общ. Ист. п др. 1846 г., № 4, источники, стр. 18—20).

³²⁸ Такой контроль назывался настоятельной необходимостью; мы знаемъ, что рѣшено было не нанимать впредь севрюковъ, ибо они доставляли ложныя вѣсти.

³²⁹ О какихъ Соленыхъ озерахъ здѣсь идетъ дѣло, сказать трудно. Славянскіе озера находились не у Береки, а у Торца.

ли по слѣдующимъ направленіямъ: 1-я на правый берегъ Донца, а оттуда Берекой и Чепелемъ къ верховьямъ р. Орели (ѣзды туда 1½ дня); 2-я внизъ по Донцу черезъ Царевъ, Изюмскій, Святгорскій, Торскій, Вахмутовскій, Боровой и шляхъ Малаго Перевоза до устья р. Айдара (ѣзды туда добрыхъ два дня); если же государь приказывалъ переѣзжать и нижніе шляхи по Донцу, которыми ходилъ ханъ, то нужно было ѣхать на устье Айдара, а оттуда на Астрахань, черезъ р. Явсюгъ, Деркулъ до глубокихъ ямъ; ѣхать туда нужно было дней семь. Третій голова въ случаѣ надобности посылалъ станицу къ верховьямъ рр. Торца, Міуса и Бахмута на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути. Первый рыльскій голова стоялъ на верховьи р. Ворсклы у нын. Карпова—городка. Одна станица отъ него ѣздила къ Кончаковскому шляху на два дня пути; а сторожа находились на р. Везелкѣ подъ Муравскимъ шляхомъ; въ случаѣ надобности разѣзды должны были доходить до устья р. Ворсклы на Дитпрѣ на добрыхъ шесть дней пути; другая станица должна была ѣхать такъ: черезъ Муравскій шляхъ къ верховьямъ рр. Везелки и Угрима, внизъ по Угриму черезъ Вязовой и Люботинъ колодцы, внизъ по Удамъ къ Донецкому и Хорошеву городищамъ на р. Удахъ, оттуда къ устью Мжа; переправившись черезъ него у Зміева Кургана—къ верховьямъ Берестовой и Орели; здѣсь она должна была осмотрѣть Муравскій шляхъ и признаки; сюда было добрыхъ три дня пути. Другой голова долженъ былъ стоять подъ Муравскимъ шляхомъ у р. Водолаги; одна станица отъ него ѣздила къ устью р. Орели, а другая на верховья Чепели, по Чепели внизъ къ Донцу, Донцомъ внизъ по Крымской сторонѣ до устья Береки, оттуда къ Изюмъ Кургану; переѣхавъ здѣсь Изюмскій шляхъ, внизъ Донцомъ до устья р. Торца, Торцомъ вверхъ до верховьевъ р. Самары, а отсюда опять назадъ къ Водолагѣ прежнею дорогою; сюда было не менѣе 4-хъ дней пути ³³⁰.

Таковы были Путивльскія и Рыльскія станицы, устроенныя послѣ дозора кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго. Они простираютъ свои разѣзды въ самую глубь татарскихъ степей, первая станица ѣздила къ верховьямъ р. Самары, т.-е. на границу нын. Цыюскаго уѣзда, Харьк. губ. и Павлоградскаго Екатеринославской; вторая—на верховья Торца и Міуса, т.-е. на Донецкой кражѣ, который

³³⁰ Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г., № 4, источники, стр. 20—21).

отдѣляетъ нын. Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды Екатеринославской губ. отъ земли войска Донскаго; третья—къ верховьямъ р. Орели, т.-е. на границу Зміевского уѣзда Харьковской губ. и Константиноградскаго Полтавской губ. Эти разѣзды дополнялись еще разѣздами станичниковъ, высылаемыхъ стоялыми головами. Такъ, напр., разѣзды 1-го путивльскаго головы дошли съ одной стороны до устья р. Орели, которое отдѣляетъ Кобеляцкій уѣздъ Полтавской губ. отъ Новомосковскаго Екатеринославской губ., съ другой до нын. г. Славянска; разѣзды 2-го тоже до верховьевъ р. Орели, и до устья р. Айдара, т.-е. до границы Старобѣльскаго уѣзда Харьковск. губ. и Славяносербскаго—Екатеринославской. Одна станица должна была ѣздить, какъ мы видѣли, за рр. Явсюгъ и Деркуль т.-е. далеко на востокъ за границу Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. въ нын. Область войска Донскаго; разѣзды 1-го рыльскаго головы шли до устья р. Ворсклы въ нын. Кобеляцкомъ уѣздѣ и верховьевъ р. Орели и ея притока Берестовой; 2-го рыльскаго—до устья р. Орели (подобно 1-му путивльскому) и до верховьевъ р. Самары.

Еще въ царствованіе того же Іоанна IV Василевича новымъ начальникомъ сторожевой службы Юрьевымъ были произведены въ ней нѣкоторыя реформы. Особенное вниманіе его было обращено на стоялыхъ головъ. Какова была служба ихъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Съ весны на устьѣ Удъ находился въ качествѣ стоялаго головы Игнатій Тютчевъ, пришедшій изъ Брянска въ Рыльскъ 8 апрѣля на первый день Пасхи, а вышедшій оттуда 15 апрѣля, на Донецъ онъ явился 24 апрѣля, шелъ 10 дней; съ нимъ было 63 чел. боярскихъ дѣтей (изъ Стародуба, Новгородъ-Сѣверска, Почепа, Болхова) и 30 чел. казаковъ (изъ Новосила и Орла по 15 чел.); всего 93 чел. Его смѣнилъ брянчанинъ Ае. Панютинъ, пришедшій въ Рыльскъ на срокъ 21 авг., а на Донецъ 1 сентября (шелъ 10 дней); съ нимъ было дѣтей боярскихъ 49 чел. (изъ Брянска, Стародуба, Карачева, Болхова) казаковъ 30 челов. (по 15 изъ Новосила и Орла). Станицы отъ этихъ головъ разѣзжали направо до верховья р. Орели, а на лѣво по Донцу до устья р. Оскола, Великаго Перевоза, Святыхъ горъ и даже Айдара. Въ каждой станицѣ было по 6 чел.; переѣхавъ воинскую сакму (т.-е. слѣдъ), трое изъ нихъ должны были являться съ вѣстями къ своему стоялому головѣ, черезъ Муравскій шляхъ, а трое другихъ въ Путивль или Новосиль предупредить о появленіи врага; на двухъ коняхъ при быстрой ѣздѣ они могли пріѣхать за 10 дней до при-

хода непріятелей. Тѣже донецкія головы посылали отъ себя крохѣ того дозорщиковъ для наблюденія за донецкими сторожами направо по верховьямъ Мжа и Коломака, а налѣво внизъ по Донцу вдоль татарскихъ перелазовъ³³¹. Интересно, что въ это время станицы изъ болѣе сѣверныхъ городовъ углубляются иногда очень далеко въ степи; это объясняется, быть можетъ, желаніемъ правительства контролировать однихъ при помощи другихъ. Для того, чтобы понять необходимость такого контроля, достаточно вспомнить, что говоритъ о службѣ сторожевой Маржереть; по его словамъ, они въ большинствѣ случаевъ поднимали ложную тревогу; изъ правительственныхъ актовъ мы также убѣждаемся въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу многихъ сторожей. Въ 1578 г. Тульскіе станичники пріѣзжали ко Мжу и Коломаку на Муравскій шляхъ; Рязанскіе къ Сѣвескрому Донцу къ Великому Перевозу и Святымъ горамъ, между тѣмъ какъ Путивльскіе теперь ѣздили до Айдара и только по большимъ вѣстямъ доѣзжали до верховьевъ рр. Торца, Міуса, Самары и Орели³³² т.-е. туда, куда прежде они ѣздили постоянно; значить разъѣзды станичниковъ при Юрьевѣ нѣсколько сократились; очевидно, правительство желало усилить сѣтъ станичныхъ разъѣздовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существовали уже раньше; что такова именно была его цѣль, видно изъ тѣхъ перемѣнъ въ сторожахъ и станицахъ, которыя были произведены по случаю открытія новой татарской дороги Калміусской³³³; здѣсь вся оборона построена на взаимной помощи и связи между станицами, при чемъ особенное значеніе получаютъ стоялые головы, обязанность которыхъ состояла въ контролѣ сторожей и станичниковъ; такъ между прочимъ былъ увеличенъ составъ Донецкихъ стоялыхъ головъ 20 или 30 чел. изъ Сѣверскихъ городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и ихъ обязанности: они не должны были теперь дѣлать никакихъ разъѣздовъ, а только надзирали за Донецкими сторожами, чтобы тѣ стояли на сторожахъ бережно и безъ перемѣны со сторожъ не сѣзжали; самый срокъ службы у нихъ былъ нѣсколько сокращенъ: теперь они

³³¹ Арх. Мин. Юст. Разряднаго Приказа Московс. стола, книга № 1, ст. 35, лл. 253—268; Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ (въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 32—33).

³³² Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ» (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, источники, стр. 30—31).

³³³ Арх. Мин. Юст. Разряднаго Приказа Моск. стола, кн. I, ст. 36, лл. 268—280; Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ», источники, стр. 31—32.

должны были стоять два мѣсяца съ проѣздомъ; а прежде стояли столько же безъ проѣзда.

При Θεодорѣ Ивановичѣ, какъ мы уже знаемъ, было построено нѣсколько новыхъ городовъ. Въ каждомъ изъ нихъ появились свои сторожи и станицы: въ Ливнахъ 13 сторожъ, въ Воронежѣ 12, въ Ельцѣ 9, въ Кромахъ 7. Понятное дѣло, что съ этихъ поръ Путивль и Рыльскъ перестали быть самыми крайними городами на южной границѣ Московскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, ихъ сторожа и станичники перестали ѣздить уже, какъ это бывало прежде, въ Донецкую область; ихъ замѣнили сторожа и станичники вновь построенныхъ городовъ, а особенно Бѣлгорода, который скоро сдѣлался центромъ всей Бѣлгородской украины. Сообразно съ этимъ и сѣть сторожевыхъ и станичныхъ разѣздовъ сдѣлалась теперь болѣе густою, чѣмъ прежде; но какъ далеко они углублялись въ степи, мы точно не знаемъ. Неполныя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ только въ росписи «польскимъ» дорогамъ³³⁴; Оттуда видно, что изъ Путивля станицы ѣздили къ устью р. Айдара, черезъ Муравскую дорогу, Донецъ, Калміускую дорогу, Осколь и другіе рѣчки, проѣзжая это пространство въ теченіе 9 дней; повидимому также существовали станичные разѣзды къ Орелю и Самарѣ. Любопытно также еще одно извѣстіе—это проектъ устройства на Карповомъ сторожевѣ города и перенесенія туда станицъ изъ Путивля. Если бы устроить городъ въ этомъ мѣстѣ, говорили специалисты степной службы, тогда бь одни станицы отсюда нужно было посылать къ Сѣверскому Донцу, къ Чугуеву городищу, а черезъ Донецъ и Изюмскую дорогу—къ старому урочищу—устью р. Айдара, всего на 5 дней пути; а другія—Муравской дорогою до верховьевъ Мжа и Коломка, а оттуда до Ореля и Самары—всего на 6 дней быстрой ѣзды на двухъ лошадахъ. Что же касается сторожей, то они, отправляясь изъ города Карпова, должны были бы пріѣзжать на верховья Мжа и Коломка на Муравскую дорогу и сходиться тамъ съ путивльскими; въ случаѣ появленія непріятеля одни должны были бѣжать въ Путивль, а другіе въ Карповъ. Кромѣ Карпова рекомендовалось устроить другой еще городъ на Сѣверскомъ Донцѣ у устья Сажнаго или Лицоваго Донца, Везелки или Теплинки, который бы отстоялъ отъ Муравской дороги всего на 15 миль

³³⁴ Мое «Матеріалы», стр. 1—4.

20 вер.; съ вѣстями оттуда нужно было бы бѣжать на Ливны, Орель, Мценскъ и Новосиль. А если бы государь велѣлъ построить городъ на Чугуевомъ городищѣ такъ заканчиваютъ составители донесенія, тогда до Муравской дороги ѣзды было бы 1½ дня пути, за Донецъ до Изюмской дороги тоже 1½ дня, а до устья Ай-дара 3½ дня.

Такимъ образомъ при Θεодорѣ Ивановичѣ мы должны отмѣтить стремленіе сокращать по возможности сторожевые и станичные разъѣзды. Этому надѣялись достигнуть построениемъ новыхъ городовъ и устройствомъ при нихъ новыхъ сторожей и станицъ. Дѣйствительно, еслибы построили, напр. г. Карновъ и перевели оттуда изъ Путивля станицы, то этимъ бы сократили время станичныхъ разъѣздовъ съ 9 на 5 дней; даже до р. Самары нужно было бы ѣхать всего 6 дней. Еще болѣе сокращалось потребное для разъѣздовъ время съ устройствомъ г. Чугуева, тогда бы нужно было ѣхать всего 3½ дня. Нельзя не признать этого предложенія чрезвычайно цѣлесообразнымъ. Практика прежняго времени, очевидно, показала, что такіе отдаленные разъѣзды, какіе имѣли мѣсто въ царствованіе Ивана IV Васильевича, не приводили къ желанной цѣли: вѣсти такими объѣздчиками доставлялись слишкомъ поздно; да и не могло быть иначе, когда, напр., рязанскіе станичники доѣзжали до Святыхъ горъ и, естественно, привозили вѣсти въ Рязань тогда, когда онѣ были переданы уже туда изъ другихъ крайнихъ городовъ. Правительство и раньше уже стало сознавать подобныя аномаліи и поэтому, напр., уничтожило Ливенскія станицы, такъ какъ донецкія, оскольскія и донскія углублялись дальше ихъ. На основаніи этого можно сдѣлать предположеніе, что самыя отдаленныя станицы Міускія и Торскія были теперь оставлены или по крайней мѣрѣ имъ не придавали уже прежняго значенія. О сторожахъ и станицахъ въ царствованіе Бориса Годунова мы къ несчастью не имѣемъ никакихъ извѣстій, исключая только того, что, выдвигая такъ далеко въ степь Царь-борисовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ для нихъ крѣпкій опорный пунктъ. Здѣсь, слѣдовательно, повторялось то же самое явленіе, которое имѣлось въ виду при проектѣ о постройкѣ гг. Карпова и Чугуева, сократить, ограничить пространство станичныхъ разъѣздовъ и сдѣлать, такимъ образомъ службу, станичниковъ болѣе дѣйствительною.

Смутное время на Руси должно было или вовсе на время прекратить дѣятельность сторожей и станичниковъ на степной окраинѣ

нѣ московскаго государства, или по крайней мѣрѣ значительно ее ослабить, такъ какъ тѣ города, откуда они выѣзжали, отпали отъ Москвы.

Только съ освобожденіемъ Московскаго государства отъ поляковъ и разныхъ воровскихъ шаекъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича возстановлена была въ своемъ прежнемъ видѣ сторожевая и станичная служба. Теперь мѣсто Путивля и Рыльска занимаетъ Бѣлгородъ съ другими городами, основанными въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича — Ливнами, Воронежемъ, Ельцемъ и Кромами. О самыхъ дальнихъ сторожахъ и станицахъ (Донецкихъ) мы въ это время не имѣемъ никакихъ извѣстій; очевидно, онѣ были упразднены. Что же касается бѣлгородскихъ, валуйскихъ и другихъ сторожъ, то всѣ онѣ не выдвигаются далѣе 20 вер. впереди своихъ городовъ; изъ Бѣлгорода въ 1623 г. посылались на Муравскій, Изюмскій и Бакаевъ шляхи 15 сторожъ, но всѣ онѣ были расположены не особенно далеко отъ Бѣлгорода на разстояніи отъ 2 до 50 вер.; но дальнія сторожи были расположены позади города; таковы, напр., — шестая сторожа — въ 40 вер. отъ Бѣлгорода по дорогѣ въ Курскъ, восьмая — въ 50 вер. на верховьяхъ рѣкъ Кореня и Корочи, т.-е. къ сѣв.-востоку отъ Бѣлгорода; дальше другихъ были девятая и десятая сторожи, помѣщавшіяся на р. Нежеголи; но и онѣ находились не къ югу, а къ востоку отъ Бѣлгорода.³³⁵ Воронежскія сторожи находились также на близкомъ разстояніи отъ города.³³⁶ Изъ другихъ городовъ (наприм., Оскола,³³⁷ Ливень,³³⁸ Курска,³³⁹ посылались правда и дальнія сторожи, но онѣ не могли углубляться въ степь дальше тѣхъ, которыя выѣзжали изъ болѣе окраинныхъ городовъ (Бѣлгородъ и Валукъ); Путивль и Рыльскъ не высылаютъ теперь далекихъ сторожъ; всѣ ихъ разѣзды имѣютъ въ виду только литовскій рубежъ. Въ то время какъ прежде почти вся харьковская губ. была покрыта сѣтью сторожъ, теперь только бѣлгородскіе и валуйскіе сторожа захватываютъ ея сѣверную часть; такъ въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается о двухъ бѣлгородскихъ сторожахъ на

³³⁵ Бѣляева. «О стор., стран. и пол. службѣ». (Чт. Москов. Общ. Пст. II др. 1846 г. № 4, источники, стр. 59—61).

³³⁶ Ibidem, стр. 66—67.

³³⁷ Ibidem, стр. 61—62.

³³⁸ Ibidem, стр. 62—63.

³³⁹ Ibidem, стр. 70—73.

верховья р. Мерла; одна из них называлась *Каднице*, а другая *Синное праворотье*; ³⁴⁰ эта послѣдняя указываетъ на возникшую тамъ въ послѣдствіи слободу Синную-Праворотье — теперь селеніе Синное немного сѣвернѣ Богодухова; а первая напоминаетъ нын. селеніе Кадницу, находящееся между верховьями Мерла и Сухаго Мерчика (въ особенности, если принять во вниманіе неустойчивость орографіи Книги Большаго Чертежа); одна изъ валуйскихъ сторожъ была расположена на верховьяхъ р. Бурлука, а разѣзды ея простирались на 40 вер. къ р. Волчьей, но шли впрочемъ не въ южномъ, а въ сѣверо-западномъ направленіи. ³⁴¹ Въ 1644 г. въ Бѣлгородѣ было 14 сторожъ; нѣкоторыя изъ нихъ теперь повидному выдвинулись нѣсколько впередъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ, такова, напр., была первая сторожа, расположенная на Муравскомъ шляху въ верховьяхъ рр. Угрима и Лопани въ 20 вер. отъ Бѣлгорода, т.-е. на границѣ нын. Курской и Харьковской губ., здѣсь стояло 6 чел. «до большихъ снѣговъ» и кромѣ того 6 другихъ впереди для охраненія ихъ; они ѣздили отсюда для развѣдокъ верстъ за 20 до р. Ворсклы; девятая сторожа—на Донцѣ въ 22 вер. отъ Бѣлгорода; десятая—тоже на Донцѣ на устьѣ р. Теплинки въ 20 вер. отъ Бѣлгорода; одиннадцатая—за крайними бѣлгородскими деревнями на р. Нежеголѣ къ юго-востоку въ 35 в. отъ Бѣлгорода; тринадцатая новая—тоже на Нежеголѣ — въ 28 вер.; четырнадцатая — на Донцѣ въ 30 вер. отъ Бѣлгорода для наблюденія за бѣглыми людьми ³⁴².

Отсюда видно, что къ концу царствованія Михаила Феодоровича сторожи мало выдвинулись къ югу сравнительно съ первою четвертью XVII в., но съ построеніемъ новыхъ украинскихъ городовъ и съ появленіемъ въ нихъ сторожъ, онѣ могли приносить больше пользы сообщеніемъ своевременныхъ извѣстій о движеніяхъ непріятеля. Слѣдуетъ также замѣтить, что и при Михаилѣ Феодоровичѣ правительство обращало серьезное вниманіе на контроль сторожей. Въ окружной грамотѣ бѣлгородскому воеводѣ 1623 г. прямо приказывается посылать почаше дѣтей боярскихъ для до-

³⁴⁰ Книга глг. Большой Чертеж. Спскаго. М. 1846 г. стр. 15—16.

³⁴¹ Бѣльева. О стор., стран. и пол. службѣ. (Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г., № 4, источника, стр. № 73).

³⁴² Н. Н. Оглоблина. Обзор ист. — геогр. мат. XVII и нач. XVIII вв. М. 1884 г. стр. 304—305.

смотря сторожъ. ³⁴³ Кромѣ отдѣльныхъ сторожъ упоминается еще «смѣтные» т.-е. такія, которыя высылались совмѣстно изъ нѣсколькихъ городовъ ³⁴⁴.

Таково было положеніе сторожъ въ первой половинѣ XVII в. Нѣчто среднее между сторожами и станицами представляли изъ себя такъ наз. *сотни*. Н. Н. Оглоблинъ причисляетъ ихъ къ станицамъ. «Это была, по его словамъ, конные авангарды гарнизоновъ порубежныхъ городовъ, которые ставились въ опредѣленныхъ пунктахъ ближайшихъ городскихъ окрестностей. Къ станицамъ «сотни» приближаются численностью своего состава (отъ 50 до 100 чел. и больше) и отчасти порядками своей службы, не отличаются тѣмъ, что районъ надзора «сотенъ» былъ значительно меньше, чѣмъ станицъ». ³⁴⁵ Нельзя не пожалѣть, что почтенный изслѣдователь не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о тождествѣ сотенъ и станицъ. Чѣмъ онѣ напоминаютъ станицы? Численность своего состава? Но станицы состояли обыкновенно изъ небольшого числа служилыхъ людей, въ то время, напр., какъ стоялые головы имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо больше воиновъ. Я лично склоненъ видѣть въ нихъ не ставничниковъ, а сторожей или даже служилыхъ людей того или иного города, стоявшихъ по смѣнамъ на *караулахъ* въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Такихъ сторожей караульщиковъ мы встрѣчаемъ очень часто въ городахъ Бѣлгородской черты при Алексѣѣ Михайловичѣ. Что же касается названія «сотни», то оно свидѣтельствуетъ только о повсемѣстно распространенномъ дѣленіи разныхъ разрядовъ служилыхъ людей (казаковъ, пушкарей и т. п.) на сотни.

Обращаемся теперь къ состоянію станицъ. Въ 1623 г. въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ; первыя 20 должны были ѣздить съ Благовѣщенія (т.-е. съ 25 марта) до Оспожина дня (Успенія Пр. Богородицы т.-е. до 15 августа), а вторая—съ Оспожина дня (т.-е. 15 августа) до Филиппова заговѣнья, (т.-е. до 14 ноября); въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, по атаману, по шести ѣздоковъ и по два вожа т.-е. по 10 чел.; слѣдовательно, всѣхъ было 400 чел.

³⁴³ Собр. госуд. грам. и дог., т. III, М. 1822 г. стр. 236.

³⁴⁴ Таковы напр. Смѣтная сторожи на Бетюкѣ, въ Вазовомъ, въ Прогорѣломъ, въ Каменномъ по 4 чел. изъ гг. Данкова, Ружска, Щацка, Ливень, Оскола, Епифани, Михайлова и Воронежа; Н. Второва и К. Александрова. «Вор. Акты» т. I, стр. 126—127.

³⁴⁵ Н. Н. Оглоблина. Обзор. ист.—геогр., мат., стр. 150—151.

Отправляя известную станицу, воевода долженъ былъ давать ей наказную память и крѣпко наказывать, чтобы она ѣздила «бережно и усторожливо», доѣзжала до своихъ урочищъ и привозила «доѣзжія памяти», а въ случаѣ еслибы встрѣтилась татарская сакма, начальникъ станицы долженъ былъ бы съ вѣстью объ этомъ отослать нѣсколько станичниковъ въ Бѣлгородъ, а съ оставшимися ѣхать къ своимъ урочищамъ и разузнавать, куда направляется сакма и сколько въ ней человекъ. Главное вниманіе бѣлгородскихъ станичниковъ было сосредоточено и теперь на татарскихъ шляхахъ. Разѣзды ихъ были довольно велики—ничѣмъ почти не отличаются отъ разѣздовъ прежнихъ путивльскихъ и рыльскихъ станичниковъ; такъ, одни должны были наблюдать за Муравскимъ шляхомъ и доѣзжать до верховьевъ Берестовой, Орели и Самары, другіе—за Савинскою и Кочанскою сакмою и ѣхать внизъ по Донцу до Боровой, Айдара и Соколыхъ горъ; ³⁴⁶ эти послѣднія, какъ видно изъ Книги Большаго Чертежа, находились еще довольно далеко за Деркуломъ въ предѣлахъ войска Донскаго за 44 вер. до впаденія р. Донца въ Донъ, что туда доѣзжали изъ Бѣлгородѣ станичники и клали тамъ «доѣздія памяти», подтверждаетъ намъ и Книга Большаго Чертежа. ³⁴⁷ Въ 1628 г. въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ и 360 чел. станичниковъ; въ каждой изъ нихъ было по сыну боярскому, атаману, по 5 ѣздоковъ и по 2 вожа, ³⁴⁸ въ 1636 г.—388 конныхъ станичниковъ; для передачи вѣстей жило въ Курскѣ, Осколѣ, Валуйкѣ по 4 чел., всего 12 чел. ³⁴⁹ Въ 1639 г. бѣлгородскіе станичники ѣздили съ одной стороны по Коломаку вoadъ Валокъ, а съ другой — по Орелѣ и Самарѣ; ³⁵⁰ въ 1643 г. мы ихъ встрѣчаемъ за р. Красною; ³⁵¹ въ 1644 г. они доѣзжали съ одной стороны до Боровой, устья р. Айдара и Соколыхъ горъ, причѣмъ на пути пересѣкали Изюмскую и Калміускую сакму; а съ другой—по Крымской сторонѣ того же Донца Муравскимъ шляхомъ до урочищъ на р. Берестовой и на верховьяхъ рр. Орели и Самары; скорой ѣзды сюда на двухъ лошадиныхъ было 6 дней, а

³⁴⁶ Соб. гос. гр. и дог., ч. 3, М. 1822 г. стр. 255—256.

³⁴⁷ Книга глаг. Больш. Чертежъ Спасскаго. М. 1846 г. стр. 41—42.

³⁴⁸ Книги разрядныя, II, стр. 77.

³⁴⁹ Ibidem, стр. 907—908.

³⁵⁰ Ркп. ист.—Фил. общ. Подлинныя отписки чугуевскихъ воеводъ, № 9.

³⁵¹ Фил. ист. стат. опис. харьк. епархіи, отд. IV, стр. 48.

до Сокольных горъ 9. ³⁵² Такимъ образомъ, въ 1644 г. Бѣлгородскихъ станичниковъ мы видимъ тамъ же, куда они ѣздили и въ 1623. Въ 1637 г. изъ Усерда ѣздило 2 станицы; разъѣзды первой простирались вверхъ по Тихой Соснѣ на 30 вер. до р. Оскола, выше Жестовыхъ горъ, т.-е. въ западномъ направленіи, ³⁵³ въ 1644 г. тамъ было 2 станицы, но первая теперь уже ѣздила внизъ по р. Соснѣ къ г. Коротояку на 60 вер. отъ Усерда, т.-е. къ сѣв.-востоку. На Валуйкѣ въ 1644 г. было 24 станицы: онѣ ѣздили къ Борисову городищу до Святыхъ горъ и къ рѣчкѣ Бурлукамъ, переѣзжая Савинскую, Изюмскую и Калміускую сакмы. ³⁵⁴ Въ 1625 г. мы встрѣчаемъ валуйскихъ станичниковъ у Святыхъ горъ и Изюмъ кургана; ³⁵⁵ слѣдовательно, и валуйскія станицы остались безъ перемены; всѣхъ станицъ было 24 ³⁵⁶.

Подведемъ теперь итоги. Начало сторожевой и станичной службы относится по меньшей мѣрѣ къ XIV и XV ст. Въ царствованіе Ивана Грознаго она получила опредѣленное устройство; въ послѣдующее время она претерпѣвала только нѣкоторыя частичныя видоизмѣненія, направленные къ тому, чтобы сдѣлать ее болѣе полезной. Она съ одной стороны знакомила правительство съ новыми землями, лежащими за границей государства, съ другой—и въ этомъ заключалась ея непосредственная задача—помогала украиннымъ воеводамъ во время принимать мѣры противъ татаръ, приходившихъ на государевы украины. Теперь этимъ послѣднимъ гораздо труднѣе было явиться внезапно «изгономъ» на русскія области, чѣмъ прежде. Являлась возможность предупредить даже и о приходѣ малыхъ непріятельскихъ партій. Неудивительно поэтому, что правительство царя Іоанна Васильевича употребляло всевозможныя усилія, для того чтобы дать хорошую организацію этой службѣ. Но практика показала, что разъѣзды сторожей станичниковъ безъ контроля другихъ такихъ же служилыхъ людей приносили мало пользы;—и вотъ съ этою цѣлью были учреждены теперь стоялые

³⁵² Бѣльева. О стор., став. в полевой службѣ. (Чт. Моск. общ. ист. и др. 1846 г., № 4, источникъ, стр. 77).

³⁵³ Н. Н. Оглоблина. О доз. ист.—геогр. мат. стр. 150.

³⁵⁴ Бѣльева. О стор., стан. и пол. службѣ. (Чт. Моск. общ. 1846 г., № 4, источникъ, стр. 78).

³⁵⁵ Н. Второва и К. Александрова-Дольникова. «Воронежскіе акты». Воронежъ 1880 г., кн. 2, стр. 1—2, 5.

³⁵⁶ Ibidem, кн. 1, стр. 118—119.

головы. Вме́стѣ съ тѣмъ убѣдились, что сторожи захватили слишкомъ большое пространство и что это вредно отзывается на самой службѣ сторожей, въ виду этого рѣшились оставить безъ вниманія самые отдаленные пункты и сосредоточить всѣ разъѣзды въ болѣе близкихъ мѣстахъ. Количество сторожъ въ это время не только не уменьшается, но даже увеличивается: съ построеніемъ всякаго новаго города «польской» окраинѣ въ немъ учреждается извѣстное количество сторожъ, которыми указываются опредѣленные разъѣзды. Количество такихъ городовъ особенно увеличилось въ царствованіе Феодора Іоанновича и во вторую половину царствованія Михаила Феодоровича. Что касается станичниковъ, то разъѣзды ихъ, можно сказать, мало измѣнились: какъ во второй половинѣ XVI, такъ и во второй четверти XVII в. они занимали главнымъ образомъ нын. Харьковскую губ. и доходили большею частью до верховьевъ Орели и Самары и до устья Айдара. Разница была только въ томъ, что прежде въ XVI ст. станицы выѣзжали изъ Путивля и Рыльска, а теперь—изъ Бѣлгорода, Чугуева, Валукъ и другихъ степныхъ городовъ. Результатъ получился благопріятный: теперь сторожа и станичники приносили гораздо больше пользы, чѣмъ прежде, потому что районъ наблюдений каждаго изъ нихъ значительно сократился.

Такимъ образомъ сторожа и станичники были, такъ сказать, авангардомъ русской колонизаціи и гражданственности. Они наѣхали какъ бы тотъ край, который въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться русскимъ.

Но сторожи и станицы никогда не могли закрѣпить окончательно за Московскимъ государствомъ юго-восточной «польской» его окраины. Для этого нужны были болѣе дѣйствительныя средства: только *постоянное* населеніе могло прочно утвердить за государствомъ эти степи и вме́стѣ съ тѣмъ оградить его отъ татарскихъ ордъ, а станичники и сторожа были только временными путешественниками въ этихъ мѣстахъ; достаточно, напр., вспомнить, что они все время должны были проводить на лошадяхъ, огня не раскладывая, два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ не останавливаясь; ихъ главная обязанность состояла въ наблюдении за татарскими шляхами и перелазами; между тѣмъ количество тѣхъ и другихъ, какъ мы знаемъ, было весьма значительно; каждая станица на пути къ мѣсту своего назначенія должна была переѣхать нѣсколько сакмъ; направленіе дороги опредѣлялось исключительно рѣками, рѣчками, колодезями, перевозами, городищами, курганами

и разными урочищами; это, конечно, служатъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что край этотъ въ то время не былъ еще заселенъ; въ немъ были только развалины прежнихъ населеній—городища, да русскія названія многихъ рѣкъ и урочищъ свидѣтельствовали о томъ что мѣста эти въ древности принадлежали русичамъ. Рядомъ съ русскими названіями здѣсь были также, какъ мы знаемъ, и тюркскія; но и татары не были постоянными обитателями этихъ мѣстъ, что же касается сторожей и станичниковъ, то они являлись сюда только на время; послѣднимъ нужно было прорѣзывать громаднѣйшія пространства въ нѣсколько сотъ верстъ и потому они не могли даже пользоваться болѣе или менѣе продолжительными временными остановками. Сторожа и стоялые головы правда имѣли нѣчто въ родѣ постоянныхъ пристоевъ; для этой цѣли они иногда пользовались естественными укрьпленіями, а иногда строили особенные острожки, которые служили постояннымъ жилищемъ для многихъ смѣнъ сторожей; нѣкоторыя изъ нихъ обратились со временемъ въ настоящіе городки. Но нельзя забывать и того, что, во первыхъ, количество сторожей въ каждой сторожѣ было весьма незначительно (около десятка), во вторыхъ, они постоянно чередовались: на смѣну однимъ приходили другіе; наконецъ, въ третьихъ, и каждая смѣна не оставалась въ своемъ пріютѣ, а должна была разѣзжаться оттуда по указаннымъ ей урочищамъ. Въ силу всего этого мы не можемъ сторожей и станичниковъ назвать осѣлымъ населеніемъ той Донецкой волости, гдѣ были ихъ пристанища и разѣзды.

До сихъ поръ мы только мимоходомъ касались состава украинскаго населенія при обзорѣнн его дѣятельности; теперь же постараемся сдѣлать сводъ скудныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ. Населеніе степной окраины Московскаго государства принадлежало главнымъ образомъ, чтобы не сказать почти исключительно, къ служилому сословію. Въ этомъ отношеніи «польская» украинна значительно разилась ото болѣе центральныхъ областей: въ ней и въ послѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ было очень мало крестьянъ и посадскихъ людей—двухъ важнѣйшихъ группъ *жильщико* класса. Только въ двухъ, трехъ городахъ, вслѣдствіе ихъ удобнаго географическаго положенія, развилась промышленность и торговая дѣятельность; таковъ, какъ мы видѣли, былъ г. Воронежъ. Даже деревни здѣсь, какъ это видно изъ описаній болѣе поздняго времени, были населены почти исключительно разными разрядами служилыхъ людей, крестьянъ здѣсь было очень мало. И это со-

вершено понятно. До смутнаго времени, когда крестьяне пользовались еще правомъ свободнаго перехода, они не могли являться сюда въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, потому что край этотъ представлялъ изъ себя постоянный театр военныхъ дѣйствій; мирному поселенцу здѣсь не было мѣста; съ Михайла Θεодоровича степная украинна застроилась городами, явилось уже въ нѣкоторыхъ уѣздахъ значительное количество селеній, что указываетъ на сравнительную безопасность жизни; но въ это именно время крестьяне уже не пользовались прежнимъ правомъ перехода съ одного мѣста на другое. Правительство теперь постоянно напоминаетъ о запрещеніи принимать бѣглыхъ — ясный признакъ, что таковыя постоянно приходили въ украинны, куда ихъ привлекали сравнительно болѣе льготныя условія жизни у помѣщиковъ-владѣльцевъ; эти послѣдніе очень нуждались въ рабочихъ рукахъ и потому охотно принимали ихъ. Усиленіе крестьянскаго элемента въ степной окраинѣ относится уже къ XVIII в., когда тамъ является значительное количество болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ-помѣщиковъ въ позднѣйшемъ значеніи этого слова.

Но служилое сословіе степной украинны, по сравненію съ таковымъ же центральныхъ областей, отличалось одною важною особенностью; въ то время какъ тамъ главный контингентъ составляли дворяне и дѣти боярскія, владѣвшіе за свою службу помѣстьями, здѣсь господствующее положеніе занималъ низшій разрядъ служилого класса, который извѣстенъ подъ именемъ «приборныхъ» людей; въ составъ его входили слѣдующія группы: козаки, стрѣльцы, рейтары, драгуны, солдаты, копейщики, пушкарки, затинщики, воротники, засѣчные сторожа, казенные кузнецы, плотники, каменщики и др. Дворяне и дѣти боярскія также были среди украинскаго населенія, но сравнительно въ небольшомъ количествѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напр., вспомнить, изъ какихъ общественныхъ группъ слагалось населеніе г. Цареворисова въ 1600 г.: на общую цифру населенія 2.955 чел. дворянъ было 46, а дѣтей боярскихъ 214 чел., т.-е. немного болѣе $1,5\% + 7\% = 8,5\%$. Украинное населеніе, такимъ образомъ, состояло изъ тѣхъ же разрядовъ, которые входили въ составъ русскаго войска. Это послѣднее дѣлилось на конницу, пѣхоту и артиллерію. Среди украинскаго населенія къ первой принадлежали дворяне, дѣти боярскія, рейтары, драгуны, казаки, копейщики; по словамъ Маржерета, въ конницѣ была главная сила русской

арми; ³⁵⁸ ко второй,—стрѣльцы, солдаты, пѣшіе городовые козаки; къ третьей—пушкарни, затинщики, плотники, кузнецы, воротники. Рейтары, драгуны, солдаты первоначально набирались възаграницы, но очень скоро (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) сюда начали набирать также и русскихъ людей, такъ что скоро одни только названія этихъ разрядовъ службъ стали напоминать объ ихъ иностранномъ происхожденіи. ³⁵⁹ Выбирали для этой цѣли вольныхъ, охочихъ людей изъ дѣтей, племянниковъ, родственниковъ и свойственниковъ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, крестьянъ и др. сословій. По мѣсту своей службы, велико-русскіе украинцы могутъ быть раздѣлены на слѣдующія четыре группы: 1) городской, 2) полковой, 3) сторожевой и 4) станичной службы; первая составляла гарнизоны крѣпостей и предназначалась для ихъ защиты на случай татарскаго нападенія; вторая должна охранять вообще юго-восточную границу Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ; на обязанности третьей и четвертой, какъ мы уже знаемъ, лежала сторожевая и станичная служба ³⁶⁰, первыя двѣ были гораздо многочисленнѣе послѣднихъ.

Обращаемся теперь къ весьма важному вопросу о содержаніи украинскихъ служилыхъ людей. Въ отношеніи всѣхъ можно раздѣлить на двѣ группы: кормовыхъ и помѣстныхъ; первые получали отъ казны содержаніе натурою и деньгами; для этого были спеціальныя сборы со всѣхъ жителей Москов. государства; вторые вмѣсто государева жалованья получали въ помѣстьѣ для службы землю; впрочемъ почти всегда имъ давали въ прибавку и жалованье. Правительство постоянно старалось увеличить количество помѣстныхъ служилыхъ людей на счетъ кормовыхъ, по той простой причинѣ, что въ деньгахъ ощущался постоянный недостатокъ, между тѣмъ какъ земли на окраинахъ не стоили казнѣ ничего,—наоборотъ всякій новый поселенецъ—воинъ и земледѣлецъ увеличивалъ ихъ цѣнность. Самая доставка съѣстныхъ припасовъ изъ болѣе центральныхъ областей на украины была чрезвы-

³⁵⁸ Сказ. совр. о Дм. Сам., СПб. 1832 г., ч. 3, стр. 58.

³⁵⁹ Подробное и тщательное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ разрядовъ русскаго войска см. въ соч. Бѣлева. О рус. войскахъ въ царст. Мих. Ѳеод. и послѣ его. М. 1846 года.

³⁶⁰ Статистическія данныя о количествѣ служилыхъ людей во всѣхъ этихъ группахъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII ст. и указанія на характеръ ихъ службы даютъ намъ разрядныя книги и много разъ цитированная нами ст. Бѣлева, стр. 12, 39—42, источники стр. 42—49.

чайно затруднительна: нужно было проѣзжать громадныя пространства, постоянно опасаться разбойническихъ нападений, испытывать много другихъ затрудненій ³⁶¹. При томъ уже одинъ платежъ дополнительнаго денежнаго жалованья поглощалъ у государства всё его скудные доходы. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Я. Соловьева, «самый родъ службы требовалъ постоянныхъ жилищъ для военныхъ людей въ самой украинѣ. Эти причины и побудили правительство, вмѣсто выдачи продовольствія натурою, раздавать въ украинскихъ городахъ земли не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, но вообще и всѣмъ служилымъ людямъ, обязаннымъ оберегать предѣлы государства отъ татарскихъ набѣговъ» ³⁶². Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, правительство, какъ я уже сказалъ выше, постоянно старалось всѣхъ своихъ украинцевъ надѣлать землями. Конечно, сдѣлать это иногда было почти невозможно; если, напр. основывался новый городъ въ степи далеко за чертою прежнихъ поселеній, то по крайней мѣрѣ на первое время поселенцы его не могли обойтись безъ полученія казеннаго хлѣба: такъ было, какъ мы увидимъ далѣе, при основаніи Чугуева; лица, которымъ все время приходилось проводить въ степныхъ разѣздахъ, также не имѣли возможности заниматься земледѣліемъ; таковы были вольные малороссійскіе казаки, поступавшіе на службу къ московскимъ государямъ, сюда же отчасти нужно причислить нѣкоторыхъ станичниковъ и сторожей ³⁶³. Но разъ только явилась возможность устроить пашни, правительство немедленно же дѣлало распоряженіе о заведеніи ихъ. При постройкѣ всякаго новаго города, къ нему отводилась пахатная земля и всяческія угоды ³⁶⁴: обиліе ихъ служило однимъ изъ мотивовъ при закладкѣ города въ томъ, а не другомъ мѣстѣ; одинъ изъ специалистовъ степной службы, какъ мы видѣли, предлагая возстановить Цареборисовъ, заявлялъ

³⁶¹ Еще въ царствованіе Алексѣя Мих. воронежскій воевода не смѣлъ отправиться въ Москву къ государю собранные имъ 103½ руб., потому что отъ Воронежа по Московскимъ дорогамъ, въ степяхъ и по «приточнымъ мѣстамъ» воронскіе люди многихъ людей разбиваютъ, грабятъ и до смерти побиваютъ»; см. И. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. 3-я, стр. 159—160.

³⁶² Я. Соловьевъ. Объ однодворцахъ (въ Отеч. Зап. 1830 г., мартъ, стр. 857.

³⁶³ Бѣляева. Остор. стан. и пол. службъ (Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, Источники, стр. 14).

³⁶⁴ См. объ этомъ, напр., у Н. Н. Оглобина. Обзор. Ист.—Геогр. Мат. стр. 76—77. (Извлеченіе изъ строевной книги Усерда).

при этомъ, что земля тамъ и всякихъ угодій очень много. Каждому разряду украинскихъ служилыхъ людей—стрѣльцамъ, казакамъ и т. п. отводились отдѣльно земли—какъ усадебныя, такъ и пахатныя съ угодьями. Давались онѣ на помѣстномъ правѣ; если гдѣ либо была необходимость въ помѣстной системѣ, то именно здѣсь. Мы видимъ напр., что помѣстныя земли получали казаки, стрѣльцы, пушкарѣ ³⁶⁵, ящички ³⁶⁶, сторожа и станичники ³⁶⁷. Обыкновенно земли украинскихъ служилыхъ людей называются *четвертными*, а самое владѣніе *четвертнымъ*; такъ какъ каждому отдавалось извѣстное количество *четвертей* или *четей*. Четверть или четь—это мѣра земли, равняющаяся нын. $\frac{1}{2}$ десятины. Нужно впрочемъ при этомъ всегда увеличивать втрое показанную цифру четвертей, ибо земля назначалась во всѣхъ трехъ смѣнахъ. Такимъ образомъ, или говорилось, что извѣстному лицу отведено земли, «10 четей въ полѣ, а вду потому жъ», то это значитъ, что онъ получилъ всего 30 четей, т. е. 15 десятинъ.

Представимъ теперь нѣсколько фактическихъ данныхъ по вопросу о размѣрахъ помѣстныхъ дачъ на польской украинѣ. Въ Усердѣ каждому казаку было отведено по 20 чет. или 30 десятинъ, десятникамъ по 30 ч. или 45 дес., пятидесятникамъ по 40 ч. или 60 дес. каждому стрѣльцу—по 8 чет. или 12 дес.; сверхъ того всѣмъ вмѣстѣ («вопчѣ») были назначены рыбныя ловли и лѣсныя угодья ³⁶⁸. Въ 1625 г. валуйскіе станичники, набранные изъ охочихъ людей, получали по 50 ч. или 75 дес. земли и по 4 руб. жалованья, атаманы—по 100 ч., т. е. 150 дес. и по 5 руб.; за это каждый изъ нихъ долженъ былъ держать по коню и по мерину ³⁶⁹. Въ 1626 г. въ подгородныхъ земляхъ бѣлгородскаго уѣзда было отведено 100 чел. стрѣльцамъ пахатной земли—520 ч. да дикаго поля 576 ч. да дубровы 104 ч., всего 1200 ч. въ полѣ да вду потому жъ, т. е. по 12 ч. или 18 дес. на душу; кромѣ того имъ уже при Борисѣ Годуновѣ было отведено сѣнныхъ покосовъ на 5000 копень, т. е. по 50 копень или 5 десятинъ на душу. 100 стрѣльцовъ новой сотни также имѣли пащни и дикаго поля

³⁶⁵ *ibidem*.

³⁶⁶ Н. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, кн. 2-я, стр. 3-я.

³⁶⁷ Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ (Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 27).

³⁶⁸ Н. Н. Оглоблина. Обзор. Ист. геогр. мат., стр. 76.

³⁶⁹ Н. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, кн. 1, № XXXVII, стр. 118—119.

по 12 ч. или 18 дес. на человека, а сѣнокоса по 50 копень или 5 дес.³⁷⁰. Въ 1640 г. въ селеніи Стариковѣ Бѣлгород. уѣзда казачій атаманъ Иванъ Ѳеодоровъ Каторжный съ сыномъ владѣлъ 30 четями пахатной земли (45 дес.) и земля эта была записана за нихъ въ писцовыхъ книгахъ³⁷¹. Въ 1644 г. государь Мих. Ѳеод. велѣлъ поверстать въ Корочѣ дѣтей боярскихъ помѣстьями; тѣмъ, которые записались изъ дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей, было дано лучшихъ по 150 ч. (225 дес.) и по 5 р., среднимъ—по 100 ч. (150 дес.) и 4 руб., набраннымъ изъ охочихъ людей разныхъ званій (ио не изъ дѣтей боярскихъ), лучшимъ—по 80 ч. (120 дес.) и по 3½ руб., среднимъ—по 70 чет. (105 дес.) и по 3 руб.; всѣ они были записаны въ городовую службу³⁷². Въ томъ же году государь велѣлъ казакамъ, жившимъ въ сел. Стариковѣ, служить вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими въ г. Корочѣ; сообразно съ этимъ имъ были назначены помѣстные дачи: однимъ дано было по 90 ч. (85 дес.) и по 4 руб. жалованья, другимъ по 60 ч. (90 дес.) и по 3 руб.³⁷³. Каждому служилому человеку отводилась земля рядомъ съ другими служилыми людьми того же разряда³⁷⁴: всякій казакъ получалъ себѣ землю въ казацкой округѣ, пушкаръ—въ пушкарской и т. п. Это обуславливалось, по всей вѣроятности, равномерностью участковъ, которая въ свою очередь зависѣла отъ одинаковой службы. Такою равномерностью отличались также и усадебныя земли. Правительство отводило каждой группѣ служилыхъ людей определенное количество усадебной земли, а самое распределение участковъ, равныхъ по своимъ размерамъ, производилось иногда уже ими самими; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое указаніе въ актахъ³⁷⁵. Мы не будемъ теперь дѣлать характеристики четвертнаго владѣнія, а только замѣтимъ, что покойный Бѣляевъ былъ

³⁷⁰ Арх. Анатоля. Мат. для ист. Курской еп. (Въ Кур. еп. вѣд. послушная грамота 1692 г. арх. Киприяну).

³⁷¹ Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я, стр. 4).

³⁷² Ibidem, стр. 4—5.

³⁷³ Ibidem, стр. 5—6.

³⁷⁴ Такъ по челобитью сына боярскаго Ивашики Винникова въ 1632 г. велѣно было его помѣстье, находившееся въ сел. Корочанскаго уѣзда Терновой Полони отъ другихъ, на деревьяхъ насѣчь грани, поставить столбы и подѣлать всякіе признаки *ibidem* стр. 28—29.

³⁷⁵ Въ только что приведенной челобитной Винникова говорится; что онъ и товарищи его подѣлили между собою усадебную землю и ему по *жребію* досталась третья усадьба; *ibidem*.

неправъ, когда въ своихъ лекціяхъ по ист. рус. законодательства предполагалъ, что служилые люди по прибору, т. е. казаки, драгуны пушкарѣ и т. п. владѣли этими землями, въ противоположность дворянамъ-помѣщикамъ, на правѣ общинномъ, мы не будемъ здѣсь также рѣшать вопроса, существовала ли какая нибудь коренная разница между помѣстными и четвертными владѣніемъ. Такую разницу мы замѣчаемъ только въ размѣрахъ помѣстій дворянъ и украинскихъ служилыхъ людей. Если у первыхъ количество земли измѣрялось не рѣдко сотнями четвертей, то у вторыхъ только десятками. Нужно впрочемъ сказать, что величина помѣстной дачи не оставалась постоянно неизмѣнной; она могла увеличиваться: за такъ называемое «полонное терпѣніе», напр., добавлялось извѣстное количество четвертей³⁷⁶. Для того чтобы объяснить себѣ такую разницу, достаточно вспомнить, что оклады помѣстные зависѣли въ то время отъ того «кто какъ коненъ, люденъ и оруженъ». Большая часть помѣщиковъ центральныхъ областей владѣла крестьянами; между тѣмъ на степной украинѣ ихъ было очень мало; въ лучшемъ случаѣ служилый украинецъ могъ рассчитывать только на своихъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ. Конечно, благодаря имъ, и могло здѣсь все-таки существовать земледѣльческое хозяйство; въ то время какъ глава семьи уходилъ въ походъ, семья его занималась хозяйственными работами. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ большой участокъ не могъ даже особенно привлекать великороссійскаго украинца, такъ какъ обрабатывать его онъ не былъ въ состояніи; нанимать или арендовать лужное поле никто бы у него не захотѣлъ; расчистить и обратить въ пашню нѣсколько сотъ десятинъ цѣлины при наличныхъ рабочихъ силахъ было почти невозможно. Наконецъ, нельзя забывать и того, что государство кромѣ четвертной земли давало украинцу не мало и другихъ льготъ: кромѣ денежнаго жалованья оно выдавало ему такъ наз. «селитебное» или принимало на свой счетъ постройку его двора; оно давало ему въ началѣ сѣмена для посѣва, оружіе: все это, конечно, принималось во вниманіе при опредѣленіи размѣра помѣстной дачи. Больше всѣхъ получали дворяне и дѣти боярскіе; но все-таки меньше, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ; еще при Алексѣѣ Михайловичѣ украинныя дѣти боярскіе отличаются отъ московскихъ; первые получаютъ по 150, 120 и 100 ч.,

³⁷⁶ Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1838 г., кн. 3-я, стр. 34).

а вторые по 50 ³⁷⁷. Само правительство Московское поддерживало разницу въ помѣстномъ владѣніи центральныхъ и украинскихъ служилыхъ людей. Въ 1637 г. запрещено было боярамъ, дворянамъ, жильцамъ, дякамъ и всякихъ чиновъ Московскимъ людямъ обмѣнивать свои помѣстья ³⁷⁸, конечно, для того чтобы украинцы не могли покидать своихъ земель и переселяться въ центральныя области.

Помѣстная система владѣнія была господствующей, чтобы не сказать, исключительной, въ степной окраинѣ Московскаго государства. Что касается вотчиннаго владѣнія, то о размѣрахъ его мы къ несчастью не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Слѣдуетъ только замѣтить, что она имѣла мѣсто и въ Монастыряхъ.

Монастырское землевладѣніе стоитъ въ тѣсной связи съ ихъ колонизаторской дѣятельностью. Религіозное чувство тогдашняго русскаго человѣка было столь сильно, что на отдаленныхъ окраинахъ государства, на самомъ пограничьи со степями, стали возникать монастыри. Церкви появлялись въ городахъ уже въ моментъ ихъ основанія—иногда одна, а иногда сразу даже двѣ, какъ это было въ Царьборисовѣ. Съ теченіемъ времени количество ихъ постоянно возрастало. Виѣстѣ съ тѣмъ возникали и монастыри, гдѣ находили себѣ тихое пристанище всѣ тѣ, которые желали почему либо удалиться отъ міра. Старый воинъ, прошедшій всю жизнь въ бояхъ и походахъ и не нашедшій тамъ смерти, лишившійся жены и дѣтей, естественно стремился провести остатокъ дней своихъ въ монастырѣ; жены лишившіяся своихъ мужей устремлялись туда же; мы имѣемъ нѣсколько документовъ, весьма характерныхъ въ этомъ отношеніи—это именно просьбы казацкихъ вдовъ, мужа которыхъ погибли въ бою съ татарами, о выдачѣ имъ вспоможенія для постриженія въ монахини: «пожалуй меня, писала въ 1634 г. одна изъ нихъ въ своей челобитной государю, черную вдову и мужа моего службы и за кровь и за смерть мнѣ черной вдовѣ на постриганье своимъ царскимъ жалованьемъ ³⁷⁹. Если мы вспомнимъ, какъ много русскихъ украинскихъ людей—мужей, женъ и дѣтей—погибало на войнѣ и захватывалось въ плѣнъ, то поймемъ, откуда появлялись въ убогіе на первыхъ порахъ

³⁷⁷ Бѣалева. О рус. войскахъ въ царствов. Мпх. Феод. и послѣ него. М. 1846 г., стр. 15.

³⁷⁸ Полн. соб. соч. Неволіна, т. IV, С.-пб., 1857 г., стр. 204.

³⁷⁹ А. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Ворон. в сос. губ., вып. VI, стр. 375.

монастыри монахи и монахини; война съ разбойниками—татарами непрерывно разрушала семьи, вырывая изъ нихъ то отца, то мать, то сыновей, то дочерей.

Положеніе большинства монастырей на первыхъ порахъ было довольно тяжелое; наравнѣ со всѣми украинцами монахи и монахини подвергались опасности неприяТЕЛЬСКИХЪ погромовъ. Въ Курскѣ, наир., существовалъ Троицкій монастырь, построенный при Борисѣ Годуновѣ, на краю посада за р. Куромъ, старцемъ Іоной; въ 1612 г. туда пришли литовцы, разорили храмъ, сожгли монастырь и выгнали всю братію и бобылей; при этомъ погибла и жалованная грамота монахамъ ³⁸⁰. Одни монастыри строились въ городахъ, другіе въ уѣздахъ. Въ Воронежскомъ краѣ, наир., было 9 монастырей; изъ нихъ 3—въ Воронежѣ а 6—въ уѣздѣ: арачунскій, Боршовскій, Задонскій, Тешевскій, Дивногорскій, Шатрищеговскій и, наконецъ, Большичный Спасской Семилуцкой пустыни; въ этомъ послѣднемъ постригались выходившіе изъ плѣна раненые и увѣчные ³⁸¹; въ Бѣлгородской украинѣ было также не мало монастырей ³⁸².

Какое было содержаніе этихъ монастырей? Имъ жаловались московскими государями земли, которыя они обрабатывали частью сами, а частью принимаемыми на жительство крестьянами и бобылями. Московскіе цари, сознавая важное значеніе украинскихъ монастырей, готовы были оказывать имъ всяческое содѣйствіе и поддержку. Въ особенности это нужно сказать о Михаилѣ Феодоровичѣ, который всячески помогалъ даже заграничнымъ—южморусскимъ и афонскимъ монахамъ, постоянно приходившимъ за милостыней въ Москву. Въ 1613 г. Царь Михаилъ Феодоровичъ далъ старцу Іонѣ, стротнелю Курскаго Троицкаго мон., грамоту, въ которой разрѣшалъ возстановить прежнюю обитель, призывать братію и бобылей ³⁸³; въ 1619 г. тому же монастырю были предоставлены новыя льготы. Курскіе воеводы стали заставлять монаховъ, а также городскихъ и уѣздныхъ священниковъ пахать на Государя десятинную пашню, дѣлать всякія городовыя подѣлки и

³⁸⁰ Полеваго. Русская вивліюника. М. 1833 г. т. I, стр. 20—21.

³⁸¹ Н. Второва и К. Александрова-Дольнича. Ворон. акты, III, стр. IX.

³⁸² Объ упрядченыхъ м-ряхъ Курской ец. см. статью изъ Голицына (во Временникѣ, кн. XXV, и Арх. Анатолія «Матеріалы для исторіи Курской епархіи» (въ Курскихъ еп. вѣд. 1870 и 1880 гг.).

³⁸³ Полеваго. Рус. вивліюника. М. 1833 г., стр. 21.

платить подати вмѣстѣ со всѣми жилацкими людьми, между тѣмъ какъ прежде ничего такого съ нихъ не требовалось; по этому поводу игуменъ подалъ челобитную, на которую, по милостивому предствательству патриарха Филарета Никитича, былъ полученъ благопріятный отвѣтъ ³⁸⁴. Такимъ образомъ, Троицкій монастырь не долженъ былъ нести никакихъ повинностей ни натуральныхъ, ни денежныхъ.

Бѣлгородскій Николаевскій монастырь также пользовался щедротами Московскихъ Государей. Въ 1599 г. онъ получилъ двѣ выписи съ бѣлгородскихъ книгъ на землю, находившуюся на Крымской сторонѣ р. Донца; въ 1626 г. получено было имъ 3 такихъ же выписи—на Огурцовскую поляну и на село Никольское; въ 1638 г.—грамота на дикое поле и сѣнные покосы въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ подъ Разуменскимъ лѣсомъ ³⁸⁵; въ 1599 Бѣлгородскому монастырю было отведено 50 ч. или 75 дес. доброй земли и на 250 копень т. е. 25 дес. сѣнныхъ покосовъ, мѣста по рѣчкѣ Волчьей воды со всѣми впадающими въ нее колодезями, рыбными и звѣринными ловлями и всякими угольями, внизъ по Донцу до впаденія въ него Старицы и, наконецъ, бортный ухойай, въ которомъ было 12 бортныхъ деревьевъ, приспособленныхъ для роевъ и множество такихъ, которыя могли быть приспособлены ³⁸⁶.

Въ Бѣлгородѣ былъ и женскій монастырь Рождества Пр. Богородицы, основанный старицей Аполлинаріей Прытковой въ 1622 г.; по челобитью, ей дано было въ Бѣлгородѣ мѣсто подъ церковь и кельи, а писцы Кирикрейскій да Максимовъ въ 1626 г. отвели монастырь для пропитанія старицъ 80 пустыхъ мѣстъ, которыя были заняты нѣкогда подъ усадьбы и огороды путивльскими и ливонскими вожами, 35 ч. дубровы на пашнѣ и на 150 копень сѣнокоса, впрочемъ усадебная земля за ними не была утверждена, а отдана явившимся въ Бѣлгородѣ черкасамъ; въ замѣнъ ея государь Михаилъ Федоровичъ далъ монастырю денежное жалованье въ размѣрѣ 15 руб. въ годъ ³⁸⁷. Рождественскій Бѣлгородскій монастырь, не смотря на эти пожалованья, находился въ довольно

³⁸⁴ Полеваго. Рус. вѣдѣнія. М. 1838 г., стр. 21—23.

³⁸⁵ Арх. Анатоля. Матеріалы для исторіи Курской еп. (реестръ жалованныхъ грамотъ в др. докум., хранящихся въ Бѣлгор. Ник. м-рѣ).

³⁸⁶ Ibidem. (Послушная грамота 1629 г. арх. Книріянну).

³⁸⁷ Ibidem, (грамота царя Мих. Фед. 1631 г.).

бѣдственномъ положеніи, какъ видно изъ описанія его 1624 г.: сосуды церковные въ немъ были оловячныя, ризы и стижарь полотняный, богослужебныхъ книгъ всего 4 (псалтирь, часовникъ, служебникъ и шестодневъ ³⁸⁸; еще нагляднѣе бѣдность монастыря изображается въ челобитной игуменіи Евфросиніи, поданной царю Алексѣю Михайловичу въ 1673 г.; тамъ говорится, что сестры помираютъ безъ соли ³⁸⁹.

И это совершенно понятно. Данная монастырю усадебная и огородная земля лежала повидимому впустѣ; по крайней мѣрѣ, воевода Тургеневъ доносилъ въ разрядъ, что земля эта была «порозжая», и монастырской ее никто не называлъ. Что же касается пахатнаго поля, то туда явились крестьяне по видимому только уже въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, до тѣхъ же поръ и она не могла обрабатываться; еще въ 1646 г. въ монастырѣ не было ни крестьянъ ни бобылей ³⁹⁰.

Путивльскому Молченскому монастырю, какъ видно изъ жалованныхъ грамотъ, принадлежало значительное количество земель—сель, деревень и починковъ и особенно много угодій—звѣринныхъ и рыбныхъ ловель, бортныхъ ухажаевъ, бобровыхъ гоновъ, «судовъ и перевисцищъ»; какъ братіи, такъ и жившимъ на монастырскихъ земляхъ крестьянамъ были предоставлены относительно податей и повинностей значительныя льготы, а игумену—право суда надъ своими крестьянами, тогда какъ на самого его, а также на братію и крестьянъ постороннія лица могли подавать челобитныя только въ Москвѣ и притомъ въ опредѣленные сроки ³⁹¹. Конечно, при тѣхъ условияхъ Молченскій монастырь не могъ быть такъ бѣденъ, какъ женскій бѣлгородскій. Сравнительное богатство его объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ былъ древнѣе бѣлгородскаго и находился при томъ въ болѣе старомъ и богатомъ городѣ; въ то время какъ Бѣлгородъ былъ построенъ въ концѣ XVI ст., Путивль сохранилъ въ себѣ населеніе еще удѣльновѣчеваго періода. Но и Молченскій монастырь имѣлъ не много крестьянъ; что же касается до всѣхъ другихъ, лежавшихъ еще

³⁸⁸ Ibidem (отрывокъ изъ описанія писца Кирирейскаго).

³⁸⁹ Ibidem (челобитыя иг. Евфросиніи).

³⁹⁰ Арх. Анатолія. Мат. для ист. Курс. еп. Отрывокъ изъ переписной книги Боборыкина).

³⁹¹ Жалованныя грамоты путивльскому Молч. м-рю (въ трудахъ Кур. губ. стат. ком., вып. I, К. 1863, стр. 562—569).

дальше къ югу и юговостоку, то они, нужно думать, пользовались еще меньшими недостатками. Земель у нихъ было не особенно много, но главное, что земли эти не имѣли почти никакой цѣны, потому что въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя *дикие поля*, которое еще нужно было расчистить; Бѣлгородскому женскому монастырю, какъ мы видѣли, была дана *дуброва* на пашню.

Такимъ образомъ, украинскіе монастыри оказали большую услугу дѣлу земледѣльческой культуры степной украины. Количество крестьянъ и бобылей у нихъ были весьма не велико, а положеніе этихъ послѣднихъ, нужно думать, было довольно льготное, такъ какъ количество рабочихъ рукъ не соответствовало размѣрамъ поземельной собственности и сельско-хозяйственнымъ потребностямъ. Въ это время монастыри не покупаютъ крѣпостныхъ крестьянъ, а призываютъ къ себѣ вольныхъ людей и осаживаютъ ихъ у себя «на сыромъ корню»; разрѣшеніе на пріемъ такихъ людей мы видѣли въ жалованной грамотѣ курскому монастырю. Наконецъ, не забудемъ, монастырь того времени былъ, такъ сказать, богадельней для раненыхъ, больныхъ, безпріютныхъ; одинъ изъ воронежскихъ монастырей, какъ мы видѣли, былъ специально предназначенъ для раненыхъ, понятно, что такимъ монастырямъ общество должно было въ той или иной формѣ оказывать свою помощь, такъ какъ сами монахи не въ состояніи были кормиться трудами рукъ своихъ.

Монастырямъ, конечно, не отводились помѣстные земли, потому что они не могли принимать на себя тѣхъ обязанностей, которыя брали служилые люди. И дѣйствительно, въ извѣстныхъ намъ актахъ мы не находимъ указаній на монастырскія помѣстья, и въ нихъ говорится только о вотчинахъ или вообще объ отводѣ земель безъ обозначенія ихъ рода; въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ, очевидно, также о вотчинной собственности. Владѣли вотчинами, по всей вѣроятности, и частныя лица, но о размѣрахъ и характерѣ этого владѣнія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, можно полагать, что громадное большинство украинскихъ служилыхъ людей владѣло землями на помѣстномъ правѣ. Способы полученія помѣстій должны были быть тѣ же, что и въ центральныхъ областяхъ. Размѣры помѣстныхъ дѣлъ были строго ограничены: каждый получалъ определенное количество четвертей и самовольно путемъ заимки не могъ увеличить своего помѣстья. Раздача помѣстныхъ земель существовала во всей стѣн-

ной окраинѣ Московскаго государства, гдѣ имѣли постоянную оубдлость служилые люди.

Но является вопросъ, происходила ли такая раздача въ той мѣстности, которая лежала собственно за чертою постоянныхъ оубдлостей украинскаго населенія,—тамъ, гдѣ развѣзжали только сторожа и станичники, въ предѣлахъ нын. Харьковской губ.? Документы, вопреки предположеніямъ прежнихъ изслѣдованій, даютъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ. Находились люди, которые брали себѣ земли и угодья въ той части Донецкаго бассейна, которая лежала въ нын. Харьковской губ., на территоріи, занятой впоследствии Слободской Украиной, т.-е. вдали отъ укрѣпленныхъ московскихъ городовъ у самыхъ почти татарскихъ кочевьевъ. Здѣсь по теченію Сѣверскаго Донца находилась *Донецкая волость*, въ которой имѣли *помѣстья* нѣкоторые владѣльцы.

За Микудою Ивановичемъ Масловымъ съ племянниками по пожалованной грамотѣ Михаила Феодоровича 1622 г. было два *юрта* на Сѣверскомъ Донцѣ — *Салтовскій* и *Кытковскій* съ маленькими озерами—*Амартовѣтью*, *Печенаги* и *Константиновскимъ* затономъ и со всякими угодьями—рыбными и звѣриными ловлями и рѣчками; все это было дано ему вмѣсто 150 четей четвертной пашни. Пространство, занимаемое этимъ юртомъ, было весьма значительно, судя по упоминаемымъ здѣсь географическимъ названіемъ. Названіе Салтовскій указываетъ намъ на мѣсто г. Стараго Салтова на Донцѣ; Амартовѣтъ можетъ быть поставлена въ связь съ сел. Мартовѣтами (теперь сел. Мартовое), лежащимъ отъ Салтова верстахъ въ 20; а Печенаги — съ Печенѣгами (теперь Новобѣлгородъ), отстоящими еще въ 10 вер. отъ Мартовѣтъ; изъ описанія межи этого юрта видно, что онъ шелъ и по крымской и по ногайской сторонѣ Донца, а кромѣ того захватывалъ еще течение р. Рабки до Царградской дороги.

Третій юртъ принадлежалъ бѣломѣстному атаману Орѣху Федорову и былъ расположенъ на югъ отъ перваго по теченіи р. Сѣверскаго Донца и по Удамъ отъ впаденія въ нея р. Харьковны до устья Угрима Колодезя со всѣми «упалыми колодезьями», рыбными ловлями, бортными ухожьями, бобровыми гонами; все это было дано вмѣсто 100 четей четвертной пашни по грамотѣ государя Михаила Феодоровича 1620 г. Этотъ юртъ тянулся по теченіи Сѣв. Донца и затѣмъ р. Удъ до притока его Угрима, обнимая также не малое пространство.

Четвертый юртъ — *Жерѣйсанскій* бѣломѣстнаго атамана Михаи-

да Старикова находился по обоимъ берегамъ р. Удъ до Сѣвернаго Донца, т. е. на югъ отъ предшествующаго, и также заключалъ въ себѣ рѣчки, рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодыя; все это было получено Стариковымъ вмѣсто 80 четей четвертной пашни по грамотѣ отъ государя Михаила Ѳеодоровича 1625 года.

Пятый юртъ *Талдиковский* да *Булыкмыскій* — за Михаиломъ Роговымъ, и его племянникомъ Сенькой, владѣли они ими вмѣсто 50 четей пашни по ввозной государевой грамотѣ 1620 г.; они, очевидно, находились въ южной части нын. Зміевскаго уѣзда на р. Балаклѣѣ; въ этомъ мѣстѣ еще въ концѣ XVI в. стояла московская сторожа, сюда же къ половинѣ XVII в. стали приходить и селиться черкасы.

Шестой и седьмой юрты — *Бабкинскій* и *Тетлянскій* принадлежали бѣлгородскому черкашенину Ятцку Зарубину и были даны ему вмѣсто 150 четей пашни; владѣлъ онъ по ввозной госуд. грамотѣ, а самой грамоты не представилъ: они находились по рр. Бабкѣ и Тетлѣгѣ недалеко отъ г. Чугуева.

Всего въ Донецкой волости было 7 юртовъ за 5 человекамъ вмѣсто 530 четей четвертной пашни. Но кромѣ этихъ помѣстій, принадлежавшихъ воинскимъ людямъ, было еще нѣсколько другихъ, которыми владѣла *Савинова Пустынь*; въ 1617 г. царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ ей данъ былъ на Сѣверскомъ Донцѣ *Чепелевскій* юртъ отъ Савинскаго перевоза до р. Чепеля, а въ 1626 г. — на свѣчи и ладонъ изъ пустыхъ юртовъ — *Изюмскій*, принадлежавшихъ раньше атаману бѣломѣстныхъ козаковъ Михайлу Старикову³⁹². Мѣстоположеніе Чепелевскаго и Изюмскаго юртовъ опредѣлить довольно легко: первый находился при р. Чепелѣ, второй — при р. Мокромъ Изюмцѣ возлѣ нынѣшняго г. Изюма. Но гдѣ была Савинская пустынь? По всей вѣроятности, возлѣ Савинскаго перевоза, такъ какъ подаренный ей Чепелевскій юртъ начинался именно отсюда. Ея названіе сохранилось доселѣ въ названіи с. Савипецъ возлѣ Донца.

Но кромѣ этихъ мѣстныхъ владѣльцевъ свѣтскаго и духовнаго чина были въ Донецкой волости еще и посторонніе, жившіе въ Бѣлгородѣ и также получившіе тамъ себѣ угодыя — это именно священники бѣлгородскихъ церквей. По приправочнымъ книгамъ кн. Волконскаго и подъячаго Окицова 1599 г. двумъ священни-

³⁹² Архивъ Мин. Юст. Писповая Книга по г. Бѣлгороду, за № 1/15817, листы на обор. 224—227.

камъ, дьякону, двумъ дьячкамъ, пономарю и просвириницѣ Троицкаго Бѣлгородскаго собора были отведены слѣдующія угодья: р. Нежеголь съ рр. Коренемъ и Корочей; лѣсъ по р. Нежеголь да въ Бурлукахъ — оз. Лебяжье, Константиновское и Печенѣга, оба берега р. Донца отъ устья Нежеголи до устья Волчьихъ водъ съ рыбными и звѣриными ловлями, лѣсомъ и всякими угодьями; изъ нихъ рѣчки Корень и Короча отданы были потомъ помѣщикамъ, Нежегольскій лѣсъ данъ въ оброкъ бѣломѣстному атаману Михаилу Старикову, оба берега Донца отъ Нежеголи до Волчьихъ водъ—бѣлгородцу Федору Аргамачеву, озерко Лебяжье, Константиновское и Печенѣга въ Китковскомъ юртѣ—въ помѣстье бѣлгородцу Микудѣ Маслову; въ замѣнъ ихъ въ 1616 г. имъ были отведены на р. Сѣв. Донцѣ *Мохначевскій* и *Гниловскій* юрты, рѣчки Можь, Комыльша и озерко Косыжь³⁹³. Положеніе этихъ угодій опредѣлить легко; тѣ, которыя были отведены первоначально, занимали части Бѣлгородскаго, Корочанскаго, Новооскольскаго уѣздовъ Курской губ., и частичку Волчанскаго уѣзда Харьковской губ.; что же касается трехъ небольшихъ озеръ, то они находились у р. Бурлука, возлѣ нын. сел. Печенѣга (Новобѣлгорода) въ южной части того же Волчанскаго уѣзда; самое названіе Котковскій юртъ напоминаетъ нын. с. Котовку. Вновь отведенные юрты — Мохначевскій и Гниловскій находились очевидно, въ нын. Зміевскомъ уѣздѣ Харьковской губ. у с. Мохначей — древняго Мухначева городища и рѣчки Гнилицы, впадающей въ Донецъ съ лѣвой его стороны немного южнѣ Мохначей; рѣчки Можь и Комыльша существуютъ и въ настоящее время и протекаютъ въ предѣлахъ Зміевскаго, Харьковскаго и Волковскаго уѣздовъ. За священниками бѣлгородской Николаевской церкви, по писцовой книгѣ Керекрейскаго 1626 г., числилась рѣчка Лопань, два озера — Мартовень и Становое и Опаковскій лѣсокъ³⁹⁴; Лопань протекаетъ по Бѣлгородскому и Харьковскому уѣздамъ; гдѣ же находились остальные урочища, рѣшать не беремъ. Наконецъ, и Бѣлгородскій Николаевскій м-рь изъяслялъ какія-то притязанія на Донецкую волость³⁹⁵.

³⁹³ Арх. Анатолія Мат. для ист. Курс. еп. (отрывокъ изъ бѣлгор. писцов. книгъ 1626 г.).

³⁹⁴ Ibidem.

³⁹⁵ Ibidem (вѣдомость о вотчинахъ Бѣлгород. Николаевскаго м-ря).

Приведенные факты имѣютъ, на мой взглядъ, важное значеніе, проливая совѣтъ новый свѣтъ на первоначальныя судьбы мѣстности, известной потомъ подъ именемъ Слободской украины. Оказывается, что здѣсь помѣстныя земли стали раздаваться съ самаго начала царствованія Михаила Ѳеодоровича, именно съ 1617 г. Правда владѣльцевъ было очень немного: всего 7 лицъ и 2 монастыря; но за то имъ принадлежали большія пространства, расположенныя по теченію Сѣверскаго Донца отъ г. Саатова до г. Изюма и по спадающимъ въ него рѣкамъ. Границы этихъ помѣстныхъ дачъ не были точно опредѣлены: дается неопредѣленное количество земли «съ упальми рѣками, озерами, звѣриными и рыбными ловлями, бобровыми гонами.» Очевидно, что цѣнились и эксплуатировались владѣльцами только эти именно угодья, а не пахатная земля, которой, конечно, и не обрабатывали. Этимъ объясняется и чрезвычайно большіе размѣры пожалованныхъ помѣстій, занимавшихъ десятки верстъ и отданныхъ вмѣсто какихъ нибудь 150—50 четей четвертной пашни.

Московское правительство охотно готово было раздавать такіе юрты, но и охотниковъ получать ихъ, какъ видно изъ приведенныхъ мною выше цифръ, было немного.

Савинская пустынь получила цѣлый Изюмскій юрть на ладанъ и свѣчи. Нужно впрочемъ предполагать, что кромѣ перечисленныхъ юртовъ были и другіе; о нихъ ничего не говорится, потому что владѣльцы не брали на нихъ грамотъ изъ Разряда. Мы уже видѣли, что Бѣлгородскій черкашенинъ Ятцко Зарубицъ не представилъ документа на свое владѣніе. Святогорскому Успенскому м-рю принадлежалъ нѣкогда Ренный юрть на 30 вер. къ югу отъ с. Маяковъ на р. Сѣверскомъ Донцѣ, смежный съ казачьими юртами³⁸⁶; этимъ юртомъ промысленные люди ходили въ степь для своихъ промысловъ.

Но изъ всего, что я сказалъ, не видно, каковы были обязанности этихъ помѣщиковъ. На этотъ вопросъ мы получаемъ отвѣтъ изъ другаго документа, относящагося къ 1599—1600 г. Въ указѣ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву было сказано: «а когда они укрѣнятся и начнутъ строить городъ (Царевоборисовъ), то пусть пригласятъ къ себѣ атамановъ и лучшихъ казаковъ съ р. Донца и Оскола и объявятъ имъ, что государь пожаловалъ ихъ —

³⁸⁶ См. Межевую выше 1666 г. у Фил. Ист. стат. опис. Харьк. оп.; I, стр. 185.

велѣлъ отдать имъ эти рѣчки, чтобъ они жили тамъ по своимъ юртамъ и владѣли всяческими угодьями безданно и безоброчно и только бѣ служили государеву службу—провѣдывали о татарахъ и черкасахъ, присылали въ Царевоборисовъ выѣзжихъ людей и пѣшниковъ, побивали бѣ воровскихъ черкасъ и являлись на помощь Бѣльскому и Алферьеву въ случаѣ нападенія на нихъ татаръ; тѣ, которые будутъ служить такую службу, получаютъ сверхъ того денежное и хлѣбное жалованье». Въ свою очередь царевоборисовскіе воеводы должны были переписать, кто изъ нихъ владѣетъ какими юртами³⁹⁷. Очевидно, юрты первой половины XVII ст. стоятъ въ преемственной связи съ этими юртами XVI в. И въ одномъ, и въ другомъ случаѣ центральное правительство налагало на ихъ владѣльцевъ сторожевую службу; главная ихъ обязанность состояла въ доставленіи вѣстей о движеніяхъ въ степяхъ татарскихъ и черкасскихъ отрядовъ. Въ этомъ отношеніи они совершенно подходятъ къ тѣмъ служивымъ людямъ, которые находились по стоялымъ острожкамъ и др. сторожевымъ пунктамъ; нѣтъ сомнѣнія, что они должны были находиться другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, ибо преслѣдовали совершенно одинаковыя цѣли. Указать разницу между ними весьма трудно; можно сказать только одно: тогда какъ одни шли на сторожевую службу изъ самыхъ различныхъ мѣстностей и оставались тамъ не долго, т. е. до слѣдующей смѣны, другіе были до известной степени осѣдлыми и пожалуй даже постоянными «пасельниками» своихъ владѣній. Быть можетъ, впрочемъ, и они, подобно торскимъ солеварамъ, жили здѣсь только лѣтомъ, а зимою уходили въ города; тогда ихъ лучше было бы назвать *полуосѣдлыми* обитателями Донецкой волости. Какъ бы то ни было, эту раздачу юртовъ нельзя не признать вторичною стадіей колонизаціи Слободской украины, считая первой станицы и сторожи. Но въ то время какъ сторожи и станицы носили исключительно *военный* характеръ, производя свои разъѣзды по точнымъ инструкціямъ, выработаннымъ въ Разрядѣ, владѣльцы юртовъ кромѣ чисто военныхъ цѣлей преслѣдовали и *промысловыя*; точнѣе говоря,—обѣ эти цѣли у нихъ были тѣсно слиты одна съ другой. Они брали на себя обязанность сторожевой службы, но побуждало ихъ къ этому желаніе воспользоваться естественными богатствами нашихъ степей; ихъ привлекала ничѣмъ не стѣсняемая безошлвинная и безданная свобода промысловъ—рыбной и звѣ-

³⁹⁷ Мои «Матеріалы...» стр. 10—11.

риной ловли, бобровыхъ гоновъ и солевареніе. Несмотря на опасности, степь имѣла и много привлекательнаго. Въ данномъ случаѣ повторялось явленіе, имѣвшее мѣсто въ украинныхъ староствахъ Рѣчи Посполитой. Такъ кievскіе, каневскіе и черкасскіе казаки имѣли свои убожан на побережьяхъ Ворсклы и Хорола. Они являлись туда только лѣтомъ, а зимою возвращались домой съ добычей.

Что касается бѣлгородскихъ священниковъ, то они владѣли пожалованными въ Донецкой волости угодьями не на помѣстномъ правѣ; но владѣніе ихъ нельзя также назвать и вотчиннымъ, потому что оно не отличалось прочностью и устойчивостью. Государство смотрѣло на эти земли какъ на свои собственныя и отдавало ихъ, то въ помѣстье и оброкъ служилымъ людямъ, то во временное хотя безоброчное пользованіе священникамъ и монастырямъ. Во всякомъ случаѣ военныя цѣли не имѣли здѣсь уже ровно никакого мѣста, такъ какъ священники и монастыри заботились исключительно только объ извлеченіи изъ этихъ угодій доходовъ.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ мы могли уже убѣдиться, сколь велика была роль государства въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края. Государство, разъ сознавъ необходимость укрѣпленія и заселенія своей юго-восточной границы, не останавливалось ни передъ какими средствами для приведенія въ исполненіе своей мысли. Оно не жалѣло для этого денегъ, хотя само ощущало въ нихъ сильный недостатокъ. При томъ ихъ нужно было не мало; достаточно, напр., вспомнить постройку г. Царевоборисова: съ собою нужно было везти въ отдаленную степь *весь будущій городъ и его населеніе*; не только укрѣпленія, но и постройку жилищъ, содержаніе и оружіе ратныхъ людей казна должна была принимать на свой счетъ³⁹⁸, не говоря уже о церковной утвари, богослужебныхъ книгахъ и т. п.³⁹⁹

³⁹⁸ Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кв. 3-я, стр. 9—20).

³⁹⁹ Ibidem, стр. 22—23; въ 1644 г. были посланы въ г. Корочу въ церковь Арх. Михаила: образъ мѣстный Пресвятыя Богородицы Одигитрии, образъ мѣстный Николы Чудотворца, образъ Пресвятыя Богородицы заирестольныя, образъ мѣстный Михаила Архангела въ кіотѣ, царскія двери съ бѣлью и съ столбцами, крестъ осѣняльный, 20 образовъ штилістовыхъ, сосуды церковныя оловянные съ звѣздою и съ копьемъ, кадило мѣдное, чаша мѣдная полушена водосвятительная, укропникъ мѣдяной, книги московскія печати въ переплетѣ, исадырь съ слѣдованьемъ, уставъ, воктая осми гласовъ, трезолой, ризы, стихарь, лаграхиль, поручи, поясъ, воздухи, покровцы, на престолъ срачица, ивдичья, литовы, верва.

Но самая важная жертва, которую приносило государство,— это переселение въ новые города жителей изъ болѣе центральныхъ областей. Съ построениемъ новаго города, въ него переводились немедленно служилые люди изъ другихъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Заселение новыхъ мѣстъ никогда не происходило на счетъ излишка населенія болѣе центральныхъ областей, потому что такого излишка нигдѣ и не было. Наоборотъ, можно сказать, что всякій болѣе или менѣе значительный отливъ жителей извѣстнаго края отражался вреднымъ образомъ на его боевыхъ и экономическихъ средствахъ.

Главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ, элементомъ населенія степной окраины были служилые люди, которыхъ переводили изъ одного города въ другой. Они-то и несли на своихъ плечахъ всю тяжесть обороны русскихъ украинскихъ городовъ. Конечно, съ течениемъ времени, эта тяжесть понемногу облегчалась для нихъ въ томъ случаѣ, если имъ удавалось усидѣть на одномъ мѣстѣ и дожидаться постройки новыхъ еще болѣе украинскихъ городовъ, которые и должны были выдерживать первый натискъ враговъ. Но въ большинствѣ случаевъ такой льготы могло дожидаться, да и то не всегда, только слѣдующее поколѣнiе. Военская служба очень долго была важнѣйшею обязанностью жителей украинскихъ городовъ: мирныя земледѣльческія занятія стояли въ полной зависимости отъ нея. Тѣмъ не менѣе военный характеръ быта могъ, или вѣрнѣе сказать, долженъ былъ уживаться съ мирнымъ земледѣльческимъ. Привыкшее на родинѣ къ земледѣлію населеніе не могло разстаться съ нимъ и на новыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе что эти мѣста по большей части почву гораздо болѣе плодотворную, тѣмъ въ центральныхъ областяхъ. Такимъ образомъ, всякій украинный городъ былъ не только военнымъ центромъ, но и земледѣльческимъ, такъ сказать, поселкомъ. Что же касается промысловъ и торговли, то они не были такою необходимою принадлежностью украиннаго города, какъ военная служба и земледѣліе. И это совершенно понятно. Новые города основывало само правительство и преслѣдовало при этомъ исключительно стратегическія цѣли: строило ихъ на татарскихъ перелазгахъ и шляхахъ. Свободнаго выбора со стороны самаго населенія, можно сказать, вовсе не было. Государство крѣпко держало въ своихъ рукахъ оборону границъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и колонизацію края, ибо одна самымъ тѣснымъ образомъ была связана съ другою. Прежде чѣмъ строить новый городъ, Раз-

рядъ посылалъ свѣдущихъ лицъ, которые должны были осмотрѣть известную мѣстность, опредѣлять въ какихъ мѣстахъ быть городамъ, засѣкамъ, укрѣпленнымъ перелазамъ и т. п. Эти лица производили на мѣстѣ измѣреніе, составляли чертежи и присылали или привозили ихъ въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ посылалось какое-нибудь лицо для постройки города и околородныхъ укрѣпленій—валовъ, рововъ и т. п. Но вотъ городъ построенъ. Въ него назначался особый воевода, который долженъ былъ завѣдывать управленіемъ. Ежегодно посылалъ онъ въ Разрядъ вѣдомости о состояніи городскихъ укрѣпленій и необходимыхъ исправленіяхъ. Также зорко слѣдило правительство и за служилыми людьми, жившими въ городѣ. Обо всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ обстоятельствахъ, воевода долженъ былъ доносить въ Москву; не говоримъ уже о томъ, что всѣ дѣла, относившіяся къ ратному дѣлу и падѣленію землею, восходили на рѣшеніе высшаго правительства; самый наборъ годныхъ для этого лицъ также происходилъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Вліяніе правительства не ограничивалось впрочемъ одними городами, какъ центральными военными пунктами; образованіе селеній во многихъ случаяхъ опять-таки зависѣло не отъ свободнаго выбора уѣздныхъ жителей или новыхъ пришельцевъ, а отъ того же правительства. Наконецъ, оно же ввело, какъ мы видѣли, чрезвычайно сложную систему сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, которые съ одной стороны служили для лучшей обороны уже существующихъ городовъ, а съ другой—прокладывали пути, расчищали мѣсто для новыхъ русскихъ поселеній въ степяхъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что государство заселяло степную окранныю, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Неудивительно, слѣдовательно, что оно же приняло на себя и заботу объ устройствѣ быта колонистовъ. Сравнивая положеніе служилыхъ людей относительно государства въ центрѣ его и на окраинахъ, мы не замѣчаемъ особенной разницы. Великорусскіе украинцы паходились почти въ такой же зависимости отъ своихъ воеводъ, какъ и жители центральныхъ областей. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ украинскіе воеводы дозволяли себѣ гораздо большія злоупотребленія, чѣмъ правители центральныхъ городовъ; и это совершенно понятно: чѣмъ дальше былъ известный городъ, тѣмъ труднѣе было контролировать его воеводу; никакого противодѣйствія, хотя бы, напр., въ видѣ мѣстнаго самоуправленія, воевода не встрѣчалъ, ибо это послѣднее имѣло важное значеніе только въ моментъ

своего расцвѣта, т.-е. при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; при Михаилѣ Феодоровичѣ выборное начало хотя и существовало, но поддерживалось правительствомъ на украинѣ главнымъ образомъ въ виду фискальныхъ цѣлей, какъ это можно видѣть изъ грамотъ, помѣщенныхъ въ «Воронежскихъ актахъ»: ⁴⁰⁰ правительствомъ въѣзжая «излюбленнымъ» людямъ только заботу о бездонмочномъ сборѣ кабацкихъ денегъ. Всецѣло распоряжаясь въ сферѣ мѣстнаго управления и суда, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ точнымъ образомъ старалось регулировать поземельныя отношенія украинскаго населенія. Всѣ пустыя земли, входившія мало-по-малу въ составъ Московскаго государства, считались государственными и могли отчуждаться въ чью-либо собственность или владѣніе только съ согласія правительства. Въ этомъ отношенія вся степная окраина можетъ быть раздѣлена на двѣ части: въ одной имѣвшей постоянное населеніе въ видѣ служилыхъ людей, господствовала правильная раздача участковъ опредѣленной величины; въ другой, лежавшей за предѣлами заселенной мѣстности, въ нын. Харьковской губ., раздавались только юрты, т.-е. угодья неопредѣленной величины; но весьма любопытно, что и на земли, лежавшія въ степяхъ, нужны были жалованныя грамоты отъ центрального правительства; что касается неопредѣленности размѣровъ юртовъ, то она объясняется фактической невозможностью точно измѣрять угодья, которыя лежали далеко за чертою мѣстожительства приказныхъ людей; но и въ этихъ грамотахъ, какъ мы видѣли, говорится, вмѣсто какого количества четвертной пашни данъ извѣстному лицу тотъ или иной юртъ. Не ограничиваясь раздачей земель въ помѣстье и вотчину, правительство сдавало ихъ также въ оброчное пользованіе за деньги. Такъ, наир., бѣломѣстные воронежскіе атаманы и дѣти боярскія въ 1639 г. сообщая арендовали у правительства рыбныя ловли и уплачивали за нихъ опредѣленный оброкъ. ⁴⁰¹ При Михаилѣ Феодоровичѣ отдавались на откупъ Бетюцкій и Серецкій ухожан сначала крестьянину Побѣжимову, а потомъ воронежскимъ полковымъ казакамъ Даншину и Козакову за 31 р., потомъ за 54 р. 28 алт. 4½ д. и, наконецъ, за 56 р. 32 алтына и ½ д. Какъ значительна была добыча съ этихъ ухожасвъ,

⁴⁰⁰ См. Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронежскіе акты, кн. I, стр. 53—61.

⁴⁰¹ Л. Б. Вейнберга. Мат. по исторіи Ворон. и сосѣд. губ., выпускъ VI, стр. 412—413.

видно изъ слѣдующаго факта; однажды новые откупщики напали на прежняго и отняли у него всю ту добычу, которая была съ нимъ на этотъ разъ; а она состояла изъ 103 сазановъ, десяти возовъ другой рыбы (щукъ, лещей и т. п.), 25 куницъ и 25 лисицъ.⁴⁰² Обыкновенно такими оброчными казенными статьями были рыбныя и звѣриныя ловли, бортовые ухоязя, расположенныя за чертою постоянныхъ поселковъ. Таковы были, напр., извѣстные уже намъ юрты по рр. Нежеголю и Сѣв. Донцу до впаденія въ него р. Волчей. Юртовья угоды правительство обыкновенно сдавало промышленникамъ съ торговъ или, какъ тогда говорилось, съ «наддачъ»: Кромѣ того оно облагало налогами и всѣ промышленныя и торговыя заведенія: лавки, мельницы, бани и т. п.⁴⁰³ Независимо отъ того оно само въ качествѣ большого вотчинника являлось сельскимъ хозяиномъ земледѣльцемъ и промышленникомъ. Въ Архивѣ Мин. Юстиціи сохранилась «Десятина государевъ десятинной пашнѣ, что въ польскихъ городѣхъ пашуть 128 г. (т.-е. 1620 г.)»;⁴⁰⁴ въ ней описывается государева пашня въ Бѣлгородскомъ, Воронежскомъ, Елецкомъ, Курскомъ и Старооскольскомъ уѣздахъ. Изъ нея между прочимъ оказывается слѣдующее. Въ Бѣлгородѣ при Борисѣ Годуновѣ было 600 дес. земли, раздѣлявшейся на 3 смѣны. Обработку ея занимались пѣшіе стрѣльцы, присылаемые сюда на службу изъ украинскихъ городовъ; имъ за это выдавалось въ теченіе извѣстнаго времени (5 недѣль) и продовольствіе—каждому человѣку на мѣсяцъ по осминѣ ржаной муки, а на 10 чел.—по осминѣ толокна; до прихода этихъ стрѣльцовъ раннею весною работали на пашнѣ жилецкіе стрѣльцы и казаки; они же зимою молотили собранный хлѣбъ; потомъ его отдавали въ видѣ жалованья вольскимъ (т.-е. волжскимъ), ейтцкимъ (т.-е. яицкомъ) и донскимъ атаманамъ и всякимъ оброчникамъ. Такъ было при Борисѣ Годуновѣ. При Михаилѣ Феодоровичѣ обработкою пашни занимались дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки и всякіе бѣлгородскіе служилые и жилецкіе люди. Изъ собраннаго хлѣба отпускалось между прочимъ годовой руги Святогорскому и—рю

⁴⁰² Н. Второва и К. Александрова-Дольника, Воронежскіе Акты, книга 3-я, стр. 13—17.

⁴⁰³ Царскія Грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., III, стр. 8); Н. Второва и К. Александрова-Дольника, Ворон. акты, I, стр. 59—60.

⁴⁰⁴ Мы пользуемся отрывками изъ нея, приведенными у Н. Н. Оглобина, «Обозр. Ист.-Геогр. Мат.», стр. 202—204.

по 12 ч. ржи, по 12 ч. овса и по 10 р. денегъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ десятинная пашня не пахалась съ того времени, какъ «почла быть отъ Растриги смута», когда Елецъ «по многіе годы былъ въ смутѣ и не послушанъ», съ 1604 по 1616 годъ. Въ Старооскольскомъ уѣздѣ пашня не пахалась съ 1617 года, когда Старый Осколь былъ сожженъ черкасами, до 1620 г. Интересна величина умомота: въ Ельцѣ, напр., въ 1616 г. было засеяно 100 десятинъ 200 четвертями и получено 582 копны, а изъ нихъ 1.124 четверти съ осминою, т.-е. урожай получился самъ 5,62; любопытно, что одинъ разъ 90 десятинъ въ «ржаномъ полѣ» было сдано въ наемъ за 25½ руб.—сумма для того времени значительная. Величина запашки не оставалась неизмѣнной: при Борисѣ Годуновѣ она была гораздо значительнѣе, чѣмъ при Михаилѣ Феодоровичѣ; дѣло объясняется тѣмъ, что въ первое время правительству приходилось выдавать кормъ болѣе значительному числу служилыхъ людей; въ послѣдствіи же всѣ они почти получили помѣстья. Занимаясь обработкою земель правительство естественно должно было имѣть и земледѣльческія орудія; и дѣйствительно, напр., въ Бѣгородскомъ уѣздѣ мы находимъ 130 государевыхъ рабочихъ лошадей, а также сошники и серпы.

Дѣляясь сельскимъ хозяиномъ въ интересахъ заселенія своей окраины, правительство для той же цѣли принимало на себя подчасъ и обязанности промышленника. Такъ, въ 1623 и 1624 г. на счетъ казны селитряный мастеръ Лазовскій вываривалъ изъ кургановъ селитру въ Воронежѣ; деньги для этого отпускало само правительство изъ таможенныхъ воронежскихъ доходовъ и оно же самымъ тщательнымъ образомъ контролировало мастера.⁴⁰⁵

И такъ, правительство играло чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ заселенія степной окраины: оно устраивало и укрѣпляло города и селенія, заселяло ихъ своими служилыми людьми, снабжало этихъ послѣднихъ всѣмъ необходимымъ — землею и денежнымъ жалованьемъ, давало имъ своего воеводу и приказное управление, наконецъ, принимало непосредственное участіе въ земледѣльческой и промышленной культурѣ. Съ полнымъ правомъ, слѣд., великорусскую колонизацію степной окраины московскаго государства можно назвать *государственной*.

Послѣ всего сказаннаго намъ стало понятно, какъ мало личной инициативы и предприимчивости оставалось на долю самого

⁴⁰⁵ Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, I, стр. 127—129.

населенія. Врядъ ли, напр., можно допустить, какъ думаетъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, чтобы путемъ самовольной заимки могли возникнуть многія селенія нын. Суджанскаго уѣзда Курской губ. ¹⁰⁶; по крайней мѣрѣ, подобные факты не имѣли мѣста въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Я допускаю пріемъ безъ вѣдома правительства разнаго рода «сходцевъ» въ существовавшіе уже раньше поселки. Это были такія лица, которыя не пользовались правомъ вольнаго перехода—ушедшіе отъ своихъ владѣльцевъ крестьяне, бѣглецы служилые люди и т. п. Но правительство употребляло всѣ усилія, чтобы они не находили себѣ пріюта на степной окраинѣ. Мы, напр., имѣемъ извѣстія о томъ, что въ 1625 г. стрѣльцы и казаки убѣжали изъ Воронежа и жили въ уѣздѣ за другими служилыми людьми, занимаясь тамъ хлѣбопашествомъ; ихъ вѣлѣно было сыскивать и водворять по мѣсту службы. ¹⁰⁷ Въ томъ же году 26 душъ служилыхъ воронежцевъ убѣжало изъ Валукъ; имъ вѣлѣно было разыскать, бить пещадно батогами и отослать назадъ, ¹⁰⁸ такіе же строгіе указы существовали и относительно крестьянъ. Спрашивается: могли ли при такихъ условіяхъ основываться цѣлыя деревни на глазахъ у воеводъ, писцовъ, дозорщиковъ и т. п.? «Сходцы» несомнѣнно могли основывать иногда новыя поселенія, но только такія, которыя принадлежали къ свободнымъ людямъ; это были обыкновенно дѣти, племянники и родственники разныхъ разрядовъ служилыхъ и жидецкихъ людей, не имѣвшіе еще самостоятельнаго тягла. Такихъ именно «сходцевъ» нужно разумѣть, напр., подъ тѣми прихожими людьми, которые въ 1664 г., какъ видно изъ описи Рагозина при Алексѣѣ Михайловичѣ, основали Пушкарскую слободу. ¹⁰⁹ Вольные люди находили себѣ пріютъ на степной окраинѣ, но раньше—въ XVI ст. и особенно въ смутное время, когда вообще власть правительства въ этихъ мѣстахъ, можно сказать, фактически не дѣйствовала. Были они и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, но за предѣлами постоянной осѣдлости украинскаго населенія—

¹⁰⁶ Н. Благовѣщенскаго. О формахъ четвертнаго землевладѣнія въ суджанскомъ уѣздѣ (въ Ежедневн. судж. уѣз. земства 1885 г. № 27, 28, стр. 3).

¹⁰⁷ Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. I, стр. 146—148.

¹⁰⁸ Ibidem, стр. 148—150.

¹⁰⁹ Любителя старины. Старинное населеніе суджанскаго уѣзда (въ Ежедневникѣ судж. уѣз. земства 1886 г. № 2, стр. 5); къ несчастью я не имѣлъ въ рукахъ описанія Рагозина, такъ какъ оно помѣщено въ «Курск. Губ. Вѣд.» за одинъ изъ прежнихъ годовъ.

тамъ, гдѣ развѣзжали сторожа и станционники по Донцу и Осколу;⁴¹⁰ а излюбленнѣе ихъ краемъ были донскія станицы, гдѣ всякій крѣпостной получалъ волю. Такія лица составляли цѣлые отряды или партіи, которые занимались въ одно и то же время войной, грабежемъ и промыслами. Но правительство смотрѣло на такихъ лицъ, какъ на «воровъ» и примиралось съ ними только тогда когда они вѣрною службою рѣшались загладить свои вѣны. Съ такими отрядами мы еще встрѣтимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ, но не мѣшаетъ замѣтить, что въ составъ ихъ входили преимущественно малороссійскіе казаки. Главною приманкою для всѣхъ этихъ лицъ служили степные промыслы. Они же привлекали и тѣхъ, кто жилъ въ городахъ и имѣлъ право отлучаться въ степь. Такимъ образомъ, въ извѣстныя мѣста стекались на лѣто разнаго рода вольные промышленники, которые и были первыми, хотя случайными и временными «населенниками» доселѣ совершенно пустыннаго края. Мы имѣемъ одно любопытное въ этомъ отношеніи извѣстіе. Возлѣ нынѣшняго заштатнаго города Харьковс. губ. — Славянска находятся извѣстныя и въ настоящее время соленыя озера. Въ XVII в. туда сходились для добычи соли много солеваровъ. Какъ давно началось тамъ солевареніе, сказать за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ не можемъ; но если мы находимъ тамъ солеваровъ и послѣ разрушенія Царевборисова, то весьма правдоподобно заключить, что туда ѣздили и въ XVI ст. Но къ 1625 г. относится уже документальное извѣстіе. Одинъ изъ станичниковъ рассказывалъ, что онъ тамъ былъ въ то время въ числѣ другихъ «охочихъ» людей, которые наѣхали туда изъ Валукъ, Оскола, Ельца, Курска, Ливенъ, Воронежа. Изъ всѣхъ этихъ городовъ каждое лѣто являлись промышленники и дѣлаютъ себѣ укрѣпленія отъ татарскихъ нападений: въ 1625 г. татары являлись туда 2 раза партіями, чело-вѣкъ въ 20, 30, но ничего не могли сдѣлать. А еслибы государь, такъ заканчивалъ свой докладъ станичникъ, велѣлъ тамъ устроить на себя варницы, поставить острожокъ и въ немъ помѣстить ратныхъ людей, то отъ этого была бы большая прибыль казнѣ, ибо

⁴¹⁰ Вѣроятно, такимъ именно степнымъ промышленникамъ принадлежалъ и тѣ «петля» на звѣрей «бзы» для ловли рыбы «становища» для ея вяленія, небольшое расколотое и загоншее въ водѣ «суденко» и сѣно въ стогахъ, которые пашли во время невольнаго своего странствія заблудившіеся въ придонцевихъ степяхъ запорожскій полковникъ Ал. Шафранъ и его три товарища. (См. П. А. Кулиша. Мат. для ист. возр. Руси) М. 1877 г.; т. I, стр. 290—294.

туда стали бы прїѣзжать для покупки соли торговые люди изъ всей украины и сѣверщины, а промышленники уплачивали бы тамгу за защиту. ⁴¹¹ Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такою мѣстностью, куда являлись промышленники лѣтомъ, а зимою ее, по всей вѣроятности, покидали; жилища и укрѣпленія, нужно думать, не отличались прочностью и состояли изъ куреней, т.-е. землянокъ и какого-нибудь тына, въ родѣ тѣхъ, которые мы встрѣтимъ у переселенцевъ-малороссіянъ и въ болѣе позднее время. Да иначе и быть не могло, когда каждый промышленникъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и воинъ, когда составъ ихъ былъ самый разнокалиберной и всякій дѣйствовалъ, можно сказать, на свой страхъ: одно лѣто приходили одни, другое — другіе; общимъ для всѣхъ импульсомъ являлась выгода, хотя и сопряженная съ большими опасностями. Но опасности не могли служить особенною задержкою въ тотъ вѣкъ, когда безопасность была явленіемъ крайне рѣдкимъ, можно сказать, исключительнымъ.

И такъ, слѣдя за процессомъ постепеннаго заселенія южной степной окраины Московскаго государства во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII ст., мы можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько моментовъ. Граница нашего государства въ теченіе столѣтія подвинулась значительно къ югу. Но движеніе это было не непрерывное. Перерывомъ въ наступательномъ колонизаціонномъ движеніи послужила смутная эпоха, отдѣляющая время Іоанна IV, Θεодора Іоанновича и Бориса Годунова отъ времени Михайла Θεодоровича. Процессъ колонизаціоннаго движенія состоялъ изъ двухъ частей: начинался станичными и сторожевыми разъѣздами, продолжался и заключался построеніемъ новыхъ городовъ, какъ военныхъ центровъ, и селеній. Сторожи и станицы были какъ бы нашими аванпостами и потому иногда выдвигались далеко въ степь. При Іоаннѣ Васильевичѣ сторожи и станицы получили особенное развитіе. Какъ бы переходною ступенью между временными стоялыми острожками сторожей и настоящими укрѣпленными городами съ помѣстьями является раздача за службу русскимъ казакамъ цѣлыхъ обширныхъ юртовъ. При Θεодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ занялись постройкою новыхъ городовъ, которые закрѣпили господство русскаго вліянія надъ значительнымъ пространствомъ южныхъ степей. Въ смутную эпоху это вліяніе было потеряно. На долю Михайла Θεодоровича выпала трудная задача

⁴¹¹ Архивъ мин. юст. Столб. бѣгород. ст. № 3901, св. 3.

успокоить окраины и дать снова ходъ русскому колонизационному движению къ югу. Правительство Михаила Феодоровича проводило эту мысль хотя медленно, но неуклонно. Главное вниманіе теперь было обращено на построение новыхъ городовъ въ «польской» окраинѣ; для этого не жалѣли никакихъ средствъ. И мѣры эти принесли свою пользу. Въ концѣ царствованія Михаила Феодоровича крайнимъ городомъ на «поль» былъ Чугуевъ на р. Сѣвер. Донецъ, выдвинувшійся довольно далеко въ степь, хотя лежавшій все-таки гораздо ближе Царевборисова, построеннаго при Борисѣ Годуновѣ. Таковъ былъ ходъ государственной русской колонизаціи.

Но правительству Московскому удалось привлечь къ этому дѣлу тотъ элементъ, который входилъ въ составъ сосѣдняго часто враждебнаго ему государства — Рѣчи Посполитой. Настоящая со-вмѣстная работа двухъ народностей — великорусской и малорусской на общую пользу началась только при Алексѣѣ Михайловичѣ; но нельзя игнорировать также и предшествующихъ попытокъ, такъ какъ они имѣли и нѣкоторое практическое значеніе, а главное подготовили почву для будущаго.

III.

Переселенія въ Московское государство малороссіянъ до Алексѣя Михайловича.

Роль малороссіянъ въ колонизаціи украинскихъ старость Рѣчи Посполитой. — Переходъ изъ Польши въ Московское государство выходцевъ-казаковъ при Іоаннѣ IV, Феодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ; нападенія малороссійскихъ казаковъ на Московское государство въ Смутное время. — Усиленіе переселенческаго движенія малороссіянъ при Михаилѣ Феодоровичѣ съ 1638 г. — Переселенія монаховъ южнорусскихъ монастырей. — Переходъ казацкаго гетмана Якова Остренина. — Основаніе переселенцами г. Чугуева; ихъ устройства; внутренній разладъ; убіеніе Остренина.

При Иванѣ IV, Феодорѣ и Борисѣ Годуновѣ черкасы являются скорѣе въ качествѣ союзниковъ, нежели служилыхъ людей; служба черкасскихъ атамановъ при Феодорѣ мало чѣмъ, собственно говоря, отличается отъ службы Дмитрія Вишневецкаго. Но рядомъ съ этими союзниками постоянно изъ среды малороссійскихъ казаковъ выдѣляются «воровскіе люди», которые тревожатъ москов-

скія україньці наравнѣ съ татарами. Московское правительство поступаетъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ нѣкогда Русскіе князья съ половцами: оно противопоставляетъ «вѣрныхъ» черкасъ «воровскимъ». И опять Смутная эпоха является гранью и въ этомъ дѣлѣ. Въ предѣлахъ Московскаго государства теперь мы находимъ только однихъ воровскихъ черкасъ. На долю Михаила Феодоровича выпало очистить отъ нихъ страну и обращать по возможности враговъ въ союзниковъ. Это былъ вопросъ большой важности, ибо отъ него, между прочимъ, зависѣло преобладаніе Москвы надъ Подлешей или наоборотъ. И Деулинскимъ перемиріемъ, и Полновскимъ миромъ было признано какъ бы преобладающее политическое значеніе Польши; польскія пограничныя отношенія теперь выступили на первый планъ, отстранивъ даже до извѣстной степени отношенія крымскія. Понятно, какое важное значеніе получила теперь та симпатія, съ которою стало относиться къ Москвѣ южнорусское православное духовенство, имѣвшее большое вліяніе на народъ. Переходъ въ Москву монаховъ и нѣсколькихъ монастырей какъ бы заполнялъ ту прогнать, которую вырвала исторія въ судьбѣ двухъ родныхъ племенъ. Слѣдомъ за ними потянулись и воины гетмана Острияницы и основали первый малорусскій городъ за московскими украинными городами. Къ несчастью, первый опытъ оказался неудачнымъ: черкасы удалились изъ Чугуева, и на нѣсколько лѣтъ до самой смерти Михаила Феодоровича прежнія дружественныя отношенія возстановлены, какъ кажется, не были. Тѣмъ не менѣе и та, и другая сторона ощущали въ нихъ органическую потребность, настолько сильную, что съ востановленіемъ на престолѣ Алексѣя Михайловича дѣло это принимаетъ несравненно болѣе широкіе размѣры. Выходцами-малороссіянами заселяется цѣлая большая область, извѣстная подъ именемъ Слободской Украйны или Слободскихъ полковъ, въ которой до сихъ поръ были только города Цареборисовъ (заброшенный), Чугуевъ и Вольный.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ подробному изложенію вопроса и рассмотримъ прежде всего условія жизни малороссіянь на родинѣ ихъ, въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для уясненія ихъ колонизаторской дѣятельности въ южно-украинскихъ староствахъ Рѣчи Посполитой.

Оплотомъ Польши отъ татаръ служили ея русскія земли; на самомъ пограничѣ со степями находились украинскія староства Подольскаго, Брацлавскаго, Волынскаго и Кіевскаго воеводствъ. Главные города этихъ староствъ или такъ-называемые замки со-

отвѣтствовали московскимъ украиннымъ городамъ. И тѣ, и другіе были военными и административными центрами болѣе или менѣе значительнаго округа, называвшагося въ сѣверо-восточной Россіи уѣздомъ, станомъ, а въ южной — староствомъ. Великорусскимъ воеводамъ соотвѣтствовали литовско-русскіе старосты. Конечно, между властью тѣхъ и другихъ была значительная разница. Въ то время, какъ воевода находился въ чрезвычайной зависимости отъ центральнаго правительства, староста имѣлъ весьма независимое положеніе; можно даже сказать, что старосты, особенно украинные, часто дѣйствовали вопреки прямымъ распоряженіямъ своего правительства,⁴¹² въ то время какъ воеводы не могли иногда безъ отписки въ Москву самостоятельно рѣшить самаго пустаго вопроса, касающагося ратнаго дѣла или помѣстной системы. И это не была случайная разница; въ одномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ сильною послѣдовательною *центральною* властью, которая крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ все областное управленіе, въ другомъ только съ призракомъ власти, который не можетъ даватъ себя чувствовать даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это рѣшительно необходимо. И Москва, и Польша находились въ одинаковомъ положеніи относительно татаръ; и та, и другая не могли не сознавать въ одинаковой степени необходимости организовать на своихъ южныхъ и юговосточныхъ границахъ защиту противъ татарскихъ ордъ. И дѣйствительно, и тамъ и здѣсь мы видимъ сходныя средства борьбы. По всему протяженію степной границы Рѣчи Посполитой растяннулись *укрѣпленные замки*—Каменецъ, Баръ, Хмѣльникъ, Брацлавъ, Винница, Житомиръ, Кіевъ, Овручъ, Любечъ, Корсунь, Богуславъ, Бѣлая Церковь, Остеръ, Каневъ, Черкасы, Переяславъ.⁴¹³ Какъ видимъ они захватываютъ части нынѣшнихъ подольской, волинской, кіевской, черниговской и полтавской губерній. Каждый изъ нихъ укрѣпленъ въ большей или меньшей степени,⁴¹⁴ для того чтобы выдерживать осаду наступающаго врага; сюда спасалось сельское населеніе на случай непріятельскаго набѣга. Мѣстечки и даже села должны были также окружать себя валами и рвами⁴¹⁵ и копать сторожевыя курганы для содержанія

⁴¹² См. объ этомъ универсалъ короля Стефана Баторія у П. А. Булиши, «Исторія воссоединенія Руся», т. I, 1874 г., стр. 91.

⁴¹³ Lustr. król. ziem Ruskich. *Al. Jablonowski*, 1877, 1—116.

⁴¹⁴ См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, т. I (акты о городахъ югозападной Россіи).

⁴¹⁵ Lustr. król. ziem Rus., стр. XI.

на нихъ непрерывныхъ разъѣздовъ. Сторожевая и стапичная служба также, вѣроятно, была въ украинскихъ старостахъ, хотя безъ той организаціи, какую имѣла въ Московскомъ государствѣ.⁴¹⁶ Въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе такихъ сторожевыхъ пунктовъ, какъ городища, курганы, валы и т. п. Рядомъ съ этимъ мы открываемъ здѣсь присутствіе такихъ разрядовъ воинскихъ людей, какъ «побережники», на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за татарами.⁴¹⁷ И здѣсь, какъ на Московской украинѣ, пролегало много татарскихъ шляховъ, по которымъ ходили татары въ Русь; извѣстны три главныхъ такихъ шляха: Волошскій, Черный, Кучманскій.⁴¹⁸ О городѣ Барѣ писали къ королю, что онъ «смотреть прямо на четыре татарскихъ шляха».⁴¹⁹

Но болѣе всего пригодны были для сторожевой службы, конечно, *казаки*, которые составляли значительный контингентъ въ украинныхъ старостахъ, особенно каневскомъ, переяславскомъ и черкасскомъ, а также на низу за днѣпровскими порогами. Но трудно были этотъ элементъ ввести въ надлежащія границы, подчинить его органамъ правительственной власти, дать ему надлежащую организацію. Въ этомъ-то и заключался трагизмъ положенія. Правительство Рѣчи Посполитой не только не выполняло такой задачи, а на оборотъ не могло даже парализовать такихъ предпріятій казаковъ, которыя вызывали затрудненія для государства. Мы уже замѣтили раньше, что отношеніе московскаго и польскаго правительствъ къ дѣлу колонизаціи было далеко не одинаково. Московская колонизація носила вполне правительственный, офиціальныи характеръ; польско-украинская—преимущественно частный, свободный: инициатива въ дѣлѣ заселенія края принадлежала не правительству, а частнымъ представителямъ разныхъ общественныхъ группъ; подъ защитою крѣпкихъ замковъ возни-

⁴¹⁶ Вотъ, напр., выдержка изъ привилегіи данной бѣлоцерковскимъ мѣщанамъ. Они были освобождены отъ всякихъ поборовъ, «poniewaznie ladajant odbór czynią nieprzy jacielowi do corony za częstemi inkursyami tatarskimi ktore bywiają więc straze *polne* dzienne; nocną od niestr są naipewniejsze, które oni ustawnie sami kosztem wielkim isteata bractwojej szasznikow i samych siebie odprawują, na którą jako powiodają expendują złotych dwanascie sat».

⁴¹⁷ Lustr. król, ziem Rus., ст. XII; первое мѣсто занимали двѣ сторожевыя башни въ Бѣлой Церкви,—одна въ самомъ городѣ, другая на высококомъ урочищѣ подъ лѣсомъ.

⁴¹⁸ П. А. Булиша, Исторія воссоединенія Руси, I, стр. 55.

⁴¹⁹ Lustr., król., ziem Rus., стр. XII.

кали новыя селенія и хутора; не удивительно такимъ образомъ, что прежде всего стали заселяться околицы такихъ крѣпкихъ замковъ какъ Кіевъ, Брацлавъ, Баръ. Велѣдъ затѣмъ возникла вторая линія укрѣпленій, за нею выдвинулась въ самую степь третья. Но главными «населенниками» все-таки являлись не служилые люди, не сведенцы изъ разныхъ мѣстъ, какъ это было въ Москвѣ, а такъ называемые *бояре*, *мѣщане* и, наконецъ, *казаки*. Бояре болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой соотвѣтствовали служилымъ московскимъ людямъ. Ихъ социальное положеніе обуславливалось тѣми феодальными распорядками, которые господствовали издавна въ Литвѣ. Они владѣли извѣстными поземельными участками на ленномъ правѣ и *сообразно съ ихъ величиною* несли военную службу. Они пользовались постоянно правомъ вольнаго перехода и нѣкоторыми другими привилегіями; такъ, наприимѣръ, Владиславъ IV въ Любецкомъ староствѣ⁴²⁰ далъ имъ право варить пиво и медъ и курить водку на собственные потребности.⁴²¹ Они были какъ бы среднимъ состояніемъ въ обществѣ, переходнымъ между шляхтой и крестьянами, и являлись то въ качествѣ служебниковъ (т.-е. слугъ) при замкахъ, то въ качествѣ панскихъ слугъ «рукоданныхъ». Мѣщане, жители городовъ, также принимали важное участіе въ дѣлѣ заселенія украинскихъ староствъ. Лишь только извѣстный пунктъ дѣлался болѣе или менѣе безопаснымъ, въ немъ находили себѣ пріютъ ремесла, промыслы и торговля. Важнымъ стимуломъ для развитія всего этого было дарованіе *магдебургскаго* права, то-есть внутренняго самоуправленія и самосуда. Но по самому свойству своихъ занятій мѣщане не могли особенно сочувствовать военной службѣ. Не удивительно поэтому, что они стараются, гдѣ можно, замѣнить натуральную воинскую повинность денежными и всякими другими поборами. Такое явленіе мы именно замѣчаемъ въ западныхъ украинскихъ городахъ, основанныхъ сравнительно въ очень давнее время.⁴²² Но въ городахъ восточной степной приднепровской украины мѣщане были такими же воинами, какъ и бояре, и казаки; непріятель былъ такъ близокъ, что всякій сознавалъ необходимость быть воиномъ. Здѣсь наоборотъ мѣщане освобождались отъ такихъ натуральныхъ повинностей, которыя могли мѣшать ихъ воинской службѣ. Такъ, наприимѣръ, переяславскіе мѣ-

⁴²⁰ Въ нынѣшней черниговской губерніи.

⁴²¹ Lustr., król., ziem Rus., стр. 196—197.

⁴²² Ibidem, стр. XXIV, 40, 143.

щане, по привилегіи Владислава IV 1633 г., были освобождены от обязанности производить для Кіева седитру и ходить ежегодно въ лагерь, исключая только посполитаго рушенья, на которое долженъ былъ явиться войтъ со своею хоругвью на коняхъ и съ оружіемъ.⁴²³ Раньше мы уже видѣли, что бѣлоцерковскіе мѣщане, весьма успѣшно исполняли трудную сторожевую службу въ степи, наблюдая за неприятелемъ. Въ люстраціяхъ всѣхъ приднѣпровскихъ городовъ (какъ правобережныхъ такъ и лѣвобережныхъ) воинская служба является вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственною* повинностью мѣщанъ, которые въ отличіе отъ непослушныхъ казаковъ называются «послушными», то-есть выступающими противъ врага подъ предводительствомъ старосты. Въ 1615—1616 гг. каневскіе мѣщане (въ количествѣ 160 дворовъ) не несутъ никакихъ повинностей, исключая военной службы, которую каждый изъ нихъ отбываетъ конно, съ оружіемъ, при цанѣ старостѣ или его намѣстникѣ; то же самое мы читаемъ и относительно переяславскихъ, черкасскихъ, богуславскихъ, бѣлоцерковскихъ, корсунскихъ,⁴²⁴ мѣщанъ. Въ 1622 году каневскіе мѣщане также несутъ воинскую службу и собираютъ извѣстную сумму на содержаніе подстаросты; переяславскіе, черкасскіе, богуславскіе, бѣлоцерковскіе⁴²⁵ несутъ только воинскую службу. Нужно замѣтить, что мѣщане занимались ремеслами и промыслами далеко не въ исключительной степени. Украинскіе города были похожи скорѣе на большія села, чѣмъ на города въ собственномъ смыслѣ слова. Земледѣліе въ ихъ быту играло не менѣе видную роль, чѣмъ въ быту крестьянъ, бояръ и казаковъ;⁴²⁶ а земледѣльческій бытъ въ то время былъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ военнымъ.

Третьимъ элементомъ, принимавшимъ едва ли не самое значительное участіе въ дѣлѣ заселенія края, было *казачество*. Казачество въ началѣ мало чѣмъ отличалось отъ мѣщанства. Съ одной

⁴²³ Lustr., król., ziem Rus., стр. 217: «aby pomieneni mieszerani pod czys niebezpieczeństwa od nieprzyjaciół pogrynieznych następnjącychъ тѣмъ sposobniejszymi cządzajązsm op potrzeb wojennychъ odprawowania buli, onych...»

⁴²⁴ Ibidem, стр. 103, 106, 108, 114—115.

⁴²⁵ Ibidem, стр. 130—135 137.

⁴²⁶ Объ этомъ свидѣльствуютъ жалованные грамоты городамъ, въ которыхъ право свободнаго владѣнія землями занимаетъ первое мѣсто, городамъ отводятся громадныя пространства земель; по жалованной грамотѣ Сигизмунда III 1589 г. г. Чигирину была отведена территорія, равняющаяся двумъ нын. уѣздамъ кіевской губерніи; Арх. юго-зап. Росс., ч. V, т. I, стр. 7—8, 85, 126, 341, 352.

створны, мѣщане, какъ мы видѣли, въ степныхъ украинскихъ староствахъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и воинами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; съ другой—казаки, будучи преимущественно воинами, занимались очень усердно земледѣліемъ и всяческими промыслами—звѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. И тѣ, и другіе имѣютъ на значительномъ разстояніи отъ своего мѣстожителства, въ настоящихъ *дикихъ* степяхъ, *уложай* или *уходы*, въ которыхъ занимаются промыслами;⁴²⁷ и тѣ, и другіе владѣютъ хуторами и занимаются, слѣдовательно, земледѣліемъ и скотоводствомъ.⁴²⁸ Въ люстраціяхъ 1615—1616 гг. мы постоянно встрѣчаемъ свѣдѣнія о казакахъ въ украинскихъ староствахъ; особенно много ихъ въ староствахъ приднѣпровскихъ; въ каневскомъ староствѣ кромѣ г. Канева не было *вооце* деревень, а только *одни хутора*, которые отчасти принадлежали мѣщанамъ, но въ большей степени кзакамъ.⁴²⁹ То же самое сказано и о староствѣ переславскомъ.⁴³⁰ Въ 1622 г. количество казаковъ увеличилось въ весьма значительной степени. Въ Каневѣ мѣщанскихъ домовъ было 150, казацкихъ—150, бояръ всего 4; казаки позабирали себѣ едва ли не всѣ угодья не только въ городахъ, но и въ селахъ. Въ переславскомъ староствѣ по селамъ, среди подданныхъ, жило болѣе 1.000 казаковъ, которые владѣли всяческими угодьями и не признавали никакой власти; въ корсунскомъ староствѣ также были казацкіе хутора. Въ деревняхъ и хуторахъ богуславскаго староства, а также и въ самомъ городѣ Богуславѣ, жили почти исключительно казаки, также точно, какъ и въ староствѣ бѣлоцерковскомъ; въ черкасскомъ староствѣ мѣщанскихъ домовъ было 120, казацкихъ «непослушныхъ» въ городѣ и по хуторамъ—болѣе 1.000; въ мѣстечкахъ этого староства (Ирклѣвѣ, Голтвѣ, Кропивнѣ, Богушковой слободкѣ и др.) казаки составляли громадное большинство.⁴³¹ Казацкое населеніе, въ отличіе отъ мѣщанъ, называется «непослушнымъ», ибо оно не признаетъ юрисдикціи старосты, а отправляется въ походъ подъ начальствомъ своихъ *выборныхъ* предводителей; оно не несетъ никакихъ повинностей, кромѣ военной; зем-

⁴²⁷ Кн. пос. метр. в. кн. Лиговск., т. I, стр. 29—33; Двори. Рѣвр., II, стр. 902—903.

⁴²⁸ См. люстраціи приднѣпровскихъ староствъ у Яблоновскаго,

⁴²⁹ *Lustr., król., ziem Rus.*, стр. 104.

⁴³⁰ *Ibidem*, стр. 106.

⁴³¹ *Ibidem.*, стр. 130—132, 134—138.

лями оно владѣть на правѣ *полной* собственности. Таково было положеніе казаковъ въ 1622 г.; но въ слѣдующіе затѣмъ годы оно должно было ухудшиться. Противъ него здѣсь же на мѣстѣ выросъ грозный врагъ въ лицѣ шляхты и крупнаго землевладѣнія.

Итакъ, въ теченіе первой четверти XVII вѣка на степной украинѣ *бояре* или *земляне*, нѣкогда очень многочисленный классъ въ обществѣ, постепенно уменьшаются въ своемъ числѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ и феодальныя распоряжки являются теперь только въ видѣ остатка прежняго времени; *мѣщане* мало-по-малу обособляются въ особую группу, получая магдебургское право и цѣлый рядъ другихъ привилегій, которыя, впрочемъ, не въ состояніи были вполне гарантировать имъ свободы и матеріальнаго благосостоянія, какъ бы изъ среды мѣщанъ выдѣляется новая группа—*казаки* и пріобрѣтаютъ все большее значеніе среди окраиннаго населенія. Они принимаютъ на себя защиту государства отъ татаръ и турокъ, а за то стараются добиться самоуправленія, самосуда и свободнаго занятія пустыхъ земель. Рѣчь Посполитая, какъ извѣстно, постоянно нуждалась въ военныхъ силахъ и старалась ихъ получить какимъ бы то ни было образомъ (нанимала иностранцевъ и т. п.). Такихъ служилыхъ людей, какіе были въ Московскомъ государствѣ, у нея, можно сказать, не было. Слѣдовательно, бояре, мѣщане, а особенно казаки, принимавшіе на себя защиту границъ отъ грозныхъ непріятелей, могли быть чрезвычайно полезны для государства; имъ не пужко было *платить жалованья*; значитъ, государство не тратило на нихъ денегъ. Предоставляя имъ право свободнаго владѣнія землями, государство опять-таки не только ничего не теряло, а напротивъ того получало прямую выгоду: это были дикія, пустыя «яловыя» поля, о размѣрахъ и свойствахъ которыхъ оно не имѣло никакого представленія; притомъ они и не принадлежали фактически правительству; заселеніе такихъ мѣстъ приносило прямую выгоду государству, ибо могло обезопасить его внутреннія области и расширить его границы. Но правительство Рѣчи Посполитой сдѣлало двѣ ошибки: вопервыхъ, не приняло на себя *руководительства* въ дѣлѣ обороны и заселенія края, а вовторыхъ, стѣсняя мелкое землевладѣніе, оно *покровительствовало шляхетской колонизаціи* и крупнымъ латифундіямъ.

Роль польскаго правительства, какъ руководителя обороны и колонизаціи украинскихъ староствъ, весьма не велика, и это, конечно, обуславливалось его общею слабостью; всѣмъ общественнымъ группамъ, по видимому, было предоставлено широкое право

иниціативы; но это только *по видимому*; на дѣлѣ всѣ были его лишены, исключая одного только шляхетства, которое пользовалось безграничною властью и привилегіями. Результатъ получился очень плачевный. Фактическіе колонизаторы украинъ (бояре, мѣщане, казаки) чѣмъ дальше, тѣмъ больше углублялись въ степь. Сначала они занимали извѣстную территорію, своими *уходами*, а со временемъ тамъ возникали хутора, слободы, села, мѣстечки и города. Впервые землю-цѣлину бороздилъ ихъ плугъ, дикая пустыня обращалась въ воздѣланное поле; казацкая сабля опредѣляла ту или иную границу владѣній. Очень мало на первыхъ порахъ было здѣсь шляхты; ее привлекали центральныя или сѣверныя польскія области, совершенно безопасныя и изобиловавшія всяческими лѣсными угодыми, доставлявшими въ то время наиболѣе значительный доходъ. Но вотъ, съ одной стороны, значительно уже уменьшилось количество *свободныхъ* владѣній въ центральной и сѣверной областяхъ, а съ другой—*земледѣльческое* хозяйство стало конкурировать съ *лѣснымъ*. Тогда получили цѣну въ глазахъ шляхты и тѣ земли, которыя находились на южной и юго-восточной границѣ государства, въ украинскихъ воеводствахъ и старостахъ. Въ 1590 году сеймовые чины обратились къ Сигизмунду III съ заявленіемъ, что съ обширнѣйшихъ владѣній на украинской границы за Бѣлою Церковью онъ не получаетъ никакихъ доходовъ. Въ виду сего они предлагали, чтобы король отселъ ихъ раздавалъ въ *отчное владѣніе* лицамъ *шляхетскаго происхожденія*, оказавшимъ заслуги ему и Рѣчи Носполитой. Вслѣдъ затѣмъ началась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ раздача громаднѣйшихъ поземельныхъ участковъ въ нѣсколько десятковъ миль (Вишневеччина, Ушаньщина ⁴²² и др.) панамъ. Къ половинѣ XVII вѣка крупная поземельная собственность въ украинѣ достигла громаднаго развитія. Но земли эти до тѣхъ поръ не могли имѣть цѣны, пока не были бы заселены. Для крупныхъ пановъ явилась, такимъ образомъ, необходимость во чтобы то ни стало заселить свои владѣнія. Съ этою цѣлью они стали къ себѣ закликать людей на *слободы*, т.-е.

⁴²² Въ кон. XV и нач. XVI ст. Богданъ Глинскій послѣ раздѣла съ братомъ владѣлъ между прочимъ всею р. Сулою отъ устья до верховья; Гр. Бѣльскому принадлежали Глинщина, часть р. Ворсклы и Удая и все теченіе р. Мерла. На Ворсклѣ было не мало и другихъ вотчинъ: Аграфена Бейбузина владѣла здѣсь вмѣнемъ по документу 1537 г. и уступила его зятю своему Грибунову въ 1550 г.; въ 1579 г. проходили споры наъ-за Глинщины между Келбовскими и Гейбузою (Дворц. Равр. II, 900—903).

привлекали ихъ обѣщаніемъ свободы въ теченіе извѣстнаго промежутка времени отъ всѣхъ поборовъ и повинностей. Здѣсь былъ прямой расчетъ: прождать нѣсколько лѣтъ (иногда 20, даже 30) и оставить своему потомству вмѣсто ничего не стоящаго куска земли населенное подданными крестьянами имѣніе; крестьяне эти должны были въ послѣдствіи уплачивать чиншъ, т.-е. оброкъ, а со временемъ работать и барщину, однимъ словомъ, здѣсь подготовилось въ очень скоромъ будущемъ *крѣпостное право*. Ясное дѣло, что мелкіе свободные колонисты не могли не столкнуться съ новоприбывшею шляхтой. Земли должны были раздаваться только шляхтѣ; только она одна могла получать на нихъ жалованныя грамоты, при чемъ размѣры пожалованія никогда точно не могли быть опредѣлены. Слѣдовательно, владѣльцы могли получить права на такія земли, которыя *фактически*, на основаніи *ius primæ occupantis*, принадлежали уже мелкимъ, не шляхетнымъ владѣльцамъ. И чѣмъ дальше подвигались мелкіе свободные колонисты, тѣмъ дальше за ними слѣдовали и шляхтичи со своими документами.⁴³³ Мелкіе собстренники стремились оказачиваться, ибо казацкое званіе гарантировало свободу личную и имущественную; не могло не стремиться къ этому и то населеніе, которое жило на владѣльческихъ земляхъ. Но такое стремленіе стояло въ прямомъ противорѣчій съ стремленіями мѣстнаго шляхетства. Правительство Рѣчи Посполитой стало, конечно, на сторону шляхты. Оно старается извѣсти количество казаковъ до ничтожной цифры и отдѣлить ихъ отъ остальной народной массы, которая должна была обратиться сначала въ оброчныхъ подданныхъ, а потомъ и въ хлоповъ. Всѣ комиссіи, договоры съ казаками преслѣдуютъ именно такую цѣль. Началась тяжкая эпоха польско-казацкой войны, закончившаяся возстаніемъ Богдана Хмельницкаго. По смерти Сагайдачнаго положеніе казаковъ постепенно все болѣе и болѣе ухудшается до самаго 1648 года. Въ это-то время, какъ увидимъ въ послѣдствіи, началась особенно сильная эмиграція ихъ въ предѣлы Московскаго государства.

Изъ сдѣланнаго нами очерка видно, что въ колонизаціи южныхъ украинъ Рѣчи Посполитой принимали живое и дѣятельное участіе всѣ слои южно-русскаго общества (мѣщане, бояре и ка-

⁴³³ См. объ этомъ у *П. А. Кулиша*, *Ист. возр. Рос.*, т. I, стр. 25—30 и мою ст. «Займашина въ Львов. укр. XVII и XVIII вв.» («Кіев. Стар.», 1883 г. дек., стр. 6—7.

заки), но наиболѣе видную роль играли казаки, составлявшіе въ приднѣпровскихъ старостахъ группу, сильную своимъ количествомъ и въ то же время выдающуюся и боевыми качествами своихъ членовъ. Знаніе степей и нравовъ ихъ «насельниковъ» — крымскихъ и ногайскихъ татаръ, придавало имъ особенную цѣну въ глазахъ Москвы и Польши. Съ того момента, какъ московское правительство организовало у себя систему укрѣпленій, сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, оно должно было обратить на нихъ свое вниманіе. И дѣйствительно, какъ увидимъ далѣе, съ Іоанна Грознаго и начинаются переходы черкасскихъ партій въ Московское государство; эти партіи являюся въ качествѣ союзниковъ, помощниковъ русскихъ служилыхъ людей въ степной службѣ. Но эти переходы отличаются въ началѣ какимъ-то неопредѣленнымъ характеромъ. Дмитрій Вишневецкій, напримѣръ, вступивъ на службу къ Іоанну Васильевичу, скоро снова оставляетъ его. Мы не можемъ указать на какую-нибудь постоянную причину, которая гнала бы черкасы изъ ихъ родины; ими руководили, повидимому, случайныя обстоятельства: ссоры съ представителями власти, удача, молодечество, страсть къ приключеніямъ, надежда на добычу и т. п. Отношенія къ нимъ польскаго правительства также не отличались постояннымъ однообразнымъ характеромъ. То ихъ стараются ввести въ надлежащія границы, вымышляя реестры и издавая грозные универсалы, которые, впрочемъ, по большей части оставались мертвою буквою, то снова представляютъ разныя льготы. Не смотря на строгія запрещенія, казаки подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ, выборныхъ атамановъ совершали походы на крымскія, турецкія, молдавскія и московскія владѣнія. Изъ множества такихъ предводителей достаточно указать, напримѣръ, на Самуила Зборовскаго ¹³⁴. Назыкъ того времени это называлось *козакваньемъ*. Тѣ атаманы, которыхъ мы встрѣчаемъ по Донцу и Осколу на службѣ у Теодора Іоанновича, очевидно, принадлежали къ тому же типу, что и Подкова, Зборовскій, Шакъ и др. При Сагайдачномъ, какъ извѣстно, днѣпровское казачество достигло высшей степени своего могущества и независимости. Но по смерти Сагайдачнаго правительство силой оружія пытается ограничить количество законовъ шестью тысячами реестровыхъ, а всѣхъ остальныхъ обратить въ подданныхъ. Начинаются извѣстныя возстанія Жмайла, Тараса Тря-

¹³⁴ Очень подробный и интересный очеркъ его приключеній см. въ Ист. возсоед. Руси, *Кутуза*, т. I, стр. 112—130.

сила, Павлюка, наконецъ, Острианицы и Гуни. Положеніе казаковъ стало замѣтно ухудшаться съ 1625 года, и къ этому году относится любопытная челобитная ихъ къ Московскому государю о принятіи въ подданство. Отъ Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго пріѣзжалъ луцкій епископъ Исаакій и ходатайствовалъ о томъ, чтобы государь взялъ Малороссію подъ свою высокую руку. «Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ»⁴³⁵. Съ этого времени значительно усиливаются переходы казаковъ въ Московское государство. Послѣ кураковской комиссіи казаки жаловались королю, что ихъ выгоняютъ изъ шляхетскихъ мѣстъ и не дозволяютъ жить въ королевскихъ; вслѣдствіе того множество ихъ ушло уже съ женами и дѣтьми въ Вѣлгородъ и поселилось въ Московской землѣ⁴³⁶. Къ 1638 г., то-есть, къ послѣднему казацкому возстанію Острианицы и Гуни, относится переселеніе цѣлаго казацкаго войска, основавшаго Чугуевъ. Ясно такимъ образомъ, что усиленіе переселенческаго движенія малороссійскихъ казаковъ стоитъ въ прямой причинной связи съ ухудшеніемъ ихъ соціально-экономическаго положенія; сюда же, какъ увидимъ впослѣдствіи, присоединялась еще и религіозная петершимость — стремленіе обратить православныхъ въ униатовъ; эта послѣдняя играла такую же роль, какъ и первая.

Переселенія русскихъ людей изъ Литвы въ Московское государство начались съ очень давняго времени. «Литовскіе выходцы» получили извѣстность съ того момента, когда Литва завоевала большую часть русскихъ княжествъ. Мы не будемъ здѣсь касаться ни размѣровъ, ни причинъ этихъ переселеній⁴³⁷; скажемъ только что въ концѣ XV столѣтія переходили преимущественно князья со своими вотчинами (Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣльскіе); но и послѣ этого переѣзды не прекращаются; главный контингентъ среди переселенцевъ разные служилые люди. Со второй половины XVI столѣтія начинаютъ являться на службу къ московскимъ государямъ и казаки. Въ 1557 году пріѣхали къ царю Ивану Васильевичу Грозному отъ князя Дмитрія Вишневецкаго послы бить че-

⁴³⁵ С. М. Соловьева Ист. Росс., т. X, стр. 96.

⁴³⁶ Бостомарова. Богданъ Хмельницкій, 3-е изд., СХХІ.

⁴³⁷ Объ этомъ см. въ сочиненіи Г. О. Картова: Исторія борьбы Моск. гос. съ Польско-Лит. (1462—1508 г.). I, стр. 22—25.

ломъ, чтобы государь его пожаловалъ, принялъ къ себѣ на службу, ибо онъ отъ Литовскаго короля отбѣжалъ и построилъ себѣ городъ на Диѣврѣ на островѣ Хортицѣ у крымскихъ кочевищъ. Царь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ — Андрея Щепетова, Нечая Ртищева съ опасною грамотой и жалованьемъ ⁴³⁸. Тогда же отъ Вишневецкаго явились послы и привезли заявленіе, что онъ пріѣдетъ къ государю, а пока пошелъ воевать крымскіе улусы ⁴³⁹. Дѣйствительно, по извѣстію царскаго посла Загряскаго, Вишневецкій взялъ городъ Исламъ-Кирмень, побилъ людей, а пушки вывезъ къ себѣ въ свой городъ на Диѣврѣ. Самъ Вишневецкій писалъ, что подъ его городъ приходилъ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей и осаждалъ его въ теченіе 24 дней, но онъ отбился, такъ что ханъ пошелъ со стыдомъ назадъ, и что покуда тамъ будутъ люди «на государевѣ имени», до тѣхъ поръ хану никуда нельзя будетъ ходить на войну ⁴⁴⁰. Впрочемъ, въ слѣдующемъ году Вишневецкій долженъ былъ оставить свою Хортицкую сѣчь по неимѣнію съѣстныхъ припасовъ и затѣмъ пріѣхалъ къ Москвѣ, гдѣ государь далъ ему въ отчину г. Бѣлевъ, в при немъ много сельъ и жалованье ⁴⁴¹. Но уже въ этомъ же году государь послалъ князя Вишневецкаго противъ крымцевъ велѣвъ ему спуститься на судахъ по р. Пслу, въ Диѣврѣ ⁴⁴². Вишневецкій съ пути сообщалъ, что проходилъ до самой Перекопи и никто ему не вышелъ на встрѣчу; вернувшись благополучно къ Хортицѣ, онъ дождался здѣсь дьяка Ржевскаго и, отобравъ часть дѣтей боярскихъ, отправился съ ними подъ Исламъ-Кирмень и хочетъ теперь идти на Козловъ; царь послалъ свое жалованье и велѣлъ Вишневецкому явиться въ Москву, оставивъ на Диѣврѣ дьяка Ржевскаго и русскихъ служилыхъ людей ⁴⁴³. Въ скорости государь снова послалъ Дм. Вишневецкаго на Донецъ и велѣлъ, подѣлавъ суда, спуститься на нихъ къ Азову и напасть съ этой стороны на крымскіе улусы. На Диѣврѣ же были отправлены царскіе воеводы съ Адашевымъ во главѣ. И тотъ, и другой походъ были удачны. Князь Вишневецкій побилъ крымцевъ въ Айдарѣ, недалеко отъ Азова, а шедшій къ нему Мышка Черкашенинъ

⁴³⁸ Лѣтописецъ Русской, изд. Н. Л. V, стр. 149.

⁴³⁹ Ibidem, стр. 151—152, см. также Ник. лѣт. Спб. 1791 г. т. VII, стр. 274.

⁴⁴⁰ Лѣтописецъ Русской, изд. Н. Л., 5V, стр. 171; Ник. лѣт. 5VII, стр. 284,

⁴⁴¹ Лѣтописецъ Русской, изд. Н. Л. гV, стр. 187—188; Ник. лѣт. 2VII. 292—293.

⁴⁴² Лѣтописецъ Русской, изд. Н. Л. V, стр. 193—194.

⁴⁴³ Лѣт. Рус. изд. Н. Л. стр. 218—220; Ник. лѣт. гVII, 308—309.

разбилъ татаръ на верховьѣ Сѣверскаго Донца ⁴⁴. Съ другой стороны, московскіе воеводы сообщали, что они ходили на крымскіе улусы моремъ и взяли подъ Очаковымъ два корабля, побили и побрали въ плѣнъ множество татаръ, разграбили ихъ улусы и вернулись назадъ съ крымскимъ, литовскимъ и русскимъ полонемъ. Ханъ собрался со всѣми людьми, дѣлалъ было на нихъ нападеніи въ тѣсныхъ мѣстахъ на Днѣпрѣ, но безуспѣшно ⁴⁵.

Кромѣ самого Вишневецкаго, государю Московскому служить и другіе менѣе видные Черкаскіе атаманы: мы уже рашше упоминали о черкашенинѣ Михайлѣ. Этотъ атаманъ игралъ немаловажную роль въ придонскихъ степяхъ; ему, напр., правительство поручаетъ проводить черезъ степи до Донскихъ зимовищъ своего посла Новосильцева; крымскій ханъ казнилъ сына его, а за это Донскіе казаки взяли Азовъ и вывели оттуда много плѣнныхъ ⁴⁶; память о немъ сохранилась даже въ народной великорусской поэзіи: «за Зарайскомъ городомъ, говорится въ пѣснѣ, за Рязанью за Старою изъ дадеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михайла Черкашенина» ⁴⁷. Хотѣло заручиться Московское правительство содѣйствіемъ предводителя всѣхъ малороссійскихъ казаковъ — кн. Богдана Рожинскаго; но одному дѣйствию Московскій государь послалъ къ *золотъ днѣпровскихъ казаковъ* Богд. Рожинскому и ко всему войску жалованье и при томъ обещалъ прислать еще своихъ казаковъ, селитры и всякихъ запасовъ если только они отправятся громить крымскіе улусы ⁴⁸. Другой разъ говорится о днѣпровскихъ черкасскихъ атаманахъ Гаврилѣ Сафѣпцомъ да Семенѣ Высоцкомъ, которые громили много разъ крымскіе улусы послѣ московской раги. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что днѣпровскіе казаки оказали немалую услугу московскому правительству въ его борьбѣ съ Крымомъ. Русскіе на этотъ разъ такъ успѣшно вели *наступательную* войну съ татарами, что довели ихъ до ужасной паники. «Съ тѣхъ поръ какъ водворился крымскій юртъ на Таврическомъ полуостровѣ», говорятъ лѣтов-

⁴⁴ Лѣт. Рус. изд. *И. Л.*, стр. 289.

⁴⁵ *Ibidem*, стр. 290—294.

⁴⁶ С. М. Соловьева. *Ист. Рос.* т. VI, 2-е изд. 1860 г., стр. 424.

⁴⁷ С. М. Соловьева *Ист. Рос.* т. VII, стр. 241.

⁴⁸ *Ibidem*, стр. 29. Здѣсь любопытно выраженіе «голово»; оно показываетъ, что кн. Рожинскій не носилъ еще титула гетмана.

сець, — «русская сабля впервые обогрилась кровью поганыхъ въ жилищахъ самия невѣрныхъ». Днѣпръ и Донецъ являются водными дорогами для русскихъ людей въ Крымъ. И нужно сознаться, что гораздо результативѣе, пожалуй, была бы наступательная экспедиція Руси съ Крымомъ, чѣмъ та оборонительная, которую мы видимъ послѣ походовъ Адашева и Вишневецкаго ⁴⁴⁹. Но Вишневецкій не долго оставался въ Москвѣ, а самое главное — началась вскорѣ Ливонская война, которая отвлекла силы московскія собою въ другую сторону.

При Феодорѣ Іоанновичѣ количество малороссіянъ на государственной службѣ значительно увеличивается. Они являются теперь такими же подданными Московскаго государя, какъ и русскіе служилые люди. Устраняя города и городки, сторожки и станицы, московское правительство нуждалось въ служилыхъ людяхъ; въ особенности для украинскихъ уѣздовъ, а таковыми на югѣ въ концѣ XVI вѣка были пугивальскій, оскольскій, ливенскій. Въ нихъ-то мы и находимъ прибывшихъ малороссіянъ. Въ царской грамотѣ головѣ Зиновьеву (отъ 23-го мая 1582 года) говорится, что съ нимъ велѣно было отнустать въ поле съ Пугиваля 45 человекъ черкасъ. ⁴⁵⁰ Изъ двухъ воеводскихъ отписокъ видно, что пугивальскимъ выѣзжимъ черкасамъ, атаману Аггею съ товарищами, въ 1580 г. отведены были дворовыя мѣста въ Пугивалѣ; но они не могли сами на свой счетъ выстроить себѣ жилищъ и потому отправили за пособіемъ къ царю въ Москву своихъ товарищей ⁴⁵¹. Въ грамотѣ отъ 26-го апрѣля 1580 г. сказано, что пришли изъ *Запорожья* на Донецъ черкасы съ атаманомъ Матвѣемъ Федоровымъ. ⁴⁵² На Донцѣ имъ было не особенно хорошо; тамъ они терпѣли голодъ, отъ котораго хотѣли было разбрестись врозь; но ихъ удерживало царское обнадеживанье, что къ нимъ будетъ прислано и жалованье и запасы: ⁴⁵³ въ грамотѣ отъ 25-го іюля 1580 года говорится о посылкѣ 200 казаковъ и черкасъ съ Ливенъ. ⁴⁵⁴ Эти нововѣзжіе черкасы несли службу наравнѣ съ служилыми

⁴⁴⁹ По этому вопросу было высказано два диаметрально противоположныхъ взгляда — С. М. Соловьевымъ (Исторія Россіи, изд. 3-е, т. VI, стр. 124—125) и Н. И. Костомаровымъ (Истор. монографіи, т. XIII, стр. 219—232).

⁴⁵⁰ Полеваго. Русск. вивл., М. 1883, стр. 278.

⁴⁵¹ Акты Истор. т. I, № 288, стр. 434.

⁴⁵² Полеваго. Русск. вивл., 266.

⁴⁵³ Ibidem, стр. 277, 282, 295—296.

⁴⁵⁴ Ibidem, 294.

московскими людьми; Василий Андреевъ выручилъ изъ плѣна донецкихъ атамановъ Власа Яковлева да Семена Новгородца и разбилъ отрядъ воровскихъ черкасъ подъ предводительствомъ Ст. Евлашова. Тотъ же Андреевъ съ путивльскими нововъзъзными черкасами громилъ воровскихъ черкасъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Колоши; ⁴⁵⁵ атаманы Яковъ Лысый и Аггей Мартыновъ съ путивльскими черкасами отправлены были на Пселъ къ устью Айдара и внизъ по Донцу ловить *воровскихъ черкасъ*. Въ другой разъ Як. Лысый разбилъ черкасаго атамана Лазаря и отнялъ рухлядъ и оружіе, пограбленныя у путивльскихъ севрюковъ; въ третій разъ онъ отбилъ конь атамана Лукьяна Карноуха, разбилъ въ путивльскомъ уѣздѣ атамана Берчуна и отнялъ у него награбленную добычу. Аггей Мартыновъ ходилъ между Сулою и Хороломъ по шляхамъ за черкасами и разбилъ одну партію на Рапологѣ, бывшую подъ предводительствомъ атамана Колоши, опустошавшаго государевы бортныя ухажья, а другую—на рѣкѣ Сулѣ у Нятина перевоза и ниже Книжнихъ горъ на полѣ; при этомъ у нихъ отобраны были пограбленныя у путивльскихъ севрюковъ лошади и принасы. ⁴⁵⁶ На Донцѣ они ловили татарскихъ и черкасскихъ воровскихъ людей, наблюдали на донецкихъ перевозахъ за крымскими и азовскими татарами, а также ворами-черкасами, которые, ходя по Донцу, громилъ севрюковъ и донскихъ казаковъ; наконецъ, они должны были оказывать помощь русскимъ сторожамъ и станичникамъ въ случаѣ прихода татаръ. Такъ, между прочимъ, они здѣсь разбили разбойничій отрядъ черкашенина Сеньки Колпакова. ⁴⁵⁷

Правительство, очевидно, было довольно службой черкасъ, такъ какъ они, хорошо зная степи, развѣжали тамъ, охреня русскіе станичные развѣзды ⁴⁵⁸ и истребляя въ степи воровскихъ людей, рыскавшихъ за добычей. Воровскіе черкасы причиняли значительный вредъ московскимъ станичникамъ и даже украиннымъ городамъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и раздраженіе московскаго правительства; оно отдало приказъ вѣшать всѣхъ попадающихся въ плѣнъ. ⁴⁵⁹ Любопытно то, что жили

⁴⁵⁵ Акты Ист., т. I, № 228, стр. 433.

⁴⁵⁶ Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

⁴⁵⁷ Полеваго. Русск. вивл., стр. 286.

⁴⁵⁸ Намъ извѣстно, что правительство московское въ это время предлагало всѣ старанія о томъ, чтобы обезопасить свои сторожа.

⁴⁵⁹ Полеваго. Русск. вивл., стр. 288.

они дворами по Донцу, Осколу и Сеши (?); по крайней мѣрѣ въ одномъ документѣ прямо говорится: «и Афонасью промышляти надъ дворы надъ черкасы, которые нынѣ на Донцѣ и на Осколѣ и на Сеши Мишукъ со товарищи». ⁴⁶⁰ Нужно, впрочемъ, предположить, что эти воры не имѣли постоянныхъ жилищъ на Донцѣ и Осколѣ, а приходили сюда только лѣтомъ для звѣриной и рыбной ловли, а также и для грабежа. Въ одномъ изъ наказовъ Зиновьеву говорится о нихъ, какъ о приходящихъ изъ Переяслава. ⁴⁶¹ Невольно припоминается при этомъ, что каневскіе и черкасскіе казаки имѣли свои уходы на побережьѣ Ворсклы и Хорола; совершенно естественно поэтому, что переяславскіе казаки смотрѣли на донецкія и оскольскія поля, какъ на свое достояніе. Степные разбои въ то время были явленіемъ зауряднымъ. Еще въ 1545 г. турецкіе и переконскіе купеческіе караваны были разгромлены малороссійскими казаками въ украинскихъ степяхъ въ урочищѣ Санжаровѣ, т.-е. возлѣ нынѣшняго мѣстечка Санжарова. ⁴⁶² Противъ атамана Мишука направлены были въ особенности всѣ мѣры правительства, ибо онъ ходилъ по Осколу, громилъ и грабилъ станичниковъ, являлся для воровства на Донѣ, ⁴⁶³ приходилъ подъ Рыльскъ и Новосиль и отгонялъ оттуда стада. Независимо отъ всего этого правительство Феодора Ивановича пользовалось услугами извѣстнаго предводителя малороссійскихъ казаковъ Косицкаго. Въ 1593 г. было приказано донскимъ казакамъ «промышлять» у Свѣ. Донца на перевозахъ, шляхахъ надъ крымцами вмѣстѣ съ государевыми «людьми путивльскими и запорожскими казаки, которые по нашему указу придуть подъ царя на Донецъ и велено черкасамъ запорожскимъ гетману Криштопу Косицкому и всѣмъ атаманомъ и черкасомъ быть на Донцѣ на шляхѣхъ и за царемъ итти и къ нашимъ украинамъ и вы бѣ сопча промышляли съ ними и съ нашимъ дворянникомъ, который съ нимъ будетъ за одинъ». ⁴⁶⁴

Подобно тому, какъ нѣкогда русскіе князья пользовались службой обрусѣвшихъ половцевъ противъ ихъ же единоплеменниковъ, такъ и теперь Московское государство принимало къ себѣ мирныхъ черкасовъ и отражало при помощи ихъ воровскихъ. За та-

⁴⁶⁰ Полеваго. Русск. вивл., стр. 271.

⁴⁶¹ Полеваго. Русск. вивл., стр. 277.

⁴⁶² Кн. пос. метр. вел. кн. Лят. I, стр. 20—25.

⁴⁶³ Полеваго. Русск. вивл., стр. 269, 272, 273.

⁴⁶⁴ Собр. Гос. Гр. и дог., ч. 2-я, стр. 261.

кую усердную и опасную службу черкасы естественно должны были получать коронное жалование, мы знаем, что служба в степлях цѣнилась очень дорого: для нея выбирались лучшіе служилые люди, и при этомъ давалось имъ большое жалование; кромѣ того, правительство принимало на свой страхъ ихъ коня и оружіе уплачивая ихъ стоимость въ случаѣ промахи. О разбирѣ этого жалованья судить довольно трудно; но, по видимому, черкасы не были имъ вполне довольны. Въ 1589 г. они получили денежное жалование и мѣста для постройкн дворовъ въ Путывль, но по недостатку средствъ не могли воедвигнуть построекъ и потому отправили товарищей въ Москву съ просьбой о вспоможеніи.⁴⁶⁵ Отправляя донецкіи перевозки отъ татаръ, они терѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, даже прямо голодь: тотъ же Матвій Федоровъ въ челобитной своей царю заявлялъ, что казаки на Дону терпятъ голодь—ѣдятъ траву, а не хлѣбъ;⁴⁶⁶ въ виду этого имъ было послано хлѣбное жалованье—100 четвертей ржаной муки и 25 четвертей толокна да въ послѣдствіи еще 11½ четвертей муки. Тѣ, которые служили въ Путывль и несли сторожевую и станичную службу, получали денежное жалованье—шляхо по 6, другіе по 3 р. да прибавки 2 рубля.⁴⁶⁷ Донецкіе черкасы съ атаманомъ Федоровымъ одинъ разъ получили жалованье въ слѣдующемъ разбирѣ: 50 человекъ атамановъ и есауловъ по добруму сукну, а рядовые казаки въ количествѣ 620 человекъ—всѣмъ шибетъ 100 р., т.-е. по 16 коп. на человека.⁴⁶⁸ Но эта была, по видимому, только часть жалованья: самъ царь, прося ихъ не расходиться врозь и потерѣть пока и голодь, общается со временемъ прислать свое большее жалованье и запасы, лишь бы только они на Довць оставались.⁴⁶⁹

Несмотря на всю отрывочность приведенныхъ фактовъ, можно, измѣтая, сдѣлать заключеніе, что московское правительство старлось устроить черкасъ точно также, какъ были устроены русскіе служилые люди, т.-е. давать имъ земля, хлѣбное и денежное жалованье. Мы видѣли уже, что путывльскимъ нововѣзшимъ черкасамъ были отведены дворовыя мѣста, но они сами на свои

⁴⁶⁵ Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

⁴⁶⁶ Полеваго. Русск. вивл., стр. 282.

⁴⁶⁷ Ibidem, стр. 282.

⁴⁶⁸ Ibidem, стр. 287.

⁴⁶⁹ Ibidem, стр., 295—296.

средства не могли ихъ выстроить. Извѣстный намъ черкасскій атаманъ Василій Андреевъ билъ государю челомъ о жалованьѣ и о верстаньѣ помѣстьемъ.⁴⁷⁰ Но кажется, что нѣкоторые служили изъ одного только хлѣбнаго и денежнаго жалованья; такъ нужно думать о черкасахъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Матвѣя Ѳеодорова. Этимъ, быть можетъ, и объясняется то недовѣріе, съ какимъ относилось къ нимъ правительство; Зиновьеву даются постоянно наказы разузнавать— не перешелъ ли Ѳеодоровъ на сторону воровскихъ черкасъ, будетъ ли онъ вѣренъ государю, станетъ ли онъ охранять царскихъ сторожей и станичниковъ, казачковъ и севрюковъ, пропускать Петра Зиновьева съ крымскими гонцами и избивать воровъ черкасъ и татаръ и т. п. Когда получено было извѣстіе, что на устьѣ р. Самары стоятъ 600 человекъ черкасъ и хотятъ идти на Донъ и Донецъ, то было сдѣлано распоряженіе принять всѣ мѣры предосторожности и удостовѣриться, не отрядъ ли это атамана Ѳеодорова. Очевидно, что въ нихъ видѣли скорѣе союзниковъ, чѣмъ своихъ служилыхъ людей, и относились къ нимъ съ недовѣріемъ, потому что они *ничѣмъ прочнымъ* не были связаны со своимъ новымъ отечествомъ; эти связи могли бы упрочиться только тогда, когда нововѣзжіе черкасы получили бы землю въ помѣстье.

Въ царствованіе Бориса Годунова черкасы по нрежнему должны были являться въ государевы украинны на томъ простомъ основаніи, что и при Ѳеодорѣ Ивановичѣ правителемъ государства въ сущности былъ уже Борисъ. Затѣмъ мы знаемъ, съ какими симпатіями онъ относился къ иноземцамъ, а къ числу таковыхъ принадлежали въ то время и черкасы. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ ихъ, напримѣръ, въ отрядѣ, посланномъ для постройки Царемъ Борисова.⁴⁷¹ По извѣстію Маржерета въ московскомъ войскѣ было 4000 черкасъ⁴⁷².

Въ смутную эпоху правительству трудно было думать о дальнѣйшемъ обезпеченіи своихъ рубежей, когда самое сердце земли русской находилось во власти врага; множество всякихъ воровскихъ людей входило тогда въ предѣлы Московскаго государства и производило тамъ опустошенія вмѣстѣ со своимъ титулованными

⁴⁷⁰ Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

⁴⁷¹ См. мой «Матеріалы» стр. 5 и др.

⁴⁷² Устрялова. Сказанія современниковъ о Дмитрія Самозванцѣ, ч. III, Спб., 1832 г., стр. 60.

предводителями (разными Лисовскими, Рожискими и др.). Такъ называемый Путивльскій рубежъ или же Сѣверская украинна въ это время служила очагомъ всѣхъ антигосударственныхъ элементовъ. И это должно было отразиться извѣстнымъ образомъ на характерѣ здѣшняго населенія—развило беспокойный духъ у мѣстныхъ севрюковъ. Въ предѣлы Московскаго государства теперь вторгалось множество казацкихъ отрядовъ, которые помогали самозванцамъ и соединялись съ великорусскими казаками и польскими жолнерами.

Такъ было до воцаренія Михаила Феодоровича.

Когда на царскій престолъ вступилъ Михаилъ Феодоровичъ и послѣдовало успокоеніе русской земли, снова получила прежнее развитіе дѣятельность правительства по обезпеченію рубежей государства. Но въ началѣ своего царствованія Михаилъ Феодоровичъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ удаленію изъ Московіи гетмана Сагайдачнаго, который явился на помощь къ королевичу Владиславу. Въ Московскомъ государствѣ онъ взялъ и сжегъ Ливны, Елецъ, плѣнивъ и убивъ тамъ много людей, нѣсколько разъ приступалъ къ городу Михайлову, но безуспѣшно ⁴⁷³; переправившись потомъ черезъ рѣку Оку, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Коломенскомъ уѣздѣ, затѣмъ мимо Москвы пришелъ къ Владиславу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы; вскорѣ затѣмъ сдѣлалъ приступъ къ Москвѣ, окончившійся впрочемъ неудачно; ⁴⁷⁴ тогда королевичъ двинулся къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, а Сагайдачный—къ Серпухову, а потомъ къ Калугѣ ⁴⁷⁵. Но, кромѣ войска Сагайдачнаго, и другіе отряды, состоявшіе изъ поляковъ, литовцевъ и черкасъ, тревожили еще московскія области. Правительство Михаила Феодоровича прилагало всѣ старанія къ уничтоженію ихъ. Сколь значительны были нападенія черкасъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ фактовъ: одна партія черкасъ онустопала новгородскій, углицкій, пошеконскій, вологодскій уѣзды, поморскіе города и Двинскую землю ⁴⁷⁶; въ 1615 году черкасы и

⁴⁷³ Цик. Лѣт., ч. VIII, стр. 234—235. Объ осадѣ г. Михайлова см. современное сказаніе въ «Кіевск. Старинѣ» за 1885 г., декабрь; здѣсь оно перепечатано изъ «Черн. Губ. Вѣд.», въ свою очередь заимствовавшихъ его изъ «Ряз. Губ. Вѣд.».

⁴⁷⁴ Рязр. кн., I, 597—598; Цик. Лѣт., ч. VIII, стр. 226, 237.

⁴⁷⁵ Цик. Лѣт., ч. VIII, стр. 240.

⁴⁷⁶ Ibidem, стр. 224, 225.

казаки выжгли Кинешму и Юрьевоцъ, побили людей и собирались идти на Сапожокъ, Ряжскъ или Шацкъ. По сему поводу князю Николаю Барятинскому былъ данъ наказъ чинить надъ ними промыселъ; воеводы Переяславля Рязанскаго, Михайлова, Данкова, Ряжска, Епифани, Шацка и Касимова должны были прислать ему помощь; съ прибытіемъ подкрѣпленій, онъ долженъ былъ вездѣ разослать подѣзды, въ лѣсныхъ мѣстахъ устроить за-сѣки и т. п.⁴⁷⁷; полковникъ Чаплинскій съ литовцами, поляками и черкасами взялъ Мещовскъ, Козельскъ и многіе другіе города⁴⁷⁸. Почти весь 1-й томъ разрядныхъ книгъ содержитъ въ себѣ распоряженія правительства для изгнанія литовцевъ изъ московскихъ укринъ. Въ особенности часты были столкновенія на пограничьяхъ. Въ 1621 году на соборѣ Московскій государь говорилъ, что въ путивльскомъ, брянскомъ, луцкомъ и торопецкомъ уѣздахъ и въ другихъ многихъ мѣстахъ польскіе и литовскіе люди ставятъ слободы и остроги, присваиваютъ себѣ села, деревни, лѣса и воды, въ путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ занимаются разными промыслами—рыбу ловятъ, охотятся за звѣремъ и избиваютъ всякихъ людей⁴⁷⁹. Въ 1638 году происходили продолжительные разговоры или, вѣрнѣе сказать, споры по поводу проведенія пограничной черты между обоими государствами. По окончательному предложенію польскихъ пословъ, рубежъ долженъ былъ идти такимъ образомъ: вверхъ по рѣкѣ Сухому ромну къ Дехановскому и Недрыгайловскому городищамъ, при чемъ это послѣднее должно остаться за поляками; рѣкою Терномъ до рѣки Бобровка, перейдя Бобровку и Сулу до Городецкаго городища, которое остается за Московскимъ государствомъ до рѣки Псла, Пселомъ внизъ до Каменнаго городища, которое остается за поляками, перейдя Псель, по его притоку р. Олешницѣ до рѣки Ворсклы, рѣкою Ворсклой до Скульскаго городища, которое отходитъ къ Москвѣ, возлѣ Бельскаго городища черезъ рѣку Ворсклу до рѣки Мерла, перейдя Мерль къ Коломаку, перейдя его до рѣки Орчика, вверхъ по Орчику до Муравскаго шляха⁴⁸⁰.

Но не смотря на эти недружелюбныя отношенія, особенно сильныя въ началѣ царствованія Михайль Феодоровичъ повидимому,

⁴⁷⁷ Разрядная книга 123 г. во *Временникъ*, кн. 1, стр. 20—22.

⁴⁷⁸ Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 228.

⁴⁷⁹ Разрядная книга, I, 774.

⁴⁸⁰ Дворц. Разр., Сиб 1851 г. II, 907—908.

охотно принималъ съ себѣ на службу черкасъ. Мы находимъ ихъ въ небольшомъ количествѣ во всѣхъ почти украинскихъ городахъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Въ Тулѣ было черкасъ и днѣпровскихъ казаковъ въ 1614 году 170 человекъ; въ Рязани въ 1616 г.—32 чел. кормовыхъ черкасъ; въ Михайловѣ—40 чел.; въ 1617 г. въ Дѣдиловѣ—30 чел.; въ 1629 г. въ Пронскѣ нововѣзжихъ—50 чел.; въ Перелаславлѣ Рязанскомъ въ 1622 г.—7 чел.; въ Шацкѣ въ 1622 г.—10 чел.; въ Коломнѣ въ 1622 г.—14 чел.; въ Казани въ 1626 г.—220 чел.; въ Уржумѣ въ 1616 г.—34 чел.; на Остѣ—13 чел.; Лаишевѣ—10 чел.; Уфѣ—2 чел.; Ворскѣ—9 чел.; Свияжскѣ—литвы, черкасъ и пахолковъ—48 чел.; въ Чебоксарахъ—18 чел.; въ Ядринѣ—литвы и черкасъ—14 чел.; въ Еранскѣ—8 чел.; въ Курмышѣ—16 чел.; въ Алатырѣ—10 чел.; въ Темниковѣ—15; въ Тюменскѣ—литвы и черкасъ конныхъ—93 чел.; въ 1630 г. въ сибирскихъ городахъ—въ Тобольскѣ литвы и черкасъ конныхъ—28 чел.; пѣшихъ—4; въ Тюменѣ конныхъ—5, пѣшихъ—2 ⁴⁸¹ и т. п. Въ 1619 году при удаленіи Сагайдачнаго изъ Московскаго государства 300 черкасъ поступили въ подданство къ царю ⁴⁸².

Въ слѣдующемъ 1620 г. самъ Сагайдачный отправилъ въ Москву посольство, которое изъявляло желаніе служить «вел. гос. головами своими попрежнему, какъ они служили прежнимъ вел. рос. государямъ и въ ихъ государевыхъ повелѣніяхъ были и на недруговъ ихъ ходили и крымскіе улусы громили»; какъ бы для фактическаго подтвержденія своей службы посланцы представили московскимъ боярамъ двухъ татаръ, изъ числа тѣхъ, которые были назначены ими въ плѣнъ во время послѣдняго нападѣнія на крымъ. Днѣпровскіе казаки выступили тогда противъ крымцевъ въ количествѣ 5000 чел. и счастливо сразились съ ними у самой Перекопи: много татаръ было перебито, а христіанскихъ плѣнниковъ освобождено съ неволи. Посольство любезно принято было москов. правительствомъ: бояре, по наказу государя, должны были подавать черкасамъ руки. Государя, правда, они видѣтъ, не удостоились, какъ имъ объяснили, потому что во время поста не бываетъ никакихъ пріемовъ; на самомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности, не хотѣли принимать посольства отъ гетмана, находившагося въ под-

⁴⁸¹ Раар. кн., I, 30, 35, 120 185, 396 624, 880, 881, 883, 1250—1256; II, 297, 298; см. также II, стр. 5—8, 18, 27, 28, 62—64, 290, 906, 907, 923, 926, 929—936.

⁴⁸² Ник. Лѣг., ч. VIII, стр. 242.

данствѣ у сосѣдняго государя. Но при отпускѣ казацкіе послы получили милостивую царскую грамоту на имя гетмана и всего войска, въ которой было сказано, что государь хочетъ, подобно предкамъ своимъ—дѣду Ивану Васильевичу и дядѣ Θεодору Ивано-вичу, чтобы они, живя за порогами, служили ему, а теперь посылаетъ имъ *лекаго жалованья* 300 руб. и впредь будетъ присылать, смотря по иль службѣ; «а на крымскіе улусы, такъ заканчивается грамота, нынѣ васъ не посылаемъ, потому что крымской Джанъ Бекъ Гирѣи Царь на наши вел. гос. украинны не ходятъ и людемъ нашимъ шкоты не чинятъ никоторые»¹⁸³. Такимъ образомъ, даже Сагайдачный, который пользовался большимъ авторитетомъ у польскаго правительства, считалъ необходимымъ поддерживать связи съ Москвою, съ которой недавно передъ тѣмъ онъ велъ упорную войну въ интересахъ королевича Владислава. Онъ хочетъ служить Московскому царю, подобно своимъ предпественникамъ, бывшимъ на службѣ у Іоанна Грознаго и Θεодора Іоанновича—ки. Дмитрію Вишневецкому, Богдану Рожинскому Косинскому. Но эти послѣдніе не ограничивали свободы своихъ дѣйствій такою службою; она не связывала имъ рукъ. Сагайдачный менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ былъ поставленъ въ необходимость связывать себя обязательствами по отношенію къ кому-либо изъ своихъ сосѣдей. Его посольство въ Москву объясняется, какъ намъ кажется, желаніемъ увеличить свою независимость отъ польскаго правительства наймомъ помимо его вѣдѣнія на службу къ сосѣднему государю.

Совсѣмъ иное явленіе мы замѣчаемъ при преемникахъ Сагайдачнаго. Послѣ пораженія, нанесеннаго казакамъ Конецпольскимъ на Медвѣжьихъ Лозахъ, количество ихъ должно было ограничиться цифрою 6000 чел.; остальные 40000 обращались въ подданныхъ. Вотъ эти-то лица, которыхъ вычеркивали изъ реестра, и рѣшили послать въ Москву посольство съ просьбой о помощи съ заявленіемъ, что они будутъ «очищать» литовскіе города отъ поляковъ, для того чтобы передать ихъ государю¹⁸⁴.

Въ 1630 г. началось новое возстаніе казаковъ, предводителемъ которыхъ былъ Тарасъ Трясило. И на сей разъ Конецпольскій одержалъ побѣду; такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ того, что новый мирный договоръ являлся въ сущности подтвер-

¹⁸³ П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси. М. 1877 г., стр. 93—98.

¹⁸⁴ П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси. М. 1871 г. т. I, стр. 182—183.

жденіемъ предшествующаго ⁴⁸⁵. И вотъ снова у казаковъ является желаніе бить челомъ Московскому государю о помощи ⁴⁸⁶.

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣйпривокіе казаки нашли себѣ еще одинъ выходъ. Московское правительство желало бытъ въ мирѣ съ Польшей и потому не рѣшилось оказывать имъ поддержки. Въ виду этого они стали теперь цѣлыми толпами ходить на Донъ къ Донскимъ великороссійскимъ козакамъ, гдѣ охотно принимали всякаго пришельца, а малороссійскіе казаки были желанными гостями въ качествѣ отважныхъ добычниковъ и товарищей морскихъ набѣговъ на города черноморскаго побережья. Въ 1626 г. донской атаманъ Фед. Ханеневъ заявлялъ правительству, что на Дону много всякихъ людей, въ томъ числѣ черкасъ бываетъ до 500 и даже болѣе человекъ; живутъ они въ разныхъ мѣстахъ и могутъ свободно уходить назадъ въ Запорожье, только заявивъ объ этомъ атаманамъ. Одинъ изъ запорожцевъ, жившій на Дону 18 лѣтъ, на роспросы царскихъ дьяковъ отвѣчалъ, что казаки малорос. живутъ на Дону лѣтъ по 5 и по 6; всѣхъ ихъ наберется до 1000 чел.; въ Запорожье въ свою очередь прїѣзжаетъ не мало донцовъ, такъ что они подчасъ составляютъ чуть ли не половину всего наличнаго населенія Сѣчи: запорожцы на Дону, а донцы въ Запорожьѣ жили столько времени, сколько хотѣли, и это «повелось у нихъ изстари». Интересно *curriculum vitae* самаго рассказчика-запорожца Алексѣя Шафрана. Былъ онъ на каторгѣ у Клеинскаго воеводы семь лѣтъ, попавши въ плѣнъ во время одного изъ морскихъ походовъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами; всѣхъ московскихъ плѣнныхъ у воеводы было 260 чел. Каторга ихъ на морѣ зазимовала, а всѣхъ плѣнныхъ посадили въ г. Балаклѣвъ въ тюрьму; весною они выбѣжали изъ тюрьмы средь бѣла дня и, пробившись черезъ непріятельскіе ряды, сѣли на стошпій близъ берега корабль, на которомъ подъ предводительствомъ Вл. Шафрана благополучно добрались до Азова. Послѣ этого Ал. Шафранъ два раза предпринималъ морскіе походы на турецкія владѣнія: одинъ разъ на 8 челнахъ по 50 чел. въ каждомъ онъ взялъ г. Трапезондъ, другой—всего на 2 челнахъ погромилъ много турецкихъ селъ и деревень. Въ составъ входили и донскіе и малорос. казаки. Послѣ этого онъ рѣшилъ отправиться въ Кіевъ и принялъ отъ всего войска порученіе доставить туда въ соборный храмъ

⁴⁸⁵ Ibidem стр. 308—310.

⁴⁸⁶ Ibidem, стр. 300.

(вѣроятно, Братскій) 10 фун. серебра, для того чтобы сдѣлать изъ него серебряную кадильницу и шаты къ иконамъ. Въ степи Ал. Шафранъ съ 3 товарищами заблудились, много дней ходили по ней на угадъ и, наконецъ, вмѣсто Кіева очутились въ Валуикахъ, гдѣ ихъ заподозрили въ «воровствѣ» и шпіонствѣ и послѣ допроса сослали въ Сибирь, откуда Ал. Шафранъ освободился только черезъ два года ⁴⁸⁷.

Въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. положеніе маларос. казаковъ становится еще болѣе тяжелымъ. Съ этого же времени начинается усиленная эмиграція ихъ въ предѣлы Московскаго государства. Переселяются теперь сюда и такія лица, которымъ не легкѣ было отстать отъ привычекъ вольной казацкой, исполненной приключеній жизни, которые раньше, по всей вѣроятности, переходили только на Донъ. Вотъ, напр., біографія одного изъ такихъ искателей приключеній. Пришелъ въ Путивль изъ Азова на-Дону черкашенинъ Демка Федоровъ въ 1638 году. Будучи на Дону, онъ участвовалъ въ морскомъ походѣ, предпринятомъ совмѣстно донскими и запорожскими казаками въ количествѣ болѣе 3000 человекъ на 53 стругахъ. Придя въ Таганрогъ, они добыли языка— татарскаго попа, а оттуда двинулись подъ Керчь, произвели здѣсь большія опустошенія и возвратились въ Азовъ. Здѣсь запорожскіе казаки пошли въ литовскую сторону на помощь гетману Яцку Острецьну, такъ что въ Азовѣ осталось донскихъ казаковъ 1.500 да черкасъ 200, а запасовъ очень мало. Вслѣдъ затѣмъ онъ, Демка, побѣжалъ съ товарищами на суднѣ вверхъ по рѣкѣ Дону, но на рѣкѣ Доицѣ у Соколыхъ горъ ихъ забрали въ плѣнъ татары. Въ плѣну онъ пробылъ всего пять дней: ушелъ оттуда на рѣку Волчьи Воды, потомъ на рѣку Торъ, а съ Тору пошелъ въ свою землю. Между тѣмъ жена его съ запорожскими черкасами пришла въ Путивль, а изъ Путивля со своими братьями была отправлена въ Львны. «Посему пусть и меня Демку», говорилъ онъ,—«отправятъ туда же». ⁴⁸⁸ Но такіе искатели приключеній начинаютъ мало-помалу вытѣсняться «семьянистыми» и городовыми казаками занимавшимися дома земледѣіемъ. Ихъ поселяютъ въ рус. украинныхъ городахъ и надѣляютъ землею и всяческими угодьями. Въ сел. Костенкахъ, воронежскаго уѣзда, было устроено на житье 130

⁴⁸⁷ Ibidem, стр. 288, 290—294.

⁴⁸⁸ Архивъ мѣщ. юстиціи, Столб. бѣг. стола, № 3999.

такихъ нововъзжихъ черкасъ, пришедшихъ сюда съ атаманомъ Михайломъ Рябухой.⁴⁸⁹ По указу Михаила Ѳедоровича въ 1639 году воеводѣ Дм. Мих. Толочанову была послана грамота на Усердѣ, чтобъ онъ никого не бралъ въ воротники изъ вольныхъ людей, ибо на Усердѣ будутъ устроены черкасы.⁴⁹⁰ Въ Курскѣ было 300 черкасъ.⁴⁹¹ Тогда же поселились черкасы и въ Корочѣ и Кромахѣ.⁴⁹² Въ г. Чернь было отправлено 100 черкасъ; находимъ мы ихъ и въ Воронежѣ, Новосили, Комарицкой волости, Бѣлгородѣ.⁴⁹³ Въ этомъ послѣднемъ городѣ черкасы поселились въ 1636 г. въ количествѣ 60 чел., причемъ имъ были отведены мѣста подъ усадьбы и огороды за Донцомъ подъ старымъ городищемъ; земля эта принадлежала, собственно говоря, бѣлгородскому Рождественскому м—рю, но онъ, какъ кажется, ею не пользовался, такъ что по розыску она была признана «пустовою».⁴⁹⁴ Приходили переселенцы изъ различныхъ городовъ; кажется, впрочемъ, изъ ближайшихъ къ Путивльскому рубежу; по крайней мѣрѣ въ документахъ встрѣчаемъ указанія на Гадячъ, Варву, Лохвицу, Миргородъ, т.-е. нынѣшнюю полтавскую губернію.⁴⁹⁵ Изъ Варвы вышло разомъ 300 человекъ. Приходили не одни казаки, но мѣщане и папечные мужики, какъ говоритъ объ этомъ самъ царь въ грамотѣ къ курскому воеводѣ; приходили и священники съ семьями.⁴⁹⁶ Вообще теперь начинаютъ повидимому преобладать семейные надъ безсемейными; въ Корочу, наприимѣръ, пришло сразу 100 человекъ съ женами и дѣтьми.⁴⁹⁷ Московское правительство распредѣляетъ этихъ нововъзжихъ черкасъ на службу по своимъ украиннымъ городамъ, иногда по очень отдаленнымъ; такъ, наприимѣръ, одна партія была отправлена въ Вологду.⁴⁹⁸ Разсылая черкасъ незначительными партіями по разнымъ городамъ и вводя ихъ въ составъ своего служащаго сословія, московское правительство естественно давало имъ такое устройство, какое имѣли русскіе слу-

⁴⁸⁹ Архивъ мин. юстиціи, Столб. владим. стола, № 8891—60.

⁴⁹⁰ Архивъ мин. юстиціи, Столб. пом. стола, № 8129—20.

⁴⁹¹ Архивъ мин. юстиціи, Столб. бѣлг. стола, № 4040.

⁴⁹² Ibidem.

⁴⁹³ Архивъ мин. юстиціи, Столб. бѣлг. стола, № 3999.

⁴⁹⁴ Архивъ Анатолія Мат. для ист. Курск. еп. (Грамото паря Мих. Ѳед.).

⁴⁹⁵ Ibidem.

⁴⁹⁶ Ibidem.

⁴⁹⁷ Ibidem.

⁴⁹⁸ Ibidem.

жилые люди. Такимъ образомъ, черкасы, жившіе въ московскихъ городахъ, получали за службу жалованье и помѣстныя земли; семейные—по 5 четвертей ржи да 2 пуда соли, а одинокіе—по 3 четверти ржи да по 1 пуду соли, а также деньги въ размѣрѣ 5 рублей. 440 черкасъ, жившихъ въ г. Корочѣ, получили въ 1644 г. жалованья 2207 руб. ⁴⁹⁹ За это жалованье они должны были устроиться дворами на вѣчное житье въ Корочѣ и распахивать данныя имъ земли. Въ слѣдующемъ году было отпущено 2215 р. и распределено также, какъ и прежде. При полученіи жалованья должны были находиться атаманъ, есаулы, сотники и лучшіе черкасы; они свидѣтельствовали, кто не заслуживалъ жалованья—не пахалъ пашни, бражничалъ, проигрывалъ деньги въ зернь ⁵⁰⁰ и т. п. Интересно, что и жены и дѣти получали нѣкоторую сумму за выходъ на первоначальное обзаведеніе: жены по 1½ р., старшіе дѣти—по 1 р., младшія—по ½ р., а также хлѣбъ. ⁵⁰¹ Кроме того, имъ давали еще нѣкоторыя льготы; такъ, напримѣръ, въ 1641 г. жители с. Костенокъ воронежскаго уѣзда получили грамоту, освобождавшую ихъ отъ торговыхъ таможенныхъ пошлинъ. ⁵⁰² Черкасамъ г. Кроме было позволено по старой грамотѣ ходить на Донъ и на поле для промысловъ. ⁵⁰³ Но главное вниманіе правительства было обращено на то, чтобы черкасы обзаводились дворами и пашенными землями. Курскіе черкасы въ моментъ своего поселенія въ 1639 г. получили земли. Корочанскіе черкасы, ихъ дѣти, братья и племянники вмѣсто «селитебнаго» жалованья получали дворы, пашенную землю, сѣнные покосы и всякія угодыя бѣглыхъ корочанскихъ же черкасъ и казаковъ. У каждаго изъ этихъ послѣднихъ были—дворъ, огороженный тыномъ, изба, сѣни, «пуня», конюшня и погребъ. ⁵⁰⁴ Въ 1643 году было указано яблоновскому воеводѣ дать бѣднымъ черкасамъ и русскимъ служилымъ людямъ хлѣбныхъ сѣмянъ. ⁵⁰⁵ Въ 1644 году государь велѣлъ корочанскимъ служилымъ черкасамъ отвести угодыя для пчель-

⁴⁹⁹ Царскія грамоты на Корочу (Чт. Москов. Общ. 1858. кн. III, стр. 12); при томъ атаманъ получилъ 7 р., знаменщикъ, есаулы и сотники—по 6 рублей.

⁵⁰⁰ Ibidem, стр. 30—31.

⁵⁰¹ Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣг. стола, № 3999.

⁵⁰² Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣг. стола, № 4040.

⁵⁰³ Ibidem.

⁵⁰⁴ Мои «Матеріалы», стр. 19.

⁵⁰⁵ Царскія грамоты на Корочу (въ Читеніяхъ Моск. Общ. 1858, III, стр. 1).

никовъ.⁵⁰⁶ Въ архивѣ министерства юстиціи сохранилось множество документовъ о раздачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, а также земель и всякихъ угодій, черкасамъ, жившимъ въ украинскіихъ московскихъ городахъ—Бѣлгородѣ, Валуйкахъ, Усердѣ, Орловѣ, Осколѣ, Корочѣ, Кромахъ, Курскѣ, Коротолякѣ, Урывѣ, Ливнахъ, Хотмышскѣ, Яблоновѣ⁵⁰⁷ и т. п.

Итакъ, нововѣзжіе черкасы въ московскихъ украинскихъ городахъ получали такое же устройство, какъ и русскіе служилые люди: ихъ верстали на службу, давали помѣстья и т. д. Но обычаи и привычки, унесенные изъ родины, все-таки кое въ чемъ пробивались и на новыхъ мѣстахъ жительства. Наиболѣе живучести показывало казацкое военное устройство переселенцевъ. И вотъ большинство ихъ является въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ партій, подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ атамановъ; даже, черкасы поселившіеся въ какомъ-нибудь украинномъ городѣ, удерживали своихъ атамановъ, знаменосцевъ, есауловъ, сотниковъ.⁵⁰⁸ Кромскіе черкасы въ 1641 г. выбрали изъ среды своей атамана; этотъ послѣдній пользовался столь независимымъ положеніемъ, что воевода собственною властью безъ разрѣшенія Разряда не могъ его отставить отъ должности.⁵⁰⁹ Сохраняли малороссіане и свои обычаи: жившіе въ Корочѣ просили дозволить имъ «по ихъ вѣрѣ» медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, цивцо и бражку на поминовеніе родителей, крестины, похороны и т. д.; кромскіе черкасы просили о дозволеніи сытить медъ и собирать воскъ, чтобы «свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здорověе».⁵¹⁰

Особое самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимаютъ монахи православныхъ южнорусскихъ монастырей. Сношенія южнорусскихъ монастырей съ Московскими государями начались съ очень ранняго времени. Первое документальное извѣстіе объ этомъ относится къ царствованію Ив. Вас. Грознаго къ 1583 г. Еще раньше (въ первой пол. XVI ст.) Кіево-Печерская Лавра собирала дань съ заграничныхъ монастырей, находившихся въ городахъ Сѣ-

⁵⁰⁶ Ibidem, стр. 13—14.

⁵⁰⁷ Архивъ мн. юстиціи Дѣла бѣлг. стола, №№ 11, 15, 18, 19, 20, 21, 24, 28, 29, 31 и др. и многія №№ столбцовъ бѣлг. стола.

⁵⁰⁸ См., напр., Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858, III), стр. 3; Архивъ мн. юст. Столб. влад. стола, № 8891—60.

⁵⁰⁹ Арх. мн. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4040.

⁵¹⁰ Ibidem.

верской земли (въ Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ). Мы называемъ ихъ заграничными, потому что Сѣверская область въ 1502 году перешла подъ власть Москвы. Кіево-Печерскимъ монахамъ разрѣшено было ходить собирать доходы за границу съ Московскаго государства. И вотъ, въ 1583 г. явились въ Москву посланцы архимандрита Печерскаго монастыря съ просьбою давать на ихъ монастырь ту милостыню, которая получалась съ давнихъ временъ еще при предкахъ вел. государя, а потомъ во время войны съ Литвою прекратилась. Царь на это велѣлъ отвѣтить, что это дѣло давнее и книги, заключающія въ себѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, погорѣли во время пожара, посему онъ пошлетъ узнать объ этой милостынѣ въ Сѣверскіе монастыри, а теперь только даетъ на монастырскіе нужды 40 руб.⁵¹¹

Съ воцареніемъ Михаила Феодоровича сношенія православнаго малороссійскаго духовенства съ Москвою усиливаются и дѣлаются чрезвычайно дружественными. Положеніе православныхъ іерарховъ въ Польшѣ было очень печальное. Вслѣдствіе этого они все чаще и чаще обращаются съ надеждою къ Москвѣ. Къ 1622—1624 г. относится челобитная 3-хъ южнорусскихъ іерарховъ о милостынѣ— епископа и устроителя Густынскаго, Мгарскаго и Ладинскаго монастырей Исаи Копинскаго, епископа Луцкаго и Острожскаго Исаакія Борискевича и, наконецъ, митрополита Іова Борецкаго. «Сотвори намъ, писалъ къ государю Исаія Копинскій, убогимъ и зело оскуднымъ богомольцомъ своимъ (милостыню) понеже не имамы къ кому прибѣгнути: царей и князей и бояръ благочестивыхъ не имамы. Всѣ отступницы отъ благочестивыя вѣры нашей. Единны ляхи, вторыи унейты, третіи сынове еретичестіи».⁵¹² Іовъ Борецкій въ объясненіе того, что въ Москву направляется еп. Исаакій, говоритъ между прочимъ: здѣсь въ державѣ вел. короля польскаго «*Богомъ попущеннаго надъ нами*», умпожились уніаты, которые воздвигали гоненіе на всѣхъ православныхъ, а особенно епископовъ.⁵¹³

Но этимъ дѣло не окончилось. Кромѣ этихъ явныхъ переговоровъ тѣ же православные архіереи воли и тайныя, имѣвшіе въ виду прямое *возсоединеніе* Великой и Малой Россіи. Такъ посланцы Исаи Копинскаго, по его порученію, устно спрашивали

⁵¹¹ П. А. Кулиша, Мат. для ист. возсоед. Руси, т. I, М. 1871, стр. 17—19.

⁵¹² Ibidem, стр. 130.

⁵¹³ Ibidem, стр. 135—136.

черезъ путивльскихъ воеводъ государя: позволить ли онъ ему пріѣхать къ себѣ со всею братіею въ количествѣ 150 чел.; при этомъ они присовокупляли, что и запорожскіе казаки готовы переѣхать въ Москву. Іовъ Борецкій въ своей челобитной государю говоритъ объ епископѣ Исаакіѣ, что онъ *можетъ сохранить тайну царскую*.⁵¹⁴ Для насъ это выраженіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что этотъ Исаакій былъ посланъ отъ Іова Борецкаго къ государю московскому—въ слѣдующемъ 1625 году: онъ прямо просилъ Михаила Феодоровича о принятіи въ подданство казаковъ и духовенство,⁵¹⁵ если они пріѣдутъ на государевонія въ Москву. Очевидно, мысль о подданствѣ уже зародилась, но только форма самаго воссоединенія предполагалась, такъ сказать, первообразная: и въ одномъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ не о присоединеніи территоріи съ ея населеніемъ, а только о выходѣ изъ Польши южнорусскаго населенія въ предѣлы Московскаго государства.

Митрополитъ Іовъ Борецкій вообще былъ наиболѣе энергичнымъ представителемъ идеи воссоединенія. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми политическими дѣлами какъ своего отечества, такъ и ближайшихъ сосѣднихъ государствъ и постоянно принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Такъ, между прочимъ онъ много хлопоталъ по дѣлу извѣстнаго претендента на царградскій престолъ Александра Ахіи: сначала онъ писалъ о немъ, а потомъ отправилъ самого въ Москву, послѣ того какъ передерживать у себя въ монастырѣ оказалось долѣе невозможнымъ. Іовъ Борецкій хотѣлъ, чтобы Михаилъ Феодоровичъ оказалъ Ахіи помощь для низверженія турецкаго владычества въ Европѣ и образованія на мѣстѣ Турецкой Имперіи православнаго государства, слѣдовательно, это была попытка радикальнаго рѣшенія восточнаго вопроса въ первой пол. XVII в. Государь Михаилъ Феодоровичъ предложилъ боярской думѣ обсудить этотъ вопросъ, и она высказалась скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ положительномъ смыслѣ. Вѣстѣ съ этимъ Борецкій, какъ мы уже сообщали выше, присылаетъ въ Москву посольство, которому поручаетъ выхлопотать у государя позволеніе въ случаѣ надобности переселиться ему въ московскіе предѣлы; и послѣ этого онъ постоянно поддерживалъ дѣятельныя

⁵¹⁴ Ibidem, стр. 136.

⁵¹⁵ См. объ этомъ у С. М. Соловьева Ист. Рос., т. X, стр. 95; а также у П. А. Кулиша Ист. возс. Русв, т. III, гл. XXVI.

сношенія съ Московскимъ государствомъ. Въ 1630 г. онъ «былъ постоянно аи соцапѣ всего, что происходило на пространствѣ между Днѣпровскими порогами и Варшавою. У него въ распорядженіи были люди, которыхъ онъ посылалъ въ глубину королевства для освѣдомленія о положеніи дѣлъ въ правительственной средѣ. При чемъ постоянно находились запорожскіе казаки въ качествѣ разсыльных, а, можетъ быть, и тѣлохранителей, какъ это водилось тогда даже у такихъ лицъ, которыя вели войны съ казаками... И, наконецъ, Іовъ Борецкій присутствовалъ иногда въ казацкихъ рядахъ, какъ объ этомъ упоминаетъ Григорій Гладкій». ⁵¹⁶ Тогда же ханъ прислалъ въ Москву на службу къ государю своего сына и племянника и этимъ еще разъ доказалъ свою приверженность къ Михаилу Феодоровичу.

Такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. завлазились уже тѣсныя, сношенія южнорусскаго православнаго духовенства съ Московскимъ государствомъ, въ тридцатыхъ годахъ они получили дальнѣйшіе развитіе. Мы видѣли, что однимъ изъ наиболѣе горячихъ приверженцевъ идеи воссоединенія былъ Исаія Копинскій основатель Мгарскаго, Густынскаго и Ладинскаго монастырей. Неудивительно поэтому, что именно монахами этихъ монастырей была приведена въ исполненіе его мысль о переходѣ въ придѣлы Московскаго государства. Дѣло происходило такъ. Въ началѣ 1638 г. пріѣхалъ въ Путивль стронтель Прилуцкаго Густынскаго монастыря Илиархъ съ братіей, съ просьбой о выдачѣ новой жалованной грамоты въ замѣнъ сгорѣвшей. Эта послѣдняя была дана въ 1625 или 1626 г. разомъ тремъ монастырямъ—Мгарскому-Лубенскому, Густынскому-Прилуцкому и Ладинскому, находившемуся въ прилуцкомъ уѣздѣ; на основаніи ея всѣ эти монастыри получили право посылать разъ въ четыре года старцевъ къ Московскому государю за милостыней. Въ 1629 г. имъ была дана милостыня на церковное строеніе—сорокъ соболей, камка и нѣсколько денегъ. Пришедшіе теперь старцы сообщали разныя извѣстія о пораженіи, нанесенномъ польскими войсками малороссійскимъ казакамъ подъ предводительствомъ Остремша, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о своемъ рѣшеніи уйти изъ своего монастыря въ Московское государство, если усилятся гоненія на православныхъ отъ правительства. ⁵¹⁷ Дѣйствительно, 5-го іюня

⁵¹⁶ П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Русь, т. I, М. 1877 г., стр. 314.

⁵¹⁷ Акты Ю. и З. Росс., III, 2, 3.

пріѣхалъ въ Путивль изъ Прилуцкаго Густынскаго монастыря черныи священникъ Пафнутиѣ, а съ нимъ 10 старцевъ да 11 монастырскихъ служекъ: они были посланы игуменомъ Васиѣемъ и всею братіей, чтобы разузнать, будутъ ли приняты государемъ и всѣ остальные; они забрали съ собою церковное строенье и скоть: «Если государь изъявить согласіе на пріемъ ихъ», говорили они, — «то явятся вскорѣ и всѣ оставшіеся въ количествѣ 70 человекъ и возьмутъ послѣднее церковное строенье и скоть». Привезенное священникомъ Пафнутиемъ монастырское имущество состояло изъ церковныхъ сосудовъ и одеждъ, значительнаго количества богослужебныхъ книгъ и, наконецъ, 90 возовъ и коровъ, около 300 барановъ и овецъ и 11 возовъ хлѣбныхъ запасовъ, соли и всякой рухляди.⁵¹⁸ 14-го іюня того же 1638 г. пришли изъ Густынскаго монастыря игумень со старцами, служками и монастырскими крестьянами, всего 77 человекъ, но пѣшіе и безъ всякаго имущества. Изъ разспроса ихъ выяснилось, что послѣ перваго отпуска были отпращены и другіе старцы съ монастырскимъ имуществомъ, но на нихъ напалъ конотопскій урядникъ Сосновскій и совершенно ограбилъ ихъ. Когда игумень съ остальною братіей хотѣлъ уходить изъ монастыря, то прилуцкій урядникъ Ад. Марковичъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ нему прилуцкихъ священниковъ, войтъ и мѣщанъ, которые стали упрашивать его оставаться въ монастырѣ; вслѣдъ затѣмъ кн. Вишневецкій послалъ въ монастырь своего коморника, который долженъ былъ захватить и его игумена, и монастырское имущество. Въ виду этого онъ, игумень, съ братіей поспѣшно ѣхалъ изъ монастыря въ лѣсъ, оставивъ на возахъ часть имущества, другая часть, заранѣе отвезенная въ лѣсъ, была пограблена слугами княжескаго коморника.⁵¹⁹

Вмѣстѣ съ монахами Густынскаго монастыря пріѣхали въ Путивль и монахини женскаго Ладинскаго монастыря, расположеннаго въ прилуцкомъ уѣздѣ, съ игуменомъ Меводиемъ и игуменьей Елисаветой Летинской, всего 50 душъ. Еще прежде они отпустили 40 старицъ съ работниками, всѣмъ монастырскимъ имуществомъ и стадами, но эти послѣднія были ограблены, не доѣзжая 30 в. до Путивля, тѣмъ же конотопскимъ урядникомъ Сосновскимъ; у нихъ было взято 20 возовъ со всякою рухлядью. Сами игумень, игуменья и остальные старицы уѣхали тайно въ мірскомъ платьѣ.

⁵¹⁸ Ibidem, стр. 4—6.

⁵¹⁹ Ibidem, стр. 6—7.

Монахи были временно помѣщены въ Путивльскомъ Молчанскомъ монастырѣ, а монахини—въ женскомъ Духовомъ; но корму ли тѣ, ни другія цюка не получали, такъ какъ объ этомъ не послѣдовало еще распоряженія государя. Въ своей челобитной монахи просили, чтобы ихъ не разлучали, а всѣхъ опредѣлили въ одинъ монастырь; о томъ же просили и монахини⁵²⁰. Кромѣ монаховъ приуцѣркхъ монастырей, собирався выѣхать на государево имя въ Путивль и игумень Мгарскаго Лубенскаго монастыря Кадистратъ; предварительно даже отправилась оттуда часть старцевъ съ монастырскимъ имуществомъ и стадами. Но имъ не удалось вполнѣ благополучно пробраться въ Путивль: подъ Гадячскимъ городищемъ на нихъ напали татары, убили старца и служку и пограбили большую часть крупнаго скота и овецъ⁵²¹. Выѣстъ съ казаками, уходившими изъ подъ Гадяча, они приѣхали въ Путивль, рассчитывая, что за ними послѣдуетъ и игумень. Но онъ не только самъ раздумалъ ѣхать, а и сталъ писать грозныя письма къ старцамъ и требовать, чтобы они возвратились снова въ Лубны. Съ такими же требованіями обращались къ московскимъ властямъ и польскіе урядники; владѣлецъ почти всей тогдашней Полтавщины, князь Іеремія Вишневецкій, также обнаруживалъ большое неудовольствіе по поводу отъѣзда монаховъ изъ его монастырей. Началась переписка, вѣрнѣе сказать, полемика между Мгарскимъ игуменомъ и нововыѣзжими монахами всѣхъ трехъ монастырей, заключающая въ себѣ много характерныхъ подробностей, рисующихъ намъ понятія и нравы того времени. Въ своемъ отвѣтѣ Мгарскому игумену, игумень Густынского монастыря между прочимъ писалъ: «Ты пишешь, что князь (т.-е., Іеремія Вишневецкій) къ тебѣ ласковъ: живи и будь здоровъ съ его милостью княземъ. Когда мы добивались у князя подтвержденія привилегіи и укрѣпленія грунтовъ, то онъ намъ отвѣтилъ: «А мнѣ что до васъ? Живите до ласки моей». *А ласка всякаго пана на волоску виситъ*, а когда онъ порвется, то все приходится терять... А мы благодаримъ Бога, что опочиваемъ въ *отрамитисой*, Божьею благодатью и пожалованьемъ государя и благовѣрнаго царя Михаила Феодоровича»⁵²². Старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря въ свою очередь писали такъ: «Пишешь, чтобы мы вернулись назадъ; но намъ, записавшимся на имя благочести-

⁵²⁰ Ibidem, стр. 7—8.

⁵²¹ Ibidem, стр. 11—13.

⁵²² Ibidem, стр. 9—10.

ваго государя Михайла Феодоровича, сдѣлать это такъ же трудно, какъ водамъ потечь назадъ. (Скожь частью пограбленъ, частью палъ въ нуты, частью проданъ, а частью съѣденъ нами, ибо какъ бы ни былъ святъ человекъ, а пока у него еще держится душа въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ онъ долженъ пить, ѣсть и одѣваться. Вы, старшіе много кое-чего себѣ присвоили изъ церковныхъ вещей и денежной казны. Ты же отрекся отъ нашего общаго пастыря Исаія Ковшискаго и едва не продалъ его на смерть ради своего мамона, а теперь намѣнялъ игумену Василію и намъ. Мы дѣйствовали согласно уговору съ тобою и въ нынѣшнемъ намѣнѣ пристанищѣ богатышномъ хотимъ и умереть»⁵²³.

«Презвычайно интересны тѣ причины, которыя заставили монаховъ полтавскихъ монастырей, подвергаясь множеству непріятностей, уйти изъ подданства Рѣчи Посполитой и поселиться въ какомъ-нибудь *тыломъ пристанищѣ*, назначенномъ благовѣрнымъ государемъ Михаиломъ Феодоровичемъ. Вотъ какъ сами они изобразжаютъ эти причины. Черный попъ Пафутій и игумень Василій говорили. Писалъ изъ г. Луцка кн. Котирскій, воевода вольнскій, любецкому епископу Исаію, а Исаія писалъ уже къ игуменамъ и братіямъ Густыинскаго и Мгарскаго монастырей, будто Польскій король, панъ-рада и польскіе епископы преговорили на сейшѣ православную вѣру въ Польшѣ и Литвѣ искоренить, церкви поломать, книги русскія уничтожить; кievскій же митрополитъ Петръ Могила посраженъ панюю теперь въ патриархи и далъ обѣщаніе превратить православныя храмы въ польскіе костелы; митрополитомъ же назначенъ бывшій пинскій епископъ Корсакъ; въ Киево-Печерской лаврѣ отовѣль будутъ католическіе бернардинны; въ Златоверло-Михайловскомъ—доминикане»⁵²⁴.

Вопросъ объ униі послужилъ также предметомъ полемики между игуменами Густыинскаго и Мгарскаго монастырей. Первый упорялъ втораго за обнаруживаемую имъ склонность къ униі; тотъ отвѣчалъ на это ироническими замѣчаніями, что онъ не знаетъ, какова эта униі (чи з рогами, чи з голынятыми ногами, чи з усомъ, чи з бородою великою, чи пѣша, чи ѣздить); въ отвѣтъ ему Густыинскій игумень писалъ, что онъ удивлялся, какъ тотъ, проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ, не знаетъ, какова эта униі проклятая, въ которую онъ, очевидно, впутался и только не извѣстно, какъ вы-

⁵²³ Ibidem, стр. 11—12.

⁵²⁴ Ibidem, стр. 5, 7—8.

пугается; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на двоедущіе своего противника, который еще такъ недавно самъ же извѣщалъ его о назначеніи Петра Могилы патріархомъ и объ искорененіи православія ⁵²⁶.

Въ поясненіе приведенныхъ выше фактовъ замѣтимъ слѣдующее. Царствованіе Сигизмунда III было очень тяжелою годиною для православія. Въ 1632 году онъ умеръ, и на избирательномъ сеймѣ православные, въ особенности волынское дворянство, рѣшились энергически поддерживать свои требованія о признаніи правъ за православною іерархіей. Дѣйствительно, вновь избранный король Владиславъ IV утвердилъ законное право существованія православной церкви и ея іерархіи въ государствѣ на ряду съ уніатскою. Впрочемъ, постановленіе о раздѣлѣ между православными и уніатами всѣхъ церквей и монастырей постоянно оттягивалось, ибо правительство было на сторонѣ уніи. Съ другой стороны, не оставляло оно и попытокъ къ соединенію православныхъ съ уніатами. Еще въ 1624 году митрополитъ русскій хотѣлъ устроить соборъ для выбора сообща патріарха; въ 1629 г., по мысли извѣстнаго ревнителя православія, потомъ обратившагося въ унію, Мелетія Смотрицкаго, состоялся другой соборъ во Львовѣ, и православные туда не явились. Теперь въ 1636 году Владиславъ IV издалъ окружную грамоту, въ которой приглашалъ на соборъ православныхъ и уніатовъ для избранія патріарха по образцу Москвы. Петръ Могила сочувственно относился къ этой мысли ⁵²⁶; это обстоятельство и послужило поводомъ къ составленію того разказа, который сообщалъ Исаія Копинскій игуменамъ Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ у Исаи Копинскаго могла быть извѣстная доля личнаго раздраженія противъ Петра Могилы; извѣстно, что этотъ послѣдній рѣшился занять митрополичью кафедру еще при жизни Исаи Копинскаго, правильно избраннаго и не отрѣшеннаго отъ митрополіи; будучи поставленъ на митрополію королемъ и рукоположенъ Волошскимъ митрополитомъ и епископами, онъ удалилъ стараго, дряхлаго, изнуреннаго болѣзнію Исаю въ Печерскій монастырь ⁵²⁷. Между тѣмъ Исаія Копинскій заслуженно пользовался уже славою борца за

⁵²⁶ Ibidem, стр. 10.

⁵²⁶ Чистовичъ. Очеркъ ист. Зап. Русск. Церкви, Спб. 1884 г., ч. 2-я стр. 31—35.

⁵²⁷ Свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у Ерлича.

православіе, особенно съ того момента, когда въ 1628 г. онъ, ко всеобщему изумленію, открылъ неправославіе Мелетія Смотрицкаго ⁵²⁸. И если такія лица, какъ Смотрицкій, могли отпадать отъ православія и дѣлаться тайными адептами уніи, то понятно, почему могли заподозрить и Петра Могилу, который самъ подалъ къ этому нѣкоторый поводъ. Упоминаемый въ письмѣ Густынскаго игумена кандидатъ на кievскую митрополию Корсакъ былъ уніатскій епископъ, который былъ отправленъ съ посольствомъ къ папѣ и наиболѣе энергически настаивалъ на томъ, чтобы папа не признавалъ диплома, даннаго королемъ православнымъ ⁵²⁹.

Итакъ, причина удаленія православныхъ монаховъ въ Московское государство лежала въ уніи. Интересна ихъ дальнѣйшая судьба; имъ пришлось перенести не мало испытаній, прежде чѣмъ мечта о спокойномъ тихомъ пристанищѣ осуществилась. Въ іюль 1638 г. старцы Густынскаго монастыря подали государю челобитную, а въ ней заявляли, что пробывъ въ Путивлѣ пять недѣль безъ государева хлѣбнаго жалованья, они съѣли всѣ тѣ запасы муки, пшеница и сухарей, которые привезли съ собою; послѣ этого они стали получать царское жалованье, но его оказывается недостаточнымъ на 100 слишкомъ душъ; въ это время они лишились своего игумена о. Василія, а поминать его нечѣитъ; посему пусть государь прибавитъ имъ жалованья и назначитъ всѣмъ вмѣстѣ одинъ какой-нибудь монастырь ⁵³⁰. Сначала хотѣли было помѣстить ихъ въ Бѣлевѣ, въ Преображенскомъ монастырѣ, но потомъ вышелъ царскій указъ поселиться имъ въ Дудинѣ монастырѣ нижегородскаго уѣзда; монахи Мгарскаго монастыря были устроены тамъ же ⁵³¹. Какъ жилось имъ на новомъ мѣстѣ, не извѣстно. Столько же испытаній вынесли и старицы Ладискаго монастыря. Въ своей челобитной онѣ писали, что пришли въ Путивль ограбленныя, босыя, нагія и помирали голодною смертію, ибо жалованья никакого не было; теперь имъ стали выдавать жалованье, но скудно, и потому пусть государь укажетъ имъ монастырь, гдѣ онѣ могли бы поселиться всѣ вмѣстѣ ⁵³². Государь опредѣлялъ было поселиться имъ въ Брянскѣ, въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Но этотъ

⁵²⁸ Козловичъ. Лѣт. цѣрк. унія, II, стр. 181.

⁵²⁹ Ibidem, стр. 176.

⁵³⁰ Акты Южн. и З. Р., т. III, стр. 16—17.

⁵³¹ Ibidem, стр. 18, 20.

⁵³² Ibidem, стр. 23.

монастырь былъ на столько тѣсенъ и неудобенъ, что размѣститься въ немъ новопришедшимъ монахинямъ не было никакой возможности. Въ своей челобитной духовникъ Меѳодій писалъ между прочимъ, что пришли они въ Брянскъ голодные, нагіе, и оказалось, что отведенный имъ монастырь на столько тѣсенъ и беденъ, что въ немъ съ трудомъ помѣщаются 50 его стариць, а имъ дѣваться уже не куда. «Не попусти намъ болей», — такъ заканчиваетъ Меѳодій— «волочитися по свѣту, умилосердися, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ, повели вновь намъ устроить монастырь гдѣ, будетъ мѣсто погожее на монастырь, и гдѣ твоя царская воля; православный царю, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ»⁵³³. Въ свою очередь, посланный специально для осмотра этого монастыря Ив. Головинъ доносилъ, что нѣтъ возможности въ этомъ монастырѣ даже и пристроить келій⁵³⁴. Въ виду этого велѣно было перевести ихъ въ Алатырь, въ Никольскій дѣвичій монастырь; такимъ образомъ просьба о постройкѣ новаго монастыря, къ которому было бы отведено достаточное количество земли (на пахать и сѣнокосы) и лѣсу уважена не была⁵³⁵. Очевидно, московское правительство желало новоприхожихъ монаховъ и монахинь селить въ русскихъ монастыряхъ вмѣстѣ съ русскими монахами и монахинямъ.

Приведенными выше фактами не исчерпываются связи московскаго правительства съ православными южно-русскими монастырями. Въ 1640 г. явились въ Путивлѣ изъ Кіева митрополичій намѣстникъ изъ Печерской лавры іеромонахъ Игнаній, игумень Братскаго монашества Леонтіій, игумень Выдубицкаго — Сильвестръ, Пустынно-Николаевскаго—келарь Митрофанъ за милостыней съ жалованными грамотами, изъ коихъ одна восходила еще къ царствованію Василя Ивановича; имъ были даны кормъ и подводы, и вслѣдъ затѣмъ они были отпущены въ Москву⁵³⁶. Въ свою очередь митрополитъ Петръ Могила ходатайствовалъ о милостынѣ для устройства разоренныхъ униатами церквей⁵³⁷; вмѣстѣ съ тѣмъ

⁵³³ Ibidem, стр. 24—25.

⁵³⁴ Ibidem, стр. 18—19.

⁵³⁵ Ibidem, стр. 24.

⁵³⁶ Ibidem, стр. 26—27; челобитныя отъ имени этихъ монастырей помѣщены тамъ же на стр. 29—32; о томъ, какой имъ выдавался кормъ и питье, см. тамъ же, стр. 34—37; митрополичій намѣстникъ былъ недоволенъ скудностью отпускавшихся ему запасовъ и подавалъ царю челобитную о прибавкѣ ихъ; челобитная эта была удовлетворена; тамъ же, стр. 42—43.

⁵³⁷ Ibidem, стр. 27—29.

онъ «иначе всякой милости» хотѣлъ, чтобы государь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ соорудить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ поселились бы монахи Кіево-Братскаго монастыря для того, чтобы молиться за Государя и *обучать греческой и славянской грамотѣ* дѣтей бояръ и простыхъ людей; «дѣло то», говоритъ онъ, — «Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно»⁵³⁸. Въ Москвѣ государь далъ выше-названнымъ игуменамъ слѣдующее жалованье: митрополючю намѣстнику камку, 40 соболей, 20 рублей денегъ; игуменамъ по камкѣ, по 40 соболей и по 15 рублей⁵³⁹. Не довольствуясь этимъ, всѣ посланцы обратились съ новыми дополнительными челобитными, въ которыхъ просили о прибавкѣ жалованья, церковной утвари, церковныхъ книгъ, денегъ на украшеніе церквей. Нѣкоторыя книги московской печати были даны имъ безденежно (напр. 5 мѣсячныхъ миней⁵⁴⁰. Государь велѣлъ дать милостыню митрополиту Петру Могилю — соболей на 150 руб., Богоявленскому Братскому монастырю, Выдубицкому, Пустынно-Николаевскому — соболями по 100 руб.⁵⁴¹. На обратный путь всѣмъ посламъ также было выдано царское жалованье⁵⁴².

Не успѣли уѣхать изъ Москвы всѣ эти лица, какъ въ Путивль явились старцы Прилудскаго Густынскаго монастыря, изъ котораго, какъ мы знаемъ, незадолго передъ тѣмъ вся братья съ игуменомъ удалилась въ Москву; два раза путивльскій воевода не щескалъ ихъ въ Москву, а давалъ небольшую милостыню въ самомъ Путивлѣ; наконецъ, за третьимъ разомъ они явились съ пропускною грамотою, данною имъ государемъ по просьбѣ молдавскаго посла, который выставилъ на видъ услуги, оказываемыя ему постоянно монастыремъ во время побѣдокъ въ Москву. Въ челобитной они указывали на свою бѣдность и невозможность достроить церковь, такъ какъ ушедшіе раньше въ Москву монахи забрали съ собою все имущество, а деревни и мельницы и всякія угодья, находившіяся прежде во владѣніи монастыря, отобраны княземъ Вишневецкимъ, который хочетъ за нихъ получить 1.000 ефимковъ, говоря: «зачѣмъ ваша братья ушла безъ всякаго повода

⁵³⁸ Ibidem, стр. 39.

⁵³⁹ Ibidem, стр. 41.

⁵⁴⁰ Ibidem, стр. 51.

⁵⁴¹ Ibidem, стр. 50.

⁵⁴² Ibidem, стр. 52.

съ моеі стороны); въ заключеніе они указывали на свои услуги въ дѣлѣ сношенія Москвы съ Молдавіей. Челобитная эта была уважена: посланцамъ было выдано жалованье; а для монастыря государь отпустилъ соболей на 200 р. и много церковной утвари, книгъ, одеждъ и велѣлъ дать жалованную грамоту на свободный прїѣздъ за милостыней. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что игумень Густынскаго монастыря будетъ *тайно* пересылать государевы грамоты къ Молдавскому господарю и молдавскіе—къ государю.⁵⁴³

Всѣ эти благодѣянія московскаго правительства южно-русскимъ монастырямъ имѣли важное *политическое* значеніе: они подготовили почву для будущаго воссоединенія. Царь Михаилъ Теодоровичъ охотно принималъ и греческихъ православныхъ монаховъ и тѣмъ снискалъ себѣ репутацію всеобщаго *покровителя* и *защитника* православія. Интересно, что кievскіе старцы въ своихъ челобитныхъ о милостынѣ для украшенія церкви постоянно указываютъ на то, что церкви эти были построены прародителями нынѣшняго государя, великими князьями Владиміромъ и Ярославомъ; здѣсь проскальзывала мысль объ исконной принадлежности Кіева православнымъ московскимъ государямъ. Понятное дѣло, что мысль эта съ большимъ сочувствіемъ встрѣчалась въ Москвѣ. Въ одномъ случаѣ (въ дѣлѣ Густынскаго монастыря) мы видѣли даже тайное посредничество монастыря въ дѣлѣ политическихъ сношеній Москвы съ Молдавіей; не говоримъ уже о томъ, что всѣ посланцы—игумены и старцы, прїѣзжая въ Москву или Путивль, доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсти о политическомъ положеніи Польши, Литвы, южной Россіи, Крыма и Молдавіи, что высоко цѣнилось московскимъ правительствомъ, собиравшимъ такіа свѣдѣнія самыми разнообразными средствами.

До сихъ поръ всѣ черкасы, переходившіе изъ Польши на службу въ Московское государство, селились въ московскихъ украинскихъ городахъ. Но къ 1638 году, т.-е. ко времени движенія монаховъ южно-русскихъ монастырей, отно́сится *первое*⁵⁴⁴ поселеніе

⁵⁴³ Ibidem, стр. 52—64.

⁵⁴⁴ Преосвященный Филаретъ, перечисляя переселенія черкасъ въ Московское государство, говоритъ, что первое переселеніе ихъ относится къ 1617 г., когда «до 10000 казаковъ оставили польскую Украину и отошли къ Донцу; но иные изъ нихъ потомъ опять возвратились на луга Дибіровскіе» (Ист.-ст. опис. Харьк. Епархіи, отд. 1-е, стр. 6). Извѣстіе свое онъ основываетъ на лѣтопис-

малороссянъ въ степяхъ, лежавшихъ за предѣлами русской острѣлости въ харьковской губерніи, на *Чугуевомъ городищѣ*, т.-е. на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева. Всѣ проходившіе до сихъ поръ черкасы, какъ мы знаемъ, расселялись по московскимъ украиннымъ городамъ, лежавшимъ подчасъ очень далеко отъ Путивльскаго рубежа; мы ихъ видѣли въ поволжскихъ и даже сибирскихъ городахъ; правда, еще въ XVI столѣтіи мы встрѣчали запорожскихъ казаковъ, исполнявшихъ сторожевую и станичную службу по рѣкамъ Донцу и Осколу, но они имѣли тамъ только временный пріютъ; ни одна изъ переселенческихъ партій не подумывала о постройкѣ для себя *города* въ степи за московскими украинными городами. Да и само правительство Михаила Ѳеодоровича въ началѣ относилось несочувственно къ этой мысли. Мы уже знаемъ, что оно не одобряло прежней системы Іоанна IV Васильевича выдвигаться далеко въ степь; наоборотъ оно заботилось объ увеличеніи количества городовъ въ существующихъ уже украиняхъ. Оно не уважило даже просьбы нововыбзжихъ монаховъ о построеніи особаго отдѣльнаго монастыря въ предѣлахъ Московскаго государства. Но теперь была сдѣлана именно такая попытка.

Дѣло происходило такъ. Въ 1638 году явились въ Бѣлгородъ на государево имя казаки съ гетманомъ Яцкомъ Острениномъ во главѣ. Свой переходъ они объясняли тѣми притѣсненіями, которыми подвергается православная вѣра въ предѣлахъ Рѣчи Поспо-

номъ повѣствованіи Ригельмана (Лѣтоп. пов. о Малой Россіи, кн. 1-я, стр. 34). Это требуетъ разъясненій и исправленій. Во первыхъ, мы видѣли запорожскихъ казаковъ на службѣ у московскаго государя еще въ XVI столѣтіи; слѣдовательно, первое переселеніе черкасъ нельзя относить къ началу XVII ст. Во вторыхъ, если даже признать справедливымъ извѣстіе Ригельмана, то и тогда это переселеніе врядъ ли отличалось такимъ характеромъ, какъ переселеніе 1638 г. Ригельманъ не говоритъ, чтобы черкасы *поселились* на Дону, а сообщаетъ только, что они ушли на Донъ и Донецъ, и если гдѣ они нашли себѣ пріютъ, то именно на *Дону* и только отчасти на нижнемъ теченіи Сѣверскаго Донца. Наконецъ, третьихъ, самое извѣстіе Ригельмана отличается какою-то неопредѣленностью и неясностью; это удаленіе онъ объясняетъ желаніемъ польскаго правительства сократить до возможности число казаковъ и обратить ихъ въ хлоповъ; но мы знаемъ, что время Сагайдачнаго было блестящимъ періодомъ въ исторіи днѣпровскаго казачества, когда имъ удалось добиться наибольшаго правъ. Съ другой стороны, и отношенія московскаго правительства къ малороссійскимъ казакамъ въ это время, какъ мы видѣли, были самыя натянутыя и даже враждебныя. Во всякомъ случаѣ, даже признавая достовѣрность этого извѣстія, нельзя сдѣлать изъ него заключенія о постоянномъ пребываніи черкасъ по Донцу съ 1617 года.

литой. Въ своей челобитной они говорили, что въ литовской сторонѣ они держали христіанскую православную вѣру, а поляки хотѣли неволею обратить ихъ въ католичество и стали избивать ихъ самихъ, женъ и дѣтей; по сему-то онъ, гетманъ съ черкасами, пришелъ въ государеву сторону; ⁵⁴⁵ по другой редакціи новоприхожіе черкасы говорили такъ: «польскіе и литовскіе люди ихъ вѣру нарушили, церкви Божіи разоряютъ, ихъ избиваютъ, женъ и дѣтей ихъ сожигаютъ и тиранятъ—насыпаютъ за пазуху порохъ и зажигаютъ, отрѣзываютъ сосцы на грудяхъ...» ⁵⁴⁶ Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ съ гетманомъ Острениномъ въ обозѣ подъ Чигиринъ—Дубровой, Ивашко Головинъ говорилъ въ распросѣ, что казаки стоятъ противъ поляковъ *за вѣру*, и если Богъ помилуетъ ихъ, то они со всѣмъ войскомъ и снарядомъ придутъ на государево имя, а въ другіе земли идти не хотятъ, ибо тамъ живутъ невѣрные. ⁵⁴⁷ Мы видѣли, что та же причина заставила густынскихъ и мгарскихъ монаховъ оставить свои монастыри и удалиться въ Московское государство. Но не одни только религіозные мотивы вызвали это удаленіе почти цѣлой тысячи казаковъ; здѣсь имѣли большое значеніе, какъ мы видѣли, и причины соціально-экономическія. Явились черкасы въ Бѣлгородъ въ 1638 г. съ женами и дѣтьми; самъ Яцко жену свою и сына прислалъ еще раньше. О личности Яцка Остренина мы имѣемъ много данныхъ; но данныя эти требуютъ критическаго разбора въ виду ихъ противорѣчиваго характера: по однимъ извѣстіямъ, гетманъ Острица былъ казненъ въ Варшавѣ, а по другимъ онъ самъ спасся въ Московское государство и построилъ городъ Чугуевъ. Издатели «Воронежскихъ Актовъ», напечатавъ грамоту объ убійствѣ Яцка Остренина въ Чугуевѣ, дѣлаютъ къ ней комментаріи и приходятъ къ заключенію о тождествѣ Остренина и Острицы. Въ пользу своего мнѣнія они приводятъ два свидѣтельства: 1) по извѣстію Радзвигинскаго, послѣ пораженія казаковъ на Солоницѣ и Старицѣ Остржанинъ убѣжалъ въ Москву и поселился на Дону; ⁵⁴⁸ 2) въ письмѣ воеводы Брацлавскаго къ кастеляну Краковскому отъ 6-го декабря 1638 году,

⁵⁴⁵ Мое «Матеріалы...», стр. 15.

⁵⁴⁶ Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронежскіе акты, книга 1-я, страница 100.

⁵⁴⁷ Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. ст.. № 3.999.

⁵⁴⁸ Маркевичъ, приводитъ это свидѣтельство замѣчаетъ: *si non e vero, bene trovato* (Ист. Мал. М. 1843 г., т. V. стр. 26—27).

между прочимъ говорится: «многократно я къ вамъ, милостивый государь, писалъ, прося, дабы вы его королевскому величеству припомнить изволили, чтобъ этимъ своевольцамъ пресѣкъ путь къ побѣгу въ Москву, и чтобъ его королевское величество потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ измѣнниковъ, которые бѣжали туда... оная выдача можетъ положить предѣлъ своевольствамъ». ⁵⁴⁹ Но есть нѣкоторыя обстоятельства, мѣщающія такому отождествленію. Впервыхъ, Острианицу звали, по малороссійскимъ источникамъ, Стефаномъ, а Остренина Яцкомъ или иначе Яковомъ; вовторыхъ, по чугуевской перепискѣ черкасы въ Чугуевѣ говорили своему гетману: «а въ гетмана тебе въ Литвѣ не выбирали, пожаловалъ тебе гетманомъ государь царь»; ⁵⁵⁰ между тѣмъ Острианица былъ избранъ гетманомъ въ Литвѣ; въ третьихъ, по извѣстію малороссійскихъ лѣтописцевъ, Острианица былъ замученъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Гунею, а Остренинъ убитъ возмущившимися противъ него казаками въ городѣ Чугуевѣ. На основаніи этихъ фактовъ преосвященный Филаретъ полагаетъ, что Остренинъ былъ родственникомъ, можетъ быть братомъ знаменитаго Острианицы, и царь пожаловалъ его гетманомъ именно за заслуги его брата-мученика. ⁵⁵¹ С. М. Соловьевъ отождествляетъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Острианицу съ Яцкомъ Острениномъ, поселившемся въ Чугуевѣ. Нужно думать, что покойный историкъ нашъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы, которые подтверждали эту мысль. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ одно чрезвычайно важное указаніе—приводитъ письмо Конецпольскаго къ королю, въ которомъ говорится: «Далъ мнѣ знать комиссаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми ушелъ къ *Остренину въ Москву*». ⁵⁵² Изъ этого письма видно, что Остренинъ дѣйствительно ушелъ въ Москву, и къ нему же отправился потомъ и Гуня. Мы то же склонны отождествлять Остренина съ Острианицей и приведемъ отъ себя еще слѣдующія соображенія. Обратимся къ разбору соображеній преосвящ. Филарета; первое и третье основаны на малороссійскихъ лѣтописяхъ; преосвящ. Филаретъ ссылается на

⁵⁴⁹ Маркевичъ. Ист. Мал. М. 1842 г., т. III, стр. 48; документъ этотъ заимствованъ Маркевичемъ изъ библіотеки Замѣскихъ.

⁵⁵⁰ Филаретъ. Ист.-стат. опис. Харьк. Епархіи, отд. IV, стр. 31.

⁵⁵¹ Ibidem, стр. 37—38.

⁵⁵² С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. X, стр. 120.

лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго, на Ригельмана и, главное, на «Исторію руссовъ»; эта послѣдняя—источникъ чрезвычайно мутный; сочиненіе Ригельмана не заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ извѣстій о событіяхъ XVII вѣка; а этимъ источникамъ противопоставляются свидѣтельства современниковъ и официальныхъ документовъ. И тѣ, и другіе согласно утверждаютъ, что казаки послѣ неудачнаго сраженія съ поляками удалились въ Московское государство вмѣстѣ съ гетманомъ Яковомъ Острениномъ. Правда, можно предположить, что Яковъ Остренинъ былъ братъ или сынъ казацкаго предводителя Острианицы, и это какъ бы подтверждается словами казаковъ, которые говорили Остренину въ Чугуевѣ: «мы де гетманомъ тебя въ Литвѣ не выбирали, а назначилъ тебя государь». Но это выраженіе можно понимать и толковать различно; можно понимать его и буквально, что казаки въ Литвѣ не выбрали Острианицу гетманомъ; и дѣйствительно, въ это время настоящимъ, утвержденнымъ отъ правительства предводителемъ реестровыхъ казаковъ былъ Ильяшъ Караимовичъ, назначенный послѣ поразеній, нанесенныхъ казакамъ Павлюка подъ Кумейками и Боровицей; впрочемъ Ильяшъ Караимовичъ назывался не гетманомъ, а только *старшимъ*; еще меньшее формальное право на титулъ гетмана имѣлъ Острианица, бывшій только главою возставшихъ запорожцевъ и раздѣлявшій свою власть со Скиданомъ; расположенные къ нему казаки могли называть его гетманомъ; такой титулъ оставилъ за нимъ и московскій государь; но противники въ спорѣ всегда могли ему поставить на видъ, что онъ не былъ настоящимъ гетманомъ. Но кромѣ этихъ общихъ разсужденій, мы можемъ привести еще одно фактическое указаніе въ пользу того, что чугуевскій Остренинъ былъ предводителемъ казаковъ подъ Голтвой и Желнинымъ. Одинъ изъ выходцевъ, Ивашко Головинъ, сообщалъ въ 1638 г. слѣдующее: «Сидѣлъ онъ въ обозѣ съ казаками на полѣ подъ Чигиринъ Дубровою съ казацкимъ гетманомъ Яковомъ Острианиномъ, и ляхи казаковъ осилили и осадили, такъ что тѣ стали терпѣть голодъ; четверикъ хлѣба продавался по 5 рублей; теперь въ обозѣ казаковъ тысячъ 12, а осадили ихъ паны Вишневецкій, Потоцкій да Лашъ; его въ числѣ другихъ казаковъ (всего 300 человекъ) отправили изъ обоза для покупки хлѣба въ Черниговъ; но изъ Чернигова вышелъ староста и разсѣялъ ихъ отрядъ; онъ ушелъ въ Брянскъ». ⁵⁵³ Это извѣстіе не оставляетъ, кажется,

⁵⁵³ Архивъ мпц. юст. Столб. бѣлг. стола, № 3.999.

сомнѣнія въ тождествѣ Остренина и Острианицы, ибо Чигиринъ Дуброва лежитъ возлѣ Жовниша.⁵⁵⁴ Но если такъ, то къ тому же Яцку, а не къ Стефану Острианицѣ относится еще одно достовѣрное извѣстiе; въ актахъ о казакахъ, изданныхъ Кіевскою временною комиссіею, мы находимъ одинъ документъ, въ которомъ король Владиславъ даетъ Мацѣю Доманскому, рядовому изъ хоругви Сам. Лаца, въ вѣчное владѣніе все движимое и недвижимое имущество, конфискованное у кіевскихъ казаковъ Яхна Жилнискаго и Яцка Острианицы.⁵⁵⁵ Такимъ образомъ, Яцко Острианица былъ кіевскій казакъ, а не нѣжинскій полковникъ, какъ говорятъ нѣкоторые малороссійскія извѣстiя. Но неужели извѣстiя малороссійской лѣтописи о сожженіи Острианицы и Гуни въ Варшавѣ не имѣютъ никакого историческаго основанія? Самый фактъ казни *нѣкоторыхъ* казацкихъ предводителей въ Варшавѣ остается достовѣрнымъ, но спутались только у позднѣйшихъ разказчиковъ имена и фамиліи лицъ. Очень можетъ быть, что Острианица былъ дѣйствительно замученъ въ Варшавѣ, но только не Яковъ, а его отецъ; такъ предполагаетъ С. М. Соловьевъ, и такое предположеніе значительно сглаживаетъ противорѣчіе источниковъ. Какъ бы то ни было, даже Ригельманъ, говорящій о казни Острианицы въ Варшавѣ, сообщаетъ намъ свѣдѣнія о переходѣ малороссійскихъ казаковъ на службу въ Московское государство и о поселеніи ихъ возлѣ донскихъ казаковъ по Сѣверскому Донцу и другимъ рѣкамъ.⁵⁵⁶

Пришедшіе малороссіянне были приведены къ присягѣ; вѣрно служить государю и его семейству, ни съ какой службы не бѣгать, въ литовскую сторону безъ разрѣшенія не ходить, ни съ татарами, ни съ поляками, и съ литовцами, ни съ оставившимися черкасами не ссылаться, ни для разбоевъ, ни для грабежа воровства туда не ходить, потому что государь съ королемъ Владиславомъ находится въ союзѣ, письма зазывныя показывать воеводѣ, скопомъ и самовольствомъ никого не грабить⁵⁵⁷. Остренинъ и его

⁵⁵⁴ См. карту Боплана у Бантышъ-Камелскаго.

⁵⁵⁵ Арх. Ю. Э. Росс., ч. 3, т. I, стр. 372: Władysław IV. oznajmujemy iż mż dobra wszystkie ruchome ynieruchome po Jachnie Zylińskim y Jacku Ostranicy kozakach kijewskich, rebellizantach, do dispositiey naszej przzpadle szlachetnemu, Maciejowi Donlansviemu prawem wiecznym dac y konferowoe umyslilismy.

⁵⁵⁶ Лѣт. пов. о Мал. Росс., ч. 1, стр. 43; мѣсто поселенія здѣсь обозначено довольно неопредѣленно.

⁵⁵⁷ Рукописи историко-филологическаго общества. Стод. подл. отпис. чуг. воев., № 3.

казаки явились съ женами и дѣтьми, съ лопадъми, коровами и овцами; среди пришельцевъ было также не мало пашенныхъ мужиковъ и мастеровыхъ⁵⁵⁸. Не смотря на то что Чугуево городище стояло въ самой степи на татарскихъ сакмахъ, вдали отъ жилыхъ государевыхъ мѣстъ, такъ что хлѣбные запасы могли доставляться туда съ большимъ трудомъ, государь разрѣшилъ пришельцамъ основать себѣ тамъ поселеніе, построить городъ и всякія крѣпости; было принято во вниманіе соображеніе, которое выставляли сами черкасы—что если ихъ будутъ отправлять партіями въ разные украинные города, то на дорогѣ у нихъ пропадетъ весь скотъ и пчелы, и оттого они оскудѣютъ⁵⁵⁹. Такимъ образомъ, главная причина устройства новоприхожихъ черкасъ на дикихъ татарскихъ степяхъ, а не въ украинныхъ московскихъ городахъ, заключается въ томъ, что они явились сразу въ очень значительномъ количествѣ со своими семьями и со всѣмъ домашнимъ имуществомъ. Понятно, почему Московское правительство обнаружило такую заботливость о новыхъ переселенцахъ. Въ лицѣ ихъ оно получало мужественныхъ борцовъ со своими врагами, передовой оплотъ противъ татаръ. Всего пришло съ гетманомъ и сотниками 865 рядовыхъ казаковъ. Впослѣдствіи еще явились изъ Азова атаманъ Мих. Карповъ съ 43 казаками и изъ литовскихъ городовъ атаманъ Васильевъ съ 40 человекъ; ихъ также велѣно было устроить наравнѣ съ прежними и выдать жалованье⁵⁶⁰. Такимъ образомъ, всѣхъ рядовыхъ казаковъ было 948 чел. У гетмана былъ сынъ Андрей; кромѣ гетмана, были еще слѣдующіе начальники: войсковою ссаулъ Иванъ Гордѣевъ, войсковою подъячій (то-есть, писарь) Филонко Юрьевъ, сотники Мих. Переяславецъ, Богданъ Матюшенко Мокѣйво Володимеровъ. Разсоха, пятидесятники и десятники. Явился, слѣдовательно, цѣлый отрядъ или, вѣрнѣе сказать, полкъ, сохранившій правильное полковое военное устройство. Гетманскій титулъ ихъ начальника закрѣпляетъ и санкціонировалъ это казацкое устройство и на будущее время. Правда, мы видѣли, что и прежнія партіи черкасъ, поселявшіяся въ московскихъ украинныхъ городахъ, сохраняли до *нѣкоторой* степени свой прежній казацкій строй. Но въ то время, какъ тамъ мы могла видѣть только однихъ десятниковъ и пожалуй иногда пятидесятниковъ и сотниковъ, здѣсь, были не

⁵⁵⁸ Архивъ мин. юст. Ст. бѣг. стола, № 4008.

⁵⁵⁹ Ibidem.

⁵⁶⁰ Архивъ мин. юст. Ст. бѣг. стола, № 4033.

то генеральные, не то полковые есаулъ и писарь, и наконецъ, самъ гетманъ, власть котораго должна была быть значительно полковничей; разница во всякомъ случаѣ очень существенная. Казацкое устройство новыхъ переселенцевъ не было нарушено центральнымъ правительствомъ; всѣ эти «уряды» мы встрѣчаемъ и въ 1640 и въ 1641 г., когда черкасы ушли изъ Чугуева. Но рядомъ съ властью гетмана и другихъ казацкихъ начальниковъ была поставлена власть воеводы, который являлся органомъ центральной правительственной власти. Въ самомъ началѣ на Чугуево городище былъ отправленъ только писецъ Максимъ Лодыженскій для постройки острога и устройства черкасъ; Максимъ Лодыженскій находился въ непосредственной зависимости отъ бѣлгородскаго воеводы, князя Пожарскаго. Съ нимъ же былъ отпущенъ нарядъ пушки, пищали, порохъ и свинецъ. Скоро впрочемъ въ Чугуевъ было послано болѣе самостоятельное лицо—воевода кн. Щетининъ, который не зависѣлъ уже отъ бѣлгородскаго воеводы; «нынѣ князю Пожарскому Чугуева ни въ чемъ вѣдать не велѣно». Съ кн. Щетининымъ отправлены были русскіе служилые люди—изъ Бѣлгорода 50 человекъ дѣтей боярскихъ, 25 конныхъ казаковъ, 25 пѣшихъ стрѣльцовъ; изъ Курска—40 дѣтей боярскихъ, 40 конныхъ казаковъ, съ Оскола 10 дѣтей боярскихъ, 10 конныхъ казаковъ; всего 200 человекъ⁵⁶¹; слѣдовательно, великорусскихъ служилыхъ людей въ Чугуевѣ было въ пять разъ меньше, чѣмъ черкасъ. Мы будемъ останавливаться на инструкціи, полученной воеводою кн. Щетининымъ, такъ какъ это относится уже къ характеристикѣ управленія; замѣтимъ только, что главною обязанностью воеводы было наблюденіе за безопасностью города; съ черкасами онъ долженъ былъ обращаться ласково, но всячески наблюдать, чтобы между ними не завелось измѣны⁵⁶². Для двороваго строенія и первоначальнаго обзаведенія имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: гетману съ сыномъ 40 р. и 20 четв. ржи, войсковому есаулу 15 р. и 10 четв. ржи, войсковому подъячому—10 р. и 8 четв. ржи, сотникамъ—по 8 р. и по 8 четв. ржи, пятидесятникамъ по 7 р. и по 7 четв., ржи, десятникамъ по 6½ р. и по 6 четв. ржи, рядовымъ по 5 р. и по 5 четв. ржи; но вмѣсто этого хлѣба рѣшено было уплатить имъ деньгами за четверть ржи по 13 алтынъ и 2 деньги; кромѣ того, на сѣмена

⁵⁶¹ Архивъ мин. юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

⁵⁶² Ibidem.

приказано было отпустить имъ 1500 четвертей ржи. Всего дано было въ первой посылкѣ на строенье и за хлѣбъ 616 чел. 5068 р. 3 алт., 2 д.; въ другой—остальнымъ 396 чел. 3210 р., 23 алт., 2 д.; начальниковъ и рядовыхъ было 1012 чел., и они получили 7278 р., 26 алт. 4 д.⁵⁶³, то-есть, въ среднемъ около 8 р. на человѣка. На эти-то средства они должны были построить себѣ жилища и пачать распахать отведенныя имъ подъ пашню земли. Такое же жалованье выдавалось и въ слѣдующемъ 1640 и въ 1641 году. Интересно при этомъ, что оно превышало жалованье, получаемое русскими людьми; въ то время, какъ никто изъ черкасъ не получалъ менѣе 5 р. въ годъ, русскіе служилые люди получали по 5 р., 4 р. 25 алт., 4 р. и даже 3 рубля.

Трудно было на первыхъ порахъ новымъ поселенцамъ. Въ одно и то же время они должны были строить городъ, всякія укрѣпленія—и жилища и заботиться о заведеніи пахатныхъ земель и всякъхъ угодій. Постройка острога было дѣло не легкое. Въ своей челобитной чугуевскіе черкасы писали, что они сами поставили острогъ и шесть башенъ, а остальные три по разверсткѣ должны были сдѣлать русскіе люди⁵⁶⁴. Постройка жилищъ, повидимому, окончилась скоро. Нѣсколько затормозилось только дѣло съ посѣвомъ хлѣба, но виноваты въ этомъ были не черкасы, а бѣлгородскій воевода кн. Пожарскій. Дѣло происходило такимъ образомъ. 14-го апрѣля 1639 г. бѣлгородскому воеводѣ приказано было отпустить чугуевскимъ черкасамъ на сѣмена овса: гетману съ сыномъ 15 четв., войсковому есаулу—7, войсковому дьячку—5, десяти сотникамъ по 4, девяти пятидесятникамъ по 3 съ осминою, 102 десятникамъ по 3 ч., 887 рядовымъ по 2 ч. съ осминою; всего 2622 чети; весь этотъ овесъ нужно было отпрхвать изъ Бѣлгорода *водянымъ путемъ*, то-есть, по р. Сѣверскому Донцу⁵⁶⁵. Но ледъ на Донцѣ вскрылся очень рано, такъ что во время наступившаго половодья бѣлгородцы и донскіе казаки на готовыхъ судахъ ушли на Донъ извозомъ до полученія государеваго указа; воевода, по его объясненію, хотѣлъ было взять подводы у бѣлгородскихъ жителей, чтобы доставить эти сѣмена сухимъ путемъ, но все населеніе подало ему челобитную, въ которой заявляло, что отправить этого овса имъ и нехѣтъ, и нечѣтъ, и эту челобитную онъ отослалъ въ

⁵⁶³ Архивъ мѣн. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

⁵⁶⁴ Мои «Матеріалы» стр. 14.

⁵⁶⁵ Архивъ мѣн. юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

Москву. Между тѣмъ въ это время прошла уже и пора посѣва. Чугуевскіе черкасы отъ себя подавали по этому поводу нѣсколько челобитныхъ Щетинину, а тотъ писалъ три раза въ Бѣлгородъ къ князю Пожарскому; и только послѣ 17-го мая, когда уже прошло время посѣва, этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы чугуевскіе черкасы сами пріѣхали въ Бѣлгородъ. Черкасы отказывались ѣхать и ссылались на свою бѣдность, разореніе и отсутствіе лошадей⁵⁶⁶. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ челобитныхъ бѣлгородскій воевода изъ Москвы получилъ выговоръ. «Напрасно ты принялъ челобитную бѣлгородцевъ», писали ему изъ Рязряда—«потому что они не дѣлаютъ ни судовъ для отпуска на Донъ, ни отправляютъ на нихъ хлѣба, и въ нынѣшнемъ 1639 году зимою хлѣбныхъ запасовъ ни въ какіе новые города не возили, а между тѣмъ воронежцы отправляли ихъ на Усердь и также строили суда и отсылали нашихъ служилыхъ людей и собранный хлѣбъ на Донъ, осколяне—въ Яблоновъ, куряне—тоже въ Яблоновъ и Бѣлгородъ. Во всякомъ случаѣ бѣлгородцы, отправившіеся на Донъ, могли захватить съ собою хотя нѣкоторое количество сѣмянъ или же доставить подводы для отсылки сухимъ путемъ. Ты же сдѣлалъ имъ «поноровку»; а между тѣмъ самъ вѣдасшь, что на Чугуевѣ устроены черкасы; хлѣбныхъ запасовъ и земель у нихъ нѣтъ; подъ яровой хлѣбъ они уже заготовили землю, которая осталась не засѣянною, сами же они отъ голода хотятъ разойтись съ Чугуева, потому что яроваго хлѣба нисколько не посѣяли, и это все сдѣлалось по твоей винѣ. Тесерь ты долженъ отправить въ Чугуевъ 1500 четв. ржи водянымъ путемъ, а если нельзя будетъ почему-либо отправить ее водою, то сухопутьемъ на телѣгахъ бѣлгородцевъ; для сопровожденія этой ржи долженъ явиться въ Чугуевъ воевода Щетининъ съ черкасами, а ты отрядишь своихъ служилыхъ людей для защиты отъ татарскихъ нападений. Если же всѣ черкасы цѣлымъ городомъ явятся за этою рожью въ Бѣлгородъ, то можно имъ отдать ее, не отряжая проводниковъ»⁵⁶⁷. Черкасы, какъ мы видѣли, въ своей челобитной заявляли, что ѣхать за рожью въ Бѣлгородъ они не могутъ, потому что не имѣютъ лошадей. Когда же было привезено, наконецъ, 430 четвертей овса въ Чугуевъ, то черкасы отказались взять его и построить для него житницы, потому что время посѣва прошло, такъ что кн. Щетининъ отправилъ его

⁵⁶⁶ Мои «Матеріалы»... стр. 13—14.

⁵⁶⁷ Арх. мин. вѣст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

обратно въ Бѣлгородъ ⁵⁶⁸. Не смотря на эти столкновенія, черкасы охотно принимались за обработку земли. Самъ воевода Щетининъ доносилъ, что гетманъ и черкасы въ Чугуевѣ построились дворами и земли свои пашутъ; особенно много посѣяно ими было ярого хлѣба. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ очень хорошей; въ торговые дни шла бойкая продажа хлѣба: пшеничная мука продавалась по 20 алтынь за четверть, а ржаная по полтинѣ. Между тѣмъ русскіе люди, не смотря на указы, не охотно брались за земледѣіе; стрѣльцы, объясняя свде нежеланіе, говорили, что они люди пѣшіе и потому взять отмежеванныхъ имъ земель не могутъ ⁵⁶⁹.

Такая склонность чугуевскихъ черкасъ къ земледѣлію объясняется тѣмъ, что и на родинѣ у себя они были земледѣльцами, владѣвшими въ украинскихъ старостахъ землями и угодьями. Условія земледѣльческой культуры, можно сказать, оставались одни и тѣ же: почва, климатъ чугуевского уѣзда мало чѣмъ отличались отъ почвы и климата полтавской или кievской губерній; и тамъ, и здѣсь пужно было выходить на посѣвы или сѣнокосъ съ оружіемъ въ рукахъ и быть готовымъ всякую минуту отразить врага. Приходилось только приспособляться къ новой для переселенцевъ формѣ землевладѣнія—помѣстной системѣ; но идея этой послѣдней не была совершенно чужда малороссіянамъ; и въ своихъ украинскихъ старостахъ они должны были нести воинскую службу за тѣ земли и угодья, которыми пользовались. Центральное правительство рѣшилось устроить чугуевскихъ черкасъ на помѣстномъ правѣ. По челобитной самихъ черкасъ, которые писали, что мѣста подъ дворы и огороды имъ отведены, а подъ пашню нѣтъ, государь велѣлъ послать изъ помѣстнаго приказа указъ къ Максиму Лодыженскому описать и измѣрить ближнія подгородныя и дальнія земли, сѣнные покосы, рыбныя ловли, лѣса, бортныя ухажья, перевѣсища и сваякія угодья. Посланный съ этою цѣлью изъ помѣстнаго приказа писецъ съ Максимомъ Лодыженскимъ и тѣми бѣлгородцами, которымъ принадлежали земли возлѣ Чугуева, долженъ былъ опредѣлить, какія земли отойдутъ къ Бѣлгороду, а какія къ Чугуеву, и провести межу, чтобы впередъ было «вѣчно и стоятельно». Вслѣдъ затѣмъ гетманъ долженъ былъ получить 120 ч. въ полѣ, а вдву потомужъ, сынъ его—40, войсковою есаулъ—50, войсковый дьячекъ—40, 10 сотниковъ—по 35, пятидесятники—по 30, 102

⁵⁶⁸ Ibidem.

⁵⁶⁹ Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

десятника— по 25, 887 рядовыхъ по 20 ч., 2 священника—по 30 ч.; 12 чел. дѣтей боярскихъ кормовыхъ—по 25 ч. Все это должно быть записано въ книги ⁵⁷⁰.

Такимъ образомъ, черкасы получили всего 21550 четей въ полѣ да вду потому-жъ, то-есть, 64650 четей или 32325 десятинъ. Нужно впрочемъ полагать, что сюда не вошли сѣнокосныя земли, лѣса и всякія угодыя, количество которыхъ должно было быть значительнѣе пахатныхъ земель. Но если мы удвоимъ или даже утроимъ полученную нами цифру, то она будетъ все-таки слишкомъ незначительна сравнительно съ общимъ количествомъ земель и угодиі чугуевского уѣзда, занимавшаго громадный кусокъ харьковской губерніи до самой бѣлгородской волости. Простора было много. Почвы для поземельныхъ споровъ, по видимому, не было. Но на дѣлѣ они явились. Съ чугуевскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, споръ вышелъ изъ-за урочища *Кабановой поляны*, заключавшей въ себѣ 2000 четей и всякія угодыя ⁵⁷¹; здѣсь устроены были потомъ пасѣки и сѣнокосы ⁵⁷². Для объясненія этого нужно припомнить, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка нѣкоторыя лица владѣли помѣстьями въ Донецкой волости. Съ ними-то теперь и начались, по видимому, пререканія при описаніи и размежеваніи земель. По крайней мѣрѣ чугуевскіе черкасы въ своей челобитной государю заявляли, что бѣлгородскіе помѣщики и вѣтчинники грамотъ на свои владѣнія передъ Макс. Лодыженскимъ не положили, и потому эти земли (по Донцу, Удамъ, Лопани и Харькову), должны отойти къ нимъ, чугуевцамъ ⁵⁷³. Какъ мы видимъ, эти спорныя земли занимали значительное пространство—бассейнъ р. Уды и его притоковъ Харькова и Лопани. Хотя тамъ были помѣстныя четвертные земли, но онѣ состояли изъ поземельныхъ участковъ неопредѣленной величины, въ которыхъ владѣльцы ихъ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. Къ такимъ же промысламъ стремились и чугуевскіе черкасы: на этой именно почвѣ и могли только происходить столкновенія. Звѣроловство, рыболовство и другіе промыслы требовали громадныхъ пространствъ. Понятно, слѣдовательно, почему чугуевскіе черкасы

⁵⁷⁰ Мои «Матеріалы» стр. 15—16.

⁵⁷¹ Архивъ мнн. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; объ этомъ урочищѣ мы встрѣчаемъ упоминанія еще въ книгѣ большаго чертежа.

⁵⁷² Арх. мнн. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

⁵⁷³ Арх. мнн. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

желаютъ получить въ свое владѣніе земли по рр. Удавъ, Лопани и Харькову, хотя онѣ лежали на значительномъ разстояніи отъ Чугуева ⁵⁷⁴. Въ документахъ мы находимъ прямыя указанія на такіе промыслы; пасѣнки чугуевскихъ черкасъ находились въ 20 и даже 30 верстахъ отъ города, такъ что туда постоянно являлись воровскіе черкасы, похищали лошадей, выдирали пчелъ и избивали людей ⁵⁷⁵. На Сѣверскомъ Донцѣ были ихъ мельницы, которыя мѣшали правильному и безостановочному движенію судовъ изъ украинскихъ городовъ на Донъ и обратно съ хлѣбными запасами и со всякими товарами. Чугуевскій воевода жаловался на это и заявлялъ, что мельницы можно бы строить на маленькихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Дощецъ ⁵⁷⁶. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ документахъ частыя указанія на звѣроловство и другіе промыслы.

Кромѣ жалованья и земельныхъ угодій, чугуевскіе черкасы пользовались еще нѣкоторыми льготами. Такъ, имъ было позволено ходить на Донъ ⁵⁷⁷. Литовскіе и русскіе купцы могли приходить въ Чугуевъ и вести здѣсь безпошлинную торговлю; они не должны были провозить только заповѣдныхъ товаровъ, каковыми считались горячее вино и табакъ ⁵⁷⁸. Наконецъ, священники черкасскіе также получили земли и жалованье, церкви—церковныя книги и другіе необходимые предметы. Черкасскимъ священникамъ было отведено по 30 четей земли; жалованье они получали въ слѣдующемъ размѣрѣ: священники по 7 р., 7 четв. ржи, 7 четв. овса; діаконы—по 4 р., 7 четв. ржи и 7 четв. овса, дьячки и просфорницы—по 2 р., 4 четв. ржи и 2 четв. овса ⁵⁷⁹. Въ документахъ мы находимъ указаніе, что въ соборный храмъ Преображенія Господня были отправлены слѣдующія церковныя книги—Уставъ, цѣною въ 2 р. 12 алт., два Октоиха, Евангеліе толковое, цѣною въ 2 р. 10 алт., Служебникъ—въ 1 р. 3 алт., 60 денегъ, Псалтырь—въ 28 алт. 2 д., 4 Трефо-

⁵⁷⁴ Въ октябрѣ 1641 г. гетманъ и всѣ черкасы подали государю челобитную, въ которой жаловались, что въ 1639 г. Максимъ Лодыженскій да Ключевъ отвели имъ во владѣніе бортиный ухажай—Салтовскій юртъ, а въ 1640 г. князь П. Щетининъ отдалъ его бѣлгородцу Семелу Маслоу съ племянниками; см. рукописи Ист. фл. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ чуг. воев., № 10.

⁵⁷⁵ Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

⁵⁷⁶ *Ibidem*.

⁵⁷⁷ И дѣйствительно въ 1639—1640 гг. ушло туда 135 чел.; см. Филарета. «Истор.-ст. опис. Харьк. еп.», отд. IV, стр. 29—30.

⁵⁷⁸ Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

⁵⁷⁹ *Ibidem*. № 4033.

лои—въ 7 р. 4 гр., Потребникъ новой печати—въ 2 р. 4 гр. Впрочемъ, это были только добавочныя книги; другія были присланы раньше ⁵⁸⁰. Вышедшій изъ Польши съ одною партіей черкасъ священникъ о. Игнатій въ своей челобитной писалъ государю: «Вышелъ я со своими духовными дѣтьми съ 50 чел. на государево имя съ женою, дѣтьми, дячкомъ, пономоремъ и просфорницей; вернувшись изъ Москвы, гдѣ на патриаршемъ дворѣ былъ поставленъ во священники, я прошу дозволенія устроить въ слободѣ церковь трудами своихъ духовныхъ чадъ, которые потомъ и будутъ моими прихожанами, и въ эту церковь пусть государь укажетъ мнѣ дать священныя книги и колокола» ⁵⁸¹. По всей вѣроятности, эта просьба была удовлетворена только отчасти, а церковь, во всякомъ случаѣ, въ слободѣ была выстроена. Въ писцовой книгѣ 1646 г. описывается храмъ Николая чудотворца за Чугуевкою *въ слободѣ*; въ немъ былъ придѣлъ св. великомученицы *Параскевы*, нареченныя *Пятницы*, а всѣ образа, книги и ризы принадлежали священнику и прихожанамъ ⁵⁸². Такимъ образомъ, въ Чугуевѣ была сначала одна соборная церковь, но уже въ 1640 г. была построена въ слободѣ на иждивеніе однихъ черкасъ другая, приходская, которую они и содержали; вся утварь въ ней и даже церковныя книги были привезены изъ Польши.

Таковы были льготы чугуевскихъ черкасъ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что матеріальное положеніе чугуевскихъ малороссіянъ было довольно удовлетворительное: у нихъ было достаточно плодородной земли и всякихъ угодій, скота; у очень многихъ были пасѣки; многіе занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Изъ росписи имущества, оставленнаго бѣглыми черкасами въ Чугуевѣ, видно, что у каждаго изъ нихъ былъ дворъ, одна или нѣсколько коровъ, иногда вола, извѣстное количество молочнаго и немолочнаго хлѣба, ржи, проса, пшеницы. Послѣ же сотника Разсохи осталось довольно много имущества: 8 рабочихъ воловъ, 4 коровы дойныя, 5 телятъ, 38 ульевъ пчель, 16 свиней; молочнаго хлѣба: проса 3 четверика, ржи 3 четвер., овса 2 четъ., гороху 1 четвер.; не молочнаго— $\frac{1}{2}$ стожка ржи, 3 копны проса и гречи. Не забудемъ, что это была, по всей вѣроятности, незна-

⁵⁸⁰ Арх. мин. юст. Столб. бѣг. стола, № 4033.

⁵⁸¹ Арх. мин. юст. Ст. бѣг. стола, № 4008.

⁵⁸² Филаретъ. Ист.-ст. оп. Хар. ен. отд. IV, 13.

чительная часть всего хозяйства: остальное должно было быть увезено ⁵⁸³.

За все это черкасы должны были нести воинскую службу. Мы уже знаем, что они сами, без помощи русских служилых людей, построили крепость в Чугуеве, — не достроено было только три башни. Крепость эта была устроена по образцу других украинских московских крепостей. Но кроме городских укреплений, нужно было сделать еще укрепления и около города, для предупреждения татарских нападений. Сь ногайской, то-есть сь лѣвой стороны Донца подь городомъ, былъ большой лѣсъ, въ который перегоняли лѣтомъ стада; тамъ предполагалось поставить надолбы; въ чугуевскомъ уѣздѣ былъ Салтовскій бродъ черезъ Донецъ; черезъ него свободно переходили татары и забирали по пастѣкамъ у черкасъ скоть; тамъ поставлены были сторожа изъ пяти человекъ и рѣшено было построить укрепленіе ⁵⁸⁴. Гетманъ Яцко Остренинъ и всѣ черкасы подали челобитную, ⁵⁸⁵ въ которой просили позволенія строить всякія прѣпости, въ виду ожидаемаго нападенія поляковъ, заявляли, что у нихъ теперь военныхъ запасовъ очень мало — 5 мѣдныхъ короткихъ пушекъ, сь 500 ядеръ, пороху 26 п., свинца 42 п.; 5 большихъ пушекъ, пожалованныхъ государемъ, воевода имъ не прислалъ; вѣстовая пушка, данная въ 1638 году изъ Бѣлгорода, дырява, и стрѣлять изъ нея невозможно. Въ заключеніе черкасы просили, чтобы государь пожаловалъ ихъ — далъ имъ пушекъ, пищалей, пороху, литавровъ, барабановъ, зинмень и всякихъ воинскихъ запасовъ, чтобы имъ можно было противъ враговъ выступать ⁵⁸⁶. Вообще недостатокъ воинскихъ запасовъ возбуждалъ постоянныя жалобы чугуевскихъ черкасъ, особенно въ виду того, что, кромѣ постоянного врага — татаръ, имъ грозили нападеніемъ поляки, недовольные за удаленіе Остренина въ московскіе предѣлы.

Но еще большее неудовольствіе вызывала требовавшая постоянного напряженія сторожевая и станичная служба. Черкасы, наиримѣръ, содержали караулъ въ большомъ острогѣ, перемѣняясь по 50 человекъ ⁵⁸⁷, посылали сторожей и станичниковъ по разнымъ урочи-

⁵⁸³ Мов «Матеріалы»... стр. 17—18.

⁵⁸⁴ Арх. м. ю. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

⁵⁸⁵ Арх. мнн. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

⁵⁸⁶ Мов «Матеріалы»... стр. 14.

⁵⁸⁷ Арх. мнн. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

щамъ; станичники малороссійскіе, не получая жалованья, стали бѣгать за рубежъ въ Литву. Чугуевскій воевода отписывалъ царю, что черкасы, сравнительно съ прежнимъ временемъ, оказываютъ большое непослушаніе; сотники Разсоха и Поповъ заявляютъ ему жалобы на тяжесть станичной службы: «ты де выбираешь въ станицы самыхъ лучшихъ казаковъ и насъ разразниваешь, а мы неволею служить не охочи»; такое же неудовольствіе выражали, впрочемъ, и стрѣльцы. Вообще на воеводу Щетинина былъ цѣлый рядъ неудовольствій, какъ со стороны черкасъ, такъ и со стороны русскихъ людей; жаловались на отягощеніе воинскою службой, на запрещеніе отлучаться на звѣриные промыслы, на захватъ назначеннаго для нихъ жалованья⁵⁸⁸. Встрѣчались примѣры и явнаго ослушанія. Такъ, однажды одинъ чугуевецъ, охотясь увидѣлъ татаръ и далъ знать объ этомъ въ Чугуевъ. Значительная часть черкасъ и русскихъ служилыхъ людей отказалась идти на поиски за ними⁵⁸⁹. Въ другой разъ большинство казаковъ возвратилось съ дороги, такъ что съ гетманомъ Острениномъ, несмотря на всѣ его убѣжденія, осталось только человекъ 15⁵⁹⁰.

Эти неудовольствія на воеводу Щетинина со стороны всѣхъ чугуевскихъ жителей вызвали его удаленіе; на мѣсто его былъ назначенъ Кокоревъ, которому было приказано давать черкасамъ, сравнительно съ русскими служилыми людьми, облегченіе въ наказаніяхъ за проступки; «чтобы отъ жестокаго наказанія они въ сумленіе не пришли»⁵⁹¹. Очевидно суровыя наказанія московскихъ Судебниковъ, увеличиваемыя еще иногда злоупотребленіемъ воеводъ, были не обычны для черкасъ.

Но кромѣ того, чугуевскіе черкасы были еще недовольны и своимъ прямымъ начальникомъ гетманомъ Острениномъ. Мы уже видѣли, что многіе сотники (Разсоха, Рябуха и др.) отказывались ходить съ гетманомъ на поиски за татарами; въ августѣ 1640 года сотники Разсоха, Поповъ и др. составили челобитную и отправили ее съ черкашениномъ Антономъ Божкомъ въ Москву, безъ вѣдома воеводы; вмѣстѣ съ тѣмъ они укоряли Остренина въ измѣнѣ; поводомъ къ этому послужило извѣстіе, будто государь на-

⁵⁸⁸ Ibid.

⁵⁸⁹ Ibid.

⁵⁹⁰ Характерныя подробности объ этомъ походѣ см. въ моихъ «Материалахъ»... стр. 16—17.

⁵⁹¹ Архивъ мнѣ, юст. Ст. бѣлг. стола, № 4083.

мѣренъ чугуевскихъ черкасъ или разослать по украиннымъ городамъ, или же отослать въ Литву; извѣстiе это оказалось ложнымъ, и тогда гетманъ испросилъ позволенiе у воеводы жаловаться на челобитчиковъ царю; но черкасы всѣмъ миромъ съ большимъ шумомъ закричали на гетмана: «за тобою мы пришли въ Чугуевъ; здѣсь тебя государь пожаловалъ гетманомъ, а мы тебя въ Литву не выбрали»⁵⁹². Въ сѣнтябрѣ того же года глава челобитчиковъ, сотникъ Разсоха убѣжалъ въ Литву; но пререканiя продолжались по прежнему. Въ январѣ 1641 года прiѣхалъ въ Москву для объясненiй самъ гетманъ, а Поповъ привезъ челобитную отъ чугуевскихъ сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ черкасъ, въ которой было выставлено много обидъ, причиненныхъ гетманомъ; такъ, напримѣръ, онъ отнял у одного казака пасѣку на Кабановой полянѣ, у другаго—избу, со многихъ женъ и дочерей казацкихъ, ходившихъ по ягоды и грибы, снималъ «поневы» и «наметки»; крестьяне гетмана увезли 20 возовъ сѣна у Федька Чючина и едва не убили его самого; Гришкѣ Павлову словесно говорили, чтобъ онъ уходилъ изъ своей пасѣки и уступилъ ее имъ; у него же вытолочили лошадей десятину проса, а когда онъ захватилъ одну лошадь, то явился самъ гетманъ, насильно ее отобралъ, а его, Павлова, хотѣлъ заколотъ рогатиною. Въ словесныхъ объясненiяхъ Поповъ добавлялъ, что гетманъ завладѣлъ ихъ казачьей землей сверхъ той дачи, которая была ему отведена по писцовымъ книгамъ Максима Лодыженскаго; въ доказательство этого онъ ссылался на другихъ челобитчиковъ и всѣхъ чугуевскихъ черкасъ и русскихъ людей. Остренинъ отвергалъ всѣ эти обвиненiя. Для того, чтобы разобраться въ этомъ дѣлѣ, московское правительство вытребовало къ себѣ изъ Чугуева въ Москву и другихъ челобитчиковъ—сотника Ваську Богацкаго, Демьяна Бута, Гаврила Гавронскаго, Богдана Матюшенка⁵⁹³. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ измѣнѣ; челобитчики говорили, что Остренинъ отправилъ свою дочь съ зятемъ въ Литву; гетманъ указывалъ на бѣгство важнѣйшаго его противника Разсохи, которое, конечно, бросало тѣнь и на остальныхъ. Остававшiеся еще въ Чугуевѣ челобитчики говорили: «гетманъ называетъ насъ ворами и измѣнниками, а мы за собою измѣны не знаемъ и хотимъ отъ этого очищаться». Но въ Москвѣ, по видимому, склонны были болѣе вѣрить гетману, нежели его противни-

⁵⁹² *Диларетъ*. Ист.-ст. оп. Харьк. еп., отд. IV, стр. 31.

⁵⁹³ Арх. мнн. юст. Ст. бѣг. стола, № 4033.

намъ; по крайней мѣрѣ, чугуевскій воевода получилъ приказъ отправитъ въ Москву Богацкаго и другихъ челобитчиковъ, а потомъ икъ жемъ съ дѣтьми и съ имуществомъ, на ихъ лошадяхъ, представить къ нимъ провожатыхъ, а скоть ихъ, хлѣбъ и пчелы переписать и беречь отъ расхищенія⁵⁹⁴. Между тѣмъ Яцка Острейниа принимали въ Москвѣ очень хорошо: Онъ «видѣлъ государевы очи» и «былъ у государевой руки»; тогда же ему было назначено слѣдующее содержаніе: кружка романѣи, кружка вина боярскаго, $\frac{1}{4}$ ведра меду краснаго, $\frac{1}{2}$ ведра меду паточнаго, ведро меду бѣлаго, 2 ведра пива, гусь и утка живые, пара курей живыхъ, свиной окорокъ, двѣ части говядины сѣѣка, калачъ и гривна денегъ. Гетману, очевидно, удалось оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Чугуевскій воевода Кокоревъ получилъ такого рода указъ: «гетману по прежнему велѣно быть у чугуевскихъ черкасъ; и ты бъ указалъ слушаться его во всемъ; а мы ихъ будемъ жаловать; и пусть черкасы и русскіе люди въ землю гетманскую не вступаются, а гетманъ въ ихъ вступаться также не долженъ; пусть всѣ служилые и жилые и жилицкіе люди владѣютъ своими указными землями, чтобы ссоры и тяжбы не было»⁵⁹⁵.

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что противъ Острейниа было, можно сказать, общее неудовольствіе, и онъ удержался только благодаря поддержкѣ, оказанной ему центральнымъ правительствомъ. Чугуевскіе черкасы, очевидно, живо помнили еще свое исконное право выбирать и низлагать на радѣ своихъ кошовыхъ и старшихъ. Но теперь это право не могло уже дѣйствовать; окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало государю. Гетману не трудно было выиграть, такъ-сказать, процессъ, главнымъ образомъ потому, что онъ дѣйствительно показывалъ непоколебимую вѣрность царю, въ то время какъ его противники не хотѣли повиноваться представителю центральной власти, воеводѣ, не хотѣли нести станичной службы, а главное—были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ поляками, переживавшими ихъ назадъ въ Польшу.

Дѣйствительно, такіа подстрекательства играли немаловажную роль въ борьбѣ чугуевскихъ черкасъ съ гетманомъ и воеводою. Поляки не могли примириться съ потерей столь значительнаго количества своихъ подданныхъ и потому стали употреблять всевозможныя старанія, чтобы заставить черкасъ покинуть Чугуевъ.

⁵⁹⁴ Ibidem.

⁵⁹⁵ Ibidem.

Съ этою цѣлью прежде всего они рѣшили силою выгнать черкасъ изъ Чугуева. Привѣзавшіе изъ литовскихъ городовъ Миргорода и Полтавы въ Чугуевъ съ товарами купцы еще въ 1639 году дали знать, что въ литовскихъ украинскихъ городахъ собрано уже 6000 человекъ гусаръ и нѣмцевъ, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый Потоцкій, чтобы Чугуевъ разорить, гетмана и казаковъ перебить; на предварительныя развѣдки отправленъ былъ полковникъ Ворона съ 400 черкасъ⁵⁹⁶. Рыльскіе торговые люди сообщали, что въ бытность ихъ въ Нѣжинѣ они слышали отъ многихъ литовскихъ купцовъ, будто гетманъ Конецпольскій перевозится черезъ Днѣпръ съ многими литовскими людьми, чтобы идти подъ украинскіе государевы города Рыльскъ и Путивль⁵⁹⁷. Изъ Москвы по сему поводу были посланы въ украинные города Курскъ и Бѣлгородъ грамоты съ предупрежденіями о предстоящей опасности; въ случаѣ прихода поляковъ курскій воевода долженъ былъ послать къ нимъ дворянина и объявить, чтобы они не нарушали мирнаго постановленія, а если они не послужаютъ, то выступать противъ нихъ⁵⁹⁸. Но мира (Поляновскаго) поляки нарушить не хотѣли, а измѣнили теперь только тактику. Староста Миргорода Станиславъ Гульчевскій прислалъ воеводѣ грамоту, въ которой сообщалъ, будто бы Яцко Остреннъ хочетъ измѣнить государю, побить его людей и вернуться въ Литву. Воевода, по приказанію государя, эту самую грамоту велѣлъ громко прочитать въ присутствіи всѣхъ черкасъ и русскихъ служилыхъ людей. Гетманъ отъ себя заявилъ на это, что въ Литву онъ ничего не писалъ, государю измѣнить не желаетъ, пришелъ вѣрно служить, что бы ни писали лица, желающія навлечь на него опалу государя: останься онъ и его товарищи въ Литвѣ, давно они уже сварены были въ котлахъ; если бы даже другіе и желали измѣнить государю, то онъ останется ему непоколебимо вѣренъ; за другимъ онъ не знаетъ, ибо «не сердце вѣдець, а всякая мысль грудью закрыта»⁵⁹⁹. Второй способъ не при-

⁵⁹⁶ Арх. мнн. юст. Ст. бѣг. стола, № 4008; Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 25—26.

⁵⁹⁷ Рук. Ист.-опис. общ. Стол. подл. опис. чуг. воеводъ, № 9.

⁵⁹⁸ Арх. мнн. юст. Ст. бѣг. стола, № 4008; если Потоцкій и Конецпольскій и не выступили противъ чугуевцевъ, за то они высылали шайки воровскихъ черкасъ, которые грабили имущество—скотъ, лошадей, пчелъ и т. п.; см. объ этомъ, напрямѣрь, донесеніе воеводы Щетинина 1640 г. 9-го апрѣля (Рук. Ист.-опис. общ. Стол. подлнннхъ описокъ чуг. воеводъ № 8).

⁵⁹⁹ Филаретъ. Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 28 29.

вель опять-таки ни къ какимъ результатамъ; Михаилъ Теодоровичъ не повѣрилъ навітамъ на Остренина, въ вѣрности котораго онъ былъ вполне убѣжденъ. Тогда, наконецъ, поляки прибѣгли къ третьему средству: стали подсылать въ Чугуевъ разныхъ лицъ и пересылать черезъ нихъ «прелестныя письма», въ которыхъ свѣдали смуту среди поселенцевъ и перезывали ихъ назадъ въ Литву. Это возымѣло свое дѣйствіе: черкасы стали перебегать изъ Чугуева въ Литву. Бѣгачи за рубежъ и холостые, и женатые, со своими и чужими женами; такъ побѣжали за рубежъ Леско Плотникъ да Ивашко Худой, а съ ними двое черкасскихъ (чужихъ) женъ; за ними послали погоню, которая настигла ихъ по литовской дорогѣ въ 40 в. отъ Чугуева, при чемъ Плотникъ былъ убитъ; относительно остальныхъ вышелъ такой указъ: допросить Ивашку, потомъ казнить, а женъ наказать нещадно кнутомъ и отдать мужьямъ, если они захотятъ взять ихъ, а если не возьмутъ, то отослать въ Бѣлгородъ. Интересно, что сами черкасы явились всѣмъ войскомъ къ воеводѣ и требовали для такихъ измѣнниковъ, которые, подговоря чужихъ женъ и дочерей, бѣгаютъ въ Литву, смертной казни: «иначе безъ этого тѣ отъ воровства не останутъ»⁶⁰⁰. Правительство награждало тѣхъ черкасъ, которые оказывали ему услуги въ пенникѣ бѣглецовъ; такъ отправлена была изъ Бѣлгорода грамота и подарки сотнику Богдану Матюшенку и женѣ черкашенина Герасима Михайлова, первому—за то, что онъ догналъ Михайлова, а второй—за то, что она сообщила о побѣгѣ своего мужа Максиму Лодыженскому; Матюшенку было дано 5 руб. денегъ да «портище тавты», а женѣ Михайлова—5 руб. «за вѣрную службу»⁶⁰¹. Однажды перебѣжали конскіе пастухи, подговоривши съ собою кое-кого изъ чугуевскихъ черкасъ и захвативъ лошадей. Мы уже сказали, что подстрекателями къ бѣгству являлись литовскіе купцы или, вѣрнѣе сказать, лица, пріѣзжавшія подъ видомъ ихъ; другіе являлись подъ именемъ родственниковъ поселенцевъ⁶⁰². Для того чтобы нѣсколько парализовать дѣятельность литовскихъ лазутчиковъ, велѣно было съ купцовъ, пріѣзжавшихъ съ Литвы, брать таможныя пошлины, а также запрещено было имъ останавливаться въ самомъ городѣ. Не обходилось и безъ столкновеній; такъ однажды произошла ссора между литовскими купцами и чугуевскими стрѣльцами: по-

⁶⁰⁰ Арх. мѣн. вѣст. Ст. бѣл. столе, № 4008.

⁶⁰¹ Ibidem.

⁶⁰² См. объ этомъ у Филарета, Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 32.

слѣдніе обвиняли первыхъ въ произнесеніи хулительныхъ словъ на государя ⁶⁰³. Все это еще болѣе увеличивало броженіе и смуту. Въ числѣ другихъ полякамъ удалось подстрекнуть къ бѣгству и извѣстнаго намъ сотника Разсоху, бывшаго главою оппозиціи противъ гетмана. Сохранились подлинники двухъ писемъ, полученныхъ Разсохой и побудившихъ его къ бѣгству за рубежь; одно—отъ миргородскаго старосты Станислава Кульчевскаго на западно-русскомъ нарѣчій, а другое—отъ Станислава Гурскаго на польскомъ. Станиславъ Кульчевскій обѣщаетъ всѣмъ, которые уйдутъ изъ Чугуева, полную безопасность; узнавъ, что Разсоха сожалеетъ о покинутой родинѣ и не можетъ привыкнуть къ новому мѣсту жительства, онъ проситъ его и другихъ переходить къ нему на *свободу* на Опошлинскій перевозъ, гдѣ будетъ дано льготы каждому на 30 лѣтъ. Посланіе Станислава Гурскаго было еще соблазнительнѣе; онъ прямо говорилъ, что не винитъ Разсоху за бѣгство, такъ какъ онъ бѣжалъ, спасая свою жизнь; но теперь онъ можетъ возвратиться назадъ въ свое имѣніе и получить все въ цѣлости и неприкосновенности, такъ какъ онъ, Гурскій, отдалъ приказъ охранить все это до пріѣзда его Разсохи ⁶⁰⁴. Письма написаны были въ іюні 1639 г., а Разсоха убѣжалъ въ Литву въ сентябрѣ 1641 года; слѣдовательно, не сразу поддался онъ польскимъ внушеніямъ; не смотря на всю заманчивость польскихъ предложеній, онъ рѣшился бѣжать только два года спустя по полученіи писемъ; въ это время, какъ мы знаемъ, онъ велъ борьбу съ гетманомъ и, конечно, выжидалъ исхода ея; выигралъ ее гетманъ, а Разсоха привелъ теперь въ исполненіе давно задуманный планъ бѣгства. Не можемъ при этомъ не отмѣтить одной характерной подробности; въ то время какъ польскіе пограничные начальники употребляли всевозможныя мѣры, чтобы перезвать назадъ чугуевскихъ черкасъ, московское правительство постоянно подтверждало, чтобы чугуевцы не перезывали къ себѣ литовскихъ подданныхъ, а воеводы принимали только тѣхъ, которые станутъ переходить по своей волѣ и охотѣ ⁶⁰⁵; оно искренно хотѣло поддерживать мирное докончанье.

⁶⁰³ Арх. мин. юст. Ст. бѣг. стола, № 4033.

⁶⁰⁴ Ibidem.

⁶⁰⁵ Въ грамотѣ по поводу измѣны чугуевскихъ черкасъ говорится: «А какъ они (чугуевскіе черкасы) были въ литовской сторонѣ, и въ литовскую сторону мы, великій государь, для перезыванія къ намъ никою не посылавали и впредъ изъ литовскія стороны ни какихъ людей николи перезывать не велѣли для того

Сынъ Михаила Θεодоровича держался въ этомъ случаѣ болѣе твердой и энергической политики.

Разсоха убѣжалъ съ женой и дѣтьми и только по какой-то непонятной для насъ случайности оставилъ свою сноху. Плачь ея обратилъ на себя вниманіе дозорщика—черкаскаго есаула, который отъ нея узналъ, что самъ Разсоха съ женой и дѣтьми ушелъ на пасѣку и доселѣ не возвращался; пошли на пасѣку, но тамъ не застали уже никого и только увидѣли большую сакму то-есть, слѣдъ къ литовскому рубежу; можно было предположить, что за черкасами пріѣзжали изъ Литвы; тогда же открылось, что у многихъ лицъ пропали въ ту ночь лошади; отправились въ домъ Разсохи, перерыли его и нашли два запертые сундука: открывъ ихъ, увидѣли тамъ рогожи да каменья,—вещи же были увезены; нашли еще два «прелестныхъ письма», которыя и отправили въ Разрядъ⁶⁰⁶. Выѣстъ съ Разсохой убѣжали и нѣкоторые рядовые черкасы; часть ихъ перехвачена была на дорогѣ съ женами и дѣтьми; черкасскихъ женъ велѣно было отправить на житье въ сибирскіе города и тамъ позволить имъ выйти замужь, за кого онѣ захотятъ. Оставшееся послѣ бѣглецовъ имущество, въ томъ числѣ и Разсохи, было описано; интересно, что это имущество называется опальнымъ—«опальная животиная», «опальныя свиньи», даже «опальный хлѣбъ»⁶⁰⁷. На вопросъ воеводы, почему и «начальные люди» стали перебѣгать въ Литву, черкасы отвѣчали: «кто де воруетъ и перебѣгаетъ въ Литву, мы де тово не вѣдаемъ, а есть де межъ нами молва, что будетъ разводъ по городамъ и въ Литву отдача и хто де изъ насъ смашления и мы де тому не вѣримъ»⁶⁰⁸.

что, по милости Божій, наше царское величество для покою крестьянскаго съ польскимъ королемъ учинили въ братскоі дружбе и въ любви на вѣчное докончанье»; См. К. Второва и К. Александрова—Дольника Ворон, акты, кн. 1-я Воронежъ, 1851, стр. 101.

⁶⁰⁶ Рукописи Историко-филологическаго Общества. Столбцы подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ № 2; см. также Филарета, «Ист. стат. опис. Харьк. епархіи», отд. IV, стр. 33—34; здѣсь, впрочемъ, маленькая неточность: было найдено два сундука, а не одинъ.

⁶⁰⁷ Арх. Мин. Юст. Ст. бѣг. стола № 4033.

⁶⁰⁸ Рук. Ист.-фил. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ чуг. воев., № 2. Очевидно, что главнымъ мотивомъ къ бѣгству являлся слухъ о разводѣ малороссовъ по московскимъ украиннымъ городамъ и объ отсылкѣ въ Литву; на разводъ по городамъ черкасы смотрѣли, слѣдовательно, какъ на очень нежелательное для нихъ явленіе. Это уясняетъ намъ и тотъ характеръ, который приняла малорусская колонизація при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Присылка лазутчиковъ не только не прекратилась, но даже увеличилась. Разсоха, придя въ Полтаву, заявилъ, что между черкасами и гетманомъ теперь идетъ ссора, и потому отправлено было нѣсколько десятковъ лицъ, съ тѣмъ чтобъ они перезывали въ Польшу чугуевцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выкрали изъ тюрьмы невѣстку Разсохину⁶⁰⁹. Воевода, въ виду все болѣе и болѣе увеличивавшихся волненій, усилилъ въ городѣ мѣры предосторожности. Къ черкасамъ онъ относился все съ большимъ и большимъ недовѣріемъ и требовалъ прибавки русскихъ служилыхъ людей, такъ какъ теперь ихъ было всего 260 человекъ. Очевидно, неудовольствія между рядовыми черкасами и ихъ начальниками, гетманомъ и воеводою, все болѣе возрастали и, наконецъ, разразились убійствомъ гетмана Яцка Остренина и бѣгствомъ ихъ изъ Чугуева 26-го апрѣля 1641 года; какъ совершилось это событіе, мы сказать не можемъ; сохранилась только грамота государя на Воронежъ отъ 14-го мая 1641 г., въ которой рассказываетъ объ этомъ событіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выражается благоволеніе государя къ воронежскимъ черкасамъ за ихъ постоянную вѣрную службу; убѣждая ихъ и впредь оставаться вѣрными, царь говоритъ, что гнѣва и опалы за измѣну чугуевскихъ черкасъ ни на нихъ, ни на другихъ черкасъ не будетъ; воеводѣ же предписывается къ черкасамъ имѣть береженье и ласку, чтобы ихъ отъ жесточи въ сумненья не вестъ⁶¹⁰.

Такимъ образомъ, первая попытка поселить черкасъ въ степи за украинными московскими городами окончилась неудачно. Но нельзя не сознаться въ томъ, что причины неудачи были въ значительной степени случайныя и устранимыя. Удаленіе черкасъ было вызвано подговорами польскихъ комиссаровъ, которые распускали не имѣвшіе никакого фактическаго основанія слухи о разводѣ всѣхъ черкасъ по московскимъ украиннымъ городамъ, что для тѣхъ было весьма непріятно, потому что должно было лишить ихъ самоуправления и льготъ, которыми они впервые стали пользоваться въ Чугуевѣ, явившись сюда сразу въ видѣ цѣлаго войска; но слухи эти имѣли успѣхъ только потому, что чугуевскіе черкасы постоянно

⁶⁰⁹ Арх. мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033. Эта послѣдняя сидѣла тогда въ чугуевской тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими лицами, которыя были пойманы на дорогѣ въ Лявву,

⁶¹⁰ Н. Второва и К. Александрова Дольника. Ворон. акты, кн. 1-я, Воронежъ, 1851, стр. 103—104.

ссорились и пререкались со своимъ гетманомъ и съ воеводами; еслибы не было въ Чугуевѣ такой розни между населеніемъ и его правителями, то всѣ эти «прелѣстные письма» не привели бы ни къ какимъ результатамъ; мы видѣли, что и на Разсоху они не оказывали никакаго дѣйствія въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но эта рознь зависѣла въ значительной степени отъ личныхъ качествъ Яцка Остренина и кн. Щетинина. Первому не удалось заставить черкасъ уважать свой авторитетъ; второй, по выраженію документа, «привелъ ихъ въ сумнѣніе жестокимъ обхожденіемъ», такъ что и русскіе люди подняли противъ него ропотъ. Но вообще говоря, условія жизни черкасъ на новомъ мѣстѣ были таковы, что ихъ можно было предпочесть порядкамъ, господствовавшимъ на родинѣ. Правда, они должны были подчиняться воеводскому управленію; но и дома въ это время во главѣ полковъ стояли лица, назначенныя польскимъ правительствомъ, которымъ они должны были повиноваться во всѣхъ дѣлахъ; жизнь ихъ въ самомъ пограничномъ московскомъ городѣ была очень тревожная, но такимъ же характеромъ отличалась и жизнь въ украинскихъ польскихъ староствахъ — переяславскомъ, каневскомъ и др., (въ какомъ нибудь Миргородѣ или Полтавѣ). Но за то въ русскихъ предѣлахъ черкасы сохраняли свободу совѣсти, могли исповѣдывать смѣло и открыто свою православную вѣру, которая подвергалась преслѣдованію въ Польшѣ. Это очень важное преимущество. Есть еще впрочемъ и другое: мы сравнивали до сихъ положеніе малороссійскихъ казаковъ въ Чугуевѣ и Польшѣ; но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства что количество казаковъ въ Польшѣ было ограничено уже послѣ неудачнаго возстанія Павлюка 1637 г. шестью тысячами человекъ; остальные должны были поступить въ сословіе хлоповъ; а всякому извѣстно, каково было положеніе этихъ послѣднихъ; имъ-то уже во всякомъ случаѣ терять было нечего.

Таковы были размѣры и характеръ южнорусскаго переселенческаго движенія въ московскія украины до Алексѣя Михайловича. Они именно и подготовили почву для послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ воссоединенія Великой и Малой Россіи; послѣ того съ праваго берега Днѣпра потянулись уже цѣлыя толпы черкасъ и заселили своими слободами большую область, извѣстную подъ именемъ Слободской украины.

IV.

Русская государственная колонизация со времени Алексея Михайловича.

Описание городов и селеній по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея и характеристика строительной дѣятельности центрального правительства.—Распространеніе великорусскаго населенія за Бѣлгородской чертой въ предѣлахъ слободской украины.—Татарскія нападенія.—Попытка наступательной войны съ Крымомъ въ XVII ст.—Постройка и заселеніе украинской линіи.—Крымскіе походы Маниха.—Хозяйственная дѣятельность правительства и монастырей.—Вольная великорусская колонизация.

Съ восшествіемъ на престолъ Алексея Михайловича, дѣло расширенія и укрѣпленія южной границы государства сдѣлало значительные успѣхи сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Въ царствованіе Алексея Михайловича получило окончательное устройство и такъ-называемая *Бѣлгородская черта*, средоточіемъ которой былъ Бѣлгородъ на Донцѣ. Она заключала въ себѣ слѣдующіе города—Алешну, Ахтырскъ, Вольное, Хотмышскъ, Карповъ, Болховой (*направо* отъ Бѣлгорода); Корочу, Яблоновъ, Новый Осколь, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Урывъ, Костенскъ, Воронежъ, Орловъ, Усмань, Козловъ, Бѣлокогодскъ, Сокольскъ, Доброе, Бѣльское, Чернавскъ (*на лѣво*)⁶¹¹—всего 27. Половина этихъ городовъ была основана, какъ мы видѣли, еще въ предыдущее царствованіе, а послѣ 1645 года получили начало—Ольшанскъ въ 1645 г.⁶¹², Карповъ въ 1646⁶¹³, Усмань въ 1646⁶¹⁴, Бѣлокогодскъ въ 1646⁶¹⁵, Болховъ въ 1646⁶¹⁶, Новый Осколь въ 1647⁶¹⁷, Алешна въ 1648⁶¹⁸, Коротоякъ въ 1648⁶¹⁹, Урывъ въ 1648⁶²⁰, Сокольскъ въ 1648⁶²¹, Острогожскъ въ 1652⁶²², Доброе въ 1677⁶²³.

⁶¹¹ Арх. Мин. Юст. дѣла моск. стола, кн. № 61, доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 219—220.

⁶¹² Доп. къ акт. вст., т. IX, стр. 279.

⁶¹³ Ibidem. 270.

⁶¹⁴ Ibidem. 285.

⁶¹⁵ Ibidem. 287.

⁶¹⁶ Ibidem. 270.

⁶¹⁷ Ibidem. 276.

⁶¹⁸ Ibidem. 273.

⁶¹⁹ Ibidem. 281.

⁶²⁰ Ibidem. 282.

⁶²¹ Ibidem. 287.

⁶²² Ibidem. 280.

⁶²³ Ibidem. 288.

Самымъ крайнимъ западнымъ изъ этихъ новыхъ городовъ были Алешна и Ахтырскъ; оба они находятся въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. по обѣимъ сторонамъ р. Ворсклы; города эти лежали на рубежѣ московскихъ и польскихъ владѣній и принадлежали раньше полякамъ, будучи заселены малороссіянами; Ахтырка построена была польскимъ королевскимъ урядникомъ въ 1641 г. ⁶²⁴ Алешна также упоминается въ документахъ 40 годовъ XVII ст. въ качествѣ литовскаго городка ⁶²⁵; въ 1647 г. они отошли къ Москвѣ и въ это время представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ межевомъ актѣ они называются *городищами*, конечно, потому что прежнее населеніе удалилось изъ нихъ; Ахтырское городище состояло изъ дубоваго острога окруженностью въ 354 с. и посада, въ которомъ было 48 дворовъ. Ольшанское состояло изъ двухъ остроговъ—однѣ 203½ с., другой 860, расположенныхъ по обѣимъ берегамъ р. Алешны и соединенныхъ другъ съ другомъ мостомъ; въ большемъ острогѣ было 403 *пустыхъ* двора и 127 *сожженныхъ*; находившіяся возлѣ городища 3 мельницы были разорены: изъ амбаровъ жернова унесены, колеса, ступы и толчея переломаны, всѣ желѣзныя снасти сняты и разломаны, плотины уничтожены, пруды выпущены ⁶²⁶. Понятно, почему московское правительство рѣшилось укрѣпить какъ эти такъ и другія городища, которыя Польша принуждена была уступить Москвѣ; по своимъ размѣрамъ и по количеству построекъ, а въ особенности по своему положенію на самой границѣ съ Польшей городища эти играли довольно важную роль.

Карповъ и Болховецъ ⁶²⁷ заполнили, такъ сказать, свободное пространство между Хотмышскомъ и Бѣлгородомъ, другими словами, между верховьями рр. Ворсклы и Сѣверскаго Донца; первый расположенъ на р. Ворсклѣ на сѣверъ отъ Хотмышка, а второй на рѣчкахъ Везелѣ и Болховцѣ, принадлежащихъ къ донецкому бассейну. Мѣстоположеніе Карпова было столь удобно въ стратегическомъ отношеніи, что, какъ мы видѣли, давно уже проектировали построить городъ на мѣстѣ находившагося тамъ Карпова—Сторожевъ. Эти два новые города не выдвигались въ степь—на-

⁶²⁴ Ссылка у пр. Филарета на геогр. словарь Максимовича, т. I, стр. 293.

⁶²⁵ Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. III, 476—477.

⁶²⁶ Акты, относящіяся къ Малороссіи, сообщены В. И. Холмогоровымъ (въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рое. 1885 г., кн. 2-я, стр. 4—5).

⁶²⁷ Теперь казенныя селенія Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губерніи.

оборотъ даже лежали нѣсколько сѣвернѣе Хотмышка и Бѣлгорода; очевидно, слѣдовательно, что при постройкѣ ихъ руководились желаніемъ обезопасить центральный городъ бѣлгородскаго края—Бѣлгородъ.

Третій городъ, основанный въ той же Курской губ., былъ Новый Осколъ⁶²⁸ на р. Осколѣ. Онъ, подобно двумъ предъидущимъ, также не выдвигался далеко въ степь, а стоялъ между Старымъ Осколомъ и Валуйками. Мѣстность по теченію р. Оскола вообще служила предметомъ заботъ русскаго правительства. Еще въ 1593 г. былъ построенъ г. Валуйки; Борисъ Годуновъ построилъ на устьѣ Оскола г. Цареборисовъ; съ запусканіемъ Цареборисова г. Валуйки сдѣлался самымъ крайнимъ городомъ на р. Осколѣ; только въ половинѣ XVII в. здѣсь возникъ г. Тополи. Для огражденія территоріи, лежавшей между Старымъ Осколомъ и Валуйками, и былъ построенъ Новый Осколъ.

Указанные выше города находились въ бассейнѣ Сѣверскаго Донца; а тѣ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ, въ бассейнѣ Дона. Ольшанскъ и Острогужскъ лежали на правомъ притоцѣ Дона Тихой Соснѣ, пересѣкающей, какъ извѣстно, пространство, лежащее между Дономъ и Осколомъ; немного западнѣе Ольшанска проходила Калміуская сакма, а по самой Тихой Соснѣ было много татарскихъ перелазовъ (Попадьинъ, Каменный, Черемховый, Александровъ, Чесношный, Вязовъ, Осиповый). Объясняется это тѣмъ, что Тихая Сосна здѣсь заняла все пространство между Дономъ и Осколомъ, такъ что миновать ее татары при всемъ своемъ желаніи не могли. Между тѣмъ до сихъ поръ здѣсь не было ни одного города; ближайшими укрѣпленными пунктами были Усердь и Верхососенскъ; но они лежали на западѣ отъ Калміускаго шляха, между тѣмъ какъ на востокѣ былъ только одинъ городъ южнѣе Воронежа—Костенскъ. Немного сѣвернѣе устья Тихой Сосны у праваго берега Дона былъ построенъ Коротоякъ, а еще сѣвернѣе—все востокѣ того же праваго берега Дона—Уручь. Такимъ образомъ, съ юга Воронежъ былъ защищенъ двумя новыми городами, оставалась только беззащитной восточная граница, для защиты ея были построены на лѣвомъ притоцѣ р. Воронежа Усманъ и Орловъ. Такъ усилилась Воронежская Украина. Наконецъ, крайними сѣверными и вмѣстѣ съ тѣмъ восточными пунктами Бѣлгородской черты были города Тамбовской Украины; кромѣ

⁶²⁸ Теперь уѣздный городъ Курской губерніи.

тѣхъ, которые были основаны еще въ царствованіе Мих. Ѳеодоровича, теперь сюда присоединились новые пригороды г. Козлова—Бѣлокогодскъ, Доброе, Сокольской въ бассейнѣ р. Воронежа.

Разсматривая протяженіе Бѣлгородской черты, мы видимъ, что она тянулась по нын. харьковской, курской, воронежской и тамбовской губ. Начинаясь на западѣ, въ бассейнѣ Днѣпра (у притока его Ворсклы) она захватываетъ Донъ и многіе притоки его (Сѣв. Донецъ, Осколь, Тихую Сосну, Воронежъ съ его притоками) и, наконецъ, подходит даже къ бассейну Волги, такъ какъ Тамбовъ расположенъ на р. Цнѣ. Въ такомъ видѣ Бѣлгородская черта состоитъ, собственно говоря, изъ двухъ частей: до Коротояка она идетъ съ запада къ востоку, немного отклоняясь на сѣверъ, и представляетъ изъ себя южную пограничную линію, а отъ Коротояка почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверъ только немного отклоняясь къ востоку, и образуетъ восточную украину государства. Вся та мѣстность, по которой проходила эта черта, какъ мы знаемъ, носила названіе «польской», т. е. степной украинны Московскаго государства, а центральнымъ пунктомъ въ ней былъ Бѣлгородъ. Въ то самое время, къ которому относится роспись черты, т. е. въ 1678 г., города ея не были уже самыми крайними пунктами русскихъ владѣній въ степи. Былъ цѣлый рядъ городовъ, построенныхъ за эту чертою, которые назывались «городами за чертою», сюда причислялись почти всѣ города вновь заселяемой слободской украинны, а изъ московскихъ украинныхъ одинъ Валуйки⁶¹⁹.

Наконецъ, была третья группа городовъ въ самой чертѣ; это тѣ, которые были основаны сравнительно раньше другихъ и считались до нѣкоторой степени *оутренними*, по крайней мѣрѣ сравнительно съ выше названными; сюда причислялись въ это время—Ливны, Курскъ, Елецъ, Мценскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебедянь, Талецкой, Чернавской, Ефремовъ, Старый Осколь, Землянскъ, Обоянь, Суджа, Сумы⁶²⁰. Сравнивая этотъ перечень съ приведеннымъ мною раньше перечнемъ украинныхъ городовъ въ царствованіе Мих. Ѳеодоровича, мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу: къ старымъ, раньше существовавшимъ городамъ, прибавились новые,—часть ихъ относится къ Воронежской украинѣ, а другая—

⁶¹⁹ Доп. къ актамъ ист., т. IX, 220.

⁶²⁰ Доп. къ актамъ ист., т. IX, 219.

къ Курской и Слободской; къ этой послѣдней принадлежать Суджа и Сумы; дѣйствительно, по своему географическому положенію оба эти города къ 1678 г. потеряли уже свое украинное положеніе и очутились внутри Бѣлгородской черты. Большая часть городов Бѣлгородской черты, обязана своимъ происхожденіемъ исключительно строительной дѣятельности московскаго правительства. Правда, почти въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ извѣстное количество черкасъ, но руководящая роль все-таки принадлежитъ центральному правительству, а исполненіе его предназначеній—русскимъ служилымъ людямъ; потому то мы съ полнымъ правомъ можемъ относить устройство Бѣлгородской черты къ строительной дѣятельности русскаго правительства. Но среди этихъ городовъ есть и такіе, которые обязаны своимъ происхожденіемъ малоросіанамъ, таковы—Суджа, Сумы, Острогжскъ; изъ нихъ второй и третій были даже полковыми городами Слободской украины. Послѣ этихъ краткихъ замѣтокъ о стратегическомъ значеніи Бѣлгородской черты мы обратимся къ подробному обзорѣ ея городовъ и околородныхъ укрѣпленій, для того чтобы составить себѣ ясное представленіе о ней, какъ объ оборонительной линіи отъ татарскихъ нападений.

Начнемъ свое обзорѣніе съ центральнаго пункта—Бѣлгорода. Основанъ онъ былъ еще въ царствованіе Феодора Иоанновича; а въ 1668 г. онъ былъ уже весьма значительнымъ городомъ Московской украины. Онъ состоялъ въ это время изъ двухъ остроговъ⁶⁸¹—деревяннаго и землянаго; окружность перваго равнялась 649 саж.; онъ состоялъ изъ стоячаго⁶⁸² острога съ обломами⁶⁸³ и съ 10 бапнями; изъ описанія 1678 г. видно, что здѣсь были слѣд. постройки: соборная церковь, дворъ митрополита бѣлгородскаго и обо-

⁶⁸¹ Острогъ—это внутреннее городское укрѣпленіе, обнесенное оградю изъ тына, сверху заостреннаго; бревна здѣсь плотно безъ промежутковъ прилегли другъ къ другу. Это и дальнѣйшія объясненія позаимствованы мною изъ замѣчательной книги Ф. Ласковскаго, «Мат. для ист. инженернаго искусства въ Россіи», ч. 1-я, которая заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній для специалистовъ Русской Исторіи, а между тѣмъ повидимому извѣстна была только не многимъ.

⁶⁸² Въ *стоячемъ* острогѣ бревна вкапывались вертикально; кромѣ стоячихъ были еще *рубленые* остроги, въ которыхъ бревна были отесаны и *косые*, въ которыхъ они были наклонены вовнутрь.

⁶⁸³ Обламъ—это брустверь на стѣнѣ или валу, который служилъ для защиты стрѣлка по грудь; онъ состоялъ изъ ряда стоекъ, забранныхъ досками; потомъ его дѣлали изъ вѣнчатыхъ бревенъ.

янского, принадлежавшій прежде воеводамъ, казенный погребъ «жительный» дворъ, огороженный дубовыми бревнами; тюремный, воеводскій, 6 дворовъ соборнаго протопопа, священниковъ, церковныхъ служителей, 9 полковничьихъ, 6 полуполковничьихъ, 9 майорскихъ, 7 ротмистровъ, 7 капитанскихъ, 2 поручиковыхъ, 1 прапорщика, 1 пастора, подворье игумена бѣлгородскаго Ник. монастыря, 25 дворовъ бѣлгородцевъ жилецкихъ людей; всего 76 дв. Окружность большаго землянаго острога, находившагося между р. Везелкой и Сѣвер. Донцемъ, равнялась 1.588 саж.; въ немъ было 4 глухихъ башни и 2 проѣзжихъ воротъ и затѣмъ много построекъ: Никольскій монастырь, Дѣвичій монастырь, 9 церквей, воеводскій дворъ, приказная изба, судная изба, 2 сарая, гдѣ стоитъ полковой нарядъ, а возлѣ нихъ караульная изба, сарай для караульныхъ, таможенный и кружечный дворы, торговые ряды съ лавками, 3 двора дяковъ, 18 приходскихъ священниковъ и церковнослужителей, 4 полковниковъ, 3 подполковниковъ и майоровъ, 10 ротмистровъ и капитановъ, 22 поручиковъ и квартирмистровъ, 16 прапорщиковъ, 14 дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотника и станичникъ, 10 подъячихъ, 47 рейтаръ, 8 солдатъ, 29 донскихъ казаковъ, 30 бѣлгородскихъ ямщиковъ, 71 бѣлгородскихъ пушкарей, 8 казенныхъ кузнецовъ, 44 посадскихъ людей, 5 бѣлгородскихъ черкасъ, 6 нищихъ; всего 353 двора, за городомъ между валомъ и рѣчкой Везелкой находилась стрѣлечья слобода, гдѣ было 667 стрѣльцовъ⁶³⁴. Всего въ Бѣлгородѣ было 629 дворовъ и 2.008 служилыхъ и жилецкихъ людей⁶³⁵. Каждый дворъ занималъ небольшое пространство: воеводскій, напр., былъ 26-ти саж. въ длину и 22 въ ширину. У жилецкихъ людей были дворы по 6 саж. длины и 5 ширины. По составу своего населенія Бѣлгородъ долженъ быть отнесенъ къ военнымъ городамъ. Количество дворовъ посадскихъ людей (44) было незначительно сравнительно съ общемою цифрою 353 (не считая еще стрѣлечьихъ); жившіе здѣсь служилые люди относятся къ слѣд. категоріямъ: стрѣльцы, обитавшіе въ стрѣлечьей слободѣ, пушкари, рейтары, солдаты, дворяне и дѣтя боярскія, донскіе казаки, жилецкіе и посадскіе люди. Около города выкопанъ былъ ровъ въ 3 сажня глубины и ширины, но его во многихъ мѣстахъ занесло пескомъ; на разстояніи 2¼ саж. ото

⁶³⁴ Арх. Мин. Юст. Подлинная строительная кн. Бѣлгор. губерніи, № 43, стр. 152—209.

⁶³⁵ Дон. къ акт. ист., т. IX, 238.

рва поставлены деревянные столбцы; за 4 проѣзжими воротами устроены земляные городки со рвами и валами и 4 караульные избы; бойницъ пушечныхъ было 130, ружейныхъ—2.265. Около земляного города былъ выкопанъ ровъ въ 2—3 саж. глубины и 24 с. ширины, который впрочемъ осыпался; черезъ Сѣв. Донецъ устроены мостъ въ 265 саж. длины и 2½ саж. ширины. Количество «наряда» было также весьма велико: мѣдныхъ пушекъ—9, желѣзныхъ—32, желѣзныхъ затинныхъ—73, желѣзныхъ въ ½ арш.—2; кромѣ этого много испорченныхъ и неисправныхъ; къ нимъ—масса ядеръ, пороху 20 бочекъ, вѣсомъ 275 пуд., свинцу 2715 п., мушкетовъ цѣлыхъ 153, порченныхъ 1570, карабиновъ порченныхъ 540, худыхъ пистолей 690 паръ, всякихъ военныхъ принадлежностей также очень много: холоднаго оружія, канатовъ, фитилю, рагулекъ, ремней, латъ, кожъ, смолы, мелкихъ желѣзныхъ вещей, въ томъ числѣ и вѣстовой колоколъ⁶³⁶. Окологородныя укрѣпленія Бѣлгорода представляются въ слѣд. видѣ. Въ обѣ стороны отъ Бѣлгорода шла Бѣлгородская черта, т.-е. земляной валъ, укрѣпленный деревянными столбами; онъ естественно требовалъ постояннаго и тщательнаго досмотра, такъ что ежегодно сообщались свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи онъ находился.

До Болховца шелъ земляной валъ на разстояніи 2124½ саж. съ деревяннымъ тыномъ⁶³⁷ и башней; до Нежегольска—на протяженіи 3969 саж., въ томъ числѣ землянаго вала съ деревяннымъ острогомъ и котками⁶³⁸ въ 2 саж. высоты было 1975 саж., а деревянныхъ надолбовъ⁶³⁹ 1994 саж.; возлѣ него на татарскихъ перелазахъ у Сѣв. Донца и Нежеголи былъ набитъ честикъ⁶⁴⁰. По всей этой чертѣ въ 7 мѣстахъ стояли бѣлгородскіе сторожа, переѣзжаясь еженедѣльно по 61 чел.; кромѣ этого въ полевые города

⁶³⁶ Доп. къ акт. ист., т. IX, 260.

⁶³⁷ Так. обр. укрѣпленіе вала напоминаетъ намъ укрѣпленіе острожной стѣны; разница же въ томъ, что въ первомъ случаѣ главную силу составлялъ валъ, а во второмъ—тынь.

⁶³⁸ Котки—это бревна, которыя скатывались на врага и помещались на вершинѣ стѣны или крышѣ.

⁶³⁹ Надолбы—это обрубки дерева стоймя поставленные за наружнымъ краемъ рва въ 1, 2 или 3 ряда; онѣ были иногда съ связями и наметами, т.-е. соединялись другъ съ другомъ по рядамъ связью и засыпаны землею съ хворостомъ.

⁶⁴⁰ Честикъ или частоколъ—это небольшіе колья, близко стоящіе другъ подлѣ друга, въ шахматномъ порядкѣ, между надолбами, передъ тыномъ, около рва, на перелазахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ вдоль брода укладывались въ нѣсколько рядовъ и прикрѣплялись ко дну колоды, набитыя честикомъ.

для провѣдыванья вѣстей всегда посылались станичники, а лѣтомъ они ѣздили кромѣ того по татарскимъ сакмамъ до Донца и Оскола (гл. образомъ по Изюмской дорогѣ); эти же станичники развозили воеводскія отписки въ Москву, Курскъ и во всѣ города бѣлгородскаго полка ⁶⁴¹. Развѣзды бѣлгородскихъ станичниковъ были очень отдаленные; такъ мы встрѣчаемъ ихъ, напр., на устьѣ р. Явсюга, т.-е. въ нижнемъ теченіи р. Донца; по другому извѣстію, бѣлгородская станица съѣхалась съ татарами у Савинскаго перевоза на Донцѣ, татары конялись за ней, дѣлали приступъ и отбили коней.

Самыми крайними западными городами Бѣлгородской черты были Алешна и Ахтырка, но послѣдняя была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи: потому о ней мы здѣсь ничего не будемъ говорить. Алешна, перейдя подъ власть Россіи, стала заселяться преимущественно русскими служилыми людьми. Въ 1649 г. въ ней были устроены уже дѣти боярскія ⁶⁴². Въ 1687 году тамъ было 180 дѣтей боярскихъ, ихъ братьевъ и племянниковъ, 11 пушкарей и 107 черкасъ. Острогъ алешанскій былъ очень маленькій; окружность всей стѣны его съ 5 башнями равнялась всего 160 саж.; всѣхъ пищалей было 9, (4 мѣдныхъ и 5 желѣзныхъ), пороху 45 пуд., а свинцу 49 пуд.) ⁶⁴³. Алешенскіе служилые люди держали сторожу у своихъ надолбъ ⁶⁴⁴.

Слѣдующій за Ахтыркой по чертѣ городъ былъ Вольное иначе Вольной Курганъ ⁶⁴⁵; какъ мы уже знаемъ, онъ былъ построенъ въ одно время съ Хотмышскомъ и въ послѣдствіи сдѣлался центромъ многихъ великорусскихъ однодворческихъ селеній въ своемъ уѣздѣ. Въ 1678 г. окружность его острога равнялась 275 саж., высота стѣны—2 $\frac{1}{4}$ саж., возлѣ него шелъ ровъ въ 2 саж. глубины; возлѣ города въ уѣздѣ сдѣланы укрѣпленія; въ засѣкѣ ⁶⁴⁶ за р. Ворсклой находилась башня съ караульной кѣткою, окруженная дубовымъ острогомъ на сваяхъ и рвомъ; всѣхъ жителей было 584 чел., они принадлежали къ сословію дѣтей бо-

⁶⁴¹ Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 260—261.

⁶⁴² Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. III, стр. 473—475.

⁶⁴³ Доп. къ акт. ист. IX, стр. 273.

⁶⁴⁴ В. И. Холмогорова. Акты ѣтнос. къ Малор. (Чт. 1885, кн. 2, стр. 19).

⁶⁴⁵ Теперь—слобода богодуховскаго уѣзда харьк. губ.

⁶⁴⁶ Засѣки состояли изъ срубленныхъ и параллельныхъ въ кучу деревьевъ, высота этой кучи колебалась отъ 9 до 30 сажень; для того чтобы труднѣе было разобрать засѣку, деревья не отдѣлялись отъ пней.

ярскихъ, казаконъ, стрѣльцовъ⁶⁴⁷. Отъ Адешиы до Вольнаго считалось по чертѣ 27 вер. 300 саж.

Отъ Вольнаго до Хотмышка⁶⁴⁸ было 19 вер. Окружность хотмышскаго острога равнялась 347 саж., тамъ было 20 башенъ; но вся крѣпость была въ неудовлетворительномъ состояніи — острожныя стѣны вывалились, обломы, котки, кровати⁶⁴⁹ и шатры⁶⁵⁰ сгнили и обвалились, но противъ городскихъ воротъ все еще былъ ровъ съ дубовымъ палисадомъ, а около города поставлены были въ три ряда дубовые столбцы⁶⁵¹. На татарскихъ перелазахъ у Ворсклы въ 5, 15 и 17 вер. отъ города поставлено было три острожка со рвами⁶⁵². На пути отъ Вольнаго къ Хотмышску было расположено 3 острожка, въ которыхъ находились въ 1652 году сторожи⁶⁵³. Въ 1649 г. здѣсь было еще двое другихъ отъѣзжихъ сторожъ⁶⁵⁴.

Въ 20 вер. отъ Хотмышка находился Карповъ, который издавна былъ извѣстенъ, какъ весьма удобное мѣсто для сторожи; здѣсь въ XVI ст. находилось Карпово-Сторожевое. Окружность карповскаго острога равнялась 438 $\frac{1}{2}$ саж., башенъ было 9; около города шелъ ровъ; съ Крымской, т.-е. правой стороны р. Ворсклы сдѣлано было на 5 вер. 63 $\frac{1}{4}$ саж. землянаго вала, съ 9 городками, на 666 саж. надолбъ, на 180 саж. острогу; пищалей было 16, пороху 148 пуд., русскихъ служилыхъ людей 859 чел., малороссіянь 43 чел.⁶⁵⁵

Послѣдній направо отъ Бѣлгорода былъ Болховъ городъ, лежавшій въ 8 вер. отъ Карпова и въ 4 вер. отъ Бѣлгорода. Болховскій острогъ былъ еще значительнѣе карповскаго — окружность его равнялась 524 $\frac{1}{4}$ саж. Около посада устроены были надолбы на 120 саж., а около пушкарской слободы надолбы, ровъ и валъ

⁶⁴⁷ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 272—273.

⁶⁴⁸ Теперь — заштатный городъ грайворонскаго уѣзда курской губерніи.

⁶⁴⁹ Кровати — это особаго рода прилавки, которые устраивались тогда, когда вершина бруствера превышала вершину стѣны болѣе, чѣмъ на грудную высоту, или когда стѣна была сдѣлана острогомъ.

⁶⁵⁰ Шатры — это караульныя кѣтки на вершинѣ башни.

⁶⁵¹ Доп. къ акт. ист., т. IX, ст. 271—272.

⁶⁵² Н. Н. Оглоблина. Обзор. ист. геогр. мат., стр. 302.

⁶⁵³ В. И. Холмогорова. Акты, относящіяся къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2, стр. 19).

⁶⁵⁴ Н. Н. Оглоблина. Обзор. ист. геогр. мат., стр. 142.

⁶⁵⁵ Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 270—271.

на 110 саж. Отъ Болхова до Бѣлгорода шелъ земляной валъ съ дубовымъ честоколомъ на 1451 саж., а до Карнова на 2548 саж., всѣхъ служилыхъ людей было 682 чел.;⁶⁵⁶ на сторожи ѣздили (на правый берегъ р. Ворсклы на разстояніи 3-хъ вер. отъ города) полковые казаки, перемѣняясь еженедѣльно по 4 чел.; въ 8 городкахъ, расположенныхъ по чертѣ, стояли также по 5 чел. полковыхъ казаковъ; а за ними наблюдали еще по 3 дѣтей боярскихъ⁶⁵⁷.

Обратимся теперь къ описанію тѣхъ городовъ, которые лежали по лѣвую сторону отъ Бѣлгородской черты. Первый изъ нихъ былъ Короча⁶⁵⁸. Окружность его острога съ башнями равнялась 264 саж.; около города шелъ ровъ съ дубовымъ честоколомъ, честики и столбцы; пищалей было всего 15, пороху 88 п. По р. Корочѣ тянулся заповѣднй лѣсъ, который игралъ роль укрѣпленія. За рѣкою на Ногайской, т.-е. лѣвой ея сторонѣ было 2 острожка, въ которыхъ было 2 отъѣзжихъ сторожи; въ каждой изъ нихъ въ обыкновенное время было по 5, а въ моментъ ожиданія непріятели и по 10 чел. дѣтей боярскихъ. Подъ городомъ на мельничной плотинѣ стояло по 10 чел. малороссіянъ, которые перемѣнялись каждыя сутки; на земляномъ валу (чертѣ) также было 2 сторожи, на которыхъ стояли по 5 малороссіянъ, перемѣнявшихся черезъ каждыя двое сутокъ. Всѣхъ служилыхъ людей было въ Корочѣ 1015 чел., въ томъ числѣ 206 малороссіянъ⁶⁵⁹.

За Корочей находился Яблоновъ⁶⁶⁰; окружность острога его равнялась 749½ саж.; въ немъ было 13 башенъ, 3 колодезя; прудъ, значительное количество хлѣбныхъ запасовъ, 30 пищалей, около 195 пуд. пороху. Та часть вала, которая шла на лѣво къ Новому Осколу, оканчивалась застѣкой съ надолбами. Всѣхъ служилыхъ людей было 1192 чел., въ томъ числѣ станичниковъ съ дѣтми 24 чел.⁶⁶¹; 10 дѣтей боярскихъ несли сторожевую службу на земляномъ валу въ двухъ острожкахъ и за валомъ на курганѣ въ 5 в.

⁶⁵⁶ Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 270—271.

⁶⁵⁷ Н. Н. Оглоблина. Обзор. ист. геогр. мат. стр. 302.

⁶⁵⁸ Теперь — уѣздный городъ курской губерніи.

⁶⁵⁹ Доп. къ акт. ист., IX стр. 275. Въ 1668 г., также было 2 сторожи на валу, но смѣна происходила на четверть сутки (Н. Н. Оглоблина. Обзор. истор. геогр. мат., 302).

⁶⁶⁰ Въ настоящее время мы имѣемъ три селенія Яблонова—2 въ карочанов. уѣздѣ, а одну въ новооск., кака изъ нихъ соотвѣтствуетъ древнему Яблонову, сказать не можемъ.

⁶⁶¹ Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 276.

отъ города; въ Изюмскомъ острожкѣ находилось 10 душъ казаковъ, въ «смѣсной» башнѣ 5 казаковъ; у Васильевской и Голубенской башенъ 10 чел. дѣтей боярскихъ, у каланчи по 5 чел. стрѣльцовъ, всѣ они перемѣнялись еженедѣльно⁶⁶². Яблоновъ, какъ мы видимъ, былъ довольно важною крѣпостью; однихъ сторожей постоянно было на сторожахъ 50 чел.

За Яблоновымъ слѣдовалъ Новый Осколь. Окружность его острога равнялась 529 саж.; башенъ было 13, пицалей 26, пороху 134 пуд. Подлѣ города сдѣлано надолбъ на 200 саж. За р. Осколомъ тянулся лѣсъ, но въ немъ ратные люди попросѣкали много дорогъ. Отъ Оскола до Верхососенскаго рубежа шелъ валъ, но татары въ 1673 г. выжгли его на пространствѣ 9 вер. Въ самомъ городѣ на караулахъ бывало ежедневно по 22 чел., у проѣзжихъ воротъ по 10 казаковъ, на сторожахъ въ проломѣ на валу въ 9 в. отъ города по 10 боярскихъ дѣтей, въ 4 вер. отъ города на валу у рѣчки Серебрянки по 10 драгунъ; въ Жестовомъ острожкѣ въ 8 вер. отъ города по 5 драгунъ; всѣ они перемѣнялись еженедѣльно. Каждая сутки черезъ Калміускую сакму до устья р. Сосенки посылалась проѣзжая станица, состоящая изъ 2 чел. дѣтей боярскихъ; двое другихъ отправлялось для собиранія вѣстей въ Бѣлгородъ, Валуйки, Усердъ. Всѣхъ служилыхъ людей было 923 ч.⁶⁶³

За Новымъ Осколомъ слѣдуетъ Верхососенскъ⁶⁶⁴; окружность его острога равнялась всего 231 саж.; такимъ незначительнымъ размѣрамъ его соотвѣтствовало и незначительное количество военныхъ запасовъ. Около города были устроены надолбы, а для осаднаго времени заготовлены колья и камни. Всѣхъ служилыхъ людей въ немъ было 413 чел. Изъ нихъ на сторожи (на валъ въ 2-хъ вер. отъ города) посылалось по 50 чел., перемѣнявшихся черезъ каждыя 3-е сутокъ⁶⁶⁵. Въ 1683 г. валъ шелъ отъ р. Сосенки до заповѣднаго лѣса на 3 вер. 108 саж., а лѣсъ на 3 вер., часть деревянныхъ укрѣпленій на валу сожгли татары⁶⁶⁶.

Значительнѣе былъ слѣдующій городъ Усердъ⁶⁶⁷, расположенный на Калміуской сакмѣ; окружность его острога равнялась

⁶⁶² Н. Н. Оглобина. Обзор. ист. геогр. мат., стр. 303.

⁶⁶³ Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 276—277; см. также Н. Н. Оглобина. Обзор. ист. геогр. мат., стр. 303.

⁶⁶⁴ Теперь—сел. брянскаго уѣзда воронежской губ.,

⁶⁶⁵ Доп. къ акт. ист., IX, стр. 277.

⁶⁶⁶ Сдаточная опись г. Верхососенскаго (Временникъ, кн. 20, смѣсь, стр. 38).

⁶⁶⁷ Теперь—сел. брянскаго уѣзда, воронеж. губ.

352 саж., подлѣ него былъ выкопанъ ровъ, а за нимъ дубовый честики въ четыре ряда. Въ 3 вер. отъ города былъ насыпанъ земляной валъ со рвомъ съ дубовымъ честоколомъ и четырьмя караульными башнями на 1170 саж. до большого заповѣднаго лѣса, въ самомъ лѣсу сдѣлано было на 120 саж. надолобъ въ 3 ряда и засѣчено засѣки на 7 вер. 10 саж, длины и 40 саж. ширины. Точно такой же валъ тянулся и въ другую сторону вверхъ по р. Соснѣ; въ 8 вер. отъ города былъ построенъ деревянный острожокъ въ 72 саж. въ окружность со рвомъ; возлѣ него сдѣлано на 880 саж. надолобъ и на 550 саж. засѣки. На сторожѣ стояло у 3-хъ городскихъ воротъ и подлѣ города у моста по 10 стрѣльцовъ; на мельницѣ по 10 черкасъ, перемѣнявшихся черезъ сутки; по земляному валу у 5 башенъ по 10 чел. съ еженедѣльною перемѣною. Станичники, которыхъ было 43 чел., разъѣзжали вверхъ и внизъ по р. Соснѣ двумя партіями по 5 чел. въ каждой; кромѣ того еженедѣльно отправлялось по 10 чел. на работы въ Новый Осколь. Всѣхъ жителей было 582 человекъ, въ томъ числѣ 8 малороссіянъ ⁶⁶⁸.

Верстахъ въ 27 отъ Усерда находился Ольшанскъ ⁶⁶⁹; окружность его острога равнялась всего 147 саж. Но околородныя укрѣпленія его были довольно значительны. Отъ р. Сосны къ земляному валу были вбиты надолбы на пространствѣ 70 саж., а отъ вала до р. Ольшаны былъ заплетенъ засыпанный землею плетень на 580 саж., съ 2 рядами надолобъ; отъ города къ земляному валу шелъ частоколъ на 171 саж. съ кроватями, обломами и катками, отъ него начинался земляной валъ на 1724 саж. въ длину съ 5 башнями, дубовымъ честоколомъ и надолбами; въ 3½ вер. отъ города у Чесночнаго брода стоялъ сторожевой острожокъ. По другую противоположную сторону къ Острогжску у Основаго брода въ 3½ вер. отъ города былъ построенъ острожокъ съ надолбами, тянувшимися на 208 саж. На сторожѣ были: на валу по 10 чел. черкасъ, въ острожкѣ у Чесночнаго брода по 10 козаковъ; въ другомъ острожкѣ дѣти боярскія перемѣнявшіяся, черезъ недѣлю, двое дѣтей боярскихъ ѣздило «по вѣстямъ». Всѣхъ жителей было 837 чел. въ томъ числѣ 48 черкасъ и 25 живущихъ у нихъ русскихъ людей ⁶⁷⁰.

⁶⁶⁸ Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 278.

⁶⁶⁹ Теперь—сел. бирюченскаго уѣзда, воронеж. губ.

⁶⁷⁰ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 279.

За Ольшанскомъ слѣдовалъ Острогожскъ ⁶⁷¹, который въ это время былъ полковымъ городомъ слободскихъ козаковъ (малорос-сиянъ); поэтому мы его теперь описывать не будемъ; замѣтимъ впрочемъ, что количество русскихъ служилыхъ людей въ немъ было весьма значительно—болѣе $\frac{1}{3}$ всего населенія. Интересно присутствіе въ Острогожскѣ посадскихъ людей въ количествѣ 71 человекъ, каковыхъ мы не находимъ въ другихъ бѣлгород. городахъ. Окологородныя укрѣпленія Острогожска были довольно значительны ⁶⁷².

Еще далѣе за Острогожскомъ находился Коротоякъ ⁶⁷³. Окружность его острога равнялась 396 $\frac{1}{4}$ саж. Около города былъ выкопанъ ровъ съ дубовымъ частоколомъ; въ житницахъ были сложены государевы запасы; не мало было и военныхъ припасовъ. Около посада былъ заплетенъ засыпанный землею плетень длиною въ 366 саж., расположенный тремя рядами съ 9 глухими земляными башнями и двумя проѣзжими; въ 7 вер. отъ города насыпанъ былъ земляной валъ съ дубовымъ частоколомъ, тянувшійся отъ р. Тихой Сосны до заповѣднаго лѣса на 498 саж. съ 3 башнями; въ 20 вер. отъ города вверхъ по Дону на татарскихъ перелазяхъ построенъ былъ острожокъ, а въ 30 вер. караульная башня на Голышевскомъ городищѣ. Подлѣ р. Дона поставлены были двойныя надолбы и засѣчено засѣки на 1130 саж. Сторожки были расположены въ слѣд. мѣстахъ: въ 7 вер. отъ города стояло по 10 или 20 дѣтей боярскихъ, смотря потому, были или нѣтъ вѣсти о непріятелѣ; внизъ по р. Дону на устьѣ р. Тихой Соснѣ по 20 или 30 человекъ полковыхъ казаковъ; въ самомъ городѣ по 100 или 200 дѣтей боярскихъ на караулахъ и по 20 стрѣльцовъ на проѣзжихъ башняхъ; въ 20 вер. южнѣе Коротояка—по 10 или 20 полк. казаковъ; въ проѣзжихъ острожкахъ въ 7 мѣстахъ по 10, 20 или 30 чел. По 2 и по 3 чел. станичниковъ посылалось съ воеводскими отписками, по 10 чел. внизъ р. Дономъ въ степь «для провѣдыванья всякихъ вѣстей»; а по 3 чел. въ гг. Воронежъ и Острогожскъ. Всѣхъ жителей въ Коротоякѣ было 2839 челов., въ томъ числѣ однихъ станичниковъ 128, посадекихъ 64, черкасъ 65 чел. ⁶⁷⁴ Столь значительная цифра населенія объясняется, между

⁶⁷¹ Теперь—уѣздный городъ воронеж. губ.

⁶⁷² Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 279.

⁶⁷³ Теперь—уѣздный городъ воронеж. губ!

⁶⁷⁴ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 281—282.

прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ было 856 полковыхъ казаковъ.

За Коротоякомъ лежалъ Урывъ⁶⁷⁴; окружность его острога равнялась всего 120 саж., военныхъ и сѣстныхъ запасовъ было очень мало; на татарскихъ перелазахъ черезъ Донъ устроено было на 330 саж. надолбъ въ 2 кобылины; на караулѣ въ приказной избѣ и въ башняхъ стояло по 4 чел. сторожей, на двухъ татарскихъ перелазахъ по 4, а по вѣстямъ по 8 и 10 чел., всѣхъ жителей было 132 чел., въ числѣ ихъ 3 посадскихъ и 10 черкасъ, не считая ихъ дѣтей и свойственниковъ⁶⁷⁵.

Между Урывомъ и Воронежемъ лежалъ еще городокъ Костенскъ⁶⁷⁶, около него устроены были надолбы на 130 саж.; подлѣ р. Дона на татарскихъ перелазахъ стоялъ караульный острожекъ, по обѣ стороны Дона сдѣлано на 800 саж. надолбъ: сторожа караулили въ самомъ городкѣ (по 20 драгунъ и по 2 пушкаря) и въ караульномъ острожкѣ (по 30 и 50 драгунъ); по 2 драгуна посылалось въ Воронежъ и Урывъ. Всего жителей было 630 чел.⁶⁷⁷

Воронежъ заново перестроенъ былъ въ 1671 году. Окружность его острога равнялась 801 саж., въ городѣ было 17 башень, а около города былъ выкопанъ ровъ въ 3 саж. глубины съ честиюкомъ на днѣ его и съ частоколомъ по валу; въ житницахъ было громадное количество хлѣбныхъ запасовъ: 2759 ч. ржаной муки, 1099 ч. крупъ, 1226 ч. толокна, 4306 ч. овса; 221 п. соли, 237 п. пороху. Около посада на татарскихъ перелазахъ и въ полевыхъ мѣстахъ устроены были надолбы и тарасы⁶⁷⁸. Въ нѣсколькихъ пунктахъ близъ города въ караульныхъ городкахъ стояло по 5 и по 10 чел. сторожей; въ 3, 5, 7 и 9 вер. отъ города по 10 чел. дѣтей боярскихъ и атамановъ, 20 чел. караулили въ 4 башняхъ въ дер. Трушкиной на перелазахъ; въ Боршевомъ мон.— по 5, 6 и 10 чел. дѣтей боярскихъ, по 3 чел. посылалось для «вѣстей» въ Коротоякъ и Острогжскъ; всѣхъ жителей было

⁶⁷⁴ Теперь—сел. Коротоякскаго уѣзда, Ворон. губ.

⁶⁷⁵ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 282.

⁶⁷⁶ Теперь—сел. Ворон. уѣзда.

⁶⁷⁷ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283.

⁶⁷⁸ Тарасай назывался участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами. Стѣны, рубленныя тарасами состояли изъ 2-хъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу и соединенныхъ подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами. Так. обр. образовывались глубокия клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями; были впрочемъ и треугольныя клѣтки.

3299 чел., въ томъ числѣ однихъ посадскихъ 637 чел., помѣстныхъ атамановъ и полковыхъ казаковъ 1328 чел.⁶⁷⁹

Еще далѣе на востокъ за Воронежъ выдвинулся Усмани⁶⁸⁰, расположенный на притоки р. Воронежа—Усмани; окружность его острога равнялась 288 саж., возлѣ него выкопанъ былъ ровъ съ дубовымъ честиномъ и частоколомъ. Около города сдѣлано было много крѣпостей—вала, рва, надолобъ, тарасовъ, засѣкъ, заповѣдныхъ лѣсовъ, всего на 18 вер. 245 саж.;⁶⁸¹ здѣсь было сдѣлано 13 деревянныхъ городковъ, а четырнадцатый земляной съ башнями, караульными кѣтками, съ обламами и котками; въ нихъ стояло на сторожѣ по 10 и 20 чел. полковыхъ казаковъ; у стараго пролома противъ городскихъ полей—по 50 и 100 чел., у другаго пролома возлѣ Короченскаго городка—по 60 и по 120 дѣтей боярскихъ и помѣстныхъ атамановъ; противъ Куликовскаго поля—по 50 и по 100 чел. дѣтей боярскихъ, между валомъ и р. Усманию по 9, а по вѣстямъ и по 18 чел.; въ самомъ городѣ на караулахъ—по 22, а по вѣстямъ и по 44 чел., а въ видѣ гарнизона—по 100 казаковъ и стрѣльцовъ; на станичныя разѣзды посылалось въ степь по 25 чел. полковыхъ казаковъ; для осмотра усманскихъ крѣпостей и стоящихъ тамъ служивыхъ людей по 2 чел. объѣзчиковъ, а для вѣстей въ Воронежъ и Орловъ—по 2 чел. дѣтей боярскихъ. Всѣхъ жителей въ немъ было 1924 чел.⁶⁸²

На р. Усмани находился и другой еще городокъ Орловъ;⁶⁸³ окружность его острога равнялась 129 саж., подъ Выголовой слободою на татарскихъ перелазахъ былъ цѣлый рядъ надолобъ и плетеный тынъ; на лѣвомъ берегу р. Усмани караульная башня и шеба, далѣе «опасный» острожокъ съ башней, надолбами и съ обломами, колыями и камнями. Сторожи находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: на татарскомъ перелазѣ подъ слободою по 20 драгунъ, на мосту подъ городомъ—по 30 чел., въ 2-хъ верстахъ отъ города—по 20 чел., въ острожкѣ—по 20 чел.; всего крѣпостей сдѣлано было около Орлова на 9 вер., а въ нихъ помѣщено толь-

⁶⁷⁹ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283—284.

⁶⁸⁰ Теперь находится въ тамбовской губ.

⁶⁸¹ Въ послѣдствіи количество ихъ возрасло еще болѣе; въ 1699 г. ихъ было уже на 21 вер. 381 саж.; см. подробности у Н. Н. Оглобина «Обозр. ист. геогр. мат.», стр. 46—47.

⁶⁸² Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283—286.

⁶⁸³ Теперь—сел. ворон. уѣзда.

ко 90 драгунъ. Жигелей въ городѣ было 487 чел.⁶⁸⁴ Усманы и Орловъ тяготѣли еще къ г. Воронежу; а г. Козловъ и цѣлый рядъ его пригородковъ, составлявшихъ мѣстѣ Козловскій уѣздъ, находились, собственно говоря, уже въ предѣлахъ Тамбовскаго края и составляли важную и самостоятельную группу укрѣпленій.

Козловъ⁶⁸⁵ былъ расположенъ на горѣ у р. Лѣснаго Воронежа и имѣлъ четырехугольную форму; окружность острога равнялась 584 саж. Въ городской стѣнѣ было 15 башенъ да 7 востѣ посада у надолобъ. Въ Козловскомъ уѣздѣ было множество укрѣпленій; они занимали пространство въ 54 вер. 758 саж. и заключали въ себѣ 51 башню. Отъ р. Чернавы, отъ чернавскаго острога шелъ валъ до Бѣльскаго городка; оттуда по р. Польному Воронежу до Устинской слободы, а оттуда до села Тарбѣева и до селнца Горетова и Козинки. Всѣхъ служилыхъ людей съ дѣтьми и собственниками въ козловскомъ уѣздѣ было 7353 чел., въ томъ числѣ 81 посадскихъ (больше всего конныхъ дѣтей боярскихъ 2268 чел.). Служба всѣхъ ихъ была такова. Они стояли на караулахъ въ городахъ—Козловѣ, Бѣльскѣ и Чернавскѣ, въ деревянныхъ и земляныхъ городкахъ и, наконецъ, на валу. Въ спокойное время конная смѣна ихъ состояла изъ 852 чел. и должна была оставаться на мѣстѣ въ продолженіи 3 и 4 недѣль, а пѣшая (стрѣльцы и казаки) 3 или 4 дня; въ ожиданіи непріятеля они оставались тамъ 6 или 8 дней, а въ приходѣ его все населеніе участвовало въ сторожахъ и посылкахъ⁶⁸⁶.

Къ Козлову принадлежали пригороды Бѣльскъ, Сокольскъ, Чернавскъ, Доброе, Бѣлоколодскъ. Среди нихъ выдѣлялся г. Доброе; окружность острога котораго равнялась 367 саж., городъ защищенъ былъ топкими мѣстами и цѣлымъ рядомъ околгородныхъ укрѣпленій—надолбами, острогами и башнями. Количество жителей было довольно велико—2796 чел. На караулахъ⁶⁸⁷ стоятъ въ городѣ по 50 чел., въ другихъ мѣстахъ—по 14 чел. Окружность острога въ Сокольскомъ равнялась 331 саж. Всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ сдѣлано было въ городѣ, около него и за рѣкою Лѣснымъ Воронежомъ, на проѣзжихъ дорогахъ и по рѣчкамъ на 7857 саж. Всѣхъ жителей было 1322 чел. Затѣмъ уже слѣдуютъ

⁶⁸⁴ Доч. къ актамъ ист., т. IX, стр. 285.

⁶⁸⁵ Теперь—уѣздный городъ тамбовской губ.

⁶⁸⁶ Доч. къ актамъ ист., т. IX, стр. 299—300.

Бѣлоколоскѣ, Вѣльскѣ и Чернавскѣ съ небольшоими острожками и незначительнымъ количествомъ служивыхъ людей⁶⁸⁷.

Такова была *Бѣлгородская* черта въ 1678 г. Она состояла, какъ мы видимъ, изъ 25 городовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ землянымъ валомъ и цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ укрѣпленій. Центральнымъ пунктомъ былъ Бѣлгородъ; изъ остальныхъ 24 городовъ 5 находилось на право, т.-е. къ западу отъ него, а 19 на лѣво. Это показываетъ, что къ востоку черта пошла гораздо дальше, чѣмъ къ западу. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что на западѣ пришлось встрѣтиться съ владѣніями Польши, а на востокѣ лежали пустыя никому не принадлежавшія мѣста. Бѣлгородская черта имѣла военное стратегическое значеніе, являясь на первое время крайнею оборонительною линіей русскихъ владѣній на южномъ степномъ пограничьи. Всѣ ея укрѣпленія сводятся къ двумъ важнѣйшимъ типамъ: городу-крѣпости и околороднымъ промежуточнымъ полевымъ укрѣпленіямъ. Города Бѣлгородской черты возникли, какъ мы видѣли, не въ одно время, а въ продолженіи 91 г. (съ 1586—1677 г.). Къ XVI ст. относится начало Воронежа, Бѣлгорода; до 1645 г. было построено 8 новыхъ городовъ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича остальные 17. Такимъ образомъ въ первое время своего существованія старѣйшіе города стояли далеко другъ отъ друга и потому, естественно, испытывали большія опасности. Достаточно вспомнить, напр., сожженіе въ 1590 г. Воронежа малороссійскими казаками. Съ увеличеніемъ количества украинскихъ городовъ должна была у правительства зародиться мысль о соединеніи этихъ городовъ системою земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Практическое осуществленіе этого проекта облегчалось тѣмъ, что обыкновенно при застройкѣ всякаго новаго города устраивались возлѣ него на большемъ или меньшемъ разстояніи земляныя и деревянныя крѣпости; энергическая работа надъ укрѣпленіемъ нашей степной окраины началась въ 1636 г., т.-е. еще во вторую половину царствованія Михаила Феодоровича; къ этому уже времени нужно отнести и начало Бѣлгородской черты. Послѣ этого правительство Алексѣя Михайловича старалось новые города строить въ промежуткѣ между старыми, конечно, для того, чтобы обезопасить послѣдніе; таково, напр., происхожденіе Карпова и Болховца, которые расположились между Бѣлгородомъ и Хотмышскомъ; тоже самое

⁶⁸⁷ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 300—303.

можно сказать и относительно другихъ. Во время Алексѣя Михайловича постройка Бѣлгородской черты была почти совсѣмъ закончена. Мало того, явился цѣлый рядъ городовъ и селеній за чертою, которые были уже какъ бы нѣкоторымъ щитомъ ея. Но несмотря на это, почти всѣ города Бѣлгородской черты даже въ 1678 г. являются просто военными пунктами, а не центрами торговли, промышленности и ремесла. Приведенныя много раньше краткія описанія ихъ вполне подтверждаютъ эту мысль. Постоянною важнѣйшею принадлежностью всякаго изъ нихъ является острогъ; Бѣлгородъ же состоялъ даже изъ двухъ остроговъ. Размѣры остроговъ были не особенно велики—такъ максимальный размѣръ (Бѣлгородскаго землянаго острога) равнялся 1588 саж., больше 500 саж. имѣли 6 городовъ; между 500 и 400 саж.—2; между 400 и 300—5, между 300 и 200—5, между 200 и 100—5; объ остальныхъ свѣдѣній нѣтъ; во всякомъ случаѣ большая часть городовъ имѣла остроги, окружность которыхъ была менѣе 400 с., а діаметръ м. 130 саж.; въ самыхъ же меньшихъ діаметръ сокращался до 38 саж. Конечно, такой городъ мало чѣмъ отличался отъ обыкновеннаго сторожеваго землянаго или деревяннаго острожка, служившаго временнымъ помѣщеніемъ караулу. Впрочемъ очень многіе города Бѣлгородской черты и возникли изъ такихъ сторожевыхъ пунктовъ. Такіе незначительные размѣры остроговъ обуславливались естественно трудностями построить, защищать и постоянно поддерживать болѣе значительныя укрѣпленія.

Постройка крѣпостей въ то время была дѣломъ нелегкимъ и дорого стоящимъ. Нужно было постоянно снабжать городъ всѣми военными припасами, дать кое что поселенцамъ на обзаведеніе, уплачивать имъ жалованье, слѣдить за содержаніемъ укрѣпленій (какъ городскихъ, такъ и особенно околородныхъ) въ надлежащемъ порядкѣ и т. п. Мы видѣли, какое трудное предпріятіе была постройка г. Царевоборисова; мы знаемъ, какая значительная сумма была ассигнована при Михаилѣ Феодоровичѣ на постройку Вольнаго и Хотмышска, а мы видѣли, что размѣры ихъ были не велики (одинъ менѣе 400, другой менѣе 300 саж.). Незначительность пространства подъ городами имѣла прямое вліяніе на характеръ и расположеніе городскихъ построекъ. Подъ дворы отводилось опредѣленное пространство земли, а жители строились по опредѣленному заранѣе плану. Величина дворовыхъ мѣстъ была конечно не велика, даже въ Бѣлгородѣ, выдѣлявшемся своими размѣрами среди другихъ городовъ Бѣлгородской черты, были дворы

по 6 саж. въ длину и ширину. Такая тѣснота побуждала жителей селиться въ пригородныхъ слободахъ. Повидимому дворы находящіяся внутри самого острога, предназначались только для осаднаго сидѣнья; въ обыкновенное же время служилые люди жили въ слободахъ, составлявшихъ настоящій городъ. Было ли это правило общераспространеннымъ, мы сказать не можемъ, но такъ именно было въ одномъ изъ городовъ—Усердѣ. Въ 1637 г. при постройкѣ Усерда въ острогѣ устроены были для служилыхъ людей «осадные» дворы, а другіе дворы для жилья отведены были имъ въ слободахъ—для казаковъ въ казацкой; для стрѣльцовъ—въ стрѣлецкой⁶⁰⁸.

Укрѣпленія всѣхъ городовъ въ общемъ похожи другъ на друга, это—на половину земляныя, на половину деревянныя сооруженія; самымъ главнымъ укрѣпленіемъ являлась, конечно, острожная стѣна или вся построенная изъ дерева, или состоявшая изъ деревяннаго тына на земляномъ валу; почти всѣ города окружены были стѣною послѣдняго вида, иногда и башни и стѣны покрывали тесомъ или лубомъ, высота стѣнъ была не одинакова. По всей окружности стѣны, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, находились значительно возвышавшіяся надъ нею глухія или проѣзжія башни, количество которыхъ колебалось между 5 и 20; обламы, котки, тарасы, кровати мы находимъ (не вездѣ). Въ башняхъ сосредоточивались иѣдныя и желѣзныя пушки; количество ихъ колебалось отъ нѣсколькихъ штукъ до нѣсколькихъ десятковъ; больше всего было «затинныхъ» пищалей меньшаго размѣра, которыя повидимому ложились на тынъ, т.-е. стѣну, откуда получили и свое названіе. Но обращались съ пищалами и вообще съ огнестрѣльнымъ оружіемъ не всегда удачно, чѣмъ, конечно, объясняется громадное количество порченныхъ пушекъ и ружей. Рядомъ съ оружіемъ новаго времени мы встрѣчаемъ и оружіе, такъ сказать, первообразное—запасы кольевъ и каменьевъ; эти послѣдніе скатывались во время приступа на непріятеля, для этой же цѣли служили и тѣ котки, о которыхъ говорится во всѣхъ описаніяхъ украинныхъ городовъ. Стѣнами и башнями не ограничивались городскія укрѣпленія. За городскою стѣною находился обыкновенно ровъ, который иногда укрѣплялся еще частоломъ или дубовымъ тыномъ; иногда отъ стѣнъ шли еще земляные городки, служившіе какъ бы передовыми укрѣпленіями,

⁶⁰⁸ Н. Н. Оглоблина. «Обзоръ историко-геогр. мат.», стр. 75—76.

Таковы были городскія укрѣпленія. Въ полномъ соотвѣтствіи съ исключительно военнымъ значеніемъ города стоялъ и составъ его населенія. Въ большинствѣ этихъ городовъ мы вовсе не находимъ посадскихъ людей. Населеніе состоитъ исключительно изъ служилыхъ людей разныхъ службъ. Количество посадскихъ сравнительно съ общимъ числомъ служилыхъ людей было значительно только въ Воронежѣ, гдѣ ихъ было вмѣстѣ съ дѣтьми, родственниками и свойственниками 637 чел. на общую цифру населенія 3299, т.-е. почти 20%; въ Острогожскѣ ихъ было 71 на общую цифру 1099, т.-е. около 6½%; въ Коротоякѣ 64 чел. на 2839, т.-е. 2¼%; въ Урывѣ 3 на 132, т.-е. 2¼%; въ Козловскомъ уѣздѣ 81 на 7553, т.-е. немного болѣе 1%; въ Бѣлгородѣ 52 на 2008, т.-е. 2¼%. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ 24 городовъ посадскихъ людей мы находимъ только въ 5; но и тамъ процентъ ихъ колеблется отъ 2 до 6½%, если не считать Воронежа, гдѣ было 20%. Если же мы обратимся къ болѣе центральнымъ пунктамъ, то увидимъ тамъ гораздо большія цифры. Такъ, въ Ельцѣ посадскихъ людей было 215 на 1691, т.-е. болѣе 12%⁶⁹⁸; въ Курскѣ 1253 на 2888, т.-е. болѣе 43%⁶⁹⁹; въ Путивлѣ 170 на 851, т.-е. почти 20%⁷⁰⁰; въ Брянскѣ 72 на 507, т.-е. болѣе 14%⁷⁰¹; въ Орлѣ 104 на 975, т.-е. болѣе 10%⁷⁰²; въ Бѣлевѣ 252 на 1153, т.-е. болѣе 65%⁷⁰³; въ Калугѣ 910 на 1375, т.-е. болѣе 66%⁷⁰⁴; въ Серпуховѣ 487 на 654, т.-е. болѣе 74%⁷⁰⁵. Перечисленные здѣсь города относятся все-таки къ украиннымъ (Бѣлгородской, Сѣверской, Сѣвской, Зооцкой украинѣ). Но еще болѣе видное мѣсто занимаютъ посадскіе люди въ замосковныхъ городахъ, лежащихъ въ центрѣ государства⁷⁰⁶. Къ группѣ тяглыхъ людей нужно присоединить еще бобылей и посопныхъ крестьянъ, которые попадаютъ въ двухъ, трехъ городахъ Бѣлгородской черты. Понятно, слѣдовательно, что государство содержало, такъ сказать,

⁶⁹⁸ Доп. въ авторъ ист., т. IX, стр. 264—265.

⁶⁹⁹ Ibidem. 257.

⁷⁰⁰ Ibidem, стр. 255—256.

⁷⁰¹ Ibidem, 254.

⁷⁰² Ibidem, 252.

⁷⁰³ Ibidem, 251.

⁷⁰⁴ Ibidem, 245.

⁷⁰⁵ Ibidem, 233.

⁷⁰⁶ См. статис. данныя объ этомъ въ извлеченіи изъ разрядной описи 1668 г., приведенной въ XIII т. «Ист. Рос.» С. М. Соловьева, прим. стр. XI—XIII.

служилыхъ людей Бѣлгородской черты преимущественно на счетъ населенія этихъ центральныхъ городовъ, которое пользовалось сравнительною безопасностью и потому было въ состояннн заниматья и промыслами и ремеслами и торговлею. То, что въ украинскихъ городахъ было явленіемъ исключительнымъ (значительное количество посадскихъ людей), и обуславливалось особенно благоприятнымъ географическимъ положеніемъ города, напр., на какомъ нибудь торговомъ пути (какъ Воронежъ или Курскъ), въ болѣе центральныхъ пунктахъ было явленіемъ общимъ.

Итакъ, большинство населенія городовъ Бѣлгородской черты состояло изъ служилыхъ людей. Количество ихъ въ каждомъ отдѣльномъ городѣ колебалось между 3299—232 чел., болѣе 1000 человекъ имѣло 10 городовъ, а остальные менѣе 1000. Въ одномъ городѣ мы видимъ преобладаніе одной группы служилыхъ людей въ другомъ—другой, въ третьемъ—третьей и т. п., но больше всего было дѣтей боярскихъ городовою службы, потомъ идутъ стрѣльцы, помѣстные атаманы, полковые и городовые казаки, драгуны, рейтары, солдаты; одни изъ нихъ служатъ пѣшую, другіе конную службу; попадаютя и специалисты-техники своего дѣла, напр., ратники, пушкарн, станичники, казенные кузнецы, плотники, затинщики, еторожа.

Исключительно военный характеръ городовъ проявлялся и въ системѣ пригородныхъ укрѣпленій. Уже за городскою стѣною обыкновенно находился ровъ съ частоколомъ или тыномъ, который соединялся съ пригородными крѣпостями. Отъ города въ двѣ противоположныя стороны расходился валъ, тянувшійся до двухъ другихъ городовъ, на разстоянн не менѣе 10 вер. Валъ сбѣнялся иногда засѣками, если шелъ черезъ лѣса. Источники къ несчастью не даютъ намъ возможности опредѣлить длину Бѣлгородской черты, потому что не всегда приводятся указанія на протяженіе вала отъ одного города до другаго. Во всякомъ случаѣ положительно можно утверждать, что это была непрерывная линія укрѣпленій: объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое названіе ея городовъ—«города по чертѣ». Обыкновенно въ болѣе опасныхъ мѣстахъ по чертѣ устраивались острожки, башни съ караульными клѣтками, гдѣ помѣщались сторожа, плетни, насыпанные землею и т. п. Самъ валъ, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, былъ укрѣпленъ еще дубовымъ тыномъ. Всѣ эти разнообразныя укрѣпленія требовали значительнаго контингента служилыхъ людей въ видѣ караульщиковъ, сторожей, станичныхъ вѣдоковъ и т. п. Татары

появились большею частью въ русскихъ укрѣнках не большими партіями; противъ нихъ то и строились подобнаго рода укрѣпленія и они удовлетворяли своей цѣли: «безвѣстно» татарамъ теперь уже трудно было пройти въ государевы волости, чтобы пограбить ихъ и набрать плѣнниковъ. На всѣхъ татарскихъ сакмахъ и перелазгахъ стояли сторожа, чтобы при первомъ появленіи врага можно было принять всѣ возможныя мѣры предосторожности. Всѣ сторожи въ это время дѣйствительно были расположены, какъ мы видѣли, въ пригородныхъ укрѣпленіяхъ, въ то время какъ прежде онѣ иногда находились на значительномъ разстояніи отъ своихъ городовъ. Всегда уже извѣстная часть сторожей находится на самой чертѣ. Къ сторожамъ пригороднымъ примыкаютъ караулы расположенные въ самыхъ острогахъ.

Въ подтвержденіе этого кромѣ указанныхъ выше фактовъ приведемъ еще нѣсколько новыхъ. Въ 1652 г. было три сторожи по дорогѣ изъ Хотмынска въ Вольное: одна—ниже Вольнаго, другая—на пути изъ Слешны въ Каменное, третья—по дорогѣ изъ Каменнаго въ Недрыгайловъ⁶⁹⁸. Въ 1648 г. изъ Ольшанска были слѣд. сторожевые разѣзды: по 10 чел. казаковъ и черкасъ ѣздили изъ двухъ острожковъ возлѣ бродовъ, по р. Соснѣ; по 4 чел. стояло у рыбнаго «плеса» съ еженедѣльною перемѣною, по 3 чел. у ближнихъ надолбъ; по 4 чел. дѣтей боярскихъ жило «для вѣстей» въ Усердѣ и Коротоякѣ; по 10 чел. стрѣльцовъ караулило у 2-хъ воротъ, а по «вѣстямъ», т.-е. въ ожиданіи врага половина ихъ безвыходно находилась въ острогѣ; по 1 пушкарю дежурило у пороховаго погреба, мѣняясь черезъ сутки; по 3 чел. черкасъ охраняло новый мостъ черезъ рѣчку Ольшанку; такимъ образомъ, было занято ежедневно, 50 чел., не считая 12 станичниковъ; а всѣхъ служилыхъ людей было только 423 чел.; поэтому воевода ходатайствовалъ о прибавкѣ ратныхъ людей⁶⁹⁹. Въ 1681 г. въ Валуйкѣ видимъ такія сторожи: по 10 чел. конныхъ стрѣльцовъ и полковыхъ казаковъ стояло лѣтомъ и зимою на «полевыхъ крѣпостяхъ» и перемѣнялось черезъ каждые двое сутокъ; по 2 чел.— въ укрѣпленіяхъ, находившихся на разстояніи 2-хъ верстъ отъ города; по 4 чел.—у полевыхъ крѣпостей въ 5 вер. отъ города; по 4 чел.—у Полтавскаго большаго лѣса въ 12 вер. отъ города; по

⁶⁹⁸ В. И. Ходмогорова. Акты, относящіяся къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. 1:85 г., кн. 2, стр. 19—20).

⁶⁹⁹ Акты Южн. и Зап. Россіи т. VIII, 273—274.

4 чел.—за крѣпостями въ 7 вер. отъ города; по 4 чел. ѣздили «для вѣстей» въ Новый Осколь и Усердъ; по 19 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ пушкарей и затинщиковъ караулили у казенныхъ городскихъ построекъ и въ двухъ верстахъ отъ города у р. Оскола; по 10 черкасъ стояло на сторожахъ у «ближнихъ крѣпостей» у черкасской слободы, а по 20 чел. и больше приставлялись къ крымскимъ посламъ и гонцамъ во время пребыванія ихъ въ Валуйкѣ⁷⁰⁰; человекъ по 50 и больше провожало государевыхъ посланниковъ и крымскихъ гонцовъ до Донца, Торца, конскихъ водъ и Донскихъ казаковъ; человекъ по 30 и больше провожало тѣхъ же пословъ и гонцовъ, ѣхавшихъ изъ Валуйки въ Москву.

Любопытно, что сторожами теперь являются вообще служилые люди даннаго города преимущественно полковой службы; особой группы «сторожей» теперь мы здѣсь не замѣчаемъ, въ то время какъ станичники попрежнему рѣзко выдѣляются изъ остальной массы служилыхъ людей. Такъ по крайней мѣрѣ было въ Ольшанскѣ и Валуйкѣ; но было ли это явленіе общераспространеннымъ, сказать трудно; можно только съ большою вѣроятностью предполагать, что такъ было во многихъ городахъ, потому что правительство теперь особенно заботилось о томъ, чтобы татары или калмыки не являлись «изгономъ» на русскіе украинны, и обязанность сторожить врага, доставлять о немъ вѣсти должны были принять на себя почти всѣ служилые люди. Среди лицъ, доставлявшихъ вѣсти о татарахъ, выдѣляется теперь впрочемъ особая небольшая группа «вѣстовщиковъ», которыхъ для provѣдыванья вѣстей посылали въ сосѣдніе города. «Вѣсти получались, говорить Н. Н. Оглобинъ, отъ сторожъ, станицъ, сотенъ и кромѣ того изъ сосѣднихъ городовъ—отъ «вѣстовщиковъ». Каждый порубежный городъ высылалъ въ сосѣдніе города по нѣсколько человекъ конныхъ ратныхъ людей «на отсти». Когда въ какомъ-либо изъ этихъ городовъ получалось извѣстіе о татарскомъ набѣгѣ, одинъ изъ бывшихъ тамъ «вѣстовщиковъ» немедленно отправлялся въ свой городъ и подавалъ вѣсть воеводѣ. Если вѣсть, привезенная «вѣстовщикомъ», показывала, что татарскій набѣгъ въ сосѣдній уѣздъ угрожалъ и своему уѣзду, въ городѣ производился выстрѣлъ изъ вѣстоваго орудія, подобно тому какъ и по вѣстямъ изъ передовыхъ отрядовъ своего рубежа. Росписи «посылокъ» вѣстовщи

⁷⁰⁰ Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 176—177.

ковъ въ сосѣдніе города всегда вносились въ воеводскія книги порубежныхъ городовъ⁷⁰¹.

Станицы имѣлись почти во всякомъ городѣ. На ихъ обязанности лежало наблюденіе за ближайшими окрестностями города, лежавшими за чертою; сѣтъ станичныхъ разъѣздовъ обнимала главнымъ образомъ татарскіе сакмы и перелазы. Какъ намъ уже извѣстно, здѣсь пролегало три татарскіе шляха—Муравскій, Изюмскій и Калміускій. Нѣкоторые изъ городовъ Бѣлгородской черты были построены на этихъ шляхахъ; таковъ, напр., Яблоновъ на Изюмской сакмѣ⁷⁰², Новый Осколь и Усердъ на Калміуской сакмѣ⁷⁰³; другіе лежали вблизи ихъ. Ясное дѣло, что необходимо было посылать въ поле станичниковъ для наблюденія за этими шляхами: но въ своихъ разъѣздахъ теперь станичники повидимому не особенно удалялись отъ городовъ; такъ изъ Острогожска доѣзжали до Черной Калитвы, лежавшей въ томъ острогожскомъ уѣздѣ⁷⁰⁴, т. е. приблизительно верстъ за 80 или 90; изъ Новаго Оскола—до устья р. Сосенки, до Усерда только до того мѣста, гдѣ начинался ольшанскій рубежъ т. е., собственно говоря, въ чертѣ пригородныхъ укрѣпленій. Если не главною, то по крайней мѣрѣ очень важною обязанностью станичниковъ теперь являются поѣздки за вѣстями въ сосѣдніе города и развозка воеводскихъ отписокъ. Очевидно, съ появленіемъ новыхъ слободскихъ городовъ за чертою, станичная служба распредѣляется между многими городами и, конечно, главнымъ образомъ выпадаетъ на долю самыхъ крайнихъ. ♦

Въ Валуйкѣ въ 1681 г. было 24 станицы; каждая изъ нихъ состояла изъ атамана и ѣздоковъ; всего атамановъ и ѣздоковъ было 144 чел. да дѣтей у нихъ, братьевъ, племянниковъ и свойственниковъ 153 чел.⁷⁰⁵. Станичники ѣздили въ «проѣзжія» станицы и въ степь до Маяцка, Бурлуковъ, сл. Двурѣчной, г. Усерда, переѣзжая при этомъ Савинскую, Изюмскую и Калміускую сакмы, бывали на Дону лѣтомъ и зимою съ царскими грамотами и посланниками, а въ Бѣлгородѣ, Курскѣ и полкахъ—съ воеводскими отписками, стояли въ городѣ для разъѣздовъ и скорыхъ посылокъ по «вѣстямъ», для досмотра крѣпостей, для отсылокъ на

⁷⁰¹ Н. Н. Оглобина. Обзор. ист. геогр. мат., стр. 152.

⁷⁰² Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 275.

⁷⁰³ Ibidem, 276—278.

⁷⁰⁴ Мои «Матеріалы», стр. 59.

⁷⁰⁵ Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 172—173.

отъѣзжія сторожи и караулы ⁷⁰⁶. Такимъ образомъ, г. Валуйки сохранилъ тотъ характеръ, съ какимъ мы его видѣли еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Разъѣзды валуйскихъ станичниковъ были не особенно значительны—простирались до слободско-украинскихъ поселеній—Маяцка и Двурѣчной и сосѣдняго города Усерда; на всю дорогу назначалось 8 дней. Значительное количество станицъ было въ Бѣлгородѣ, въ 1667 г.—25. Большинство станицъ тамъ начальствовала головы и рѣдко дѣти боярскія; послѣдніе были не во всѣхъ станицахъ. Ъздоковъ и вожей чаще всего бывало по 8 чел. въ станицѣ, но иногда—по 6, 7 и 9 чел.; больше послѣдней цифры не встрѣчается ⁷⁰⁷. Всѣхъ головъ и ѣздоковъ было 232 чел. По всей вѣроятности, въ это число не вошли ихъ дѣти, родственники и т. п.; значить станичниковъ въ Бѣлгородѣ было еще больше, чѣмъ въ Валуйкѣ; это, конечно, объясняется тѣмъ, что Бѣлгородъ былъ центральнымъ пунктомъ русскихъ украинскихъ поселеній. Значительное количество станичниковъ было въ Осколѣ; тамъ въ 1647 г. было 15 станичныхъ головъ, 15 атамановъ и 120 ѣздоковъ и вожей; всего 150 чел. Они между прочимъ ѣздили къ Волчьимъ Водамъ и переѣзжали Изюмскую сакму выше бѣлгородскихъ станичниковъ ⁷⁰⁸, слѣдовательно и ихъ разъѣзды были не велики. Въ другихъ городахъ станицъ было гораздо меньше. Такъ изъ Вольнаго въ 1654 г. ѣздила повидимому одна станица и доѣзжала до Колонтаевой гати; здѣсь въ это время рѣшили построить г. Колонтаевъ; назадъ возвращалась она на третій день и во время пути посѣщала литовскіе города—Кузьминъ, Котельву и Опошню и наблюдала за дорогами, проложенными литовскими людьми изъ этихъ городовъ въ степь. Въ наблюденіи за пограничными польскими городами, очевидно, и состояла главная обязанность вольныхъ станичниковъ. Въ Ольшанскѣ въ 1648 г. было 12 душъ станичниковъ, которые ѣздили до устья р. Калитвы и возвращались назадъ черезъ недѣлю ⁷⁰⁹.

Какъ прежде, такъ и теперь служба станичниковъ считалась самою трудною и опасною; поэтому они получали гораздо большее содержаніе, чѣмъ другіе разряды служилыхъ людей ⁷¹⁰.

⁷⁰⁶ Ibidem, 177.

⁷⁰⁷ Н. Н. Оглобина. Обзор. ист.-геогр. мат. стр. 161.

⁷⁰⁸ Ibidem, 163—164.

⁷⁰⁹ Акты Южн. и Зап. т. VIII, 274.

⁷¹⁰ Н. Н. Оглобина. Обзор. ист. геогр. мат., стр. 163.

Таково было оборонительное значеніе городовъ, лежавшихъ по Бѣлгородской чертѣ. Но къ Бѣлгородскому полку относились еще двѣ группы городовъ: 1) внутри самой черты и 2) за нею. Къ первой группѣ принадлежали слѣдующіе—Мценскъ, Елецъ, Ливны, Курскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебединъ, Талецкой, Чернавской, Ефремовъ, Старый Осколь, Обоянь, Суджа и Сумы⁷¹¹. Всѣ эти города распределяются по нын. губерніямъ такимъ образомъ: на долю курской губ. приходится 4 города, харьковской—1, воронежской—1, тамбовской—1, тульской—4, рязанской—1, орловской—5. Изъ всѣхъ этихъ городовъ только два Сумы и Суджа входили въ составъ слободскихъ полковъ—одинъ былъ полковымъ, другой—сотеннымъ городомъ. Всѣ они были прикрыты Бѣлгородской чертой какъ бы щитомъ и потому, естественно, не были укрѣплены такъ тщательно, какъ первые; Обоянь, напр., состояла изъ небольшого острога и самаго города, который былъ окруженъ только землянымъ валомъ⁷¹²; другіе города впрочемъ были обнесены стѣнами, хотя большею частью безъ катковъ и тарасовъ. Нигдѣ почти также мы не находимъ подгородныхъ укрѣпленій, сторожъ и станицъ. Небольшія сторожи были только въ Ефремовѣ, Ельцѣ, Лебединѣ, Чернавскѣ. Самыя укрѣпленія находились не рѣдко въ запущенномъ состояніи: тайники и колодези заносились землею, облымы обваливались⁷¹³.

Но по составу своего населенія и эти города подходяхъ еще къ тѣмъ, которые лежали по чертѣ; и въ нихъ исключительными «населенниками» являются служилые люди, изъ новыхъ разрядовъ здѣсь мы встрѣчаемъ ямщиковъ, дворниковъ, разсыльщиковъ; посадскихъ людей почти нигдѣ нѣтъ. Исключеніе представляетъ только Курскъ, въ которомъ было, какъ мы знаемъ уже, 43% посадскихъ людей; въ Ефремовѣ 4 чел. посадскихъ на 1146, т.-е. менѣе 1%; въ Ельцѣ 215 на 1699 чел., т.-е. болѣе 12%; въ Землянскѣ—22 на 1459, т.-е. менѣе 2%. И это совершенно понятно. Всѣ эти города возникли не ради промышленныхъ или торговыхъ цѣлей, а для защиты государства; только немногіе въ послѣд-

⁷¹¹ Нужно впрочемъ замѣтить, что распределеніе городовъ по крайнамъ не оставалась неизмѣнно одинаковымъ; города Бѣлгородскаго и Сѣвскаго стола не были точно разграничены другъ отъ друга: Курскъ, напр., прежде входилъ въ составъ Сѣверской украины.

⁷¹² Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 261.

⁷¹³ Подробности см. Доп. къ актамъ ист. т. IX, стр. 261—270.

ствѣи пріобрѣли важное торговое значеніе (какъ, напр., Курскъ). Есть впрочемъ нѣкоторая разница между служилыми людьми этихъ городовъ и вышеписанныхъ; въ нихъ мы находимъ значительное количество *оставныхъ* дворянъ и дѣтей боярскихъ; здѣсь нельзя уже не видѣть нѣкотораго перехода на болѣе мирное положеніе.

Ко второй группѣ городовъ за чертою принадлежатъ почти всѣ слободско-украинскіе. Только два изъ нихъ—Валуйки и Нежегольскъ обязаны своимъ происхожденіемъ не малорусской, а исключительно великорусской колонизаціи. Г. Валуйки въ 1678 г. представлялъ изъ себя земляной городъ, окруженный рвомъ; окружность его безъ башенъ равнялась 583 саж.; пригородныхъ укрѣпленій было на 8674 саж. Очевидно, на нихъ было обращено главное вниманіе. Въ связи съ этимъ стоялъ и самый составъ населенія: вмѣсто дѣтей боярскихъ здѣсь мы находимъ станичниковъ и вѣздовъ въ количествѣ 374 чел. на общую цифру населенія 1369 чел., т.-е. болѣе 27%. Но эти 27% опредѣляютъ намъ только число спеціалистовъ, техникувъ станичной службы; несомнѣнно, что въ сторожевыхъ разъѣздахъ принимали живѣйшее участіе черкасы, которыхъ было 82 чел., и конные стрѣльцы. На Валуикѣ постоянно происходила посольская развѣда и потому здѣсь жило 94 ямщика, спеціальностью которыхъ было развозить пословъ, отправлявшихся въ Крымъ или на Донъ. Сторожа за вѣстями изъ Валуйки посылались въ Новый Осколь и Усердь; станичники—на 4 дороги и кромѣ того съ воеводскими отписками—въ Курскъ, Бѣлгородъ и Слободскіе полки; въ вожахъ и провожатыхъ—до Нежегольска, Корочи, Новаго Оскола, до рр. Донца и Дона въ г. Черкасскъ ⁷¹⁴. Такимъ образомъ, г. Валуйки сохранилъ свое прежнее давнее значеніе передоваго пункта, центра станичныхъ разъѣздовъ во все время царствованія Алексѣя Михайловича. Нежегольскъ городъ небольшой и недавно основанный, окружность его острога равнялась всего 299 саж. Но за то онъ былъ связанъ съ Бѣлгородомъ цѣлымъ рядомъ земляныхъ крѣпостей и былъ какъ бы его аванпостомъ. Жителей въ немъ было всего 270 чел., въ томъ числѣ 35 станичниковъ ⁷¹⁵.

Таковы были города Московской Бѣлгородской украинны въ началѣ царствованія Феодора Алексѣевича. На югъ отъ нихъ за

⁷¹⁴ Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 289.

⁷¹⁵ Доп. къ акт. ист., т. 9 ст. 274—275.

чертою находились города слободской украины, которыми мы займемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Правительство, естественно, должно было слѣдить за исправнымъ состояніемъ своихъ крѣпостей. И дѣйствительно, на это дѣло обращено было особенное вниманіе центральныхъ учреждений. Всякій новый воевода долженъ былъ принять отъ прежняго всѣ укрѣпленія и запасы въ надлежащемъ видѣ; описаніе всего того, что онъ принялъ, называлось «росписнымъ спискомъ»; въ наказѣ ему виѣнялось въ строжайшую обязанность слѣдить за состояніемъ укрѣпленій, доводить до свѣдѣнія правительства о всѣхъ необходимыхъ поправкахъ; ежегодно составлялись особыя «смѣтныя книги», которыя по содержанію своему ничѣмъ почти не отличались отъ «росписныхъ списковъ»; составлялись они въ Разрядѣ; особую группу среди нихъ составляли тѣ городовыя смѣтныя книги, которыя составлялись въ бѣлгородской разрядной избѣ на основаніи воеводскихъ отчетовъ о состояніи ихъ городовъ ⁷¹⁶. Отчеты о починкѣ заключались и въ смѣтныхъ и въ строельныхъ книгахъ и наконецъ, въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ документахъ (напр., указахъ) ⁷¹⁷. Самый досмотръ производился впрочемъ не однимъ воеводою, а вмѣстѣ съ лучшими и знающими городскими людьми ⁷¹⁸; населеніе всякаго города было прямо, непосредственно заинтересовано въ этомъ дѣлѣ, ибо во-первыхъ отъ хорошаго состоянія городскихъ и пригородныхъ укрѣпленій зависѣла и ихъ безопасность, а вовторыхъ, оно же должно было принять на себя и самую починку, подчасъ сопряженную съ большою затратою труда и времени ⁷¹⁹. Приведемъ для примѣра описаніе одного такого досмотра. Окологородныя дукрѣпленія часто разбросаны были на много верстъ и потому для этой цѣли отряжались особыя лица, которыя должны были самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣть всѣ крѣпости и дать подробный

⁷¹⁶ См. любопытныя подробности объ этихъ документахъ у Н. Н. Оглоблина «Обозр. Ист.-геогр. мат.», с. 17—68.

⁷¹⁷ Н. Н. Оглоблинъ „Обозр. Ист.-геогр. мат.“ стр. 78—80.

⁷¹⁸ Такое совѣщаніе происходило, напр., при досмотрѣ гг. Усмани, Суджы, Острогожска, Орлова. См. *Ibidem*, стр. 80; Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ. стр. 120.

⁷¹⁹ «Городовое дѣло» дѣлали даже знатныя лица не исключая воеводъ; *Ibidem*, стр. 81, прим. 1-е; жилищныя и служилые люди полковой городской службы производили эту работу по «розвыгкѣ»; см. Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ., стр. 120.

отчетъ о ихъ состояніи. Такъ посланный Бѣлгородскимъ воеводою Бесѣдинъ въ 1667 г. доносилъ, что воздѣ стрѣлецкой слободы дождевая вода промыла валъ на 4 саж., стоящая тамъ башня пришла въ ветхость, крыша ея сгнила, въ одномъ городкѣ сгнила деревянная изба, по валу попадали деревянные пластины и т. д. всѣ съ тѣми же подробностями ⁷²⁰. На основаніи такихъ свѣденій составлялся планъ починокъ и съ одобренія высшаго правительства приводился въ исполненіе. Рядомъ съ починкою прежнихъ укрѣпленій шла и постройка новыхъ дополнительныхъ, причемъ они опять-таки осматривались и описывались. Въ видѣ примѣра, можно указать на досмотръ вновь сдѣланныхъ крѣпостей въ вольновскомъ уѣздѣ 1654 г. воеводы Новосильцева. Въ немъ сообщается сколько сдѣлано новой засѣки, острожной стѣны, бойницъ, надолбъ и тарасовъ; тутъ же мы узнаемъ и о побудительной причинѣ къ устройству этихъ новыхъ крѣпостей; оказывается, что онѣ были устроены, потому что прежде этими мѣстами приходили къ Вольному татарь ⁷²¹.

Въ строельной книгѣ хотмышской засѣки 1649 г. описывается городовыя и засѣчныя укрѣпленія, которыя были сдѣланы служилыми людьми—дѣтми боярскими, стрѣльцами и казаками; здѣсь говорится о подѣлкахъ въ самомъ городѣ, затѣмъ объ устройствѣ тарасовъ и другихъ укрѣпленій по валовой чертѣ до Карповскаго и Вольновскаго рубежа; при этомъ сообщается чрезвычайно любопытное свѣдѣніе о томъ, какъ хотмышскіе служилые люди поѣхали дѣлать *заимку*, рѣшивъ занять *Городное* городище раньше Литовцевъ и построить тамъ себѣ острогъ ⁷²². Очевидно, что Московское государство не только отъ Татаріи, но и отъ Польши отдѣлялось нейтральною полосой земли, которая не принадлежала, собственно говоря, ни одной, ни другой сторонѣ.

Въ 1647 г. вольновскій воевода кн. Бѣлосельскій ѣздилъ по своему уѣзду и осматривалъ, сколько по обоимъ берегамъ Ворсклы имѣется лѣсу и переполаней и въ какихъ мѣстахъ нужно подѣлать новыя крѣпости, чтобы преградить татарамъ возможность переправляться черезъ Ворсклу. Вотъ начало его досмотра: «отъ хотмышскаго уѣзда отъ Раковыхъ горъ до Углицкаго стоялаго острожка 3 версты; здѣсь два переполанья, одно въ 40, а другое

⁷²⁰ Н. Н. Оглоблина. «Обоз. ист. геогр. мат.» стр. 134.

⁷²¹ Ibidem, стр. 135.

⁷²² Ibidem, стр. 139.

въ 50 саж. Вольновскіе стрѣльцы начали уже по всему лѣсу дѣлать засѣку; таковая же была устроена и на переполаньяхъ. Подъ Углицкимъ острожкомъ шло пореполанье на 75 саж.: половина его укрѣплена надолбами. Протекающая здѣсь р. Ворскла лѣтомъ бываетъ такъ узка и мелка, что ее можно перескочить. Отъ Углицкаго острожка до Вольновскихъ стрѣлецкихъ слободъ 5 вер., 325 саж.; на этомъ пространствѣ 7 переполаней: въ 150, 375, 375, 350, 350, 150 и 80 саж. Ни въ лѣсу, ни въ переполаньяхъ засѣкъ не сдѣлано. Отъ слободъ внизъ по р. Ворсклѣ до Мокрой сторожи на разстояніи 7 вер. 25 саж. по русской сторонѣ рѣки—все сплошной лѣсъ, а переполаней нѣтъ; крѣпостей никакихъ не сдѣлано. Подъ Мокрымъ острожкомъ—крутая и высокая гора, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ; этимъ лѣсомъ ее можно и укрѣпить ⁷²³.

Возвратившись въ городъ, воевода велѣлъ своимъ служилымъ людямъ по обѣ стороны р. Ворсклы въ лѣсу засѣкать засѣки на 50 саж. въ ширину, а на переполаньяхъ дѣлать всякія укрѣпленія сообразно съ его досмотромъ ⁷²⁴. Изъ этого мы видимъ, какая масса человѣческаго труда должна была затрачиваться на устройство и поддержку укрѣпленій въ украинныхъ городахъ. Очевидно, что не одинъ вольновскій уѣздъ долженъ былъ такъ оградить себя отъ татаръ, чтобы не осталось ни одной поляны, чрезъ которую можно было бы пройти непріятельскимъ партіямъ. И дѣйствительно, мы можемъ привести еще одинъ документъ, изъ котораго видно, что мѣры, подобныя приведенной, примѣнялись и къ хотмышскому уѣзду.

Къ 1649 г. относится составленіе «строельной книги хотмышской засѣки». Изъ нея мы узнаемъ, что хотмышскій воевода кн. Болховскій измѣрялъ на сколько верстъ и сажень тянутся отъ р. Ворсклы до Бакаева шляха лѣса и поляны мѣста, т.-е. степи, какова ширина Бакаева шляха, на сколько верстъ тянутся отсюда лѣса и степи до Псла, какія рѣки и рѣчки впадаютъ въ Пселъ и Ворсклу, каковы онѣ—тонкія или нѣтъ, есть ли на нихъ перелазы, сколько по обѣимъ берегамъ ихъ лѣсовъ и полей мѣстъ и мож-

⁷²³ В. И. Холмогорова: Акты, относящіеся къ Малороссіи (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1885 г., кн. 2-я, стр. 12—13.

⁷²⁴ Ibidem, стр. 17.

но ли построить здѣсь различныя укрѣпленія, чтобы преградить доступъ татарамъ ⁷²⁵.

Такія же измѣренія имѣли мѣсто и въ другихъ уѣздахъ Бѣлгородской укрѣины.

Въ 1652 г. Яковлевъ да подъячій Марковъ ѣздили въ Сѣверную и Бѣлгородскія укрѣины, чтобы измѣрить разстояніе между городами — Бѣлгородомъ, Курскомъ, Болховымъ, Карповымъ Хотмышскомъ, Вольновымъ, Олешной, Каменнымъ, Недрыгайловымъ и Обоянью и лично убѣдиться, въ какихъ мѣстахъ устроены тамъ сторожи и каково состояніе укрѣпленной черты, проведенной между этими городами и Путивлемъ, Рыльскомъ и Сѣвскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представили самыя подробныя соображенія гдѣ нужно было построить новыя укрѣпленія. Вотъ, напр., какъ они начинаютъ свой отчетъ: отъ устья р. Пѣны, притока Псла, до Никольскаго колодезя 8 вер. 940 саж., здѣсь нужно насыпать земляной валъ. Никольскій колодезь представляетъ изъ себя *ржавецъ* и переѣхать черезъ него можно во многихъ мѣстахъ; здѣсь необходимо построить острогъ. Отъ Никольскаго колодезя до р. Ракитны 4 вер. 200 саж.; здѣсь нужно насыпать земляной валъ. Р. Ракитна представляетъ изъ себя *ржавецъ* шириною во 100 саж.; здѣсь надо поставить острогъ. Отъ р. Ракитны до Бакаева шляха 3 вер. 400 саж.; а Бакаевъ шляхъ до верховьевъ р. Готни идетъ на 300 саж... На готневскихъ *ржавцахъ* нужно сдѣлать острогъ, между ними насыпать тарасы, а въ большомъ черномъ лѣсу зсѣчь засѣку ⁷²⁶ и т. д. Всѣ измѣренія отличаются необыкновенными подробностями указывается, напр., точно длина моста черезъ какую нибудь маленькую рѣчку въ 4 саж. ширины ⁷²⁷.

Постройка новыхъ городовъ производилась послѣ тщательныхъ и всестороннихъ развѣдокъ. Обусловливалась она часто военными соображеніями правительства, которому принадлежала не только инициатива, но и самое исполненіе всѣхъ такихъ предпріятій. Не сами поселенцы свободно выбирали себѣ новыя мѣста для жительства, не само населеніе двигалось изъ внутреннихъ и центральныхъ областей—по собственной инициативѣ оно явля-

⁷²⁵ Н. Н. Оглобляна, Обзор. ист.-геогр. мат., стр. 139.

⁷²⁶ В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ Малор. (Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г., кн. 2-я, стр. 17—18).

⁷²⁷ Въ другомъ случаѣ, при описаніи вольновскаго уѣзда въ 1649 г. подробно говорится о «пѣшеходныхъ стѣнахъ», мостахъ, дорогахъ и т. п.— см. Н. Н. Оглобляна. «Обзор. ист. геогр. мат.», стр. 139.

лось уже позже и заселяло, но и то отчасти только уѣзды, — нѣтъ! Правительство рѣшивъ построить новый городъ посылало для этого своихъ воеводъ и служилыхъ людей и населяло его сведенцами изъ другихъ болѣе старыхъ городовъ. Изъ всякаго вновь построеннаго города начинали высылать обыкновенно сторожевые и станичные разѣзды, которые и устраивали себѣ въ новыхъ, еще незаселенныхъ мѣстахъ временные пріюты; наиболѣе опасныя мѣста укрѣплялись лучше другихъ; являлись такимъ образомъ острожки, которые со временемъ обращались въ города. Въ первой половинѣ XVII ст. промежутки между городами были настолько значительны ⁷²⁸, что Алексѣю Михайловичу, какъ мы видѣли, пришлось заполнять ихъ новыми городами; таково именно происхожденіе всѣхъ городовъ Бѣлгородской черты, получившихъ свое начало послѣ Михаила Феодоровича. Выборъ мѣста для новаго города обуславливался стратегическими цѣлями; естественно поэтому, что очень важную роль въ этомъ случаѣ играло свойство мѣстности. Совершенно открытая степь не давала никакихъ средствъ къ защитѣ; наоборотъ лѣса и сами по себѣ представляли сравнительно безопасное убѣжище, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли матеріалъ для постройки укрѣпленій. Такое значеніе лѣсовъ намъ прекрасно иллюстрируютъ документы, мы постоянно въ нихъ встречаемъ выраженія, что такое-то мѣсто недоступно, ибо сюда «подопли крѣпости великія—лѣса и болота». Чтобы не приводить новыхъ фактовъ, мнѣ достаточно будетъ сослаться на приведенные раньше досмотры и строельныя книги рубежей и засѣкъ. Что степныя пространства, открытыя нападенію кочевниковъ, не могли заселяться въ XVII в., видно изъ того, что значительная часть воронежской губ., находившаяся по лѣвой сторонѣ рр. Усмани, Воронежя, Дона (до впаденія въ него Тихой Сосны), Валуя и Оскола и состоявшая изъ открытой степи, почти до XVII в. представляла изъ себя совершенную пустыню ⁷²⁹. Но не одни лѣса играли видную роль при постройкѣ новыхъ городовъ; важное значеніе имѣли также и рѣки. Правый берегъ многихъ рѣкъ и рѣчекъ нын. воронежской, курской и харьковской губ., какъ мы знаемъ, былъ покрытъ лѣсомъ; на противоположной сторонѣ тянулась часто

⁷²⁸ См. объ этомъ у Германова. Постеп. распространеніе одноворч. насел. въ Воронеж. губ. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 218).

⁷²⁹ Германова. Постеп. распр. однодв. нас. въ Воронеж. губ. (въ Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 214).

степь; вотъ на этомъ-то правомъ берегу, премыкавшемъ къ заселеннымъ раньше уѣздамъ, и основывался обыкновенно городъ, часто на мѣстѣ какого-нибудь татарскаго перелаза. Рѣки были самыми удобными путями сообщенія и ими пользовались, какъ мы могли замѣтить, гораздо больше, чѣмъ въ послѣдующее время; достаточно напр., вспомнить въ этомъ отношеніи роль Сѣверскаго Донца. И дѣйствительно, большая часть украинскихъ городовъ возникла у рѣкъ и рѣчекъ. Рѣчная здоровая вода въ достаточномъ количествѣ необходима была для жителей украинскихъ городовъ, особенно на случай «осаднаго сидѣнія», въ виду чего постоянно устраивался въ самомъ городѣ, т.-е. крѣпости, тайникъ. Конечно съ теченіемъ времени, эти два условія—лѣсъ и вода утратили до нѣкоторой степени свое значеніе, когда край сдѣлался болѣе безопаснымъ и вытупили на сцену новыя причины переселеній; къ этому приводила также и необходимость: лучшія лѣсныя мѣста были уже заняты другими; приходилось довольствоваться и степью.

Для того чтобы опредѣлить условія жизни въ новой мѣстности, гдѣ предполагалось построить городъ, правительство посылало извѣстныхъ ему лицъ—спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ и поручало имъ собрать на мѣстѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія и сдѣлать чертежъ избраннаго для поселенія мѣста. Объ этихъ чертежахъ мы встрѣчаемъ множество указаній въ документахъ архива Мин. Юстиціи; но самыя, чертежи, къ несчастью до насъ не дошли. Описанія отличаются необыкновенною подробностью и точностью. Миѣ, напримѣръ, пришлось встрѣтить въ столбцахъ бѣлгородскаго стола столь подробныя описанія нѣкоторыхъ городищъ и окружающей ихъ мѣстности, что имъ могъ бы позавидовать современный изслѣдователь-археологъ. Въ объясненіе этого нужно сказать, что городища служили въ это время самыми удобными пунктами для постройки крѣпостей. Послѣ того какъ всѣ предварительныя свѣдѣнія были уже собраны, взвѣшены и обсуждены въ Разрядѣ, посылалось извѣстное лицо со всѣми необходимыми запасами и припасами и служилыми людьми для постройки новаго города. Ему при этомъ давалась подробнѣйшая инструкція, отъ которой онъ ни въ чемъ почти потомъ уже и не отступалъ; образцомъ такой инструкціи можетъ служить напечатанный мною наказъ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву о постройкѣ Царевоборисова ⁷³⁰. Построивъ городъ, воевода долженъ былъ дать обсто-

⁷³⁰ См. мои «Матер....» стр. 5—13.

ятельный отчетъ о томъ, какъ онъ исполнилъ свое дѣло; этотъ документъ назывался «строельной книгой». Въ видѣ примѣра мы приведемъ одинъ только рассказъ о постройкѣ гг. Нежегольска и Колонтаева, какъ весьма типическій; онъ прекрасно иллюстрируетъ способъ постройки новыхъ городовъ. Въ 1654 г. двое бѣлгородскихъ воеводъ—бояринъ Вас. Шереметевъ и окольникій Бутурлинъ съ дьякомъ Головиннымъ ѣздили для осмотра вала, чтобы опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ необходимо сдѣлать новыя укрѣпленія. Послѣ осмотра они рѣшились построить два новыхъ города—Нежегольскъ и Колонтаевъ: одинъ на р. Нежеголи, гдѣ прежде былъ острожекъ, а другой между Муравской сакмой и старымъ Бакаевымъ шляхомъ на р. Мерлѣ, между двумя бродами—Колонтаевскимъ и Грудцкимъ. Выборъ этихъ именно мѣстъ обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что черезъ р. Нежеголь, гдѣ былъ острожекъ, ходили часто крымскіе и ногайскіе татары съ Изюмскаго шляху въ Бѣлгородскій и Корочанскій уѣзды, а черезъ р. Мерлѣ, гдѣ былъ Колонтаевскій бродъ, въ 1646 г. переправились Крымскіе царевичи и опустошили курскій, рыльскій и сѣвскій уѣзды. Въ своей «строельной» книгѣ воеводы подробно описываютъ оба вновь построенные города. По географическому положенію своему они выходили уже за предѣлы Бѣлгородской черты—это были города *за чертою*. Въ это время, т.-е. въ 1654 г. за чертою было уже не мало такихъ городовъ, большею частью построенныхъ и заселенныхъ выходцами—черкасами. Въ одно и то же время шелъ двойной процессъ: все больше и больше заселялась Бѣлгородская крайина и вмѣстѣ съ тѣмъ русское владычество шагало дальше въ степь или поле въ предѣлы нын. харьковской губ. Новые города, не входившіе въ составъ Бѣлгородской черты, укрѣплялись тѣмъ не менѣе весьма сильно. Въ Нежегольскѣ мы находимъ не одни только городскія укрѣпленія, но и валъ, тянувшійся въ одну сторону отъ города на 1405¹/₂ саж., а въ другую на 961 саж.; въ этихъ валахъ были устроены земляные городки, деревянныя башни, ворота и надолбы. Въ городѣ отведено было мѣсто подъ соборную церковь и торговыя лавки и слободы, построены казенныя сооруженія—приказная изба, погребъ, государевы житницы, тюрьма. Постройкою города и околородныхъ укрѣпленій занимались стольники, стряпчіе и дворяне Московскіе, жильцы городовые, дворяне и дѣти боярскіе, солдаты, драгуны со своими полковниками, донскіе казаки и новокрещенные (вѣр. инородцы), дѣдиловскіе и михайловскіе черкасы.

Такимъ образомъ, здѣсь были служилые и такъ называемые приборные люди.

Построивъ новый городъ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно было принять мѣры къ заселенію его. Единственный контингентъ населенія на первыхъ порахъ составили служилые люди, жившіе до того въ другихъ русскихъ городахъ, большею частью украинскихъ; ихъ приходилось переводить или *сводить* оттуда; поэтому они и появляются *сведенцами*. Въ наиболѣе украинскихъ городахъ, которые поэтому чаще другихъ подвергались татарскимъ нападениямъ, жителей всегда было не много, такъ какъ добровольно туда не хотѣлъ переселяться никто. Таковъ, напр., былъ г. Бобрискъ, бывшій прежде подъ властью Польши и въ 1647 г. перешедшій къ Москвѣ. Въ 1648 г. воевода его горько жаловался на тяжелое положеніе: дѣти боярскія, сведенныя на житье въ Бобрискъ, говоритъ онъ, еще только строятъ себѣ дворы и сѣютъ хлѣбъ, а въ проѣзжія станицы посылатъ некого, между тѣмъ въ такомъ порубежномъ и украинномъ городѣ необходимо имѣть станичниковъ; городъ и острогъ—большой, а крѣпостей и бойницъ нѣтъ и защищать его некому. По сосѣдству на границѣ въ 20, 30 и 50 вер. отъ Бобриска татары громятъ литовцевъ; самъ Бобрискъ находится въ 4-хъ верстахъ отъ литовскаго рубежа и въ 1 вер. отъ Сагайдачнаго шляха; сюда приходятъ безпрестанно вѣсти о движеніи врага; а кромчаны, орловцы, брянчаны никогда не являются сюда по предписанію въ полномъ числѣ ⁷³¹.

Въ другіе города являлись впрочемъ не только «сведенцы», но и «сходцы», т.-е. добровольные переселенцы. Въ Нежегольскѣ пожелали поселиться добровольно служилые люди изъ разныхъ украинскихъ городовъ — Бѣлгорода, Болхова, Корочи, Карпова, они записались въ разрядъ дѣтей боярскихъ, казаковъ, ѣздоковъ, станичниковъ, пупкарей; всего оказалось 115 чел. Въ Колонтаевѣ по челобитью пожелало поселиться 86 чел. изъ Хотмышка, Карпова, Обояни, Вольнаго. Можно предполагать, что въ числѣ такихъ добровольныхъ переселенцевъ бывало постоянно извѣстное количество вольныхъ, охочихъ людей—дѣтей и родственниковъ дворянъ, которые не владѣли еще самостоятельно цѣлымъ помѣстьемъ. Такіе охочіе люди появлялись и среди другихъ общественныхъ слоевъ, наполняя собою потомъ разрядъ казацкаго, драгунскаго, рейторскаго строевъ, составляв-

⁷³¹ Акты Ю. п. Зап. Россіи, VIII, стр. 275.

шихъ едва ли не самый значительный классъ украиннаго общества. Всѣхъ ихъ привлекало, конечно, плодородіе и обиліе земли и всякихъ угодій. Лица, завѣдывавшія постройкою новыхъ городовъ или даже подававшія только проекты въ пользу необходимости таковой, сообщали постоянно свѣдѣнія о земляхъ и угодьяхъ, которыя могутъ быть отведены къ новому городу. Такъ и въ даннамъ случаѣ воеводы Шереметевъ и Бутурлинъ заявили, что къ Нежегольску можетъ быть отведено по эту сторону вала пахатной земли 1200 четвертей, сѣнокосовъ за валомъ по р. Нежеголи, Донцу и Волчьимъ водамъ неопредѣленной количество, лѣсу дровянаго и селитебнаго также очень много между рр. Корочей и Нежеголю, по правому берегу р. Нежеголи и по обѣимъ берегамъ р. Донца. Къ Колонтаеву, по донесенію тѣхъ же воеводъ, также будетъ много пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ ⁷³². Вслѣдъ за постройкою города къ нему отводилась, отмежевывалась земля, извѣстная подъ именемъ «градской» въ отличіе отъ уѣздной. Повидимому каждая группа городского населенія получала себѣ особыя поземельные участки—дѣти боярскія въ одномъ мѣстѣ, пушкарі—въ другомъ, казаки—въ третьемъ и т. п. Такъ при отводѣ земель жителямъ новопостроеннаго города Усерда, станичники получили земли между рр. Малымъ и Большимъ Усердомъ, а также по Большому Усерду; дѣти боярскія—внизъ по рр. Усерду и Соснѣ, казаки—за Большимъ Усердомъ и вверхъ по немъ до рѣчки Коблейки, по Коблейкѣ, Ольшанкѣ и Соснѣ до Каменнаго брода, стрѣльцы—выгонную землю подъ самымъ городомъ, а кромѣ того по Малому Усердцу и между нимъ и Большимъ Сосенскимъ лѣсомъ, за р. Сосною и въ Сосенскомъ лѣсу, пушкарі—внизъ по ногайской, т. е. лѣвой сторонѣ Сосны; усердскимъ черкасамъ отведена была особая земля ⁷³³. Свѣдѣнія о «градскихъ» земляхъ встрѣчаются въ разныхъ книгахъ—дозорныхъ, межевыхъ, писцовыхъ, раздаточныхъ; въ Хотмышской, напр., межевой книгѣ мы находимъ подробныя свѣдѣнія о размежеваніи земель стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ, казенныхъ кузнецовъ и плотниковъ ⁷³⁴. Обыкновенно количество земли было столь значительно, что часть ея оставалась въ видѣ готоваго фонда для будущихъ

⁷³² В. И. Холмогорова. Акты, относящіяся къ Малороссіи (Чтеніе, 1883 г., кн. II., стр. 29—37).

⁷³³ Н. Н. Оглоблина. Обзор. Ист.-геогр. мат., стр. 55—56.

⁷³⁴ Ibidem, стр. 96—97.

поселенцевъ, но эксплуатировались, конечно, только земли, находившіяся не особенно далеко отъ города; всѣ остальные считались уѣздными и предназначались для тѣхъ слободъ, селъ и деревень, которыя образовывались въ данномъ округѣ.

Къ такимъ уѣзднымъ поселкамъ мы теперь и переходимъ. Подъ защитою городовъ возникали и размножались постепенно села и деревни. Появленіе этихъ послѣднихъ указывало на то, что данная округа дѣлается уже сравнительно болѣе безопасной. Наступать второй фазисъ въ исторія заселенія ея: къ прежнимъ *исключительно военнымъ* цѣлямъ колонизаціи присоединялись уже мирныя. «Вслѣдъ за сооруженіемъ первыхъ отдаленныхъ укрѣпленій пунктовъ по южной границѣ, правительство приступило къ населенію этого края, такъ что построение укрѣпленныхъ городовъ и устройство поселеній шли рука объ руку, содѣйствуя взаимно выполненію общей цѣли—защитѣ государства отъ вторженій непріятеля. Поселенія были необходимы для укрѣпленныхъ городовъ, доставляя имъ всѣ необходимыя средства для жизни, которыми природа щедро наградила эту страну въ случаѣ угрожавшей опасности содѣйствія ихъ защитѣ; но поселенія могли существовать съ нѣкоторою безопасностью не иначе, какъ только подъ защитою укрѣпленныхъ городовъ. Въ этомъ взаимномъ содѣйствіи и заключается причина сооруженія въ царствованіе Алексѣя Михайловича большаго числа городовъ, которыя, бывъ построены каждый для частной цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали въ общей массѣ обезпеченію южной границы отъ вторженій татаръ»⁷⁸⁵.

Собственно говоря, села возникали въ одно время съ городомъ, но только въ видѣ *пригородныхъ* слободъ, составлявшихъ неотъемлемую, составную часть города въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. крѣпостей. Эти слободы постепенно разрастались и въ послѣдствіи уже выходили за предѣлы городской территоріи. Съ теченіемъ времени появлялись села и на извѣстномъ разстояніи отъ города, которыя составляли уѣзды. Уѣздное населеніе также обязано было военной службой, какъ и городское, но, въ случаѣ появленія непріятеля, оно должно было спасаться въ города. Среди его скорѣе можно было встрѣтить представителей жилацкаго класса, напр., крестьянъ, чѣмъ въ украинскихъ го-

⁷⁸⁵ О. Ласковскаго. Мат. для ист. инженернаго искусства въ Россіи, I, 42.

родахъ. Довольно вѣрную картину заселенія уѣзда рисуетъ намъ г. Германовъ. «Возникалъ на извѣстной мѣстности, гдѣ онъ долженъ былъ возникнуть по разнымъ обстоятельствамъ, укрѣпленный городъ. Около него селились слободы служилыхъ людей въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Окологороднія слободы возникали въ одно время съ городомъ, а отдаленныя отъ него являлись разумѣется медленнѣе, не въ опредѣленные сроки. Села шли по всѣмъ направленимъ отъ города, рѣдко однако, и при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ переходя на другой берегъ рѣки, если городъ стоялъ на рѣкѣ. Одни изъ нихъ соединяли новый городъ съ областями, населенными прежде, другіе полагали начало поселенію мѣстностей, еще не занятыхъ, и обозначали собою дальнѣйшее движеніе русскаго населенія. Но между ними была значительная разница. Тогда какъ первые (на пространствахъ между старыми и новыми городами) могли умножаться постоянно въ количествѣ, соразмѣрномъ количеству земли, умноженіе вторыхъ, достигши извѣстныхъ границъ, обыкновенно останавливалось. Причина въ томъ, что расселеніе на большемъ разстояніи отъ города, на новой мѣстности, было небезопасно и не приводило ни къ какой цѣли»⁷²⁶. Такимъ образомъ, появленіе селеній стоитъ въ самой тѣсной связи съ появленіемъ городовъ: гдѣ раньше возникли города, тамъ мы найдемъ и болѣе старыя селенія. Откуда являлись жители во вновь основанныя селенія? Частью изъ своего уѣзднаго города, частью изъ сосѣднихъ городовъ и уѣздовъ⁷²⁷. Конечно, первоначальное число жителей въ нихъ было не велико и иногда состояло всего изъ нѣсколькихъ семействъ. Иногда побуждала къ переселенію незначительность пространства, занятаго или отведеннаго въ моментъ первоначаль-

⁷²⁶ Германова. Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Ворон. губ. (въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI, стр. 216—217).

⁷²⁷ См. Германова. Постеп. распротр. однодвор. населенія въ Ворон. губ. (въ Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 234, 254 и др.). Въ Тамбовскій край переселялись крестьяне изъ селъ Шацкого и Кадомскаго уѣзда, рязанской, муромской, владимірской и пензенской областей, очень видную роль среди нихъ играли бѣглецы, преимущественно монастырскіе крестьяне (И. И. Дубасова. Очеркъ изъ ист. Тамбовск. края, вып. I, стр. 171). Здѣсь мы находимъ значительный процентъ крестьянъ, которыхъ въ украинскихъ городахъ, можно сказать, совсѣмъ почти не было: одни изъ нихъ жили на черныхъ государевыхъ земляхъ, другіе — на владѣльческихъ: помѣщичьихъ или монастырскихъ (И. И. Дубасова. Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 152—156).

наго поселенія подь дворы. Такъ слоб. Кочетовка Козловскаго уѣзда заселилась выходцами изъ пригородной Козловской полковой слободы, потому что улицы тамъ были тѣсныя, мѣста подь усадьбами было мало, весною и осенью бывало такъ грязно, что отъ ѣзды падали лошади и скоть; вслѣдствіе этого половина казаконъ выселилась на свои казачьи дачи—на р. Турмасовку и образовала здѣсь сел. Кочетовку⁷³⁸. Выборъ мѣста подь *городское* поселеніе, какъ мы видѣли, обуславливался почти исключительно военными стратегическими соображеніями правительства. При образованіи селеній гораздо больше вліянія имѣлъ свободный выборъ самихъ поселенцевъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь нѣкоторое значеніе имѣла стратегія.

Въ моментъ основанія новаго города въ пустомъ незаселенномъ краѣ опредѣлялось уже, въ какихъ мѣстахъ можно или нужно было устроить деревни; составлялся даже чертежъ имъ⁷³⁹. Нужно впрочемъ полагать, что предусмотрѣть всего не могли даже опытные въ этомъ дѣлѣ московскіе спеціалисты и чертежники: появлялись села и деревни и тамъ, гдѣ ихъ на чертежѣ не было. Но положеніе селеній, не укрѣпленныхъ земляными и деревянными сооружеиіями, было вообще говоря очень опасное; несмотря на обиліе земель селяне бросали иногда ихъ и уходили въ другія мѣста; такъ, напр., изъ сел. Алкужей (Тамб. украины) убѣжало на Донъ 280 чел., въ числѣ оставшихся было 192 увѣчныхъ (очевидно, раненыхъ во время татарскаго нападенія)⁷⁴⁰. Явилась, такимъ образомъ, необходимость укрѣплять не только города, но и селенія. Додуматься до этого было не трудно, такъ какъ и безъ того дѣло защиты края не ограничивалось постройкою однихъ городскихъ укрѣпленій; подобно тому какъ изъ пригородныхъ слободъ иногда образовывались уѣздныя селенія, такъ и пригородныя укрѣпленія распространились потомъ и на поселки, лежавшіе на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ города. Въ подтвержденіе этой мысли мы можемъ разсказать одинъ харак-

⁷³⁸ Н. Н. Оглоблина. *Обоз. ист. геогр. мат.*, стр. 88—89.

⁷³⁹ ...«А въ которыхъ мѣстахъ къ Колонтаеву городу быть селамъ и деревнямъ, и которые дѣса и рѣчки отъ воинскихъ людей въ заступу и не въ заступу и тому *учинекъ чертежъ* (В. И. Холмогорова. *Акты, относящіяся къ Малороссіи въ Чт. Моск. Общ.*, 1885 г., кн. II, стр. 35),» а селамъ и деревнямъ быти внизъ по рѣкѣ Нежеголи жъ отъ Зимовнаго Колодезя по правую сторону и по рѣкѣ Донцу по лѣвую сторону (*Ibidem*, стр. 32).

⁷⁴⁰ И. И. Дубасова, *Оч. изъ ист. Тамб. края*, вып. I, стр. 153.

терный эпизодъ, о постройкѣ крѣпостей въ Яблоновскомъ уѣздѣ Бѣлгородской укрѣины. Въ 1649 г. яблоновскій воевода доносилъ, что устроенныя на правомъ берегу р. Оскола за валомъ селенія—Тростянецъ, Васильевъ долъ и Голубино ничѣмъ не защищены и могутъ подвергнуться нападенію воинскихъ людей съ Изюмской сакмы; посему онъ предлагаетъ укрѣпить «полое», т.-е. пустое незаселенное мѣсто въ 700 саж. между Халанскимъ и Голубинымъ лѣсомъ—поставить тамъ башню, съ которой можно будетъ наблюдать за Изюмской сакмой, а отъ нея къ Голубинскому лѣсу крѣпкіе надолбы со рвомъ; тогда, писалъ воевода, татарамъ нельзя будетъ нападать уже ни на эти деревни, ни на Царево-Алексѣевскій уѣздъ, потому что другаго такого полаго мѣста нѣтъ ⁷⁴¹. Нужно полагать, что укрѣпленныя селенія встрѣчались нерѣдко, особенно въ XVII в., въ мѣстахъ, чаще другихъ подвергавшихся нападеніямъ татаръ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо обращались со временемъ въ города. Мы знаемъ одинъ случай, когда при обращеніи села въ городъ его жители помѣщичьи крестьяне были переименованы въ драгунъ. Въ 1648 г. было велѣно помѣщичьимъ крестьянамъ села Бѣла-Колодезя съ приселками и деревнями быть въ драгунской службѣ на коняхъ съ пищалями, рогатинами, топорами и др. необходимыми предметами, перейти подъ вѣдомство Сокольскаго воеводы и сохранить за собою прежніе земельные надѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ, для того чтобы дать имъ возможность приготовить себя къ новой службѣ, съ нихъ были сложены ямскіе, стрѣлецкіе и всякіе другія подати и оброки ⁷⁴². Приведенный случай было нужно думать, далеко не единственный. Еще легче село могло преобразиться въ городъ, если оно было населено не жилацкими, а служилыми людьми; не слѣдуетъ забывать, что нерѣдко встрѣчались служилые люди даже въ такихъ селахъ, которыя были заселены крестьянами; они несли сторожевую службу и др. воинскія повинности. Въ с. Тимашевомъ (Тамб. укрѣины) въ 1650 г. было 8 солдатскихъ дворовъ; обитатели ихъ служили по Тамбовскому валу ⁷⁴³.

И такъ, типическими формами великорусскихъ поселковъ Бѣлгородской черты были города и селы или деревни. Преобла-

⁷⁴¹ Акты Ю. в Зап. Россіи, т. VII, № 14, приложение, стр. 286.

⁷⁴² Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. Акты, кн. 3-я, стр. 35—36.

⁷⁴³ Н. И. Дубасова. Оч. изъ ист. Тамб. края, выш. I, стр. 155.

дающее значеніе имѣли города, какъ военные и административные центры своихъ округовъ. Военное значеніе городовъ уяснено нами, полагаемъ, въ достаточной степени, что же касается вопроса объ ихъ роли въ дѣлѣ администраціи, то онъ отнесенъ нами къ главѣ объ управленіи и потому теперь остается въ тѣни. Города здѣсь рѣзко отличались отъ селеній. Къ каждому городу тянуло извѣстное количество селъ и деревень; и тѣ и другіе имѣли довольно значительное количество жителей; маленькихъ поселковъ, которые соотвѣтствовали бы малорусскимъ хуторамъ, мы здѣсь не находимъ. Въ теченіи всего XVII ст. количество селъ и деревень все болѣе и болѣе увеличивалось, какъ вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, такъ и благодаря приливу новыхъ выходцевъ изъ болѣе внутреннихъ областей. Бѣлгородская черта не могла здержать естественнаго стремленія населенія къ югу да и устроена она была вовсе не для этого. Въ то время какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ она все болѣе и болѣе застраивалась городами и селеніями, мѣстность лежавшая къ югу за нею заселялась пришедшими изъ Польши малоросіянами и получила названіе Слободской Украйны. Сюда же стали переселяться и великорусскіе обитатели Бѣлгородской черты. Но въ то время какъ по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея главными «населенниками» края были великоруссы, а малоруссы, какъ мы видѣли, составляли меньшинство, за Бѣлгородской чертой въ предѣлахъ «Слободской украйны» роли переимѣнились: здѣсь численный перевѣсъ былъ на сторонѣ малороссянъ; они представляли изъ себя, можно сказать, сплошную массу, среди которой въ видѣ оазисовъ были разсѣяны великорусскіе поселки.

Мы постараемся собрать разбросанные въ разныхъ источникахъ факты для того, чтобы опредѣлить роль и характеръ этой колонизаціи.

Уже à priori можно предположить, что и въ Слободской украйнѣ великорусская колонизація отличалась такимъ же характеромъ, какъ и въ степной московской. Государство, поселяя своихъ служилыхъ людей за Бѣлгородскою чертою, преслѣдовало свои прежнія цѣли; это былъ естественный дальнѣйшій шагъ въ движеніи русскаго населенія къ югу. Движеніе это по существу своему должно было быть безостановочно; только смутная эпоха нѣкогда на время задержала его, но съ Мих. Теодоровича до Екатерины II-й включительно оно уже не прерывалось. Основной характеръ его оставался прежній: на первыхъ порахъ исключи-

тельно военный; и здѣсь мы увидимъ тѣ же укрѣпленные города, тѣже укрѣпленные черты или валы, служившіе какъ бы гранью вновь пріобрѣтенныхъ русскихъ владѣній, тѣже разряды служилыхъ людей и ту же военную службу. И это совершенно понятно: основная причина оставалась та же; Крымская орда была завоевана только въ царствованіе Екатерины II-й, условія мѣстности ничѣмъ почти не разнились отъ прежнихъ. Существенное вліяніе могъ оказать только одинъ факторъ—это переселеніе сюда цѣлыми толпами малоруссовъ, которые приняли на себя ту роль, какую въ Бѣлгородской украинѣ играли русскіе служилые люди. Ближайшимъ результатомъ этого было сравнительно слабое движеніе великорусской колонизаціи въ города и слободы за чертою, между тѣмъ какъ въ Тамбовской украинѣ, куда не являлись партіи малороссянъ, колонизація по прежнему принадлежала исключительно русскому служилому сословію. Совмѣстная жизнь на одной территоріи съ малоруссами, усвоившими себѣ въ Литвѣ и Польшѣ особенныя формы соціального экономическаго быта, должны были также оказать нѣкоторое вліяніе на ихъ характеръ. Но взаимодѣйствіе и модификація великоруссовъ и малоруссовъ были крайне не значительны въ предѣлахъ Слободской украинны, конечно, въ силу того, что жили они въ разныхъ селеніяхъ и рѣдко смѣшивались другъ съ другомъ путемъ браковъ. Олнодворческое населеніе харьковской губ. по своему типу и условіямъ жизни въ настоящее время врядъ ли чѣмъ отличается отъ олднодворцевъ рязанской, тамбовской, орловской, пензенской, тульской губ. Въ XVII и XVIII вв. въ Слободской украинѣ мы видимъ двѣ соціально—бытовыя и этнографическія единицы, которыя стоятъ другъ противъ друга и сохраняютъ свои существенныя особенности. Правительству и здѣсь принадлежитъ исключительное значеніе при расселеніи русскихъ служилыхъ людей; въ дѣлѣ вольной малорусской колонизаціи оно также играло значительную роль, но малорусскіе переселенцы пользуются гораздо большею свободою, чѣмъ московскіе сведенцы; образуется такимъ образомъ, какъ бы два управленія, великоруссами завѣдуютъ воеводы и ихъ приказные, черкасами—ихъ выборные начальники, находящіеся впрочемъ въ сильной зависимости отъ русскаго правительства. Таковъ общій характеръ русской государственной колонизаціи въ Слободскихъ полкахъ. Перейдемъ теперь къ болѣе подробному и тщательному разсмотрѣнію его.

II за Бѣлгородскою чертою, какъ и въ предѣлахъ ея, вели-

корусскіе служилые люди жили въ городахъ и уѣздныхъ селеніяхъ. Посмотримъ прежде всего на города съ великорусскимъ населеніемъ въ XVII в., а потомъ уже перейдемъ къ селеніямъ. Города эти могутъ быть подведены подъ нѣсколько категорій: одни были построены исключительно по инициативѣ и на средства центрального правительства, другіе перешли къ Москвѣ отъ Польши и на первыхъ порахъ были заняты русскими гарнизонами; хотя впоследствии сюда снова явились цѣлыя толпы переселенцевъ малороссіянъ, третьи были обязаны своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи, а потомъ заселены были русскими служилыми людьми; четвертые, наконецъ, принадлежали къ смѣшенному типу—въ постройкѣ и заселеніи ихъ рядомъ съ малороссіянами принимали участіе и великороссіане; къ первой принадлежали Можескій острогъ или Валки, Лосицкій острогъ и Колонтаевъ; ко второй—Алешня, Ахтырка, Каменное, Недрыгайловъ, Бобрикъ; къ третьей—Чугуевъ, къ четвертой—Цареборисовъ, Торъ, Маяцкъ, Острогжскъ, Харьковъ и др.

Однимъ изъ древнѣйшихъ Московскихъ городовъ былъ Валки. Упомянутія о немъ относятся къ очень раннему времени—еще къ 1571 г. ⁷⁴⁴, но изъ текста не видно, что это были за Валки—урочище ли, острожокъ, валъ или городъ. Спасскій считаетъ его городомъ, но безъ всякаго основанія ⁷⁴⁵. Пр. Филаретъ догадывается, что это названіе происходитъ отъ валковъ т.-е. волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ, занятыхъ Валками и окружающихъ ихъ ⁷⁴⁶. Мы полагаемъ, что Валки представлялъ изъ себя искусственное укрѣпленіе, главная сила котораго состояла въ большомъ валѣ ⁷⁴⁷. Къ такому выводу насъ приводитъ ближайшее разсмотрѣніе той самой книги большаго чертежа, которую

⁷⁴⁴ Бѣляева. О стор. стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Ар. 1846 г. № 4, источн. стр. 19: «да ѣхати къ верхъ Мжа къ Валкамъ; а отъ Валокъ переѣхати Муравской шляхъ».

⁷⁴⁵ Книга глаг. больш. чертежъ, стр. 300.

⁷⁴⁶ Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. 2, стр. 189.

⁷⁴⁷ Правда этому противорѣчитъ нѣсколько то обстоятельство, что въ настоящее время говорится не Валки, а Вѣлки; и съ такимъ удареніемъ это слово ближе подходитъ къ малорос. слову валка (напр. валка чумаковъ). Но кто знаетъ, какъ произносили это слово въ старину, т.-е. до пол. XVII в.? Быть можетъ съ новымъ удареніемъ (Вѣлки) явилось это слово тогда, когда вновь пришедшіе черкасы основали свой городъ на новомъ мѣстѣ и дали ему свое названіе (Вѣлка), потому что здѣсь по Муравскому шляху проѣзжалъ валка переселенцевъ.

издалъ Спасскій; она даетъ намъ, какъ кажется, довольно точное опредѣленіе того, что такое были Харьковскіе Валки... «а межъ мжа и Коломака на муравской дорогѣ рву версты съ 3; а ровъ въ ширину сажени съ полторы, а въ глубину сажень, а индѣ больше. А по странамъ того рва обойти нельзя: прошли лѣса и болота. А *переплывъ Можъ и Коломокъ, и Валки...*» ⁷⁴⁸. Отсюда, кажется, можно заключить, что Валки находились возлѣ того рва который простирался между рр. Мжомъ и Коломакомъ. Какъ и всякій ровъ, такъ и этотъ, состоялъ изъ рва и вала; выбрасываемая при копаніи рва земля образовывала *валъ*; этотъ валъ находился на южной сторонѣ рва и смотрѣлъ прямо въ степь. Съ такимъ характеромъ это укрѣпленіе сохранилось почти до настоящаго времени. По крайней мѣрѣ такъ намъ описываетъ его Пассекъ ⁷⁴⁹. Ошибается только Пассекъ въ томъ, что начало его относитъ къ пол. ХУІІ ст.; объ этихъ Валкахъ упоминается еще въ концѣ ХУІ ст., въ 1571 г. книга большаг о чертежа говоритъ еще объ одномъ такомъ же укрѣпленіи: «въ рѣку жъ въ Тускоръ подъ градомъ подъ Курскомъ пала рѣчка Куръ, протоку 12 вер., а вверхъ на Московской дорогѣ *Валки*, отъ Курска 12 вер., а на нихъ надолбы по *отъямъ стоятъ сотники*» ⁷⁵⁰. Изъ этого отрывка видно, что курскіе валки представляли изъ себя искусственное укрѣпленіе, снабженное надолбами т.-е. большими бревнами. Здѣсь также и въ 1623 г. стояла сторожа ⁷⁵¹. Когда ровъ между Можью и Коломакомъ получилъ свое начало, сказать затрудняемся; м. б. въ томъ же ХУІ ст. въ царствованіе Феодора, въ разгаръ строительной дѣятельности московскаго правительства, а м. б. и гораздо раньше въ княжескій періодъ; первое впрочемъ въроятнѣе. Въ ХУІІ в. онъ постепенно расширялся и обратился мало по малу въ цѣлую систему укрѣпленій. Московскому правительству естественно было обратить особенное вниманіе на это мѣсто; это былъ

⁷⁴⁸ Книга глаг. больш. чертежъ, стр. 17.

⁷⁴⁹ Пассекъ, курганы и город. харьк., валк. и полг. уѣзда, (въ Рус. ист. дор. Погодина, ч. Ш. стр. 208—209).

⁷⁵⁰ Книга глаг. больш. чертежъ стр. 89.

⁷⁵¹ Бѣляева: О стор. стан. и полев. службъ (въ Чт. Мос. Общ. Ист.-Др. 1846 г. № 4, источники, стр. 72); правда въ книгѣ большаго чертежа говорится, что эти Валки отстояли отъ Курска въ 12 вер., а тѣ что у Бѣляева въ 20 вер.; но разниця эта объясняется разлічїемъ мѣры длины (версты) въ одномъ и другомъ источникѣ, а также вообще неточностью въ исчисленіи расстояній; см. объ этомъ въ предисловіи къ кн. глаг. больш. чертежа Спасскаго, стр. VII.

единственный проход для татаръ въ Русь, ибо дальше тянулись, непроходимые лѣса и болота. Прямѣе, слѣдовательно почему рѣшились устроить въ этомъ мѣстѣ такую же переконь, какую сдѣлали сами татары у себя дома въ Крыму. Необходимо было въ этомъ мѣстѣ также содержать какую-нибудь стражу для наблюденія за кочевниками; и такая стража здѣсь дѣйствительно была до 1571 г., какъ это видно изъ допроса кн. Воротынскаго ⁷⁵³). Правда, что по дозору кн. Тюфякина сторожа эта была переведена отсюда, не только потому, что сюда приходили каневскіе черкасы и громами сторожей. Это обстоятельство, очевидно, должно было побудить московское правительство устроить здѣсь болѣе надежное укрѣпленіе. Такимъ образомъ, тотъ Можескій острогъ, первое упоминаніе о кремѣ относится къ 1645 г., по всей вероятности, получилъ свое начало вскорѣ послѣ этого, доподобиѣ всего въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича. Въ 1645 г. тамъ былъ уже стоялый острожокъ, въ которомъ жили русскіе служилые люди изъ Чугуева. Можескій острогъ или Валки въ это время былъ маленькимъ центромъ станичныхъ разъѣздовъ: отсюда ѣздили станицы на Самару и Орелъ. Въ 1650 г. мы встрѣчаемъ здѣсь пушкарей; въ это время здѣсь былъ уже и воевода. Очевидно, что Можескій острожокъ превращается мало по малу въ городъ или крѣпость Валки. Вскорѣ сюда являются черкасы и строятъ настоящій большой городъ. Впрочемъ они повидимому заняли себѣ подъ крѣпость и селеніе новое мѣсто; такъ по крайней мѣрѣ, говоритъ Пр. Филаретъ, очевидно основываясь на бывшихъ въ его рукахъ матеріалахъ ⁷⁵⁴.

Такова была судьба одного московскаго города въ предѣлахъ Слободской укранны. Мы нарочно остановились довольно подробно на этомъ эпизодѣ, во первыхъ, потому что онъ былъ очень неясенъ, а во вторыхъ, и потому что онъ представляется довольно типическимъ. Валки были однимъ изъ такихъ стоялыхъ острожковъ, какіе въ значительномъ количествѣ встрѣчаются намъ въ предѣлахъ Бѣлгородской черты. Населеніе его составилось изъ чугуевскихъ служилыхъ людей и на первыхъ порахъ не имѣло еще постоянной осѣлости. Какова была дальнѣйшая судьба Можескаго острога мы не знаемъ.

⁷⁵³ Бѣльева: О стор. стан. и полев. службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г., № 4, источники, стр. 7; «1-я сторожа межъ Мжа и Коломакъ»...).

⁷⁵⁴ Фил. Ист. стат. опис. харьк. сиб. отд. II, стр. 189—191.

Рядомъ съ Можескимъ острожкомъ нужно поставить Лосицкій, который также обязанъ своимъ происхожденіемъ русскимъ служивымъ людямъ. Тамъ въ 1645 г. мы находимъ русскую стражу, которая отсюда для вѣстей ѣздила въ Литовскую сторону въ г. Алешню ⁷⁵⁴. Первые упоминанія о немъ также относятся къ 1571 г. ⁷⁵⁵.

Несомнѣнно, московскимъ правительствомъ былъ построенъ г. Колонтаевъ ⁷⁵⁶. По осмотру мѣстности Бѣлгородскимъ воеводой Бутурлинымъ въ 1654 г. рѣшено было устроить между Муравскимъ и Бакаевымъ шляхами, Колонтаевскимъ и Грудцкимъ бродами, на р. Мерлѣ городъ, ибо этими мѣстами въ 1646 г. приходили Крымскіе царевичи въ рыльскій, сѣвскій, и курскій уѣзды и въ черкасскіе города, повоевали многія селенія и взяли въ плѣнъ множество народа. Вновь построенный городъ былъ деревянный съ 7 башнями, окологородными укрѣпленіями и обыкновенными казенными постройками. Всѣхъ русскихъ служивыхъ людей поселилось здѣсь 86 чел.; это были «Сходцы», пожелавшіе добровольно переселиться изъ слѣд. украинскихъ городовъ: Хотмышка, Карпова, Оболяни, Вольнаго; изъ нихъ образовались стрѣлцкая казачья и пушкарская слободы. Но имѣлись въ виду и малорусскіе поселенцы, ибо говорится и о черкасской слободѣ ⁷⁵⁷. Впрочемъ черкасы очень скоро (въ 1658 г.) явились сюда въ столь значительномъ кличе-

⁷⁵⁴ Фл. Ист. ст. од. кар. еп. отд. III, стр. 58. Пр. Филаретъ предполагаетъ, что онъ былъ взятъ впослѣдствіи кн. Вишневецкимъ; это очень вѣроятно, такъ какъ городокъ этотъ представлялъ изъ себя пограничный пунктъ.

⁷⁵⁵ Бѣляева. О стор. стан. и пол. службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г. № 4, источ., стр. 19).

⁷⁵⁶ Пр. Филаретъ считаетъ московскимъ поселеніемъ и Краснополье и основывается на томъ, что тамъ упоминаются подъ 1682 г. казаки и подъ 1700 г. дѣти боярскіе (Ист. ст. опис. Харьк. еп. III, стр. 153). Но присутствіе въ Краснопольѣ вѣстнаго количества русскихъ служивыхъ людей еще не даетъ права сдѣлать заключеніе, что и городъ былъ основанъ ими. Здѣсь произошло, по всей вѣроятности, тоже самое явленіе, какое имѣло мѣсто при основаніи Харькова. Городъ былъ построенъ черкасами подъ руководствомъ воеводы и съ помощью пришедшихъ съ нимъ дѣтей боярскихъ и казаковъ. Объ этомъ прямо свидѣлствуетъ одинъ документъ Моск. арх. Мин. юст. 1685 г., въ которомъ говорится о Краснопольѣ, какъ о новостроенномъ черкасскомъ городѣ (Архивъ Мян. юстиціи книга разныхъ городовъ, № 53, стр. 1—9).

⁷⁵⁷ В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ малор. (въ Чт. Моск. Общ. ист. др. 1885 г. кн. II, стр. 33—35).

ствѣ, что здѣсь упоминается даже колонтаевскій полковникъ ⁷⁵⁸. Если прежніе поселенцы и удержались здѣсь, то во всякомъ случаѣ составляли незначительный процентъ всего населенія Колонтаева. По переписи Хрущева 1732 г. тамъ жили исключительно малоруссы ⁷⁵⁹.

Въ Бобрискѣ, Ахтыркѣ, Алешнѣ, Каменномъ, Недрыгайлѣ были русскіе служилые люди. Всѣ эти города были расположены на границѣ съ Польшей и служили постоянно яблокомъ раздора между обоими государствами. До 1647 г. всѣ они принадлежали Польшѣ и были заселены малороссіянами и только, по межевому акту 1647 г., отошли къ Алексѣю Михайловичу, причемъ все прежнее населеніе оставило ихъ и даже частью забрало съ собою свои постройки ⁷⁶⁰. Въ виду важнаго стратегическаго значенія этихъ пунктовъ правительство Алексѣя Михайловича поселило здѣсь сейчасъ же своихъ служилыхъ людей, которые и оставались до прихода въ эти мѣста малорусскихъ переселенцевъ. Впрочемъ и тогда великорусское населеніе не удалось окончательно изъ этихъ городовъ, а состояло гарнизономъ ихъ вмѣстѣ съ черкасами. Такъ было несомнѣнно въ Алешнѣ ⁷⁶¹, въ Каменномъ ⁷⁶² и Недрыгайлѣ ⁷⁶³. Почти всѣ перечисленные города и городки находились въ сѣверныхъ пограничныхъ частяхъ Слободской украинны.

Въ центральной части вполне великорусскій характеръ носилъ г. Чугуевъ, основанный малороссіянами. Послѣ бѣгства черкасъ Остринина въ 1641 г., въ немъ были поселены русскіе служилые люди. При Алексѣѣ Михайловичѣ они по прежнему несли очень тяжелую военную службу, особенно вначалѣ его царство-

⁷⁵⁸ Пр. Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., III, стр. 262.

⁷⁵⁹ Мои „Матеріалы...“ стр. 232.

⁷⁶⁰ В. И. Холмогорова: Акты, относ. къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г. кн. II, стр. 2—5). Пр. Филаретъ говоритъ, что по самому акту межеванія видно, что казаки остались въ Недрыгайлѣ; но въ актѣ объ этомъ не говорится ничего; между тѣмъ въ III, томѣ, Актовъ Юж. и Зап. Россіи мы находимъ категорическое подтвержденіе того, что все населенія должно было къ извѣстному сроку удалиться отсюда.

⁷⁶¹ Пр. Филаретъ. Ист. ст. опис. харьк. еп. отд. III, стр. 473—475, 478; въ 1678 г. здѣсь было 193 русскихъ и 107 черкасъ (см. Доп. къ Акт. Ист. т. IX, стр. 273).

⁷⁶² Ibidem, стр. 532.

⁷⁶³ Ibidem, стр. 557; въ 1678 г. здѣсь было 898 чел., въ томъ числѣ черкасъ 237 чел. (Доп. къ Акт. ист., т. IX, стр. 256).

ванія, когда Чугуевъ былъ южнымъ пограничнымъ городомъ. Населеніе его должно было заботиться объ исправномъ содержаніи городскихъ укрѣпленій и о поправкѣ старыхъ, приходившихъ уже въ ветхость ⁷⁶⁴. Но что особенно отягощало чугуевцевъ, такъ это сторожевая и станичная служба. Изъ одной челобитной ихъ, поданной въ 1658 г., видно, что ихъ ежегодно и зимою и лѣтомъ посылали во вновь построенные чернаскіе города Царевоборисовъ, Зміевъ, Харьковъ и Валки; кромѣ того они стояли въ самомъ Чугуевѣ. (по 50 чел.), ходили на отхожія сторожи, на татарскіе перелазы, на Салтово и Гумницкое городища (по 35 чел.), отправлялись по вѣстямъ въ разные города, и наконецъ ѣздили въ станицы до Царевоборисова и Тора; въ виду этого они просили, чтобы ихъ уволили по крайней мѣрѣ отъ посылки въ Царевоборисовъ въ количествѣ 150 чел. Просьба была уважена только на половину: вмѣсто 150 чел. велѣни высылать 50 чел. ⁷⁶⁵. Большія опустошенія г. Чугуеву, а особенно его уѣзду, причинили казацкіе бунты, поднятые Брюховецкимъ. ⁷⁶⁶ Дѣлали нападенія и татары, а также калмыки. Чугуевцы принимали участіе въ разныхъ походахъ, напр.; Голицынскихъ; равнымъ образомъ посылали ихъ для постройки новыхъ укрѣпленій (напр. Крома ⁷⁶⁷). Впрочемъ и въ Чугуевѣ мы находимъ въ одно время значительное количество малороссіянъ; въ 1668 г. тамъ было 509 черкасъ и 552 великорусса ⁷⁶⁸. Но 10 лѣтъ спустя въ немъ не было уже не одного черкашенина ⁷⁶⁹. Очевидно, это были результаты бунта Брюховецкаго, когда слободско-украинскіе казаки даже сожгли свои города. Чугуевъ и въ XVIII в. сохранилъ свой исключительно военный характеръ. Здѣшній чугуевскій казачій полкъ существовалъ очень долгое время. Чугуевъ былъ центромъ довольно значительнаго количества великорусскихъ поселеній, расположенныхъ въ его уѣздѣ и ему подвѣдомственныхъ. Въ концѣ XVIII в. въ немъ было жителей обоюга пола 9185 чел. ⁷⁷⁰, т.-е. немногимъ менѣе, чѣмъ въ Харьковѣ, въ которомъ тогда было 10.749 чел. ⁷⁷¹.

⁷⁶⁴ Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. IV, стр. 58.

⁷⁶⁵ Ibidem, отд. IV, 60—61.

⁷⁶⁶ Подробность объ этомъ см. у пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. V, стр. 62—64.

⁷⁶⁷ Ibidem, стр. 67—70.

⁷⁶⁸ Мои «Матеріалы...» стр. 61.

⁷⁶⁹ Доп. къ Актамъ ист., т. IX, стр. 291.

⁷⁷⁰ Топограф. опис. харьк. нам. М. 1788 г., стр. 141.

⁷⁷¹ Ibidem, стр. 127.

Въ южной части харьковской губ. обзаны своимъ происхожденіемъ совмѣстно великорусской и малорусской колонизаціи города, Царевоборисовъ, Торъ, Маяки. Царевоборисовъ, какъ мы знаемъ, былъ построенъ еще Борисомъ Годуновымъ, но въ смутную эпоху запустѣлъ. Кѣмъ онъ былъ потомъ возобновленъ—русскимъ правительствомъ или малороссіянами, мы не знаемъ; правдоподобнѣе, что первымъ, такъ какъ онъ занималъ довольно важное въ стратегическомъ отношеніи положеніе. Здѣсь пролегла посольская дорога въ Крымъ; здѣсь останавливались обыкновенно послы; здѣсь устранилась застава на случай чумы. Однимъ словомъ, этотъ городъ считался самымъ крайнимъ въ степи. Въ сороковыхъ годахъ XVII в. онъ назывался еще Борисовымъ или Царевымъ городищемъ ⁷⁷², а въ 1658 г. онъ былъ уже несомнѣнно населенъ черкасами ⁷⁷³. Но кромѣ черкасъ здѣсь жила и донцы и служилые русскіе люди ⁷⁷⁴. Въ 1668 г. здѣсь мы находимъ 16 чел. донскихъ казаковъ, 16 пушкарей (вѣроятно, великорусскихъ) и 325 черкасъ съ 4 сотниками и атаманомъ ⁷⁷⁵. Въ 1681 г. здѣсь было очень мало населенія, всего 149 душъ, въ томъ числѣ русскихъ людей 20 чел., ссыльныхъ смоленскихъ стрѣльцовъ 5 и черкасъ 124 чел. ⁷⁷⁶.

Великорусской колонизаціи обзанъ своимъ происхожденіемъ г. Торъ нын. Славянскъ. Здѣсь въ 1646 г. мы видѣли русскую стражу изъ Чугуева, которая должна была сидѣть въ построенномъ здѣсь острожкѣ и наблюдать, чтобы татары не переправились чрезъ Торскій перевозъ. Въ пятидесятыхъ годахъ мы видимъ здѣсь уже и черкасъ, которыхъ больше всего привлекали соляные промыслы ⁷⁷⁷, въ 1676 г. малороссіяне и построили здѣсь городъ.

Нѣсколько раньше въ 1663 г. на Маяцкомъ городищѣ былъ построенъ г. Маяцкъ. Впрочемъ въ качествѣ московскаго укрѣпленнаго острожка онъ упоминается еще въ 1644 году; ⁷⁷⁸ въ немъ мы встрѣчаемъ русскихъ и черкасъ; всѣхъ жителей было 859 чел.; кромѣ того въ пригородныхъ слободахъ жили сведенцы изъ со-

⁷⁷² Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 56.

⁷⁷³ Мюн «Матеріалы...» стр. 43.

⁷⁷⁴ Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 58—59.

⁷⁷⁵ Мюн «Матеріалы...» стр. 63.

⁷⁷⁶ Ibidem, стр. 120.

⁷⁷⁷ Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 117.

⁷⁷⁸ Ibidem, стр. 145.

сѣднихъ раньше построенныхъ городовъ—чугуевцы (9 чел.) салтовцы (46 чел.) харьковцы (8 чел.) волуйчане (94 чел.); итого 229 душъ; всего въ городѣ и слободахъ 314 душъ. ⁷⁷⁹ Въ 1667 г. въ Маяцкѣ было русскихъ людей 100 чел., а черкасъ 35 чел. ⁷⁸⁰ Мы перечислили всѣ города, относительно которыхъ можно утверждать или по крайней мѣрѣ предполагать, что они обязаны были своимъ происхожденіемъ великорусскимъ поселенцамъ. Мы убѣдились, что положительныя свѣдѣнія объ основаніи ихъ русскими служилыми людьми относятся только къ Можескому острогу (или Валкамъ), Лосницкому острогу, Колонтаеву, Тору (Славянску) и Маяцку; предположительно можно говорить о возобновленномъ Царевоборисовѣ.

Довольно значительное количество слободско-украинскихъ городовъ было построено черкасами, но подъ руководствомъ русскихъ воеводъ и съ нѣкоторою помощью ихъ служилыхъ людей. Такъ харьковскій острогъ строили черкасы подъ руководствомъ воеводы Селифонтова вмѣстѣ съ служилыми людьми. ⁷⁸¹ Эти послѣдніе послѣ этого и остались при своемъ воеводѣ въ Харьковѣ, но ихъ было сравнительно немного.

Острогожскъ строилъ воевода Арсеньевъ съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и черкасами; ⁷⁸² въ Острогожскѣ явилась сразу большая партія черкасъ; потому можно думать, что въ общемъ количествѣ работниковъ они составляли значительный процентъ, хотя все-таки гораздо менѣе значительный, чѣмъ въ Харьковѣ; мы дѣлаемъ такое заключеніе на томъ основаніи, что въ Острогожскѣ русскіе люди составляли весьма значительную часть населенія и въ послѣдующее время. Кромѣ этого въ первое время мы встрѣчаемъ русскихъ служилыхъ людей съ воеводами въ очень многихъ слободско-украинскихъ городахъ. Въ Харьковѣ въ 1668 г. было 62 чел., а черкасъ 1491, въ 1670 г.—дѣтей боярскихъ 157 чел. кромѣ приказныхъ и полковыхъ казаковъ, ⁷⁸³ которыхъ было около 256 чел., а черкасъ 2100 чел.; въ Острогожскѣ въ 1668 г.—

⁷⁷⁹ Опис. Маяцка. См. въ Зап. Одес. Общ. ист. и др. т. IV, отд. 2-е, стр. 310—316. Подлинникъ—въ Архивѣ Мнц, юст. Подлинная строгельн. кн. Бѣлг. губ. 43, стр. 582—596.

⁷⁸⁰ Мои «Матер...» стр. 64—65.

⁷⁸¹ Ibidem, стр. 22.

⁷⁸² В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ Маларос. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2-я, стр. 28).

⁷⁸³ Мои «Матеріалы...» стр. 41 и 69.

рус. людей болѣе 160 чел., ⁷⁹⁶ а черкасъ болѣе 400 душъ; въ Салтовѣ рус. людей—173, а черкасъ 249; въ 1678 г.—203 чел. русскихъ и 97 черкасъ мѣщанъ, ⁷⁹⁵ въ Змиевѣ—рус. людей 44, а черкасъ 541, въ 1678 г.—74, а черкасъ 611 чел., ⁷⁹⁶ въ Сумахъ въ 1678 г.—рус. людей 50 и черкасъ 246 чел., ⁷⁹⁷ въ Суджѣ въ 1678 г.—рус. людей 203 и черкасъ 439 чел., ⁷⁹⁸ въ Краснополѣ—рус. людей 78 и черкасъ 1058; ⁷⁹⁹ въ Бѣлополѣ рус. людей 53 и черкасъ 1202, ⁷⁹⁰ въ Мирополѣ—рус. людей 242 и черкасъ 609 ⁷⁹¹.

Великорусское населеніе слободско-украинскихъ городовъ состояло, можно сказать, исключительно изъ служилаго класса; только въ двухъ, трехъ городахъ мы встрѣчаемъ посадскихъ людей и крестьянъ. Такимъ образомъ, составъ великорусскихъ поселенцевъ объясняется цѣлями центральной правительственной власти, которая считала необходимымъ по прежнему удержатъ руководство въ дѣлѣ обороны новой украины. Вслѣдствіе этого она то давала въ помощь новоприхожимъ черкасамъ извѣстное количество русскихъ служилыхъ людей для постройки острога, то оставляла ихъ въ видѣ гарнизона съ восводою въ новопостроенномъ городѣ, то, наконецъ, передавая защиту своего города поселенцамъ—малороссіянамъ, оставляла все-таки тамъ извѣстную часть и прежняго населенія. Центральное правительство не только не заботилось объ увеличеніи великорусскаго населенія въ Слободской украинѣ, а наоборотъ, гдѣ нужно, сокращало его, руководствуясь въ этомъ случаѣ не политическими мотивами, а реальными здраво понятыми интересами самой колонизаціи. Въ началѣ оно прилагало болѣе стараній о защитѣ территоріи, а кромѣ того не было увѣрено въ томъ, что дѣло это можетъ быть удовлетворительно исполнено одними малороссіянами. Вотъ почему тогда почти въ каждомъ Слободско-укр. городѣ былъ великорусскій гарнизонъ. Этимъ объясняются также значительныя ⁷⁹² колебанія въ этногра-

⁷⁹⁶ Мов „Матеріалы...“, стр. 58.

⁷⁹⁵ Ibidem, стр. 62—63, и Доп. къ Акт. ист., т. IX, стр. 292.

⁷⁹⁶ Доп. къ Акт. ист. т. IX, стр. 292.

⁷⁹⁷ Ibidem, стр. 296.

⁷⁹⁸ Ibidem.

⁷⁹⁹ Ibidem, стр. 297.

⁷⁹⁰ Ibidem.

⁷⁹¹ Ibidem.

⁷⁹² Въ Верхнемъ Салтовѣ напр. въ 50-хъ годахъ было 570 черкасъ; въ 1668 г. 173—русскихъ и 249 черкасъ; въ 1676 г.—207 рус. и 207 черкасъ; въ

фическомъ составѣ населенія. Правительство то увеличивало, то уменьшало количество своихъ служилыхъ людей въ зависимости отъ разныхъ соображеній и случайностей; переселять малоруссовъ изъ одного мѣста въ другое по требованію обстоятельствъ было почти невозможно или по крайней мѣрѣ очень затруднительно, потому что ихъ колонизація носила вольный характеръ.⁷⁹³ Между тѣмъ съ служилыми людьми дѣлать это было легко и удобно; по крайней мѣрѣ они къ этому достаточно уже привыкли. И вотъ, когда малорусское населеніе расходилось изъ какого-нибудь города, его мѣсто занимали русскіе служилые люди.⁷⁹⁴ Такимъ образомъ, количество великорусскихъ служилыхъ людей въ Слободско-украинскихъ городахъ за вторую половину XVIII ст. не только не увеличивалось, но, кажется, уменьшилось. Вотъ всѣ данныя распредѣленія русскихъ служилыхъ людей въ слободско-украинскихъ городахъ. Число городовъ съ присутствіемъ болѣе или менѣе значительнаго процента великорусскаго элемента, какъ видимъ, было весьма невелико. Нѣсколько болѣе его мы найдемъ въ селеніяхъ. Къ нимъ мы теперь и переходимъ.

Разсматривая топографію этихъ селеній, мы видимъ, что тѣ изъ нихъ, которыя получили свое начало еще въ XVII в., расположены вблизи городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ великорусской колонизаціи—Вольнаго, Болхова, Чугуева, и входили въ составъ ихъ уѣздовъ; основаніе остальныхъ относится къ первой половинѣ XVIII ст. и стоитъ въ связи съ построеніемъ такъ называемой *Украинской линии* и образованіемъ ландмилицкихъ полковъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ были сел. Русская Лозовая, Проходы, Русскіе Тишки, Борщевое,⁷⁹⁵ Всѣ они впервые упоми-

1678 г.—203 рус. и 97 чер.; въ 1732 г.—195 рус. и 520 чер.; въ 1785 г.—29 русскихъ однодворцевъ и 14 крестьянъ, т.-е. 43 души, а черкасы войсковыхъ обывателей и поданныхъ 873 души; см. мой „Матеріалы...“ стр. 35 и 62—63, Доп. къ Акт. ист. т. IX, стр. 292; Филар. ист. стат. опис. харьк. еп. отд. IV стр. 288.

⁷⁹³ Въ подтвержденіе можно сослаться на то, что черкасы пугивальскаго уѣзда не пожелали исполнять просьбы о переводѣ на новое мѣсто между г. Усердомъ и Полотовымъ лѣсомъ; см. мой „Матер...“ стр. 76.

⁷⁹⁴ Такъ, напр., въ виду частыхъ нападений на Трехъ избенскую слободу правительство переселило въ 1715 г. туда большую часть служилыхъ людей изъ Салтова; см. Пр. Фил. ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 374.

⁷⁹⁵ Первые два принадлежали къ Коренскому стану Бѣлгородскаго уѣзда; см. Фил. ист.-стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 179, 182. Относительно двухъ по-

наются въ 1663 г., но, конечно, основаны были раньше бѣлгородскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, солдатами и т. п. Интересно, что въ началѣ были одни только Тишки, въ которыхъ жили совмѣстно русскіе и черкасы; но скоро между ними начались пререканія, вслѣдствіе чего въ 1663 г. земли ихъ были размежеваны и возникло двое селеній Русскіе и Черкасскіе Тишки; ⁷⁹⁶ по всей вѣроятности, то же явленіе имѣло мѣсто и въ с. Русской и Черкасской Лозовой. Въ вольновскомъ уѣздѣ въ 1711 г. были слѣд. селенія: Славгородокъ, Верхпожня, Пожня, Дерновое, Обратенища, Люджа, Верхлюджа, Тарасовка, Станичная, Порозокъ, Поляня, Печины, Крамская, Солдатская, Ницаха, Каменницкое, Котанская. ⁷⁹⁷ Въ Славгородѣ великорусское населеніе жило до 1686 г.; о Пожнѣ упоминается уже въ 1660 г., о Дерновомъ въ 1680 г., Люджа въ 1686 г. была уже селомъ, къ болховскому уѣзду тянуло великорусское сел. Уды, населенное дѣтьми боярскими изъ г. Болхова до 1689 года. ⁷⁹⁸

На западномъ пограничѣ харьк. губ. съ полтавской, гдѣ шель Литовскій рубежъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя отошли къ Москвѣ по межевому акту 1647 года, въ нын. лебединскомъ уѣздѣ, мы также находимъ нѣсколько великорусскихъ селеній: Чупаховку, Боровеньку, Мартиновицы, Ясеновое. Впрочемъ еще въ XVII в. земли этихъ селеній перешли въ руки малороссійскихъ старшинъ (напр., полк. Перекрестова). Первоначальное заселеніе ихъ относится, по всей вѣроятности, къ сороковымъ годамъ XVII ст., когда правительство должно было позаботиться о заселеніи пограничной территоріи, изъ которой удалилось прежнее малороссійское населеніе и которая состояла изъ городищъ Недрыгайловскаго, Каменскаго, Алешинскаго, Ахтырскаго; поселенные въ округѣ этихъ городищъ служилые люди получили себѣ помѣстья ⁷⁹⁹.

Но самымъ обширнымъ великорусскимъ округомъ былъ Чугуевскій уѣздъ, о которомъ еще въ царствованіе Мих. Фед. говорили, какъ о исконной принадлежности московскаго государя. Здѣсь

слѣднихъ мы не имѣемъ такого прямаго указанія, но о принадлежності ихъ къ бѣлгород. уѣзду свидѣтельствуетъ близость ихъ къ с. Большимъ Проходамъ.

⁷⁹⁶ Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 176.

⁷⁹⁸ Библ. харьк. у-тета. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда 1711 г. Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 141.

⁷⁹⁷ Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 145.

⁷⁹⁹ Ibidem, отд. III, стр. 484, 489, 491.

въ 1710 г. мы находимъ слѣд. великорусскія селенія: Каменную Яругу, Кочетокъ, Покровское или Бабку, Пещаное, Введенское, Терновое, Пятницкое, Васищево, Тетлѣгу, Зарожное и Шубино; ⁸⁰⁰ Бабки и Боровая въ началѣ также принадлежали къ Чугуевскому уѣзду. ⁸⁰¹ Первоначальное заселеніе этихъ мѣстъ относится къ очень древнимъ временамъ; земли здѣшнимъ великорусскимъ поселенцамъ были отведены большею частью въ 1647 году. Мы знаемъ, что въ 1641 г. Чугуевъ былъ оставленъ черкасами и потому правительсво Алексѣя Михайловича должно было позаботиться о заселеніи этого важнаго пункта. Чугуевская воинская служба, какъ мы видѣли, была очень тяжелая и требовала значительнаго количества служилыхъ людей. Свободныхъ земельныхъ угодій было очень много; ихъ-то и стали раздвать поселенцамъ, чтобы привязать къ новому мѣсту жительства и служенія, сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что служилые люди, какъ мы видѣли, въ большомъ числѣ бѣгали изъ Чугуева.

Вотъ *важнѣйшія* великорусскія поселенія XVII в. въ предѣлахъ Слободской Украйны; говоримъ важнѣйшія, потому что могли быть и другія, о которыхъ никакихъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ не сохранилось. Они группировались въ нын. ахтырскомъ, лебединскомъ и змиевскомъ уѣздахъ, частью недалеко отъ границы грайворонскаго и бѣлгородскаго уѣздовъ, курской губ., гадяцкаго и зеньковскаго полтавской, а частью и въ центральной части харьковской губ. (въ древнемъ чугуевскомъ уѣздѣ). О населенности чугуевскаго и вольновскаго уѣздовъ намъ даютъ понятія слѣд. цифры. Въ городѣ Чугуевѣ и во всемъ уѣздѣ въ 1710 г. было 1474 двора и 9996 душъ жителей (въ томъ числѣ 4904 мужскаго пола и 5092 женскаго. ⁸⁰² Въ селеніяхъ вольновскаго уѣзда однихъ служилыхъ людей и ихъ дѣтей было 1600 чел. ⁸⁰³ Интересно отмѣтить одну подробность: села чугуевскаго уѣзда отличаются своимъ многолюдствомъ—въ Кочеткѣ, напр., было 240 душъ обоого пола, въ Пятницкомъ—284, въ Покровскомъ—743, въ Пещаномъ—464, въ Тетлѣгѣ—525 чел. и т. д. ⁸⁰⁴ Въ селеніяхъ вольновскаго

⁸⁰⁰ Архивъ Ист. фил. общ. Переписныя книги г. Чугуева и его уѣздъ 1716 г.

⁸⁰¹ Пр, Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. IV, стр. 101—102.

⁸⁰² Архивъ Хар. ист. фил. общества. Переписн. книги г. Чугуева и его уѣзда.

⁸⁰³ Библиотека Харьков. у-та. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда.

⁸⁰⁴ Архивъ харьк. ист.-фил. общ. Переписная книга г. Чугуева и его уѣзда.

уѣзда мы находимъ гораздо меньшія цифры, если даже удвоить ихъ, а это необходимо сдѣлать въ виду того, что здѣсь обозначено только число мужчинъ—то и тогда почти всѣ они, за исключеніемъ 4-хъ, будутъ менѣе 200. ⁸⁰⁵ Для XVII в. о количествѣ однодворческаго населенія мы имѣемъ слѣд. данныя. По переписи 1724 г. всѣхъ однодворцевъ въ харьковскомъ полку оказалось 1782 чел.; изъ нихъ половина служила казацкую службу, а другая платила подушный окладъ; ⁸⁰⁶ съ этимъ совпадаетъ и другое извѣстіе, по которому однодворцевъ, служащихъ казацкую службу въ харьковскомъ полку, въ 1722 г. было 886 чел. ⁸⁰⁷ Въ другихъ полкахъ также врядъ ли можно предполагать большее количество. Въ 30-хъ годахъ XVIII в. количество однодворцевъ значительно увеличилось. Дѣло въ томъ, что въ 1731 году для огражденія Слободской Украины отъ татаръ начали строить Украинскую линію и заселять ее однодворцами бѣлгородской и воронежской губ.

Разсматривая этнографическій составъ населенія харьковской губ. въ настоящее время, мы видимъ слѣдующее. Процентное отношеніе сельскаго великорусскаго населенія къ малорусскому таково: на 87,78% малороссовъ приходится 11,45% великоруссовъ, т.-е. первыхъ почти въ 8 разъ болѣе, чѣмъ вторыхъ. Великоруссы занимаютъ преимущественно змиевскій, старобѣльскій, волчанскій, харьковскій и купянскій уѣзды. Волчанскій и старобѣльскій уѣзды въ XVII ст. представляли изъ себя совершенную пустыню, и великорусское населеніе стало водворяться здѣсь только съ XVIII в. Съ Петра II началась здѣсь раздача обширныхъ помѣстій русскимъ вельможамъ, которое переселяли сюда своихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ центральныхъ великорусскихъ губ. Таково, напр., происхожденіе села Андреевки и Старога Салтова (въ волчанскомъ уѣздѣ), принадлежащихъ Апраксину и Шафирову. Такимъ образомъ здѣсь преобладали крестьяне. Наоборотъ, великоруссы змиевскаго уѣзда представляли изъ себя потомковъ однодворцевъ, т.-е. служилыхъ людей древняго чугуевскаго уѣзда; ихъ предки еще при Михайлѣ Ѳеодоровичѣ заняли чугуевскій уѣздъ и съ этого времени составляли въ немъ преобладающую группу населенія. ⁸⁰⁸

До сихъ поръ мы занимались описаніемъ Бѣлгородской чер-

⁸⁰⁵ Библиотека Харьк. у-тета. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда.

⁸⁰⁶ Филарета Ист.-стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 176.

⁸⁰⁷ Мои „Матеріалы...“ стр. 198.

⁸⁰⁸ Списки населенныхъ мѣстъ. Харьковская губ. стр. XLVI, XLVIII.

ты и великорусскихъ поселеній за нею въ предѣлахъ, слободской украины. При этомъ описаніи насъ не могло не поразить громадное количество средствъ, которыя должно было затрачивать государство на дѣло обороны заселяемаго имъ края. Мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: была ли теперь настоящая потребность въ постройкѣ столь значительнаго количества дорого стоящихъ крѣпостей, околородныхъ укрѣпленій, сторожевыхъ, приютовъ, въ наборѣ и содержаніи большой массы служилыхъ людей и т. п. Если сравнить строительную дѣятельность Алексѣя Михайловича съ таковою же дѣятельностью его предшественниковъ, то окажется, что Алексѣй Михайловичъ въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше ихъ. Въ 1650 г. послу царя Алексѣя Михайловича Василию Унковскому гетм. Богданъ Хмельницкій говорилъ: «слышно де намъ, что государь его царское величество по границамъ отъ нашия земли и въ полѣ отъ татаръ велѣлъ устроить многіе города и люди.» На это Василій Унковскій отвѣтилъ ему такъ: «какъ и зачалось Московское государство и ни при которомъ государѣ, что нынѣ при государѣ нашемъ царѣ и вел. кн. Алексѣѣ Мих. всеа Русіи въ Московскомъ государствѣ такого строенія городомъ и людемъ и нарядомъ не бывало: отъ польской и отъ вашей стороны отъ Калуги и по Путивль, во всѣхъ городахъ людей много, дворянъ и дѣтей боярскихъ, рейтаръ, и драгунскому и солдатскому строю научены, многіе люди во всѣхъ городахъ стоятъ, и съ ними нѣмецкіе полковники и подполковники, и майоры, и ротмистры, а отъ татаръ отъ саміе нашия границы по Донъ, а отъ Дону отъ Воронежскихъ мѣстъ да по Волгу все дѣланъ валъ земляной и укрѣпленъ великими крѣпостями и построены многіе города по тому валу часто, и въ городѣхъ устроены многіе жилецкіе и служилые люди всякимъ строемъ, дворяне и дѣти боярскія, и казаки и стрѣльцы и драгуны, и солдаты и пушки съ Москвы, по государеву указу, привезены во всѣ города многіе». Гетманъ на это замѣтилъ: «помилуй его государя Богъ, чтобъ ему государю многолѣтствовать; онъ де государь охочъ до воинскаго дѣла и ратныхъ людей строить и недругомъ своимъ онъ государь страшень, всякое де государство славитца ратными людьми; а отъ татарскихъ де приходоу люди безпрестанно надобны, потому на правдѣ своей они мало стоятъ».¹⁰⁹ Слова Василия Унковскаго пре-

¹⁰⁹ Акты Юж. и Зап. Россіи, т. VIII, стр. 348—349.

красно характеризуютъ значеніе царствованія Алексѣя Михайловича въ дѣлѣ обороны и колонизаціи «польской» окраины Московскаго государства. Для насъ также имѣетъ большое значеніе замѣчаніе Богдана Хмельницкаго о необходимости содержать значительныя военныя силы для отраженія татарскихъ нападений. Очевидно, Алексѣю Михайловичу необходимо было продолжать то, о чемъ такъ заботились его предшественники, въ особенности отецъ. Но для того чтобы окончательо убѣдиться въ цѣлесообразности всѣхъ этихъ мѣръ, намъ нужно теперь сгруппировать разбросанные въ разныхъ источникахъ факты о татарскихъ нападеніяхъ на Бѣлгородскую и Воронежскую украины. Сдѣлать это необходимо в потому, что татарскіе погромы оказывали громаднѣйшее вліяніе на самый ходъ колонизаціи; они служили для нея большимъ тормазомъ: еслибы жителямъ украинъ не угрожали татары, то сюда бы устремились многіе вольные переселенцы изъ болѣе центральныхъ областей. Во II-мъ отдѣлѣ мы сообщили уже нѣкоторыя общія свѣдѣнія о татарскихъ нападеніяхъ до 2-й половины XVII в., но старались при этомъ выяснять преимущественно тактику татаръ; она была основана, какъ мы видѣли, на внезапности и нечаяности нападенія. Теперь мы постараемся обратить вниманіе преимущественно на то, какъ часты и опустошительны были набѣги татаръ на города и селенія, лежавшіе по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея.

Русское государство при Алексѣѣ Михайловичѣ вообще значительно усилилось; его южная и юго-восточная граница, какъ мы видѣли, укрѣплена была довольно хорошо. Благодаря этому теперь не нужно было уже опасаться такихъ грозныхъ нашествій крымскаго Хана, какія имѣли мѣсто, напр., при Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Благодаря постройкѣ многихъ новыхъ городовъ, Москва не была теперь такъ открыта для движенія кочевниковъ, какъ прежде, когда Муравскій шляхъ, какъ мы видѣли, доходилъ до самой Тулы. Правительство Алексѣя Михайловича при постройкѣ новыхъ городовъ, очевидно, руководствовалось тою же мыслью, что и Владиміръ Св., когда говорилъ: «се не добро есть мало городовъ около Кыева»⁸¹⁰. Но если сама Москва и была теперь ограждена отъ татаръ своими украинами, за то эти послѣднія страдали очень сильно отъ ихъ набѣговъ. И теперь, какъ и прежде, татары

⁸¹⁰ Лѣт. по Ин. сп., стр. 83.

нападали или большимъ ополченіемъ въ нѣскольکو десятковъ тысячъ человѣкъ, или небольшими партіями отъ нѣсколькихъ десятковъ до тысячи и болѣе воиновъ. Нападенія перваго рода случались теперь сравнительно рѣдко, но за то были чрезвычайно опустошительны; это былъ ураганъ, разрушавшій и уносявшій съ собою все живое на пути. Такіе погромы имѣли мѣсто, напр., въ 1646 и 1680 г. Къ несчастью, мы знаемъ о нихъ очень мало подробностей. Извѣстно только, что въ 1646 г. приходили крымскіе царевичи въ рыльскій, сѣвскій и курскій уѣзды, погромили много селеній и взяли въ плѣнъ множество народа.⁸¹² О татарскомъ нашествіи 1680 г. намъ извѣстно слѣд.: Турки собирались идти на Кіевъ и потому направили татаръ на московскія украины. Вслѣдствіе этого самъ ханъ сталъ во главѣ своихъ ордъ и пошелъ на Бѣлгородъ и города, находившіеся по чертѣ и за чертою. Эти послѣдніе страшно пострадали. Ханъ остановился кошемъ между Харьковомъ и Бѣлгородомъ, и во всѣ стороны разослалъ разъѣзды; къ Карпову, на примѣръ, подошло 5000 татаръ, разбили свой кошъ возлѣ города, выжгли посадъ и позабирали въ плѣнъ жителей селъ и деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Одновременно съ крымцами и, по всей вѣроятности, по взаимному соглашенію съ ними явились азовскіе татары съ калмыками и черкесами, рѣшившись въ одинъ, заранѣе опредѣленный день, напасть на наши украины.⁸¹³ Къ несчастью мы не можемъ сказать, какъ часты были такія нападенія татаръ, когда самъ ханъ или его сыновья стояли во главѣ значительнаго количества воиновъ. Гораздо больше данныхъ мы имѣемъ о мелкихъ татарскихъ набѣгахъ, которые въ суммѣ наносили также громадный вредъ государству.

Если крымскіе ханы и не такъ часто, какъ прежде, посѣщали Русское государство, то мелкіе татарскіе отряды хаживали на наши украины безпрерывно. Воеводы постоянно передавали другъ другу вѣсти о движеніяхъ непріятельскихъ партій. Возьмемъ для примѣра одинъ 1674-й годъ и посмотримъ, сколько и какихъ извѣстій о появленіи татаръ и калмыковъ получилъ воевода небольшого городка Воронежскаго края—Орлова. 25 іюня было донесено о появленіи 10 чел. татаръ близъ икорскаго юрта; 19 іюля 4 чел. на Осиновомъ бродѣ между г. Острогожскомъ и Ольшан-

⁸¹² В. И. Холмогорова. Акты относящ. къ Малорос. (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г. кн. II, стр. 29).

⁸¹³ Де-Пуле, Мат. для Ист. Вороп. губ. Вор. 1861 г. стр. 94—95.

скомъ; 26—татарской сакмы человекъ въ 200 и больше въ корчиномъ юртѣ, 29—10 чел. татаръ недалеко отъ г. Коротояка у перелаза чрезъ Донъ; тогда же 50 чел. калмыковъ ранили и убили нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ, вышедшихъ изъ г. Ольшанска на свои сѣнокосы; 30—видѣли татарскую сакму человекъ въ 200 и больше, направлявшуюся отъ верховьевъ рѣки Калитвы къ г. Ольшанску; 1 августа 50 человекъ татаръ закололи близъ г. Усерда на пасѣкѣ у Никольскаго протопопа пасѣчника и стрѣльца и взяли въ плѣнъ его жену-литовку; 12—60 человекъ татаръ появилось возлѣ Боршевскаго монастыря и г. Костенска; 11—40 человекъ калмыковъ сдѣлали нападеніе на с. Аношкино и взяли въ плѣнъ 3-хъ женщинъ; 13—видѣли 100 чел. татаръ у р. Тамлыка; 14—10 калмыковъ «перелѣзли» чрезъ р. Усмань, напали ночью на деревню Горки и угнали у жителей ея лошадей; 15—невѣдомые непріятельскіе люди сдѣлали ночное нападеніе на село Углянское и захватили у мѣстнаго священника и жителей всякій скоть; 18—калмыки напали на коротоядкихъ станичниковъ въ пустой деревнѣ Назаровѣ, сожгли пустыя избенки и отбили нѣсколькихъ лошадей; 20—100 калмыковъ приступали къ Орловскимъ укрѣпленіямъ и отогнали у жителей 10 коровъ, а 150 человекъ татаръ прокопали валъ между Дѣвицкимъ и Сторожевскимъ городками, проломали въ 2-хъ верстахъ отъ города надолбы и угнали «конскія и животинныя стада»; 23—100 чел. калмыковъ напали на г. Романовъ, убили тамъ одного крестьянина и ранили 3-хъ другихъ; 2 сентября много татаръ близъ г. Козлова у Хмелевской сторожи вступили въ битву съ русскими служилыми людьми; 5—200 чел. татаръ явились изъ Новаго Оскола къ Верхососенску и «выбрали» въ уѣздѣ двѣ деревни; другой татарскій отрядъ захватилъ въ плѣнъ многихъ жителей въ Нежегольскомъ уѣздѣ и отогналъ конскія и животинныя стада. Въ заключеніе всего бѣлгородскій воевода извѣщалъ, что крымскій ханъ со всѣми своими и турецкими силами и малороссійскимъ гетманомъ Дорошенкою хочетъ переправляться черезъ Днѣпръ и воевать малороссійскіе и украинныя города.³¹² Въ слѣдующемъ 1675 г. татары напали на городокъ Орловъ. Переправившись черезъ р. Усмань, они осадили караульныхъ въ Хреновскомъ городкѣ и, разрубивъ топорами надолбы, прорвались

³¹² Де-Пуле., Матеріалъ для исторіи Ворон. губ. Вор. 1861 г., кн. 1-я, стр. 350—353.

къ посаду, захватили въ плѣнъ, убили и ранили на поляхъ многихъ орловцевъ и отогнали конскія и животинныя стада. Воевода выступилъ противъ нихъ, отбилъ стада и прогналъ ихъ въ степь.⁸¹⁴

Столь часто навѣдывались къ намъ татары въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Обратимся теперь ко времени Θεодора Алексѣевича. Вотъ нѣкоторыя извѣстія о нападеніяхъ татаръ въ 1676—1678 гг.: 100 чел. татаръ напало на Дивногорскій монастырь; 300 чел. татаръ подходило къ Торскимъ солянымъ озерамъ; нѣсколько женщинъ изъ г. Усерда видѣли 4-хъ татаръ, взявшихъ на курганъ и долго оттуда обзиравшихъ окрестности; 20 чел. татаръ ночевало между рр. Чемлыкомъ и Плавницей; сильная татарская орда перешла на ногайскую (т.-е. лѣвую сторону) р. Оскола; калмыки напали на усердскихъ рыболововъ на рѣкѣ Деркулѣ, ранили трехъ человекъ и отбили лошадей съ возами; появилось 2000 татаръ между гг. Богодуховомъ и Бѣлгородомъ; 8 татаръ отняли у 2 рейтаръ изъ г. Усерда на р. Калитвѣ лошадей, сами же они спрятались ночью въ болотѣ и слышали, какъ татары кого-то подвергали пыткѣ; 20 калмыковъ закололи одного ольшанца, а пятерыхъ, ловившихъ рыбу въ Черной Калитвѣ, взяли въ плѣнъ; русскіе служилые люди видѣли неприятельскую сакму, человекъ въ 200, направлявшуюся отъ Дона къ г. Ольшанску; татары гнались за верхососенскимъ священникомъ и ольшанскими дѣтьми боярскими, спасшимися въ Острогжскѣ; 12 калмыковъ напали на 5 душъ ольшанцевъ, занимавшихся звѣриною ловлею за р. Богучаромъ, отняли ихнюю добычу и разбросали трубы; 500 душъ татаръ появилось въ урочищахъ, находящихся въ 10 верстахъ отъ Усмани; 200 чел. показалось у р. Медвѣдицы; 50 татаръ подступали подъ Хмелевую слободку близъ Козлова и отогнали всѣхъ коней здѣшнихъ помѣщиковъ; татары, калмыки и башкирцы сдѣлали нападеніе на Хоперскихъ казаковъ; 100 калмыковъ отогнали стада у жителей романовскаго уѣзда села Сырскаго; калмыки сдѣлали ожесточенное нападеніе на Козловскій валъ; 50 калмыковъ сражались съ орловскими драгунами; произошла упорная битва полуполковника Семена Елагина и атамана Фрола Минаева съ татарами, пришедшими изъ Азова подъ Усердъ въ количествѣ болѣе 500 чел.; татары осматривали перелазы черезъ рр. Донъ и Воронежъ съ крымской стороны на ногайскую; распространился

⁸¹⁴ Де-Пуле, Мат. для исторіи Ворон. губ. Вор., 1861 г., стр. 48.

слухъ о появленіи за Сѣверскимъ Донцомъ на крымской его сторонѣ у Костенской могилы большой татарской орды и о присоединеніи къ ней другой; между рр. Битюкомъ и Ертылемъ стояло кошемъ 20 калмыковъ съ 100 лошадей; всякій день они посылали подѣзды подъ города (по 4 чел.); находившіеся же въ станѣ приготавливали безпрерывно для набѣговъ стрѣлы и копья; калмыки подходили къ усманскимъ укрѣпленіямъ, разрыли земляной валъ и отогнали стада; противъ нихъ въ степь за крѣпость ходилъ усманскій воевода со всѣми городскими и уѣздными людьми, бѣгъ съ ними до самаго вечера и прогналъ за рѣчку Байгору; снова къ усманскимъ крѣпостямъ приходило 50 чел. калмыковъ; опять 40 калмыковъ прокопали большой валъ между Тарасовой и Глухой башнями и проломами надолбы; караульные Боровскаго городка отбили ихъ и затѣмъ отняли даже лошадей, захваченныхъ ими у куликовскихъ помѣщиковъ; какіе-то воинскіе люди ночью въ количествѣ 6 чел. проломали ворота и надолбы у Воронежской крѣпости и хотѣли похитить стада жителей слободы Придачи; слышавъ шумъ, казаки начали стрѣлять, но воры спаслись черезъ свой проломъ; атаманы села Собакина, воронежскаго уѣзда, были посланы воронежскимъ воеводою въ степь для наблюденія за неприятелями и очень удачно исполнили свою миссію; съ собою они привели одного калмыка и четырехъ русскихъ плѣнниковъ (атамана села Собакина, взятаго въ плѣнъ, и трехъ крестьянскихъ дѣтей изъ Троицкаго Боршева монастыря), и въ разпросѣ сказали, что наткнулись они въ своихъ разъѣздахъ на татаръ за р. Сератомъ; тамъ они стояли кошемъ въ количествѣ 50 чел.; оказалось, что всего въ шайкѣ было 100 чел., но въ то время какъ половина ихъ ходила на государевы украинные города, другая стояла здѣсь кошемъ; они атаманы напали на нихъ, разбили и отбили часть скота и 5 чел. плѣнниковъ; ⁸¹⁵ въ 1676 г. воевода небольшого украиннаго города Орлова получилъ 19 отписокъ о нападеніяхъ татаръ, въ 1677—15, въ 1678 г.—болѣе 50, въ 1679 г.—13; итого въ теченіе 4 лѣтъ 107. «Чаще всего подвергалась ихъ нападеніямъ Усмань, всего рѣже появлялись они подъ Воронежемъ. Въ дѣлѣ защиты болѣе всѣхъ оказали энергіи усманцы. Воевода этого города, Димитрій Борисовичъ Клишковъ, принадлежитъ къ легіону тѣхъ безызвѣстныхъ героевъ, которые спасли русскую граж-

⁸¹⁵ Де-Пуле., Мат. для ист. Вор. губ. Вор. 1861 г., стр. 360—373.

данственностью въ безлюдныхъ степяхъ юго-восточной украины». ⁸¹⁶

1680 годъ былъ очень памятенъ для жителей южныхъ украинъ: въ этомъ году ханъ произвелъ страшныя опустошенія. Къ 1681 г. относятся слѣдующія вѣсти о татарскихъ нападеніяхъ. Донской атаманъ Минаевъ сообщалъ Валуйскому воеводѣ о движеніи 2000 калмыковъ на московскія украинныя города; въ іюнѣ татары подошли къ Козловской чертѣ, гдѣ проломали «ослонный лѣсъ», т.-е. надолбы и прокопали земляной валъ; тогда же азовскіе татары въ количествѣ болѣе 1000 человекъ напали на таборъ русскихъ людей и черкасъ, шедшихъ на Торскія озера, 50 чел. убили, а остальныхъ 200 взяли въ плѣнъ; Донской атаманъ Минаевъ писалъ Астраханскому воеводѣ, что изъ Азова въ нынѣшнее лѣто вышло много крымскихъ, азовскихъ, астраханскихъ и юртовскихъ татаръ и калмыковъ воевать русскіе украинныя города; астраханскій воевода съ этими вѣстями послалъ стрѣльцовъ въ Тамбовъ, но на этихъ послѣднихъ на разстояніи одного дня пути отъ Тамбова напали калмыки и отбили лошадей; сами они едва «утекли» въ камышъ. ⁸¹⁷ Тогда же татары взяли много плѣнниковъ подъ Савинскомъ. ⁸¹⁸

Къ 1682 году относятся чрезвычайно любопытныя извѣстія о походеніяхъ русскихъ воровскихъ людей. Вотъ разсказъ Васьки Клепикова, участвовашаго въ разбойнической шайкѣ, состоявшей изъ 250 чел. донскихъ и хоперскихъ казаковъ, коротояцкихъ и острогожскихъ черкасъ. Выбравши себѣ атаманомъ Ильюшку Иванова, а есауломъ Ивашку Длиннаго, они разбивали и грабили плывшіе по р. Дону суда съ разными товарами, но брали «всякихъ запасовъ и животныхъ не побольшому», т.-е. понемногу, а цѣликомъ захватывали только ружья и порохъ; такъ же точно они поступали потомъ при погромахъ казачьихъ городовъ—Донецкаго, Мигулина и Типанскаго; при осадѣ казачьяго городка Вешекъ атаманъ и есаулъ ихъ были взяты въ плѣнъ; тогда они выбрали новыхъ атамана и есаула—Ивашку Терскаго и Левку Котельникова и пошли къ р. Бетюку; съ дороги Ивашка Терскій послалъ его Ваську въ Козловъ и Тамбовъ подговаривать жителей этихъ городовъ поступить въ ихъ шайку и хотѣлъ съ такою же цѣлью от-

⁸¹⁶ Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 367.

⁸¹⁷ Ibidem, стр. 109—112.

⁸¹⁸ Ibidem, стр. 437.

править кого нибудь другаго въ Острогожскъ и Коротоаякъ: послѣ этого онъ хотѣлъ отогнать возлѣ Тамбова и Козлова конскія стада и, набравъ побольше удальцовъ, отправиться «для воровства и мятежа» на Волгу. Бывшіе въ этой же шайкѣ усманцы къ этому прибавляли еще слѣдующія подробности. Шлыя вверхъ по Дону на 12 лодкахъ, изъ которыхъ въ каждой было по 7, 10 или 15 человѣкъ, они погромили 4 будары, принадлежавшія донскимъ казакамъ и *шедшия изъ Руси на Донъ*, и взяли оттуда часть запасовъ (вино и медъ) и гребцовъ. Изъ подъ Вешекъ они отправились за съѣстными припасами въ Шиповы вотчины; тамъ въ это время никого не было, такъ что они, набравъ себѣ запасовъ, пошли на рѣчку Бетюкъ, гдѣ оставались до вечера. Между тѣмъ бывшіе въ шайкѣ или, какъ говорится въ документѣ, въ станицѣ два жителя г. Бѣлокологска—Аникѣйко и Филатка въ кругу казакомъ предлагали пойти на г. Бѣлокологезь, пограбить тамошняго стараго священника и уйти на Запорожье. Но большинство не согласилось на это предложеніе и ночью ушло, такъ что осталось въ шайкѣ всего только 15 человѣкъ. Изъ разказа еще одного участника шайки Гераськи Лопухова, двороваго человѣка майора Теплаго, выяснилось слѣдующее. Онъ оставилъ шайку въ степи, а самъшелъ изъ села Углянска въ Спасскій Толшевскій монастырь, надѣясь найти себѣ тамъ пристанище; но его схватили и подвергли допросу. По его словамъ, на р. Елани шайка ихъ должна была вступить въ битву съ донскими казаками и едва только отбилась отъ нихъ. Тогда они раздѣлились на 3 станицы: одна пошла вверхъ по р. Хопру, подъ Тамбовъ, другая подъ Острогожскъ, а третья на Бетюкъ. Переправившись черезъ Бетюкъ, эта послѣдняя направилась въ вверхъ по рѣкѣ для погрома жившихъ здѣсь вотчинниковъ и сбора припасовъ. Но отъ нея вскорѣ отдѣлились 12 чел., изъ коихъ 5 чел. пошло на Коротоаякъ, 6 въ село воронежскаго уѣзда Собакино, а 1 въ г. Орловъ. Онъ Гераська отправился съ тою партіей, которая шла въ село Собакино, тамъ впрочемъ ихъ всехъ перехватили сами же Собакинцы, а онъ пошелъ было въ Спасскій монастырь.⁷¹⁹ Такимъ образомъ не одни татары и калмыки дѣлали нападенія на Бѣлгородскую и Воронежскую украины; не мало было и своихъ «воровскихъ людей», которые образовывали правильныя шайки и рыскали за добычей. Иногда такіе воровскіе люди дѣлали нападенія подъ видомъ татаръ. Въ

⁷¹⁹ Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г. Стр. 438—442.

1690 году въ городокъ Орловъ явился соборный священникъ Антоній и заявилъ, что на него и его брата священника было сдѣлано нападеніе, когда они были на сѣнокосѣ: два человѣка гонялись за ними «воинскимъ нарядомъ и кричали всякими ясными языки» т.-е. разговаривали на непонятномъ иностранномъ діалектѣ. Братъ о. Антонія Стефанъ съ испугу забѣжалъ въ лѣсъ, и такъ зашибся, что теперь лежитъ при смерти. Между тѣмъ оказалось, что это были воронежцы Ивашка Струковъ и Кондрашка Пелепелкинъ; изъ нихъ первый былъ даже схваченъ священникомъ, но затѣмъ отбитъ своимъ товарищемъ, приведшимъ на выручку, 15 чел. изъ дер. Хрѣновской съ ружьями, пищалями и копьями. ⁸²⁰

Въ 1682 году татары подходили большими партіями подъ г. Сокольскій, Дивное городище, Усердъ, Воронежъ, Донъ, Сѣверскій Донецъ, Козловъ, Тамбовъ и нѣкоторыя другія мѣста; ⁸²¹ всѣхъ извѣстій о нападеніи непріятелей въ г. Орловѣ было получено въ этомъ году 36. ⁸²² Въ теченіи слѣдующихъ 9 лѣтъ (съ 1683 по 1687 и съ 1688 по 1693 годъ), захватывающихъ малолѣтство Петра Великаго и первые три года его самостоятельнаго управленія, въ г. Орловѣ было получено 119 вѣстей о движеніи разныхъ воинскихъ людей; въ 1683—10, въ 1684—6, въ 1685—28, въ 1686—10, въ 1688 и 1689—11, въ 1690—16, въ 1691—28, въ 1692—10.

Достаточно, полагаю, и приведенныхъ фактовъ для того, чтобы придти къ заключенію, что Бѣлгородская, Воронежская и Тамбовская украины подвергались постояннымъ нападеніямъ или, лучше сказать, набѣгамъ крымцовъ, нагайцевъ, калмыковъ и русскихъ воровскихъ людей. Это была мелкая партизанская война, въ которой всѣ преимущества были на сторонѣ нападавшихъ. Мы знаемъ уже, какова была военная тактика татаръ. Предпринимали ли они нападенія съ значительными или небольшими силами, они заботились объ одномъ, чтобы сдѣлать его внезапно «изгономъ». И достигнуть этого имъ было не трудно, особенно тогда, когда они являлись въ небольшомъ количествѣ. Обыкновенно они въ этомъ случаѣ поступали такъ: половина войска останавливалась гдѣ нибудь въ степи кошемъ, а другая отправлялась за добычей, которая дѣлилась потомъ между всѣми участниками похода; примѣры этого

⁸²⁰ Де-Шуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 446.

⁸²¹ Ibidem, стр. 442.

⁸²² Ibidem, стр. 435.

и приводилъ уже раньше.⁸²² Не рѣдко татарамъ приходилось еще въ степи встрѣчаться съ русскими сторожами и станичниками; здѣсь опять таки преимущество было на сторонѣ татаръ: ихъ было больше; начиналась погоня—и нерѣдко татаринъ на своемъ быстромъ конѣ догонялъ и бралъ въ плѣнъ русскаго стражника. Вотъ, напр., одинъ такой случай. Въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. изъ Коротояка было выслано 7 чел. служилыхъ людей на усманскую черту для «валоваго дѣла»; два изъ нихъ ѣхали впереди, остальные 5 позади на разстояніи версты отъ нихъ; вдругъ въ степи на переднихъ напали неизвѣстные люди въ количествѣ болѣе 10 человекъ и начали за ними гоняться; тогда тѣ, которые были назади, спрятались въ кусты, а одинъ изъ нихъ ушелъ въ дер. Клементьевскую и рассказалъ обо всемъ этомъ, прибавивъ, что всѣ его товарищи, должно быть, перебиты или взяты въ плѣнъ, потому что воинскіе люди видѣли ихъ въ кустахъ⁸²³. Иногда татары осаждали въ степи русскихъ станичниковъ. Такъ въ 1647 году за чугуевскими и бѣлгородскими станичниками гонялось 50 чел. татаръ отъ Савинскаго перелаза до Изюмскихъ вершинъ и на этомъ урочищѣ держали ихъ въ осадѣ до самаго вечера.⁸²⁴ Захваченные въ плѣнъ русскіе люди служили потомъ уже татарамъ «вожами», т.-е. проводниками.⁸²⁵ 18 августа 1674 г. калмыки напали на Коротояцкихъ станичниковъ и, когда тѣ добѣжали до деревни Прогорѣлой и спрятались въ *пустыхъ* избахъ, осаждали ихъ въ продолженіи цѣлаго дня и отбили у нихъ трехъ лошадей, а четвертую убили.⁸²⁶ Не рѣдко татарамъ также удавалось захватывать тѣхъ лицъ, которыя выходили изъ городовъ и селеній за черту въ поле для разныхъ промысловъ для выварки соли, для звѣриной и рыбной ловли, для выгонки дегтя.⁸²⁷ Къ тѣмъ фактамъ, которые были приведены раньше, мы прибавимъ еще только одинъ. Въ 1666 г. изъ Валуйки ходилъ на р. Айдаръ для рыбной ловли нѣкій Стенька Трофимовъ съ товарищами и былъ онъ тамъ 6 дней, на седьмой явились къ нимъ на станъ воинскіе люди, нанали на нихъ и гонялись за ними по лѣсу, такъ что они едва

⁸²² Де-Шуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 367—368.

⁸²³ Ibidem, стр. 443.

⁸²⁴ Фил. Ист. ст. опис. Харьк. епархін, отд. IV, стр. 60.

⁸²⁵ Де-Шуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 118.

⁸²⁶ Ibidem, стр. 352.

⁸²⁷ Нѣкоторые примѣры этого были приведены мною раньше.

«отсидѣлись» отъ нихъ въ терновыхъ кустахъ; этихъ воинскихъ людей было человекъ 50, а, можетъ быть, и больше; кто они были—татары или калмыки, осталось неизвѣстнымъ. ⁸²⁹

Подходя къ крѣпостямъ, татары или калмыки посылали напередъ лазутчиковъ развѣдать о томъ, гдѣ и когда лучше сдѣлать нападеніе. За рѣкою Форостанью видѣли, какъ одинъ человекъ стоялъ на лошади на курганѣ и около часу осматривалъ окрестность, вслѣдъ за тѣмъ онъ снялъ съ себя шапку и бросилъ ее вверху «мачжомъ»: это былъ условленный знакъ; къ нему немедленно приблизилось съ одной стороны 10, а съ другой 20 д. татаръ и поѣхали они вмѣстѣ вверхъ по р. Форостани. ⁸³⁰

Жители села Никольскаго Афонька Нарѣзневъ съ товарищами показывали: гнали они деготь за крѣпостями въ степи на р. Лукавкѣ и видѣли недалеко отсюда человекъ, пригнувшася къ лошади; явившійся туда другой разъ, они увидѣли на курганѣ человекъ 10, пригнувшихся къ своимъ лошадямъ; вскорѣ къ нимъ подѣхалъ изъ кустовъ еще одиннадцатый. ⁸³¹ Въ 1646 г. бѣлгородскій драгунъ Гришка Плечковъ ходилъ за р. Везелку (въ окрестностяхъ Бѣлгорода) разыскивать своихъ лошадей; въ это время его схватили въ степи русскіе воровскіе люди и, завязавъ ему глаза, привели въ станъ къ татарамъ; всѣхъ татаръ было здѣсь 16 чел., а русскихъ 3 человекъ; изъ разговоровъ русскихъ и татаръ Плечковъ узналъ, что первые подѣзжали къ Бѣлгородскому валу, разсматривали его и другія укрѣпленія и «смѣчали», т. е. старались сосчитать разныхъ людей. ⁸³² Иногда такимъ лазутчикамъ удавалось отогнать скотъ и лошадей; дерзость ихъ доходила до того, что они дѣлали проломъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ, для того чтобы черезъ него угнать похищенный скотъ; такой фактъ, какъ мы видѣли, имѣлъ мѣсто въ воронежской слободѣ Придачѣ. ⁸³³ Получивъ отъ своихъ лазутчиковъ необходимыя свѣдѣнія, татары, уловивъ удобную минуту, прорывались черезъ укрѣпленныя черты и начинали свой грабежъ.

Какъ извѣстно, всѣ города степной окраины Московскаго государства были ограждены цѣлою системой земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Разрушить ихъ и взять городъ приступомъ

⁸²⁹ Де-Шуле. Мат. для Ист. Вор. губ. Вор. 1861 г., стр. 325.

⁸³⁰ Ibidem, стр. 442.

⁸³¹ Ibidem, стр. 442—443.

⁸³² Царскія грамоты на Корочу, стр. 65—66.

⁸³³ Де-Шуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 370.

или осадой татары не могли и даже никогда не пытались этого дѣлать; но прокопать въ какомъ нибудь одномъ мѣстѣ валъ, прорубить топорами надолбы они могли и дѣлали это довольно часто. Объ этомъ мы имѣемъ многочисленныя извѣстія; лишь только являлась болѣе или менѣе значительная партія, она сейчасъ же прорывалась черезъ черту и старалась пограбить жителей селеній и пригородныхъ слободъ, а также тѣхъ горожанъ, которые въ это время были на полѣ. И конечно, сдѣлать это было не трудно, потому что все это были беззащитные люди, преданные мирнымъ занятіямъ. У нихъ-то татары отгоняли конскія и «животинныя стада», грабили всякое имущество, а самихъ частью забирали въ плѣнъ, а частью убивали. Матеріальный ущербъ, наносимый ими русскому украинному населенію, былъ очень великъ. Каждый годъ появлялись они то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, а иногда разомъ въ нѣсколькихъ и начинали свою разрушительную дѣятельность.

«Въ эту эпоху, по справедливому замѣчанію покойнаго Де-Пуле, вся юговосточная Украина была наводнена варварами: *сакмы* ихъ, дочерна битыя, прорѣзывали ея вдоль и поперекъ; татары и калмыки пользовались малѣйшею неосторожностью чуткаго въ то время къ опасности украинца и появлялись то въ ближайшихъ къ русскимъ колоніямъ степяхъ, то въ лѣсахъ и кустахъ, то показывались на курганахъ, озирая близъ лежащую мѣстность, то пользуясь ночьюю темнотою, прорывались за городскія укрѣпленія. Трусъ въ правильной европейской битвѣ, калмыкъ или татаринъ являлся дерзкимъ и отважнымъ въ разбойническомъ набѣгѣ: въ виду городскихъ укрѣпленій онъ отгонялъ *конскія* и *животинныя* стада, *кололъ* неосторожныхъ и невооруженныхъ жителей, отправляющихся по степямъ или по берегамъ рѣкъ для своихъ промысловъ въ ближайшія мѣста, бралъ цѣлыми толпами полонниковъ, грабилъ и оставлялъ *пустыми* избы и *деревни*.»³³⁴

Недовольствуясь награбленной добычей, они предавали огню все то, чего не могли захватить съ собою. 18 августа 1674 г. калмыки сожгли пустыя избенки въ деревнѣ Назаровой коротояцкаго уѣзда. Но особенно большой вредъ наносили татары и калмыки тѣмъ, что ежегодно забирали въ плѣнъ множество народа. Степная окраина и безъ того, какъ мы видѣли была слабо засе-

³³⁴ Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 366.

лена и постоянно нуждалась въ притокѣ новыхъ жителей; между тѣмъ ни одинъ татарскій набѣгъ не обходился безъ того, чтобы русскіе люди въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ не попадали въ плѣнъ къ татарамъ; явился даже особый терминъ— «выбрать деревню», т. е. захватить въ плѣнъ всѣхъ ея жителей; такъ, напримѣръ, къ 1674 году относится извѣстіе о томъ, что 200 чел. татаръ въ верхососенскомъ уѣздѣ выбрали 2 деревни.³²⁵ Мы видѣли уже, какая масса рабовъ ежегодно приводилась въ Крымъ изъ Польши и Московіи. Въ числѣ ихъ были и воины, и жены, и дѣвушки и мальчики. Первымъ нерѣдко удавалось уйти изъ плѣна и они потомъ передъ воеводами давали о себѣ показанія. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ 1645 г. было взято въ плѣнъ татарами вѣсколько дѣтей боярскихъ изъ с. Корочи подъ селомъ Стариковымъ; изъ нихъ двое—Гришка Жилинъ и Самошка Сапелинъ ушли изъ плѣна въ Святогорскій монастырь, откуда израненныхъ ихъ перевезли на телегахъ въ Корочу и здѣсь подвергли допросу; въ Москву въ полоняночный приказъ ихъ уже не отправляли, потому что они были очень больны: раны ихъ были разѣдены червями. На вопросы воеводы Самошка Сапелинъ разсказалъ слѣдующее. Одинъ отрядъ служилыхъ людей, въ которомъ былъ и онъ, Самошка, стоялъ подъ селомъ Стариковымъ въ ожиданіи татарскаго нападенія; а его Самойла съ другимъ корочанцемъ Петрушкою Кома-рицкимъ послали напередъ въ разѣздъ. Утромъ, 20 августа, когда они ѣхали впередъ отряда, укрываясь въ долину, на нихъ напали неизвѣстно какіе воинскіе люди, вступили съ ними въ битву, переранили ихъ саблями и взяли ихъ въ плѣнъ; вслѣдъ за тѣмъ тѣ же татары напали на отѣзжую сторожу и взяли въ плѣнъ двухъ сторожей—Гришку Жилина и Фельку Рогулина; но здѣсь противъ нихъ выступилъ весь отрядъ русскихъ служилыхъ людей, разбилъ ихъ и гнался за ними цѣлый день до рѣчки Казанки. Своихъ убитыхъ они везли весь день съ собою, а съ наступленіемъ ночи «метали по яругамъ». На третьи сутки они добрались до Донца, но здѣсь на Берецкомъ перелазѣ 22 августа на нихъ напали литовскіе черкасы—Грицько Торскій съ товарищами и отбили его Самошку и Гришку Жилина; двухъ жѣ другихъ товарищей ихъ татары увели съ собою въ плѣнъ. Торскій далъ имъ суде-

³²⁵ Де-Шале. Мат. для ист. Вор, губ., стр. 353.

У.

С М Ъ С Ъ.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ Е. В. БАРСОВА.

I.

МАТЕРІАЛЫ ОБЛАСТНЫЕ.

1. УСТЮГЪ ВЕЛИКІЙ.

Сказка земскаго судейки Сивкова о бунтѣ въ Устюгѣ Великомъ. 1648 г.

157 году поября въ 21 день. По Государеву цареву Великаго Князи Алексѣя Михайловича всеа Руссіи указу на Устюгѣ Великомъ въ Приказѣ сыскныхъ дѣлъ стольнику князю Ивану Григорьевичу Ромодановскому сказалъ, по Государеву цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи крестному цѣлованію, Устюженскіе волости земской судейка Ѳедка Семеновъ, сынъ Сивковъ. Въ прошломъ во 156 году іюля въ 9 день на Устюгѣ Великомъ на посадѣ, какими обычай, хто имяны Устюжане ли посадцкіе или уѣздные люди, для чево скопомъ и заговоромъ къ воеводѣ Михаилу Васильевичу Милославскому ко двору приходили ли и ворота выломали ли и на дворѣ сѣни и клѣти и чуланы людскіе всѣ разломали ли и животы ево разграбили ли и сколько какова ево живота взяли ли, и хто имяны къ рѣкѣ ево Михаила приводили ли и въ воду съ обрубу хотѣли ли кинуть, и подъячево Анисима Михаила у ево Михаила въ сѣнѣхъ хто убилъ до смерти и тѣло ево въ Сухону рѣку вкинули ли и подъячево Григорья Похабова у ево Михаила хто спрашивалъ ли и хотѣли ли ево убить до смерти, и ево Михаила и жену ево и тещу къ вѣрѣ привели ли, что у ево Григорья Похабова не было, чьи дворы посацкихъ людей разграбили ли и сколько какова ихъ живота взяли ли и на него Михаила и на подъячево Томила и на посадцкихъ лутчихъ

людей хто хвалился побить до смерти и на ково именемъ, и хто въ томъ воровствѣ заводитчики, и хто земскаго судейку Ѳедку Волково, въ воду волочили и за што ево волочили, и хто сполохъ въ колокола звонили и про то и про все я Ѳедка ничего не вѣдаю. На Устюгѣ Великомъ іюля въ 9 день не былъ, а былъ я, Ѳедка, на Устюгѣ въ волости, а вѣдомо про то сусѣдямъ Сергѣю Семенову. Къ сей сказкѣ Устюжеской волости Дмитріевской попъ Василей вмѣсто земскаго судьи Ѳетки Семенова Сивкова руку приложилъ.

2. КАЙ-ГОРОДОКЪ

Донесеніе воеводы Волкова о бунтѣ въ Кай-Городкѣ. 1673 г.

1. Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой Ганка Волковъ. Въ прошломъ, Государь, во 181 году былъ я, холопъ твой, на твоей Государевой службѣ въ Кай-Городкѣ, и по твоему Государеву указу збиралъ, а на ослушникахъ правилъ твои Государевы денежные доходы данные и оброшныя и всякіе твои Государевы доходы и за стрѣлецкой хлѣбъ денги; в Кайгородцы, Государь, Аничка Ташкиховъ, Митка Беркутовъ, Алешка Ершовъ съ сыномъ съ Васкою, Ѳедка пушкаръ съ товарищи, прибравъ себѣ многихъ воровъ, въ твоихъ Государевыхъ денежныхъ доходѣхъ мнѣ отказалъ и къ тебѣ Великому Государю не послалъ и на меня холопа твоего приходили въ городъ бунтомъ, многолюдствомъ, скопомъ и заговоромъ и хотѣли убить и твоихъ Государевыхъ денежныхъ доходовъ не дали и отъ воеводства мнѣ отказали, ни въ чемъ не слушали, приставовъ и цѣловальниковъ съ города свели и я, холопъ твой, о томъ ихъ воровскомъ бунтѣ писалъ къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ, и по твоему Государеву милостивому указу, посыланъ въ Кай-Городокъ голова Московскихъ стрѣльцевъ Леонтій Ермоловъ, а съ нимъ сто человекъ стрѣльцовъ и про тотъ воровской приходъ сыскалъ, многихъ воровъ пыталъ и былъ кнутемъ и вѣшалъ; а которые, Государь, довелись сыски и тѣхъ посадилъ въ тюрьму до твоего Государева указа, и твои Государевы доходы на нихъ доправилъ; а пущей, Государь, тому бунту заводчикъ, который приходилъ съ тѣми ворами, вмѣсто атамана, Аничка Ташкиновъ да Митка Беркутовъ—и тѣ у сыщика ушли; а онъ Аничка по сыску Леонтія Ермолова приговоренъ *повѣсить* и память въ Кай-Городкѣ въ при-

казную избу объ немъ Аникѣ и Миткѣ Беркутовѣ прислана, какъ ево понимаютъ и онъ довелся повѣсити. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 182 году, какъ пріѣхалъ въ Кай-Городокъ новой воевода Тихонъ Бестужевъ и тѣ воры Аничка и Митка въ Кай-Городкѣ пойманы и посажены въ тюрьму, а къ тебѣ Великому Государю про нихъ воровъ для своей корысти воевода не писалъ. Милосердый Государь, царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, ему вору Аничкѣ и Миткѣ и тѣмъ которые посажены въ тюрьму, по сыску и по приговору у сыщика Леонтія Ермолова, свой Государевъ указъ учинить, чтобъ инымъ ворахъ впредь не повадно было воровать и бунты заводить и атаманить, и твои бы Великаго Государя денежные всякіе доходы и за стрѣлцкой хлѣбъ денги збирались вполнѣ безъ недобору. Царь Государь, силлуйся!

Помѣта: послать Великаго Государя грамота, велѣть ему указъ учинить противъ прежняго его Великаго Государя указу.

3. Л А Д О Г А.

Челобитная Ладожанъ о томъ, чтобы Ладожскую крѣпость устраивать и починивать не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ. 1649 г.

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи. Бьютъ челомъ холопи твои Новгородскаго присуду Ладожскаго уѣзду помѣщики, дворяне и дѣти боярскіе и твои Государя Ладожскіе посадскіе людиска и дворцовые и монастырскіе и помѣщицкіе крестьянишка. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 157 г. по твоему Государеву указу прислана съ Москвы твоя Государева грамота въ городъ въ Ладугу къ воеводѣ Надежѣ Кулибакину, а велѣно, Государь, въ Ладогѣ городъ дѣлать деревянной и въ каменномъ городѣ башни мостить и крыть и плохіе мѣста починивать и въ башняхъ подшвы и бои вычистить Ладожскимъ уѣздомъ; а прежь сего, Государь, изстари дѣлали тотъ городъ Ладугу всѣмъ Новгородскимъ присудомъ и иными многими городами, а подѣлывали, Государь, въ Ладогѣ каменной городъ и деревянной не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ, иными уѣзды и погосты, и воеводы, Государь, Ладожскіе о томъ писали къ тебѣ Государю и смѣтные городовые росписи посылали въ Новгородцкую четверть. И въ прошломъ, Государь, во 154 году прислана съ Москвы твоя Государева грамота въ Ладугу къ воеводѣ Василью Оничкову, а ве-

лѣно въ каменомъ городѣ починить пужныхъ мѣстъ, и онъ, Василей, велѣлъ Ладожскимъ уѣздомъ по каменному городу зарубить деревянную стѣну, и мы, Государь, по каменному городу поставили деревянную стѣну и отъ того, Государь, городского дѣла наши крестьянишка холопей твоихъ и твои Государевы Ладожскіе посадцкіе людишка и дворцовые и монастырскіе крестьянишка многіе отъ того збредли за рубежъ и досталныя бредутъ розно: уѣздъ, Государь, малой и разореной, по писцовымъ книгамъ и двадцати четвертей нѣтъ; а тамъ, Государь, въ Великомъ Новѣгородѣ городовое дѣло дѣлаемъ и всякіе подати платимъ въ стѣ съ пятнами и на нѣмецкомъ рубежѣ на Лавцѣ рѣки крестьянишка наши холопей твоихъ и твои Государевы посадцкіе людишка и дворцовые и монастырскіе крестьянишка безирестани стоятъ съ подводами подъ послы и подъ посланники и подъ гонцы и для всякихъ твоихъ Государевыхъ дѣлъ, и мосты, Государь, мостимъ отъ нѣмецкаго рубежа и до Ладоге по дорогѣ а по твоему Государеву указу въ Великомъ Новѣгородѣ велѣно городъ дѣлать твоей Государевой казной. Милосердый Государь, царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ холопей своихъ, насъ—сиротъ своихъ; не вели, Государь, однимъ Ладожскимъ уѣздишкомъ города въ Ладогѣ дѣлать, чтобы намъ холопемъ твоимъ и всему Ладожскому уѣздишку, твоимъ Государевымъ посадцкимъ людишкамъ, и дворцовымъ и монастырскимъ и нашимъ холопей твоихъ крестьянишкамъ отъ того великаго городского дѣла въ конецъ не погинуть и на рубежи живучи и досталнымъ бы врознь уѣзднымъ людишкамъ не разбрестися, для того, что уѣздишко малое и пустое, дѣлать такова великаго городского дѣла не кимъ. Царь Государь смилуйся.

К сей челобитной Николскаго Медвидецкаго монастыря игуменъ Кипріянь вмѣсто того монастыря крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

К сей челобитной Ладожской посадцкой староста Артюшка Нѣшковъ и во всѣхъ посадцкихъ людей мисто по ѣхъ велинью руку приложилъ.

К сей челобитной Успенской поль Аристариче государевыхъ дворцовыхъ крестьянъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

К сей челобитной Иванскаго монастыря дяконъ Ефремище вмѣсто того жъ монастыря крестьянъ по ихъ повелѣнью и руку приложилъ.

К сей челобитной Гегорьевской черной поль Пафаназище

вмѣсто дворянскихъ и дѣтей боярскихъ крестьянъ. по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

К сей челобитной вмѣсто Николскихъ крестьянъ с посаду с Ладого атаманъ казачей Стаднековъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

4. О Л О Н Е Ц Ъ.

1. Отписка воеводы Чеглокова объ Олонецкомъ городоу дѣлѣ. 1651 г.

Государю царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи. Холопъ твой Васка Чглоковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 159 году мая въ 17 день въ твоей Государевъ царевъ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамотѣ за приписью твоего Государева дьяка Алмаза Иванова писано ко мнѣ холопу твоему на Олонецъ, что около города Олонца сдѣланъ обрубъ деревяной в тарасы и землю и хрещемъ насынанъ для того, чтобы городовыхъ стѣнъ и башенъ водою не подмыло и города не испортило, да в городѣ устроена колоколя, мосты, мыльня, гостной дворъ, а сдѣлано то все твоими Государевы крестьяны и саудаты и монастырскими вотчинами и помѣщики и вѣдомо тебѣ Государю учинилось, что отъ городского дѣла уборныхъ денегъ, которые собраны съ сотныхъ людей осталось пятьсотъ семнадцать рублевъ, и по той твоей Государевъ грамотѣ велѣно мнѣ, холопу твоему, о томъ к тебѣ Государю к Москвѣ тотчасъ отписать, сколько въ городоу дѣло съ сотныхъ людей собрано было денегъ и сколько тѣхъ денегъ на городоу на всякое строенье вышло и сколько за городоу строеніемъ в остаткѣ, а отписку велѣно мнѣ, холопу твоему, подать въ Новгородской четверти твоимъ государевымъ дьякомъ думному Михаилу Волошенинову да Алмазу Иванову, да Ондрею Немирову, и въ послѣднее, Государь, городоу Олонецкое дѣло, что при мнѣ, холопѣ твоёмъ, на гостинъ дворъ и на обрусь и на мосты, на колоколю, на мыльню собрано с Олонцакого уѣзду з заонежскихъ и с лопскихъ погостовъ с сотныхъ твоихъ государевыхъ крестьянъ и монастырскихъ вотчинъ и дѣтей боярскихъ с помѣстей денегъ четыреста семьдесятъ пять рублевъ, и на тѣ, Государь, денги куплено лѣсу на то городоу дѣло тринадцать бревенъ и за тѣ, Государь, бревна и за земляную возку, что Олонцакого погоста крестьянъ в тарасы землю возили, дано имъ за работу дещегъ четыреста тридцать три рубли шесть алтынъ съ денгою;

да к тому жъ, Государь, городовому Олонецкому дѣлу взято со всего Олонецкаго уѣзду и з заонежскихъ и с лопскихъ погостовъ и с монастырскихъ вотчинъ и дѣтей боярскихъ с помѣстей сто пятьдесятъ три человекъ плотниковъ, а работали они, Государь, у того городского дѣла и у гостина двора по три мѣсяца безъ недѣли; а найму, Государь, тѣмъ плотникомъ збирали старосты и волостные люди на мѣсяць по сорока алтынъ человекъ, и того, Государь, тѣмъ плотникамъ найму вышло со всего Олонецкаго уѣзду четыреста семьдесятъ четыре рубли тринадцать алтынъ; и все того, Государь, городское Олонецкое дѣло и гостинной дворъ и плотничьимъ наймомъ стало въ девять сотъ въ сорокъ девять рублевъ, въ тринадцать алтынъ; и о томъ я, холопъ твой, писалъ и роспись тому городовому строенію подъ отпискою послалъ к тебѣ, Государю, к Москвѣ прежь того, а в остаткѣ, Государь, отъ того послѣдняго городского дѣла, что при мнѣ, холопѣ твоемъ, тѣхъ зборныхъ мирскихъ денегъ, что собрано с Олонецкаго уѣзду толко сорокъ одинъ рубль двадцать семь алтынъ з денгою; и на тѣ, Государь, денги велѣно мѣсу купить на мосты, потому что, Государь, отъ городовыхъ воротъ по рѣкамъ по Олонцѣ и по Мегреги мостовъ никакихъ нѣтъ; а во что, Государь, прежнее городское Олонецкое дѣло при твоемъ государевомъ окольниковѣ при князѣ Федорѣ Федоровичѣ Волконскомъ и при Степанѣ Елагинѣ стало и по чему съ выти в то городское дѣло с сотныхъ твоихъ государевыхъ крестьянъ и монастырскихъ вотчинъ и дѣтей боярскихъ помѣстей собрано и того мнѣ, холопу твоему, не вѣдомо, потому что, Государь, окольниковѣ князѣ Федорѣ Федоровичѣ книгъ никакихъ тому городовому дѣлу не оставилъ и смѣтти, Государь, того городского дѣла не почему. А что, Государь, отъ того первого городского дѣла осталось тѣхъ зборныхъ мирскихъ денегъ пятьсотъ семнадцать рублевъ, и тѣ, Государь, денги остались не отъ послѣдняго моего, холопа твоего, дѣла и в росписномъ и в смѣтномъ спискахъ прошлаго 157 году, каковы списки посланы к тебѣ Государю к Москвѣ, написаны тѣ денги во взятъе.

**2. Челобитная соборнаго Олонецкаго причта о прибавиѣ руги и другаго нова.
1651 года.**

Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи. Ыють челомъ твои государевы нищии богомольцы нового города Олонцы, соборной церкви Троицы Живоначальной и

Святого Праведнаго Алексѣя Человѣка Божія и святого Велико-мученика Димитрія поць Якимище Остафьевъ с причетники. Взяты мы, Государь, къ твоему Государеву богомолью к Троицы Живоначальной и служимъ обѣдни недневныя, а другово попа нѣтъ, и скитаемся межъ дворы, у твоего Государева богомолья служащи; а что руги намъ дано твоимъ государевымъ богомолцемъ и тѣмъ намъ не прокормитца, хлѣбъ купимъ дорого, а пашни пахать не гдѣ, мѣсто пришло крайнее, пашней скудно, а дворовъ ставить не чимъ, лѣсъ дорогъ и добывать далече. Вели, Государь, быть у твоего государева богомолья и другому попу быть. Одинъ служилъ годъ и болши вседневе, а по недѣлямъ и по праздникамъ Владычинимъ обѣдни. Дохода, Государь, у тое церкви никакова нѣтъ и старые охарби (?) издержали, по дворьямъ волочатись и, по дворамъ окупаючись, въ конецъ разорились. Милосердый Государь, царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи! Пожалуй насъ своихъ богомолцевъ; вели, Государь, намъ руги прибавить, чимъ намъ у твоего государева богомолья сытымъ быть и вели, Государь, у своего царскаго богомолья и другому попу быть и дворишка построить, въ чемъ жить, кабы намъ и досталъ, по подворьямъ скитаючись и подворья окупаючи отъ твоего государева богомолья не отбыть, и врознь не разбрестись. Царь Государы! Смилуйся, пожалуй.

К сей челобитной Троицкой поць Якимище Остафьевъ руку приложилъ.

К сей челобитной Троицкой дьяконъ Григорьище Осиповъ руку приложилъ.

К сей челобитной Троицкой пономаришко Тараско Офонасьевъ руку приложилъ.

3. Отписка воеводы Чоглокова о царской ругѣ соборному Олонецкому причту. 1651 года.

Государю царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіи. Холопи твои Васка Чоглоковъ, Степашко Елагинъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ, Государь, во 157 году прислана на Олонецъ твоя Государева царева и Великаго Князя Алексѣя Михайловичу всеа Русіи грамота к околничему ко князю Федору Федоровичу Волконскому да ко мнѣ, холопу твоему, Степашку, и по той твоей Государевой грамотѣ видно въ городѣ на Олонцѣ у соборной церкви, которая въ городѣ устроена сперва быть попу,

а твоего Государева жалованья руги велѣно давать из олонецкихъ таможенныхъ пошлинъ, сослався въ Великій Новгородъ и в Ладогу, и примѣрясь к тому, почему даютъ въ Заонежскихъ погостахъ ружныхъ церквей попомъ и дьячкомъ; и по твоему Государеву цареву и Великому Князю Алексѣю Михайловича всеа Русіи указу писали мы холопи твои, в Великій Новгородъ к боярину и воеводѣ ко князю Юрью Петровичу Буйносову-Ростовскому да дьяку к Василью Софонову, по чему в Великомъ Новѣгородѣ твоего Государева жалованья ружнымъ соборнымъ попомъ и дьякономъ и соборнымъ причетникомъ даетца на годъ денежного и хлѣбнаго жалованья, опричь Софійскаго большого собору, а в Заонежскихъ, Государь, погостѣхъ ружныхъ церквей поповъ нѣтъ. И въ прошломъ, Государь, во 158 году, августа въ 20 день изъ Великаго Нова города бояринъ и воевода князь Юрей Петровичъ Буйносовъ-Ростовской, да дьякъ Исакъ Кудринъ писали, Государь, к намъ, холопомъ твоимъ, что в Великомъ Новѣгородѣ к соборному храму к Знаменью Пречистыя Богородицы к чудотворному образу по окладу годового на неугасимую свѣщу в лампаду и на налѣпы за воскъ, пудъ воску шестнадцать рублевъ, за пудъ по два рубли, да на вино церковное рубль; да тое же, Государь, церкви попу руги по окладу три рубли восемь алтынъ, двѣ денги, панихидныхъ и кормовыхъ денегъ рубль, одинъ алтынъ, пять денегъ, и обоего попу—четыре рубли, десять алтынъ з денгою на годъ; да тое жъ, Государь, церкви попу хлѣбнаго жалованья по окладу овса на годъ тридцать одна четверть с третникомъ, ржи и за пшеницу девять четвертей с третникомъ, ячмени двадцать восемь четвертей; да тое жъ, Государь, церкви дьякону руги по окладу рубль, четыре алтына, да панихидныхъ и кормовыхъ денегъ рубль, восемь алтынъ, и обоего дьякону два рубля, двѣнадцать алтынъ; хлѣбнаго жалованья дьякону по окладу овса двадцать одна четверть с третникомъ, ржи за пшеницу шесть четвертей безъ третника, ячмени девятнадцать четвертей безъ третника; тое жъ, Государь, церкви дьячку руги по окладу рубль, два алтына, четыре денги, панихидныхъ и кормовыхъ денегъ семнадцать алтынъ; двѣ денги, и обоего рубль двадцать алтынъ; а хлѣбнаго жалованья дьячку овса осмнадцать четвертей съ осминою и с четверикомъ и полполчетверика, ржи и за пшеницу пять четвертей с третникомъ, ячмени шестнадцать четвертей; тое жъ, Государь, церкви пономарю руги по окладу двадцать три алтына, двѣ денги, панихидныхъ и кормовыхъ денегъ тринадцать алтынъ з денгою и

обоего пономарю рубль, три алтына з денгою; хлѣбнаго жалованья пономарю овса восемь четвертей без третника ржи и за пшеницу двѣ четверти с третникомъ, ячмени семь четвертей съ третникомъ; тое же, Государь, церкви проскурницы ржи по окладу рубль; хлѣбнаго жалованья овса семь четвертей безъ третника, ржи и за пшеницу двѣ четверти безъ третника, ячмени семь четвертей безъ третника. А по твоей Государевѣ царевѣ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русии грамотѣ, за приписью дьяка Ивана Ѳедорова 156 году, какова твоя Государева грамота прислана в Великій Новгородъ, велѣно тое соборной церкви Знаменія Пречистыя Богородицы протопопомъ и попомъ с соборяны твое государево денежное и хлѣбное жалованье рожъ и овесъ давать противъ окладу в полы, а на церковной, Государь, обиходъ велѣно давать противъ иныхъ церквей сполна и впередъ давать по тому же; и в городѣ на Олонцѣ въ соборной, Государь, церкви устроены и попъ и дьяконъ и дьячокъ и пономарь и просфирня, а твоего государева жалованья учинены имъ окладъ противъ Новгородскаго денежнаго и хлѣбнаго окладу в попы денежнымъ жалованьемъ, а не хлѣбнымъ, потому что, Государь, на Олонцѣ твоего государева хлѣба никакова нѣтъ; попу окладъ учинено в полы противъ Новгородскіе руги пятнадцать рублевъ, тринадцать алтынъ; дьякону девять рублевъ, тридцать два алтына, дьячку семь рублевъ, пятнадцать алтынъ, три денги, проскурни три рубли, двѣнадцать алтынъ, двѣ денги; да к той же соборной церкви на ошмянъ и на ладанъ рубль, воску на свѣчи за пудъ пять рублевъ, вина церковнаго на два рубли, пшеницы на просфиры на два руб., и всего, Государь, тѣмъ церковнымъ причетникомъ—пяти чловѣкомъ учинено окладъ твоего государева денежнаго жалованья и хлѣбъ и на ошмянъ и на свѣчи и на вино и на просферы пятьдесятъ рублевъ, семь алтынъ з денгою. И на прошлой, Государь, на 158 годъ при околничемъ при князѣ Ѳеодорѣ Ѳеодоровичѣ Волконскомъ да при мнѣ, холопѣ твоемъ, Степашкѣ дано было тѣмъ церковнымъ причетникомъ попу Якиму с товарищи восемнадцать рублевъ, и к тому, Государь, въ додачку дано имъ же на прошлой на 158 годъ при мнѣ, холопѣ твоемъ, Васкѣ и при мнѣ, холопѣ твоемъ, Степашкѣ двадцать два рубли, семь алтынъ з денгою; на нынѣшней, Государь, на 159 годъ сентября съ 25 ч. до марта по 25 число нынѣшняго 159 году дано тѣмъ же церковнымъ причетникомъ попу Якиму съ товарищи противъ окладу в полы на полгода двадцать рублевъ, три алтына, полчетверты

деньги; да соборной же церкви попу Якимъ Остафьевъ билъ челомъ тебѣ, Государю, а намъ, холопомъ твоимъ, подалъ сказку, что ему у той церкви одному попу служить по вся дни не возможно, чтобы ты, Государь, ево попа пожаловалъ, велѣлъ у той церкви у Троицы Живоначальной быть другому попу и о томъ, Государь, о всемъ намъ, холопомъ твоимъ, что Государевъ указъ.

5. В О Л О Г Д А.

Отписка Вологодскаго воеводы Милославскаго о подмывѣ города (крѣпости) 1652 г.

Государю царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи. Холопи твои Ларка Милославской, Дружинка Агарковъ челомъ бьютъ. Прещь, Государь, сего блаженныя памяти при Великомъ Государѣ царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи городъ Вологда обложенъ каменной и подлѣ городовыя стѣны, рѣка Золотуха, строено противъ городской стѣны, и проѣзжихъ каменныхъ воротъ и башенъ, а той рѣки Золотухи берегъ крѣпленъ былъ противъ городской стѣны и воротъ и башенъ издали обрубами и сваями дубовыми; и прещь сего и нынѣ тѣ обрубы и сваи огнили и развалилися; и въ прошломъ, Государь, во 159 году и въ нынѣшнемъ во 160 отъ вешныя и отъ дождевыя болніе воды на рѣкѣ на Золотухѣ во многихъ мѣстѣхъ берегъ обрушился и нынѣ рѣка Золотуха течетъ подлѣ проѣзжихъ каменныхъ воротъ и башенъ близко; а противъ, Государь, которыхъ мѣстъ рѣки Золотухи берегъ обрушился отъ Благовѣщенской башни съ угла до проѣзжихъ Пятницкихъ воротъ долина восьмидесять четыре сажени, отъ Пятницкихъ проѣзжихъ воротъ до Никольскихъ проѣзжихъ воротъ восемьдесятъ шесть сажень, а поперегъ, Государь, отъ Благовѣщенской башни до рѣки Золотухи поперегъ только съ сажень; а отъ Пятницкихъ проѣзжихъ воротъ до рѣки Золотухи только сажени съ двѣ; а отъ Никольскихъ проѣзжихъ воротъ до рѣки Золотухи сажень съ пять, и впредь, Государь, только той рѣки Золотухи берегу крѣпленыхъ мѣстъ противъ прежнее не окрѣпить и тѣмъ, Государь, воротамъ и башнѣмъ впредь чаютъ болшіе порухи и о томъ, Государь, намъ, холопомъ твоимъ, что укажешь.

Помѣта: отписать, а велѣть на той рѣкѣ обрушенныя мѣста покрѣпить тѣми жъ людьми, что прещь сего дѣлано, чтобы впредь болши того порухи не было.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Сказаніе XVII в. о кладахъ въ Московской и Смоленской губерніяхъ.

Описаніе кладовъ гдѣ лежать въ какихъ мѣстахъ въ разныхъ. Бысть мнѣ король великопольскій въ Россіи, въ Московской столицѣ, въ гради царствующемъ Москвѣ живяще, а въ ней зло межъ князи и боярами все бысть. Завладѣвши Россію восточною нынѣ мнѣ есть стать во свою столицу. Приде вѣнезапу посоль изъ цари земли грозенъ и ужасенъ съ дарами честно; я дары принялъ есть у него, и поклоненіе онъ чесно сотворилъ мнѣ и хартію подалъ, она за печатью златою: а на Куньемъ бору рѣка течеть на зимній восходъ, а у той рѣчки Маршавки надъ лошадами здѣлася у нихъ падежь, не на чемъ казну свою вестъ; да было у меня плѣнниковъ русскихъ мастеровыхъ и я имъ повелѣлъ русскимъ людемъ на Куньемъ бору здѣлать на суходоліи каменную Заставлю, глиною повелѣлъ смазати, а в ней поставилъ дску аспедную, на ней написано: покладяно седлы отъ Москвы; по сторонѣ повелѣлъ скапати яму и здѣлать глубоку, а въ ямы поставилъ обрубъ дубовой, а въ той платинѣ ямѣ поставилъ шесть котловъ винныхъ серебра и накрылъ ихъ пластами и повелѣлъ ихъ угольемъ засыпать, а сверхъ землей и камнямъ мелкимъ тѣмъ же мастеровымъ людемъ: отъ каменной платинѣ з другога и повелѣлъ король чѣмъ распечатавать, а въ ней слова: Пишетъ Михайла Васильевичъ ко мнѣ, грозить мнѣ, бемъ (?) выгонимъ Творцемъ Создателемъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ; тако мнѣ писать: ино мнѣ итти честно; «аще ты король польской изъ моей сталицы не идешь честно, выйдешь не честно». Князь Михайлъ Скопинъ..... отъправилъ изъ Москвы съ таборомъ ряднымъ 973 воза да пошелъ на Кажевскую да на Можайскъ и на Смоленскъ отъ всякаго воза велѣлъ козлы убавлять да в Коленцѣ поставить не большой котель да насыпалъ его денгами серебромъ и накрылъ его листомъ желѣзнымъ, да повелѣлъ тутъ подъ концемъ капать яму широку Еганеилу богу—в ростъ чловѣку среднему стоять; въ еutihъ ямахъ постановлены съварницы Коравской котлы большіе, а въ нихъ насыпалъ разныхъ денегъ серебра и золотыхъ и битыхъ и накрылъ сверху землю, накрылъ камнемъ крупнымъ, а на каменикѣ на пробздѣ курганцы, а въ оныхъ сѣдлы и подъ сѣдлами поставилъ котель насыпанъ се-

ребра; да кромѣ жь тѣхъ трехъ кургановъ отгмѣрилъ отъ всякаго кургана—отъ перваго кургана три аршина и поставилъ два котла, насыпалъ серебромъ и накрылъ ихъ листомъ желѣзнымъ; отъ другаго кургана три аршина, а тутъ постановлено три котла, насыпаны битыя талера золотые и накрыты тремя листами желѣзными; отъ третьяго кургана отгмѣрилъ 5 кургановъ, а въ оныхъ поставлено 4 котла битыхъ талеровъ и прочихъ денегъ; а далѣе более кургановъ; въ первомъ курганѣ поставленъ котелъ бражной большой, клалъ посуды серебряной и мѣдной крылъ листомъ желѣзнымъ, да въ другомъ курганѣ котловъ шесть, насыпалъ серебра, накрылъ плитами, велѣлъ угольемъ засыпать и камнемъ закласть, При переѣздѣ изъ Можайска на Смоленскъ чрезъ ту рѣчку Маршавку у рѣчки берега круты; течеть на западъ въ сторону, стоитъ тамъ курганъ, въ томъ курганѣ поставилъ посуды зеркальныя; съ каменной платинки глядитъ грива вострая, гдѣ на курганѣ—косая сажень тамъ поставилъ котелъ золотыхъ червонцовъ; въ концу поставилъ бочку, насыпалъ золотыми червонцами и валъ поставилъ отъ Николы Лапотнова, на трехъ верстахъ, у рѣчки Саросѣки, Араповки и Стержанки, а тѣ рѣчки сошлись въ одно мѣсто у Николы Лапотнаго; подошли тутъ пустошь Мопрось и лугъ; на какомъ лугу поставленъ колоколь, насыпанъ серебромъ мелкимъ полонъ; накрытъ войлокомъ и навалена куча костей. Въ Роси ищи городище—ракитовой кустъ, положенъ подъ тѣмъ кустомъ винной котелъ, а ись того городища прокопаны борозды, на коньцѣ бороздъ закопанъ котелъ, да на городищѣ курганъ—бѣлая посуда гдѣ липнякъ, противъ воротъ яма, а на верху дубище, березы насадилъ, в полугорку лежитъ камень, пониже колодезь, на камнѣ свинья, возлѣ свиньи зеленъ поросенокъ сиску сосеть, дониза деньги смотритъ, а на тѣ деньги указываетъ; да у рѣчки Стержанки на томъ городищѣ курганы, и ты отгмѣрей отъ кургановъ на восходѣ по три аршина, а въ тѣхъ мѣстахъ пудные котлы. По убіеніи царя Дмитрія Іоановича, пришедъ въ Росію съ нами же великой король, и грабили мы въ Москвѣ казну множество, изъ Москвы повезли на три рѣчки, тамъ и на смоленскую дорогу, а всѣ селы разорили и захватили и убравшись съ великими обозами, съ казной великой бѣжали отъ Москвы з деньгами и прочимъ; отъ Можайска увидали себя горѣ деревяную церковь, званіемъ Никола Лапотнова, и варницу увидали на вольномъ мѣстѣ, всѣхъ жителей безъ отпуску порубили и варницу пожгли и дворы и котлы все побрали: кубы мѣдныя съ варницы побрали для кашиваренья да

на Супастиной пудекѣ у тово жѣ Николы Лапотнова лежитъ камень великъ, на немъ выбита медвежья лапа да лежать еще камень, на одномъ выбить печугъ и надъ нимъ коневья плеть, а на другомъ жеребячій сѣѣцъ (?) и прочіи признаки выбиты, да тутъ же есть много кургановъ, а при тѣхъ курганахъ поставленъ кашеварной котелъ съ варницы, котелъ бражный съ деньгами; да въ томъ же урочищи выведена земная осыпь, гдѣ у насъ потѣха была, да на лугу отъ погоста положенъ колоколъ въ землю ушами, насыпанъ казной полонъ, а казны вышло 9 возовъ, накрытъ щитами; да есть къ межѣ въ кругу много его поклажевѣ. Въ лѣто 1609 году. Вся похищено.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1886 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стран.

Биографическія очерки сенаторовъ по матеріаламъ собраннымъ П. И. Барановымъ. П. Н. Семенова..... 1—229

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

О Тивиріадскомъ морѣ, по списку XVI в. Е. В. Барсова. 1— 8

Радищевъ и Пушкинъ. В. Е. Якушкина..... 1— 58

III. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Лѣтопись Византійца Феофана. Въ переводѣ съ Греческаго В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго..... 217—240

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Изслѣдованіе Д. И. Багалъя. 1—264

V. СМѢСЬ.

Изъ рукописей Е. В. Барсова.

1. Матеріалы областныя. 1. Устюгъ Великій. Сказка земскаго судейки Сявкова о бунтѣ въ Устюгъ Великомъ 1648 г. 1— 2
2. Кай-Городокъ. Донесеніе воеводы Волкова о бунтѣ въ Кай-Городкѣ 1673 г..... 2— 3

II

3. Ладога. Челобитная Ладожанъ о томъ, чтобы Ладожскую крѣпость устраивать и починивать не однимъ Ладожскимъ уѣздомъ. 1649 г.	3— 5
4. Олоонецъ. Отписка воеводы Чоглокова объ Олонецкомъ городскомъ дѣлѣ 1651 г.	5— 6
Челобитная соборнаго Олонецкаго причта о прибавкѣ руги и другаго попа 1651 г.	6— 7
Отписка воеводы Чоглокова о царской ругѣ соборному Олонецкому причту 1651 г.	7— 10
5. Вологда. 1. Отписка Вологодскаго воеводы Милославскаго о подмывѣ города (крѣпости) 1652 г.	10— 11
II. Матеріалы историко-этнографическіе. Сказаніе XVII в. о кладахъ въ Московской и Смоленской губерніяхъ.	11— 13

Книга ольшой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книгъ
Г. Спаскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Рускомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Θεодоровича и послѣ
е.о до Іетра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. пе-
рес. за 2 ф.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россій-
скихъ сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Прав-
ды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г.
ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исследования, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Пого-
дина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк.
М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана,
съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. П. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я.
М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха
Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ
М. 1879. ц. 3 р.

Посланіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в.
Грузь Андрея Попова. М. 1880. ц. 2 р.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 по 2 рубля каждая книга. Годы 1861—1880, по 4
книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ
не продаются За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

В Р Е М Е Н Н И К Ъ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
съ 1849 по 1858 годъ,

25 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к..
съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника»
за 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЯНЪ.

при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ трехмѣсячно, какъ повременное изданіе, *четыре* раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписка годовая—*семь* рублей серебромъ въ Москвѣ, *за* пересылкой въ другія мѣста—*восемь* руб. *пятьдесятъ коп.* съ требованіями обращаться въ самое Общество, на *Моховой*, въ зданіи Университета.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ,

въ зданіи Императорск. Историческ. Музея, прот. Иверской часовни

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ.

Малая Бронная, д. Ермолаева, кв. № 4.

ВИБЛИОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филмоновъ.

въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домъ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Федоровичъ Карновъ.

на Большой Ордынкъ, въ собственномъ домъ.

АРХИВАРИУСЪ.

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ.

КОМИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА

Николай Ивановичъ Мамонтовъ.

Книжные магазины: 1. *въ Москвѣ*, на Кузнецкомъ мосту д. Фирсанова. 2. *въ Петербургѣ*, Невскій проспектъ, № 46. *и* писка на «Чтенія» и на всѣ прежнія изданія Общества *прини*маются *исключительно* въ означенныхъ магазинахъ г. комиссіоне